

Федор Михайлович Достоевский. Преступление и наказание, Часть первая

CRIME AND PUNISHMENT	Федор Михайлович Достоевский. Преступление и наказание Роман в шести частях с эпилогом
PART I	* ЧАСТЬ ПЕРВАЯ *
CHAPTER I	I
On an exceptionally hot evening early in July a young man came out of the garret in which he lodged in S. Place and walked slowly, as though in hesitation, towards K. bridge.	В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в С-м переулке, на улицу и медленно, как бы в нерешимости, отправился к К-ну мосту.
He had successfully avoided meeting his landlady on the staircase.	Он благополучно избегнул встречи с своею хозяйкой на лестнице.
His garret was under the roof of a high, five-storied house and was more like a cupboard than a room.	Каморка его приходилась под самую кровлей высокого пятиэтажного дома и походила более на шкаф, чем на квартиру.
The landlady who provided him with garret, dinners, and attendance, lived on the floor below, and every time he went out he was obliged to pass her kitchen, the door of which invariably stood open.	Квартирная же хозяйка его, у которой он нанимал эту каморку с обедом и прислугой, помещалась одною лестницей ниже, в отдельной квартире, и каждый раз, при выходе на улицу, ему непременно надо было проходить мимо хозяйкиной кухни, почти всегда настежь отворенной на лестницу.
And each time he passed, the young man had a sick, frightened feeling, which made him scowl and feel ashamed.	И каждый раз молодой человек, проходя мимо, чувствовал какое-то болезненное и трусливое ощущение, которого стыдился и от которого морщился.
He was hopelessly in debt to his landlady, and was afraid of meeting her.	Он был должен кругом хозяйке и боялся с нею встретиться.
This was not because he was cowardly and abject, quite the contrary; but for some time past he had been in an overstrained irritable condition, verging on hypochondria.	Не то чтоб он был так труслив и забит, совсем даже напротив; но с некоторого времени он был в раздражительном и напряженном состоянии похожем на ипохондрию.
He had become so completely absorbed in himself, and isolated from his fellows that he dreaded	Он до того углубился в себя и уединился от всех, что боялся даже всякой встречи, не только встречи

meeting, not only his landlady, but anyone at all.	с хозяйкой.
He was crushed by poverty, but the anxieties of his position had of late ceased to weigh upon him.	Он был задавлен бедностью; но даже стесненное положение перестало в последнее время тяготить его.
He had given up attending to matters of practical importance; he had lost all desire to do so.	Насущными делами своими он совсем перестал и не хотел заниматься.
Nothing that any landlady could do had a real terror for him.	Никакой хозяйки, в сущности, он не боялся, что бы та ни замышляла против него.

But to be stopped on the stairs, to be forced to listen to her trivial, irrelevant gossip, to pestering demands for payment, threats and complaints, and to rack his brains for excuses, to prevaricate, to lie--no, rather than that, he would creep down the stairs like a cat and slip out unseen.	Но останавливаться на лестнице, слушать всякий взор про всю эту обыденную дребедень, до которой ему нет никакого дела, все эти пристаивания о платеже, угрозы, жалобы, и при этом самому изворачиваться, извиняться, лгать, - нет уж, лучше проскользнуть как-нибудь кошкой по лестнице и улизнуть, чтобы никто не видал.
This evening, however, on coming out into the street, he became acutely aware of his fears.	Впрочем, на этот раз страх встречи с своею кредиторшей даже его самого поразил по выходе на улицу.
"I want to attempt a thing _like that_ and am frightened by these trifles," he thought, with an odd smile.	"На какое дело хочу покуситься и в то же время каких пустяков боюсь! - подумал он с странною улыбкой.
"Hm... yes, all is in a man's hands and he lets it all slip from cowardice, that's an axiom.	- Гм... да... все в руках человека, и все-то он мимо носу проносит, единственно от одной трусости... это уж аксиома...
It would be interesting to know what it is men are most afraid of.	Любопытно, чего люди больше боятся?
Taking a new step, uttering a new word is what they fear most....	Нового шага, нового собственного слова они всего больше боятся...
But I am talking too much.	А впрочем, я слишком много болтаю.
It's because I chatter that I do nothing.	Оттого и ничего не делаю, что болтаю.
Or perhaps it is that I chatter because I do nothing.	Пожалуй, впрочем, и так: оттого болтаю, что ничего не делаю.
I've learned to chatter this last month, lying for days together in my den thinking... of Jack the Giant-killer.	Это я в этот последний месяц выучился болтать, лежа по целым суткам в углу и думая... о царе Горохе.

Why am I going there now?	Ну зачем я теперь иду?
Am I capable of _that_?	Разве я способен на это?
Is _that_ serious?	Разве это серьезно?
It is not serious at all.	Совсем не серьезно.
It's simply a fantasy to amuse myself; a plaything!	Так ради фантазии сам себя тешу; игрушки!
Yes, maybe it is a plaything."	Да, пожалуй что и игрушки!"
The heat in the street was terrible: and the airlessness, the bustle and the plaster, scaffolding, bricks, and dust all about him, and that special Petersburg stench, so familiar to all who are unable to get out of town in summer--all worked painfully upon the young man's already overwrought nerves.	На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особенная летняя вонь, столь известная каждому петербуржцу, не имеющему возможности нанять дачу, - все это разом неприятно потрясло и без того уже расстроенные нервы юноши.
The insufferable stench from the pot-houses, which are particularly numerous in that part of the town, and the drunken men whom he met continually, although it was a working day, completed the revolting misery of the picture.	Нестерпимая же вонь из распивочных, которых в этой части города особенное множество, и пьяные, поминутно попадавшие, несмотря на буднее время, довершили отвратительный и грустный колорит картины.

An expression of the profoundest disgust gleamed for a moment in the young man's refined face.	Чувство глубочайшего омерзения мелькнуло на миг в тонких чертах молодого человека.
He was, by the way, exceptionally handsome, above the average in height, slim, well-built, with beautiful dark eyes and dark brown hair.	Кстати, он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен.
Soon he sank into deep thought, or more accurately speaking into a complete blankness of mind; he walked along not observing what was about him and not caring to observe it.	Но скоро он впал как бы в глубокую задумчивость, даже, вернее сказать, как бы в какое-то забытие, и пошел, уже не замечая окружающего, да и не желая его замечать.
From time to time, he would mutter something, from the habit of talking to himself, to which he had just confessed.	Изредка только бормотал он что-то про себя, от своей привычки к монологам, в которой он сейчас сам себе признался.
At these moments he would become conscious that his ideas were sometimes in a tangle and that he was very weak; for two days he had scarcely tasted food.	В эту же минуту он и сам сознавал, что мысли его порою мешаются и что он очень слаб: второй день как уж он почти совсем ничего не ел.

He was so badly dressed that even a man accustomed to shabbiness would have been ashamed to be seen in the street in such rags.	Он был до того худо одет, что иной, даже и привычный человек, посовестился бы днем выходить в таких лохмотьях на улицу.
In that quarter of the town, however, scarcely any shortcoming in dress would have created surprise.	Впрочем, квартал был таков, что костюмом здесь было трудно кого-нибудь удивить.
Owing to the proximity of the Hay Market, the number of establishments of bad character, the preponderance of the trading and working class population crowded in these streets and alleys in the heart of Petersburg, types so various were to be seen in the streets that no figure, however queer, would have caused surprise.	Близость Сенной, обилие известных заведений и, по преимуществу, цеховое и ремесленное население, скученное в этих срединных петербургских улицах и переулках, пестрили иногда общую панораму такими субъектами, что странно было бы и удивляться при встрече с иною фигурой.
But there was such accumulated bitterness and contempt in the young man's heart, that, in spite of all the fastidiousness of youth, he minded his rags least of all in the street.	Но столько злобного презрения уже накопилось в душе молодого человека, что, несмотря на всю свою, иногда очень молодую, щекотливость, он менее всего совестился своих лохмотьев на улице.
It was a different matter when he met with acquaintances or with former fellow students, whom, indeed, he disliked meeting at any time.	Другое дело при встрече с иными знакомыми или с прежними товарищами, с которыми вообще он не любил встречаться...
And yet when a drunken man who, for some unknown reason, was being taken somewhere in a huge waggon dragged by a heavy dray horse, suddenly shouted at him as he drove past:	А между тем, когда один пьяный, которого неизвестно почему и куда провозили в это время по улице в огромной телеге, запряженной огромною ломовою лошадью, крикнул ему вдруг, проезжая:
"Hey there, German hatter" bawling at the top of his voice and pointing at him--the young man stopped suddenly and clutched tremulously at his hat.	"Эй ты, немецкий шляпник!" - и заорал во все горло, указывая на него рукой, - молодой человек вдруг остановился и судорожно схватился за свою шляпу.
It was a tall round hat from Zimmerman's, but completely worn out, rusty with age, all torn and bespattered, brimless and bent on one side in a most unseemly fashion.	Шляпа эта была высокая, круглая, циммермановская, но вся уже изношенная, совсем рыжая, вся в дырах и пятнах, без полей и самым безобразнейшим углом заломившаяся на сторону.
Not shame, however, but quite another	Но не стыд, а совсем другое чувство,

feeling akin to terror had overtaken him.	похожее даже на испуг, охватило его.
"I knew it," he muttered in confusion, "I thought so!	- Я так и знал! - бормотал он в смущении, - я так и думал!
That's the worst of all!	Это уж всего сквернее!
Why, a stupid thing like this, the most trivial detail might spoil the whole plan.	Вот эдакая какая-нибудь глупость, какая-нибудь пошлейшая мелочь, весь замысел может испортить!
Yes, my hat is too noticeable....	Да, слишком приметная шляпа...
It looks absurd and that makes it noticeable....	Смешная, потому и приметная...
With my rags I ought to wear a cap, any sort of old pancake, but not this grotesque thing.	К моим лохмотьям непременно нужна фуражка, хотя бы старый блин какойнибудь, а не этот урод.
Nobody wears such a hat, it would be noticed a mile off, it would be remembered.... What matters is that people would remember it, and that would give them a clue.	Никто таких не носит, за версту заметят, запомнят... главное, потом запомнят, а и улика.
For this business one should be as little conspicuous as possible....	Тут нужно быть как можно неприметнее...
Trifles, trifles are what matter!	Мелочи, мелочи главное!..
Why, it's just such trifles that always ruin everything...."	Вот эти-то мелочи и губят всегда и все...
He had not far to go; he knew indeed how many steps it was from the gate of his lodging house: exactly seven hundred and thirty.	Идти ему было немного; он даже знал, сколько шагов от ворот его дома: ровно семьсот тридцать.
He had counted them once when he had been lost in dreams.	Как-то раз он их сосчитал, когда уж очень размечтался.
At the time he had put no faith in those dreams and was only tantalising himself by their hideous but daring recklessness.	В то время он и сам еще не верил этим мечтам своим и только раздражал себя их безобразною, но соблазнительною дерзостью.
Now, a month later, he had begun to look upon them differently, and, in spite of the monologues in which he jeered at his own impotence and indecision, he had involuntarily come to regard this "hideous" dream as an exploit to be attempted, although he still did not realise this himself.	Теперь же, месяц спустя, он уже начинал смотреть иначе и, несмотря на все поддразнивающие монологи о собственном бессилии и нерешимости, "безобразную" мечту как-то даже поневоле привык считать уже предприятием, хотя все еще сам себе не

	верил.
He was positively going now for a "rehearsal" of his project, and at every step his excitement grew more and more violent.	Он даже шел теперь делать пробу своему предприятию, и с каждым шагом волнение его возрастало все сильнее и сильнее.
With a sinking heart and a nervous tremor, he went up to a huge house which on one side looked on to the canal, and on the other into the street.	С замиранием сердца и нервной дрожью подошел он к преогромнейшему дому, выходявшему одною стеной на канаву, а другую в -ю улицу.
This house was let out in tiny tenements and was inhabited by working people of all kinds--tailors, locksmiths, cooks, Germans of sorts, girls picking up a living as best they could, petty clerks, etc.	Этот дом стоял весь в мелких квартирах и заселен был всякими промышленниками - портными, слесарями, кухарками, разными немцами, девицами, живущими от себя, мелким чиновничеством и проч.
There was a continual coming and going through the two gates and in the two courtyards of the house.	Входящие и выходящие так и шмыгали под обоими воротами и на обоих дворах дома.
Three or four door-keepers were employed on the building.	Тут служили три или четыре дворника.
The young man was very glad to meet none of them, and at once slipped unnoticed through the door on the right, and up the staircase.	Молодой человек был очень доволен, не встретив ни которого из них, и неприметно проскользнул сейчас же из ворот направо на лестницу.
It was a back staircase, dark and narrow, but he was familiar with it already, and knew his way, and he liked all these surroundings: in such darkness even the most inquisitive eyes were not to be dreaded.	Лестница была темная и узкая, "черная", но он все уже это знал и изучил, и ему вся эта обстановка нравилась: в такой темноте даже и любопытный взгляд был неопасен.
"If I am so scared now, what would it be if it somehow came to pass that I were really going to do it?" he could not help asking himself as he reached the fourth storey.	"Если о сю пору я так боюсь, что же было бы, если б и действительно как-нибудь случилось до самого дела дойти?.." - подумал он невольно, проходя в четвертый этаж.
There his progress was barred by some porters who were engaged in moving furniture out of a flat.	Здесь загородили ему дорогу отставные солдаты-носильщики, выносившие из одной квартиры мебель.
He knew that the flat had been occupied by a German clerk in the civil service, and his family.	Он уже прежде знал, что в этой квартире жил один семейный немец, чиновник:

This German was moving out then, and so the fourth floor on this staircase would be untenanted except by the old woman.	"Стало быть, этот немец теперь выезжает, и, стало быть, в четвертом этаже, по этой лестнице и на этой площадке, остается, на некоторое время, только одна старухина квартира занятая.
"That's a good thing anyway," he thought to himself, as he rang the bell of the old woman's flat.	Это хорошо... на всякой случай..." - подумал он опять и позвонил в старухину квартиру.
The bell gave a faint tinkle as though it were made of tin and not of copper.	Звонок брякнул слабо, как будто был сделан из жести, а не из меди.
The little flats in such houses always have bells that ring like that.	В подобных мелких квартирах таких домов почти все такие звонки.
He had forgotten the note of that bell, and now its peculiar tinkle seemed to remind him of something and to bring it clearly before him....	Он уже забыл звон этого колокольчика, и теперь этот особенный звон как будто вдруг ему что-то напомнил и ясно представил...
He started, his nerves were terribly overstrained by now.	Он так и вздрогнул, слишком уж ослабели нервы на этот раз.
In a little while, the door was opened a tiny crack: the old woman eyed her visitor with evident distrust through the crack, and nothing could be seen but her little eyes, glittering in the darkness.	Немного спустя дверь приотворилась на крошечную щелочку: жилища оглядывала из щели пришедшего с видимым недоверием, и только виднелись ее сверкавшие из темноты глазки.

But, seeing a number of people on the landing, she grew bolder, and opened the door wide.	Но увидав на площадке много народу, она ободрилась и отворила совсем.
The young man stepped into the dark entry, which was partitioned off from the tiny kitchen.	Молодой человек переступил через порог в темную прихожую, разгороженную перегородкой, за которою была крошечная кухня.
The old woman stood facing him in silence and looking inquiringly at him.	Старуха стояла перед ним молча и вопросительно на него глядела.
She was a diminutive, withered up old woman of sixty, with sharp malignant eyes and a sharp little nose.	Это была крошечная, сухая старушонка, лет шестидесяти, с острыми и злыми глазками, с маленьким острым носом и простоволосая.
Her colourless, somewhat grizzled hair was thickly smeared with oil, and she wore no kerchief over it.	Белобрысые, мало поседевшие волосы ее были жирно смазаны маслом.
Round her thin long neck, which looked like	На ее тонкой и длинной шее, похожей на

a hen's leg, was knotted some sort of flannel rag, and, in spite of the heat, there hung flapping on her shoulders, a mangy fur cape, yellow with age.	куриную ногу, было наверчено какое-то фланелевое тряпье, а на плечах, несмотря на жару, болталась вся истрепанная и пожелтелая меховая кацавейка.
The old woman coughed and groaned at every instant.	Старушонка поминутно кашляла и кряхтела.
The young man must have looked at her with a rather peculiar expression, for a gleam of mistrust came into her eyes again.	Должно быть, молодой человек взглянул на нее каким-нибудь особенным взглядом, потому что и в ее глазах мелькнула вдруг опять прежняя недоверчивость.
"Raskolnikov, a student, I came here a month ago," the young man made haste to mutter, with a half bow, remembering that he ought to be more polite.	- Раскольников, студент, был у вас назад тому месяц, - поспешил пробормотать молодой человек с полупоклоном, вспомнив, что надо быть любезнее.
"I remember, my good sir, I remember quite well your coming here," the old woman said distinctly, still keeping her inquiring eyes on his face.	- Помню, батюшка, очень хорошо помню, что вы были, - отчетливо проговорила старушка, по-прежнему не отводя своих вопрошающих глаз от его лица.
"And here... I am again on the same errand," Raskolnikov continued, a little disconcerted and surprised at the old woman's mistrust.	- Так вот-с... и опять, по такому же дельцу...- продолжал Раскольников, немного смутившись и удивляясь недоверчивости старухи.
"Perhaps she is always like that though, only I did not notice it the other time," he thought with an uneasy feeling.	"Может, впрочем, она и всегда такая, да я в тот раз не заметил", - подумал он с неприятным чувством.
The old woman paused, as though hesitating; then stepped on one side, and pointing to the door of the room, she said, letting her visitor pass in front of her:	Старуха помолчала, как бы в раздумье, потом отступила в сторону и, указывая на дверь в комнату, произнесла, пропуская гостя вперед:
"Step in, my good sir."	- Пройдите, батюшка.
The little room into which the young man walked, with yellow paper on the walls, geraniums and muslin curtains in the windows, was brightly lighted up at that moment by the setting sun.	Небольшая комната, в которую прошел молодой человек, с желтыми обоями, геранями и кисейными занавесками на окнах, была в эту минуту ярко освещена заходящим солнцем.

"So the sun will shine like this _then_ too!" flashed as it were by chance through Raskolnikov's mind, and with a rapid glance he scanned everything in the room, trying as far as possible to notice and remember its arrangement.	"И тогда, стало быть, так же будет солнце светить!.." - как бы невзначай мелькнуло в уме Раскольникова, и быстрым взглядом окинул он все в комнате, чтобы по возможности изучить и запомнить расположение.
---	--

But there was nothing special in the room.	Но в комнате не было ничего особенного.
The furniture, all very old and of yellow wood, consisted of a sofa with a huge bent wooden back, an oval table in front of the sofa, a dressing-table with a looking-glass fixed on it between the windows, chairs along the walls and two or three half-penny prints in yellow frames, representing German damsels with birds in their hands--that was all.	Мебель, вся очень старая и из желтого дерева, состояла из дивана с огромною выгнутою деревянною спинкой, круглого стола овальной формы перед диваном, туалета с зеркальцем в простенке, стульев по стенам на двухтрех грошовых картинок в желтых рамках, изображавших немецких барышень с птицами в руках, - вот и вся мебель.
In the corner a light was burning before a small ikon.	В углу перед небольшим образом горела лампада.
Everything was very clean; the floor and the furniture were brightly polished; everything shone.	Все было очень чисто: и мебель, и полы были оттерты под лоск; все блестело.
"Lizaveta's work," thought the young man.	"Лизаветина работа", - подумал молодой человек.
There was not a speck of dust to be seen in the whole flat.	Ни пылинки нельзя было найти во всей квартире.
"It's in the houses of spiteful old widows that one finds such cleanliness," Raskolnikov thought again, and he stole a curious glance at the cotton curtain over the door leading into another tiny room, in which stood the old woman's bed and chest of drawers and into which he had never looked before.	"Это у злых и старых вдовиц бывает такая чистота", - продолжал про себя Раскольников и с любопытством покосился на ситцевую занавеску перед дверью во вторую, крошечную комнатку, где стояли старухины постель и комод и куда он еще ни разу не заглядывал.
These two rooms made up the whole flat.	Вся квартира состояла из этих двух комнат.
"What do you want?" the old woman said severely, coming into the room and, as before, standing in front of him so as to look him straight in the face.	- Что угодно? - строго произнесла старушонка, входя в комнату и по-прежнему становясь прямо перед ним, чтобы глядеть ему прямо в лицо.
"I've brought something to pawn here," and he drew out of his pocket an old-fashioned flat silver watch, on the back of which was engraved a globe; the chain was of steel.	- Заклад принес, вот-с! - И он вынул из кармана старые плоские серебряные часы. На оборотной дощечке их был изображен глобус. Цепочка была стальная.
"But the time is up for your last pledge.	- Да ведь и прежнему закладу срок.
The month was up the day before yesterday."	Еще третьего дня месяц как минул.

"I will bring you the interest for another month; wait a little."	- Я вам проценты еще за месяц внесу; потерпите.
"But that's for me to do as I please, my good sir, to wait or to sell your pledge at once."	- А в том моя добрая воля, батюшка, терпеть или вещь вашу теперь же продать.
"How much will you give me for the watch, Alyona Ivanovna?"	- Много ль за часы-то, Алена Ивановна?
"You come with such trifles, my good sir, it's scarcely worth anything."	- А с пустяками ходишь, батюшка, ничего, почитай, не стоит.

I gave you two roubles last time for your ring and one could buy it quite new at a jeweler's for a rouble and a half."	За колечко вам прошлый раз два билетика внесла, а оно и купить-то его новое у ювелира за полтора рубля можно.
"Give me four roubles for it, I shall redeem it, it was my father's."	- Рубля-то четыре дайте, я выкуплю, отцовские.
I shall be getting some money soon."	Я скоро деньги получу.
"A rouble and a half, and interest in advance, if you like!"	- Полтора рубля-с и процент вперед, коли хотите-с.
"A rouble and a half!" cried the young man.	- Полтора рубля! - вскрикнул молодой человек.
"Please yourself"--and the old woman handed him back the watch.	- Ваша воля. - И старуха протянула ему обратно часы.
The young man took it, and was so angry that he was on the point of going away; but checked himself at once, remembering that there was nowhere else he could go, and that he had had another object also in coming.	Молодой человек взял их и до того рассердился, что хотел было уже уйти; но тотчас одумался, вспомнив, что идти больше некуда и что он еще и за другим пришел.
"Hand it over," he said roughly.	- Давайте! - сказал он грубо.
The old woman fumbled in her pocket for her keys, and disappeared behind the curtain into the other room.	Старуха полезла в карман за ключами и пошла в другую комнату за занавески.
The young man, left standing alone in the middle of the room, listened inquisitively, thinking.	Молодой человек, оставшись один среди комнаты, любопытно прислушивался и соображал.
He could hear her unlocking the chest of drawers.	Слышно было, как она отперла комод.
	"Должно быть, верхний ящик, -

"It must be the top drawer," he reflected.	соображал он.
"So she carries the keys in a pocket on the right.	- Ключи она, стало быть, в правом кармане носит...
All in one bunch on a steel ring....	Все на одной связке, в стальном кольце...
And there's one key there, three times as big as all the others, with deep notches; that can't be the key of the chest of drawers... then there must be some other chest or strong-box... that's worth knowing.	И там один ключ есть всех больше, втрое, с зубчатою бородкой, конечно, не от комода... Стало быть, есть еще какая-нибудь шкатулка, али укладка... Вот это любопытно.
Strong-boxes always have keys like that... but how degrading it all is."	У укладок все такие ключи... А впрочем, как это подло все..."
The old woman came back.	Старуха воротилась.
"Here, sir: as we say ten copecks the rouble a month, so I must take fifteen copecks from a rouble and a half for the month in advance.	- Вот-с, батюшка: коли по гривне в месяц с рубля, так за полтора рубля причтется с вас пятнадцать копеек, за месяц вперед-с.
But for the two roubles I lent you before, you owe me now twenty copecks on the same reckoning in advance.	Да за два прежних рубля с вас еще причтается по сему же счету вперед двадцать копеек.
That makes thirty-five copecks altogether.	А всего, стало быть тридцать пять.
So I must give you a rouble and fifteen copecks for the watch.	Приходится же вам теперь всего получить за часы ваши рубль пятнадцать копеек.

Here it is."	Вот получите-с.
"What! only a rouble and fifteen copecks now!"	- Как! так уж теперь рубль пятнадцать копеек!
"Just so."	- Точно так-с.
The young man did not dispute it and took the money.	Молодой человек спорить не стал и взял деньги.
He looked at the old woman, and was in no hurry to get away, as though there was still something he wanted to say or to do, but he did not himself quite know what.	Он смотрел на старуху и не спешил уходить, точно ему еще хотелось что-то сказать или сделать, но как будто он и сам не знал, что именно...
"I may be bringing you something else in a day or two, Alyona Ivanovna--a valuable thing--	- Я вам, Алена Ивановна, может быть, на днях, еще одну вещь принесу... серебряную... хорошую...

silver--a cigarette-box, as soon as I get it back from a friend..." he broke off in confusion.	папиросочницу одну... вот как от приятеля ворочу... - Он смутился и замолчал.
"Well, we will talk about it then, sir."	- Ну тогда и будем говорить, батюшка.
"Good-bye--are you always at home alone, your sister is not here with you?" He asked her as casually as possible as he went out into the passage.	- Прощайте-с... А вы все дома одни сидите, сестрицы-то нет? - спросил он как можно развязнее, выходя в переднюю.
"What business is she of yours, my good sir?"	- А вам какое до нее, батюшка, дело?
"Oh, nothing particular, I simply asked.	- Да ничего особенного. Я так спросил.
You are too quick....	Уж вы сейчас...
Good-day, Alyona Ivanovna."	Прощайте, Алена Ивановна!
Raskolnikov went out in complete confusion.	Раскольников вышел в решительном смущении.
This confusion became more and more intense.	Смущение это все более увеличивалось.
As he went down the stairs, he even stopped short, two or three times, as though suddenly struck by some thought.	Сходя по лестнице, он несколько раз даже останавливался, как будто чем-то внезапно пораженный.
When he was in the street he cried out,	И наконец, уже на улице, он воскликнул:
"Oh, God, how loathsome it all is! and can I, can I possibly....	"О боже! как это все отвратительно!
No, it's nonsense, it's rubbish!" he added resolutely.	И неужели, неужели я... нет, это вздор, это нелепость! - прибавил он решительно.
"And how could such an atrocious thing come into my head?	- И неужели такой ужас мог прийти мне в голову?
What filthy things my heart is capable of.	На какую грязь способно, однако, мое сердце!
Yes, filthy above all, disgusting, loathsome, loathsome!--and for a whole month I've been...."	Главное: грязно, пакостно, гадко, гадко!.. И я, целый месяц..."
But no words, no exclamations, could express his agitation.	Но он не мог выразить ни словами, ни восклицаниями своего волнения.
The feeling of intense repulsion, which had begun to oppress and torture his heart while he was on his way to the old woman, had by now	Чувство бесконечного отвращения, начинавшее давить и мутить его сердце еще в то время, как он только

reached such a pitch and had taken such a definite form that he did not know what to do with himself to escape from his wretchedness.	шел к старухе, достигло теперь такого размера и так ярко выяснилось, что он не знал, куда деться от тоски своей.
He walked along the pavement like a drunken man, regardless of the passers-by, and jostling against them, and only came to his senses when he was in the next street.	Он шел по тротуару как пьяный, не замечая прохожих и сталкиваясь с ними, и опомнился уже в следующей улице.
Looking round, he noticed that he was standing close to a tavern which was entered by steps leading from the pavement to the basement.	Оглядевшись, он заметил, что стоит подле распивочной, в которую вход был с тротуара по лестнице вниз, в подвальный этаж.
At that instant two drunken men came out at the door, and abusing and supporting one another, they mounted the steps.	Из дверей, как раз в эту минуту, выходили двое пьяных и, друг друга поддерживая и ругая, взбирались на улицу.
Without stopping to think, Raskolnikov went down the steps at once.	Долго не думая, Раскольников тотчас же спустился вниз.
Till that moment he had never been into a tavern, but now he felt giddy and was tormented by a burning thirst.	Никогда до сих пор не входил он в распивочные, но теперь голова его кружилась, и к тому же палящая жажда томила его.
He longed for a drink of cold beer, and attributed his sudden weakness to the want of food.	Ему захотелось выпить холодного пива, тем более что внезапную слабость свою он относил и к тому, что был голоден.
He sat down at a sticky little table in a dark and dirty corner; ordered some beer, and eagerly drank off the first glassful.	Он уселся в темном и грязном углу, за липким столиком, спросил пива и с жадностью выпил первый стакан.
At once he felt easier; and his thoughts became clear.	Тотчас же все отлегло, и мысли его прояснили.
"All that's nonsense," he said hopefully, "and there is nothing in it all to worry about!	"Все это вздор, - сказал он с надеждой, - и нечем тут было смущаться!
It's simply physical derangement.	Просто физическое расстройство!
Just a glass of beer, a piece of dry bread-- and in one moment the brain is stronger, the mind is clearer and the will is firm!	Один какой-нибудь стакан пива, кусок сухаря, -и вот, в один миг, крепнет ум, яснее мысль, твердеют намерения!
Phew, how utterly petty it all is!"	Тьфу, какое все это ничтожество!.."
But in spite of this scornful reflection, he was by now looking cheerful as though he were suddenly set free from a terrible burden: and	Но, несмотря на этот презрительный плевок, он глядел уже весело, как будто внезапно освободясь от какого-то

he gazed round in a friendly way at the people in the room.	ужасного бремени, и дружелюбно окинул глазами присутствующих.
But even at that moment he had a dim foreboding that this happier frame of mind was also not normal.	Но даже и в эту минуту он отдаленно предчувствовал, что вся эта восприимчивость к лучшему была тоже болезненная.
There were few people at the time in the tavern.	В распивочной на ту пору оставалось мало народу.
Besides the two drunken men he had met on the steps, a group consisting of about five men and a girl with a concertina had gone out at the same time.	Кроме тех двух пьяных, что попались на лестнице, вслед за ними же вышла еще разом целая ватага, человек в пять, с одною девкой и с гармонией.
Their departure left the room quiet and rather empty.	После них стало тихо и просторно.

The persons still in the tavern were a man who appeared to be an artisan, drunk, but not extremely so, sitting before a pot of beer, and his companion, a huge, stout man with a grey beard, in a short full-skirted coat. He was very drunk: and had dropped asleep on the bench; every now and then, he began as though in his sleep, cracking his fingers, with his arms wide apart and the upper part of his body bounding about on the bench, while he hummed some meaningless refrain, trying to recall some such lines as these:	Остались: один хмельной, но немного, сидевший за пивом, с виду мещанин; товарищ его, толстый, огромный, в сибирке и с седою бородой, очень захмелевший, задремавший на лавке и изредка, вдруг, как бы спросонья, начинавший прищелкивать пальцами, расставив руки врозь, и подпрыгивать верхнюю часть корпуса, не вставая с лавки, причем подпевал какую-то ерунду, силясь припомнить стихи, вроде:
"His wife a year he fondly loved His wife a--a year he--fondly loved."	Целый год жену ласкал, Цел-лый год же-ну лас-кал...
Or suddenly waking up again:	Или вдруг, проснувшись, опять:
"Walking along the crowded row He met the one he used to know."	По Подъяческой пошел, Свою прежнюю нашел...
But no one shared his enjoyment: his silent companion looked with positive hostility and mistrust at all these manifestations.	Но никто не разделял его счастья; молчаливый товарищ его смотрел на все эти взрывы даже враждебно и с недоверчивостью.
There was another man in the room who looked somewhat like a retired government clerk.	Был тут и еще один человек, с виду похожий как бы на отставного чиновника.
He was sitting apart, now and then sipping from	Он сидел особо, перед своею посудинкой, изредка отпивая и

his pot and looking round at the company.	посматривая кругом.
He, too, appeared to be in some agitation.	Он был тоже как будто в некотором волнении.
CHAPTER II	II
Raskolnikov was not used to crowds, and, as we said before, he avoided society of every sort, more especially of late.	Раскольников не привык к толпе и, как уже сказано, бежал всякого общества, особенно в последнее время.
But now all at once he felt a desire to be with other people.	Но теперь его вдруг что-то потянуло к людям.
Something new seemed to be taking place within him, and with it he felt a sort of thirst for company.	Что-то совершалось в нем как бы новое, и вместе с тем ощутилась какая-то жажда людей.
He was so weary after a whole month of concentrated wretchedness and gloomy excitement that he longed to rest, if only for a moment, in some other world, whatever it might be; and, in spite of the filthiness of the surroundings, he was glad now to stay in the tavern.	Он так устал от целого месяца этой сосредоточенной тоски своей и мрачного возбуждения, что хотя одну минуту хотелось ему вздохнуть в другом мире, хоть бы в каком бы то ни было, и, несмотря на всю грязь обстановки, он с удовольствием оставался теперь в распивочной.
The master of the establishment was in another room, but he frequently came down some steps into the main room, his jaunty, tarred boots with red turn-over tops coming into view each time before the rest of his person.	Хозяин заведения был в другой комнате, но часто входил в главную, спускаясь в нее откуда-то по ступенькам, причем прежде всего выказывались его щегольские смазные сапоги с большими красными отворотами.
He wore a full coat and a horribly greasy black satin waistcoat, with no cravat, and his whole face seemed smeared with oil like an iron lock.	Он был в поддевке и в страшно засаленном черном атласном жилете, без галстука, а все лицо его было как будто смазано маслом, точно железный замок.

At the counter stood a boy of about fourteen, and there was another boy somewhat younger who handed whatever was wanted.	За застойкой находился мальчишка лет четырнадцати, и был другой мальчишка моложе, который подавал, если что спрашивали.
On the counter lay some sliced cucumber, some pieces of dried black bread, and some fish, chopped up small, all smelling very bad.	Стояли крошеные огурцы, черные сухари и резанная кусочками рыба; все это очень дурно пахло.

It was insufferably close, and so heavy with the fumes of spirits that five minutes in such an atmosphere might well make a man drunk.	Было душно, так что было даже нестерпимо сидеть, и все до того было пропитано винным запахом, что, кажется, от одного этого воздуха можно было в пять минут сделаться пьяным.
There are chance meetings with strangers that interest us from the first moment, before a word is spoken.	Бывают иные встречи, совершенно даже с незнакомыми нам людьми, которыми мы начинаем интересоваться с первого взгляда, как-то вдруг, внезапно, прежде чем скажем слово.
Such was the impression made on Raskolnikov by the person sitting a little distance from him, who looked like a retired clerk.	Такое точно впечатление произвел на Раскольникова тот гость, который сидел поодаль и походил на отставного чиновника.
The young man often recalled this impression afterwards, and even ascribed it to presentiment.	Молодой человек несколько раз припоминал потом это первое впечатление и даже приписывал его предчувствию.
He looked repeatedly at the clerk, partly no doubt because the latter was staring persistently at him, obviously anxious to enter into conversation.	Он беспрерывно взглядывал на чиновника, конечно, и потому еще, что и сам тот упорно смотрел на него, и видно было, что тому очень хотелось начать разговор.
At the other persons in the room, including the tavern-keeper, the clerk looked as though he were used to their company, and weary of it, showing a shade of condescending contempt for them as persons of station and culture inferior to his own, with whom it would be useless for him to converse.	На остальных же, бывших в распивочной, не исключая и хозяина, чиновник смотрел как-то привычно и даже со скукой, а вместе с тем и с оттенком некоторого высокомерного пренебрежения, как бы на людей низшего положения и развития, с которыми нечего ему говорить.
He was a man over fifty, bald and grizzled, of medium height, and stoutly built. His face, bloated from continual drinking, was of a yellow, even greenish, tinge, with swollen eyelids out of which keen reddish eyes gleamed like little chinks.	Это был человек лет уже за пятьдесят, среднего роста и плотного сложения, с проседью и с большою лысиной, с отекившим от постоянного пьянства желтым, даже зеленоватым лицом и с припухшими веками, из-за которых сияли крошечные, как щелочки, но одушевленные красноватые глазки.
But there was something very strange in him; there was a light in his eyes as though of intense feeling--perhaps there were even thought and intelligence, but at the same time there was a gleam of something like madness.	Но что-то было в нем очень странное; во взгляде его светилась как будто даже восторженность, - пожалуй, был и смысл и ум, -но в то же время мелькало как будто и безумие.

He was wearing an old and hopelessly ragged black dress coat, with all its buttons missing except one, and that one he had buttoned, evidently clinging to this last trace of respectability.	Одет он был в старый, совершенно оборванный черный фрак, с осыпавшимися пуговицами. Одна только еще держалась кое-как, и на нее-то он и застегивался, видимо желая не удаляться приличий.
A crumpled shirt front, covered with spots and stains, protruded from his canvas waistcoat.	Из-под нанкового жилета торчала манишка, вся скомканная, запачканная и залитая.
Like a clerk, he wore no beard, nor moustache, but had been so long unshaven that his chin looked like a stiff greyish brush.	Лицо было выбрито, по-чиновничьи, но давно уже, так что уже густо начала выступать сизая щетина.
And there was something respectable and like an official about his manner too.	Да и в ухватках его действительно было что-то солидно-чиновничье.
But he was restless; he ruffled up his hair and from time to time let his head drop into his hands dejectedly resting his ragged elbows on the stained and sticky table.	Но он был в беспокойстве, ерошил волосы и подпирал иногда, в тоске, обеими руками голову, положиа продранные локти на залитый и липкий стол.
At last he looked straight at Raskolnikov, and said loudly and resolutely:	Наконец он прямо посмотрел на Раскольникова и громко и твердо проговорил:
"May I venture, honoured sir, to engage you in polite conversation?"	- А осмелюсь ли, милостивый государь мой, обратиться к вам с разговором приличным?
Forasmuch as, though your exterior would not command respect, my experience admonishes me that you are a man of education and not accustomed to drinking.	Ибо хотя вы и не в значительном виде, но опытность моя отличает в вас человека образованного и к напитку непривычного.
I have always respected education when in conjunction with genuine sentiments, and I am besides a titular counsellor in rank.	Сам всегда уважал образованность, соединенную с сердечными чувствами, и, кроме того, состою титулярным советником.
Marmeladov--such is my name; titular counsellor.	Мармеладов - такая фамилия; титулярный советник.
I make bold to inquire--have you been in the service?"	Осмелюсь узнать, служить изволили?
"No, I am studying," answered the young man, somewhat surprised at	- Нет, учусь... - отвечал молодой человек, отчасти

the grandiloquent style of the speaker and also at being so directly addressed.	удивленный и особенным витиеватым тоном речи, и тем, что так прямо, в упор, обратились к нему.
In spite of the momentary desire he had just been feeling for company of any sort, on being actually spoken to he felt immediately his habitual irritable and uneasy aversion for any stranger who approached or attempted to approach him.	Несмотря на недавнее мгновенное желание хотя какого бы ни было сообщества с людьми, он при первом, действительно обращенном к нему слове вдруг ощутил свое обычное неприятное и раздражительное чувство отвращения ко всякому чужому лицу, касавшемуся или хотевшему только прикоснуться к его личности.
"A student then, or formerly a student," cried the clerk.	- Студент, стало быть, или бывший студент! - вскричал чиновник, - так я и думал!
"Just what I thought! I'm a man of experience, immense experience, sir," and he tapped his forehead with his fingers in self-approval.	Опыт, милостивый государь, неоднократный опыт! - и в знак похвальбы он приложил палец ко лбу.
"You've been a student or have attended some learned institution!...	- Были студентом или происходили ученую часть!
But allow me...."	А позвольте...
He got up, staggered, took up his jug and glass, and sat down beside the young man, facing him a little sideways.	- Он привстал, покачнулся, захватил свою посудинку, стаканчик, и подсел к молодому человеку, несколько от него наискось.

He was drunk, but spoke fluently and boldly, only occasionally losing the thread of his sentences and drawling his words.	Он был хмелен, но говорил речисто и бойко, изредка только местами сбиваясь немного и затягивая речь.
He pounced upon Raskolnikov as greedily as though he too had not spoken to a soul for a month.	С какою-то даже жадностью накинулся он на Раскольникова, точно целый месяц тоже ни с кем не говорил.
"Honoured sir," he began almost with solemnity, "poverty is not a vice, that's a true saying.	- Милостивый государь, - начал он почти с торжественностью, - бедность не порок, это истина.
Yet I know too that drunkenness is not a virtue, and that that's even truer.	Знаю я, что и пьянство не добродетель, и это тем паче.
But beggary, honoured sir, beggary is a vice.	Но нищета, милостивый государь, нищета -порок-с.
In poverty you may still retain your innate nobility of soul, but in beggary--never--no one.	В бедности вы еще сохраняете свое благородство врожденных чувств, в нищете же никогда и никто.
For beggary a man is not chased out of human society with a stick, he is swept out with a broom, so as to make it as humiliating as possible; and quite right, too, forasmuch as in beggary I am ready to be the first to humiliate myself.	За нищету даже и не палкой выгоняют, а метлой выметают из компании человеческой, чтобы тем оскорбительнее было; и справедливо, ибо в нищете я первый сам готов оскорблять себя.
Hence the pot-house!	И отсюда питейное!
Honoured sir, a month ago Mr. Lebeziatnikov gave my wife a beating, and my wife is a very different matter from me!	Милостивый государь, месяц назад тому супругу мою избил господин Лебезятников, а супруга моя не то что я!
Do you understand?	Понимаете-с?
Allow me to ask you another question out of simple curiosity: have you ever spent a night on a hay barge, on the Neva?"	Позвольте еще вас спросить, так, хотя бы в виде простого любопытства: изволили вы ночевать на Неве, на сенных барках?
"No, I have not happened to," answered Raskolnikov.	- Нет, не случилось, - отвечал Раскольников.
"What do you mean?"	- Это что такое?
"Well, I've just come from one and it's the fifth night I've slept so...."	- Ну-с, а я оттуда, и уже пятую ночь-с...
	Он налил стаканчик, выпил и

He filled his glass, emptied it and paused.	задумался.
Bits of hay were in fact clinging to his clothes and sticking to his hair.	Действительно, на его платье и даже в волосах кое-где виднелись прилипшие былинки сена.
It seemed quite probable that he had not undressed or washed for the last five days.	Очень вероятно было, что он пять дней не раздевался и не умывался.
His hands, particularly, were filthy. They were fat and red, with black nails.	Особенно руки были грязны, жирные, красные, с черными ногтями.
His conversation seemed to excite a general though languid interest.	Его разговор, казалось, возбудил общее, хотя и ленивое внимание.
The boys at the counter fell to sniggering.	Мальчишки за стойкой стали хихикать.

The innkeeper came down from the upper room, apparently on purpose to listen to the "funny fellow" and sat down at a little distance, yawning lazily, but with dignity.	Хозяин, кажется, нарочно сошел из верхней комнаты, чтобы послушать "забавника", и сел поодаль, лениво, но важно позевывая.
Evidently Marmeladov was a familiar figure here, and he had most likely acquired his weakness for high-flown speeches from the habit of frequently entering into conversation with strangers of all sorts in the tavern.	Очевидно, Мармеладов был здесь давно известен. Да и склонность к витиеватой речи приобрел, вероятно, вследствие привычки к частым кабачным разговорам с различными незнакомцами.
This habit develops into a necessity in some drunkards, and especially in those who are looked after sharply and kept in order at home.	Эта привычка обращается у иных пьющих в потребность, и преимущественно у тех из них, с которыми дома обходятся строго и которыми помыкают.
Hence in the company of other drinkers they try to justify themselves and even if possible obtain consideration.	Оттого-то в пьющей компании они и стараются всегда как будто выхлопотать себе оправдание, а если можно, то даже и уважение.
"Funny fellow!" pronounced the innkeeper.	- Забавник! - громко проговорил хозяин.
"And why don't you work, why aren't you at your duty, if you are in the service?"	- А для ча не работаешь, для ча не служите, коли чиновник?
"Why am I not at my duty, honoured sir," Marmeladov went on, addressing himself exclusively to Raskolnikov, as though it had been he who put that question to him. "Why am I not at my duty?"	- Для чего я не служу, милостивый государь, - подхватил Мармеладов, исключительно обращаясь к Раскольникову, как будто это он ему задал вопрос, - для чего не служу?
Does not my heart ache to think what a useless worm I am?	А разве сердце у меня не болит о том, что я пресмыкаюсь втуне?

A month ago when Mr. Lebeziatnikov beat my wife with his own hands, and I lay drunk, didn't I suffer?	Когда господин Лебезятников, тому месяц назад, супругу мою собственноручно избил, а я лежал пьяненькой, разве я не страдал?
Excuse me, young man, has it ever happened to you... hm... well, to petition hopelessly for a loan?"	Позвольте, молодой человек, случилось вам... гм... ну хоть испрашивать денег займы безнадежно?
"Yes, it has.	- Случалось... то есть как безнадежно?
But what do you mean by hopelessly?" "Hopelessly in the fullest sense, when you know beforehand that you will get nothing by it.	- То есть безнадежно вполне-с, заранее зная, что из сего ничего не выйдет.
You know, for instance, beforehand with positive certainty that this man, this most reputable and exemplary citizen, will on no consideration give you money; and indeed I ask you why should he?	Вот вы знаете, например, заранее и досконально, что сей человек, сей благонамереннейший и наипольнейший гражданин, ни за что вам денег не даст, ибо зачем, спрошу я, он даст?
For he knows of course that I shan't pay it back.	Ведь он знает же, что я не отдам.
From compassion?	Из сострадания?
But Mr. Lebeziatnikov who keeps up with modern ideas explained the other day that compassion is forbidden nowadays by science itself, and that that's what is done now in England, where there is political economy.	Но господин Лебезятников, следящий за новыми мыслями, объяснял наперед, что сострадание в наше время даже наукой воспрещено и что так уже делается в Англии, где политическая экономия.
Why, I ask you, should he give it to me?	Зачем же, спрошу я, он даст?
And yet though I know beforehand that he won't, I set off to him and..."	И вот, зная вперед, что не даст, вы все-таки отправляетесь в путь и...
"Why do you go?" put in Raskolnikov.	- Для чего же ходить? - прибавил Раскольников.
"Well, when one has no one, nowhere else one can go!	- А коли не к кому, коли идти больше некуда!
For every man must have somewhere to go.	Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти.
Since there are times when one absolutely	Ибо бывает такое время, когда непременно надо хоть куда-нибудь да

must go somewhere!	пойти!
When my own daughter first went out with a yellow ticket, then I had to go... (for my daughter has a yellow passport)," he added in parenthesis, looking with a certain uneasiness at the young man.	Когда единокровная дочь моя в первый раз по желтому билету пошла, и я тоже тогда пошел... (ибо дочь моя по желтому билету живет-с...) -прибавил он в скобках, с некоторым беспокойством смотря на молодого человека.
"No matter, sir, no matter!" he went on hurriedly and with apparent composure when both the boys at the counter guffawed and even the innkeeper smiled--"No matter, I am not confounded by the wagging of their heads; for everyone knows everything about it already, and all that is secret is made open. And I accept it all, not with contempt, but with humility.	- Ничего, милостивый государь, ничего! - поспешил он тотчас же, и по-видимому спокойно, заявить, когда фыркнули оба мальчишки за стойкой и улыбнулся сам хозяин. -Ничего-с! Сим покиванием глав не смущаюсь, ибо уже всем все известно и все тайное становится явным; и не с презрением, а со смирением к сему отношусь.
So be it! So be it!	Пусть! пусть!
' Behold the man!'	"Се человек!"
Excuse me, young man, can you....	Позвольте, молодой человек: можете ли вы...
No, to put it more strongly and more distinctly; not _can_ you but _dare_ you, looking upon me, assert that I am not a pig?"	Но нет, изъяснить сильнее и образительнее: не можете ли вы, а осмелитесь ли вы, взирая в сей час на меня, сказать утвердительно, что я не свинья?
The young man did not answer a word.	Молодой человек не отвечал ни слова.
"Well," the orator began again stolidly and with even increased dignity, after waiting for the laughter in the room to subside.	- Ну-с, - продолжал оратор, солидно и даже с усиленным на этот раз достоинством переждав опять следовавшее в комнате хихикание.
"Well, so be it, I am a pig, but she is a lady!	- Ну-с, я пусть свинья, а она дама!
I have the semblance of a beast, but Katerina Ivanovna, my spouse, is a person of education and an officer's daughter.	Я звериный образ имею, а Катерина Ивановна, супруга моя, - особа образованная и урожденная штаб-офицерская дочь.
Granted, granted, I am a scoundrel, but she is a woman of a noble heart, full of sentiments, refined by education.	Пусть, пусть я подлец, она же и сердца высокого, и чувств, облагороженных воспитанием, исполнена.
And yet... oh, if only she felt for me!	А между тем... о, если б она пожалела

	меня!
Honoured sir, honoured sir, you know every man ought to have at least one place where people feel for him!	Милостивый государь, милостивый государь, ведь надобно же, чтоб у всякого человека было хоть одно такое место, где бы и его пожалели!

But Katerina Ivanovna, though she is magnanimous, she is unjust....	А Катерина Ивановна дама хотя и великодушная, но несправедливая...
And yet, although I realise that when she pulls my hair she only does it out of pity--for I repeat without being ashamed, she pulls my hair, young man," he declared with redoubled dignity, hearing the sniggering again--"but, my God, if she would but once....	И хотя я и сам понимаю, что когда она и вихры мои дерет, то дерет их не иначе как от жалости сердца (ибо, повторяю без смущения, она дерет мне вихры, молодой человек, -подтвердил он с сугубым достоинством, услышав опять хихиканье), но, боже, что если б она хотя один раз...
But no, no! It's all in vain and it's no use talking! No use talking! For more than once, my wish did come true and more than once she has felt for me but... such is my fate and I am a beast by nature!"	Но нет! нет! все сие втуне, и нечего говорить! нечего говорить!.. ибо и не один раз уже бывало желаемое, и не один уже раз жалели меня, но... такова уже черта моя, а я прирожденный скот!
"Rather!" assented the innkeeper yawning.	- Еще бы! - заметил, зевая, хозяин.
Marmeladov struck his fist resolutely on the table.	Мармеладов решительно стукнул кулаком по столу.
"Such is my fate!	- Такова уж черта моя!
Do you know, sir, do you know, I have sold her very stockings for drink?	Знаете ли, знаете ли вы, государь мой, что я даже чулки ее пропил?
Not her shoes--that would be more or less in the order of things, but her stockings, her stockings I have sold for drink!	Не башмаки-с, ибо это хотя сколько-нибудь походило бы на порядок вещей, а чулки, чулки ее пропил-с!
Her mohair shawl I sold for drink, a present to her long ago, her own property, not mine; and we live in a cold room and she caught cold this winter and has begun coughing and spitting blood too.	Косыночку ее из козьего пуха тоже пропил, дареную, прежнюю, ее собственную, не мою; а живем мы в холодном угле, и она в эту зиму простудилась и кашлять пошла, уже кровью.
We have three little children and Katerina Ivanovna is at work from morning till night; she is scrubbing and cleaning and	Детей же маленьких у нас трое, и Катерина Ивановна в работе с утра до ночи скребет и

washing the children, for she's been used to cleanliness from a child. But her chest is weak and she has a tendency to consumption and I feel it!	моет и детей обмывает, ибо к чистоте с измалетства привыкла, а с грудью слабою и к чахотке наклонною, и я это чувствую.
Do you suppose I don't feel it?	Разве я не чувствую?
And the more I drink the more I feel it.	И чем более пью, тем более и чувствую.
That's why I drink too. I try to find sympathy and feeling in drink....	Для того и пью, что в питии сем сострадания и чувства ищу.
I drink so that I may suffer twice as much!"	Не веселья, а единой скорби ищу...
And as though in despair he laid his head down on the table.	Пью, ибо сугубо страдать хочу! - И он, как бы в отчаянии, склонил на стол голову.
"Young man," he went on, raising his head again, "in your face I seem to read some trouble of mind.	- Молодой человек, - продолжал он, восклоняясь опять, - в лице вашем я читаю как бы некую скорбь.
When you came in I read it, and that was why I addressed you at once.	Как вошли, и прочел ее, а потому тотчас же и обратился к вам.

For in unfolding to you the story of my life, I do not wish to make myself a laughing-stock before these idle listeners, who indeed know all about it already, but I am looking for a man of feeling and education.	Ибо, сообщая вам историю жизни моей, не на позорище себя выставлять хочу перед сими празднующими, которым и без того все известно, а чувствительного и образованного человека ищу.
Know then that my wife was educated in a high-class school for the daughters of noblemen, and on leaving she danced the shawl dance before the governor and other personages for which she was presented with a gold medal and a certificate of merit.	Знайте же, что супруга моя в благородном губернском дворянском институте воспитывалась и при выпуске с шалью танцевала при губернаторе и при прочих лицах, за что золотую медаль и похвальный лист получила.
The medal... well, the medal of course was sold--long ago, hm... but the certificate of merit is in her trunk still and not long ago she showed it to our landlady.	Медаль... ну медаль-то продали... уж давно... гм... похвальный лист до сих пор у них в сундуке лежит, и еще недавно его хозяйке показывала.
And although she is most continually on bad terms with the landlady, yet she wanted to tell someone or other of her past honours and of the happy days that are gone.	И хотя с хозяйкой у ней наипрерывнейшие раздоры, но хоть перед кем-нибудь погордиться захотелось и сообщить о счастливых минувших днях.
	И я не осуждаю, не осуждаю, ибо сие

I don't condemn her for it, I don't blame her, for the one thing left her is recollection of the past, and all the rest is dust and ashes.	последнее у ней и осталось в воспоминаниях ее, а прочее все пошло прахом!
Yes, yes, she is a lady of spirit, proud and determined.	Да, да; дама горячая, гордая и непреклонная.
She scrubs the floors herself and has nothing but black bread to eat, but won't allow herself to be treated with disrespect.	Пол сама моет и на черном хлебе сидит, а неуважения к себе не допустит.
That's why she would not overlook Mr. Lebeziatnikov's rudeness to her, and so when he gave her a beating for it, she took to her bed more from the hurt to her feelings than from the blows.	Оттого и господину Лебезятникову грубость его не захотела спустить, и когда прибил ее за то господин Лебезятников, то не столько от побоев, сколько от чувства в постель слегла.
She was a widow when I married her, with three children, one smaller than the other.	Вдовой уже взял ее, с троими детьми, мал мала меньше.
She married her first husband, an infantry officer, for love, and ran away with him from her father's house.	Вышла замуж за первого мужа, за офицера пехотного, по любви, и с ним бежала из дому родительского.
She was exceedingly fond of her husband; but he gave way to cards, got into trouble and with that he died.	Мужа любила чрезмерно, но в картишки пустился, под суд попал, с тем и помер.
He used to beat her at the end: and although she paid him back, of which I have authentic documentary evidence, to this day she speaks of him with tears and she throws him up to me; and I am glad, I am glad that, though only in imagination, she should think of herself as having once been happy....	Бивал он ее под конец; а она хоть и не спускала ему, о чем мне доподлинно и по документам известно, но до сих пор вспоминает его со слезами и меня им корит, и я рад, я рад, ибо хотя в воображениях своих зрит себя когда-то счастливой.
And she was left at his death with three children in a wild and remote district where I happened to be at the time; and she was left in such hopeless poverty that, although I have seen many ups and downs of all sort, I don't feel equal to describing it even.	И осталась она после него с тремя малолетними детьми в уезде далеком и зверском, где и я тогда находился, и осталась в такой нищете безнадежной что я хотя и много видал приключений различных, но даже и описать не в состоянии.

Her relations had all thrown her off.	Родные же все отказались.
And she was proud, too, excessively proud....	Да и горда была, чересчур горда...
And then, honoured sir, and then, I, being at	И тогда-то милостивый государь, тогда я,

the time a widower, with a daughter of fourteen left me by my first wife, offered her my hand, for I could not bear the sight of such suffering.	тоже вдовец, и от первой жены четырнадцатилетнюю дочь имея, руку свою предложил, ибо не мог смотреть на такое страдание.
You can judge the extremity of her calamities, that she, a woman of education and culture and distinguished family, should have consented to be my wife.	Можете судить потому, до какой степени ее бедствия доходили, что она, образованная и воспитанная и фамилии известной, за меня согласилась пойти!
But she did!	Но пошла!
Weeping and sobbing and wringing her hands, she married me!	Плача и рыдая и руки ломая - пошла!
For she had nowhere to turn!	Ибо некуда было идти.
Do you understand, sir, do you understand what it means when you have absolutely nowhere to turn?	Понимаете ли, понимаете ли вы, милостивый государь, что значит, когда уже некуда больше идти?
No, that you don't understand yet....	Нет! Этого вы еще не понимаете...
And for a whole year, I performed my duties conscientiously and faithfully, and did not touch this" (he tapped the jug with his finger), "for I have feelings.	И целый год я обязанность свою исполнял благочестиво и свято и не касался сего (он ткнул пальцем на полуштоф), ибо чувство имею.
But even so, I could not please her; and then I lost my place too, and that through no fault of mine but through changes in the office; and then I did touch it!...	Но и сим не мог угодить; а тут места лишился, и тоже не по вине, а по изменению в штатах, и тогда прикоснулся!..
It will be a year and a half ago soon since we found ourselves at last after many wanderings and numerous calamities in this magnificent capital, adorned with innumerable monuments.	Полтора года уже будет назад, как очутились мы наконец, после странствий и многочисленных бедствий, в сей великолепной и украшенной многочисленными памятниками столице.
Here I obtained a situation....	И здесь я место достал...
I obtained it and I lost it again.	Достал и опять потерял.
Do you understand?	Понимаете-с?
This time it was through my own fault I lost it: for my weakness had come out....	Тут уже по собственной вине потерял, ибо черта моя наступила...
We have now part of a room at Amalia Fyodorovna Lippevechsel's; and what we live upon and what we pay our rent with, I could not say.	Проживаем же теперь в угле, у хозяйки Амалии Федоровны Липпевехсель, а чем живем и чем платим, не ведаю.

There are a lot of people living there besides ourselves.	Живут же там многие и кроме нас...
Dirt and disorder, a perfect Bedlam... hm... yes...	Содом-с, безобразнейший... гм... да...
And meanwhile my daughter by my first wife has grown up; and what my daughter has had to put up with from her step-mother whilst she was growing up, I won't speak of.	А тем временем возросла и дочка моя, от первого брака, и что только вытерпела она, дочка моя, от мачехи своей, возрастая, о том я умалчиваю.
For, though Katerina Ivanovna is full of generous feelings, she is a spirited lady, irritable and short--tempered....	Ибо хотя Катерина Ивановна и преисполнена великодушных чувств, но дама горячая и раздраженная, и оборвет...
Yes.	Да-с!
But it's no use going over that!	Ну да нечего вспоминать о том!
Sonia, as you may well fancy, has had no education.	Воспитания, как и представить можете, Соня не получила.
I did make an effort four years ago to give her a course of geography and universal history, but as I was not very well up in those subjects myself and we had no suitable books, and what books we had... hm, anyway we have not even those now, so all our instruction came to an end.	Пробовал я с ней, года четыре тому, географию и всемирную историю проходить; но как я сам в познании сем был некрепок, да и приличных к тому руководств не имелось, ибо какие имевшиеся книжки... гм!.. ну, их уже теперь и нет, этих книжек, то тем и кончилось все обучение.
We stopped at Cyrus of Persia.	На Кире Персидском остановились.
Since she has attained years of maturity, she has read other books of romantic tendency and of late she had read with great interest a book she got through Mr. Lebeziatnikov, Lewes' Physiology--do you know it?--and even recounted extracts from it to us: and that's the whole of her education.	Потом, уже достигнув зрелого возраста, прочла она несколько книг содержания романического, да недавно еще, через посредство господина Лебезятникова, одну книжку - "Физиологию" Льюиса, изволите знать-с? - с большим интересом прочла и даже нам отрывочно вслух сообщала: вот и все ее просвещение.
And now may I venture to address you, honoured sir, on my own account with a private question. Do you suppose that a respectable poor girl can earn much by honest work?	Теперь же обращусь к вам, милостивый государь мой, сам от себя с вопросом приватным: много ли может, повашему, бедная, но честная девица честным трудом заработать?..
Not fifteen farthings a day can she earn, if she is respectable and has no special talent and that without putting her work down for an instant!	Пятнадцать копеек в день, сударь, не заработает, если честна и не имеет особых талантов, да и то рук не покладая работавши!

And what's more, Ivan Ivanitch Klopstock the civil counsellor--have you heard of him? --has not to this day paid her for the half-dozen linen shirts she made him and drove her roughly away, stamping and reviling her, on the pretext that the shirt collars were not made like the pattern and were put in askew.	Да и то статский советник Клопшток, Иван Иванович, - изволили слышать? - не только денег за шитье полдюжины голландских рубах до сих пор не отдал, но даже с обидой погнал ее, затопав ногами и обозвав неприлично, под видом будто бы рубашечный ворот сшит не по мерке и косяком.
And there are the little ones hungry....	А тут ребятишки голодные...
And Katerina Ivanovna walking up and down and wringing her hands, her cheeks flushed red, as they always are in that disease:	А тут Катерина Ивановна, руки ломая, по комнате ходит, да красные пятна у ней на щеках выступают, - что в болезни этой и всегда бывает:
'Here you live with us,' says she, 'you eat and drink and are kept warm and you do nothing to help.' And much she gets to eat and drink when there is not a crust for the little ones for three days!	"Живешь, дескать, ты, дармоедка, у нас, ешь и пьешь и теплом пользуешься", а что тут пьешь и ешь, когда и ребятишки-то по три дня корки не видят!

I was lying at the time... well, what of it! I was lying drunk and I heard my Sonia speaking (she is a gentle creature with a soft little voice... fair hair and such a pale, thin little face). She said:	Лежал я тогда... ну, да уж что! лежал пьяненькой-с, и слышу, говорит моя Соня (безответная она, и голосок у ней такой кроткий... белокуренькая, личико всегда бледненькое, худенькое), говорит:
'Katerina Ivanovna, am I really to do a thing like that?'	"Что ж, Катерина Ивановна, неужели же мне на такое дело пойти?"
And Darya Frantsovna, a woman of evil character and very well known to the police, had two or three times tried to get at her through the landlady.	А уж Дарья Францевна, женщина злонамеренная и полиции многократно известная, раза три через хозяйку наведывалась.
'And why not?' said Katerina Ivanovna with a jeer, 'you are something mighty precious to be so careful of!'	"А что ж, - отвечает Катерина Ивановна, в пересмешку, - чего беречь? Эко сокровище!"
But don't blame her, don't blame her, honoured sir, don't blame her!	Но не вините, не вините, милостивый государь, не вините!
She was not herself when she spoke, but driven to distraction by her illness and the crying of the hungry children; and it was said more to wound her than anything else....	Не в здравом рассудке сие сказано было, а при взволнованных чувствах, в болезни и при плаче детей не евших, да и сказано более ради оскорбления, чем в точном смысле...
For that's Katerina Ivanovna's character,	Ибо Катерина Ивановна такого уж

and when children cry, even from hunger, she falls to beating them at once.	характера, и как расплачутся дети, хоть бы и с голоду, тотчас же их бить начинает.
At six o'clock I saw Sonia get up, put on her kerchief and her cape, and go out of the room and about nine o'clock she came back.	И вижу я, эдак часу в шестом, Сонечка встала, надела платочек, надела бурнусик и с квартиры отправилась, а в девятом часу и назад обратно пришла.
She walked straight up to Katerina Ivanovna and she laid thirty roubles on the table before her in silence.	Пришла, и прямо к Катерине Ивановне, и на стол перед ней тридцать целковых молча выложила.
She did not utter a word, she did not even look at her, she simply picked up our big green _drap de dames_ shawl (we have a shawl, made of _drap de dames_), put it over her head and face and lay down on the bed with her face to the wall; only her little shoulders and her body kept shuddering....	Ни словечка при этом не вымолвила, хоть бы взглянула, а взяла только наш большой драдедамовый зеленый платок (общий такой у нас платок есть, драдедамовый), накрыла им совсем голову и лицо и легла на кровать, лицом к стенке, только плечики да тело все вздрагивают...
And I went on lying there, just as before....	А я, как и давеча, в том же виде лежал-с...
And then I saw, young man, I saw Katerina Ivanovna, in the same silence go up to Sonia's little bed; she was on her knees all the evening kissing Sonia's feet, and would not get up, and then they both fell asleep in each other's arms... together, together... yes... and I... lay drunk."	И видел я тогда, молодой человек, видел я, как затем Катерина Ивановна, также ни слова не говоря, подошла к Сонечкиной постельке и весь вечер в ногах у ней на коленках простояла, ноги ей целовала, встать не хотела, а потом так обе и заснули вместе, обнявшись... обе... обе... да-с... а я... лежал пьяненькой-с.
Marmeladov stopped short, as though his voice had failed him.	Мармеладов замолчал, как будто голос у него пресекся.
Then he hurriedly filled his glass, drank, and cleared his throat.	Потом вдруг поспешно налил, выпил и крякнул.

"Since then, sir," he went on after a brief pause--"Since then, owing to an unfortunate occurrence and through information given by evil-intentioned persons--in all which Darya Frantsozna took a leading part on the pretext that she had been treated with want of respect--since then my daughter Sofya Semyonovna has been forced to take a yellow ticket, and owing to that she is unable to go on living with us.	- С тех пор, государь мой, - продолжал он после некоторого молчания, - с тех пор, по одному неблагоприятному случаю и по донесению неблагонамеренных лиц, - чему особенно способствовала Дарья Францевна, за то будто бы, что ей в надлежащем почтении манкировали, - с тех пор дочь моя, Софья Семеновна, желтый билет принуждена была получить, и уже вместе с нами по случаю сему не могла оставаться.
--	---

For our landlady, Amalia Fyodorovna would not hear of it (though she had backed up Darya Frantsovna before) and Mr. Lebeziatnikov too... hm....	Ибо и хозяйка, Амалия Федоровна, того допустить не хотела (а сама же прежде Дарье Францевне способствовала), да и господин Лебезятников... гм...
All the trouble between him and Katerina Ivanovna was on Sonia's account.	Вот за Соню-то и вышла у него эта история с Катериною Ивановной.
At first he was for making up to Sonia himself and then all of a sudden he stood on his dignity: 'how,' said he, 'can a highly educated man like me live in the same rooms with a girl like that?'	Сначала сам добивался от Сонечки, а тут и в амбицию вдруг вошли: "Как, дескать, я, такой просвещенный человек, в одной квартире с таковскою буду жить?"
And Katerina Ivanovna would not let it pass, she stood up for her... and so that's how it happened.	А Катерина Ивановна не спустила, вступилась... ну и произошло...
And Sonia comes to us now, mostly after dark; she comforts Katerina Ivanovna and gives her all she can....	И заходит к нам Сонечка теперь более в сумерки, и Катерину Ивановну облегчает, и средства посильные доставляет.
She has a room at the Kapernaumovs' the tailors, she lodges with them; Kapernaumov is a lame man with a cleft palate and all of his numerous family have cleft palates too.	Живет же на квартире у портного Капернаумова, квартиру у них снимает, а Капернаумов хром и косноязычен, и все многочисленнейшее семейство его тоже косноязычное.
And his wife, too, has a cleft palate.	И жена его тоже косноязычная...
They all live in one room, but Sonia has her own, partitioned off....	В одной комнате помещаются, а Соня свою имеет особую, с перегородкой...
Hm... yes... very poor people and all with cleft palates... yes.	Гм, да... Люди беднейшие и косноязычные... да...
Then I got up in the morning, and put on my rags, lifted up my hands to heaven and set off to his excellency Ivan Afanasyvitch.	Только встал я тогда поутру-с, одел лохмотья мои, воздел руки к небу и отправился к его превосходительству Ивану Афанасьевичу.
His excellency Ivan Afanasyvitch, do you know him?	Его превосходительство Ивана Афанасьевича изволите знать?..
No?	Нет?
Well, then, it's a man of God you don't know.	Ну так божия человека не знаете!
He is wax... wax before the face of the Lord; even as wax melteth!...	Это - воск... воск перед лицом господним; яко тает воск!..
His eyes were dim when he heard my	Даже прослезились, изволив все

story.	выслушать.
'Marmeladov, once already you have deceived my expectations...	"Ну, говорит, Мармеладов, раз уже ты обманул мои ожидания..."
I'll take you once more on my own responsibility'--that's what he said, 'remember,' he said, 'and now you can go.'	Беру тебя еще раз на личную свою ответственность, - так и сказали, - помни, дескать, ступай!"
I kissed the dust at his feet--in thought only, for in reality he would not have allowed me to do it, being a statesman and a man of modern political and enlightened ideas. I returned home, and when I announced that I'd been taken back into the service and should receive a salary, heavens, what a to-do there was!..."	Облобызал я прах ног его, мысленно, ибо взаправду не дозволили бы, бывши сановником и человеком новых государственных и образованных мыслей; воротился домой, и как объявил, что на службу опять зачислен и жалование получаю, что тогда было!...
Marmeladov stopped again in violent excitement.	Мармеладов опять остановился в сильном волнении.
At that moment a whole party of revellers already drunk came in from the street, and the sounds of a hired concertina and the cracked piping voice of a child of seven singing	В это время вошла с улицы целая партия пьяниц, уже и без того пьяных, и раздались у входа звуки нанятой шарманки и детский, надтреснутый семилетний голосок, певший
"The Hamlet" were heard in the entry.	"Хуторок".
The room was filled with noise.	Стало шумно.
The tavern-keeper and the boys were busy with the new-comers.	Хозяин и прислуга занялись вошедшими.
Marmeladov paying no attention to the new arrivals continued his story.	Мармеладов, не обращая внимания на вошедших, стал продолжать рассказ.
He appeared by now to be extremely weak, but as he became more and more drunk, he became more and more talkative.	Он, казалось уже сильно ослаб, но чем более хмелел, тем становился словоохотнее.
The recollection of his recent success in getting the situation seemed to revive him, and was positively reflected in a sort of radiance on his face.	Воспоминания о недавнем успехе по службе как бы оживили его и даже отразились на лице его каким-то сиянием.
Raskolnikov listened attentively.	Раскольников слушал внимательно.
"That was five weeks ago, sir.	- Было же это, государь мой, назад пять недель.
Yes....	Да...

As soon as Katerina Ivanovna and Sonia heard of it, mercy on us, it was as though I stepped into the kingdom of Heaven.	Только что узнали они обе, Катерина Ивановна и Сонечка, господи, точно я в царствие божие переселился.
It used to be: you can lie like a beast, nothing but abuse.	Бывало, лежи, как скот, только брань!
Now they were walking on tiptoe, hushing the children.	А ныне: на цыпочках ходят, детей унимают:
'Semyon Zaharovitch is tired with his work at the office, he is resting, shh!'	"Семен Захарыч на службе устал, отдыхает, тш!"
They made me coffee before I went to work and boiled cream for me!	Кофеем меня перед службой поят, сливки кипятят!
They began to get real cream for me, do you hear that?	Сливков настоящих доставать начали, слышите!

And how they managed to get together the money for a decent outfit--eleven roubles, fifty copecks, I can't guess.	И откуда они сколотились мне на обмундировку приличную, одиннадцать рублей пятьдесят копеек, не понимаю?
Boots, cotton shirt-fronts--most magnificent, a uniform, they got up all in splendid style, for eleven roubles and a half.	Сапоги, манишки коленкоровые - великолепнейшие, вицмундир, все за одиннадцать с полтиной состряпали в превосходнейшем виде-с.
The first morning I came back from the office I found Katerina Ivanovna had cooked two courses for dinner--soup and salt meat with horse radish--which we had never dreamed of till then.	Пришел я в первый день поутру со службы, смотрю: Катерина Ивановна два блюда сготовила, суп и солонину под хреном, о чем и понятия до сих пор не имелось.
She had not any dresses... none at all, but she got herself up as though she were going on a visit; and not that she'd anything to do it with, she smartened herself up with nothing at all, she'd done her hair nicely, put on a clean collar of some sort, cuffs, and there she was, quite a different person, she was younger and better looking.	Платьев-то нет у ней никаких... то есть никаких-с, а тут точно в гости собралась, приделась, и не то чтобы что-нибудь, а так, из ничего все сделать сумеют: причешутся, воротничок там какой-нибудь чистенький, нарукавнички, ан совсем другая особа выходит, и помолодела, и похорошела.
Sonia, my little darling, had only helped with money 'for the time,' she said, 'it won't do for me to come and see you too often. After dark maybe when no one can see.'	Сонечка, голубка моя, только деньгами способствовала, а самой, говорит, мне теперь, до времени, у вас часто бывать неприлично, так разве, в сумерки чтобы никто не видал.
Do you hear, do you hear?	Слышите, слышите?
	Пришел я после обеда заснуть, так что ж

I lay down for a nap after dinner and what do you think: though Katerina Ivanovna had quarrelled to the last degree with our landlady Amalia Fyodorovna only a week before, she could not resist then asking her in to coffee.	бы вы думали, ведь не вытерпела Катерина Ивановна: за неделю еще с хозяйкой, с Амалией Федоровной, последним образом перессорились, а тут на чашку кофею позвала.
For two hours they were sitting, whispering together.	Два часа просидели и все шептались:
'Semyon Zaharovitch is in the service again, now, and receiving a salary,' says she, 'and he went himself to his excellency and his excellency himself came out to him, made all the others wait and led Semyon Zaharovitch by the hand before everybody into his study.'	"Дескать, как теперь Семен Захарыч на службе и жалование получает, и к его превосходительству сам являлся, и его превосходительство сам вышел, всем ждять велел, а Семена Захарыча мимо всех за руку в кабинет провел".
Do you hear, do you hear?	Слышите, слышите?
'To be sure,' says he, 'Semyon Zaharovitch, remembering your past services,' says he, 'and in spite of your propensity to that foolish weakness, since you promise now and since moreover we've got on badly without you,' (do you hear, do you hear;) 'and so,' says he, 'I rely now on your word as a gentleman.' And all that, let me tell you, she has simply made up for herself, and not simply out of wantonness, for the sake of bragging; no, she believes it all herself, she amuses herself with her own fancies, upon my word she does!	"Я, конечно, говорит, Семен Захарыч, помня ваши заслуги, и хотя вы и придерживались этой легкомысленной слабости, но как уж вы теперь обещаетесь, и что сверх того без вас у нас худо пошло (слышите, слышите!), то и надеюсь, говорит, теперь на ваше благородное слово", то есть все это, я вам скажу, взяла да и выдумала, и не то чтоб из легкомыслия, для одной похвальбы-с! Нет-с, сама всему верит, собственным воображениями сама себя тешит ей-богу-с!
And I don't blame her for it, no, I don't blame her!...	И я не осуждаю: нет, этого я не осуждаю!..

Six days ago when I brought her my first earnings in full--twenty-three roubles forty copecks altogether--she called me her poppet: 'poppet,' said she, 'my little poppet.'	Когда же, шесть дней назад, я первое жалованье мое - двадцать три рубля сорок копеек - сполна принес, малявочкой меня назвала: "Малявочка, говорит, ты эдакая!"
And when we were by ourselves, you understand?	И наедине-с, понимаете ли?
You would not think me a beauty, you would not think much of me as a husband, would you?...	Ну уж что, кажется, во мне за краса, и какой я супруг?
Well, she pinched my cheek, 'my little poppet,' said she."	Нет, ущипнула за щеку: "Малявочка ты эдакая!" -говорит.

Marmeladov broke off, tried to smile, but suddenly his chin began to twitch.	Мармеладов остановился, хотел было улыбнуться, но вдруг подбородок его запрыгал.
He controlled himself however.	Он, впрочем, удержался.
The tavern, the degraded appearance of the man, the five nights in the hay barge, and the pot of spirits, and yet this poignant love for his wife and children bewildered his listener.	Этот кабаk, развращенный вид, пять ночей на сенных барках и штоф, а вместе с тем эта болезненная любовь к жене и семье сбивали его слушателя с толку.
Raskolnikov listened intently but with a sick sensation.	Раскольников слушал напряженно, но с ощущением болезненным.
He felt vexed that he had come here.	Он досадовал, что зашел сюда.
"Honoured sir, honoured sir," cried Marmeladov recovering himself--"Oh, sir, perhaps all this seems a laughing matter to you, as it does to others, and perhaps I am only worrying you with the stupidity of all the trivial details of my home life, but it is not a laughing matter to me.	- Милостивый государь, милостивый государь! -воскликнул Мармеладов, оправившись, - о государь мой, вам, может быть, все это в смех, как и прочим, и только беспокою я вас глупостию всех этим мизерных подробностей домашней жизни моей, ну а мне не в смех!
For I can feel it all....	Ибо я все это могу чувствовать.
And the whole of that heavenly day of my life and the whole of that evening I passed in fleeting dreams of how I would arrange it all, and how I would dress all the children, and how I should give her rest, and how I should rescue my own daughter from dishonour and restore her to the bosom of her family....	И в продолжение всего того райского дня моей жизни и всего того вечера я и сам в мечтаниях летучих препровождал: и то есть как я это все устрою и ребятишек одену, и ей спокой дам, и дочь мою единородную от бесчестья в лоно семьи возвращу...
And a great deal more....	И многое, многое...
Quite excusable, sir.	Позволительно, сударь.
Well, then, sir" (Marmeladov suddenly gave a sort of start, raised his head and gazed intently at his listener) "well, on the very next day after all those dreams, that is to say, exactly five days ago, in the evening, by a cunning trick, like a thief in the night, I stole from Katerina Ivanovna the key of her box, took out what was left of my earnings, how much it was I have forgotten, and now look at me, all of you!	Ну-с, государь ты мой (Мармеладов вдруг как будто вздрогнул, поднял голову и в упор посмотрел на своего слушателя), ну-с, а на другой же день, после всех сих мечтаний (то есть это будет ровно пять суток назад тому), к вечеру, я хитрым обманом, как тать в ночи, похитил у Катерины Ивановны от сундука ее ключ, вынул что осталось из принесенного жалованья, сколько всего уж не помню, и вот-с, глядите на меня, все!

It's the fifth day since I left home, and they are looking for me there and it's the end of my employment, and my uniform is lying in a tavern on the Egyptian bridge. I exchanged it for the garments I have on... and it's the end of everything!"	Пятый день из дома, и там меня ищут, и службе конец, и вицмундир в распивочной у Египетского моста лежит, взамен чего и получил сие одеяние... и всему конец!
Marmeladov struck his forehead with his fist, clenched his teeth, closed his eyes and leaned heavily with his elbow on the table.	Мармеладов стукнул себя кулаком по лбу, стиснул зубы, закрыл глаза и крепко оперся локтем на стол.
But a minute later his face suddenly changed and with a certain assumed slyness and affectation of bravado, he glanced at Raskolnikov, laughed and said:	Но через минуту лицо его вдруг изменилось, и с каким-то напускным лукавством и выделанным нахальством взглянул на Раскольникова, засмеялся и проговорил:
"This morning I went to see Sonia, I went to ask her for a pick-me-up!	- А сегодня у Сони был, на похмелье ходил просить!
He-he-he!"	Хе-хе-хе!
"You don't say she gave it to you?" cried one of the newcomers; he shouted the words and went off into a guffaw.	- Неужели дала? - крикнул кто-то со стороны из вошедших, крикнул и захохотал во всю глотку.
"This very quart was bought with her money," Marmeladov declared, addressing himself exclusively to Raskolnikov.	- Вот этот самый полуштоф-с на ее деньги и куплен, - произнес Мармеладов, исключительно обращаясь к Раскольникову.
"Thirty copecks she gave me with her own hands, her last, all she had, as I saw....	- Тридцать копеек вынесла, своими руками, последние, все что было, сам видел...
She said nothing, she only looked at me without a word....	Ничего не сказала, только молча на меня посмотрела...
Not on earth, but up yonder... they grieve over men, they weep, but they don't blame them, they don't blame them!	Так не на земле, а там... о людях тоскуют, плачут, а не укоряют, не укоряют!
But it hurts more, it hurts more when they don't blame!	А это больней-с, больней-с, когда не укоряют!..
Thirty copecks yes!	Тридцать копеек, да-с.
And maybe she needs them now, eh?	А ведь и ей теперь они

	нужны, а?
What do you think, my dear sir?	Как вы думаете, сударь мой дорогой?
For now she's got to keep up her appearance.	Ведь она теперь чистоту наблюдать должна.
It costs money, that smartness, that special smartness, you know?	Денег стоит сия чистота, особая-то, понимаете?
Do you understand?	Понимаете ли, сударь, что значит сия чистота?
And there's pomatum, too, you see, she must have things; petticoats, starched ones, shoes, too, real jaunty ones to show off her foot when she has to step over a puddle. Do you understand, sir, do you understand what all that smartness means? And here I, her own father, here I took thirty copecks of that money for a drink!	Ну-с, а я вот, кровный-то отец, тридцатьто эти копеек и стащил себе на похмелье!
And I am drinking it!	И пью-с!

And I have already drunk it!	И уж пропил-с!..
Come, who will have pity on a man like me, eh?	Ну, кто же такого, как я, пожалеет? ась?
Are you sorry for me, sir, or not?	Жаль вам теперь меня, сударь, аль нет?
Tell me, sir, are you sorry or not?	Говорите, сударь, жаль али нет?
He-he-he!"	Хе-хе-хе-хе!
He would have filled his glass, but there was no drink left.	Он хотел было налить, но уже нечего было.
The pot was empty.	Полуштоф был пустой.
"What are you to be pitied for?" shouted the tavern-keeper who was again near them.	- Да чего тебя жалеть-то? - крикнул хозяин, очутившийся опять подле них.
Shouts of laughter and even oaths followed.	Раздался смех и даже ругательства.
The laughter and the oaths came from those who were listening and also from those who had heard nothing but were simply looking at the figure of the discharged government clerk.	Смеялись и ругались слушавшие и неслушавшие, так, глядя только на одну фигуру отставного чиновника.
"To be pitied! Why am I to be pitied?" Marmeladov suddenly declaimed, standing up with his arm outstretched, as though he had been only waiting for that question.	- Жалеть! зачем меня жалеть! - вдруг возопил Мармеладов, вставая с протянутою вперед рукой, в решительном вдохновении, как будто только и ждал этих слов.
"Why am I to be pitied, you say?	- Зачем жалеть, говоришь ты?
Yes! there's nothing to pity me for!	Да! меня жалеть не за что!
I ought to be crucified, crucified on a cross, not pitied!	Меня распять надо, распять на кресте, а не жалеть!
Crucify me, oh judge, crucify me but pity me!	Но распни, судия, распни и, распяв, пожалей его!
And then I will go of myself to be crucified, for it's not merry-making I seek but tears and tribulation!...	И тогда я сам к тебе пойду на пропятие, ибо не веселья жажду, а скорби и слез!..
Do you suppose, you that sell, that this pint of yours has been sweet to me?	Думаешь ли ты, продавец, что этот полуштоф твой мне в сласть пошел?

It was tribulation I sought at the bottom of it, tears and tribulation, and have found it, and I have tasted it; but He will pity us Who has had pity on all men, Who has understood all men and all things, He is the One, He too is the judge.	Скорби, скорби искал я на дне его, скорби и слез, и вкусил, и обрел; а пожалеет нас тот, кто всех пожалел и кто всех и вся понимал, он единый, он и судия.
He will come in that day and He will ask:	Приидет в тот день и спросит:
'Where is the daughter who gave herself for her cross, consumptive step-mother and for the little children of another?	"А где дочь, что мачехе злой и чахоточной, что детям чужим и малолетним себя предала?
Where is the daughter who had pity upon the filthy drunkard, her earthly father, undismayed by his beastliness?'	Где дочь, что отца своего земного, пьяницу непотребного, не ужасаясь зверства его, пожалела?"
And He will say,	И скажет:
' Come to me!	"Прииди!

I have already forgiven thee once....	Я уже простил тебя раз...
I have forgiven thee once....	Простил тебя раз...
Thy sins which are many are forgiven thee for thou hast loved much....'	Прощаются же и теперь грехи твои мнози, за то, что возлюбила много..."
And he will forgive my Sonia, He will forgive, I know it...	И простит мою Соню, простит, я уж знаю, что простит...
I felt it in my heart when I was with her just now!	Я это давеча, как у ней был, в моем сердце почувствовал!..
And He will judge and will forgive all, the good and the evil, the wise and the meek....	И всех рассудит и простит, и добрых и злых, и премудрых и смиренных...
And when He has done with all of them, then He will summon us.	И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам:
' You too come forth,' He will say,	"Выходите, скажет, и вы!
'Come forth ye drunkards, come forth, ye weak ones, come forth, ye children of shame!'	Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники!"
And we shall all come forth, without shame and shall stand before him.	И мы выйдем все, не стыдясь, и станем.
And He will say unto us,	И скажет:
'Ye are swine, made in the Image of the Beast and with his mark; but come ye also!'	"Свиньи вы! образа звериного и печати его; но приидите и вы!"
And the wise ones and those of understanding will say,	И возглаголят премудрые, возглаголят разумные:

' Oh Lord, why dost Thou receive these men?'	"Господи! почто сих приемлеши?"
And He will say,	И скажет:
'This is why I receive them, oh ye wise, this is why I receive them, oh ye of understanding, that not one of them believed himself to be worthy of this.'	"Потому их приемлю, премудрые, потому приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего..."
And He will hold out His hands to us and we shall fall down before him... and we shall weep... and we shall understand all things!	И прострет к нам руке свои, и мы припадем... и заплачем... и все поймем!
Then we shall understand all!... and all will understand, Katerina Ivanovna even... she will understand....	Тогда все поймем!.. и все поймут... и Катерина Ивановна... и она поймет...
Lord, Thy kingdom come!"	Господи, да придет царствие твое!
And he sank down on the bench exhausted, and helpless, looking at no one, apparently oblivious of his surroundings and plunged in deep thought.	И он опустился на лавку, истощенный и обессиленный, ни на кого не смотря, как бы забыв окружающее и глубоко задумавшись.
His words had created a certain impression; there was a moment of silence; but soon laughter and oaths were heard again.	Слова его произвели некоторое впечатление; на минуту воцарилось молчание, но вскоре раздались прежний смех и ругательства:
"That's his notion!"	- Рассудил!
"Talked himself silly!"	- Заврался!

"A fine clerk he is!"	- Чиновник!
And so on, and so on.	И проч. и проч.
"Let us go, sir," said Marmeladov all at once, raising his head and addressing Raskolnikov--" come along with me...	- Пойдемте, сударь, - сказал вдруг Мармеладов, поднимая голову и обращаясь к Раскольникову,- доведите меня...
Kozel's house, looking into the yard.	Дом Козеля, на дворе.
I'm going to Katerina Ivanovna--time I did."	Пора... к Катерине Ивановне...
Raskolnikov had for some time been wanting to go and he had meant to help him.	Раскольникову давно уже хотелось уйти; помочь же ему он и сам думал.
Marmeladov was much unsteadier on his legs than in his speech and leaned heavily on the young man.	Мармеладов оказался гораздо слабее ногами, чем в речах, и крепко оперся на молодого человека.

They had two or three hundred paces to go.	Идти было шагов двести-триста.
The drunken man was more and more overcome by dismay and confusion as they drew nearer the house.	Смущение и страх все более и более овладевали пьяницей по мере приближения к дому.
"It's not Katerina Ivanovna I am afraid of now," he muttered in agitation--"and that she will begin pulling my hair.	- Я не Катерины Ивановны теперь боюсь, -бормотал он в волнении, - и не того, что она мне волосы драть начнет.
What does my hair matter! Bother my hair!	Что волосы!.. вздор волосы!
That's what I say!	Это я говорю!
Indeed it will be better if she does begin pulling it, that's not what I am afraid of... it's her eyes I am afraid of... yes, her eyes... the red on her cheeks, too, frightens me... and her breathing too....	Оно даже и лучше, коли драть начнет, а я не того боюсь... я... глаз ее боюсь... да... глаз... Красных пятен на щеках тоже боюсь... и еще - ее дыхания боюсь...
Have you noticed how people in that disease breathe... when they are excited?	Видал ты, как в этой болезни дышат... при взволнованных чувствах?
I am frightened of the children's crying, too....	Детского плача тоже боюсь...
For if Sonia has not taken them food...	Потому как если Соня не накормила, то... уж и не знаю что! не знаю!
I don't know what's happened!	А побоев не боюсь...
I don't know! But blows I am not afraid of....	Знай, сударь, что мне таковые побои не токмо не в боль, но и в наслаждение бывают...
Know, sir, that such blows are not a pain to me, but even an enjoyment.	Ибо без сего я и сам не могу обойтись.
In fact I can't get on without it....	Оно лучше.
It's better so. Let her strike me, it relieves her heart... it's better so...	Пусть побьет, душу отведет... оно лучше...
There is the house.	А вот и дом.
The house of Kozel, the cabinet-maker... a German, well-to-do.	Козеля дом. Слесаря, немца, богатого... води!
Lead the way!" They went in from the yard and up to the fourth storey.	Они вошли со двора и прошли в четвертый этаж.
The staircase got darker and darker as they went up.	Лестница чем дальше, тем становилась темнее.

It was nearly eleven o'clock and although

in summer in Petersburg there is no real night, yet it was quite dark at the top of the stairs.	Было уже почти одиннадцать часов, и хотя в эту пору в Петербурге нет настоящей ночи, но на верху лестницы было очень темно.
A grimy little door at the very top of the stairs stood ajar.	Маленькая закоптелая дверь в конце лестницы, на самом верху, была отворена.
A very poor-looking room about ten paces long was lighted up by a candle-end; the whole of it was visible from the entrance.	Огарок освещал беднейшую комнату шагов в десять длиной; всю ее было видно из сеней.
It was all in disorder, littered up with rags of all sorts, especially children's garments.	Все было разбросано и в беспорядке, в особенности разное детское тряпье.
Across the furthest corner was stretched a ragged sheet.	Через задний угол была протянута дырявая простыня.
Behind it probably was the bed.	За нею, вероятно, помещалась кровать.
There was nothing in the room except two chairs and a sofa covered with American leather, full of holes, before which stood an old deal kitchen-table, unpainted and uncovered.	В самой же комнате было всего только два стула и клеенчатый очень ободранный диван, перед которым стоял старый кухонный сосновый стол, некрашенный и ничем не покрытый.
At the edge of the table stood a smoldering tallow-candle in an iron candlestick.	На краю стола стоял догоравший сальный огарок в железном подсвечнике.
It appeared that the family had a room to themselves, not part of a room, but their room was practically a passage.	Выходило, что Мармеладов помещался в особой комнате, а не в углу, но комната его была проходная.
The door leading to the other rooms, or rather cupboards, into which Amalia Lippevechsel's flat was divided stood half open, and there was shouting, uproar and laughter within.	Дверь в дальнейшие помещения или клетки, на которые разбивалась квартира Амалии Липпевехсель, была приотворена. Там было шумно и крикливо.
People seemed to be playing cards and drinking tea there.	Хохотали. Кажется, играли в карты и пили чай.
Words of the most unceremonious kind flew out from time to time.	Вылетали иногда слова самые нецеремонные.
Raskolnikov recognised Katerina Ivanovna at once.	Раскольников тотчас признал Катерину Ивановну.
She was a rather tall, slim and graceful	Это была ужасно похудевшая женщина, тонкая, довольно высокая и стройная, еще с

woman, terribly emaciated, with magnificent dark brown hair and with a hectic flush in her cheeks.	прекрасными темно-русыми волосами и действительно с раскрасневшимися до пятен щеками.
She was pacing up and down in her little room, pressing her hands against her chest; her lips were parched and her breathing came in nervous broken gasps.	Она ходила взад и вперед по своей небольшой комнате, сжав руки на груди, с запекшимися губами и неровно, прерывисто дышала.
Her eyes glittered as in fever and looked about with a harsh immovable stare. And that consumptive and excited face with the last flickering light of the candle-end playing upon it made a sickening impression.	Глаза ее блестели как в лихорадке, но взгляд был резок и неподвижен, и болезненное впечатление производило это чахоточное и взволнованное лицо, при последнем освещении догоравшего огарка, трепетавшем на лице ее.

She seemed to Raskolnikov about thirty years old and was certainly a strange wife for Marmeladov....	Раскольникову она показалась лет тридцати, и действительно была не пара Мармеладову...
She had not heard them and did not notice them coming in.	Входящих она не слушала и не видела.
She seemed to be lost in thought, hearing and seeing nothing. The room was close, but she had not opened the window; a stench rose from the staircase, but the door on to the stairs was not closed. From the inner rooms clouds of tobacco smoke floated in, she kept coughing, but did not close the door.	В комнате было душно, но окна она не отворила; с лестницы несло вонью, но дверь на лестницу была не затворена; из внутренних помещений, сквозь непритворенную дверь, неслись волны табачного дыма, она кашляла, но дверь не притворяла.
The youngest child, a girl of six, was asleep, sitting curled up on the floor with her head on the sofa.	Самая маленькая девочка, лет шести, спала на полу, как-то сидя, скорчившись и уткнув голову в диван.
A boy a year older stood crying and shaking in the corner, probably he had just had a beating.	Мальчик, годом старше ее, весь дрожал в углу и плакал. Его, вероятно, только что прибили.
Beside him stood a girl of nine years old, tall and thin, wearing a thin and ragged chemise with an ancient cashmere pelisse flung over her bare shoulders, long outgrown and barely reaching her knees. Her arm, as thin as a stick, was round her brother's neck. She was trying to comfort him, whispering something to him, and doing all she could to keep him from whimpering	Старшая девочка, лет девяти, высокенькая и тоненькая как спичка, в одной худенькой и разодранной всюду рубашке и в накинутом на голые плечи ветхом драдедамовом бурнусике, сшитом ей, вероятно, два года назад, потому что он не доходил теперь и до колен, стояла в углу подле маленького брата, обхватив его шею своею длинною, высохшею как спичка

again.	рукой.
At the same time her large dark eyes, which looked larger still from the thinness of her frightened face, were watching her mother with alarm.	Она, кажется, унимала его, что-то шептала ему, всячески сдерживала, чтоб он как-нибудь опять не захныкал, и в то же время со страхом следила за матерью своими большими-большими темными глазами, которые казались еще больше на ее исхудавшем и испуганном личике.
Marmeladov did not enter the door, but dropped on his knees in the very doorway, pushing Raskolnikov in front of him.	Мармеладов, не входя в комнату, стал в самых дверях на коленки, а Раскольникова протолкнул вперед.
The woman seeing a stranger stopped indifferently facing him, coming to herself for a moment and apparently wondering what he had come for.	Женщина, увидев незнакомого, рассеянно остановилась перед ним, на мгновение очнувшись и как бы соображая: зачем это он вошел?
But evidently she decided that he was going into the next room, as he had to pass through hers to get there.	Но, верно, ей тотчас же представилось, что он идет в другие комнаты, так как ихняя была проходная.
Taking no further notice of him, she walked towards the outer door to close it and uttered a sudden scream on seeing her husband on his knees in the doorway.	Сообразив это и не обращая уже более на него внимания, она пошла к сенным дверям, чтобы притворить их, и вдруг вскрикнула, увидев на самом пороге стоящего на коленках мужа.
"Ah!" she cried out in a frenzy, "he has come back!	- А! - закричала она в исступлении, - воротился!
The criminal! the monster!...	Колодник!
And where is the money?	Изверг!..
What's in your pocket, show me!	А где деньги?
And your clothes are all different!	Что у тебя в кармане, показывай!
Where are your clothes? Where is the money! Speak!"	И платье не то! где твоё платье? где деньги? говори!..
And she fell to searching him.	И она бросились его обыскивать.
Marmeladov submissively and obediently held up both arms to facilitate the search.	Мармеладов тотчас же послушно и покорно развел руки в стороны, чтобы тем облегчить карманный обыск.
Not a farthing was there.	Денег не было ни копейки.
"Where is the money?" she cried--"Mercy on us, can he have drunk it all?	- Где же деньги? - кричала она.

There were twelve silver roubles left in the chest!" and in a fury she seized him by the hair and dragged him into the room.	- О господи, неужели же он все пропил! Ведь двенадцать целковых в сундуке оставалось!.. - и вдруг, в бешенстве, она схватила его за волосы и потащила в комнату.
Marmeladov seconded her efforts by meekly crawling along on his knees.	Мармеладов сам облегчал ее усилия, смиренно ползя за нею на коленках.
"And this is a consolation to me!	- И это мне в наслаждение!
This does not hurt me, but is a positive con-so-la-tion, ho-nou-red sir," he called out, shaken to and fro by his hair and even once striking the ground with his forehead.	И это мне не в боль, а в на-слаж-дение, ми-ло-сти-вый го-су-дарь, - выкрикивал он, потрясаемый за волосы и даже раз стукнувшись лбом об пол.
The child asleep on the floor woke up, and began to cry.	Спавший на полу ребенок проснулся и заплакал.
The boy in the corner losing all control began trembling and screaming and rushed to his sister in violent terror, almost in a fit.	Мальчик в углу не выдержал, задрожал, закричал и бросился к сестре в страшном испуге, почти в припадке.
The eldest girl was shaking like a leaf.	Старшая девочка дрожала со сна как лист.
"He's drunk it! he's drunk it all," the poor woman screamed in despair--"and his clothes are gone!	- Пропил! все, все пропил! - кричала в отчаянии бедная женщина, - и платье не то!
And they are hungry, hungry! "--and wringing her hands she pointed to the children.	Голодные, голодные! (и, ломая руки, она указывала на детей).
"Oh, accursed life!	О, треклятая жизнь!
And you, are you not ashamed?"--she pounced all at once upon Raskolnikov--"from the tavern!	А вам, вам не стыдно, - вдруг набросилась она на Раскольникова, - из кабака!
Have you been drinking with him?	Ты с ним пил?
You have been drinking with him, too!	Ты тоже с ним пил!
Go away!"	Вон!
The young man was hastening away without uttering a word.	Молодой человек поспешил уйти, не говоря ни слова.
The inner door was thrown wide open and inquisitive faces were peering in at it.	К тому же внутренняя дверь отворилась настежь, и из нее выглянуло несколько любопытных.

Coarse laughing faces with pipes and cigarettes

Протягивались наглые смеющиеся

and heads wearing caps thrust themselves in at the doorway.	головы с папиросками и трубками, в ермолках.
Further in could be seen figures in dressing gowns flung open, in costumes of unseemly scantiness, some of them with cards in their hands.	Виднелись фигуры в халатах и совершенно нараспашку, в летних до неприличия костюмах, иные с картами в руках.
They were particularly diverted, when Marmeladov, dragged about by his hair, shouted that it was a consolation to him.	Особенно потешно смеялись они, когда Мармеладов, таскаемый за волосы, кричал, что это ему в наслаждение.
They even began to come into the room; at last a sinister shrill outcry was heard: this came from Amalia Lippevechsel herself pushing her way amongst them and trying to restore order after her own fashion and for the hundredth time to frighten the poor woman by ordering her with coarse abuse to clear out of the room next day.	Стали даже входить в комнату; послышался, наконец, зловещий визг: это продиралась вперед сама Амалия Липпевехсель, чтобы произвести распорядок по-свойски и в сотый раз испугать бедную женщину ругательским приказанием завтра же очистить квартиру.
As he went out, Raskolnikov had time to put his hand into his pocket, to snatch up the coppers he had received in exchange for his rouble in the tavern and to lay them unnoticed on the window.	Уходя, Раскольников успел просунуть руку в карман, загреб сколько пришлось медных денег, доставшихся ему с разменянного в распивочной рубля, и неprimетно положил на окошко.
Afterwards on the stairs, he changed his mind and would have gone back.	Потом уже на лестнице он одумался и хотел было воротиться.
"What a stupid thing I've done," he thought to himself, "they have Sonia and I want it myself."	"Ну что это за вздор такой я сделал, - подумал он, - тут у них Соня есть, а мне самому надо".
But reflecting that it would be impossible to take it back now and that in any case he would not have taken it, he dismissed it with a wave of his hand and went back to his lodging.	Но рассудив, что взять назад уже невозможно и что все-таки он и без того бы не взял, он махнул рукой и пошел на свою квартиру.
"Sonia wants pomatum too," he said as he walked along the street, and he laughed malignantly--" such smartness costs money....	"Соне помадки ведь тоже нужно, - продолжал он, шагая по улице, и язвительно усмехнулся, - денег стоит сия чистота...
Hm!	Гм!
And maybe Sonia herself will be bankrupt to-day, for there is always a risk, hunting big	А ведь Сонечка-то, пожалуй, сегодня и сама обанкрутится, потому тот же риск, охота по красному зверю...

game... digging for gold... then they would all be without a crust to-morrow except for my money.	золотопромышленность... вот они все, стало быть, и на бобах завтра без моих-то денег...
Hurrah for Sonia!	Ай да Соня!
What a mine they've dug there!	Какой колодезь, однако ж, сумели выкопать! и пользуются!
And they're making the most of it!	Вот ведь пользуются же!
Yes, they are making the most of it!	И привыкли.
They've wept over it and grown used to it.	Поплакали, и привыкли.
Man grows used to everything, the scoundrel!"	Ко всему-то подлец-человек привыкает!"
He sank into thought.	Он задумался.

"And what if I am wrong," he cried suddenly after a moment's thought. "What if man is not really a scoundrel, man in general, I mean, the whole race of mankind--then all the rest is prejudice, simply artificial terrors and there are no barriers and it's all as it should be."	- Ну а коли я соврал, - воскликнул он вдруг невольно, - коли действительно не подлец человек, весь вообще, весь род то есть человеческий, то значит, что остальное все - предрассудки, одни только страхи напущенные, и нет никаких преград, и так тому и следует быть!..
CHAPTER III	III
He waked up late next day after a broken sleep.	Он проснулся на другой день уже поздно, после тревожного сна, но сон подкрепил его.
But his sleep had not refreshed him; he waked up bilious, irritable, ill-tempered, and looked with hatred at his room.	Проснулся он желчный, раздражительный, злой и с ненавистью посмотрел на свою каморку.
It was a tiny cupboard of a room about six paces in length. It had a poverty-stricken appearance with its dusty yellow paper peeling off the walls, and it was so low-pitched that a man of more than average height was ill at ease in it and felt every moment that he would knock his head against the ceiling.	Это была крошечная клетушка, шагов в шесть длиной, имевшая самый жалкий вид с своими желтенькими, пыльными и всюду отставшими от стен обоями, и до того низкая, что чуть-чуть высокому человеку становилось в ней жутко, и все казалось, что вот-вот стукнешься головой о потолок.
The furniture was in keeping with the room: there were three old chairs, rather rickety; a painted table in the corner on which lay a few manuscripts and books; the dust that lay thick upon them showed that they had been long untouched. A big	Мебель соответствовала помещению: было три старых стула, не совсем исправных, крашеный стол в углу, на котором лежало несколько тетрадей и книг; уже по тому одному, как они были запылены, видно было, что до них давно уже не касалась ничья

clumsy sofa occupied almost the whole of one wall and half the floor space of the room; it was once covered with chintz, but was now in rags and served Raskolnikov as a bed.	рука; и, наконец, неуклюжая большая софа, занимавшая чуть не всю стену и половину ширины всей комнаты, когда-то обитая ситцем, но теперь в лохмотьях и служившая постелью Раскольникову.
Often he went to sleep on it, as he was, without undressing, without sheets, wrapped in his old student's overcoat, with his head on one little pillow, under which he heaped up all the linen he had, clean and dirty, by way of a bolster.	Часто он спал на ней так, как был, не раздеваясь, без простыни, покрываясь своим старым, ветхим, студенческим пальто и с одною маленькою подушкой в головах, под которую подкладывал все, что имел белья, чистого и заношенного, чтобы было повыше изголовье.
A little table stood in front of the sofa.	Перед софой стоял маленький столик.
It would have been difficult to sink to a lower ebb of disorder, but to Raskolnikov in his present state of mind this was positively agreeable.	Трудно было более опуститься и обнеряшиться; но Раскольникову это было даже приятно в его теперешнем состоянии духа.
He had got completely away from everyone, like a tortoise in its shell, and even the sight of a servant girl who had to wait upon him and looked sometimes into his room made him writhe with nervous irritation.	Он решительно ушел от всех, как черепаха в свою скорлупу, и даже лицо служанки, обязанной ему прислуживать и заглядывавшей иногда в его комнату, возбуждало в нем желчь и конвульсии.
He was in the condition that overtakes some monomaniacs entirely concentrated upon one thing.	Так бывает у иных мономанов, слишком на чем-нибудь сосредоточившихся.
His landlady had for the last fortnight given up sending him in meals, and he had not yet thought of expostulating with her, though he went without his dinner.	Квартирная хозяйка его две недели как уже перестала ему отпускать кушанье, и он не подумал еще до сих пор сходить объясниться с нею, хотя и сидел без обеда.
Nastasya, the cook and only servant, was rather pleased at the lodger's mood and had entirely given up sweeping and doing his room, only once a week or so she would stray into his room with a broom.	Настасья, кухарка и единственная служанка хозяйкина, отчасти была рада такому настроению жильца и совсем перестала у него убирать и мести, так только раз в неделю, нечаянно, бралась иногда за веник.
She waked him up that day.	Она же и разбудила его теперь.
"Get up, why are you asleep?" she called to him. "It's past nine, I have brought you some tea; will you have a cup?"	- Вставай, чего спишь! - закричала она над ним, -десятый час. Я тебе чай принесла; хошь чайку-то?
I should think you're fairly starving?"	Поди отощал?

Raskolnikov opened his eyes, started and recognised Nastasya.	Жилец открыл глаза, вздрогнул и узнал Настасью.
"From the landlady, eh?" he asked, slowly and with a sickly face sitting up on the sofa.	- Чай-то от хозяйки, что ль? - спросил он, медленно и с болезненным видом приподнимаясь на софе.
"From the landlady, indeed!"	- Како от хозяйки!
She set before him her own cracked teapot full of weak and stale tea and laid two yellow lumps of sugar by the side of it.	Она поставила перед ним свой собственный надтреснутый чайник, с спитым уже чаем, и положила два желтых кусочка сахару.
"Here, Nastasya, take it please," he said, fumbling in his pocket (for he had slept in his clothes) and taking out a handful of coppers--"run and buy me a loaf.	- Вот, Настасья, возьми, пожалуйста, - сказал он, пошарив в кармане (он так и спал одетый) и вытащил горсточку меди, - сходи и купи мне сайку.
And get me a little sausage, the cheapest, at the pork-butcher's."	Да возьми в колбасной хоть колбасы немного подешевле.
"The loaf I'll fetch you this very minute, but wouldn't you rather have some cabbage soup instead of sausage?	- Сайку я тебе сею минутою принесу, а не хошь ли вместо колбасы-то щей?
It's capital soup, yesterday's.	Хорошие щи, вчерашние.
I saved it for you yesterday, but you came in late.	Еще вчера тебе отставила, да ты пришел поздно.
It's fine soup."	Хорошие щи.
When the soup had been brought, and he had begun upon it, Nastasya sat down beside him on the sofa and began chatting.	Когда щи были принесены и он принялся за них, Настасья уселась подле него на софе и стала болтать.
She was a country peasant-woman and a very talkative one.	Она была из деревенских баб и очень болтливая баба.
"Praskovya Pavlovna means to complain to the police about you," she said.	- Прасковья-то Павловна в полицу на тебя хочет жалиться, - сказала она.
He scowled.	Он крепко поморщился.
"To the police?	- В полицию?

What does she want?"	Что ей надо?
"You don't pay her money and you won't turn out of the room.	- Денег не платишь и с фатеры не сходишь.
That's what she wants, to be sure."	Известно, что надо.
"The devil, that's the last straw," he	- Э, черта еще не доставало - бормотал он,

muttered, grinding his teeth, "no, that would not suit me... just now.	скрыпя зубами, - нет, это мне теперь... некстати...
She is a fool," he added aloud.	Дура она, - прибавил он громко.
"I'll go and talk to her to-day."	- Я сегодня к ней зайду, поговорю.
"Fool she is and no mistake, just as I am. But why, if you are so clever, do you lie here like a sack and have nothing to show for it?"	- Дура-то она дура, такая же, как и я, а ты что, умник, лежишь как мешок, ничего от тебя не видать?
One time you used to go out, you say, to teach children. But why is it you do nothing now?"	Прежде, говоришь, детей учить ходил, а теперь пошто ничего не делаешь?
"I am doing..." Raskolnikov began sullenly and reluctantly.	- Я делаю... - нехотя и сурово проговорил Раскольников.
"What are you doing?"	- Что делаешь?
"Work..."	- Работу...
"What sort of work?"	- Каку работу?
"I am thinking," he answered seriously after a pause.	- Думаю, - серьезно отвечал он помолчав.
Nastasya was overcome with a fit of laughter.	Настасья так и покатилась со смеху.
She was given to laughter and when anything amused her, she laughed inaudibly, quivering and shaking all over till she felt ill.	Она была из смешливых и, когда рассмешат, смеялась неслышно, колыхаясь и трясясь всем телом, до тех пор, что самой тошно уж становилось.
"And have you made much money by your thinking?" she managed to articulate at last.	- Денег-то много, что ль, надумал? - смогла она наконец выговорить.
"One can't go out to give lessons without boots.	- Без сапог нельзя детей учить.
And I'm sick of it."	Да и наплевать.
"Don't quarrel with your bread and butter."	- А ты в колодезь не плюй.
"They pay so little for lessons.	- За детей медью платят.
What's the use of a few coppers?" he answered, reluctantly, as though replying to his own thought.	Что на копейки сделаешь? - продолжал он с неохотой, как бы отвечая собственным мыслям.
"And you want to get a fortune all at	

once?"	- А тебе бы сразу весь капитал?
He looked at her strangely.	Он странно посмотрел на нее.
"Yes, I want a fortune," he answered firmly, after a brief pause.	- Да, весь капитал, - твердо отвечал он помолчав.
"Don't be in such a hurry, you quite frighten me!	- Ну, ты помаленьку, а то испугаешь; страшно уж очинна.
Shall I get you the loaf or not?"	За сайкой-то ходить али нет?

"As you please."	- Как хочешь.
"Ah, I forgot!	- Да, забыла!
A letter came for you yesterday when you were out."	К тебе ведь письмо вчера без тебя пришло.
"A letter? for me! from whom?"	- Письмо! ко мне! от кого?
"I can't say.	- От кого, не знаю.
I gave three copecks of my own to the postman for it.	Три копейки почтальону своих отдала.
Will you pay me back?"	Отдашь, что ли?
"Then bring it to me, for God's sake, bring it," cried Raskolnikov greatly excited--"good God!"	- Так неси же, ради бога, неси! - закричал весь в волнении Раскольников, - господи!
A minute later the letter was brought him.	Через минуту явилось письмо.
That was it: from his mother, from the province of R—.	Так и есть: от матери, из Р-й губернии.
He turned pale when he took it.	Он даже побледнел, принимая его.
It was a long while since he had received a letter, but another feeling also suddenly stabbed his heart.	Давно уже не получал он писем; но теперь и еще что-то другое вдруг сжало ему сердце.
"Nastasya, leave me alone, for goodness' sake; here are your three copecks, but for goodness' sake, make haste and go!"	- Настасья, уйди, ради бога; вот твои три копейки, только, ради бога, скорей уйди!
The letter was quivering in his hand; he did not want to open it in her presence; he wanted to be left _alone_ with this letter.	Письмо дрожало в руках его; он не хотел распечатывать при ней: ему хотелось остаться наедине с этим письмом.
When Nastasya had gone out, he lifted it quickly to his lips and kissed it; then he gazed intently at the address, the small,	Когда Настасья вышла, он быстро поднес его к губам и поцеловал; потом долго еще вглядывался в почерк адреса, в знакомый

sloping handwriting, so dear and familiar, of the mother who had once taught him to read and write.	и милый ему мелкий и косенький почерк его матери, учившей его когда-то читать и писать.
He delayed; he seemed almost afraid of something.	Он медлил; он даже как будто боялся чего-то.
At last he opened it; it was a thick heavy letter, weighing over two ounces, two large sheets of note paper were covered with very small handwriting.	Наконец распечатал: письмо было большое, плотное, в два лота; два большие почтовые листа были мелко-намелко исписаны.
"My dear Rodya," wrote his mother--"it's two months since I last had a talk with you by letter which has distressed me and even kept me awake at night, thinking.	"Милый мой Родя, - писала мать, - вот уже два месяца с лишком как я не беседовала с тобой письменно, от чего сама страдала и даже иную ночь не спала, думая.
But I am sure you will not blame me for my inevitable silence.	Но, наверно, ты не обвинишь меня в этом невольном моем молчании.
You know how I love you; you are all we have to look to, Dounia and I, you are our all, our one hope, our one stay.	Ты знаешь, как я люблю тебя; ты один у нас, у меня и у Дуни, ты наше все, вся надежда, упование наше.
What a grief it was to me when I heard that you had given up the university some months ago, for want of means to keep yourself and that you had lost your lessons and your other work!	Что было со мною, когда я узнала, что ты уже несколько месяцев оставил университет, за неимением чем содержать себя, и что уроки и прочие средства твои прекратились!

How could I help you out of my hundred and twenty roubles a year pension?	Чем могла я с моими ста двадцатью рублями в год пенсионера помочь тебе?
The fifteen roubles I sent you four months ago I borrowed, as you know, on security of my pension, from Vassily Ivanovitch Vahrushin a merchant of this town.	Пятнадцать рублей, которые я послала тебе четыре месяца назад, я занимала, как ты и сам знаешь, в счет этого же пенсионера, у здешнего нашего купца Афанасия Ивановича Вахрушина.
He is a kind-hearted man and was a friend of your father's too.	Он добрый человек и был еще приятелем твоего отца.
But having given him the right to receive the pension, I had to wait till the debt was paid off and that is only just done, so that I've been unable to send you anything all this time.	Но, дав ему право на получение за меня пенсионера, я должна была ждать, пока выплатится долг, а это только что теперь исполнилось, так что я ничего не могла во все это время послать тебе.
But now, thank God, I believe I shall be able to send you something more and in fact we may congratulate ourselves on our good	Но теперь, слава богу, я, кажется, могу тебе еще выслать, да и вообще мы можем теперь даже похвалиться

fortune now, of which I hasten to inform you.	фортуной, о чем и спешу сообщить тебе.
In the first place, would you have guessed, dear Rodya, that your sister has been living with me for the last six weeks and we shall not be separated in the future.	И, во-первых, угадываешь ли ты, милый Родя, что сестра твоя вот уже полтора месяца как живет со мною, и мы уже больше не разлучимся и впредь.
Thank God, her sufferings are over, but I will tell you everything in order, so that you may know just how everything has happened and all that we have hitherto concealed from you.	Слава тебе господи, кончились ее истязания, но расскажу тебе все по порядку, чтобы ты узнал, как все было, и что мы от тебя до сих пор скрывали.
When you wrote to me two months ago that you had heard that Dounia had a great deal to put up with in the Svidrigailovs' house, when you wrote that and asked me to tell you all about it--what could I write in answer to you?	Когда ты писал мне, тому назад два месяца, что слышал от кого-то, будто Дуня терпит много от грубости в доме господ Свидригайловых, и спрашивал от меня точных объяснений, - что могла я тогда написать тебе в ответ?
If I had written the whole truth to you, I dare say you would have thrown up everything and have come to us, even if you had to walk all the way, for I know your character and your feelings, and you would not let your sister be insulted.	Если б я написала тебе всю правду, то ты, пожалуй бы, все бросил и хоть пешком, а пришел бы к нам, потому я и характер и чувства твои знаю, и ты бы не дал в обиду сестру свою.
I was in despair myself, but what could I do?	Я же сама была в отчаянии, но что было делать?
And, besides, I did not know the whole truth myself then.	Я и сама-то всей правды тогда не знала.
What made it all so difficult was that Dounia received a hundred roubles in advance when she took the place as governess in their family, on condition of part of her salary being deducted every month, and so it was impossible to throw up the situation without repaying the debt.	Главное же затруднение состояло в том, что Дунечка, вступив прошлого года в их дом гувернанткой, взяла наперед целых сто рублей под условием ежемесячного вычета из жалованья, и, стало быть, и нельзя было место оставить, не расплатившись с долгом.
This sum (now I can explain it all to you, my precious Rodya) she took chiefly in order to send you sixty roubles, which you needed so terribly then and which you received from us last year.	Сумму же эту (теперь могу тебе все объяснить, бесценный Родя) взяла она более для того, чтобы выслать тебе шестьдесят рублей, в которых ты тогда так нуждался и которые ты и получил от нас в прошлом году.
We deceived you then, writing that this money came from Dounia's savings, but that was not so, and now I tell you all	Мы тебя тогда обманули, написали, что это из скопленных Дунечкиных прежних денег, но это было не так, а теперь сообщаю тебе всю

about it, because, thank God, things have suddenly changed for the better, and that you may know how Dounia loves you and what a heart she has.	правду, потому что все теперь переменялось внезапно, по воле божией, к лучшему, и чтобы ты знал, как любит тебя Дуня и какое у нее бесценное сердце.
At first indeed Mr. Svidrigailov treated her very rudely and used to make disrespectful and jeering remarks at table....	Действительно, господин Свидригайлов сначала обходился с ней очень грубо и делал ей разные неучтивости и насмешки за столом...
But I don't want to go into all those painful details, so as not to worry you for nothing when it is now all over.	Но не хочу пускаться во все эти тяжелые подробности, чтобы не волновать тебя напрасно, когда уж все теперь кончено.
In short, in spite of the kind and generous behaviour of Marfa Petrovna, Mr. Svidrigailov's wife, and all the rest of the household, Dounia had a very hard time, especially when Mr. Svidrigailov, relapsing into his old regimental habits, was under the influence of Bacchus.	Короче, несмотря на доброе и благородное обращение Марфы Петровны, супруги господина Свидригайлова, и всех домашних, Дунечке было очень тяжело, особенно когда господин Свидригайлов находился, по старой полковой привычке своей, под влиянием Бахуса.
And how do you think it was all explained later on?	Но что же оказалось впоследствии?
Would you believe that the crazy fellow had conceived a passion for Dounia from the beginning, but had concealed it under a show of rudeness and contempt.	Представь себе, что этот сумасброд давно уже возымел к Дуне страсть, но все скрывал это под видом грубости и презрения к ней.
Possibly he was ashamed and horrified himself at his own flighty hopes, considering his years and his being the father of a family; and that made him angry with Dounia.	Может быть, он и сам стыдился и приходил в ужас, видя себя уже в летах и отцом семейства, при таких легкомысленных надеждах, а потому и злился невольно на Дуню.
And possibly, too, he hoped by his rude and sneering behaviour to hide the truth from others.	А может быть, и то, что он грубостью своего обращения и насмешками хотел только прикрыть от других всю истину.
But at last he lost all control and had the face to make Dounia an open and shameful proposal, promising her all sorts of inducements and offering, besides, to throw up everything and take her to another estate of his, or even abroad.	Но наконец не удержался и осмелился сделать Дуне явное и гнусное предложение, обещая ей разные награды и сверх того бросить все и уехать с нею в другую деревню или, пожалуй, за границу.
You can imagine all she went through!	Можешь представить себе все ее страдания!
To leave her situation at once was impossible not only on account of the	Оставить сейчас место было нельзя, не только по причине денежного долга, но и

money debt, but also to spare the feelings of Marfa Petrovna, whose suspicions would have been aroused: and then Dounia would have been the cause of a rupture in the family.	щадя Марфу Петровну, которая могла бы вдруг возыметь подозрения, а следовательно, и пришлось бы поселить в семействе раздор.
And it would have meant a terrible scandal for Dounia too; that would have been inevitable.	Да и для Дунечки был бы большой скандал; уж так не обошлось бы.
There were various other reasons owing to which Dounia could not hope to escape from that awful house for another six weeks.	Были тут и многие разные причины, так что раньше шести недель Дуня никак не могла рассчитывать вырваться из этого ужасного дома.

You know Dounia, of course; you know how clever she is and what a strong will she has.	Конечно, ты знаешь Дуню, знаешь, как она умна и с каким твердым характером.
Dounia can endure a great deal and even in the most difficult cases she has the fortitude to maintain her firmness.	Дунечка многое может сносить и даже в самых крайних случаях найти в себе столько великодушия, чтобы не потерять своей твердости.
She did not even write to me about everything for fear of upsetting me, although we were constantly in communication.	Она даже мне не написала обо всем, чтобы не расстроить меня, а мы часто пересылались вестями.
It all ended very unexpectedly.	Развязка же наступила неожиданная.
Marfa Petrovna accidentally overheard her husband imploring Dounia in the garden, and, putting quite a wrong interpretation on the position, threw the blame upon her, believing her to be the cause of it all.	Марфа Петровна нечаянно подслушала своего мужа, умолявшего Дунечку в саду, и, поняв все превратно, во всем ее же и обвинила, думая, что она-то всему и причиной.
An awful scene took place between them on the spot in the garden; Marfa Petrovna went so far as to strike Dounia, refused to hear anything and was shouting at her for a whole hour and then gave orders that Dounia should be packed off at once to me in a plain peasant's cart, into which they flung all her things, her linen and her clothes, all pell-mell, without folding it up and packing it.	Произошло у них тут же в саду ужасная сцена: Марфа Петровна даже ударила Дуню, не хотела ничего слушать, а сама целый час кричала и, наконец, приказала тотчас же отвезти Дуню ко мне в город, на простой крестьянской телеге, в которую сбросили все ее вещи, белье, платья, все как случилось, неувязанное и неуложенное.
And a heavy shower of rain came on, too, and Dounia, insulted and put to shame, had to drive with a peasant in an open cart all the seventeen versts into town.	А тут поднялся проливной дождь, и Дуня, оскорбленная и опозоренная, должна была проехать с мужиком целых семнадцать верст в непокрытой телеге.
	Подумай теперь, что могла я тебе

Only think now what answer could I have sent to the letter I received from you two months ago and what could I have written?	написать в письме, в ответ на твое, полученное мною два месяца назад, и о чем писать?
I was in despair; I dared not write to you the truth because you would have been very unhappy, mortified and indignant, and yet what could you do?	Сама я была в отчаянии; правду написать тебе не смела, потому что ты очень бы был несчастлив, огорчен и возмущен, да и что мог бы ты сделать?
You could only perhaps ruin yourself, and, besides, Dounia would not allow it; and fill up my letter with trifles when my heart was so full of sorrow, I could not.	Пожалуй, еще себя погубить, да и Дунечка запрещала; а наполнять письмо пустяками и о чем-нибудь, тогда как в душе такое горе, я не могла.
For a whole month the town was full of gossip about this scandal, and it came to such a pass that Dounia and I dared not even go to church on account of the contemptuous looks, whispers, and even remarks made aloud about us.	Целый месяц у нас по всему городу ходили сплетни об этой истории, и до того уж дошло, что нам даже в церковь нельзя было ходить с Дуней от презрительных взглядов и шептаний, и даже вслух при нас были разговоры.
All our acquaintances avoided us, nobody even bowed to us in the street, and I learnt that some shopmen and clerks were intending to insult us in a shameful way, smearing the gates of our house with pitch, so that the landlord began to tell us we must leave.	Все-то знакомые от нас отстранились, все перестали даже кланяться, и я наверно узнала, что купеческие приказчики и некоторые канцеляристы хотели нанести нам низкое оскорбление, вымазав дегтем ворота нашего дома, так что хозяева стали требовать, чтобы мы с квартиры съехали.

All this was set going by Marfa Petrovna who managed to slander Dounia and throw dirt at her in every family.	Всему этому причиной была Марфа Петровна, которая успела обвинить и загрязнить Дуню во всех домах.
She knows everyone in the neighbourhood, and that month she was continually coming into the town, and as she is rather talkative and fond of gossiping about her family affairs and particularly of complaining to all and each of her husband--which is not at all right--so in a short time she had spread her story not only in the town, but over the whole surrounding district.	Она у нас со всеми знакома и в этот месяц поминутно приезжала в город, и так как она немного болтлива и любит рассказывать про свои семейные дела и, особенно, жаловаться на своего мужа всем и каждому, что очень нехорошо, то и разнесла всю историю, в короткое время, не только в городе, но и по уезду.
It made me ill, but Dounia bore it better than I did, and if only you could have seen how she endured it all and tried to comfort me and cheer me up!	Я заболела, Дунечка же была тверже меня, и если бы ты видел, как она все переносила и меня же утешала и ободряла!
She is an angel!	Она ангел!
But by God's mercy, our sufferings were cut short: Mr. Svidrigailov returned to his senses and repented and, probably feeling sorry for Dounia, he laid before Marfa Petrovna a complete and unmistakable proof of Dounia's innocence, in the form of a letter Dounia had been forced to write and give to him, before Marfa Petrovna came upon them in the garden. This letter, which remained in Mr. Svidrigailov's hands after her departure, she had written to refuse personal explanations and secret interviews, for which he was entreating her.	Но, по милосердию божью, наши муки были сокращены: господин Свидригайлов одумался и раскаялся и, вероятно пожалев Дуню, представил Марфе Петровне полные и очевидные доказательства всей Дунечиной невинности, а именно: письмо, которое Дуня еще до тех пор, когда Марфа Петровна застала их в саду, принуждена была написать и передать ему, чтоб отклонить личные объяснения и тайные свидания, на которых он настаивал, и которое, по отъезде Дунечки, осталось в руках господина Свидригайлова.
In that letter she reproached him with great heat and indignation for the baseness of his behaviour in regard to Marfa Petrovna, reminding him that he was the father and head of a family and telling him how infamous it was of him to torment and make unhappy a defenceless girl, unhappy enough already.	В этом письме она самым пылким образом и с полным негодованием укоряла его именно за неблагородство поведения его относительно Марфы Петровны, поставляла ему на вид, что он отец и семьянин и что, наконец, как гнусно с его стороны мучить и делать несчастною и без того уже несчастную и беззащитную девушку.
Indeed, dear Rodya, the letter was so nobly and touchingly written that I sobbed when I read it and to this day I cannot read it	Одним словом, милый Родя, письмо это так благородно и трогательно написано, что я рыдала, читая его, и до сих пор не

without tears.	могу читать его без слез.
Moreover, the evidence of the servants, too, cleared Dounia's reputation; they had seen and known a great deal more than Mr. Svidrigailov had himself supposed--as indeed is always the case with servants.	Кроме того, в оправдание Дуни, явились, наконец, и свидетельства слуг, которые видели и знали гораздо больше, чем предполагал сам господин Свидригайлов, как это и всегда водится.
Marfa Petrovna was completely taken aback, and 'again crushed' as she said herself to us, but she was completely convinced of Dounia's innocence. The very next day, being Sunday, she went straight to the Cathedral, knelt down and prayed with tears to Our Lady to give her strength to bear this new trial and to do her duty.	Марфа Петровна была совершенно поражена и "вновь убита", как она сама нам признавалась, но зато вполне убедилась в невинности Дунечкиной и на другой же день, в воскресенье, приехав прямо в собор, на коленях и со слезами молила владычицу дать ей силу перенести это новое испытание и исполнить долг свой.

Then she came straight from the Cathedral to us, told us the whole story, wept bitterly and, fully penitent, she embraced Dounia and besought her to forgive her.	Затем, прямо из собора, ни к кому не заезжая, приехала к нам, рассказала нам все, горько плакала и, в полном раскаянии, обнимала и умоляла Дуню простить ее.
The same morning without any delay, she went round to all the houses in the town and everywhere, shedding tears, she asserted in the most flattering terms Dounia's innocence and the nobility of her feelings and her behavior.	В то же утро, нисколько не мешкая, прямо от нас, отправилась по всем домам в городе и везде, в самых лестных для Дунечки выражениях, проливая слезы, восстановила ее невинность и благородство ее чувств и поведения.
What was more, she showed and read to everyone the letter in Dounia's own handwriting to Mr. Svidrigailov and even allowed them to take copies of it--which I must say I think was superfluous.	Мало того, всем показывала и читала вслух собственноручное письмо Дунечкино к господину Свидригайлову и даже давала снимать с него копии (что, мне кажется, уже и лишнее).
In this way she was busy for several days in driving about the whole town, because some people had taken offence through precedence having been given to others. And therefore they had to take turns, so that in every house she was expected before she arrived, and everyone knew that on such and such a day Marfa Petrovna would be reading the letter in such and such a place and people assembled for every reading of it, even many who had	Таким образом ей пришлось несколько дней сряду объезжать всех в городе, так как иные стали обижаться, что другим оказано было предпочтение, и таким образом завелись очереди, так что в каждом доме уже ждали заранее и все знали, что в такой-то день Марфа Петровна будет там-то читать это письмо, и на каждое чтение опять-таки собирались даже и те, которые письмо уже несколько раз прослушали и у себя

heard it several times already both in their own houses and in other people's.	в домах, и у других знакомых, по очереди.
In my opinion a great deal, a very great deal of all this was unnecessary; but that's Marfa Petrovna's character.	Мое мнение, что многое, очень многое, тут было лишнее; но Марфа Петровна уже такого характера.
Anyway she succeeded in completely re-establishing Dounia's reputation and the whole ignominy of this affair rested as an indelible disgrace upon her husband, as the only person to blame, so that I really began to feel sorry for him; it was really treating the crazy fellow too harshly.	По крайней мере она вполне восстановила честь Дунечки, и вся гнусность этого дела легла неизгладимым позором на ее мужа, как на главного виновника, так что мне его даже и жаль; слишком уже строго поступили с этим сумасбродом.
Dounia was at once asked to give lessons in several families, but she refused.	Дуню тотчас же стали приглашать давать уроки в некоторых домах, но она отказалась.
All of a sudden everyone began to treat her with marked respect and all this did much to bring about the event by which, one may say, our whole fortunes are now transformed.	Вообще же все стали к ней вдруг относиться с особенным уважением. Все это способствовало главным образом и тому неожиданному случаю, через который теперь меняется, можно сказать, вся судьба наша.
You must know, dear Rodya, that Dounia has a suitor and that she has already consented to marry him.	Узнай, милый Родя, что к Дуне посватался жених и что она успела уже дать свое согласие, о чем и спешу уведомить тебя поскорее.
I hasten to tell you all about the matter, and though it has been arranged without asking your consent, I think you will not be aggrieved with me or with your sister on that account, for you will see that we could not wait and put off our decision till we heard from you.	И хотя дело это сделалось и без твоего совета, но ты, вероятно, не будешь ни на меня, ни на сестру в претензии, так как сам увидишь, из дела же, что ждать и откладывать до получения твоего ответа было бы нам невозможно.
And you could not have judged all the facts without being on the spot.	Да и сам ты не мог бы заочно обсудить всего в точности.
This was how it happened.	Случилось же так.
He is already of the rank of a counsellor, Pyotr Petrovitch Luzhin, and is distantly related to Marfa Petrovna, who has been very active in bringing the match about.	Он уже надворный советник, Петр Петрович Лужин, и дальний родственник Марфы Петровны, которая многому в этом способствовала.
It began with his expressing through her his desire to make our acquaintance. He was	Начал с того, что через нее изъявил желание с нами познакомиться, был как

properly received, drank coffee with us and the very next day he sent us a letter in which he very courteously made an offer and begged for a speedy and decided answer.	следует принят, пил кофе, а на другой же день прислал письмо, в котором весьма вежливо изъяснил свое предложение и просил скорого и решительного ответа.
He is a very busy man and is in a great hurry to get to Petersburg, so that every moment is precious to him.	Человек он деловой и занятый, и спешит теперь в Петербург, так что дорожит каждою минутой.
At first, of course, we were greatly surprised, as it had all happened so quickly and unexpectedly.	Разумеется, мы сначала были очень поражены, так как все это произошло слишком скоро и неожиданно.
We thought and talked it over the whole day.	Соображали и раздумывали мы вместе весь тот день.
He is a well-to-do man, to be depended upon, he has two posts in the government and has already made his fortune.	Человек он благонадежный и обеспеченный, служит в двух местах и уже имеет свой капитал.
It is true that he is forty-five years old, but he is of a fairly prepossessing appearance and might still be thought attractive by women, and he is altogether a very respectable and presentable man, only he seems a little morose and somewhat conceited.	Правда, ему уже сорок пять лет, но он довольно приятной наружности и еще может нравиться женщинам, да и вообще человек он весьма солидный и приличный, немного только угрюмый и как бы высокомерный.
But possibly that may only be the impression he makes at first sight.	Но это, может быть, только так кажется с первого взгляда.
And beware, dear Rodya, when he comes to Petersburg, as he shortly will do, beware of judging him too hastily and severely, as your way is, if there is anything you do not like in him at first sight.	Да и предупреждаю тебя, милый Родя, как увидишься с ним в Петербурге, что произойдет в очень скором времени, то не суди слишком быстро и пылко, как это свойственно тебе, если на первый взгляд тебе что-нибудь в нем не покажется.
I give you this warning, although I feel sure that he will make a favourable impression upon you.	Говорю это на случай, хотя уверена, что он произведет на тебя впечатление приятное.
Moreover, in order to understand any man one must be deliberate and careful to avoid forming prejudices and mistaken ideas, which are very difficult to correct and get over afterwards.	Да и кроме того, чтоб обознать какого бы то ни было человека, нужно относиться к нему постепенно и осторожно, чтобы не впасть в ошибку и предубеждение, которые весьма трудно после исправить и загладить.
And Pyotr Petrovitch, judging by many indications, is a thoroughly estimable man.	А Петр Петрович, по крайней мере по многим признакам, человек весьма почтенный.

At his first visit, indeed, he told us that he was a practical man, but still he shares, as he expressed it, many of the convictions 'of our most rising generation' and he is an opponent of all prejudices.	В первый же свой визит он объявил нам, что он человек положительный, но во многом разделяет, как он сам выразился, "убеждения новейших поколений наших" и враг всех предрассудков.
He said a good deal more, for he seems a little conceited and likes to be listened to, but this is scarcely a vice.	Многое и еще говорил, потому что несколько как бы тщеславен и очень любит, чтоб его слушали, но ведь это почти не порок.
I, of course, understood very little of it, but Dounia explained to me that, though he is not a man of great education, he is clever and seems to be good-natured.	Я, разумеется, мало поняла, но Дуня объяснила мне, что он человек хотя и небольшого образования, но умный и, кажется, добрый.
You know your sister's character, Rodya.	Ты знаешь характер сестры твоей, Родя.
She is a resolute, sensible, patient and generous girl, but she has a passionate heart, as I know very well.	Это девушка твердая, благоразумная, терпеливая и великодушная, хотя и с пылким сердцем, что я хорошо в ней изучила.
Of course, there is no great love either on his side, or on hers, but Dounia is a clever girl and has the heart of an angel, and will make it her duty to make her husband happy who on his side will make her happiness his care. Of that we have no good reason to doubt, though it must be admitted the matter has been arranged in great haste.	Конечно, ни с ее, ни с его стороны особенной любви тут нет, но Дуня, кроме того что девушка умная, - в то же время существо благородное, как ангел, и за долг поставит себе составить счастье мужа, который в свою очередь стал бы заботиться о ее счастье, а в последнем мы не имеем, покамест, больших причин сомневаться, хотя и скоренько, признаться, сделалось дело.
Besides he is a man of great prudence and he will see, to be sure, of himself, that his own happiness will be the more secure, the happier Dounia is with him.	К тому же он человек очень расчетливый и, конечно, сам увидит, что его собственное супружеское счастье будет тем вернее, чем Дунечка будет за ним счастливее.
And as for some defects of character, for some habits and even certain differences of opinion--which indeed are inevitable even in the happiest marriages--Dounia has said that, as regards all that, she relies on herself, that there is nothing to be uneasy about, and that she is ready to put up with a great deal, if only their future relationship can be an honourable and straightforward one.	А что там какие-нибудь неровности в характере, какие-нибудь старые привычки и даже некоторое несогласие в мыслях (чего и в самых счастливых супружествах обойти нельзя), то на этот счет Дунечка сама мне сказала, что она на себя надеется; что беспокоиться тут нечего и что она многое может перенести, под условием если дальнейшие отношения будут честные и

	справедливые.
He struck me, for instance, at first, as rather abrupt, but that may well come from his being an outspoken man, and that is no doubt how it is.	Он, например, и мне показался сначала как бы резким; но ведь это может происходить именно оттого, что он прямодушный человек, и непременно так.
For instance, at his second visit, after he had received Dounia's consent, in the course of conversation, he declared that before making Dounia's acquaintance, he had made up his mind to marry a girl of good reputation, without dowry and, above all, one who had experienced poverty, because, as he explained, a man ought not to be indebted to his wife, but that it is better for a wife to look upon her husband as her benefactor.	Например, при втором визите, уже получив согласие, в разговоре он выразился, что уж и прежде, не зная Дуни, положил взять девушку честную, но без приданого, и непременно такую, которая уже испытала бедственное положение; потому, как объяснил он, что муж ничем не должен быть обязан своей жене, а гораздо лучше, если жена считает мужа за своего благодетеля.
I must add that he expressed it more nicely and politely than I have done, for I have forgotten his actual phrases and only remember the meaning. And, besides, it was obviously not said of design, but slipped out in the heat of conversation, so that he tried afterwards to correct himself and smooth it over, but all the same it did strike me as somewhat rude, and I said so afterwards to Dounia.	Прибавляю, что он выразился несколько мягче и ласковее, чем я написала, потому что я забыла настоящее выражение, а помню одну только мысль, и, кроме того, сказал он это отнюдь не преднамеренно, а, очевидно, проговорившись, в пылу разговора, так что даже старался потом поправиться и смягчить; но мне все-таки показалось это немного как бы резко, и я сообщила об этом Дуне.
But Dounia was vexed, and answered that 'words are not deeds,' and that, of course, is perfectly true.	Но Дуня даже с досадой отвечала мне, что "слова еще не дело", и это, конечно справедливо.
Dounia did not sleep all night before she made up her mind, and, thinking that I was asleep, she got out of bed and was walking up and down the room all night; at last she knelt down before the ikon and prayed long and fervently and in the morning she told me that she had decided.	Пред тем, как решиться, Дунечка не спала всю ночь и, полагая, что я уже сплю, встала с постели и всю ночь ходила взад и вперед по комнате; наконец стала на колени и долго и горячо молилась пред образом, а наутро объявила мне, что она решилась.
"I have mentioned already that Pyotr Petrovitch is just setting off for Petersburg, where he has a great deal of business, and he wants to open a legal bureau. He has been occupied for many years in conducting civil and commercial litigation, and only the other day he won an important case. He has to be in Petersburg because	Я уже упомянула, что Петр Петрович отправляется теперь в Петербург. У него там большие дела, и он хочет открыть в Петербурге публичную адвокатскую контору. Он давно уже занимается хождением по разным искам и тяжбам и на днях только что выиграл одну значительную тяжбу. В Петербург же ему и

he has an important case before the Senate.	потому необходимо, что там у него одно значительное дело в сенате.
So, Rodya dear, he may be of the greatest use to you, in every way indeed, and Dounia and I have agreed that from this very day you could definitely enter upon your career and might consider that your future is marked out and assured for you.	Таким образом, милый Родя, он и тебе может быть весьма полезен, даже во всем, и мы с Дуней уже положили, что ты, даже с теперешнего же дня, мог бы определенно начать свою будущую карьеру и считать участь свою уже ясно определившеюся.
Oh, if only this comes to pass!	О если б это осуществилось!
This would be such a benefit that we could only look upon it as a providential blessing.	Это была бы такая выгода, что надо считать ее не иначе, как прямою к нам милостию вседержителя.
Dounia is dreaming of nothing else.	Дуня только и мечтает об этом.
We have even ventured already to drop a few words on the subject to Pyotr Petrovitch.	Мы уже рискнули сказать несколько слов на этот счет Петру Петровичу.
He was cautious in his answer, and said that, of course, as he could not get on without a secretary, it would be better to be paying a salary to a relation than to a stranger, if only the former were fitted for the duties (as though there could be doubt of your being fitted!) but then he expressed doubts whether your studies at the university would leave you time for work at his office.	Он выразился осторожно и сказал, что, конечно, так как ему без секретаря обойтись нельзя, то, разумеется, лучше платить жалованье родственнику, чем чужому, если только тот окажется способным к должности (еще бы ты-то не оказался способен!), но тут же выразил сомнение, что университетские занятия твои не оставят тебе времени для занятий в его конторе.
The matter dropped for the time, but Dounia is thinking of nothing else now.	На этот раз дело тем и кончилось, но Дуня ни о чем, кроме этого, теперь и не думает.
She has been in a sort of fever for the last few days, and has already made a regular plan for your becoming in the end an associate and even a partner in Pyotr Petrovitch's business, which might well be, seeing that you are a student of law.	Она теперь, уже несколько дней, просто в каком-то жару и составила целый проект о том, что впоследствии ты можешь быть товарищем и даже компаньоном Петра Петровича по его тяжёлым занятиям, тем более что ты сам на юридическом факультете.
I am in complete agreement with her, Rodya, and share all her plans and hopes, and think there is every probability of realising them. And in spite of Pyotr Petrovitch's evasiveness, very natural at present (since he does not know you),	Я, Родя, вполне с нею согласна и разделяю все ее планы и надежды, видя в них полную вероятность; и, несмотря на теперешнюю, весьма объясняемую уклончивость Петра Петровича (потому что он тебя еще не знает), Дуня твердо

Dounia is firmly persuaded that she will gain everything by her good influence over her future husband; this she is reckoning upon.	уверена, что достигнет всего своим добрым влиянием на будущего своего мужа, и в этом она уверена.
Of course we are careful not to talk of any of these more remote plans to Pyotr Petrovitch, especially of your becoming his partner.	Уж конечно, мы остереглись проговориться Петру Петровичу хоть о чемнибудь из этих дальнейших мечтаний наших и, главное, о том, что ты будешь его компаньоном.
He is a practical man and might take this very coldly, it might all seem to him simply a day-dream.	Он человек положительный и, пожалуй, принял бы очень сухо, так как все это показалось бы ему одними только мечтаниями.
Nor has either Dounia or I breathed a word to him of the great hopes we have of his helping us to pay for your university studies; we have not spoken of it in the first place, because it will come to pass of itself, later on, and he will no doubt without wasting words offer to do it of himself, (as though he could refuse Dounia that) the more readily since you may by your own efforts become his right hand in the office, and receive this assistance not as a charity, but as a salary earned by your own work.	Равным образом ни я, ни Дуня ни полслова еще не говорили с ним о крепкой надежде нашей, что он поможет нам способствовать тебе деньгами, пока ты в университете; потому не говорили, что, во-первых, это и само собой сделается впоследствии, и он, наверно, без лишних слов, сам предложит (еще бы он в этом-то отказал Дунечке) тем скорее, что ты и сам можешь стать его правою рукой по конторе и получать эту помощь не в виде благодеяния, а в виде заслуженного тобою жалованья.
Dounia wants to arrange it all like this and I quite agree with her.	Так хочет устроить Дунечка, и я с нею вполне согласна.
And we have not spoken of our plans for another reason, that is, because I particularly wanted you to feel on an equal footing when you first meet him.	Во-вторых же, потому не говорили, что мне особенно хотелось поставить тебя с ним, при предстоящей теперешней встрече нашей, на равной ноге.
When Dounia spoke to him with enthusiasm about you, he answered that one could never judge of a man without seeing him close, for oneself, and that he looked forward to forming his own opinion when he makes your acquaintance.	Когда Дуня говорила ему о тебе с восторгом, он отвечал, что всякого человека нужно сначала осмотреть самому и поближе, чтоб о нем судить, и что он сам представляет себе, познакомясь с тобой, составить о тебе свое мнение.
Do you know, my precious Rodya, I think that perhaps for some reasons (nothing to do with Pyotr Petrovitch though, simply for my own personal, perhaps old-womanish, fancies) I should do better to go on living by myself, apart, than with them, after the wedding.	Знаешь что, бесценный мой Родя, мне кажется, по некоторым соображениям (впрочем, отнюдь не относящимся к Петру Петровичу, а так, по некоторым моим собственным, личным, даже, может быть, старушечьим, бабьим капризам), - мне кажется, что я, может быть, лучше сделаю, если буду жить после их брака особо, как и

I am convinced that he will be generous and delicate enough to invite me and to urge me to remain with my daughter for the future, and if he has said nothing about it hitherto, it is simply because it has been taken for granted; but I shall refuse.	Я уверена вполне, что он будет так благороден и деликатен, что сам пригласит меня и предложит мне не разлучаться более с дочерью, и если еще не говорил до сих пор, то, разумеется, потому что и без слов так предполагается; но я откажусь.
I have noticed more than once in my life that husbands don't quite get on with their mothers-in-law, and I don't want to be the least bit in anyone's way, and for my own sake, too, would rather be quite independent, so long as I have a crust of bread of my own, and such children as you and Dounia.	Я замечала в жизни не раз, что тещи не очень-то бывают мужьям по сердцу, а я не только не хочу быть хоть кому-нибудь даже в малейшую тягость, но и сама хочу быть вполне свободною, покамест у меня хоть какой-нибудь свой кусок да такие дети, как ты и Дунечка.
If possible, I would settle somewhere near you, for the most joyful piece of news, dear Rodya, I have kept for the end of my letter: know then, my dear boy, that we may, perhaps, be all together in a very short time and may embrace one another again after a separation of almost three years!	Если возможно, то поселюсь подле вас обоих, потому что, Родя, самое-то приятное я приберегла к концу письма: узнай же, милый друг мой, что, может быть, очень скоро мы сойдемся все вместе опять и обнимемся все трое после почти трехлетней разлуки!
It is settled _for certain_ that Dounia and I are to set off for Petersburg, exactly when I don't know, but very, very soon, possibly in a week.	Уже наверно решено, что я и Дуня выезжаем в Петербург, когда именно, не знаю, но, во всяком случае, очень, очень скоро, даже, может быть, через неделю.
It all depends on Pyotr Petrovitch who will let us know when he has had time to look round him in Petersburg.	Все зависит от распоряжений Петра Петровича, который, как только осмотрится в Петербурге, тотчас же и даст нам знать.
To suit his own arrangements he is anxious to have the ceremony as soon as possible, even before the fast of Our Lady, if it could be managed, or if that is too soon to be ready, immediately after.	Ему хочется, по некоторым расчетам, как можно поспешить церемонией брака и даже, если возможно будет, сыграть свадьбу в теперешний же мясоед, а если не удастся, по краткости срока, то тотчас же после госпожинок.
Oh, with what happiness I shall press you to my heart!	О, с каким счастьем прижму я тебя к моему сердцу!
Dounia is all excitement at the joyful thought of seeing you, she said one day in joke that she would be ready to marry	Дуня вся в волнении от радости свидания с тобой, и сказала раз, в шутку, что уже из этого одного пошла бы за Петра Петровича.

Pyotr Petrovitch for that alone.	
She is an angel!	Ангел она!
She is not writing anything to you now, and has only told me to write that she has so much, so much to tell you that she is not going to take up her pen now, for a few lines would tell you nothing, and it would only mean upsetting herself; she bids me send you her love and innumerable kisses.	Она теперь ничего тебе не приписывает, а велела только мне написать, что ей так много надо говорить с тобой, так много, что теперь у ней и рука не поднимается взяться за перо, потому что в нескольких строках ничего не напишешь, а только себя расстроишь; велела же тебя обнять крепче и переслать тебе бессчетно поцелуев.
But although we shall be meeting so soon, perhaps I shall send you as much money as I can in a day or two.	Но, несмотря на то, что мы, может быть, очень скоро сами сойдемся лично, я все-таки тебе на днях вышлю денег, сколько могу больше.

Now that everyone has heard that Dounia is to marry Pyotr Petrovitch, my credit has suddenly improved and I know that Afanasy Ivanovitch will trust me now even to seventy-five roubles on the security of my pension, so that perhaps I shall be able to send you twenty-five or even thirty roubles.	Теперь, как узнали все, что Дунечка выходит за Петра Петровича, и мой кредит вдруг увеличился, и я наверно знаю, что Афанасий Иванович поверит мне теперь, в счет пенсионера, даже до семидесяти пяти рублей, так что я тебе, может быть, рублей двадцать пять или даже тридцать пришлю.
I would send you more, but I am uneasy about our travelling expenses; for though Pyotr Petrovitch has been so kind as to undertake part of the expenses of the journey, that is to say, he has taken upon himself the conveyance of our bags and big trunk (which will be conveyed through some acquaintances of his), we must reckon upon some expense on our arrival in Petersburg, where we can't be left without a halfpenny, at least for the first few days.	Прислала бы и больше, но боюсь за наши расходы дорожные; и хотя Петр Петрович был так добр, что взял на себя часть издержек по нашему проезду в столицу, а именно, сам вызвался, на свой счет, доставить нашу поклажу и большой сундук (как-то у него там через знакомых), но все-таки нам надо рассчитывать и на приезд в Петербург, в который нельзя показаться без гроша, хоть на первые дни.
But we have calculated it all, Dounia and I, to the last penny, and we see that the journey will not cost very much.	Мы, впрочем, уже все рассчитали с Дунечкой до точности, и вышло, что дорога возьмет немного.
It is only ninety versts from us to the railway and we have come to an agreement with a driver we know, so as to be in readiness; and from there Dounia and I can travel quite comfortably third class.	До железной дороги от нас всего девяносто верст, и мы уже, на всякий случай, сговорились с одним знакомым нам мужичком-извозчиком; а там мы с Дунечкой благополучно прокатимся в третьем классе.

So that I may very likely be able to send to you not twenty-five, but thirty roubles.	Так что, может быть, я тебе не двадцать пять, а, наверно, тридцать рублей изловчусь выслать.
But enough; I have covered two sheets already and there is no space left for more; our whole history, but so many events have happened!	Но довольно; два листа кругом уписала, и места уж больше не остается; целая наша история; ну да и происшествий-то сколько накопилось!
And now, my precious Rodya, I embrace you and send you a mother's blessing till we meet.	А теперь, бесценный мой Родя, обнимаю тебя до близкого свидания нашего и благословляю тебя материнским благословением моим.
Love Dounia your sister, Rodya; love her as she loves you and understand that she loves you beyond everything, more than herself.	Люби Дуню, свою сестру, Родя; люби так, как она тебя любит, и знай, что она тебя беспрдельно, больше себя самой любит.
She is an angel and you, Rodya, you are everything to us--our one hope, our one consolation.	Она ангел, а ты, Родя, ты у нас все - вся надежда наша и все упование.
If only you are happy, we shall be happy.	Был бы только ты счастлив, и мы будем счастливы.
Do you still say your prayers, Rodya, and believe in the mercy of our Creator and our Redeemer?	Молишься ли ты богу, Родя, по-прежнему и веришь ли в благодать творца и испытателя нашего?
I am afraid in my heart that you may have been visited by the new spirit of infidelity that is abroad to-day; If it is so, I pray for you.	Боюсь я, в сердце своем, не посетило ли тебя новейшее модное безверие? Если так, то я за тебя молюсь.
Remember, dear boy, how in your childhood, when your father was living, you used to lisp your prayers at my knee, and how happy we all were in those days.	Вспомни, милый, как еще в детстве своем, при жизни твоего отца, ты лепетал молитвы свои у меня на коленях и как мы все тогда были счастливы!
Good-bye, till we meet then--I embrace you warmly, warmly, with many kisses.	Прощай, или, лучше, до свидания! Обнимаю тебя крепко-крепко и целую бессчетно.
"Yours till death,	Твоя до гроба
"PULCHERIA RASKOLNIKOV."	Пульхерия Раскольников".
Almost from the first, while he read the letter, Raskolnikov's face was wet with tears; but when he finished it, his face was pale and distorted and a bitter, wrathful and malignant	Почти все время как читал Раскольников, с самого начала письма, лицо его было мокро от слез; но когда он кончил, оно было бледно, искривлено судорогой, и тяжелая, желчная, злая

smile was on his lips.	улыбка змеилась по его губам.
He laid his head down on his threadbare dirty pillow and pondered, pondered a long time.	Он прилег головой на свою тощую и затасканную подушку и думал, долго думал.
His heart was beating violently, and his brain was in a turmoil.	Сильно билось его сердце, и сильно волновались его мысли.
At last he felt cramped and stifled in the little yellow room that was like a cupboard or a box.	Наконец ему стало душно и тесно в этой желтой каморке, похожей на шкаф или на сундук.
His eyes and his mind craved for space.	Взор и мысль просили простору.
He took up his hat and went out, this time without dread of meeting anyone; he had forgotten his dread.	Он схватил шляпу и вышел, на этот раз уже не опасаясь с кемнибудь встретиться на лестнице; забыл он об этом.
He turned in the direction of the Vassilyevsky Ostrov, walking along Vassilyevsky Prospect, as though hastening on some business, but he walked, as his habit was, without noticing his way, muttering and even speaking aloud to himself, to the astonishment of the passers-by.	Путь же взял он по направлению к Васильевскому острову через В-й проспект, как будто торопясь туда за делом, но, по обыкновению своему, шел, не замечая дороги, шепча про себя и даже говоря вслух с собою, чем очень удивлял прохожих.
Many of them took him to be drunk.	Многие принимали его за пьяного.
CHAPTER IV	IV
His mother's letter had been a torture to him, but as regards the chief fact in it, he had felt not one moment's hesitation, even whilst he was reading the letter.	Письмо матери его измучило. Но относительно главного, капитального пункта сомнений в нем не было ни на минуту, даже в то еще время, как он читал письмо.
The essential question was settled, and irrevocably settled, in his mind:	Главнейшая суть дела была решена в его голове и решена окончательно:
"Never such a marriage while I am alive and Mr. Luzhin be damned!"	"Не бывать этому браку, пока я жив, и к черту господина Лужина!"
"The thing is perfectly clear," he muttered to himself, with a malignant smile anticipating the triumph of his decision.	"Потому что это дело очевидное, - бормотал он про себя, ухмыляясь и злобно торжествуя заранее успех своего решения.
"No, mother, no, Dounia, you won't deceive me! and then they apologise for not asking my advice and for taking the decision without me!	- Нет, мамаша, нет, Дуня, не обмануть меня вам!.. И еще извиняются, что моего совета не попросили и без меня дело

	решили!
I dare say!	Еще бы!
They imagine it is arranged now and can't be broken off; but we will see whether it can or not!	Думают, что теперь уж и разорвать нельзя; а посмотрим, лъзя или нельзя!

A magnificent excuse: 'Pyotr Petrovitch is such a busy man that even his wedding has to be in post-haste, almost by express.'	Отговорка-то какая капитальная: "уж такой, дескать, деловой человек Петр Петрович, такой деловой человек, что и жениться-то иначе не может, как на почтовых, чуть не на железной дороге".
No, Dounia, I see it all and I know what you want to say to me; and I know too what you were thinking about, when you walked up and down all night, and what your prayers were like before the Holy Mother of Kazan who stands in mother's bedroom.	Нет, Дунечка, все вижу и знаю, о чем ты со мной много-то говорить собираешься; знаю и то, о чем ты всю ночь продумала, ходя по комнате, и о чем молилась перед Казанскою божией матерью, которая у мамыши в спальне стоит.
Bitter is the ascent to Golgotha....	На Голгофуто тяжело всходить.
Hm... so it is finally settled; you have determined to marry a sensible business man, Avdotya Romanovna, one who has a fortune (has _already_ made his fortune, that is so much more solid and impressive) a man who holds two government posts and who shares the ideas of our most rising generation, as mother writes, and who _seems_ to be kind, as Dounia herself observes.	Гм... Так, значит, решено уж окончательно: за делового и рационального человека изволите выходить, Авдотья Романовна, имеющего свой капитал (уже имеющего свой капитал, это солиднее, внушительнее), служащего в двух местах и разделяющего убеждения новейших наших поколений (как пишет мамаша) и, "кажется, доброго", как замечает сама Дунечка.
That _seems_ beats everything!	Это кажется всего великолепнее!
And that very Dounia for that very	И эта же Дунечка за это же кажется замуж идет!..
' seems ' is marrying him!	Великолепно!
Splendid! splendid!	Великолепно!..
!!	
But I should like to know why mother has written to me about 'our most rising generation'?	А любопытно, однако ж, для чего мамаша о "новейших-то поколениях" мне написала?
Simply as a descriptive touch, or with the idea of prepossessing me in favour of Mr. Luzhin?	Просто для характеристики лица или с дальнейшею целью: задобрить меня в пользу господина Лужина?

Oh, the cunning of them!	О хитрые!
I should like to know one thing more: how far they were open with one another that day and night and all this time since?	Любопытно бы разъяснить еще одно обстоятельство: до какой степени они обе были откровенны друг с дружкой, в тот же день и в ту ночь, и во все последующее время?
Was it all put into _words_, or did both understand that they had the same thing at heart and in their minds, so that there was no need to speak of it aloud, and better not to speak of it.	Все ли слова между ними были прямо произнесены, или обе поняли, что у той и у другой одно в сердце и в мыслях, так уж нечего вслух-то всего выговаривать да напрасно проговариваться.
Most likely it was partly like that, from mother's letter it's evident: he struck her as rude _a little_, and mother in her simplicity took her observations to Dounia.	Вероятно, оно так отчасти и было; по письму видно: мамаше он показался резок, немножко, а наивная мамаша и полезла к Дуне с своими замечаниями.
And she was sure to be vexed and 'answered her angrily.'	А та, разумеется, рассердилась и "отвечала с досадой".

I should think so!	Еще бы!
Who would not be angered when it was quite clear without any naive questions and when it was understood that it was useless to discuss it.	Кого не взбесит, когда дело понятно и без наивных вопросов и когда решено, что уж нечего говорить.
And why does she write to me, 'love Dounia, Rodya, and she loves you more than herself? Has she a secret conscience-prick at sacrificing her daughter to her son?	И что это она пишет мне: "Люби Дуню, Родя, а она тебя больше себя самой любит"; уж не угрызения ли совести ее самое втайне мучат за то, что дочь сыну согласилась пожертвовать.
' You are our one comfort, you are everything to us.'	"Ты наше упование, ты наше все!"
Oh, mother!"	О мамаша!..."
His bitterness grew more and more intense, and if he had happened to meet Mr. Luzhin at the moment, he might have murdered him.	Злоба наikipала в нем все сильнее и сильнее, и если бы теперь встретился с ним господин Лужин, он, кажется, убил бы его!
"Hm... yes, that's true," he continued, pursuing the whirling ideas that chased each other in his brain, "it is true that 'it needs time and care to get to know a man,' but there is no mistake about Mr. Luzhin.	"Г м, это правда, - продолжал он, следуя за вихрем мыслей, крутившимся в его голове, - это правда, что к человеку надо "подходить постепенно и осторожно, чтобы разузнать его"; но господин Лужин ясен.

The chief thing is he is 'a man of business and _seems_ kind,' that was something, wasn't it, to send the bags and big box for them!	Главное, "человек деловой и, кажется, добрый": шутка ли, поклажу взял на себя, большой сундук на свой счет доставляет!
A kind man, no doubt after that!	Ну как же не добрый?
But his _bride_ and her mother are to drive in a peasant's cart covered with sacking (I know, I have been driven in it).	А они-то обе, невеста и мать, мужичка подряжают, в телеге, рогожею крытой (я ведь так ездal)!
No matter!	Ничего!
It is only ninety versts and then they can 'travel very comfortably, third class,' for a thousand versts!	Только ведь девяносто верст, "а там преблагополучно прокатимся в третьем классе", верст тысячу.
Quite right, too. One must cut one's coat according to one's cloth, but what about you, Mr. Luzhin?	И благоразумно: по одежке протягивай ножки; да вы-то, господин Лужин, чего же?
She is your bride....	Ведь это ваша невеста...
And you must be aware that her mother has to raise money on her pension for the journey.	И не могли же вы не знать, что мать под свой пенсион на дорогу вперед занимает?
To be sure it's a matter of business, a partnership for mutual benefit, with equal shares and expenses;--food and drink provided, but pay for your tobacco.	Конечно, тут у вас общий коммерческий оборот, предприятие на обоюдных выгодах и на равных паях, значит, и расходы пополам; хлеб-соль вместе, а табачок врозь, по пословице.
The business man has got the better of them, too. The luggage will cost less than their fares and very likely go for nothing.	Да и тут деловой человек их поднадул немножко: поклажа-то стоит дешевле ихнего проезда, а пожалуй, что и задаром пойдет.
How is it that they don't both see all that, or is it that they don't want to see?	Что ж они обе не видят, что ль, этого аль нарочно не замечают?
And they are pleased, pleased!	И ведь довольны, довольны!

And to think that this is only the first blossoming, and that the real fruits are to come!	И как подумать, что это только цветочки, а настоящие фрукты впереди!
But what really matters is not the stinginess, is not the meanness, but the _tone_ of the whole thing.	Ведь тут что важно: тут не скупость, не скалдырничество важно, а тон всего этого.
For that will be the tone after marriage, it's a foretaste of it.	Ведь это будущий тон после брака, пророчество...

And mother too, why should she be so lavish?	Да и мамаша-то чего ж, однако, кутит?
What will she have by the time she gets to Petersburg?	С чем она в Петербург-то явится?
Three silver roubles or two 'paper ones' as _she_ says.... that old woman... hm.	С тремя целковыми аль с двумя "билетиками", как говорит та... старуха... гм!
What does she expect to live upon in Petersburg afterwards?	Чем же жить-то в Петербурге она надеется потом-то?
She has her reasons already for guessing that she _could not_ live with Dounia after the marriage, even for the first few months.	Ведь она уже по каким-то причинам успела догадаться, что ей с Дуней нельзя будет вместе жить после брака, даже и в первое время?
The good man has no doubt let slip something on that subject also, though mother would deny it:	Милый-то человек, наверно, как-нибудь тут проговорился, дал себя знать, хотя мамаша и отмахивается обеими руками от этого:
' I shall refuse,' says she.	"Сама, дескать, откажусь".
On whom is she reckoning then? Is she counting on what is left of her hundred and twenty roubles of pension when Afanasy Ivanovitch's debt is paid?	Что ж она, на кого же надеется: на сто двадцать рублей пенсионна, с вычетом на долг Афанасию Ивановичу?
She knits woollen shawls and embroiders cuffs, ruining her old eyes.	Косыночки она там зимние вяжет, да нарукавнички вышивает, глаза свои старые портит.
And all her shawls don't add more than twenty roubles a year to her hundred and twenty, I know that.	Да ведь косыночки всего только двадцать рублей в год прибавляют к ста двадцати-то рублям, это мне известно.
So she is building all her hopes all the time on Mr. Luzhin's generosity; 'he will offer it of himself, he will press it on me.'	Значит, все-таки на благородство чувств господина Лужина надеются: "Сам, дескать, предложит, упрашивать будет".
You may wait a long time for that!	Держи карман!
That's how it always is with these Schilleresque noble hearts; till the last moment every goose is a swan with them, till the last moment, they hope for the best and will see nothing wrong, and although they have an inkling of the other side of the picture, yet they won't face the truth till they are forced to; the very thought of it makes	И так-то вот всегда у этих шиллеровских прекрасных душ бывает: до последнего момента рядят человека в павлиньи перья, до последнего момента на добро, а не на худо надеются; и хоть предчувствуют оборот медали, но ни за что себе заранее настоящего слова не выговорят; коробит их от одного

them shiver; they thrust the truth away with both hands, until the man they deck out in false colours puts a fool's cap on them with his own hands.	помышления; обеими руками от правды отмахиваются, до тех самых пор, пока разукрашенный человек им собственноручно нос не налепит.
I should like to know whether Mr. Luzhin has any orders of merit; I bet he has the Anna in his buttonhole and that he puts it on when he goes to dine with contractors or merchants.	А любопытно, есть ли у господина Лужина ордена; об заклад бьюсь, что Анна в петлице есть и что он ее на обеды у подрядчиков и у купцов надевает.

He will be sure to have it for his wedding, too!	Пожалуй, и на свадьбу свою наденет!
Enough of him, confound him!	А впрочем, черт с ним!..
"Well,... mother I don't wonder at, it's like her, God bless her, but how could Dounia?"	... Ну да уж пусть мамаша, уж бог с ней, она уж такая, но Дуня-то что?
Dounia darling, as though I did not know you!	Дунечка, милая, ведь я знаю вас!
You were nearly twenty when I saw you last: I understood you then.	Ведь вам уже двадцатый год был тогда, как последний-то раз мы виделись: характер-то ваш я уже понял.
Mother writes that	Мамаша вон пишет, что
' Dounia can put up with a great deal.'	"Дунечка многое может снести".
I know that very well.	Это я знал-с.
I knew that two years and a half ago, and for the last two and a half years I have been thinking about it, thinking of just that, that	Это я два с половиной года назад уже знал и с тех пор два с половиной года об этом думал, об этом именно, что
'Dounia can put up with a great deal.'	"Дунечка многое может снести".
If she could put up with Mr. Svidrigailov and all the rest of it, she certainly can put up with a great deal.	Уж когда господина Свидригайлова, со всеми последствиями, может снести, значит, действительно, многое может снести.
And now mother and she have taken it into their heads that she can put up with Mr. Luzhin, who propounds the theory of the superiority of wives raised from destitution and owing everything to their husband's bounty-- who propounds it, too, almost at the first interview.	А теперь вот вообразили, вместе с мамашей, что и господина Лужина можно снести, излагающего теорию о преимуществе жен, взятых из нищеты и облагодетельствованных мужьями, да еще излагающего чуть не при первом свидании.
Granted that he 'let it slip,' though he is a sensible man, (yet maybe it was not a slip at all, but he meant to make himself clear as soon as possible) but Dounia, Dounia?	Ну да положим, он "проговорился", хоть и рациональный человек (так что, может быть, и вовсе не проговорился, а именно в виду имел поскорее разъяснить), но Дуня-то, Дуня?
She understands the man, of course, but she will have to live with the man.	Ведь ей человек-то ясен, а ведь жить-то с человеком.
Why! she'd live on black bread and water, she would not sell her soul, she would not barter her moral freedom for comfort; she would not barter it for all Schleswig-Holstein, much less	Ведь она хлеб черный один будет есть да водой запивать, а уж душу не продаст, а уж нравственную свободу свою не отдаст за комфорт; за весь Шлезвиг-Гольштейн не отдаст, не то что

Mr. Luzhin's money.	за господина Лужина.
No, Dounia was not that sort when I knew her and... she is still the same, of course!	Нет, Дуня не та была, сколько я знал, и... ну да уж, конечно, не изменилась и теперь!..
Yes, there's no denying, the Svidrigailovs are a bitter pill!	Что говорить! Тяжелы Свидригайловы!

It's a bitter thing to spend one's life a governess in the provinces for two hundred roubles, but I know she would rather be a nigger on a plantation or a Lett with a German master than degrade her soul, and her moral dignity, by binding herself for ever to a man whom she does not respect and with whom she has nothing in common--for her own advantage.	Тяжело за двести рублей всю жизнь в гувернантках по губерниям шлаться, но я все-таки знаю, что сестра моя скорее в негры пойдет к плантатору или в латыши к остзейскому немцу, чем оподлит дух свой и нравственное чувство свое связью с человеком, которого не уважает и с которым ей нечего делать, - навеки, из одной своей личной выгоды!
And if Mr. Luzhin had been of unalloyed gold, or one huge diamond, she would never have consented to become his legal concubine.	И будь даже господин Лужин весь из одного чистейшего золота или из цельного бриллианта, и тогда не согласится стать законною наложницей господина Лужина!
Why is she consenting then?	Почему же теперь соглашается?
What's the point of it?	В чем же штука-то?
What's the answer?	В чем же разгадка-то?
It's clear enough: for herself, for her comfort, to save her life she would not sell herself, but for someone else she is doing it!	Дело ясное: для себя, для комфорта своего, даже для спасения себя от смерти, себя не продаст, а для другого вот и продает!
For one she loves, for one she adores, she will sell herself!	Для милого, для обожаемого человека продаст!
That's what it all amounts to; for her brother, for her mother, she will sell herself!	Вот в чем вся штука-то и состоит: за брата, за мать продаст!
She will sell everything!	Все продаст!
In such cases, 'we overcome our moral feeling if necessary,' freedom, peace, conscience even, all, all are brought into the market.	О, тут мы, при случае, и нравственное чувство наше придавим; свободу, спокойствие, даже совесть, все, все на толкучий рынок снесем.
Let my life go, if only my dear ones may be happy!	Пропадай жизнь!
	Только бы эти возлюбленные существа

More than that, we become casuists, we learn to be Jesuitical and for a time maybe we can soothe ourselves, we can persuade ourselves that it is one's duty for a good object.	наши были счастливы. Мало того, свою собственную казуистику выдумаем, у иезуитов научимся и на время, пожалуй, и себя самих успокоим, убедим себя, что так надо, действительно надо для доброй цели.
That's just like us, it's as clear as daylight.	Таковы-то мы и есть, и все ясно как день.
It's clear that Rodion Romanovitch Raskolnikov is the central figure in the business, and no one else.	Ясно, что тут не кто иной, как Родион Романович Раскольников в ходу и на первом плане стоит.
Oh, yes, she can ensure his happiness, keep him in the university, make him a partner in the office, make his whole future secure; perhaps he may even be a rich man later on, prosperous, respected, and may even end his life a famous man!	Ну как же-с, счастье его может устроить, в университете содержать, компаньоном сделать в конторе, всю судьбу его обеспечить; пожалуй, богачом впоследствии будет, почетным, уважаемым, а может быть, даже славным человеком окончит жизнь!
But my mother?	А мать?
It's all Rodya, precious Rodya, her first born!	Да ведь тут Родя, бесценный Родя, первенец!
For such a son who would not sacrifice such a daughter!	Ну как для такого первенца хотя бы и такую дочь не пожертвовать!

Oh, loving, over-partial hearts!	О милые и несправедливые сердца!
Why, for his sake we would not shrink even from Sonia's fate.	Да чего: тут мы и от Сонечкина жребия, пожалуй что, не откажемся!
Sonia, Sonia Marmeladov, the eternal victim so long as the world lasts.	Сонечка, Сонечка Мармеладова, вечная Сонечка, пока мир стоит!
Have you taken the measure of your sacrifice, both of you?	Жертвуете, жертву-то обе вы измерили ли вполне?
Is it right?	Так ли?
Can you bear it?	Под силу ли?
Is it any use?	В пользу ли?
Is there sense in it?	Разумно ли?
And let me tell you, Dounia, Sonia's life is no worse than life with Mr. Luzhin.	Знаете ли вы, Дунечка, что Сонечкин жребий ничем не сквернее жребия с господином Лужиным?
' There can be no question of love,'	

mother writes.	"Любви тут не может быть", - пишет мамаша.
And what if there can be no respect either, if on the contrary there is aversion, contempt, repulsion, what then?	А что, если, кроме любви-то, и уважения не может быть, а напротив, уже есть отвращение, презрение, омерзение, что же тогда?
So you will have to 'keep up your appearance,' too.	А и выходит тогда, что опять, стало быть, "чистоту наблюдать" придется.
Is not that so?	Не так, что ли?
Do you understand what that smartness means?	Понимаете ли, понимаете ли вы, что значит сия чистота?
Do you understand that the Luzhin smartness is just the same thing as Sonia's and may be worse, viler, baser, because in your case, Dounia, it's a bargain for luxuries, after all, but with Sonia it's simply a question of starvation.	Понимаете ли вы, что лужинская чистота все равно, что и Сонечкина чистота, а может быть, даже и хуже, гаже, подлее, потому что у вас, Дунечка, все-таки на излишек комфорта расчет, а там просто-запросто о голодной смерти дело идет!
It has to be paid for, it has to be paid for, Dounia, this smartness.	"Дорого, дорого стоит, Дунечка, сия чистота!"
And what if it's more than you can bear afterwards, if you regret it?	Ну, если потом не под силу станет, раскаетесь?
The bitterness, the misery, the curses, the tears hidden from all the world, for you are not a Marfa Petrovna.	Скорби-то сколько, грусти, проклятий, слез-то, скрывааемых ото всех, сколько, потому что не Марфа же вы Петровна?
And how will your mother feel then?	А с матерью что тогда будет?
Even now she is uneasy, she is worried, but then, when she sees it all clearly?	Ведь она уж и теперь беспокойна, мучается; а тогда, когда все ясно увидит?
And I?	А со мной?..
Yes, indeed, what have you taken me for?	Да что же вы в самом деле обо мне-то подумали?

I won't have your sacrifice, Dounia, I won't have it, mother!	Не хочу я вашей жертвы, Дунечка, не хочу, мамаша!
It shall not be, so long as I am alive, it shall not, it shall not!	Не бывать тому, пока я жив, не бывать, не бывать!
I won't accept it!"	Не принимаю!"
He suddenly paused in his reflection and stood still.	Он вдруг очнулся и остановился.

"It shall not be?	"Не бывать?
But what are you going to do to prevent it?	А что же ты сделаешь, чтоб этому не бывать?
You'll forbid it?	Запретишь?
And what right have you?	А право какое имеешь?
What can you promise them on your side to give you such a right?	Что ты им можешь обещать в свою очередь, чтобы право такое иметь?
Your whole life, your whole future, you will devote to them _when you have finished your studies and obtained a post_?	Всю судьбу свою, всю будущность им посвятить, когда кончишь курс и место достанешь?
Yes, we have heard all that before, and that's all _words_, but now?	Слышали мы это, да ведь это буки, а теперь?
Now something must be done, now, do you understand that?	Ведь тут надо теперь же что-нибудь сделать, понимаешь ты это?
And what are you doing now?	А ты что теперь делаешь?
You are living upon them.	Обираешь их же.
They borrow on their hundred roubles pension. They borrow from the Svidrigailovs.	Ведь деньги-то им под сторублевый пенсион да под господ Свидригайловых под заклад достаются!
How are you going to save them from Svidrigailovs, from Afanasy Ivanovitch Vahrushin, oh, future millionaire Zeus who would arrange their lives for them?	От Свидригайловых-то, от Афанасия-то Ивановича Вахрушина чем ты их убережешь, миллионер будущий, Зевес, их судьбою располагающий?
In another ten years?	Через десять-то лет?
In another ten years, mother will be blind with knitting shawls, maybe with weeping too. She will be worn to a shadow with fasting; and my sister?	Да в десять-то лет мать успеет ослепнуть от косынок, а пожалуй что и от слез; от поста исчахнет; а сестра?
Imagine for a moment what may have become of your sister in ten years? What may happen to her during those ten years?	Ну, придумай-ка, что может быть с сестрой через десять лет али в эти десять лет?
Can you fancy?"	Догадался?"
So he tortured himself, fretting himself with such questions, and finding a kind of enjoyment in it.	Так мучил он себя и поддразнивал этими вопросами, даже с каким-то наслаждением.
And yet all these questions were not new ones suddenly confronting him, they were old	Впрочем, все эти вопросы были не новые, не внезапные, а старые, наболевшие,

familiar aches.	давнишние.
It was long since they had first begun to grip and rend his heart.	Давно уже как они начали его терзать и истерзали ему сердце.
Long, long ago his present anguish had its first beginnings; it had waxed and gathered strength, it had matured and concentrated, until it had taken the form of a fearful, frenzied and fantastic question, which tortured his heart and mind, clamouring insistently for an answer.	Давным-давно как зародилась в нем вся эта теперешняя тоска, нарастала, накаплилась и в последнее время созрела и концентрировалась, приняв форму ужасного, дикого и фантастического вопроса, который замучил его сердце и ум, неотразимо требуя разрешения.
Now his mother's letter had burst on him like a thunderclap.	Теперь же письмо матери вдруг как громом в него ударило.
It was clear that he must not now suffer passively, worrying himself over unsolved questions, but that he must do something, do it at once, and do it quickly.	Ясно, что теперь надо было не тосковать, не страдать пассивно, одними рассуждениями о том, что вопросы неразрешимы, а непременно что-нибудь сделать, и сейчас же, и поскорее.
Anyway he must decide on something, or else...	Во что бы то ни стало надо решиться, хоть на что-нибудь, или...
"Or throw up life altogether!" he cried suddenly, in a frenzy--"accept one's lot humbly as it is, once for all and stifle everything in oneself, giving up all claim to activity, life and love!"	"Или отказаться от жизни совсем! - вскричал он вдруг в исступлении, - послушно принять судьбу, как она есть, раз навсегда, и задушить в себе все, отказавшись от всякого права действовать, жить и любить!"
"Do you understand, sir, do you understand what it means when you have absolutely nowhere to turn?" Marmeladov's question came suddenly into his mind, "for every man must have somewhere to turn...."	"Понимаете ли, понимаете ли вы, милостивый государь, что значит, когда уже некуда больше идти? - вдруг припомнился ему вчерашний вопрос Мармеладова, - ибо надо, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти..."
He gave a sudden start; another thought, that he had had yesterday, slipped back into his mind.	Вдруг он вздрогнул: одна, тоже вчерашняя, мысль опять пронеслась в его голове.
But he did not start at the thought recurring to him, for he knew, he had _felt beforehand_, that it must come back, he was expecting it; besides it was not only yesterday's thought.	Но вздрогнул он не оттого, что пронеслась эта мысль. Он ведь знал, он предчувствовал, что она непременно "пронесется", и уже ждал ее; да и мысль эта была совсем не вчерашняя.
The difference was that a month ago,	Но разница была в том, что месяц назад, и

yesterday even, the thought was a mere dream: but now... now it appeared not a dream at all, it had taken a new menacing and quite unfamiliar shape, and he suddenly became aware of this himself....	даже вчера еще, она была только мечтой, а теперь... теперь явилась вдруг не мечтой, а в каком-то новом, грозном и совсем незнакомом ему виде, и он вдруг сам сознал это...
He felt a hammering in his head, and there was a darkness before his eyes.	Ему стукнуло в голову, и потемнело в глазах.
He looked round hurriedly, he was searching for something.	Он поспешно огляделся, он искал чего-то.
He wanted to sit down and was looking for a seat; he was walking along the K—Boulevard.	Ему хотелось сесть, и он искал скамейку; проходил же он тогда по Кму бульвару.
There was a seat about a hundred paces in front of him.	Скамейка виднелась впереди, шагах во ста.
He walked towards it as fast he could; but on the way he met with a little adventure which absorbed all his attention.	Он пошел сколько мог поскорее; но на пути случилось с ним одно маленькое приключение, которое на несколько минут привлекло к себе все его внимание.

Looking for the seat, he had noticed a woman walking some twenty paces in front of him, but at first he took no more notice of her than of other objects that crossed his path.	Выглядывая скамейку, он заметил впереди себя, шагах в двадцати, идущую женщину, но сначала не остановил на ней никакого внимания, как и на всех мелькавших до сих пор перед ним предметах.
It had happened to him many times going home not to notice the road by which he was going, and he was accustomed to walk like that.	Ему уже много раз случалось проходить, например, домой и совершенно не помнить дороги, по которой он шел, и он уже привык так ходить.
But there was at first sight something so strange about the woman in front of him, that gradually his attention was riveted upon her, at first reluctantly and, as it were, resentfully, and then more and more intently.	Но в идущей женщине было что-то такое странное и, с первого же взгляда, бросающееся в глаза, что мало-помалу внимание его начало к ней приковываться - сначала нехотя и как бы с досадой, а потом все крепче и крепче.
He felt a sudden desire to find out what it was that was so strange about the woman.	Ему вдруг захотелось понять, что именно в этой женщине такого странного?
In the first place, she appeared to be a girl quite young, and she was walking in the great heat bareheaded and with no parasol or gloves, waving her arms about in an absurd way.	Во-первых, она, должно быть, девушка очень молоденькая, шла по такому зною простоволосая, без зонтика и без перчаток, как-то смешно размахивая руками.

She had on a dress of some light silky material, but put on strangely awry, not properly hooked up, and torn open at the top of the skirt, close to the waist: a great piece was rent and hanging loose.	На ней было шелковое, из легкой материи ("матерчатое") платьице, но тоже как-то очень чудно надетое, едва застегнутое и сзади у талии, в самом начале юбки, разорванное; целый клочок отставал и висел болтаясь.
A little kerchief was flung about her bare throat, but lay slanting on one side.	Маленькая косыночка была накинута на обнаженную шею, но торчала как-то криво и боком.
The girl was walking unsteadily, too, stumbling and staggering from side to side.	К довершению, девушка шла нетвердо, спотыкаясь и даже шатаясь во все стороны.
She drew Raskolnikov's whole attention at last.	Эта встреча возбудила, наконец, все внимание Раскольникова.
He overtook the girl at the seat, but, on reaching it, she dropped down on it, in the corner; she let her head sink on the back of the seat and closed her eyes, apparently in extreme exhaustion.	Он сошелся с девушкой у самой скамейки, но, дойдя до скамьи, она так и повалилась на нее, в угол, закинула на спинку скамейки голову и закрыла глаза, по-видимому от чрезвычайного утомления.
Looking at her closely, he saw at once that she was completely drunk.	Вглядевшись в нее, он тотчас же догадался, что она совсем была пьяна.
It was a strange and shocking sight.	Странно и дико было смотреть на такое явление.
He could hardly believe that he was not mistaken.	Он даже подумал, не ошибается ли он.
He saw before him the face of a quite young, fair-haired girl--sixteen, perhaps not more than fifteen, years old, pretty little face, but flushed and heavy looking and, as it were, swollen.	Пред ним было чрезвычайно молоденькое личико, лет шестнадцати, даже, может быть, только пятнадцати, - маленькое, белокуренькое, хорошенькое, но все разгоревшееся и как будто припухшее.

The girl seemed hardly to know what she was doing; she crossed one leg over the other, lifting it indecorously, and showed every sign of being unconscious that she was in the street.	Девушка, кажется, очень мало уж понимала; одну ногу заложила за другую, причем выставила ее гораздо больше, чем следовало, и, по всем признакам, очень плохо сознавала, что она на улице.
Raskolnikov did not sit down, but he felt unwilling to leave her, and stood facing her in perplexity.	Раскольников не сел и уйти не хотел, а стоял перед нею в недоумении.
This boulevard was never much frequented; and now, at two o'clock, in the stifling heat, it was	Этот бульвар и всегда стоит пустынный, теперь же, во втором

quite deserted.	часу и в такой зной, никого почти не было.
And yet on the further side of the boulevard, about fifteen paces away, a gentleman was standing on the edge of the pavement.	И однако ж в стороне, шагах в пятнадцати, на краю бульвара, остановился один господин, которому, по всему видно было, очень бы хотелось тоже подойти к девочке с какими-то целями.
He, too, would apparently have liked to approach the girl with some object of his own.	Он тоже, вероятно, увидел ее издали и догонял, но ему помешал Раскольников.
He, too, had probably seen her in the distance and had followed her, but found Raskolnikov in his way. He looked angrily at him, though he tried to escape his notice, and stood impatiently biding his time, till the unwelcome man in rags should have moved away.	Он бросал на него злобные взгляды, стараясь, впрочем, чтобы тот их не заметил, и нетерпеливо ожидал своей очереди, когда досадный оборванец уйдет.
His intentions were unmistakable.	Дело было понятное.
The gentleman was a plump, thickly-set man, about thirty, fashionably dressed, with a high colour, red lips and moustaches.	Господин этот был лет тридцати, плотный, жирный, кровь с молоком, с розовыми губами и с усиками, и очень щеголевато одетый.
Raskolnikov felt furious; he had a sudden longing to insult this fat dandy in some way.	Раскольников ужасно разозлился; ему вдруг захотелось как-нибудь оскорбить этого жирного франта.
He left the girl for a moment and walked towards the gentleman.	Он на минуту оставил девочку и подошел к господину.
"Hey! You Svidrigailov!	- Эй вы, Свидригайлов!
What do you want here?" he shouted, clenching his fists and laughing, spluttering with rage.	Вам чего тут надо? - крикнул он, сжимая кулаки и смеясь своими запенившимися от злобы губами.
"What do you mean?" the gentleman asked sternly, scowling in haughty astonishment.	- Это что значит? - строго спросил господин, нахмутив брови и свысока удивившись.
"Get away, that's what I mean."	- Убирайтесь, вот что!
"How dare you, you low fellow!"	- Как ты смеешь, каналья!..
He raised his cane.	И он взмахнул хлыстом.
Raskolnikov rushed at him with his fists, without	Раскольников бросился на него с кулаками, не рассчитав даже и того,

reflecting that the stout gentleman was a match for two men like himself.	что плотный господин мог управиться и с двумя такими, как он.
But at that instant someone seized him from behind, and a police constable stood between them.	Но в эту минуту кто-то крепко схватил его сзади, между ними стал городской.

"That's enough, gentlemen, no fighting, please, in a public place.	- Полно, господа, не извольте драться в публичных местах.
What do you want?	Вам чего надо?
Who are you?" he asked Raskolnikov sternly, noticing his rags.	Кто таков? - строго обратился он к Раскольникову, разглядев его лохмотья.
Raskolnikov looked at him intently.	Раскольников посмотрел на него внимательно.
He had a straight-forward, sensible, soldierly face, with grey moustaches and whiskers.	Это было бравое солдатское лицо с седыми усиками и с толковым взглядом.
"You are just the man I want," Raskolnikov cried, catching at his arm.	- Вас-то мне и надо, - крикнул он, хватая его заруку.
"I am a student, Raskolnikov....	- Я бывший студент, Раскольников...
You may as well know that too," he added, addressing the gentleman, "come along, I have something to show you."	Это и вам можно узнать, - обратился он к господину, - а вы пойдете-ка, я вам что-то покажу...
And taking the policeman by the hand he drew him towards the seat.	И, схватив городского за руку, он потащил его к скамейке.
"Look here, hopelessly drunk, and she has just come down the boulevard. There is no telling who and what she is, she does not look like a professional.	- Вот, смотрите, совсем пьяная, сейчас шла по бульвару: кто ее знает, из каких, а не похоже, чтоб по ремеслу.
It's more likely she has been given drink and deceived somewhere... for the first time... you understand? and they've put her out into the street like that.	Вернее же всего где-нибудь напоили и обманули... в первый раз... понимаете? да так и пустили на улицу.
Look at the way her dress is torn, and the way it has been put on: she has been dressed by somebody, she has not dressed herself, and dressed by unpractised hands, by a man's hands; that's evident.	Посмотрите, как разорвано платье, посмотрите, как оно надето: ведь ее одевали, а не сама она одевалась, да и одевали-то неумелые руки, мужские.
And now look there: I don't know that dandy with whom I was going to fight, I see him for the first time, but he, too, has seen her on	Это видно. А вот теперь смотрите сюда: этот франт, с которым я сейчас драться хотел, мне незнаком, первый раз вижу; но

the road, just now, drunk, not knowing what she is doing, and now he is very eager to get hold of her, to get her away somewhere while she is in this state... that's certain, believe me, I am not wrong.	он ее тоже отметил дорогой, сейчас, пьяную-то, себя-то не помнящую, и ему ужасно теперь хочется подойти и перехватить ее, - так как она в таком состоянии, - завезти куда-нибудь...
I saw him myself watching her and following her, but I prevented him, and he is just waiting for me to go away.	И уж это наверно так; уж поверьте, что я не ошибаюсь. Я сам видел, как он за нею наблюдал и следил, только я ему помешал, и он теперь все ждет, когда я уйду.
Now he has walked away a little, and is standing still, pretending to make a cigarette....	Вон он теперь отошел маленько, стоит, будто папироску свертывает...
Think how can we keep her out of his hands, and how are we to get her home?"	Как бы нам ему не дать? Как бы нам ее домой отправить, - подумайте-ка!
The policeman saw it all in a flash.	Городовой мигом все понял и сообразил.
The stout gentleman was easy to understand, he turned to consider the girl.	Толстый господин был, конечно, понятен, оставалась девочка.

The policeman bent over to examine her more closely, and his face worked with genuine compassion.	Служивый нагнулся над нею разглядеть поближе, и искреннее сострадание изобразилось в его чертах.
"Ah, what a pity!" he said, shaking his head--"why, she is quite a child!	- Ах, жаль-то как! - сказал он, качая головой, - совсем еще как ребенок.
She has been deceived, you can see that at once.	Обманули, это как раз.
Listen, lady," he began addressing her, "where do you live?"	Послушайте, сударыня, - начал он звать ее, - где изволите проживать?
The girl opened her weary and sleepy-looking eyes, gazed blankly at the speaker and waved her hand.	- Девушка открыла усталые и посоловельные глаза, тупо посмотрела на допрашивающих и отмахнулась рукой.
"Here," said Raskolnikov feeling in his pocket and finding twenty copecks, "here, call a cab and tell him to drive her to her address.	- Послушайте, - сказал Раскольников, - вот (он пошарил в кармане и вытащил двадцать копеек; нашлись), вот, возьмите извозчика и велите ему доставить по адресу.
The only thing is to find out her address!"	Только бы адрес-то нам узнать!
"Missy, missy!" the policeman began again, taking the money. "I'll fetch you a cab and take you home myself.	- Барышня, а барышня? - начал опять городовой, приняв деньги, - я сейчас извозчика вам возьму и сам вас препровожу.

Where shall I take you, eh?	Куда прикажете? а?
Where do you live?"	Где изволите квартировать?
"Go away! They won't let me alone," the girl muttered, and once more waved her hand.	- Пшла!.. пристают!.. - пробормотала девочка и опять отмахнулась рукой.
"Ach, ach, how shocking!	- Ах, ах как нехорошо!
It's shameful, missy, it's a shame!"	Ах, стыдно-то как, барышня, стыд-то какой!
He shook his head again, shocked, sympathetic and indignant.	- Он опять закачал головой, стыдя, сожалея и негодуя.
"It's a difficult job," the policeman said to Raskolnikov, and as he did so, he looked him up and down in a rapid glance.	- Ведь вот задача! - обратился он к Раскольникову и тут же, мельком, опять оглядел его с ног до головы.
He, too, must have seemed a strange figure to him: dressed in rags and handing him money!	Странен, верно, и он ему показался: в таких лохмотьях, а сам деньги выдает!
"Did you meet her far from here?" he asked him.	- Вы далеко ль отсюда их нашли? - спросил он его.
"I tell you she was walking in front of me, staggering, just here, in the boulevard.	- Г оворю вам: впереди меня шла, шатаясь, тут же на бульваре.
She only just reached the seat and sank down on it."	Как до скамейки дошла, так и повалилась.
"Ah, the shameful things that are done in the world nowadays, God have mercy on us!	- Ах, стыд-то какой теперь завелся на свете, господи!
An innocent creature like that, drunk already!	Этакая немудреная, и уж пьяная!
She has been deceived, that's a sure thing.	Обманули, это как есть!
See how her dress has been torn too....	Вон и платьице ихнее разорвано...

Ah, the vice one sees nowadays!	Ах как разврат-то ноне пошел!..
And as likely as not she belongs to gentlefolk too, poor ones maybe....	А пожалуй, что из благородных будет, из бедных каких...
There are many like that nowadays.	Ноне много таких пошло.

She looks refined, too, as though she were a lady," and he bent over her once more.	По виду-то как бы из нежных, словно ведь барышня, - и он опять нагнулся над ней.
Perhaps he had daughters growing up like that, "looking like ladies and refined" with pretensions to gentility and smartness....	Может, и у него росли такие же дочки - "словно как барышни и из нежных", с замашками благовоспитанных и со всяким перенятым уже модничаньем...
"The chief thing is," Raskolnikov persisted, "to keep her out of this scoundrel's hands!	- Главное, - хлопотал Раскольников, - вот этому подлецу как бы не дать!
Why should he outrage her!	Ну что ж он еще над ней надругается!
It's as clear as day what he is after; ah, the brute, he is not moving off!"	Наизусть видно, чего ему хочется; ишь подлец, не отходит!
Raskolnikov spoke aloud and pointed to him.	Раскольников говорил громко и указывал на него прямо рукой.
The gentleman heard him, and seemed about to fly into a rage again, but thought better of it, and confined himself to a contemptuous look.	Тот услышал и хотел было опять рассердиться, но одумался и ограничился одним презрительным взглядом.
He then walked slowly another ten paces away and again halted.	Затем медленно отошел еще шагов на десять и опять остановился.
"Keep her out of his hands we can," said the constable thoughtfully, "if only she'd tell us where to take her, but as it is....	- Не дать-то им это можно-с, - отвечал унтер-офицер в раздумье. - Вот кабы они сказали, куда их предоставить, а то...
Missy, hey, missy!" he bent over her once more.	Барышня, а барышня! - нагнулся он снова.
She opened her eyes fully all of a sudden, looked at him intently, as though realising something, got up from the seat and walked away in the direction from which she had come.	Та вдруг совсем открыла глаза, посмотрела внимательно, как будто поняла что-то такое, встала со скамейки и пошла обратно в ту сторону, откуда пришла.
"Oh shameful wretches, they won't let me alone!" she said, waving her hand again.	- Фу, бесстыдники, пристают! - проговорила она, еще раз отмахнувшись.
She walked quickly, though staggering as before.	Пошла она скоро, но по-прежнему сильно шатаясь.
The dandy followed her, but along another avenue, keeping his eye on her.	Франт пошел за нею, но по другой аллее, не спуская с нее глаз.
"Don't be anxious, I won't let him have her,"	- Не беспокойтесь, не дам-с, -

the policeman said resolutely, and he set off after them.	решительно сказал усач и отправился вслед за ними.
"Ah, the vice one sees nowadays!" he repeated aloud, sighing.	- Эх, разврат-то как ноне пошел! - повторил он вслух, вздыхая.
At that moment something seemed to sting Raskolnikov; in an instant a complete revulsion of feeling came over him.	В эту минуту как будто что-то ужалило Раскольникова; в один миг его как будто перевернуло.
"Hey, here!" he shouted after the policeman.	- Послушайте, эй! - закричал он вслед усачу.

The latter turned round.	Тот оборотился.
"Let them be!	- Оставьте!
What is it to do with you?	Чего вам?
Let her go!	Бросьте!
Let him amuse himself." He pointed at the dandy,	Пусть его позабавится (он указал на франта).
"What is it to do with you?"	Вам-то чего?
The policeman was bewildered, and stared at him open-eyed.	Городовой не понимал и смотрел во все глаза.
Raskolnikov laughed.	Раскольников засмеялся.
"Well!" ejaculated the policeman, with a gesture of contempt, and he walked after the dandy and the girl, probably taking Raskolnikov for a madman or something even worse.	- Э-эх! - проговорил служивый, махнув рукой, и пошел вслед за франтом и за девочкой, вероятно приняв Раскольникова иль за помешанного, или за что-нибудь еще хуже.
"He has carried off my twenty copecks," Raskolnikov murmured angrily when he was left alone.	"Двадцать копеек мои унес, - злобно проговорил Раскольников, оставшись один.
"Well, let him take as much from the other fellow to allow him to have the girl and so let it end.	- Ну пусть и с того тоже возьмет да и отпустит с ним девочку, тем и кончится...
And why did I want to interfere?	И чего я ввязался тут помогать!
Is it for me to help?	Ну мне ль помогать?
Have I any right to help?	Имею ль я право помогать?
Let them devour each other alive--what is to me?	Да пусть их переглотают друг друга живьем -мне-то чего?

How did I dare to give him twenty copecks?	И как я смел отдать эти двадцать копеек.
Were they mine?"	Разве они мои?"
In spite of those strange words he felt very wretched.	Несмотря на эти странные слова, ему стало очень тяжело.
He sat down on the deserted seat.	Он присел на оставленную скамью.
His thoughts strayed aimlessly....	Мысли его были рассеянны...
He found it hard to fix his mind on anything at that moment.	Да и вообще тяжело ему было думать в эту минуту о чем бы то ни было.
He longed to forget himself altogether, to forget everything, and then to wake up and begin life anew....	Он бы хотел совсем забыться, все забыть, потом проснуться и начать совсем сызнова...
"Poor girl!" he said, looking at the empty corner where she had sat--" She will come to herself and weep, and then her mother will find out....	- Бедная девочка!.. - сказал он, посмотрев в опустевший угол, скамьи. - Очнется, поплачет, потом мать узнает...
She will give her a beating, a horrible, shameful beating and then maybe, turn her out of doors....	Сначала прибьет, а потом высечет, больно и с позором, пожалуй, и сгонит...
And even if she does not, the Darya Frantsovnas will get wind of it, and the girl will soon be slipping out on the sly here and there.	А не сгонит, так все-таки пронюхают Дарьи Францевны, и начнет шмыгать моя девочка, туда да сюда...

Then there will be the hospital directly (that's always the luck of those girls with respectable mothers, who go wrong on the sly) and then... again the hospital... drink... the taverns... and more hospital, in two or three years--a wreck, and her life over at eighteen or nineteen....	Потом тотчас больница (и это всегда у тех, которые у матерей живут очень честных и тихонько от них пошаливают), ну а там... а там опять больница... вино... кабаки... и еще больница... года через два-три - калека, итого житься ее девятнадцать аль восемнадцать лет от роду всего-с...
Have not I seen cases like that?	Разве я таких не видал?
And how have they been brought to it?	А как они делались?
Why, they've all come to it like that.	Да вот все так и делались...
Ugh!	ТЬфу!
But what does it matter?	А пусть!
That's as it should be, they tell us.	Это, говорят, так и следует.
A certain percentage, they tell us, must	Такой процент, говорят, должен уходить

every year go... that way... to the devil, I suppose, so that the rest may remain chaste, and not be interfered with.	каждый год... куда-то... к черту, должно быть, чтоб остальных освежать и им не мешать.
A percentage!	Процент!
What splendid words they have; they are so scientific, so consolatory....	Славные, право, у них эти словечки: они такие успокоительные, научные.
Once you've said 'percentage' there's nothing more to worry about.	Сказано: процент, стало быть, и тревожиться нечего.
If we had any other word... maybe we might feel more uneasy....	Вот если бы другое слово, ну тогда... было бы, может быть, беспокойнее...
But what if Dounia were one of the percentage!	А что, коль и Дунечка как-нибудь в процент попадет!..
Of another one if not that one?	Не в тот, так в другой?..
"But where am I going?" he thought suddenly.	"А куда ж я иду? - подумал он вдруг.
"Strange, I came out for something.	- Странно. Ведь я зачем-то пошел.
As soon as I had read the letter I came out....	Как письмо прочел, так и пошел...
I was going to Vassilyevsky Ostrov, to Razumihin.	На Васильевский остров, к Разумихину я пошел, вот куда, теперь... помню.
That's what it was... now I remember.	Да зачем, однако же?
What for, though? And what put the idea of going to Razumihin into my head just now?	И каким образом мысль идти к Разумихину залетела мне именно теперь в голову?
That's curious."	Это замечательно".
He wondered at himself.	Он дивился себе.
Razumihin was one of his old comrades at the university.	Разумихин был один из его прежних товарищей по университету.

It was remarkable that Raskolnikov had hardly any friends at the university; he kept aloof from everyone, went to see no one, and did not welcome anyone who came to see him, and indeed everyone soon gave him up.	Замечательно, что Раскольников, быв в университете, почти не имел товарищей, всех чуждался, ни к кому не ходил и у себя принимал тяжело. Впрочем, и от него скоро все отвернулись.
He took no part in the students' gatherings, amusements or conversations.	Ни в общих сходках, ни в разговорах, ни в забавах, ни в чем он как-то не принимал участия.

He worked with great intensity without sparing himself, and he was respected for this, but no one liked him.	Занимался он усиленно, не жалея себя, и за это его уважали, но никто не любил.
He was very poor, and there was a sort of haughty pride and reserve about him, as though he were keeping something to himself.	Был он очень беден и как-то надменно горд и несообщителен; как будто что-то таил про себя.
He seemed to some of his comrades to look down upon them all as children, as though he were superior in development, knowledge and convictions, as though their beliefs and interests were beneath him.	Иным товарищам его казалось, что он смотрит на них на всех, как на детей, свысока, как будто он всех их опередил и развитием, и знанием, и убеждениями, и что на их убеждения и интересы он смотрит как на что-то низшее.
With Razumihin he had got on, or, at least, he was more unreserved and communicative with him.	С Разумихиным же он почему-то сошелся, то есть не то что сошелся, а был с ним общительнее, откровеннее.
Indeed it was impossible to be on any other terms with Razumihin.	Впрочем, с Разумихиным невозможно было и быть в других отношениях.
He was an exceptionally good-humoured and candid youth, good-natured to the point of simplicity, though both depth and dignity lay concealed under that simplicity.	Это был необыкновенно веселый и общительный парень, добрый до простоты.
The better of his comrades understood this, and all were fond of him.	Впрочем, под этою простотой таилась и глубина, и достоинство.
He was extremely intelligent, though he was certainly rather a simpleton at times.	Лучшие из его товарищей понимали это, все любили его.
He was of striking appearance--tall, thin, blackhaired and always badly shaved.	Был он очень неглуп, хотя и действительно иногда простоват.
He was sometimes uproarious and was reputed to be of great physical strength.	Наружность его была выразительная - высокий, худой, всегда худо выбрит, черноволосый. Иногда он буянил и слыл за силача.
One night, when out in a festive company, he had with one blow laid a gigantic policeman on his back.	Однажды ночью, в компании, он одним ударом ссадил одного блюстителя вершков двенадцати росту.
There was no limit to his drinking powers, but he could abstain from drink altogether; he sometimes went too far in his pranks; but he could do without pranks altogether.	Пить он мог до бесконечности, но мог и совсем не пить; иногда проказил даже непозволительно, но мог и совсем не проказить.
Another thing striking about Razumihin, no	Разумихин был еще тем замечателен, что

failure distressed him, and it seemed as though no unfavourable circumstances could crush him.	никакие неудачи его никогда не смущали и никакие дурные обстоятельства, казалось, не могли придавить его.
He could lodge anywhere, and bear the extremes of cold and hunger.	Он мог квартировать хоть на крыше, терпеть адский голод и необыкновенный холод.
He was very poor, and kept himself entirely on what he could earn by work of one sort or another.	Был он очень беден и решительно сам, один, содержал себя, добывая кой-какими работами деньги.
He knew of no end of resources by which to earn money.	Он знал бездну источников, где мог почерпнуть, разумеется заработком.
He spent one whole winter without lighting his stove, and used to declare that he liked it better, because one slept more soundly in the cold.	Однажды он целую зиму совсем не топил своей комнаты и утверждал, что это даже приятнее, потому что в холоде лучше спится.
For the present he, too, had been obliged to give up the university, but it was only for a time, and he was working with all his might to save enough to return to his studies again.	В настоящее время он тоже принужден был выйти из университета, но ненадолго, и из всех сил спешил поправить обстоятельства, чтобы можно было продолжать.
Raskolnikov had not been to see him for the last four months, and Razumihin did not even know his address.	Раскольников не был у него уже месяца четыре, а Разумихин и не знал даже его квартиры.
About two months before, they had met in the street, but Raskolnikov had turned away and even crossed to the other side that he might not be observed.	Раз как-то, месяца два тому назад, они было встретились на улице, но Раскольников отвернулся и даже перешел на другую сторону, чтобы тот его не заметил.
And though Razumihin noticed him, he passed him by, as he did not want to annoy him.	А Разумихин хоть и заметил, но прошел мимо, не желая тревожить приятеля.
CHAPTER V	V
"Of course, I've been meaning lately to go to Razumihin's to ask for work, to ask him to get me lessons or something..." Raskolnikov thought, "but what help can he be to me now?"	"Действительно, я у Разумихина недавно еще хотел было работы просить, чтоб он мне или уроки достал, или что-нибудь... - додумывался Раскольников, - но чем теперь-то он мне может помочь?"
Suppose he gets me lessons, suppose he shares his last farthing with me, if he has any farthings, so that I could get some boots and make myself tidy	Положим, уроки достанет, положим, даже последнею копейкой поделится, если есть у него копейка, так что можно даже и сапоги купить, и костюм поправить, чтобы на уроки

enough to give lessons... hm...	ходить... гм...
Well and what then?	Ну, а дальше?
What shall I do with the few coppers I earn?	На пятаки-то что ж я сделаю?
That's not what I want now.	Мне разве того теперь надобно?
It's really absurd for me to go to Razumihin...."	Право, смешно, что я пошел к Разумихину..."
The question why he was now going to Razumihin agitated him even more than he was himself aware; he kept uneasily seeking for some sinister significance in this apparently ordinary action.	Вопрос, почему он пошел теперь к Разумихину, тревожил его больше, чем даже ему самому казалось; с беспокойством отыскивал он какой-то зловещий для себя смысл в этом, казалось бы, самом обыкновенном поступке.
"Could I have expected to set it all straight and to find a way out by means of Razumihin alone?" he asked himself in perplexity.	"Что ж, неужели я все дело хотел поправить одним Разумихиным и всему исход нашел в Разумихине?" - спрашивал он себя с удивлением.

He pondered and rubbed his forehead, and, strange to say, after long musing, suddenly, as if it were spontaneously and by chance, a fantastic thought came into his head.	Он думал и тер себе лоб, и, странное дело, как-то невзначай, вдруг и почти сама собой, после очень долгого раздумья, пришла ему в голову одна престранная мысль.
"Hm... to Razumihin's," he said all at once, calmly, as though he had reached a final determination. "I shall go to Razumihin's of course, but... not now.	"Гм... Разумихину, - проговорил он вдруг совершенно спокойно, как бы в смысле окончательного решения, - к Разумихину я пойду, это конечно... но - не теперь...
I shall go to him... on the next day after It, when It will be over and everything will begin afresh...."	Я к нему... на другой день, после того пойду, когда уже то будет кончено и когда все по-новому пойдет..."
And suddenly he realised what he was thinking.	И вдруг он опомнился.
"After It," he shouted, jumping up from the seat, "but is It really going to happen?	"После того, - вскрикнул он, срываясь со скамейки, - да разве то будет?
Is it possible it really will happen?"	Неужели в самом деле будет?"
He left the seat, and went off almost at a run; he meant to turn back, homewards, but the thought of going home suddenly filled him with intense loathing; in that hole, in that awful little cupboard of his, all _this_ had for a month past been growing up in him; and he walked on at random.	Он бросил скамейку и пошел, почти побежал; он хотел было повернуть назад, к дому, но домой идти ему стало вдруг ужасно противно: там-то, в углу, в этом-то ужасном шкафу и созревало все это вот уже более месяца, и он пошел куда глаза глядят.
His nervous shudder had passed into a fever that made him feel shivering; in spite of the heat he felt cold.	Нервная дрожь его перешла в какую-то лихорадочную; он чувствовал даже озноб; на такой жаре ему становилось холодно.
With a kind of effort he began almost unconsciously, from some inner craving, to stare at all the objects before him, as though looking for something to distract his attention; but he did not succeed, and kept dropping every moment into brooding.	Как бы с усилием начал он, почти бессознательно, по какой-то внутренней необходимости, всматриваться во все встречавшиеся предметы, как будто ища усиленно развлечения, но это плохо удавалось ему, и он поминутно впадал в задумчивость.
When with a start he lifted his head again and looked round, he forgot at once what he had just been thinking about and even where he was going.	Когда же опять, вздрагивая, поднимал голову и оглядывался кругом, то тотчас же забывал, о чем сейчас думал и даже где проходил.
In this way he walked right across	Таким образом прошел он весь

Vassilyevsky Ostrov, came out on to the Lesser Neva, crossed the bridge and turned towards the islands.	Васильевский остров, вышел на Малую Неву, перешел мост и поворотил на Острова.
The greenness and freshness were at first restful to his weary eyes after the dust of the town and the huge houses that hemmed him in and weighed upon him.	Зелень и свежесть понравились сначала его усталым глазам, привыкшим к городской пыли, к известке и к громадным, теснящим и давящим домам.
Here there were no taverns, no stifling closeness, no stench.	Тут не было ни духоты, ни вони, ни распивочных.
But soon these new pleasant sensations passed into morbid irritability.	Но скоро и эти новые, приятные ощущения перешли в болезненные и раздражающие.

Sometimes he stood still before a brightly painted summer villa standing among green foliage, he gazed through the fence, he saw in the distance smartly dressed women on the verandahs and balconies, and children running in the gardens.	Иногда он останавливался перед какою-нибудь изукрашенною в зелени дачей, смотрел в ограду, видел вдали на балконах и террасах, разряженных женщин и бегающих в саду детей.
The flowers especially caught his attention; he gazed at them longer than at anything.	Особенно занимали его цветы; он на них всего дольше смотрел.
He was met, too, by luxurious carriages and by men and women on horseback; he watched them with curious eyes and forgot about them before they had vanished from his sight.	Встречались ему тоже пышные коляски, наездники и наездницы; он провожал их с любопытством глазами и забывал о них прежде, чем они скрывались из глаз.
Once he stood still and counted his money; he found he had thirty copecks.	Раз он остановился и пересчитал свои деньги: оказалось около тридцати копеек.
"Twenty to the policeman, three to Nastasya for the letter, so I must have given forty-seven or fifty to the Marmeladovs yesterday," he thought, reckoning it up for some unknown reason, but he soon forgot with what object he had taken the money out of his pocket.	"Двадцать городовому, три Настасье за письмо, - значит, Мармеладовым дал вчера копеек сорок семь али пятьдесят", - подумал он, для чего-то рассчитывая, но скоро забыл даже, для чего и деньги вытащил из кармана.
He recalled it on passing an eating-house or tavern, and felt that he was hungry....	Он вспомнил об этом, проходя мимо одного съестного заведения, вроде харчевни, и почувствовал, что ему хочется есть.

Going into the tavern he drank a glass of vodka and ate a pie of some sort.	Входя в харчевню, он выпил рюмку водки и съел с какою-то начинкой пирог.
He finished eating it as he walked away.	Доел он его опять на дороге.
It was a long while since he had taken vodka and it had an effect upon him at once, though he only drank a wineglassful.	Он очень давно не пил водки, и она мигом подействовала, хотя выпита была всего одна рюмка.
His legs felt suddenly heavy and a great drowsiness came upon him.	Ноги его вдруг отяжелели, и он начал чувствовать сильный позыв ко сну.
He turned homewards, but reaching Petrovsky Ostrov he stopped completely exhausted, turned off the road into the bushes, sank down upon the grass and instantly fell asleep.	Он пошел домой; но дойдя уже до Петровского острова, остановился в полном изнеможении, сошел с дороги, вошел в кусты, пал на траву и в ту же минуту заснул.
In a morbid condition of the brain, dreams often have a singular actuality, vividness, and extraordinary semblance of reality.	В болезненном состоянии сны отличаются часто необыкновенною выпуклостью, яркостью и чрезвычайным сходством с действительностью.
At times monstrous images are created, but the setting and the whole picture are so truth-like and filled with details so delicate, so unexpectedly, but so artistically consistent, that the dreamer, were he an artist like Pushkin or Turgenev even, could never have invented them in the waking state.	Слагается иногда картина чудовищная, но обстановка и весь процесс всего представления бывают при этом до того вероятны и с такими тонкими, неожиданными, но художественно соответствующими всей полноте картины подробностями, что их и не выдумать наяву этому же самому сновидцу, будь он такой же художник, как Пушкин или Тургенев.

Such sick dreams always remain long in the memory and make a powerful impression on the overwrought and deranged nervous system.	Такие сны, болезненные сны, всегда долго помнятся и производят сильное впечатление на расстроенный и уже возбужденный организм человека.
Raskolnikov had a fearful dream.	Страшный сон приснился Раскольникову.
He dreamt he was back in his childhood in the little town of his birth.	Приснилось ему его детство, еще в их городке.
He was a child about seven years old, walking into the country with his father on the evening of a holiday.	Он лет семи и гуляет в праздничный день, под вечер, с своим отцом за городом.
	Время серенькое, день удушливый,

It was a grey and heavy day, the country was exactly as he remembered it; indeed he recalled it far more vividly in his dream than he had done in memory.	местность совершенно такая же, как уцелела в его памяти: даже в памяти его она гораздо более изгладилась, чем представлялась теперь во сне.
The little town stood on a level flat as bare as the hand, not even a willow near it; only in the far distance, a copse lay, a dark blur on the very edge of the horizon.	Г ородок стоит открыто, как на ладони, кругом ни ветлы; где-то очень далеко, на самом краю неба, чернеется лесок.
A few paces beyond the last market garden stood a tavern, a big tavern, which had always aroused in him a feeling of aversion, even of fear, when he walked by it with his father.	В нескольких шагах от последнего городского огорода стоит кабак, большой кабак, всегда производивший на него неприятнейшее впечатление и даже страх, когда он проходил мимо его, гуляя с отцом.
There was always a crowd there, always shouting, laughter and abuse, hideous hoarse singing and often fighting. Drunken and horrible-looking figures were hanging about the tavern.	Там всегда была такая толпа, так орали, хохотали, ругались, так безобразно и сипло пели и так часто дрались; кругом кабака шлялись всегда такие пьяные и страшные рожи...
He used to cling close to his father, trembling all over when he met them.	Встречаясь с ними, он тесно прижимался к отцу и весь дрожал.
Near the tavern the road became a dusty track, the dust of which was always black.	Возле кабака дорога, проселок, всегда пыльная, и пыль на ней всегда такая черная.
It was a winding road, and about a hundred paces further on, it turned to the right to the graveyard.	Идет она, извиваясь, далее и шагах в трехстах огибает вправо городское кладбище.
In the middle of the graveyard stood a stone church with a green cupola where he used to go to mass two or three times a year with his father and mother, when a service was held in memory of his grandmother, who had long been dead, and whom he had never seen.	Среди кладбища каменная церковь с зеленым куполом, в которую он раза два в год ходил с отцом и с матерью к обедне, когда служились панихиды по его бабушке, умершей уже давно, и которую он никогда не видал.
On these occasions they used to take on a white dish tied up in a table napkin a special sort of rice pudding with raisins stuck in it in the shape of a cross.	При этом всегда они брали с собою кутью на белом блюде, в салфетке, а кутья была сахарная из рису и изюму, вдавленного в рис крестом.
He loved that church, the old-fashioned, unadorned ikons and the old priest with the shaking head.	Он любил эту церковь и старинные в ней образа, большею частью без окладов, и старого священника с

<p>Near his grandmother's grave, which was marked by a stone, was the little grave of his younger brother who had died at six months old. He did not remember him at all, but he had been told about his little brother, and whenever he visited the graveyard he used religiously and reverently to cross himself and to bow down and kiss the little grave.</p>	<p>Подле бабушкиной могилы, на которой была плита, была и маленькая могилка его меньшого брата, умершего шести месяцев и которого он тоже совсем не знал и не мог помнить; но ему сказали, что у него был маленький брат, и он каждый раз, как посещал кладбище, религиозно и почтительно крестился над могилкой, кланялся ей и целовал ее.</p>
<p>And now he dreamt that he was walking with his father past the tavern on the way to the graveyard; he was holding his father's hand and looking with dread at the tavern.</p>	<p>И вот снится ему: они идут с отцом по дороге к кладбищу и проходят мимо кабака; он держит отца за руку и со страхом оглядывается на кабак.</p>
<p>A peculiar circumstance attracted his attention: there seemed to be some kind of festivity going on, there were crowds of gaily dressed townspeople, peasant women, their husbands, and riff-raff of all sorts, all singing and all more or less drunk. Near the entrance of the tavern stood a cart, but a strange cart.</p>	<p>Особенное обстоятельство привлекает его внимание: на это раз тут как будто гулянье, толпа разодетых мещанок, баб, их мужей и всякого сброду. Все пьяны, все поют песни, а подле кабачного крыльца стоит телега, но странная телега.</p>
<p>It was one of those big carts usually drawn by heavy cart-horses and laden with casks of wine or other heavy goods.</p>	<p>Это одна из тех больших телег, в которые впрягают больших ломовых лошадей и перевозят в них товары и винные бочки.</p>
<p>He always liked looking at those great cart-horses, with their long manes, thick legs, and slow even pace, drawing along a perfect mountain with no appearance of effort, as though it were easier going with a load than without it.</p>	<p>Он всегда любил смотреть на этих огромных ломовых коней, долгогривых, с толстыми ногами, идущих спокойно, мерным шагом и везущих за собою какую-нибудь целую гору, несколько не надсаждаясь, как будто им с возами даже легче, чем без возов.</p>
<p>But now, strange to say, in the shafts of such a cart he saw a thin little sorrel beast, one of those peasants' nags which he had often seen straining their utmost under a heavy load of wood or hay, especially when the wheels were stuck in the mud or in a rut. And the peasants would beat them so cruelly, sometimes even about the nose and eyes, and he felt so sorry, so sorry for them that he</p>	<p>Но теперь, странное дело, в большую такую телегу впряжена была маленькая, тощая, саврасая крестьянская клячонка, одна из тех, которые - он часто это видел - надрываются иной раз с высоким каким-нибудь возом дров или сена, особенно коли воз застрянет в грязи или в колее, и при этом их так больно, так больно бьют всегда мужики кнутами, иной раз даже по самой морде и по глазам, а ему так жалко, так жалко на это смотреть, что он чуть не</p>

almost cried, and his mother always used to take him away from the window.	плачет, а мамаша всегда, бывало, отводит его от окошка.
All of a sudden there was a great uproar of shouting, singing and the balalaika, and from the tavern a number of big and very drunken peasants came out, wearing red and blue shirts and coats thrown over their shoulders.	Но вот вдруг становится очень шумно: из кабака выходят с криками, с песнями, с балалайками пьяные-препьяные большие такие мужики в красных и синих рубашках, с армяками внакидку.
"Get in, get in!" shouted one of them, a young thick-necked peasant with a fleshy face red as a carrot. "I'll take you all, get in!"	"Садись, все садись! - кричит один, еще молодой, с толстою такою шеей и с мясистым, красным, как морковь, лицом, - всех довезу, садись!"
But at once there was an outbreak of laughter and exclamations in the crowd.	Но тотчас же раздается смех и восклицанья:
"Take us all with a beast like that!"	- Этака кляча да повезет!

"Why, Mikolka, are you crazy to put a nag like that in such a cart?"	- Да ты, Миколка, в уме, что ли: этаку кобыленку в таку телегу запрег!
"And this mare is twenty if she is a day, mates!"	- А ведь савраске-то беспрременно лет двадцать уж будет, братцы!
"Get in, I'll take you all," Mikolka shouted again, leaping first into the cart, seizing the reins and standing straight up in front.	- Садись, всех довезу! - опять кричит Миколка, прыгая первый в телегу, берет вожжи и становится на передке во весь рост.
"The bay has gone with Matvey," he shouted from the cart--"and this brute, mates, is just breaking my heart, I feel as if I could kill her.	- Гнедой даве с Матвеем ушел, - кричит он с телеги, - а кобыленка этта, братцы, только сердце мое надрывает: так бы, кажись, ее и убил, даром хлеб ест.
She's just eating her head off.	Говорю садись!
Get in, I tell you!	Вскачь пуцу!
I'll make her gallop!	Вскачь пойдет!
She'll gallop!" and he picked up the whip, preparing himself with relish to flog the little mare.	- И он берет в руки кнут, с наслаждением готовясь сечь савраску.
"Get in! Come along!"	- Да садись, чего! - хохочут в толпе.
The crowd laughed. "D'you hear, she'll gallop!"	- Слышь, вскачь пойдет!
"Gallop indeed! She has not had a gallop in	- Она вскачь-то уж десять лет, поди, не

her for the last ten years!"	прыгала.
"She'll jog along!"	- Запрыгает!
"Don't you mind her, mates, bring a whip each of you, get ready!"	- Не жалея, братцы, бери всяк кнуты, зготовляй!
"All right!"	- И то!
Give it to her!"	Секи ее!
They all clambered into Mikolka's cart, laughing and making jokes.	Все лезут в Миколкину телегу с хохотом и остротами.
Six men got in and there was still room for more.	Налезло человек шесть, и еще можно посадить.
They hauled in a fat, rosy-cheeked woman.	Берут с собою одну бабу, толстую и румяную.
She was dressed in red cotton, in a pointed, beaded headdress and thick leather shoes; she was cracking nuts and laughing.	Она в кумачах, в кичке с бисером, на ногах коты, щелкает орешки и посмеивается.
The crowd round them was laughing too and indeed, how could they help laughing? That wretched nag was to drag all the cartload of them at a gallop!	Кругом в толпе тоже смеются, да и впрямь, как не смеяться: этака лядащая кобыленка да такую тягость вскачь везти будет!
Two young fellows in the cart were just getting whips ready to help Mikolka.	Два парня в телеге тотчас же берут по кнуту, чтобы помогать Миколке.
With the cry of "now," the mare tugged with all her might, but far from galloping, could scarcely move forward; she struggled with her legs, gasping and shrinking from the blows of the three whips which were showered upon her like hail.	Раздается: "ну!", клячонка дергает изо всей силы, но не только вскачь, а даже и шагом-то чуть-чуть может справиться, только семенит ногами, кряхтит и приседает от ударов трех кнутов, сыплющихся на нее, как горох.

The laughter in the cart and in the crowd was redoubled, but Mikolka flew into a rage and furiously thrashed the mare, as though he supposed she really could gallop.	Смех в телеге и в толпе удвоивается, но Миколка сердится и в ярости сечет учащенными ударами кобыленку, точно и впрямь полагает, что она вскачь пойдет.
"Let me get in, too, mates," shouted a young man in the crowd whose appetite was aroused.	- Пустя и меня, братцы! - кричит один разлакомившийся парень из толпы.
"Get in, all get in," cried Mikolka, "she will draw you all.	- Садись! Все садись! - кричит Миколка, - всех повезет.
I'll beat her to death!"	Засеку!

And he thrashed and thrashed at the mare, beside himself with fury.	- И хлещет, хлещет, и уже не знает, чем и бить от остервенения.
"Father, father," he cried, "father, what are they doing?"	- Папочка, папочка, - кричит он отцу, - папочка, что они делают?
Father, they are beating the poor horse!"	Папочка, бедную лошадку бьют!
"Come along, come along!" said his father. "They are drunken and foolish, they are in fun; come away, don't look!" and he tried to draw him away, but he tore himself away from his hand, and, beside himself with horror, ran to the horse.	- Пойдем, пойдем! - говорит отец, - пьяные, шалют, дураки: пойдем, не смотри! - и хочет увести его, но он вырывается из его рук и, не помня себя, бежит к лошадке.
The poor beast was in a bad way.	Но уж бедной лошадке плохо.
She was gasping, standing still, then tugging again and almost falling.	Она задыхается, останавливается, опять дергает, чуть не падает.
"Beat her to death," cried Mikolka, "it's come to that.	- Секи до смерти! - кричит Миколка, - на то пошло.
I'll do for her!"	Засеку!
"What are you about, are you a Christian, you devil?" shouted an old man in the crowd.	- Да что на тебе креста, что ли, нет, леший! - кричит один старик из толпы.
"Did anyone ever see the like? A wretched nag like that pulling such a cartload," said another.	- Видано ль, чтобы така лошаденка таку поклажу везла, - прибавляет другой.
"You'll kill her," shouted the third.	- Заморишь! - кричит третий.
"Don't meddle!	- Не трожь!
It's my property, I'll do what I choose.	Мое добро!
Get in, more of you!	Что хочу, то и делаю.
Get in, all of you!	Садись еще!
I will have her go at a gallop!..."	Все садись!
All at once laughter broke into a roar and covered everything: the mare, roused by the shower of blows, began feebly kicking.	Хочу, чтобы непременно вскачь пошла!.. Вдруг хохот раздается залпом и покрывает все: кобыленка не вынесла учащенных ударов и в бессилии начала лягаться.
Even the old man could not help smiling.	Даже старик не выдержал и усмехнулся.
To think of a wretched little beast like that trying to	И впрямь: этака лядащая

kick!	кобыленка, а еще лягается!
Two lads in the crowd snatched up whips and ran to the mare to beat her about the ribs.	Два парня из толпы достают еще по кнуту и бегут к лошаденке сечь ее с боков.
One ran each side.	Каждый бежит с своей стороны.
"Hit her in the face, in the eyes, in the eyes," cried Mikolka.	- По морде ее, по глазам хлещи, по глазам! - кричит Миколка.
"Give us a song, mates," shouted someone in the cart and everyone in the cart joined in a riotous song, jingling a tambourine and whistling.	- Песню, братцы! - кричит кто-то с телеги, и все в телеге подхватывают. Раздается разгульная песня, брякает бубен, в припевах свист.
The woman went on cracking nuts and laughing.	Бабенка щелкает орешки и посмеивается.
... He ran beside the mare, ran in front of her, saw her being whipped across the eyes, right in the eyes!	...Он бежит подле лошадки, он забегает вперед, он видит, как ее секут по глазам, по самым глазам!
He was crying, he felt choking, his tears were streaming.	Он плачет. Сердце в нем поднимается, слезы текут.
One of the men gave him a cut with the whip across the face, he did not feel it. Wringing his hands and screaming, he rushed up to the grey-headed old man with the grey beard, who was shaking his head in disapproval.	Один из секущих задевает его по лицу; он не чувствует, он ломает свои руки, кричит, бросается к седому старику с седой бородой, который качает головой и осуждает все это.
One woman seized him by the hand and would have taken him away, but he tore himself from her and ran back to the mare.	Одна баба берет его за руку и хочет увести; но он вырывается и опять бежит к лошадке.
She was almost at the last gasp, but began kicking once more.	Та уже при последних усилиях, но еще раз начинает лягаться.
"I'll teach you to kick," Mikolka shouted ferociously.	- А чтобы те леший! - вскрикивает в ярости Миколка.
He threw down the whip, bent forward and picked up from the bottom of the cart a long, thick shaft, he took hold of one end with both hands and with an effort brandished it over the mare.	Он бросает кнут, нагибается и вытаскивает со дна телеги длинную и толстую оглоблю, берет ее за конец в обе руки и с усилием размахивается над савраской.
"He'll crush her," was shouted round him.	- Разразит! - кричат кругом.
"He'll kill her!"	- Убьет!
"It's my property," shouted Mikolka and brought	- Мое добро! - кричит Миколка и со

the shaft down with a swinging blow.	всего размаху опускает оглоблю.
There was a sound of a heavy thud.	Раздается тяжелый удар.
"Thrash her, thrash her!	- Секи ее, секи!
Why have you stopped?" shouted voices in the crowd.	Что стали! - кричат голоса из толпы.
And Mikolka swung the shaft a second time and it fell a second time on the spine of the luckless mare.	А Миколка намахивается в другой раз, и другой удар со всего размаху ложится на спину несчастной клячи.
She sank back on her haunches, but lurched forward and tugged forward with all her force, tugged first on one side and then on the other, trying to move the cart. But the six whips were attacking her in all directions, and the shaft was raised again and fell upon her a third time, then a fourth, with heavy measured blows.	Она вся оседает всем задом, но вспрыгивает и дергает, дергает из всех последних сил в разные стороны, чтобы вывезти; но со всех сторон принимают ее в шесть кнутов, а оглобля снова вздымается и падает в третий раз, потом в четвертый, мерно, с размаха.
Mikolka was in a fury that he could not kill her at one blow.	Миколка в бешенстве, что не может с одного удара убить.
"She's a tough one," was shouted in the crowd.	- Живуча! - кричат кругом.
"She'll fall in a minute, mates, there will soon be an end of her," said an admiring spectator in the crowd.	- Сейчас непременно падет, братцы, тут ей и конец! - кричит из толпы один любитель.
"Fetch an axe to her!	- Топором ее, чего!
Finish her off," shouted a third.	Покончить с ней разом, - кричит третий.
"I'll show you!	- Эх, ешь те комары!
Stand off," Mikolka screamed frantically; he threw down the shaft, stooped down in the cart and picked up an iron crowbar.	Расступись! - неистово вскрикивает Миколка, бросает оглоблю, снова нагибается в телегу и вытаскивает железный лом.
"Look out," he shouted, and with all his might he dealt a stunning blow at the poor mare.	- Берегись! - кричит он и что есть силы огорошивает с размаху свою бедную лошаденку.
The blow fell; the mare staggered, sank back, tried to pull, but the bar fell again with a swinging blow on her back and she fell on the ground like a log.	Удар рухнул; кобыленка зашаталась, осела, хотела было дернуть, но лом снова со всего размаху ложится ей на спину, и она падает на землю, точно ей подсекли все четыре ноги разом.
	- Добивай! - кричит Миколка и

"Finish her off," shouted Mikolka and he leapt beside himself, out of the cart.	вскакивает, словно себя не помня, с телеги.
Several young men, also flushed with drink, seized anything they could come across--whips, sticks, poles, and ran to the dying mare.	Несколько парней, тоже красных и пьяных, схватывают что попало - кнуты, палки, оглоблю, и бегут к издыхающей кобыленке.
Mikolka stood on one side and began dealing random blows with the crowbar.	Миколка становится сбоку и начинает бить ломом зря по спине.
The mare stretched out her head, drew a long breath and died.	Кляча протягивает морду, тяжело вздыхает и умирает.
"You butchered her," someone shouted in the crowd.	- Доконал! - кричат в толпе.
"Why wouldn't she gallop then?"	- А зачем вскачь не шла!
"My property!" shouted Mikolka, with bloodshot eyes, brandishing the bar in his hands.	- Мое добро! - кричит Миколка, с ломом в руках и с налитыми кровью глазами.
He stood as though regretting that he had nothing more to beat.	Он стоит будто жалея, что уж некого больше бить.
"No mistake about it, you are not a Christian," many voices were shouting in the crowd.	- Ну и впрямь, знать, креста на тебе нет! - кричат из толпы уже многие голоса.

But the poor boy, beside himself, made his way, screaming, through the crowd to the sorrel nag, put his arms round her bleeding dead head and kissed it, kissed the eyes and kissed the lips....	Но бедный мальчик уже не помнит себя. С криком пробивается он сквозь толпу к савраске, обхватывает ее мертвую, окровавленную морду и целует ее, целует ее в глаза, в губы...
Then he jumped up and flew in a frenzy with his little fists out at Mikolka.	Потом вдруг вскакивает и в исступлении бросается с своими кулачками на Миколку.
At that instant his father, who had been running after him, snatched him up and carried him out of the crowd.	В этот миг отец, уже долго гонявшийся за ним, схватывает его наконец и выносит из толпы.
"Come along, come! Let us go home," he said to him.	- Пойдем! пойдем! - говорит он ему, - домой пойдем!
"Father!	- Папочка!
Why did they... kill... the poor horse!" he sobbed, but his voice broke and the words came in shrieks from his panting chest.	За что они... бедную лошадку... убили! - всхлипывает он, но дыханье ему захватывает, и слова криками вырываются

	из его стесненной груди.
"They are drunk.... They are brutal... it's not our business!" said his father.	- Пьяные, шалят, не наше дело, пойдем! - говорит отец.
He put his arms round his father but he felt choked, choked.	Он обхватывает отца руками, но грудь ему теснит, теснит.
He tried to draw a breath, to cry out--and woke up.	Он хочет перевести дыхание, вскрикнуть, и просыпается.
He waked up, gasping for breath, his hair soaked with perspiration, and stood up in terror.	Он проснулся весь в поту, с мокрыми от поту волосами, задыхаясь, и приподнялся в ужасе.
"Thank God, that was only a dream," he said, sitting down under a tree and drawing deep breaths.	"Слава богу, это только сон! - сказал он, садясь под деревом и глубоко переводя дыхание.
"But what is it?"	- Но что это?
Is it some fever coming on? Such a hideous dream!"	Уж не горячка ли во мне начинается: такой безобразный сон!"
He felt utterly broken: darkness and confusion were in his soul.	Все тело его было как бы разбито; смутно и темно на душе.
He rested his elbows on his knees and leaned his head on his hands.	Он положил локти на колена и подпер обеими руками голову.
"Good God!" he cried, "can it be, can it be, that I shall really take an axe, that I shall strike her on the head, split her skull open... that I shall tread in the sticky warm blood, break the lock, steal and tremble; hide, all spattered in the blood... with the axe....	"Боже! - воскликнул он, - да неужели ж, неужели ж я в самом деле возьму топор, стану бить по голове, размозжу ей череп... буду скользить в липкой, теплой крови, взламывать замок, красть и дрожать; прятаться, весь залитый кровью... с топором...
Good God, can it be?"	Господи, неужели?
He was shaking like a leaf as he said this.	Он дрожал как лист, говоря это.
"But why am I going on like this?" he continued, sitting up again, as it were in profound amazement. "I knew that I could never bring myself to it, so what have I been torturing myself for till now?"	- Да что же это я! - продолжал он, восклоняясь опять и как бы в глубоком изумлении, - ведь я знал же, что я этого не вынесу, так чего ж я до сих пор себя мучил?
Yesterday, yesterday, when I went to make that... _experiment_, yesterday I realised completely that I could never bear to do it....	Ведь еще вчера, вчера, когда я пошел делать эту... пробу, ведь я вчера же понял совершенно, что не вытерплю...
Why am I going over it again, then?	Чего ж я теперь-то?

Why am I hesitating?	Чего ж я еще до сих пор сомневался?
As I came down the stairs yesterday, I said myself that it was base, loathsome, vile, vile... the very thought of it made me feel sick and filled me with horror.	Ведь вчера же, сходя с лестницы, я сам сказал, что это подло, гадко, низко, низко... ведь меня от одной мысли наяву стошнило и в ужас бросило...
"No, I couldn't do it, I couldn't do it!	- Нет, я не вытерплю, не вытерплю!
Granted, granted that there is no flaw in all that reasoning, that all that I have concluded this last month is clear as day, true as arithmetic....	Пусть, пусть даже нет никаких сомнений во всех этих расчетах, будь это все, что решено в этот месяц, ясно как день, справедливо как арифметика.
My God!	Господи!
Anyway I couldn't bring myself to it!	Ведь я все же равно не решусь!
I couldn't do it, I couldn't do it!	Я ведь не вытерплю, не вытерплю!..
Why, why then am I still...?"	Чего же, чего же и до сих пор...
He rose to his feet, looked round in wonder as though surprised at finding himself in this place, and went towards the bridge.	Он встал на ноги, в удивлении осмотрелся кругом, как бы дивясь и тому, что зашел сюда, и пошел на Т-в мост.
He was pale, his eyes glowed, he was exhausted in every limb, but he seemed suddenly to breathe more easily.	Он был бледен, глаза его горели, изнеможение было во всех его членах, но ему вдруг стало дышать как бы легче.
He felt he had cast off that fearful burden that had so long been weighing upon him, and all at once there was a sense of relief and peace in his soul.	Он почувствовал, что уже сбросил с себя это страшное бремя, давившее его так долго, и на душе его стало вдруг легко и мирно.
"Lord," he prayed, "show me my path--I renounce that accursed... dream of mine."	"Господи! - молил он, - покажи мне путь мой, а я отрекаюсь от этой проклятой... мечты моей!"
Crossing the bridge, he gazed quietly and calmly at the Neva, at the glowing red sun setting in the glowing sky.	Проходя чрез мост, он тихо и спокойно смотрел на Неву, на яркий закат яркого, красного солнца.
In spite of his weakness he was not conscious of fatigue.	Несмотря на слабость свою, он даже не ощущал в себе усталости.
It was as though an abscess that had been forming for a month past in his heart had suddenly broken.	Точно нарыв на сердце его, нарывавший весь месяц, вдруг прорвался.
Freedom, freedom!	Свобода, свобода!
He was free from that spell, that sorcery,	Он свободен теперь от этих чар, от

that obsession!	колдовства, обаяния, от наваждения!
-----------------	-------------------------------------

Later on, when he recalled that time and all that happened to him during those days, minute by minute, point by point, he was superstitiously impressed by one circumstance, which, though in itself not very exceptional, always seemed to him afterwards the predestined turning-point of his fate.	Впоследствии, когда он припоминал это время и все, что случилось с ним в эти дни, минуту за минутой, пункт за пунктом, черту за чертой, его до суеверия поражало всегда одно обстоятельство, хотя в сущности и не очень необычайное, но которое постоянно казалось ему потом как бы каким-то предопределением судьбы его.
He could never understand and explain to himself why, when he was tired and worn out, when it would have been more convenient for him to go home by the shortest and most direct way, he had returned by the Hay Market where he had no need to go.	Именно: он никак не мог понять и объяснить себе, почему он, усталый, измученный, которому было бы всего выгоднее возвратиться домой самым кратчайшим и прямым путем, воротился домой через Сенную площадь, на которую ему было совсем лишнее идти.
It was obviously and quite unnecessarily out of his way, though not much so.	Крюк был небольшой, но очевидный и совершенно ненужный.
It is true that it happened to him dozens of times to return home without noticing what streets he passed through.	Конечно, десятки раз случалось ему возвращаться домой, не помня улиц, по которым он шел.
But why, he was always asking himself, why had such an important, such a decisive and at the same time such an absolutely chance meeting happened in the Hay Market (where he had moreover no reason to go) at the very hour, the very minute of his life when he was just in the very mood and in the very circumstances in which that meeting was able to exert the gravest and most decisive influence on his whole destiny?	Но зачем же, спрашивал он всегда, зачем же такая важная, такая решительная для него и в то же время такая в высшей степени случайная встреча на Сенной (по которой даже и идти ему незачем) подошла как раз теперь к такому часу, к такой минуте в его жизни, именно к такому настроению его духа и к таким именно обстоятельствам, при которых только и могла она, эта встреча, произвести самое решительное и самое окончательное действие на всю судьбу его?
As though it had been lying in wait for him on purpose!	Точно тут нарочно поджидала его!
It was about nine o'clock when he crossed the Hay Market.	Было около девяти часов, когда он проходил по Сенной.
At the tables and the barrows, at the booths and the shops, all the market people were closing their establishments or clearing away and packing up their wares and, like their customers, were going home.	Все торговцы на столах, на лотках, в лавках и в лавочках запирали свои заведения, или снимали и прибирали свой товар, и расходились по домам, равно как и их покупатели.

Rag pickers and costermongers of all kinds were crowding round the taverns in the dirty and stinking courtyards of the Hay Market.	Около харчевен в нижних этажах, на грязных и вонючих дворах домов Сенной площади, а наиболее у распивочных, толпилось много разного и всякого сорта промышленников и лохмотников.
Raskolnikov particularly liked this place and the neighbouring alleys, when he wandered aimlessly in the streets.	Раскольников преимущественно любил эти места, равно как и все близлежащие переулки, когда выходил без цели на улицу.
Here his rags did not attract contemptuous attention, and one could walk about in any attire without scandalising people.	Тут лохмотья его не обращали на себя ничьего высокомерного внимания, и можно было ходить в каком угодно виде, никого не скандализируя.

At the corner of an alley a huckster and his wife had two tables set out with tapes, thread, cotton handkerchiefs, etc.	У самого К-ного переулка, на углу, мещанин и баба, жена его, торговали с двух столов товаром: нитками, тесемками, платками ситцевыми и т. п.
They, too, had got up to go home, but were lingering in conversation with a friend, who had just come up to them.	Они тоже поднимались домой, но замешкались, разговаривая с подошедшею знакомой.
This friend was Lizaveta Ivanovna, or, as everyone called her, Lizaveta, the younger sister of the old pawnbroker, Alyona Ivanovna, whom Raskolnikov had visited the previous day to pawn his watch and make his experiment	Знакомая эта была Лизавета Ивановна, или просто, как все звали ее, Лизавета, младшая сестра той самой старухи Алёны Ивановны, коллежской регистраторши и процентщицы, у которой вчера был Раскольников, приходивший закладывать ей часы и делать свою пробу...
He already knew all about Lizaveta and she knew him a little too.	Он давно уже знал все про эту Лизавету, и даже та его знала немного.
She was a single woman of about thirty-five, tall, clumsy, timid, submissive and almost idiotic. She was a complete slave and went in fear and trembling of her sister, who made her work day and night, and even beat her.	Это была высокая, неуклюжая, робкая и смиренная девка, чуть не идиотка, тридцати пяти лет, бывшая в полном рабстве у сестры своей, работавшая на нее день и ночь, трепетавшая перед ней и терпевшая от нее даже побои.
She was standing with a bundle before the huckster and his wife, listening earnestly and doubtfully.	Она стояла в раздумье с узлом перед мещанином и бабой и внимательно слушала их.
They were talking of something with special warmth.	Те что-то ей с особенным жаром толковали.
The moment Raskolnikov caught sight of her, he was overcome by a strange	Когда Раскольников вдруг увидел ее, какое-то

sensation as it were of intense astonishment, though there was nothing astonishing about this meeting.	странное ощущение, похожее на глубочайшее изумление, охватило его, хотя во встрече этой не было ничего изумительного.
"You could make up your mind for yourself, Lizaveta Ivanovna," the huckster was saying aloud.	- Вы бы, Лизавета Ивановна, и порешили самолично, - громко говорил мещанин.
"Come round to-morrow about seven.	- Приходите-тко завтра, часу в семом-с.
They will be here too."	И те прибудут.
"To-morrow?" said Lizaveta slowly and thoughtfully, as though unable to make up her mind.	- Завтра? - протяжно и задумчиво сказала Лизавета, как будто не решаясь.
"Upon my word, what a fright you are in of Alyona Ivanovna," gabbled the huckster's wife, a lively little woman.	- Эк ведь вам Алена-то Ивановна страху задала!- затараторила жена торговца, бойкая бабенка.
"I look at you, you are like some little babe.	- Посмотрю я на вас, совсем-то вы как ребенок малый.
And she is not your own sister either- nothing but a step-sister and what a hand she keeps over you!"	И сестра она вам не родная, а сведенная, а вот какую волю взяла.
"But this time don't say a word to Alyona Ivanovna," her husband interrupted; "that's my advice, but come round to us without asking.	- Да вы на сей раз Алене Ивановне ничего не говорите-с, - перебил муж, - вот мой совет-с, а зайдите к нам не просясь.
It will be worth your while.	Оно дело выгодное-с.
Later on your sister herself may have a notion."	Потом и сестрица сами могут сообразить.

"Am I to come?"	- Аль зайти?
"About seven o'clock to-morrow. And they will be here.	- В семом часу, завтра; и от тех прибудут-с; самолично и порешите-с.
You will be able to decide for yourself." "And we'll have a cup of tea," added his wife.	- И самоварчик поставим, - прибавила жена.
"All right, I'll come," said Lizaveta, still pondering, and she began slowly moving away.	- Хорошо, приду, - проговорила Лизавета, все еще раздумывая, и медленно стала с места трогаться.
Raskolnikov had just passed and heard no more.	Раскольников тут уже прошел и не слышал больше.
He passed softly, unnoticed, trying not to	Он проходил тихо, незаметно, стараясь

miss a word.	не проронить ни единого слова.
His first amazement was followed by a thrill of horror, like a shiver running down his spine.	Первоначальное изумление его мало-помалу сменилось ужасом, как будто мороз прошел по спине его.
He had learnt, he had suddenly quite unexpectedly learnt, that the next day at seven o'clock Lizaveta, the old woman's sister and only companion, would be away from home and that therefore at seven o'clock precisely the old woman _would be left alone_.	Он узнал, он вдруг, внезапно и совершенно неожиданно узнал, что завтра, ровно в семь часов вечера, Лизаветы, старухиной сестры и единственной ее сожительницы, дома не будет и что, стало быть, старуха, ровно в семь часов вечера, останется дома одна.
He was only a few steps from his lodging.	До его квартиры оставалось только несколько шагов.
He went in like a man condemned to death.	Он вошел к себе, как приговоренный к смерти.
He thought of nothing and was incapable of thinking; but he felt suddenly in his whole being that he had no more freedom of thought, no will, and that everything was suddenly and irrevocably decided.	Ни о чем он не рассуждал и совершенно не мог рассуждать; но всем существом своим вдруг почувствовал, что нет у него более ни свободы рассудка, ни воли и что все вдруг решено окончательно.
Certainly, if he had to wait whole years for a suitable opportunity, he could not reckon on a more certain step towards the success of the plan than that which had just presented itself.	Конечно, если бы даже целые годы приходилось ему ждать удобного случая, то и тогда, имея замысел, нельзя было рассчитывать наверное, на более очевидный шаг к успеху этого замысла, как тот, который представлялся вдруг сейчас.
In any case, it would have been difficult to find out beforehand and with certainty, with greater exactness and less risk, and without dangerous inquiries and investigations, that next day at a certain time an old woman, on whose life an attempt was contemplated, would be at home and entirely alone.	Во всяком случае, трудно было бы узнать накануне и на pewno, с большей точностью и с наименьшим риском, без всяких опасных расспросов и разыскиваний, что завтра, в таком-то часу, такая-то старуха, на которую готовится покушение, будет дома одна-одинехонька.
CHAPTER VI	VI
Later on Raskolnikov happened to find out why the huckster and his wife had invited Lizaveta.	Впоследствии Раскольникову случилось как-то узнать, зачем именно мещанин и баба приглашали к себе Лизавету.
	Дело было самое обыкновенное и не

It was a very ordinary matter and there was nothing exceptional about it.

заключало в себе ничего такого особенного.

A family who had come to the town and been reduced to poverty were selling their household goods and clothes, all women's things.	Приезжее и забедневшее семейство продавало вещи, платье и проч., все женское.
As the things would have fetched little in the market, they were looking for a dealer. This was Lizaveta's business. She undertook such jobs and was frequently employed, as she was very honest and always fixed a fair price and stuck to it.	Так как на рынке продавать невыгодно, то и искали торговку, а Лизавета этим занималась: брала комиссии, ходила по делам и имела большую практику, потому что была очень честна и всегда говорила крайнюю цену: какую цену скажет, так тому и быть.
She spoke as a rule little and, as we have said already, she was very submissive and timid.	Говорила же вообще мало, и как уже сказано, была такая смиренная и пугливая...
But Raskolnikov had become superstitious of late.	Но Раскольников в последнее время стал суеверен.
The traces of superstition remained in him long after, and were almost ineradicable.	Следы суеверия оставались в нем еще долго спустя, почти неизгладимо.
And in all this he was always afterwards disposed to see something strange and mysterious, as it were, the presence of some peculiar influences and coincidences.	И во всем этом деле он всегда потом наклонен был видеть некоторую как бы странность, таинственность, как будто присутствие каких-то особых влияний и совпадений.
In the previous winter a student he knew called Pokorev, who had left for Harkov, had chanced in conversation to give him the address of Alyona Ivanovna, the old pawnbroker, in case he might want to pawn anything.	Еще зимой один знакомый ему студент, Покорев, уезжая в Харьков, сообщил ему как-то в разговоре адрес старухи Алёны Ивановны, если бы на случай пришлось ему что заложить.
For a long while he did not go to her, for he had lessons and managed to get along somehow.	Долго он не ходил к ней, потому что уроки были и как-нибудь да пробивался.
Six weeks ago he had remembered the address; he had two articles that could be pawned: his father's old silver watch and a little gold ring with three red stones, a present from his sister at parting.	Месяца полтора назад он вспомнил про адрес; у него были две вещи, годные к закладу: старые отцовские серебряные часы и маленькое золотое колечко с тремя какими-то красными камушками, подаренное ему при прощании сестрой, на память.
He decided to take the ring. When he found the old woman he had felt an	Он решил отнести колечко; разыскав

insurmountable repulsion for her at the first glance, though he knew nothing special about her. He got two roubles from her and went into a miserable little tavern on his way home.	старуху, с первого же взгляда, еще ничего не зная о ней особенного, почувствовал к ней непреодолимое отвращение, взял у нее два "билетика" и по дороге зашел в один плохонький трактиришко.
He asked for tea, sat down and sank into deep thought.	Он спросил чаю, сел и крепко задумался.
A strange idea was pecking at his brain like a chicken in the egg, and very, very much absorbed him.	Странная мысль наклевывалась в его голове, как из яйца цыпленок, и очень, очень занимала его.
Almost beside him at the next table there was sitting a student, whom he did not know and had never seen, and with him a young officer.	Почти рядом с ним на другом столике сидел студент, которого он совсем не знал и не помнил, и молодой офицер.
They had played a game of billiards and began drinking tea.	Они сыграли на бильярде и стали пить чай.

All at once he heard the student mention to the officer the pawnbroker Alyona Ivanovna and give him her address.	Вдруг он услышал, что студент говорит офицеру про процентщицу, Алену Ивановну, коллежскую секретаршу, и сообщает ему ее адрес.
This of itself seemed strange to Raskolnikov; he had just come from her and here at once he heard her name.	Это уже одно показалось Раскольникову как-то странным: он сейчас оттуда, а тут как раз про нее же.
Of course it was a chance, but he could not shake off a very extraordinary impression, and here someone seemed to be speaking expressly for him; the student began telling his friend various details about Alyona Ivanovna.	Конечно, случайность, но он вот не может отвязаться теперь от одного весьма необыкновенного впечатления, а тут как раз ему как будто кто-то подслуживается: студент вдруг начинает сообщать товарищу об этой Алене Ивановне разные подробности.
"She is first-rate," he said. "You can always get money from her.	- Славная она, - говорил он, - у ней всегда можно денег достать.
She is as rich as a Jew, she can give you five thousand roubles at a time and she is not above taking a pledge for a rouble.	Богата как жид, может сразу пять тысяч выдать, а и рублевым залогом не брезгает.
Lots of our fellows have had dealings with her.	Наших много у ней перебивало.
But she is an awful old harpy...."	Только стерва ужасная...
And he began describing how spiteful	

and uncertain she was, how if you were only a day late with your interest the pledge was lost; how she gave a quarter of the value of an article and took five and even seven percent a month on it and so on.	И он стал рассказывать, какая она злая, капризная, что стоит только одним днем просрочить заклад, и пропала вещь. Дает вчетверо меньше, чем стоит вещь, а процентов по пяти и даже по семи берет в месяц и т. д.
The student chattered on, saying that she had a sister Lizaveta, whom the wretched little creature was continually beating, and kept in complete bondage like a small child, though Lizaveta was at least six feet high.	Студент разболтался и сообщил, кроме того, что у старухи есть сестра, Лизавета, которую она, такая маленькая и гаденькая, бьет поминутно и держит в совершенном порабощении, как маленького ребенка, тогда как Лизавета, по крайней мере, восьми вершков росту...
"There's a phenomenon for you," cried the student and he laughed.	- Вот ведь тоже феномен! - вскричал студент и захохотал.
They began talking about Lizaveta.	Они стали говорить о Лизавете.
The student spoke about her with a peculiar relish and was continually laughing and the officer listened with great interest and asked him to send Lizaveta to do some mending for him.	Студент рассказывал о ней с каким-то особенным удовольствием и все смеялся, а офицер с большим интересом слушал и просил студента прислать ему эту Лизавету для починки белья.
Raskolnikov did not miss a word and learned everything about her. Lizaveta was younger than the old woman and was her half-sister, being the child of a different mother. She was thirty-five.	Раскольников не проронил ни одного слова и зараз все узнал: Лизавета была младшая, сводная (от разных матерей) сестра старухи, и было ей уже тридцать пять лет.
She worked day and night for her sister, and besides doing the cooking and the washing, she did sewing and worked as a charwoman and gave her sister all she earned.	Она работала на сестру день и ночь, была в доме вместо кухарки и прачки и, кроме того, шила на продажу, даже полы мыть занималась, и все сестре отдавала.
She did not dare to accept an order or job of any kind without her sister's permission.	Никакого заказа и никакой работы не смела взять на себя без позволения старухи.
The old woman had already made her will, and Lizaveta knew of it, and by this will she would not get a farthing; nothing but the movables, chairs and so on; all the money was left to a monastery in the province of N —, that prayers might be said for her in perpetuity.	Старуха же уже сделала свое завещание, что известно было самой Лизавете, которой по завещанию не доставалось ни гроша, кроме движимости, стульев и прочего; деньги же все назначались в один монастырь в Н-й губернии, на вечный помин души.

Lizaveta was of lower rank than her sister, unmarried and awfully uncouth in appearance, remarkably tall with long feet that looked as if they were bent outwards.	Была же Лизавета мещанка, а не чиновница, девица, и собой ужасно нескладная, росту замечательно высокого, с длинными, как будто вывернутыми ножищами, всегда в стоптанных козловых башмаках, и держала себя чистоплотно.
She always wore battered goatskin shoes, and was clean in her person. What the student expressed most surprise and amusement about was the fact that Lizaveta was continually with child.	Главное же, чему удивлялся и смеялся студент, было то, что Лизавета поминутно была беременна...
"But you say she is hideous?" observed the officer.	- Да ведь ты говоришь, она урод? - заметил офицер.
"Yes, she is so dark-skinned and looks like a soldier dressed up, but you know she is not at all hideous.	- Да, смуглая такая, точно солдат переряженный, но знаешь, совсем не урод.
She has such a good-natured face and eyes.	У нее такое доброе лицо и глаза.
Strikingly so.	Очень даже.
And the proof of it is that lots of people are attracted by her.	Доказательство - многим нравится.
She is such a soft, gentle creature, ready to put up with anything, always willing, willing to do anything.	Тихая такая, кроткая, безответная, согласная, на все согласная.
And her smile is really very sweet."	А улыбка у ней даже очень хороша.
"You seem to find her attractive yourself," laughed the officer.	- Да ведь она и тебе нравится? - засмеялся офицер.
"From her queerness.	- Из странности.
No, I'll tell you what.	Нет, вот что я тебе скажу.
I could kill that damned old woman and make off with her money, I assure you, without the faintest conscience-prick," the student added with warmth.	Я бы эту проклятую старуху убил и ограбил, и уверяю тебя, что без всякого зазору совести, - с жаром прибавил студент.
The officer laughed again while Raskolnikov shuddered.	Офицер опять захохотал, а Раскольников вздрогнул.
How strange it was!	Как это было странно!
"Listen, I want to ask you a serious	- Позволь я тебе серьезный вопрос задать

question," the student said hotly.	хочу, -загорячился студент.
"I was joking of course, but look here; on one side we have a stupid, senseless, worthless, spiteful, ailing, horrid old woman, not simply useless but doing actual mischief, who has not an idea what she is living for herself, and who will die in a day or two in any case.	- Я сейчас, конечно, пошутил, но смотри: с одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная и, напротив, всем вредная, которая сама не знает, для чего живет, и которая завтра же сама собой умрет.
You understand?	Понимаешь?
You understand?"	Понимаешь?
"Yes, yes, I understand," answered the officer, watching his excited companion attentively.	- Ну, понимаю, - отвечал офицер, внимательно уставясь в горячившегося товарища.
"Well, listen then.	- Слушай дальше.
On the other side, fresh young lives thrown away for want of help and by thousands, on every side!	С другой стороны, молодые, свежие силы, пропадающие даром без поддержки, и это тысячами, и это всюду!
A hundred thousand good deeds could be done and helped, on that old woman's money which will be buried in a monastery!	Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченные в монастырь!
Hundreds, thousands perhaps, might be set on the right path; dozens of families saved from destitution, from ruin, from vice, from the Lock hospitals--and all with her money.	Сотни, тысячи, может быть, существований, направленных на дорогу; десятки семейств, спасенных от нищеты, от разложения, от гибели, от разврата, от венерических больниц, - и все это на ее деньги.
Kill her, take her money and with the help of it devote oneself to the service of humanity and the good of all. What do you think, would not one tiny crime be wiped out by thousands of good deeds?	Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не загладится ли одно, крошечное преступленье тысячами добрых дел?
For one life thousands would be saved from corruption and decay.	За одну жизнь - тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения.
One death, and a hundred lives in exchange--it's simple arithmetic!	Одна смерть и сто жизней взамен - да ведь тут арифметика!
Besides, what value has the life of that sickly, stupid, ill-natured old woman in the	Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой

balance of existence!	старушонки?
No more than the life of a louse, of a black-beetle, less in fact because the old woman is doing harm.	Не более как жизнь вши, таракана, да и того не стоит, потому что старушонка вредна.
She is wearing out the lives of others; the other day she bit Lizaveta's finger out of spite; it almost had to be amputated."	Она чужую жизнь заедает: она намеренно Лизавете палец со зла укусила; чуть-чуть не отрезали!
"Of course she does not deserve to live," remarked the officer, "but there it is, it's nature."	- Конечно, она недостойна жить, - заметил офицер, - но ведь тут природа.
"Oh, well, brother, but we have to correct and direct nature, and, but for that, we should drown in an ocean of prejudice.	- Эх, брат, да ведь природу поправляют и направляют, а без этого пришлось бы потонуть в предрассудках.
But for that, there would never have been a single great man.	Без этого ни одного бы великого человека не было.

They talk of duty, conscience--I don't want to say anything against duty and conscience;--but the point is, what do we mean by them.	Говорят: "долг, совесть", - я ничего не хочу говорить против долга и совести, - но ведь как мы их понимаем?
Stay, I have another question to ask you.	Стой, я тебе еще задам один вопрос.
Listen!"	Слушай!
"No, you stay, I'll ask you a question.	- Нет, ты стой; я тебе задам вопрос.
Listen!"	Слушай!
"Well?"	- Ну!
"You are talking and speechifying away, but tell me, would you kill the old woman _yourself_?"	- Вот ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мне: убьешь ты сам старуху или нет?
"Of course not!	- Разумеется, нет!
I was only arguing the justice of it....	Я для справедливости...
It's nothing to do with me...."	Не во мне тут и дело...
"But I think, if you would not do it yourself, there's no justice about it....	- А по - моему, коль ты сам не решаешься, так нет тут никакой и справедливости!
Let us have another game."	Пойдем еще партию!
Raskolnikov was violently agitated.	Раскольников был в чрезвычайном волнении.
Of course, it was all ordinary youthful	Конечно, все это были самые обыкновенные и

talk and thought, such as he had often heard before in different forms and on different themes.	самые частые, не раз уже слышанные им, в других только формах и на другие темы, молодые разговоры и мысли.
But why had he happened to hear such a discussion and such ideas at the very moment when his own brain was just conceiving... _the very same ideas_?	Но почему именно теперь пришлось ему выслушать именно такой разговор и такие мысли, когда в собственной голове его только что зародились... такие же точно мысли?
And why, just at the moment when he had brought away the embryo of his idea from the old woman had he dropped at once upon a conversation about her?	И почему именно сейчас, как только он вынес зародыш своей мысли от старухи, как раз и попадает он на разговор о старухе?..
This coincidence always seemed strange to him.	Станным всегда казалось ему это совпадение.
This trivial talk in a tavern had an immense influence on him in his later action; as though there had really been in it something preordained, some guiding hint....	Этот ничтожный, трактирный разговор имел чрезвычайное на него влияние при дальнейшем развитии дела: как будто действительно было тут какое-то предопределение указание.....
***** On returning from the Hay Market he flung himself on the sofa and sat for a whole hour without stirring.	Возвратясь с Сенной, он бросился на диван и целый час просидел без движения.
Meanwhile it got dark; he had no candle and, indeed, it did not occur to him to light up.	Между тем стемнело; свечи у него не было, да и в голову не приходило ему зажигать.
He could never recollect whether he had been thinking about anything at that time.	Он никогда не мог припомнить: думал ли он о чемнибудь в то время?

At last he was conscious of his former fever and shivering, and he realised with relief that he could lie down on the sofa.	Наконец он почувствовал давешнюю лихорадку, озноб, и с наслаждением догадался, что на диване можно и лечь.
Soon heavy, leaden sleep came over him, as it were crushing him.	Скоро крепкий, свинцовый сон налег на него, как будто придавил.
He slept an extraordinarily long time and without dreaming.	Он спал необыкновенно долго и без снов.
Nastasya, coming into his room at ten o'clock the next morning, had difficulty in rousing him.	Настасья, вошедшая к нему в десять часов, на другое утро, насилиу дотолкалась его.
She brought him in tea and bread.	Она принесла ему чаю и хлеба.

The tea was again the second brew and again in her own tea-pot.	Чай был опять спитой, и опять в ее собственном чайнике.
"My goodness, how he sleeps!" she cried indignantly.	- Эх ведь спит! - вскричала она с негодованием, -и все-то он спит!
"And he is always asleep."	Он приподнялся с усилием.
He got up with an effort. His head ached, he stood up, took a turn in his garret and sank back on the sofa again.	Голова его болела; он встал было на ноги, повернулся в своей каморке и упал опять на диван.
"Going to sleep again," cried Nastasya. "Are you ill, eh?"	- Опять спать! - вскричала Настасья, - да ты болен, что ль?
He made no reply.	Он ничего не отвечал.
"Do you want some tea?"	- Чаю-то хошь?
"Afterwards," he said with an effort, closing his eyes again and turning to the wall.	- После, - проговорил он с усилием, смыкая опять глаза и оборачиваясь к стене.
Nastasya stood over him.	Настасья постояла над ним.
"Perhaps he really is ill," she said, turned and went out.	- И впрямь, может, болен, - сказала она, повернулась и ушла.
She came in again at two o'clock with soup.	Она вошла опять в два часа, с супом.
He was lying as before.	Он лежал как давеча.
The tea stood untouched.	Чай стоял нетронутый.
Nastasya felt positively offended and began wrathfully rousing him.	Настасья даже обиделась и с злостью стала толкать его.
"Why are you lying like a log?" she shouted, looking at him with repulsion.	- Чего дрыхнешь! - вскричала она, с отвращением смотря на него.
He got up, and sat down again, but said nothing and stared at the floor.	Он приподнялся и сел, но ничего не сказал ей и глядел в землю.
"Are you ill or not?" asked Nastasya and again received no answer.	- Болен аль нет? - спросила Настасья, и опять не получила ответа.
"You'd better go out and get a breath of air," she said after a pause.	- Ты хошь бы на улицу вышел, - сказала она, помолчав, - тебя хошь бы ветром обдуло.
"Will you eat it or not?"	Есть-то будешь, что ль?
"Afterwards," he said weakly. "You can go." And he motioned her out.	- После, - слабо проговорил он, - ступай! и махнул рукой.

She remained a little longer, looked at him with compassion and went out.	Она постояла еще немного, с сострадание посмотрела на него и вышла.
A few minutes afterwards, he raised his eyes and looked for a long while at the tea and the soup.	Через несколько минут он поднял глаза и долго смотрел на чай и на суп.
Then he took the bread, took up a spoon and began to eat.	Потом взял хлеб, взял ложку и стал есть.
He ate a little, three or four spoonfuls, without appetite, as it were mechanically.	Он съел немного, без аппетита, ложки три-четыре, как бы машинально.
His head ached less.	Голова болела меньше.
After his meal he stretched himself on the sofa again, but now he could not sleep; he lay without stirring, with his face in the pillow.	Пообедав, протянулся он опять на диван, но заснуть уже не мог, а лежал без движения, ничком, уткнув лицо в подушку.
He was haunted by day-dreams and such strange day-dreams; in one, that kept recurring, he fancied that he was in Africa, in Egypt, in some sort of oasis.	Ему все грезилось, и все странные такие были грезы: всего чаще представлялось ему, что он где-то в Африке, в Египте, в каком-то оазисе.
The caravan was resting, the camels were peacefully lying down; the palms stood all around in a complete circle; all the party were at dinner.	Караван отдыхает, смирно лежат верблюды; кругом пальмы растут целым кругом; все обедают.
But he was drinking water from a spring which flowed gurgling close by.	Он же все пьет воду, прямо из ручья, который тут же, у бока, течет и журчит.
And it was so cool, it was wonderful, wonderful, blue, cold water running among the parti-coloured stones and over the clean sand which glistened here and there like gold....	И прохладно так, и чудесная-чудесная такая голубая вода, холодная, бежит по разноцветным камням и по такому чистому с золотыми блестками песку...
Suddenly he heard a clock strike.	Вдруг он ясно услышал, что бьют часы.
He started, roused himself, raised his head, looked out of the window, and seeing how late it was, suddenly jumped up wide awake as though someone had pulled him off the sofa.	Он вздрогнул, очнулся, приподнял голову, посмотрел в окно, сообразил время и вдруг вскочил, совершенно опомнившись, как будто кто его сорвал с дивана.
He crept on tiptoe to the door, stealthily opened it and began listening on the staircase.	На цыпочках подошел он к двери, приотворил ее тихонько и стал прислушиваться вниз на лестницу.
His heart beat terribly.	Сердце его страшно билось.

But all was quiet on the stairs as if everyone was asleep....	Но на лестнице было все тихо, точно все спали...
It seemed to him strange and monstrous that he could have slept in such forgetfulness from the previous day and had done nothing, had prepared nothing yet....	Дико и чудно показалось ему, что он мог проспать в таком забытьи со вчерашнего дня и ничего еще не сделал, ничего не приготовил...
And meanwhile perhaps it had struck six.	А меж тем, может, и шесть часов било...
And his drowsiness and stupefaction were followed by an extraordinary, feverish, as it were distracted haste.	И необыкновенная лихорадочная и какая-то растерявшаяся суета охватила его вдруг, вместо сна и отупения.

But the preparations to be made were few.	Приготовлений, впрочем, было немного.
He concentrated all his energies on thinking of everything and forgetting nothing; and his heart kept beating and thumping so that he could hardly breathe.	Он напрягал все усилия, чтобы все сообразить и ничего не забыть; а сердце все билось, стучало так, что ему дышать стало тяжело.
First he had to make a noose and sew it into his overcoat--a work of a moment.	Во-первых, надо было петлю сделать и к пальто пришить, - дело минуты.
He rummaged under his pillow and picked out amongst the linen stuffed away under it, a worn out, old unwashed shirt.	Он полез под подушку и отыскал в напиханном под нее белье одну, совершенно развалившуюся, старую, немытую свою рубашку.
From its rags he tore a long strip, a couple of inches wide and about sixteen inches long.	Из лохмотьев ее он выдрал тесьму, в вершок шириной и вершков в восемь длиной.
He folded this strip in two, took off his wide, strong summer overcoat of some stout cotton material (his only outer garment) and began sewing the two ends of the rag on the inside, under the left armhole.	Эту тесьму сложил он вдвое, снял с себя свое широкое, крепкое, из какой-то толстой бумажной материи летнее пальто (единственное его верхнее платье) и стал пришивать оба конца тесьмы под левую мышку изнутри.
His hands shook as he sewed, but he did it successfully so that nothing showed outside when he put the coat on again.	Руки его тряслись пришивая, но он одолел, и так, что снаружи ничего не было видно, когда он опять надел пальто.
The needle and thread he had got ready long before and they lay on his table in a piece of paper.	Иголка и нитки были у него уже давно приготовлены и лежали в столике, в бумажке.
As for the noose, it was a very ingenious device of his own; the noose was intended for the axe.	Что же касается петли, то это была очень ловкая его собственная выдумка: петля назначалась для топора.

It was impossible for him to carry the axe through the street in his hands.	Нельзя же было по улице нести топор в руках.
And if hidden under his coat he would still have had to support it with his hand, which would have been noticeable.	А если под пальто спрятать, то все-таки надо было рукой придерживать, что было бы заметно.
Now he had only to put the head of the axe in the noose, and it would hang quietly under his arm on the inside.	Теперь же, с петлей, стоит только вложить в нее лезвие топора, и он будет висеть спокойно, подмышкой изнутри, всю дорогу.
Putting his hand in his coat pocket, he could hold the end of the handle all the way, so that it did not swing; and as the coat was very full, a regular sack in fact, it could not be seen from outside that he was holding something with the hand that was in the pocket.	Запустив же руку в боковой карман пальто, он мог и конец топорной ручки придерживать, чтоб она не болталась; а так как пальто было очень широкое, настоящий мешок, то и не могло быть заметно снаружи, что он что-то рукой, через карман, придерживает.
This noose, too, he had designed a fortnight before.	Эту петлю он тоже уже две недели назад придумал.
When he had finished with this, he thrust his hand into a little opening between his sofa and the floor, fumbled in the left corner and drew out the _pledge_, which he had got ready long before and hidden there.	Покончив с этим, он просунул пальцы в маленькую щель, между его "турецким" диваном и полом, пошарил около левого угла и вытащил давно уже приготовленный и спрятанный там заклад.

This pledge was, however, only a smoothly planed piece of wood the size and thickness of a silver cigarette case.	Этот заклад был, впрочем, вовсе не заклад, а просто деревянная, гладко обструганная дощечка, величиной и толщиной не более, как могла бы быть серебряная папиросочница.
He picked up this piece of wood in one of his wanderings in a courtyard where there was some sort of a workshop.	Эту дощечку он случайно нашел, в одну из своих прогулок, на одном дворе, где во флигеле помещалась какая-то мастерская.
Afterwards he had added to the wood a thin smooth piece of iron, which he had also picked up at the same time in the street.	Потом уже он прибавил к дощечке гладкую и тоненькую железную полоску, - вероятно, от чего-нибудь отломок, - которую тоже нашел на улице тогда же.
Putting the iron which was a little the smaller on the piece of wood, he fastened them very firmly, crossing and re-crossing the thread round them; then wrapped them carefully and daintily in clean white paper and tied up the parcel so that it would be very difficult to untie it.	Сложив обе дощечки, из коих железная была меньше деревянной, он связал их вместе накрепко, крест-накрест, ниткой; потом аккуратно и щеголевато увертел их в чистую белую бумагу и обвязал тоненькою тесемочкой, тоже накрест, а узелок приладил так, чтобы помудренее было развязать.

This was in order to divert the attention of the old woman for a time, while she was trying to undo the knot, and so to gain a moment.	Это для того, чтобы на время отвлечь внимание старухи, когда она начнет возиться с узелком, и улучшить таким образом минуту.
The iron strip was added to give weight, so that the woman might not guess the first minute that the "thing" was made of wood.	Железная же пластинка прибавлена была для весу, чтобы старуха хоть в первую минуту не догадалась, что "вещь" деревянная.
All this had been stored by him beforehand under the sofa.	Все это хранилось у него до времени под диваном.
He had only just got the pledge out when he heard someone suddenly about in the yard.	Только что он достал заклад, как вдруг где-то на дворе раздался чей-то крик:
"It struck six long ago."	- Семей час давно!
"Long ago!	- Давно!
My God!"	Боже мой!
He rushed to the door, listened, caught up his hat and began to descend his thirteen steps cautiously, noiselessly, like a cat.	Он бросился к двери, прислушался, схватил шляпу и стал сходить вниз свои тринадцать ступеней, осторожно, неслышно, как кошка.
He had still the most important thing to do--to steal the axe from the kitchen.	Предстояло самое важное дело - украсть из кухни топор.
That the deed must be done with an axe he had decided long ago.	О том, что дело надо сделать топором, решено им было уже давно.
He had also a pocket pruning-knife, but he could not rely on the knife and still less on his own strength, and so resolved finally on the axe.	У него был еще складной садовый ножик; но на нож, и особенно на свои силы, он не надеялся, а потому и остановился на топоре окончательно.
We may note in passing, one peculiarity in regard to all the final resolutions taken by him in the matter; they had one strange characteristic: the more final they were, the more hideous and the more absurd they at once became in his eyes.	Заметим кстати одну особенность по поводу всех окончательных решений, уже принятых им в этом деле. Они имели одно странное свойство: чем окончательнее они становились, тем безобразнее, нелепее, тотчас же становились и в его глазах.
In spite of all his agonising inward struggle, he never for a single instant all that time could believe in the carrying out of his plans.	Несмотря на всю мучительную внутреннюю борьбу свою, он никогда, ни на одно мгновение не мог уверовать в исполнимость своих замыслов во все это время.
And, indeed, if it had ever happened that	И если бы даже случилось когда-нибудь так,

everything to the least point could have been considered and finally settled, and no uncertainty of any kind had remained, he would, it seems, have renounced it all as something absurd, monstrous and impossible.	что уже все до последней точки было бы им разобрано и решено окончательно и сомнений не оставалось бы уже более никаких, - то тут-то бы, кажется, он и отказался от всего, как от нелепости, чудовищности и невозможности.
But a whole mass of unsettled points and uncertainties remained.	Но неразрешенных пунктов и сомнений оставалась еще целая бездна.
As for getting the axe, that trifling business cost him no anxiety, for nothing could be easier.	Что же касается до того, где достать топор, то эта мелочь его нисколько не беспокоила, потому что не было ничего легче.
Nastasya was continually out of the house, especially in the evenings; she would run in to the neighbours or to a shop, and always left the door ajar.	Дело в том, что Настасьи, и особенно по вечерам, поминутно не бывало дома: или убежит к соседям, или в лавочку, а дверь всегда оставляет настежь.
It was the one thing the landlady was always scolding her about.	Хозяйка только из-за этого с ней и ссорилась.
And so, when the time came, he would only have to go quietly into the kitchen and to take the axe, and an hour later (when everything was over) go in and put it back again.	Итак, стоило только потихоньку войти, когда придет время, в кухню и взять топор, а потом, чрез час (когда все уже кончится), войти и положить обратно.
But these were doubtful points. Supposing he returned an hour later to put it back, and Nastasya had come back and was on the spot.	Но представлялись и сомнения: он, положим, придет через час, чтобы положить обратно, а Настасья тут как тут, воротилась.
He would of course have to go by and wait till she went out again.	Конечно, надо пройти мимо и выждать, пока она опять выйдет.
But supposing she were in the meantime to miss the axe, look for it, make an outcry--that would mean suspicion or at least grounds for suspicion.	А ну как тем временем хватится топора, искать начнет, раскричится, - вот и подозрение или, по крайней мере, случай к подозрению.
But those were all trifles which he had not even begun to consider, and indeed he had no time.	Но это еще были мелочи, о которых он и думать не начинал, да и некогда было.
He was thinking of the chief point, and put off trifling details, until _he could believe in it all_.	Он думал о главном, а мелочи отлагал до тех пор, когда сам во всем убедится.
But that seemed utterly unattainable.	Но последнее казалось решительно неосуществимым.

So it seemed to himself at least.	Так, по крайней мере, казалось ему самому.
He could not imagine, for instance, that he would sometime leave off thinking, get up and simply go there....	Никак он не мог, например, вообразить себе, что когда-нибудь он кончит думать, встанет и -просто пойдет туда...

Even his late experiment (i.e. his visit with the object of a final survey of the place) was simply an attempt at an experiment, far from being the real thing, as though one should say "come, let us go and try it--why dream about it!"--and at once he had broken down and had run away cursing, in a frenzy with himself.	Даже недавнюю пробу свою (то есть визит с намерением окончательно осмотреть место) он только пробовал было сделать, но далеко не взаправду, а так: "дай-ка, дескать, пойду и опробую, что мечтать-то!" - и тотчас не выдержал, плюнул и убежал, в остервенении на самого себя.
Meanwhile it would seem, as regards the moral question, that his analysis was complete; his casuistry had become keen as a razor, and he could not find rational objections in himself.	А между тем, казалось бы, весь анализ, в смысле нравственного разрешения вопроса, был уже им покончен: казуистика его выточилась, как бритва, и сам в себе он уже не находил сознательных возражений.
But in the last resort he simply ceased to believe in himself, and doggedly, slavishly sought arguments in all directions, fumbling for them, as though someone were forcing and drawing him to it.	Но в последнем случае он просто не верил себе и упрямо, рабски, искал возражений по сторонам и ощупью, как будто кто его принуждал и тянул к тому.
At first--long before indeed--he had been much occupied with one question; why almost all crimes are so badly concealed and so easily detected, and why almost all criminals leave such obvious traces?	Последний же день, так нечаянно наступивший и все разом порешивший, подействовал на него почти совсем механически: как будто его кто-то взял за руку и потянул за собой, неотразимо, слепо, с неестественною силой, без возражений.
He had come gradually to many different and curious conclusions, and in his opinion the chief reason lay not so much in the material impossibility of concealing the crime, as in the criminal himself.	Точно он попал клочком одежды в колесо машины, и его начало в нее втягивать. Сначала, -впрочем, давно уже прежде - его занимал один вопрос: почему так легко отыскиваются и выдаются почти все преступления и так явно обозначаются следы почти всех преступников?
Almost every criminal is subject to a failure of will and reasoning power by a childish and phenomenal	Он пришел мало-помалу к многообразным и любопытным заключениям, и, по его мнению, главнейшая причина заключается не столько в материальной невозможности скрыть преступление, как в самом преступнике; сам же

heedlessness, at the very instant when prudence and caution are most essential.	преступник, и почти всякий, в момент преступления подвергается какому-то упадку воли и рассудка, сменяемых, напротив того, детским феноменальным легкомыслием, и именно в тот момент, когда наиболее необходимы рассудок и осторожность.
It was his conviction that this eclipse of reason and failure of will power attacked a man like a disease, developed gradually and reached its highest point just before the perpetration of the crime, continued with equal violence at the moment of the crime and for longer or shorter time after, according to the individual case, and then passed off like any other disease.	По убеждению его, выходило, что это затмение рассудка и упадок воли охватывают человека подобно болезни, развиваются постепенно и доходят до высшего своего момента незадолго до совершения преступления; продолжают в том же виде в самый момент преступления и еще несколько времени после него, судя по индивидууму; затем проходят так же, как проходит всякая болезнь.
The question whether the disease gives rise to the crime, or whether the crime from its own peculiar nature is always accompanied by something of the nature of disease, he did not yet feel able to decide.	Вопрос же: болезнь ли порождает самое преступление или само преступление, как-нибудь по особенной натуре своей, всегда сопровождается чемто вроде болезни? - он еще не чувствовал себя в силах разрешить.
When he reached these conclusions, he decided that in his own case there could not be such a morbid reaction, that his reason and will would remain unimpaired at the time of carrying out his design, for the simple reason that his design was "not a crime...."	Дойдя до таких выводов, он решил, что с ним лично, в его деле, не может быть подобных болезненных переворотов, что рассудок и воля останутся при нем, неотъемлемо, во все время исполнения задуманного, единственно по той причине, что задуманное им - "не преступление"...
We will omit all the process by means of which he arrived at this last conclusion; we have run too far ahead already....	Опускаем весь тот процесс, посредством которого он дошел до последнего решения; мы и без того слишком забежали вперед...
We may add only that the practical, purely material difficulties of the affair occupied a secondary position in his mind.	Прибавим только, что фактические, чисто материальные затруднения дела вообще играли в уме его самую второстепенную роль.
"One has but to keep all one's will-power and reason to deal with them, and they will all be overcome at the time when once one has familiarised oneself with the minutest details of the business...."	"Стоит только сохранить над ними всю волю и весь рассудок, и они, в свое время, все будут побеждены, когда придется познакомиться до малейшей тонкости со всеми подробностями дела..."

But this preparation had never been begun.	Но дело не начиналось.
His final decisions were what he came to trust least, and when the hour struck, it all came to pass quite differently, as it were accidentally and unexpectedly.	Окончательным своим решениям он продолжал всего менее верить, и когда пробил час, все вышло совсем не так, а как-то нечаянно, даже почти неожиданно.
One trifling circumstance upset his calculations, before he had even left the staircase.	Одно ничтожнейшее обстоятельство поставило его в тупик, еще прежде чем он сошел с лестницы.
When he reached the landlady's kitchen, the door of which was open as usual, he glanced cautiously in to see whether, in Nastasya's absence, the landlady herself was there, or if not, whether the door to her own room was closed, so that she might not peep out when he went in for the axe.	Поровнявшись с хозяйкиною кухней, как и всегда отворенною настежь, он осторожно покосился в нее глазами, чтоб оглядеть предварительно: нет ли там, в отсутствие Настасьи, самой хозяйки, а если нет, то хорошо ли заперты двери в ее комнате, чтоб она тоже как-нибудь оттуда не выглянула когда он за топором войдет?
But what was his amazement when he suddenly saw that Nastasya was not only at home in the kitchen, but was occupied there, taking linen out of a basket and hanging it on a line.	Но каково же было его изумление, когда он вдруг увидал, что Настасья не только на этот раз дома, у себя в кухне, но еще занимается делом: вынимает из корзины белье и развешивает на веревках!
Seeing him, she left off hanging the clothes, turned to him and stared at him all the time he was passing.	Увидев его, она перестала развешивать, обернулась к нему и все время смотрела на него, пока он проходил.
He turned away his eyes, and walked past as though he noticed nothing.	Он отвел глаза и прошел, как будто ничего не замечая.
But it was the end of everything; he had not the axe!	Но дело было кончено: нет топора!
He was overwhelmed.	Он был поражен ужасно.
"What made me think," he reflected, as he went under the gateway, "what made me think that she would be sure not to be at home at that moment!	"И с чего взял я, - думал он, сходя под ворота, - с чего взял я, что ее непременно в эту минуту не будет дома?

Why, why, why did I assume this so certainly?"	Почему, почему, почему я так наверно это решил?"
He was crushed and even humiliated.	Он был раздавлен, даже как-то унижен.
He could have laughed at himself in his anger....	Ему хотелось смеяться над собою со злости...

A dull animal rage boiled within him.	Тупая, зверская злоба закипела в нем.
He stood hesitating in the gateway.	Он остановился в раздумье под воротами.
To go into the street, to go a walk for appearance' sake was revolting; to go back to his room, even more revolting.	Идти на улицу, так, для виду, гулять, ему было противно; воротиться домой - еще противнее.
"And what a chance I have lost for ever!" he muttered, standing aimlessly in the gateway, just opposite the porter's little dark room, which was also open.	"И какой случай навсегда потерял!" - пробормотал он, бесцельно стоя под воротами, прямо против темной каморки дворника, тоже отворенной.
Suddenly he started.	Вдруг он вздрогнул.
From the porter's room, two paces away from him, something shining under the bench to the right caught his eye....	Из каморки дворника, бывшей от него в двух шагах, из-под лавки направо что-то блеснуло ему в глаза...
He looked about him--nobody.	Он осмотрелся кругом - никого.
He approached the room on tiptoe, went down two steps into it and in a faint voice called the porter.	На цыпочках подошел он к дворницкой, сошел вниз по двум ступенькам и слабым голосом окликнул дворника.
"Yes, not at home!	"Так и есть, нет дома!
Somewhere near though, in the yard, for the door is wide open."	Где-нибудь близко, впрочем, на дворе, потому что дверь отперта настежь".
He dashed to the axe (it was an axe) and pulled it out from under the bench, where it lay between two chunks of wood; at once, before going out, he made it fast in the noose, he thrust both hands into his pockets and went out of the room; no one had noticed him!	Он бросился стремглав на топор (это был топор) и вытащил его из-под лавки, где он лежал между двумя поленами; тут же, не выходя, прикрепил его к петле, обе руки засунул в карманы и вышел из дворницкой; никто не заметил!
"When reason fails, the devil helps!" he thought with a strange grin.	"Не рассудок, так бес!" - подумал он, странно усмехаясь.
This chance raised his spirits extraordinarily.	Этот случай ободрил его чрезвычайно.
He walked along quietly and sedately, without hurry, to avoid awakening suspicion.	Он шел дорогой тихо и степенно, не торопясь, чтобы не подать каких подозрений.
He scarcely looked at the passers-by, tried to escape looking at their faces at all, and to be as little noticeable as possible.	Мало глядел он на прохожих, даже старался совсем не глядеть на лица и быть как можно неприметнее.
Suddenly he thought of his hat.	Тут вспомнилась ему его шляпа.
"Good heavens!	"Боже мой!

I had the money the day before yesterday and did not get a cap to wear instead!"	И деньги были третьего дня, и не мог переменить на фуражку!"
A curse rose from the bottom of his soul.	Проклятие вырвалось из души его.

Glancing out of the corner of his eye into a shop, he saw by a clock on the wall that it was ten minutes past seven.	Заглянув случайно, одним глазом, в лавочку, он увидел, что там, на стенных часах, уже десять минут восьмого.
He had to make haste and at the same time to go someway round, so as to approach the house from the other side....	Надо было и торопиться и в то же время сделать крюк: подойти к дому в обход, с другой стороны...
When he had happened to imagine all this beforehand, he had sometimes thought that he would be very much afraid.	Прежде, когда случалось ему представлять все это в воображении, он иногда думал, что очень будет бояться.
But he was not very much afraid now, was not afraid at all, indeed.	Но он не очень теперь боялся, даже не боялся совсем.
His mind was even occupied by irrelevant matters, but by nothing for long.	Занимали его в это мгновение даже какие-то посторонние мысли, только все ненадолго.
As he passed the Yusupov garden, he was deeply absorbed in considering the building of great fountains, and of their refreshing effect on the atmosphere in all the squares.	Проходя мимо Юсупова сада, он даже очень было занялся мыслью об устройстве высоких фонтанов и о том, как бы они хорошо освежали воздух на всех площадях.
By degrees he passed to the conviction that if the summer garden were extended to the field of Mars, and perhaps joined to the garden of the Mihailovsky Palace, it would be a splendid thing and a great benefit to the town.	Мало-помалу он перешел к убеждению, что если бы распространить Летний сад на все Марсово поле и даже соединить с дворцовым Михайловским садом, то была бы прекрасная и полезнейшая для города вещь.
Then he was interested by the question why in all great towns men are not simply driven by necessity, but in some peculiar way inclined to live in those parts of the town where there are no gardens nor fountains; where there is most dirt and smell and all sorts of nastiness.	Тут заинтересовало его вдруг: почему именно во всех больших городах человек не то что по одной необходимости, но как-то особенно склонен жить и селиться именно в таких частях города, где нет ни садов, ни фонтанов, где грязь и вонь, и всякая гадость.
Then his own walks through the Hay Market came back to his mind, and for a moment he waked up to reality.	Тут ему вспомнились его собственные прогулки по Сенной, и он на минуту очнулся.
"What nonsense!" he thought, "better think of nothing at all!"	"Что за вздор, - подумал он. - Нет, лучше совсем ничего не думать!"
"So probably men led to execution clutch mentally at every object that meets them on the way," flashed through his mind, but	"Так, верно, те, которых ведут на казнь, прилепливаются мыслями ко всем предметам, которые им встречаются на

simply flashed, like lightning; he made haste to dismiss this thought....	дороге", - мелькнуло у него в голове, но только мелькнуло как молния; он сам поскорей погасил эту мысль...
And by now he was near; here was the house, here was the gate.	Но вот уже и близко, вот и дом, вот и ворота.
Suddenly a clock somewhere struck once.	Где-то вдруг часы пробили один удар.
"What! can it be half-past seven?	"Что это, неужели половина восьмого?
Impossible, it must be fast!"	Быть не может, верно, бегут!"
Luckily for him, everything went well again at the gates.	На счастье его, в воротах опять прошло благополучно.
At that very moment, as though expressly for his benefit, a huge waggon of hay had just driven in at the gate, completely screening him as he passed under the gateway, and the waggon had scarcely had time to drive through into the yard, before he had slipped in a flash to the right.	Мало того, даже, как нарочно, в это самое мгновение только что перед ним въехал в ворота огромный воз сена, совершенно заслонявший его все время, как он проходил подворотню, и чуть только воз успел выехать из ворот во двор, он мигом проскользнул направо.
On the other side of the waggon he could hear shouting and quarrelling; but no one noticed him and no one met him.	Там, по ту сторону воза, слышно было, кричали и спорили несколько голосов, но его никто не заметил и навстречу никто не попался.
Many windows looking into that huge quadrangular yard were open at that moment, but he did not raise his head--he had not the strength to. The staircase leading to the old woman's room was close by, just on the right of the gateway.	Много окон, выходивших на этот огромный квадратный двор, было отперто в эту минуту, но он не поднял головы - силы не было Лестница к старухе была близко, сейчас из ворот направо.
He was already on the stairs.... Drawing a breath, pressing his hand against his throbbing heart, and once more feeling for the axe and setting it straight, he began softly and cautiously ascending the stairs, listening every minute.	Он уже был на лестнице... Переводя дух и прижав рукой стукавшее сердце, тут же нащупав и оправив еще раз топор, он стал осторожно и тихо подниматься на лестницу, поминутно прислушиваясь.
But the stairs, too, were quite deserted; all the doors were shut; he met no one.	Но и лестница на ту пору стояла совсем пустая; все двери были закрыты; никого-то не встретилось.
One flat indeed on the first floor was wide open and painters were at work in it, but they did not glance at him.	Во втором этаже одна пустая квартира была, правда, растворена настежь, и в ней работали маляры, но те и не поглядели.

He stood still, thought a minute and went on.	Он постоял, подумал и пошел дальше.
"Of course it would be better if they had not been here, but... it's two storeys above them."	"Конечно, было бы лучше, если б их здесь совсем не было, но... над ними еще два этажа".
And there was the fourth storey, here was the door, here was the flat opposite, the empty one.	Но вот и четвертый этаж, вот и дверь, вот и квартира напротив; та, пустая.
The flat underneath the old woman's was apparently empty also; the visiting card nailed on the door had been torn off--they had gone away!...	В третьем этаже, по всем приметам, квартира, что прямо под старухиной, тоже пустая: визитный билет, прибитый к дверям гвоздочками, снят - выехали!..
He was out of breath.	Он задыхался.
For one instant the thought floated through his mind	На одно мгновение пронеслась в уме его мысль:
"Shall I go back?"	"Не уйти ли?"
But he made no answer and began listening at the old woman's door, a dead silence.	Но он не дал себе ответа и стал прислушиваться в старухину квартиру: мертвая тишина.
Then he listened again on the staircase, listened long and intently... then looked about him for the last time, pulled himself together, drew himself up, and once more tried the axe in the noose.	Потом еще раз прислушался вниз на лестницу, слушал долго, внимательно... Затем огляделся в последний раз, подобрался, оправился и еще раз попробовал в петле топор.
"Am I very pale?" he wondered. "Am I not evidently agitated?"	"Не бледен ли я... очень? - думалось ему, - не в особенном ли я волнении?"

She is mistrustful....	Она недоверчива...
Had I better wait a little longer... till my heart leaves off thumping?"	Не подождать ли еще... пока сердце перестанет?.."
But his heart did not leave off.	Но сердце не переставало.
On the contrary, as though to spite him, it throbbed more and more violently.	Напротив, как нарочно, стучало сильнее, сильнее, сильнее...
He could stand it no longer, he slowly put out his hand to the bell and rang.	Он не выдержал, медленно протянул руку к колокольчику и позвонил.
Half a minute later he rang again, more loudly.	Через полминуты еще раз позвонил, громче.
No answer.	Нет ответа.
To go on ringing was useless and out of	Звонить зря было нечего, да ему и не к

place.	фигуре.
The old woman was, of course, at home, but she was suspicious and alone.	Старуха, разумеется, была дома, но она подозрительна и одна.
He had some knowledge of her habits... and once more he put his ear to the door.	Он отчасти знал ее привычки... и еще раз плотно приложил ухо к двери.
Either his senses were peculiarly keen (which it is difficult to suppose), or the sound was really very distinct. Anyway, he suddenly heard something like the cautious touch of a hand on the lock and the rustle of a skirt at the very door.	Чувства ли его были так изощрены (что вообще трудно предположить), или действительно было очень слышно, но вдруг он различил как бы осторожный шорох рукой у замочной ручки и как бы шелест платья о самую дверь.
Someone was standing stealthily close to the lock and just as he was doing on the outside was secretly listening within, and seemed to have her ear to the door....	Кто-то неприметно стоял у самого замка и точно так же, как он здесь, снаружи, прислушивался, притаясь изнутри и, кажется, тоже приложив ухо к двери...
He moved a little on purpose and muttered something aloud that he might not have the appearance of hiding, then rang a third time, but quietly, soberly, and without impatience, Recalling it afterwards, that moment stood out in his mind vividly, distinctly, for ever; he could not make out how he had had such cunning, for his mind was as it were clouded at moments and he was almost unconscious of his body....	Он нарочно пошевелился и что-то погромче пробормотал, чтоб и виду не подать, что прячется; потом позвонил в третий раз, но тихо, солидно и без всякого нетерпения. Вспоминая об этом после, ярко, ясно, - эта минута отчеканилась в нем навеки, - он понять не мог, откуда он взял столько хитрости, тем более что ум его как бы померкал мгновениями, а тела своего он почти и не чувствовал на себе...
An instant later he heard the latch unfastened.	Мгновение спустя послышалось, что снимают запор.
CHAPTER VII	VII
The door was as before opened a tiny crack, and again two sharp and suspicious eyes stared at him out of the darkness.	Дверь, как и тогда, отворилась на крошечную щелочку, и опять два острые и недоверчивые взгляда уставились на него из темноты.
Then Raskolnikov lost his head and nearly made a great mistake.	Тут Раскольников потерялся и сделал было важную ошибку.
Fearing the old woman would be frightened by their being alone, and not hoping that the sight of him would disarm her suspicions, he took hold of the door and drew it towards him to prevent the old woman from attempting to shut it again.	Опасаясь, что старуха испугается того, что они одни, и не надеясь, что вид его ее разуверит, он взялся за дверь и потянул ее к себе, чтобы старуха как-нибудь не вздумала опять запереться.

Seeing this she did not pull the door back, but she did not let go the handle so that he almost dragged her out with it on to the stairs.	Увидя это, она не рванула дверь к себе обратно, но не выпустила и ручку замка, так что он чуть не вытащил ее, вместе с дверью, на лестницу.
Seeing that she was standing in the doorway not allowing him to pass, he advanced straight upon her.	Видя же, что она стоит в дверях поперек и не дает ему пройти, он пошел прямо на нее.
She stepped back in alarm, tried to say something, but seemed unable to speak and stared with open eyes at him.	Та отскочила в испуге, хотела было что-то сказать, но как будто не смогла и смотрела на него во все глаза.
"Good evening, Alyona Ivanovna," he began, trying to speak easily, but his voice would not obey him, it broke and shook. "I have come... I have brought something... but we'd better come in... to the light...."	- Здравствуйте, Алена Ивановна, - начал он как можно развязнее, но голос не послушался его, прервался и задрожал, - я вам... вещь принес... да вот лучше пойдете сюда... к свету...
And leaving her, he passed straight into the room uninvited.	- И, бросив ее, он прямо, без приглашения, прошел в комнату.
The old woman ran after him; her tongue was unloosed.	Старуха побежала за ним; язык ее развязался.
"Good heavens!	- Господи!
What it is?	Да чего вам?..
Who is it?	Кто такой?
What do you want?"	Что вам угодно?
"Why, Alyona Ivanovna, you know me...	- Помилуйте, Алена Ивановна... знакомый ваш...
Raskolnikov... here, I brought you the pledge I promised the other day..."	Раскольников... вот, заклад принес, что обещался намедни...
And he held out the pledge.	- И он протягивал ей заклад.
The old woman glanced for a moment at the pledge, but at once stared in the eyes of her uninvited visitor.	Старуха взглянула было на заклад, но тотчас же уставилась глазами прямо в глаза незваному гостю.
She looked intently, maliciously and mistrustfully.	Она смотрела внимательно, злобно и недоверчиво.
A minute passed; he even fancied something like a sneer in her eyes, as though she had already guessed everything.	Прошло с минуту; ему показалось даже в ее глазах что-то вроде насмешки, как будто она уже обо всем догадалась.
He felt that he was losing his head, that he was almost frightened, so frightened that if	Он чувствовал, что теряется, что ему почти страшно, до того страшно, что

she were to look like that and not say a word for another half minute, he thought he would have run away from her.	кажется, смотри она так, не говори ни слова еще с полминуты, то он бы убежал от нее.
"Why do you look at me as though you did not know me?" he said suddenly, also with malice.	- Да что вы так смотрите, точно не узнали? -проговорил он вдруг тоже со злобой.
"Take it if you like, if not I'll go elsewhere, I am in a hurry."	- Хотите берите, а нет - я к другим пойду, мне некогда.
He had not even thought of saying this, but it was suddenly said of itself.	Он и не думал это сказать, а так, само вдруг выговорилось.
The old woman recovered herself, and her visitor's resolute tone evidently restored her confidence.	Старуха опомнилась, и решительный тон гостя ее, видимо, ободрил.

"But why, my good sir, all of a minute.... What is it?" she asked, looking at the pledge.	- Да чего же ты, батюшка, так вдруг... что такое?- спросила она, смотря на заклад.
"The silver cigarette case; I spoke of it last time, you know."	- Серебряная папиросочница: ведь я говорил прошлый раз.
She held out her hand.	Она протянула руку.
"But how pale you are, to be sure... and your hands are trembling too?"	- Да чтой-то вы какой бледный? Вот и руки дрожат!
Have you been bathing, or what?"	Искупался, что ль, батюшка?
"Fever," he answered abruptly.	- Лихорадка, - отвечал он отрывисто.
"You can't help getting pale... if you've nothing to eat," he added, with difficulty articulating the words.	- Поневоле станешь бледный... коли есть нечего, -прибавил он, едва выговаривая слова.
His strength was failing him again.	Силы опять покидали его.
But his answer sounded like the truth; the old woman took the pledge.	Но ответ показался правдоподобным; старуха взяла заклад.
"What is it?" she asked once more, scanning Raskolnikov intently, and weighing the pledge in her hand.	- Что такое? - спросила она, еще раз пристально оглядев Раскольникова и взвешивая заклад на руке.
"A thing... cigarette case.... Silver.... Look at it."	- Вещь... папиросочница... серебряная... посмотрите.
"It does not seem somehow like silver....	- Да чтой-то, как будто и не серебряная...
How he has wrapped it up!"	Ишь навертел.

Trying to untie the string and turning to the window, to the light (all her windows were shut, in spite of the stifling heat), she left him altogether for some seconds and stood with her back to him.	Стараясь развязать шнурок и оборотясь к окну, к свету (все окна у ней были заперты, несмотря на духоту), она на несколько секунд совсем его оставила и стала к нему задом.
He unbuttoned his coat and freed the axe from the noose, but did not yet take it out altogether, simply holding it in his right hand under the coat.	Он расстегнул пальто и высвободил топор из петли, но еще не вынул совсем, а только придерживал правой рукой под одеждой.
His hands were fearfully weak, he felt them every moment growing more numb and more wooden.	Руки его были ужасно слабы; самому ему слышалось, как они, с каждым мгновением, все более немели и деревенели.
He was afraid he would let the axe slip and fall.... A sudden giddiness came over him.	Он боялся, что выпустит и уронит топор... вдруг голова его как бы закружилась.
"But what has he tied it up like this for?" the old woman cried with vexation and moved towards him.	- Да что он тут навертел! - с досадой вскричала старуха и пошевелилась в его сторону.
He had not a minute more to lose.	Ни одного мига нельзя было терять более.
He pulled the axe quite out, swung it with both arms, scarcely conscious of himself, and almost without effort, almost mechanically, brought the blunt side down on her head.	Он вынул топор совсем, взмахнул его обеими руками, едва себя чувствуя, и почти без усилия, почти машинально, опустил на голову обухом.
He seemed not to use his own strength in this.	Силы его тут как бы не было.
But as soon as he had once brought the axe down, his strength returned to him.	Но как только он раз опустил топор, тут и родилась в нем сила.

The old woman was as always bareheaded.	Старуха, как и всегда, была простоволосая.
Her thin, light hair, streaked with grey, thickly smeared with grease, was plaited in a rat's tail and fastened by a broken horn comb which stood out on the nape of her neck.	Светлые с проседью, жиденькие волосы ее, по обыкновению жирно смазанные маслом, были заплетены в крысиную косичку и подобраны под осколок роговой гребенки, торчавшей на ее затылке.
As she was so short, the blow fell on the very top of her skull.	Удар пришелся в самое темя, чему способствовал ее малый рост.
She cried out, but very faintly, and suddenly sank all of a heap on the floor, raising her hands to her head.	Она вскрикнула, но очень слабо, и вдруг вся осела к полу, хотя и успела еще поднять обе руки к голове.

In one hand she still held "the pledge."	В одной руке еще продолжала держать "заклад".
Then he dealt her another and another blow with the blunt side and on the same spot.	Тут он изо всей силы ударил раз и другой, все обухом и все по темени.
The blood gushed as from an overturned glass, the body fell back.	Кровь хлынула, как из опрокинутого стакана, и тело повалилось навзничь.
He stepped back, let it fall, and at once bent over her face; she was dead.	Он отступил, дал упасть и тотчас же нагнулся к ее лицу; она была уже мертвая.
Her eyes seemed to be starting out of their sockets, the brow and the whole face were drawn and contorted convulsively.	Глаза были вытаращены, как будто хотели выпрыгнуть, а лоб и все лицо были сморщены и искажены судорогой.
He laid the axe on the ground near the dead body and felt at once in her pocket (trying to avoid the streaming body)--the same right-hand pocket from which she had taken the key on his last visit.	Он положил топор на пол, подле мертвой, и тотчас же полез ей в карман, стараясь не замараться текущею кровию, - в тот самый правый карман, из которого она в прошлый раз вынимала ключи.
He was in full possession of his faculties, free from confusion or giddiness, but his hands were still trembling.	Он был в полном уме, затмений и головокружений уже не было, но руки все еще дрожали.
He remembered afterwards that he had been particularly collected and careful, trying all the time not to get smeared with blood....	Он вспомнил потом, что был даже очень внимателен, осторожен, старался все не запачкаться...
He pulled out the keys at once, they were all, as before, in one bunch on a steel ring.	Ключи он тотчас же вынул; все, как и тогда, были в одной связке, на одном стальном обручке.
He ran at once into the bedroom with them.	Тотчас же он побежал с ними в спальню.
It was a very small room with a whole shrine of holy images.	Это была очень небольшая комната, с огромным киотом образов.
Against the other wall stood a big bed, very clean and covered with a silk patchwork wadded quilt.	У другой стены стояла большая постель, весьма чистая, с шелковым, наборным из лоскутков, ватным одеялом.
Against a third wall was a chest of drawers.	У третьей стены был комод.
Strange to say, so soon as he began to fit the keys into the chest, so soon as he heard their jingling, a convulsive shudder passed over him.	Странное дело: только что он начал прилаживать ключи к комоду, только что услышал их звяканье, как будто судорога прошла по нем.

He suddenly felt tempted again to give it all up and go away.	Ему вдруг опять захотелось бросить все и уйти.
But that was only for an instant; it was too late to go back.	Но это было только мгновение; уходить было поздно.
He positively smiled at himself, when suddenly another terrifying idea occurred to his mind.	Он даже усмехнулся на себя, как вдруг другая тревожная мысль ударила ему в голову.
He suddenly fancied that the old woman might be still alive and might recover her senses.	Ему вдруг почудилось, что старуха, пожалуй, еще жива и еще может очнуться.
Leaving the keys in the chest, he ran back to the body, snatched up the axe and lifted it once more over the old woman, but did not bring it down.	Бросив ключи, и комод, он побежал назад, к телу, схватил топор и намахнулся еще раз над старухой, но не опустил.
There was no doubt that she was dead.	Сомнения не было, что она мертвая.
Bending down and examining her again more closely, he saw clearly that the skull was broken and even battered in on one side.	Нагнувшись и рассматривая ее опять ближе, он увидел ясно, что череп был раздроблен и даже сворочен чуть-чуть на сторону.
He was about to feel it with his finger, but drew back his hand and indeed it was evident without that.	Он было хотел пощупать пальцем, но отдернул руку; да и без того было видно.
Meanwhile there was a perfect pool of blood.	Крови между тем натекала уже целая лужа.
All at once he noticed a string on her neck; he tugged at it, but the string was strong and did not snap and besides, it was soaked with blood.	Вдруг он заметил на ее шее снурок, дернул его, но снурок был крепок и не срывался; к тому же намок в крови.
He tried to pull it out from the front of the dress, but something held it and prevented its coming.	Он попробовал было вытащить так, из-за пазухи, но что-то мешало, застряло.
In his impatience he raised the axe again to cut the string from above on the body, but did not dare, and with difficulty, smearing his hand and the axe in the blood, after two minutes' hurried effort, he cut the string and took it off without touching the body with the axe; he was not mistaken--it was a purse. On the string were two crosses, one of Cyprus wood and one of copper, and an image in	В нетерпении он взмахнул было опять топором, чтобы рубнуть по снурку тут же, по телу, сверху, но не посмел, и с трудом, испачкав руки и топор, после двухминутной возни, разрезал снурок, не касаясь топором тела, и снял; он не ошибся - кошелек, На снурке были два креста, кипарисный и медный, и, кроме того, финифтяный образок; и тут же

silver filigree, and with them a small greasy chamois leather purse with a steel rim and ring.	вместе с ними висел небольшой, замшевый, засаленный кошелек, с стальным ободком и колечком.
The purse was stuffed very full; Raskolnikov thrust it in his pocket without looking at it, flung the crosses on the old woman's body and rushed back into the bedroom, this time taking the axe with him.	Кошелек был очень туго набит; Раскольников сунул его в карман, не осматривая, кресты сбросил старухе на грудь и, захватив на этот раз и топор, бросился обратно в спальню.
He was in terrible haste, he snatched the keys, and began trying them again.	Он спешил ужасно, схватился за ключи и опять начал возиться с ними.
But he was unsuccessful. They would not fit in the locks.	Но как-то все неудачно: не вкладывались они в замки.
It was not so much that his hands were shaking, but that he kept making mistakes; though he saw for instance that a key was not the right one and would not fit, still he tried to put it in.	Не то чтобы руки его так дрожали, но он все ошибался: и видит, например, что ключ не тот, не подходит, а все сует.

Suddenly he remembered and realised that the big key with the deep notches, which was hanging there with the small keys could not possibly belong to the chest of drawers (on his last visit this had struck him), but to some strong box, and that everything perhaps was hidden in that box.	Вдруг он припомнил и сообразил, что этот большой ключ, с зубчатою бородкой, который тут же болтается с другими маленькими, непременно должен быть вовсе не от комода (как и в прошлый раз ему на ум пришло), а от какой-нибудь укладки, и что в этой-то укладке, может быть, все и припрятано.
He left the chest of drawers, and at once felt under the bedstead, knowing that old women usually keep boxes under their beds.	Он бросил комод и тотчас же полез под кровать, зная, что укладки обыкновенно ставятся у старух под кроватями.
And so it was; there was a good-sized box under the bed, at least a yard in length, with an arched lid covered with red leather and studded with steel nails.	Так и есть: стояла значительная укладка, побольше аршина в длину, с выпуклою крышей, обитая красным сафьяном, с утыканными по нем стальными гвоздиками.
The notched key fitted at once and unlocked it.	Зубчатый ключ как раз пришелся и отпер.
At the top, under a white sheet, was a coat of red brocade lined with hareskin; under it was a silk dress, then a shawl and it seemed as though there was nothing below but clothes.	Сверху, под белую простыней, лежала заячья шубка, крытая красным гарнитуром; под нею было шелковое платье, затем шаль, и туда, вглубь, казалось, все лежало одно тряпье.
	Прежде всего он принялся было вытирать

The first thing he did was to wipe his blood-stained hands on the red brocade.	об красный гарнитур свои запачканные в крови руки.
"It's red, and on red blood will be less noticeable," the thought passed through his mind; then he suddenly came to himself.	"Красное, ну а на красном кровь неприметнее", -рассудилось было ему, и вдруг он опомнился:
"Good God, am I going out of my senses?" he thought with terror.	"Господи! С ума, что ли, я схожу?"- подумал он в испуге.
But no sooner did he touch the clothes than a gold watch slipped from under the fur coat.	Но только что он пошевелил это тряпье, как вдруг, из-под шубки, выскользнули золотые часы.
He made haste to turn them all over.	Он бросился все перевертывать.
There turned out to be various articles made of gold among the clothes--probably all pledges, unredeemed or waiting to be redeemed--bracelets, chains, ear-rings, pins and such things.	Действительно, между тряпьем были перемешаны золотые вещи - вероятно, все заклады, выкупленные и невыкупленные, - браслеты, цепочки, серьги, булавки и проч.
Some were in cases, others simply wrapped in newspaper, carefully and exactly folded, and tied round with tape.	Иные были в футлярах, другие просто обернуты в газетную бумагу, но аккуратно и бережно, в двойные листы, и кругом обвязаны тесемками.
Without any delay, he began filling up the pockets of his trousers and overcoat without examining or undoing the parcels and cases; but he had not time to take many....	Нимало не медля, он стал набивать ими карманы панталон и пальто, не разбирая и не раскрывая свертков и футляров; но он не успел много набрать...
He suddenly heard steps in the room where the old woman lay.	Вдруг послышалось, что в комнате, где была старуха, ходят.
He stopped short and was still as death.	Он остановился и притих, как мертвый.
But all was quiet, so it must have been his fancy.	Но все было тихо, стало быть, померещилось.

All at once he heard distinctly a faint cry, as though someone had uttered a low broken moan.	Вдруг явственно послышался легкий крик, или как будто кто-то тихо и отрывисто простонал и замолчал.
Then again dead silence for a minute or two.	Затем опять мертвая тишина, с минуту или с две.
He sat squatting on his heels by the box and waited holding his breath. Suddenly he jumped up, seized the axe and ran out of the	Он сидел на корточках у сундука и ждал едва переводя дух, но вдруг вскочил, схватил топор и выбежал из спальни.

bedroom.	
In the middle of the room stood Lizaveta with a big bundle in her arms. She was gazing in stupefaction at her murdered sister, white as a sheet and seeming not to have the strength to cry out.	Среди комнаты стояла Лизавета, с большим узлом в руках, и смотрела в оцепенении на убитую сестру, вся белая как полотно и как бы не в силах крикнуть.
Seeing him run out of the bedroom, she began faintly quivering all over, like a leaf, a shudder ran down her face; she lifted her hand, opened her mouth, but still did not scream. She began slowly backing away from him into the corner, staring intently, persistently at him, but still uttered no sound, as though she could not get breath to scream.	Увидав его выбежавшего, она задрожала как лист, мелкою дрожью, и по всему лицу ее побежали судороги; приподняла руку, раскрыла было рот, но все-таки не вскрикнула и медленно, задом, стала отодвигаться от него в угол, пристально, в упор, смотря на него, но все не крича, точно ей воздуху не доставало, чтобы крикнуть.
He rushed at her with the axe; her mouth twitched piteously, as one sees babies' mouths, when they begin to be frightened, stare intently at what frightens them and are on the point of screaming.	Он бросился на нее с топором; губы ее перекосилились так жалобно, как у очень маленьких детей, когда, они начинают чего-нибудь пугаться, пристально смотрят на пугающий их предмет и собираются закричать.
And this hapless Lizaveta was so simple and had been so thoroughly crushed and scared that she did not even raise a hand to guard her face, though that was the most necessary and natural action at the moment, for the axe was raised over her face.	И до того эта несчастная Лизавета было проста, забита и напугана раз навсегда, что даже руки не подняла защитить себе лицо, хотя это был самый необходимо-естественный жест в эту минуту, потому что топор был прямо поднят над ее лицом.
She only put up her empty left hand, but not to her face, slowly holding it out before her as though motioning him away.	Она только чуть-чуть приподняла свою свободную левую руку, далеко не до лица, и медленно протянула ее к нему вперед, как бы отстраняя его.
The axe fell with the sharp edge just on the skull and split at one blow all the top of the head.	Удар пришелся прямо по черепу, острием, и сразу прорубил всю верхнюю часть лба, почти до темени.
She fell heavily at once.	Она так и рухнулась.
Raskolnikov completely lost his head, snatching up her bundle, dropped it again and ran into the entry.	Раскольников совсем было потерялся, схватил ее узел, бросил его опять и побежал в прихожую.
Fear gained more and more mastery over him, especially after this second, quite unexpected murder.	Страх охватывал его все больше и больше, особенно после этого второго, совсем неожиданного убийства.

He longed to run away from the place as fast as possible.	Ему хотелось поскорее убежать отсюда.
And if at that moment he had been capable of seeing and reasoning more correctly, if he had been able to realise all the difficulties of his position, the hopelessness, the hideousness and the absurdity of it, if he could have understood how many obstacles and, perhaps, crimes he had still to overcome or to commit, to get out of that place and to make his way home, it is very possible that he would have flung up everything, and would have gone to give himself up, and not from fear, but from simple horror and loathing of what he had done.	И если бы в ту минуту он в состоянии был правильнее видеть и рассуждать; если бы только мог сообразить все трудности своего положения, все отчаяние, все безобразие и всю нелепость его, понять при этом, сколько затруднений, а может быть, и злодейств еще остается ему преодолеть и совершить, чтобы вырваться отсюда и добраться домой, то очень может быть, что он бросил бы все и тотчас пошел бы сам на себя объявить, и не от страха даже за себя, а от одного только ужаса и отвращения к тому, что он сделал.
The feeling of loathing especially surged up within him and grew stronger every minute.	Отвращение особенно поднималось и росло в нем с каждой минутой.
He would not now have gone to the box or even into the room for anything in the world.	Ни за что на свете не пошел бы он теперь к сундуку и даже в комнаты.
But a sort of blankness, even dreaminess, had begun by degrees to take possession of him; at moments he forgot himself, or rather, forgot what was of importance, and caught at trifles.	Но какая-то рассеянность, как будто даже задумчивость, стала понемногу овладевать им: минутами он как будто забывался или, лучше сказать, забывал о главном и прилеплялся к мелочам.
Glancing, however, into the kitchen and seeing a bucket half full of water on a bench, he bethought him of washing his hands and the axe.	Впрочем, взглянув на кухню и увидав на лавке ведро, наполовину полное воды, он догадался вымыть себе руки и топор.
His hands were sticky with blood.	Руки его были в крови и липли.
He dropped the axe with the blade in the water, snatched a piece of soap that lay in a broken saucer on the window, and began washing his hands in the bucket.	Топор он опустил лезвием прямо в воду, схватил лежавший на окошке, на расколоте блюдечке, кусочек мыла и стал, прямо в ведре, отмывать себе руки.
When they were clean, he took out the axe, washed the blade and spent a long time, about three minutes, washing the wood where there were spots of blood rubbing them with soap.	Отмыв их, он вытащил и топор, вымыл железо, и долго, минуты с три, отмывал дерево, где закровянилось, пробуя кровь даже мылом.
Then he wiped it all with some linen that was hanging to dry on a line in the kitchen	Затем все оттер бельем, которое тут же сушилось на веревке, протянутой через

and then he was a long while attentively examining the axe at the window.	кухню, и потом долго, со вниманием, осматривал топор у окна.
There was no trace left on it, only the wood was still damp.	Следов не осталось, только древко еще было сырое.
He carefully hung the axe in the noose under his coat.	Тщательно вложил он топор в петлю, под пальто.
Then as far as was possible, in the dim light in the kitchen, he looked over his overcoat, his trousers and his boots.	Затем, сколько позволял свет в тусклой кухне, осмотрел пальто, панталоны, сапоги.
At the first glance there seemed to be nothing but stains on the boots.	Снаружи, с первого взгляда, как будто ничего не было; только на сапогах были пятна.
He wetted the rag and rubbed the boots.	Он помочил тряпку и оттер сапоги.

But he knew he was not looking thoroughly, that there might be something quite noticeable that he was overlooking.	Он знал, впрочем, что нехорошо разглядывает, что, может быть, есть что-нибудь в глаза бросающееся, чего он не замечает.
He stood in the middle of the room, lost in thought.	В раздумье стал он среди комнаты.
Dark agonising ideas rose in his mind--the idea that he was mad and that at that moment he was incapable of reasoning, of protecting himself, that he ought perhaps to be doing something utterly different from what he was now doing.	Мучительная, темная мысль поднималась в нем, -мысль, что он сумасшествует и что в эту минуту не в силах ни рассудить, ни себя защитить, что вовсе, может быть, не то надо делать, что он теперь делает...
"Good God!" he muttered	"Боже мой!
"I must fly, fly," and he rushed into the entry.	Надо бежать, бежать!" - пробормотал он и бросился в переднюю.
But here a shock of terror awaited him such as he had never known before.	Но здесь ожидал его такой ужас, какого, конечно, он еще ни разу не испытывал.
He stood and gazed and could not believe his eyes: the door, the outer door from the stairs, at which he had not long before waited and rung, was standing unfastened and at least six inches open. No lock, no bolt, all the time, all that time!	Он стоял, смотрел и не верил глазам своим: дверь, наружная дверь, из прихожей на лестницу, та самая, в которую он давеча звонил и вошел, стояла отпертая, даже на целую ладонь приотворенная: ни замка, ни запора, все время, во все это время!
The old woman had not shut it after him perhaps as a precaution.	Старуха не заперла за ним, может быть, из осторожности.

But, good God!	Но бже!
Why, he had seen Lizaveta afterwards!	Ведь видел же он потом Лизавету!
And how could he, how could he have failed to reflect that she must have come in somehow!	И как мог, как мог он не догадаться, что ведь вошла же она откуда-нибудь!
She could not have come through the wall!	Не сквозь стену же.
He dashed to the door and fastened the latch.	Он кинулся к дверям и наложил запор.
"But no, the wrong thing again!	"Но нет, опять не то!
I must get away, get away...."	Надо идти, идти..."
He unfastened the latch, opened the door and began listening on the staircase.	Он снял запор, отворил дверь и стал слушать на лестницу.
He listened a long time.	Долго он выслушивал.
Somewhere far away, it might be in the gateway, two voices were loudly and shrilly shouting, quarrelling and scolding.	Где-то далеко, внизу, вероятно под воротами, громко и визгливо кричали чьи-то два голоса, спорили и бранились.
"What are they about?"	"Что они?..."
He waited patiently. At last all was still, as though suddenly cut off; they had separated. He was meaning to go out, but suddenly, on the floor below, a door was noisily opened and someone began going downstairs humming a tune.	Он уже хотел выйти, на вдруг этажом ниже с шумом растворилась дверь на лестницу, и кто-то стал сходить вниз, напевая какой-то мотив.
"How is it they all make such a noise?" flashed through his mind. Once more he closed the door and waited. At last all was still, not a soul stirring.	"Как это они так все шумят!" - мелькнуло в его голове. Он опять притворил за собою дверь и переждал.
He was just taking a step towards the stairs when he heard fresh footsteps. The steps sounded very far off, at the very bottom of the stairs, but he remembered quite clearly and distinctly that from the first sound he began for some reason to suspect that this was someone coming _there_, to the fourth floor, to the old woman.	Наконец все умолкло, ни души. Он уже ступил было шаг на лестницу, как вдруг опять слышались чьи-то новые шаги. Эти шаги слышались очень далеко, еще в самом начале лестницы, но он очень хорошо и отчетливо помнил, что с первого же звука, тогда же стал подозревать почему-то, что это непременно сюда, в четвертый этаж, к старухе.
Why?	Почему?
Were the sounds somehow peculiar,	Звуки, что ли, были такие особенные,

significant?	знаменательные?
The steps were heavy, even and unhurried.	Шаги были тяжелые, ровные, неспешные.
Now _he_ had passed the first floor, now he was mounting higher, it was growing more and more distinct!	Вот уж он прошел первый этаж, вот поднялся еще; все слышней и слышней!
He could hear his heavy breathing.	Послышалась тяжелая одышка входившего.
And now the third storey had been reached.	Вот уж и третий начался...
Coming here!	Сюда!
And it seemed to him all at once that he was turned to stone, that it was like a dream in which one is being pursued, nearly caught and will be killed, and is rooted to the spot and cannot even move one's arms.	И вдруг показалось ему, что он точно окостенел, что это точно во сне, когда снится, что догоняют, близко, убить хотят, а сам точно прирос к месту и руками пошевелить нельзя.
At last when the unknown was mounting to the fourth floor, he suddenly started, and succeeded in slipping neatly and quickly back into the flat and closing the door behind him.	И наконец, когда уже гость стал подниматься в четвертый этаж, тут только он весь вдруг встрепенулся и успелтаки быстро и ловко проскользнуть назад из сеней в квартиру и притворить за собой дверь.
Then he took the hook and softly, noiselessly, fixed it in the catch.	Затем схватил запор и тихо, неслышно, насадил его на петлю.
Instinct helped him.	Инстинкт помогал.
When he had done this, he crouched holding his breath, by the door.	Кончив все, он притаился не дыша, прямо сейчас у двери.
The unknown visitor was by now also at the door.	Незванный гость был уже тоже у дверей.
They were now standing opposite one another, as he had just before been standing with the old woman, when the door divided them and he was listening.	Они стояли теперь друг против друга, как давеча он со старухой, когда дверь разделяла их, а он прислушивался.
The visitor panted several times.	Гость несколько раз тяжело отдынулся.
"He must be a big, fat man," thought Raskolnikov, squeezing the axe in his hand.	"Толстый и большой, должно быть", - подумал Раскольников, сжимая топор в руке.
It seemed like a dream indeed.	В самом деле, точно все это снилось.
The visitor took hold of the bell and rang it	Г ость схватился за колокольчик и крепко

loudly.	позвонил.
As soon as the tin bell tinkled, Raskolnikov seemed to be aware of something moving in the room.	Как только звякнул жестяной звук колокольчика, ему вдруг как будто почудилось, что в комнате пошевелились.
For some seconds he listened quite seriously.	Несколько секунд он даже серьезно прислушивался.
The unknown rang again, waited and suddenly tugged violently and impatiently at the handle of the door.	Незнакомец звякнул еще раз, еще подождал и вдруг, в нетерпении, изо всей силы стал дергать ручку у дверей.
Raskolnikov gazed in horror at the hook shaking in its fastening, and in blank terror expected every minute that the fastening would be pulled out.	В ужасе смотрел Раскольников на прыгавший в петле крюк запора и с тупым страхом ждал, что вот-вот и запор сейчас выскочит.
It certainly did seem possible, so violently was he shaking it.	Действительно, это казалось возможным: так сильно дергали.
He was tempted to hold the fastening, but _he_ might be aware of it.	Он было вздумал придержать запор рукой, но тот мог догадаться.
A giddiness came over him again.	Голова его как будто опять начинала кружиться.
"I shall fall down!" flashed through his mind, but the unknown began to speak and he recovered himself at once.	"Вот упаду!" - промелькнуло в нем, но незнакомец заговорил, и он тотчас же опомнился.
"What's up? Are they asleep or murdered?"	- Да что они там, дрыхнут или передушил их кто?
D-damn them!" he bawled in a thick voice,	Тррреклятые! - заревел он как из бочки.
"Hey, Alyona Ivanovna, old witch!	- Эй, Алена Ивановна, старая ведьма!
Lizaveta Ivanovna, hey, my beauty! open the door!	Лизавета Ивановна, красота неописанная! Отворяйте!
Oh, damn them! Are they asleep or what?"	У, треклятые, спят они, что ли?
And again, enraged, he tugged with all his might a dozen times at the bell.	И снова, остервенясь, он раз десять сразу, из всей мочи, дернул в колокольчик.
He must certainly be a man of authority and an intimate acquaintance.	Уж, конечно, это был человек властный и короткий в доме.
At this moment light hurried steps were heard not far off, on the stairs.	В самую эту минуту вдруг мелкие, поспешные шаги послышались недалеко на лестнице.

Someone else was approaching.	Подходил еще кто-то.
Raskolnikov had not heard them at first.	Раскольников и не расслышал сначала.
"You don't say there's no one at home," the new-comer cried in a cheerful, ringing voice, addressing the first visitor, who still went on pulling the bell.	- Неужели нет никого? - звонко и весело закричал подошедший, прямо обращаясь к первому посетителю, все еще продолжавшему дергать звонок.
"Good evening, Koch."	- Здравствуйте, Кох!
"From his voice he must be quite young," thought Raskolnikov.	"Судя по голосу, должно быть, очень молодой", - подумал вдруг Раскольников.
"Who the devil can tell? I've almost broken the lock," answered Koch.	- Да черт их знает, замок чуть не разломал, - отвечал Кох.
"But how do you come to know me?"	- А вы как меня изволите знать?

"Why!	- Ну вот!
The day before yesterday I beat you three times running at billiards at Gambrinus'."	А третьего-то дня, в "Гамбринусе", три партии сряду взял у вас на биллиарде!
"Oh!"	- А-а-а...
"So they are not at home?"	- Так нет их-то?
That's queer.	Странно.
It's awfully stupid though.	Глупо, впрочем, ужасно.
Where could the old woman have gone?	Куда бы старухе уйти?
I've come on business."	У меня дело.
"Yes; and I have business with her, too."	- Да и у меня, батюшка, дело!
"Well, what can we do?"	- Ну, что же делать?
Go back, I suppose, Aie--aie!	Значит, назад. Э-эх!
And I was hoping to get some money!" cried the young man.	А я было думал денег достать! - вскричал молодой человек.
"We must give it up, of course, but what did she fix this time for?"	- Конечно, назад, да зачем назначать?
The old witch fixed the time for me to come herself.	Сама мне, ведьма, час назначила.
It's out of my way.	Мне ведь крюк.
And where the devil she can have got to, I can't make out.	Да и куда к черту ей шляться, не понимаю?
She sits here from year's end to year's end, the old hag; her legs are bad and yet here all of a sudden she is out for a walk!"	Круглый год сидит ведьма, киснет, ноги болят, а тут вдруг и на гулянье!
"Hadn't we better ask the porter?"	- У дворника не спросить ли?
"What?"	- Чего?
"Where she's gone and when she'll be back."	- Куда ушла и когда придет?
"Hm.... Damn it all!... We might ask...."	- Гм... черт... спросить...
But you know she never does go anywhere." And he once more tugged at the door-handle.	Да ведь она ж никуда не ходит... - и он еще раз дернул за ручку замка.
"Damn it all. There's nothing to be done, we must go!"	- Черт, нечего делать, идти!

"Stay!" cried the young man suddenly. "Do you see how the door shakes if you pull it?"	- Стойте! - закричал вдруг молодой человек, -смотрите: видите, как дверь отстает, если дергать?
"Well?"	- Ну?
"That shows it's not locked, but fastened with the hook!	- Значит, она не за замке, а на запоре, на крючке то есть!
Do you hear how the hook clanks?"	Слышите, как запор брякает?
"Well?"	- Ну?

"Why, don't you see?	- Да как же вы не понимаете?
That proves that one of them is at home.	Значит, кто-нибудь из них дома.
If they were all out, they would have locked the door from the outside with the key and not with the hook from inside.	Если бы все ушли, так снаружи бы ключом заперли, а не на запор изнутри.
There, do you hear how the hook is clanking?	А тут, - слышите, как запор брякает?
To fasten the hook on the inside they must be at home, don't you see.	Стало быть, дома сидят, да не отпирают!
So there they are sitting inside and don't open the door!"	- Ба!
"Well! And so they must be!" cried Koch, astonished.	Да и в самом деле! - закричал удивившийся Кох.
"What are they about in there?"	- Так что ж они там!
And he began furiously shaking the door.	- И он неистово начал дергать дверь.
"Stay!" cried the young man again. "Don't pull at it!	- Стойте! - закричал опять молодой человек, -не дергайте!
There must be something wrong.... Here, you've been ringing and pulling at the door and still they don't open! So either they've both fainted or..."	Тут что-нибудь да не так... вы ведь звонили, дергали - не отпирают; значит, или они обе в обмороке, или...
"What?"	- Что?
"I tell you what. Let's go fetch the porter, let him wake them up."	- А вот что: пойдете-ка за дворником; пусть он их сам разбудит.
"All right."	- Дело!
Both were going down.	- Оба двинулись вниз.
"Stay.	- Стойте!

You stop here while I run down for the porter."	Останьтесь-ка вы здесь, а я сбегая вниз за дворником.
"What for?"	- Зачем оставаться?
"Well, you'd better."	- А мало ли что?..
"All right."	- Пожалуй...
"I'm studying the law you see!	- Я ведь в судебные следователи готовлюсь!
It's evident, e-vi-dent there's something wrong here!" the young man cried hotly, and he ran downstairs.	Тут очевидно, оч-че-в-видно что-то не так! -горячо вскричал молодой человек и бегом пустился вниз по лестнице.
Koch remained. Once more he softly touched the bell which gave one tinkle, then gently, as though reflecting and looking about him, began touching the door-handle pulling it and letting it go to make sure once more that it was only fastened by the hook.	Кох остался, пошевелил еще раз тихонько звонком, и тот звякнул один удар; потом тихо, как бы размышляя и осматривая, стал шевелить ручку двери, притягивая и опуская ее, чтоб убедиться еще раз, что она на одном запоре.
Then puffing and panting he bent down and began looking at the keyhole: but the key was in the lock on the inside and so nothing could be seen.	Потом пыхтя нагнулся и стал смотреть в замочную скважину; но в ней изнутри торчал ключ и, стало быть, ничего не могло быть видно.
Raskolnikov stood keeping tight hold of the axe.	Раскольников стоял и сжимал топор.
He was in a sort of delirium.	Он был точно в бреду.
He was even making ready to fight when they should come in.	Он готовился даже драться с ними, когда они войдут.
While they were knocking and talking together, the idea several times occurred to him to end it all at once and shout to them through the door.	Когда стучались и сговаривались, ему несколько раз вдруг приходила мысль кончить все разом и крикнуть им из-за дверей.
Now and then he was tempted to swear at them, to jeer at them, while they could not open the door!	Порой хотелось ему начать ругаться с ними, дразнить их, покамест не отперли.
"Only make haste!" was the thought that flashed through his mind.	"Поскорей бы уж"! - мелькнуло в его голове.
"But what the devil is he about?..."	- Однако он, черт...
Time was passing, one minute, and another-- no one came.	Время проходило, минута, другая, - никто не шел.

Koch began to be restless.	Кох стал шевелиться.
"What the devil?" he cried suddenly and in impatience deserting his sentry duty, he, too, went down, hurrying and thumping with his heavy boots on the stairs.	- Однако черт!.. - закричал он вдруг и в нетерпении, бросив свой караул, отправился тоже вниз, торопясь и стуча по лестнице сапогами.
The steps died away.	Шаги стихли.
"Good heavens! What am I to do?"	- Господи, что же делать!
Raskolnikov unfastened the hook, opened the door--there was no sound. Abruptly, without any thought at all, he went out, closing the door as thoroughly as he could, and went downstairs.	Раскольников снял запор, приотворил дверь -ничего не слышно, и вдруг, совершенно уже не думая, вышел, притворил как мог плотнее дверь за собой и пустился вниз.
He had gone down three flights when he suddenly heard a loud voice below--where could he go!	Он уже сошел три лестницы, как вдруг послышался сильный шум ниже, - куда деваться!
There was nowhere to hide.	Никуда-то нельзя было спрятаться.
He was just going back to the flat.	Он побежал было назад, опять в квартиру.
"Hey there!	- Эй, леший, черт!
Catch the brute!"	Держи!
Somebody dashed out of a flat below, shouting, and rather fell than ran down the stairs, bawling at the top of his voice.	С криком вырвался кто-то внизу из какой-то квартиры и не то что побежал, а точно упал вниз, по лестнице, крича во всю глотку:
"Mitka!	- Митька!
Mitka!	Митька!
Mitka!	Митька!
Mitka!	Митька!
Mitka!	Митька!
Blast him!"	Шут те дери-и-и!

The shout ended in a shriek; the last sounds came from the yard; all was still.	Крик закончился взвизгом; последние звуки слышались уже на дворе; все затихло.
But at the same instant several men talking loud and fast began noisily mounting the stairs.	Но в то же самое мгновение несколько человек, громко и часто говоривших, стали шумно подниматься на лестницу.
There were three or four of them.	Их было трое или четверо.

He distinguished the ringing voice of the young man.	Он расслышал звонкий голос молодого.
"They!"	"Они!"
Filled with despair he went straight to meet them, feeling "come what must!"	В полном отчаянии пошел он им прямо навстречу: будь что будет!
If they stopped him--all was lost; if they let him pass--all was lost too; they would remember him.	Остановят, все пропало, пропустят, тоже все пропало: запомнят.
They were approaching; they were only a flight from him--and suddenly deliverance!	Они уже сходились; между ними оставалась всего одна только лестница - и вдруг спасение!
A few steps from him on the right, there was an empty flat with the door wide open, the flat on the second floor where the painters had been at work, and which, as though for his benefit, they had just left.	В нескольких ступеньках от него, направо, пустая и настежь отпертая квартира, та самая квартира второго этажа, в которой красили рабочие, а теперь, как нарочно, ушли.
It was they, no doubt, who had just run down, shouting.	Они-то, верно, и выбежали сейчас с таким криком.
The floor had only just been painted, in the middle of the room stood a pail and a broken pot with paint and brushes.	Полы только что окрашены, среди комнаты стоят кадочка и черепок с краской и с мазилкой.
In one instant he had whisked in at the open door and hidden behind the wall and only in the nick of time; they had already reached the landing.	В одно мгновение прошмыгнул он в отворенную дверь и притаился за стеной, и было время: они уже стояли на самой площадке.
Then they turned and went on up to the fourth floor, talking loudly.	Затем повернули вверх и прошли мимо, в четвертый этаж, громко разговаривая.
He waited, went out on tiptoe and ran down the stairs.	Он выждал, вышел на цыпочках и побежал вниз.
No one was on the stairs, nor in the gateway.	Никого на лестнице!
He passed quickly through the gateway and turned to the left in the street.	Под воротами тоже.
He knew, he knew perfectly well that at that moment they were at the flat, that they were greatly astonished at finding it unlocked, as the door had just been fastened, that by now they were looking	Быстро прошел он подворотню и повернул налево по улице. Он очень хорошо знал, он отлично хорошо знал, что они, в это мгновение, уже в квартире, что очень удивились, видя, что она отперта, тогда как сейчас была заперта, что они уже смотрят

at the bodies, that before another minute had passed they would guess and completely realise that the murderer had just been there, and had succeeded in hiding somewhere, slipping by them and escaping. They would guess most likely that he had been in the empty flat, while they were going upstairs.	на тела и что пройдет не больше минуты, как они догадаться и совершенно сообразят, что тут только что был убийца и успел куда-нибудь спрятаться, проскользнуть мимо них, убежать; догадаться, пожалуй, и о том, что он в пустой квартире сидел, пока они вверх проходили.
--	---

And meanwhile he dared not quicken his pace much, though the next turning was still nearly a hundred yards away.	А между тем ни под каким видом не смел он очень прибавить шагу, хотя до первого поворота шагов сто оставалось.
"Should he slip through some gateway and wait somewhere in an unknown street?"	"Не скользнуть ли разве в подворотню какую-нибудь и переждать где-нибудь на незнакомой лестнице?"
No, hopeless!	Нет, беда!
Should he fling away the axe?	А не забросить ли куда топор?
Should he take a cab?	Не взять ли извозчика?
Hopeless, hopeless!"	Беда! беда!"
At last he reached the turning. He turned down it more dead than alive. Here he was half way to safety, and he understood it; it was less risky because there was a great crowd of people, and he was lost in it like a grain of sand.	Наконец, вот и переулок; он поворотил в него полумертвый; тут он был уже наполовину спасен и понимал это: меньше подозрений, к тому же тут сильно народ сновал, и он стирался в нем, как песчинка.
But all he had suffered had so weakened him that he could scarcely move.	Но все эти мучения до того его обессилили, что он едва двигался.
Perspiration ran down him in drops, his neck was all wet.	Пот шел из него каплями; шея была вся смочена.
"My word, he has been going it!" someone shouted at him when he came out on the canal bank.	"Ишь нарезался!" - крикнул кто-то ему, когда он вышел на канаву.
He was only dimly conscious of himself now, and the farther he went the worse it was.	Он плохо теперь помнил себя; чем дальше, тем хуже.
He remembered however, that on coming out on to the canal bank, he was alarmed at finding few people there and so being more conspicuous, and he had thought of turning back.	Он помнил, однако, как вдруг, выйдя на канаву, испугался, что мало народу и что тут приметнее, и хотел было поворотить назад в переулок.

Though he was almost falling from fatigue, he went a long way round so as to get home from quite a different direction.	Несмотря на то, что чуть не падал, он все-таки сделал крюку и пришел домой с другой совсем стороны.
He was not fully conscious when he passed through the gateway of his house! he was already on the staircase before he recollected the axe.	Не в полной памяти прошел он и в ворота своего дома; по крайней мере он уже прошел на лестницу и тогда только вспомнил о топоре.
And yet he had a very grave problem before him, to put it back and to escape observation as far as possible in doing so.	А между тем предстояла очень важная задача: положить его обратно и как можно незаметнее.
He was of course incapable of reflecting that it might perhaps be far better not to restore the axe at all, but to drop it later on in somebody's yard.	Конечно, он уже не в силах был сообразить, что, может быть, гораздо лучше было бы ему совсем не класть топора на прежнее место, а подбросить его, хотя потом, куда-нибудь на чужой двор.
But it all happened fortunately, the door of the porter's room was closed but not locked, so that it seemed most likely that the porter was at home.	Но все обошлось благополучно. Дверь в дворницкую была притворена, но не на замке, стало быть, вероятнее всего было, что дворник дома.

But he had so completely lost all power of reflection that he walked straight to the door and opened it.	Но до того уже он потерял способность сообразить что-нибудь, что прямо подошел к дворницкой и растворил ее.
If the porter had asked him, "What do you want?" he would perhaps have simply handed him the axe.	Если бы дворник спросил его: "что ¹ надо?" - он, может быть, так прямо и подал бы ему топор.
But again the porter was not at home, and he succeeded in putting the axe back under the bench, and even covering it with the chunk of wood as before.	Но дворника опять не было, и он успел уложить топор на прежнее место под скамью; даже поленом прикрыл по-прежнему.
He met no one, not a soul, afterwards on the way to his room; the landlady's door was shut.	Никого, ни единой души, не встретил он потом до самой своей комнаты; хозяйкина дверь была заперта.
When he was in his room, he flung himself on the sofa just as he was—he did not sleep, but sank into blank forgetfulness.	Войдя к себе, он бросился на диван, так, как был. Он не спал, но был в забытьи.
If anyone had come into his room then, he would have jumped up at once and screamed.	Если бы кто вошел тогда в его комнату, он бы тотчас же вскочил и закричал.
Scraps and shreds of thoughts were simply	Ключки и отрывки каких-то мыслей так и

swarming in his brain, but he could not catch at one, he could not rest on one, in spite of all his efforts....

кишели в его голове; но он ни одной не мог схватить, ни на одной не мог остановиться, несмотря даже на усилия...

Федор Михайлович Достоевский. Преступление и наказание, Часть вторая

PART II	* ЧАСТЬ ВТОРАЯ *
CHAPTER I	I
So he lay a very long while. Now and then he seemed to wake up, and at such moments he noticed that it was far into the night, but it did not occur to him to get up. At last he noticed that it was beginning to get light. He was lying on his back, still dazed from his recent oblivion.	Так пролежал он очень долго. Случалось, что он как будто и просыпался, и в эти минуты замечал, что уже давно ночь, а встать ему не приходило в голову. Наконец он заметил, что уже светло по-дневному. Он лежал на диване навзничь, еще остоленелый от недавнего забытья.
Fearful, despairing cries rose shrilly from the street, sounds which he heard every night, indeed, under his window after two o'clock. They woke him up now. "Ah! the drunken men are coming out of the taverns," he thought, "it's past two o'clock," and at once he leaped up, as though someone had pulled him from the sofa. "What! Past two o'clock!"	До него резко доносились страшные, отчаянные вопли с улиц, которые, впрочем, он каждую ночь выслушивал под своим окном, в третьем часу. Они-то и разбудили его теперь. "А! вот уж и из распивочных пьяные выходят, - подумал он, - третий час, - и вдруг вскочил, точно его сорвал кто с дивана. - Как! Третий уже час!"
He sat down on the sofa--and instantly recollected everything! All at once, in one flash, he recollected everything. For the first moment he thought he was going mad.	Он сел на диване, - и тут все припомнил! Вдруг, в один миг все припомнил! В первое мгновение он думал, что с ума сойдет.
A dreadful chill came over him; but the chill was from the fever that had begun long before in his sleep. Now he was suddenly taken with violent shivering, so that his teeth chattered and all his limbs were shaking. He opened the door and began listening--everything in the house was asleep. With amazement he gazed at himself and everything in the room around him, wondering how he could have come in the night before without fastening the door, and have flung himself on the sofa without undressing, without even taking his hat off. It had fallen off and was lying on the floor near his pillow. "If anyone had come in, what would	Страшный холод обхватил его; но холод был и от лихорадки, которая уже давно началась с ним во сне. Теперь же вдруг ударил такой озноб, что чуть зубы не выпрыгнули и все в нем так и заходило. Он отворил дверь и начал слушать: в доме все совершенно спало. С изумлением оглядывал он себя и все кругом в комнате и не понимал: как это он мог вчера, войдя, не запереть дверей на крючок и броситься на диван, не только не раздевшись, но даже в шляпе: она скатилась и тут же лежала на полу, близ подушки. "Если бы кто зашел, что бы он подумал? Что я пьян,

he have thought? That I'm drunk but..."	но..."
He rushed to the window. There was light enough, and he began hurriedly looking himself all over from head to foot, all his clothes; were there no traces? But there was no doing it like that; shivering with cold, he began taking off everything and looking over again.	Он бросился к окошку. Свету было довольно, и он поскорей стал себя оглядывать, всего с ног до головы, все свое платье: нет ли следов? Но так нельзя было: дрожа от озноба, стал он снимать с себя все и опять осматривать кругом.
He turned everything over to the last threads and rags, and mistrusting himself, went through his search three times. But there seemed to be nothing, no trace, except in one place, where some thick drops of congealed blood were clinging to the frayed edge of his trousers. He picked up a big claspknife and cut off the frayed threads. There seemed to be nothing more. Suddenly he remembered that the purse and the things he had taken out of the old woman's box were still in his pockets!	Он перевертел все, до последней нитки и лоскутка, и, не доверяя себе, повторил осмотр раза три. Но не было ничего, кажется, никаких следов; только на том месте, где панталоны внизу осеклись и висели бахромой, на бахrome этой оставались густые следы запекшейся крови. Он схватил складной большой ножик и обрезал бахрому. Больше, кажется, ничего не было. Вдруг он вспомнил, что кошелек и вещи, которые он вытащил у старухи из сундука, все до сих пор у него по карманам лежат!
He had not thought till then of taking them out and hiding them!	Он и не подумал до сих пор их вынуть и спрятать!
He had not even thought of them while he was examining his clothes!	Не вспомнил о них даже теперь, как платье осматривал!
What next?	Что же это?
Instantly he rushed to take them out and fling them on the table.	Мигом бросился он их вынимать и выбрасывать на стол.
When he had pulled out everything, and turned the pocket inside out to be sure there was nothing left, he carried the whole heap to the corner.	Выбрав все, даже выворотив карманы, чтоб удостовериться, не остается ли еще чего, он всю эту кучу перенес в угол.
The paper had come off the bottom of the wall and hung there in tatters. He began stuffing all the things into the hole under the paper:	Там, в самом углу, внизу, в одном месте были разодраны отставшие от стены обои: тотчас же он начал все запихивать в эту дыру, под бумагу: "вошло!
"They're in! All out of sight, and the purse too!" he thought gleefully, getting up and gazing blankly at the hole which bulged out more than	Все с глаз долой и кошелек тоже!" - радостно думал он, привстав и тупо смотря в угол, в оттопырившуюся еще

ever.	больше дыру.
Suddenly he shuddered all over with horror; "My God!" he whispered in despair: "what's the matter with me?"	Вдруг он весь вздрогнул от ужаса: "Боже мой, -шептал он в отчаянии, - что со мною?"
Is that hidden?	Разве это спрятано?
Is that the way to hide things?"	Разве так прячут?"
He had not reckoned on having trinkets to hide. He had only thought of money, and so had not prepared a hiding-place. "But now, now, what am I glad of?" he thought,	Правда, он и не рассчитывал на вещи; он думал, что будут одни только деньги, а потому и не приготовил заранее места, - "но теперь-то, теперь чему я рад? - думал он.
"Is that hiding things?"	- Разве так прячут?
My reason's deserting me--simply!"	Подлинно разум меня оставляет!"
He sat down on the sofa in exhaustion and was at once shaken by another unbearable fit of shivering. Mechanically he drew from a chair beside him his old student's winter coat, which was still warm though almost in rags, covered himself up with it and once more sank into drowsiness and delirium. He lost consciousness.	В изнеможении сел он на диван, и тотчас же нестерпимый озноб снова затряс его. Машинально потащил он лежавшее подле, на стуле, бывшее его студенческое зимнее пальто, теплое, но уже почти в лохмотьях, накрылся им, и сон, и бред опять разом охватили его. Он забылся.
Not more than five minutes had passed when he jumped up a second time, and at once pounced in a frenzy on his clothes again.	Не более как минут через пять вскочил он снова и тотчас же, в исступлении, опять кинулся к своему платью.
"How could I go to sleep again with nothing done?"	"Как это мог я опять заснуть, тогда как ничего не сделано!"
Yes, yes; I have not taken the loop off the armhole!	Так и есть, так и есть: петлю подмышкой до сих пор не снял!
I forgot it, forgot a thing like that!	Забыл, об таком деле забыл!
Such a piece of evidence!"	Такая улика!"

He pulled off the noose, hurriedly cut it to pieces and threw the bits among his linen under the pillow. "Pieces of torn linen couldn't rouse suspicion, whatever happened; I think not, I think not, any way!" he repeated, standing in the middle of the room, and with painful concentration he fell to gazing about him again, at the floor and everywhere, trying to make sure he had not forgotten anything.	Он сдернул петлю и поскорей стал разрывать ее в куски, запихивая их под подушку в белье. "Куски рваной холстины ни в каком случае не возбудят подозрения; кажется так, кажется так!" - повторял он, стоя среди комнаты, и с напряженным до боли вниманием стал опять высматривать кругом, на полу и везде, не забыл ли еще чего-нибудь?
--	---

The conviction that all his faculties, even memory, and the simplest power of reflection were failing him, began to be an insufferable torture.	Уверенность, что все, даже память, даже простое соображение оставляют его, начинала нестерпимо его мучить.
"Surely it isn't beginning already! Surely it isn't my punishment coming upon me? It is!" The frayed rags he had cut off his trousers were actually lying on the floor in the middle of the room, where anyone coming in would see them! "What is the matter with me!" he cried again, like one distraught. Then a strange idea entered his head; that, perhaps, all his clothes were covered with blood, that, perhaps, there were a great many stains, but that he did not see them, did not notice them because his perceptions were failing, were going to pieces... his reason was clouded.... Suddenly he remembered that there had been blood on the purse too.	"Что, неужели уж начинается, неужели это уж казнь наступает? Вон, вон, так и есть!" Действительно, обрезки бахромы, которую он срезал с панталон, так и валялись на полу, среди комнаты, чтобы первый увидел! "Да что же это со мною!" - вскричал он опять, как потерянный. Тут пришла ему в голову странная мысль: что, может быть, и все его платье в крови, что, может быть, много пятен, но что он их только не видит, не замечает, потому что соображение его ослабело, раздроблено... ум помрачен... Вдруг он вспомнил, что и на кошельке была кровь.
"Ah!	"Ба!
Then there must be blood on the pocket too, for I put the wet purse in my pocket!"	Так, стало быть, и в кармане тоже должна быть кровь, потому что я еще мокрый кошелек тогда в карман сунул!"
In a flash he had turned the pocket inside out and, yes!--there were traces, stains on the lining of the pocket!	Мигом выворотил он карман, и - так и есть -на подкладке кармана есть следы, пятна!
"So my reason has not quite deserted me, so I still have some sense and memory, since I guessed it of myself," he thought triumphantly, with a deep sigh of relief; "it's simply the weakness of fever, a moment's delirium," and he tore the whole lining out of the left pocket of his trousers.	"Стало быть, не оставил же еще совсем разум, стало быть, есть же соображение и память, коли сам спохватился и догадался! - подумал он с торжеством, глубоко и радостно вздохнув всею грудью, - просто слабосилие лихорадочное, бред на минуту", - и он вырвал всю подкладку из левого кармана панталон.
At that instant the sunlight fell on his left boot; on the sock which poked out from the boot, he fancied there were traces!	В эту минуту луч солнца осветил его левый сапог: на носке, который выглядывал из сапога, как будто показались знаки.
He flung off his boots; "traces indeed!	Он сбросил сапог: "действительно знаки!
The tip of the sock was soaked with blood;" he	Весь кончик носка пропитан кровью";

must have unwarily stepped into that pool.... "But what am I to do with this now?"	должно быть, он в ту лужу неосторожно тогда ступил... "Но что же теперь с этим делать?"
Where am I to put the sock and rags and pocket?"	Куда девать этот носок, бахрому, карман?"
He gathered them all up in his hands and stood in the middle of the room.	Он сгреб все это в руку и стоял среди комнаты.
"In the stove?"	"В печку?"

But they would ransack the stove first of all.	Но в печке прежде всего начнут рыться.
Burn them?	Сжечь?
But what can I burn them with?	Да и чем сжечь?
There are no matches even.	Спичек даже нет.
No, better go out and throw it all away somewhere.	Нет, лучше выйти куда-нибудь и все выбросить.
Yes, better throw it away," he repeated, sitting down on the sofa again, "and at once, this minute, without lingering..." But his head sank on the pillow instead. Again the unbearable icy shivering came over him; again he drew his coat over him.	Да! лучше выбросить! - повторял он, опять садясь на диван, - и сейчас, сию минуту, не медля!.." Но вместо того голова его опять склонилась на подушку; опять оледенил его нестерпимый озноб; опять он потащил на себя шинель.
And for a long while, for some hours, he was haunted by the impulse to "go off somewhere at once, this moment, and fling it all away, so that it may be out of sight and done with, at once, at once!" Several times he tried to rise from the sofa, but could not.	И долго, несколько часов, ему все еще мерещилось порывами, что "вот бы сейчас, не откладывая, пойти куда-нибудь и все выбросить, чтоб уж с глаз долой, поскорей, поскорей!" Он порывался с дивана несколько раз, хотел было встать, но уже не мог.
He was thoroughly waked up at last by a violent knocking at his door.	Окончательно разбудил его сильный стук в двери.
"Open, do, are you dead or alive?"	- Да отвори, жив аль нет?
He keeps sleeping here!" shouted Nastasya, banging with her fist on the door. "For whole days together he's snoring here like a dog!"	И все-то он дрыхнет! - кричала Настасья, стуча кулаком в дверь, - целые дни-то деньские, как пес, дрыхнет!
A dog he is too.	Пес и есть!
Open I tell you.	Отвори, что ль.
It's past ten." "Maybe he's not at home,"	Одиннадцатый час. - А може, и дома нет! -

said a man's voice.	проговорил мужской голос.
"Ha! that's the porter's voice....	"Ба! это голос дворника...
What does he want?"	Что ему надо?"
He jumped up and sat on the sofa.	Он вскочил и сел на диване.
The beating of his heart was a positive pain.	Сердце стучало так, что даже больно стало.
"Then who can have latched the door?" retorted Nastasya.	- А крюком кто ж заперся? - возразила Настасья, -ишь, запирать стал!
"He's taken to bolting himself in!	Самого, что ль, унесут?
As if he were worth stealing! Open, you stupid, wake up!"	Отвори, голова, проснись!
"What do they want?	"Что им надо?
Why the porter?	Зачем дворник?
All's discovered.	Все известно.
Resist or open?	Сопrotивляться или отворить?
Come what may!..."	Пропадай..."
He half rose, stooped forward and unlatched the door.	Он привстал, нагнулся вперед и снял крюк.

His room was so small that he could undo the latch without leaving the bed.	Вся его комната была такого размера, что можно было снять крюк, не вставая с постели.
Yes; the porter and Nastasya were standing there.	Так и есть: стоят дворник и Настасья.
Nastasya stared at him in a strange way.	Настасья как-то странно его оглянула.
He glanced with a defiant and desperate air at the porter, who without a word held out a grey folded paper sealed with bottle-wax.	Он с вызывающим и отчаянным видом взглянул на дворника. Тот молча протянул ему серую, сложенную вдвое бумажку, запечатанную бутылочным сургучом.
"A notice from the office," he announced, as he gave him the paper.	- Повестка, из конторы, - проговорил он, подавая бумагу.
"From what office?"	- Из какой конторы?..
"A summons to the police office, of course.	- В полицию, значит, зовут, в контору.
You know which office."	Известно, какая контора.

"To the police?..."	- В полицию!..
What for?..."	Зачем?..
"How can I tell?"	- А мне почем знать.
You're sent for, so you go."	Требуют, и иди.
The man looked at him attentively, looked round the room and turned to go away.	- Он внимательно посмотрел на него, осмотрелся кругом и повернулся уходить.
"He's downright ill!" observed Nastasya, not taking her eyes off him.	- Никак совсем разболелся? - заметила Настасья, не спуская с него глаз.
The porter turned his head for a moment.	Дворник тоже на минуту обернул голову.
"He's been in a fever since yesterday," she added.	- Со вчерашнего дня в жару, - прибавила она.
Raskolnikov made no response and held the paper in his hands, without opening it.	Он не отвечал и держал в руках бумагу, не распечатывая.
"Don't you get up then," Nastasya went on compassionately, seeing that he was letting his feet down from the sofa.	- Да уж не вставай, - продолжала Настасья, разжалобясь и видя, что он спускает с дивана ноги.
"You're ill, and so don't go; there's no such hurry.	- Болен, так и не ходи: не сгорит.
What have you got there?"	Что у те в руках-то?
He looked; in his right hand he held the shreds he had cut from his trousers, the sock, and the rags of the pocket.	Он взглянул: в правой руке у него отрезанные куски бахромы, носок и лоскутья вырванного кармана.
So he had been asleep with them in his hand.	Так и спал с ними.
Afterwards reflecting upon it, he remembered that half waking up in his fever, he had grasped all this tightly in his hand and so fallen asleep again.	Потом уже, размышляя об этом, вспоминал он, что, и полупросыпаясь в жару, крепко-накрепко стискивал все это в руке и так опять засыпал.
"Look at the rags he's collected and sleeps with them, as though he has got hold of a treasure..."	- Ишь лохмотьев каких набрал и спит с ними, ровно с кладом...
And Nastasya went off into her hysterical giggle.	- И Настасья закатилась своим болезненнонервическим смехом.
Instantly he thrust them all under his great coat and fixed his eyes intently upon her.	Мигом сунул он все под шинель и пристально впился в нее глазами.
	Хоть и очень мало мог он в ту минуту

Far as he was from being capable of rational reflection at that moment, he felt that no one would behave like that with a person who was going to be arrested.	вполне толково сообразить, но чувствовал, что с человеком не так обращаться будут, когда придут его брать.
"But... the police?"	"Но... полиция?"
"You'd better have some tea!	- Чаю бы выпил?
Yes?	Хошь, что ли?
I'll bring it, there's some left."	Принесу; осталось...
"No... I'm going; I'll go at once," he muttered, getting on to his feet.	- Нет... я пойду: я сейчас пойду, - бормотал он, становясь на ноги.
"Why, you'll never get downstairs!"	- Поди, и с лестницы не сойдешь?
"Yes, I'll go."	- Пойду...
"As you please."	- Как хошь.
She followed the porter out.	Она ушла вслед за дворником.
At once he rushed to the light to examine the sock and the rags.	Тотчас же бросился он к свету осматривать носок и бахрому:
"There are stains, but not very noticeable; all covered with dirt, and rubbed and already discoloured.	"Пятна есть, но не совсем приметно; все загрязнилось, затерлось и уже выцвело.
No one who had no suspicion could distinguish anything.	Кто не знает заранее - ничего не разглядит.
Nastasya from a distance could not have noticed, thank God!"	Настасья, стало быть, ничего издали не могла приметить, слава богу!"
Then with a tremor he broke the seal of the notice and began reading; he was a long while reading, before he understood.	Тогда с трепетом распечатал он повестку и стал читать; долго читал он и наконец-то понял.
It was an ordinary summons from the district police-station to appear that day at half-past nine at the office of the district superintendent.	Это была обыкновенная повестка из квартала явиться на сегодняшний день, в половине десятого, в контору квартального надзирателя.
"But when has such a thing happened?	"Да когда ж это бывало?
I never have anything to do with the police!	Никаких я дел сам по себе не имею с полицией!
And why just to-day?" he thought in agonising bewilderment.	И почему как раз сегодня? - думал он в мучительном недоумении.
"Good God, only get it over soon!"	- Господи, поскорей бы уж!"

He was flinging himself on his knees to pray, but broke into laughter--not at the idea of prayer, but at himself.	Он было бросился на колени молиться, но даже сам рассмеялся, - не над молитвой, а над собой.
He began, hurriedly dressing.	Он поспешно стал одеваться.
"If I'm lost, I am lost, I don't care!	"Пропаду так пропаду, все равно!
Shall I put the sock on?" he suddenly wondered, "it will get dustier still and the traces will be gone."	Носок надеть! - вздумалось вдруг ему, - еще больше затрется в пыли, и следы пропадут".

But no sooner had he put it on than he pulled it off again in loathing and horror.	Но только что он надел, тотчас же и сдернул его с отвращением и ужасом.
He pulled it off, but reflecting that he had no other socks, he picked it up and put it on again--and again he laughed.	Сдернул, но, сообразив, что другого нет, взял и надел опять - и опять рассмеялся.
"That's all conventional, that's all relative, merely a way of looking at it," he thought in a flash, but only on the top surface of his mind, while he was shuddering all over, "there, I've got it on!	"Все это условно, все относительно, все это одни только формы, - подумал он мельком, одним только краешком мысли, а сам дрожа всем телом, - ведь вот надел же!
I have finished by getting it on!"	Ведь кончил же тем, что надел!"
But his laughter was quickly followed by despair.	Смех, впрочем, тотчас же сменился отчаянием.
"No, it's too much for me..." he thought.	"Нет, не по силам..." подумалось ему.
His legs shook.	Ноги его дрожали.
"From fear," he muttered.	"От страха", - пробормотал он про себя.
His head swam and ached with fever.	Голова кружилась и болела от жару.
"It's a trick!	"Это хитрость!
They want to decoy me there and confound me over everything," he mused, as he went out on to the stairs--"the worst of it is I'm almost light-headed... I may blurt out something stupid..."	Это они хотят заманить меня хитростью и вдруг сбить на всем, - продолжал он про себя, выходя на лестницу. - Скверно то, что я почти в бреду... я могу соврать какую-нибудь глупость..."
On the stairs he remembered that he was leaving all the things just as they were in the hole in the wall, "and very likely, it's on purpose to search when I'm out," he thought, and stopped short.	На лестнице он вспомнил, что оставляет все вещи так, в обойной дыре, - "а тут, пожалуй, нарочно без него обыск", - вспомнил и остановился.
But he was possessed by such despair,	Но такое отчаяние и такой, если можно

such cynicism of misery, if one may so call it, that with a wave of his hand he went on.	сказать, цинизм гибели вдруг овладели им, что он махнул рукой и пошел дальше.
"Only to get it over!"	"Только бы поскорей!.."
In the street the heat was insufferable again; not a drop of rain had fallen all those days.	На улице опять жара стояла невыносимая; хоть бы капля дождя во все эти дни.
Again dust, bricks and mortar, again the stench from the shops and pot-houses, again the drunken men, the Finnish pedlars and half-broken-down cabs.	Опять пыль, кирпич и известка, опять вонь из лавочек и распивочных, опять поминутно пьяные, чухонцы-разносчики и полуразвалившиеся извозчики.
The sun shone straight in his eyes, so that it hurt him to look out of them, and he felt his head going round--as a man in a fever is apt to feel when he comes out into the street on a bright sunny day.	Солнце ярко блеснуло ему в глаза, так что больно стало глядеть и голова его совсем закружилась, -обыкновенное ощущение лихорадочного, выходящего вдруг на улицу в яркий солнечный день.
When he reached the turning into _the_ street, in an agony of trepidation he looked down it... at _the_ house... and at once averted his eyes.	Дойдя до поворота во вчерашнюю улицу, он с мучительной тревогой заглянул в нее, на тот дом... и тотчас же отвел глаза.
"If they question me, perhaps I'll simply tell," he thought, as he drew near the police-station.	"Если спросят, я, может быть, и скажу", - подумал он, подходя к конторе.

The police-station was about a quarter of a mile off.	Контора была от него с четверть версты.
It had lately been moved to new rooms on the fourth floor of a new house.	Она только что переехала на новую квартиру, в новый дом, в четвертый этаж.
He had been once for a moment in the old office but long ago.	На прежней квартире он был когда-то мельком, но очень давно.
Turning in at the gateway, he saw on the right a flight of stairs which a peasant was mounting with a book in his hand. "A house-porter, no doubt; so then, the office is here," and he began ascending the stairs on the chance.	Войдя под ворота, он увидел направо лестницу, по которой сходил мужик с книжкой в руках: "дворник, значит; значит, тут и есть контора", и он стал подниматься наверх наугад.
He did not want to ask questions of anyone.	Спрашивать ни у кого ни об чем не хотел.
"I'll go in, fall on my knees, and confess everything..." he thought, as he reached the fourth floor.	"Войду, стану на колена и все расскажу..." -подумал он, входя в четвертый этаж.
The staircase was steep, narrow and all	Лестница была узенькая, крутая и вся в

sloppy with dirty water.	помоях.
The kitchens of the flats opened on to the stairs and stood open almost the whole day.	Все кухни всех квартир во всех четырех этажах отворялись на эту лестницу и стояли так почти целый день.
So there was a fearful smell and heat.	Оттого была страшная духота.
The staircase was crowded with porters going up and down with their books under their arms, policemen, and persons of all sorts and both sexes.	Вверх и вниз всходили и сходили дворники с книжками под мышкой, хожалые и разный люд обоего пола - посетители.
The door of the office, too, stood wide open.	Дверь в самую контору была тоже настежь отворена.
Peasants stood waiting within.	Он вошел и остановился в прихожей.
There, too, the heat was stifling and there was a sickening smell of fresh paint and stale oil from the newly decorated rooms.	Тут все стояли и ждали какие-то мужики. Здесь тоже духота была чрезвычайная и, кроме того, до тошноты било в нос свежую, еще невыстоявшуюся краской на тухлой олифе вновь покрашенных комнат.
After waiting a little, he decided to move forward into the next room. All the rooms were small and low-pitched.	Переждав немного, он рассудил подвинуться еще вперед, в следующую комнату Все крошечные и низенькие были комнаты.
A fearful impatience drew him on and on.	Страшное нетерпение тянуло его все дальше и дальше.
No one paid attention to him.	Никто не замечал его.
In the second room some clerks sat writing, dressed hardly better than he was, and rather a queer-looking set.	Во второй комнате сидели и писали какие-то писцы, одетые разве немного его получше, на вид все странный какой-то народ.
He went up to one of them.	Он обратился к одному из них.
"What is it?"	- Чего тебе?
He showed the notice he had received.	Он показал повестку из конторы.
"You are a student?" the man asked, glancing at the notice.	- Вы студент? - спросил тот, взглянув на повестку.
"Yes, formerly a student."	- Да, бывший студент.
The clerk looked at him, but without the slightest interest.	Писец оглядел его, впрочем без всякого любопытства.

He was a particularly unkempt person with the look of a fixed idea in his eye.	Это был какой-то особенно взъерошенный человек с неподвижною идеей во взгляде.
"There would be no getting anything out of him, because he has no interest in anything," thought Raskolnikov.	"От этого ничего не узнаешь, потому что ему все равно", - подумал Раскольников.
"Go in there to the head clerk," said the clerk, pointing towards the furthest room.	- Ступайте туда, к письмоводителю, - сказал писец и ткнул вперед пальцем, показывая на самую последнюю комнату.
He went into that room--the fourth in order; it was a small room and packed full of people, rather better dressed than in the outer rooms.	Он вошел в эту комнату (четвертую по порядку), тесную и битком набитую публикой - народом, несколько почище одетым, чем в тех комнатах.
Among them were two ladies.	Между посетителями были две дамы.
One, poorly dressed in mourning, sat at the table opposite the chief clerk, writing something at his dictation.	Одна в трауре, бедно одетая, сидела за столом против письмоводителя и что-то писала под его диктовку.
The other, a very stout, buxom woman with a purplish-red, blotchy face, excessively smartly dressed with a brooch on her bosom as big as a saucer, was standing on one side, apparently waiting for something.	Другая же дама, очень полная и багрово-красная, с пятнами, видная женщина, и что-то уж очень пышно одетая, с брошкой на груди, величиной в чайное блюдечко, стояла в сторонке и чего-то ждала.
Raskolnikov thrust his notice upon the head clerk.	Раскольников сунул письмоводителю свою повестку.
The latter glanced at it, said: "Wait a minute," and went on attending to the lady in mourning.	Тот мельком взглянул на нее, сказал: "подождите" и продолжал заниматься с траурною дамой.
He breathed more freely.	Он перевел дух свободнее.
"It can't be that!"	"Наверно, не то!"
By degrees he began to regain confidence, he kept urging himself to have courage and be calm.	Мало-помалу он стал ободряться, он усовещивал себя всеми силами ободриться и опомниться.
"Some foolishness, some trifling carelessness, and I may betray myself!"	"Какая-нибудь глупость, какая-нибудь самая мелкая неосторожность, и я могу всего себя выдать!"
"Hm... it's a pity there's no air here," he added, "it's stifling...."	Гм... жаль, что здесь воздуха нет, - прибавил он, - духота...
It makes one's head dizzier than ever... and one's mind too..."	Голова еще больше кружится... и ум тоже..."

He was conscious of a terrible inner turmoil.

Он чувствовал во всем себе страшный беспорядок.

He was afraid of losing his self-control; he tried to catch at something and fix his mind on it, something quite irrelevant, but he could not succeed in this at all.	Он сам боялся не совладеть с собой. Он старался прицепиться к чему-нибудь и о чем бы нибуть думать, о совершенно постороннем, но это совсем не удавалось.
Yet the head clerk greatly interested him, he kept hoping to see through him and guess something from his face.	Письмоводитель сильно, впрочем, интересовал его: ему все хотелось что-нибудь угадать по его лицу, раскусить.
He was a very young man, about two and twenty, with a dark mobile face that looked older than his years. He was fashionably dressed and foppish, with his hair parted in the middle, well combed and pomaded, and wore a number of rings on his well-scrubbed fingers and a gold chain on his waistcoat.	Это был очень молодой человек, лет двадцати двух, с смуглою и подвижною физиономией, казавшеюся старше своих лет, одетый по моде и фатом, с пробором на затылке, расчесанный и распомаженный, со множеством перстней и колец на белых отчищенных щетками пальцах и золотыми цепями на жилете.
He said a couple of words in French to a foreigner who was in the room, and said them fairly correctly.	С одним бывшим тут иностранцем он даже сказал слова два по-французски, и очень удовлетворительно.
"Luise Ivanovna, you can sit down," he said casually to the gaily-dressed, purple-faced lady, who was still standing as though not venturing to sit down, though there was a chair beside her.	- Луиза Ивановна, вы бы сели, - сказал он мельком разодетой багрово-красной даме, которая все стояла, как будто не смея сама сесть, хотя стул был рядом.
"Ich danke," said the latter, and softly, with a rustle of silk she sank into the chair.	- Ich danke, - сказала та и тихо, с шелковым шумом, опустилась на стул.
Her light blue dress trimmed with white lace floated about the table like an air-balloon and filled almost half the room.	Светло-голубое с белою кружевною отделкой платье ее, точно воздушный шар, распространилось вокруг стула и заняло чуть не полкомнаты.
She smelt of scent.	Понесло духами.
But she was obviously embarrassed at filling half the room and smelling so strongly of scent; and though her smile was impudent as well as cringing, it betrayed evident uneasiness.	Но дама, очевидно, робела того, что занимает полкомнаты и что от нее так несет духами, хотя и улыбалась трусливо и нахально вместе, но с явным беспокойством.
The lady in mourning had done at last, and got up.	Траурная дама наконец кончила и стала вставать.
All at once, with some noise, an officer walked in very jauntily, with a peculiar swing of his shoulders at each step. He	Вдруг, с некоторым шумом, весьма молодцевато и как-то особенно повертывая с каждым шагом плечами, вошел офицер,

tossed his cockaded cap on the table and sat down in an easy-chair.	бросил фуражку с кокардой на стол и сел в кресла.
The small lady positively skipped from her seat on seeing him, and fell to curtsying in a sort of ecstasy; but the officer took not the smallest notice of her, and she did not venture to sit down again in his presence.	Пышная дама так и подпрыгнула с места, его завидя, и с каким-то особенным восторгом принялась приседать; но офицер не обратил на нее ни малейшего внимания, а она уже не смела больше при нем садиться.
He was the assistant superintendent. He had a reddish moustache that stood out horizontally on each side of his face, and extremely small features, expressive of nothing much except a certain insolence.	Это был поручик, помощник квартального надзирателя, с горизонтально торчавшими в обе стороны рыжеватыми усами и с чрезвычайно мелкими чертами лица, ничего, впрочем, особенного, кроме некоторого нахальства, не выражавшими.

He looked askance and rather indignantly at Raskolnikov; he was so very badly dressed, and in spite of his humiliating position, his bearing was by no means in keeping with his clothes. Raskolnikov had unwarily fixed a very long and direct look on him, so that he felt positively affronted.	Он искоса и отчасти с негодованием посмотрел на Раскольникова: слишком уж на нем был скверен костюм, и, несмотря на все принижение, все еще не по костюму была осанка; Раскольников, по неосторожности, слишком прямо и долго посмотрел на него, так что тот даже обиделся.
"What do you want?" he shouted, apparently astonished that such a ragged fellow was not annihilated by the majesty of his glance.	- Тебе чего? - крикнул он, вероятно удивляясь, что такой оборванец и не думает стушевываться от его молниеносного взгляда.
"I was summoned... by a notice..." Raskolnikov faltered.	- Потребовали... по повестке... - отвечал кое-как Раскольников.
"For the recovery of money due, from _the student_" the head clerk interfered hurriedly, tearing himself from his papers.	- Это по делу о взыскании с них денег, с студента, - заторопился письмоводитель, отрываясь от бумаги.
"Here!" and he flung Raskolnikov a document and pointed out the place. "Read that!"	- Вот-с! - и он перекинул Раскольникову тетрадь, указав в ней место, - прочтите!
"Money?"	"Денег?"
What money?" thought Raskolnikov, "but... then... it's certainly not _that_."	Каких денег? - думал Раскольников, - но... стало быть, уж наверно не то!"
And he trembled with joy.	И он вздрогнул от радости.
He felt sudden intense indescribable relief.	Ему стало вдруг ужасно, невыразимо легко.
A load was lifted from his back.	Все с плеч слетело.

"And pray, what time were you directed to appear, sir?" shouted the assistant superintendent, seeming for some unknown reason more and more aggrieved. "You are told to come at nine, and now it's twelve!"	- А в котором часу вам приходится написано, милостисдарь?- крикнул поручик, все более и более неизвестно чем оскорбляясь, - вам пишут в девять, а теперь уже двенадцатый час!
"The notice was only brought me a quarter of an hour ago," Raskolnikov answered loudly over his shoulder. To his own surprise he, too, grew suddenly angry and found a certain pleasure in it.	- Мне принесли всего четверть часа назад, -громко и через плечо отвечал Раскольников, тоже внезапно и неожиданно для себя рассердившийся и даже находя в этом некоторое удовольствие.
"And it's enough that I have come here ill with fever."	- И того довольно, что я больной в лихорадке пришел.
"Kindly refrain from shouting!"	- Не извольте кричать!
"I'm not shouting, I'm speaking very quietly, it's you who are shouting at me. I'm a student, and allow no one to shout at me."	- Я и не кричу, а весьма ровно говорю, а это вы на меня кричите; а я студент и кричать на себя не позволю.
The assistant superintendent was so furious that for the first minute he could only splutter inarticulately.	Помощник до того вспылil, что в первую минуту даже ничего не мог выговорить, и только какие-то брызги вылетели из уст его.
He leaped up from his seat.	Он вскочил с места.
"Be silent!"	- Извольте ма-а-а-лчать!
You are in a government office.	Вы в присутствии.
Don't be impudent, sir!"	Не гр-р-рублянить, судырь!

"You're in a government office, too," cried Raskolnikov, "and you're smoking a cigarette as well as shouting, so you are showing disrespect to all of us."	- Да и вы в присутствии, - вскрикнул Раскольников, - а кроме того, что кричите, папиросу курите, стало быть, всем нам манкируете.
He felt an indescribable satisfaction at having said this.	- Проговорив это, Раскольников почувствовал невыразимое наслаждение.
The head clerk looked at him with a smile.	Письмоводитель с улыбкой смотрел на них.
The angry assistant superintendent was obviously disconcerted.	Горячий поручик был видимо озадачен.
"That's not your business!" he shouted at last with unnatural loudness. "Kindly make the declaration demanded of you."	- Это не ваше дело-с! - прокричал он наконец как-то неестественно громко, - а вот извольте-ка подать отзыв, который с вас требуют.

Show him. Alexandr Grigorievitch.	Покажите ему, Александр Григорьевич.
There is a complaint against you!	Жалобы на вас!
You don't pay your debts!	Денег не платите!
You're a fine bird!"	Ишь какой вылетел сокол ясный!
But Raskolnikov was not listening now; he had eagerly clutched at the paper, in haste to find an explanation.	Но Раскольников уже не слушал и жадно схватился за бумагу, ища поскорей разгадки.
He read it once, and a second time, and still did not understand.	Прочел раз, другой, и не понял.
"What is this?" he asked the head clerk.	- Это что же? - спросил он письмоводителя.
"It is for the recovery of money on an I O U, a writ.	- Это деньги с вас по заемному письму требуют, взыскание.
You must either pay it, with all expenses, costs and so on, or give a written declaration when you can pay it, and at the same time an undertaking not to leave the capital without payment, and nor to sell or conceal your property.	Вы должны или уплатить со всеми издержками, ценными и прочими, или дать письменно отзыв, когда можете уплатить, а вместе с тем и обязательство не выезжать до уплаты из столицы и не продавать и не скрывать своего имущества.
The creditor is at liberty to sell your property, and proceed against you according to the law."	А заимодавец волен продать ваше имущество, а с вами поступить по законам.
"But I... am not in debt to anyone!"	- Да я... никому не должен!
"That's not our business.	- Это уж не наше дело.
Here, an I O U for a hundred and fifteen roubles, legally attested, and due for payment, has been brought us for recovery, given by you to the widow of the assessor Zarnitsyn, nine months ago, and paid over by the widow Zarnitsyn to one Mr. Tchobarov. We therefore summon you, hereupon."	А к нам вот поступило ко взысканию просроченное и законно протестованное заемное письмо в сто пятнадцать рублей, выданное вами вдове, коллежской асессорше Зарницыной, назад тому девять месяцев, а от вдовы Зарницыной перешедшее уплатою к надворному советнику Чебарову, мы и приглашаем вас посему к отзыву.
"But she is my landlady!"	- Да ведь она ж моя хозяйка?
"And what if she is your landlady?"	- Ну так что ж, что хозяйка?

The head clerk looked at him with a condescending smile of compassion, and at the same time with a certain triumph, as at a novice under fire for the first time--as though he would say:	Письмоводитель смотрел на него с снисходительною улыбкой сожаления, а вместе с тем и некоторого торжества, как на новичка, которого только что начинают обстреливать:
---	---

"Well, how do you feel now?"	"Что, дескать, каково ты теперь себя чувствуешь?"
But what did he care now for an I O U, for a writ of recovery!	Но какое, какое было ему теперь дело до заемного письма, до взыскания!
Was that worth worrying about now, was it worth attention even!	Стоило ли это теперь хоть какой-нибудь тревоги, в свою очередь, хотя какого-нибудь даже внимания!
He stood, he read, he listened, he answered, he even asked questions himself, but all mechanically.	Он стоял, читал, слушал, отвечал, сам даже спрашивал, но все это машинально.
The triumphant sense of security, of deliverance from overwhelming danger, that was what filled his whole soul that moment without thought for the future, without analysis, without suppositions or surmises, without doubts and without questioning.	Торжество самосохранения, спасение от давившей опасности - вот что наполняло в эту минуту все его существо, без предвидения, без анализа, без будущих загадываний и отгадываний, без сомнений и без вопросов.
It was an instant of full, direct, purely instinctive joy.	Это была минута полной, непосредственной, чисто животной радости.
But at that very moment something like a thunderstorm took place in the office.	Но в эту самую минуту в конторе произошло нечто вроде грома и молнии.
The assistant superintendent, still shaken by Raskolnikov's disrespect, still fuming and obviously anxious to keep up his wounded dignity, pounced on the unfortunate smart lady, who had been gazing at him ever since he came in with an exceedingly silly smile.	Поручик, еще весь потрясенный непочтительностью, весь пылая и, очевидно, желая поддержать пострадавшую амбицию, набросился всеми перунами на несчастную "пышную даму", смотревшую на него, с тех самых пор как он вошел, с преглупейшею улыбкой.
"You shameful hussy!" he shouted suddenly at the top of his voice. (The lady in mourning had left the office.) "What was going on at your house last night?"	- А ты, такая-сякая и этакая, - крикнул он вдруг во все горло (траурная дама уже вышла) - у тебя там что прошедшую ночь произошло? а?
Eh! A disgrace again, you're a scandal to the whole street.	Опять позор, дебош не всю улицу производишь.
Fighting and drinking again.	Опять драка и пьянство.
Do you want the house of correction?	В смирительный мечтаешь!
Why, I have warned you ten times over that I would not let you off the eleventh!	Ведь я уж тебе говорил, ведь я уж предупреждал тебя десять раз, что в одиннадцатый не спущу!

And here you are again, again, you... you...!"	А ты опять, опять, такая-сякаяты этакая!
The paper fell out of Raskolnikov's hands, and he looked wildly at the smart lady who was so unceremoniously treated.	Даже бумаг выпала из рук Раскольникова, и он дико смотрел на пышную даму, которую так бесцеремонно отделявали: но скоро, однако же, сообразил, в чем дело, и тотчас же вся эта история начала ему очень даже нравиться.
But he soon saw what it meant, and at once began to find positive amusement in the scandal.	Он слушал с удовольствием, так даже, что хотелось хохотать, хохотать, хохотать...

He listened with pleasure, so that he longed to laugh and laugh... all his nerves were on edge.	Все нервы его так и прыгали.
"Ilya Petrovitch!" the head clerk was beginning anxiously, but stopped short, for he knew from experience that the enraged assistant could not be stopped except by force.	- Илья Петрович! - начал было письмоводитель заботливо, но остановился выждать время, потому что вскипевшего поручика нельзя было удержать иначе, как за руки, что он знал по собственному опыту.
As for the smart lady, at first she positively trembled before the storm. But, strange to say, the more numerous and violent the terms of abuse became, the more amiable she looked, and the more seductive the smiles she lavished on the terrible assistant.	Что же касается пышной дамы, то вначале она так и затрепетала от грома и молнии; но странное дело: чем многочисленнее и крепче становились ругательства, тем вид ее становился любезнее, тем очаровательнее делалась ее улыбка, обращенная к грозному поручику.
She moved uneasily, and curtsied incessantly, waiting impatiently for a chance of putting in her word: and at last she found it.	Она семенила на месте и беспрерывно приседала, с нетерпением выжидая, что наконец-то и ей позволят вернуть свое слово, и дождалась.
"There was no sort of noise or fighting in my house, Mr. Captain," she pattered all at once, like peas dropping, speaking Russian confidently, though with a strong German accent, "and no sort of scandal, and his honour came drunk, and it's the whole truth I am telling, Mr. Captain, and I am not to blame.... Mine is an honourable house, Mr. Captain, and honourable behaviour, Mr. Captain, and I always, always dislike any	- Никакой шум и драки у меня не буль, господин капитэн, - затараторила она вдруг, точно горох просыпали, с крепким немецким акцентом, хотя и бойко по-русски, - и никакой, никакой шкандаль, а они пришоль пьян, и это я все расскажит, господин капитэн, а я не виноват... у меня благородный дом, господин капитэн, и благородное обращение, господин капитэн, и я всегда, всегда сама не хотель

scandal myself.	никакой шкандаль.
But he came quite tipsy, and asked for three bottles again, and then he lifted up one leg, and began playing the pianoforte with one foot, and that is not at all right in an honourable house, and he _ganz_ broke the piano, and it was very bad manners indeed and I said so.	А они совсем пришьоль пьян и потом опять три путилки спросил, а потом один поднял ноги и стал но'гом фортепьян играль, и это совсем нехорошо в благородный дом, и он ганц фортепьян ломаль, и совсем, совсем тут нет никакой манир, и я сказалъ.
And he took up a bottle and began hitting everyone with it.	А он путилку взял и стал всех сзади путилкой толкаль.
And then I called the porter, and Karl came, and he took Karl and hit him in the eye; and he hit Henriette in the eye, too, and gave me five slaps on the cheek.	И тут как я стал скоро дворник позваль и Карль пришьоль, он взял Карль и глаз прибилъ, и Г енриет тоже глаз прибилъ а мне пять раз щеку билъ.
And it was so ungentlemanly in an honourable house, Mr. Captain, and I screamed.	И это так неделикатно в благородный дом, господин капитэн, и я кричалъ.
And he opened the window over the canal, and stood in the window, squealing like a little pig; it was a disgrace.	А он на канав окно отворяль и стал в окно, как маленькая свинья, визжалъ; и это срам.
The idea of squealing like a little pig at the window into the street!	И как можно в окно на улиц, как маленькая свинья, визжалъ?
Fie upon him!	Фуй-фуй-фуй!
And Karl pulled him away from the window by his coat, and it is true, Mr. Captain, he tore _sein rock_.	И Карль сзади его за фрак от окна таскаль и тут, это правда, господин капитэн, ему зейн рок изорваль.

And then he shouted that _man muss_ pay him fifteen roubles damages.	И тогда он кричалъ, что ему пятнадцать целковых ман мус штраф платиль.
And I did pay him, Mr. Captain, five roubles for sein rock .	И я сама, господин капитэн, пять целковых ему зейнрок платиль.
And he is an ungentlemanly visitor and caused all the scandal.	И это неблагородный гость, господин капитэн, и всякой шкандаль делаль!
'I will show you up,' he said, 'for I can write to all the papers about you.'	Я, говорилъ, на вас большой сатир гедрюкт будет, потому я во всех газет могу про вас все сочиниль.
"Then he was an author?"	- Из сочинителей, значит?

"Yes, Mr. Captain, and what an ungentlemanly visitor in an honourable house...."	- Да, господин капитэн, и какой же это неблагородный гость, господин капитэн, когда в благородный дом...
"Now then!	- Ну-ну-ну!
Enough!	Довольно!
I have told you already..."	Я уж тебе говорил, говорил, я ведь тебе говорил...
"Ilya Petrovitch!" the head clerk repeated significantly.	- Илья Петрович! - снова значительно проговорил письмоводитель.
The assistant glanced rapidly at him; the head clerk slightly shook his head.	Поручик быстро взглянул на него; письмоводитель слегка кивнул головой.
!!	- ...
So I tell you this, most respectable Luise Ivanovna, and I tell it you for the last time," the assistant went on.	Так вот же тебе, почтеннейшая Лавиза Ивановна, мой последний сказ, и уж это в последний раз, - продолжал поручик.
"If there is a scandal in your honourable house once again, I will put you yourself in the lock-up, as it is called in polite society.	- Если у тебя еще хоть один только раз в твоём благородном доме произойдет скандал, так я тебя самое на цугундер, как в высоком слогe говоритьcя.
Do you hear?	Слышала?
So a literary man, an author took five roubles for his coat-tail in an 'honourable house'?	Так литератор, сочинитель, пять целковых в "благородном доме" за фалду взял?
A nice set, these authors!"	Вот они, сочинители!
And he cast a contemptuous glance at Raskolnikov. "There was a scandal the other day in a restaurant, too.	- Третьего дня в трактире тоже история: пообедал, а платить не желает; "я, дескать, вас в сатире за то опишу".
An author had eaten his dinner and would not pay; 'I'll write a satire on you,' says he. And there was another of them on a steamer last week used the most disgraceful language to the respectable family of a civil councillor, his wife and daughter.	На пароходе тоже другой, на прошлой неделе, почтенное семейство статского советника, жену и дочь, подлейшими словами обозвал.
And there was one of them turned out of a	Из кондитерской намедни в

confectioner's shop the other day.	толчки одного выгнали.
They are like that, authors, literary men, students, town-criers.... Pfoo!	Вот они каковы, сочинители, литераторы, студенты, глашатаи... тьфу!
You get along!	А ты пошла!
I shall look in upon you myself one day. Then you had better be careful!	Я вот сам к тебе загляну... тогда берегись!
Do you hear?"	Слышала?
With hurried deference, Luise Ivanovna fell to curtsying in all directions, and so curtsied herself to the door. But at the door, she stumbled backwards against a good-looking officer with a fresh, open face and splendid thick fair whiskers.	Луиза Ивановна с уторопленною любезностью пустилась приседать на все стороны и, приседая, дотянулась до дверей; но в дверях наскочила задом на одного видного офицера, с открытым свежим лицом и с превосходными густейшими белокурыми бакенами.
This was the superintendent of the district himself, Nikodim Fomitch.	Это был сам Никодим Фомич, квартальный надзиратель.
Luise Ivanovna made haste to curtsy almost to the ground, and with mincing little steps, she fluttered out of the office.	Луиза Ивановна поспешила присесть чуть не до полу и частыми мелкими шагами, подпрыгивая, полетела из конторы.
"Again thunder and lightning--a hurricane!" said Nikodim Fomitch to Ilya Petrovitch in a civil and friendly tone. "You are aroused again, you are fuming again!"	- Опять грохот, опять гром и молния, смерч, ураган! любезно и дружески обратился Никодим Фомич к Илье Петровичу, - опять растревожили сердце, опять закипел!
I heard it on the stairs!"	Еще с лестницы слышал.
"Well, what then!" Ilya Petrovitch drawled with gentlemanly nonchalance; and he walked with some papers to another table, with a jaunty swing of his shoulders at each step. "Here, if you will kindly look: an author, or a student, has been one at least, does not pay his debts, has given an I O U, won't clear out of his room, and complaints are constantly being lodged against him, and here he has been pleased to make a protest against my smoking in his presence!"	- Да што! - с благородною небрежностью проговорил Илья Петрович (и даже не што, а как-то: "Да-а шта-а!"), переходя с какими-то бумагами к другому столу и картинно передергивая с каждым шагом плечами, куда шаг, туда и плечо; - вот-с, извольте видеть: господин сочинитель, то бишь студент, бывший то есть, денег не платит, векселей надавал, квартиру не очищает, бесперывные на них поступают жалобы, а изволили в претензию войти, что я папироску при них закурил!
He behaves like a cad himself, and just look at him, please. Here's the gentleman, and very attractive he is!"	Сами п-п-подличают, а вот-с, извольте взглянуть на них: вот они в самом своем привлекательном теперь виде-с!
"Poverty is not a vice, my friend, but we	- Бедность не порок, дружище, ну да уж что!

know you go off like powder, you can't bear a slight, I daresay you took offence at something and went too far yourself," continued Nikodim Fomitch, turning affably to Raskolnikov. "But you were wrong there; he is a capital fellow, I assure you, but explosive, explosive!	Известно, порох, не мог обиды перенести. Вы чем-нибудь, верно, против него обиделись и сами не удержались, - продолжал Никодим Фомич, любезно обращаясь к Раскольникову, -но это вы напрасно: на-и-бла-га-а-ар-р-роднейший, я вам скажу, человек, но порох, порох!
He gets hot, fires up, boils over, and no stopping him!	Вспылил, вскипел, сгорел - и нет!
And then it's all over!	И все прошло!

And at the bottom he's a heart of gold!	И в результате одно только золото сердца!
His nickname in the regiment was the Explosive Lieutenant...."	Его и в полку прозвали: "поручик-порох"...
"And what a regiment it was, too," cried Ilya Petrovitch, much gratified at this agreeable banter, though still sulky.	- И какой еще п-п-полк был! - воскликнул Илья Петрович, весьма довольный, что его так приятно пощекотали, но все еще будируя.
Raskolnikov had a sudden desire to say something exceptionally pleasant to them all.	Раскольникову вдруг захотелось сказать им всем что-нибудь необыкновенно приятное.
"Excuse me, Captain," he began easily, suddenly addressing Nikodim Fomitch, "will you enter into my position?..."	- Да помилуйте, капитан, - начал он весьма развязно, обращаясь вдруг к Никодиму Фомичу,- вникните и в мое положение...
I am ready to ask pardon, if I have been ill-mannered.	Я готов даже просить у них извинения, если в чем с своей стороны манкировал.
I am a poor student, sick and shattered (shattered was the word he used) by poverty.	Я бедный и больной студент, удрученный (он так и сказал: "удрученный") бедностью.
I am not studying, because I cannot keep myself now, but I shall get money....	Я бывший студент, потому что теперь не могу содержать себя, но я получу деньги...

I have a mother and sister in the province of X.	У меня мать и сестра в - й губернии...
They will send it to me, and I will pay.	Мне пришлют, и я... заплачу.
My landlady is a good-hearted woman, but she is so exasperated at my having lost my lessons, and not paying her for the last four months, that she does not even send up my dinner... and I don't understand this I O U at all.	Хозяйка моя добрая женщина, но она до того озлилась, что я уроки потерял и не плачу четвертый месяц, что не присылает мне даже обедать... И не понимаю совершенно, какой это вексель!
She is asking me to pay her on this I O U. How am I to pay her? Judge for yourselves!..."	Теперь она с меня требует по заемному этому письму, что ж я ей заплачу, посудите сами!..
"But that is not our business, you know," the head clerk was observing.	- Но это ведь не наше дело... - опять было заметил письмоводитель...
"Yes, yes. I perfectly agree with you. But allow me to explain..." Raskolnikov put in again, still addressing Nikodim Fomitch, but trying his best to address Ilya Petrovitch also, though the latter persistently appeared to be rummaging among his papers and to be contemptuously oblivious of him.	- Позвольте, позвольте, я с вами совершенно согласен, но позвольте и мне разъяснить, -подхватил опять Раскольников, обращаясь не к письмоводителю, а все к Никодиму Фомичу, но стараясь всеми силами обращаться тоже и к Илье Петровичу, хотя тот упорно делал вид, что роется в бумагах и презрительно не обращает на него внимания, - позвольте и мне с своей стороны разъяснить, что я живу у ней уж около трех лет, с самого приезда из провинции и прежде... прежде... впрочем, отчего ж мне и не признаться в свою очередь, с самого начала я дал обещание, что женюсь на ее дочери, обещание словесное, совершенно свободное...

"Allow me to explain that I have been living with her for nearly three years and at first... at first... for why should I not confess it, at the very beginning I promised to marry her daughter, it was a verbal promise, freely given... she was a girl... indeed, I liked her, though I was not in love with her... a youthful affair in fact..."	Это была девушка... впрочем, она мне даже нравилась... хотя я и не был влюблен... одним словом, молодость, то есть я хочу сказать, что хозяйка мне делала тогда много кредиту и я вел отчасти такую жизнь... я
--	--

that is, I mean to say, that my landlady gave me credit freely in those days, and I led a life of... I was very heedless..."	очень был легкомыслен...
"Nobody asks you for these personal details, sir, we've no time to waste," Ilya Petrovitch interposed roughly and with a note of triumph; but Raskolnikov stopped him hotly, though he suddenly found it exceedingly difficult to speak.	- С вас вовсе не требуют таких интимностей, милостисдарь, да и времени нет, - грубо и с торжеством перебил было Илья Петрович, но Раскольников с жаром остановил его, хотя ему чрезвычайно тяжело стало вдруг говорить.
"But excuse me, excuse me. It is for me to explain... how it all happened... In my turn... though I agree with you... it is unnecessary. But a year ago, the girl died of typhus. I remained lodging there as before, and when my landlady moved into her present quarters, she said to me... and in a friendly way... that she had complete trust in me, but still, would I not give her an I O U for one hundred and fifteen roubles, all the debt I owed her.	- Но позвольте, позвольте же мне, отчасти, все рассказать... как было дело и... в свою очередь... хотя это и лишнее, согласен с вами, рассказывать, - но год назад эта девица умерла от тифа, я же остался жильцом, как был, и хозяйка, как переехала на теперешнюю квартиру, сказала мне... и сказала дружески... что она совершенно во мне уверена и все... но что не захочу ли я дать ей это заемное письмо в сто пятнадцать рублей, всего что она считала за мной долгу.
She said if only I gave her that, she would trust me again, as much as I liked, and that she would never, never--those were her own words--make use of that I O U till I could pay of myself... and now, when I have lost my lessons and have nothing to eat, she takes action against me.	Позвольте-с: она именно сказала, что, как только я дам эту бумагу, она опять будет меня кредитовать сколько угодно и что никогда, никогда, в свою очередь, - это ее собственные слова были, - она не воспользуется этой бумагой, покамест я сам заплачу...
What am I to say to that?"	И вот теперь, когда я и уроки потерял и мне есть нечего, она и подает ко взысканию...
"All these affecting details are no business of ours."	Что ж я теперь скажу?
Ilya Petrovitch interrupted rudely. "You must give a written undertaking but as for your love affairs and all these tragic events, we have nothing to do with that."	- Все эти чувствительные подробности, милостисдарь, до нас не касаются, - нагло отрезал Илья Петрович, - вы должны дать отзыв и обязательство, а что вы там изволили быть влюблены и все эти трагические места, до этого нам совсем дела нет.
"Come now... you are harsh," muttered Nikodim Fomitch, sitting down at the table and also beginning to write.	- Ну уж ты... жестоко... - пробормотал Никодим Фомич, усаживаясь к столу и тоже принимаясь подписывать.

He looked a little ashamed.	Ему как-то стыдно стало.
"Write!" said the head clerk to Raskolnikov.	- Пишите же, - сказал письмоводитель Раскольникову.
"Write what?" the latter asked, gruffly.	- Что писать? - спросил тот как-то особенно грубо.
"I will dictate to you."	- А я вам продиктую.

Raskolnikov fancied that the head clerk treated him more casually and contemptuously after his speech, but strange to say he suddenly felt completely indifferent to anyone's opinion, and this revulsion took place in a flash, in one instant.	Раскольникову показалось, что письмоводитель стал с ним небрежнее и презрительнее после его исповеди, но, странное дело, - ему вдруг стало самому решительно все равно до чьего бы то ни было мнения, и перемена эта произошла как-то в один миг, в одну минуту.
If he had cared to think a little, he would have been amazed indeed that he could have talked to them like that a minute before, forcing his feelings upon them.	Если б он захотел подумать немного, то, конечно, удивился бы тому, как мог он так говорить с ними, минуту назад, и даже навязываться с своими чувствами?
And where had those feelings come from?	И откуда взялись эти чувства?
Now if the whole room had been filled, not with police officers, but with those nearest and dearest to him, he would not have found one human word for them, so empty was his heart.	Напротив, теперь, если бы вдруг комната наполнилась не квартальными, а первейшими друзьями его, то и тогда, кажется, не нашлось бы для них у него ни одного человеческого слова, до того вдруг опустело его сердце.
A gloomy sensation of agonising, everlasting solitude and remoteness, took conscious form in his soul.	Мрачное ощущение мучительного, бесконечного уединения и отчуждения вдруг сознательно сказались душе его.
It was not the meanness of his sentimental effusions before Ilya Petrovitch, nor the meanness of the latter's triumph over him that had caused this sudden revulsion in his heart.	Не низость его сердечных излияний перед Ильей Петровичем, не низость и поручикова торжества над ним перевернули вдруг так ему сердце.
Oh, what had he to do now with his own baseness, with all these petty vanities, officers, German women, debts, police-offices?	О, какое ему дело теперь до собственной подлости, до всех этих амбиций, поручиков, немок, взысканий, контор и проч., и проч.!
If he had been sentenced to be burnt at that moment, he would not have stirred, would hardly have heard the sentence to	Если б его приговорили даже сжечь в эту минуту, то и тогда он не шевельнулся бы, даже вряд ли прослушал бы приговор

the end.	внимательно.
Something was happening to him entirely new, sudden and unknown.	С ним совершалось что-то совершенно ему незнакомое, новое, внезапное и никогда не бывалое.
It was not that he understood, but he felt clearly with all the intensity of sensation that he could never more appeal to these people in the police-office with sentimental effusions like his recent outburst, or with anything whatever; and that if they had been his own brothers and sisters and not police-officers, it would have been utterly out of the question to appeal to them in any circumstance of life. He had never experienced such a strange and awful sensation.	Не то чтоб он понимал, но он ясно ощущал, всею силою ощущения, что не только с чувствительными экспансивностями, как давеча, но даже с чем бы то ни было ему уже нельзя более обращаться к этим людям, в квартальной конторе, и будь это все его родные братья и сестры, а не квартальные поручики, то и тогда ему совершенно незачем было бы обращаться к ним и даже ни в каком случае жизни; он никогда еще до сей минуты не испытывал подобного странного и ужасного ощущения.
And what was most agonising--it was more a sensation than a conception or idea, a direct sensation, the most agonising of all the sensations he had known in his life.	И что всего мучительнее - это было более ощущение, чем сознание, чем понятие; непосредственное ощущение, мучительнейшее ощущение из всех до сих пор жизнью пережитых им ощущений.
The head clerk began dictating to him the usual form of declaration, that he could not pay, that he undertook to do so at a future date, that he would not leave the town, nor sell his property, and so on.	Письмоводитель стал диктовать ему форму обыкновенного в таком случае отзыва, то есть заплатить не могу, обещаюсь тогда-то (когда-нибудь), из города не выеду, имущество ни продавать, ни дарить не буду и проч.
"But you can't write, you can hardly hold the pen," observed the head clerk, looking with curiosity at Raskolnikov.	- Да вы писать не можете, у вас перо из рук валится, - заметил письмоводитель, с любопытством вглядываясь в Раскольникова.
"Are you ill?"	- Вы больны?
"Yes, I am giddy.	- Да... голова кругом... говорите дальше!
Go on!" "That's all.	- Да все; подпишитесь.
Sign it." The head clerk took the paper, and turned to attend to others.	Письмоводитель отобрал бумагу и занялся с другими.
Raskolnikov gave back the pen; but instead of getting up and going away, he put his elbows on the table and pressed his head in his hands.	Раскольников отдал перо, но вместо того чтоб встать и уйти, положил оба локтя на стол и стиснул руками голову.

He felt as if a nail were being driven into his skull.	Точно гвоздь ему вбивали в темя.
A strange idea suddenly occurred to him, to get up at once, to go up to Nikodim Fomitch, and tell him everything that had happened yesterday, and then to go with him to his lodgings and to show him the things in the hole in the corner.	Странная мысль пришла ему вдруг: встать сейчас, подойти к Никодиму Фомичу и рассказать ему все вчерашнее, все до последней подробности, затем пойти вместе с ними на квартиру и указать им вещи, в углу, в дыре.
The impulse was so strong that he got up from his seat to carry it out.	Позыв был до того силен, что он уже встал с места, для исполнения.
"Hadn't I better think a minute?" flashed through his mind.	"Не обдумать ли хоть минуту? - пронеслось в его голове.
"No, better cast off the burden without thinking."	- Нет, лучше и не думая, и с плеч долой!"
But all at once he stood still, rooted to the spot. Nikodim Fomitch was talking eagerly with Ilya Petrovitch, and the words reached him:	Но вдруг он остановился как вкопанный: Никодим Фомич говорил с жаром Илье Петровичу, и до него долетели слова:
"It's impossible, they'll both be released.	- Быть не может, обоих освободят!
To begin with, the whole story contradicts itself. Why should they have called the porter, if it had been their doing?	Во-первых, все противоречит; судите: зачем им дворника звать, если б это их дело?
To inform against themselves?	На себя доносить, что ли?
Or as a blind?	Аль для хитрости?
No, that would be too cunning!	Нет, уж было бы слишком хитро!
Besides, Pestryakov, the student, was seen at the gate by both the porters and a woman as he went in. He was walking with three friends, who left him only at the gate, and he asked the porters to direct him, in the presence of the friends.	И, наконец, студента Пестрякова видели у самых ворот оба дворника и мещанка в самую ту минуту, как он входил: он шел с тремя приятелями и расстался с ними у самых ворот и о жительстве у дворников расспрашивал, еще при приятелях.
Now, would he have asked his way if he had been going with such an object?	Ну, станет такой о жительстве расспрашивать, если с таким намерением шел?
As for Koch, he spent half an hour at the silversmith's below, before he went up to the old woman and he left him at exactly a quarter to eight.	А Кох, так тот, прежде чем к старухе заходить, внизу у серебряника полчаса сидел и ровно без четверти восемь от него к старухе наверх пошел.

Now just consider..."	Теперь сообразите...
"But excuse me, how do you explain this contradiction? They state themselves that they knocked and the door was locked; yet three minutes later when they went up with the porter, it turned out the door was unfastened."	- Но позвольте, как же у них такое противоречие вышло: сами уверяют, что стучались и что дверь была заперта, а через три минуты, когда с дворником пришли, выходит, что дверь отперта?
"That's just it; the murderer must have been there and bolted himself in; and they'd have caught him for a certainty if Koch had not been an ass and gone to look for the porter too. _He_ must have seized the interval to get downstairs and slip by them somehow."	- В том и штука: убийца непременно там сидел и заперся на запор; и непременно бы его там накрыли, если бы не Кох сдурил, не отправился сам за дворником. А он именно в этот-то промежуток и успел спуститься по лестнице и прошмыгнуть мимо их как-нибудь.
Koch keeps crossing himself and saying:	Кох обеими руками крестится:
'If I had been there, he would have jumped out and killed me with his axe.'	"Если б я там, говорит, остался, он бы выскочил и меня убил топором".
He is going to have a thanksgiving service--ha, ha!"	Русский молебен хочет служить, хе-хе!..
"And no one saw the murderer?"	- А убийцу никто и не видал?
"They might well not see him; the house is a regular Noah's Ark," said the head clerk, who was listening.	- Да где ж тут увидеть? Дом - Ноев ковчег, - заметил письмоводитель, прислушивавшийся с своего места.
"It's clear, quite clear," Nikodim Fomitch repeated warmly.	- Дело ясное, дело ясное! - горячо повторил Никодим Фомич.
"No, it is anything but clear," Ilya Petrovitch maintained.	- Нет, дело очень неясное, - скрепил Илья Петрович.
Raskolnikov picked up his hat and walked towards the door, but he did not reach it....	Раскольников поднял свою шляпу и пошел к дверям, но до дверей он не дошел...
When he recovered consciousness, he found himself sitting in a chair, supported by someone on the right side, while someone else was standing on the left, holding a yellowish glass filled with yellow water, and Nikodim Fomitch standing before him, looking intently at him. He got up from the chair.	Когда он очнулся, то увидел, что сидит на стуле, что его поддерживает справа какой-то человек, что слева стоит другой человек, с желтым стаканом, наполненным желтой водою, и что Никодим Фомич стоит перед ним и пристально глядит на него; он встал со стула.
"What's this? Are you ill?" Nikodim Fomitch asked, rather sharply.	- Что это, вы больны? - довольно резко спросил Никодим Фомич.

"He could hardly hold his pen when he was signing," said the head clerk, settling back in his place, and taking up his work again.	- Они и как подписывались, так едва пером водили, - заметил письмоводитель, усаживаясь на свое место и принимаясь опять за бумаги.
"Have you been ill long?" cried Ilya Petrovitch from his place, where he, too, was looking through papers.	- А давно вы больны? - крикнул Илья Петрович с своего места и тоже перебирая бумаги.
He had, of course, come to look at the sick man when he fainted, but retired at once when he recovered.	Он, конечно, тоже рассматривал больного, когда тот был в обмороке, но тотчас же отошел, когда тот очнулся.

"Since yesterday," muttered Raskolnikov in reply.	- Со вчерашнего... - пробормотал в ответ Раскольников.
"Did you go out yesterday?"	- А вчера со двора выходили?
"Yes."	- Выходил.
"Though you were ill?"	- Больной?
"Yes."	- Больной.
"At what time?"	- В котором часу?
"About seven."	- В восьмом часу вечера.
"And where did you go, my I ask?"	- А куда, позвольте спросить?
"Along the street."	- По улице.
"Short and clear."	- Коротко и ясно.
Raskolnikov, white as a handkerchief, had answered sharply, jerkily, without dropping his black feverish eyes before Ilya Petrovitch's stare.	Раскольников отвечал резко, отрывисто, весь бледный как платок и не опуская черных воспаленных глаз своих перед взглядом Ильи Петровича.
"He can scarcely stand upright. And you..." Nikodim Fomitch was beginning.	- Он едва на ногах стоит, а ты... - заметил было Никодим Фомич.
"No matter," Ilya Petrovitch pronounced rather peculiarly.	- Ни-че-го! - как-то особенно проговорил Илья Петрович.
Nikodim Fomitch would have made some further protest, but glancing at the head clerk who was looking very hard at him, he did not speak.	Никодим Фомич хотел было еще что-то присовокупить, но, взглянув на письмоводителя, который тоже очень пристально смотрел на него, замолчал.
There was a sudden silence.	Все вдруг замолчали.
It was strange.	Странно было.
"Very well, then," concluded Ilya	- Ну-с, хорошо-с, - заключил Илья Петрович, -

Petrovitch, "we will not detain you."	мы вас не задерживаем.
Raskolnikov went out.	Раскольников вышел.
He caught the sound of eager conversation on his departure, and above the rest rose the questioning voice of Nikodim Fomitch.	Он еще мог расслышать, как по выходе его начался оживленный разговор, в котором слышнее всех отдавался вопросительный голос Никодима Фомича...
In the street, his faintness passed off completely.	На улице он совсем очнулся.
"A search--there will be a search at once," he repeated to himself, hurrying home. "The brutes! they suspect."	"Обыск, обыск, сейчас обыск! - повторял он про себя, торопясь дойти; - разбойники! подозревают!"
His former terror mastered him completely again.	Давешний страх опять охватил его всего, с ног до головы.
CHAPTER II	II
"And what if there has been a search already?"	"А что, если уж и был обыск?"
What if I find them in my room?"	Что, если их как раз у себя и застану?"

But here was his room.	Но вот его комната.
Nothing and no one in it. No one had peeped in.	Ничего и никого; никто не заглядывал.
Even Nastasya had not touched it.	Даже Настасья не притрогивалась.
But heavens! how could he have left all those things in the hole?	Но, господи! Как мог он оставить давеча все эти вещи в этой дыре?
He rushed to the corner, slipped his hand under the paper, pulled the things out and lined his pockets with them.	Он бросился в угол, запустил руку под обои и стал вытаскивать вещи и нагружать ими карманы.
There were eight articles in all: two little boxes with ear-rings or something of the sort, he hardly looked to see; then four small leather cases.	Всего оказалось восемь штук: две маленькие коробки с серьгами или с чем-то в этом роде - он хорошенько не посмотрел; потом четыре небольшие сафьянные футляра.
There was a chain, too, merely wrapped in newspaper and something else in newspaper, that looked like a decoration....	Одна цепочка была просто завернута в газетную бумагу. Еще что-то в газетной бумаге, кажется орден...
He put them all in the different pockets of his overcoat, and the remaining pocket of his trousers, trying to conceal them as much as possible.	Он поклапал все в разные карманы, в пальто и в оставшийся правый карман панталон, стараясь, чтоб было неприметнее.
He took the purse, too.	Кошелек тоже взял заодно с вещами.
Then he went out of his room, leaving the door open.	Затем вышел из комнаты, на этот раз даже оставив ее совсем настежь.
He walked quickly and resolutely, and though he felt shattered, he had his senses about him.	Он шел скоро и твердо, и хоть чувствовал, что весь изломан, но сознание было при нем.
He was afraid of pursuit, he was afraid that in another half-hour, another quarter of an hour perhaps, instructions would be issued for his pursuit, and so at all costs, he must hide all traces before then.	Боялся он погони, боялся, что через полчаса, через четверть часа уже выйдет, пожалуй, инструкция следить за ним; стало быть, во что бы ни стало, надо было до времени схоронить концы.
He must clear everything up while he still had some strength, some reasoning power left him....	Надо было управиться, пока еще оставалось хоть сколько-нибудь сил и хоть какое-нибудь рассуждение...
Where was he to go?	Куда же идти?
That had long been settled:	Это было уже давно решено:
"Fling them into the canal, and all traces	

hidden in the water, the thing would be at an end."	"Бросить все в канаву, и концы в воду, и дело с концом".
So he had decided in the night of his delirium when several times he had had the impulse to get up and go away, to make haste, and get rid of it all.	Так порешил он еще ночью, в бреду, в те мгновения, когда, он помнил это, несколько раз порывался встать и идти: "поскорей, поскорей, и все выбросить".
But to get rid of it, turned out to be a very difficult task.	Но выбросить оказалось очень трудно.
He wandered along the bank of the Ekaterininsky Canal for half an hour or more and looked several times at the steps running down to the water, but he could not think of carrying out his plan; either rafts stood at the steps' edge, and women were washing clothes on them, or boats were moored there, and people were swarming everywhere. Moreover he could be seen and noticed from the banks on all sides; it would look suspicious for a man to go down on purpose, stop, and throw something into the water.	Он бродил по набережной Екатерининского канала уже с полчаса, а может и более, и несколько раз посматривал на сходы в канаву, где их встречал. Но и подумать нельзя было исполнить намерение: или плоты стояли у самых сходов и на них прачки мыли белье, или лодки были причалены, и везде люди так и кишат, да и отовсюду с набережных, со всех сторон, можно видеть, заметить: подозрительно, что человек нарочно сошел, остановился и что-то в воду бросает.
And what if the boxes were to float instead of sinking?	А ну как футляры не утонут, а поплывут?
And of course they would.	Да и конечно так.
Even as it was, everyone he met seemed to stare and look round, as if they had nothing to do but to watch him.	Всякий увидит. И без того уже все так и смотрят, встречаясь, оглядывают, как будто им и дело только до него.
"Why is it, or can it be my fancy?" he thought.	"Отчего бы так, или мне, может быть, кажется", - думал он.
At last the thought struck him that it might be better to go to the Neva.	Наконец, пришло ему в голову, что не лучше ли будет пойти куда-нибудь на Неву?
There were not so many people there, he would be less observed, and it would be more convenient in every way, above all it was further off.	Там и людей меньше, и незаметнее, и во всяком случае удобнее, а главное - от здешних мест дальше.
He wondered how he could have been wandering for a good half-hour, worried and anxious in this dangerous past without thinking of it before.	И удивился он вдруг: как это он целые полчаса бродил в тоске и тревоге, и в опасных местах, а этого не мог раньше выдумать!

And that half-hour he had lost over an irrational plan, simply because he had thought of it in delirium!	И потому только целые полчаса на безрассудное дело убил, что так уже раз во сне, в бреду решено было!
He had become extremely absent and forgetful and he was aware of it.	Он становился чрезвычайно рассеян и забывчив и знал это.
He certainly must make haste.	Решительно надо было спешить!
He walked towards the Neva along V—Prospect, but on the way another idea struck him.	Он пошел к Неве по В-му проспекту; но дорогою ему пришла вдруг еще мысль:
"Why to the Neva?"	"Зачем на Неву?"
Would it not be better to go somewhere far off, to the Islands again, and there hide the things in some solitary place, in a wood or under a bush, and mark the spot perhaps?"	Зачем в воду? Не лучше ли уйти куда-нибудь очень далеко, опять хоть на Острова, и там где-нибудь, в одиноком месте, в лесу, под кустом, - зарыть все это и дерево, пожалуй, заметить?"
And though he felt incapable of clear judgment, the idea seemed to him a sound one. But he was not destined to go there.	И хотя он чувствовал, что не в состоянии всего ясно и здраво обсудить в эту минуту, но мысль ему показалась безошибочною.

For coming out of V—Prospect towards the square, he saw on the left a passage leading between two blank walls to a courtyard.	Но и на Острова ему не суждено было попасть, а случилось другое: выходя с В--го проспекта на площадь, он вдруг увидел налево вход во двор, обставленный совершенно глухими стенами.
On the right hand, the blank unwhitewashed wall of a four-storied house stretched far into the court; on the left, a wooden hoarding ran parallel with it for twenty paces into the court, and then turned sharply to the left.	Справа, тотчас же по входе в ворота, далеко во двор тянулась глухая небеленая стена соседнего четырехэтажного дома. Слева, параллельно глухой стене и тоже сейчас от ворот, шел деревянный забор, шагов на двадцать в глубь двора, и потом уже делал перелом влево.
Here was a deserted fenced-off place where rubbish of different sorts was lying.	Это было глухое отгороженное место, где лежали какие-то материалы.
At the end of the court, the corner of a low, smutty, stone shed, apparently part of some workshop, peeped from behind the hoarding.	Далее, в углублении двора, выглядывал из-за забора угол низкого, закопченного, каменного сарая, очевидно часть какойнибудь мастерской.
It was probably a carriage builder's or carpenter's shed; the whole place from the entrance was black with	Тут, верно, было какое-то заведение, каретное или слесарное, или что-нибудь в этом роде; везде, почти от самых ворот, чернелось много

coal dust.	угольной пыли.
Here would be the place to throw it, he thought.	"Вот бы куда подбросить и уйти!" - вздумалось ему вдруг.
Not seeing anyone in the yard, he slipped in, and at once saw near the gate a sink, such as is often put in yards where there are many workmen or cab-drivers; and on the hoarding above had been scribbled in chalk the time-honoured witticism,	Не замечая никого во дворе, он прошагнул в ворота и как раз увидал, сейчас же близ ворот, прилаженный у забора желоб (как и часто устраивается в таких домах, где много фабричных, артельных, извозчиков и проч.), а над желобом, тут же на заборе, надписана была мелом всегдашняя в таких случаях острота:
"Standing here strictly forbidden."	"Сдесь становитца воз прещено".
This was all the better, for there would be nothing suspicious about his going in.	Стало быть, уж и тем хорошо, что никакого подозрения, что зашел и остановился.
"Here I could throw it all in a heap and get away!"	"Тут все так разом и сбросить где-нибудь в кучку и уйти!"
Looking round once more, with his hand already in his pocket, he noticed against the outer wall, between the entrance and the sink, a big unhewn stone, weighing perhaps sixty pounds. The other side of the wall was a street.	Оглядевшись еще раз, он уже засунул и руку в карман, как вдруг у самой наружной стены, между воротами и желобом, где все расстояние было шириною в аршин, заметил он большой неотесанный камень, примерно, может быть, пуда в полтора весу, прилежавший прямо к каменной уличной стене.
He could hear passers-by, always numerous in that part, but he could not be seen from the entrance, unless someone came in from the street, which might well happen indeed, so there was need of haste.	За этою стеной была улица, тротуар, слышно было, как шныряли прохожие, которых здесь всегда немало; но за воротами его никто не мог увидеть, разве зашел бы кто с улицы, что, впрочем, очень могло случиться, а потому надо было спешить.

He bent down over the stone, seized the top of it firmly in both hands, and using all his strength turned it over.	Он нагнулся к камню, схватился за верхушку его крепко, обеими руками, собрал все свои силы и перевернул камень.
Under the stone was a small hollow in the ground, and he immediately emptied his pocket into it.	Под камнем образовалось небольшое углубление; тотчас же стал он бросать в него все из кармана.
The purse lay at the top, and yet the hollow was not filled up.	Кошелек пришелся на самый верх, и все-таки в углублении оставалось еще место.
Then he seized the stone again and with one twist turned it back, so that it was in	Затем он снова схватился за камень, одним оборотом перевернул его на прежнюю сторону, и он как раз пришелся в свое

the same position again, though it stood a very little higher.	прежнее место, разве немного, чуть-чуть казался повыше.
But he scraped the earth about it and pressed it at the edges with his foot.	Но он подгреб земли и придавил по краям ногою.
Nothing could be noticed.	Ничего не было заметно.
Then he went out, and turned into the square.	Тогда он вышел и направился к площади.
Again an intense, almost unbearable joy overwhelmed him for an instant, as it had in the police-office.	Опять сильная, едва выносимая радость, как давеча в конторе, овладела им на мгновение.
"I have buried my tracks!	"Схоронены концы!
And who, who can think of looking under that stone?	И кому, кому в голову может прийти искать под этим камнем?
It has been lying there most likely ever since the house was built, and will lie as many years more.	Он тут, может быть, с построения дома лежит и еще столько же пролежит.
And if it were found, who would think of me?	А хоть бы и нашли: кто на меня подумает?
It is all over!	Все кончено!
No clue!"	Нет улик!" - и он засмеялся.
And he laughed. Yes, he remembered that he began laughing a thin, nervous noiseless laugh, and went on laughing all the time he was crossing the square.	Да, он помнил потом, что он засмеялся нервным, мелким, неслышным, долгим смехом, и все смеялся, все время, как проходил через площадь.
But when he reached the K— Boulevard where two days before he had come upon that girl, his laughter suddenly ceased.	Но когда он ступил на К-й бульвар, где третьего дня повстречался с тою девочкой, смех его вдруг прошел.
Other ideas crept into his mind.	Другие мысли полезли ему в голову.
He felt all at once that it would be loathsome to pass that seat on which after the girl was gone, he had sat and pondered, and that it would be hateful, too, to meet that whiskered policeman to whom he had given the twenty copecks:	Показалось ему вдруг тоже, что ужасно ему теперь отвратительно проходить мимо той скамейки, на которой он тогда, по уходе девочки, сидел и раздумывал, и ужасно тоже будет тяжело встретить опять того усача, которому от тогда дал двугривенный:
"Damn him!"	"Черт его возьми!"
He walked, looking about him angrily and	Он шел, смотря кругом рассеяннo и злобно.

distractedly.	
All his ideas now seemed to be circling round some single point, and he felt that there really was such a point, and that now, now, he was left facing that point--and for the first time, indeed, during the last two months.	Все мысли его кружились теперь около одного какого-то главного пункта, - и он сам чувствовал, что это действительно такой главный пункт и есть и что теперь, именно теперь, он остался один на один с этим главным пунктом, - и что это даже в первый раз после этих двух месяцев.
"Damn it all!" he thought suddenly, in a fit of ungovernable fury.	"А черт возьми это все! - подумал он вдруг в припадке неистощимой злобы.
"If it has begun, then it has begun. Hang the new life!	- Ну началось, так и началось, черт с ней и с новою жизнью!
Good Lord, how stupid it is!...	Как это, господи, глупо!...
And what lies I told to-day!	А сколько я налгал и наподличал сегодня!
How despicably I fawned upon that wretched Ilya Petrovitch!	Как мерзко лебезил и заигрывал давеча с сквернейшим Ильей Петровичем!
But that is all folly!	А впрочем, вздор и это!
What do I care for them all, and my fawning upon them!	Наплевать мне на них на всех, да и на то, что я лебезил и заигрывал!
It is not that at all!	Совсем не то!
It is not that at all!"	Совсем не то!..
Suddenly he stopped; a new utterly unexpected and exceedingly simple question perplexed and bitterly confounded him.	Вдруг он остановился; новый, совершенно неожиданный и чрезвычайно простой вопрос разом сбил его с толку и горько его изумил:
"If it all has really been done deliberately and not idiotically, if I really had a certain and definite object, how is it I did not even glance into the purse and don't know what I had there, for which I have undergone these agonies, and have deliberately undertaken this base, filthy degrading business?	"Если действительно все это дело сделано было сознательно, а не по-дурацки, если у тебя действительно была определенная и твердая цель, то каким же образом ты до сих пор даже и не заглянул в кошелек и не знаешь, что тебе досталось, из-за чего все муки принял и на такое подлое, гадкое, низкое дело сознательно шел?
And here I wanted at once to throw into the water the purse together with all the things which I had not seen either... how's that?"	Да ведь ты в воду его хотел сейчас бросить, кошелек-то, вместе со всеми вещами, которых ты тоже еще не видал...
Yes, that was so, that was all so.	Это как же?"

Yet he had known it all before, and it was not a new question for him, even when it was decided in the night without hesitation and consideration, as though so it must be, as though it could not possibly be otherwise....	Да, это так; это все так. Он, впрочем, это и прежде знал, и совсем это не новый вопрос для него; и когда ночью решено было в воду кинуть, то решено было безо всякого колебания и возражения, а так, как будто так тому и следует быть, как будто иначе и быть невозможно...
Yes, he had known it all, and understood it all; it surely had all been settled even yesterday at the moment when he was bending over the box and pulling the jewel-cases out of it....	Да, он это все знал и все помнил; да чуть ли это уже вчера не было так решено, в ту самую минуту, когда он над сундуком сидел и футляры из него таскал...
Yes, so it was.	А ведь так!..

"It is because I am very ill," he decided grimly at last, "I have been worrying and fretting myself, and I don't know what I am doing....	"Это оттого что я очень болен, - угрюмо решил он наконец, - я сам измучил и истерзал себя, и сам не знаю, что делаю...
Yesterday and the day before yesterday and all this time I have been worrying myself....	И вчера, и третьего дня, и все это время терзал себя...
I shall get well and I shall not worry....	Выздоровлю и... не буду терзать себя...
But what if I don't get well at all?	А ну как совсем и не выздоровлю?
Good God, how sick I am of it all!"	Господи! Как это мне все надоело!.."
He walked on without resting.	Он шел не останавливаясь.
He had a terrible longing for some distraction, but he did not know what to do, what to attempt.	Ему ужасно хотелось как-нибудь рассеяться, но он не знал, что сделать и что предпринять.
A new overwhelming sensation was gaining more and more mastery over him every moment; this was an immeasurable, almost physical, repulsion for everything surrounding him, an obstinate, malignant feeling of hatred.	Одно новое, непреодолимое ощущение овладевало им все более и более почти с каждой минутой: это было какое-то бесконечное, почти физическое отвращение ко всему встречавшемуся и окружающему, упорное, злобное, ненавистное.
All who met him were loathsome to him-- he loathed their faces, their movements, their gestures.	Ему гадки были все встречные, - гадки были их лица, походка, движения.
If anyone had addressed him, he felt that he might have spat at him or bitten him....	Просто наплевал бы на кого-нибудь, укусил бы, кажется, если бы кто-нибудь с ним заговорил...

He stopped suddenly, on coming out on the bank of the Little Neva, near the bridge to Vassilyevsky Ostrov.	Он остановился вдруг, когда вышел на набережную Малой Невы, на Васильевском острове, подле моста.
"Why, he lives here, in that house," he thought, "why, I have not come to Razumihin of my own accord!	"Вот тут он живет, в этом доме, - подумал он. -Что это, да никак я к Разумихину сам пришел!
Here it's the same thing over again....	Опять та же история, как тогда...
Very interesting to know, though; have I come on purpose or have I simply walked here by chance?	А очень, однако же, любопытно: сам я пришел или просто шел да сюда зашел?
Never mind, I said the day before yesterday that I would go and see him the day _after_; well, and so I will!	Все равно; сказал я... третьего дня... что к нему после того на другой день пойду, ну что ж, и пойду!
Besides I really cannot go further now."	Будто уж я и не могу теперь зайти..."
He went up to Razumihin's room on the fifth floor.	Он поднялся к Разумихину в пятый этаж.
The latter was at home in his garret, busily writing at the moment, and he opened the door himself.	Тот был дома, в своей каморке, и в эту минуту занимался, писал, и сам ему отпер.
It was four months since they had seen each other.	Месяца четыре как они не видались.
Razumihin was sitting in a ragged dressing-gown, with slippers on his bare feet, unkempt, unshaven and unwashed.	Разумихин сидел у себя в истрепанном до лохмотьев халате, в туфлях на босу ногу, всклокоченный, небритый и неумытый.
His face showed surprise.	На лице его выразилось удивление.

"Is it you?" he cried. He looked his comrade up and down; then after a brief pause, he whistled.	- Что ты? - закричал он, осматривая с ног до головы вошедшего товарища; затем помолчал и присвистнул.
"As hard up as all that!	- Неужели уж так плохо?
Why, brother, you've cut me out!" he added, looking at Raskolnikov's rags.	Да ты, брат, нашего брата перещеголял, -прибавил он, глядя на лохмотья Раскольникова.
"Come sit down, you are tired, I'll be bound." And when he had sunk down on the American leather sofa, which was in even worse condition than his own, Razumihin saw at once that his visitor was ill.	- Да садись же, устал небось! - и когда тот повалился на клеенчатый турецкий диван, который был еще хуже его собственного, Разумихин разглядел вдруг, что гость его болен.
	- Да ты серьезно болен, знаешь ты это?

"Why, you are seriously ill, do you know that?"	
He began feeling his pulse. Raskolnikov pulled away his hand.	- Он стал щупать его пульс; Раскольников вырвал руку.
"Never mind," he said, "I have come for this: I have no lessons.... I wanted,... but I don't really want lessons...."	- Не надо, - сказал он, - я пришел... вот что: у меня уроков никаких... я хотел было... впрочем, мне совсем не надо уроков...
"But I say!	- А знаешь что?
You are delirious, you know!" Razumihin observed, watching him carefully.	Ведь ты бредишь! - заметил наблюдавший его пристально Разумихин.
"No, I am not."	- Нет, не брежу...
Raskolnikov got up from the sofa.	- Раскольников встал с дивана.
As he had mounted the stairs to Razumihin's, he had not realised that he would be meeting his friend face to face.	Подымаясь к Разумихину, он не подумал о том, что с ним, стало быть, лицом к лицу сойтись должен.
Now, in a flash, he knew, that what he was least of all disposed for at that moment was to be face to face with anyone in the wide world.	Теперь же, в одно мгновение, догадался он, уже на опыте, что всего менее расположен, в эту минуту, сходиться лицом к лицу с кем бы то ни было в целом свете.
His spleen rose within him.	Вся желчь поднялась в нем.
He almost choked with rage at himself as soon as he crossed Razumihin's threshold.	Он чуть не захлебнулся от злобы на себя самого, только что переступил порог Разумихина.
"Good-bye," he said abruptly, and walked to the door.	- Прощай! - сказал он вдруг и пошел к двери.
"Stop, stop! You queer fish."	- Да ты постой, постой, чужак!
"I don't want to," said the other, again pulling away his hand.	- Не надо!.. - повторил тот, опять вырывая руку.
"Then why the devil have you come?"	- Так на кой черт ты пришел после этого!
Are you mad, or what?	Очумел ты, что ли?
Why, this is... almost insulting!	Ведь это... почти обидно.
I won't let you go like that."	Я так не пущу.

"Well, then, I came to you because I know no one but you who could help... to begin... because you are kinder than anyone--	- Ну, слушай: я к тебе пришел, потому что, кроме тебя, никого не знаю, кто бы помог... начать... потому что ты всех их
---	--

cleverer, I mean, and can judge... and now I see that I want nothing. Do you hear? Nothing at all... no one's services... no one's sympathy. I am by myself... alone.	добрее, то есть умнее, и обсудить можешь... А теперь я вижу, что ничего мне не надо, слышишь, совсем ничего... ничьих услуг и участия... Я сам... один...
Come, that's enough.	Ну и довольно!
Leave me alone."	Оставьте меня в покое!
"Stay a minute, you sweep!	- Да постой на минутку, трубочист!
You are a perfect madman.	Совсем сумасшедший!
As you like for all I care.	По мне ведь как хочешь.
I have no lessons, do you see, and I don't care about that, but there's a bookseller, Heruvimov--and he takes the place of a lesson.	Видишь ли: уроков и у меня нет, да и наплевать, а есть на Толкучем книгопродавец Херувимов, это уж сам в своем роде урок.
I would not exchange him for five lessons.	Я его теперь на пять купеческих уроков не променяю.
He's doing publishing of a kind, and issuing natural science manuals and what a circulation they have!	Он этикие издания делает и естественнонаучные книжонки выпускает, - да как расходятся-то!
The very titles are worth the money!	Одни заглавия чего стоят!
You always maintained that I was a fool, but by Jove, my boy, there are greater fools than I am!	Вот ты всегда утверждал, что я глуп; ей-богу, брат, есть глупее меня!
Now he is setting up for being advanced, not that he has an inkling of anything, but, of course, I encourage him.	Теперь в направление тоже полез; сам ни бельмеса не чувствует, ну а я, разумеется, поощряю.
Here are two signatures of the German text--in my opinion, the crudest charlatanism; it discusses the question, 'Is woman a human being?'	Вот тут два с лишком листа немецкого текста, - по-моему, глупейшего шарлатанства: одним словом, рассматривается, человек ли женщина или не человек?
And, of course, triumphantly proves that she is.	Ну и, разумеется, торжественно доказывается, что человек.
Heruvimov is going to bring out this work as a contribution to the woman question; I am translating it; he will expand these two and a half signatures into six, we shall make up a gorgeous title half a page long and bring it out at half a rouble.	Херувимов это по части женского вопроса готовит; я перевожу; растянет он эти два с половиной листа листов на шесть, присочиним пышнейшее заглавие в полстраницы и пустим по полтиннику.

It will do!	Сойдет!
He pays me six roubles the signature, it works out to about fifteen roubles for the job, and I've had six already in advance.	За перевод мне по шести целковых с листа, значит, за все рублей пятнадцать достанется, и шесть рублей взял я вперед.
When we have finished this, we are going to begin a translation about whales, and then some of the dullest scandals out of the second part of _Les Confessions_ we have marked for translation; somebody has told Heruvimov, that Rousseau was a kind of Radishchev.	Кончим это, начнем об китах переводить, потом из второй части "Confessions" какие-то скучнейшие сплетни тоже отметили, переводить будем; Херувимову кто-то сказал, что будто бы Руссо в своем роде Радищев.

You may be sure I don't contradict him, hang him!	Я, разумеется, не противоречу, черт с ним!
Well, would you like to do the second signature of '_Is woman a human being?_' If you would, take the German and pens and paper--all those are provided, and take three roubles; for as I have had six roubles in advance on the whole thing, three roubles come to you for your share.	Ну, хочешь второй лист "Человек ли женщина?" переводить? Коли хочешь, так бери сейчас текст, перьев бери, бумаги - все это казенное - и бери три рубля: так как я за весь перевод вперед взял, за первый и за второй лист, то, стало быть, три рубля прямо на твой пай и придутся.
And when you have finished the signature there will be another three roubles for you.	А кончишь лист - еще три целковых получишь.
And please don't think I am doing you a service; quite the contrary, as soon as you came in, I saw how you could help me; to begin with, I am weak in spelling, and secondly, I am sometimes utterly adrift in German, so that I make it up as I go along for the most part. The only comfort is, that it's bound to be a change for the better.	Да вот что еще, пожалуйста, за услугу какую-нибудь не считай с моей стороны. Напротив, только что ты вошел, я уж и рассчитал, чем ты мне будешь полезен. Во-первых, я в орфографии плох, а во-вторых, в немецком иногда просто швах, так что все больше от себя сочиняю и только тем и утешаюсь, что от этого еще лучше выходит.
Though who can tell, maybe it's sometimes for the worse.	Ну а кто его знает, может быть, оно и не лучше, а хуже выходит...
Will you take it?"	Берешь или нет?
Raskolnikov took the German sheets in silence, took the three roubles and without a word went out.	Раскольников молча взял немецкие листки статьи, взял три рубля и, не сказав ни слова, вышел.
Razumihin gazed after him in astonishment.	Разумихин с удивлением поглядел ему вслед.

But when Raskolnikov was in the next street, he turned back, mounted the stairs to Razumihin's again and laying on the table the German article and the three roubles, went out again, still without uttering a word.	Но дойдя уже до первой линии, Раскольников вдруг воротился, поднялся опять к Разумихину и, положив на стол и немецкие листы, и три рубля, опять-таки ни слова не говоря, пошел вон.
"Are you raving, or what?" Razumihin shouted, roused to fury at last.	- Да у тебя белая горячка, что ль! - заревел взбесившийся наконец Разумихин.
"What farce is this?"	- Чего ты комедии-то разыгрываешь!
You'll drive me crazy too... what did you come to see me for, damn you?"	Даже меня сбил с толку... Зачем же ты приходил после этого, черт?
"I don't want... translation," muttered Raskolnikov from the stairs.	- Не надо... переводов... - пробормотал Раскольников, уже спускаясь с лестницы.
"Then what the devil do you want?" shouted Razumihin from above.	- Так какого ты тебе черта надо? - закричал сверху Разумихин.
Raskolnikov continued descending the staircase in silence.	Тот молча продолжал спускаться.
"Hey, there!"	- Эй, ты!
Where are you living?"	Где ты живешь?
No answer.	Ответа не последовало.
"Well, confound you then!"	- Ну так чер-р-рт с тобой!..
But Raskolnikov was already stepping into the street.	Но Раскольников уже выходил на улицу.

On the Nikolaevsky Bridge he was roused to full consciousness again by an unpleasant incident.	На Николаевском мосту ему пришлось еще раз вполне очнуться вследствие одного весьма неприятного для него случая.
A coachman, after shouting at him two or three times, gave him a violent lash on the back with his whip, for having almost fallen under his horses' hoofs.	Его плотно хлестнул кнутом по спине кучер одной коляски, за то что он чуть-чуть не попал под лошадей, несмотря на то что кучер раза три или четыре ему кричал.
The lash so infuriated him that he dashed away to the railing (for some unknown reason he had been walking in the very middle of the bridge in the traffic). He angrily clenched and ground his teeth.	Удар кнута так разозлил его, что он, отскочив к перилам (неизвестно почему он шел по самой середине моста, где ездят, а не ходят), злобно заскрежетал и защелкал зубами.
He heard laughter, of course.	Кругом, разумеется, раздавался смех.

"Serves him right!"	- И за дело!
"A pickpocket I dare say."	- Выжига какая-нибудь.
"Pretending to be drunk, for sure, and getting under the wheels on purpose; and you have to answer for him."	- Известно, пьяным представится да нарочно и лезет под колеса; а ты за него отвечай.
"It's a regular profession, that's what it is."	- Тем промышляют, почтенный, тем промышляют...
But while he stood at the railing, still looking angry and bewildered after the retreating carriage, and rubbing his back, he suddenly felt someone thrust money into his hand.	Но в ту минуту, как он стоял у перил и все еще бессмысленно и злобно смотрел вслед удалявшейся коляске, потирая спину, вдруг он почувствовал, что кто-то сует ему в руки деньги.
He looked. It was an elderly woman in a kerchief and goatskin shoes, with a girl, probably her daughter wearing a hat, and carrying a green parasol.	Он посмотрел: пожилая купчиха, в головке и козловых башмаках, и с нею девушка, в шляпке и с зеленым зонтиком, вероятно дочь.
"Take it, my good man, in Christ's name."	"Прими, батюшка, ради Христа".
He took it and they passed on.	Он взял и они прошли мимо.
It was a piece of twenty copecks.	Денег двугривенный.
From his dress and appearance they might well have taken him for a beggar asking alms in the streets, and the gift of the twenty copecks he doubtless owed to the blow, which made them feel sorry for him.	По платью и по виду они очень могли принять его за нищего, за настоящего собирателя грошей на улице, а подаче целого двугривенного он, наверно, обязан был удару кнута, который их разжалобил.
He closed his hand on the twenty copecks, walked on for ten paces, and turned facing the Neva, looking towards the palace.	Он зажал двугривенный в руку, прошел шагов десять и оборотился лицом к Неве, по направлению дворца.
The sky was without a cloud and the water was almost bright blue, which is so rare in the Neva.	Небо было без малейшего облачка, а вода почти голубая, что на Неве так редко бывает.
The cupola of the cathedral, which is seen at its best from the bridge about twenty paces from the chapel, glittered in the sunlight, and in the pure air every ornament on it could be clearly distinguished.	Купол собора, который ни с какой точки не обрисовывается лучше, как смотря на него отсюда, с моста, не доходя шагов двадцать до часовни, так и сиял, и сквозь чистый воздух можно было отчетливо разглядеть даже каждое его украшение.

The pain from the lash went off, and Raskolnikov forgot about it; one uneasy and not quite definite idea occupied him now completely.	Боль от кнута утихла, и Раскольников забыл про удар; одна беспокойная и не совсем ясная мысль занимала его теперь исключительно.
He stood still, and gazed long and intently into the distance; this spot was especially familiar to him.	Он стоял и смотрел вдаль долго и пристально; это место было ему особенно знакомо.
When he was attending the university, he had hundreds of times--generally on his way home--stood still on this spot, gazed at this truly magnificent spectacle and almost always marvelled at a vague and mysterious emotion it roused in him.	Когда он ходил в университет, то обыкновенно, - чаще всего, возвращаясь домой, -случалось ему, может быть раз сто, останавливаться именно на этом же самом месте пристально вглядываться в эту действительно великолепную панораму и каждый раз почти удивляться одному неясному и неразрешимому своему впечатлению.
It left him strangely cold; this gorgeous picture was for him blank and lifeless.	Необъяснимым холодом веяло на него всегда от этой великолепной панорамы; духом немым и глухим полна была для него эта пышная картина...
He wondered every time at his sombre and enigmatic impression and, mistrusting himself, put off finding the explanation of it.	Дивился он каждый раз своему угрюмому и загадочному впечатлению и откладывал разгадку его, не доверяя себе, в будущее.
He vividly recalled those old doubts and perplexities, and it seemed to him that it was no mere chance that he recalled them now.	Теперь вдруг резко вспомнил он про эти прежние свои вопросы и недоумения, показалось ему, что не нечаянно он вспомнил теперь про них.
It struck him as strange and grotesque, that he should have stopped at the same spot as before, as though he actually imagined he could think the same thoughts, be interested in the same theories and pictures that had interested him... so short a time ago.	Уж одно то показалось ему дико и чудно, что он на том же самом месте остановился, как прежде, как будто и действительно вообразил, что может о том же самом мыслить теперь, как и прежде, и такими же прежними темами и картинами интересоваться, какими интересовался... еще так недавно.
He felt it almost amusing, and yet it wrung his heart.	Даже чуть не смешно ему стало и в то же время сдавило грудь до боли.
Deep down, hidden far away out of sight all that seemed to him now--all his old past, his old thoughts, his old problems and theories, his old impressions and that picture and himself and all, all....	В какой-то глубине, внизу, где-то чуть видно под ногами, показалось ему теперь все это прежнее прошлое, и прежние мысли, и прежние задачи, и прежние темы, и прежние впечатления, и вся эта панорама, и он сам, и все, все...

He felt as though he were flying upwards, and everything were vanishing from his sight.	Казалось, он улетал куда-то вверх, и все исчезало в глазах его...
Making an unconscious movement with his hand, he suddenly became aware of the piece of money in his fist.	Сделав одно невольное движение рукой он вдруг ощутил в кулаке своем зажатый двугривенный.
He opened his hand, stared at the coin, and with a sweep of his arm flung it into the water; then he turned and went home.	Он разжал руку, пристально поглядел на монетку, размахнулся и бросил ее в воду; затем повернулся и пошел домой.
It seemed to him, he had cut himself off from everyone and from everything at that moment.	Ему показалось, что он как будто ножницами отрезал себя сам от всех и всего в эту минуту.

Evening was coming on when he reached home, so that he must have been walking about six hours.	Он пришел к себе уже к вечеру, стало быть, проходил всего часов шесть.
How and where he came back he did not remember.	Где и как шел обратно, ничего он этого не помнил.
Undressing, and quivering like an overdriven horse, he lay down on the sofa, drew his greatcoat over him, and at once sank into oblivion....	Раздевшись и весь дрожа, как загнанная лошадь, он лег на диван, натянул на себя шинель и тотчас же забылся...
It was dusk when he was waked up by a fearful scream.	Он очнулся в полные сумерки от ужасного крику.
Good God, what a scream!	Боже, что это за крик!
Such unnatural sounds, such howling, wailing, grinding, tears, blows and curses he had never heard.	Таких неестественных звуков, такого воя, вопля, скрежета, слез, побой и ругательств он никогда еще не слыхивал и не видывал.
He could never have imagined such brutality, such frenzy.	Он и вообразить не мог себе такого зверства, такого исступления.
In terror he sat up in bed, almost swooning with agony.	В ужасе приподнялся он и сел на своей постели, каждое мгновение замирая и мучаясь.
But the fighting, wailing and cursing grew louder and louder.	Но драки, вопли и ругательства становились все сильнее и сильнее.
And then to his intense amazement he caught the voice of his landlady.	И вот, к величайшему изумлению, он вдруг расслышал голос своей хозяйки.

She was howling, shrieking and wailing, rapidly, hurriedly, incoherently, so that he could not make out what she was talking about; she was beseeching, no doubt, not to be beaten, for she was being mercilessly beaten on the stairs.	Она выла, визжала и причитала, спеша, торопясь, выпуская слова так, что и разобрать нельзя было, о чем-то умоляя, - конечно, о том, чтоб ее перестали бить, потому что ее беспощадно били на лестнице.
The voice of her assailant was so horrible from spite and rage that it was almost a croak; but he, too, was saying something, and just as quickly and indistinctly, hurrying and spluttering.	Голос бившего стал до того ужасен от злобы и бешенства, что уже только хрипел, но все-таки и бывший тоже что-то такое говорил, и тоже скоро, неразборчиво, торопясь и захлебываясь.
All at once Raskolnikov trembled; he recognised the voice--it was the voice of Ilya Petrovitch.	Вдруг Раскольников затрепетал как лист: он узнал этот голос; это был голос Ильи Петровича.
Ilya Petrovitch here and beating the landlady!	Илья Петрович здесь и бьет хозяйку!
He is kicking her, banging her head against the steps--that's clear, that can be told from the sounds, from the cries and the thuds.	Он бьет ее ногами, колотит ее головою о ступени, - это ясно, это слышно по звукам, по воплям, по ударам!
How is it, is the world topsy-turvy?	Что это, свет перевернулся, что ли?
He could hear people running in crowds from all the storeys and all the staircases; he heard voices, exclamations, knocking, doors banging.	Слышно было, как во всех этажах, по всей лестнице собиралась толпа, слышались голоса, восклицания, всходили, стучали, хлопали дверями, сбегались.
"But why, why, and how could it be?" he repeated, thinking seriously that he had gone mad.	"Но за что же, за что же, и как это можно!" -повторял он, серьезно думая, что он совсем помешался.

But no, he heard too distinctly!	Но нет, он слишком ясно слышит!..
And they would come to him then next, "for no doubt... it's all about that... about yesterday....	Но, стало быть, и к нему сейчас придут, если так, "потому что... верно, все это из того же... из-за вчерашнего...
Good God!"	Господи!"
He would have fastened his door with the latch, but he could not lift his hand... besides, it would be useless.	Он хотел было запереться на крючок, но рука не поднялась... да и бесполезно!
Terror gripped his heart like ice, tortured him and numbed him....	Страх, как лед, обложил его душу, замучил его, окоченил его...
But at last all this uproar, after continuing about ten minutes, began gradually to	Но вот наконец весь этот гам, продолжавшийся верных десять минут, стал

subside.	постепенно утихать.
The landlady was moaning and groaning; Ilya Petrovitch was still uttering threats and curses....	Хозяйка стонала и охала, Илья Петрович все еще грозил и ругался...
But at last he, too, seemed to be silent, and now he could not be heard. "Can he have gone away?"	Но вот наконец, кажется, и он затих; вот уж и не слышно его; "неужели ушел!"
Good Lord!"	Господи!"
Yes, and now the landlady is going too, still weeping and moaning... and then her door slammed....	Да, вот уходит и хозяйка, все еще со стоном и плачем... вот и дверь у ней захлопнулась...
Now the crowd was going from the stairs to their rooms, exclaiming, disputing, calling to one another, raising their voices to a shout, dropping them to a whisper.	Вот и толпа расходится с лестниц по квартирам, -ахают, спорят, перекликаются, то возвышая речь до крику то понижая до шепоту.
There must have been numbers of them--almost all the inmates of the block.	Должно быть, их много было; чуть ли не весь дом сбежался.
"But, good God, how could it be!"	"Но, боже, разве все это возможно!"
And why, why had he come here!"	И зачем, зачем он приходил сюда!"
Raskolnikov sank worn out on the sofa, but could not close his eyes. He lay for half an hour in such anguish, such an intolerable sensation of infinite terror as he had never experienced before.	Раскольников в бессилии упал на диван, но уже не мог сомкнуть глаз; он пролежал с полчаса в таком страдании, в таком нестерпимом ощущении безграничного ужаса, какого никогда еще не испытывал.
Suddenly a bright light flashed into his room. Nastasya came in with a candle and a plate of soup.	Вдруг яркий свет озарил его комнату: вошла Настасья со свечой и с тарелкой супа.
Looking at him carefully and ascertaining that he was not asleep, she set the candle on the table and began to lay out what she had brought--bread, salt, a plate, a spoon.	Посмотрев на него внимательно и разглядев, что он не спит, она поставила свечку на стол и начала раскладывать принесенное: хлеб, соль, тарелку, ложку.
"You've eaten nothing since yesterday, I warrant.	- Небось со вчерашнего не ел.
You've been trudging about all day, and you're shaking with fever."	Целый-то день прошлялся, а самого лихоманка бьет.
"Nastasya... what were they beating the landlady for?"	- Настасья... за что били хозяйку?

She looked intently at him.	Она пристально на него посмотрела.
-----------------------------	------------------------------------

"Who beat the landlady?"	- Кто бил хозяйку?
"Just now... half an hour ago, Ilya Petrovitch, the assistant superintendent, on the stairs....	- Сейчас... полчаса назад, Илья Петрович, надзирателя помощник, на лестнице...
Why was he ill-treating her like that, and... why was he here?"	За что он так ее избил? и... зачем приходил?..
Nastasya scrutinised him, silent and frowning, and her scrutiny lasted a long time.	Настасья молча и нахмурившись его рассматривала и долго так смотрела.
He felt uneasy, even frightened at her searching eyes.	Ему очень неприятно стало от этого рассматривания, даже страшно.
"Nastasya, why don't you speak?" he said timidly at last in a weak voice.	- Настасья, что ж ты молчишь? - робко проговорил он, наконец, слабым голосом.
"It's the blood," she answered at last softly, as though speaking to herself.	- Это кровь, - отвечала она, наконец, тихо и как будто про себя говоря.
"Blood?"	- Кровь!..
What blood?" he muttered, growing white and turning towards the wall.	Какая кровь?.. - бормотал он, бледнея и отодвигаясь к стене.
Nastasya still looked at him without speaking.	Настасья продолжала молча смотреть на него.
"Nobody has been beating the landlady," she declared at last in a firm, resolute voice.	- Никто хозяйку не бил, - проговорила она опять строгим и решительным голосом.
He gazed at her, hardly able to breathe.	Он смотрел на нее, едва дыша.
"I heard it myself.... I was not asleep... I was sitting up," he said still more timidly.	- Я сам слышал... я не спал... я сидел, - еще робче проговорил он.
"I listened a long while.	- Я долго слушал...
The assistant superintendent came....	Приходил надзирателя помощник...
Everyone ran out on to the stairs from all the flats."	На лестницу все сбежались, из всех квартир...
"No one has been here.	- Никто не приходил.

That's the blood crying in your ears.	А это кровь в тебе кричит.
When there's no outlet for it and it gets clotted, you begin fancying things....	Это когда ей выходу нет и уж печенками запекаться начнет, тут и начнет мерещиться...
Will you eat something?"	Есть-то станешь, что ли?
He made no answer.	Он не отвечал.
Nastasya still stood over him, watching him.	Настасья все стояла над ним, пристально глядела на него и не уходила.
"Give me something to drink...	- Пить дай...
Nastasya."	Настасьюшка.
She went downstairs and returned with a white earthenware jug of water.	Она сошла вниз и минуты через две воротилась с водой в белой глиняной кружке; но он уже не помнил, что было дальше.
He remembered only swallowing one sip of the cold water and spilling some on his neck.	Помнил только, как отхлебнул один глоток холодной воды и пролил из кружки на грудь.

Then followed forgetfulness.	Затем наступило беспамятство.
CHAPTER III	III
He was not completely unconscious, however, all the time he was ill; he was in a feverish state, sometimes delirious, sometimes half conscious.	Он, однако ж, не то чтоб уж был совсем в беспамятстве во все время болезни: это было лихорадочное состояние, с бредом и полусознанием.
He remembered a great deal afterwards.	Многое он потом припомнил.
Sometimes it seemed as though there were a number of people round him; they wanted to take him away somewhere, there was a great deal of squabbling and discussing about him.	То казалось ему, что около него собирается много народу и хотят его взять и куда-то вынести, очень об нем спорят и ссорятся.
Then he would be alone in the room; they had all gone away afraid of him, and only now and then opened the door a crack to look at him; they threatened him, plotted something together, laughed, and mocked at him.	То вдруг он один в комнате, все ушли и боятся его, и только изредка чуть-чуть отворяют дверь посмотреть на него, грозят ему, сговариваются об чем-то промеж себя, смеются и дразнят его.
He remembered Nastasya often at his bedside; he distinguished another person, too, whom he seemed to know very well, though he could not remember who he was, and this fretted him, even made him cry.	Настасью он часто помнил подле себя; различал и еще одного человека, очень будто бы ему знакомого, но кого именно - никак не мог догадаться и тосковал об этом, даже и плакал.
Sometimes he fancied he had been lying there a month; at other times it all seemed part of the same day.	Иной раз казалось ему, что он уже с месяц лежит; в другой раз - что все тот же день идет.
But of _that_--of _that_ he had no recollection, and yet every minute he felt that he had forgotten something he ought to remember. He worried and tormented himself trying to remember, moaned, flew into a rage, or sank into awful, intolerable terror.	Но об том, - об том он совершенно забыл; зато ежеминутно помнил, что об чем-то забыл, чего нельзя забывать, - терзался, мучился, припоминая, стонал, впадал в бешенство или в ужасный, невыносимый страх.
Then he struggled to get up, would have run away, but someone always prevented him by force, and he sank back into impotence and forgetfulness. At last he returned to complete consciousness. It happened at ten o'clock in the morning.	Тогда он порывался с места, хотел бежать, но всегда кто-нибудь его останавливал силой, и он опять впадал в бессилие и беспамятство. Наконец, он совсем пришел в себя. Произошло это утром, в десять часов.
On fine days the sun shone into the room at that hour, throwing a streak of light on the right wall and the corner near the door.	В этот час утра, в ясные дни, солнце всегда длинную полосой проходило по его правой стене и освещало угол подле двери.

Nastasya was standing beside him with another person, a complete stranger, who was looking at him very inquisitively.	У постели его стояла Настасья и еще один человек, очень любопытно его разглядывавший и совершенно ему незнакомый.
He was a young man with a beard, wearing a full, short-waisted coat, and looked like a messenger.	Это был молодой парень в кафтане, с бородкой, и с виду походил на артельщика.
The landlady was peeping in at the half-opened door.	Из полуотворенной двери выглядывала хозяйка.
Raskolnikov sat up.	Раскольников приподнялся.
"Who is this, Nastasya?" he asked, pointing to the young man.	- Это кто, Настасья? - спросил он, указывая на парня.
"I say, he's himself again!" she said.	- Ишь ведь, очнулся! - сказала она

"He is himself," echoed the man.	- Очнулись, - отозвался артельщик.
Concluding that he had returned to his senses, the landlady closed the door and disappeared.	Догадавшись, что он очнулся, хозяйка, подглядывавшая из дверей, тотчас же притворила их и спряталась.
She was always shy and dreaded conversations or discussions. She was a woman of forty, not at all bad-looking, fat and buxom, with black eyes and eyebrows, good-natured from fatness and laziness, and absurdly bashful.	Она и всегда была застенчива и с тягостию переносила разговоры и объяснения; ей было лет сорок, и она была толста и жирна, черноброва и черноглаза, добра от толстоты и лени; и собою даже очень смазлива. Стыдлива же сверх необходимости.
"Who... are you?" he went on, addressing the man.	- Вы... кто? - продолжал он допрашивать, обращаясь к самому артельщику.
But at that moment the door was flung open, and, stooping a little, as he was so tall, Razumihin came in.	Но в эту минуту опять отворилась дверь настежь, и, немного наклонившись, потому что был высок, вошел Разумихин.
"What a cabin it is!" he cried. "I am always knocking my head. You call this a lodging!"	- Экая морская каюта, - закричал он, входя, - всегда лбом стучаюсь; тоже ведь квартирой называется!
So you are conscious, brother?	А ты, брат, очнулся?
I've just heard the news from Pashenka."	Сейчас от Пашеньки слышал.
"He has just come to," said Nastasya.	- Сейчас очнулся, - сказала Настасья.
"Just come to," echoed the man again, with a smile.	- Сейчас очнулись, - поддакнул опять артельщик с улыбкой.
"And who are you?" Razumihin asked,	- А вы кто сами-то изволите быть-с? -

suddenly addressing him.	спросил, вдруг обращаясь к нему, Разумихин.
"My name is Vrazumihin, at your service; not Razumihin, as I am always called, but Vrazumihin, a student and gentleman; and he is my friend.	- Я вот, изволите видеть, Вразумихин; не Разумихин, как меня все величают, а Вразумихин, студент, дворянский сын, а он мой приятель.
And who are you?"	Ну-с, а вы кто таковы?
"I am the messenger from our office, from the merchant Shelopaev, and I've come on business."	- А я в нашей конторе артельщиком, от купца Шелопаева-с, и сюда по делу-с.
"Please sit down." Razumihin seated himself on the other side of the table.	- Извольте садиться на этот стул, - сам Разумихин сел на другой, с другой стороны столика.
"It's a good thing you've come to, brother," he went on to Raskolnikov.	- Это ты, брат, хорошо сделал, что очнулся, - продолжал он, обращаясь к Раскольникову.
"For the last four days you have scarcely eaten or drunk anything.	- Четвертый день едва ешь и пьешь.
We had to give you tea in spoonfuls.	Право, чаю с ложечки давали.
I brought Zossimov to see you twice.	Я к тебе два раза приводил Зосимова.
You remember Zossimov?	Помнишь Зосимова?
He examined you carefully and said at once it was nothing serious--something seemed to have gone to your head.	Осмотрел тебя внимательно и сразу сказал, что все пустяки, - в голову, что ли, как-то ударило.

Some nervous nonsense, the result of bad feeding, he says you have not had enough beer and radish, but it's nothing much, it will pass and you will be all right.	Нервный вздор какой-то, паек был дурной, говорит, пива и хрену мало отпускали, оттого и болезнь, но что ничего, пройдет и перемелется.
Zossimov is a first-rate fellow!	Молодец Зосимов!
He is making quite a name.	Знатно начал полечивать.
Come, I won't keep you," he said, addressing the man again. "Will you explain what you want?	Ну-с, так я вас не задерживаю, - обратился он опять к артельщику, - угодно вам разъяснить вашу надобность?
You must know, Rodya, this is the second time they have sent from the office; but it was another man last time, and I talked to him.	Заметь себе, Родя, из ихней конторы уж второй раз приходят; только прежде не этот приходил, а другой, и мы с тем объяснились.
Who was it came before?"	Это кто прежде вас-то сюда приходил?
"That was the day before yesterday, I	- А надо полагать, это третьегодни-с, точно-

venture to say, if you please, sir.	с.
"That was Alexey Semyonovitch; he is in our office, too."	Это Алексей Семенович были; тоже при конторе у нас состоит-с.
"He was more intelligent than you, don't you think so?"	- А ведь он будет потолковее вас, как вы думаете?
"Yes, indeed, sir, he is of more weight than I am."	- Да-с; они точно что посолиднее-с.
"Quite so; go on."	- Похвально; ну-с, продолжайте.
"At your mamma's request, through Afanasy Ivanovitch Vahrushin, of whom I presume you have heard more than once, a remittance is sent to you from our office," the man began, addressing Raskolnikov.	- А вот через Афанасия Ивановича Вахрушина, об котором, почитаю, неоднократно изволили слышать-с, по просьбе вашей мамыши, чрез нашу контору вам перевод-с, - начал артельщик, прямо обращаясь к Раскольникову.
"If you are in an intelligible condition, I've thirty-five roubles to remit to you, as Semyon Semyonovitch has received from Afanasy Ivanovitch at your mamma's request instructions to that effect, as on previous occasions.	- В случае если уже вы состоите в понятии-с -тридцать пять рублей вам вручить-с, так как Семен Семенович от Афанасия Ивановича, по просьбе вашей мамыши, по прежнему манеру о том уведомление получили.
"Do you know him, sir?"	Изволите знать-с?
"Yes, I remember..."	- Да... помню...
Vahrushin," Raskolnikov said dreamily.	Вахрушин... - проговорил Раскольников задумчиво.
"You hear, he knows Vahrushin," cried Razumihin.	- Слышите: купца Вахрушина знает! - вскричал Разумихин.
"He is in 'an intelligible condition'!"	- Как же не в понятии?
"And I see you are an intelligent man too.	А впрочем, я теперь замечаю, что и вы тоже толковый человек.
"Well, it's always pleasant to hear words of wisdom."	Ну-с! Умные речи приятно и слушать.

"That's the gentleman, Vahrushin, Afanasy Ivanovitch. And at the request of your mamma, who has sent you a remittance once before in the same manner through him, he did not refuse this time also, and sent instructions to Semyon Semyonovitch some days since to hand you thirty-five	- Они самые и есть-с, Вахрушин, Афанасий Иванович, и по просьбе вашей мамыши, которая через них таким же манером вам уже пересылала однажды, они и на сей раз не отказали-с и Семена Семеновича на сих днях уведомили из своих мест, чтобы вам тридцать пять рублей передать-с, во
--	--

roubles in the hope of better to come."	ожидании лучшего-с.
"That 'hoping for better to come' is the best thing you've said, though 'your mamma' is not bad either.	- Вот в "ожидании-то лучшего" у вас лучше всего и вышло; недурно тоже и про "вашу мамашу".
Come then, what do you say? Is he fully conscious, eh?"	Ну, так как же по-вашему: в полной он или не в полной памяти, а?
"That's all right.	- По мне что же-с.
If only he can sign this little paper."	Вот только бы насчет расписочки следовало бы-с.
"He can scrawl his name.	- Нацарапает!
Have you got the book?"	Что у вас, книга, что ль?
"Yes, here's the book."	- Книга-с, вот-с.
"Give it to me.	- Давайте сюда.
Here, Rodya, sit up.	Ну, Родя, подымайся.
I'll hold you. Take the pen and scribble 'Raskolnikov' for him. For just now, brother, money is sweeter to us than treacle."	Я тебя попридержу; подмахни-ка ему Раскольникова, бери перо, потому, брат, деньги нам теперь пуще патоки.
"I don't want it," said Raskolnikov, pushing away the pen.	- Не надо, - сказал Раскольников, отстраняя перо.
"Not want it?"	- Чего это не надо?
"I won't sign it."	- Не стану подписывать.
"How the devil can you do without signing it?"	- Фу, черт, да как же без расписки-то?
"I don't want... the money."	- Не надо... денег...
"Don't want the money!"	- Это денег-то не надо!
Come, brother, that's nonsense, I bear witness.	Ну, это, брат, врешь, я свидетель!
Don't trouble, please, it's only that he is on his travels again.	Не беспокойтесь, пожалуйста, это он только так... опять вояжирует.
But that's pretty common with him at all times though....	С ним, впрочем, это и наяву бывает...
You are a man of judgment and we will take him in hand, that is, more simply, take his hand and he will sign it.	Вы человек рассудительный, и мы будем его руководить, то есть попросту его руку водить, он и подпишет.
Here."	Приподнимайтесь-ка...

"But I can come another time."	- А впрочем, я и в другой раз зайду-с.
"No, no. Why should we trouble you?"	- Нет, нет; зачем же вам беспокоиться.
You are a man of judgment....	Вы человек рассудительный...

Now, Rodya, don't keep your visitor, you see he is waiting," and he made ready to hold Raskolnikov's hand in earnest.	Ну, Родя, не задерживай гостя... видишь, ждет, -и он серьезно приготовился водить рукой Раскольникова.
"Stop, I'll do it alone," said the latter, taking the pen and signing his name.	- Оставь, я сам... - проговорил тот, взял перо и расписался в книге.
The messenger took out the money and went away.	Артельщик выложил деньги и удалился.
"Bravo!"	- Браво!
And now, brother, are you hungry?"	А теперь, брат, хочешь есть?
"Yes," answered Raskolnikov.	- Хочу, - отвечал Раскольников.
"Is there any soup?"	- У вас суп?
"Some of yesterday's," answered Nastasya, who was still standing there.	- Вчерашний, - отвечала Настасья, все это время стоявшая тут же.
"With potatoes and rice in it?"	- С картофелем и с рисовой крупой?
"Yes."	- С картофелем и крупой.
"I know it by heart.	- Наизусть знаю.
Bring soup and give us some tea."	Тащи суп, да и чаю давай.
"Very well."	- Принесу.
Raskolnikov looked at all this with profound astonishment and a dull, unreasoning terror.	Раскольников смотрел на все с глубоким удивлением и с тупым бессмысленным страхом.
He made up his mind to keep quiet and see what would happen.	Он решился молчать и ждать: что будет дальше?
"I believe I am not wandering. I believe it's reality," he thought.	"Кажется, я не в бреду, - думал он, - кажется, это в самом деле..."
In a couple of minutes Nastasya returned with the soup, and announced that the tea would be ready directly.	Через две минуты Настасья воротилась с супом и объявила, что сейчас и чай будет.
With the soup she brought two spoons, two plates, salt, pepper, mustard for the beef, and so on. The table was set as it had not been for a long time.	К супу явились две ложки, две тарелки и весь прибор: солонка, перечница, горчица для говядины и прочее, чего прежде, в таком порядке, уже давно не бывало.

The cloth was clean.	Скатерть была чистая.
"It would not be amiss, Nastasya, if Praskovya Pavlovna were to send us up a couple of bottles of beer.	- Не худо, Настасьюшка, чтобы Прасковья Павловна бутылочки две пивца откомандировала.
We could empty them."	Мы выпьем-с.
"Well, you are a cool hand," muttered Nastasya, and she departed to carry out his orders.	- Ну уж ты, востроногий! - пробормотала Настасья и пошла исполнять повеление.
Raskolnikov still gazed wildly with strained attention.	Дико и с напряжением продолжал приглядываться Раскольников.

Meanwhile Razumihin sat down on the sofa beside him, as clumsily as a bear put his left arm round Raskolnikov's head, although he was able to sit up, and with his right hand gave him a spoonful of soup, blowing on it that it might not burn him.	Тем временем Разумихин пересел к нему на диван, неуклюже, как медведь, обхватил левою рукой его голову, несмотря на то что он и сам бы мог приподняться, а правую поднес к его рту ложку супу, несколько раз предварительно подув на нее, чтоб он не обжегся.
But the soup was only just warm.	Но суп был только что теплый.
Raskolnikov swallowed one spoonful greedily, then a second, then a third.	Раскольников с жадностью проглотил одну ложку, потом другую, третью.
But after giving him a few more spoonfuls of soup, Razumihin suddenly stopped, and said that he must ask Zossimov whether he ought to have more.	Но поднеся несколько ложек, Разумихин вдруг приостановился и объявил, что насчет дальнейшего надо посоветоваться с Зосимовым.
Nastasya came in with two bottles of beer.	Вошла Настасья, неся две бутылки пива.
"And will you have tea?"	- А чаю хочешь?
"Yes."	- Хочу.
"Cut along, Nastasya, and bring some tea, for tea we may venture on without the faculty.	- Катай скорей и чаю, Настасья, потому насчет чаю, кажется, можно и без факультета.
But here is the beer!" He moved back to his chair, pulled the soup and meat in front of him, and began eating as though he had not touched food for three days.	Но вот и пивцо! - он пересел на свой стул, придвинул к себе суп, говядину и стал есть с таким аппетитом, как будто три дня не ел.
"I must tell you, Rodya, I dine like this here every day now," he mumbled with his mouth full of beef, "and it's all	- Я, брат Родя, у вас тут теперь каждый день так обедаю, - пробормотал он, насколько позволял набитый полный рот говядиной, - и

Pashenka, your dear little landlady, who sees to that; she loves to do anything for me.	это все Пашенька, твоя хозяйюшка, хозяйничает, от всей души меня чествует.
I don't ask for it, but, of course, I don't object.	Я, разумеется, не настаиваю, ну да и не протестую.
And here's Nastasya with the tea.	А вот и Настасья с чаем.
She is a quick girl.	Эка проворная!
Nastasya, my dear, won't you have some beer?"	Настенька, хошь пивца?
"Get along with your nonsense!"	- И, ну те к проказнику!
"A cup of tea, then?"	- А чайку?
"A cup of tea, maybe."	- Чайку, пожалуй.
"Pour it out.	- Наливай.
Stay, I'll pour it out myself. Sit down."	Постой, я сам тебе налью; садись за стол.
He poured out two cups, left his dinner, and sat on the sofa again.	Он тотчас же распорядился, налил, потом налил еще другую чашку, бросил свой завтрак и пересел опять на диван.

As before, he put his left arm round the sick man's head, raised him up and gave him tea in spoonfuls, again blowing each spoonful steadily and earnestly, as though this process was the principal and most effective means towards his friend's recovery.	По-прежнему обхватил он левою рукой голову больного, приподнял его и начал поить с чайной ложечки чаем, опять беспрерывно и особенно усердно подувая на ложку, как будто в этом процессе подувания и состоял самый главный и спасительный пункт выздоровления.
Raskolnikov said nothing and made no resistance, though he felt quite strong enough to sit up on the sofa without support and could not merely have held a cup or a spoon, but even perhaps could have walked about.	Раскольников молчал и не сопротивлялся, несмотря на то что чувствовал в себе весьма достаточно сил приподняться и усидеть на диване безо всякой посторонней помощи, и не только владеть руками настолько, чтобы удержать ложку или чашку, но даже, может быть, и ходить.
But from some queer, almost animal, cunning he conceived the idea of hiding his strength and lying low for a time, pretending if necessary not to be yet in full possession of his faculties, and meanwhile listening to find out what was going on.	Но по какой-то странной, чуть не звериной хитрости ему вдруг пришло в голову скрыть до времени свои силы, притаиться, прикинуться, если надо, даже еще не совсем понимающим, а между тем выслушать и вывести, что такое тут происходит?

Yet he could not overcome his sense of repugnance. After sipping a dozen spoonfuls of tea, he suddenly released his head, pushed the spoon away capriciously, and sank back on the pillow.	Впрочем, он не совладал с своим отвращением: схлебнув ложек десять чаю, он вдруг высвободил свою голову, капризно оттолкнул ложку и повалился опять на подушку.
There were actually real pillows under his head now, down pillows in clean cases, he observed that, too, and took note of it.	Под головами его действительно лежали теперь настоящие подушки - пуховые и с чистыми наволочками; он это тоже заметил и взял в соображение.
"Pashenka must give us some raspberry jam to-day to make him some raspberry tea," said Razumihin, going back to his chair and attacking his soup and beer again.	- Надо, чтобы Пашенька сегодня же нам малинового варенья принесла, питье ему сделать, - сказал Разумихин, усаживаясь на свое место и опять принимаясь за суп и за пиво.
"And where is she to get raspberries for you?" asked Nastasya, balancing a saucer on her five outspread fingers and sipping tea through a lump of sugar.	- А где она тебе малины возьмет? - спросила Настасья, держа на растопыренных пяти пальцах блюдечко и процеживая в себя чай "через сахар".
"She'll get it at the shop, my dear.	- Малину, друг мой, она возьмет в лавочке.
You see, Rodya, all sorts of things have been happening while you have been laid up.	Видишь, Родя, тут без тебя целая история произошла.
When you decamped in that rascally way without leaving your address, I felt so angry that I resolved to find you out and punish you.	Когда ты таким мошенническим образом удрал от меня и квартиры не сказал, меня вдруг такое зло взяло, что я положил тебя разыскать и казнить.
I set to work that very day.	В тот же день и приступил.
How I ran about making inquiries for you!	Уж я ходил, ходил, расспрашивал, расспрашивал!
This lodging of yours I had forgotten, though I never remembered it, indeed, because I did not know it; and as for your old lodgings, I could only remember it was at the Five Corners, Harlamov's house.	Эту-то, теперешнюю квартиру я забыл; Впрочем, я ее никогда и не помнил, потому что не знал. Ну, а прежнюю квартиру, - помню только, что у Пяти Углов, Харламова дом.
I kept trying to find that Harlamov's house, and afterwards it turned out that it was not Harlamov's, but Buch's.	Искал, искал я этот Харламов дом, - а ведь вышло потом, что он вовсе и не Харламов дом, а Буха, -как иногда в звуках-то сбиваешься!

How one muddles up sound sometimes!	Ну я и рассердился.
So I lost my temper, and I went on the chance to the address bureau next day, and only fancy, in two minutes they looked you up!	Рассердился да и пошел, была не была, на другой день в адресный стол, и представь себе: в две минуты тебя мне разыскали.
Your name is down there."	Ты там записан.
"My name!"	- Записан!
"I should think so; and yet a General Kobelev they could not find while I was there.	- Еще бы; а вот генерала Кобелева никак не могли там при мне разыскать.
Well, it's a long story.	Ну-с, долго рассказывать.
But as soon as I did land on this place, I soon got to know all your affairs--all, all, brother, I know everything; Nastasya here will tell you. I made the acquaintance of Nikodim Fomitch and Ilya Petrovitch, and the house-porter and Mr. Zametov, Alexandr Grigorievitch, the head clerk in the police office, and, last, but not least, of Pashenka; Nastasya here knows...."	Только как я нагрянул сюда, тотчас же со всеми твоими делами познакомился; со всеми, братец, со всеми, все знаю; вот и она видела: и с Никодимом Фомичом познакомился, и Илью Петровича мне показывали, и с дворником, и с господином Заметовым, Александром Григорьевичем, письмоводителем в здешней конторе, а наконец и с Пашенькой, - это уж был венец; вот и она знает...
"He's got round her," Nastasya murmured, smiling slyly.	- Усахарил, - пробормотала Настасья, плутовски усмехаясь.
"Why don't you put the sugar in your tea, Nastasya Nikiforovna?"	- Да вы бы внакладочку, Настасья Никифоровна.
"You are a one!" Nastasya cried suddenly, going off into a giggle.	- Ну ты, пес! - вдруг крикнула Настасья и прыснула со смеху.
"I am not Nikiforovna, but Petrovna," she added suddenly, recovering from her mirth.	- А ведь я Петровна, а не Никифоровна, - прибавила она вдруг, когда перестала смеяться.
"I'll make a note of it.	- Будем ценить-с.
Well, brother, to make a long story short, I was going in for a regular explosion here to uproot all malignant influences in the locality, but Pashenka won the day.	Ну так вот, брат, чтобы лишнего не говорить, я хотел сначала здесь электрическую струю повсеместно пустить, так чтобы все предрассудки в здешней местности разом искоренить, но Пашенька победила.
I had not expected, brother, to find her so... prepossessing.	Я, брат, никак и не ожидал, чтоб она была такая... авенантенькая... а?
Eh, what do you think?"	Как ты думаешь?

Raskolnikov did not speak, but he still kept his eyes fixed upon him, full of alarm.	Раскольников молчал, хотя ни на минуту не отрывал от него своего встревоженного взгляда, и теперь упорно продолжал глядеть на него.
"And all that could be wished, indeed, in every respect," Razumihin went on, not at all embarrassed by his silence.	- И очень даже, - продолжал Разумихин, нисколько не смущаясь молчанием и как будто поддакивая полученному ответу, - и очень даже в порядке, во всех статьях.
"Ah, the sly dog!" Nastasya shrieked again. This conversation afforded her unspeakable delight.	- Ишь тварь! - вскрикнула опять Настасья, которой разговор этот доставлял, по-видимому, неизъяснимое блаженство.
"It's a pity, brother, that you did not set to work in the right way at first.	- Скверно, брат, то, что ты с самого начала не сумел взяться за дело.
You ought to have approached her differently.	С ней надо было не так.
She is, so to speak, a most unaccountable character.	Ведь это, так сказать, самый неожиданный характер!
But we will talk about her character later....	Ну, да об характере потом...
How could you let things come to such a pass that she gave up sending you your dinner?	А только как, например, довести до того, чтоб она тебе обеда смела не присылать?
And that I O U?	Иль, например, этот вексель?
You must have been mad to sign an I O U.	Да ты с ума сошел, что ли, векселя подписывать!
And that promise of marriage when her daughter, Natalya Yegorovna, was alive?...	Или, например, этот предполагавшийся брак, когда еще дочка, Наталья Егоровна, жива была...
I know all about it!	Я все знаю!
But I see that's a delicate matter and I am an ass; forgive me.	А впрочем, я вижу, что это деликатная струна и что я осел; ты меня извини.
But, talking of foolishness, do you know Praskovya Pavlovna is not nearly so foolish as you would think at first sight?"	Но кстати о глупости: как ты думаешь, ведь Прасковья Павловна совсем, брат, не так глупа, как с первого взгляда можно предположить, а?
"No," mumbled Raskolnikov, looking away, but feeling that it was better to keep up the conversation.	- Да... - процедил Раскольников, смотря в сторону, но понимая, что выгоднее поддержать разговор.
"She isn't, is she?" cried Razumihin, delighted	- Не правда ли? - вскричал Разумихин,

to get an answer out of him. "But she is not very clever either, eh?"	видимо, обрадовавшись, что ему ответили, - но ведь и не умна, а?
She is essentially, essentially an unaccountable character!	Совершенно, совершенно неожиданный характер!
I am sometimes quite at a loss, I assure you....	Я, брат, отчасти теряюсь, уверяю тебя...
She must be forty; she says she is thirty-six, and of course she has every right to say so.	Сорок-то ей верных будет. Она говорит - тридцать шесть и на это полное право имеет.
But I swear I judge her intellectually, simply from the metaphysical point of view; there is a sort of symbolism sprung up between us, a sort of algebra or what not!	Впрочем, клянусь тебе, что сужу об ней больше умственно, по одной метафизике; тут, брат, у нас такая эмблема завязалась, что твоя алгебра!
I don't understand it!	Ничего не понимаю!

Well, that's all nonsense. Only, seeing that you are not a student now and have lost your lessons and your clothes, and that through the young lady's death she has no need to treat you as a relation, she suddenly took fright; and as you hid in your den and dropped all your old relations with her, she planned to get rid of you.	Ну, да все это вздор, а только она, видя, что ты уже не студент, уроков и костюма лишился и что по смерти барышни ей нечего уже тебя на родственной ноге держать, вдруг испугалась; а так как ты, с своей стороны, забился в угол и ничего прежнего не поддерживал, она и вздумала тебя с квартиры согнать.
And she's been cherishing that design a long time, but was sorry to lose the I O U, for you assured her yourself that your mother would pay."	И давно она это намерение питала, да векселя стало жалко. К тому же ты сам уверял, что мамаша заплатит...
"It was base of me to say that....	- Это я по подлости моей говорил...
My mother herself is almost a beggar... and I told a lie to keep my lodging... and be fed," Raskolnikov said loudly and distinctly.	Мать у меня сама чуть милостыни не просит... а я лгал, чтоб меня на квартире держали и... кормили, - проговорил громко и отчетливо Раскольников.
"Yes, you did very sensibly.	- Да, это ты благоразумно.
But the worst of it is that at that point Mr. Tchubarov turns up, a business man.	Только вся штука в том, что тут и подвернись господин Чебаров, надворный советник и деловой человек.
Pashenka would never have thought of doing anything on her own account, she is too retiring; but the business man is by no means retiring, and first thing he puts the question, 'Is there any hope of realising the I	Пашенька без него ничего бы не выдумала, уж очень стыдлива; ну а деловой человек не стыдлив и первым делом, разумеется, предложил вопрос:

O U?'	есть ли надежда осуществить векселек?
Answer: there is, because he has a mother who would save her Rodya with her hundred and twenty-five roubles pension, if she has to starve herself; and a sister, too, who would go into bondage for his sake.	Ответ: есть, потому такая мамаша есть, что из стадвадцатипятирублевой своей пенсии, хоть сама есть не будет, а уж Роденьку выручит, да сестрица такая есть, что за брата в кабалу пойдет.
That's what he was building upon....	На этом-то он и основался...
Why do you start?	Что шевелишься-то?
I know all the ins and outs of your affairs now, my dear boy--it's not for nothing that you were so open with Pashenka when you were her prospective son-in-law, and I say all this as a friend....	Я, брат, теперь всю твою подноготную разузнал, недаром ты с Пашенькой откровенничал, когда еще на родственной ноге состоял, а теперь любя говорю...
But I tell you what it is; an honest and sensitive man is open; and a business man 'listens and goes on eating' you up.	То-то вот и есть: честный и чувствительный человек откровенничает, а деловой человек слушает да ест, а потом и съест.
Well, then she gave the I O U by way of payment to this Tchebarov, and without hesitation he made a formal demand for payment.	Вот и уступила она сей векселек якобы уплатою сему Чебарову, а тот формально и потребовал, не сконфузился.
When I heard of all this I wanted to blow him up, too, to clear my conscience, but by that time harmony reigned between me and Pashenka, and I insisted on stopping the whole affair, engaging that you would pay.	Хотел было я ему, как узнал это все, так, для очистки совести, тоже струю пустить, да на ту пору у нас с Пашенькой гармония вышла, я и повелел это дело все прекратить, в самом то есть источнике, поручившись, что ты заплатишь.
I went security for you, brother. Do you understand?	Я, брат, за тебя поручился, слышишь?

We called Tchebarov, flung him ten roubles and got the I O U back from him, and here I have the honour of presenting it to you. She trusts your word now. Here, take it, you see I have torn it."	Позвали Чебарова, десять целковых ему в зубы, а бумагу назад, и вот честь имею ее вам представить, - на слово вам теперь верят, - вот, возьмите, и надорвана мною как следует.
Razumihin put the note on the table. Raskolnikov looked at him and turned to the wall without uttering a word.	Разумихин выложил на стол заемное письмо; Раскольников взглянул на него и, не сказав ни слова, отворотился к стене.
Even Razumihin felt a twinge.	Даже Разумихина покорило.
"I see, brother," he said a moment later,	- Вижу, брат, - проговорил он через

"that I have been playing the fool again.	минуту, - что опять из себя дурака сваял.
I thought I should amuse you with my chatter, and I believe I have only made you cross."	Думал было тебя развлечь и болтовней потешить, а, кажется, только желчь нагнал.
"Was it you I did not recognise when I was delirious?" Raskolnikov asked, after a moment's pause without turning his head.	- Это тебя я не узнавал в бреду? - спросил Раскольников, тоже помолчав с минуту и не оборачивая головы.
"Yes, and you flew into a rage about it, especially when I brought Zametov one day."	- Меня, и даже в исступление входили по сему случаю, особенно когда я раз Заметова приводил.
"Zametov?	- Заметова?..
The head clerk?	Письмоводителя?..
What for?"	Зачем?
Raskolnikov turned round quickly and fixed his eyes on Razumihin.	- Раскольников быстро оборотился и уперся глазами в Разумихина.
"What's the matter with you?..."	- Да чего ты так...
What are you upset about?	Что встревожился?
He wanted to make your acquaintance because I talked to him a lot about you....	Познакомиться с тобой пожелал; сам пожелал, потому что много мы с ним о тебе переговорили...
How could I have found out so much except from him?	Иначе, от кого ж бы я про тебя-то столько узнал?
He is a capital fellow, brother, first-rate... in his own way, of course.	Славный, брат, он малый, чудеснейший... в своем роде, разумеется.
Now we are friends--see each other almost every day.	Теперь приятели; чуть не ежедневно видимся.
I have moved into this part, you know.	Ведь я в эту часть переехал.
I have only just moved.	Ты не знаешь еще?
I've been with him to Luise Ivanovna once or twice....	Только что переехал. У Лавизы с ним два раза побывали.
Do you remember Luise, Luise Ivanovna?	Лавизу-то помнишь, Лавизу Ивановну?
"Did I say anything in delirium?"	- Бредил я что-нибудь?
"I should think so!	- Еще бы!
You were beside yourself."	Себе не принадлежали-с.
"What did I rave about?"	- О чем я бредил?

"What next?	- Эвосья!
What did you rave about?	О чем бредил?
What people do rave about....	Известно о чем бредят...
Well, brother, now I must not lose time. To work."	Ну, брат, теперь, чтобы времени не терять, за дело.
He got up from the table and took up his cap.	Он встал со стула и схватился за фуражку.
"What did I rave about?"	- О чем бредил?
"How he keeps on!	- Эк ведь наладит!
Are you afraid of having let out some secret?	Уж не за секрет ли какой боишься?
Don't worry yourself; you said nothing about a countess.	Не беспокойся: о графине ничего не было сказано.
But you said a lot about a bulldog, and about ear-rings and chains, and about Krestovsky Island, and some porter, and Nikodim Fomitch and Ilya Petrovitch, the assistant superintendent. And another thing that was of special interest to you was your own sock.	А вот о бульдоге каком-то, да о сережках, да о цепочках каких-то, да о Крестовском острове, да о дворнике каком-то, да о Никодиме Фомиче, да об Илье Петровиче, надзирателя помощнике, много было говорено.
You whined, 'Give me my sock.'	Да кроме того, собственным вашим носком очень даже интересоваться изволили, очень! Жалобились: подайте, дескать, да и только.
Zametov hunted all about your room for your socks, and with his own scented, ring-bedecked fingers he gave you the rag.	Заметов сам по всем углам твои носки разыскивал и собственными, вымытыми в духах, ручками, с перстнями, вам эту дрянь подавал.
And only then were you comforted, and for the next twenty-four hours you held the wretched thing in your hand; we could not get it from you.	Тогда только и успокоились, и целые сутки в руках эту дрянь продержали; вырвать нельзя было.
It is most likely somewhere under your quilt at this moment.	Должно быть, и теперь где-нибудь у тебя под одеялом лежит.
And then you asked so piteously for fringe for your trousers.	А то еще бахромы на панталоны просил, да ведь как слезно!
We tried to find out what sort of fringe, but we could not make it out.	Мы уж допытывались: какая там еще бахрома? Да ничего разобрать нельзя было...
Now to business!	Ну-с, так за дело!

Here are thirty-five roubles; I take ten of them, and shall give you an account of them in an hour or two.	Вот тут тридцать пять рублей; из них десять беру, а часика через два в них отчет представляю.
I will let Zossimov know at the same time, though he ought to have been here long ago, for it is nearly twelve.	Тем временем дам знать и Зосимову, хоть и без того бы ему следовало давно здесь быть, ибо двенадцатый час.
And you, Nastasya, look in pretty often while I am away, to see whether he wants a drink or anything else.	А вы, Настенька, почаще без меня наведывайтесь, насчет там питья али чего-нибудь прочего, что пожелают...
And I will tell Pashenka what is wanted myself.	А Пашеньке я и сам сейчас, что надо скажу.
Good-bye!"	До свидания!

"He calls her Pashenka!	- Пашенькой зовет!
Ah, he's a deep one!" said Nastasya as he went out; then she opened the door and stood listening, but could not resist running downstairs after him.	Ах ты рожа хитростная! - проговорила ему вслед Настасья; затем отворила дверь и стала подслушивать, но не вытерпела и сама побежала вниз.
She was very eager to hear what he would say to the landlady. She was evidently quite fascinated by Razumihin.	Очень уж ей интересно было узнать, о чем он говорит там с хозяйкой; да и вообще видно было, что она совсем очарована Разумихиным.
No sooner had she left the room than the sick man flung off the bedclothes and leapt out of bed like a madman.	Едва только затворилась за ней дверь, больной сбросил с себя одеяло и как полоумный вскочил с постели.
With burning, twitching impatience he had waited for them to be gone so that he might set to work.	Со жгучим, судорожным нетерпением ждал он, чтоб они поскорее ушли, чтобы тотчас же без них и приняться за дело.
But to what work? Now, as though to spite him, it eluded him.	Но за что же, за какое дело? - он как будто бы теперь, как нарочно, и забыл.
"Good God, only tell me one thing: do they know of it yet or not?	"Господи! скажи ты мне только одно: знают они обо всем или еще не знают?
What if they know it and are only pretending, mocking me while I am laid up, and then they will come in and tell me that it's been discovered long ago and that they have only...	А ну как уж знают и только прикидываются, дразнят, покуда лежу, а там вдруг войдут и скажут, что все давно уж известно и что они только так...
What am I to do now?	Что же теперь делать?

That's what I've forgotten, as though on purpose; forgotten it all at once, I remembered a minute ago."	Вот и забыл, как нарочно; вдруг забыл, сейчас помнил!.."
He stood in the middle of the room and gazed in miserable bewilderment about him; he walked to the door, opened it, listened; but that was not what he wanted.	Он стоял среди комнаты и в мучительном недоумении осматривался кругом; подошел к двери, отворил, прислушался; но это было не то.
Suddenly, as though recalling something, he rushed to the corner where there was a hole under the paper, began examining it, put his hand into the hole, fumbled--but that was not it.	Вдруг, как бы вспомнив, бросился он к углу, где в обоях была дыра, начал все осматривать, запустил в дыру руку, пошарил, но и это не то.
He went to the stove, opened it and began rummaging in the ashes; the frayed edges of his trousers and the rags cut off his pocket were lying there just as he had thrown them. No one had looked, then!	Он подошел к печке, отворил ее и начал шарить в золе: кусочки бахромы от панталон и лоскутья разорванного кармана так и валялись, как он их тогда бросил, стало быть никто не смотрел!
Then he remembered the sock about which Razumihin had just been telling him.	Тут вспомнил он про носок, про который Разумихин сейчас рассказывал.
Yes, there it lay on the sofa under the quilt, but it was so covered with dust and grime that Zametov could not have seen anything on it.	Правда, вот он на диване лежит, под одеялом, но уж до того затерся и загрязнился с тех пор, что уж, конечно, Заметов ничего не мог рассмотреть.
"Bah, Zametov! The police office!	"Ба, Заметов!.. контора!..
And why am I sent for to the police office?	А зачем меня в контору зовут?

Where's the notice?	Где повестка?
Bah! I am mixing it up; that was then.	Ба!.. я смешал: это тогда требовали!
I looked at my sock then, too, but now... now I have been ill.	Я тогда тоже носок осматривал, а теперь... теперь я был болен.
But what did Zametov come for?	А зачем Заметов заходил?
Why did Razumihin bring him?" he muttered, helplessly sitting on the sofa again.	Зачем приводил его Разумихин?.. - бормотал он в бессилии, садясь опять на диван.
"What does it mean?	- Что ж это?
Am I still in delirium, or is it real?	Бред ли это все со мной продолжается или взаправду?
I believe it is real....	Кажется, взаправду...

Ah, I remember; I must escape! Make haste to escape.	А, вспомнил: бежать! скорее бежать, непременно, непременно бежать!
Yes, I must, I must escape!	Да... а куда?
Yes... but where? And where are my clothes?	А где мое платье?
I've no boots.	Сапогов нет!
They've taken them away!	Убрали!
They've hidden them!	Спрятали!
I understand!	Понимаю!
Ah, here is my coat--they passed that over!	А, вот пальто - проглядели!
And here is money on the table, thank God!	Вот и деньги на столе, слава богу!
And here's the I O U...	Вот и вексель...
I'll take the money and go and take another lodging.	Я возьму деньги и уйду, и другую квартиру найму, они не сыщут!..
They won't find me!...	Да, а адресный стол?
Yes, but the address bureau?	Найдут!
They'll find me, Razumihin will find me.	Разумихин найдет.
Better escape altogether... far away... to America, and let them do their worst!	Лучше совсем бежать... далеко... в Америку, и наплевать на них!
And take the I O U... it would be of use there....	И вексель взять... он там пригодится.
What else shall I take?	Чего еще-то взять?
They think I am ill!	Они думают, что я болен!
They don't know that I can walk, ha-ha-ha!	Они и не знают, что я ходить могу, хе-хе-хе!..
I could see by their eyes that they know all about it!	Я по глазам угадал, что они все знают!
If only I could get downstairs!	Только бы с лестницы сойти!
And what if they have set a watch there--policemen!	А ну как у них там сторожа стоят, полицейские!
What's this tea?	Что это, чай?
Ah, and here is beer left, half a bottle,	А, вот и пиво осталось, полбутылки,

cold!"	холодное!"
He snatched up the bottle, which still contained a glassful of beer, and gulped it down with relish, as though quenching a flame in his breast.	Он схватил бутылку, в которой еще оставалось пива на целый стакан, и с наслаждением выпил залпом, как будто потушая огонь в груди.
But in another minute the beer had gone to his head, and a faint and even pleasant shiver ran down his spine.	Но не прошло и минуты, как пиво стукнуло ему в голову, а по спине пошел легкий и даже приятный озноб.
He lay down and pulled the quilt over him.	Он лег и натянул на себя одеяло.
His sick and incoherent thoughts grew more and more disconnected, and soon a light, pleasant drowsiness came upon him.	Мысли его, и без того больные и бессвязные, стали мешаться все больше и больше, и вскоре сон, легкий и приятный, охватил его.
With a sense of comfort he nestled his head into the pillow, wrapped more closely about him the soft, wadded quilt which had replaced the old, ragged greatcoat, sighed softly and sank into a deep, sound, refreshing sleep.	С наслаждением отыскал он головой место на подушке, плотнее закутался мягким ватным одеялом, которое было теперь на нем вместо разорванной прежней шинели, тихо вздохнул и заснул глубоким, крепким, целебным сном.
He woke up, hearing someone come in. He opened his eyes and saw Razumihin standing in the doorway, uncertain whether to come in or not.	Проснулся он, услышав, что кто-то вошел к нему, открыл глаза и увидел Разумихина, отворившего дверь настежь и стоявшего на пороге, недоумеая: входить или нет?
Raskolnikov sat up quickly on the sofa and gazed at him, as though trying to recall something.	Раскольников быстро привстал на диване и смотрел на него, как будто силясь что-то припомнить.
"Ah, you are not asleep! Here I am!"	- А, не спишь, ну вот и я!
Nastasya, bring in the parcel!" Razumihin shouted down the stairs.	Настасья, тащи сюда узел! - крикнул Разумихин вниз.
"You shall have the account directly."	- Сейчас отчет получишь...
"What time is it?" asked Raskolnikov, looking round uneasily.	- Который час? - спросил Раскольников, тревожно озираясь.
"Yes, you had a fine sleep, brother, it's almost evening, it will be six o'clock directly.	- Да лихо, брат, поспал: вечер на дворе, часов шесть будет.
You have slept more than six hours."	Часов шесть с лишком спал...
"Good heavens!	- Господи!
Have I?"	Что ж это я!..

"And why not?	- А чего такого?
It will do you good.	На здоровье!
What's the hurry?	Куда спешишь?
A tryst, is it?	На свидание, что ли?
We've all time before us.	Все время теперь наше.
I've been waiting for the last three hours for you; I've been up twice and found you asleep.	Я уж часа три тебя жду; раза два заходил, ты спал.
I've called on Zossimov twice; not at home, only fancy!	К Зосимову два раза наведывался: нет дома, да и только!

But no matter, he will turn up.	Да ничего, придет!..
And I've been out on my own business, too.	По своим делишкам тоже отлучался.
You know I've been moving to-day, moving with my uncle.	Я ведь сегодня переехал, совсем переехал, с дядей.
I have an uncle living with me now.	У меня ведь теперь дядя...
But that's no matter, to business.	Ну да, к черту, за дело!..
Give me the parcel, Nastasya.	Давай сюда узел, Настенька.
We will open it directly.	Вот мы сейчас...
And how do you feel now, brother?"	А как, брат, себя чувствуешь?
"I am quite well, I am not ill.	- Я здоров; я не болен...
Razumihin, have you been here long?"	Разумихин, ты здесь давно?
"I tell you I've been waiting for the last three hours."	- Говорю, три часа дожидаясь.
"No, before."	- Нет, а прежде?
"How do you mean?"	- Что прежде?
"How long have you been coming here?"	- С какого времени сюда ходишь?
"Why I told you all about it this morning. Don't you remember?"	- Да ведь я же тебе давеча пересказывал; аль не помнишь?
Raskolnikov pondered.	Раскольников задумался.
The morning seemed like a dream to him.	Как во сне ему мерещилось давешнее.
He could not remember alone, and looked inquiringly at Razumihin.	Один он не мог припомнить и вопросительно смотрел на Разумихина.
"Hm!" said the latter, "he has forgotten.	- Гм! - сказал тот, - забыл!
I fancied then that you were not quite yourself.	Мне еще давеча мерещилось, что ты все еще не в своем...
Now you are better for your sleep....	Теперь со сна-то поправился...
You really look much better.	Право, совсем лучше смотришь.
First-rate!	Молодец!
Well, to business.	Ну да к делу! Вот сейчас припомнишь.
Look here, my dear boy."	Смотри-ка сюда, милый человек.

He began untying the bundle, which evidently interested him.	Он стал развязывать узел, которым, видимо, чрезвычайно интересовался.
"Believe me, brother, this is something specially near my heart.	- Это, брат, веришь ли, у меня особенно на сердце лежало.
For we must make a man of you.	Потому, надо же из тебя человека сделать.
Let's begin from the top.	Приступим: сверху начнем.

Do you see this cap?" he said, taking out of the bundle a fairly good though cheap and ordinary cap.	Видишь ли ты эту каскетку? - начал он, вынимая из узла довольно хорошенькую, но в то же время очень обыкновенную и дешевую фуражку.
"Let me try it on."	- Позволь-ка примерить?
"Presently, afterwards," said Raskolnikov, waving it off pettishly.	- Потом, после, - проговорил Раскольников, отмахиваясь брюзгливо.
"Come, Rodya, my boy, don't oppose it, afterwards will be too late; and I shan't sleep all night, for I bought it by guess, without measure.	- Нет уж, брат Родя, не противься, потом поздно будет; да и я всю ночь не засну, потому без мерки, наугад покупал.
Just right!" he cried triumphantly, fitting it on, "just your size!	Как раз! - воскликнул он торжественно, примерив, - как раз по мерке!
A proper head-covering is the first thing in dress and a recommendation in its own way.	Г оловной убор, это, брат, самая первейшая вещь в костюме, своего рода рекомендация.
Tolstyakov, a friend of mine, is always obliged to take off his pudding basin when he goes into any public place where other people wear their hats or caps.	Толстяков, мой приятель, каждый раз принужден снимать свою покрывку, входя куда-нибудь в общее место, где все другие в шляпах и фуражках стоят.
People think he does it from slavish politeness, but it's simply because he is ashamed of his bird's nest; he is such a boastful fellow!	Все думают, что он от рабских чувств, а он просто оттого, что своего гнезда птичьего стыдится: стыдливый такой человек!
Look, Nastasya, here are two specimens of headgear: this Palmerston"--he took from the corner Raskolnikov's old, battered hat, which for some unknown reason, he called a Palmerston--"or this jewel!	Ну-с, Настенька, вот вам два головные убора: сей пальмерстон (он достал из угла исковерканную круглую шляпу Раскольникова, которую неизвестно почему, назвал пальмерстоном) или сия ювелирская вещица?
Guess the price, Rodya, what do you suppose I paid for it, Nastasya!" he said, turning to her, seeing that Raskolnikov did	Оцени-ка, Родя, как думаешь, что заплатил? Настасьюшка? - обратился он к ней, видя,

not speak.	что тот молчит.
"Twenty copecks, no more, I dare say," answered Nastasya.	- Двугривенный, небось, отдал, - отвечала Настасья.
"Twenty copecks, silly!" he cried, offended. "Why, nowadays you would cost more than that--eighty copecks!	- Двугривенный, дура! - крикнул он, обидевшись,- нынче за двугривенный и тебя не купишь, -восемь гривен!
And that only because it has been worn.	Да и то потому, что поношенный.
And it's bought on condition that when's it's worn out, they will give you another next year. Yes, on my word!	Оно, правда, с уговором: этот износишь, на будущий год другой даром дают, ей-богу!
Well, now let us pass to the United States of America, as they called them at school.	Ну-с, приступим теперь к Соединенным Американским Штатам, как это в гимназии у нас называли.
I assure you I am proud of these breeches," and he exhibited to Raskolnikov a pair of light, summer trousers of grey woollen material. "No holes, no spots, and quite respectable, although a little worn; and a waistcoat to match, quite in the fashion.	Предупреждаю - штанами горжусь! - и он расправил перед Раскольниковым серые, из легкой летней шерстяной материи панталоны, -ни дырочки, ни пятнышка, а между тем весьма сносные, хотя и поношенные, таковая же и жилетка, одноцвет, как мода требует.
And its being worn really is an improvement, it's softer, smoother....	А что поношенное, так это, по правде, и лучше: мягче, нежнее...
You see, Rodya, to my thinking, the great thing for getting on in the world is always to keep to the seasons; if you don't insist on having asparagus in January, you keep your money in your purse; and it's the same with this purchase.	Видишь, Родя, чтобы сделать в свете карьеру, достаточно, по-моему, всегда сезон наблюдать; если в январе спаржи не потребуешь, то несколько целковых в кошельке сохранишь; то же в отношении и к сей покупке.
It's summer now, so I've been buying summer things--warmer materials will be wanted for autumn, so you will have to throw these away in any case... especially as they will be done for by then from their own lack of coherence if not your higher standard of luxury.	Нынче летний сезон, и я покупку летнюю сделал, потому к осени сезон и без того более теплой материи потребует, так придется ж бросать... тем более что все это тогда уж успеет само разрушиться, если не от усилившейся роскоши, так от внутренних неурядиц.
Come, price them!	Ну, цени!
What do you say?	Сколько, по-твоему?
Two roubles twenty-five copecks!	Два рубля двадцать пять копеек!

And remember the condition: if you wear these out, you will have another suit for nothing!	И помни, опять с прежним условием: эти износишь, на будущий год другие даром берешь!
They only do business on that system at Fedyaev's; if you've bought a thing once, you are satisfied for life, for you will never go there again of your own free will.	В лавке Федяева иначе не торгуют: раз заплатил, и на всю жизнь довольно, потому другой раз и сам не пойдешь.
Now for the boots. What do you say?	Ну-с, приступим теперь к сапогам - каковы?
You see that they are a bit worn, but they'll last a couple of months, for it's foreign work and foreign leather; the secretary of the English Embassy sold them last week-- he had only worn them six days, but he was very short of cash.	Ведь видно, что поношенные, а ведь месяца на два удовлетворят, потому что заграничная работа и товар заграничный: секретарь английского посольства прошлую неделю на Толкучем спустил; всего шесть дней и носил, да деньги очень понадобились.
Price--a rouble and a half.	Цена один рубль пятьдесят копеек.
A bargain?"	Удачно?
"But perhaps they won't fit," observed Nastasya.	- Да може, не впору! - заметила Настасья.
"Not fit?"	- Не впору!
Just look!" and he pulled out of his pocket Raskolnikov's old, broken boot, stiffly coated with dry mud. "I did not go empty-handed--they took the size from this monster.	А это что? - и он вытащил из кармана старый, закорузлый, весь облепленный засохшею грязью, дырявый сапог Раскольникова, - я с запасом ходил, мне и восстановили по этому чудищу настоящий размер.
We all did our best.	Все это дело сердечно велось.
And as to your linen, your landlady has seen to that.	А насчет белья с хозяйкой столковались.
Here, to begin with are three shirts, hempen but with a fashionable front....	Вот, во-первых, три рубашки холстинные, но с модным верхом...

Well now then, eighty copecks the cap, two roubles twenty-five copecks the suit--together three roubles five copecks--a rouble and a half for the boots--for, you see, they are very good--and that makes four roubles fifty-five copecks; five roubles for the underclothes--they were bought in the lo--which makes exactly nine roubles fifty-five copecks.	Ну-с, итак: восемь гривен картуз, два рубля двадцать пять прочее одеяние, итого три рубля пять копеек; рубль пятьдесят сапоги - потому что уж очень хорошие - итого четыре рубля пятьдесят пять копеек, да пять рублей все белье - оптом сторговались, - итого ровно девять рублей пятьдесят пять копеек.
--	---

Forty-five copecks change in coppers. Will you take it? And so, Rodya, you are set up with a complete new rig-out, for your overcoat will serve, and even has a style of its own. That comes from getting one's clothes from Sharmer's!	Сорок пять копеек сдачи, медными пятаками, вот-с, извольте принять, - и таким образом, Родя, ты теперь во всем костюме восстановлен, потому что, по моему мнению, твое пальто не только еще может служить, но даже имеет в себе вид особенного благородства: что значит у Шармера-то заказывать!
As for your socks and other things, I leave them to you; we've twenty-five roubles left. And as for Pashenka and paying for your lodging, don't you worry. I tell you she'll trust you for anything.	Насчет носков и прочего остального предоставляю тебе самому; денег остается нам двадцать пять рубликов, а о Пашеньке и об уплате за квартиру не беспокойся; я говорил: кредит безграничайший.
And now, brother, let me change your linen, for I daresay you will throw off your illness with your shirt."	А теперь, брат, позволь тебе белье переменить, а то, пожалуй, болезнь в рубашке-то только теперь и сидит...
"Let me be!	- Оставь!
I don't want to!" Raskolnikov waved him off. He had listened with disgust to Razumihin's efforts to be playful about his purchases.	Не хочу! - отмахивался Раскольников, с отвращением слушавший напряженно-игривую репликацию Разумихина о покупке платья...
"Come, brother, don't tell me I've been trudging around for nothing," Razumihin insisted.	- Это, брат, невозможно; из чего ж я сапоги топтал! - настаивал Разумихин.
"Nastasya, don't be bashful, but help me-- that's it," and in spite of Raskolnikov's resistance he changed his linen.	- Настасьюшка, не стыдитесь, а помогите, вот так!- и, несмотря на сопротивление Раскольникова, он все-таки переменял ему белье.
The latter sank back on the pillows and for a minute or two said nothing.	Тот повалился на изголовье и минуты две не говорил ни слова.
"It will be long before I get rid of them," he thought.	"Долго же не отвяжутся!" - думал он.
"What money was all that bought with?" he asked at last, gazing at the wall.	- Из каких денег это все куплено? - спросил он наконец, глядя в стену.
"Money?	- Денег?
Why, your own, what the messenger brought from Vahrushin, your mother sent it. Have you forgotten that, too?"	Вот тебе на! Да из твоих же собственных. Давеча артельщик был, от Вахрушина, мамаша прислала; аль и это забыл?

"I remember now," said Raskolnikov after a long, sullen silence.	- Теперь помню... - проговорил Раскольников, после долгой и угрюмой задумчивости.
Razumihin looked at him, frowning and uneasy.	Разумихин, нахмурясь, с беспокойством на него поглядывал.

The door opened and a tall, stout man whose appearance seemed familiar to Raskolnikov came in.	Дверь отворилась, и вошел высокий и плотный человек, как будто тоже уже несколько знакомый с виду Раскольникову. - Зосимов! Наконец-то! - крикнул Разумихин, обрадовавшись.
CHAPTER IV	IV
Zossimov was a tall, fat man with a puffy, colourless, clean-shaven face and straight flaxen hair. He wore spectacles, and a big gold ring on his fat finger.	Зосимов был высокий и жирный человек, с одутловатым и бесцветно-бледным, гладковыбритым лицом, с белобрысыми прямыми волосами, в очках и с большим золотым перстнем на припухшем от жира пальце.
He was twenty-seven.	Было ему лет двадцать семь.
He had on a light grey fashionable loose coat, light summer trousers, and everything about him loose, fashionable and spick and span; his linen was irreproachable, his watch-chain was massive.	Одет он был в широком щегольском легком пальто, в светлых летних брюках, и вообще все было на нем широко, щегольское и с иголочки; белье безукоризненное, цепь к часам массивная.
In manner he was slow and, as it were, nonchalant, and at the same time studiously free and easy; he made efforts to conceal his self-importance, but it was apparent at every instant.	Манера его была медленная, как будто вялая и в то же время изученно-развязная; претензия, впрочем усиленно скрываемая, проглядывала поминутно.
All his acquaintances found him tedious, but said he was clever at his work.	Все, его знавшие, находили его человеком тяжелым, но говорили, что свое дело знает.
"I've been to you twice to-day, brother.	- Я, брат, два раза к тебе заходил...
You see, he's come to himself," cried Razumihin.	Видишь, очнулся! - крикнул Разумихин.
"I see, I see; and how do we feel now, eh?" said Zossimov to Raskolnikov, watching him carefully and, sitting down at the foot of the sofa, he settled himself as comfortably as he could.	- Вижу, вижу; ну так как же мы теперь себя чувствуем, а? - обратился Зосимов к Раскольникову, пристально в него вглядываясь и усаживаясь к нему на диван, в ногах, где тотчас же и развалился по возможности.

"He is still depressed," Razumihin went on. "We've just changed his linen and he almost cried."	- Да все хандрит, - продолжал Разумихин, - белье мы ему сейчас переменили, так чуть не заплакал.
"That's very natural; you might have put it off if he did not wish it...."	- Понятное дело; белье можно бы и после, коль сам не желает...
His pulse is first-rate.	Пульс славный.
Is your head still aching, eh?"	Голова-то все еще немного болит, а?
"I am well, I am perfectly well!" Raskolnikov declared positively and irritably. He raised himself on the sofa and looked at them with glittering eyes, but sank back on to the pillow at once and turned to the wall.	- Я здоров, я совершенно здоров! - настойчиво и раздражительно проговорил Раскольников, приподнявшись вдруг на диване и сверкнув глазами, но тотчас же повалился опять на подушку и оборотился к стене.
Zossimov watched him intently.	Зосимов пристально наблюдал его.
"Very good.... Going on all right," he said lazily.	- Очень хорошо... все как следует, - вяло произнес он.
"Has he eaten anything?"	- Ел что-нибудь?
They told him, and asked what he might have.	Ему рассказали и спросили, что можно давать.

"He may have anything... soup, tea... mushrooms and cucumbers, of course, you must not give him; he'd better not have meat either, and... but no need to tell you that!"	- Да все можно давать... Супу, чаю... Грибов да огурцов, разумеется, не давать, ну и говядины тоже не надо, и... ну, да чего тут болтать-то!..
Razumihin and he looked at each other.	- Он переглянулся с Разумихиным.
"No more medicine or anything. I'll look at him again to-morrow.	- Микстуру прочь и все прочь; а завтра я посмотрю...
Perhaps, to-day even... but never mind..."	Оно бы и сегодня... ну, да...
"To-morrow evening I shall take him for a walk," said Razumihin. "We are going to the Yusupov garden and then to the Palais de Crystal."	- Завтра вечером я его гулять веду! - решил Разумихин, - в Юсупов сад, а потом в "Пале де Кристаль" зайдем.
"I would not disturb him to-morrow at all, but I don't know... a little, maybe... but we'll see."	- Завтра-то я бы его и шевелить не стал, а впрочем... немножко... ну, да там увидим.
"Ach, what a nuisance! I've got a house-warming party to-night; it's only a step from	- Эх досада, сегодня я как раз новоселье

here.	справляю, два шага; вот бы и он.
Couldn't he come? He could lie on the sofa.	Хоть бы на диване полежал между нами!
You are coming?" Razumihin said to Zossimov. "Don't forget, you promised."	Ты-то будешь? - обратился вдруг Разумихин к Зосимову, - не забудь смотри, обещал.
"All right, only rather later.	- Пожалуй, попозже разве.
What are you going to do?"	Что ты там устроил?
"Oh, nothing--tea, vodka, herrings.	- Да ничего, чай, водка, селедка.
There will be a pie... just our friends."	Пирог подадут: свои соберутся.
"And who?"	- Кто именно?
"All neighbours here, almost all new friends, except my old uncle, and he is new too--he only arrived in Petersburg yesterday to see to some business of his. We meet once in five years."	- Да все здешние и все почти новые, право, -кроме разве старого дяди, да и тот новый: вчера только в Петербург приехал, по каким-то там делишкам; в пять лет по разу и видимся.
"What is he?"	- Кто такой?
"He's been stagnating all his life as a district postmaster; gets a little pension. He is sixty-five--not worth talking about....	- Да прозябал всю жизнь уездным почтмейстером... пенсионишко получает, шестьдесят пять лет, не стоит и говорить...
But I am fond of him.	Я его, впрочем, люблю.
Porfiry Petrovitch, the head of the Investigation Department here...	Порфирий Петрович придет: здешний пристав следственных дел... правовед.
But you know him."	Да, ведь ты знаешь...
"Is he a relation of yours, too?"	- Он тоже какой-то твой родственник?
"A very distant one. But why are you scowling?"	- Самый дальний какой-то; да ты что хмуришься?
Because you quarrelled once, won't you come then?"	Что вы поругались-то раз, так ты, пожалуй, и не придешь?
"I don't care a damn for him."	- А наплевать мне на него...
"So much the better.	- И всего лучше.

Well, there will be some students, a teacher, a government clerk, a musician, an officer and Zametov."	Ну, а там - студенты, учитель, чиновник один, музыкант один, офицер, Заметов...

"Do tell me, please, what you or he"-- Zossimov nodded at Raskolnikov--"can have in common with this Zametov?"	- Скажи мне, пожалуйста, что может быть общего у тебя или вот у него, - Зосимов кивнул на Раскольникова, - с каким-нибудь там Заметовым?
"Oh, you particular gentleman!	- Ох уж эти брюзгливые!
Principles! You are worked by principles, as it were by springs; you won't venture to turn round on your own account. If a man is a nice fellow, that's the only principle I go upon.	Принципы!.. и весь-то ты на принципах, как на пружинах; повернуться по своей воле не смеет; а по-моему, хорош человек - вот и принцип, и знать я ничего не хочу.
Zametov is a delightful person."	Заметов человек чудеснейший.
"Though he does take bribes."	- И руки греет.
"Well, he does! and what of it?"	- Ну, и руки греет, и наплевать!
I don't care if he does take bribes," Razumihin cried with unnatural irritability. "I don't praise him for taking bribes.	Так что ж что греет! - крикнул вдруг Разумихин, как-то неестественно раздражаясь, - я разве хвалил тебе то, что он руки греет?
I only say he is a nice man in his own way!	Я говорил, что он в своем роде только хорош!
But if one looks at men in all ways--are there many good ones left?	А прямо-то, во всех-то родах смотреть - так много ль людей хороших останется?
Why, I am sure I shouldn't be worth a baked onion myself... perhaps with you thrown in."	Да я уверен, что за меня тогда, совсем с требухой, всего-то одну печеную луковицу дадут, да и то если с тобой в придачу!..
"That's too little; I'd give two for you."	- Это мало; я за тебя две дам...
"And I wouldn't give more than one for you.	- А я за тебя только одну!
No more of your jokes!	Остри еще!
Zametov is no more than a boy. I can pull his hair and one must draw him not repel him.	Заметов еще мальчишка, я еще волосенки ему надеру, потому что его надо привлекать, а не отталкивать.
You'll never improve a man by repelling him, especially a boy.	Тем что оттолкнешь человека - не исправишь, тем паче мальчишку.
One has to be twice as careful with a boy.	С мальчишкой вдвое осторожнее надо.
Oh, you progressive dullards! You don't understand.	Эх вы, тупицы прогрессивные, ничего-то не понимаете!
You harm yourselves running another man	Человека не уважаете, себя обижаете...

down....	
But if you want to know, we really have something in common."	А коли хочешь знать, так у нас пожалуй, и дело одно общее завязалось.
"I should like to know what."	- Желательно знать.
"Why, it's all about a house-painter....	- Да все по делу о маляре, то есть о красильщике...
We are getting him out of a mess!	Уж мы его вытащим!
Though indeed there's nothing to fear now.	А впрочем, теперь и беды никакой.
The matter is absolutely self-evident.	Дело совсем, совсем теперь очевидное!

We only put on steam."	Мы только пару поддадим.
"A painter?"	- Какой там еще красильщик?
"Why, haven't I told you about it?"	- Как, разве я не рассказывал?
I only told you the beginning then about the murder of the old pawnbroker-woman. Well, the painter is mixed up in it..."	Аль нет? Да, бишь, я тебе только начало рассказывал... вот, про убийство старухи-то закладчицы, чиновницы... ну, тут и красильщик теперь замешался...
"Oh, I heard about that murder before and was rather interested in it... partly... for one reason.... I read about it in the papers, too...."	- Да про убийство это я и прежде твоего слышал, и этим делом даже интересуюсь... отчасти... по одному случаю... и в газетах читал! А вот...
"Lizaveta was murdered, too," Nastasya blurted out, suddenly addressing Raskolnikov.	- Лизавету-то тоже убили! - брякнула вдруг Настасья, обращаясь к Раскольникову.
She remained in the room all the time, standing by the door listening.	Она все время оставалась в комнате, прижавшись подле двери, и слушала.
"Lizaveta," murmured Raskolnikov hardly audibly.	- Лизавету? - пробормотал Раскольников едва слышным голосом.
"Lizaveta, who sold old clothes. Didn't you know her?"	- А Лизавету, торговку-то, аль не знаешь?
She used to come here.	Она сюда вниз ходила.
She mended a shirt for you, too."	Еще тебе рубаху чинила.
Raskolnikov turned to the wall where in the dirty, yellow paper he picked out one clumsy, white flower with brown lines on it and began examining how many petals	Раскольников оборотился к стене, где на грязных желтых обоях с белыми цветочками выбрал один неуклюжий белый цветок, с какими-то коричневыми черточками, и стал рассматривать: сколько в нем листиков,

there were in it, how many scallops in the petals and how many lines on them.	какие на листиках зазубринки и сколько черточек?
He felt his arms and legs as lifeless as though they had been cut off. He did not attempt to move, but stared obstinately at the flower.	Он чувствовал, что у него онемели руки и ноги, точно отнялись, но и не попробовал шевельнуться и упорно глядел на цветок.
"But what about the painter?" Zossimov interrupted Nastasya's chatter with marked displeasure.	- Ну так что ж красильщик? - с каким-то особенным неудовольствием перебил Зосимов болтовню Настасьи.
She sighed and was silent.	Та вздохнула и замолчала.
"Why, he was accused of the murder," Razumihin went on hotly.	- А тоже в убийцы записали! - с жаром продолжал Разумихин.
"Was there evidence against him then?"	- Улики, что ль, какие?
"Evidence, indeed!	- Кой черт улики!
Evidence that was no evidence, and that's what we have to prove.	А впрочем, именно по улике, да улика-то эта не улика, вот что требуется доказать!
It was just as they pitched on those fellows, Koch and Pestryakov, at first.	Это точь-вточь как сначала они забрали и заподозрили этих, как бишь их... Коха да Пестрякова.
Foo! how stupidly it's all done, it makes one sick, though it's not one's business!	Тьфу! Как это все глупо делается, даже вчуже гадко становится!

Pestryakov may be coming to-night....	Пестряков-то, может, сегодня ко мне зайдет...
By the way, Rodya, you've heard about the business already; it happened before you were ill, the day before you fainted at the police office while they were talking about it."	Кстати, Родя, ты эту штуку уж знаешь, еще до болезни случилось, ровно накануне того, как ты в обморок в конторе упал, когда там про это рассказывали...
Zossimov looked curiously at Raskolnikov. He did not stir.	Зосимов любопытно посмотрел на Раскольникова; тот не шевелился.
"But I say, Razumihin, I wonder at you. What a busybody you are!" Zossimov observed.	- А знаешь что, Разумихин? Посмотрю я на тебя: какой ты, однако же, хлопотун, - заметил Зосимов.
"Maybe I am, but we will get him off anyway," shouted Razumihin, bringing his fist down on the table.	- Это пусть, а все-таки вытащим! - крикнул Разумихин, стукнув кулаком по столу.
"What's the most offensive is not their lying--one can always forgive lying--lying	- Ведь тут что всего обиднее? Ведь не то, что они врут; вранье всегда простить можно;

is a delightful thing, for it leads to truth--what is offensive is that they lie and worship their own lying....	вранье дело милое, потому что к правде ведет. Нет, то досадно, что врут, да еще собственному вранью поклоняются.
I respect Porfiry, but...	Я Порфирия уважаю, но...
What threw them out at first?	Ведь что их, например, перво-наперво с толку сбило?
The door was locked, and when they came back with the porter it was open. So it followed that Koch and Pestryakov were the murderers--that was their logic!"	Дверь была заперта, а пришли с дворником - отперта: ну, значит, Кох да Пестряков и убили! Вот ведь их логика.
"But don't excite yourself; they simply detained them, they could not help that....	- Да не горячись; их просто задержали; нельзя же...
And, by the way, I've met that man Koch. He used to buy unredeemed pledges from the old woman? Eh?"	Кстати: я ведь этого Коха встречал; он ведь, оказалось, у старухи вещи просроченные скупал? а?
"Yes, he is a swindler.	- Да, мошенник какой-то!
He buys up bad debts, too.	Он и векселя тоже скупает.
He makes a profession of it.	Промышленник.
But enough of him!	Да черт с ним!
Do you know what makes me angry?	Я ведь на что злюсь-то, понимаешь ты это?
It's their sickening rotten, petrified routine....	На рутину их дряхлую, пошлейшую, закорюзлую злюсь...
And this case might be the means of introducing a new method.	А тут, в одном этом деле, целый новый путь открыть можно.
One can show from the psychological data alone how to get on the track of the real man.	По одним психологическим только данным можно показать, как на истинный след попадать должно.
' We have facts,' they say.	"У нас есть, дескать, факты!"

But facts are not everything--at least half the business lies in how you interpret them!"	Да ведь факты не все; по крайней мере, половина дела в том, как с фактами обращаться умеешь!
"Can you interpret them, then?"	- А ты с фактами обращаться умеешь?
"Anyway, one can't hold one's tongue when one has a feeling, a tangible feeling, that one might be a help if only....	- Да ведь нельзя же молчать, когда чувствуешь, ощупом чувствуешь, что вот мог бы делу помочь, кабы...

Eh!	Эх!..
Do you know the details of the case?"	Ты дело-то подробно знаешь?
"I am waiting to hear about the painter."	- Да вот про красильщика жду.
"Oh, yes!	- Да, бишь!
Well, here's the story. Early on the third day after the murder, when they were still dandling Koch and Pestryakov--though they accounted for every step they took and it was as plain as a pikestaff--an unexpected fact turned up.	Ну слушай историю: ровно на третий день после убийства, поутру, когда они там нянчились еще с Кохом да Пестряковым, - хотя те каждый свой шаг доказали: очевидность кричит! - объявляется вдруг самый неожиданный факт.
A peasant called Dushkin, who keeps a dram-shop facing the house, brought to the police office a jeweller's case containing some gold ear-rings, and told a long rigamarole.	Некто крестьянин Душкин, содержатель распивочной, напротив того самого дома, является в контору и приносит ювелирский футляр с золотыми серьгами и рассказывает целую повесть:
'The day before yesterday, just after eight o'clock'--mark the day and the hour!--'a journeyman house-painter, Nikolay, who had been in to see me already that day, brought me this box of gold ear-rings and stones, and asked me to give him two roubles for them. When I asked him where he got them, he said that he picked them up in the street.	"Прибежал-де ко мне повечеру, третьего дня, примерно в начале девятого, - день и час! вникаешь? - работник красильщик, который и до этого ко мне на дню забегал, Миколай, и принес мне ефту коробку с золотыми сережками и с камушками, и просил за них под заклад два рубля, а на мой спрос: где взял? - объявил, что на панели поднял.
I did not ask him anything more.' I am telling you Dushkin's story. 'I gave him a note'--a rouble that is--'for I thought if he did not pawn it with me he would with another. It would all come to the same thing--he'd spend it on drink, so the thing had better be with me.	Больше я его на том не расспрашивал, - это Душкин-то говорит, - а вынес ему билетик -рубель то есть, потомуде думал, что не мне, так другому заложит, все одно - пропьет, а пусть лучше у меня вещь лежит: дальше-де положишь, ближе возьмешь, а объявится что аль слухи пойдут, тут я и представлю".
The further you hide it the quicker you will find it, and if anything turns up, if I hear any rumours, I'll take it to the police.' Of course, that's all taradiddle; he lies like a horse, for I know this Dushkin, he is a pawnbroker and a receiver of stolen goods, and he did not cheat Nikolay out of a thirty-rouble trinket in order to give it to the police.	Ну, конечно, бабушкин сон рассказывает, врет как лошадь, потому я этого Душкина знаю, сам он закладчик и краденое прячет, и тридцатирублевую вещь не для того, чтоб "приставить", у Миколая подтибрил.
He was simply afraid.	Просто струсил.

But no matter, to return to Dushkin's story.	Ну, да к черту, слушай; продолжает Душкин:
'I've known this peasant, Nikolay Dementyev, from a child; he comes from the same province and district of Zارايسк, we are both Ryazan men.	"А крестьянина ефтова, Миколая Дементьева, знаю сызмалетства, нашей губернии и уезда, Зарайского, потому-де мы сами рязанские.
And though Nikolay is not a drunkard, he drinks, and I knew he had a job in that house, painting work with Dmitri, who comes from the same village, too.	А Миколай хоть не пьяница, а выпивает, и известно нам было, что он в ефтом самом доме работает, красит, вместе с Митреем, а с Митреем они из одних местов.
As soon as he got the rouble he changed it, had a couple of glasses, took his change and went out. But I did not see Dmitri with him then.	И получимши билетик, он его тотчас разменял, выпил зараз два стаканчика, сдачу взял и пошел, а Митрея я с ним в тот час не видал.
And the next day I heard that someone had murdered Alyona Ivanovna and her sister, Lizaveta Ivanovna, with an axe. I knew them, and I felt suspicious about the earrings at once, for I knew the murdered woman lent money on pledges.	А на другой день прослышали мы, что Алену Ивановну и сестрицу их Лизавету Ивановну топором убили, а мы их знавали-с, и взяло меня тут сумление насчет серег, - потому известно нам было, что покойница под вещи деньги давала.
I went to the house, and began to make careful inquiries without saying a word to anyone. First of all I asked, "Is Nikolay here?"	Пошел я к ним в дом и стал осторожно про себя узнавать, тихими стопами, и перво-наперво спросил: тут ли Миколай?
Dmitri told me that Nikolay had gone off on the spree; he had come home at daybreak drunk, stayed in the house about ten minutes, and went out again. Dmitri didn't see him again and is finishing the job alone.	И сказывал Митрей, что Миколай загулял, пришел домой на рассвете, пьяный, дома пробыл примерно десять минут и опять ушел, а Митрей уж его потом не видал и работу один доканчивает.
And their job is on the same staircase as the murder, on the second floor.	А работа у них по одной лестнице с убитыми, во втором этаже.
When I heard all that I did not say a word to anyone'--that's Dushkin's tale--'but I found out what I could about the murder, and went home feeling as suspicious as ever.	Слышамши все это, мы тогда никому ничего не открыли, - это Душкин говорит, - а про убийство все, что могли, разузнали и воротились домой все в том же нашем сумлении.
And at eight o'clock this morning'--that was the third day, you understand--! saw Nikolay coming in, not sober, though not to say very drunk--he could understand what was said to him.	А сегодня поутру, в восемь часов, - то есть это на третий-то день, понимаешь? - вижу, входит ко мне Миколай, не тверезый, да и не то чтоб очень пьяный, а понимать разговор может.

He sat down on the bench and did not speak.	Сел на лавку, молчит.
There was only one stranger in the bar and a man I knew asleep on a bench and our two boys.	А опричь него в распивочной на ту пору был всего один человек посторонний, а еще спал на лавке другой, по знакомству, да двое наших мальчишков-с.
"Have you seen Dmitri?" said I.	"Видел, спрашиваю, Митрея?" -
"No, I haven't," said he.	"Нет, говорит, не видал". -
"And you've not been here either?"	"И здесь не был?" -
"Not since the day before yesterday," said he.	"Не был, говорит, с третьего дни". -
"And where did you sleep last night?"	"А ноне где ночевал?" -
"In Peski, with the Kolomensky men."	"А на Песках, говорит, у коломенских". -
"And where did you get those ear-rings?" I asked.	"А где, говорю, тогда серьги взял?" -
"I found them in the street," and the way he said it was a bit queer; he did not look at me.	"А на панели нашел", - и говорит он это так, как будто бы неподобно, и не глядя.
"Did you hear what happened that very evening, at that very hour, on that same staircase?" said I.	"А слышал, говорю, что вот то и то, в тот самый вечер и в том часу, по той лестнице, произошло?" -
"No," said he, "I had not heard," and all the while he was listening, his eyes were staring out of his head and he turned as white as chalk.	"Нет, говорит, не слыхал", - а сам слушает, глаза вытараща, и побелел он вдруг, ровно мел.
I told him all about it and he took his hat and began getting up.	Я этта ему рассказываю, смотрю, а он за шапку и начал вставать.
I wanted to keep him.	Тут и захотел я его задержать:
"Wait a bit, Nikolay," said I, "won't you have a drink?"	"Погоди, Миколай, говорю, аль не выпьешь?"
And I signed to the boy to hold the door, and I came out from behind the bar; but he darted out and down the street to the turning at a run. I have not seen him since.	А сам мигнул мальчишке, чтобы дверь придержал, да из-за застойки-то выхожу: как он тут от меня прыснет, да на улицу, да бегом, да в проулок, - только я и видел его.
Then my doubts were at an end--it was his doing, as clear as could be...."	Тут я и сумления моего решился, потому его грех, как есть..."

"I should think so," said Zossimov.	- Еще бы!.. - проговорил Зосимов.
"Wait!	- Стой!
Hear the end.	Конца слушай!
Of course they sought high and low for Nikolay; they detained Dushkin and searched his house; Dmitri, too, was arrested; the Kolomensky men also were turned inside out. And the day before yesterday they arrested Nikolay in a tavern at the end of the town.	Пустились, разумеется, со всех ног Миколая разыскивать: Душкина задержали и обыск произвели, Митрея тоже; пораспотрошили и коломенских, - только вдруг третьего дня и приводят самого Миколая: задержали его близ - ской заставы, на постоялом дворе.
He had gone there, taken the silver cross off his neck and asked for a dram for it.	Пришел он туда, снял с себя крест, серебряный, и попросил за крест шкалик.
They gave it to him.	Дали.
A few minutes afterwards the woman went to the cowshed, and through a crack in the wall she saw in the stable adjoining he had made a noose of his sash from the beam, stood on a block of wood, and was trying to put his neck in the noose. The woman screeched her hardest; people ran in.	Погодя немного минут, баба в коровник пошла и видит в щель: он рядом в сарае к балке кушак привязал, петлю сделал; стал на обрубок и хочет себе петлю на шею надеть; баба вскрикнула благим матом, сбежались:
' So that's what you are up to!'	"Так вот ты каков!" -
'Take me,' he says, 'to such-and-such a police officer; I'll confess everything.'	"А ведите меня, говорит, в такую-то часть во всем повинюсь".
Well, they took him to that police station--that is here--with a suitable escort.	Ну, его с надлежащими онерами и представили в такую-то часть, сюда то есть.
So they asked him this and that, how old he is, 'twenty-two,' and so on.	Ну то, се, кто, как, сколько лет - " двадцать два" -и прочее, и прочее.
At the question,	Вопрос:

'When you were working with Dmitri, didn't you see anyone on the staircase at such-and-such a time?'--answer:	"Как работали с Митреем, не видали ль кого по лестнице, вот в таком-то и таком-то часу?"
'To be sure folks may have gone up and down, but I did not notice them.'	Ответ:
'And didn't you hear anything, any noise, and so on?'	"Известно, проходили, может, люди какие, да нам не в примету". -
'We heard nothing special.'	"А не слыхали ль чего, шуму какого и прочего?" -

'And did you hear, Nikolay, that on the same day Widow So-and-so and her sister were murdered and robbed?'	"Ничего не слыхали такого особенного". - "А было ль известно тебе, Миколаю, в тот самый день, что такую-то вдову в такой-то день и час с сестрой ее убили и ограбили?" -
' I never knew a thing about it.	"Знать не знаю, ведать не ведаю.
The first I heard of it was from Afanasy Pavlovitch the day before yesterday.'	Впервой от Афанасия Павлыча, на третьи сутки, в распивошной услыхал". -
' And where did you find the ear-rings?'	"А где серьги взял?" -
' I found them on the pavement.'	"На панели нашел". -
'Why didn't you go to work with Dmitri the other day?'	"Почему на другой день не явился с Митреем на работу?" -
'Because I was drinking.'	"Потому этта я загулял". -
'And where were you drinking?'	"А где гулял?" -
' Oh, in such-and-such a place.'	"А там-то и там-то". -
'Why did you run away from Dushkin's?'	"Почему бежал от Душкина?" -
' Because I was awfully frightened.'	"Потому уж испужались мы тогда очинна". -
'What were you frightened of?'	"Чего испугался?" -
' That I should be accused.'	"А што засудят". -
'How could you be frightened, if you felt free from guilt?'	"Как же ты мог испугаться того, коли ты чувствуешь себя ни в чем не виновным?.."
Now, Zossimov, you may not believe me, that question was put literally in those words. I know it for a fact, it was repeated to me exactly!	Ну веришь иль не веришь, Зосимов, этот вопрос был предложен, и буквально в таких выражениях, я положительно знаю, мне верно передали!
What do you say to that?"	Каково? Каково?
"Well, anyway, there's the evidence."	- Ну, нет, однако ж, улики-то существуют.
"I am not talking of the evidence now, I am talking about that question, of their own idea of themselves.	- Да я не про улики теперь, я про вопрос, про то, как они сущность-то свою понимают!
Well, so they squeezed and squeezed him and he confessed:	Ну, да черт!.. Ну, так жали его, жали, нажимали, нажимали, ну и повинился:
'I did not find it in the street, but in the flat where I was painting with Dmitri.'	"Не на панели, дескать, нашел, а в фатере нашел, в которой мы с Митреем мазали". -

' And how was that?'	"Каким таким манером?" -
'Why, Dmitri and I were painting there all day, and we were just getting ready to go, and Dmitri took a brush and painted my face, and he ran off and I after him.	"А таким самым манером, что мазали мы этта с Митреем весь день, до восьми часов, и уходить собирались, а Митрей взял кисть да мне по роже краской и мазнул, мазнул этта он меня в рожу краской, да и побег, а я за ним.
I ran after him, shouting my hardest, and at the bottom of the stairs I ran right against the porter and some gentlemen--and how many gentlemen were there I don't remember. And the porter swore at me, and the other porter swore, too, and the porter's wife came out, and swore at us, too; and a gentleman came into the entry with a lady, and he swore at us, too, for Dmitri and I lay right across the way. I got hold of Dmitri's hair and knocked him down and began beating him. And Dmitri, too, caught me by the hair and began beating me. But we did it all not for temper but in a friendly way, for sport.	И бегу этта я за ним, а сам кричу благим матом; а как с лестницы в подворотню выходить, набежал я с размаху на дворника и на господ, а сколько было с ним господ, не упомню, а дворник за то меня обругал, а другой дворник тоже обругал, и дворникова баба вышла, тоже нас обругала, и господин один в подворотню входил, с дамою, и тоже нас обругал, потому мы с Митькой поперек места легли: я Митьку за волосы схватил, и повалил, и стал тузить, а Митька тоже, из-под меня, за волосы меня ухватил и стал тузить, а делали мы то не по злобе, а по всей то есь любви, играючи.
And then Dmitri escaped and ran into the street, and I ran after him; but I did not catch him, and went back to the flat alone; I had to clear up my things.	А потом Митька ослободился да на улицу и побег, а я за ним, да не догнал и воротился в фатеру один, - потому прибраться надоть бы было.
I began putting them together, expecting Dmitri to come, and there in the passage, in the corner by the door, I stepped on the box.	Стал я собирать и жду Митрея, авось подойдет. Да у дверей в сени, за стенкой, в углу, на коробку и наступил.
I saw it lying there wrapped up in paper.	Смотрю, лежит, в гумаге завернута.
I took off the paper, saw some little hooks, undid them, and in the box were the ear-rings...."	Я гумагу-то снял, вижу крючочки такие махочкие, крючочки-то мы этта поснимали - ан в коробке-то серьги..."
"Behind the door?	- За дверьми?
Lying behind the door?	За дверями лежала?
Behind the door?" Raskolnikov cried suddenly, staring with a blank look of terror at Razumihin, and he slowly sat up on the sofa, leaning on his hand.	За дверями? - вскричал вдруг Раскольников, мутным, испуганным взглядом смотря на Разумихина, и медленно приподнялся, опираясь рукой, на диване.

"Yes... why?"	- Да... а что?
What's the matter?	Что с тобой?
What's wrong?"	Чего ты так?
Razumihin, too, got up from his seat.	- Разумихин тоже приподнялся с места.
"Nothing," Raskolnikov answered faintly, turning to the wall.	- Ничего!.. - едва слышно отвечал Раскольников, опускаясь опять на подушку и опять отворачиваясь к стене.
All were silent for a while.	Все помолчали немного.
"He must have waked from a dream," Razumihin said at last, looking inquiringly at Zossimov. The latter slightly shook his head.	- Задремал, должно быть, спросонья, - проговорил наконец Разумихин, вопросительно смотря на Зосимова; тот сделал легкий отрицательный знак головой.

"Well, go on," said Zossimov.	- Ну, продолжай же, - сказал Зосимов, - что дальше?
"What next?" "What next?"	- Да что дольше?
As soon as he saw the ear-rings, forgetting Dmitri and everything, he took up his cap and ran to Dushkin and, as we know, got a rouble from him. He told a lie saying he found them in the street, and went off drinking.	Только что он увидал серьги, как тотчас же, забыв и квартиру, и Митьку, схватил шапку и побежал к Душкину и, как известно, получил от него рубль, а ему соврал, что нашел на панели, и тотчас же загулял.
He keeps repeating his old story about the murder:	А про убийство подтверждает прежнее:
'I know nothing of it, never heard of it till the day before yesterday.'	"Знать не знаю, ведать не ведаю, только на третий день услышал". -
' And why didn't you come to the police till now?'	"А зачем же ты до сих пор не являлся?" -
' I was frightened.'	"Со страху". -
' And why did you try to hang yourself?'	"А повеситься зачем хотел?" -
' From anxiety.'	"От думы". -
'What anxiety?'	"От какой думы?" -
' That I should be accused of it.'	"А што засудят".
Well, that's the whole story.	Ну, вот и вся история.
And now what do you suppose they deduced from that?"	Теперь, как думаешь, что они отсюда извлекли?

"Why, there's no supposing. There's a clue, such as it is, a fact.	- Да чего думать-то, след есть, хоть какой да есть. Факт.
You wouldn't have your painter set free?"	Не на волю ж выпустить твоего красильщика?
"Now they've simply taken him for the murderer.	- Да ведь они ж его прямо в убийцы теперь записали!
They haven't a shadow of doubt."	У них уж и сомнений нет никаких...
"That's nonsense. You are excited.	- Да врешь; горячишься.
But what about the ear-rings?	Ну, а серьги?
You must admit that, if on the very same day and hour ear-rings from the old woman's box have come into Nikolay's hands, they must have come there somehow.	Согласись сам, что коли в тот самый день и час к Николаю из старухина сундука попадают серьги в руки, - согласись сам, что они как-нибудь да должны же были попасть?
That's a good deal in such a case."	Это немало при таком следствии.
"How did they get there?	- Как попали!
How did they get there?" cried Razumihin. "How can you, a doctor, whose duty it is to study man and who has more opportunity than anyone else for studying human nature--how can you fail to see the character of the man in the whole story?	Как попали? - вскричал Разумихин, - и неужели ты, доктор, ты, который, прежде всего, человека изучать обязан и имеешь случай, скорей всякого другого, натуру человеческую изучить, - неужели ты не видишь, по всем этим данным, что это за натура, этот Николай?

Don't you see at once that the answers he has given in the examination are the holy truth?	Неужели не видишь с первого же разу, что все, что он показал при допросах, святейшая правда есть?
They came into his hand precisely as he has told us--he stepped on the box and picked it up."	Точнехонько так и попали в руки, как он показал. Наступил на коробку и поднял!
"The holy truth!	- Святейшая правда!
But didn't he own himself that he told a lie at first?"	Однако ж сам признался, что с первого разу солгал?
"Listen to me, listen attentively. The porter and Koch and Pestryakov and the other porter and the wife of the first porter and the woman who was sitting in the porter's lodge and the man Kryukov, who had just got out of a cab at that minute and went in at the entry with a lady on his arm, that is eight or ten witnesses, agree that Nikolay had Dmitri on the ground, was lying on him beating him, while Dmitri hung on to his hair, beating him, too.	- Слушай меня, слушай внимательно: и дворник, и Кох, и Пестряков, и другой дворник, и жена первого дворника, и мещанка, что о ту пору у ней в дворницкой сидела, и надворный советник Крюков, который в эту самую минуту с извозчика встал и в подворотню входил об руку с дамою, -все, то есть восемь или десять свидетелей, единогласно показывают, что Николай придавил Дмитрия к земле, лежал на нем и его тузил, а тот ему в волосы вцепился и тоже тузил.
They lay right across the way, blocking the thoroughfare. They were sworn at on all sides while they 'like children' (the very words of the witnesses) were falling over one another, squealing, fighting and laughing with the funniest faces, and, chasing one another like children, they ran into the street.	Лежат они поперек дороги и проход загораживают; их ругают со всех сторон, а они, "как малые ребята" (буквальное выражение свидетелей), лежат друг на друге, визжат, дерутся и хохочут, оба хохочут взапуски, с самыми смешными рожами, и один другого догонять, точно дети, на улицу выбежали.
Now take careful note.	Слышал?
The bodies upstairs were warm, you understand, warm when they found them!	Теперь строго заметь себе: тела наверху еще теплые, слышишь, теплые, так нашли их!
If they, or Nikolay alone, had murdered them and broken open the boxes, or simply taken part in the robbery, allow me to ask you one question: do their state of mind, their squeals and giggles and childish scuffling at the gate fit in with axes, bloodshed, fiendish cunning, robbery?	Если убили они, или только один Николай, и при этом ограбили сундуки со взломом, или только участвовали чем-нибудь в грабеже, то позволь тебе задать всего только один вопрос: хохот, ребяческая драка под воротами, - с топорами, с кровью, с злодейскою хитростью, осторожностью, грабежом?

They'd just killed them, not five or ten minutes before, for the bodies were still warm, and at once, leaving the flat open, knowing that people would go there at once, flinging away their booty, they rolled about like children, laughing and attracting general attention. And there are a dozen witnesses to swear to that!"	Тотчас же убили, всего какихнибудь пять или десять минут назад, - потому так выходит, тела еще теплые, - и вдруг, бросив и тела, и квартиру отпертую, и зная, что сейчас туда люди прошли, и добычу бросив, они, как малые ребята, валяются на дороге, хохочут, всеобщее внимание на себя привлекают, и этому десять единогласных свидетелей есть!
"Of course it is strange!	- Конечно, странно!
It's impossible, indeed, but..."	Разумеется, невозможно, но...

"No, brother, no _buts_. And if the ear-rings being found in Nikolay's hands at the very day and hour of the murder constitutes an important piece of circumstantial evidence against him--although the explanation given by him accounts for it, and therefore it does not tell seriously against him--one must take into consideration the facts which prove him innocent, especially as they are facts that _cannot be denied_.	- Нет, брат, не но, а если серьги, в тот же день и час очутившиеся у Николая в руках, действительно составляют важную фактическую против него контру - однако ж прямо объясняемую его показаниями, следственно еще спорную контру, - то надо же взять в соображение факты и оправдательные, и тем паче, что они факты неотразимые.
And do you suppose, from the character of our legal system, that they will accept, or that they are in a position to accept, this fact--resting simply on a psychological impossibility--as irrefutable and conclusively breaking down the circumstantial evidence for the prosecution?	А как ты думаешь, по характеру нашей юриспруденции, примут или способны ль они принять такой факт, - основанный единственно только на одной психологической невозможности, на одном только душевном настроении, - за факт неотразимый и все обвинительные и вещественные факты, каковы бы они ни были, разрушающий?
No, they won't accept it, they certainly won't, because they found the jewel-case and the man tried to hang himself, 'which he could not have done if he hadn't felt guilty.'	Нет, не примут, не примут ни за что, потому-де коробку нашли и человек удавиться хотел, "чего не могло быть, если б не чувствовал себя виноватым!"
That's the point, that's what excites me, you must understand!"	Вот капитальный вопрос, вот из чего горячусь я! Пойми!
"Oh, I see you are excited!	- Да я и вижу, что ты горячишься.
Wait a bit. I forgot to ask you; what proof is there that the box came from the old woman?"	Постой, забыл спросить: чем доказано, что коробка с серьгами действительно из старухина сундука?
"That's been proved," said Razumihin with	- Это доказано, - отвечал Разумихин,

apparent reluctance, frowning. "Koch recognised the jewel-case and gave the name of the owner, who proved conclusively that it was his."	нахмурясь и как бы нехотя, - Кох узнал вещь и закладчика указал, а тот положительно доказал, что вещь точно его.
"That's bad.	- Плохо.
Now another point. Did anyone see Nikolay at the time that Koch and Pestryakov were going upstairs at first, and is there no evidence about that?"	Теперь еще: не видал ли кто-нибудь Николая в то время, когда Кох да Пестряков наверх прошли, и нельзя ли это чем-нибудь доказать?
"Nobody did see him," Razumihin answered with vexation. "That's the worst of it. Even Koch and Pestryakov did not notice them on their way upstairs, though, indeed, their evidence could not have been worth much.	- То-то и есть, что никто не видал, - отвечал Разумихин с досадой, - то-то и скверно; даже Кох с Пестряковым их не заметили, когда наверх проходили, хотя их свидетельство и не очень много бы теперь значило.
They said they saw the flat was open, and that there must be work going on in it, but they took no special notice and could not remember whether there actually were men at work in it."	"Видели, говорят, что квартира отпертая, что в ней, должно быть, работали, но, проходя, внимания не обратили и не помним точно, были ли там в ту минуту работники или нет".
"Hm!...	- Гм.
So the only evidence for the defence is that they were beating one another and laughing.	Стало быть, всего только и есть оправдания, что тузили друг друга и хохотали.
That constitutes a strong presumption, but...	Положим, это сильное доказательство, но...

How do you explain the facts yourself?"	Позволь теперь: как же ты сам-то весь факт объясняешь?
"How do I explain them?	Находку серег чем объясняешь, коли действительно он их так нашел, как показывает?
What is there to explain?	- Чем объясняю?
It's clear.	Да чего тут объяснять: дело ясное!
At any rate, the direction in which explanation is to be sought is clear, and the jewel-case points to it.	По крайней мере дорога, по которой надо дело вести, ясна и доказана, и именно коробка доказала ее.
The real murderer dropped those ear-rings.	Настоящий убийца обронил эти серьги.

The murderer was upstairs, locked in, when Koch and Pestryakov knocked at the door.	Убийца был наверху, когда Кох и Пестряков стучались, и сидел на запоре.
Koch, like an ass, did not stay at the door; so the murderer popped out and ran down, too; for he had no other way of escape.	Кох сдурил и пошел вниз; тут убийца выскочил и побежал тоже вниз, потому никакого другого у него не было выхода.
He hid from Koch, Pestryakov and the porter in the flat when Nikolay and Dmitri had just run out of it. He stopped there while the porter and others were going upstairs, waited till they were out of hearing, and then went calmly downstairs at the very minute when Dmitri and Nikolay ran out into the street and there was no one in the entry; possibly he was seen, but not noticed.	На лестнице спрятался он от Коха, Пестрякова и дворника в пустую квартиру, именно в ту минуту, когда Дмитрий и Николай из нее выбежали, простоял за дверью, когда дворник и те проходили наверх, переждал, пока затихли шаги, и сошел себе вниз преспокойно, ровно в ту самую минуту, когда Дмитрий с Николаем на улицу выбежали, и все разошлись, и никого под воротами не осталось.
There are lots of people going in and out.	Может, и видели его, да не заметили; мало ли народу проходит?
He must have dropped the ear-rings out of his pocket when he stood behind the door, and did not notice he dropped them, because he had other things to think of.	А коробку он выронил из кармана, когда за дверью стоял, и не заметил, что выронил, потому не до того ему было.
The jewel-case is a conclusive proof that he did stand there....	Коробка же ясно доказывает, что он именно там стоял.
That's how I explain it."	Вот и вся штука!
"Too clever!	- Хитро!
No, my boy, you're too clever.	Нет, брат, это хитро.
That beats everything."	Это хитрее всего!
"But, why, why?"	- Да почему же, почему же?
"Why, because everything fits too well... it's too melodramatic."	- Да потому что слишком уж все удачно сошлось... и сплелось... точно как на театре.
"A-ach!" Razumihin was exclaiming, but at that moment the door opened and a personage came in who was a stranger to all present.	- Э-эх! - вскричал было Разумихин, но в эту минуту отворилась дверь, и вошло одно новое, не знакомое ни одному из присутствующих, лицо.
CHAPTER V	V

This was a gentleman no longer young, of a stiff and portly appearance, and a cautious and sour countenance. He began by stopping short in the doorway, staring about him with offensive and undisguised astonishment, as though asking himself what sort of place he had come to.	Это был господин немолодых уже лет, чопорный, осанистый, с осторожною и брюзгливою физиономией, который начал тем, что остановился в дверях, озираясь кругом с обидно-нескрываемым удивлением и как будто спрашивая взглядами: "Куда ж это я попал?"
Mistrustfully and with an affectation of being alarmed and almost affronted, he scanned Raskolnikov's low and narrow "cabin."	Недоверчиво и даже с аффектацией некоторого испуга, чуть ли даже не оскорбления, озира́л он тесную и низкую "морскую каюту" Раскольникова.
With the same amazement he stared at Raskolnikov, who lay undressed, dishevelled, unwashed, on his miserable dirty sofa, looking fixedly at him.	С тем же удивлением перевел и уставил потом глаза на самого Раскольникова, раздетого, всклоченного, немытого, лежавшего не мизерном грязном своем диване и тоже неподвижно его рассматривавшего.
Then with the same deliberation he scrutinised the uncouth, unkempt figure and unshaven face of Razumihin, who looked him boldly and inquiringly in the face without rising from his seat.	Затем, с тою же медлительностью, стал рассматривать растрепанную, небритую и нечесаную фигуру Разумихина, который в свою очередь дерзковопросительно глядел ему прямо в глаза, не двигаясь с места.
A constrained silence lasted for a couple of minutes, and then, as might be expected, some scene-shifting took place.	Напряженное молчание длилось с минуту, и наконец, как и следовало ожидать, произошла маленькая перемена декорации.
Reflecting, probably from certain fairly unmistakable signs, that he would get nothing in this "cabin" by attempting to overawe them, the gentleman softened somewhat, and civilly, though with some severity, emphasising every syllable of his question, addressed Zossimov:	Сообразив, должно быть, по некоторым, весьма, впрочем, резким, данным, что преувеличенно-строкою осанкой здесь в этой "морской каюте", ровно ничего не возьмешь вошедший господин несколько смягчился и вежливо, хотя и не без строгости, произнес, обращаясь к Зосимову и отчеканивая каждый слог своего вопроса:
"Rodion Romanovitch Raskolnikov, a student, or formerly a student?"	- Родион Романыч Раскольников, господин студент или бывший студент?
Zossimov made a slight movement, and would have answered, had not Razumihin anticipated him.	Зосимов медленно шевельнулся и, может быть, и ответил бы, если бы Разумихин, к которому вовсе не относились, не предупредил его тотчас же:
"Here he is lying on the sofa!"	- А вот он лежит на диване!
What do you want?"	А вам что нужно?

This familiar "what do you want" seemed to cut the ground from the feet of the pompous gentleman. He was turning to Razumihin, but checked himself in time and turned to Zossimov again.	Это фамильярное "а вам что нужно?" так и подсекло чопорного господина; он даже чуть было не повернулся к Разумихину, но успел-таки сдержать себя вовремя и поскорей повернулся опять к Зосимову.
"This is Raskolnikov," mumbled Zossimov, nodding towards him. Then he gave a prolonged yawn, opening his mouth as wide as possible.	- Вот Раскольников! - проямлил Зосимов, кивнув на больного, затем зевнул, причем как-то необыкновенно много раскрыл свой рот и необыкновенно долго держал его в таком положении.
Then he lazily put his hand into his waistcoat-pocket, pulled out a huge gold watch in a round hunter's case, opened it, looked at it and as slowly and lazily proceeded to put it back.	Потом медленно потащился в свой жилетный карман, вынул огромнейшие выпуклые глухие золотые часы, раскрыл, посмотрел и так же медленно и лениво потащился опять их укладывать.
Raskolnikov himself lay without speaking, on his back, gazing persistently, though without understanding, at the stranger.	Сам Раскольников все время лежал молча, навзничь, и упорно, хотя и без всякой мысли, глядел на вошедшего.
Now that his face was turned away from the strange flower on the paper, it was extremely pale and wore a look of anguish, as though he had just undergone an agonising operation or just been taken from the rack.	Лицо его, отвернувшееся теперь от любопытного цветка на обоях, было чрезвычайно бледно и выражало необыкновенное страдание, как будто он только что перенес мучительную операцию или выпустили его сейчас из-под пытки.
But the new-comer gradually began to arouse his attention, then his wonder, then suspicion and even alarm.	Но вошедший господин мало-помалу стал возбуждать в нем все больше и больше внимания, потом недоумения, потом недоверчивости и даже как будто боязни.
When Zossimov said "This is Raskolnikov" he jumped up quickly, sat on the sofa and with an almost defiant, but weak and breaking, voice articulated:	Когда же Зосимов, указав на него, проговорил: "вот Раскольников", он вдруг, быстро приподнявшись, точно привскочив, сел на постели и почти вызывающим, но прерывистым и слабым голосом произнес:
"Yes, I am Raskolnikov!	- Да! Я Раскольников!
What do you want?"	Что вам надо?
The visitor scrutinised him and pronounced impressively:	Гость внимательно посмотрел и внушительно произнес:
"Pyotr Petrovitch Luzhin.	- Петр Петрович Лужин.
I believe I have reason to hope that my	Я в полной надежде, что имя мое не совсем

name is not wholly unknown to you?"	уже вам безызвестно.
But Raskolnikov, who had expected something quite different, gazed blankly and dreamily at him, making no reply, as though he heard the name of Pyotr Petrovitch for the first time.	Но Раскольников, ожидавший чего-то совсем другого, тупо и задумчиво посмотрел на него и ничего не ответил, как будто имя Петра Петровича слышал он решительно в первый раз.
"Is it possible that you can up to the present have received no information?" asked Pyotr Petrovitch, somewhat disconcerted.	- Как? Неужели вы до сих пор не изволили еще получить никаких известий? - спросил Петр Петрович, несколько корбясь.
In reply Raskolnikov sank languidly back on the pillow, put his hands behind his head and gazed at the ceiling.	В ответ на это Раскольников медленно опустился на подушку, закинул руки за голову и стал смотреть в потолок.
A look of dismay came into Luzhin's face.	Тоска проглянула в лице Лужина.
Zossimov and Razumihin stared at him more inquisitively than ever, and at last he showed unmistakable signs of embarrassment.	Зосимов и Разумихин еще с бо'льшим любопытством принялись его оглядывать, и он видимо наконец сконфузился.
"I had presumed and calculated," he faltered, "that a letter posted more than ten days, if not a fortnight ago..."	- Я предполагал и рассчитывал, - замямлил он, - что письмо, пущенное уже с лишком десять дней, даже чуть ли не две недели...

"I say, why are you standing in the doorway?" Razumihin interrupted suddenly. "If you've something to say, sit down. Nastasya and you are so crowded.	- Послушайте, что ж вам все стоять у дверей-то? - перебил вдруг Разумихин, - коли имеете что объяснить, так садитесь, а обоим вам, с Настасьей, там тесно.
Nastasya, make room. Here's a chair, thread your way in!"	Настасьюшка, посторонись, дай пройти!
He moved his chair back from the table, made a little space between the table and his knees, and waited in a rather cramped position for the visitor to "thread his way in."	Проходите, вот вам стул, сюда! Пролезайте же! Он отодвинул свой стул от стола, высвободил немного пространства между столом и своими коленями и ждал несколько в напряженном положении, чтобы гость "пролез" в эту щелочку.
The minute was so chosen that it was impossible to refuse, and the visitor squeezed his way through, hurrying and stumbling.	Минута была так выбрана, что никак нельзя было отказать, и гость полез через узкое пространство, торопясь и спотыкаясь.
Reaching the chair, he sat down, looking suspiciously at Razumihin.	Достигнув стула, он сел и мнительно поглядел на Разумихина.
"No need to be nervous," the latter blurted	- Вы, впрочем, не конфузьтесь, - брякнул

out. "Rodya has been ill for the last five days and delirious for three, but now he is recovering and has got an appetite.	тот, -Родя пятый день уже болен и три дня бредил, а теперь очнулся и даже ел с аппетитом.
This is his doctor, who has just had a look at him. I am a comrade of Rodya's, like him, formerly a student, and now I am nursing him; so don't you take any notice of us, but go on with your business."	Это вот его доктор сидит, только что его осмотрел, а я товарищ Родькин, тоже бывший студент, и теперь вот с ним нянчусь; так вы нас не считайте и не стесняйтесь, а продолжайте, что вам там надо.
"Thank you.	- Благодарю вас.
But shall I not disturb the invalid by my presence and conversation?" Pyotr Petrovitch asked of Zossimov.	Не беспокою ли я, однако, больного своим присутствием и разговором? - обратился Петр Петрович к Зосимову.
"N-no," mumbled Zossimov; "you may amuse him." He yawned again.	- Н-нет, - промямлил Зосимов, - даже развлечь можете, - и опять зевнул.
"He has been conscious a long time, since the morning," went on Razumihin, whose familiarity seemed so much like unaffected good-nature that Pyotr Petrovitch began to be more cheerful, partly, perhaps, because this shabby and impudent person had introduced himself as a student.	- О, он давно уже в памяти, с утра! - продолжал Разумихин, фамильярность которого имела вид такого неподдельного простодушия, что Петр Петрович подумал и стал ободряться, может быть, отчасти и потому, что этот оборванец и нахал успел-таки отрекомендоваться студентом.
"Your mamma," began Luzhin.	- Ваша мамаша... - начал Лужин.
"Hm!" Razumihin cleared his throat loudly.	- Гм! - громко сделал Разумихин.
Luzhin looked at him inquiringly.	Лужин посмотрел на него вопросительно.
"That's all right, go on."	- Ничего, я так; ступайте...
Luzhin shrugged his shoulders.	Лужин пожал плечами.
"Your mamma had commenced a letter to you while I was sojourning in her neighbourhood.	- ... Ваша мамаша, еще в бытность мою при них, начала к вам письмо.

On my arrival here I purposely allowed a few days to elapse before coming to see you, in order that I might be fully assured that you were in full possession of the tidings; but now, to my astonishment..."	Приехав сюда, я нарочно пропустил несколько дней и не приходил к вам, чтоб уж быть вполне уверенным, что вы извещены обо всем; но теперь, к удивлению моему...
"I know, I know!" Raskolnikov cried suddenly with impatient vexation.	- Знаю, знаю! - проговорил вдруг Раскольников, с выражением самой нетерпеливой досады.

"So you are the _fiance_?"	- Это вы? Жених?
I know, and that's enough!"	Ну, знаю!.. и довольно!
There was no doubt about Pyotr Petrovitch's being offended this time, but he said nothing.	Петр Петрович решительно обиделся, но смолчал.
He made a violent effort to understand what it all meant.	Он усиленно спешил сообразить, что все это значит?
There was a moment's silence.	С минуту продолжалось молчание.
Meanwhile Raskolnikov, who had turned a little towards him when he answered, began suddenly staring at him again with marked curiosity, as though he had not had a good look at him yet, or as though something new had struck him; he rose from his pillow on purpose to stare at him.	Между тем Раскольников, слегка было оборотившийся к нему при ответе, принялся вдруг его снова рассматривать пристально и с каким-то особенным любопытством, как будто давеча еще не успел его рассмотреть всего или как будто что-то новое в нем его поразило: даже приподнялся для этого нарочно с подушки.
There certainly was something peculiar in Pyotr Petrovitch's whole appearance, something which seemed to justify the title of "fiance" so unceremoniously applied to him.	Действительно, в общем виде Петра Петровича поражало как бы что-то особенное, а именно, нечто как бы оправдывавшее название "жениха", так бесцеремонно ему сейчас данное.
In the first place, it was evident, far too much so indeed, that Pyotr Petrovitch had made eager use of his few days in the capital to get himself up and rig himself out in expectation of his betrothed--a perfectly innocent and permissible proceeding, indeed.	Во-первых, было видно и даже слишком заметно, что Петр Петрович усиленно поспешил воспользоваться несколькими днями в столице, чтоб успеть принарядиться и прикраситься в ожидании невесты, что, впрочем, было весьма невинно и позволительно.
Even his own, perhaps too complacent, consciousness of the agreeable improvement in his appearance might have been forgiven in such circumstances, seeing that Pyotr Petrovitch had taken up the role of fiance.	Даже собственное, может быть даже слишком самодовольное собственное сознание своей приятной перемены к лучшему могло бы быть прощено для такого случая, ибо Петр Петрович состоял на линии жениха.
All his clothes were fresh from the tailor's and were all right, except for being too new and too distinctly appropriate.	Все платье его было только что от портного, и все было хорошо, кроме разве того только, что все было слишком новое и слишком обличало известную цель.
Even the stylish new round hat had the	Даже щегольская, новехонькая, круглая шляпа об этой цели свидетельствовала: Петр

same significance. Pyotr Petrovitch treated it too respectfully and held it too carefully in his hands.	Петрович как-то уж слишком почтительно с ней обращался и слишком осторожно держал ее в руках.
The exquisite pair of lavender gloves, real Louvain, told the same tale, if only from the fact of his not wearing them, but carrying them in his hand for show.	Даже прелестная пара сиреневых, настоящих жувеневских, перчаток свидетельствовала то же самое, хотя бы тем одним, что их не надевали, а только носили в руках для параду.
Light and youthful colours predominated in Pyotr Petrovitch's attire.	В одежде же Петра Петровича преобладали цвета светлые и юношественные.
He wore a charming summer jacket of a fawn shade, light thin trousers, a waistcoat of the same, new and fine linen, a cravat of the lightest cambric with pink stripes on it, and the best of it was, this all suited Pyotr Petrovitch.	На нем был хорошенький летний пиджак светлокоричневого оттенка, светлые легкие брюки, таковая же жилетка, только что купленное тонкое белье, батистовый самый легкий галстучек с розовыми полосками, и что всего лучше: все это было даже к лицу Петру Петровичу.
His very fresh and even handsome face looked younger than his forty-five years at all times.	Лицо его, весьма свежее и даже красивое, и без того казалось моложе своих сорока пяти лет.
His dark, mutton-chop whiskers made an agreeable setting on both sides, growing thickly upon his shining, clean-shaven chin.	Темные бакенбарды приятно осеняли его с обеих сторон, в виде двух котлет, и весьма красиво сгущались возле светловыбритого блиставшего подбородка.
Even his hair, touched here and there with grey, though it had been combed and curled at a hairdresser's, did not give him a stupid appearance, as curled hair usually does, by inevitably suggesting a German on his wedding-day.	Даже волосы, впрочем чуть-чуть лишь с проседью, расчесанные и завитые у парикмахера, не представляли этим обстоятельством ничего смешного или какого-нибудь глупого вида, что обыкновенно всегда бывает при завитых волосах, ибо придает лицу неизбежное сходство с немцем, идущим под венец.
If there really was something unpleasing and repulsive in his rather good-looking and imposing countenance, it was due to quite other causes.	Если же и было что-нибудь в этой довольно красивой и солидной физиономии действительно неприятное и отталкивающее, то происходило уж от других причин.
After scanning Mr. Luzhin unceremoniously, Raskolnikov smiled malignantly, sank back on the pillow	Рассмотрев без церемонии господина Лужина, Раскольников ядовито улыбнулся, снова опустился на подушку и стал по-прежнему

and stared at the ceiling as before.	глядеть в потолок.
But Mr. Luzhin hardened his heart and seemed to determine to take no notice of their oddities.	Но господин Лужин скрепился и, кажется, решился не примечать до времени всех этих странностей.
"I feel the greatest regret at finding you in this situation," he began, again breaking the silence with an effort.	- Жалею весьма и весьма, что нахожу вас в таком положении, - начал он снова, с усилием прерывая молчание.
"If I had been aware of your illness I should have come earlier.	- Если б знал о вашем нездоровье, зашел бы раньше.
But you know what business is.	Но, знаете, хлопоты!..
I have, too, a very important legal affair in the Senate, not to mention other preoccupations which you may well conjecture.	Имею к тому же весьма важное дело по моей адвокатской части в сенате. Не упоминаю уже о тех заботах, которые и вы угадаете.
I am expecting your mamma and sister any minute."	Ваших, то есть мамашу и сестрицу, жду с часу на час...
Raskolnikov made a movement and seemed about to speak; his face showed some excitement.	Раскольников пошевелился и хотел было что-то сказать; лицо его выразило некоторое волнение.

Pyotr Petrovitch paused, waited, but as nothing followed, he went on:	Петр Петрович приостановился, выждал, но так как ничего не последовало, то и продолжал:
!!	- ...
Any minute.	С часу на час.
I have found a lodging for them on their arrival."	Приискал им на первый случай квартиру...
"Where?" asked Raskolnikov weakly.	- Где? - слабо выговорил Раскольников.
"Very near here, in Bakaleyev's house."	- Весьма недалеко отсюда, дом Бакалеева...
"That's in Voskresensky," put in Razumihin. "There are two storeys of rooms, let by a merchant called Yushin; I've been there."	- Это на Вознесенском, - перебил Разумихин, - там два этажа под номерами; купец Юшин содержит; бывал.
"Yes, rooms..."	- Да, номера-с...
"A disgusting place--filthy, stinking and, what's more, of doubtful character. Things have happened there, and there are all	- Скверность ужаснейшая: грязь, вонь, да и подозрительное место; штуки случались;

sorts of queer people living there.	да и черт знает кто не живет!..
And I went there about a scandalous business.	Я и сам-то заходил по скандальному случаю.
It's cheap, though..."	Дешево, впрочем.
"I could not, of course, find out so much about it, for I am a stranger in Petersburg myself," Pyotr Petrovitch replied huffily. "However, the two rooms are exceedingly clean, and as it is for so short a time..."	- Я, конечно, не мог собрать стольких сведений, так как и сам человек новый, - щекотливо возразил Петр Петрович, - но, впрочем, две весьма и весьма чистенькие комнатки, а так как это на весьма короткий срок...
I have already taken a permanent, that is, our future flat," he said, addressing Raskolnikov, "and I am having it done up. And meanwhile I am myself cramped for room in a lodging with my friend Andrey Semyonovitch Lebeziatnikov, in the flat of Madame Lippevechsel; it was he who told me of Bakaleyev's house, too..."	Я приискал уже настоящую, то есть будущую нашу квартиру, - оборотился он к Раскольникову, - и теперь ее отделявают; а покамест и сам теснюсь в номерах, два шага отсюда, у госпожи Липпевехзель, в квартире одного моего молодого друга, Андрея Семеныча Лебезятникова; он-то мне и дом Бакалеева указал...
"Lebeziatnikov?" said Raskolnikov slowly, as if recalling something.	- Лебезятникова? - медленно проговорил Раскольников, как бы что-то припоминая.
"Yes, Andrey Semyonovitch Lebeziatnikov, a clerk in the Ministry.	- Да, Андрей Семеныч Лебезятников, служащий в министерстве.
Do you know him?"	Изволите знать?
"Yes... no," Raskolnikov answered.	- Да... нет... - ответил Раскольников.
"Excuse me, I fancied so from your inquiry.	- Извините, мне так показалось по вашему вопросу.
I was once his guardian.... A very nice young man and advanced.	Я был когда-то опекуном его... очень милый молодой человек... и следящий...
I like to meet young people: one learns new things from them."	Я же рад встречать молодежь: по ней узнаешь, что нового.
Luzhin looked round hopefully at them all.	- Петр Петрович с надеждой оглядел всех присутствующих.

"How do you mean?" asked Razumihin.	- Это в каком отношении? - спросил Разумихин.
"In the most serious and essential matters," Pyotr Petrovitch replied, as though delighted at the question.	- В самом серьезном, так сказать, в самой сущности дела, - подхватил Петр Петрович, как бы обрадовавшись вопросу.

"You see, it's ten years since I visited Petersburg.	- Я, видите ли, уже десять лет не посещал Петербурга.
All the novelties, reforms, ideas have reached us in the provinces, but to see it all more clearly one must be in Petersburg.	Все эти наши новости, реформы, идеи - все это и до нас прикоснулось в провинции; но чтобы видеть яснее и видеть все, надобно быть в Петербурге.
And it's my notion that you observe and learn most by watching the younger generation.	Ну-с, а моя мысль именно такова, что всего больше заметишь и узнаешь, наблюдая молодые поколения наши.
And I confess I am delighted..."	И признаюсь: порадовался...
"At what?"	- Чему именно?
"Your question is a wide one.	- Вопрос ваш обширен.
I may be mistaken, but I fancy I find clearer views, more, so to say, criticism, more practicality..."	Могу ошибаться, но, кажется мне, нахожу более ясный взгляд, более, так сказать, критики; более деловитости...
"That's true," Zossimov let drop.	- Это правда, - процедил Зосимов.
"Nonsense! There's no practicality." Razumihin flew at him.	- Врешь ты, деловитости нет, - вцепился Разумихин.
"Practicality is a difficult thing to find; it does not drop down from heaven.	- Деловитость приобретается трудно, а с неба даром не слетает.
And for the last two hundred years we have been divorced from all practical life.	А мы чуть не двести лет как от всякого дела отучены...
Ideas, if you like, are fermenting," he said to Pyotr Petrovitch, "and desire for good exists, though it's in a childish form, and honesty you may find, although there are crowds of brigands. Anyway, there's no practicality.	Идеи-то, пожалуй, и бродят, - обратился он к Петру Петровичу, - и желание добра есть, хоть и детское; и честность даже найдется, несмотря на то что тут видимо-невидимо привалило мошенников, а деловитости все-таки нет!
Practicality goes well shod."	Деловитость в сапогах ходит.
"I don't agree with you," Pyotr Petrovitch replied, with evident enjoyment. "Of course, people do get carried away and make mistakes, but one must have indulgence; those mistakes are merely evidence of enthusiasm for the cause and of abnormal external environment.	- Не соглашусь с вами, - с видимым наслаждением возразил Петр Петрович, - конечно, есть увлечения, неправильности, но надо быть и снисходительным: увлечения свидетельствуют о горячности к делу и о той неправильной внешней обстановке, в которой находится дело.
If little has been done, the time has been but short; of means I will not speak.	Если же сделано мало, то ведь и времени было немного. О средствах и не говорю.

It's my personal view, if you care to know, that something has been accomplished already. New valuable ideas, new valuable works are circulating in the place of our old dreamy and romantic authors. Literature is taking a maturer form, many injurious prejudice have been rooted up and turned into ridicule....	По моему же личному взгляду, если хотите, даже нечто и сделано: распространены новые, полезные мысли, распространены некоторые новые, полезные сочинения, вместо прежних мечтательных и романический; литература принимает более зрелый оттенок; искоренено и осмеяно много вредных предубеждений...
In a word, we have cut ourselves off irrevocably from the past, and that, to my thinking, is a great thing..."	Одним словом, мы безвозвратно отрезали себя от прошедшего, а это, по моему, уж дело-с...
"He's learnt it by heart to show off!"	- Затвердил!
Raskolnikov pronounced suddenly.	Рекомендуется, - произнес вдруг Раскольников.
"What?" asked Pyotr Petrovitch, not catching his words; but he received no reply.	- Что-с? - спросил Петр Петрович, не расслышав, но не получил ответа.
"That's all true," Zossimov hastened to interpose.	- Это все справедливо, - поспешил вставить Зосимов.
"Isn't it so?" Pyotr Petrovitch went on, glancing affably at Zossimov.	- Не правда ли-с? - продолжал Петр Петрович, приятно взглянув на Зосимова.
"You must admit," he went on, addressing Razumihin with a shade of triumph and superciliousness--he almost added "young man"--"that there is an advance, or, as they say now, progress in the name of science and economic truth..."	- Согласитесь сами, - продолжал он, обращаясь к Разумихину, но уже с оттенком некоторого торжества и превосходства, и чуть было не прибавил: "молодой человек", - что есть преуспевание, или, как говорят теперь, прогресс, хотя бы во имя науки и экономической правды...
"A commonplace."	- Общее место!
"No, not a commonplace!"	- Нет, не общее место-с!
Hitherto, for instance, if I were told, 'love thy neighbour,' what came of it?" Pyotr Petrovitch went on, perhaps with excessive haste. "It came to my tearing my coat in half to share with my neighbour and we both were left half naked. As a Russian proverb has it,	Если мне, например, до сих пор говорили: "возлюби", и я возлюблял, то что из того выходило? - продолжал Петр Петрович, может быть с излишнею поспешностью, - выходило то, что я рвал кафтан пополам, делился с ближним, и оба мы оставались наполовину голы, по русской пословице:
'Catch several hares and you won't catch one.'	"Пойдешь за несколькими зайцами разом, и ни одного не достигнешь".
Science now tells us, love yourself before	Наука же говорит: возлюби, прежде всех,

all men, for everything in the world rests on self-interest.	одного себя, ибо все на свете на личном интересе основано.
You love yourself and manage your own affairs properly and your coat remains whole.	Возлюбишь одного себя, то и дела свои обделаешь как следует, и кафтан твой останется цел.
Economic truth adds that the better private affairs are organised in society--the more whole coats, so to say--the firmer are its foundations and the better is the common welfare organised too.	Экономическая же правда прибавляет, что чем более в обществе устроенных частных дел и, так сказать, целых кафтанов, тем более для него твердых оснований и тем более устраивается в нем и общее дело.

Therefore, in acquiring wealth solely and exclusively for myself, I am acquiring, so to speak, for all, and helping to bring to pass my neighbour's getting a little more than a torn coat; and that not from private, personal liberality, but as a consequence of the general advance.	Стало быть, приобретая единственно и исключительно себе, я именно тем самым приобретаю как бы и всем и веду к тому, чтобы ближний получил несколько более рваного кафтана и уже не от частных, единичных щедрот, а вследствие всеобщего преуспевания.
The idea is simple, but unhappily it has been a long time reaching us, being hindered by idealism and sentimentality. And yet it would seem to want very little wit to perceive it..."	Мысль простая, но, к несчастью, слишком долго не приходившая, заслоненная восторженностью и мечтательностью, а казалось бы, немного надо остроумия, чтобы догадаться...
"Excuse me, I've very little wit myself," Razumihin cut in sharply, "and so let us drop it.	- Извините, я тоже неостроумен, - резко перебил Разумихин, - а потому перестанемте.
I began this discussion with an object, but I've grown so sick during the last three years of this chattering to amuse oneself, of this incessant flow of commonplaces, always the same, that, by Jove, I blush even when other people talk like that.	Я ведь и заговорил с целью, а то мне вся эта болтовня-себятешение, все эти неумолчные, непрерывные общие места, и все то же да все то же, до того в три года опротивели, что, ей-богу, краснею, когда и другие-то, не то что я, при мне говорят.
You are in a hurry, no doubt, to exhibit your acquirements; and I don't blame you, that's quite pardonable.	Вы, разумеется, спешили отрекомендоваться в своих познаниях, это очень простительно, и я не осуждаю.
I only wanted to find out what sort of man you are, for so many unscrupulous people have got hold of the progressive cause of late and have so distorted in their own interests everything they touched, that the whole cause has been dragged in the mire.	Я же хотел только узнать теперь, кто вы такой, потому что, видите ли, к общему-то делу в последнее время прицепилось столько разных промышленников, и до того исказили они все, к чему ни прикоснулись, в свой интерес, что решительно все дело

	испакостили.
That's enough!"	Ну-с, и довольно!
"Excuse me, sir," said Luzhin, affronted, and speaking with excessive dignity. "Do you mean to suggest so unceremoniously that I too..."	- Милостивый государь, - начал было господин Лужин, корбясь с чрезвычайным достоинством, - не хотите ли вы, столь бесцеремонно, изъяснить, что и я...
"Oh, my dear sir... how could I?..."	- О, помилуйте, помилуйте... Мог ли я!..
Come, that's enough," Razumihin concluded, and he turned abruptly to Zossimov to continue their previous conversation.	Ну-с, и довольно! - отрезал Разумихин и круто повернулся с продолжением давешнего разговора к Зосимову.
Pyotr Petrovitch had the good sense to accept the disavowal.	Петр Петрович оказался настолько умен, чтобы тотчас же объяснению поверить.
He made up his mind to take leave in another minute or two.	Он, впрочем, решил через две минуты уйти.
"I trust our acquaintance," he said, addressing Raskolnikov, "may, upon your recovery and in view of the circumstances of which you are aware, become closer..."	- Надеюсь, что начатое теперь знакомство наше,- обратился он к Раскольникову, - после вашего выздоровления и ввиду известных вам обстоятельств укрепитя еще более...
Above all, I hope for your return to health..."	Особенно желаю здоровья...
Raskolnikov did not even turn his head.	Раскольников даже головы не повернул.

Pyotr Petrovitch began getting up from his chair.	Петр Петрович начал вставать со стула.
"One of her customers must have killed her," Zossimov declared positively.	- Убил непременно закладчик! - утвердительно говорил Зосимов.
"Not a doubt of it," replied Razumihin.	- Непременно закладчик! - поддакнул Разумихин.
"Porfiry doesn't give his opinion, but is examining all who have left pledges with her there."	- Порфирий своих мыслей не выдает, а закладчиков все-таки допрашивает...
"Examining them?" Raskolnikov asked aloud.	- Закладчиков допрашивает? - громко спросил Раскольников.
"Yes. What then?"	- Да, а что?
"Nothing."	- Ничего.
"How does he get hold of them?" asked Zossimov.	- Откуда он их берет? - спросил Зосимов.

"Koch has given the names of some of them, other names are on the wrappers of the pledges and some have come forward of themselves."	- Иных Кох указал; других имена были на обертках вещей записаны, а иные и сами пришли, как прослышали...
"It must have been a cunning and practised ruffian!"	- Ну ловкая же и опытная, должно быть, каналья!
The boldness of it!	Какая смелость!
The coolness!"	Какая решимость!
"That's just what it wasn't!" interposed Razumihin.	- Вот то-то и есть, что нет! - прервал Разумихин.
"That's what throws you all off the scent.	- Это-то вас всех и сбивает с пути.
But I maintain that he is not cunning, not practised, and probably this was his first crime!	А я говорю - неловкий, неопытный и, наверно, это был первый шаг!
The supposition that it was a calculated crime and a cunning criminal doesn't work.	Предположи расчет и ловкую каналью, и выйдет невероятно.
Suppose him to have been inexperienced, and it's clear that it was only a chance that saved him--and chance may do anything.	Предположи же неопытного, и выйдет, что один только случай его из беды и вынес, а случай чего не делает?
Why, he did not foresee obstacles, perhaps!	Помилуй, да он и препятствий-то, может быть не предвидел!
And how did he set to work? He took jewels worth ten or twenty roubles, stuffing his pockets with them, ransacked the old woman's trunks, her rags--and they found fifteen hundred roubles, besides notes, in a box in the top drawer of the chest!	А как дело ведет? - берет десяти-двадцатирублевые вещи, набивает ими карман, роется в бабьей укладке, в тряпье, - а в комоде в верхнем ящике, в шкатулке, одних чистых денег на полторы тысячи нашли, кроме билетов!
He did not know how to rob; he could only murder.	И ограбить-то не умел, только и сумел, что убить!
It was his first crime, I assure you, his first crime; he lost his head.	Первый шаг, говорю тебе, первый шаг; потерялся!
And he got off more by luck than good counsel!"	И не расчетом, а случаем вывернулся!

"You are talking of the murder of the old pawnbroker, I believe?" Pyotr Petrovitch put in, addressing Zossimov. He was standing, hat and gloves in hand, but before departing he felt disposed to throw off a few more intellectual phrases.	- Это, кажется, о недавнем убийстве старухи чиновницы, - вмешался, обращаясь к Зосимову, Петр Петрович, уже стоя со шляпой в руке и перчатками, но перед уходом пожелав бросить еще несколько умных слов.
He was evidently anxious to make a favourable impression and his vanity overcame his prudence.	Он, видимо, хлопотал о выгодном впечатлении, и тщеславие перебороло благоразумие.
"Yes.	- Да_
You've heard of it?"	Вы слышали?
"Oh, yes, being in the neighbourhood."	- Как же-с, в соседстве...
"Do you know the details?"	- В подробности знаете?
"I can't say that; but another circumstance interests me in the case--the whole question, so to say.	- Не могу сказать; но меня интересует при этом другое обстоятельство так сказать, целый вопрос.
Not to speak of the fact that crime has been greatly on the increase among the lower classes during the last five years, not to speak of the cases of robbery and arson everywhere, what strikes me as the strangest thing is that in the higher classes, too, crime is increasing proportionately.	Не говорю уже о том, что преступления в низшем классе, в последние лет пять, увеличились; не говорю о повсеместных и непрерывных грабежах и пожарах; страннее всего то для меня, что преступления и в высших классах таким же образом увеличиваются и, так сказать, параллельно.
In one place one hears of a student's robbing the mail on the high road; in another place people of good social position forge false banknotes; in Moscow of late a whole gang has been captured who used to forge lottery tickets, and one of the ringleaders was a lecturer in universal history; then our secretary abroad was murdered from some obscure motive of gain....	Там, слышно, бывший студент на большой дороге почту разбил; там передовые, по общественному своему положению, люди фальшивые бумажки делают; там, в Москве, ловят целую компанию подделывателей билетов последнего займа с лотереей, - и в главных участниках один лектор всемирной истории; там убивают нашего секретаря за границей, по причине денежной и загадочной...
And if this old woman, the pawnbroker, has been murdered by someone of a higher class in society--for peasants don't pawn gold trinkets--how are we to explain this demoralisation of the civilised part of our society?"	И если теперь эта старуха процентщица убита одним из закладчиков, то и это, стало быть, был человек из общества более высшего, - ибо мужики не закладывают золотых вещей, - то чем же объяснить эту с одной стороны распущенность цивилизованной части нашего общества?

"There are many economic changes," put in Zossimov.	- Перемен экономических много... - отозвался Зосимов.
"How are we to explain it?" Razumihin caught him ^{up} .	- Чем объяснить? - прицепился Разумихин.
"It might be explained by our inveterate impracticality."	- А вот именно закоренелую слишком неделовитостью и можно бы объяснить.
"How do you mean?"	- То есть, как это-с?
"What answer had your lecturer in Moscow to make to the question why he was forging notes?"	- А что отвечал в Москве вот лектор-то ваш на вопрос, зачем он билеты подделывал:

'Everybody is getting rich one way or another, so I want to make haste to get rich too.'	"Все богатеют разными способами, так и мне поскорей захотелось разбогатеть".
I don't remember the exact words, but the upshot was that he wants money for nothing, without waiting or working!	Точных слов не помню, но смысл, что на даровщинку, поскорей, без труда!
We've grown used to having everything ready-made, to walking on crutches, to having our food chewed for us.	На всем готовом привыкли жить, на чужих помочах ходить, жеваное есть.
Then the great hour struck,[*] and every man showed himself in his true colours."	Ну, а пробил час великий, тут всяк и объявился, чем смотрит...
[*] The emancipation of the serfs in 1861 is meant. --TRANSLATOR'S NOTE.	- Но, однако же, нравственность?
"But morality? And so to speak, principles..."	И, так сказать, правила...
"But why do you worry about it?" Raskolnikov interposed suddenly.	- Да об чем вы хлопчете? - неожиданно вмешался Раскольников.
"It's in accordance with your theory!"	- По вашей же вышло теории!
"In accordance with my theory?"	- Как так по моей теории?
"Why, carry out logically the theory you were advocating just now, and it follows that people may be killed..."	- А доведите до последствий, что вы давеча проповедовали, и выйдет, что людей можно резать...
"Upon my word!" cried Luzhin.	- Помилуйте! - вскричал Лужин.
"No, that's not so," put in Zossimov.	- Нет, это не так! - отозвался Зосимов.
Raskolnikov lay with a white face and	Раскольников лежал бледный, с вздрагивающей верхней губой и трудно

twitching upper lip, breathing painfully.	дышал.
"There's a measure in all things," Luzhin went on superciliously. "Economic ideas are not an incitement to murder, and one has but to suppose..."	- На все есть мера, - высокомерно продолжал Лужин, - экономическая идея еще не есть приглашение к убийству, и если только предположить...
"And is it true," Raskolnikov interposed once more suddenly, again in a voice quivering with fury and delight in insulting him, "is it true that you told your _fiancee_... within an hour of her acceptance, that what pleased you most... was that she was a beggar... because it was better to raise a wife from poverty, so that you may have complete control over her, and reproach her with your being her benefactor?"	- А правда ль, что вы, - перебил вдруг опять Раскольников дрожащим от злобы голосом, в котором слышалась какая-то радость обиды, - правда ль, что вы сказали вашей невесте... в тот самый час, как от нее согласие получили, что всего больше рады тому... что она нищая... потому что выгоднее брать жену из нищеты, чтоб потом над ней властвовать... и попрекать тем, что она вами благодетельствована?..
"Upon my word," Luzhin cried wrathfully and irritably, crimson with confusion, "to distort my words in this way!	- Милостивый государь! - злобно и раздражительно вскричал Лужин, весь вспыхнув и смешавшись, - милостивый государь... так исказить мысль!
Excuse me, allow me to assure you that the report which has reached you, or rather, let me say, has been conveyed to you, has no foundation in truth, and I... suspect who... in a word... this arrow... in a word, your mamma...	Извините меня, но я должен вам высказать, что слухи, до вас дошедшие или, лучше сказать, до вас доведенные, не имеют и тени здравого основания, и я... подозреваю, кто... одним словом... эта стрела... одним словом, ваша мамаша...
She seemed to me in other things, with all her excellent qualities, of a somewhat high-flown and romantic way of thinking....	Она и без того показалась мне, при всех, впрочем, своих превосходных качествах, несколько восторженного и романического оттенка в мыслях...
But I was a thousand miles from supposing that she would misunderstand and misrepresent things in so fanciful a way....	Но я все-таки был в тысяче верстах от предположения, что она в таком извращенном фантазией виде могла понять и представить дело...
And indeed... indeed..."	И наконец... наконец...
"I tell you what," cried Raskolnikov, raising himself on his pillow and fixing his piercing, glittering eyes upon him, "I tell you what."	- А знаете что? - вскричал Раскольников, приподнимаясь на подушке и смотря на него в упор пронзительным, сверкающим взглядом, - знаете что?
"What?"	- А что-с?

Luzhin stood still, waiting with a defiant and offended face.	- Лужин остановился и ждал с обиженным и вызывающим видом.
Silence lasted for some seconds.	Несколько секунд длилось молчание.
"Why, if ever again... you dare to mention a single word... about my mother... I shall send you flying downstairs!"	- А то, что если вы еще раз... осмелитесь упомянуть хоть одно слово... о моей матери... то я вас с лестницы кувырком спущу!
"What's the matter with you?" cried Razumihin.	- Что с тобой! - крикнул Разумихин.
"So that's how it is?"	- А, так вот оно что-с!
Luzhin turned pale and bit his lip.	- Лужин побледнел и закусил губу.
"Let me tell you, sir," he began deliberately, doing his utmost to restrain himself but breathing hard, "at the first moment I saw you you were ill-disposed to me, but I remained here on purpose to find out more.	- Слушайте, сударь, меня, - начал он с расстановкой и сдерживая себя всеми силами, но все-таки задыхаясь, - я еще давеча, с первого шагу, разгадал вашу неприязнь, но нарочно оставался здесь, чтоб узнать еще более.
I could forgive a great deal in a sick man and a connection, but you... never after this..."	Многое я бы мог простить больному и родственнику, но теперь... вам... никогда-с...
"I am not ill," cried Raskolnikov.	- Я не болен! - вскричал Раскольников.
"So much the worse..."	- Тем паче-с...
"Go to hell!"	- Убирайтесь к черту!
But Luzhin was already leaving without finishing his speech, squeezing between the table and the chair; Razumihin got up this time to let him pass.	Но Лужин уже выходил сам, не докончив речи, пролезая снова между столом и стулом; Разумихин на этот раз встал, чтобы пропустить его.
Without glancing at anyone, and not even nodding to Zossimov, who had for some time been making signs to him to let the sick man alone, he went out, lifting his hat to the level of his shoulders to avoid crushing it as he stooped to go out of the door.	Не глядя ни на кого и даже не кивнув головой Зосимову, который давно уже кивал ему, чтоб он оставил в покое больного, Лужин вышел, приподняв из осторожности рядом с плечом свою шляпу, когда, принагнувшись, проходил в дверь.

And even the curve of his spine was expressive of the horrible insult he had received.	И даже в изгибе спины его как бы выражалось при этом случае, что он уносит с собой ужасное оскорбление.
"How could you--how could you!" Razumihin	- Можно ли, можно ли так? - говорил

said, shaking his head in perplexity.	озадаченный Разумихин, качая головой.
"Let me alone--let me alone all of you!" Raskolnikov cried in a frenzy.	- Оставьте, оставьте меня все! - в исступлении вскричал Раскольников.
"Will you ever leave off tormenting me?"	- Да оставите ли вы меня наконец, мучители!
I am not afraid of you!	Я вас не боюсь!
I am not afraid of anyone, anyone now!	Я никого, никого теперь не боюсь!
Get away from me!	Прочь от меня!
I want to be alone, alone, alone!"	Я один хочу быть, один, один, один!
"Come along," said Zossimov, nodding to Razumihin.	- Пойдем! - сказал Зосимов, кивнул Разумихину.
"But we can't leave him like this!"	- Помилуй, да разве можно его так оставлять.
"Come along," Zossimov repeated insistently, and he went out.	- Пойдем! - настойчиво повторил Зосимов и вышел.
Razumihin thought a minute and ran to overtake him.	Разумихин подумал и побежал догонять его.
"It might be worse not to obey him," said Zossimov on the stairs.	- Хуже могло быть, если бы мы его не послушались, - сказал Зосимов, уже на лестнице.
"He mustn't be irritated."	- Раздражать невозможно...
"What's the matter with him?"	- Что с ним?
"If only he could get some favourable shock, that's what would do it!	- Если бы только толчок ему какой- нибудь благоприятный, вот бы чего!
At first he was better....	Давеча он был в силах...
You know he has got something on his mind!	Знаешь, у него что-то есть на уме!
Some fixed idea weighing on him....	Что-то неподвижное, тяготящее...
I am very much afraid so; he must have!"	Этого я очень боюсь; непременно!
"Perhaps it's that gentleman, Pyotr Petrovitch.	- Да вот этот господин, может быть, Петр-то Петрович!
From his conversation I gather he is going to marry his sister, and that he had received a letter about it just before his illness...."	По разговору видно, что он женится на его сестре и что Родя об этом, перед самой болезнью, письмо получил...
"Yes, confound the man! he may have upset the case altogether.	- Да; черт его принес теперь; может быть, расстроил все дело.

But have you noticed, he takes no interest in anything, he does not respond to anything except one point on which he seems excited--that's the murder?"	А заметил ты, что он ко всему равнодушен, на все отмалчивается, кроме одного пункта, от которого из себя выходит: это убийство...
"Yes, yes," Razumihin agreed, "I noticed that, too.	- Да, да! - подхватил Разумихин, - очень заметил!
He is interested, frightened.	Интересуется, пугается.

It gave him a shock on the day he was ill in the police office; he fainted."	Это его в самый день болезни напугали, в конторе у надзирателя; в обморок упал.
"Tell me more about that this evening and I'll tell you something afterwards.	- Ты мне это Расскажи подробнее вечером, а я тебе кое-что потом скажу.
He interests me very much!	Интересует он меня, очень!
In half an hour I'll go and see him again....	Через полчаса зайду наведаться...
There'll be no inflammation though."	Воспаления, впрочем, не будет...
"Thanks!	- Спасибо тебе!
And I'll wait with Pashenka meantime and will keep watch on him through Nastasya...."	А я у Пашеньки тем временем подожду и буду наблюдать через Настасью...
Raskolnikov, left alone, looked with impatience and misery at Nastasya, but she still lingered.	Раскольников, оставшись один, с нетерпением и тоской поглядел на Настасью; но та еще медлила уходить.
"Won't you have some tea now?" she asked.	- Чаю-то теперь выпьешь? - спросила она.
"Later!	- После!
I am sleepy!	Я спать хочу!
Leave me."	Оставь меня...
He turned abruptly to the wall; Nastasya went out.	Он судорожно отвернулся к стене; Настасья вышла.
CHAPTER VI	VI
But as soon as she went out, he got up, latched the door, undid the parcel which Razumihin had brought in that evening and had tied up again and began dressing.	Но только что она вышла, он встал, заложил крючком дверь, развязал принесенный давеча Разумихиным и им же снова завязанный узел с платьем и стал одеваться.

Strange to say, he seemed immediately to have become perfectly calm; not a trace of his recent delirium nor of the panic fear that had haunted him of late.	Странное дело: казалось, он вдруг стал совершенно спокоен; не было ни полоумного бреда, как давеча, ни панического страха, как во все последнее время.
It was the first moment of a strange sudden calm.	Это была первая минута какого-то странного, внезапного спокойствия.
His movements were precise and definite; a firm purpose was evident in them.	Движения его были точны и ясны, в них проглядывало твердое намерение.
"To-day, to-day," he muttered to himself.	"Сегодня же, сегодня же!.." - бормотал он про себя.
He understood that he was still weak, but his intense spiritual concentration gave him strength and self-confidence. He hoped, moreover, that he would not fall down in the street.	Он понимал, однако, что еще слаб, но сильнейшее душевное напряжение, дошедшее до спокойствия, до неподвижной идеи, придавало ему сил и самоуверенности; он, впрочем, надеялся, что не упадет на улице.
When he had dressed in entirely new clothes, he looked at the money lying on the table, and after a moment's thought put it in his pocket.	Одевшись совсем, во все новое, он взглянул на деньги, лежавшие на столе, подумал и положил их в карман.
It was twenty-five roubles.	Денег было двадцать пять рублей.

He took also all the copper change from the ten roubles spent by Razumihin on the clothes.	Взял тоже и все медные пятаки, сдачу с десяти рублей, истраченных Разумихиным на платье.
Then he softly unlatched the door, went out, slipped downstairs and glanced in at the open kitchen door. Nastasya was standing with her back to him, blowing up the landlady's samovar.	Затем тихо снял крючок, вышел из комнаты, спустился по лестнице и заглянул в отворенную настежь кухню: Настасья стояла к нему задом и, нагнувшись, раздувала хозяйский самовар.
She heard nothing.	Она ничего не слыхала.
Who would have dreamed of his going out, indeed?	Да и кто мог предположить, что он уйдет?
A minute later he was in the street.	Через минуту он был уже на улице.
It was nearly eight o'clock, the sun was setting.	Было часов восемь, солнце заходило.
It was as stifling as before, but he eagerly drank in the stinking, dusty town air.	Духота стояла прежняя; но с жадностьюдохнул он этого вонючего, пыльного, зараженного городом воздуха.

His head felt rather dizzy; a sort of savage energy gleamed suddenly in his feverish eyes and his wasted, pale and yellow face.	Голова его слегка было начала кружиться; какая-то дикая энергия заблестала вдруг в его воспаленных глазах и в его исхудалом бледно-желтом лице.
He did not know and did not think where he was going, he had one thought only: "that all _this_ must be ended to-day, once for all, immediately; that he would not return home without it, because he _would not go on living like that_."	Он не знал, да и не думал о том, куда идти; он знал одно: "что все это надо кончить сегодня же, за один раз, сейчас же; что домой он иначе не воротится, потому что не хочет так жить".
How, with what to make an end?	Как кончить? Чем кончить?
He had not an idea about it, he did not even want to think of it.	Об этом он не имел и понятия, да и думать не хотел.
He drove away thought; thought tortured him.	Он отгонял мысль: мысль терзала его.
All he knew, all he felt was that everything must be changed "one way or another," he repeated with desperate and immovable self-confidence and determination.	Он только чувствовал и знал, что надо, чтобы все переменялось, так или этак, "хоть как бы то ни было", повторял он с отчаянною, неподвижною самоуверенностью и решимостью.
From old habit he took his usual walk in the direction of the Hay Market.	По старой привычке, обыкновенным путем своих прежних прогулок, он прямо направился на Сенную.
A dark-haired young man with a barrel organ was standing in the road in front of a little general shop and was grinding out a very sentimental song.	Не доходя Сенной, на мостовой, перед мелочною лавкой, стоял молодой черноволосый шарманщик и вертел какойто весьма чувствительный романс.
He was accompanying a girl of fifteen, who stood on the pavement in front of him. She was dressed up in a crinoline, a mantle and a straw hat with a flame-coloured feather in it, all very old and shabby.	Он аккомпанировал стоявшей впереди его на тротуаре девушке, лет пятнадцати, одетой как барышня, в кринолине, в мантилке, в перчатках и в соломенной шляпке с огненного цвета пером; все это было старое и истасканное.
In a strong and rather agreeable voice, cracked and coarsened by street singing, she sang in hope of getting a copper from the shop.	Уличным, дребезжащим, но довольно приятным и сильным голосом она выпевала романс, в ожидании двухкопеечника из лавочки.
Raskolnikov joined two or three listeners, took out a five copeck piece and put it in the girl's hand.	Раскольников приостановился рядом с двумя-тремя слушателями, послушал, вынул пятак и положил в руку девушке.

She broke off abruptly on a sentimental high note, shouted sharply to the organ grinder "Come on," and both moved on to the next shop.	Та вдруг пресекла пение на самой чувствительной и высокой ноте, точно отрезала, резко крикнула шарманщику: "будет!", и оба поплелись дальше, к следующей лавочке.
"Do you like street music?" said Raskolnikov, addressing a middle-aged man standing idly by him.	- Любите вы уличное пение? - обратился вдруг Раскольников к одному, уже немолодому, прохожему, стоявшему рядом с ним у шарманки и имевшему вид фланера.
The man looked at him, startled and wondering.	Тот дико посмотрел и удивился.
"I love to hear singing to a street organ," said Raskolnikov, and his manner seemed strangely out of keeping with the subject--"I like it on cold, dark, damp autumn evenings--they must be damp--when all the passers-by have pale green, sickly faces, or better still when wet snow is falling straight down, when there's no wind--you know what I mean?--and the street lamps shine through it..."	- Я люблю, - продолжал Раскольников, но с таким видом, как будто вовсе не об уличном пении говорил, - я люблю, как поют под шарманку в холодный, темный и сырой осенний вечер, непременно в сырой, когда у всех прохожих бледнозеленые и больные лица; или, еще лучше, когда снег мокрый падает, совсем прямо, без ветру, знаете? а сквозь него фонари с газом блистают...
"I don't know....	- Не знаю-с...
Excuse me..." muttered the stranger, frightened by the question and Raskolnikov's strange manner, and he crossed over to the other side of the street.	Извините... - пробормотал господин, испуганный и вопросом, и странным видом Раскольникова, и перешел на другую сторону улицы.
Raskolnikov walked straight on and came out at the corner of the Hay Market, where the huckster and his wife had talked with Lizaveta; but they were not there now.	Раскольников пошел прямо и вышел к тому углу на Сенной, где торговали мещанин и баба, разговаривавшие тогда с Лизаветой; но теперь их не было.
Recognising the place, he stopped, looked round and addressed a young fellow in a red shirt who stood gaping before a corn chandler's shop.	Узнав место, он остановился, огляделся и оборотился к молодому парню в красной рубашке, зевавшему у входа в мучной лабаз.
"Isn't there a man who keeps a booth with his wife at this corner?"	- Это мещанин ведь торгует тут на углу, с бабой, с женой, а?
"All sorts of people keep booths here," answered the young man, glancing superciliously at Raskolnikov.	- Всеякие торгуют, - отвечал парень, свысока обмеривая Раскольникова.
"What's his name?"	- Как его зовут?

"What he was christened."	- Как крестили, так и зовут.
"Aren't you a Zaisky man, too?"	- Уж и ты не зарайский ли?
Which province?"	Которой губернии?
The young man looked at Raskolnikov again.	Парень снова посмотрел на Раскольникова.
"It's not a province, your excellency, but a district.	- У нас, ваше сиятельство, не губерния, а уезд, а ездил-то брат, а я дома сидел, так и не знаю-с...
Graciously forgive me, your excellency!"	Уж простите, ваше сиятельство, великодушно.

"Is that a tavern at the top there?"	- Это харчевня, наверху-то?
"Yes, it's an eating-house and there's a billiard-room and you'll find princesses there too....	- Это трахтир, и бильярд имеется; и прынцессы найдутся...
La-la!"	Люли!
Raskolnikov crossed the square.	Раскольников перешел через площадь.
In that corner there was a dense crowd of peasants.	Там, на углу, стояла густая толпа народа, все мужиков.
He pushed his way into the thickest part of it, looking at the faces.	Он залез в самую густоту, заглядывая в лица.
He felt an unaccountable inclination to enter into conversation with people.	Его почему-то тянуло со всеми заговаривать.
But the peasants took no notice of him; they were all shouting in groups together.	Но мужики не обращали внимания на него, и все что-то галдели про себя, сбиваясь кучками.
He stood and thought a little and took a turning to the right in the direction of V.	Он постоял, подумал и пошел направо, тротуаром, по направлению к В-му.
He had often crossed that little street which turns at an angle, leading from the market-place to Sadovy Street.	Миновав площадь, он попал в переулок... Он и прежде проходил этим коротеньким переулком, делающим колено и ведущим с площади в Садовую.
Of late he had often felt drawn to wander about this district, when he felt depressed, that he might feel more so.	В последнее время его даже тянуло шляться по всем этим местам, когда тошно становилось, "чтоб еще тошней было".
Now he walked along, thinking of nothing.	Теперь же он вошел, ни о чем не думая.

At that point there is a great block of buildings, entirely let out in dram shops and eating-houses; women were continually running in and out, bare-headed and in their indoor clothes.	Тут есть большой дом, весь под распивочными и прочими съестно-выпивательными заведениями; из них поминутно выбегали женщины, одетые, как ходят "по соседству" - простоволосые и в одних платьях.
Here and there they gathered in groups, on the pavement, especially about the entrances to various festive establishments in the lower storeys.	В двух-трех местах они толпились на тротуаре группами, преимущественно у сходов в нижний этаж, куда, по двум ступенькам, можно было спускаться в разные весьма увеселительные заведения.
From one of these a loud din, sounds of singing, the tinkling of a guitar and shouts of merriment, floated into the street.	В одном из них, в эту минуту, шел стук и гам на всю улицу, тренькала гитара, пели песни, и было очень весело.
A crowd of women were thronging round the door; some were sitting on the steps, others on the pavement, others were standing talking.	Большая группа женщин толпилась у входа; иные сидели на ступеньках, другие на тротуаре, третьи стояли и разговаривали.
A drunken soldier, smoking a cigarette, was walking near them in the road, swearing; he seemed to be trying to find his way somewhere, but had forgotten where.	Подле, на мостовой, шлся, громко ругаясь, пьяный солдат с папироской и, казалось, куда-то хотел войти, но как будто забыл куда.
One beggar was quarrelling with another, and a man dead drunk was lying right across the road.	Один оборванец ругался с другим оборванцем, и какойто мертво-пьяный валялся поперек улицы.

Raskolnikov joined the throng of women, who were talking in husky voices.	Раскольников остановился у большой группы женщин.
They were bare-headed and wore cotton dresses and goatskin shoes.	Они разговаривали сиплыми голосами; все были в ситцевых платьях, в козловых башмаках и простоволосые.
There were women of forty and some not more than seventeen; almost all had blackened eyes.	Иным было лет за сорок, но были и лет по семнадцати, почти все с глазами подбитыми.
He felt strangely attracted by the singing and all the noise and uproar in the saloon below.... someone could be heard within dancing frantically, marking time with his heels to the sounds of the guitar and of a thin falsetto voice singing a jaunty air.	Его почему-то занимало пенье и весь этот стук и гам, там, внизу... Оттуда слышно было, как среди хохота и взвизгов, под тоненькую фистулу разудалого напева и под гитару, кто-то отчаянно отплясывал, выбивая такт каблуками.

He listened intently, gloomily and dreamily, bending down at the entrance and peeping inquisitively in from the pavement.	Он пристально, мрачно и задумчиво слушал, нагнувшись у входа и любопытно заглядывал с тротуара в сени.
"Oh, my handsome soldier Don't beat me for nothing,"	Ты мой бутושник прикрасной Ты не бей меня напрасно!-
trilled the thin voice of the singer.	разливался тоненький голос певца.
Raskolnikov felt a great desire to make out what he was singing, as though everything depended on that.	Раскольникову ужасно захотелось расслушать, что поют, точно в этом и было все дело.
"Shall I go in?" he thought.	"Не зайти ли? - подумал он.
"They are laughing.	- Хохочут!
From drink.	Спьяну.
Shall I get drunk?"	А что ж, не напиться ли пьяным?"
"Won't you come in?" one of the women asked him.	- Не зайдете, милый барин? - спросила одна из женщин довольно звонким и не совсем еще осипшим голосом.
Her voice was still musical and less thick than the others, she was young and not repulsive--the only one of the group.	Она была молода и даже не отвратительна -одна из всей группы.
"Why, she's pretty," he said, drawing himself up and looking at her.	- Вишь, хорошенькая! - отвечал он, приподнявшись и поглядев на нее.
She smiled, much pleased at the compliment.	Она улыбнулась; комплимент ей очень понравился.
"You're very nice looking yourself," she said.	- Вы и сами прехорошенькие, - сказала она.
"Isn't he thin though!" observed another woman in a deep bass. "Have you just come out of a hospital?"	- Какие худые! - заметила басом другая, - из больницы, что ль выписались?
"They're all generals' daughters, it seems, but they have all snub noses," interposed a tipsy peasant with a sly smile on his face, wearing a loose coat.	- Кажись и генеральские дочки, а носы все курносые! - перебил вдруг подошедший мужик, навеселе, в армяке нараспашку и с хитро смеющейся харей.
"See how jolly they are."	- Вишь, веселье!
"Go along with you!"	- Проходи, коль пришел!
"I'll go, sweetie!"	- Пройду!
And he darted down into the saloon	

below.	Сласть! И он кувыркнулся вниз.
Raskolnikov moved on.	Раскольников тронулся дальше.
"I say, sir," the girl shouted after him.	- Послушайте, барин! - крикнула вслед девица.
"What is it?"	- Что?
She hesitated.	Она законфузилась.
"I'll always be pleased to spend an hour with you, kind gentleman, but now I feel shy.	- Я, милый барин, всегда с вами рада буду часы разделить, а теперь вот как-то совести при вас не соберу.
Give me six copecks for a drink, there's a nice young man!"	Подарите мне, приятный кавалер, шесть копеек на выпивку!
Raskolnikov gave her what came first-- fifteen copecks.	Раскольников вынул сколько вынулось: три пятака.
"Ah, what a good-natured gentleman!"	- Ах, какой добреющий барин!
"What's your name?"	- Как тебя зовут?
"Ask for Duclida."	- А Дуклиду спросите.
"Well, that's too much," one of the women observed, shaking her head at Duclida.	- Нет уж, это что же, - вдруг заметила одна из группы, качая головой на Дуклиду.
"I don't know how you can ask like that.	- Это уж я и не знаю, как это так просить!
I believe I should drop with shame...."	Я бы, кажется, от одной только совести провалилась...
Raskolnikov looked curiously at the speaker.	Раскольников любопытно поглядел на говорившую.
She was a pock-marked wench of thirty, covered with bruises, with her upper lip swollen.	Это была рябая девка, лет тридцати, вся в синяках, с припухшею верхнею губой.
She made her criticism quietly and earnestly.	Говорила и осуждала она спокойно и серьезно.
"Where is it," thought Raskolnikov. "Where is it I've read that someone condemned to death says or thinks, an hour before his death, that if he had to live on some high rock, on such a narrow ledge that he'd only room to stand, and the ocean, everlasting darkness, everlasting solitude, everlasting tempest	"Где это, - подумал Раскольников, идя далее, - где это я читал, как один приговоренный к смерти, за час до смерти, говорит или думает, что если бы пришлось ему жить где-нибудь на высоте, на скале, и на такой узенькой площадке, чтобы только две ноги можно было поставить, - а кругом будут пропасти, океан, вечный мрак, вечное

around him, if he had to remain standing on a square yard of space all his life, a thousand years, eternity, it were better to live so than to die at once!	уединение и вечная буря, - и оставаться так, стоя на аршине пространства, всю жизнь, тысячу лет, вечность, - то лучше так жить, чем сейчас умирать!
Only to live, to live and live!	Только бы жить, жить и жить!
Life, whatever it may be!...	Как бы ни жить - только жить!..
How true it is!	Экая правда!
Good God, how true!	Господи, какая правда!
Man is a vile creature!...	Подлец человек!

And vile is he who calls him vile for that," he added a moment later.	И подлец тот, кто его за это подлецом называет", - прибавил он через минуту.
He went into another street.	Он вышел на другую улицу:
"Bah, the Palais de Cristal!	"Ба! "Хрустальный дворец"!
Razumihin was just talking of the Palais de Cristal.	Давеча Разумихин говорил про "Хрустальный дворец".
But what on earth was it I wanted?	Только, чего бишь я хотел-то?
Yes, the newspapers....	Да, прочесть!..
Zossimov said he'd read it in the papers.	Зосимов говорил, что в газетах читал..."
Have you the papers?" he asked, going into a very spacious and positively clean restaurant, consisting of several rooms, which were, however, rather empty.	- Газеты есть? - спросил он, входя в весьма просторное и даже опрятное трактирное заведение о нескольких комнатах, впрочем довольно пустых.
Two or three people were drinking tea, and in a room further away were sitting four men drinking champagne.	Два-три посетителя пили чай, да в одной дальней комнате сидела группа, человека в четыре, и пили шампанское.
Raskolnikov fancied that Zametov was one of them, but he could not be sure at that distance.	Раскольникову показалось, что между ними Заметов. Впрочем, издали нельзя было хорошо рассмотреть.
"What if it is?" he thought.	"А пусть!" - подумал он.
"Will you have vodka?" asked the waiter.	- Водки прикажете-с? - спросил половой.
"Give me some tea and bring me the papers, the old ones for the last five days, and I'll give you something."	- Чаю подай. Да принеси ты мне газет, старых, этак дней за пять сряду, а я тебе на водку дам.
"Yes, sir, here's to-day's.	- Слушаю-с. Вот сегодняшние-с.
No vodka?"	И водки прикажете-с?

The old newspapers and the tea were brought.	Старые газеты и чай явились.
Raskolnikov sat down and began to look through them.	Раскольников уселся и стал отыскивать:
"Oh, damn... these are the items of intelligence.	"Излер - Излер - Ацтеки - Ацтеки - Излер - Бартола - Массимо - Ацтеки - Излер... фу, черт!
An accident on a staircase, spontaneous combustion of a shopkeeper from alcohol, a fire in Peski... a fire in the Petersburg quarter... another fire in the Petersburg quarter... and another fire in the Petersburg quarter....	А, вот отметки: провалилась с лестницы - мещанин сгорел с вина - пожар на Песках - пожар на Петербургской - еще пожар на Петербургской- еще пожар на Петербургской -Излер - Излер - Излер - Излер - Массимо...
Ah, here it is!"	А вот..."
He found at last what he was seeking and began to read it. The lines danced before his eyes, but he read it all and began eagerly seeking later additions in the following numbers.	Он отыскал наконец то, чего добивался, и стал читать; строки прыгали в его глазах, он, однако ж, дочел все "известие" и жадно принялся отыскивать в следующих номерах позднейшие прибавления.
His hands shook with nervous impatience as he turned the sheets.	Руки его дрожали, перебирая листы, от судорожного нетерпения.
Suddenly someone sat down beside him at his table.	Вдруг кто-то сел подле него, за его столом.
He looked up, it was the head clerk Zametov, looking just the same, with the rings on his fingers and the watch-chain, with the curly, black hair, parted and pomaded, with the smart waistcoat, rather shabby coat and doubtful linen.	Он заглянул - Заметов, тот же самый Заметов и в том же виде, с перстнями, с цепочками, с пробором в черных вьющихся и напомаженных волосах, в щегольском жилете и в несколько потертом сюртуке и несвежем белье.
He was in a good humour, at least he was smiling very gaily and good-humouredly.	Он был весел, по крайней мере очень весело и добродушно улыбался.
His dark face was rather flushed from the champagne he had drunk.	Смуглое лицо его немного разгорелось от выпитого шампанского.
"What, you here?" he began in surprise, speaking as though he'd known him all his life. "Why, Razumihin told me only yesterday you were unconscious.	- Как! Вы здесь? - начал он с недоумением и таким тоном, как бы век был знаком, - а мне вчера еще говорил Разумихин, что вы все не в памяти.
How strange!	Вот странно!
And do you know I've been to see you?"	А ведь я был у вас...

Raskolnikov knew he would come up to him.	Раскольников знал, что он подойдет.
He laid aside the papers and turned to Zametov.	Он отложил газеты и повернулся к Заметову.
There was a smile on his lips, and a new shade of irritable impatience was apparent in that smile.	На его губах была усмешка, и какое-то новое раздражительное нетерпение проглядывало в этой усмешке.
"I know you have," he answered. "I've heard it.	- Это я знаю, что вы были, - отвечал он, - слышал-с.
You looked for my sock....	Носок отыскивали...
And you know Razumihin has lost his heart to you? He says you've been with him to Luise Ivanovna's--you know, the woman you tried to befriend, for whom you winked to the Explosive Lieutenant and he would not understand.	А знаете, Разумихин от вас без ума, говорит, что вы с ним к Лавизе Ивановне ходили, вот про которую вы старались тогда, поручику-то Пороху мигали, а он все не понимал, помните?
Do you remember? How could he fail to understand--it was quite clear, wasn't it?"	Уж как бы, кажется, не понять - дело ясное... а?
"What a hot head he is!"	- А уж какой он буян!
"The explosive one?"	- Порох-то?
"No, your friend Razumihin."	- Нет, приятель ваш, Разумихин...
"You must have a jolly life, Mr. Zametov; entrance free to the most agreeable places.	- А хорошо вам жить, господин Заметов; в приятнейшие места вход беспшлинный!
Who's been pouring champagne into you just now?"	Кто это вас сейчас шампанским-то наливал?
"We've just been... having a drink together....	- А это мы... выпили...
You talk about pouring it into me!"	Уж и наливал?!
"By way of a fee!	- Гонорарий!

You profit by everything!"	Всею пользуетесь!
Raskolnikov laughed, "it's all right, my dear boy," he added, slapping Zametov on the shoulder. "I am not speaking from temper, but in a friendly way, for sport, as that workman of yours said when he was scuffling with Dmitri, in the case of the old woman...."	- Раскольников засмеялся. - Ничего, добреющий мальчик, ничего! - прибавил он, стукнув Заметова по плечу, - я ведь не назло, "а по всей то есь любви, играючи" говорю, вот как работникто ваш говорил, когда он Митьку тузил, вот, по старухиному-то делу.
"How do you know about it?"	- А вы почему знаете?

"Perhaps I know more about it than you do."	- Да я, может, больше вашего знаю.
"How strange you are...."	- Чтой-то какой вы странный...
I am sure you are still very unwell.	Верно, еще очень больны.
You oughtn't to have come out."	Напрасно вышли...
"Oh, do I seem strange to you?"	- А я вам странным кажусь?
"Yes."	- Да
What are you doing, reading the papers?"	Что это вы газеты читаете?
"Yes."	- Газеты.
"There's a lot about the fires."	- Много про пожары пишут...
"No, I am not reading about the fires."	- Нет, я не про пожары.
Here he looked mysteriously at Zametov; his lips were twisted again in a mocking smile.	- Тут он загадочно посмотрел на Заметова; насмешливая улыбка опять искривила его губы.
"No, I am not reading about the fires," he went on, winking at Zametov.	- Нет, я не про пожары, - продолжал он, подмигивая Заметову.
"But confess now, my dear fellow, you're awfully anxious to know what I am reading about?"	- А сознайтесь, милый юноша, что вам ужасно хочется знать, про что я читал?
"I am not in the least.	- Вовсе не хочется; я так спросил.
Mayn't I ask a question?	Разве нельзя спросить?
Why do you keep on...?"	Что вы все...
"Listen, you are a man of culture and education?"	- Послушайте, вы человек образованный, литературный, а?
"I was in the sixth class at the gymnasium," said Zametov with some dignity.	- Я из шестого класса гимназии, - отвечал Заметов с некоторым достоинством.
"Sixth class!"	- Из шестого!
Ah, my cock-sparrow!	Ах ты мой воробушек!
With your parting and your rings--you are a gentleman of fortune.	С пробором, в перстнях - богатый человек!
Foo! what a charming boy!"	Фу, какой миленький мальчик!
Here Raskolnikov broke into a nervous laugh right in Zametov's face.	- Тут Раскольников залился нервным смехом, прямо в лицо Заметову.

The latter drew back, more amazed than offended.	Тот отшатнулся, и не то чтоб обиделся, а уж очень удивился.
"Foo! how strange you are!" Zametov repeated very seriously.	- Фу, какой странный! - повторил Заметов очень серьезно.
"I can't help thinking you are still delirious."	- Мне кажется, что вы все еще бредите.
"I am delirious?"	- Брежу?
You are fibbing, my cock-sparrow!	Врешь, воробушек!..
So I am strange?	Так я странен?
You find me curious, do you?"	Ну, а любопытен я вам, а?
"Yes, curious."	Любопытен? - Любопытен.
"Shall I tell you what I was reading about, what I was looking for?"	- Так сказать, про что я читал, что разыскивал?
See what a lot of papers I've made them bring me.	Ишь ведь сколько нумеров велел натащить!
Suspicious, eh?"	Подозрительно, а?
"Well, what is it?"	- Ну, скажите.
"You prick up your ears?"	- Ушки на макушке?
"How do you mean--'prick up my ears'?"	- Какая еще там макушка?
"I'll explain that afterwards, but now, my boy, I declare to you... no, better 'I confess'..."	- После скажу, какая макушка, а теперь, мой милейший, объявляю вам... нет, лучше: "сознаюсь"...
No, that's not right either; 'I make a deposition and you take it.'	Нет, и это не то: "показание даю, а вы снимаете" - вот как!
I depose that I was reading, that I was looking and searching...." he screwed up his eyes and paused.	Так даю показание, что читал, интересовался... отыскивал... разыскивал...
"I was searching--and came here on purpose to do it--for news of the murder of the old pawnbroker woman," he articulated at last, almost in a whisper, bringing his face exceedingly close to the face of Zametov.	- Раскольников прищурил глаза и выждал, - разыскивал - и для того и зашел сюда - об убийстве старухи чиновницы, - произнес он наконец, почти шепотом, чрезвычайно приблизив свое лицо к лицу Заметова.
Zametov looked at him steadily, without moving or drawing his face away.	Заметов смотрел на него прямо в упор, не шевелясь и не отодвигая своего лица от его лица.
What struck Zametov afterwards as the	Страннее всего показалось потом

strangest part of it all was that silence followed for exactly a minute, and that they gazed at one another all the while.	Заметову, что ровно целую минуту длилось у них молчание и ровно целую минуту они так друг на друга глядели.
"What if you have been reading about it?" he cried at last, perplexed and impatient.	- Ну что ж что читали? - вскричал он вдруг в недоумении и в нетерпении.
"That's no business of mine!	- Мне-то какое дело!
What of it?"	Что ж в том?
"The same old woman," Raskolnikov went on in the same whisper, not heeding Zametov's explanation, "about whom you were talking in the police-office, you remember, when I fainted.	- Это вот та самая старуха, - продолжал Раскольников, тем же шепотом и не шевельнувшись от восклицания Заметова, - та самая, про которую, помните, когда стали в конторе рассказывать, а я в обморок-то упал.

Well, do you understand now?"	Что, теперь понимаете?
"What do you mean?"	- Да что такое?
Understand... what?" Zametov brought out, almost alarmed.	Что... "понимаете"? - произнес Заметов почти в тревоге.
Raskolnikov's set and earnest face was suddenly transformed, and he suddenly went off into the same nervous laugh as before, as though utterly unable to restrain himself.	Неподвижное и серьезное лицо Раскольникова преобразилось в одно мгновение, и вдруг он залился опять тем же нервным хохотом, как давеча, как будто сам совершенно не в силах был сдержать себя.
And in one flash he recalled with extraordinary vividness of sensation a moment in the recent past, that moment when he stood with the axe behind the door, while the latch trembled and the men outside swore and shook it, and he had a sudden desire to shout at them, to swear at them, to put out his tongue at them, to mock them, to laugh, and laugh, and laugh!	И в один миг припомнилось ему до чрезвычайной ясности ощущения одно недавнее мгновение, когда он стоял за дверью, с топором, топор прыгал, они за дверью ругались и ломились, а ему вдруг захотелось закричать им, ругаться с ними, высунуть им язык, дразнить их, смеяться, хохотать, хохотать, хохотать!
"You are either mad, or..." began Zametov, and he broke off, as though stunned by the idea that had suddenly flashed into his mind.	- Вы или сумасшедший, или... - проговорил Заметов - и остановился, как будто вдруг пораженный мыслью, внезапно промелькнувшею в уме его.
"Or?"	- Или?
Or what?	Что "или"?
What?	Ну, что?

Come, tell me!"	Ну, скажите-ка!
"Nothing," said Zametov, getting angry, "it's all nonsense!"	- Ничего! - в сердцах отвечал Заметов, - все вздор!
Both were silent.	Оба замолчали.
After his sudden fit of laughter Raskolnikov became suddenly thoughtful and melancholy.	После внезапного, припадочного взрыва смеха Раскольников стал вдруг задумчив и грустен.
He put his elbow on the table and leaned his head on his hand.	Он облокотился на стол и подпер рукой голову.
He seemed to have completely forgotten Zametov.	Казалось, он совершенно забыл про Заметова.
The silence lasted for some time.	Молчание длилось довольно долго.
"Why don't you drink your tea?"	- Что вы чай-то не пьете?
It's getting cold," said Zametov.	Остынет, - сказал Заметов.
"What!"	- А? Что?
Tea?	Чай?..
Oh, yes...."	Пожалуй...

Raskolnikov sipped the glass, put a morsel of bread in his mouth and, suddenly looking at Zametov, seemed to remember everything and pulled himself together. At the same moment his face resumed its original mocking expression.	- Раскольников глотнул из стакана, положил в рот кусочек хлеба и вдруг, посмотрев на Заметова, казалось, все припомнил и как будто встряхнулся: лицо его приняло в ту же минуту первоначальное насмешливое выражение.
He went on drinking tea.	Он продолжал пить чай.
"There have been a great many of these crimes lately," said Zametov.	- Нынче много этих мошенничеств развелось, -сказал Заметов.
"Only the other day I read in the _Moscow News_ that a whole gang of false coiners had been caught in Moscow.	- Вот недавно еще я читал в "Московских ведомостях", что в Москве целую шайку фальшивых монетчиков изловили.
It was a regular society.	Целое общество было.
They used to forge tickets!"	Подделывали билеты.
"Oh, but it was a long time ago!	- О, это уже давно!
I read about it a month ago," Raskolnikov answered calmly.	Я еще месяц назад читал, - отвечал спокойно Раскольников.
"So you consider them criminals?" he added, smiling.	- Так это-то, по-вашему, мошенники? - прибавил он, усмехаясь.
"Of course they are criminals."	- Как же не мошенники?
"They?"	- Это?
They are children, simpletons, not criminals!	Это дети, бланбеки, а не мошенники!
Why, half a hundred people meeting for such an object--what an idea!	Целая полсотня людей для этакой цели собирается! Разве это возможно?
Three would be too many, and then they want to have more faith in one another than in themselves!	Тут и трех дней много будет, да и то чтобы друг в друге каждый пуще себя самого был уверен!
One has only to blab in his cups and it all collapses.	А то стоит одному спьяну проболтаться, и все прахом пошло!
Simpletons!	Бланбеки!
They engaged untrustworthy people to change the notes--what a thing to trust to a casual stranger!	Нанимают ненадежных людей разменивать билеты в конторах: этакое-то дело да поверить первому встречному?
Well, let us suppose that these simpletons succeed and each makes a million, and what follows for the rest of their lives?	Ну, положим, удалось и с бланбеками, положим, каждый себе по миллиону наменял, ну а потом? Всю-то жизнь?

Each is dependent on the others for the rest of his life!	Каждый один от другого зависит на всю свою жизнь!
Better hang oneself at once!	Да лучше удавиться!
And they did not know how to change the notes either; the man who changed the notes took five thousand roubles, and his hands trembled.	А они и разменять-то не умели: стал в конторе менять, получил пять тысяч, и руки дрогнули.
He counted the first four thousand, but did not count the fifth thousand--he was in such a hurry to get the money into his pocket and run away.	Четыре пересчитал, а пятую принял не считая, на веру, чтобы только в карман да убежать поскорее.

Of course he roused suspicion.	Ну, и возбудил подозрение.
And the whole thing came to a crash through one fool!	И лопнуло все из-за одного дурака!
Is it possible?"	Да разве так возможно?
"That his hands trembled?" observed Zametov, "yes, that's quite possible.	- Что руки-то дрогнули? - подхватил Заметов, -нет, это возможно-с.
That, I feel quite sure, is possible.	Нет, это я совершенно уверен, что это возможно.
Sometimes one can't stand things."	Иной раз не выдержишь.
"Can't stand that?"	- Этого-то?
"Why, could you stand it then?"	- А вы, небось, выдержите?
No, I couldn't.	Нет, я бы не выдержал!
For the sake of a hundred roubles to face such a terrible experience?	За сто рублей награждения идти на этакий ужас!
To go with false notes into a bank where it's their business to spot that sort of thing! No, I should not have the face to do it.	Идти с фальшивым билетом - куда же? - в банкирскую контору, где на этом собаку съели, -нет, я бы сконфузился.
Would you?"	А вы не сконфужитесь?
Raskolnikov had an intense desire again "to put his tongue out."	Раскольникову ужасно вдруг захотелось опять "язык высунуть".
Shivers kept running down his spine.	Озноб, минутами, проходил по спине его.
"I should do it quite differently," Raskolnikov began.	- Я бы не так сделал, - начал он издалека.
	- Я бы вот как стал менять: пересчитал бы

"This is how I would change the notes: I'd count the first thousand three or four times backwards and forwards, looking at every note and then I'd set to the second thousand; I'd count that half-way through and then hold some fifty-rouble note to the light, then turn it, then hold it to the light again--to see whether it was a good one.	первую тысячу, этак раза четыре со всех концов, в каждую бумажку всматриваясь, и принялся бы за другую тысячу; начал бы ее считать, досчитал бы до середины, да и вынул бы какую-нибудь пятидесятирублевую, да на свет, да переверотил бы ее и опять на свет - не фальшивая ли?
'I am afraid,' I would say, 'a relation of mine lost twenty-five roubles the other day through a false note,' and then I'd tell them the whole story.	"Я, дескать, боюсь: у меня родственница одна двадцать пять рублей таким образом намедни потеряла"; и историю бы тут рассказал.
And after I began counting the third, 'No, excuse me,' I would say, 'I fancy I made a mistake in the seventh hundred in that second thousand, I am not sure.' And so I would give up the third thousand and go back to the second and so on to the end.	А как стал бы третью тысячу считать - нет, позвольте: я, кажется, там, во второй тысяче, седьмую сотню неверно сосчитал, сомнение берет, да бросил бы третью, да опять за вторую, -да этак бы все-то пять.
And when I had finished, I'd pick out one from the fifth and one from the second thousand and take them again to the light and ask again, 'Change them, please,' and put the clerk into such a stew that he would not know how to get rid of me.	А как кончил бы, из пятой да из второй вынул бы по кредитке, да опять на свет, да опять сомнительно, "перемените, пожалуйста", - да до седьмого поту конторщика бы довел, так что он меня как с рук-то сбыть уж не знал бы!

When I'd finished and had gone out, I'd come back, 'No, excuse me,' and ask for some explanation. That's how I'd do it."	Кончил бы все наконец, пошел, двери бы отворил - да нет, извините, опять воротился, спросить о чем-нибудь, объяснение какое-нибудь получить, - вот я бы как сделал!
"Foo! what terrible things you say!" said Zametov, laughing.	- Фу, какие вы страшные вещи говорите! - сказал, смеясь, Заметов.
"But all that is only talk. I dare say when it came to deeds you'd make a slip.	- Только все это один разговор, а на деле, наверно споткнулись бы.
I believe that even a practised, desperate man cannot always reckon on himself, much less you and I.	Тут, я вам скажу, по-моему, не только нам с вами, даже натертому, отчаянному человеку за себя поручиться нельзя.
To take an example near home--that old woman murdered in our district.	Да чего ходить - вот пример: в нашей-то части старуху убили.
The murderer seems to have been a desperate fellow, he risked everything in open daylight, was	Ведь уж, кажется, отчаянная башка, среди бела дня на все риски рискнул,

saved by a miracle--but his hands shook, too. He did not succeed in robbing the place, he couldn't stand it. That was clear from the..."	одним чудом спасся, -а руки-то все-таки дрогнули: обокрасть не сумел, не выдержал; по делу видно...
Raskolnikov seemed offended.	Раскольников как будто обиделся.
"Clear?"	- Видно!
Why don't you catch him then?" he cried, maliciously gibing at Zametov.	А вот поймайте-ка его, подите, теперь! -вскрикнул он, злорадно подзадоривая Заметова.
"Well, they will catch him."	- Что ж, поймают.
"Who?"	- Кто?
You?	Вы?
Do you suppose you could catch him?	Вам поймать?
You've a tough job!	Упрыгаетесь!
A great point for you is whether a man is spending money or not.	Вот ведь что у вас главное: тратит ли человек деньги или нет?
If he had no money and suddenly begins spending, he must be the man.	То денег не было, а тут вдруг тратить начнет, -ну как же не он?
So that any child can mislead you."	Так вас вот такой ребенок надует на этом, коли захочет!
"The fact is they always do that, though," answered Zametov. "A man will commit a clever murder at the risk of his life and then at once he goes drinking in a tavern.	- То-то и есть что они все так делают, - отвечал Заметов, - убьет-то хитро, жизнь отваживает, а потом тотчас в кабаке и попался.
They are caught spending money, they are not all as cunning as you are.	На трате-то их и ловят. Не все же такие, как вы хитрецы.
You wouldn't go to a tavern, of course?"	Вы бы в кабак не пошли, разумеется?
Raskolnikov frowned and looked steadily at Zametov.	Раскольников нахмурил брови и пристально посмотрел на Заметова.

"You seem to enjoy the subject and would like to know how I should behave in that case, too?" he asked with displeasure.	- Вы, кажется, разлакомились и хотите узнать, как бы я и тут поступил? - спросил он с неудовольствием.
"I should like to," Zametov answered firmly and seriously.	- Хотелось бы, - твердо и серьезно ответил тот.
Somewhat too much earnestness began to appear in his words and looks.	Слишком что-то серьезно стал он говорить и смотреть.
"Very much?"	- Очень?

"Very much!"	- Очень.
"All right then.	- Хорошо.
This is how I should behave," Raskolnikov began, again bringing his face close to Zametov's, again staring at him and speaking in a whisper, so that the latter positively shuddered.	Я вот бы как поступил, - начал Раскольников, опять вдруг приближая свое лицо к лицу Заметова, опять в упор смотря на него и говоря опять шепотом, так что тот даже вздрогнул на этот раз.
"This is what I should have done. I should have taken the money and jewels, I should have walked out of there and have gone straight to some deserted place with fences round it and scarcely anyone to be seen, some kitchen garden or place of that sort.	- Я бы вот как сделал: я бы взял деньги и вещи и, как ушел бы оттуда, тотчас, не заходя никуда, пошел бы куда-нибудь, где место глухое и только заборы одни, и почти нет никого, - огород какой-нибудь или в этом роде.
I should have looked out beforehand some stone weighing a hundredweight or more which had been lying in the corner from the time the house was built. I would lift that stone--there would sure to be a hollow under it, and I would put the jewels and money in that hole.	Наглядел бы я там еще прежде, на этом дворе, какой-нибудь такой камень, этак в пуд или полтора весу, где-нибудь в углу, у забора, что с построения дома, может, лежит; приподнял бы этот камень - под ним ямка должна быть, - да в ямку-то эту все бы вещи и деньги и сложил.
Then I'd roll the stone back so that it would look as before, would press it down with my foot and walk away.	Сложил бы да и навалил бы камнем, в том виде как он прежде лежал, придавил бы ногой, да и пошел бы прочь.
And for a year or two, three maybe, I would not touch it.	Да год бы, два бы не брал, три бы не брал, - ну, и ищите!
And, well, they could search!	Был, да весь вышел!
There'd be no trace." "You are a madman," said Zametov, and for some reason he too spoke in a whisper, and moved away from Raskolnikov, whose eyes were glittering.	- Вы сумасшедший, - выговорил почему-то Заметов тоже чуть не шепотом и почему-то отодвинулся вдруг от Раскольникова.
He had turned fearfully pale and his upper lip was twitching and quivering.	У того засверкали глаза; он ужасно побледнел; верхняя губа его дрогнула и запрыгала.
He bent down as close as possible to Zametov, and his lips began to move without uttering a word. This lasted for half a minute; he knew what he was doing, but could not restrain himself.	Он склонился к Заметову как можно ближе и стал шевелить губами, ничего не произнося; так длилось с полминуты; он знал, что делал, но не мог сдержать себя.

The terrible word trembled on his lips, like the latch on that door; in another moment it will break out, in another moment he will let it go, he will speak out.	Страшное слово, как тогдашний запор в дверях, так и прыгало на его губах: вот-вот сорвется; вот-вот только спустить его, вот-вот только выговорить!
"And what if it was I who murdered the old woman and Lizaveta?" he said suddenly and--realised what he had done.	- А что, если это я старуху и Лизавету убил? -проговорил он вдруг и - опомнился.
Zametov looked wildly at him and turned white as the tablecloth.	Заметов дико поглядел на него и побледнел как скатерть.
His face wore a contorted smile.	Лицо его искривилось улыбкой.
"But is it possible?" he brought out faintly.	- Да разве это возможно? - проговорил он едва слышно.
Raskolnikov looked wrathfully at him.	Раскольников злобно взглянул на него.
"Own up that you believed it, yes, you did?"	- Признайтесь, что вы поверили? Да? Ведь да?
"Not a bit of it, I believe it less than ever now," Zametov cried hastily.	- Совсем нет! Теперь больше, чем когда-нибудь, не верю! - торопливо сказал Заметов.
"I've caught my cock-sparrow!	- Попался наконец! Поймали воробушка.
So you did believe it before, if now you believe less than ever?"	Стало быть, верили же прежде, когда теперь "больше, чем когданибудь, не верите"?
"Not at all," cried Zametov, obviously embarrassed.	- Да совсем же нет! - восклицал Заметов, видимо сконфуженный.
"Have you been frightening me so as to lead up to this?"	- Это вы для того-то и пугали меня, чтоб к этому подвести?
"You don't believe it then?"	- Так не верите?
What were you talking about behind my back when I went out of the police-office?	А об чем вы без меня заговорили, когда я тогда из конторы вышел?
And why did the explosive lieutenant question me after I fainted?	А зачем меня поручик Порох допрашивал после обморока?
Hey, there," he shouted to the waiter, getting up and taking his cap, "how much?"	Эй ты, - крикнул он половому, вставая и взяв фуражку, - сколько с меня?
"Thirty copecks," the latter replied, running up.	- Тридцать копеек всего-с, - отвечал тот, подбегая.
"And there is twenty copecks for vodka.	- Да вот тебе еще двадцать копеек на водку.

See what a lot of money!" he held out his shaking hand to Zametov with notes in it. "Red notes and blue, twenty-five roubles.	Ишь сколько денег! - протянул он Заметову свою дрожащую руку с кредитками, - красненькие, синенькие, двадцать пять рублей.
Where did I get them?	Откудова?
And where did my new clothes come from?	А откудова платье новое явилось?
You know I had not a copeck.	Ведь знаете же, что копейки не было!
You've cross-examined my landlady, I'll be bound....	Хозяйку-то, небось, уж опрашивали...
Well, that's enough! _Assez cause!_ Till we meet again!"	Ну, довольно!
He went out, trembling all over from a sort of wild hysterical sensation, in which there was an element of insufferable rapture.	Assez cause!
Yet he was gloomy and terribly tired.	До свидания... приятнейшего!..

His face was twisted as after a fit. His fatigue increased rapidly. Any shock, any irritating sensation stimulated and revived his energies at once, but his strength failed as quickly when the stimulus was removed.	Он вышел, весь дрожа от какого-то дикого истерического ощущения, в котором между тем была часть нестерпимого наслаждения, -впрочем мрачный, ужасно усталый. Лицо его было искривлено, как бы после какого-то припадка. Утомление его быстро увеличивалось. Силы его возбуждались и приходили теперь вдруг, с первым толчком, с первым раздражающим ощущением, и так же быстро ослабевали, по мере того как ослабевало ощущение.
Zametov, left alone, sat for a long time in the same place, plunged in thought.	А Заметов, оставшись один, сидел еще долго на том же месте, в раздумье.
Raskolnikov had unwittingly worked a revolution in his brain on a certain point and had made up his mind for him conclusively.	Раскольников невзначай перевернул все его мысли насчет известного пункта и окончательно установил его мнение.
"Ilya Petrovitch is a blockhead," he decided.	"Илья Петрович - болван!" - решил он окончательно.
Raskolnikov had hardly opened the door of the restaurant when he	Только что Раскольников отворил дверь на улицу, как вдруг, на самом крыльце, столкнулся с входившим

stumbled against Razumihin on the steps.	Разумихиным.
They did not see each other till they almost knocked against each other.	Оба, даже за шаг еще, не видали друг друга, так что почти головами столкнулись.
For a moment they stood looking each other up and down.	Несколько времени обмеривали они один другого взглядом.
Razumihin was greatly astounded, then anger, real anger gleamed fiercely in his eyes.	Разумихин был в величайшем изумлении, но вдруг гнев, настоящий гнев, грозно засверкал в его глазах.
"So here you are!" he shouted at the top of his voice--"you ran away from your bed!	- Так вот ты где! - крикнул он во все горло. - С постели сбежал!
And here I've been looking for you under the sofa!	А я его там под диваном даже искал!
We went up to the garret.	На чердак ведь ходили!
I almost beat Nastasya on your account.	Настасью чуть не прибил за тебя...
And here he is after all.	А он вон где!
Rodya!	Родька!
What is the meaning of it?	Что это значит?
Tell me the whole truth!	Говори всю правду!
Confess!	Признавайся!
Do you hear?"	Слышишь?
"It means that I'm sick to death of you all and I want to be alone," Raskolnikov answered calmly.	- А то значит, что вы все надоели мне смертельно, и я хочу быть один, - спокойно отвечал Раскольников.
"Alone?"	- Один?

When you are not able to walk, when your face is as white as a sheet and you are gasping for breath!	Когда еще ходить не можешь, когда еще рожа как полотно бледна, и задыхаешься!
Idiot!...	Дур ^{ак} !..

What have you been doing in the Palais de Cristal?	Что ты в "Хрустальном дворце" делал?
Own up at once!"	Признавайся немедленно!
"Let me go!" said Raskolnikov and tried to pass him.	- Пусти! - сказал Раскольников и хотел пройти мимо.
This was too much for Razumihin; he gripped him firmly by the shoulder.	Это уже вывело Разумихина из себя: он крепко схватил его за плечо.
"Let you go?	- Пусти?
You dare tell me to let you go?	Ты смеешь говорить: "пусти"?
Do you know what I'll do with you directly?	Да знаешь ли, что я сейчас с тобой сделаю?
I'll pick you up, tie you up in a bundle, carry you home under my arm and lock you up!"	Возьму в охапку, завяжу узлом да и отнесу под мышкой домой, под замок!
"Listen, Razumihin," Raskolnikov began quietly, apparently calm--"can't you see that I don't want your benevolence?	- Слушай, Разумихин, - начал тихо и по-видимому совершенно спокойно Раскольников, - неужель ты не видишь, что я не хочу твоих благодеяний?
A strange desire you have to shower benefits on a man who... curses them, who feels them a burden in fact!	И что за охота благодетельствовать тем, которые... плюют на это?
Why did you seek me out at the beginning of my illness?	Тем, наконец, которым это серьезно тяжело выносить? Ну для чего ты отыскал меня в начале болезни?
Maybe I was very glad to die.	Я, может быть, очень был бы рад умереть?
Didn't I tell you plainly enough to-day that you were torturing me, that I was... sick of you!	Ну, неужели я недостаточно выказал тебе сегодня, что ты меня мучаешь, что ты мне... надоел!
You seem to want to torture people!	Охота же в самом деле мучить людей!
I assure you that all that is seriously hindering my recovery, because it's continually irritating me.	Уверяю же тебя, что все это мешает моему выздоровлению серьезно, потому что непрерывно раздражает меня.
You saw Zossimov went away just now to avoid irritating me.	Ведь ушел же давеча Зосимов, чтобы не раздражать меня!
You leave me alone too, for goodness' sake!	Отстань же, ради бога, и ты!
What right have you, indeed, to keep	И какое право, наконец, имеешь ты удерживать

me by force?	меня силой?
Don't you see that I am in possession of all my faculties now?	Да неужель ты не видишь, что я совершенно в полном уме теперь говорю?
How, how can I persuade you not to persecute me with your kindness?	Чем, чем, научи, умолить мне тебя, наконец, чтобы ты не приставак ко мне и не благодетельствовал?

I may be ungrateful, I may be mean, only let me be, for God's sake, let me be!	Пусть я неблагодарен, пусть я низок, только отстаньте вы все, ради бога, отстаньте!
Let me be, let me be!"	Отстаньте! Отстаньте!
He began calmly, gloating beforehand over the venomous phrases he was about to utter, but finished, panting for breath, in a frenzy, as he had been with Luzhin.	Он начал спокойно, заранее радуясь всему яду, который готовился вылить, а кончил в исступлении и задыхаясь, как давеча с Лужиным.
Razumihin stood a moment, thought and let his hand drop.	Разумихин постоял, подумал и выпустил его руку.
"Well, go to hell then," he said gently and thoughtfully.	- Убирайся же к черту! - сказал он тихо и почти задумчиво.
"Stay," he roared, as Raskolnikov was about to move. "Listen to me.	- Стой! - заревел он внезапно, когда Раскольников тронулся было с места, - слушай меня.
Let me tell you, that you are all a set of babbling, posing idiots!	Объявляю тебе, что все вы, до единого болтунишки и фанфаронишки!
If you've any little trouble you brood over it like a hen over an egg.	Заведется у вас страданице - вы с ним как курица с яйцом носитесь!
And you are plagiarists even in that!	Даже и тут воруете чужих авторов.
There isn't a sign of independent life in you!	Ни признака жизни в вас самостоятельной!
You are made of spermaceti ointment and you've lymph in your veins instead of blood.	Из спермацетной мази вы сделаны, а вместо крови сыворотка!
I don't believe in anyone of you!	Никомуто из вас я не верю!
In any circumstances the first thing for all of you is to be unlike a human being!	Первое дело у вас, во всех обстоятельствах - как бы на человека не походить!
Stop!" he cried with redoubled fury, noticing that Raskolnikov was again making a movement--"hear me out!	Сто-о-ой! - крикнул он с удвоенным бешенством, заметив, что Раскольников опять трогается уходить, - слушай до конца!

You know I'm having a house-warming this evening, I dare say they've arrived by now, but I left my uncle there--I just ran in--to receive the guests.	Ты знаешь, у меня сегодня собираются на новоселье, может быть уж и пришли теперь, да я там дядю оставил, - забежал сейчас, - принимать проходящих.
And if you weren't a fool, a common fool, a perfect fool, if you were an original instead of a translation... you see, Rodya, I recognise you're a clever fellow, but you're a fool!--and if you weren't a fool you'd come round to me this evening instead of wearing out your boots in the street!	Так вот, если бы ты не был дурак, не пошлый дурак, не набитый дурак, не перевод с иностранного... видишь, Родя, я сознаюсь, ты малый умный, но ты дурак! - так вот, если б ты не был дурак, ты бы лучше ко мне зашел сегодня, вечерок посидеть, чем даром-то сапоги топтать.
Since you have gone out, there's no help for it!	Уж вышел, так уж нечего делать!
I'd give you a snug easy chair, my landlady has one... a cup of tea, company....	Я б тебе кресла такие мягкие подкатил, у хозяев есть... Чаишко, компания...
Or you could lie on the sofa--any way you would be with us....	А нет, - так и на кушетке уложу, - все-таки между нами полежишь...
Zossimov will be there too.	И Зосимов будет.

Will you come?"	Зайдешь, что ли?
"No."	- Нет.
"R-rubbish!" Razumihin shouted, out of patience. "How do you know?"	- Вр-р-решь! - нетерпеливо вскрикнул Разумихин,- почему ты знаешь?
You can't answer for yourself!	Ты не можешь отвечать за себя!
You don't know anything about it....	Да и ничего ты в этом не понимаешь...
Thousands of times I've fought tooth and nail with people and run back to them afterwards....	Я тысячу раз точно так же с людьми расплевывался и опять назад прибегал...
One feels ashamed and goes back to a man!	Станет стыдно - и воротишься к человеку!
So remember, Potchinkov's house on the third storey...."	Так помни же, дом Починкова, третий этаж...
"Why, Mr. Razumihin, I do believe you'd let anybody beat you from sheer benevolence." "Beat?"	- Да ведь этак вы себя, пожалуй, кому-нибудь бить позвольте, господин Разумихин, из удовольствия благодетельствовать.
Whom?	- Кого?
Me?	Меня!
I'd twist his nose off at the mere	За одну фантазию нос отвинчу!

idea!	
Potchinkov's house, 47, Babushkin's flat...."	Дом Починкова, нумер сорок семь, в квартире чиновника Бабушкина...
"I shall not come, Razumihin." Raskolnikov turned and walked away.	- Не приду, Разумихин - Раскольников повернулся и пошел прочь.
"I bet you will," Razumihin shouted after him.	- Об заклад, что придешь! - крикнул ему вдогонку Разумихин.
"I refuse to know you if you don't!	- Иначе ты... иначе знать тебя не хочу!
Stay, hey, is Zametov in there?"	Постой, гей! Заметов там?
"Yes."	- Там.
"Did you see him?"	- Видел?
"Yes."	- Видел.
"Talked to him?"	- И говорил?
"Yes."	- Говорил.
"What about?"	- Об чем?
Confound you, don't tell me then.	Ну, да черт с тобой, пожалуй, не сказывай.
Potchinkov's house, 47, Babushkin's flat, remember!"	Починкова, сорок семь, Бабушкина, помни!
Raskolnikov walked on and turned the corner into Sadovy Street.	Раскольников дошел до Садовой и повернул за угол.
Razumihin looked after him thoughtfully.	Разумихин смотрел ему вслед, задумавшись.
Then with a wave of his hand he went into the house but stopped short of the stairs.	Наконец, махнув рукой, вошел в дом, но остановился на середине лестницы.

"Confound it," he went on almost aloud. "He talked sensibly but yet..."	"Черт возьми! - продолжал он, почти вслух, - говорит со смыслом, а как будто..."
I am a fool!	Ведь и я дурак!
As if madmen didn't talk sensibly!	Да разве помешанные не говорят со смыслом?
And this was just what Zossimov seemed afraid of."	А Зосимов-то, показалось мне, этого-то и побаивается!
He struck his finger on his forehead.	- Он стукнул пальцем по лбу.
"What if... how could I let him go off alone?"	- Ну что, если... ну как его одного теперь пускать?

He may drown himself....	Пожалуй, утопится...
Ach, what a blunder!	Эх, маху я дал!
I can't."	Нельзя!"
And he ran back to overtake Raskolnikov, but there was no trace of him.	И он побежал назад, вдогонку за Раскольниковым, но уж след простыл.
With a curse he returned with rapid steps to the Palais de Cristal to question Zametov.	Он плюнул и скорыми шагами воротился в "Хрустальный дворец" допросить поскорее Заметова.
Raskolnikov walked straight to X— Bridge, stood in the middle, and leaning both elbows on the rail stared into the distance.	Раскольников прошел прямо на -ский мост, стал на середине, у перил, облокотился на них обоими локтями и принялся глядеть вдоль.
On parting with Razumihin, he felt so much weaker that he could scarcely reach this place.	Простившись с Разумихиным, он до того ослабел, что едва добрался сюда.
He longed to sit or lie down somewhere in the street.	Ему захотелось где-нибудь сесть или лечь, на улице.
Bending over the water, he gazed mechanically at the last pink flush of the sunset, at the row of houses growing dark in the gathering twilight, at one distant attic window on the left bank, flashing as though on fire in the last rays of the setting sun, at the darkening water of the canal, and the water seemed to catch his attention.	Склонившись над водою, машинально смотрел он на последний, розовый отблеск заката, на ряд домов, темневших в сгущавшихся сумерках, на одно отдаленное окошко, где-то в мансарде, по левой набережной, блиставшее, точно в пламени, от последнего солнечного луча, ударившего в него на мгновение, на темневшую воду канавы и, казалось, со вниманием всматривался в эту воду.
At last red circles flashed before his eyes, the houses seemed moving, the passers-by, the canal banks, the carriages, all danced before his eyes.	Наконец в глазах его завертелись какие-то красные круги, дома заходили, прохожие, набережные, экипажи - все это завертелось и заплясало кругом.
Suddenly he started, saved again perhaps from swooning by an uncanny and hideous sight.	Вдруг он вздрогнул, может быть спасенный вновь от обморока одним диким и безобразным видением.
He became aware of someone standing on the right side of him; he looked and saw a tall woman with a kerchief on her head, with a long, yellow, wasted face and red sunken eyes.	Он почувствовал, что кто-то стал подле него, справа, рядом; он взглянул - и увидел женщину, высокую, с платком на голове, с желтым, продолговатым, испытанным лицом и с красноватыми впавшими глазами.

She was looking straight at him, but obviously she saw nothing and recognised no one. Suddenly she leaned her right hand on the parapet, lifted her right leg over the railing, then her left and threw herself into the canal.	Она глядела на него прямо, но, очевидно, ничего не видела и никого не различала. Вдруг она облокотилась правой рукой о перила, подняла правую ногу и замахнула ее за решетку, затем левую, и бросилась в канаву.
The filthy water parted and swallowed up its victim for a moment, but an instant later the drowning woman floated to the surface, moving slowly with the current, her head and legs in the water, her skirt inflated like a balloon over her back.	Грязная вода раздалась, поглотила на мгновение жертву, но через минуту утопленница всплыла, и ее тихо понесло вниз по течению, головой и ногами в воде, спиной вверх, со сбившеюся и вспухшею над водой, как подушка, юбкой.
"A woman drowning!"	- Утопилась!
A woman drowning!" shouted dozens of voices; people ran up, both banks were thronged with spectators, on the bridge people crowded about Raskolnikov, pressing up behind him.	Утопилась! - кричали десятки голосов; люди сбегались, обе набережные унизывались зрителями, на мосту, кругом Раскольникова, столпился народ, напирая и придавливая его сзади.
"Mercy on it! it's our Afrosinya!" a woman cried tearfully close by.	- Батюшки, да ведь это наша Афросиньюшка! - послышался где-то недалеко плачевный женский крик.
"Mercy! save her! kind people, pull her out!"	- Батюшки, спасите! Отцы родные, вытащите!
"A boat, a boat" was shouted in the crowd.	- Лодку! Лодку! - кричали в толпе.
But there was no need of a boat; a policeman ran down the steps to the canal, threw off his great coat and his boots and rushed into the water.	Но лодки было уж не надо: городской сбежал по ступенькам схода к канаве, сбросил с себя шинель, сапоги и кинулся в воду.
It was easy to reach her: she floated within a couple of yards from the steps, he caught hold of her clothes with his right hand and with his left seized a pole which a comrade held out to him; the drowning woman was pulled out at once.	Работы было немного: утопленницу несло водой в двух шагах от схода, он схватил ее за одежду правой рукою, левою успел схватиться за шест, который протянул ему товарищ, и тотчас же утопленница была вытащена.
They laid her on the granite pavement of the embankment.	Ее положили на гранитные плиты схода.
She soon recovered consciousness, raised her head, sat up and began sneezing and coughing, stupidly wiping her wet dress with her hands.	Она очнулась скоро, приподнялась и стала чихать и фыркать, бессмысленно обтирая мокрое платье руками.

She said nothing.	Она ничего не говорила.
"She's drunk herself out of her senses," the same woman's voice wailed at her side. "Out of her senses. The other day she tried to hang herself, we cut her down.	- До чертиков допилась, батюшки, до чертиков, -выл тот же женский голос, уже подле Афросиньюшки, - анамнясь удавиться тоже хотела, с веревки сняли.
I ran out to the shop just now, left my little girl to look after her--and here she's in trouble again!	Пошла я теперь в лавочку, девчоночку при ней глядеть оставила, - ан вот и грех вышел!
A neighbour, gentleman, a neighbour, we live close by, the second house from the end, see yonder...."	Мещаночка, батюшка, наша мещаночка, подле живем, второй дом с краю, вот тут...
The crowd broke up. The police still remained round the woman, someone mentioned the police station....	Народ расходился, полицейские возились еще с утопленницей, кто-то крикнул про контору...
Raskolnikov looked on with a strange sensation of indifference and apathy.	Раскольников смотрел на все с странным ощущением равнодушия и безучастия.

He felt disgusted.	Ему стало противно.
"No, that's loathsome... water... it's not good enough," he muttered to himself.	"Нет, гадко... вода... не стоит, - бормотал он про себя.
"Nothing will come of it," he added, "no use to wait.	- Ничего не будет, - прибавил он, - нечего ждать.
What about the police office...?	Что это, контора...
And why isn't Zametov at the police office?	А зачем Заметов не в конторе?
The police office is open till ten o'clock...."	Контора в десятом часу отперта..."
He turned his back to the railing and looked about him.	Он оборотился спиной к перилам и поглядел кругом себя.
"Very well then!" he said resolutely; he moved from the bridge and walked in the direction of the police office.	"Ну так что ж! И пожалуй!" - проговорил он решительно, двинулся с моста и направился в ту сторону, где была контора.
His heart felt hollow and empty.	Сердце его было пусто и глухо.
He did not want to think.	Мыслить он не хотел.
Even his depression had passed, there was not a trace now of the energy with which he had set out "to make an end of it all."	Даже тоска прошла, ни следа давешней энергии, когда он из дому вышел, с тем, "чтобы все кончить!"
Complete apathy had succeeded to it.	Полная апатия заступила ее место.

"Well, it's a way out of it," he thought, walking slowly and listlessly along the canal bank.	"Что ж, это исход! - думал он, тихо и вяло идя по набережной канавы.
"Anyway I'll make an end, for I want to....	- Все-таки кончу, потому что хочу...
But is it a way out?	Исход ли, однако?
What does it matter!	А все равно!
There'll be the square yard of space--ha!	Аршин пространства будет, - хе!
But what an end!	Какой, однако же, конец!
Is it really the end?	Неужели конец?
Shall I tell them or not?	Скажу я им иль не скажу?
Ah... damn!	Э... черт!
How tired I am! If I could find somewhere to sit or lie down soon!	Да и устал я: где-нибудь лечь или сесть поскорей!
What I am most ashamed of is its being so stupid.	Всего стыднее, что очень уж глупо.
But I don't care about that either!	Да и наплевать на это.
What idiotic ideas come into one's head."	Фу, какие глупости в голову приходят..."
To reach the police office he had to go straight forward and take the second turning to the left. It was only a few paces away.	В контору надо было идти все прямо и при втором повороте взять влево: она была тут в двух шагах.

But at the first turning he stopped and, after a minute's thought, turned into a side street and went two streets out of his way, possibly without any object, or possibly to delay a minute and gain time.	Но, дойдя до первого поворота, он остановился, подумал, поворотил в переулок и пошел обходом, через две улицы, - может быть, безо всякой цели, а может быть, чтобы хоть минуту еще протянуть и выиграть время.
He walked, looking at the ground; suddenly someone seemed to whisper in his ear; he lifted his head and saw that he was standing at the very gate of _the_ house.	Он шел и смотрел в землю. Вдруг, как будто кто шепнул ему что-то на ухо. Он поднял голову и увидал, что стоит у того дома, у самых ворот.
He had not passed it, he had not been near it since _that_ evening.	С того вечера он здесь не был и мимо не проходил.
An overwhelming, unaccountable prompting drew him on.	Неотразимое и необъяснимое желание повлекло его.
He went into the house, passed through the gateway, then into the first entrance	Он вошел в дом, прошел всю подворотню, потом в первый вход справа и стал

on the right, and began mounting the familiar staircase to the fourth storey.	подниматься по знакомой лестнице, в четвертый этаж.
The narrow, steep staircase was very dark.	На узенькой и крутой лестнице было очень темно.
He stopped at each landing and looked round him with curiosity; on the first landing the framework of the window had been taken out.	Он останавливался на каждой площадке и осматривался с любопытством. На площадке первого этажа в окне была совсем выставлена рама:
"That wasn't so then," he thought.	"Этого тогда не было", подумал он.
Here was the flat on the second storey where Nikolay and Dmitri had been working.	Вот и квартира второго этажа, где работали Николашка и Митька:
"It's shut up and the door newly painted. So it's to let."	"Заперта; и дверь окрашена заново; отдается, значит, внаем".
Then the third storey and the fourth.	Вот и третий этаж... и четвертый...
"Here!"	"Здесь!"
He was perplexed to find the door of the flat wide open. There were men there, he could hear voices; he had not expected that.	Недоумение взяло его: дверь в эту квартиру была отворена настежь, там были люди, слышны были голоса; он этого никак не ожидал.
After brief hesitation he mounted the last stairs and went into the flat.	Поколебавшись немного, он поднялся по последним ступенькам и вошел в квартиру.
It, too, was being done up; there were workmen in it.	Ее тоже отделывали заново; в ней были работники; это его как будто поразило.
This seemed to amaze him; he somehow fancied that he would find everything as he left it, even perhaps the corpses in the same places on the floor.	Ему представлялось почему-то, что он все встретит точно так же, как оставил тогда, даже, может быть трупы на тех же местах на полу.
And now, bare walls, no furniture; it seemed strange.	А теперь: голые стены, никакой мебели; странно как-то!
He walked to the window and sat down on the window-sill.	Он прошел к окну и сел на подоконник.
There were two workmen, both young fellows, but one much younger than the other.	Всего было двое работников, оба молодые парня, один постарше, а другой гораздо моложе.
They were papering the walls with a new white paper covered with lilac flowers, instead of the old, dirty,	Они оклеивали стены новыми обоями, белыми, с лиловыми цветочками, вместо прежних желтых, истрепанных и истасканных.

yellow one.	
Raskolnikov for some reason felt horribly annoyed by this. He looked at the new paper with dislike, as though he felt sorry to have it all so changed.	Раскольникову это почему-то ужасно не понравилось; он смотрел на эти новые обои враждебно, точно жаль было, что все так изменили.
The workmen had obviously stayed beyond their time and now they were hurriedly rolling up their paper and getting ready to go home.	Работники, очевидно, замешкались и теперь наскоро свертывали свою бумагу и собирались домой.
They took no notice of Raskolnikov's coming in; they were talking.	Появление Раскольникова почти не обратило на себя их внимания. Они о чем-то разговаривали.
Raskolnikov folded his arms and listened.	Раскольников скрестил руки и стал вслушиваться.
"She comes to me in the morning," said the elder to the younger, "very early, all dressed up.	- Приходит она, этта, ко мне поутру, - говорил старший младшему, - раным-ранешенько, вся разодетая.
'Why are you preening and prinking?' says I.	"И что ты, говорю, передо мной лимонничаешь, чего ты передо мной, говорю, апельсинничаешь?" -
'I am ready to do anything to please you, Tit Vassilitch!'	"Я хочу, говорит, Тит Васильевич, отныне, впредь в полной вашей воле состоять".
That's a way of going on!	Так вот оно как!
And she dressed up like a regular fashion book!"	А уж как разодета: журнал, просто журнал!
"And what is a fashion book?" the younger one asked.	- А что это, дядьшка, журнал? - спросил молодой.
He obviously regarded the other as an authority.	Он, очевидно, поучался у "дядьшки".
"A fashion book is a lot of pictures, coloured, and they come to the tailors here every Saturday, by post from abroad, to show folks how to dress, the male sex as well as the female.	- А журнал, это есть, братец ты мой, такие картинки, крашенные, и идут они сюда к здешним портным каждую субботу, по почте, из-за границы, с тем то есть, как кому одеваться, как мужскому, равномерно и женскому полу.
They're pictures.	Рисунок, значит.
The gentlemen are generally wearing fur coats and for the ladies' fluffles, they're beyond anything you can fancy."	Мужской пол все больше в бекешах пишется, а уж по женскому отделению такие, брат, суфлеры, что отдай ты мне все, да и мало!

"There's nothing you can't find in Petersburg," the younger cried enthusiastically, "except father and mother, there's everything!"	- И чего-чего в ефтом Питере нет! - с увлечением крикнул младший, - окромя отца-матери, все есть!
"Except them, there's everything to be found, my boy," the elder declared sententiously.	- Окромя ефтова, братец ты мой, все находится, -наставительно порешил старший.
Raskolnikov got up and walked into the other room where the strong box, the bed, and the chest of drawers had been; the room seemed to him very tiny without furniture in it.	Раскольников встал и пошел в другую комнату, где прежде стояли укладка и комод; комната показалась ему ужасно маленькою без мебели.

The paper was the same; the paper in the corner showed where the case of ikons had stood.	Обои были все те же; в углу на обоях резко обозначено было место, где стоял киот с образами.
He looked at it and went to the window.	Он поглядел и воротился на свое окошко.
The elder workman looked at him askance.	Старший работник искоса приглядывался.
"What do you want?" he asked suddenly.	- Вам чего-с? - спросил он вдруг, обращаясь к нему.
Instead of answering Raskolnikov went into the passage and pulled the bell.	Вместо ответа Раскольников встал, вышел в сени, взялся за колокольчик и дернул.
The same bell, the same cracked note.	Тот же колокольчик, тот же жестяной звук!
He rang it a second and a third time; he listened and remembered.	Он дернул второй, третий раз; он вслушивался и припоминал.
The hideous and agonisingly fearful sensation he had felt then began to come back more and more vividly. He shuddered at every ring and it gave him more and more satisfaction.	Прежнее, мучительно-страшное, безобразное ощущение начинало все ярче и живее припомиаться ему, он вздрагивал с каждым ударом, и ему все приятнее и приятнее становилось.
"Well, what do you want?"	- Да что те надо?
"Who are you?" the workman shouted, going out to him.	Кто таков? - крикнул работник, выходя к нему.
Raskolnikov went inside again.	Раскольников вошел опять в дверь.
"I want to take a flat," he said. "I am looking round."	- Квартиру хочу нанять, - сказал он, - осматриваю.
"It's not the time to look at rooms at night! and you ought to come up with the porter."	- Фатеру по ночам не нанимают; а к тому же вы должны с дворником прийти.

"The floors have been washed, will they be painted?" Raskolnikov went on.	- Пол-то вымыли; красить будут? - продолжал Раскольников.
"Is there no blood?"	- Крови-то нет?
"What blood?"	- Какой крови?
"Why, the old woman and her sister were murdered here.	- А старуху-то вот убили с сестрой.
There was a perfect pool there."	Тут целая лужа была.
"But who are you?" the workman cried, uneasy.	- Да что ты за человек? - крикнул в беспокойстве работник.
"Who am I?"	- Я?
"Yes."	- Да.
"You want to know?"	- А тебе хочется знать?..
Come to the police station, I'll tell you."	Пойдем в контору, там скажу.
The workmen looked at him in amazement.	Работники с недоумением посмотрели на него.
"It's time for us to go, we are late.	- Нам выходить пора-с, замешкали.
Come along, Alyoshka.	Идем, Алешка.

We must lock up," said the elder workman.	Запирать надо, - сказал старший работник.
"Very well, come along," said Raskolnikov indifferently, and going out first, he went slowly downstairs.	- Ну, пойдем! - отвечал Раскольников равнодушно и вышел вперед, медленно спускаясь с лестницы.
"Hey, porter," he cried in the gateway.	- Эй, дворник! - крикнул он, выходя под ворота.
At the entrance several people were standing, staring at the passers-by; the two porters, a peasant woman, a man in a long coat and a few others.	Несколько людей стояло при самом входе в дом с улицы, глаза на прохожих: оба дворника, баба, мещанин в халате и еще кто-то.
Raskolnikov went straight up to them.	Раскольников пошел прямо к ним.
"What do you want?" asked one of the porters.	- Чего вам? - отозвался один из дворников.
"Have you been to the police office?"	- В контору ходил?
"I've just been there.	- Сейчас был.
What do you want?"	Вам чего?
"Is it open?"	- Там сидят?

"Of course."	- Сидят.
"Is the assistant there?"	- И помощник там?
"He was there for a time.	- Был время.
What do you want?"	Чего вам?
Raskolnikov made no reply, but stood beside them lost in thought.	Раскольников не отвечал и стал с ним рядом, задумавшись.
"He's been to look at the flat," said the elder workman, coming forward.	- Фатеру смотреть приходил, - сказал, подходя, старший работник.
"Which flat?"	- Какую фатеру?
"Where we are at work.	- А где работаем.
'Why have you washed away the blood?' says he.	"Зачем, дескать кровь отмыли?
'There has been a murder here,' says he, 'and I've come to take it.'	Тут, говорит, убийство случилось, а я пришел нанимать".
And he began ringing at the bell, all but broke it.	И в колокольчик стал звонить, мало не оборвал.
'Come to the police station,' says he. 'I'll tell you everything there.'	А пойдем, говорит в контору, там все докажу.
He wouldn't leave us."	Навязался.
The porter looked at Raskolnikov, frowning and perplexed.	Дворник с недоумением и нахмурясь разглядывал Раскольникова.
"Who are you?" he shouted as impressively as he could.	- Да вы кто таков? - крикнул он погрознее.
"I am Rodion Romanovitch Raskolnikov, formerly a student, I live in Shil's house, not far from here, flat Number 14, ask the porter, he knows me."	- Я Родион Романович Раскольников, бывший студент, а живу в доме Шиля, здесь в переулке, отсюда недалеко, в квартире номер четырнадцать. У дворника спроси... меня знает.

Raskolnikov said all this in a lazy, dreamy voice, not turning round, but looking intently into the darkening street.	- Раскольников проговорил все это как-то лениво и задумчиво, не оборачиваясь и пристально смотря на потемневшую улицу.
"Why have you been to the flat?"	- Да зачем в фатеру-то приходили?
"To look at it."	- Смотреть.
"What is there to look at?"	- Чего там смотреть?
"Take him straight to the police station," the man in the long coat jerked in abruptly.	- А вот взять да свести в контору? - ввязался вдруг мещанин и замолчал.
Raskolnikov looked intently at him over his shoulder and said in the same slow, lazy tones:	Раскольников через плечо скосил на него глаза, посмотрел внимательно и сказал так же тихо и лениво:
"Come along."	- Пойдем!
"Yes, take him," the man went on more confidently.	- Да и свести! - подхватил ободрившийся мещанин.
"Why was he going into that , what's in his mind, eh?"	- Зачем он об том доходил, у него что на уме, а?
"He's not drunk, but God knows what's the matter with him," muttered the workman.	- Пьян, не пьян, а бог их знает, - пробормотал работник.
"But what do you want?" the porter shouted again, beginning to get angry in earnest--"Why are you hanging about?"	- Да вам чего? - крикнул опять дворник, начинавший серьезно сердиться, - ты чего пристал?
"You funk the police station then?" said Raskolnikov jeeringly.	- Струсил в контору-то? - с насмешкой проговорил ему Раскольников.
"How funk it?"	- Чего струсил?
Why are you hanging about?"	Ты чего пристал?
"He's a rogue!" shouted the peasant woman.	- Выжига! - крикнула баба.
"Why waste time talking to him?" cried the other porter, a huge peasant in a full open coat and with keys on his belt.	- Да чего с ним толковать, - крикнул другой дворник, огромный мужик, в армяке на распашку и с ключами за поясом.
"Get along!"	- Пшол!..
He is a rogue and no mistake.	И впрямь выжига...
Get along!"	Пшол!

And seizing Raskolnikov by the shoulder he flung him into the street.	И, схватив за плечо Раскольников, он бросил его на улицу.
He lurched forward, but recovered his footing, looked at the spectators in silence and walked away.	Тот кувыркнулся было, но не упал, выправился, молча посмотрел на всех зрителей и пошел далее.
"Strange man!" observed the workman.	- Чуден человек, - проговорил работник.
"There are strange folks about nowadays," said the woman.	- Чуден нынче стал народ, - сказала баба.
"You should have taken him to the police station all the same," said the man in the long coat.	- А все бы свести в контору, - прибавил мещанин.

"Better have nothing to do with him," decided the big porter.	- Нечего связываться, - решил большой дворник.
"A regular rogue!	- Как есть выжига!
Just what he wants, you may be sure, but once take him up, you won't get rid of him....	Сам на то лезет, известно, а свяжись, не развяжешься...
We know the sort!"	Знаем!
"Shall I go there or not?" thought Raskolnikov, standing in the middle of the thoroughfare at the cross-roads, and he looked about him, as though expecting from someone a decisive word.	"Так идти, что ли, или нет", думал Раскольников, остановясь посреди мостовой на перекрестке и осматриваясь кругом, как будто ожидая от кого-то последнего слова.
But no sound came, all was dead and silent like the stones on which he walked, dead to him, to him alone....	Но ничто не отзывалось ниоткуда; все было глухо и мертво, как камни, по которым он ступал, для него мертво, для него одного...
All at once at the end of the street, two hundred yards away, in the gathering dusk he saw a crowd and heard talk and shouts.	Вдруг, далеко, шагов за двести от него, в конце улицы, в сгущавшейся темноте, различил он толпу, говор, крики...
In the middle of the crowd stood a carriage....	Среди толпы стоял какой-то экипаж...
A light gleamed in the middle of the street.	Замелькал среди улицы огонек.
"What is it?"	"Что такое?"
Raskolnikov turned to the right and went up to the crowd.	Раскольников повернул вправо и пошел на толпу.
He seemed to clutch at everything and smiled coldly when he recognised it, for he had fully	Он точно цеплялся за все и холодно усмехнулся, подумав это, потому что уж

made up his mind to go to the police station and knew that it would all soon be over.	наверно решил про контору и твердо знал, что сейчас все кончится.
CHAPTER VII	VII
An elegant carriage stood in the middle of the road with a pair of spirited grey horses; there was no one in it, and the coachman had got off his box and stood by; the horses were being held by the bridle....	Посреди улицы стояла коляска, щегольская и барская, запряженная парой горячих серый лошадей; седоков не было, и сам кучер, слезши с козел, стоял подле; лошадей держали под уздцы.
A mass of people had gathered round, the police standing in front.	Кругом теснилось множество народу, впереди всех полицейские.
One of them held a lighted lantern which he was turning on something lying close to the wheels.	У одного из них был в руках зажженный фонарик, которым он, нагибаясь, освещал что-то на мостовой, у самых колес.
Everyone was talking, shouting, exclaiming; the coachman seemed at a loss and kept repeating:	Все говорили, кричали, ахали; кучер казался в недоумении и изредка повторял:
"What a misfortune!	- Экой грех!
Good Lord, what a misfortune!"	Господи, грех-то какой!
Raskolnikov pushed his way in as far as he could, and succeeded at last in seeing the object of the commotion and interest.	Раскольников протеснился, по возможности, и увидал наконец предмет всей этой суеты и любопытства.

On the ground a man who had been run over lay apparently unconscious, and covered with blood; he was very badly dressed, but not like a workman.	На земле лежал только что раздавленный лошадьми человек, без чувств по-видимому, очень худо одетый, но в "благородном" платье, весь в крови.
Blood was flowing from his head and face; his face was crushed, mutilated and disfigured.	С лица, с головы текла кровь; лицо было все избито, ободрано, исковеркано.
He was evidently badly injured.	Видно было, что раздавили не на шутку.
"Merciful heaven!" wailed the coachman, "what more could I do?"	- Батюшки! - причитал кучер, - как тут усмотреть!
If I'd been driving fast or had not shouted to him, but I was going quietly, not in a hurry.	Коли б я гнал али б не кричал ему, а то ехал не поспешно, равномерно.
Everyone could see I was going along just like everybody else.	Все видели: люди ложь, и я то ж.
A drunken man can't walk straight, we all know....	Пьяный свечки не поставит - известно!..

I saw him crossing the street, staggering and almost falling. I shouted again and a second and a third time, then I held the horses in, but he fell straight under their feet!	Вижу его, улицу переходит, шатается, чуть не валится, - крикнул одноважды, да в другой, да в третий, да и придержал лошадей; а он прямехонько им под ноги так и пал!
Either he did it on purpose or he was very tipsy....	Уж нарочно, что ль, он, ал уж очень был нетверез...
The horses are young and ready to take fright... they started, he screamed... that made them worse. That's how it happened!"	Лошади-то молодые, пугливые, - дернули, а он вскричал - они пуще... вот и беда.
"That's just how it was," a voice in the crowd confirmed.	- Это так как есть! - раздался чей-то свидетельский отзыв в толпе.
"He shouted, that's true, he shouted three times," another voice declared.	- Кричал-то он, это правда, три раза ему прокричал, - отозвался другой голос.
"Three times it was, we all heard it," shouted a third.	- В акурат три раза, все слышали! - крикнул третий.
But the coachman was not very much distressed and frightened.	Впрочем, кучер был не очень уныл и испуган.
It was evident that the carriage belonged to a rich and important person who was awaiting it somewhere; the police, of course, were in no little anxiety to avoid upsetting his arrangements.	Видно было, что экипаж принадлежал богатому и значительному владельцу, ожидавшему где-нибудь его прибытия; полицейские, уж конечно, немало заботились, как уладить это последнее обстоятельство.
All they had to do was to take the injured man to the police station and the hospital.	Раздавленного предстояло прибрать в часть и в больницу.
No one knew his name.	Никто не знал его имени.
Meanwhile Raskolnikov had squeezed in and stooped closer over him.	Между тем Раскольников протиснулся и нагнулся еще ближе.
The lantern suddenly lighted up the unfortunate man's face.	Вдруг фонарик ярко осветил лицо несчастного; он узнал его.

He recognised him. "I know him! I know him!" he shouted, pushing to the front. "It's a government clerk retired from the service, Marmeladov.	- Я его знаю, знаю! - закричал он, протискиваясь совсем вперед, - это чиновник, отставной, титулярный советник, Мармеладов!
He lives close by in Kozel's house....	Он здесь живет, подле, в доме Козеля...
Make haste for a doctor!	Доктора поскорее!

I will pay, see?"	Я заплачу, вот!
He pulled money out of his pocket and showed it to the policeman.	- Он вытащил из кармана деньги и показывал полицейскому.
He was in violent agitation.	Он был в удивительном волнении.
The police were glad that they had found out who the man was.	Полицейские были довольны, что узнали, кто раздавленный.
Raskolnikov gave his own name and address, and, as earnestly as if it had been his father, he besought the police to carry the unconscious Marmeladov to his lodging at once.	Раскольников назвал и себя, дал свой адрес и всеми силами, как будто дело шло о родном отце, уговаривал перенести поскорее бесчувственного Мармеладова в его квартиру.
"Just here, three houses away," he said eagerly, "the house belongs to Kozel, a rich German.	- Вот тут, через три дома, - хлопотал он, - дом Козеля, немца, богатого...
He was going home, no doubt drunk.	Он теперь, верно, пьяный, домой пробирался.
I know him, he is a drunkard.	Я его знаю... Он пьяница...
He has a family there, a wife, children, he has one daughter....	Там у него семейство, жена, дети, дочь одна есть.
It will take time to take him to the hospital, and there is sure to be a doctor in the house.	Пока еще в больницу тащить, а тут, верно, в доме же доктор есть!
I'll pay, I'll pay!	Я заплачу, заплачу!...
At least he will be looked after at home... they will help him at once. But he'll die before you get him to the hospital."	Все-таки уход будет свой, помогут сейчас, а то он умрет до больницы-то...
He managed to slip something unseen into the policeman's hand. But the thing was straightforward and legitimate, and in any case help was closer here.	Он даже успел сунуть неприметно в руку; дело, впрочем, было ясное и законное, и во всяком случае тут помощь ближе была.
They raised the injured man; people volunteered to help.	Раздавленного подняли и понесли; нашлись помощники.
Kozel's house was thirty yards away.	Дом Козеля был шагах в тридцати.
Raskolnikov walked behind, carefully holding Marmeladov's head and showing the way.	Раскольников шел сзади, осторожно поддерживал голову и показывал дорогу.
"This way, this way!	- Сюда, сюда!

We must take him upstairs head foremost. Turn round!	На лестницу надо вверх головой вносить; оборачивайте... вот так!
I'll pay, I'll make it worth your while," he muttered.	Я заплачу, я поблагодарю, - бормотал он.

Katerina Ivanovna had just begun, as she always did at every free moment, walking to and fro in her little room from window to stove and back again, with her arms folded across her chest, talking to herself and coughing.	Катерина Ивановна, как и всегда, чуть только выпадала свободная минута, тотчас же принималась ходить взад и вперед по своей маленькой комнате, от окна до печки и обратно, плотно скрестив руки на груди, говоря сама с собой и кашляя.
Of late she had begun to talk more than ever to her eldest girl, Polenka, a child of ten, who, though there was much she did not understand, understood very well that her mother needed her, and so always watched her with her big clever eyes and strove her utmost to appear to understand.	В последнее время она стала все чаще и больше разговаривать с своею старшею девочкой, десятилетней Поленькой, которая хотя и многого еще не понимала, но зато очень хорошо поняла, что нужна матери, и потому всегда следила за ней своими большими умными глазками и всеми силами хитрила, чтобы представится все понимающею.
This time Polenka was undressing her little brother, who had been unwell all day and was going to bed.	В этот раз Поленька раздевала маленького брата, которому весь день нездоровилось, чтоб уложить его спать.
The boy was waiting for her to take off his shirt, which had to be washed at night. He was sitting straight and motionless on a chair, with a silent, serious face, with his legs stretched out straight before him--heels together and toes turned out.	В ожидании, пока ему переменят рубашку, которую предстояло ночью же вымыть, мальчик сидел на стуле молча, с серьезною миной, прямо и недвижимо, с вытянутыми вперед ножками, плотно вместе сжатыми, пяточками к публике, а носками врозь.
He was listening to what his mother was saying to his sister, sitting perfectly still with pouting lips and wide- open eyes, just as all good little boys have to sit when they are undressed to go to bed.	Он слушал, что говорила мамаша с сестрицей, надув губки, выпучив глазки и не шевелясь, точь-в-точь как обыкновенно должны сидеть все умные мальчики, когда их раздевают, чтоб идти спать.
A little girl, still younger, dressed literally in rags, stood at the screen, waiting for her turn.	Еще меньше его девочка, в совершенных лохмотьях, стояла у ширм и ждала своей очереди.
The door on to the stairs was open to relieve them a little from the clouds of tobacco smoke which floated in from the other rooms and brought on long terrible fits of coughing in the poor,	Дверь на лестницу была отворена, чтобы хоть сколько-нибудь защититься от волн табачного дыма, врывающихся из других комнат и поминутно заставлявших долго и мучительно кашлять бедную чахоточную.

consumptive woman.	
Katerina Ivanovna seemed to have grown even thinner during that week and the hectic flush on her face was brighter than ever.	Катерина Ивановна как будто еще больше похудела в эту неделю, и красные пятна на щеках ее горели еще ярче, чем прежде.
"You wouldn't believe, you can't imagine, Polenka," she said, walking about the room, "what a happy luxurious life we had in my papa's house and how this drunkard has brought me, and will bring you all, to ruin!"	- Ты не поверишь, ты и вообразить себе не можешь, Поленька, - говорила она, ходя по комнате, - до какой степени мы весело и пышно жили в доме у папеньки и как этот пьяница погубил меня и вас всех погубит!
Papa was a civil colonel and only a step from being a governor; so that everyone who came to see him said,	Папаша был статский полковник и уже почти губернатор; ему только оставался всего один какой-нибудь шаг, так что все к нему ездили и говорили:
"We look upon you, Ivan Mihailovitch, as our governor!"	"Мы вас уж так и считаем, Иван Михайлыч, за нашего губернатора".

When I... when..." she coughed violently, "oh, cursed life," she cried, clearing her throat and pressing her hands to her breast, "when I... when at the last ball... at the marshal's... Princess Bezzemelnny saw me--who gave me the blessing when your father and I were married, Polenka--she asked at once	Когда я... кхе! когда я... кхе-кхе-кхе... о, треклятая жизнь! - вскрикнула она, отхаркивая мокроту и схватившись за грудь, - когда я... ах, когда на последнем бале... у предводителя... меня увидала княгиня Безземельная, - которая меня потом благословляла, когда я выходила за твоего папашу, Поля, - то тотчас спросила:
"Isn't that the pretty girl who danced the shawl dance at the breaking-up?" (You must mend that tear, you must take your needle and darn it as I showed you, or tomorrow--cough, cough, cough--he will make the hole bigger," she articulated with effort.)	"Не та ли это милая девица, которая с шалью танцевала при выпуске?"... (Прореху-то зашить надо; вот взяла бы иглу да сейчас бы и заштопала, как я тебя учила, а то завтра... кхе! завтра... кхе-кхе-кхе!.. пуще разо-рвет! -крикнула она надрываясь)...
"Prince Schegolskoy, a kammerjunker, had just come from Petersburg then... he danced the mazurka with me and wanted to make me an offer next day; but I thanked him in flattering expressions and told him that my heart had long been another's.	- Тогда еще из Петербурга только что приехал камер-юнкер князь Щегольской... протанцевал со мной мазурку и на другой же день хотел приехать с предложением; но я сама отблагодарила в лестных выражениях и сказала, что сердце мое принадлежит давно другому.
That other was your father, Polya; papa was fearfully angry....	Этот другой был твой отец, Поля; папенька ужасно сердился...

Is the water ready?	А вода готова?
Give me the shirt, and the stockings!	Ну, давай рубашечку; а чулочки?..
Lida," said she to the youngest one, "you must manage without your chemise to-night... and lay your stockings out with it...	Лиди, - обратилась она к маленькой дочери, - ты уж так, без рубашки, эту ночь поспи; как-нибудь... да чулочки выложи подле...
I'll wash them together....	Заодно вымыть...
How is it that drunken vagabond doesn't come in?	Что этот лохмотник нейдет, пьяница!
He has worn his shirt till it looks like a dish-clout, he has torn it to rags!	Рубашку заносил, как обтирку какую-нибудь, изорвал всю...
I'd do it all together, so as not to have to work two nights running!	Все бы уж заодно, чтобы сряду двух ночей не мучиться!
Oh, dear! (Cough, cough, cough, cough!) Again!	Господи! Кхе-кхе-кхе-кхе! Опять!
What's this?" she cried, noticing a crowd in the passage and the men, who were pushing into her room, carrying a burden.	Что это? - вскрикнула она, взглянув на толпу в сенях и на людей, протеснявшихся с какою-то ношей в ее комнату.
"What is it?	- Что это?
What are they bringing?	Что это несут?
Mercy on us!"	Господи!
"Where are we to put him?" asked the policeman, looking round when Marmeladov, unconscious and covered with blood, had been carried in.	- Куда ж тут положить? - спрашивал полицейский, осматриваясь кругом, когда уже втащили в комнату окровавленного и бесчувственного Мармеладова.
"On the sofa!	- На диван!

Put him straight on the sofa, with his head this way," Raskolnikov showed him.	Кладите прямо на диван, вот сюда головой, -показывал Раскольников.
"Run over in the road!	- Раздавили на улице!
Drunk!" someone shouted in the passage.	Пьяного! - крикнул кто-то из сеней.
Katerina Ivanovna stood, turning white and gasping for breath.	Катерина Ивановна стояла вся бледная и трудно дышала.
The children were terrified.	Дети перепугались.
Little Lida screamed, rushed to Polenka and clutched at her, trembling all over.	Маленькая Лидочка вскрикнула, бросилась к Поленьке, обхватила ее и вся затряслась.
Having laid Marmeladov down,	Уложив Мармеладова, Раскольников

Raskolnikov flew to Katerina Ivanovna.	бросился к Катерине Ивановне:
"For God's sake be calm, don't be frightened!" he said, speaking quickly, "he was crossing the road and was run over by a carriage, don't be frightened, he will come to, I told them bring him here..."	- Ради бога, успокойтесь не пугайтесь! - говорил он скороговоркой, он переходил улицу, его раздавила коляска, не беспокойтесь, он очнется, я велел сюда нести... я у вас был, помните...
I've been here already, you remember?	Он очнется, я заплачу!
He will come to; I'll pay!" "He's done it this time!" Katerina Ivanovna cried despairingly and she rushed to her husband.	- Добился! - отчаянно вскрикнула Катерина Ивановна и бросилась к мужу.
Raskolnikov noticed at once that she was not one of those women who swoon easily.	Раскольников скоро заметил, что эта женщина не из тех, которые тотчас же падают в обмороки.
She instantly placed under the luckless man's head a pillow, which no one had thought of and began undressing and examining him. She kept her head, forgetting herself, biting her trembling lips and stifling the screams which were ready to break from her.	Мигом под головою несчастного очутилась подушка, о которой никто еще не подумал; Катерина Ивановна стала раздевать его, осматривать, суежилась и не терялась, забыв о себе самой, закусив свои дрожавшие губы и подавляя крики, готовые вырваться из груди.
Raskolnikov meanwhile induced someone to run for a doctor.	Раскольников уговорил меж тем кого-то сбежать за доктором.
There was a doctor, it appeared, next door but one.	Доктор, как оказалось, жил через дом.
"I've sent for a doctor," he kept assuring Katerina Ivanovna, "don't be uneasy, I'll pay.	- Я послал за доктором, - твердил он Катерине Ивановне, - не беспокойтесь, я заплачу.
Haven't you water?... and give me a napkin or a towel, anything, as quick as you can....	Нет ли воды?... И дайте салфетку, полотенце, что-нибудь, поскорее; неизвестно еще, как он ранен...
He is injured, but not killed, believe me....	Он ранен, а не убит, будьте уверены...
We shall see what the doctor says!"	Что скажет доктор!
Katerina Ivanovna ran to the window; there, on a broken chair in the corner, a large earthenware basin full of water had been stood, in readiness for washing her children's and husband's linen that night.	Катерина Ивановна бросилась к окну; там, на продавленном стуле, в углу, установлен был большой глиняный таз с водой, приготовленный для ночного мытья детского и мужниного белья.

This washing was done by Katerina Ivanovna at night at least twice a week,	Это ночное мытье производилось самою Катериной Ивановной, собственноручно, по
--	---

if not oftener. For the family had come to such a pass that they were practically without change of linen, and Katerina Ivanovna could not endure uncleanness and, rather than see dirt in the house, she preferred to wear herself out at night, working beyond her strength when the rest were asleep, so as to get the wet linen hung on a line and dry by the morning.	крайней мере два раза в неделю, а иногда и чаще, ибо дошли до того, что переменного белья уже совсем почти не было, и было у каждого члена семейства по одному только экземпляру, а Катерина Ивановна не могла выносить нечистоты и лучше соглашалась мучить себя по ночам и не по силам, когда все спят, чтоб успеть к утру просушить мокрое белье на протянутой веревке и подать чистое, чем видеть грязь в доме.
She took up the basin of water at Raskolnikov's request, but almost fell down with her burden.	Она схватилась было за таз, чтобы нести его по требованию Раскольникова, но чуть не упала с ношей.
But the latter had already succeeded in finding a towel, wetted it and began washing the blood off Marmeladov's face.	Но тот уже успел найти полотенце, намочил его водою и стал обмывать залитое кровью лицо Мармеладова.
Katerina Ivanovna stood by, breathing painfully and pressing her hands to her breast.	Катерина Ивановна стояла тут же, с болью переводя дух и держась руками за грудь.
She was in need of attention herself.	Ей самой нужна была помощь.
Raskolnikov began to realise that he might have made a mistake in having the injured man brought here.	Раскольников начал понимать, что он, может быть, плохо сделал, уговорив перенести сюда раздавленного.
The policeman, too, stood in hesitation.	Городовой тоже стоял в недоумении.
"Polenka," cried Katerina Ivanovna, "run to Sonia, make haste.	- Поля! - крикнула Катерина Ивановна, - беги к Соне, скорее.
If you don't find her at home, leave word that her father has been run over and that she is to come here at once... when she comes in.	Если не застанешь дома, все равно, скажи, что отца лошади раздавили и чтоб она тотчас же шла сюда... как воротится.
Run, Polenka! there, put on the shawl."	Скорей, Поля!
"Run your fastest!" cried the little boy on the chair suddenly, after which he relapsed into the same dumb rigidity, with round eyes, his heels thrust forward and his toes spread out.	На, закройся платком! - Сто есь духу беги! - крикнул вдруг мальчик со стула и, сказав это, погрузился опять в прежнее безмолвное прямое сиденье на стуле, выпуча глазки, пятками вперед и носками врозь.
Meanwhile the room had become so full of people that you couldn't have dropped a pin.	Меж тем комната наполнилась так, что яблоку упасть было негде.

The policemen left, all except one, who remained for a time, trying to drive out the people who came in from the stairs.	Полицейские ушли, кроме одного, который оставался на время и старался выгнать публику, набравшуюся с лестницы, опять обратно на лестницу.
Almost all Madame Lippevechsel's lodgers had streamed in from the inner rooms of the flat; at first they were squeezed together in the doorway, but afterwards they overflowed into the room.	Зато из внутренних комнат высыпали чуть не все жильцы госпожи Липпевехзелъ и сначала было теснились только в дверях, но потом гурьбой хлынули в самую комнату.
Katerina Ivanovna flew into a fury.	Катерина Ивановна пришла в исступление.

"You might let him die in peace, at least," she shouted at the crowd, "is it a spectacle for you to gape at?"	- Хоть бы умереть-то дали спокойно! - закричала она на всю толпу, - что за спектакль нашли!
With cigarettes! (Cough, cough, cough!) You might as well keep your hats on....	С папиросами! Кхе-кхе-кхе! В шляпах войдите еще!..
And there is one in his hat!...	И то в шляпе один...
Get away!	Вон!
You should respect the dead, at least!"	К мертвому телу хоть уважение имейте!
Her cough choked her--but her reproaches were not without result.	Кашель задушил ее, но острастка пригодилась.
They evidently stood in some awe of Katerina Ivanovna. The lodgers, one after another, squeezed back into the doorway with that strange inner feeling of satisfaction which may be observed in the presence of a sudden accident, even in those nearest and dearest to the victim, from which no living man is exempt, even in spite of the sincerest sympathy and compassion.	Катерины Ивановны, очевидно, даже побаивались; жильцы, один за другим, протеснились обратно к двери с тем странным внутренним ощущением довольства, которое всегда замечается, даже в самых близких людях, при внезапном несчастье с их ближним, и от которого не избавлен ни один человек, без исключения, несмотря даже на самое искреннее чувство сожаления и участия.
Voices outside were heard, however, speaking of the hospital and saying that they'd no business to make a disturbance here.	За дверью слышались, впрочем, голоса про больницу и что здесь не след беспокоить напрасно.
"No business to die!" cried Katerina Ivanovna, and she was rushing to the door to vent her wrath upon them, but in the doorway came face to face with Madame Lippevechsel who had only just heard of	- Умирать-то не след! - крикнула Катерина Ивановна и уже бросилась было растворить дверь, чтобы разразиться на них целым громом, но столкнулась в дверях с самою госпожой Липпевехзелъ, которая только что

the accident and ran in to restore order.	успела прослышать о несчастии и прибежала производить распорядок.
She was a particularly quarrelsome and irresponsible German.	Это была чрезвычайно вздорная и беспорядочная немка.
"Ah, my God!" she cried, clasping her hands, "your husband drunken horses have trampled!	- Ах, бог мой! - всплеснула она руками, - ваш муж пьян лошадь изтопталъ.
To the hospital with him!	В больниц его!
I am the landlady!"	Я хозяйка!
"Amalia Ludwigovna, I beg you to recollect what you are saying," Katerina Ivanovna began haughtily (she always took a haughty tone with the landlady that she might "remember her place" and even now could not deny herself this satisfaction). "Amalia Ludwigovna..."	- Амалия Людвиговна! Прошу вас вспомнить о том, что вы говорите, - высокомерно начала было Катерина Ивановна (с хозяйкой она всегда говорила высокомерным тоном, чтобы та "помнила свое место", и даже теперь не могла отказать себе в этом удовольствии), - Амалия Людвиговна...
"I have you once before told that you to call me Amalia Ludwigovna may not dare; I am Amalia Ivanovna."	- Я вам сказал раз-на-прежде, что вы никогда не смей говорить мне Амаль Людвиговна; я Амаль-Иван!

"You are not Amalia Ivanovna, but Amalia Ludwigovna, and as I am not one of your despicable flatterers like Mr. Lebeziatnikov, who's laughing behind the door at this moment (a laugh and a cry of 'they are at it again' was in fact audible at the door) so I shall always call you Amalia Ludwigovna, though I fail to understand why you dislike that name.	- Вы не Амаль-Иван, а Амалия Людвиговна, и так как я не принадлежу к вашим подлым льстецам, как господин Лебезятников, который смеется теперь за дверью (за дверью действительно раздался смех и крик: "сцепились!"), то и буду всегда называть вас Амалией Людвиговной, хотя решительно не могу понять, почему вам это название не нравится.
You can see for yourself what has happened to Semyon Zaharovitch; he is dying.	Вы видите сами, что случилось с Семеном Захаровичем; он умирает.
I beg you to close that door at once and to admit no one.	Прошу вас сейчас запереть эту дверь и не впускать сюда никого.
Let him at least die in peace!	Дайте хоть умереть спокойно!
Or I warn you the Governor-General, himself, shall be informed of your conduct to-morrow.	Иначе, уверяю вас, завтра же поступок ваш будет известен самому генерал-губернатору.
The prince knew me as a girl; he remembers Semyon Zaharovitch well and	Князь знал меня еще в девицах и очень хорошо помнит Семена Захаровича,

has often been a benefactor to him.	которому много раз благодетельствовал.
Everyone knows that Semyon Zaharovitch had many friends and protectors, whom he abandoned himself from an honourable pride, knowing his unhappy weakness, but now (she pointed to Raskolnikov) a generous young man has come to our assistance, who has wealth and connections and whom Semyon Zaharovitch has known from a child. You may rest assured, Amalia Ludwigovna..."	Всем известно, что у Семена Захаровича было много друзей и покровителей, которых он сам оставил из благородной гордости, чувствуя несчастную свою слабость, но теперь (она указала на Раскольникова) нам помогает один великодушный молодой человек, имеющий средства и связи, и которого Семен Захарович знал еще в детстве, и будьте уверены, Амалия Людвиговна...
All this was uttered with extreme rapidity, getting quicker and quicker, but a cough suddenly cut short Katerina Ivanovna's eloquence.	Все это произнесено было чрезвычайною скороговоркой, чем дольше, тем быстрее, но кашель разом перервал красноречие Катерины Ивановны.
At that instant the dying man recovered consciousness and uttered a groan; she ran to him.	В эту минуту умирающий очнулся и простонал, и она побежала к нему.
The injured man opened his eyes and without recognition or understanding gazed at Raskolnikov who was bending over him.	Больной открыл глаза и, еще не узнавая и не понимая, стал вглядываться в стоявшего над ним Раскольникова.
He drew deep, slow, painful breaths; blood oozed at the corners of his mouth and drops of perspiration came out on his forehead.	Он дышал тяжело, глубоко и редко; на окраинах губ выдавилась кровь; пот выступил на лбу.
Not recognising Raskolnikov, he began looking round uneasily.	Не узнав Раскольникова, он беспокойно начал обводить глазами.
Katerina Ivanovna looked at him with a sad but stern face, and tears trickled from her eyes.	Катерина Ивановна смотрела на него грустным, но строгим взглядом, а из глаз ее текли слезы.
"My God!	- Боже мой!
His whole chest is crushed!	У него вся грудь раздавлена!
How he is bleeding," she said in despair.	Крови-то, крови! - проговорила она в отчаянии.
"We must take off his clothes.	- Надо снять с него все верхнее платье!
Turn a little, Semyon Zaharovitch, if you can," she cried to him.	Повернись немного, Семен Захарович, если можешь, - крикнула она ему.
Marmeladov recognised her.	Мармеладов узнал ее.
	- Священника! - проговорил он хриплым

"A priest," he articulated huskily.	голосом.
Katerina Ivanovna walked to the window, laid her head against the window frame and exclaimed in despair:	Катерина Ивановна отошла к окну, прислонилась лбом к оконной раме и с отчаянием воскликнула:
"Oh, cursed life!"	- О треклятая жизнь!
"A priest," the dying man said again after a moment's silence.	- Священника! - проговорил опять умирающий после минутного молчания.
"They've gone for him," Katerina Ivanovna shouted to him, he obeyed her shout and was silent.	- Пошли-и-и! - крикнула на него Катерина Ивановна; он послушался окрика и замолчал.
With sad and timid eyes he looked for her; she returned and stood by his pillow.	Робким, тоскливым взглядом отыскивал он ее глазами; она опять воротилась к нему и стала у изголовья.
He seemed a little easier but not for long.	Он несколько успокоился, но ненадолго.
Soon his eyes rested on little Lida, his favourite, who was shaking in the corner, as though she were in a fit, and staring at him with her wondering childish eyes.	Скоро глаза его остановились на маленькой Лидочке (его любимице), дрожавшей в углу, как в припадке, и смотревшей на него своими удивленными, детски пристальными глазами.
"A-ah," he signed towards her uneasily.	- А... а... - указывал он на нее с беспокойством.
He wanted to say something.	Ему что-то хотелось сказать.
"What now?" cried Katerina Ivanovna.	- Чего еще? - крикнула Катерина Ивановна.
"Barefoot, barefoot!" he muttered, indicating with frenzied eyes the child's bare feet.	- Босенькая! Босенькая! - бормотал он, полоумным взглядом указывая на босые ножки девочки.
"Be silent," Katerina Ivanovna cried irritably, "you know why she is barefooted."	- Молчи-и-и! - раздражительно крикнула Катерина Ивановна, - сам знаешь, почему босенькая!
"Thank God, the doctor," exclaimed Raskolnikov, relieved.	- Слава богу, доктор! - крикнул обрадованный Раскольников.
The doctor came in, a precise little old man, a German, looking about him mistrustfully; he went up to the sick man, took his pulse, carefully felt his head and with the help of Katerina Ivanovna he unbuttoned the blood-stained shirt, and bared the injured man's	Вошел доктор, аккуратный старичок, немец, озираясь с недоверчивым видом; подошел к больному, взял пульс, внимательно ощупал голову и, с помощью Катерины Ивановны, отстегнул всю смоченную кровью рубашку и обнажил

chest.	грудь больного.
It was gashed, crushed and fractured, several ribs on the right side were broken.	Вся грудь была исковеркана, измята и истерзана; несколько ребер с правой стороны изломано.
On the left side, just over the heart, was a large, sinister-looking yellowish-black bruise - a cruel kick from the horse's hoof.	С левой стороны, на самом сердце, было злое, большое, желтовато-черное пятно, жестокий удар копытом.
The doctor frowned.	Доктор нахмурился.

The policeman told him that he was caught in the wheel and turned round with it for thirty yards on the road.	Полицейский рассказал ему, что раздавленного захватило в колесо и тащило, вертя, шагов тридцать по мостовой.
"It's wonderful that he has recovered consciousness," the doctor whispered softly to Raskolnikov.	- Удивительно, как он еще очнулся, - шепнул потихоньку доктор Раскольникову.
"What do you think of him?" he asked.	- Что вы скажете? - спросил тот.
"He will die immediately."	- Сейчас умрет.
"Is there really no hope?"	- Неужели никакой надежды?
"Not the faintest!"	- Ни малейшей!
He is at the last gasp....	При последнем издыхании...
His head is badly injured, too...	К тому же голова очень опасно ранена...
Hm...	Гм.
I could bleed him if you like, but... it would be useless.	Пожалуй, можно кровь отворить... но... это будет бесполезно.
He is bound to die within the next five or ten minutes."	Через пять или десять минут умрет непременно.
"Better bleed him then."	- Так уж отворите лучше кровь!
"If you like....	- Пожалуй...
But I warn you it will be perfectly useless."	Впрочем, я вас предупреждаю, это будет совершенно бесполезно.
At that moment other steps were heard; the crowd in the passage parted, and the priest, a little, grey old man, appeared in the doorway bearing the sacrament.	В это время слышались еще шаги, толпа в сенях раздвинулась, и на пороге появился священник с запасными дарами, седой старичок.
A policeman had gone for him at the time of the accident.	За ним ходил полицейский, еще с улицы.

The doctor changed places with him, exchanging glances with him.	Доктор тотчас же уступил ему место и обменялся с ним значительным взглядом.
Raskolnikov begged the doctor to remain a little while.	Раскольников упросил доктора подождать хоть немножко.
He shrugged his shoulders and remained.	Тот пожал плечами и остался.
All stepped back.	Все отступили.
The confession was soon over.	Исповедь длилась очень недолго.
The dying man probably understood little; he could only utter indistinct broken sounds.	Умиравший вряд ли хорошо понимал что-нибудь; произносить же мог только отрывистые, неясные звуки.
Katerina Ivanovna took little Lida, lifted the boy from the chair, knelt down in the corner by the stove and made the children kneel in front of her.	Катерина Ивановна взяла Лидочку, сняла со стула мальчика и, отойдя в угол к печке, стала на колени, а детей поставила на колени перед собой.

The little girl was still trembling; but the boy, kneeling on his little bare knees, lifted his hand rhythmically, crossing himself with precision and bowed down, touching the floor with his forehead, which seemed to afford him especial satisfaction.	Девочка только дрожала; мальчик же, стоя на голых коленочках, размеренно подымал ручонку, крестился полным крестом и кланялся в землю, стучаясь лбом, что, по-видимому, доставляло ему особенное удовольствие.
Katerina Ivanovna bit her lips and held back her tears; she prayed, too, now and then pulling straight the boy's shirt, and managed to cover the girl's bare shoulders with a kerchief, which she took from the chest without rising from her knees or ceasing to pray.	Катерина Ивановна закусывала губы и сдерживала слезы; она тоже молилась, изредка оправляя рубашечку на ребенке и успев набросить на слишком обнаженные плечи девочки косынку, которую достала с комода, не вставая с колен и молясь.
Meanwhile the door from the inner rooms was opened inquisitively again.	Между тем двери из внутренних комнат стали опять отворяться любопытными.
In the passage the crowd of spectators from all the flats on the staircase grew denser and denser, but they did not venture beyond the threshold.	В сенях же все плотнее и плотнее стеснялись зрители, жильцы со всей лестницы, не переступая, впрочем, за порог комнаты.
A single candle-end lighted up the scene.	Один только огарок освещал всю сцену.
At that moment Polenka forced her way through the crowd at the door.	В эту минуту из сеней, сквозь толпу, быстро протеснилась Поленька, бегавшая за сестрой.
She came in panting from running so	Она вошла, едва переводя дух от скорого

fast, took off her kerchief, looked for her mother, went up to her and said,	бега, сняла с себя платок, отыскала глазами мать, подошла к ней и сказала:
"She's coming, I met her in the street."	"Идет! на улице встретила!"
Her mother made her kneel beside her.	Мать пригнула ее на колени и поставила подле себя.
Timidly and noiselessly a young girl made her way through the crowd, and strange was her appearance in that room, in the midst of want, rags, death and despair.	Из толпы, неслышно и робко, протеснилась девушка, и странно было ее внезапное появление в этой комнате, среди нищеты, лохмотьев, смерти и отчаяния.
She, too, was in rags, her attire was all of the cheapest, but decked out in gutter finery of a special stamp, unmistakably betraying its shameful purpose.	Она была тоже в лохмотьях; наряд ее был грошовый, но разукрашенный по-уличному, под вкус и правила, сложившиеся в своем особом мире, с ярко и позорно выдающеюся целью.
Sonia stopped short in the doorway and looked about her bewildered, unconscious of everything. She forgot her fourth-hand, gaudy silk dress, so unseemly here with its ridiculous long train, and her immense crinoline that filled up the whole doorway, and her light-coloured shoes, and the parasol she brought with her, though it was no use at night, and the absurd round straw hat with its flaring flame-coloured feather.	Соня остановилась в сенях у самого порога, но не переходила за порог и глядела как потерянная, не сознавая, казалось, ничего, забыв и о своем перекупленном из четвертых рук, шелковом, неприличном здесь, цветном платье с длиннейшим и смешным хвостом, и необъятном кринолине, загородившем всю дверь, и о светлых ботинках, и об омбре, ненужной ночью, но которую она взяла с собой, и о смешной соломенной круглой шляпке с ярким огненного цвета пером.
Under this rakishly-tilted hat was a pale, frightened little face with lips parted and eyes staring in terror.	Из-под этой надетой мальчишески набекрень шляпки выглядывало худое, бледное и испуганное личико с раскрытым ртом и с неподвижными от ужаса глазами.

Sonia was a small thin girl of eighteen with fair hair, rather pretty, with wonderful blue eyes.	Соня была малого роста, лет восемнадцати, худенькая, но довольно хорошенькая блондинка, с замечательными голубыми глазами.
She looked intently at the bed and the priest; she too was out of breath with running.	Она пристально смотрела на постель, на священника; она тоже задыхалась от скорой ходьбы.
At last whispers, some words in the crowd probably, reached her.	Наконец шушуканье, некоторые слова в толпе, вероятно, до нее долетели.
She looked down and took a step forward	Она потупилась, переступила шаг через

into the room, still keeping close to the door.	порог и стала в комнате, но опять-таки в самых дверях.
The service was over.	Исповедь и причащение кончились.
Katerina Ivanovna went up to her husband again.	Катерина Ивановна снова подошла к постели мужа.
The priest stepped back and turned to say a few words of admonition and consolation to Katerina Ivanovna on leaving.	Священник отступил и, уходя, обратился было сказать два слова в напутствие и утешение Катерине Ивановне.
"What am I to do with these?" she interrupted sharply and irritably, pointing to the little ones.	- А куда я этих-то дену? - резко и раздражительно перебила она, указывая на малюток.
"God is merciful; look to the Most High for succour," the priest began.	- Бог милостив; надейтесь на помощь всевышнего,- начал было священник.
"Ach!	- Э-эх!
He is merciful, but not to us."	Милостив, да не до нас!
"That's a sin, a sin, madam," observed the priest, shaking his head.	- Это грех, грех, сударыня, - заметил священник, качая головой.
"And isn't that a sin?" cried Katerina Ivanovna, pointing to the dying man.	- А это не грех? - крикнула Катерина Ивановна, показывая на умирающего.
"Perhaps those who have involuntarily caused the accident will agree to compensate you, at least for the loss of his earnings."	- Быть может, те, которые были невольною причиной, согласятся вознаградить вас, хоть бы в потере доходов...
"You don't understand!" cried Katerina Ivanovna angrily waving her hand.	- Не понимаете вы меня! - раздражительно крикнула Катерина Ивановна, махнув рукой.
"And why should they compensate me?"	- Да и за что вознаграждать-то?
Why, he was drunk and threw himself under the horses!	Ведь он сам, пьяный, под лошадей полез!
What earnings?	Каких доходов?
He brought us in nothing but misery.	От него не доходы, а только мука была.
He drank everything away, the drunkard!	Ведь он, пьяница, все пропивал.
He robbed us to get drink, he wasted their lives and mine for drink!	Нас обкрадывал да в кабак носил, ихнюю да мою жизнь в кабаке извел!
And thank God he's dying!	И слава богу, что помирает!
One less to keep!"	Убытку меньше!

"You must forgive in the hour of death, that's a sin, madam, such feelings are a great sin."	- Простить бы надо в предсмертный час, а это грех, сударыня, таковые чувства большой грех!
Katerina Ivanovna was busy with the dying man; she was giving him water, wiping the blood and sweat from his head, setting his pillow straight, and had only turned now and then for a moment to address the priest.	Катерина Ивановна суежилась около больного, она подавала ему пить, обтирала пот и кровь с головы, оправляла подушки и разговаривала с священником, изредка успевая оборотиться к нему между делом.
Now she flew at him almost in a frenzy.	Теперь же она вдруг набросилась на него почти в исступлении.
"Ah, father!	- Эх, батюшка!
That's words and only words!	Слова да слова одни!
Forgive!	Простить!
If he'd not been run over, he'd have come home to-day drunk and his only shirt dirty and in rags and he'd have fallen asleep like a log, and I should have been sousing and rinsing till daybreak, washing his rags and the children's and then drying them by the window and as soon as it was daylight I should have been darning them.	Вот он пришел бы сегодня пьяный, как бы не раздавили-то, рубашка-то на нем одна, вся заношенная, да в лохмотьях, так он бы завалился дрыхнуть, а я бы до рассвета в воде полоскалась, обноски бы его да детские мыла, да потом высушила бы за окном, да тут же, как рассветет, и штопать бы села, - вот моя и ночь!..
That's how I spend my nights!...	Так чего уж тут про прощение говорить!
What's the use of talking of forgiveness!	И то простила!
I have forgiven as it is!"	Глубокий, страшный кашель прервал ее слова.
A terrible hollow cough interrupted her words. She put her handkerchief to her lips and showed it to the priest, pressing her other hand to her aching chest.	Оно отхаркнулась в платок и сунула его напоказ священнику, с болью придерживая другою рукой грудь.
The handkerchief was covered with blood.	Платок был весь в крови...
The priest bowed his head and said nothing.	Священник поник головой и не сказал ничего.
Marmeladov was in the last agony; he did not take his eyes off the face of Katerina Ivanovna, who was bending over him again.	Мармеладов был в последней агонии; он не отводил своих глаз от лица Катерины Ивановны, склонившейся снова над ним.
He kept trying to say something to her; he began moving his tongue with difficulty and articulating indistinctly, but Katerina	Ему все хотелось что-то ей сказать; он было и начал, с усилием шевеля языком и неясно выговаривая слова, но Катерина

Ivanovna, understanding that he wanted to ask her forgiveness, called peremptorily to him:	Ивановна, понявшая, что он хочет просить у ней прощения, тотчас же повелительно крикнула на него:
"Be silent!	- Молчи-и-и!
No need!	Не надо!..
I know what you want to say!"	Знаю, что хочешь сказать!..
And the sick man was silent, but at the same instant his wandering eyes strayed to the doorway and he saw Sonia.	- И больной умолк; но в ту же минуту блуждающий взгляд его упал на дверь, и он увидал Соню...
Till then he had not noticed her: she was standing in the shadow in a corner.	До сих пор он не замечал ее: она стояла в углу и в тени.
"Who's that?	- Кто это?

Who's that?" he said suddenly in a thick gasping voice, in agitation, turning his eyes in horror towards the door where his daughter was standing, and trying to sit up.	Кто это? - проговорил он вдруг хриплым задыхающимся голосом, весь в тревоге, с ужасом указывая глазами на дверь, где стояла дочь и усиливаясь приподняться.
"Lie down!	- Лежи!
Lie do-own!" cried Katerina Ivanovna.	Лежи-и-и! - крикнула было Катерина Ивановна.
With unnatural strength he had succeeded in propping himself on his elbow.	Он дико и неподвижно смотрел некоторое время на дочь, как бы не узнавая ее.
He looked wildly and fixedly for some time on his daughter, as though not recognising her.	Да и ни разу еще он не видал ее в таком костюме.
He had never seen her before in such attire. Suddenly he recognised her, crushed and ashamed in her humiliation and gaudy finery, meekly awaiting her turn to say good-bye to her dying father.	Вдруг он узнал ее, приниженную, убитую, расфранченную и стыдящуюся, смиренно ожидающую своей очереди проститься с умирающим отцом.
His face showed intense suffering.	Бесконечное страдание изобразилось в лице его.
"Sonia!	- Соня!
Daughter!	Дочь!
Forgive!" he cried, and he tried to hold out his hand to her, but losing his	Прости! - крикнул он и хотел было протянуть к ней руку, но, потеряв опору, сорвался и

balance, he fell off the sofa, face downwards on the floor. They rushed to pick him up, they put him on the sofa; but he was dying.	грохнулся с дивана, прямо лицом наземь; бросились поднимать его, положили, но он уже отходил.
Sonia with a faint cry ran up, embraced him and remained so without moving.	Соня слабо вскрикнула, подбежала, обняла его и так и замерла в этом объятии.
He died in her arms.	Он умер у нее в руках.
"He's got what he wanted," Katerina Ivanovna cried, seeing her husband's dead body. "Well, what's to be done now?"	- Добился своего! - крикнула Катерина Ивановна, увидав труп мужа, - ну, что теперь делать!
How am I to bury him!	Чем я похороню его!
What can I give them to-morrow to eat?"	А чем их-то, их-то завтра чем накормлю?
Raskolnikov went up to Katerina Ivanovna.	Раскольников подошел к Катерине Ивановне.
"Katerina Ivanovna," he began, "last week your husband told me all his life and circumstances.... Believe me, he spoke of you with passionate reverence.	- Катерина Ивановна, - начал он ей, - на прошлой неделе ваш покойный муж рассказал мне всю свою жизнь и все обстоятельства...
From that evening, when I learnt how devoted he was to you all and how he loved and respected you especially, Katerina Ivanovna, in spite of his unfortunate weakness, from that evening we became friends....	Будьте уверены, что он говорил об вас с восторженным уважением. С этого вечера, когда я узнал, как он всем вам был предан и как особенно вас, Катерина Ивановна, уважал и любил, несмотря на свою несчастную слабость, с этого вечера мы и стали друзьями...
Allow me now... to do something... to repay my debt to my dead friend.	Позвольте же мне теперь... способствовать... к отдаванию долга моему покойному другу.

Here are twenty roubles, I think--and if that can be of any assistance to you, then... I... in short, I will come again, I will be sure to come again... I shall, perhaps, come again to-morrow....	Вот тут... двадцать рублей, кажется, - и если это может послужить вам в помощь, то... я... одним словом, я зайду - я непременно зайду... я, может быть, еще завтра зайду...
Good-bye!"	Прощайте!
And he went quickly out of the room, squeezing his way through the crowd to the stairs. But in the crowd he suddenly jostled against Nikodim	И он быстро вышел из комнаты, поспешей протесняясь через толпу на лестницу; но в толпе вдруг столкнулся с Никодимом Фомичом, узнавшим о

Fomitch, who had heard of the accident and had come to give instructions in person.	несчастью и пожелавшим распорядиться лично.
They had not met since the scene at the police station, but Nikodim Fomitch knew him instantly.	Со времени сцены в конторе они не видались, но Никодим Фомич мигом узнал его.
"Ah, is that you?" he asked him.	- А, это вы? - спросил он его.
"He's dead," answered Raskolnikov.	- Умер, - отвечал Раскольников.
"The doctor and the priest have been, all as it should have been.	- Был доктор, был священник, все в порядке.
Don't worry the poor woman too much, she is in consumption as it is.	Не беспокойте очень бедную женщину, она и без того в чахотке.
Try and cheer her up, if possible... you are a kind-hearted man, I know..." he added with a smile, looking straight in his face.	Ободрите ее, если чем можете... Ведь вы добрый человек, я знаю... - прибавил он с усмешкой, смотря ему прямо в глаза.
"But you are spattered with blood," observed Nikodim Fomitch, noticing in the lamplight some fresh stains on Raskolnikov's waistcoat.	- А как вы, однако ж, кровью замочились, - заметил Никодим Фомич, разглядев при свете фонаря несколько свежих пятен на жилете Раскольникова.
"Yes... I'm covered with blood," Raskolnikov said with a peculiar air; then he smiled, nodded and went downstairs.	- Да, замочился... я весь в крови! - проговорил с каким-то особенным видом Раскольников, затем улыбнулся, кивнул головой и пошел вниз по лестнице.
He walked down slowly and deliberately, feverish but not conscious of it, entirely absorbed in a new overwhelming sensation of life and strength that surged up suddenly within him.	Он сходил тихо, не торопясь, весь в лихорадке и, не сознавая, того, полный одного, нового, необъятного ощущения вдруг прихлынувшей полной и могучей жизни.
This sensation might be compared to that of a man condemned to death who has suddenly been pardoned.	Это ощущение могло походить на ощущение приговоренного к смертной казни, которому вдруг и неожиданно объявляют прощение.
Halfway down the staircase he was overtaken by the priest on his way home; Raskolnikov let him pass, exchanging a silent greeting with him.	На половине лестницы нагнал его возвращавшийся домой священник; Раскольников молча пропустил его вперед, разменявшись с ним безмолвным поклоном.
He was just descending the last steps when he heard rapid footsteps behind him.	Но уже сходя последние ступени, он услышал вдруг поспешные шаги за собою.

Someone overtook him; it was Polenka. She was running after him, calling	Кто-то догонял его. Это была Поленька; она бежала за ним и звала его:
"Wait! wait!"	"Послушайте! Послушайте!"
He turned round.	Он обернулся к ней.

She was at the bottom of the staircase and stopped short a step above him.	Та сбежала последнюю лестницу и остановилась вплоть перед ним, ступенькой выше его.
A dim light came in from the yard.	Тусклый свет проходил со двора.
Raskolnikov could distinguish the child's thin but pretty little face, looking at him with a bright childish smile.	Раскольников разглядел худенькое, но милое личико девочки, улыбавшееся ему и весело, по-детски, на него смотревшее.
She had run after him with a message which she was evidently glad to give.	Она прибежала с поручением, которое, видимо, ей самой очень нравилось.
"Tell me, what is your name?... and where do you live?" she said hurriedly in a breathless voice.	- Послушайте, как вас зовут?... а еще: где вы живете? - спросила она торопясь, задыхающимся голосом.
He laid both hands on her shoulders and looked at her with a sort of rapture.	Он положил ей обе руки на плечи и с каким-то счастьем глядел на нее.
It was such a joy to him to look at her, he could not have said why.	Ему так приятно было на нее смотреть, - он сам не знал почему.
"Who sent you?"	- А кто вас прислал?
"Sister Sonia sent me," answered the girl, smiling still more brightly.	- А меня прислала сестрица Соня, - отвечала девочка, еще веселее улыбаясь.
"I knew it was sister Sonia sent you."	- Я так и знал, что вас прислала сестрица Соня.
"Mamma sent me, too... when sister Sonia was sending me, mamma came up, too, and said	- Меня и мамаша тоже прислала. Когда сестрица Соня стала посылать, мамаша тоже подошла и сказала:
'Run fast, Polenka.'	"Поскорей беги, Поленька!"
"Do you love sister Sonia?"	- Любите вы сестрицу Соню?
"I love her more than anyone," Polenka answered with a peculiar earnestness, and her smile became graver.	- Я ее больше всех люблю! - с какою-то особенною твердостью проговорила Поленька, и улыбка ее стала вдруг серьезнее.
"And will you love me?"	- А меня любить будете?

By way of answer he saw the little girl's face approaching him, her full lips naively held out to kiss him.	Вместо ответа он увидел приближающееся к нему личико девочки и пухленькие губки, наивно протянувшиеся поцеловать его.
Suddenly her arms as thin as sticks held him tightly, her head rested on his shoulder and the little girl wept softly, pressing her face against him.	Вдруг тоненькие, как спички, руки ее обхватили его крепко-крепко, голова склонилась к его плечу, и девочка тихо заплакала, прижимаясь лицом к нему все крепче и крепче.
"I am sorry for father," she said a moment later, raising her tear-stained face and brushing away the tears with her hands. "It's nothing but misfortunes now," she added suddenly with that peculiarly sedate air which children try hard to assume when they want to speak like grown-up people.	- Папочку жалко! - проговорила она через минуту, поднимая свое заплаканное личико и вытирая руками слезы, - все такие теперь несчастья пошли, - прибавила она неожиданно, с тем особенно солидным видом, который усиленно принимают дети, когда захотят вдруг говорить как "большие".
"Did your father love you?"	- А папаша вас любил?

"He loved Lida most," she went on very seriously without a smile, exactly like grown-up people, "he loved her because she is little and because she is ill, too. And he always used to bring her presents. But he taught us to read and me grammar and scripture, too," she added with dignity. "And mother never used to say anything, but we knew that she liked it and father knew it, too. And mother wants to teach me French, for it's time my education began."	- Он Лидочку больше всех нас любил, - продолжала она очень серьезно и не улыбаясь, уже совершенно как говорят большие, - потому любил, что она маленькая, и оттого еще, что больная, и ей всегда гостинцу носил, а нас он читать учил, а меня грамматике и закону божью, - прибавила она с достоинством, - а мамочка ничего не говорила, а только мы знали, что она это любит, и папочка знал, а мамочка меня хочет по-французски учить, потому что мне уже пора получать образование.
"And do you know your prayers?"	- А молиться вы умеете?
"Of course, we do!	- О, как же, умеем!
We knew them long ago. I say my prayers to myself as I am a big girl now, but Kolya and Lida say them aloud with mother. First they repeat the	Давно уже; я, как уж большая, то молюсь сама про себя, а Коля с Лидочкой вместе с мамашей вслух; сперва
'Ave Maria' and then another prayer:	"Богородицу" прочитают, а потом еще одну молитву:
'Lord, forgive and bless sister Sonia,' and then another,	"Боже, прости и благослови сестрицу Соню", а потом еще:
'Lord, forgive and bless our second father.' For our elder father is dead and	"Боже, прости и благослови нашего другого папашу", потому что наш старший папаша

this is another one, but we do pray for the other as well."	уже умер, а этот ведь нам другой, а мы и об том тоже молимся.
"Polenka, my name is Rodion. Pray sometimes for me, too. 'And Thy servant Rodion,' nothing more."	- Полечка, меня зовут Родион; помолитесь когда-нибудь и обо мне: "и раба Родиона" - больше ничего.
"I'll pray for you all the rest of my life," the little girl declared hotly, and suddenly smiling again she rushed at him and hugged him warmly once more.	- Всю мою будущую жизнь буду об вас молиться, - горячо проговорила девочка и вдруг опять засмеялась, бросилась к нему и крепко опять обняла его.
Raskolnikov told her his name and address and promised to be sure to come next day.	Раскольников сказал ей свое имя, дал адрес и обещался завтра же непременно зайти.
The child went away quite enchanted with him.	Девочка ушла в совершенном от него восторге.
It was past ten when he came out into the street.	Был час одиннадцатый, когда он вышел на улицу.
In five minutes he was standing on the bridge at the spot where the woman had jumped in.	Через пять минут он стоял на мосту ровно на том самом месте, с которого давеча бросилась женщина.
"Enough," he pronounced resolutely and triumphantly. "I've done with fancies, imaginary terrors and phantoms!	"Довольно! - произнес он решительно и торжественно, - прочь миражи, прочь напускные страхи, прочь привидения!...
Life is real! haven't I lived just now?	Есть жизнь! Разве я сейчас не жил?
My life has not yet died with that old woman!	Не умерла еще моя жизнь вместе с старою старухой!
The Kingdom of Heaven to her--and now enough, madam, leave me in peace!	Царство ей небесно и - довольно, матушка, пора на покой!

Now for the reign of reason and light... and of will, and of strength... and now we will see!	Царство рассудка и света теперь и... и воли, и силы... и посмотрим теперь!
We will try our strength!" he added defiantly, as though challenging some power of darkness. "And I was ready to consent to live in a square of space!	Померяемся теперь! - прибавил он заносчиво, как бы обращаясь к какой-то темной силе и вызывая ее. - А ведь я уже соглашался жить на аршине пространства!
"I am very weak at this moment, but... I believe my illness is all over.	... Слаб я очень в эту минуту, но... кажется, вся болезнь прошла.
	Я и знал, что пройдет, когда

I knew it would be over when I went out.	вышел давеча.
By the way, Potchinkov's house is only a few steps away.	Кстати: дом Починкова, это два шага... пусть выиграет заклад!..
I certainly must go to Razumihin even if it were not close by... let him win his bet!	Пусть и он потешится, - ничего, пусть!..
Let us give him some satisfaction, too--no matter! Strength, strength is what one wants, you can get nothing without it, and strength must be won by strength--that's what they don't know," he added proudly and self-confidently and he walked with flagging footsteps from the bridge.	Сила, сила нужна: без силы ничего не возьмешь; а силу надо добывать силой же, вот этого-то они и не знают", - прибавил он гордо и самоуверенно и пошел, едва переводя ноги, с моста.
Pride and self-confidence grew continually stronger in him; he was becoming a different man every moment.	Гордость и самоуверенность нарастали в нем каждую минуту; уже в следующую минуту это становился не тот человек, что был в предыдущую.
What was it had happened to work this revolution in him?	Что же, однако, случилось такого особенного, что так перевернуло его?
He did not know himself; like a man catching at a straw, he suddenly felt that he, too, 'could live, that there was still life for him, that his life had not died with the old woman.'	Да он и сам не знал; ему, как хватавшемуся за соломинку, вдруг показалось, что и ему "можно жить, что есть еще жизнь, что не умерла его жизнь вместе с старою старухой".
Perhaps he was in too great a hurry with his conclusions, but he did not think of that.	Может быть, он слишком поспешил заключением, но он об этом не думал.
"But I did ask her to remember 'Thy servant Rodion' in her prayers," the idea struck him. "Well, that was... in case of emergency," he added and laughed himself at his boyish sally.	"А раба-то Родиона попросил, однако, помянуть, -мелькнуло вдруг в его голове, - ну да это... на всякий случай!" - прибавил он, и сам тут же засмеялся над своею мальчишескою выходкой.
He was in the best of spirits.	Он был в превосходнейшем расположении духа.
He easily found Razumihin; the new lodger was already known at Potchinkov's and the porter at once showed him the way.	Он легко отыскал Разумихина; в доме Починкова нового жильца уже знали, и дворник тотчас указал ему дорогу.

Half-way upstairs he could hear the noise and animated conversation of a big gathering of people.	Уже с половины лестницы можно было различить шум и оживленный говор большого собрания.
The door was wide open on the stairs; he could hear exclamations and discussion.	Дверь на лестницу была отворена настежь; слышались крики и споры.
Razumihin's room was fairly large; the company consisted of fifteen people.	Комната Разумихина была довольно большая, собрание же было человек в пятнадцать.

Raskolnikov stopped in the entry, where two of the landlady's servants were busy behind a screen with two samovars, bottles, plates and dishes of pie and savouries, brought up from the landlady's kitchen.	Раскольников остановился в прихожей. Тут, за перегородкой, две хозяйские служанки хлопотали около двух больших самоваров, около бутылок, тарелок и блюд с пирогом и закусками, принесенных с хозяйской кухни.
Raskolnikov sent in for Razumihin.	Раскольников послал за Разумихиным.
He ran out delighted.	Тот прибежал в восторге.
At the first glance it was apparent that he had had a great deal to drink and, though no amount of liquor made Razumihin quite drunk, this time he was perceptibly affected by it.	С первого взгляда заметно было, что он необыкновенно много выпил, и хотя Разумихин почти никогда не мог напиться допьяна, но на этот раз что-то было заметно.
"Listen," Raskolnikov hastened to say, "I've only just come to tell you you've won your bet and that no one really knows what may not happen to him.	- Слушай, - поспешил Раскольников, - я пришел только сказать, что ты заклад выиграл и что действительно никто не знает, что с ним может случиться.
I can't come in; I am so weak that I shall fall down directly.	Войти же я не могу: я так слаб, что сейчас упаду.
And so good evening and good-bye!	И потому здравствуй и прощай!
Come and see me to-morrow."	А завтра ко мне приходи...
"Do you know what? I'll see you home.	- Знаешь что, провожу я тебя домой!
If you say you're weak yourself, you must..."	Уж когда ты сам говоришь, что слаб, то...
"And your visitors?	- А гости?
Who is the curly-headed one who has just peeped out?"	Кто этот курчавый, вот что сейчас сюда заглянул?
"He?	- Этот?

Goodness only knows!	А черт его знает!
Some friend of uncle's, I expect, or perhaps he has come without being invited...	Дядин знакомый, должно быть, а может, и сам пришел...
I'll leave uncle with them, he is an invaluable person, pity I can't introduce you to him now.	С ними я оставляю дядю; это драгоценнейший человек; жаль, что ты не можешь теперь познакомиться.
But confound them all now!	А впрочем, черт с ними со всеми!
They won't notice me, and I need a little fresh air, for you've come just in the nick of time--another two minutes and I should have come to blows!	Им теперь не до меня да и мне надо освежиться, потому, брат, ты кстати пришел: еще две минуты, и я бы там подрался, ей-богу! Врут такую дичь...
They are talking such a lot of wild stuff... you simply can't imagine what men will say!	Ты представить себе не можешь, до какой степени может изовратиться наконец человек!
Though why shouldn't you imagine?	Впрочем, как не представить?
Don't we talk nonsense ourselves?	Мы-то сами разве не врем?
And let them... that's the way to learn not to!...	Да и пусть врут: зато потом врать не будут...
Wait a minute, I'll fetch Zossimov."	Посиди минутку, я приведу Зосимова.

Zossimov pounced upon Raskolnikov almost greedily; he showed a special interest in him; soon his face brightened.	Зосимов с какою-то даже жадностью накинулся на Раскольников; в нем заметно было какое-то особенное любопытство; скоро лицо его прояснилось.
"You must go to bed at once," he pronounced, examining the patient as far as he could, "and take something for the night.	- Немедленно спать, - решил он, осмотрев, по возможности, пациента, - а на ночь принять бы одну штучку.
Will you take it?	Примете?
I got it ready some time ago... a powder."	Я еще давеча заготовил... порошок один.
"Two, if you like," answered Raskolnikov.	- Хоть два, - отвечал Раскольников.
The powder was taken at once.	Порошок был тут же принят.
"It's a good thing you are taking him home," observed Zossimov to Razumihin--"we shall see how he is to-morrow, to-day he's not at all amiss--a considerable change since the	- Это очень хорошо, что ты сам его поведешь,- заметил Зосимов Разумихину; - что завтра будет, увидим, а сегодня очень даже недурно: значительная

afternoon.	перемена с давешнего.
Live and learn..."	Век живи, век учись...
"Do you know what Zossimov whispered to me when we were coming out?" Razumihin blurted out, as soon as they were in the street.	- Знаешь, что мне сейчас Зосимов шепнул, как мы выходили, - брякнул Разумихин, только что они вышли на улицу.
"I won't tell you everything, brother, because they are such fools.	- Я, брат, тебе все прямо скажу, потому что они дураки.
Zossimov told me to talk freely to you on the way and get you to talk freely to me, and afterwards I am to tell him about it, for he's got a notion in his head that you are... mad or close on it.	Зосимов велел мне болтать с тобою дорогой и тебя заставить болтать, и потом ему рассказать, потому что у него идея... что ты... сумасшедший или близок к тому.
Only fancy!	Вообрази ты это себе!
In the first place, you've three times the brains he has; in the second, if you are not mad, you needn't care a hang that he has got such a wild idea; and thirdly, that piece of beef whose specialty is surgery has gone mad on mental diseases, and what's brought him to this conclusion about you was your conversation to-day with Zametov."	Во-первых, ты втрое его умнее, во-вторых, если ты не помешанный, так тебе наплевать на то, что у него такая дичь в голове, а в-третьих, этот кусок мяса, и по специальности своей - хирург, помешался теперь на душевных болезнях, а насчет тебя повернул его окончательно сегодняшний разговор твой с Заметовым.
"Zametov told you all about it?"	- Заметов все тебе рассказал?
"Yes, and he did well.	- Все, и отлично сделал.
Now I understand what it all means and so does Zametov....	Я теперь всю подноготную понял, и Заметов понял...
Well, the fact is, Rodya... the point is...	Ну, да одним словом, Родя... дело в том...
I am a little drunk now....	Я теперь пьян капельку...
But that's... no matter... the point is that this idea... you understand? was just being hatched in their brains... you understand?	Но это ничего... дело в том, что эта мысль... понимаешь? действительно у них наклевывалась... понимаешь?
That is, no one ventured to say it aloud, because the idea is too absurd and especially since the arrest of that painter, that bubble's burst and gone for ever.	То есть они никто не смели ее вслух высказывать, потому дичь нелепейшая, и особенно когда этого красильщика взяли, все это лопнуло и погасло навеки.
But why are they such fools?	Но зачем же они дураки?
I gave Zametov a bit of a thrashing at the time-	Я тогда Заметова немного поколотил, -

-that's between ourselves, brother; please don't let out a hint that you know of it; I've noticed he is a ticklish subject; it was at Luise Ivanovna's. But to-day, to-day it's all cleared up.	это между нами, брат; пожалуйста, и намека не подавай, что знаешь; я заметил, что он щекотлив; у Лавизы было, - но сегодня, сегодня все стало ясно.
That Ilya Petrovitch is at the bottom of it!	Главное, этот Илья Петрович!
He took advantage of your fainting at the police station, but he is ashamed of it himself now; I know that..."	Он тогда воспользовался твоим обмороком в конторе, да и самому потом стыдно стало; я ведь знаю...
Raskolnikov listened greedily.	Раскольников жадно слушал.
Razumihin was drunk enough to talk too freely.	Разумихин спьяну пробалтывался.
"I fainted then because it was so close and the smell of paint," said Raskolnikov.	- Я в обморок оттого тогда упал, что было душно и краской масляною пахло, - сказал Раскольников.
"No need to explain that!	- Еще объясняет!
And it wasn't the paint only: the fever had been coming on for a month; Zossimov testifies to that!	Да и не одна краска: воспаление весь месяц готовилось; Зосимов-то налицо!
But how crushed that boy is now, you wouldn't believe!	А только как этот мальчишка теперь убит, так ты себе представить не можешь!
' I am not worth his little finger,' he says.	"Мизинца, говорит, этого человека не стою!"
Yours, he means.	Твоего, то есть.
He has good feelings at times, brother.	У него иногда, брат, добрые чувства.
But the lesson, the lesson you gave him to-day in the Palais de Cristal, that was too good for anything!	Но урок, урок ему сегодняшний в "Хрустальном дворце", это верх совершенства!
You frightened him at first, you know, he nearly went into convulsions!	Ведь ты его испугал сначала, до судорог довел!
You almost convinced him again of the truth of all that hideous nonsense, and then you suddenly-put out your tongue at him:	Ты ведь почти заставил его опять убедиться во всей этой безобразной бессмыслице и потом, вдруг, - язык ему выставил:
' There now, what do you make of it?'	"На, дескать, что, взял!"
It was perfect!	Совершенство!
He is crushed, annihilated now!	Раздавлен, уничтожен теперь!

It was masterly, by Jove, it's what they deserve!	Мастер ты, ей-богу, так их и надо.
Ah, that I wasn't there!	Эх, не было меня там!
He was hoping to see you awfully.	Ждал он тебя теперь ужасно.
Porfiry, too, wants to make your acquaintance..."	Порфирий тоже желает с тобой познакомиться...

"Ah!... he too... but why did they put me down as mad?"	- А... уж и этот... А в сумасшедшие-то меня почему записали?
"Oh, not mad.	- То есть не в сумасшедшие.
I must have said too much, brother....	Я, брат, кажется, слишком тебе разболтался...
What struck him, you see, was that only that subject seemed to interest you; now it's clear why it did interest you; knowing all the circumstances... and how that irritated you and worked in with your illness...	Поразило, видишь ли, его давеча то, что тебя один только этот пункт интересует; теперь ясно, почему интересует; зная все обстоятельства... и как это тебя раздражило тогда и вместе с болезнью сплелось...
I am a little drunk, brother, only, confound him, he has some idea of his own...	Я, брат, пьян немного, только, черт его знает, у него какая-то есть своя идея...
I tell you, he's mad on mental diseases.	Я тебе говорю: на душевных болезнях помешался.
But don't you mind him..."	А только ты плюнь...
For half a minute both were silent.	С полминуты оба помолчали.
"Listen, Razumihin," began Raskolnikov, "I want to tell you plainly: I've just been at a death-bed, a clerk who died... I gave them all my money... and besides I've just been kissed by someone who, if I had killed anyone, would just the same... in fact I saw someone else there... with a flame-coloured feather... but I am talking nonsense; I am very weak, support me... we shall be at the stairs directly..."	- Слушай, Разумихин, - заговорил Раскольников, -я тебе хочу сказать прямо: я сейчас у мертвого был, один чиновник умер... я там все мои деньги отдал... и, кроме того, меня целовало сейчас одно существо, которое, если б я и убил кого-нибудь, тоже бы... одним словом, я там видел еще другое одно существо... с огненным пером... а впрочем, я завираюсь; я очень слаб, поддержи меня... сейчас ведь и лестница...
"What's the matter?	- Что с тобой?
What's the matter with you?" Razumihin asked anxiously.	Что с тобой? - спрашивал встревоженный Разумихин.
	- Г олова немного кружится, только не в том

"I am a little giddy, but that's not the point, I am so sad, so sad... like a woman.	дело, а в том, что мне так грустно, так грустно! точно женщине... право!
Look, what's that?	Смотри, это что?
Look, look!"	Смотри! смотри!
"What is it?"	- Что такое?
"Don't you see?	- Разве не видишь?
A light in my room, you see?	Свет в моей комнате, видишь?
Through the crack..."	В щель...
They were already at the foot of the last flight of stairs, at the level of the landlady's door, and they could, as a fact, see from below that there was a light in Raskolnikov's garret.	Они уже стояли перед последнею лестницей, рядом с хозяйкиною дверью, и действительно заметно было снизу, что в каморке Раскольникова свет.
"Queer!"	- Странно!
Nastasya, perhaps," observed Razumihin.	Настасья, может быть, - заметил Разумихин.

"She is never in my room at this time and she must be in bed long ago, but..."	- Никогда ее в это время у меня не бывает, да и спит она давно, но... мне все равно!
I don't care!	Прощай!
Good-bye!"	- Что ты?
"What do you mean?	Да я провожу тебя, вместе войдем!
I am coming with you, we'll come in together!" "I know we are going in together, but I want to shake hands here and say good-bye to you here.	- Знаю, что вместе войдем, но мне хочется здесь пожать тебе руку и здесь с тобой проститься.
So give me your hand, good-bye!"	Ну, давай руку, прощай!
"What's the matter with you, Rodya?"	- Что с тобой, Родя?
"Nothing... come along... you shall be witness."	- Ничего; пойдем; ты будешь свидетелем...
They began mounting the stairs, and the idea struck Razumihin that perhaps Zossimov might be right after all.	Они стали взбираться на лестницу, и у Разумихина мелькнула мысль, что Зосимов-то, может быть, прав.
"Ah, I've upset him with my chatter!" he muttered to himself.	"Эх! Расстроил я его моей болтовней!" - пробормотал он про себя.
When they reached the door they heard	Вдруг, подходя к двери, они слышали в

voices in the room.	комнате голоса.
"What is it?" cried Razumihin.	- Да что тут такое? - вскричал Разумихин.
Raskolnikov was the first to open the door; he flung it wide and stood still in the doorway, dumbfounded.	Раскольников первый взялся за дверь и отворил ее настежь, отворил и стал на пороге как вкопанный.
His mother and sister were sitting on his sofa and had been waiting an hour and a half for him.	Мать и сестра его сидели у него на диване и ждали уже полтора часа.
Why had he never expected, never thought of them, though the news that they had started, were on their way and would arrive immediately, had been repeated to him only that day?	Почему же он всего менее их ожидал и всего менее о них думал, несмотря на повторившееся даже сегодня известие, что они выезжают, едут, сейчас придут?
They had spent that hour and a half plying Nastasya with questions. She was standing before them and had told them everything by now.	Все эти полтора часа они наперебив расспрашивали Настасью, стоявшую и теперь перед ними и уже успевшую рассказать им всю подноготную.
They were beside themselves with alarm when they heard of his "running away" to-day, ill and, as they understood from her story, delirious!	Они себя не помнили от испуга, когда услышали, что он "сегодня сбежал", больной и, как видно из рассказа, непременно в бреду!
"Good Heavens, what had become of him?"	"Боже, что с ним!"
Both had been weeping, both had been in anguish for that hour and a half.	Обе плакали, обе вынесли крестную муку в эти полтора часа ожидания.
A cry of joy, of ecstasy, greeted Raskolnikov's entrance.	Радостный, восторженный крик встретил появление Раскольникова.
Both rushed to him.	Обе бросились к нему.
But he stood like one dead; a sudden intolerable sensation struck him like a thunderbolt.	Но он стоял как мертвый; невыносимое внезапное сознание ударило в него как громом.

He did not lift his arms to embrace them, he could not.	Да и руки его не поднимались обнять их: не могли.
His mother and sister clasped him in their arms, kissed him, laughed and cried.	Мать и сестра сжимали его в объятиях, целовали его, смеялись плакали...
He took a step, tottered and fell to the ground, fainting.	Он ступил шаг, покачнулся и рухнулся на пол в обмороке.
Anxiety, cries of horror, moans...	Тревога, крики ужаса, стоны...

Razumihin who was standing in the doorway flew into the room, seized the sick man in his strong arms and in a moment had him on the sofa.	Разумихин, стоявший на пороге, влетел в комнату, схватил больного в свои мощные руки, и тот мигом очутился на диване.
"It's nothing, nothing!" he cried to the mother and sister—"it's only a faint, a mere trifle!"	- Ничего, ничего! - кричал он матери и сестре, -это обморок, это дрянь!
Only just now the doctor said he was much better, that he is perfectly well!	Сейчас только доктор сказал, что ему гораздо лучше, что он совершенно здоров!
Water!	Воды!
See, he is coming to himself, he is all right again!"	Ну, вот уж он и приходит в себя, ну, вот и очнулся!..
And seizing Dounia by the arm so that he almost dislocated it, he made her bend down to see that "he is all right again."	И схватив за руку Дунечку так, что чуть не вывернул ей руки, он пригнул ее посмотреть на то, что "вот уж он и очнулся".
The mother and sister looked on him with emotion and gratitude, as their Providence. They had heard already from Nastasya all that had been done for their Rodya during his illness, by this "very competent young man," as Pulcheria Alexandrovna Raskolnikov called him that evening in conversation with Dounia.	И мать и сестра смотрели на Разумихина как на провидение, с умилением и благодарностью; они уже слышали от Настасьи, чем был для их Роди, во все время болезни, этот "расторопный молодой человек", как назвала его, в тот же вечер, в интимном разговоре с Дуней, сама Пульхерия Александровна Раскольников.

Федор Михайлович Достоевский. Преступление и наказание, Часть третья

PART III	* ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ *
CHAPTER I	I
Raskolnikov got up, and sat down on the sofa. He waved his hand weakly to Razumihin to cut short the flow of warm and incoherent consolations he was addressing to his mother and sister, took them both by the hand and for a minute or two gazed from one to the other without speaking.	Раскольников приподнялся и сел на диване. Он слабо махнул Разумихину, чтобы прекратить целый поток его бессвязных и горячих утешений, обращенных к матери и сестре, взял их обеих за руки и минуты две молча всматривался то в ту, то в другую.
His mother was alarmed by his expression.	Мать испугалась его взгляда.
It revealed an emotion agonisingly poignant, and at the same time something immovable, almost insane.	В этом взгляде просвечивалось сильное до страдания чувство, но в то же время было что-то неподвижное, даже как будто безумное.
Pulcheria Alexandrovna began to cry.	Пульхерия Александровна заплакала.

Avdotya Romanovna was pale; her hand trembled in her brother's.	Авдотья Романовна была бледна; рука ее дрожала в руке брата.
"Go home... with him," he said in a broken voice, pointing to Razumihin, "good-bye till to-morrow; to-morrow everything...	- Ступайте домой... с ним, - проговорил он прерывистым голосом, указывая на Разумихина, - до завтра; завтра все...
Is it long since you arrived?"	Давно вы приехали?
"This evening, Rodya," answered Pulcheria Alexandrovna, "the train was awfully late.	- Вечером, Родя, - отвечала Пульхерия Александровна, - поезд ужасно опоздал.
But, Rodya, nothing would induce me to leave you now!	Но, Родя, я ни за что не уйду теперь от тебя!
I will spend the night here, near you..."	Я ночую здесь подле...
"Don't torture me!" he said with a gesture of irritation.	- Не мучьте меня! - проговорил он, раздражительно махнув рукой.
"I will stay with him," cried Razumihin, "I won't leave him for a moment. Bother all my visitors! Let them rage to their hearts' content!	- Я останусь при нем! - вскричал Разумихин, - ни на минуту его не покину, и к черту там всех моих, пусть на стены лезут!
My uncle is presiding there."	Там у меня дядя президентом.
"How, how can I thank you!" Pulcheria Alexandrovna was beginning, once more pressing Razumihin's hands, but Raskolnikov interrupted her again.	- Чем, чем я возблагодарю вас! - начала было Пульхерия Александровна, снова сжимая руки Разумихина, но Раскольников опять прервал ее:
"I can't have it!	- Я не могу, не могу, - раздражительно повторял он, - не мучьте!
I can't have it!" he repeated irritably, "don't worry me! Enough, go away...	Довольно, уйдите...
I can't stand it!"	Не могу!..
"Come, mamma, come out of the room at least for a minute," Dounia whispered in dismay; "we are distressing him, that's evident."	- Пойдемте, маменька, хоть из комнаты выйдем на минуту, - шепнула испуганная Дуня, - мы его убиваем, это видно.

"Mayn't I look at him after three years?" wept Pulcheria Alexandrovna.	- Да неужели ж я и не погляжу на него, после трех-то лет! - заплакала Пульхерия Александровна.
"Stay," he stopped them again, "you keep interrupting me, and my ideas get muddled....	- Пойдите! - остановил он их снова, - вы все перебиваете, а у меня мысли мешаются...

Have you seen Luzhin?"	Видели Лужина?
"No, Rodya, but he knows already of our arrival.	- Нет, Родя, но он уже знает о нашем приезде.
We have heard, Rodya, that Pyotr Petrovitch was so kind as to visit you today," Pulcheria Alexandrovna added somewhat timidly.	Мы слышали, Родя, что Петр Петрович был так добр, навестил тебя сегодня, - с некоторою робостию прибавила Пульхерия Александровна.
"Yes... he was so kind...	- Да... был так добр...
Dounia, I promised Luzhin I'd throw him downstairs and told him to go to hell...."	Дуня, я давеча Лужину сказал, что его с лестницы спущу, и прогнал его к черту...
"Rodya, what are you saying!	- Родя, что ты!
Surely, you don't mean to tell us..." Pulcheria Alexandrovna began in alarm, but she stopped, looking at Dounia.	Ты, верно... ты не хочешь сказать, - начала было в испуге Пульхерия Александровна, но остановилась, смотря на Дуню.
Avdotya Romanovna was looking attentively at her brother, waiting for what would come next.	Авдотья Романовна пристально вглядывалась в брата и ждала дальше.
Both of them had heard of the quarrel from Nastasya, so far as she had succeeded in understanding and reporting it, and were in painful perplexity and suspense.	Обе уже были предуведомлены о ссоре Настасьей, насколько та могла понять и передать, и исстрадались в недоумении и ожидании.
"Dounia," Raskolnikov continued with an effort, "I don't want that marriage, so at the first opportunity to-morrow you must refuse Luzhin, so that we may never hear his name again."	- Дуня, - с усилием продолжал Раскольников, - я этого брака не желаю, а потому ты и должна, завтра же, при первом слове, Лужину отказать, чтоб и духу его не пахло.
"Good Heavens!" cried Pulcheria Alexandrovna.	- Боже мой! - вскричала Пульхерия Александровна.
"Brother, think what you are saying!" Avdotya Romanovna began impetuously, but immediately checked herself.	- Брат, подумай, что ты говоришь! - вспльчиво начала было Авдотья Романовна, но тотчас же удержалась.
"You are not fit to talk now, perhaps; you are tired," she added gently.	- Ты, может быть, теперь не в состоянии, ты устал, - кротко сказала она.
"You think I am delirious?	- В бреду?
No... You are marrying Luzhin for my sake.	Нет... Ты выходишь за Лужина для меня.
But I won't accept the sacrifice.	А я жертвы не принимаю.
And so write a letter before to-morrow, to	И потому, к завтраму, напиши письмо... с

refuse him...	отказом...
Let me read it in the morning and that will be the end of it!"	Утром дай мне прочесть, и конец!
"That I can't do!" the girl cried, offended, "what right have you..."	- Я этого не могу сделать! - вскричала обиженная девушка. - По какому праву...

"Dounia, you are hasty, too, be quiet, to-morrow..."	- Дунечка, ты тоже вспыльчива, перестань, завтра...
Don't you see..." the mother interposed in dismay.	Разве ты не видишь... - перепугалась мать, бросаясь к Дуне.
"Better come away!"	- Ах, уйдемте уж лучше!
"He is raving," Razumihin cried tipsily, "or how would he dare!"	- Бредит! - закричал хмельной Разумихин, - а то как бы он смел!
To-morrow all this nonsense will be over... to-day he certainly did drive him away.	Завтра вся эта дурь выскочит... А сегодня он действительно его выгнал.
That was so.	Это так и было.
And Luzhin got angry, too....	Ну, а тот рассердился...
He made speeches here, wanted to show off his learning and he went out crest-fallen...."	Ораторствовал здесь, знания свои выставлял, да и ушел, хвост поджав...
"Then it's true?" cried Pulcheria Alexandrovna.	- Так это правда? - вскричала Пульхерия Александровна.
"Good-bye till to-morrow, brother," said Dounia compassionately--"let us go, mother..."	- До завтра, брат, - с состраданием сказала Дуня, - пойдемте, маменька...
Good-bye, Rodya."	Прощай, Родя!
"Do you hear, sister," he repeated after them, making a last effort, "I am not delirious; this marriage is--an infamy.	- Слышишь, сестра, - повторил он вслед, собрав последние усилия, - я не в бреду; этот брак -подлость.
Let me act like a scoundrel, but you mustn't... one is enough... and though I am a scoundrel, I wouldn't own such a sister.	Пусть я подлец, а ты не должна... один кто-нибудь... а я хоть и подлец, но такую сестру сестрой считать не буду.
It's me or Luzhin!	Или я, или Лужин!
Go now...."	Ступайте...
"But you're out of your mind!"	- Да ты с ума сошел!

Despot!" roared Razumihin; but Raskolnikov did not and perhaps could not answer.	Деспот! - заревел Разумихин, но Раскольников уже не отвечал, а может быть, и не в силах был отвечать.
He lay down on the sofa, and turned to the wall, utterly exhausted.	Он лег на диван и отвернулся к стене в полном изнеможении.
Avdotya Romanovna looked with interest at Razumihin; her black eyes flashed; Razumihin positively started at her glance.	Авдотья Романовна любопытно поглядела на Разумихина; черные глаза ее сверкнули: Разумихин даже вздрогнул под этим взглядом.
Pulcheria Alexandrovna stood overwhelmed.	Пульхерия Александровна стояла как пораженная.
"Nothing would induce me to go," she whispered in despair to Razumihin. "I will stay somewhere here... escort Dounia home."	- Я ни за что не могу уйти! - шептала она Разумихину, чуть не в отчаянии, - я останусь здесь, где-нибудь... проводите Дуню.
"You'll spoil everything," Razumihin answered in the same whisper, losing patience--"come out on to the stairs, anyway.	- И все дело испортите! - тоже прошептал, из себя выходя, Разумихин, - выйдемте хоть на лестницу.
Nastasya, show a light!	Настасья, свети!

I assure you," he went on in a half whisper on the stairs-"that he was almost beating the doctor and me this afternoon!	Клянусь вам, - продолжал он полушепотом, уж на лестнице, - что давеча нас, меня и доктора, чуть не прибил!
Do you understand?	Понимаете вы это?
The doctor himself!	Самого доктора!
Even he gave way and left him, so as not to irritate him. I remained downstairs on guard, but he dressed at once and slipped off.	И тот уступил, чтобы не раздражать, и ушел, а я внизу остался стеречь, а он тут оделся и улизнул.
And he will slip off again if you irritate him, at this time of night, and will do himself some mischief...."	И теперь улизнет, коли раздражать будете, ночью-то, да что-нибудь и сделает над собой...
"What are you saying?"	- Ах, что вы говорите!
"And Avdotya Romanovna can't possibly be left in those lodgings without you.	- Да и Авдотье Романовне невозможно в нумерах без вас одной!
Just think where you are staying!	Подумайте, где вы стоите!
That blackguard Pyotr Petrovitch couldn't find you better lodgings...	Ведь этот подлец, Петр Петрович, не мог разве лучше вам квартиру...
But you know I've had a little to drink, and that's what makes me... swear; don't mind it...."	А впрочем, знаете, я немного пьян и потому... обругал; не обращайтесь...
"But I'll go to the landlady here," Pulcheria Alexandrovna insisted, "I'll beseech her to find some corner for Dounia and me for the night.	- Но я пойду к здешней хозяйке, - настаивала Пульхерия Александровна, - я умолю ее, чтоб она дала мне и Дуне угол на эту ночь.
I can't leave him like that, I cannot!"	Я не могу оставить его так, не могу!
This conversation took place on the landing just before the landlady's door.	Г оворя это, они стояли на лестнице, на площадке, перед самою хозяйкиною дверью.
Nastasya lighted them from a step below.	Настасья светила им с нижней ступеньки.
Razumihin was in extraordinary excitement.	Разумихин был в необыкновенном возбуждении.
Half an hour earlier, while he was bringing Raskolnikov home, he had indeed talked too freely, but he was aware of it himself, and his head was clear in spite of the vast quantities he had imbibed.	Еще полчаса тому, провожая домой Раскольникова, он был хоть и излишне болтлив, что и признавал, но совершенно бодр и почти свеж, несмотря на ужасное количество выпитого в этот вечер вина.

Now he was in a state bordering on ecstasy, and all that he had drunk seemed to fly to his head with redoubled effect.	Теперь же состояние его походило на какой-то даже восторг, и в то же время как будто все выпитое вино вновь, разом и с удвоенною силой, бросилось ему в голову.
He stood with the two ladies, seizing both by their hands, persuading them, and giving them reasons with astonishing plainness of speech, and at almost every word he uttered, probably to emphasise his arguments, he squeezed their hands painfully as in a vise. He stared at Avdotya Romanovna without the least regard for good manners.	Он стоял с обеими дамами, схватив их обеих за руки, уговаривая их и представляя им резоны с изумительною откровенностью, и, вероятно для большего убеждения, почти при каждом слове своем, крепко-накрепко, как в тисках, сжимал им обеим руки до боли и, казалось, пожирал глазами Авдотью Романовну, нисколько этим не стесняясь.
They sometimes pulled their hands out of his huge bony paws, but far from noticing what was the matter, he drew them all the closer to him.	От боли они иногда вырывали свои руки из его огромной и костлявой ручищи, но он не только не замечал, в чем дело, но еще крепче притягивал их к себе.
If they'd told him to jump head foremost from the staircase, he would have done it without thought or hesitation in their service.	Если б они велели ему сейчас, для своей услуги, броситься с лестницы вниз головой, то он тотчас же бы это исполнил, не рассуждая и не сомневаясь.
Though Pulcheria Alexandrovna felt that the young man was really too eccentric and pinched her hand too much, in her anxiety over her Rodya she looked on his presence as providential, and was unwilling to notice all his peculiarities.	Пульхерия Александровна, вся встревоженная мыслию о своем Роде, хоть и чувствовала, что молодой человек очень уж эксцентричен и слишком уж больно жмет ей руку, но так как в то же время он был для нее провидение, то и не хотела замечать всех этих эксцентрических подробностей.
But though Avdotya Romanovna shared her anxiety, and was not of timorous disposition, she could not see the glowing light in his eyes without wonder and almost alarm. It was only the unbounded confidence inspired by Nastasya's account of her brother's queer friend, which prevented her from trying to run away from him, and to persuade her mother to do the same.	Но, несмотря на ту же тревогу, Авдотья Романовна хоть и не пугливого была характера, но с изумлением и почти даже с испугом встречала сверкающие диким огнем взгляды друга своего брата, и только беспредельная доверенность, внушенная рассказами Настасьи об этом странном человеке, удержала ее от покушения убежать от него и утащить за собою свою мать.
She realised, too, that even running away was perhaps impossible now.	Она понимала тоже, что, пожалуй, им и убежать-то от него теперь уж нельзя.
Ten minutes later, however, she was	Впрочем, минут через десять она

considerably reassured; it was characteristic of Razumihin that he showed his true nature at once, whatever mood he might be in, so that people quickly saw the sort of man they had to deal with.	значительно успокоилась: Разумихин имел свойство мигом весь высказываться, в каком бы он ни был настроении, так что все очень скоро узнавали, с кем имеют дело.
"You can't go to the landlady, that's perfect nonsense!" he cried.	- Невозможно к хозяйке, и вздор ужаснейший! - вскричал он, убеждая Пульхерию Александровну.
"If you stay, though you are his mother, you'll drive him to a frenzy, and then goodness knows what will happen!	- Хотя вы и мать, а если останетесь, то доведете его до бешенства, и тогда черт знает что будет!
Listen, I'll tell you what I'll do: Nastasya will stay with him now, and I'll conduct you both home, you can't be in the streets alone; Petersburg is an awful place in that way....	Слушайте, вот что я сделаю: теперь у него Настасья посидит, а я вас обеих отведу к вам, потому что вам одним нельзя по улицам; у нас в Петербурге на этот счет...
But no matter!	Ну, наплевать!..
Then I'll run straight back here and a quarter of an hour later, on my word of honour, I'll bring you news how he is, whether he is asleep, and all that.	Потом от вас тотчас же бегу сюда и через четверть часа, мое честнейшее слово, принесу вам донесение: каков он? спит или нет? и все прочее.
Then, listen!	Потом, слушайте!

Then I'll run home in a twinkling--I've a lot of friends there, all drunk--I'll fetch Zossimov--that's the doctor who is looking after him, he is there, too, but he is not drunk; he is not drunk, he is never drunk!	Потом от вас мигом к себе, - там у меня гости, все пьяные, - беру Зосимова - это доктор, который его лечит, он теперь у меня сидит, не пьян; этот не пьян, этот никогда не пьян!
I'll drag him to Rodya, and then to you, so that you'll get two reports in the hour--from the doctor, you understand, from the doctor himself, that's a very different thing from my account of him!	Тащу его к Родье и потом тотчас к вам, значит, в час вы получите о нем два известия, - и от доктора, понимаете, от самого доктора; это уж не то что от меня!
If there's anything wrong, I swear I'll bring you here myself, but, if it's all right, you go to bed.	Коль худо, клянусь, я вас сам сюда приведу, а хорошо, так и ложитесь спать.
And I'll spend the night here, in the passage, he won't hear me, and I'll tell Zossimov to sleep at the landlady's, to be at hand.	А я всю ночь здесь ночую, в сенях, он и не услышит, а Зосимову велю ночевать у хозяйки, чтобы был под рукой.
Which is better for him: you or the doctor?	Ну что для него теперь лучше, вы или доктор? Ведь доктор полезнее, полезнее.

So come home then!	Ну, так и идите домой!
But the landlady is out of the question; it's all right for me, but it's out of the question for you: she wouldn't take you, for she's... for she's a fool...	А к хозяйке невозможно; мне возможно, а вам невозможно: не пустит, потому... потому что она дура.
She'd be jealous on my account of Avdotya Romanovna and of you, too, if you want to know... of Avdotya Romanovna certainly.	Она меня приревнует к Авдотье Романовне, хотите знать, да и к вам тоже... А уж к Авдотье Романовне непременно.
She is an absolutely, absolutely unaccountable character!	Это совершенно, совершенно неожиданный характер!
But I am a fool, too!...	Впрочем, я тоже дурак...
No matter!	Наплевать!
Come along!	Пойдемте!
Do you trust me?	Верите вы мне?
Come, do you trust me or not?"	Ну, верите вы мне или нет?
"Let us go, mother," said Avdotya Romanovna, "he will certainly do what he has promised.	- Пойдемте, маменька, - сказала Авдотья Романовна, - он верно так сделает, как обещает.
He has saved Rodya already, and if the doctor really will consent to spend the night here, what could be better?"	Он воскресил уже брата, а если правда, что доктор согласиться здесь ночевать, так чего же лучше?
"You see, you... you... understand me, because you are an angel!" Razumihin cried in ecstasy, "let us go!	- Вот вы... вы... меня понимаете, потому что вы -ангел! - в восторге вскричал Разумихин. - Идем!
Nastasya!	Настасья!
Fly upstairs and sit with him with a light; I'll come in a quarter of an hour."	Мигом наверх и сиди там при нем, с огнем; я через четверть часа приду...
Though Pulcheria Alexandrovna was not perfectly convinced, she made no further resistance.	Пульхерия Александровна хоть и не убедилась совершенно, но и не сопротивлялась более.
Razumihin gave an arm to each and drew them down the stairs.	Разумихин принял их обеих под руки и потащил с лестницы.
He still made her uneasy, as though he was competent and good-natured, was he capable of carrying out his promise?	Впрочем, он ее беспокоил: "хоть и расторопный, и добрый, да в состоянии ли исполнить, что обещает?
He seemed in such a condition....	В таком ведь он виде!.."

"Ah, I see you think I am in such a condition!" Razumihin broke in upon her thoughts, guessing them, as he strolled along the pavement with huge steps, so that the two ladies could hardly keep up with him, a fact he did not observe, however.	- А, понимаю, вы думаете, что я в таком виде! -перебил ее мысли Разумихин, угадав их и шагая своими огромнейшими шажищами по тротуару, так что обе дамы едва могли за ним следовать, чего, впрочем, он не замечал.
"Nonsense! That is... I am drunk like a fool, but that's not it; I am not drunk from wine.	- Вздор! то есть... я пьян, как олух, но не в том дело; я пьян не от вина.
It's seeing you has turned my head...	А это, как я вас увидал, мне в голову и ударило...
But don't mind me!	Да наплевать на меня!
Don't take any notice: I am talking nonsense, I am not worthy of you....	Не обращайтесь внимания: я вру; я вас недостоин...
I am utterly unworthy of you!	Я вас в высшей степени недостоин!..
The minute I've taken you home, I'll pour a couple of pailfuls of water over my head in the gutter here, and then I shall be all right....	А как отведу вас, мигом, здесь же в канаве, вылью себе на голову два ушата воды, и готов...
If only you knew how I love you both!	Если бы вы только знали, как я вас обеих люблю!..
Don't laugh, and don't be angry!	Не смейтесь и не сердитесь!..
You may be angry with anyone, but not with me!	На всех сердитесь, а на меня не сердитесь!
I am his friend, and therefore I am your friend, too, I want to be...	Я его друг, а стало быть, и ваш друг. Я так хочу...
I had a presentiment... Last year there was a moment... though it wasn't a presentiment really, for you seem to have fallen from heaven.	Я это предчувствовал... прошлого года, одно мгновение такое было... Впрочем, вовсе не предчувствовал, потому что вы как с неба упали.
And I expect I shan't sleep all night...	А я, пожалуй, и всю ночь не буду спать...
Zossimov was afraid a little time ago that he would go mad... that's why he mustn't be irritated."	Этот Зосимов давеча боялся, чтоб он не сошел с ума... Вот отчего его раздражать не надо...
"What do you say?" cried the mother.	- Что вы говорите! - вскричала мать.
"Did the doctor really say that?" asked Avdotya Romanovna, alarmed.	- Неужели сам доктор так говорил? - спросила Авдотья Романовна, испугавшись.
"Yes, but it's not so, not a bit of it.	- Говорил, но это не то, совсем не то.

He gave him some medicine, a powder, I saw it, and then your coming here....	Он и лекарство такое дал, порошок, я видел, а вы тут приехали...
Ah!	Эх!..
It would have been better if you had come to-morrow.	Вам бы завтра лучше приехать!

It's a good thing we went away.	Это хорошо, что мы ушли.
And in an hour Zossimov himself will report to you about everything.	А через час вам обо всем сам Зосимов отрапортует.
He is not drunk!	Вот тот так не пьян!
And I shan't be drunk....	И я буду не пьян...
And what made me get so tight?	А отчего я так нахлестался?
Because they got me into an argument, damn them!	А оттого, что в спор ввели, проклятые!
I've sworn never to argue!	Заклятье ведь дал не спорить!..
They talk such trash!	Такую чушь городят!
I almost came to blows!	Чуть не подрался!
I've left my uncle to preside.	Я там дядю оставил, председателем...
Would you believe, they insist on complete absence of individualism and that's just what they relish!	Ну, верите ли: полной безличности требуют и в этом самый смак находят!
Not to be themselves, to be as unlike themselves as they can.	Как бы только самим собой не быть, как бы всего менее на себя походить!
That's what they regard as the highest point of progress.	Это-то у них самым высочайшим прогрессом и считается.
If only their nonsense were their own, but as it is..."	И хоть бы ввали-то они по-своему, а то...
"Listen!" Pulcheria Alexandrovna interrupted timidly, but it only added fuel to the flames.	- Послушайте, - робко перебила Пульхерия Александровна, но это только поддало жару.
"What do you think?" shouted Razumihin, louder than ever, "you think I am attacking them for talking nonsense?"	- Да вы что думаете? - кричал Разумихин, еще более возвышая голос, - вы думаете, я за то, что они врут?
Not a bit!	Вздор!
I like them to talk nonsense.	Я люблю, когда врут!

That's man's one privilege over all creation.	Вранье есть единственная человеческая привилегия перед всеми организмами.
Through error you come to the truth!	Соврешь - до правды дойдешь!
I am a man because I err!	Потому я и человек, что вру.
You never reach any truth without making fourteen mistakes and very likely a hundred and fourteen. And a fine thing, too, in its way; but we can't even make mistakes on our own account!	Ни до одной правды не добирались, не соврав наперед раз четырнадцать, а может, и сто четырнадцать, а это почетно в своем роде; ну, а мы и соврать-то своим умом не умеем!
Talk nonsense, but talk your own nonsense, and I'll kiss you for it.	Ты мне ври, да ври по-своему, и я тебя тогда поцелую.
To go wrong in one's own way is better than to go right in someone else's. In the first case you are a man, in the second you're no better than a bird.	Соврать по-своему - ведь это почти лучше, чем правда по одному по-чужому; в первом случае ты человек, а во втором ты только что птица!
Truth won't escape you, but life can be cramped. There have been examples.	Правда не уйдет, а жизнь-то заколотить можно; примеры были.
And what are we doing now?	Ну, что мы теперь?

In science, development, thought, invention, ideals, aims, liberalism, judgment, experience and everything, everything, everything, we are still in the preparatory class at school.	Все-то мы, все без исключения, по части науки, развития, мышления, изобретений, идеалов, желаний, либерализма, рассудка, опыта и всего, всего, всего, всего еще в первом предуготовительном классе гимназии сидим!
We prefer to live on other people's ideas, it's what we are used to!	Понравилось чужим умом пробавляться - въелись!
Am I right, am I right?" cried Razumihin, pressing and shaking the two ladies' hands.	Так ли? Так ли я говорю? - кричал Разумихин, потрясая и сжимая руки обеих дам, - так ли?
"Oh, mercy, I do not know," cried poor Pulcheria Alexandrovna.	- О боже мой, я не знаю, - проговорила бедная Пульхерия Александровна.
"Yes, yes... though I don't agree with you in everything," added Avdotya Romanovna earnestly and at once uttered a cry, for he squeezed her hand so painfully.	- Так, так... хоть я и не во всем с вами согласна, - серьезно прибавила Авдотья Романовна и тут же вскрикнула, до того больно на этот раз стиснул он ей руку.
"Yes, you say yes... well after that you... you..." he cried in a transport, "you are a fount of goodness, purity, sense... and perfection.	- Так? Вы говорите, так? Ну так после этого вы... вы... - закричал он в восторге, - вы источник доброты, чистоты, разума и... совершенства!

Give me your hand... you give me yours, too! I want to kiss your hands here at once, on my knees..." and he fell on his knees on the pavement, fortunately at that time deserted.	Дайте вашу руку, дайте... вы тоже дайте вашу, я хочу поцеловать ваши руки здесь, сейчас, на коленях! И он стал на колени среди тротуара, к счастью, на этот раз пустынного.
"Leave off, I entreat you, what are you doing?" Pulcheria Alexandrovna cried, greatly distressed.	- Перестаньте, прошу вас, что вы делаете? - вскричала встревоженная до крайности Пульхерия Александровна.
"Get up, get up!" said Dounia laughing, though she, too, was upset.	- Встаньте, встаньте! - смеялась и тревожилась тоже Дуня.
"Not for anything till you let me kiss your hands!	- Ни за что, прежде чем не дадите рук!
That's it! Enough! I get up and we'll go on!	Вот так, и довольно, и встал, и пойдете!
I am a luckless fool, I am unworthy of you and drunk... and I am ashamed....	Я несчастный олух, я вас недостойн, и пьян, и стыжусь...
I am not worthy to love you, but to do homage to you is the duty of every man who is not a perfect beast!	Любить я вас недостойн, но преклоняться пред вами - это обязанность каждого, если только он не совершенный скот!
And I've done homage....	Я и преклонился...
Here are your lodgings, and for that alone Rodya was right in driving your Pyotr Petrovitch away....	Вот и ваши номера, и уж тем одним прав Родион, что давеча вашего Петра Петровича выгнал!
How dare he! how dare he put you in such lodgings!	Как он смел вас в такие номера поместить?
It's a scandal!	Это скандал!
Do you know the sort of people they take in here?	Знаете ли, кого сюда пускают?
And you his betrothed!	А ведь вы невеста!
You are his betrothed?	Вы невеста, да?

Yes? Well, then, I'll tell you, your _fiance_ is a scoundrel."	Ну так я вам скажу, что ваш жених подлец после этого!
"Excuse me, Mr. Razumihin, you are forgetting..." Pulcheria Alexandrovna was beginning.	- Послушайте, господин Разумихин, вы забылись... - начала было Пульхерия Александровна.
	- Да, да, вы правы, я забылся, стыжусь! -

"Yes, yes, you are right, I did forget myself, I am ashamed of it," Razumihin made haste to apologise.	спохватился Разумихин, - но... но... вы не можете на меня сердиться за то, что я так говорю!
"But... but you can't be angry with me for speaking so! For I speak sincerely and not because... hm, hm!	Потому я искренно говорю, а не оттого, что... гм! это было бы подло; одним словом, не оттого, что я в вас... гм!.. ну, так и быть не надо, не скажу отчего, не смею!..
That would be disgraceful; in fact not because I'm in... hm!	А мы все давеча поняли, как он вошел, что этот человек не нашего общества.
Well, anyway, I won't say why, I daren't.... But we all saw to-day when he came in that that man is not of our sort. Not because he had his hair curled at the barber's, not because he was in such a hurry to show his wit, but because he is a spy, a speculator, because he is a skin-flint and a buffoon.	Не потому, что он вошел завитой у парикмахера, не потому, что он свой ум спешил выставлять, а потому что он соглядатай и спекулянт; потому что он жид и фигляр, и это видно.
That's evident. Do you think him clever?	Вы думаете, он умен?
No, he is a fool, a fool.	Нет, он дурак, дурак!
And is he a match for you?	Ну, пара ли он вам?
Good heavens!	О боже мой!
Do you see, ladies?" he stopped suddenly on the way upstairs to their rooms, "though all my friends there are drunk, yet they are all honest, and though we do talk a lot of trash, and I do, too, yet we shall talk our way to the truth at last, for we are on the right path, while Pyotr Petrovitch... is not on the right path.	Видите, барыни, - остановился он вдруг, уже поднимаясь на лестницу в номера, - хоть они у меня там все пьяные, но зато все честные, и хоть мы и врем, потому ведь и я тоже вру, да доვремся же наконец и до правды, потому что на благородной дороге стоим, а Петр Петрович... не на благородной дороге стоит.
Though I've been calling them all sorts of names just now, I do respect them all... though I don't respect Zametov, I like him, for he is a puppy, and that bullock Zossimov, because he is an honest man and knows his work.	Я хотя их сейчас и ругал ругательски, но я ведь их всех уважаю; даже Заметова хоть не уважаю, так люблю, потому - щенок! Даже этого скота Зосимова, потому - честен и дело знает...
But enough, it's all said and forgiven.	Но довольно, все сказано и прощено.
Is it forgiven?	Прощено?
Well, then, let's go on.	Так ли?
I know this corridor, I've been here, there was a scandal here at Number 3....	Ну, пойдемте. Знаю я этот коридор, бывал; вот тут, в третьем номере, был скандал...

Where are you here?	Ну, где вы здесь?
Which number? eight?	Который номер?
Well, lock yourselves in for the night, then.	Восьмой?
Don't let anybody in.	Ну, так на ночь запритесь, никого не пускайте.

In a quarter of an hour I'll come back with news, and half an hour later I'll bring Zossimov, you'll see!	Через четверть часа ворочусь с известием, а потом еще через полчаса с Зосимовым, увидите!
Good-bye, I'll run."	Прощайте, бегу!
"Good heavens, Dounia, what is going to happen?" said Pulcheria Alexandrovna, addressing her daughter with anxiety and dismay.	- Боже мой, Дунечка, что это будет? - сказала Пульхерия Александровна, тревожно и пугливо обращаясь к дочери.
"Don't worry yourself, mother," said Dounia, taking off her hat and cape. "God has sent this gentleman to our aid, though he has come from a drinking party.	- Успокойтесь, маменька, - отвечала Дуня, снимая с себя шляпку и мантильку, - нам сам бог послал этого господина, хоть он и прямо с какой-то попойки.
We can depend on him, I assure you.	На него можно положиться, уверяю вас.
And all that he has done for Rodya...."	И все, что он уже сделал для брата...
"Ah. Dounia, goodness knows whether he will come!	- Ах, Дунечка, бог его знает, придет ли!
How could I bring myself to leave Rodya?...	И как я могла решиться оставить Родю!..
And how different, how different I had fancied our meeting!	И совсем, совсем не так воображала его найти!
How sullen he was, as though not pleased to see us...."	Как он был суров, точно он нам не рад...
Tears came into her eyes.	Слезы показались на глазах ее.
"No, it's not that, mother.	- Нет, это не так, маменька.
You didn't see, you were crying all the time.	Вы не взгляделись, вы все плакали.
He is quite unhinged by serious illness--that's the reason."	Он очень расстроен от большой болезни - вот всему и причина.
"Ah, that illness!	- Ах, эта болезнь!
What will happen, what will happen?	Что-то будет, что-то будет!

And how he talked to you, Dounia!" said the mother, looking timidly at her daughter, trying to read her thoughts and, already half consoled by Dounia's standing up for her brother, which meant that she had already forgiven him.	И как он говорил с тобою, Дуня! - сказала мать, робко заглядывая в глаза дочери, чтобы прочитать всю ее мысль, и уже вполонину утешенная тем, что Дуня же и защищает Родю, а стало быть, простила его.
"I am sure he will think better of it to-morrow," she added, probing her further.	- Я уверена, что он завтра одумается, - прибавила она, выпытывая до конца.
"And I am sure that he will say the same to-morrow... about that," Avdotya Romanovna said finally. And, of course, there was no going beyond that, for this was a point which Pulcheria Alexandrovna was afraid to discuss.	- А я так уверена, что он и завтра будет то же говорить... об этом, - отрезала Авдотья Романовна, и, уж конечно, это была загвоздка, потому что тут был пункт, о котором Пульхерия Александровна слишком боялась теперь заговаривать.
Dounia went up and kissed her mother.	Дуня подошла и поцеловала мать.
The latter warmly embraced her without speaking.	Та крепко молча обняла ее.

Then she sat down to wait anxiously for Razumihin's return, timidly watching her daughter who walked up and down the room with her arms folded, lost in thought.	Затем села в тревожном ожидании возвращения Разумихина и робко стала следить за дочерью, которая, скрестив руки, и тоже в ожидании, стала ходить взад и вперед по комнате, раздумывая про себя.
This walking up and down when she was thinking was a habit of Avdotya Romanovna's and the mother was always afraid to break in on her daughter's mood at such moments.	Такая ходьба из угла в угол, в раздумье, была обыкновенною привычкою Авдотьи Романовны, и мать всегда как-то боялась нарушать в такое время ее задумчивость.
Razumihin, of course, was ridiculous in his sudden drunken infatuation for Avdotya Romanovna. Yet apart from his eccentric condition, many people would have thought it justified if they had seen Avdotya Romanovna, especially at that moment when she was walking to and fro with folded arms, pensive and melancholy.	Разумихин, разумеется, был смешон с своею внезапною, спяну загоревшеюся страстью к Авдотье Романовне; но, посмотрев на Авдотью Романовну, особенно теперь, когда она ходила, скрестив руки, по комнате, грустная и задумчивая, может быть, многие извинили бы его, не говоря уже об эксцентрическом его состоянии.
Avdotya Romanovna was remarkably good looking; she was tall, strikingly well-proportioned, strong and self-reliant--the latter quality was apparent in every gesture, though it did not in the least	Авдотья Романовна была замечательно хороша собою - высокая, удивительно стройная, сильная, самоуверенная, - что высказывалось во всяком жесте ее и что, впрочем, нисколько не отнимало у ее

detract from the grace and softness of her movements.	движений мягкости и грациозности.
In face she resembled her brother, but she might be described as really beautiful.	Лицом она была похожа на брата, но ее даже можно было назвать красавицей.
Her hair was dark brown, a little lighter than her brother's; there was a proud light in her almost black eyes and yet at times a look of extraordinary kindness.	Волосы у нее были темно-русые, немного светлей, чем у брата; глаза почти черные, сверкающие, гордые и в то же время иногда, минутами, необыкновенно добрые.
She was pale, but it was a healthy pallor; her face was radiant with freshness and vigour.	Она была бледна, но не болезненно бледна; лицо ее сияло свежестью и здоровьем.
Her mouth was rather small; the full red lower lip projected a little as did her chin; it was the only irregularity in her beautiful face, but it gave it a peculiarly individual and almost haughty expression.	Рот у ней был немного мал, нижняя же губка, свежая и алая, чуть-чуть выдавалась вперед, вместе с подбородком, - единственная неправильность в этом прекрасном лице, но придававшая ему особенную характерность и, между прочим, как будто надменность.
Her face was always more serious and thoughtful than gay; but how well smiles, how well youthful, lighthearted, irresponsible, laughter suited her face!	Выражение лица ее всегда было более серьезное, чем веселое, вдумчивое; зато как же шла улыбка к этому лицу, как же шел к ней смех, веселый, молодой, беззаветный!
It was natural enough that a warm, open, simple-hearted, honest giant like Razumihin, who had never seen anyone like her and was not quite sober at the time, should lose his head immediately.	Понятно, что горячий, откровенный, простоватый, честный, сильный как богатырь и пьяный Разумихин, никогда не видавший ничего подобного, с первого взгляда потерял голову.
Besides, as chance would have it, he saw Dounia for the first time transfigured by her love for her brother and her joy at meeting him.	К тому же случай, как нарочно, в первый раз показал ему Дуню в прекрасный момент любви и радости свидания с братом.

Afterwards he saw her lower lip quiver with indignation at her brother's insolent, cruel and ungrateful words--and his fate was sealed.	Он видел потом, как дрогнула у ней в негодовании нижняя губка в ответ на дерзкие и неблагодарно-жестokie приказания брата, - и не мог устоять.
He had spoken the truth, moreover, when he blurted out in his drunken talk on the stairs that Praskovya Pavlovna, Raskolnikov's eccentric landlady, would be jealous of Pulcheria Alexandrovna as well as of Avdotya Romanovna on his	Он, впрочем, правду сказал, когда проврался давеча спьяну на лестнице, что эксцентрическая хозяйка Раскольниковы, Прасковья Павловна, приревнует его не только к Авдотье Романовне, но, пожалуй, и к

account.	самой Пульхерии Александровне.
Although Pulcheria Alexandrovna was forty-three, her face still retained traces of her former beauty; she looked much younger than her age, indeed, which is almost always the case with women who retain serenity of spirit, sensitiveness and pure sincere warmth of heart to old age.	Несмотря на то, что Пульхерии Александровне было уже сорок три года, лицо ее все еще сохраняло в себе остатки прежней красоты, и к тому же она казалась гораздо моложе своих лет, что бывает почти всегда с женщинами, сохранившими ясность духа, свежесть впечатлений и честный, чистый жар сердца до старости.
We may add in parenthesis that to preserve all this is the only means of retaining beauty to old age.	Скажем в скобках, что сохранить все это есть единственное средство не потерять красоты своей даже с старости.
Her hair had begun to grow grey and thin, there had long been little crow's foot wrinkles round her eyes, her cheeks were hollow and sunken from anxiety and grief, and yet it was a handsome face.	Волосы ее уже начинали седеть и редеть, маленькие лучистые морщинки уже давно появились около глаз, щеки впали и высохли от заботы и горя, и все-таки это лицо было прекрасно.
She was Dounia over again, twenty years older, but without the projecting underlip.	Это был портрет Дунечкинова лица, только двадцать лет спустя, да кроме еще выражения нижней губки, которая у ней не выдавалась вперед.
Pulcheria Alexandrovna was emotional, but not sentimental, timid and yielding, but only to a certain point. She could give way and accept a great deal even of what was contrary to her convictions, but there was a certain barrier fixed by honesty, principle and the deepest convictions which nothing would induce her to cross.	Пульхерия Александровна была чувствительна, впрочем не до приторности, робка и уступчива, но до известной черты: она многое могла уступить, на многое могла согласиться, даже из того, что противоречило ее убеждению, но всегда была такая черта честности, правил и крайних убеждений, за которую никакие обстоятельства не могли заставить ее переступить.
Exactly twenty minutes after Razumihin's departure, there came two subdued but hurried knocks at the door: he had come back.	Ровно через двадцать минут по уходе Разумихина раздались два негромкие, но поспешные удара в дверь; он воротился.
"I won't come in, I haven't time," he hastened to say when the door was opened. "He sleeps like a top, soundly, quietly, and God grant he may sleep ten hours.	- Не войду, некогда! - заторопился он, когда отворили дверь, - спит во всю ивановскую, отлично, спокойно, и дай бог, чтобы часов десять проспал.
Nastasya's with him; I told her not to	У него Настасья; велел не выходить до меня.

leave till I came.	
Now I am fetching Zossimov, he will report to you and then you'd better turn in; I can see you are too tired to do anything...."	Теперь притащу Зосимова, он вам отапортует, а затем и вы на боковую; изморились, я вижу, донельзя.
And he ran off down the corridor.	И он пустился от них по коридору.
"What a very competent and... devoted young man!" cried Pulcheria Alexandrovna exceedingly delighted.	- Какой расторопный и... преданный молодой человек! - воскликнула чрезвычайно обрадованная Пульхерия Александровна.
"He seems a splendid person!" Avdotya Romanovna replied with some warmth, resuming her walk up and down the room.	- Кажется, славная личность! - с некоторым жаром ответила Авдотья Романовна, начиная опять ходить взад и вперед по комнате.
It was nearly an hour later when they heard footsteps in the corridor and another knock at the door.	Почти через час раздались шаги в коридоре и другой стук в дверь.
Both women waited this time completely relying on Razumihin's promise; he actually had succeeded in bringing Zossimov.	Обе женщины ждали, на этот раз вполне веруя обещанию Разумихина; и действительно, он успел притащить Зосимова.
Zossimov had agreed at once to desert the drinking party to go to Raskolnikov's, but he came reluctantly and with the greatest suspicion to see the ladies, mistrusting Razumihin in his exhilarated condition.	Зосимов тотчас же согласился бросить пир и идти посмотреть на Раскольникова, но к дамам пошел нехотя и с большою недоверчивостью, не доверяя пьяному Разумихину.
But his vanity was at once reassured and flattered; he saw that they were really expecting him as an oracle.	Но самолюбие его было тотчас же успокоено и даже польщено: он понял, что его действительно ждали, как оракула.
He stayed just ten minutes and succeeded in completely convincing and comforting Pulcheria Alexandrovna.	Он просидел ровно десять минут и совершенно успел убедить и успокоить Пульхерию Александровну.
He spoke with marked sympathy, but with the reserve and extreme seriousness of a young doctor at an important consultation. He did not utter a word on any other subject and did not display the slightest desire to enter into more personal relations with the two ladies.	Г оворил он с необыкновенным участием, но сдержанно и как-то усиленно серьезно, совершенно как двадцатисемилетний доктор на важной консультации, и ни единым словом не уклонился от предмета и не обнаружил ни малейшего желания войти в более личные и частные отношения с обеими дамами.

Remarking at his first entrance the dazzling beauty of Avdotya Romanovna, he endeavoured not to notice her at all during his visit and addressed himself solely to Pulcheria Alexandrovna.	Заметив еще при входе, как ослепительно хороша собою Авдотья Романовна, он тотчас же постарался даже не примечать ее вовсе, во все время визита, и обращался единственно к Пульхерии Александровне.
All this gave him extraordinary inward satisfaction.	Все это доставляло ему чрезвычайное внутреннее удовлетворение.
He declared that he thought the invalid at this moment going on very satisfactorily.	Собственно о больном он выразился, что находит его в настоящую минуту в весьма удовлетворительном состоянии.

According to his observations the patient's illness was due partly to his unfortunate material surroundings during the last few months, but it had partly also a moral origin, "was, so to speak, the product of several material and moral influences, anxieties, apprehensions, troubles, certain ideas... and so on."	По наблюдениям же его, болезнь пациента, кроме дурной материальной обстановки последних месяцев жизни, имеет еще некоторые нравственные причины, "есть, так сказать, продукт многих сложных нравственных и материальных влияний, тревог, опасений, забот, некоторых идей... и прочего".
Noticing stealthily that Avdotya Romanovna was following his words with close attention, Zossimov allowed himself to enlarge on this theme.	Заметив вскользь, что Авдотья Романовна стала особенно внимательно вслушиваться, Зосимов несколько более распространился на эту тему.
On Pulcheria Alexandrovna's anxiously and timidly inquiring as to "some suspicion of insanity," he replied with a composed and candid smile that his words had been exaggerated; that certainly the patient had some fixed idea, something approaching a monomania-- he, Zossimov, was now particularly studying this interesting branch of medicine--but that it must be recollected that until to-day the patient had been in delirium and... and that no doubt the presence of his family would have a favourable effect on his recovery and distract his mind, "if only all fresh shocks can be avoided," he added significantly.	На тревожный же и робкий вопрос Пульхерии Александровны насчет "будто бы некоторых подозрений в помешательстве" он отвечал с спокойною и откровенною усмешкой, что слова его слишком преувеличены; что, конечно, в больном заметна какая-то неподвижная мысль, что-то обличающее мономанию, - так как он, Зосимов, особенно следит теперь за этим чрезвычайно интересным отделом медицины, - но ведь надо же вспомнить, что почти вплоть до сегодня больной был в бреду, и... и, конечно, приезд родных его укрепит, рассеет и подействует спасительно, "если только можно будет избежать новых особенных потрясений", - прибавил он значительно.
Then he got up, took leave with an impressive and affable bow, while blessings, warm gratitude, and entreaties were showered upon him, and Avdotya Romanovna spontaneously offered her	Затем встал, солидно и радушно откланялся, сопровождаемый благословениями, горячею благодарностию, мольбами и даже протянувшеюся к нему для пожатия, без его

hand to him. He went out exceedingly pleased with his visit and still more so with himself.	искания, ручкой Авдотьи Романовны, и вышел чрезвычайно довольный своим посещением и еще более самим собою.
"We'll talk to-morrow; go to bed at once!" Razumihin said in conclusion, following Zossimov out.	- А говорить будем завтра; ложитесь, сейчас, непременно! - скрепил Разумихин, уходя с Зосимовым.
"I'll be with you to-morrow morning as early as possible with my report."	- Завтра, как можно раньше, я у вас с рапортом.
"That's a fetching little girl, Avdotya Romanovna," remarked Zossimov, almost licking his lips as they both came out into the street.	- Однако, какая восхитительная девочка эта Авдотья Романовна! - заметил Зосимов, чуть не облизываясь, когда оба вышли на улицу.
"Fetching?"	- Восхитительная?
You said fetching?" roared Razumihin and he flew at Zossimov and seized him by the throat.	Ты сказал восхитительная! - заревел Разумихин и вдруг бросился на Зосимова и схватил его за горло.
"If you ever dare...."	- Если ты когда-нибудь осмелишься...
Do you understand?	Понимаешь?
Do you understand?" he shouted, shaking him by the collar and squeezing him against the wall. "Do you hear?"	Понимаешь? - кричал он, потрясая его за воротник и прижав к стене, - слышал?

"Let me go, you drunken devil," said Zossimov, struggling and when he had let him go, he stared at him and went off into a sudden guffaw.	- Да пусти, пьяный черт! - отбивался Зосимов и потом, когда уже тот его выпустил, посмотрел на него пристально и вдруг покатился со смеху.
Razumihin stood facing him in gloomy and earnest reflection.	Разумихин стоя перед ним, опустив руки, в мрачном и серьезном раздумье.
"Of course, I am an ass," he observed, sombre as a storm cloud, "but still... you are another."	- Разумеется, я осел, - проговорил он, мрачный как туча, - но ведь... и ты тоже.
"No, brother, not at all such another.	- Ну нет, брат, совсем не тоже.
I am not dreaming of any folly."	Я о глупостях не мечтаю.
They walked along in silence and only when they were close to Raskolnikov's lodgings, Razumihin broke the silence in considerable anxiety.	Они пошли молча, и, только подходя к квартире Раскольникова, Разумихин, сильно озабоченный, прервал молчание.

"Listen," he said, "you're a first-rate fellow, but among your other failings, you're a loose fish, that I know, and a dirty one, too."	- Слушай, - сказал он Зосимову, - ты малый славный, но ты, кроме всех твоих скверных качеств, еще и потаскун, это я знаю, да еще из грязных.
You are a feeble, nervous wretch, and a mass of whims, you're getting fat and lazy and can't deny yourself anything--and I call that dirty because it leads one straight into the dirt.	Ты нервная, слабая дрянь, ты блажной, ты зажирел и ни в чем себе отказать не можешь, - а это уж я называю грязью, потому что прямо доводит до грязи.
You've let yourself get so slack that I don't know how it is you are still a good, even a devoted doctor.	Ты до того себя разнежил, что, признаюсь, я всего менее понимаю, как ты можешь быть при всем этом хорошим и даже самоотверженным лекарем.
You--a doctor--sleep on a feather bed and get up at night to your patients!	На перине спит (доктор-то!), а по ночам встает для больного!
In another three or four years you won't get up for your patients...	Года через три ты уж не будешь вставать для больного...
But hang it all, that's not the point!... You are going to spend to-night in the landlady's flat here. (Hard work I've had to persuade her!) And I'll be in the kitchen. So here's a chance for you to get to know her better....	Ну да, черт, не в том дело, а вот в чем: ты сегодня в хозяйкиной квартире ночуешь (насилу уговорил ее!), а я в кухне: вот вам случай познакомиться покороче!
It's not as you think!	Не то, что ты думаешь!
There's not a trace of anything of the sort, brother...!"	Тут, брат, и тени этого нет...
"But I don't think!"	- Да я вовсе и не думаю.
"Here you have modesty, brother, silence, bashfulness, a savage virtue... and yet she's sighing and melting like wax, simply melting!	- Тут, брат, стыдливость, молчаливость, застенчивость, целомудрие ожесточенное, и при всем этом - вздохи, и тает как воск, так и тает!
Save me from her, by all that's unholy!	Избавь ты меня от нее, ради всех чертей в мире!
She's most prepossessing...	Преавенантенькая!..
I'll repay you, I'll do anything...."	Заслужу, головой заслужу!
Zossimov laughed more violently than ever.	Зосимов захохотал пуще прежнего.

"Well, you are smitten!	- Ишь тебя разобрало!
But what am I to do with her?"	Да зачем мне ее?
"It won't be much trouble, I assure you. Talk any rot you like to her, as long as you sit by her and talk.	- Уверяю, заботы немного, только говори бурду какую хочешь, только подле сядь и говори.
You're a doctor, too; try curing her of something.	К тому же ты доктор, начни лечить от чего-нибудь.
I swear you won't regret it.	Клянусь, не раскаешься.
She has a piano, and you know, I strum a little. I have a song there, a genuine Russian one:	У ней клавикорды стоят; я ведь, ты знаешь, бренчу маленько; у меня там одна песенка есть, русская, настоящая:
' I shed hot tears.'	"Зальюсь слезьми горячими..."
She likes the genuine article--and well, it all began with that song; Now you're a regular performer, a _maitre_, a Rubinstein....	Она настоящие любит, - ну, с песенки и началось; а ведь ты на фортепианах-то виртуоз, метр, Рубинштейн...
I assure you, you won't regret it!"	Уверяю, не раскаешься!
"But have you made her some promise?"	- Да что ты ей обещаний каких надавал, что ли?
Something signed?	Подписку по форме?
A promise of marriage, perhaps?"	Жениться обещал, может быть...
"Nothing, nothing, absolutely nothing of the kind!	- Ничего, ничего, ровно ничего этого нет!
Besides she is not that sort at all.... Tchubarov tried that...."	Да она и не такая совсем; к ней было Чебаров...
"Well then, drop her!"	- Ну, так брось ее!
"But I can't drop her like that!"	- Да нельзя так бросить!
"Why can't you?"	- Да почему же нельзя?
"Well, I can't, that's all about it!	- Ну да, как-то так нельзя, да и только!
There's an element of attraction here, brother."	Тут, брат, втягивающее начало есть.
"Then why have you fascinated her?"	- Так зачем же ты ее завлекал?
"I haven't fascinated her; perhaps I was fascinated myself in my folly. But she won't care a straw whether it's you or I, so long as somebody sits beside her,	- Да я вовсе не завлекал, я, может, даже сам завлечен, по глупости моей, а ей решительно все равно будет, ты или я, только бы подле

sighing....	кто-нибудь сидел и вздыхал.
I can't explain the position, brother... look here, you are good at mathematics, and working at it now... begin teaching her the integral calculus; upon my soul, I'm not joking, I'm in earnest, it'll be just the same to her. She will gaze at you and sigh for a whole year together.	Тут, брат... Не могу я это тебе выразить, тут, - ну вот ты математику знаешь хорошо, и теперь еще занимаешься, я знаю... ну, начни проходить ей интегральное исчисление, ей-богу не шучу, серьезно говорю, ей решительно все равно будет: она будет на тебя смотреть и вздыхать, и так целый год сряду.
I talked to her once for two days at a time about the Prussian House of Lords (for one must talk of something)--she just sighed and perspired!	Я ей, между прочим, очень долго, дня два сряду, про прусскую палату господ говорил (потому что о чем же с ней говорить?), - только вздыхала да прела!

And you mustn't talk of love--she's bashful to hysterics--but just let her see you can't tear yourself away--that's enough.	О любви только не заговаривай, - застенчива до судорог, - но и вид показывай, что отойти не можешь, - ну, и довольно.
It's fearfully comfortable; you're quite at home, you can read, sit, lie about, write.	Комфортно ужасно; совершенно как дома, -читай, сиди, лежи, пиши...
You may even venture on a kiss, if you're careful."	Поцеловать даже можно, с осторожностью...
"But what do I want with her?"	- Да на что мне она?
"Ach, I can't make you understand!	- Эх, не могу я тебе разъяснить никак!
You see, you are made for each other!	Видишь: вы оба совершенно друг к другу подходите!
I have often been reminded of you!...	Я и прежде о тебе думал...
You'll come to it in the end!	Ведь ты кончишь же этим!
So does it matter whether it's sooner or later?	Так не все ли тебе равно - раньше или позже?
There's the feather-bed element here, brother--ach! and not only that!	Тут, брат, этакое перинное начало лежит, - эх! да и не одно перинное!
There's an attraction here--here you have the end of the world, an anchorage, a quiet haven, the navel of the earth, the three fishes that are the foundation of the world, the essence of pancakes, of savoury fish-pies, of the evening samovar, of soft sighs and warm shawls, and hot stoves to sleep on--as snug as though you were dead, and yet you're alive--the advantages of both at once!	Тут втягивает; тут конец свету, якорь, тихое пристанище, пуп земли, трехрыбное основание мира, эссенция блинов, жирных кулебяк, вечернего самовара, тихих вздыханий и теплых кацавеек, натопленных лежанок, - ну, вот точно ты умер, а в то же время и жив, обе выгоды разом!
Well, hang it, brother, what stuff I'm talking, it's bedtime!	Ну, брат, черт, заврался, пора спать!
Listen. I sometimes wake up at night; so I'll go in and look at him.	Слушай: я ночью иногда просыпаюсь, ну, и схожу к нему посмотреть.
But there's no need, it's all right.	Только ничего, вздор, все хорошо.
Don't you worry yourself, yet if you like, you might just look in once, too.	Не тревожься и ты особенно, а если хочешь, сходи тоже разик.
But if you notice anything--delirium or fever--wake	Но чуть что заметишь, бред например, али жар, али что, тотчас

me at once.	же разбуди меня.
But there can't be...."	Впрочем, быть не может...
CHAPTER II	II
Razumihin waked up next morning at eight o'clock, troubled and serious.	Озабоченный и серьезный проснулся Разумихин на другой день в восьмом часу.
He found himself confronted with many new and unlooked-for perplexities.	Много новых и непредвиденных недоумений очутилось вдруг у него в это утро.
He had never expected that he would ever wake up feeling like that.	Он и не воображал прежде, что когда-нибудь так проснется.

He remembered every detail of the previous day and he knew that a perfectly novel experience had befallen him, that he had received an impression unlike anything he had known before.	Он помнил до последних подробностей все вчерашнее и понимал, что с ним совершилось что-то необыденное, что он принял в себя одно, доселе совсем неизвестное ему впечатление и непохожее на все прежние.
At the same time he recognised clearly that the dream which had fired his imagination was hopelessly unattainable--so unattainable that he felt positively ashamed of it, and he hastened to pass to the other more practical cares and difficulties bequeathed him by that "thrice accursed yesterday."	В то же время он ясно сознавал, что мечта, загоревшаяся в голове его, в высшей степени неосуществима, - до того неосуществима, что ему даже стало стыдно ее, и он поскорей перешел к другим, более насущным заботам и недоумениям, оставшимся ему в наследство после "растреклятого вчерашнего дня".
The most awful recollection of the previous day was the way he had shown himself "base and mean," not only because he had been drunk, but because he had taken advantage of the young girl's position to abuse her _fiance_ in his stupid jealousy, knowing nothing of their mutual relations and obligations and next to nothing of the man himself.	Самым ужаснейшим воспоминанием его было то, как он оказался вчера "низок и гадок", не по тому одному, что был пьян, а потому, что ругал перед девушкой, пользуясь ее положением, из глупопоспешной ревности, ее жениха, не зная не только их взаимных между собой отношений и обязательств, но даже и человека-то не зная порядочно.
And what right had he to criticise him in that hasty and unguarded manner?	Да и какое право имел он судить о нем так поспешно и опрометчиво?
Who had asked for his opinion?	И кто звал его в судьи!
Was it thinkable that such a creature as Avdotya Romanovna would be marrying an	И разве может такое существо, как Авдотья Романовна, отдаваться

unworthy man for money?	недостойному человеку за деньги?
So there must be something in him.	Стало быть, есть же и в нем достоинства.
The lodgings?	Нумера?
But after all how could he know the character of the lodgings?	Да почему же он в самом деле мог узнать, что это такие нумера?
He was furnishing a flat... Foo! how despicable it all was!	Ведь готовит же он квартиру... фу, как это все низко!
And what justification was it that he was drunk?	И что за оправдание, что он был пьян?
Such a stupid excuse was even more degrading!	Глупая отговорка, еще более его унижающая!
In wine is truth, and the truth had all come out, "that is, all the uncleanness of his coarse and envious heart"!	В вине - правда, и правда-то вот вся и высказалась, "то есть вся-то грязь его завистливого, грубого сердца высказалась"!
And would such a dream ever be permissible to him, Razumihin?	И разве позволительна хоть сколько-нибудь такая мечта ему, Разумихину?
What was he beside such a girl--he, the drunken noisy braggart of last night?	Кто он сравнительно с такою девушкой, - он, пьяный буян и вчерашний хвастун?
Was it possible to imagine so absurd and cynical a juxtaposition?	"Разве возможно такое циническое и смешное сопоставление?"

Razumihin blushed desperately at the very idea and suddenly the recollection forced itself vividly upon him of how he had said last night on the stairs that the landlady would be jealous of Avdotya Romanovna... that was simply intolerable.	Разумихин отчаянно покраснел при этой мысли, и вдруг, как нарочно, в это же самое мгновение, ясно припомнилось ему, как он говорил им вчера, стоя на лестнице, что хозяйка приревнует его к Авдотье Романовне... это уж было невыносимо.
He brought his fist down heavily on the kitchen stove, hurt his hand and sent one of the bricks flying.	Со всего размаху ударил он кулаком по кухонной печке, повредил себе руку и вышиб один кирпич.
"Of course," he muttered to himself a minute later with a feeling of self-abasement, "of course, all these infamies can never be wiped out or smoothed over... and so it's useless even to think of it, and I must go to them in silence and do my duty... in silence, too... and not ask forgiveness, and say	"Конечно, - пробормотал он про себя через минуту, с каким-то чувством самоунижения, - конечно, всех этих пакостей не закрасить и не загладить теперь никогда... а стало быть, и думать об этом нечего, а потому явиться молча, и... исполнить свои обязанности... тоже молча, и... и не просить извинения, и ничего не говорить, и... и, уж конечно, теперь все

nothing... for all is lost now!"	погибло!"
And yet as he dressed he examined his attire more carefully than usual.	И однако ж, одеваясь, он осмотрел свой костюм тщательнее обыкновенного.
He hadn't another suit--if he had had, perhaps he wouldn't have put it on. "I would have made a point of not putting it on."	Другого платья у него не было, а если б и было, он, быть может, и не надел бы его, - "так, нарочно бы не надел".
But in any case he could not remain a cynic and a dirty sloven; he had no right to offend the feelings of others, especially when they were in need of his assistance and asking him to see them.	Но во всяком случае циником и грязною нееряхой нельзя оставаться: он не имеет права оскорблять чувства других, тем более что те, другие, сами в нем нуждаются и сами зовут к себе.
He brushed his clothes carefully.	Платье свое он тщательно отчистил щеткой.
His linen was always decent; in that respect he was especially clean.	Белье же было на нем всегда сносное; на этот счет он был особенно чистоплотен.
He washed that morning scrupulously--he got some soap from Nastasya--he washed his hair, his neck and especially his hands.	Вымылся он в это утро рачительно, - у Настасьи нашлось мыло, - вымыл волосы, шею и особенно руки.
When it came to the question whether to shave his stubbly chin or not (Praskovya Pavlovna had capital razors that had been left by her late husband), the question was angrily answered in the negative.	Когда же дошло до вопроса: брить ли свою щетину или нет (у Прасковьи Павловны имелись отличные бритвы, сохранившиеся еще после покойного господина Зарницына), то вопрос с ожесточением даже был решен отрицательно:
"Let it stay as it is!	"Пусть так и остается!
What if they think that I shaved on purpose to...? They certainly would think so!	Ну, как подумают, что я выбрился для... да непременно же подумают!
Not on any account!"	Да ни за что же на свете!
"And... the worst of it was he was so coarse, so dirty, he had the manners of a pothouse; and... and even admitting that he knew he had some of the essentials of a gentleman... what was there in that to be proud of?	И... и главное, он такой грубый, грязный, обращение у него трактирное; и... и, положим, он знает, что и он, ну хоть немного, да порядочный же человек... ну, так чем же тут гордиться, что порядочный человек?

Everyone ought to be a gentleman and more than that... and all the same (he remembered) he, too, had done little things... not exactly dishonest, and yet....	Всякий должен быть порядочный человек, да еще почище, и... и все-таки (он помнит это) были и за ним такие делишки... не то чтоб уж бесчестные, ну да однако ж!..
---	--

And what thoughts he sometimes had; hm... and to set all that beside Avdotya Romanovna!	А какие помышления-то бывали! гм... и это все поставить рядом с Авдотьей Романовной!
Confound it!	Ну да, черт!
So be it!	А пусть!
Well, he'd make a point then of being dirty, greasy, pothouse in his manners and he wouldn't care!	Ну и нарочно буду такой грязный, сальный, трактирный, и наплевать!
He'd be worse!"	Еще больше буду!.."
He was engaged in such monologues when Zossimov, who had spent the night in Praskovya Pavlovna's parlour, came in.	На таких монологах застал его Зосимов, ночевавший в зале у Прасковьи Павловны.
He was going home and was in a hurry to look at the invalid first.	Он шел домой и, уходя, спешил заглянуть на больного.
Razumihin informed him that Raskolnikov was sleeping like a dormouse.	Разумихин донес ему, что тот спит, как сурок.
Zossimov gave orders that they shouldn't wake him and promised to see him again about eleven.	Зосимов распорядился не будить, пока проснется. Сам же обещал зайти часу в одиннадцатом.
"If he is still at home," he added.	- Если только он будет дома, - прибавил он.
"Damn it all!	- Фу, черт!
If one can't control one's patients, how is one to cure them?	В своем больном не властен, лечи поди!
Do you know whether _he_ will go to them, or whether they are coming here?"	Не знаешь, он к тем пойдет, али те сюда придут?
"They are coming, I think," said Razumihin, understanding the object of the question, "and they will discuss their family affairs, no doubt.	- Те, я думаю, - отвечал Разумихин, поняв цель вопроса, - и будут, конечно, про свои семейные дела говорить.
I'll be off.	Я уйду.
You, as the doctor, have more right to be here than I."	Ты, как доктор, разумеется, больше меня прав имеешь.
"But I am not a father confessor; I shall come and go away; I've plenty to do besides looking after them."	- Не духовник же и я; приду и уйду; и без них много дела.
"One thing worries me," interposed Razumihin, frowning. "On the way home I	- Беспокоит меня одно, - перебил, нахмурясь, Разумихин, - вчера я, спьяну,

talked a lot of drunken nonsense to him... all sorts of things... and amongst them that you were afraid that he... might become insane."	проболтался ему, дорогой идучи, о разных глупостях... о разных... между прочим, что ты боишься, будто он... склонен к помешательству...
"You told the ladies so, too."	- Ты и дамам о том же вчера проболтался.
"I know it was stupid!	- Знаю, что глупо!
You may beat me if you like!	Хошь бей!

Did you think so seriously?"	А что, вправду была у тебя какая-нибудь твердая мысль?
"That's nonsense, I tell you, how could I think it seriously?"	- Да вздор же, говорю; какая твердая мысль!
You, yourself, described him as a monomaniac when you fetched me to him... and we added fuel to the fire yesterday, you did, that is, with your story about the painter; it was a nice conversation, when he was, perhaps, mad on that very point!	Сам ты описал его как мономана, когда меня к нему привел... Ну, а мы вчера еще жару поддали, ты то есть, этими рассказами-то... о маляре-то; хорош разговор, когда он, может, сам на этом с ума сошел!
If only I'd known what happened then at the police station and that some wretch... had insulted him with this suspicion!	Кабы знал я в точности, что тогда в конторе произошло и что там его какая-то каналья этим подозрением... обидела!
Hm... I would not have allowed that conversation yesterday.	Гм... не допустил бы я вчера такого разговора.
These monomaniacs will make a mountain out of a mole-hill... and see their fancies as solid realities....	Ведь эти мономаны из капли океан сделают, небылицу в лицах наяву видят...
As far as I remember, it was Zametov's story that cleared up half the mystery, to my mind.	Сколько я помню, вчера, из этого рассказа Заметова, мне половина дела выяснилась.
Why, I know one case in which a hypochondriac, a man of forty, cut the throat of a little boy of eight, because he couldn't endure the jokes he made every day at table!	Да что! Я один случай знаю, как один ипохондрик, сорокалетний, не в состоянии будучи переносить ежедневных насмешек за столом восьмилетнего мальчишки, зарезал его!
And in this case his rags, the insolent police officer, the fever and this suspicion!	А тут, весь в лохмотьях, нахал квартальный, начинавшаяся болезнь, и такое подозрение!
All that working upon a man half frantic with hypochondria, and with his morbid exceptional	Исступленному-то ипохондрику!

vanity!	
That may well have been the starting-point of illness. Well, bother it all!...	При тщеславии бешеном, исключительном! Да тут, может, вся-то точка отправления болезни и сидит! Ну да, черт!..
And, by the way, that Zametov certainly is a nice fellow, but hm... he shouldn't have told all that last night.	А кстати, этот Заметов и в самом деле милый мальчишка, только гм... напрасно он это все вчера рассказал.
He is an awful chatterbox!"	Болтушка ужасная!
"But whom did he tell it to?"	- Да кому ж рассказал?
You and me?"	Мне да тебе?
"And Porfiry."	- И Порфирию.
"What does that matter?"	- Так что ж, что Порфирию?
"And, by the way, have you any influence on them, his mother and sister?"	- Кстати, имеешь ты какое-нибудь влияние на тех-то, на мать да сестру?
Tell them to be more careful with him to-day...."	Осторожнее бы с ним сегодня...
"They'll get on all right!" Razumihin answered reluctantly.	- Сговорятся! - неохотно ответил Разумихин.
"Why is he so set against this Luzhin?"	- И чего он так на этого Лужина?

A man with money and she doesn't seem to dislike him... and they haven't a farthing, I suppose? eh?"	Человек с деньгами, ей, кажется, не противен... а ведь у них ни шиша? а?
"But what business is it of yours?" Razumihin cried with annoyance. "How can I tell whether they've a farthing?"	- Да чего ты-то выпытываешь? - раздражительно крикнул Разумихин, - почему я знаю, шиш или ни шиша?
Ask them yourself and perhaps you'll find out...."	Спроси сам, может, и узнаешь...
"Foo! what an ass you are sometimes!"	- Фу, как ты глуп иногда!
Last night's wine has not gone off yet....	Вчерашний хмель сидит...
Good-bye; thank your Praskovya Pavlovna from me for my night's lodging.	До свидания; поблагодари от меня Прасковью Павловну свою за ночлег.
She locked herself in, made no reply to my _bonjour_ through the door; she was up at seven o'clock, the samovar was taken into her from the kitchen.	Заперлась, на мой бонжур сквозь двери не ответила, а сама в семь часов поднялась, самовар ей через коридор из кухни проносили...
I was not vouchsafed a personal	

interview...."	Я не удостоился лицезреть...
At nine o'clock precisely Razumihin reached the lodgings at Bakaleyev's house.	Ровно в девять часов Разумихин явился в номера Бакалеева.
Both ladies were waiting for him with nervous impatience.	Обе дамы ждали его давным-давно с истерическим нетерпением.
They had risen at seven o'clock or earlier.	Поднялись они часов с семи или даже раньше.
He entered looking as black as night, bowed awkwardly and was at once furious with himself for it.	Он вошел пасмурный, как ночь, откланялся неловко, за что тотчас же рассердился - на себя, разумеется.
He had reckoned without his host: Pulcheria Alexandrovna fairly rushed at him, seized him by both hands and was almost kissing them.	Он рассчитал без хозяина: Пульхерия Александровна так и бросилась к нему, схватила его за обе руки и чуть не поцеловала их.
He glanced timidly at Avdotya Romanovna, but her proud countenance wore at that moment an expression of such gratitude and friendliness, such complete and unlooked-for respect (in place of the sneering looks and ill-disguised contempt he had expected), that it threw him into greater confusion than if he had been met with abuse.	Он робко глянул на Авдотью Романовну; но и в этом надменном лице было в эту минуту такое выражение признательности и дружества, такое полное и неожиданное им уважение (вместо насмешливых-то взглядов и невольного, худо скрываемого презрения!), что ему уж, право, было бы легче, если бы встретили бранью, а то уж слишком стало конфузливо.
Fortunately there was a subject for conversation, and he made haste to snatch at it.	К счастью, была готовая тема для разговора, и он поскорей за нее уцепился.
Hearing that everything was going well and that Rodya had not yet waked, Pulcheria Alexandrovna declared that she was glad to hear it, because "she had something which it was very, very necessary to talk over beforehand."	Услышав, что "еще не просыпался", но "все отлично", Пульхерия Александровна объявила, что это и к лучшему, "потому что ей очень, очень, очень надо предварительно переговорить".
Then followed an inquiry about breakfast and an invitation to have it with them; they had waited to have it with him.	Последовал вопрос о чае и приглашение пить вместе; сами они еще не пили в ожидании Разумихина.

Avdotya Romanovna rang the bell: it was answered by a ragged dirty waiter, and they asked him to bring tea which was served at last, but in such a dirty and	Авдотья Романовна позвонила, на зов явился грязный оборванец, и ему приказан был чай, который и был наконец сервирован, но так грязно и так неприлично, что дамам стало
--	---

disorderly way that the ladies were ashamed.	совестно.
Razumihin vigorously attacked the lodgings, but, remembering Luzhin, stopped in embarrassment and was greatly relieved by Pulcheria Alexandrovna's questions, which showered in a continual stream upon him.	Разумихин энергически ругнул было нумер, но, вспомнив про Лужина, замолчал, сконфузился и ужасно обрадовался, когда вопросы Пульхерии Александровны посыпались, наконец, сряду без перерыву.
He talked for three quarters of an hour, being constantly interrupted by their questions, and succeeded in describing to them all the most important facts he knew of the last year of Raskolnikov's life, concluding with a circumstantial account of his illness.	Отвечая на них, он проговорил три четверти часа, беспрестанно прерываемый и переспрашиваемый, и успел передать все главнейшие и необходимейшие факты, какие только знал из последнего года жизни Родиона Романовича, заключив обстоятельным рассказом о болезни его.
He omitted, however, many things, which were better omitted, including the scene at the police station with all its consequences.	Он многое, впрочем, пропустил, что и надо было пропустить, между прочим и о сцене в конторе со всеми последствиями.
They listened eagerly to his story, and, when he thought he had finished and satisfied his listeners, he found that they considered he had hardly begun.	Рассказ его жадно слушали; но когда он думал, что уже кончил и удовлетворил своих слушательниц, то оказалось, что для них он как будто еще и не начинал.
"Tell me, tell me! What do you think...? Excuse me, I still don't know your name!" Pulcheria Alexandrovna put in hastily.	- Скажите, скажите мне, как вы думаете... ах, извините, я еще до сих пор не знаю вашего имени? - торопилась Пульхерия Александровна.
"Dmitri Prokofitch."	- Дмитрий Прокофьич.
"I should like very, very much to know, Dmitri Prokofitch... how he looks... on things in general now, that is, how can I explain, what are his likes and dislikes?"	- Так вот, Дмитрий Прокофьич, я бы очень, очень хотела узнать... как вообще... он глядит теперь на предметы, то есть, поймите меня, как бы это вам сказать, то есть лучше сказать: что он любит и что не любит?
Is he always so irritable?	Всегда ли он такой раздражительный?
Tell me, if you can, what are his hopes and, so to say, his dreams?	Какие у него желания и, так сказать, мечты, если можно?
Under what influences is he now?	Что именно теперь имеет на него особенное влияние?
In a word, I should like..."	Одним словом, я бы желала...

"Ah, mother, how can he answer all that at once?" observed Dounia.	- Ах, маменька, как же можно на это все так вдруг отвечать! - заметила Дуня.
"Good heavens, I had not expected to find him in the least like this, Dmitri Prokofitch!"	- Ах боже мой, ведь я совсем, совсем, совсем не таким его ожидала встретить, Дмитрий Прокофьич.
"Naturally," answered Razumihin.	- Это уж очень естественно-с, - отвечал Дмитрий Прокофьич.

"I have no mother, but my uncle comes every year and almost every time he can scarcely recognise me, even in appearance, though he is a clever man; and your three years' separation means a great deal.	- Матери у меня нет, ну а дядя каждый год сюда приезжает и почти каждый раз меня не узнает, даже снаружи, а человек умный; ну а в три года вашей разлуки много воды ушло.
What am I to tell you?	Да и что вам сказать?
I have known Rodion for a year and a half; he is morose, gloomy, proud and haughty, and of late--and perhaps for a long time before--he has been suspicious and fanciful.	Полтора года я Родиона знаю: угрюм, мрачен, надменен и горд; в последнее время (а может, гораздо прежде) мнителен и ипохондрик.
He has a noble nature and a kind heart.	Великодушен и добр.
He does not like showing his feelings and would rather do a cruel thing than open his heart freely.	Чувств своих не любит высказывать и скорей жестокость сделает, чем словами выскажет сердце.
Sometimes, though, he is not at all morbid, but simply cold and inhumanly callous; it's as though he were alternating between two characters. Sometimes he is fearfully reserved!	Иногда, впрочем, вовсе не ипохондрик, а просто холоден и бесчувствен до бесчеловечия, право, точно в нем два противоположные характера поочередно сменяются.
He says he is so busy that everything is a hindrance, and yet he lies in bed doing nothing.	Ужасно иногда неразговорчив! Все ему некогда, все ему мешают, а сам лежит, ничего не делает.
He doesn't jeer at things, not because he hasn't the wit, but as though he hadn't time to waste on such trifles.	Не насмешлив, и не потому, чтоб остроты не хватало, а точно времени у него на такие пустяки не хватает.
He never listens to what is said to him.	Не дослушивает, что говорят.
He is never interested in what interests other people at any given moment.	Никогда не интересуется тем, чем все в данную минуту интересуются.
He thinks very highly of himself and perhaps he is right.	Ужасно высоко себя ценит и, кажется, не без некоторого права на то.

Well, what more?	Ну, что еще?..
I think your arrival will have a most beneficial influence upon him."	Мне кажется, ваш приезд будет иметь на него спасительнейшее влияние.
"God grant it may," cried Pulcheria Alexandrovna, distressed by Razumihin's account of her Rodya.	- Ах, дай-то бог! - вскричала Пульхерия Александровна, измученная отзывом Разумихина об ее Роде.
And Razumihin ventured to look more boldly at Avdotya Romanovna at last.	А Разумихин глянул, наконец, пободрее на Авдотью Романовну.
He glanced at her often while he was talking, but only for a moment and looked away again at once.	Он часто взглядывал на нее во время разговора, но бегло, на один только миг, и тотчас же отводил глаза.
Avdotya Romanovna sat at the table, listening attentively, then got up again and began walking to and fro with her arms folded and her lips compressed, occasionally putting in a question, without stopping her walk.	Авдотья Романовна то садилась к столу и внимательно вслушивалась, то вставала опять и начинал ходить, по обыкновению своему, из угла в угол, скрестив руки, сжав губы, изредка делая свой вопрос, не прерывая ходьбы, задумываясь.
She had the same habit of not listening to what was said.	Она тоже имела обыкновение не дослушивать, что говорят.

She was wearing a dress of thin dark stuff and she had a white transparent scarf round her neck.	Одета она была в какое-то темненькое из легкой материи платье, а на шее был повязан белый прозрачный шарфик.
Razumihin soon detected signs of extreme poverty in their belongings.	По многим признакам Разумихин тотчас же заметил, что обстановка обеих женщин до крайности бедная.
Had Avdotya Romanovna been dressed like a queen, he felt that he would not be afraid of her, but perhaps just because she was poorly dressed and that he noticed all the misery of her surroundings, his heart was filled with dread and he began to be afraid of every word he uttered, every gesture he made, which was very trying for a man who already felt diffident.	Будь Авдотья Романовна одета как королева, то, кажется, он бы ее совсем не боялся; теперь же, может, именно потому, что она так бедно одета и что он заметил всю эту скаредную обстановку, в сердце его вселился страх, и он стал бояться за каждое слово свое, за каждый жест, что было, конечно, стеснительно для человека, и без того себе не доверявшего.
"You've told us a great deal that is interesting about my brother's character... and have told it impartially.	- Вы много сказали любопытного о характере брата и... сказали беспристрастно.
I am glad. I thought that you were too uncritically devoted to him," observed Avdotya Romanovna with a smile.	Это хорошо; я думала, вы перед ним благоговееете, - заметила Авдотья Романовна с улыбкой.

"I think you are right that he needs a woman's care," she added thoughtfully.	- Кажется, и то верно, что возле него должна находиться женщина, - прибавила она в раздумье.
"I didn't say so; but I daresay you are right, only..."	- Я этого не говорил, а впрочем, может быть, вы и в этом правы, только...
"What?"	- Что?
"He loves no one and perhaps he never will," Razumihin declared decisively.	- Ведь он никого не любит; может, и никогда не полюбит, - отрезал Разумихин.
"You mean he is not capable of love?"	- То есть не способен полюбить?
"Do you know, Avdotya Romanovna, you are awfully like your brother, in everything, indeed!" he blurted out suddenly to his own surprise, but remembering at once what he had just before said of her brother, he turned as red as a crab and was overcome with confusion.	- А знаете, Авдотья Романовна, вы сами ужасно как похожи на вашего брата, даже во всем! -брякнул он вдруг, для себя самого неожиданно, но тотчас же, вспомнив о том, что сейчас говорил ей же про брата, покраснел как рак и ужасно сконфузился.
Avdotya Romanovna couldn't help laughing when she looked at him.	Авдотья Романовна не могла не рассмеяться, на него глядя.
"You may both be mistaken about Rodya," Pulcheria Alexandrovna remarked, slightly piqued.	- Насчет Роди вы оба можете ошибаться, - подхватила несколько пикированная Пульхерия Александровна.
"I am not talking of our present difficulty, Dounia.	- Я не про теперешнее говорю, Дунечка.
What Pyotr Petrovitch writes in this letter and what you and I have supposed may be mistaken, but you can't imagine, Dmitri Prokofitch, how moody and, so to say, capricious he is.	То, что пишет Петр Петрович в этом письме... и что мы предполагали с тобой, - может быть, неправда, но вы вообразить не можете, Дмитрий Прокофьевич, как он фантастичен и, как бы это сказать, капризен.
I never could depend on what he would do when he was only fifteen.	Его характеру я никогда не могла довериться, даже когда ему было только пятнадцать лет.

And I am sure that he might do something now that nobody else would think of doing...	Я уверена, что он и теперь вдруг что-нибудь может сделать с собой такое, чего ни один человек никогда и не подумает сделать...
Well, for instance, do you know how a year and a half ago he astounded me and gave me a shock that nearly killed me, when he had the idea of marrying	Да недалеко ходить: известно ли вам, как он, полтора года назад, меня изумил, потряс и чуть совсем не уморил, когда вздумал было

that girl--what was her name--his landlady's daughter?"	жениться на этой, как ее, - на дочери этой Зарницыной, хозяйки его?
"Did you hear about that affair?" asked Avdotya Romanovna.	- Знаете вы что-нибудь подробно об этой истории? - спросила Авдотья Романовна.
"Do you suppose—" Pulcheria Alexandrovna continued warmly. "Do you suppose that my tears, my entreaties, my illness, my possible death from grief, our poverty would have made him pause?"	- Вы думаете, - с жаром продолжала Пульхерия Александровна, - его бы остановили тогда мои слезы, мои просьбы, моя болезнь, моя смерть, может быть, с тоски, наша нищета?
No, he would calmly have disregarded all obstacles.	Преспокойно бы перешагнул через все препятствия.
And yet it isn't that he doesn't love us!"	А неужели он, неужели ж он нас не любит?
"He has never spoken a word of that affair to me," Razumihin answered cautiously. "But I did hear something from Praskovya Pavlovna herself, though she is by no means a gossip.	- Он ничего и никогда сам об этой истории со мною не говорил, - осторожно отвечал Разумихин, - но я кой-что слышал от самой госпожи Зарницыной, которая тоже, в своем роде, не из рассказчиц, и что слышал, то, пожалуй, несколько даже и странно...
And what I heard certainly was rather strange."	- А что, что вы слышали? - спросили разом обе женщины.
"And what did you hear?" both the ladies asked at once. "Well, nothing very special.	- Впрочем, ничего такого слишком уж особенного.
I only learned that the marriage, which only failed to take place through the girl's death, was not at all to Praskovya Pavlovna's liking.	Узнал я только, что брак этот, совсем уж слаженный и не состоявшийся лишь за смертью невесты, был самой госпоже Зарницыной очень не по душе...
They say, too, the girl was not at all pretty, in fact I am told positively ugly... and such an invalid... and queer. But she seems to have had some good qualities.	Кроме того, говорят, невеста была собой даже не хороша, то есть говорят, даже дурна... и такая хворая, и... и странная... а впрочем, кажется, с некоторыми достоинствами.
She must have had some good qualities or it's quite inexplicable....	Непременно должны были быть какие-нибудь достоинства; иначе понять ничего нельзя...
She had no money either and he wouldn't have considered her money....	Приданого тоже никакого, да он на приданое и не стал бы рассчитывать...
But it's always difficult to judge in such matters."	Вообще в таком деле трудно судить.

"I am sure she was a good girl," Avdotya Romanovna observed briefly.	- Я уверена, что она достойная была девушка, -коротко заметила Авдотья Романовна.
"God forgive me, I simply rejoiced at her death. Though I don't know which of them would have caused most misery to the other--he to her or she to him," Pulcheria Alexandrovna concluded. Then she began tentatively questioning him about the scene on the previous day with Luzhin, hesitating and continually glancing at Dounia, obviously to the latter's annoyance.	- Бог меня простит, а я-таки порадовалась тогда ее смерти, хоть и не знаю, кто из них один другого погубил бы: он ли ее, или она его? - заключила Пульхерия Александровна; затем осторожно, с задержками и с беспрерывными взглядываниями на Дуню, что было той, очевидно, неприятно, принялась опять расспрашивать о вчерашней сцене между Родей и Лужиным.
This incident more than all the rest evidently caused her uneasiness, even consternation.	Это происшествие, как видно, беспокоило ее более всего, до страха и трепета.
Razumihin described it in detail again, but this time he added his own conclusions: he openly blamed Raskolnikov for intentionally insulting Pyotr Petrovitch, not seeking to excuse him on the score of his illness.	Разумихин пересказал все снова, в подробности, но на этот раз прибавил и свое заключение: он прямо обвинил Раскольникова в преднамеренном оскорблении Петра Петровича, на этот раз весьма мало извиняя его болезнью.
"He had planned it before his illness," he added.	- Он еще до болезни это придумал, - прибавил он.
"I think so, too," Pulcheria Alexandrovna agreed with a dejected air.	- Я тоже так думаю, - сказала Пульхерия Александровна с убитым видом.
But she was very much surprised at hearing Razumihin express himself so carefully and even with a certain respect about Pyotr Petrovitch.	Но ее очень поразило, что о Петре Петровиче Разумихин выразился на этот раз так осторожно и даже как будто и с уважением.
Avdotya Romanovna, too, was struck by it.	Поразило это и Авдотью Романовну.
"So this is your opinion of Pyotr Petrovitch?" Pulcheria Alexandrovna could not resist asking.	- Так вы вот какого мнения о Петре Петровиче? -не утерпела не спросить Пульхерия Александровна.
"I can have no other opinion of your daughter's future husband," Razumihin answered firmly and with warmth, "and I don't say it simply from vulgar politeness, but because... simply because Avdotya Romanovna has of her own free will deigned to accept this man.	- О будущем муже вашей дочери я и не могу быть другого мнения, - твердо и с жаром отвечал Разумихин, - и не из одной пошлой вежливости это говорю, а потому... потому... ну хоть по тому одному, что Авдотья Романовна сама, добровольно, удостоила выбрать этого человека.

If I spoke so rudely of him last night, it was because I was disgustingly drunk and... mad besides; yes, mad, crazy, I lost my head completely... and this morning I am ashamed of it."	Если же я так поносил его вчера, то это потому, что вчера я был грязно пьян и еще... безумен; да, безумен, без головы, сошел с ума, совершенно... и сегодня стыжусь того!..
He crimsoned and ceased speaking.	- Он покраснел и замолчал.
Avdotya Romanovna flushed, but did not break the silence.	Авдотья Романовна вспыхнула, но не прервала молчания.
She had not uttered a word from the moment they began to speak of Luzhin.	Она не промолвила ни одного слова с той самой минуты, как заговорили о Лужине.
Without her support Pulcheria Alexandrovna obviously did not know what to do.	А между тем Пульхерия Александровна, без ее поддержки, видимо находилась в нерешимости.
At last, faltering and continually glancing at her daughter, she confessed that she was exceedingly worried by one circumstance.	Наконец, запинаясь и непрерывно поглядывая на дочь, объявила, что ее чрезвычайно заботит теперь одно обстоятельство.

"You see, Dmitri Prokofitch," she began.	- Видите, Дмитрий Прокофьич... - начала она.
"I'll be perfectly open with Dmitri Prokofitch, Dounia?"	- Я буду совершенно откровенна с Дмитрием Прокофьичем, Дунечка?
"Of course, mother," said Avdotya Romanovna emphatically.	- Уж конечно, маменька, - внушительно заметила Авдотья Романовна.
"This is what it is," she began in haste, as though the permission to speak of her trouble lifted a weight off her mind.	- Вот в чем дело, - заторопилась та, как будто с нее гору сняли позволением сообщить свое горе.
"Very early this morning we got a note from Pyotr Petrovitch in reply to our letter announcing our arrival.	- Сегодня, очень рано, мы получили от Петра Петровича записку в ответ на наше вчерашнее извещение о приезде.
He promised to meet us at the station, you know; instead of that he sent a servant to bring us the address of these lodgings and to show us the way; and he sent a message that he would be here himself this morning.	Видите, вчера он должен был встретить нас, как и обещал, в самом вокзале. Вместо того в вокзал был прислан навстречу нам какой-то лакей с адресом этих номеров и чтобы нам показать дорогу, а Петр Петрович приказывал передать, что он прибудет к нам сюда сам сегодня поутру.
But this morning this note came from him.	Вместо того пришла сегодня поутру от него вот эта записка...
You'd better read it yourself; there is one point in it which worries me very much...	Лучше всего, прочтите ее сами; тут есть пункт, который очень меня беспокоит... вы

you will soon see what that is, and... tell me your candid opinion, Dmitri Prokofitch!	сейчас увидите сами, какой это пункт, и... скажите мне ваше откровенное мнение, Дмитрий Прокофьич!
You know Rodya's character better than anyone and no one can advise us better than you can.	Вы лучше всех знаете характер Роди и лучше всех можете посоветовать.
Dounia, I must tell you, made her decision at once, but I still don't feel sure how to act and I... I've been waiting for your opinion."	Предупреждаю вас, что Дунечка уже все разрешила, с первого шагу, но я, я еще не знаю, как поступить, и... и все ждала вас.
Razumihin opened the note which was dated the previous evening and read as follows:	Разумихин развернул записку, помеченную вчерашним числом, и прочел следующее:
"Dear Madam, Pulcheria Alexandrovna, I have the honour to inform you that owing to unforeseen obstacles I was rendered unable to meet you at the railway station; I sent a very competent person with the same object in view.	"Милостивая государыня Пульхерия Александровна, имею честь вас уведомить, что по происшедшим внезапным задержкам встретить вас у дебаркадера не мог, послав с тою целью человека, весьма расторопного.
I likewise shall be deprived of the honour of an interview with you to-morrow morning by business in the Senate that does not admit of delay, and also that I may not intrude on your family circle while you are meeting your son, and Avdotya Romanovna her brother.	Равномерно лишу себя чести свидания с вами и завтра поутру, по неотлагательным сенатским делам и чтобы не помешать родственному свиданию вашему с вашим сыном и Авдотьи Романовны с ее братом.

I shall have the honour of visiting you and paying you my respects at your lodgings not later than to-morrow evening at eight o'clock precisely, and herewith I venture to present my earnest and, I may add, imperative request that Rodion Romanovitch may not be present at our interview--as he offered me a gross and unprecedented affront on the occasion of my visit to him in his illness yesterday, and, moreover, since I desire from you personally an indispensable and circumstantial explanation upon a certain point, in regard to which I wish to learn your own interpretation.	Буду же иметь честь посетить вас и откланяться вам в вашей квартире не иначе как завтрашний день, ровно в восемь часов пополудни, причем осмеливаюсь присовокупить убедительную и, прибавлю к тому, настоятельную просьбу мою, чтобы при общем свидании нашем Родион Романович уже не присутствовал, так как он беспримерно и неучтиво обидел меня при вчерашнем посещении его в болезни и, кроме того, имея лично к вам необходимое и обстоятельное объяснение по известному пункту, насчет коего желаю узнать ваше собственное истолкование.
I have the honour to inform you, in	Имею честь при сем заранее

anticipation, that if, in spite of my request, I meet Rodion Romanovitch, I shall be compelled to withdraw immediately and then you have only yourself to blame.	предуведомить, что если, вопреки просьбе, встречу Родиона Романовича, то принужден буду немедленно удалиться, и тогда пеняйте уже на себя.
I write on the assumption that Rodion Romanovitch who appeared so ill at my visit, suddenly recovered two hours later and so, being able to leave the house, may visit you also.	Пишу же в том предположении, что Родион Романович, казавшийся при посещении моем столь больным, через два часа вдруг выздоровел, а стало быть, выходя со двора, может и к вам прибыть.
I was confirmed in that belief by the testimony of my own eyes in the lodging of a drunken man who was run over and has since died, to whose daughter, a young woman of notorious behaviour, he gave twenty-five roubles on the pretext of the funeral, which gravely surprised me knowing what pains you were at to raise that sum.	Утвержден же в том собственными моими глазами, в квартире одного, разбитого лошадьми, пьяницы, от сего умершего, дочери которого, девице отъявленного поведения, выдал вчера до двадцати пяти рублей, под предлогом похорон, что весьма меня удивило, зная, при каких хлопотах собирали вы сию сумму.
Herewith expressing my special respect to your estimable daughter, Avdotya Romanovna, I beg you to accept the respectful homage of	При чем, свидетельствуя мое особое почтение уважаемой Авдотье Романовне, прошу принять чувства почтительной преданности
"Your humble servant, "P. LUZHIN."	вашего покорного слуги П. Лужина".
"What am I to do now, Dmitri Prokofitch?" began Pulcheria Alexandrovna, almost weeping.	- Что мне теперь делать, Дмитрий Прокофьич? -заговорила Пульхерия Александровна, чуть не плача.
"How can I ask Rodya not to come?"	- Ну как я предложу Роде не приходить?
Yesterday he insisted so earnestly on our refusing Pyotr Petrovitch and now we are ordered not to receive Rodya!	Он так настойчиво требовал вчера отказа Петру Петровичу, а тут и его самого велят не принимать!
He will come on purpose if he knows, and... what will happen then?"	Да он нарочно придет, как узнает, и... что тогда будет?
"Act on Avdotya Romanovna's decision," Razumihin answered calmly at once.	- Поступите так, как решила Авдотья Романовна, -спокойно и тотчас же отвечал Разумихин.
"Oh, dear me!	- Ах, боже мой!
She says... goodness knows what she says, she doesn't explain her object!	Она говорит... она бог знает что говорит и не объясняет мне цели!

She says that it would be best, at least, not that it would be best, but that it's absolutely necessary that Rodya should make a point of being here at eight o'clock and that they must meet....	Она говорит, что лучше будет, то есть не то что лучше, а для чего-то непременно будто бы надо, чтоб и Родя тоже нарочно пришел сегодня в восемь часов и чтоб они непременно встретились...
I didn't want even to show him the letter, but to prevent him from coming by some stratagem with your help... because he is so irritable....	А я так и письма-то не хотела ему показывать, и как-нибудь хитростью сделать, посредством вас, чтоб он не приходил... потому он такой раздражительный...
Besides I don't understand about that drunkard who died and that daughter, and how he could have given the daughter all the money... which..."	Да и ничего я не понимаю, какой там пьяница умер, и какая там дочь, и каким образом мог он отдать этой дочери все последние деньги... которые...
"Which cost you such sacrifice, mother," put in Avdotya Romanovna.	- Которые так дорого вам достались маменька,- прибавила Авдотья Романовна.
"He was not himself yesterday," Razumihin said thoughtfully, "if you only knew what he was up to in a restaurant yesterday, though there was sense in it too.... Hm!	- Он был не в себе вчера, - задумчиво проговорил Разумихин. - Если бы вы знали, что он там наговорил вчера в трактире, хоть и умно... гм!
He did say something, as we were going home yesterday evening, about a dead man and a girl, but I didn't understand a word....	О каком-то покойнике и о какой-то девице он действительно мне что-то говорил вчера, когда мы шли домой, но я не понял ни слова...
But last night, I myself..."	А впрочем, и я сам вчера...
"The best thing, mother, will be for us to go to him ourselves and there I assure you we shall see at once what's to be done.	- Лучше всего, маменька, пойдемте к нему сами и там, уверяю вас, сразу увидим, что делать.
Besides, it's getting late--good heavens, it's past ten," she cried looking at a splendid gold enamelled watch which hung round her neck on a thin Venetian chain, and looked entirely out of keeping with the rest of her dress.	Да к тому же пора, - господи! Одиннадцатый час! - вскрикнула она, взглянув на свои великолепные золотые часы с эмалью, висевшие у ней на шее на тоненькой венецианской цепочке и ужасно не гармонировавшие с остальным нарядом.
"A present from her fiance ," thought Razumihin.	"Женихов подарок", - подумал Разумихин.
"We must start, Dounia, we must start," her mother cried in a flutter. "He will be	- Ах, пора!.. Пора, Дунечка, пора! - тревожно засуетилась Пульхерия Александровна, - еще

thinking we are still angry after yesterday, from our coming so late.	подумает, что мы со вчерашнего сердимся, что так долго неждем.
Merciful heavens!"	Ах, боже мой!
While she said this she was hurriedly putting on her hat and mantle; Dounia, too, put on her things.	Говоря это, она суетливо набрасывала на себя мантилью и надевала шляпку; Дунечка тоже оделась.
Her gloves, as Razumihin noticed, were not merely shabby but had holes in them, and yet this evident poverty gave the two ladies an air of special dignity, which is always found in people who know how to wear poor clothes.	Перчатки на ней были не только заношенные, но даже изодранные, что заметил Разумихин, а между тем эта явная бедность костюма даже придавала обеим дамам вид какого-то особенного достоинства, что всегда бывает с теми, кто умеет носить бедное платье.

Razumihin looked reverently at Dounia and felt proud of escorting her.	Разумихин с благоговением смотрел на Дунечку и гордился, что поведет ее.
"The queen who mended her stockings in prison," he thought, "must have looked then every inch a queen and even more a queen than at sumptuous banquets and levees."	"Та королева, - думал он про себя, - которая чинила свои чулки в тюрьме, уж конечно, в ту минуту смотрела настоящею королевой и даже более, чем во время самых пышных торжеств и выходов".
"My God!" exclaimed Pulcheria Alexandrovna, "little did I think that I should ever fear seeing my son, my darling, darling Rodya!"	- Боже мой! - воскликнула Пульхерия Александровна, - думала ли я, что буду бояться свидания с сыном, с моим милым, милым Родей, как теперь боюсь!..
I am afraid, Dmitri Prokofitch," she added, glancing at him timidly.	Я боюсь, Дмитрий Прокофьич! - прибавила она, робко взглянув на него.
"Don't be afraid, mother," said Dounia, kissing her, "better have faith in him."	- Не бойтесь, маменька, - сказала Дуня, целуя ее,- лучше верьте в него. Я верю.
"Oh, dear, I have faith in him, but I haven't slept all night," exclaimed the poor woman.	- Ах, боже мой! Я верю тоже, а всю ночь не спала! - вскричала бедная женщина.
They came out into the street.	Они вышли на улицу.
"Do you know, Dounia, when I dozed a little this morning I dreamed of Marfa Petrovna... she was all in white... she came up to me, took my hand, and shook her head at me, but so sternly as though she were blaming me....	- Знаешь, Дунечка, как только я к утру немного заснула, мне вдруг приснилась покойница Марфа Петровна... и вся в белом... подошла ко мне, взяла за руку, а сама головой качает на меня, и так строго, строго, как будто осуждает...
Is that a good omen?	К добру ли это?
Oh, dear me! You don't know, Dmitri Prokofitch, that Marfa Petrovna's dead!"	Ах, боже мой, Дмитрий Прокофьич, вы еще не знаете: Марфа Петровна умерла!

"No, I didn't know; who is Marfa Petrovna?"	- Нет, не знаю; какая Марфа Петровна?
"She died suddenly; and only fancy..."	- Скоропостижно! И представьте себе...
"Afterwards, mamma," put in Dounia. "He doesn't know who Marfa Petrovna is."	- После, маменька, - вмешалась Дуня, - ведь они еще не знают, кто такая Марфа Петровна.
"Ah, you don't know?"	- Ах, не знаете?
And I was thinking that you knew all about us.	А я думала, вам все уж известно.
Forgive me, Dmitri Prokofitch, I don't know what I am thinking about these last few days.	Вы мне простите, Дмитрий Прокофьич, у меня в эти дни просто ум за разум заходит.
I look upon you really as a providence for us, and so I took it for granted that you knew all about us.	Право, я вас считаю как бы за провидение наше, а потому так и убеждена была, что вам уже все известно.
I look on you as a relation....	Я вас как за родного считаю...
Don't be angry with me for saying so.	Не осердитесь, что так говорю.
Dear me, what's the matter with your right hand?	Ах, боже мой, что это у вас правая рука!
Have you knocked it?"	Ушибли?
"Yes, I bruised it," muttered Razumihin overjoyed.	- Да, ушиб, - пробормотал ошарашенный Разумихин.

"I sometimes speak too much from the heart, so that Dounia finds fault with me....	- Я иногда слишком уж от сердца говорю, так что Дуня меня поправляет...
But, dear me, what a cupboard he lives in!	Но, боже мой, в какой он каморке живет!
I wonder whether he is awake?	Проснулся ли он, однако?
Does this woman, his landlady, consider it a room?	И эта женщина, хозяйка его, считает это за комнату?
Listen, you say he does not like to show his feelings, so perhaps I shall annoy him with my... weaknesses?	Послушайте, вы говорите, он не любит сердца выказывать, так что я, может быть, ему и надоем моими... слабостями?..
Do advise me, Dmitri Prokofitch, how am I to treat him?	Не научите ли вы меня, Дмитрий Прокофьич?
I feel quite distracted, you know."	Как мне с ним?

"Don't question him too much about anything if you see him frown; don't ask him too much about his health; he doesn't like that."	Я, знаете, совсем как потерянная хожу. - Не расспрашивайте его очень об чем-нибудь, если увидите, что он морщится; особенно про здоровье очень не спрашивайте; не любит.
"Ah, Dmitri Prokofitch, how hard it is to be a mother!	- Ах, Дмитрий Прокофьич, как тяжело быть матерью!
But here are the stairs....	Но вот и эта лестница...
What an awful staircase!"	Какая ужасная лестница!
"Mother, you are quite pale, don't distress yourself, darling," said Dounia caressing her, then with flashing eyes she added: "He ought to be happy at seeing you, and you are tormenting yourself so."	- Мамаша, вы даже бледны, успокойтесь, голубчик мой, - сказала Дуня, ласкаясь к ней, -он еще должен быть счастлив, что вас видит, а вы так себя мучаете, - прибавила она, сверкнув глазами.
"Wait, I'll peep in and see whether he has waked up."	- Пойдите, я загляну вперед, проснулся ли?
The ladies slowly followed Razumihin, who went on before, and when they reached the landlady's door on the fourth storey, they noticed that her door was a tiny crack open and that two keen black eyes were watching them from the darkness within.	Дамы потихоньку пошли за отправившимся по лестнице вперед Разумихиным, и когда уже поравнялись в четвертом этаже с хозяйкиною дверью, то заметили, что хозяйкина дверь отворена на маленькую щелочку и что два быстрые черные глаза рассматривают их обеих из темноты.
When their eyes met, the door was suddenly shut with such a slam that Pulcheria Alexandrovna almost cried out.	Когда же взгляды встретились, то дверь вдруг захлопнулась, и с таким стуком, что Пульхерия Александровна чуть не вскрикнула от испуга.
CHAPTER III	III
"He is well, quite well!" Zossimov cried cheerfully as they entered.	- Здоров, здоров! - весело крикнул навстречу входящим Зосимов.
He had come in ten minutes earlier and was sitting in the same place as before, on the sofa.	Он уже минут с десять как пришел и сидел во вчерашнем своем углу на диване.
Raskolnikov was sitting in the opposite corner, fully dressed and carefully washed and combed, as he had not been for some time past.	Раскольников сидел в углу напротив, совсем одетый и даже тщательно вымытый и причесанный, чего уже давно с ним не случилось.
The room was immediately crowded, yet Nastasya managed to follow the visitors in	Комната разом наполнилась, но Настасья все-таки успела пройти вслед за

and stayed to listen.	посетителями и стала слушать.
Raskolnikov really was almost well, as compared with his condition the day before, but he was still pale, listless, and sombre.	Действительно, Раскольников был почти здоров, особенно в сравнении во вчерашним, только был очень бледен, рассеян и угрюм.
He looked like a wounded man or one who has undergone some terrible physical suffering. His brows were knitted, his lips compressed, his eyes feverish.	Снаружи он походил как бы на раненого человека или вытерпливающего какую-нибудь сильную физическую боль: брови его были сдвинуты, губы сжаты, взгляд воспаленный.
He spoke little and reluctantly, as though performing a duty, and there was a restlessness in his movements.	Говорил он мало и неохотно, как бы через силу или исполняя обязанность, и какое-то беспокойство изредка появлялось в его движениях.
He only wanted a sling on his arm or a bandage on his finger to complete the impression of a man with a painful abscess or a broken arm.	Недоставало какой-нибудь повязки на руке или чехла из тафты на пальце для полного сходства с человеком, у которого, например, очень больно нарывает палец, или ушиблена рука, или что-нибудь в этом роде.
The pale, sombre face lighted up for a moment when his mother and sister entered, but this only gave it a look of more intense suffering, in place of its listless dejection.	Впрочем, и это бледное и угрюмое лицо озарилось на мгновение как бы светом, когда вошли мать и сестра, но это прибавило только к выражению его, вместо прежней тоскливой рассеянности, как бы более сосредоточенной муки.
The light soon died away, but the look of suffering remained, and Zossimov, watching and studying his patient with all the zest of a young doctor beginning to practise, noticed in him no joy at the arrival of his mother and sister, but a sort of bitter, hidden determination to bear another hour or two of inevitable torture.	Свет померк скоро, но мука осталась, и Зосимов, наблюдавший и изучавший своего пациента со всем молодым жаром только что начинающего полечивать доктора, с удивлением заметил в нем, с приходом родных, вместо радости, как бы тяжелую скрытую решимость перенести час-другой пытки, которой нельзя уж избежать.
He saw later that almost every word of the following conversation seemed to touch on some sore place and irritate it. But at the same time he marvelled at the power of controlling himself and hiding his feelings in a patient who the previous day had, like a monomaniac, fallen into a frenzy at the slightest word.	Он видел потом, как почти каждое слово последовавшего разговора точно прикасалось к какой-нибудь ране его пациента и бредило ее; но в то же время он и подивился отчасти сегодняшнему умению владеть собой и скрывать свои чувства вчерашнего мономана, из-за малейшего слова впадавшего вчера чуть не в бешенство.

<p>"Yes, I see myself now that I am almost well," said Raskolnikov, giving his mother and sister a kiss of welcome which made Pulcheria Alexandrovna radiant at once. "And I don't say this _as I did yesterday_" he said, addressing Razumihin, with a friendly pressure of his hand.</p>	<p>- Да, я теперь сам вижу, что почти здоров, - сказал Раскольников, приветливо целуя мать и сестру, отчего Пульхерия Александровна тотчас же просияла, - и уже не по-вчерашнему это говорю, - прибавил он, обращаясь к Разумихину и дружески пожимая ему руку.</p>
<p>"Yes, indeed, I am quite surprised at him to-day," began Zossimov, much delighted at the ladies' entrance, for he had not succeeded in keeping up a conversation with his patient for ten minutes.</p>	<p>- А я так даже подивился на него сегодня, - начал Зосимов, очень обрадовавшись пришедшим, потому что в десять минут уже успел потерять нитку разговора с своим больным.</p>
<p>"In another three or four days, if he goes on like this, he will be just as before, that is, as he was a month ago, or two... or perhaps even three.</p>	<p>- Дня через три-четыре, если так пойдет, совсем будет как прежде, то есть как было назад тому месяц, али два... али, пожалуй, и три?</p>
<p>This has been coming on for a long while.... eh?</p>	<p>Ведь это издавна началось да подготавлилось... а?</p>
<p>Confess, now, that it has been perhaps your own fault?" he added, with a tentative smile, as though still afraid of irritating him.</p>	<p>Сознаетесь теперь, что, может, и сами виноваты были? - прибавил он с осторожною улыбкой, как бы все еще боясь его чем-нибудь раздражить.</p>
<p>"It is very possible," answered Raskolnikov coldly.</p>	<p>- Очень может быть, - холодно ответил Раскольников.</p>
<p>"I should say, too," continued Zossimov with zest, "that your complete recovery depends solely on yourself.</p>	<p>- Я к тому говорю, - продолжал Зосимов, разлакомившись, - что ваше совершенное выздоровление, в главном, зависит теперь единственно от вас самих.</p>
<p>Now that one can talk to you, I should like to impress upon you that it is essential to avoid the elementary, so to speak, fundamental causes tending to produce your morbid condition: in that case you will be cured, if not, it will go from bad to worse.</p>	<p>Теперь, когда уже с вами можно разговаривать, мне хотелось бы вам внушить, что необходимо устранить первоначальные, так сказать, коренные причины, влиявшие на зарождение вашего болезненного состояния, тогда и вылечитесь, не то будет даже и хуже.</p>
<p>These fundamental causes I don't know, but they must be known to you.</p>	<p>Этих первоначальных причин я не знаю, но вам они должны быть известны.</p>
<p>You are an intelligent man, and must have observed yourself, of course.</p>	<p>Вы человек умный и, уж конечно, над собой наблюдали.</p>
<p>I fancy the first stage of your</p>	<p>Мне кажется, начало вашего расстройства</p>

derangement coincides with your leaving the university.	совпадает отчасти с выходом вашим из университета.
You must not be left without occupation, and so, work and a definite aim set before you might, I fancy, be very beneficial."	Вам без занятий оставаться нельзя, а потому труд и твердо поставленная перед собою цель, мне кажется, очень бы могли вам помочь.
"Yes, yes; you are perfectly right.... I will make haste and return to the university: and then everything will go smoothly...."	- Да, да, вы совершенно правы... вот я поскорей поступлю в университет, и тогда все пойдет... как по маслу...
Zossimov, who had begun his sage advice partly to make an effect before the ladies, was certainly somewhat mystified, when, glancing at his patient, he observed unmistakable mockery on his face.	Зосимов, начавший свои умные советы отчасти и для эффекта перед дамами, был, конечно, несколько озадачен, когда, кончив речь и взглянув на своего слушателя, заметил в лице его решительную насмешку.
This lasted an instant, however.	Впрочем, это продолжалось мгновение.
Pulcheria Alexandrovna began at once thanking Zossimov, especially for his visit to their lodging the previous night.	Пульхерия Александровна тотчас же принялась благодарить Зосимова, в особенности за вчерашнее ночное посещение их в гостинице.
"What! he saw you last night?" Raskolnikov asked, as though startled.	- Как, он у вас был и ночью? - спросил Раскольников, как будто встревожившись.
"Then you have not slept either after your journey."	- Стало быть, и вы тоже не спали после дороги?
"Ach, Rodya, that was only till two o'clock.	- Ах, Родя, ведь это все только до двух часов было.
Dounia and I never go to bed before two at home."	Мы с Дуней и дома-то раньше двух никогда не ложились.
"I don't know how to thank him either," Raskolnikov went on, suddenly frowning and looking down.	- Я тоже не знаю, чем его благодарить, - продолжал Раскольников, вдруг нахмурясь и потупясь.
"Setting aside the question of payment--forgive me for referring to it (he turned to Zossimov)--I really don't know what I have done to deserve such special attention from you!	- Отклонив вопрос денежный, - вы извините, что я об этом упомянул (обратился он к Зосимову), -я уж и не знаю, чем это я заслужил от вас такое особенное внимание?
I simply don't understand it... and... and... it weighs upon me, indeed, because I don't understand it.	Просто не понимаю... и... и оно мне даже тяжело, потому что непонятно: я вам откровенно высказываю.
I tell you so candidly." "Don't be irritated."	- Да вы не раздражайтесь, - засмеялся

Zossimov forced himself to laugh. "Assume that you are my first patient--well--we fellows just beginning to practise love our first patients as if they were our children, and some almost fall in love with them.	через силу Зосимов, - предположите, что вы мой первый пациент, ну, а наш брат, только что начинающий практиковать, своих первых пациентов, как собственных детей, любит, а иные почти в них влюбляются.
And, of course, I am not rich in patients."	А я ведь пациентами-то не богат.
"I say nothing about him," added Raskolnikov, pointing to Razumihin, "though he has had nothing from me either but insult and trouble."	- Я уж не говорю про него, - прибавил Раскольников, указывая на Разумихина, - а тоже, кроме оскорблений и хлопот, ничего от меня не видал.
"What nonsense he is talking!	- Эк ведь врет!
Why, you are in a sentimental mood to-day, are you?" shouted Razumihin.	Да ты в чувствительном настроении, что ли, сегодня? - крикнул Разумихин.
If he had had more penetration he would have seen that there was no trace of sentimentality in him, but something indeed quite the opposite.	Он увидал бы, если б был проницательнее, что чувствительного настроения тут отнюдь не было, а было даже нечто совсем напротив.
But Avdotya Romanovna noticed it.	Но Авдотья Романовна это заметила.
She was intently and uneasily watching her brother.	Она пристально и с беспокойством следила за братом.
"As for you, mother, I don't dare to speak," he went on, as though repeating a lesson learned by heart. "It is only to-day that I have been able to realise a little how distressed you must have been here yesterday, waiting for me to come back."	- Про вас же, маменька, я и говорить не смею, - продолжал он, будто заученный с утра урок, - сегодня только мог я сообразить сколько-нибудь, как должны были вы здесь вчера, измучиться в ожидании моего возвращения.
When he had said this, he suddenly held out his hand to his sister, smiling without a word.	- Сказав это, он вдруг, молча и с улыбкой, протянул руку сестре.
But in this smile there was a flash of real unfeigned feeling.	Но в улыбке этой мелькнуло на этот раз настоящее неподдельное чувство.
Dounia caught it at once, and warmly pressed his hand, overjoyed and thankful.	Дуня тотчас же схватила и горячо пожала протянутую ей руку, обрадованная и благодарная.

It was the first time he had addressed her since their dispute the previous day.	В первый раз обращался он к ней после вчерашней размолвки.
The mother's face lighted up with ecstatic happiness at the sight of this conclusive unspoken reconciliation.	Лицо матери осветилось восторгом и счастьем при виде этого окончательного и бессловного примирения брата с сестрой

"Yes, that is what I love him for," Razumihin, exaggerating it all, muttered to himself, with a vigorous turn in his chair.	- Вот за это-то я его и люблю! - прошептал все преувеличивающий Разумихин, энергически повернувшись на стуле.
"He has these movements."	- Есть у него эти движения!..
"And how well he does it all," the mother was thinking to herself. "What generous impulses he has, and how simply, how delicately he put an end to all the misunderstanding with his sister--simply by holding out his hand at the right minute and looking at her like that....	"И как это у него все хорошо выходит, - думала мать про себя, - какие у него благородные порывы, и как он просто, деликатно кончил все это вчерашнее недоумение с сестрой - тем только, что руку протянул в такую минуту да поглядел хорошо...
And what fine eyes he has, and how fine his whole face is!...	И какие у него глаза прекрасные, и какое все лицо прекрасное!..
He is even better looking than Dounia....	Он собой даже лучше Дунечки...
But, good heavens, what a suit--how terribly he's dressed!...	Но, боже мой, какой у него костюм, как он ужасно одет!..
Vasya, the messenger boy in Afanasy Ivanitch's shop, is better dressed!	И так бы вот, так бы, кажется, и бросилась к нему, и обняла его, и... заплакала, - а боюсь... какой-то он, господи!..
I could rush at him and hug him... weep over him--but I am afraid....	Вот ведь и ласково говорит, а боюсь!
Oh, dear, he's so strange!	Ну чего я боюсь?..."
He's talking kindly, but I'm afraid! Why, what am I afraid of?..." "Oh, Rodya, you wouldn't believe," she began suddenly, in haste to answer his words to her, "how unhappy Dounia and I were yesterday!	- Ах, Родя, ты не согласишься, - подхватила она вдруг, спеша ответить на его замечание, - как мы с Дунечкой вчера были... несчастны!
Now that it's all over and done with and we are quite happy again--I can tell you.	Теперь, как уже все прошло и кончилось и все мы опять счастливы, - можно рассказать.
Fancy, we ran here almost straight from the train to embrace you and that woman--ah, here she is!	Вообрази, бежим сюда, чтоб обнять тебя, чуть не прямо из вагона, а эта женщина, - а, да вот она!
Good morning, Nastasya!...	Здравствуй, Настасья!..
She told us at once that you were lying in a high fever and had just run away from the doctor in delirium, and they were looking for	Говорит она нам вдруг, что ты лежишь в белой горячке и только что убежал тихонько от доктора, в бреду, на улицу и

you in the streets.	что тебя побежали отыскивать.
You can't imagine how we felt!	Ты не поверишь, что с нами было!
I couldn't help thinking of the tragic end of Lieutenant Potanchikov, a friend of your father's--you can't remember him, Rodya--who ran out in the same way in a high fever and fell into the well in the court-yard and they couldn't pull him out till next day.	Мне как раз представилось, как трагически погиб поручик Потанчиков, наш знакомый, друг твоего отца, - ты его не помнишь, Родя, -тоже в белой горячке и таким же образом выбежал и на дворе в колодезь упал, на другой только день могли вытащить.
Of course, we exaggerated things.	А мы, конечно, еще более преувеличили.
We were on the point of rushing to find Pyotr Petrovitch to ask him to help.... Because we were alone, utterly alone," she said plaintively and stopped short, suddenly, recollecting it was still somewhat dangerous to speak of Pyotr Petrovitch, although "we are quite happy again."	Хотели было броситься отыскивать Петра Петровича, чтобы хоть с его помощью... потому что ведь мы были одни, совершенно одни, - протянула она жалобным голосом и вдруг совсем осеклась, вспомнив, что заговаривать о Петре Петровиче еще довольно опасно, несмотря на то "что все уже опять совершенно счастливы".
"Yes, yes.... Of course it's very annoying...." Raskolnikov muttered in reply, but with such a preoccupied and inattentive air that Dounia gazed at him in perplexity.	- Да, да... все это, конечно, досадно... - пробормотал в ответ Раскольников, но с таким рассеянным и почти невнимательным видом, что Дунечка в изумлении на него посмотрела.
"What else was it I wanted to say?" He went on trying to recollect. "Oh, yes; mother, and you too, Dounia, please don't think that I didn't mean to come and see you to-day and was waiting for you to come first."	- Что бишь я еще хотел, - продолжал он, с усилием припоминая, - да: пожалуйста, маменька, и ты, Дунечка, не подумайте, что я не хотел к вам сегодня первый прийти и ждал вас первых.
"What are you saying, Rodya?" cried Pulcheria Alexandrovna.	- Да что это ты, Родя! - вскричала Пульхерия Александровна, тоже удивляясь.
She, too, was surprised. "Is he answering us as a duty?" Dounia wondered. "Is he being reconciled and asking forgiveness as though he were performing a rite or repeating a lesson?"	"Что он, по обязанности, что ли, нам отвечает? -подумала Дунечка, - и мирится, и прощения просит, точно службу служит али урок затвердил".
"I've only just waked up, and wanted to go to you, but was delayed owing to my clothes; I forgot yesterday to ask her..."	- Я только что проснулся и хотел было идти, да меня платье задержало; забыл вчера сказать ей...

Nastasya... to wash out the blood...	Настасье... замыть эту кровь...
I've only just dressed."	Только что теперь успел одеться.
"Blood! What blood?" Pulcheria Alexandrovna asked in alarm.	- Кровь! какую кровь? - встревожилась Пульхерия Александровна.
"Oh, nothing--don't be uneasy.	- Это так... не беспокойтесь.
It was when I was wandering about yesterday, rather delirious, I chanced upon a man who had been run over... a clerk..."	Это кровь оттого, что вчера, когда я шатался несколько в бреду, я наткнулся на одного раздавленного человека... чиновника одного...
"Delirious?"	- В бреду?
But you remember everything!" Razumihin interrupted.	Но ведь ты все помнишь, - прервал Разумихин.
"That's true," Raskolnikov answered with special carefulness. "I remember everything even to the slightest detail, and yet--why I did that and went there and said that, I can't clearly explain now."	- Это правда, - как-то особенно заботливо ответил на это Раскольников, - помню все, до малейшей даже подробности, а вот поди: зачем я то делал, да туда ходил, да то говорил? уж и не могу хорошо объяснить.

"A familiar phenomenon," interposed Zossimov, "actions are sometimes performed in a masterly and most cunning way, while the direction of the actions is deranged and dependent on various morbid impressions--it's like a dream."	- Слишком известный феномен, - ввязался Зосимов, - исполнение дела иногда мастерское, прехитрейшее, а управление поступками, начало поступков, расстроено и зависит от разных болезненных впечатлений. Похоже на сон.
"Perhaps it's a good thing really that he should think me almost a madman," thought Raskolnikov.	"А ведь это, пожалуй, и хорошо, что он меня почти за сумасшедшего считает", - подумал Раскольников.
"Why, people in perfect health act in the same way too," observed Dounia, looking uneasily at Zossimov.	- Да ведь этак, пожалуй, и здоровые так же, - заметила Дунечка, с беспокойством смотря на Зосимова.
"There is some truth in your observation," the latter replied. "In that sense we are certainly all not infrequently like madmen, but with the slight difference that the deranged are somewhat madder, for we must draw a line.	- Довольно верное замечание, - ответил тот, - в этом смысле действительно все мы, и весьма часто, почти как помешанные, с маленькою только разницей, что "больные" несколько больше нашего помешаны, потому тут необходимо различать черту.
A normal man, it is true, hardly exists. Among dozens--perhaps hundreds of	А гармонического человека, это правда, совсем почти нет; на десятки, а может, и на многие сотни тысяч по одному встречается,

thousands--hardly one is to be met with."	да и то в довольно слабых экземплярах...
At the word "madman," carelessly dropped by Zossimov in his chatter on his favourite subject, everyone frowned.	При слове "помешанный", неосторожно вырвавшемся у заболтавшегося на любимую тему Зосимова, все поморщились.
Raskolnikov sat seeming not to pay attention, plunged in thought with a strange smile on his pale lips.	Раскольников сидел, как бы не обращая внимания, в задумчивости и с странно улыбкой на бледных губах.
He was still meditating on something.	Он что-то продолжал соображать.
"Well, what about the man who was run over?"	- Ну, так что ж этот раздавленный?
I interrupted you!" Razumihin cried hastily.	Я тебя перебил! - крикнул поскорей Разумихин.
"What?" Raskolnikov seemed to wake up. "Oh... I got spattered with blood helping to carry him to his lodging.	- Что? - как бы проснулся тот, - да... ну и запачкался в крови, когда помогал его переносить в квартиру...
By the way, mamma, I did an unpardonable thing yesterday.	Кстати, маменька, я одну непростительную вещь вчера сделал; подлинно не в своем был уме.
I was literally out of my mind. I gave away all the money you sent me... to his wife for the funeral.	Я вчера все деньги, которые вы мне прислали, отдал... его жене... на похороны.
She's a widow now, in consumption, a poor creature... three little children, starving... nothing in the house... there's a daughter, too... perhaps you'd have given it yourself if you'd seen them.	Теперь вдова, чахоточная, жалкая женщина... трое маленьких сирот, голодные... в доме пусто... и еще одна дочь есть... Может быть, вы бы и сами отдали, кабы видели...
But I had no right to do it I admit, especially as I knew how you needed the money yourself.	Я, впрочем, права не имел никакого, сознаюсь, особенно зная, как вам самим эти деньги достались.
To help others one must have the right to do it, or else _Crevez, chiens, si vous n'etes pas contents_."	Чтобы помогать, надо сначала право такое иметь, не то:

He laughed,	"Crevez chiens, si vous n'etes pas contents!" - Он рассмеялся.
"That's right, isn't it, Dounia?"	- Так ли, Дуня?
"No, it's not," answered Dounia firmly.	- Нет, не так, - твердо ответила Дуня.
"Bah! you, too, have ideals," he muttered,	- Ба! да и ты... с намерениями!.. - пробормотал он, посмотрев на нее чуть

looking at her almost with hatred, and smiling sarcastically.	не с ненавистью и насмешливо улыбнувшись.
"I ought to have considered that....	- Я бы должен был это сообразить...
Well, that's praiseworthy, and it's better for you... and if you reach a line you won't overstep, you will be unhappy... and if you overstep it, maybe you will be still unhappier....	Что ж, и похвально; тебе же лучше... и дойдешь до такой черты, что не перешагнешь ее -несчастлива будешь, а перешагнешь - может, еще несчастнее будешь...
But all that's nonsense," he added irritably, vexed at being carried away.	А впрочем, все это вздор! - прибавил он раздражительно, досадуя на свое невольное увлечение.
"I only meant to say that I beg your forgiveness, mother," he concluded, shortly and abruptly.	- Я хотел только сказать, что у вас, маменька, я прощения прошу, - заключил он резко и отрывисто.
"That's enough, Rodya, I am sure that everything you do is very good," said his mother, delighted.	- Полно, Родя, я уверена, все, что ты делаешь, все прекрасно! - сказала обрадованная мать.
"Don't be too sure," he answered, twisting his mouth into a smile.	- Не будьте уверены, - ответил он, скривив рот в улыбку.
A silence followed.	Последовало молчание.
There was a certain constraint in all this conversation, and in the silence, and in the reconciliation, and in the forgiveness, and all were feeling it.	Что-то было напряженное во всем этом разговоре, и в молчании, и в примирении, и в прощении, и все это чувствовали.
"It is as though they were afraid of me," Raskolnikov was thinking to himself, looking askance at his mother and sister.	"А ведь точно они боятся меня", - думал сам про себя Раскольников, исподлобья глядя на мать и сестру.
Pulcheria Alexandrovna was indeed growing more timid the longer she kept silent.	Пульхерия Александровна, действительно, чем больше молчала, тем больше и робела.
"Yet in their absence I seemed to love them so much," flashed through his mind.	"Заочно, кажется, так ведь любил их", - промелькнуло в его голове.
"Do you know, Rodya, Marfa Petrovna is dead," Pulcheria Alexandrovna suddenly blurted out.	- Знаешь, Родя, Марфа Петровна умерла! - вдруг выскочила Пульхерия Александровна.
"What Marfa Petrovna?"	- Какая это Марфа Петровна?
"Oh, mercy on us--Marfa Petrovna Svidrigailov.	- Ах, боже мой, да Марфа Петровна, Свидригайлова!

I wrote you so much about her."	Я еще так много об ней писала тебе.
"A-a-h! Yes, I remember....	- А-а-а, да, помню...
So she's dead!	Так умерла?

Oh, really?" he roused himself suddenly, as if waking ^{up} .	Ах, в самом деле? - вдруг встрепенулся он, точно проснувшись.
"What did she die of?"	- Неужели умерла?
"Only imagine, quite suddenly," Pulcheria Alexandrovna answered hurriedly, encouraged by his curiosity. "On the very day I was sending you that letter!	Отчего же? - Представь себе, скоропостижно! - заторопилась Пульхерия Александровна, ободренная его любопытством, - и как раз в то самое время, как я тебе письмо тогда отправила, в тот самый даже день!
Would you believe it, that awful man seems to have been the cause of her death.	Вообрази, этот ужасный человек, кажется, и был причиной ее смерти.
They say he beat her dreadfully."	Говорят, он ее ужасно избил!
"Why, were they on such bad terms?" he asked, addressing his sister.	- Разве они так жили? - спросил он, обращаясь к сестре.
"Not at all.	- Нет, напротив даже.
Quite the contrary indeed. With her, he was always very patient, considerate even.	С ней он всегда был очень терпелив, даже вежлив.
In fact, all those seven years of their married life he gave way to her, too much so indeed, in many cases.	Во многих случаях даже слишком был снисходителен к ее характеру, целые семь лет...
All of a sudden he seems to have lost patience."	Как-то вдруг потерял терпение.
"Then he could not have been so awful if he controlled himself for seven years?	- Стало быть, он вовсе не так ужасен, коли семь лет крепился?
You seem to be defending him, Dounia?"	Ты, Дунечка, кажется, его оправдываешь?
"No, no, he's an awful man!	- Нет, нет, это ужасный человек!
I can imagine nothing more awful!" Dounia answered, almost with a shudder, knitting her brows, and sinking into thought.	Ужаснее я ничего и представить не могу, - чуть не с содроганием ответила Дуня, нахмурила брови и задумалась.
"That had happened in the morning," Pulcheria Alexandrovna went on hurriedly.	- Случилось это у них утром, - продолжала, торопясь, Пульхерия Александровна.
"And directly afterwards she ordered the	- После того она тотчас же приказала заложить лошадей, чтоб сейчас же после

horses to be harnessed to drive to the town immediately after dinner. She always used to drive to the town in such cases. She ate a very good dinner, I am told...."	обеда и ехать в город, потому что она всегда в таких случаях в город ездила; кушала за обедом говорят, с большим аппетитом...
"After the beating?"	- Избитая-то?
"That was always her... habit; and immediately after dinner, so as not to be late in starting, she went to the bath-house...."	- ... У ней, впрочем, и всегда была эта... привычка, и как только пообедала, чтобы не запоздать ехать, тотчас же отправилась в купальню...
You see, she was undergoing some treatment with baths. They have a cold spring there, and she used to bathe in it regularly every day, and no sooner had she got into the water when she suddenly had a stroke!"	Видишь, она как-то там лечилась купаньем; у них там ключ холодный есть, и она купалась в нем регулярно каждый день, и как только вошла в воду, вдруг с ней удар!
"I should think so," said Zossimov.	- Еще бы! - сказал Зосимов.
"And did he beat her badly?"	- И больно он ее избил?

"What does that matter!" put in Dounia.	- Ведь это все равно, - отозвалась Дуня.
"H'm!"	- Гм!
But I don't know why you want to tell us such gossip, mother," said Raskolnikov irritably, as it were in spite of himself.	А впрочем, охота вам, маменька, о таком вздоре рассказывать, - раздражительно и как бы нечаянно проговорил вдруг Раскольников.
"Ah, my dear, I don't know what to talk about," broke from Pulcheria Alexandrovna.	- Ах, друг мой, да я не знала, о чем уж и заговорить, - вырвалось у Пульхерии Александровны.
"Why, are you all afraid of me?" he asked, with a constrained smile.	- Да что вы, боитесь, что ль, меня все? - сказал он с искривившеюся улыбкою.
"That's certainly true," said Dounia, looking directly and sternly at her brother.	- Это действительно правда, - сказала Дуня, прямо и строго смотря на брата.
"Mother was crossing herself with terror as she came up the stairs."	- Маменька, входя на лестницу, даже крестилась от страха.
His face worked, as though in convulsion.	Лицо его перекопилось как бы от судороги.
"Ach, what are you saying, Dounia!"	- Ах, что ты, Дуня!
Don't be angry, please, Rodya....	Не сердись, пожалуйста, Родя...

Why did you say that, Dounia?" Pulcheria Alexandrovna began, overwhelmed--"You see, coming here, I was dreaming all the way, in the train, how we should meet, how we should talk over everything together.... And I was so happy, I did not notice the journey!	Зачем ты, Дуня! - заговорила в смущении Пульхерия Александровна, - это я, вправду, ехала сюда, всю, дорогу мечтала, в вагоне: как мы увидимся, как мы обо всем сообщим друг другу... и так была счастлива, что и дороги не видала!
But what am I saying?	Да что я!
I am happy now....	Я и теперь счастлива...
You should not, Dounia....	Напрасно ты, Дуня!
I am happy now--simply in seeing you, Rodya...."	Я уж тем только счастлива, что тебя вижу, Родя...
"Hush, mother," he muttered in confusion, not looking at her, but pressing her hand.	- Полноте, маменька, - с смущением пробормотал он, не глядя на нее и сжал ее руку, - успеем наговориться!
"We shall have time to speak freely of everything!" As he said this, he was suddenly overwhelmed with confusion and turned pale. Again that awful sensation he had known of late passed with deadly chill over his soul. Again it became suddenly plain and perceptible to him that he had just told a fearful lie--that he would never now be able to speak freely of everything--that he would never again be able to _speak_ of anything to anyone.	Сказав это, он вдруг смутился и побледнел: опять одно недавнее ужасное ощущение мертвым холодом прошло по душе его; опять ему вдруг стало совершенно ясно и понятно, что он сказал сейчас ужасную ложь, что не только никогда теперь не придется ему успеть наговориться, но уже ни об чем больше, никогда и ни с кем, нельзя ему теперь говорить.
The anguish of this thought was such that for a moment he almost forgot himself. He got up from his seat, and not looking at anyone walked towards the door.	Впечатление этой мучительной мысли было так сильно, что он, на мгновение, почти совсем забылся, встал с места и, не глядя ни на кого, пошел вон из комнаты.

"What are you about?" cried Razumihin, clutching him by the arm.	- Что ты? - крикнул Разумихин, хватая его за руку.
He sat down again, and began looking about him, in silence. They were all looking at him in perplexity.	Он сел опять и стал молча осматриваться; все глядели на него с недоумением.
"But what are you all so dull for?" he shouted, suddenly and quite unexpectedly. "Do say something!	- Да что вы все такие скучные! - вскрикнул он вдруг, совсем неожиданно, - скажите что-нибудь!
What's the use of sitting like this?	Что в самом деле так сидеть-то!

Come, do speak.	Ну, говорите же!
Let us talk....	Станем разговаривать...
We meet together and sit in silence....	Собрались и молчим...
Come, anything!"	Ну, что-нибудь!
"Thank God; I was afraid the same thing as yesterday was beginning again," said Pulcheria Alexandrovna, crossing herself.	- Слава богу! А я думала, с ним что-нибудь вчерашнее начинается, - сказала, перекрестившись, Пульхерия Александровна.
"What is the matter, Rodya?" asked Avdotya Romanovna, distrustfully.	- Чего ты, Родя? - недоверчиво спросила Авдотья Романовна.
"Oh, nothing! I remembered something," he answered, and suddenly laughed.	- Так, ничего, одну штуку вспомнил, - отвечал он и вдруг засмеялся.
"Well, if you remembered something; that's all right!...	- Ну, коль штуку, так и хорошо!
I was beginning to think..." muttered Zossimov, getting up from the sofa.	А то и я сам было подумал... - пробормотал Зосимов, подымаясь с дивана.
"It is time for me to be off. I will look in again perhaps... if I can..."	- Мне, однако ж, пора; я еще зайду, может быть... если застану...
He made his bows, and went out.	Он откланялся и вышел.
"What an excellent man!" observed Pulcheria Alexandrovna.	- Какой прекрасный человек! - заметила Пульхерия Александровна.
"Yes, excellent, splendid, well-educated, intelligent," Raskolnikov began, suddenly speaking with surprising rapidity, and a liveliness he had not shown till then. "I can't remember where I met him before my illness....	- Да, прекрасный, превосходный, образованный, умный... - заговорил вдруг Раскольников какою-то неожиданною скороговоркой и с каким-то необыкновенным до сих пор оживлением, - уж не помню, где я его прежде до болезни встречал...
I believe I have met him somewhere—...	Кажется, где-то встречал...
And this is a good man, too," he nodded at Razumihin. "Do you like him, Dounia?" he asked her; and suddenly, for some unknown reason, laughed.	Вот и этот тоже хороший человек! - кивнул он на Разумихина, - нравится он тебе, Дуня? - спросил он ее и вдруг, неизвестно чему, рассмеялся.
"Very much," answered Dounia.	- Очень, - ответила Дуня.
"Foo!--what a pig you are!" Razumihin protested, blushing in terrible confusion, and he got up from his chair.	- Фу, какой ты... свинтус! - произнес страшно сконфузившийся и покрасневший Разумихин и встал со стула.

Pulcheria Alexandrovna smiled faintly, but Raskolnikov laughed aloud.

Пульхерия Александровна слегка улыбнулась, а Раскольников громко

	расхохотался.
"Where are you off to?"	- Да куда ты?
"I must go."	- Я тоже... мне надо.
"You need not at all. Stay.	- Совсем тебе не надо, оставайся!
Zossimov has gone, so you must.	Зосимов ушел, так и тебе надо.
Don't go.	Не ходи...
What's the time?	А который час?
Is it twelve o'clock?	Есть двенадцать?
What a pretty watch you have got, Dounia.	Какие у тебя миленькие часы, Дуня!
But why are you all silent again?	Да что вы опять замолчали?
I do all the talking."	Все только я да я говорю!..
"It was a present from Marfa Petrovna," answered Dounia.	- Это подарок Марфы Петровны, - ответила Дуня.
"And a very expensive one!" added Pulcheria Alexandrovna.	- И предорогие, - прибавила Пульхерия Александровна.
"A-ah! What a big one! Hardly like a lady's."	- А-а-а! какие большие, почти не дамские.
"I like that sort," said Dounia.	- Я такие люблю, - сказала Дуня.
"So it is not a present from her _fiance_," thought Razumihin, and was unreasonably delighted.	"Стало быть, не женихов подарок", - подумал Разумихин и неизвестно чему обрадовался.
"I thought it was Luzhin's present," observed Raskolnikov.	- А я думал, это Лужина подарок, - заметил Раскольников.
"No, he has not made Dounia any presents yet."	- Нет, он еще ничего не дарил Дунечке.
"A-ah!	- А-а-а!
And do you remember, mother, I was in love and wanted to get married?" he said suddenly, looking at his mother, who was disconcerted by the sudden change of subject and the way he spoke of it.	А помните, маменька, я влюблен-то был и жениться хотел, - вдруг сказал он, смотря на мать, пораженную неожиданным оборотом и тоном, с которым он об этом заговорил.
"Oh, yes, my dear."	- Ах, друг мой, да!
Pulcheria Alexandrovna exchanged glances with Dounia and Razumihin.	- Пульхерия Александровна переглянулась с Дунечкой и Разумихиным.
"H'm, yes.	- Гм! Да!

What shall I tell you?	А что мне вам рассказать?
I don't remember much indeed.	Даже мало помню.
She was such a sickly girl," he went on, growing dreamy and looking down again. "Quite an invalid. She was fond of giving alms to the poor, and was always dreaming of a nunnery, and once she burst into tears when she began talking to me about it. Yes, yes, I remember.	Она больная такая девочка была, - продолжал он, как бы опять вдруг задумываясь и потупившись, - совсем хвора; нищим любила подавать, и о монастыре все мечтала, и раз залилась слезами, когда мне об этом стала говорить; да, да... помню... очень помню.

I remember very well.	Дурнушка такая... собой.
She was an ugly little thing. I really don't know what drew me to her then--I think it was because she was always ill.	Право, не знаю, за что я к ней тогда привязался, кажется за то, что всегда больная...
If she had been lame or hunchback, I believe I should have liked her better still," he smiled dreamily.	Будь она еще хромая аль горбатая, я бы, кажется, еще больше ее полюбил... (Он задумчиво улыбнулся.) Так... какой-то бред весенний был...
"Yes, it was a sort of spring delirium." "No, it was not only spring delirium," said Dounia, with warm feeling.	- Нет, тут не один бред весенний, - с одушевлением сказала Дунечка.
He fixed a strained intent look on his sister, but did not hear or did not understand her words.	Он внимательно и с напряжением посмотрел на сестру, но не расслышал или даже не понял ее слов.
Then, completely lost in thought, he got up, went up to his mother, kissed her, went back to his place and sat down.	Потом, в глубокой задумчивости, встал, подошел к матери, поцеловал ее, воротился на место и сел.
"You love her even now?" said Pulcheria Alexandrovna, touched.	- Ты и теперь ее любишь! - проговорила растроганная Пульхерия Александровна.
"Her?"	- Ее-то?
Now?	Теперь?
Oh, yes....	Ах да... вы про нее!
You ask about her?	Нет.
No... that's all now, as it were, in another world... and so long ago.	Это все теперь точно на том свете... и так давно.
And indeed everything happening here seems somehow far away."	Да и все-то кругом точно не здесь делается...
He looked attentively at them.	Он со вниманием посмотрел на них.
"You, now... I seem to be looking at you from a thousand miles away... but, goodness knows why we are talking of that!	- Вот и вас... точно из-за тысячи верст на вас смотрю...
And what's the use of asking about it?" he added with annoyance, and biting his nails, fell into dreamy silence again.	Да и черт знает зачем мы об этом говорим! И к чему расспрашивать? - прибавил он с досадой и замолчал, кусая себе ногти и вновь задумываясь.
"What a wretched lodging you have, Rodya! It's like a tomb," said Pulcheria Alexandrovna,	- Какая у тебя дурная квартира, Родя, точно гроб, - сказала вдруг Пульхерия

suddenly breaking the oppressive silence. "I am sure it's quite half through your lodging you have become so melancholy."	Александровна, прерывая тягостное молчание, - я уверена, что ты наполовину от квартиры стал такой меланхолик.
"My lodging," he answered, listlessly.	- Квартира?... - отвечал он рассеяно.
"Yes, the lodging had a great deal to do with it.... I thought that, too....	- Да, квартира много способствовала... я об этом тоже думал...
If only you knew, though, what a strange thing you said just now, mother," he said, laughing strangely.	А если б вы знали, однако, какую вы странную мысль сейчас сказали, маменька, - прибавил он вдруг, странно усмехнувшись.

A little more, and their companionship, this mother and this sister, with him after three years' absence, this intimate tone of conversation, in face of the utter impossibility of really speaking about anything, would have been beyond his power of endurance.	Еще немного, и это общество, эти родные, после трехлетней разлуки, этот родственный тон разговора при полной невозможности хоть об чем-нибудь говорить, - стали бы, наконец, ему решительно невыносимы.
But there was one urgent matter which must be settled one way or the other that day--so he had decided when he woke.	Было, однако ж, одно неотлагательное дело, которое так или этак, а надо было непременно решить сегодня, - так решил он еще давеча, когда проснулся.
Now he was glad to remember it, as a means of escape.	Теперь он обрадовался делу, как выходу.
"Listen, Dounia," he began, gravely and drily, "of course I beg your pardon for yesterday, but I consider it my duty to tell you again that I do not withdraw from my chief point.	- Вот что, Дуня, - начал он серьезно и сухо, - я, конечно, прошу у тебя за вчерашнее прощения, но я долгом считаю опять тебе напомнить, что от главного моего я не отступлюсь.
It is me or Luzhin.	Или я, или Лужин.
If I am a scoundrel, you must not be.	Пусть я подлец, а ты не должна.
One is enough.	Один кто-нибудь.
If you marry Luzhin, I cease at once to look on you as a sister."	Если же ты выйдешь за Лужина, я тотчас же перестая тебя сестрой считать.
"Rodya, Rodya!	- Родя, Родя!
It is the same as yesterday again," Pulcheria Alexandrovna cried, mournfully. "And why do you call yourself a scoundrel? I can't bear it.	Да ведь это все то же самое, что и вчера, -горестно воскликнула Пульхерия Александровна, - и почему ты все подлецом себя называешь, не могу я этого выносить!

You said the same yesterday."	И вчера то же самое...
"Brother," Dounia answered firmly and with the same dryness. "In all this there is a mistake on your part.	- Брат, - твердо и тоже сухо отвечала Дуня, - во всем этом есть ошибка с твоей стороны.
I thought it over at night, and found out the mistake.	Я за ночь обдумала и отыскала ошибку.
It is all because you seem to fancy I am sacrificing myself to someone and for someone.	Все в том, что ты, кажется, предполагаешь, будто я кому-то и для кого-то приношу себя в жертву.
That is not the case at all.	Совсем это не так.
I am simply marrying for my own sake, because things are hard for me. Though, of course, I shall be glad if I succeed in being useful to my family. But that is not the chief motive for my decision...."	Я просто для себя выхожу, потому что мне самой тяжело; а затем, конечно, буду рада, если удастся быть полезною родным, но в моей решимости это не самое главное побуждение...
"She is lying," he thought to himself, biting his nails vindictively.	"Лжет! - думал он про себя, кусая ногти со злости.
"Proud creature!	- Гордячка!
She won't admit she wants to do it out of charity! Too haughty!	Сознаться не хочет, что хочется благодетельствовать!
Oh, base characters!	О, низкие характеры!
They even love as though they hate....	Они и любят, точно ненавидят...

Oh, how I... hate them all!"	О, как я... ненавижу их всех!"
"In fact," continued Dounia, "I am marrying Pyotr Petrovitch because of two evils I choose the less.	- Одним словом, я выхожу за Петра Петровича, - продолжала Дунечка, - потому что из двух зол выбираю меньшее.
I intend to do honestly all he expects of me, so I am not deceiving him....	Я намерена честно исполнить все, чего он от меня ожидает, а стало быть, его не обманываю...
Why did you smile just now?"	Зачем ты так сейчас улыбнулся?
She, too, flushed, and there was a gleam of anger in her eyes.	Она тоже вспыхнула, и в глазах ее мелькнул гнев.
"All?" he asked, with a malignant grin.	- Все исполнишь? - спросил он, ядовито усмехаясь.

"Within certain limits.	- До известного предела.
Both the manner and form of Pyotr Petrovitch's courtship showed me at once what he wanted.	И манера, и форма сватовства Петра Петровича показали мне тотчас же, чего ему надобно.
He may, of course, think too well of himself, but I hope he esteems me, too....	Он, конечно, себя ценит, может быть, слишком высоко, но я надеюсь, что он и меня ценит...
Why are you laughing again?"	Чего ты опять смеешься?
"And why are you blushing again?"	- А чего ты опять краснеешь?
You are lying, sister. You are intentionally lying, simply from feminine obstinacy, simply to hold your own against me....	Ты лжешь, сестра, ты нарочно лжешь, по одному только женскому упрямству, чтобы только на своем поставить передо мной...
You cannot respect Luzhin. I have seen him and talked with him.	Ты не можешь уважать Лужина: я видел его и говорил с ним.
So you are selling yourself for money, and so in any case you are acting basely, and I am glad at least that you can blush for it."	Стало быть, продаешь себя за деньги, и, стало быть, во всяком случае поступаешь низко, и я рад, что ты, по крайней мере, краснеть можешь!
"It is not true. I am not lying," cried Dounia, losing her composure. "I would not marry him if I were not convinced that he esteems me and thinks highly of me. I would not marry him if I were not firmly convinced that I can respect him.	- Неправда, не лгу!.. - вскричала Дунечка, теряя все хладнокровие, - я не выйду за него, не быв убеждена, что он ценит меня и дорожит мной; не выйду за него, не быв твердо убеждена, что сама могу уважать его.
Fortunately, I can have convincing proof of it this very day... and such a marriage is not a vileness, as you say!	К счастью, я могу в этом убедиться наверное, и даже сегодня же. А такой брак не есть подлость, как ты говоришь!
And even if you were right, if I really had determined on a vile action, is it not merciless on your part to speak to me like that?	А если бы ты был и прав, если б я действительно решилась на подлость, - разве не безжалостно с твоей стороны так со мной говорить?
Why do you demand of me a heroism that perhaps you have not either?	Зачем ты требуешь от меня геройства, которого и в тебе-то, может быть, нет?
It is despotism; it is tyranny.	Это деспотизм, это насилие!
If I ruin anyone, it is only myself....	Если я погублю кого, так только себя одну...
I am not committing a murder.	Я еще никого не зарезала!..

Why do you look at me like that?	Что ты так смотришь на меня?
Why are you so pale?	Что ты так побледнел?
Rodya, darling, what's the matter?"	Родя, что с тобой? Родя, милый!..
"Good heavens!	- Господи!
You have made him faint," cried Pulcheria Alexandrovna.	До обморока довела! - вскричала Пульхерия Александровна.
"No, no, nonsense! It's nothing.	- Нет, нет... вздор... ничего!..
A little giddiness--not fainting.	Немного голова закружилась. Совсем не обморок...
You have fainting on the brain.	Дались вам эти обмороки!..
H'm, yes, what was I saying?	Гм! да... что бишь я хотел?
Oh, yes. In what way will you get convincing proof to-day that you can respect him, and that he... esteems you, as you said.	Да: каким образом ты сегодня же убедишься, что можешь уважать его и что он... ценит, что ли, как ты сказала? Ты, кажется, сказала, что сегодня?
I think you said to-day?"	Или я ослышался?
"Mother, show Rodya Pyotr Petrovitch's letter," said Dounia.	- Маменька, покажите брату письмо Петра Петровича, - сказала Дунечка.
With trembling hands, Pulcheria Alexandrovna gave him the letter.	Пульхерия Александровна дрожащими руками передала письмо.
He took it with great interest, but, before opening it, he suddenly looked with a sort of wonder at Dounia.	Он с большим любопытством взял его. Но прежде чем развернуть, он вдруг как-то с удивлением посмотрел на Дунечку.
"It is strange," he said, slowly, as though struck by a new idea. "What am I making such a fuss for?	- Странно, - проговорил он медленно, как бы вдруг пораженный новою мыслию, - да из чего я так хлопочу?
What is it all about?	Из чего весь крик?
Marry whom you like!"	Да выходи за кого хочешь!
He said this as though to himself, but said it aloud, and looked for some time at his sister, as though puzzled.	Он говорил как бы для себя, но выговорил вслух и несколько времени смотрел на сестру, как бы озадаченный.
He opened the letter at last, still with the same look of strange wonder on his face. Then, slowly and attentively, he began reading, and read it through twice.	Он развернул наконец письмо, все еще сохраняя вид какого-то странного удивления; потом медленно и внимательно начал читать и прочел два раза.
Pulcheria Alexandrovna showed marked	Пульхерия Александровна была в

anxiety, and all indeed expected something particular.	особенном беспокойстве; да и все ждали чего-то особенного.
"What surprises me," he began, after a short pause, handing the letter to his mother, but not addressing anyone in particular, "is that he is a business man, a lawyer, and his conversation is pretentious indeed, and yet he writes such an uneducated letter."	- Это мне удивительно, - начал он после некоторого раздумья и передавая письмо матери, но не обращаясь ни к кому в частности, - ведь он по делам ходит, адвокат, и разговор даже у него такой... с замашкой, - а ведь как безграмотно пишет.
They all started. They had expected something quite different.	Все пошевелились; совсем не того ожидали.
"But they all write like that, you know," Razumihin observed, abruptly.	- Да ведь они и все так пишут, - отрывисто заметил Разумихин.
"Have you read it?"	- Ты разве читал?
"Yes."	- Да.
"We showed him, Rodya. We... consulted him just now," Pulcheria Alexandrovna began, embarrassed.	- Мы показывали, Родя, мы... советовались давеча, - начала сконфузившаяся Пульхерия Александровна.
"That's just the jargon of the courts," Razumihin put in. "Legal documents are written like that to this day."	- Это, собственно, судейский слог, - перебил Разумихин, - судейские бумаги до сих пор так пишутся.
"Legal?"	- Судейский?
Yes, it's just legal--business language--not so very uneducated, and not quite educated--business language!"	Да, именно судейский, деловой... Не то чтоб уж очень безграмотно, да и не то чтоб уж очень литературно; деловой!
"Pyotr Petrovitch makes no secret of the fact that he had a cheap education, he is proud indeed of having made his own way," Avdotya Romanovna observed, somewhat offended by her brother's tone.	- Петр Петрович и не скрывает, что учился на медные деньги, и даже хвалится тем, что сам себе дорогу проложил, - заметила Авдотья Романовна, несколько обиженная новым тоном брата.
"Well, if he's proud of it, he has reason, I don't deny it.	- Что ж, если хвалится, так и есть чем, - я не противоречу.
You seem to be offended, sister, at my making only such a frivolous criticism on the letter, and to think that I speak of such trifling matters on purpose to annoy you.	Ты, сестра, кажется, обиделась, что я из всего письма такое фривольное замечание извлек, и думаешь, что я нарочно о таких пустяках заговорил, чтобы поломаться над тобой с досады.
It is quite the contrary, an observation	Напротив, мне, по поводу слога, пришло в

apropos of the style occurred to me that is by no means irrelevant as things stand.	голову одно совсем не лишнее, в настоящем случае, замечание.
There is one expression, 'blame yourselves' put in very significantly and plainly, and there is besides a threat that he will go away at once if I am present.	Там есть одно выражение: "пеняйте на себя", поставленное очень знаменательно и ясно, и, кроме того, есть угроза, что он тотчас уйдет, если я приду.
That threat to go away is equivalent to a threat to abandon you both if you are disobedient, and to abandon you now after summoning you to Petersburg.	Это угроза уйти - все равно что угроза вас обеих бросить, если будете непослушны, и бросить теперь, когда уже в Петербург вызвал.
Well, what do you think? Can one resent such an expression from Luzhin, as we should if he (he pointed to Razumihin) had written it, or Zossimov, or one of us?"	Ну, как ты думаешь: можно ли таким выражением от Лужина так же точно обидеться, как если бы вот он написал (он указал на Разумихина), али Зосимов, али из нас кто-нибудь?
"N-no," answered Dounia, with more animation. "I saw clearly that it was too naively expressed, and that perhaps he simply has no skill in writing... that is a true criticism, brother.	- Н-нет, - отвечала Дунечка, оживляясь, - я очень поняла, что это слишком наивно выражено и что он, может быть, только не мастер писать... Это ты хорошо рассудил, брат.

I did not expect, indeed..."	Я даже не ожидала...
"It is expressed in legal style, and sounds coarser than perhaps he intended. But I must disillusion you a little.	- Это по-судейски выражено, а по-судейски иначе написать нельзя, и вышло грубее, чем, может быть, он хотел.
There is one expression in the letter, one slander about me, and rather a contemptible one.	Впрочем, я должен тебя несколько разочаровать: в этом письме есть еще одно выражение, одна клевета на мой счет, и довольно подленькая.
I gave the money last night to the widow, a woman in consumption, crushed with trouble, and not 'on the pretext of the funeral,' but simply to pay for the funeral, and not to the daughter--a young woman, as he writes, of notorious behaviour (whom I saw last night for the first time in my life)--but to the widow.	Я деньги отдал вчера вдове, чахоточной и убитой, и не "под предлогом похорон", а прямо на похороны, и не в руки дочери - девицы, как он пишет, "отъявленного поведения" (и которую я вчера в первый раз в жизни видел), а именно вдове.
In all this I see a too hasty desire to slander me and to raise dissension between us.	Во всем этом я вижу слишком поспешное желание меня размарать и с вами поссорить.
	Выражено же опять по-судейски, то

It is expressed again in legal jargon, that is to say, with a too obvious display of the aim, and with a very naive eagerness.	есть с слишком явным обнаружением цели и с поспешностью весьма наивною.
He is a man of intelligence, but to act sensibly, intelligence is not enough.	Человек он умный, но чтоб умно поступать -одного ума мало.
It all shows the man and...	Все это рисует человека и... не думаю, чтоб он тебя много ценил.
I don't think he has a great esteem for you. I tell you this simply to warn you, because I sincerely wish for your good..."	Сообщаю же тебе единственно для назидания, потому что искренно желаю тебе добра...
Dounia did not reply. Her resolution had been taken. She was only awaiting the evening.	Дунечка не отвечала; решение ее было еще давеча сделано, она ждала только вечера.
"Then what is your decision, Rodya?" asked Pulcheria Alexandrovna, who was more uneasy than ever at the sudden, new businesslike tone of his talk.	- Так как же ты решаешься, Родя? - спросила Пульхерия Александровна, еще более давешнего обеспокоенная его внезапным, новым, деловым тоном речи.
"What decision?"	- Что это: "решаешься"?
"You see Pyotr Petrovitch writes that you are not to be with us this evening, and that he will go away if you come.	- Да вот Петр Петрович-то пишет, чтобы тебя не было у нас вечером и что он уйдет... коли ты придешь.
So will you... come?"	Так как же ты... будешь?
"That, of course, is not for me to decide, but for you first, if you are not offended by such a request; and secondly, by Dounia, if she, too, is not offended.	- Это уж, конечно, не мне решать, а, во-первых, вам, если такое требование Петра Петровича вас не обижает, а во-вторых, Дуне, если она тоже не обижается.
I will do what you think best," he added, drily.	А я сделаю, как вам лучше, - прибавил он сухо.
"Dounia has already decided, and I fully agree with her," Pulcheria Alexandrovna hastened to declare.	- Дунечка уже решилась, и я вполне с ней согласна, - поспешила вставить Пульхерия Александровна.

"I decided to ask you, Rodya, to urge you not to fail to be with us at this interview," said Dounia. "Will you come?"	- Я решила просить тебя, Родя, настоятельно просить непременно быть у нас на этом свидании, - сказала Дуня, - придешь?
"Yes."	- Приду.

"I will ask you, too, to be with us at eight o'clock," she said, addressing Razumihin.	- Я и вас тоже прошу быть у нас в восемь часов, -обратилась она к Разумихину.
"Mother, I am inviting him, too."	- Маменька, я их тоже приглашаю.
"Quite right, Dounia.	- И прекрасно, Дунечка.
Well, since you have decided," added Pulcheria Alexandrovna, "so be it.	Ну, уж как вы там решили, - прибавила Пульхерия Александровна, - так уж пусть и будет.
I shall feel easier myself. I do not like concealment and deception. Better let us have the whole truth....	А мне и самой легче; не люблю притворяться и лгать; лучше будем всю правду говорить...
Pyotr Petrovitch may be angry or not, now!"	Сердись, не сердись теперь Петр Петрович!
CHAPTER IV	IV
At that moment the door was softly opened, and a young girl walked into the room, looking timidly about her.	В эту минуту дверь тихо отворилась, и в комнату, робко озираясь, вошла одна девушка.
Everyone turned towards her with surprise and curiosity.	Все обратились к ней с удивлением и любопытством.
At first sight, Raskolnikov did not recognise her.	Раскольников не узнал ее с первого взгляда.
It was Sofya Semyonovna Marmeladov.	Это была Софья Семеновна Мармеладова.
He had seen her yesterday for the first time, but at such a moment, in such surroundings and in such a dress, that his memory retained a very different image of her.	Вчера видел он ее в первый раз, но в такую минуту, при такой обстановке и в таком костюме, что в памяти его отразился образ совсем другого лица.
Now she was a modestly and poorly-dressed young girl, very young, indeed, almost like a child, with a modest and refined manner, with a candid but somewhat frightened-looking face.	Теперь это была скромно и даже бедно одетая девушка, очень еще молоденькая, почти похожая на девочку, с скромною и приличною манерой, с ясным, но как будто несколько запуганным лицом.
She was wearing a very plain indoor dress, and had on a shabby old-fashioned hat, but she still carried a parasol.	На ней было очень простенькое домашнее платье, на голове старая, прежнего фасона шляпка; только в руках был, повчерашнему, зонтик.
Unexpectedly finding the room full of people, she was not so much embarrassed as completely overwhelmed with shyness, like a little child. She was	Увидав неожиданно полную комнату людей, она не то что сконфузилась, но совсем потерялась, оробела, как маленький ребенок, и даже сделала было движение

even about to retreat.	уйти назад.
"Oh... it's you!" said Raskolnikov, extremely astonished, and he, too, was confused.	- Ах... это вы?.. - сказал Раскольников в чрезвычайном удивлении и вдруг сам смутился.
He at once recollected that his mother and sister knew through Luzhin's letter of "some young woman of notorious behaviour."	Ему тотчас же представилось, что мать и сестра знают уже вскользь, по письму Лужина, о некоторой девице "отъявленного" поведения.
He had only just been protesting against Luzhin's calumny and declaring that he had seen the girl last night for the first time, and suddenly she had walked in.	Сейчас только он протестовал против клеветы Лужина и упомянул, что видел эту девицу в первый раз, и вдруг она входит сама.
He remembered, too, that he had not protested against the expression "of notorious behaviour."	Вспомнил тоже, что нисколько не протестовал против выражения: "отъявленного поведения".
All this passed vaguely and fleetingly through his brain, but looking at her more intently, he saw that the humiliated creature was so humiliated that he felt suddenly sorry for her.	Все это неясно и мигом скользнуло в его голове. Но, взглянув пристальнее, он вдруг увидел, что это приниженное существо до того уже принижено, что ему вдруг стало жалко.
When she made a movement to retreat in terror, it sent a pang to his heart.	Когда же она сделала было движение убежать от страха, - в нем что-то как бы перевернулось.
"I did not expect you," he said, hurriedly, with a look that made her stop.	- Я вас совсем не ожидал, - заторопился он, останавливая ее взглядом.
"Please sit down.	- Сделайте одолжение, садитесь.
You come, no doubt, from Katerina Ivanovna.	Вы, верно, от Катерины Ивановны.
Allow me--not there. Sit here...."	Позвольте, не сюда, вот тут сядьте...
At Sonia's entrance, Razumihin, who had been sitting on one of Raskolnikov's three chairs, close to the door, got up to allow her to enter.	При входе Сони Разумихин, сидевший на одном из трех стульев Раскольникова, сейчас подле двери, привстал, чтобы дать ей войти.
Raskolnikov had at first shown her the place on the sofa where Zossimov had been sitting, but feeling that the sofa which served him as a bed, was too _familiar_ a place, he hurriedly motioned her to Razumihin's chair.	Сначала Раскольников указал было ей место в углу дивана, где сидел Зосимов, но, вспомнив, что этот диван был слишком фамильярное место и служит ему постелью, поспешил указать ей на стул Разумихина.

"You sit here," he said to Razumihin, putting him on the sofa.	- А ты садись здесь, - сказал он Разумихину, сажая его в угол, где сидел Зосимов.
Sonia sat down, almost shaking with terror, and looked timidly at the two ladies.	Соня села, чуть не дрожа от страха, и робко взглянула на обеих дам.
It was evidently almost inconceivable to herself that she could sit down beside them.	Видно было, что она и сама не понимала, как могла она сесть с ними рядом.
At the thought of it, she was so frightened that she hurriedly got up again, and in utter confusion addressed Raskolnikov.	Сообразив это, она до того испугалась, что вдруг опять встала и в совершенном смущении обратилась к Раскольникову.
"I... I... have come for one minute. Forgive me for disturbing you," she began falteringly.	- Я... я... зашла на одну минуту, простите, что вас беспокоила, - заговорила она, запинаясь.
"I come from Katerina Ivanovna, and she had no one to send.	- Я от Катерины Ивановны, а ей послать было некого...
Katerina Ivanovna told me to beg you... to be at the service... in the morning... at Mitrofanievsky... and then... to us... to her... to do her the honour... she told me to beg you..."	А Катерина Ивановна приказала вас очень просить быть завтра на отпевании, утром... за обедней... на Митрофаниевском, а потом у нас... у ней... откусать... Честь ей сделать... Она велела просить.
Sonia stammered and ceased speaking.	Соня запнулась и замолчала.

"I will try, certainly, most certainly," answered Raskolnikov. He, too, stood up, and he, too, faltered and could not finish his sentence.	- Постараюсь непременно... непременно, - отвечал Раскольников, привстав тоже и тоже запинаясь и не договаривая...
"Please sit down," he said, suddenly. "I want to talk to you.	- Сделайте одолжение, садитесь, - сказал он вдруг, - мне надо с вами поговорить.
You are perhaps in a hurry, but please, be so kind, spare me two minutes," and he drew up a chair for her.	Пожалуйста, - вы, может быть, торопитесь, - сделайте одолжение, подарите мне две минуты... И он пододвинул ей стул.
Sonia sat down again, and again timidly she took a hurried, frightened look at the two ladies, and dropped her eyes.	Соня опять села и опять робко, потерянно, поскорей взглянула на обеих дам и вдруг потупилась.
Raskolnikov's pale face flushed, a shudder passed over him, his eyes glowed.	Бледное лицо Раскольникова вспыхнуло; его как будто всего передернуло; глаза загорелись.
"Mother," he said, firmly and insistently, "this is Sofya Semyonovna Marmeladov,	- Маменька, - сказал он твердо и настойчиво, -это Софья Семеновна

the daughter of that unfortunate Mr. Marmeladov, who was run over yesterday before my eyes, and of whom I was just telling you."	Мармеладова, дочь того самого несчастного господина Мармеладова, которого вчера в моих глазах раздавили лошади и о котором я уже вам говорил...
Pulcheria Alexandrovna glanced at Sonia, and slightly screwed up her eyes.	Пульхерия Александровна взглянула на Соню и слегка прищурилась.
In spite of her embarrassment before Rodya's urgent and challenging look, she could not deny herself that satisfaction.	Несмотря на все свое замешательство перед настойчивым и вызывающим взглядом Роди, она никак не могла отказать себе в этом удовольствии.
Dounia gazed gravely and intently into the poor girl's face, and scrutinised her with perplexity.	Дунечка серьезно, пристально уставилась прямо в лицо бедной девушки и с недоумением ее рассматривала.
Sonia, hearing herself introduced, tried to raise her eyes again, but was more embarrassed than ever.	Соня, услышав рекомендацию, подняла было глаза опять, но смутилась еще более прежнего.
"I wanted to ask you," said Raskolnikov, hastily, "how things were arranged yesterday.	- Я хотел вас спросить, - обратился к ней поскорей Раскольников, - как это у вас сегодня устроилось?
You were not worried by the police, for instance?"	Не обеспокоили ли вас?... например, от полиции.
"No, that was all right... it was too evident, the cause of death... they did not worry us... only the lodgers are angry."	- Нет-с, все прошло... Ведь уж слишком видно, отчего смерть была; не беспокоили; только вот жильцы сердятся.
"Why?"	- Отчего?
"At the body's remaining so long. You see it is hot now. So that, to-day, they will carry it to the cemetery, into the chapel, until to-morrow.	- Что тело долго стоит... ведь теперь жарко, дух... так что сегодня, к вечерне, на кладбище перенесут, до завтра, в часовню.
At first Katerina Ivanovna was unwilling, but now she sees herself that it's necessary..."	Катерина Ивановна сперва не хотела, а теперь и сама видит, что нельзя...
"To-day, then?"	- Так сегодня?
"She begs you to do us the honour to be in the church to-morrow for the service, and then to be present at the funeral lunch."	- Она просит вас сделать нам честь на отпевании в церкви быть завтра, а потом уж к ней прибыть, на поминки.
"She is giving a funeral lunch?"	- Она поминки устраивает?
"Yes... just a little.... She told me to	- Да-с, закуску; она вас очень велела

thank you very much for helping us yesterday. But for you, we should have had nothing for the funeral."	благодарить, что вы вчера помогли нам... без вас совсем бы нечем похоронить.
All at once her lips and chin began trembling, but, with an effort, she controlled herself, looking down again.	- И губы и подбородок ее вдруг запрыгали, но она скрепилась и удержалась, поскорей опять опустив глаза в землю.
During the conversation, Raskolnikov watched her carefully.	Между разговором Раскольников пристально ее разглядывал.
She had a thin, very thin, pale little face, rather irregular and angular, with a sharp little nose and chin.	Это было худенькое, совсем худенькое и бледное личико, довольно неправильное, какое-то востренькое, с востреньким маленьким носом и подбородком.
She could not have been called pretty, but her blue eyes were so clear, and when they lighted up, there was such a kindliness and simplicity in her expression that one could not help being attracted.	Ее даже нельзя было назвать и хорошенькою, но зато голубые глаза ее были такие ясные, и, когда оживлялись они, выражение лица ее становилось такое доброе и простодушное, что невольно привлекало к ней.
Her face, and her whole figure indeed, had another peculiar characteristic. In spite of her eighteen years, she looked almost a little girl--almost a child. And in some of her gestures, this childishness seemed almost absurd.	В лице ее, да и во всей ее фигуре, была сверх того одна особенная характерная черта: несмотря на свои восемнадцать лет, она казалась почти еще девочкой, гораздо моложе своих лет, совсем почти ребенком, и это иногда даже смешно проявлялось в некоторых ее движениях.
"But has Katerina Ivanovna been able to manage with such small means? Does she even mean to have a funeral lunch?" Raskolnikov asked, persistently keeping up the conversation.	- Но неужели Катерина Ивановна могла обойтись такими малыми средствами, даже еще закуску намерена?... - спросил Раскольников, настойчиво продолжая разговор.
"The coffin will be plain, of course... and everything will be plain, so it won't cost much. Katerina Ivanovna and I have reckoned it all out, so that there will be enough left... and Katerina Ivanovna was very anxious it should be so.	- Гроб ведь простой будет-с... и все будет просто, так что недорого... мы давеча с Катериной Ивановной все рассчитали, так что и останется, чтобы помянуть... а Катерине Ивановне очень хочется, чтобы так было.
You know one can't... it's a comfort to her... she is like that, you know...."	Ведь нельзя же-с... ей утешение... она такая, ведь вы знаете...
"I understand, I understand... of course... why do you look at my room	- Понимаю, понимаю... конечно... Что это вы мою комнату разглядываете?

like that?	
My mother has just said it is like a tomb."	Вот маменька говорит тоже, что на гроб похожа.
"You gave us everything yesterday," Sonia said suddenly, in reply, in a loud rapid whisper; and again she looked down in confusion.	- Вы нам все вчера отдали! - проговорила вдруг в ответ Сонечка, каким-то сильным и скорым шепотом, вдруг опять сильно потупившись.
Her lips and chin were trembling once more.	Губы и подбородок ее опять запрыгали.
She had been struck at once by Raskolnikov's poor surroundings, and now these words broke out spontaneously.	Она давно уже поражена была бедною обстановкой Раскольникова, и теперь слова эти вдруг вырвались сами собой.
A silence followed.	Последовало молчание.

There was a light in Dounia's eyes, and even Pulcheria Alexandrovna looked kindly at Sonia.	Глаза Дунечки как-то прояснели, а Пульхерия Александровна даже приветливо посмотрела на Соню.
"Rodya," she said, getting up, "we shall have dinner together, of course.	- Родя, - сказала она, вставая, - мы, разумеется, вместе обедаем.
Come, Dounia....	Дунечка, пойдем...
And you, Rodya, had better go for a little walk, and then rest and lie down before you come to see us....	А ты бы, Родя, пошел, погулял немного, а потом отдохнул, полежал, а там и приходи скорее...
I am afraid we have exhausted you...."	А то мы тебя утомили, боюсь я...
"Yes, yes, I'll come," he answered, getting up fussily.	- Да, да, приду, - отвечал он, вставая и заторопившись...
"But I have something to see to."	- У меня, впрочем, дело...
"But surely you will have dinner together?" cried Razumihin, looking in surprise at Raskolnikov. "What do you mean?"	- Да неужели ж вы будете и обедать розно? - закричал Разумихин, с удивлением смотря на Раскольникова, - что ты это?
"Yes, yes, I am coming... of course, of course!	- Да, да, приду, конечно, конечно...
And you stay a minute.	А ты останься на минуту.
You do not want him just now, do you, mother?	Ведь он вам сейчас не нужен, маменька?
Or perhaps I am taking him from you?"	Или я, может, отнимаю его?

"Oh, no, no.	- Ох, нет, нет!
And will you, Dmitri Prokofitch, do us the favour of dining with us?"	А вы, Дмитрий Прокофьич, придете обедать, будете так добры?
"Please do," added Dounia.	- Пожалуйста, придите, - попросила Дуня.
Razumihin bowed, positively radiant.	Разумихин отклонялся и весь засиял.
For one moment, they were all strangely embarrassed.	На одно мгновение все как-то странно вдруг законфузились.
"Good-bye, Rodya, that is till we meet. I do not like saying good-bye.	- Прощай, Родя, то есть до свиданья; не люблю говорить "прощай".
Good-bye, Nastasya. Ah, I have said good-bye again."	Прощай, Настасья... ах, опять "прощай" сказала!..
Pulcheria Alexandrovna meant to greet Sonia, too; but it somehow failed to come off, and she went in a flutter out of the room.	Пульхерия Александровна хотела было и Сонечке поклониться, но как-то не удалось, и, заторопившись, вышла из комнаты.
But Avdotya Romanovna seemed to await her turn, and following her mother out, gave Sonia an attentive, courteous bow.	Но Авдотья Романовна как будто ждала очереди и, проходя вслед за матерью мимо Сони, отклонялась ей внимательным, вежливым и полным поклоном.
Sonia, in confusion, gave a hurried, frightened curtsy. There was a look of poignant discomfort in her face, as though Avdotya Romanovna's courtesy and attention were oppressive and painful to her.	Сонечка смутилась, поклонилась как-то уторопленно и испуганно, какое-то даже болезненное ощущение отразилось в лице ее, как будто вежливость и внимание Авдотьи Романовны были ей тягостны и мучительны.

"Dounia, good-bye," called Raskolnikov, in the passage. "Give me your hand."	- Дуня, прощай же! - крикнул Раскольников уже в сени, - дай же руку-то!
"Why, I did give it to you. Have you forgotten?" said Dounia, turning warmly and awkwardly to him.	- Да ведь я же подавала, забыл? - отвечала Дуня, ласково и неловко оборачиваясь к нему.
"Never mind, give it to me again."	- Ну что ж, еще дай!
And he squeezed her fingers warmly.	И он крепко стиснул ее пальчики.
Dounia smiled, flushed, pulled her hand away, and went off quite happy.	Дунечка улыбнулась ему, покраснелась, поскорее вырвала свою руку и ушла за матерью, тоже почему-то вся счастливая.
"Come, that's capital," he said to Sonia, going back and looking brightly at her. "God give peace to the dead, the living	- Ну вот и славно! - сказал он Соне, возвращаясь к себе и ясно посмотрев на нее, - упокой господь мертвых, а живым еще

have still to live.	жить!
That is right, isn't it?"	Так ли? Так ли? Ведь так?
Sonia looked surprised at the sudden brightness of his face. He looked at her for some moments in silence. The whole history of the dead father floated before his memory in those moments.... *****	Соня даже с удивлением смотрела на внезапно просветлевшее лицо его; он несколько мгновений молча и пристально в нее вглядывался: весь рассказ о ней покойника отца ее пронесся в эту минуту вдруг в его памяти...
"Heavens, Dounia," Pulcheria Alexandrovna began, as soon as they were in the street, "I really feel relieved myself at coming away--more at ease.	- Господи, Дунечка! - заговорила тотчас же Пульхерия Александровна, как вышли на улицу, - вот ведь теперь сама точно рада, что мы ушли: легче как-то.
How little did I think yesterday in the train that I could ever be glad of that."	Ну, думала ли я вчера, в вагоне, что даже этому буду радоваться!
"I tell you again, mother, he is still very ill.	- Опять говорю вам, маменька, он еще очень болен.
Don't you see it?	Неужели вы не видите?
Perhaps worrying about us upset him.	Может быть, страдая по нас, и расстроил себя.
We must be patient, and much, much can be forgiven."	Надо быть снисходительным и многое, многое можно простить.
"Well, you were not very patient!" Pulcheria Alexandrovna caught her up, hotly and jealously.	- А вот ты и не была снисходительна! - горячо и ревниво перебила тотчас же Пульхерия Александровна.
"Do you know, Dounia, I was looking at you two. You are the very portrait of him, and not so much in face as in soul. You are both melancholy, both morose and hot-tempered, both haughty and both generous....	- Знаешь, Дуня, смотрела я на вас обоих, совершенный ты его портрет и не столько лицом, сколько душою: оба вы меланхолики, оба угрюмые и вспыльчивые, оба высокомерные и оба великодушные...
Surely he can't be an egoist, Dounia. Eh?	Ведь не может быть, чтоб он эгоист был, Дунечка? а?..
When I think of what is in store for us this evening, my heart sinks!"	А как подумаю, что у нас вечером будет сегодня, так все сердце и отнимается!
"Don't be uneasy, mother. What must be, will be."	- Не беспокойтесь, маменька, будет то, что должно быть.
"Dounia, only think what a position we are in!	- Дунечка! Да подумай только, в каком мы теперь положении!

What if Pyotr Petrovitch breaks it off?" poor Pulcheria Alexandrovna blurted out, incautiously.	Ну что, если Петр Петрович откажется? - неосторожно высказала вдруг бедная Пульхерия Александровна.
"He won't be worth much if he does," answered Dounia, sharply and contemptuously.	- Так чего ж он будет стоять после того! - резко и презрительно ответила Дунечка.
"We did well to come away," Pulcheria Alexandrovna hurriedly broke in. "He was in a hurry about some business or other. If he gets out and has a breath of air... it is fearfully close in his room.... But where is one to get a breath of air here?"	- Это мы хорошо сделали, что теперь ушли, -заторопилась, перебивая, Пульхерия Александровна, - он куда-то по делу спешил: пусть пройдет, воздухом хоть подышит... ужас у него душно... а где тут воздухом-то дышать?
The very streets here feel like shut-up rooms.	Здесь и на улицах, как в комнатах без форточек.
Good heavens! what a town!... stay... this side... they will crush you--carrying something.	Господи, что за город!.. Пстой, посторонись, задавят, несут что-то!
Why, it is a piano they have got, I declare... how they push!...	Ведь это фортепиано пронесли, право... как толкаются...
I am very much afraid of that young woman, too."	Этой девицы я тоже очень боюсь...
"What young woman, mother?"	- Какой девицы, маменька?
"Why, that Sofya Semyonovna, who was there just now."	- Да вот этой, Софьи-то Семеновны, что сейчас была...
"Why?"	- Чего же?
"I have a presentiment, Dounia.	- Предчувствие у меня такое, Дуня.
Well, you may believe it or not, but as soon as she came in, that very minute, I felt that she was the chief cause of the trouble...."	Ну, веришь или нет, как вошла она, я в ту же минуту и подумала, что тут-то вот главное-то и сидит...
"Nothing of the sort!" cried Dounia, in vexation.	- Совсем ничего не сидит! - с досадой вскрикнула Дуня.
"What nonsense, with your presentiments, mother!	- И какие вы с вашими предчувствиями, мамаша!
He only made her acquaintance the evening before, and he did not know her when she came in."	Он только со вчерашнего дня с ней знаком, а теперь, как вошла, не узнал.
"Well, you will see...."	- Ну, вот и увидишь!..
She worries me; but you will see, you will	Смущает она меня, вот увидишь,

see!	увидишь!
I was so frightened. She was gazing at me with those eyes. I could scarcely sit still in my chair when he began introducing her, do you remember?	И так я испугалась: глядит она на меня, глядит, глаза такие, я едва на стуле усидела, помнишь, как рекомендовать начал?
It seems so strange, but Pyotr Petrovitch writes like that about her, and he introduces her to us--to you!	И странно мне: Петр Петрович так об ней пишет, а он ее нам рекомендует, да еще тебе!
So he must think a great deal of her."	Стало быть, ему дорога!
"People will write anything.	- Мало ли что пишет!
We were talked about and written about, too. Have you forgotten?	Об нас тоже говорили, да и писали, забыли, что ль?

I am sure that she is a good girl, and that it is all nonsense."	А я уверена, что она... прекрасная и что все это -вздор!
"God grant it may be!"	- Дай ей бог!
"And Pyotr Petrovitch is a contemptible slanderer," Dounia snapped out, suddenly.	- А Петр Петрович негодный сплетник, - вдруг отрезала Дунечка.
Pulcheria Alexandrovna was crushed; the conversation was not resumed.	Пульхерия Александровна так и приникла. Разговор прервался.
***** "I will tell you what I want with you," said Raskolnikov, drawing Razumihin to the window.	- Вот что, вот какое у меня до тебя дело... -сказал Раскольников, отводя Разумихина к окошку...
"Then I will tell Katerina Ivanovna that you are coming," Sonia said hurriedly, preparing to depart.	- Так я скажу Катерине Ивановне, что вы придете... - заторопилась Соня, откланиваясь, чтоб уйти.
"One minute, Sofya Semyonovna. We have no secrets. You are not in our way.	- Сейчас, Софья Семеновна, у нас нет секретов, вы не мешаете...
I want to have another word or two with you.	Я бы хотел вам еще два слова сказать...
Listen!" he turned suddenly to Razumihin again.	Вот что, - обратился он вдруг, не dokonчив, точно сорвал, к Разумихину.
"You know that... what's his name...	- Ты ведь знаешь этого... Как его!..
Porfiry Petrovitch?"	Порфирия Петровича?
"I should think so!	- Еще бы!
He is a relation.	Родственник.

Why?" added the latter, with interest.	А что такое? - прибавил тот каким-то взрывом любопытства.
"Is not he managing that case... you know, about that murder?... You were speaking about it yesterday."	- Ведь он теперь это дело... ну, вот, по этому убийству... вот вчера-то вы говорили... ведет?
"Yes... well?"	- Да... ну?
Razumihin's eyes opened wide.	- Разумихин вдруг выпучил глаза.
"He was inquiring for people who had pawned things, and I have some pledges there, too--trifles--a ring my sister gave me as a keepsake when I left home, and my father's silver watch--they are only worth five or six roubles altogether... but I value them.	- Он закладчиков спрашивал, а там у меня тоже заклады есть, так, дрянцо, однако ж сестрино колечко, которое она мне на память подарила, когда я сюда уезжал, да отцовские серебряные часы. Все стоит рублей пять-шесть, но мне дорого, память.
So what am I to do now?	Так что мне теперь делать?
I do not want to lose the things, especially the watch.	Не хочу я, чтоб вещи пропали, особенно часы.
I was quaking just now, for fear mother would ask to look at it, when we spoke of Dounia's watch.	Я трепетал давеча, что мать спросит взглянуть на них, когда про Дунечкины часы заговорили.
It is the only thing of father's left us.	Единственная вещь, что после отца уцелела.
She would be ill if it were lost.	Она больна сделается, если они пропадут!
You know what women are.	Женщины!
So tell me what to do.	Так вот как быть, научи!

I know I ought to have given notice at the police station, but would it not be better to go straight to Porfiry? Eh?	Знаю, что надо бы в часть заявить. А не лучше ли самому Порфирию, а?
What do you think?	Как ты думаешь?
The matter might be settled more quickly.	Дело-то поскорее бы обделать.
You see, mother may ask for it before dinner."	Увидишь, что еще до обеда маменька спросит!
"Certainly not to the police station. Certainly to Porfiry," Razumihin shouted in extraordinary excitement.	- Отнюдь не в часть и непременно к Порфирию!- крикнул в каком-то необыкновенном волнении Разумихин.
"Well, how glad I am.	- Ну, как я рад!
Let us go at once. It is a couple of steps. We shall be sure to find him."	Да чего тут, идем сейчас, два шага, наверно застанем!
"Very well, let us go."	- Пожалуй... идем...
"And he will be very, very glad to make your acquaintance.	- А он очень, очень, очень, очень будет рад с тобой познакомиться!
I have often talked to him of you at different times.	Я много говорил ему о тебе, в разное время...
I was speaking of you yesterday.	И вчера говорил.
Let us go.	Идем!..
So you knew the old woman?	Так ты знал старуху?
So that's it!	То-то!..
It is all turning out splendidly....	Ве-ли-ко-лепно это все обернулось!..
Oh, yes, Sofya Ivanovna..."	Ах да... Софья Ивановна...
"Sofya Semyonovna," corrected Raskolnikov.	- Софья Семеновна, - поправил Раскольников.
"Sofya Semyonovna, this is my friend Razumihin, and he is a good man."	- Софья Семеновна, это приятель мой, Разумихин, и человек он хороший...
"If you have to go now," Sonia was beginning, not looking at Razumihin at all, and still more embarrassed.	- Если вам теперь надо идти... - начала было Соня, совсем и не посмотрев на Разумихина, а от этого еще более сконфузившись.
"Let us go," decided Raskolnikov. "I will come to you to-day, Sofya Semyonovna. Only tell me where you	- И пойдете! - решил Раскольников, - я к вам зайду сегодня же, Софья Семеновна, скажите

live."	мне только, где вы живете?
He was not exactly ill at ease, but seemed hurried, and avoided her eyes.	Он не то что сбивался, а так, как будто торопился и избегал ее взглядов.
Sonia gave her address, and flushed as she did so.	Соня дала свой адрес и при этом покраснела.
They all went out together.	Все вместе вышли.
"Don't you lock up?" asked Razumihin, following him on to the stairs.	- Не запираешь разве? - спросил Разумихин, сходя по лестнице вслед за ними.
"Never," answered Raskolnikov.	- Никогда!..
"I have been meaning to buy a lock for these two years.	Впрочем, вот уж два года хочу все замок купить, -прибавил он небрежно.

People are happy who have no need of locks," he said, laughing, to Sonia.	- Счастливые ведь люди, которым запирать нечего? - обратился он, смеясь, к Соне.
They stood still in the gateway.	На улице стали в воротах.
"Do you go to the right, Sofya Semyonovna?	- Вам направо, Софья Семеновна?
How did you find me, by the way?" he added, as though he wanted to say something quite different.	Кстати: как вы меня отыскиали? - спросил он, как будто желая сказать ей чтото совсем другое.
He wanted to look at her soft clear eyes, but this was not easy.	Ему все хотелось смотреть в ее тихие, ясные глаза, и как-то это все не так удавалось...
"Why, you gave your address to Polenka yesterday."	- Да ведь вы Полечке вчера адрес сказали.
"Polenka?	- Поля?
Oh, yes; Polenka, that is the little girl.	Ах да... Полечка!
She is your sister?	Это... маленькая... это ваша сестра?
Did I give her the address?"	Так я ей адрес дал?
"Why, had you forgotten?"	- Да разве вы забыли?
"No, I remember."	- Нет... помню...
"I had heard my father speak of you... only I did not know your name, and he did not know it.	- А я об вас еще от покойника тогда же слышала... Только не знала тогда еще вашей фамилии, да и он сам не знал...
And now I came... and as I had learnt your name, I asked to-day, 'Where does	А теперь пришла... и как узнала вчера вашу фамилию... то и спросила сегодня: тут

Mr. Raskolnikov live?'	господин Раскольников где живет?..
I did not know you had only a room too....	И не знала, что вы тоже от жильцов живете...
Good-bye, I will tell Katerina Ivanovna."	Прощайте-с... Я Катерине Ивановне...
She was extremely glad to escape at last; she went away looking down, hurrying to get out of sight as soon as possible, to walk the twenty steps to the turning on the right and to be at last alone, and then moving rapidly along, looking at no one, noticing nothing, to think, to remember, to meditate on every word, every detail.	Она ужасно рада была, что наконец ушла; пошла потупясь, торопясь, чтоб поскорей как-нибудь уйти у них из виду, чтобы пройти как-нибудь поскорей эти двадцать шагов до поворота направо в улицу и остаться наконец одной, и там, идя, спеша, ни на кого не глядя, ничего не замечая, думать, вспоминать, соображать каждое сказанное слово, каждое обстоятельство.
Never, never had she felt anything like this.	Никогда, никогда она не ощущала ничего подобного.
Dimly and unconsciously a whole new world was opening before her.	Целый новый мир неведомо и смутно сошел в ее душу.
She remembered suddenly that Raskolnikov meant to come to her that day, perhaps at once!	Она припомнила вдруг, что Раскольников сам хотел к ней сегодня зайти, может, еще утром, может, сейчас!
"Only not to-day, please, not to-day!" she kept muttering with a sinking heart, as though entreating someone, like a frightened child.	- Только уж не сегодня, пожалуйста, не сегодня!- бормотала она с замиранием сердца, точно кого-то упрашивая, как ребенок в испуге.
"Mercy! to me... to that room... he will see... oh, dear!"	- Господи! Ко мне... в эту комнату... он увидит... о господи!

She was not capable at that instant of noticing an unknown gentleman who was watching her and following at her heels.	И, уж конечно, она не могла заметить в эту минуту одного незнакомого ей господина, прилежно следившего за ней и провожавшего ее по пятам.
He had accompanied her from the gateway.	Он провожал ее с самого выхода из ворот.
At the moment when Razumihin, Raskolnikov, and she stood still at parting on the pavement, this gentleman, who was just passing, started on hearing Sonia's words: "and I asked where Mr. Raskolnikov lived?"	В ту минуту, когда все трое, Разумихин, Раскольников и она, остановились на два слова на тротуаре, этот прохожий, обходя их, вдруг как бы вздрогнул, нечаянно на лету поймав слова Сони: "и спросила: господин Раскольников где живет?"
He turned a rapid but attentive look	

upon all three, especially upon Raskolnikov, to whom Sonia was speaking; then looked back and noted the house.	Он быстро, но внимательно оглядел всех троих, в особенности же Раскольникова, к которому обращалась Соня; потом посмотрел на дом и заметил его.
All this was done in an instant as he passed, and trying not to betray his interest, he walked on more slowly as though waiting for something.	Все это сделано было в мгновение, на ходу, и прохожий, стараясь не показать даже виду, пошел далее, убавив шаг и как бы в ожидании.
He was waiting for Sonia; he saw that they were parting, and that Sonia was going home.	Он поджидал Соню; он видел, что они прощались и что Соня пойдет сейчас куда-то к себе.
"Home?"	"Так куда же к себе?"
Where? I've seen that face somewhere," he thought. "I must find out."	Видел где-то это лицо, - думал он, припоминая лицо Сони... - надо узнать".
At the turning he crossed over, looked round, and saw Sonia coming the same way, noticing nothing. She turned the corner. He followed her on the other side.	Дойдя до поворота, он перешел на противоположную сторону улицы, обернулся и увидел, что Соня уже идет вслед за ним, по той же дороге, и ничего не замечая.
After about fifty paces he crossed over again, overtook her and kept two or three yards behind her.	Дойдя до поворота, как раз и она повернула в эту же улицу. Он пошел вслед, не спуская с нее глаз с противоположного тротуара; пройдя шагов пятьдесят, перешел опять на ту сторону, по которой шла Соня, догнал ее и пошел за ней, оставаясь в пяти шагах расстояния.
He was a man about fifty, rather tall and thickly set, with broad high shoulders which made him look as though he stooped a little.	Это был человек лет пятидесяти, росту повыше среднего, дородный, с широкими и крутыми плечами, что придавало ему несколько сутуловатый вид.
He wore good and fashionable clothes, and looked like a gentleman of position.	Был он щегольски и комфортно одет и смотрел осанистым барином.
He carried a handsome cane, which he tapped on the pavement at each step; his gloves were spotless.	В руках его была красивая трость, которою он постукивал, с каждым шагом, по тротуару, а руки были в свежих перчатках.
He had a broad, rather pleasant face with high cheek-bones and a fresh colour, not often seen in Petersburg.	Широкое, скулистое лицо его было довольно приятно, и цвет лица был свежий, не петербургский.
His flaxen hair was still abundant, and	Волосы его, очень еще густые, были совсем

only touched here and there with grey, and his thick square beard was even lighter than his hair.	белокурые и чуть-чуть разве с проседью, а широкая, густая борода, спускавшаяся лопатой, была еще светлее головных волос.
His eyes were blue and had a cold and thoughtful look; his lips were crimson.	Глаза его были голубые и смотрели холоднопристально и вдумчиво; губы алые.
He was a remarkably well-preserved man and looked much younger than his years.	Вообще это был отлично сохранившийся человек и казавшийся гораздо моложе своих лет.
When Sonia came out on the canal bank, they were the only two persons on the pavement.	Когда Соня вышла на канаву, они очутились вдвоем на тротуаре.
He observed her dreaminess and preoccupation.	Наблюдая ее, он успел заметить ее задумчивость и рассеянность.
On reaching the house where she lodged, Sonia turned in at the gate; he followed her, seeming rather surprised.	Дойдя до своего дома, Соня повернула в ворота, он за ней и как бы несколько удивившись.
In the courtyard she turned to the right corner.	Войдя во двор, она взяла вправо, в угол, где была лестница в ее квартиру.
"Bah!" muttered the unknown gentleman, and mounted the stairs behind her.	"Ба!" - пробормотал незнакомый барин и начал взбираться вслед за ней по ступеням.
Only then Sonia noticed him.	Тут только Соня заметила его.
She reached the third storey, turned down the passage, and rang at No. 9. On the door was inscribed in chalk,	Она прошла в третий этаж, повернула в галерею и позвонила в девятый номер, на дверях которого было написано мелом:
"Kapernaumov, Tailor."	"Капернауов портной".
"Bah!" the stranger repeated again, wondering at the strange coincidence, and he rang next door, at No. 8.	"Ба!" - повторил опять незнакомец, удивленный странным совпадением, и позвонил рядом в восьмой номер.
The doors were two or three yards apart.	Обе двери были шагах в шести одна от другой.
"You lodge at Kapernaumov's," he said, looking at Sonia and laughing.	- Вы у Капернауова стоите! - сказал он, смотря на Соню и смеясь.
"He altered a waistcoat for me yesterday.	- Он мне жилет вчера перешивал.

I am staying close here at Madame Ressler's.	А я здесь, рядом с вами, у мадам Ресслих, Гертруды Карловны.
How odd!"	Как пришлось-то!
Sonia looked at him attentively.	Соня посмотрела на него внимательно.
"We are neighbours," he went on gaily.	- Соседи, - продолжал он как-то особенно весело.
"I only came to town the day before yesterday.	- Я ведь всего третий день в городе.
Good-bye for the present."	Ну-с, пока до свидания.
Sonia made no reply; the door opened and she slipped in.	Соня не ответила; дверь отворили, и она проскользнула к себе.
She felt for some reason ashamed and uneasy.	Ей стало отчего-то стыдно, и как будто она обробела...

On the way to Porfiry's, Razumihin was obviously excited.	Разумихин дорогою к Порфирию был в особенно возбужденном состоянии.
"That's capital, brother," he repeated several times, "and I am glad!"	- Это, брат, славно, - повторял он несколько раз, -и я рад!
I am glad!"	Я рад!
"What are you glad about?" Raskolnikov thought to himself.	"Да чему ты рад?" - думал про себя Раскольников.
"I didn't know that you pledged things at the old woman's, too.	- Я ведь и не знал, что ты тоже у старухи закладывал.
And... was it long ago?	И... и... давно это было?
I mean, was it long since you were there?"	То есть давно ты был у ней?
"What a simple-hearted fool he is!"	"Экой ведь наивный дурак!"
"When was it?" Raskolnikov stopped still to recollect. "Two or three days before her death it must have been.	- Когда?... - приостановился Раскольников, припоминая, - да дня за три до ее смерти я был у ней, кажется.
But I am not going to redeem the things now," he put in with a sort of hurried and conspicuous solicitude about the things. "I've not more than a silver rouble left... after last night's accursed delirium!"	Впрочем, я ведь не выкупить теперь вещи иду, -подхватил он с какой-то торопливою и особенною заботой о вещах, - ведь у меня опять всего только рубль серебром... из-за этого вчерашнего проклятого бреда!..
He laid special emphasis on the delirium.	О бреде он произнес особенно внушительно.
"Yes, yes," Razumihin hastened to agree-	- Ну да, да, да, - торопливо и неизвестно

-with what was not clear. "Then that's why you... were stuck... partly... you know in your delirium you were continually mentioning some rings or chains!	чему поддакивал Разумихин, - так вот почему тебя тогда... поразило отчасти... а знаешь, ты и в бреду об каких-то колечках и цепочках все поминал!..
Yes, yes... that's clear, it's all clear now."	Ну да, да... Это ясно, все теперь ясно.
"Hullo!	"Вона!
How that idea must have got about among them.	Эк ведь расползлась у них эта мысль!
Here this man will go to the stake for me, and I find him delighted at having it _cleared up_ why I spoke of rings in my delirium!	Ведь вот этот человек за меня на распятие пойдет, а ведь очень рад, что разъяснилось, почему я о колечках в бреду поминал!
What a hold the idea must have on all of them!"	Эк ведь утвердилось у них у всех!.."
"Shall we find him?" he asked suddenly.	- А застанем мы его? - спросил он вслух.
"Oh, yes," Razumihin answered quickly.	- Застанем, застанем, - торопился Разумихин.
"He is a nice fellow, you will see, brother.	- Это, брат, славный парень, увидишь!
Rather clumsy, that is to say, he is a man of polished manners, but I mean clumsy in a different sense.	Неуклюж немного, то есть он человек и светский, но я в другом отношении говорю неуклюж.
He is an intelligent fellow, very much so indeed, but he has his own range of ideas....	Малый умный, умный, очень даже неглупый, только какой-то склад мыслей особенный...
He is incredulous, sceptical, cynical... he likes to impose on people, or rather to make fun of them.	Недоверчив, скептик, циник... надувать любит, то есть не надувать, а дурачить...

His is the old, circumstantial method....	Ну и материальный старый метод...
But he understands his work... thoroughly....	А дело знает, знает...
Last year he cleared up a case of murder in which the police had hardly a clue.	Он одно дело, прошлого года, такое об убийстве разыскал, в котором почти все следы были потеряны!
He is very, very anxious to make your acquaintance!"	Очень, очень, очень желает с тобой познакомиться!
"On what grounds is he so anxious?"	- Да с какой же стати очень-то?
"Oh, it's not exactly... you see, since you've been ill I happen to have mentioned you	- То есть не то чтобы... видишь, в последнее время, вот как ты заболел, мне часто и много приходилось об тебе

several times....	поминать...
So, when he heard about you... about your being a law student and not able to finish your studies, he said,	Ну, он слушал... и как узнал, что ты по юридическому и кончить курса не можешь, по обстоятельствам, то сказал:
"What a pity!"	"Как жаль!"
And so I concluded... from everything together, not only that; yesterday Zametov... you know, Rodya, I talked some nonsense on the way home to you yesterday, when I was drunk... I am afraid, brother, of your exaggerating it, you see."	Я и заключил... то есть все это вместе, не одно ведь это; вчера Заметов... Видишь, Родя, я тебе что-то вчера болтал в пьяном виде, как домой-то шли... так я, брат, боюсь, чтоб ты не преувеличил, видишь...
"What?	- Что это?
That they think I am a madman?	Что меня сумасшедшим-то считают?
Maybe they are right," he said with a constrained smile.	Да, может, и правда. Он напряженно усмехнулся.
"Yes, yes.... That is, pooh, no!...	- Да... да... то есть тьфу, нет!..
But all that I said (and there was something else too) it was all nonsense, drunken nonsense."	Ну, да все, что я говорил (и про другое тут же), это все было вздор и с похмелья.
"But why are you apologising?	- Да чего ты извиняешься!
I am so sick of it all!" Raskolnikov cried with exaggerated irritability.	Как это мне все надоело! - крикнул Раскольников с преувеличенной раздражительностью.
It was partly assumed, however.	Он, впрочем, отчасти притворился.
"I know, I know, I understand.	- Знаю, знаю, понимаю.
Believe me, I understand.	Будь уверен, что понимаю.
One's ashamed to speak of it."	Стыдно и говорить даже...
"If you are ashamed, then don't speak of it."	- А коль стыдно, так и не говори!
Both were silent.	Оба замолчали.
Razumihin was more than ecstatic and Raskolnikov perceived it with repulsion.	Разумихин был более чем в восторге, и Раскольников с отвращением это чувствовал.
He was alarmed, too, by what Razumihin had just said about Porfiry.	Тревожило его и то, что Разумихин сейчас говорил о Порфирии.

"I shall have to pull a long face with him	"Этому тоже надо Лазаря петь, - думал он,
--	---

too," he thought, with a beating heart, and he turned white, "and do it naturally, too.	бледнея и с постукивающим сердцем, - и натуральнее петь.
But the most natural thing would be to do nothing at all.	Натуральнее всего ничего бы не петь.
Carefully do nothing at all!	Усиленно ничего не петь!
No, _carefully_ would not be natural again....	Нет, усиленно было бы опять ненатурально...
Oh, well, we shall see how it turns out.... We shall see... directly. Is it a good thing to go or not?	Ну, да там как обернется... посмотрим... сейчас... хорошо иль не хорошо, что я иду?
The butterfly flies to the light.	Бабочка сама на свечку летит.
My heart is beating, that's what's bad!"	Сердце стучит, вот что нехорошо!.."
"In this grey house," said Razumihin.	- В этом сером доме, - сказал Разумихин.
"The most important thing, does Porfiry know that I was at the old hag's flat yesterday... and asked about the blood?	"Важнее всего, знает Порфир иль не знает, что я вчера у этой ведьмы в квартире был... и про кровь спрашивал?
I must find that out instantly, as soon as I go in, find out from his face; otherwise... I'll find out, if it's my ruin."	В один миг надо это узнать, с первого шагу, как войду, по лицу узнать; и-на-че... хоть пропаду, да узнаю!"
"I say, brother," he said suddenly, addressing Razumihin, with a sly smile, "I have been noticing all day that you seem to be curiously excited.	- А знаешь что? - вдруг обратился он к Разумихину с плутоватою улыбкой, - я, брат, сегодня заметил, что ты с утра в каком-то необыкновенном волнении состоишь?
Isn't it so?"	Правда?
"Excited?"	- В каком волнении?
Not a bit of it," said Razumihin, stung to the quick.	Вовсе ни в каком не в волнении, - передернуло Разумихина.
"Yes, brother, I assure you it's noticeable.	- Нет, брат, право, заметно.
Why, you sat on your chair in a way you never do sit, on the edge somehow, and you seemed to be writhing all the time.	На стуле ты давеча сидел так, как никогда не сидишь, как-то на кончике, и все тебя судорога дергала.
You kept jumping up for nothing.	Вскакивал ни с того, ни с сего.
One moment you were angry, and the	То сердитый, а то вдруг рожа как сладчайший

next your face looked like a sweetmeat.	леденец отчего-то сделается.
You even blushed; especially when you were invited to dinner, you blushed awfully."	Краснел даже; особенно, когда тебя пригласили обедать, ты ужасно покраснел.
"Nothing of the sort, nonsense!	- Да ничего я; врешь!..
What do you mean?"	Ты про что это?
"But why are you wriggling out of it, like a schoolboy?	- Да что ты, точно школьник, юлишь!
By Jove, there he's blushing again."	Фу, черт, да он опять покраснел!
"What a pig you are!"	- Какая ты свинья, однако ж!
"But why are you so shamefaced about it?	- Да ты чего конфузишься?

Romeo!	Ромео!
Stay, I'll tell of you to-day. Ha-ha-ha!	Постой, я это кое-где перескажу сегодня, ха-ха-ха!
I'll make mother laugh, and someone else, too..."	Вот маменьку-то посмешу... да и еще кой-кого...
"Listen, listen, listen, this is serious.... What next, you fiend!"	- Послушай, послушай, послушай, ведь это серьезно, ведь это...
Razumihin was utterly overwhelmed, turning cold with horror.	Что ж это после этого, черт! - сбился окончательно Разумихин, холодея от ужаса.
"What will you tell them?	- Что ты им расскажешь?
Come, brother... foo! what a pig you are!"	Я, брат... Фу, какая же ты свинья!
"You are like a summer rose.	- Просто роза весенняя!
And if only you knew how it suits you; a Romeo over six foot high!	И как это к тебе идет, если б ты знал; Ромео десяти вершков росту!
And how you've washed to-day--you cleaned your nails, I declare. Eh?	Да как ты вымылся сегодня, ногти ведь отчистил, а?
That's something unheard of!	Когда это бывало?
Why, I do believe you've got pomatum on your hair!	Да ей-богу же ты на помадился!
Bend down."	Нагнись-ка!
"Pig!"	- Свинья!!!

Raskolnikov laughed as though he could not restrain himself. So laughing, they entered Porfiry Petrovitch's flat.	Раскольников до того смеялся, что, казалось, уж и сдержать себя не мог, так со смехом и вступили в квартиру Порфирия Петровича.
This is what Raskolnikov wanted: from within they could be heard laughing as they came in, still guffawing in the passage.	Того и надо было Раскольникову: из комнат можно было услышать, что они вошли смеясь и все еще хохочут в прихожей.
"Not a word here or I'll... brain you!" Razumihin whispered furiously, seizing Raskolnikov by the shoulder.	- Ни слова тут, или я тебя... разmozжу! - прошептал в бешенстве Разумихин, хватая за плечо Раскольникова.
CHAPTER V	V
Raskolnikov was already entering the room.	Тот уже входил в комнаты.
He came in looking as though he had the utmost difficulty not to burst out laughing again.	Он вошел с таким видом, как будто изо всей силы сдерживался, чтобы не прыснуть как-нибудь со смеху.
Behind him Razumihin strode in gawky and awkward, shamefaced and red as a peony, with an utterly crestfallen and ferocious expression.	За ним, с совершенно опрокинутою и свирепою физиономией, красный как пион, долговязо и неловко, вошел стыдящийся Разумихин.
His face and whole figure really were ridiculous at that moment and amply justified Raskolnikov's laughter.	Лицо его и вся фигура действительно были в эту минуту смешны и оправдывали смех Раскольникова.

Raskolnikov, not waiting for an introduction, bowed to Porfiry Petrovitch, who stood in the middle of the room looking inquiringly at them. He held out his hand and shook hands, still apparently making desperate efforts to subdue his mirth and utter a few words to introduce himself.	Раскольников, еще не представленный, поклонился стоявшему посреди комнаты и вопросительно глядевшему на них хозяину, протянул и пожал ему руку все еще с видимым чрезвычайным усилием подавить свою веселость и по крайней мере хоть два-три слова выговорить, чтоб отрекомендовать себя.
But he had no sooner succeeded in assuming a serious air and muttering something when he suddenly glanced again as though accidentally at Razumihin, and could no longer control himself: his stifled laughter broke out the more irresistibly the more he tried to restrain it.	Но едва только он успел принять серьезный вид и что-то пробормотать - вдруг, как бы невольно, взглянул опять на Разумихина и тут уже не мог выдержать: подавленный смех прорвался тем неудержимее, чем сильнее до сих пор сдерживался.
The extraordinary ferocity with which Razumihin received this "spontaneous"	Необыкновенная свирепость, с которою принимал этот "задушевный" смех Разумихин,

mirth gave the whole scene the appearance of most genuine fun and naturalness.	придавала всей этой сцене вид самой искренней веселости и, главное, натуральности.
Razumihin strengthened this impression as though on purpose.	Разумихин, как нарочно, еще помог делу.
"Fool! You fiend," he roared, waving his arm which at once struck a little round table with an empty tea-glass on it.	- Фу, черт! - заревел он, махнув рукой, и как раз ударил ее об маленький круглый столик, на котором стоял допитый стакан чаю.
Everything was sent flying and crashing.	Все полетело и зазвенело.
"But why break chairs, gentlemen? You know it's a loss to the Crown," Porfiry Petrovitch quoted gaily.	- Да зачем же стулья-то ломать, господа, казне ведь убыток! - весело закричал Порфирий Петрович.
Raskolnikov was still laughing, with his hand in Porfiry Petrovitch's, but anxious not to overdo it, awaited the right moment to put a natural end to it.	Сцена представлялась таким образом: Раскольников досмеивался, забыв свою руку в руке хозяина, но, зная мерку, выжидал мгновения поскорее и натуральнее кончить.
Razumihin, completely put to confusion by upsetting the table and smashing the glass, gazed gloomily at the fragments, cursed and turned sharply to the window where he stood looking out with his back to the company with a fiercely scowling countenance, seeing nothing.	Разумихин, сконфуженный окончательно падением столика и разбившимся стаканом, мрачно поглядел на осколки, плюнул и круто повернул к окну, где и стал спиной к публике, с страшно нахмуренным лицом, смотря в окно и ничего не видя.
Porfiry Petrovitch laughed and was ready to go on laughing, but obviously looked for explanations.	Порфирий Петрович смеялся и желал смеяться, но очевидно было, что ему надо объяснений.
Zametov had been sitting in the corner, but he rose at the visitors' entrance and was standing in expectation with a smile on his lips, though he looked with surprise and even it seemed incredulity at the whole scene and at Raskolnikov with a certain embarrassment.	В углу на стуле сидел Заметов, привставший при входе гостей и стоявший в ожидании, раздвинув в улыбку рот, но с недоумением и даже как будто с недоверчивостью смотря на всю сцену, а на Раскольникова даже с каким-то замешательством.
Zametov's unexpected presence struck Raskolnikov unpleasantly.	Неожиданное присутствие Заметова неприятно поразило Раскольникова.
"I've got to think of that," he thought.	"Это еще надо сообразить!" - подумал он.

"Excuse me, please," he began, affecting extreme embarrassment. "Raskolnikov."	- Извините, пожалуйста, - начал он, усиленно законфузившись, - Раскольников...
"Not at all, very pleasant to see you... and how	- Помилуйте, очень приятно-с, да и

pleasantly you've come in....	приятно вы так вошли...
Why, won't he even say good-morning?" Porfiry Petrovitch nodded at Razumihin.	Что ж, он и здороваться уж не хочет? - кивнул Порфирий Петрович на Разумихина.
"Upon my honour I don't know why he is in such a rage with me.	- Ей-богу, не знаю, чего он на меня взбесился.
I only told him as we came along that he was like Romeo... and proved it. And that was all, I think!"	Я сказал ему только дорогой, что он на Ромео похож, и... и доказал, и больше ничего, кажется, не было.
"Pig!" ejaculated Razumihin, without turning round.	- Свинья! - отозвался, не оборачиваясь, Разумихин.
"There must have been very grave grounds for it, if he is so furious at the word," Porfiry laughed.	- Значит, очень серьезные причины имел, чтобы за одно словечко так рассердиться, - рассмеялся Порфирий.
"Oh, you sharp lawyer!...	- Ну, ты! следовательно!..
Damn you all!" snapped Razumihin, and suddenly bursting out laughing himself, he went up to Porfiry with a more cheerful face as though nothing had happened.	Ну, да черт с вами со всеми! - отрезал Разумихин и вдруг, рассмеявшись сам, с повеселевшим лицом, как ни в чем не бывало, подошел к Порфирию Петровичу.
"That'll do!	- Шабаш!
We are all fools. To come to business. This is my friend Rodion Romanovitch Raskolnikov; in the first place he has heard of you and wants to make your acquaintance, and secondly, he has a little matter of business with you.	Все дураки; к делу: вот приятель, Родион Романыч Раскольников, во-первых, наслышан и познакомиться пожелал, а во-вторых, дельце малое до тебя имеет.
Bah!	Ба!
Zametov, what brought you here?	Заметов! Ты здесь каким образом?
Have you met before?	Да разве вы знакомы?
Have you known each other long?"	Давно ль сошлись?
"What does this mean?" thought Raskolnikov uneasily.	"Это что еще!" - тревожно подумал Раскольников.
Zametov seemed taken aback, but not very much so.	Заметов как будто законфузился, но не очень.
"Why, it was at your rooms we met yesterday," he said easily.	- Вчера у тебя же познакомились, - сказал он развязно.

"Then I have been spared the trouble. All last week he was begging me to introduce him to you. Porfiry and you have sniffed each other out without me.	- Значит, от убытка бог избавил: на прошлой неделе ужасно просил меня, чтобы как-нибудь тебе, Порфирий, отрекомендоваться, а вы и без меня снюхались...
Where is your tobacco?"	Где у тебя табак?
Porfiry Petrovitch was wearing a dressing-gown, very clean linen, and trodden-down slippers.	Порфирий Петрович был по-домашнему, в халате, в весьма чистом белье и в стоптанных туфлях.

He was a man of about five and thirty, short, stout even to corpulence, and clean shaven. He wore his hair cut short and had a large round head, particularly prominent at the back.	Это был человек лет тридцати пяти, росту пониже среднего, полный и даже с брюшком, выбритый, без усов и без бакенбард, с плотно выстриженными волосами на большой круглой голове, как-то особенно выпукло закругленной на затылке.
His soft, round, rather snub-nosed face was of a sickly yellowish colour, but had a vigorous and rather ironical expression.	Пухлое, круглое и немного курносое лицо его было цвета больного, темно-желтого, но довольно бодрое и даже насмешливое.
It would have been good-natured except for a look in the eyes, which shone with a watery, mawkish light under almost white, blinking eyelashes.	Оно было бы даже и добродушное, если бы не мешало выражение глаз, с каким-то жидким водянистым блеском, прикрытых почти белыми, моргающими, точно подмигивая кому, ресницами.
The expression of those eyes was strangely out of keeping with his somewhat womanish figure, and gave it something far more serious than could be guessed at first sight.	Взгляд этих глаз как-то странно не гармонировал со всею фигурой, имевшею в себе даже что-то бабье, и придавал ей нечто гораздо более серьезное, чем с первого взгляда можно было от нее ожидать.
As soon as Porfiry Petrovitch heard that his visitor had a little matter of business with him, he begged him to sit down on the sofa and sat down himself on the other end, waiting for him to explain his business, with that careful and over-serious attention which is at once oppressive and embarrassing, especially to a stranger, and especially if what you are discussing is in your opinion of far too little importance for such exceptional solemnity.	Порфирий Петрович, как только услышал, что гость имеет до него "дельце", тотчас же попросил его сесть на диван, сам уселся на другом конце и уставился в гостя, в немедленном ожидании изложения дела, с тем усиленным и уж слишком серьезным вниманием, которое даже тяготит и смущает с первого раза, особенно по незнакомству, и особенно если то, что вы излагаете, по собственно важным, оказываемым вам вниманием.

But in brief and coherent phrases Raskolnikov explained his business clearly and exactly, and was so well satisfied with himself that he even succeeded in taking a good look at Porfiry.	Но Раскольников в коротких и связных словах, ясно и точно изъяснил свое дело и собой остался доволен так, что даже успел довольно хорошо осмотреть Порфирия.
Porfiry Petrovitch did not once take his eyes off him.	Порфирий Петрович тоже ни разу не свел с него глаз во все время.
Razumihin, sitting opposite at the same table, listened warmly and impatiently, looking from one to the other every moment with rather excessive interest.	Разумихин, поместившись напротив, за тем же столом, горячо и нетерпеливо следил за изложением дела, поминутно переводя глаза с того на другого и обратно, что уже выходило немного из мерки.
"Fool," Raskolnikov swore to himself.	"Дурак!" - ругнул про себя Раскольников.
"You have to give information to the police," Porfiry replied, with a most businesslike air, "that having learnt of this incident, that is of the murder, you beg to inform the lawyer in charge of the case that such and such things belong to you, and that you desire to redeem them... or... but they will write to you."	- Вам следует подать объявление в полицию, - с самым деловым видом отвечал Порфирий, - о том-с, что, известившись о таком-то происшествии, то есть об этом убийстве, вы просите, в свою очередь, уведомить следователя, которому поручено дело, что такие-то вещи принадлежат вам и что вы желаете их выкупить... или там... да вам, впрочем, напишут.
"That's just the point, that at the present moment," Raskolnikov tried his utmost to feign embarrassment, "I am not quite in funds... and even this trifling sum is beyond me... I only wanted, you see, for the present to declare that the things are mine, and that when I have money...."	- То-то и дело, что я, в настоящую минуту, -как можно больше постарался законфузиться Раскольников, - не совсем при деньгах... и даже такой мелочи не могу... я, вот видите ли, желал бы теперь только заявить, что эти вещи мои, но что когда будут деньги...
"That's no matter," answered Porfiry Petrovitch, receiving his explanation of his pecuniary position coldly, "but you can, if you prefer, write straight to me, to say, that having been informed of the matter, and claiming such and such as your property, you beg..."	- Это все равно-с, - ответил Порфирий Петрович, холодно принимая разъяснения о финансах, - а впрочем, можно вам и прямо, если захотите, написать ко мне, в том же смысле, что вот, известясь о том-то и объявляя о таких-то моих вещах, прошу...
"On an ordinary sheet of paper?" Raskolnikov interrupted eagerly, again interested in the financial side of the question.	- Это ведь на простой бумаге? - поспешил перебить Раскольников, опять интересуясь финансовой частью дела.
"Oh, the most ordinary," and suddenly Porfiry	- О, на самой простейшей-с! - и вдруг

Petrovitch looked with obvious irony at him, screwing up his eyes and, as it were, winking at him.	Порфирий Петрович как-то явно насмешливо посмотрел на него, прищурившись и как бы ему подмигнув.
But perhaps it was Raskolnikov's fancy, for it all lasted but a moment.	Впрочем, это, может быть, только так показалось Раскольникову, потому что продолжалось одно мгновение. По крайней мере, что-то такое было.
There was certainly something of the sort, Raskolnikov could have sworn he winked at him, goodness knows why.	Раскольников побожился, бы, что он ему подмигнул, черт знает для чего.
"He knows," flashed through his mind like lightning.	"Знает!" - промелькнуло в нем как молния.
"Forgive my troubling you about such trifles," he went on, a little disconcerted, "the things are only worth five roubles, but I prize them particularly for the sake of those from whom they came to me, and I must confess that I was alarmed when I heard..."	- Извините, что такими пустяками беспокоил, - продолжал он, несколько сбившись, - вещи мои стоят всего пять рублей, но они мне особенно дороги, как память тех, от кого достались, и, признаюсь, я, как узнал, очень испугался...
"That's why you were so much struck when I mentioned to Zossimov that Porfiry was inquiring for everyone who had pledges!" Razumihin put in with obvious intention.	- То-то ты так вспорхнулся вчера, когда я Зосимову сболтнул, что Порфирий закладчиков опрашивает! - ввернул Разумихин, с видимым намерением.
This was really unbearable.	Это уже было невыносимо.
Raskolnikov could not help glancing at him with a flash of vindictive anger in his black eyes, but immediately recollected himself.	Раскольников не вытерпел и злобно сверкнул на него загоревшимися гневом черными своими глазами. Тотчас же и опомнился.
"You seem to be jeering at me, brother?" he said to him, with a well-feigned irritability.	- Ты, брат, кажется, надо мной подсмеиваешься? - обратился он к нему, с ловко выделанным раздражением.
"I dare say I do seem to you absurdly anxious about such trash; but you mustn't think me selfish or grasping for that, and these two things may be anything but trash in my eyes.	- Я согласен, что, может быть, уже слишком забочусь об этакой дряни, на твои глаза; но нельзя же считать меня за это ни эгоистом, ни жадным, и, на мои глаза, эти две ничтожные вещицы могут быть вовсе не дрянь.
I told you just now that the silver watch, though it's not worth a cent, is the only thing left us of my father's.	Я тебе уже говорил сейчас, что эти серебряные часы, которым грош цена, единственная вещь, что после отца осталась.

You may laugh at me, but my mother is here," he turned suddenly to Porfiry, "and if she knew," he turned again hurriedly to Razumihin, carefully making his voice tremble, "that the watch was lost, she would be in despair!	Надо мной смейся, но ко мне мать приехала, - повернулся он вдруг к Порфирию, - и если б она узнала, - отвернулся он опять поскорей к Разумихину, стараясь особенно, чтобы задрожал голос, - что эти часы пропали, то, клянусь, она была бы в отчаянии!
You know what women are!"	Женщины! - Да вовсе же нет!
"Not a bit of it!	Я вовсе не в том смысле!
I didn't mean that at all! Quite the contrary!" shouted Razumihin distressed.	Я совершенно напротив! - кричал огорченный Разумихин.
"Was it right?	"Хорошо ли?
Was it natural?	Натурально ли?
Did I overdo it?" Raskolnikov asked himself in a tremor.	Не преувеличил ли? - трепетал про себя Раскольников.
"Why did I say that about women?"	- Зачем сказал: "женщины"?"
"Oh, your mother is with you?" Porfiry Petrovitch inquired.	- А к вам матушка приехала? - осведомился для чего-то Порфирий Петрович.
"Yes."	- Да
"When did she come?"	- Когда же это-с?
"Last night."	- Вчера вечером.
Porfiry paused as though reflecting.	Порфирий помолчал, как бы соображая.
"Your things would not in any case be lost," he went on calmly and coldly.	- Вещи ваши ни в каком случае и не могли пропасть, - спокойно и холодно продолжал он.
"I have been expecting you here for some time."	- Ведь я уже давно вас здесь поджидаю.
And as though that was a matter of no importance, he carefully offered the ash-tray to Razumihin, who was ruthlessly scattering cigarette ash over the carpet.	И как ни в чем не бывало, он заботливо стал подставлять пепельницу Разумихину, беспощадно сорившему на ковер папироской.
Raskolnikov shuddered, but Porfiry did not seem to be looking at him, and was still concerned with Razumihin's cigarette.	Раскольников вздрогнул, но Порфирий как будто и не глядел, все еще озабоченный папироской Разумихина.
"What?	- Что-о?
Expecting him?	Поджидал!

Why, did you know that he had pledges _there_?" cried Razumihin.	Да ты разве знал, что и он там закладывал? - крикнул Разумихин.
Porfiry Petrovitch addressed himself to Raskolnikov.	Порфирий Петрович прямо обратился к Раскольникову:
"Your things, the ring and the watch, were wrapped up together, and on the paper your name was legibly written in pencil, together with the date on which you left them with her..."	- Ваши обе вещи, кольцо и часы, были у ней под одну бумажку завернуты, а на бумажке ваше имя карандашом четко обозначено, ровно как и число месяца, когда она их от вас получила...
"How observant you are!" Raskolnikov smiled awkwardly, doing his very utmost to look him straight in the face, but he failed, and suddenly added: "I say that because I suppose there were a great many pledges... that it must be difficult to remember them all...."	- Как это вы так заметливы?.. - неловко усмехнулся было Раскольников, особенно стараясь смотреть ему прямо в глаза; но не смог утерпеть и вдруг прибавил: - Я потому так заметил сейчас, что, вероятно, очень много было закладчиков... так что вам трудно было бы их всех помнить...
But you remember them all so clearly, and... and..."	А вы, напротив, так отчетливо всех их помните, и... и...
"Stupid!"	"Глупо!"
Feeble!" he thought.	Слабо!
"Why did I add that?"	Зачем я это прибавил!"
"But we know all who had pledges, and you are the only one who hasn't come forward," Porfiry answered with hardly perceptible irony.	- А почти все закладчики теперь уж известны, так что вы только одни и не изволили пожаловать,- ответил Порфирий с чуть приметным оттенком насмешливости.
"I haven't been quite well."	- Я не совсем был здоров.
"I heard that too.	- И об этом слышал-с.
I heard, indeed, that you were in great distress about something.	Слышал даже, что уж очень были чем-то расстроены.
You look pale still."	Вы и теперь как будто бледны?
"I am not pale at all.... No, I am quite well," Raskolnikov snapped out rudely and angrily, completely changing his tone.	- Совсем не бледен... напротив, совсем здоров! -грубо и злобно отрезал Раскольников, вдруг переменяя тон.
His anger was mounting, he could not repress it.	Злоба в нем наikipала, и он не мог подавить ее.
"And in my anger I shall betray myself,"	"А в злобе-то и проговорюсь! - промелькнуло

flashed through his mind again.	в нем опять.
"Why are they torturing me?"	- А зачем они меня мучают!.."
"Not quite well!" Razumihin caught him up.	- Не совсем здоров! - подхватил Разумихин.
"What next!	- Эвона сморозил!
He was unconscious and delirious all yesterday.	До вчерашнего дня чуть не без памяти бредил...
Would you believe, Porfiry, as soon as our backs were turned, he dressed, though he could hardly stand, and gave us the slip and went off on a spree somewhere till midnight, delirious all the time!	Ну, веришь, Порфирий, сам едва не ногам, а чуть только мы, я да Зосимов, вчера отвернулись -оделся и удрал потихоньку и куролесил где-то чуть не до полночи, и это в совершеннейшем, я тебе скажу, бреду, можешь ты это представить!
Would you believe it! Extraordinary!"	Замечательнейший случай!
"Really delirious?"	- И неужели в совершеннейшем бреду?
You don't say so!" Porfiry shook his head in a womanish way.	Скажите пожалуйста! - с каким-то бабьим жестом покачал головою Порфирий.
"Nonsense!	- Э, вздор!
Don't you believe it!	Не верьте!

But you don't believe it anyway," Raskolnikov let slip in his anger.	А впрочем, ведь вы и без того не верите! - слишком уж со зла сорвалось у Раскольников.
But Porfiry Petrovitch did not seem to catch those strange words.	Но Порфирий Петрович как будто не расслышал этих странных слов.
"But how could you have gone out if you hadn't been delirious?" Razumihin got hot suddenly.	- Да как же мог ты выйти, коли не в бреду? -разгорячился вдруг Разумихин.
"What did you go out for?	- Зачем вышел?
What was the object of it?	Для чего?..
And why on the sly?	И почему именно тайком?
Were you in your senses when you did it?	Ну был ли в тебе тогда здравый смысл?
Now that all danger is over I can speak plainly."	Теперь, когда вся опасность прошла, я уж прямо тебе говорю!
"I was awfully sick of them yesterday." Raskolnikov addressed Porfiry suddenly with a smile of insolent defiance, "I ran	- Надоели они мне очень вчера, - обратился вдруг Раскольников к Порфирию с нахально-вызывающею

away from them to take lodgings where they wouldn't find me, and took a lot of money with me.	усмешкой, - я и убежал от них квартиру нанять, чтоб они меня не сыскали, и денег кучу с собой захватил.
Mr. Zametov there saw it.	Вон господин Заметов видел деньги-то.
I say, Mr. Zametov, was I sensible or delirious yesterday; settle our dispute."	А что, господин Заметов, умен я был вчера или в бреду, разрешите-ка спор?
He could have strangled Zametov at that moment, so hateful were his expression and his silence to him.	Он бы, кажется, так и задушил в эту минуту Заметова. Слишком уж взгляд его и молчание ему не нравились.
"In my opinion you talked sensibly and even artfully, but you were extremely irritable," Zametov pronounced dryly.	- По-моему, вы говорили весьма разумно-с и даже хитро-с, только раздражительны были уж слишком, - сухо заявил Заметов.
"And Nikodim Fomitch was telling me to-day," put in Porfiry Petrovitch, "that he met you very late last night in the lodging of a man who had been run over."	- А сегодня сказывал мне Никодим Фомич, -ввернул Порфирий Петрович, - что встретил вас вчера, уж очень поздно, в квартире одного, раздавленного лошадьми, чиновника...
"And there," said Razumihin, "weren't you mad then?"	- Ну вот хоть бы этот чиновник! - подхватил Разумихин, - ну, не сумасшедший ли был ты у чиновника?
You gave your last penny to the widow for the funeral.	Последние деньги на похороны вдове отдал!
If you wanted to help, give fifteen or twenty even, but keep three roubles for yourself at least, but he flung away all the twenty-five at once!"	Ну, захотел помочь - дай пятнадцать, дай двадцать, ну да хоть три целковых себе оставь, а то все двадцать пять так и отвалил!
"Maybe I found a treasure somewhere and you know nothing of it?"	- А может, я где-нибудь клад нашел, а ты не знаешь?
So that's why I was liberal yesterday....	Вот я вчера и расщедрился...
Mr. Zametov knows I've found a treasure!	Вон господин Заметов знает, что я клад нашел!..

Excuse us, please, for disturbing you for half an hour with such trivialities," he said, turning to Porfiry Petrovitch, with trembling lips.	Вы извините, пожалуйста, - обратился он со вздрагивающими губами к Порфирию, - что мы вас пустяшным таким перебором полчаса беспокоим.
"We are boring you, aren't we?"	Надоели ведь, а?
"Oh no, quite the contrary, quite the contrary!"	- Помилуйте-с, напротив, на-а-против!
If only you knew how you interest me!	Если бы вы знали, как вы меня интересуете!
It's interesting to look on and listen... and I am really glad you have come forward at last."	Любопытно и смотреть, и слушать... и я, признаюсь, так рад, что вы изволили, наконец, пожаловать...
"But you might give us some tea!"	- Да дай хоть чаю-то!
My throat's dry," cried Razumihin.	Горло пересохло! - вскричал Разумихин.
"Capital idea!"	- Прекрасная идея!
Perhaps we will all keep you company.	Может, и все компанию сделают.
Wouldn't you like... something more essential before tea?"	А не хочешь ли... посущественнее, перед чаем-то?
"Get along with you!"	- Убирайся!
Porfiry Petrovitch went out to order tea.	Порфирий Петрович вышел приказать чаю.
Raskolnikov's thoughts were in a whirl.	Мысли крутились как вихрь в голове Раскольникова.
He was in terrible exasperation.	Он был ужасно раздражен.
"The worst of it is they don't disguise it; they don't care to stand on ceremony!"	"Главное, даже и не скрываются, и церемониться не хотят!
And how if you didn't know me at all, did you come to talk to Nikodim Fomitch about me?"	А по какому случаю, коль меня совсем не знаешь, говорил ты обо мне с Никодимом Фомичем?
So they don't care to hide that they are tracking me like a pack of dogs.	Стало быть, уж и скрывать не хотят, что следят за мной, как стая собак!
They simply spit in my face." He was shaking with rage.	Так откровенно в рожу и плюют! - дрожал он от бешенства.
"Come, strike me openly, don't play with me like a cat with a mouse.	- Ну, бейте прямо, а не играйте, как кошка с мышью.
It's hardly civil, Porfiry Petrovitch, but perhaps I won't allow it!	Это ведь невежливо, Порфирий Петрович, ведь я еще, может быть, не позволю-с!..

I shall get up and throw the whole truth in your ugly faces, and you'll see how I despise you."	Встану, да и брякну всем в рожу всю правду; и увидите, как я вас презираю!..
He could hardly breathe.	Он с трудом перевел дыхание.
"And what if it's only my fancy?	- А что, если мне так только кажется?
What if I am mistaken, and through inexperience I get angry and don't keep up my nasty part?	Что, если это мираж, и я во всем ошибаюсь, по неопытности злюсь, подлой роли моей не выдерживаю?
Perhaps it's all unintentional.	Может быть, это все без намерения?

All their phrases are the usual ones, but there is something about them....	Все слова их обыкновенные, но что-то в них есть...
It all might be said, but there is something.	Все это всегда можно сказать, но что-то есть.
Why did he say bluntly, 'With her'?	Почему он сказал прямо "у ней"?
Why did Zametov add that I spoke artfully?	Почему Заметов прибавил, что я хитро говорил?
Why do they speak in that tone?	Почему они говорят таким тоном?
Yes, the tone....	Да... тон...
Razumihin is sitting here, why does he see nothing?	Разумихин тут же сидел, почему ж ему ничего не кажется?
That innocent blockhead never does see anything!	Этому невинному болвану никогда ничего не кажется!
Feverish again!	Опять лихорадка!..
Did Porfiry wink at me just now?	Подмигнул мне давеча Порфирий аль нет?
Of course it's nonsense! What could he wink for?	Верно, вздор; для чего бы подмигивать?
Are they trying to upset my nerves or are they teasing me?	Нервы, что ль, хотят мои раздражить али дразнят меня?
Either it's ill fancy or they know!	Или все мираж, или знают!..
Even Zametov is rude....	Даже Заметов дерзок...
Is Zametov rude?	Дерзок ли Заметов?
Zametov has changed his mind.	Заметов передумал за ночь.
I foresaw he would change his mind!	Я и предчувствовал, что передумает!
	Он здесь как свой, а сам в первый раз.

He is at home here, while it's my first visit.	
Porfiry does not consider him a visitor; sits with his back to him.	Порфирий его за гостя не считает, к нему задом сидит.
They're as thick as thieves, no doubt, over me!	Снюхались!
Not a doubt they were talking about me before we came.	Непременно из-за меня снюхались! Непременно до нас обо мне говорили!..
Do they know about the flat?	Знают ли про квартиру-то?
If only they'd make haste!	Поскорей бы уж!..
When I said that I ran away to take a flat he let it pass....	Когда я сказал, что квартиру нанять вчера убежал, он пропустил, не поднял...
I put that in cleverly about a flat, it may be of use afterwards....	А это я ловко про квартиру ввернул: потом пригодится!..
Delirious, indeed... ha-ha-ha!	В бреду, дескать!.. Ха-ха-ха!
He knows all about last night!	Он про весь вечер вчерашний знает!
He didn't know of my mother's arrival!	Про приезд матери не знал!..
The hag had written the date on in pencil!	А ведьма и число прописала карандашом!..
You are wrong, you won't catch me!	Врете, не дамся!

There are no facts... it's all supposition!	Ведь это еще не факты, это только мираж!
You produce facts!	Нет, вы давайте-ка фактов!
The flat even isn't a fact but delirium. I know what to say to them....	И квартира не факт, а бред; я знаю, что им говорить...
Do they know about the flat?	Знают ли про квартиру-то?
I won't go without finding out.	Не уйду, не узнав!
What did I come for?	Зачем я пришел?
But my being angry now, maybe is a fact!	А вот что я злюсь теперь, так это, пожалуй, и факт!
Fool, how irritable I am!	Фу, как я раздражителен!
Perhaps that's right; to play the invalid....	А может, и хорошо; болезненная роль...
He is feeling me.	Он меня ощупывает.
He will try to catch me.	Сбивать будет.

Why did I come?"	Зачем я пришел?"
All this flashed like lightning through his mind.	Все это, как молния, пронеслось в его голове.
Porfiry Petrovitch returned quickly.	Порфирий Петрович мигом воротился.
He became suddenly more jovial.	Он вдруг как-то повеселел.
"Your party yesterday, brother, has left my head rather....	- У меня, брат, со вчерашнего твоего голова...
And I am out of sorts altogether," he began in quite a different tone, laughing to Razumihin.	Да и весь я как-то развинтился, - начал он совсем другим тоном, смеясь, к Разумихину.
"Was it interesting?	- А что, интересно было?
I left you yesterday at the most interesting point.	Я ведь вас вчера на самом интересном пункте бросил?
Who got the best of it?"	Кто победил?
"Oh, no one, of course.	- Да никто, разумеется.
They got on to everlasting questions, floated off into space."	На вековые вопросы съехали, на воздушных парили.
"Only fancy, Rodya, what we got on to yesterday.	- Вообрази, Родя, на что вчера съехали: есть или нет преступление?
Whether there is such a thing as crime.	Говорил, что до чертиков доврались!
I told you that we talked our heads off."	- Что ж удивительного?
"What is there strange? It's an everyday social question," Raskolnikov answered casually.	Обыкновенный социальный вопрос, - рассеяно ответил Раскольников.
"The question wasn't put quite like that," observed Porfiry.	- Вопрос был не так формулирован, - заметил Порфирий.
"Not quite, that's true," Razumihin agreed at once, getting warm and hurried as usual.	- Не совсем так, это правда, - тотчас же согласился Разумихин, торопясь и разгорячаясь по обыкновению.

"Listen, Rodion, and tell us your opinion, I want to hear it.	- Видишь, Родион: слушай и скажи свое мнение.
I was fighting tooth and nail with them and wanted you to help me. I told them you were coming....	Я хочу. Я из кожи лез вчера с ними и тебя поджидал; я и им про тебя говорил, что придешь...
It began with the socialist doctrine.	Началось с воззрения социалистов.

You know their doctrine; crime is a protest against the abnormality of the social organisation and nothing more, and nothing more; no other causes admitted!..."	Известно воззрение: преступление есть протест против ненормальности социального устройства -и только, и ничего больше, и никаких причин больше не допускается, - и ничего!..
"You are wrong there," cried Porfiry Petrovitch; he was noticeably animated and kept laughing as he looked at Razumihin, which made him more excited than ever.	- Вот и соврал! - крикнул Порфирий Петрович. Он видимо оживлялся и поминутно смеялся, смотря на Разумихина, чем еще более поджигал его.
"Nothing is admitted," Razumihin interrupted with heat. "I am not wrong.	- Н-ничего не допускается! - с жаром перебил Разумихин, - не вру!..
I'll show you their pamphlets. Everything with them is 'the influence of environment,' and nothing else.	Я тебе книжки ихние покажу: все у них потому, что "среда заела", - и ничего больше!
Their favourite phrase!	Любимая фраза!
From which it follows that, if society is normally organised, all crime will cease at once, since there will be nothing to protest against and all men will become righteous in one instant.	Отсюда прямо, что если общество устроить нормально, то разом и все преступления исчезнут, так как не для чего будет протестовать, и все в один миг станут праведными.
Human nature is not taken into account, it is excluded, it's not supposed to exist!	Натура не берется в расчет, натура изгоняется, натуры не полагается!
They don't recognise that humanity, developing by a historical living process, will become at last a normal society, but they believe that a social system that has come out of some mathematical brain is going to organise all humanity at once and make it just and sinless in an instant, quicker than any living process!	У них не человечество, развившись историческим, живым путем до конца, само собою обратится наконец в нормальное общество, а, напротив, социальная система, выйдя из какой-нибудь математической головы, тотчас же и устроит все человечество и в один миг сделает его праведным и безгрешным, раньше всякого живого процесса, без всякого исторического и живого пути!
That's why they instinctively dislike history, 'nothing but ugliness and stupidity in it,' and they explain it all as stupidity!	Оттого-то они так инстинктивно и не любят историю: "безобразия одни в ней да глупости" - и все одною только глупостью объясняется!
That's why they so dislike the _living_ process of life; they don't want a _living soul_!	Оттого так и не любят живого процесса жизни: не надо живой души!
The living soul demands life, the soul	Живая душа жизни потребует, живая душа не

won't obey the rules of mechanics, the soul is an object of suspicion, the soul is retrograde!	послушается механики, живая душа подозрительна, живая душа ретроградна!
But what they want though it smells of death and can be made of India-rubber, at least is not alive, has no will, is servile and won't revolt!	А тут хоть и мертвечинкой припахивает, из каучука сделать можно, - зато не живая, зато без воли, зато рабская, не взбунтуется!

And it comes in the end to their reducing everything to the building of walls and the planning of rooms and passages in a phalanstery!	И выходит в результате, что все на одну только кладку кирпичиков да на расположение коридоров и комнат в фаланстере свели!
The phalanstery is ready, indeed, but your human nature is not ready for the phalanstery--it wants life, it hasn't completed its vital process, it's too soon for the graveyard!	Фаланстера-то и готова, да натура-то у вас для фаланстеры еще не готова, жизни хочет, жизненного процесса еще не завершила, рано на кладбище!
You can't skip over nature by logic.	С одной логикой нельзя через натуру перескочить!
Logic presupposes three possibilities, but there are millions!	Логика предугадает три случая, а их миллион!
Cut away a million, and reduce it all to the question of comfort!	Отрезать весь миллион и все на один вопрос о комфорте свести!
That's the easiest solution of the problem!	Самое легкое разрешение задачи!
It's seductively clear and you musn't think about it.	Соблазнительно ясно, и думать не надо!
That's the great thing, you mustn't think!	Главное - думать не надо!
The whole secret of life in two pages of print!"	Вся жизненная тайна на двух печатных листках умещается!
"Now he is off, beating the drum!	- Ведь вот прорвался, барабанит!
Catch hold of him, do!" laughed Porfiry.	За руки держать надо, - смеялся Порфирий.
"Can you imagine," he turned to Raskolnikov, "six people holding forth like that last night, in one room, with punch as a preliminary!	- Вообразите, - обернулся он к Раскольникову, - вот так же вчера вечером, в одной комнате, в шесть голосов, да еще пуншем напоил предварительно, - можете себе представить?
No, brother, you are wrong, environment	Нет, брат, ты врешь: "среда" многое в

accounts for a great deal in crime; I can assure you of that."	преступлении значит; это я тебе подтверждаю.
"Oh, I know it does, but just tell me: a man of forty violates a child of ten; was it environment drove him to it?"	- И сам знаю, что много, да ты вот что скажи: сорокалетний бесчестит десятилетнюю девочку,- среда, что ль, его на это понудила?
"Well, strictly speaking, it did," Porfiry observed with noteworthy gravity; "a crime of that nature may be very well ascribed to the influence of environment."	- А что ж, оно в строгом смысле, пожалуй, что и среда, - с удивительною важностью заметил Порфирий, - преступление над девочкой очень и очень даже можно "средой" объяснить.
Razumihin was almost in a frenzy.	Разумихин чуть в бешенство не пришел.
"Oh, if you like," he roared. "I'll prove to you that your white eyelashes may very well be ascribed to the Church of Ivan the Great's being two hundred and fifty feet high, and I will prove it clearly, exactly, progressively, and even with a Liberal tendency!"	- Ну, да хочешь я тебе сейчас выведу, - заревел он,- что у тебя белые ресницы единственно оттого только, что в Иване Великом тридцать пять сажен высоты, и выведу ясно, точно, прогрессивно и даже с либеральным оттенком?
I undertake to!	Берусь!
Will you bet on it?"	Ну, хочешь пари!
"Done!"	- Принимаю!
Let's hear, please, how he will prove it!"	Послушаем, пожалуйста, как он выведет!

"He is always humbugging, confound him," cried Razumihin, jumping up and gesticulating.	- Да ведь все притворяется, черт! - вскричал Разумихин, вскочил и махнул рукой.
"What's the use of talking to you?"	- Ну стоит ли с тобой говорить!
He does all that on purpose; you don't know him, Rodion!	Ведь он это все нарочно, ты еще не знаешь его, Родион!
He took their side yesterday, simply to make fools of them.	И вчера их сторону принял, только чтобы всех одурачить.
And the things he said yesterday!	И что ж он говорил вчера, господи!
And they were delighted!	А они-то ему обрадовались!..
He can keep it up for a fortnight together.	Ведь он по две недели таким образом выдерживает.
Last year he persuaded us that he was going into a monastery: he stuck to it for two months.	Прошлого года уверил нас для чего-то, что в монахи идет: два месяца стоял на своем!

Not long ago he took it into his head to declare he was going to get married, that he had everything ready for the wedding.	Недавно вздумал уверять, что женится, что все уж готово к венцу.
He ordered new clothes indeed.	Платье даже новое сшил.
We all began to congratulate him.	Мы уж стали его поздравлять.
There was no bride, nothing, all pure fantasy!"	Ни невесты, ничего не бывало: все мираж!
"Ah, you are wrong!	- А вот соврал!
I got the clothes before.	Я платье сшил прежде.
It was the new clothes in fact that made me think of taking you in."	Мне по поводу нового платья и пришло в голову вас всех поднадуть.
"Are you such a good dissembler?" Raskolnikov asked carelessly.	- В самом деле вы такой притворщик? - спросил небрежно Раскольников.
"You wouldn't have supposed it, eh?	- А вы думали, нет?
Wait a bit, I shall take you in, too. Ha-ha-ha!	Подождите, я и вас проведу - ха-ха-ха!
No, I'll tell you the truth.	Нет, видите ли-с, я вам всю правду скажу.
All these questions about crime, environment, children, recall to my mind an article of yours which interested me at the time.	По поводу всех этих вопросов, преступлений, среды, девочек мне вспомнилась теперь, - а впрочем, и всегда интересовала меня, - одна ваша статейка:
'On Crime'... or something of the sort, I forget the title, I read it with pleasure two months ago in the _Periodical Review_."	"О преступлении"... или как там у вас, забыл название, не помню. Два месяца назад имел удовольствие в "Периодической речи" прочесть.
"My article?	- Моя статья?
In the Periodical Review ?" Raskolnikov asked in astonishment. "I certainly did write an article upon a book six months ago when I left the university, but I sent it to the _Weekly Review_."	В "Периодической речи"? - с удивлением спросил Раскольников, - я действительно написал, полгода назад, когда из университета вышел, по поводу одной книги, одну статью, но я снес ее тогда в газету "Еженедельная речь", а не в

"But it came out in the _Periodical_."	"Периодическую".
"And the _Weekly Review_ ceased to exist, so that's why it wasn't printed at the time."	- А попала в "Периодическую". - Да ведь

"That's true; but when it ceased to exist, the _Weekly Review_ was amalgamated with the _Periodical_, and so your article appeared two months ago in the latter.	"Еженедельная речь" перестала существовать, потому тогда и не напечатали... - Это правда-с; но, переставая существовать, "Еженедельная речь" соединилась с "Периодической речью", а потому и статья ваша, два месяца назад, явилась в "Периодической речи".
Didn't you know?"	А вы не знали?
Raskolnikov had not known.	Раскольников действительно ничего не знал.
"Why, you might get some money out of them for the article!"	- Помилуйте, да вы деньги можете с них спросить за статью!
What a strange person you are!	Какой, однако ж, у вас характер!
You lead such a solitary life that you know nothing of matters that concern you directly.	Живете так уединенно, что таких вещей, до вас прямо касающихся, не ведаете.
It's a fact, I assure you."	Это ведь факт-с.
"Bravo, Rodya!"	- Bravo, Родька!
I knew nothing about it either!" cried Razumihin.	И я тоже не знал! - вскричал Разумихин.
"I'll run to-day to the reading-room and ask for the number.	- Сегодня же в читальню забегу и номер спрошу!
Two months ago?	Два месяца назад?
What was the date?	Которого числа?
It doesn't matter though, I will find it.	Все равно разыщу! Вот штука-то!
Think of not telling us!"	И не скажет!
"How did you find out that the article was mine?"	- А вы почему узнали, что статья моя?
It's only signed with an initial."	Она буквой подписана.
"I only learnt it by chance, the other day.	- А случайно, и то на днях.
Through the editor; I know him....	Через редактора; я знаком...
I was very much interested."	Весьма заинтересовался.
"I analysed, if I remember, the psychology of a criminal before and after the crime."	- Я рассматривал, помнится, психологическое состояние преступника в продолжение всего хода преступления.
"Yes, and you maintained that the	

perpetration of a crime is always accompanied by illness.	- Да-с, и настаиваете, что акт исполнения преступления сопровождается всегда болезнью.
Very, very original, but... it was not that part of your article that interested me so much, but an idea at the end of the article which I regret to say you merely suggested without working it out clearly.	Очень, очень оригинально, но... меня, собственно, не эта часть вашей статьи заинтересовала, а некоторая мысль, пропущенная в конце статьи, но которую вы, к сожалению, проводите только намеком, неясно...
There is, if you recollect, a suggestion that there are certain persons who can... that is, not precisely are able to, but have a perfect right to commit breaches of morality and crimes, and that the law is not for them."	Одним словом, если припомните, проводится некоторый намек на то, что существуют на свете будто бы некоторые такие лица, которые могут... то есть не то что могут, а полное право имеют совершать всякие бесчинства и преступления, и что для них будто бы и закон не писан.
Raskolnikov smiled at the exaggerated and intentional distortion of his idea.	Раскольников усмехнулся усиленному и умышленному искажению своей идеи.
"What?	- Как?
What do you mean?	Что такое?
A right to crime?	Право на преступление?
But not because of the influence of environment?" Razumihin inquired with some alarm even.	Но ведь не потому, что "заела среда"? - с каким-то даже испугом осведомился Разумихин.
"No, not exactly because of it," answered Porfiry.	- Нет, нет, не совсем потому, - ответил Порфирий.
"In his article all men are divided into 'ordinary' and 'extraordinary.'	- Все дело в том, что в ихней статье все люди как-то разделяются на "обыкновенных" и "необыкновенных".
Ordinary men have to live in submission, have no right to transgress the law, because, don't you see, they are ordinary.	Обыкновенные должны жить в послушании и не имеют права переступать закона, потому что они, видите ли, обыкновенные.
But extraordinary men have a right to commit any crime and to transgress the law in any way, just because they are extraordinary.	А необыкновенные имеют право делать всякие преступления и всячески преступать закон, собственно потому, что они необыкновенные.
That was your idea, if I am not mistaken?"	Так у вас, кажется, если только не ошибаюсь?

"What do you mean?"	- Да как же это?
That can't be right?" Razumihin muttered in bewilderment.	Быть не может, чтобы так! - в недоумении бормотал Разумихин.
Raskolnikov smiled again.	Раскольников усмехнулся опять.
He saw the point at once, and knew where they wanted to drive him.	Он разом понял, в чем дело и на что его хотят натолкнуть; он помнил свою статью.
He decided to take up the challenge.	Он решился принять вызов.
"That wasn't quite my contention," he began simply and modestly.	- Это не совсем так у меня, - начал он просто и скромно.
"Yet I admit that you have stated it almost correctly; perhaps, if you like, perfectly so." (It almost gave him pleasure to admit this.) "The only difference is that I don't contend that extraordinary people are always bound to commit breaches of morals, as you call it.	- Впрочем, признаюсь, вы почти верно ее изложили, даже, если хотите, и совершенно верно... (Ему точно приятно было согласиться, что совершенно верно.) Разница единственно в том, что я вовсе не настаиваю, чтобы необыкновенные люди непременно должны и обязаны были творить всегда всякие бесчинства, как вы говорите.
In fact, I doubt whether such an argument could be published.	Мне кажется даже, что такую статью и в печать бы не пропустили.

I simply hinted that an 'extraordinary' man has the right... that is not an official right, but an inner right to decide in his own conscience to overstep... certain obstacles, and only in case it is essential for the practical fulfilment of his idea (sometimes, perhaps, of benefit to the whole of humanity).	Я просто-запросто намекнул, что "необыкновенный" человек имеет право... то есть не официальное право, а сам имеет право разрешить своей совести перешагнуть... через иные препятствия, и единственно в том только случае, если исполнение его идеи (иногда спасительной, может быть, для всего человечества) того потребует.
You say that my article isn't definite; I am ready to make it as clear as I can.	Вы изволите говорить, что статья моя неясна; я готов ее вам разъяснить, по возможности.
Perhaps I am right in thinking you want me to; very well.	Я, может быть, не ошибусь, предполагая, что вам, кажется, того и хочется; извольте-с.
I maintain that if the discoveries of Kepler and Newton could not have been made known except by sacrificing the lives of one, a dozen, a hundred, or more men, Newton would have had the right, would indeed have been in duty bound... to _eliminate_ the dozen or the hundred	По-моему, если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытия вследствие каких-нибудь комбинаций никоим образом не могли бы стать известными людям иначе как с пожертвованием жизни одного, десяти, ста и так далее человек, мешавших бы этому открытию или ставших бы на пути как

men for the sake of making his discoveries known to the whole of humanity.	препятствие, то Ньютон имел бы право, и даже был бы обязан... устранить этих десять или сто человек, чтобы сделать известными свои открытия всему человечеству.
But it does not follow from that that Newton had a right to murder people right and left and to steal every day in the market.	Из этого, впрочем, вовсе не следует, чтобы Ньютон имел право убивать кого вздумается, встречных и поперечных, или воровать каждый день на базаре.
Then, I remember, I maintain in my article that all... well, legislators and leaders of men, such as Lycurgus, Solon, Mahomet, Napoleon, and so on, were all without exception criminals, from the very fact that, making a new law, they transgressed the ancient one, handed down from their ancestors and held sacred by the people, and they did not stop short at bloodshed either, if that bloodshed--often of innocent persons fighting bravely in defence of ancient law--were of use to their cause.	Далее, помнится мне, я развиваю в моей статье, что все... ну, например, хоть законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами, и так далее, все до единого были преступники, уже тем одним, что, давая новый закон, тем самым нарушали древний, свято чтимый обществом и от отцов перешедший, и, уж конечно, не останавливались и перед кровью, если только кровь (иногда совсем невинная и доблестно пролитая за древний закон) могла им помочь.
It's remarkable, in fact, that the majority, indeed, of these benefactors and leaders of humanity were guilty of terrible carnage.	Замечательно даже, что большая часть этих благодетелей и установителей человечества были особенно страшные кровопроливцы.
In short, I maintain that all great men or even men a little out of the common, that is to say capable of giving some new word, must from their very nature be criminals--more or less, of course.	Одним словом, я вывожу, что и все, не то что великие, но и чуть-чуть из колеи выходящие люди, то есть чуть-чуть даже способные сказать что-нибудь новенькое, должны, по природе своей, быть непременно преступниками, -более или менее, разумеется.
Otherwise it's hard for them to get out of the common rut; and to remain in the common rut is what they can't submit to, from their very nature again, and to my mind they ought not, indeed, to submit to it.	Иначе трудно им выйти из колеи, а оставаться в колее они, конечно, не могут согласиться, опять-таки по природе своей, а помоему, так даже и обязаны не соглашаться.
You see that there is nothing particularly new in all that.	Одним словом, вы видите, что до сих пор тут нет ничего особенно нового.
The same thing has been printed and	

read a thousand times before.	Это тысячи раз было напечатано и прочитано.
As for my division of people into ordinary and extraordinary, I acknowledge that it's somewhat arbitrary, but I don't insist upon exact numbers.	Что же касается до моего деления людей на обыкновенных и необыкновенный, то я согласен, что оно несколько произвольно, но ведь я же на точных цифрах и не настаиваю.
I only believe in my leading idea that men are _in general_ divided by a law of nature into two categories, inferior (ordinary), that is, so to say, material that serves only to reproduce its kind, and men who have the gift or the talent to utter _a new word_.	Я только в главную мысль мою верю. Она именно состоит в том, что люди, по закону природы, разделяются вообще на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей новое слово.
There are, of course, innumerable subdivisions, but the distinguishing features of both categories are fairly well marked. The first category, generally speaking, are men conservative in temperament and law-abiding; they live under control and love to be controlled.	Подразделения тут, разумеется, бесконечные, но отличительные черты обоих разрядов довольно резкие: первый разряд, то есть материал, говоря вообще, люди по натуре своей консервативные, чинные, живут в послушании и любят быть послушными.
To my thinking it is their duty to be controlled, because that's their vocation, and there is nothing humiliating in it for them.	По-моему, они и обязаны быть послушными, потому что это их назначение, и тут решительно нет ничего для них унижительного.
The second category all transgress the law; they are destroyers or disposed to destruction according to their capacities.	Второй разряд, все преступают закон, разрушители, или склонны к тому, судя по способностям.
The crimes of these men are of course relative and varied; for the most part they seek in very varied ways the destruction of the present for the sake of the better.	Преступления этих людей, разумеется, относительноны и многообразны; большею частью они требуют, в весьма разнообразных заявлениях, разрушения настоящего во имя лучшего.
But if such a one is forced for the sake of his idea to step over a corpse or wade through blood, he can, I maintain, find within himself, in his conscience, a sanction for wading through blood--that depends on the idea and its dimensions, note that.	Но если ему надо, для своей идеи, перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь, то он внутри себя, по совести, может, по-моему, дать себе разрешение перешагнуть через кровь, - смотря, впрочем, по идее и по размерам ее, - это заметьте.
It's only in that sense I speak of their	В этом только смысле я и говорю с моей

right to crime in my article (you remember it began with the legal question). There's no need for such anxiety, however; the masses will scarcely ever admit this right, they punish them or hang them (more or less), and in doing so fulfil quite justly their conservative vocation. But the same masses set these criminals on a pedestal in the next generation and worship them (more or less).	статье об их праве на преступление. (Вы припомните, у нас ведь с юридического вопроса началось.) Впрочем, тревожиться много нечего: масса никогда почти не признает за ними этого права, казнит их и вешает (более или менее) и тем, совершенно справедливо, исполняет консервативное свое назначение, с тем, однако ж, что в следующих поколениях эта же масса ставит казненных на пьедестал и им поклоняется (более или менее).
---	---

The first category is always the man of the present, the second the man of the future.	Первый разряд всегда - господин настоящего, второй разряд - господин будущего.
The first preserve the world and people it, the second move the world and lead it to its goal.	Первые сохраняют мир и приумножают его численно; вторые двигают мир и ведут его к цели.
Each class has an equal right to exist.	И те, и другие имеют совершенно одинаковое право существовать.
In fact, all have equal rights with me--and _vive la guerre eternelle_--till the New Jerusalem, of course!"	Одним словом, у меня все равносильное право имеют, и - <i>vive la guerre eternelle</i> , - до Нового Иерусалима, разумеется!
"Then you believe in the New Jerusalem, do you?"	- Так вы все-таки верите же в Новый Иерусалим?
"I do," Raskolnikov answered firmly; as he said these words and during the whole preceding tirade he kept his eyes on one spot on the carpet.	- Верую, - твердо отвечал Раскольников; говоря это и в продолжение всей длинной тирады своей, он смотрел в землю, выбрав себе точку на ковре.
"And... and do you believe in God?"	- И-и-и в бога веруете?
Excuse my curiosity."	Извините, что так любопытствую.
"I do," repeated Raskolnikov, raising his eyes to Porfiry.	- Верую, - повторил Раскольников, поднимая глаза на Порфирия.
"And... do you believe in Lazarus' rising from the dead?"	- И-и в воскресение Лазаря веруете?
"I... I do.	- Ве-верую.
Why do you ask all this?"	Зачем вам все это?
"You believe it literally?"	- Буквально веруете?
"Literally."	- Буквально.

"You don't say so.... I asked from curiosity.	- Вот как-с... так любопытствовал.
Excuse me.	Извините-с.
But let us go back to the question; they are not always executed. Some, on the contrary..."	Но позвольте, - обращаюсь к давешнему, - ведь их не всегда же казнят; иные напротив...
"Triumph in their lifetime?	- Торжествуют при жизни?
Oh, yes, some attain their ends in this life, and then..."	О да, иные достигают и при жизни, и тогда...
"They begin executing other people?"	- Сами начинают казнить?
"If it's necessary; indeed, for the most part they do.	- Если надо и, знаете, даже большею частью.
Your remark is very witty."	Вообще замечание ваше остроумно.
"Thank you.	- Благодарю-с.
But tell me this: how do you distinguish those extraordinary people from the ordinary ones?	Но вот что скажите: чем же бы отличить этих необыкновенных-то от обыкновенных?
Are there signs at their birth?	При рождении, что ль, знаки такие есть?

I feel there ought to be more exactitude, more external definition. Excuse the natural anxiety of a practical law-abiding citizen, but couldn't they adopt a special uniform, for instance, couldn't they wear something, be branded in some way?	Я в том смысле, что тут надо бы поболее точности, так сказать, более наружной определенности: извините во мне естественное беспокойство практического и благонамеренного человека, но нельзя ли тут одежду, например, особую завести, носить что-нибудь, клеймы там, что ли, какие?..
For you know if confusion arises and a member of one category imagines that he belongs to the other, begins to 'eliminate obstacles' as you so happily expressed it, then..."	Потому, согласитесь, если произойдет путаница и один из одного разряда вообразит, что он принадлежит к другому разряду, и начнет "устранять все препятствия", как вы весьма счастливо выразились, так ведь тут...
"Oh, that very often happens!	- О, это весьма часто бывает!
That remark is wittier than the other."	Это замечание ваше еще даже остроумнее давешнего...
"Thank you."	- Благодарю-с...
"No reason to; but take note that the mistake	- Не стоит-с; но примите в соображение,

can only arise in the first category, that is among the ordinary people (as I perhaps unfortunately called them).	что ошибка возможна ведь только со стороны первого разряда, то есть "обыкновенных" людей (как я, может быть очень неудачно, их назвал).
In spite of their predisposition to obedience very many of them, through a playfulness of nature, sometimes vouchsafed even to the cow, like to imagine themselves advanced people, 'destroyers,' and to push themselves into the 'new movement,' and this quite sincerely.	Несмотря на врожденную склонность их к послушанию, по некоторой игривости природы, в которой не отказано даже и корове, весьма многие из них любят воображать себя передовыми людьми, "разрушителями" и лезть в "новое слово", и это совершенно искренно-с.
Meanwhile the really _new_ people are very often unobserved by them, or even despised as reactionaries of grovelling tendencies.	Действительно же новых они в то же время весьма часто не замечают и даже презируют, как отсталых и унизительно думающих людей.
But I don't think there is any considerable danger here, and you really need not be uneasy for they never go very far.	Но, по-моему, тут не может быть значительной опасности, и вам, право, нечего беспокоиться, потому что они никогда далеко не шагают.
Of course, they might have a thrashing sometimes for letting their fancy run away with them and to teach them their place, but no more; in fact, even this isn't necessary as they castigate themselves, for they are very conscientious: some perform this service for one another and others chastise themselves with their own hands....	За увлечение, конечно, их можно иногда бы посечь, чтобы напомнить им свое место, но не более; тут и исполнителя даже не надо: они сами себя посекут, потому что очень благодетельны; иные друг дружке эту услугу оказывают, а другие сами себя собственноручно...
They will impose various public acts of penitence upon themselves with a beautiful and edifying effect; in fact you've nothing to be uneasy about....	Покаяния разные публичные при сем на себя налагают, - выходит красиво и назидательно, одним словом, вам беспокоиться нечего...
It's a law of nature."	Такой закон есть.
"Well, you have certainly set my mind more at rest on that score; but there's another thing worries me. Tell me, please, are there many people who have the right to kill others, these extraordinary people?	- Ну, по крайней мере с этой стороны, вы меня хоть несколько успокоили; но вот ведь опять беда-с: скажите, пожалуйста, много ли таких людей, которые других-то резать право имеют, "необыкновенных-то" этих?
I am ready to bow down to them, of course, but you must admit it's alarming if there are a great many of them, eh?"	Я, конечно, готов преклониться, но ведь согласитесь, жутко-с, если уж очень-то много их будет, а?

"Oh, you needn't worry about that either," Raskolnikov went on in the same tone.	- О, не беспокойтесь и в этом, - тем же тоном продолжал Раскольников.
"People with new ideas, people with the faintest capacity for saying something _new_, are extremely few in number, extraordinarily so in fact.	- Вообще людей с новою мыслию, даже чуть-чуть только способных сказать хоть что-нибудь новое, необыкновенно мало рождается, даже до странности мало.
One thing only is clear, that the appearance of all these grades and sub-divisions of men must follow with unfailing regularity some law of nature.	Ясно только одно, что порядок зарождения людей, всех этих разрядов и подразделений, должно быть, весьма верно и точно определен каким-нибудь законом природы.
That law, of course, is unknown at present, but I am convinced that it exists, and one day may become known.	Закон этот, разумеется, теперь неизвестен, но я верю, что он существует и впоследствии может стать и известным.
The vast mass of mankind is mere material, and only exists in order by some great effort, by some mysterious process, by means of some crossing of races and stocks, to bring into the world at last perhaps one man out of a thousand with a spark of independence. One in ten thousand perhaps--I speak roughly, approximately--is born with some independence, and with still greater independence one in a hundred thousand.	Огромная масса людей, материал, для того только и существует на свете, чтобы наконец, чрез какое-то усилие, каким-то таинственным до сих пор процессом, посредством какого-нибудь переkreщивания родов и пород, понатужиться и породить наконец на свет, ну хоть из тысячи одного, хотя сколько-нибудь самостоятельного человека. Еще с более широкою самостоятельностью рождается, может быть, из десяти тысяч один (я говорю примерно, наглядно). Еще с более широкою - из ста тысяч один.
The man of genius is one of millions, and the great geniuses, the crown of humanity, appear on earth perhaps one in many thousand millions.	Гениальные люди - из миллионов, а великие гении, завершители человечества, - может быть, по истечении многих тысячей миллионов людей на земле.
In fact I have not peeped into the retort in which all this takes place.	Одним словом, в реторту, в которой все это происходит, я не заглядывал.
But there certainly is and must be a definite law, it cannot be a matter of chance."	Но определенный закон непременно есть и должен быть; тут не может быть случая.
"Why, are you both joking?" Razumihin cried at last.	- Да что вы оба, шутите, что ль? - вскричал наконец Разумихин.
"There you sit, making fun of one another.	- Морочите вы друг друга иль нет? Сидят и один над другим подшучивают!

Are you serious, Rodya?"	Ты серьезно, Родя?
Raskolnikov raised his pale and almost mournful face and made no reply.	Раскольников молча поднял на него свое бледное и почти грустное лицо и ничего не ответил.
And the unconcealed, persistent, nervous, and _discourteous_ sarcasm of Porfiry seemed strange to Razumihin beside that quiet and mournful face.	И странно показалась Разумихину, рядом с этим тихим и грустным лицом, нескрываемая, навязчивая, раздражительная и невежливая язвительность Порфирия.
"Well, brother, if you are really serious..."	- Ну, брат, если действительно это серьезно, то...
You are right, of course, in saying that it's not new, that it's like what we've read and heard a thousand times already; but what is really original in all this, and is exclusively your own, to my horror, is that you sanction bloodshed _in the name of conscience_, and, excuse my saying so, with such fanaticism....	Ты, конечно, прав, говоря, что это не ново и похоже на все, что мы тысячу раз читали и слышали; но что действительно оригинально во всем этом, - и действительно принадлежит одному тебе, к моему ужасу, - это то, что все-таки кровь по совести разрешаешь, и, извини меня, с таким фанатизмом даже...
That, I take it, is the point of your article.	В этом, стало быть, и главная мысль твоей статьи заключается.
But that sanction of bloodshed _by conscience_ is to my mind... more terrible than the official, legal sanction of bloodshed...."	Ведь это разрешение крови по совести, это... это, по-моему, страшнее, чем бы официальное разрешение кровь проливать, законное...
"You are quite right, it is more terrible," Porfiry agreed.	- Совершенно справедливо, страшнее-с, - отозвался Порфирий.
"Yes, you must have exaggerated!"	- Нет, ты как-нибудь да увлекся!
There is some mistake, I shall read it.	Тут ошибка. Я прочту...
You can't think that!	Ты увлекся! Ты не можешь так думать...
I shall read it."	Прочту.
"All that is not in the article, there's only a hint of it," said Raskolnikov.	- В статье всего этого нет, там только намеки, - проговорил Раскольников.
"Yes, yes." Porfiry couldn't sit still. "Your attitude to crime is pretty clear to me now, but... excuse me for my impertinence (I am really ashamed to be worrying you like this), you see, you've removed my anxiety as to the	- Так-с, так-с, - не сиделось Порфирию, - мне почти стало ясно теперь, как вы на преступление изволите смотреть-с, но... уж извините меня за мою назойливость (беспокою уж очень вас, самому совестно!) - видите ли: успокоили вы меня давеча очень-с насчет

two grades getting mixed, but... there are various practical possibilities that make me uneasy!	ошибочных-то случаев смешения обоих разрядов, но... меня все тут практические разные случаи опять беспокоят!
What if some man or youth imagines that he is a Lycurgus or Mahomet--a future one of course--and suppose he begins to remove all obstacles....	Ну как иной какой-нибудь муж, али юноша, вообразит, что он Ликург али Магомет... - будущий, разумеется, - да и давай устранять к тому все препятствия...
He has some great enterprise before him and needs money for it... and tries to get it... do you see?"	Предстоит, дескать, далекий поход, а в поход деньги нужны... и начнет добывать себе для похода... знаете?
Zametov gave a sudden guffaw in his corner.	Заметов вдруг фыркнул из своего угла.
Raskolnikov did not even raise his eyes to him.	Раскольников даже глаз на него не поднял.
"I must admit," he went on calmly, "that such cases certainly must arise.	- Я должен согласиться, - спокойно отвечал он, - что такие случаи действительно должны быть.
The vain and foolish are particularly apt to fall into that snare; young people especially."	Глупенькие и тщеславные особенно на эту удочку попадают; молодежь в особенности.
"Yes, you see.	- Вот видите-с.
Well then?"	Ну так как же-с?
"What then?" Raskolnikov smiled in reply; "that's not my fault.	- Да и так же, - усмехнулся Раскольников, - не я в этом виноват.

So it is and so it always will be.	Так есть и будет всегда.
He said just now (he nodded at Razumihin) that I sanction bloodshed.	Вот он (он кивнул на Разумихина) говорил сейчас, что я кровь разрешаю.
Society is too well protected by prisons, banishment, criminal investigators, penal servitude. There's no need to be uneasy.	Так что же? Общество ведь слишком обеспечено ссылками, тюрьмами, судебными следователями, каторгами, - чего же беспокоиться?
You have but to catch the thief."	И ищите вора!..
"And what if we do catch him?"	- Ну, а коль сыщем?
"Then he gets what he deserves."	- Туда ему и дорога.
"You are certainly logical.	- Вы-таки логичны.
But what of his conscience?"	Ну-с, а насчет его совести-то?
"Why do you care about that?"	- Да какое вам до нее дело?
"Simply from humanity."	- Да так уж, по гуманности-с.
"If he has a conscience he will suffer for his mistake.	- У кого есть она, тот страдай, коль сознает ошибку.
That will be his punishment--as well as the prison."	Это и наказание ему, - oprичь каторги.
"But the real geniuses," asked Razumihin frowning, "those who have the right to murder? Oughtn't they to suffer at all even for the blood they've shed?"	- Ну а действительно-то гениальные, - нахмурясь, спросил Разумихин, - вот те-то, которым резать-то право дано, те так уж и должны не страдать совсем, даже за кровь пролитую?
"Why the word _ought_?"	- Зачем тут слово: должны?
It's not a matter of permission or prohibition.	Тут нет ни позволения, ни запрещения.
He will suffer if he is sorry for his victim.	Пусть страдает, если жаль жертву...
Pain and suffering are always inevitable for a large intelligence and a deep heart.	Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца.
The really great men must, I think, have great sadness on earth," he added dreamily, not in the tone of the conversation.	Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете великую грусть, - прибавил он вдруг задумчиво, даже не в тон разговора.
He raised his eyes, looked earnestly at them all, smiled, and took his cap.	Он поднял глаза, вдумчиво посмотрел на всех, улыбнулся, взял фуражку.

He was too quiet by comparison with his manner at his entrance, and he felt this.	Он был слишком спокоен сравнительно с тем, как вошел давеча, и чувствовал это.
Everyone got up.	Все встали.
"Well, you may abuse me, be angry with me if you like," Porfiry Petrovitch began again, "but I can't resist. Allow me one little question (I know I am troubling you). There is just one little notion I want to express, simply that I may not forget it."	- Ну-с, браните меня или нет, сердитесь иль нет, а я не могу утерпеть, - заключил опять Порфирий Петрович, - позвольте еще вопросик один (очень уж я вас беспокою-с!), одну только маленькую идейку хотел пропустить, единственно только чтобы не забыть-с...
"Very good, tell me your little notion," Raskolnikov stood waiting, pale and grave before him.	- Хорошо, скажите вашу идейку, - серьезный и бледный стоял перед ним в ожидании Раскольникова

"Well, you see... I really don't know how to express it properly.... It's a playful, psychological idea....	- Ведь вот-с... право, не знаю, как бы удачнее выразиться... идейка-то уж слишком игривенькая... психологическая-с...
When you were writing your article, surely you couldn't have helped, he-he! fancying yourself... just a little, an 'extraordinary' man, uttering a _new word_ in your sense....	Ведь вот-с, когда вы вашу статейку-то сочиняли, - ведь уж быть того не может, хе-хе! чтобы вы сами себя не считали, ну хоть на капельку, - тоже человеком "необыкновенным" и говорящим новое слово, - в вашем то есть смысле-с...
That's so, isn't it?"	Ведь так-с?
"Quite possibly," Raskolnikov answered contemptuously.	- Очень может быть, - презрительно ответил Раскольников.
Razumihin made a movement.	Разумихин сделал движение.
"And, if so, could you bring yourself in case of worldly difficulties and hardship or for some service to humanity--to overstep obstacles?...	- А коль так-с, то неужели вы бы сами решились -ну там ввиду житейских каких-нибудь неудач и стеснений или для споспешествования как-нибудь всему человечеству - перешагнуть через препятствие-то?..
For instance, to rob and murder?"	Ну, например, убить и ограбить?..
And again he winked with his left eye, and laughed noiselessly just as before.	И он как-то вдруг опять подмигнул ему левым глазом и рассмеялся неслышно, - точь-в-точь как давеча.
"If I did I certainly should not tell you," Raskolnikov answered with defiant and haughty contempt.	- Если б я и перешагнул, то уж, конечно, бы вам не сказал, - с вызывающим, надменным презрением ответил Раскольников.
"No, I was only interested on account	- Нет-с, это ведь я так только интересуюсь,

of your article, from a literary point of view..."	собственно, для уразумения вашей статьи, в литературном только одном отношении-с...
"Foo! how obvious and insolent that is!" Raskolnikov thought with repulsion.	"Фу, как это явно и нагло!" - с отвращением подумал Раскольников.
"Allow me to observe," he answered dryly, "that I don't consider myself a Mahomet or a Napoleon, nor any personage of that kind, and not being one of them I cannot tell you how I should act."	- Позвольте вам заметить, - отвечал он сухо, - что Магометом иль Наполеоном я себя не считаю... ни кем бы то ни было из подобных лиц, следственно, и не могу, не быв ими, дать вам удовлетворительного объяснения о том, как бы я поступил.
"Oh, come, don't we all think ourselves Napoleons now in Russia?" Porfiry Petrovitch said with alarming familiarity.	- Ну, полноте, кто ж у нас на Руси себя Наполеоном теперь не считает? - с страшною фамильярностию произнес вдруг Порфирий.
Something peculiar betrayed itself in the very intonation of his voice.	Даже в интонации его голоса было на этот раз нечто уж особенно ясное.
"Perhaps it was one of these future Napoleons who did for Alyona Ivanovna last week?" Zametov blurted out from the corner.	- Уж не Наполеон ли какой будущий и нашу Алену Ивановну на прошлой неделе топором уколошил? - брякнул вдруг из угла Заметов.
Raskolnikov did not speak, but looked firmly and intently at Porfiry.	Раскольников молчал и пристально, твердо смотрел на Порфирия.
Razumihin was scowling gloomily.	Разумихин мрачно нахмурился.

He seemed before this to be noticing something.	Ему уж и прежде стало как будто что-то казаться.
He looked angrily around.	Он гневно посмотрел кругом.
There was a minute of gloomy silence.	Прошла минута мрачного молчания.
Raskolnikov turned to go.	Раскольников повернулся уходить.
"Are you going already?" Porfiry said amiably, holding out his hand with excessive politeness.	- Вы уж уходите! - ласково проговорил Порфирий, чрезвычайно любезно протягиваяру ^к у.
"Very, very glad of your acquaintance.	- Очень, очень рад знакомству.
As for your request, have no uneasiness, write just as I told you, or, better still, come to me there yourself in a day or two... to-morrow, indeed.	А насчет вашей просьбы не имейте и сомнения. Так-таки и напишите, как я вам говорил. Да лучше всего зайдите ко мне туда сами... как-нибудь на днях... да хоть завтра.
I shall be there at eleven o'clock for	Я буду там часов этак в одиннадцать,

certain.	наверно.
We'll arrange it all; we'll have a talk.	Все и устроим... поговорим...
As one of the last to be _there_, you might perhaps be able to tell us something," he added with a most good-natured expression.	Вы же, как один из последних, там бывших, может, что-нибудь и сказать бы нам могли... - прибавил он с добродушнейшим видом.
"You want to cross-examine me officially in due form?" Raskolnikov asked sharply.	- Вы хотите меня официально допрашивать, со всею обстановкой? - резко спросил Раскольников.
"Oh, why?	- Зачем же-с?
That's not necessary for the present.	Покамест это вовсе не требуется.
You misunderstand me.	Вы не так поняли.
I lose no opportunity, you see, and... I've talked with all who had pledges.... I obtained evidence from some of them, and you are the last....	Я, видите ли, не упускаю случая и... и со всеми закладчиками уже разговаривал... от иных отбирал показания... а вы, как последний...
Yes, by the way," he cried, seemingly suddenly delighted, "I just remember, what was I thinking of?" he turned to Razumihin, "you were talking my ears off about that Nikolay... of course, I know, I know very well," he turned to Raskolnikov, "that the fellow is innocent, but what is one to do? We had to trouble Dmitri too.... This is the point, this is all: when you went up the stairs it was past seven, wasn't it?"	Да вот, кстати же! - вскрикнул он, чему-то внезапно обрадовавшись, - кстати вспомнил, что ж это я!.. - повернулся он к Разумихину, - вот ведь ты об этом Николашке мне тогда уши промозолил... ну, ведь и сам знаю, сам знаю, - повернулся он к Раскольникову, - что парень чист, да ведь что ж делать, и Митьку вот пришлось беспокоить... вот в чем дело-с, вся-то суть-с: проходя тогда по лестнице... позвольте: ведь вы в восьмом часу были-с?
"Yes," answered Raskolnikov, with an unpleasant sensation at the very moment he spoke that he need not have said it.	- В восьмом, - отвечал Раскольников, неприятно почувствовав в ту же секунду, что мог бы этого и не говорить.
"Then when you went upstairs between seven and eight, didn't you see in a flat that stood open on a second storey, do you remember? two workmen or at least one of them?	- Так проходя-то в восьмом часу-с, по лестнице-то, не видали ль хоть вы, во втором-то этаже, в квартире-то отворенной - помните? - двух работников или хоть одного из них?

They were painting there, didn't you notice them?	Они красили там, не заметили ли?
It's very, very important for them."	Это очень, очень важно для них!..
"Painters?	- Красильщиков?

No, I didn't see them," Raskolnikov answered slowly, as though ransacking his memory, while at the same instant he was racking every nerve, almost swooning with anxiety to conjecture as quickly as possible where the trap lay and not to overlook anything.	Нет, не видал... - медленно и как бы роясь в воспоминаниях отвечал Раскольников, в тот же миг напрягаясь всем существом своим и замирая от муки поскорей бы отгадать, в чем именно ловушка, и не просмотреть бы чего?
"No, I didn't see them, and I don't think I noticed a flat like that open.... But on the fourth storey" (he had mastered the trap now and was triumphant) "I remember now that someone was moving out of the flat opposite Alyona Ivanovna's.... I remember... I remember it clearly. Some porters were carrying out a sofa and they squeezed me against the wall. But painters... no, I don't remember that there were any painters, and I don't think that there was a flat open anywhere, no, there wasn't."	- Нет, не видал, да и квартиры такой, отпертой, что-то не заметил... а вот в четвертом этаже (он уже вполне овладел ловушкой и торжествовал)- так помню, что чиновник один переезжал из квартиры ... напротив Алены Ивановны... помню... это я ясно помню... солдаты диван какой-то выносили и меня к стене прижали... а красильщиков - нет, не помню, чтобы красильщики были... да и квартиры отпертой нигде, кажется, не было. Да; не было...
"What do you mean?" Razumihin shouted suddenly, as though he had reflected and realised. "Why, it was on the day of the murder the painters were at work, and he was there three days before?"	- Да ты что же! - крикнул вдруг Разумихин, как бы опомнившись и сообразив, - да ведь красильщики мазали в самый день убийства, а ведь он за три дня там был?
What are you asking?"	Ты что спрашиваешь-то?
"Foo! I have muddled it!" Porfiry slapped himself on the forehead.	- Фу! перемешал! - хлопнул себя по лбу Порфирий.
"Deuce take it! This business is turning my brain!" he addressed Raskolnikov somewhat apologetically. "It would be such a great thing for us to find out whether anyone had seen them between seven and eight at the flat, so I fancied you could perhaps have told us something.... I quite muddled it."	- Черт возьми, у меня с этим делом ум за разум заходит! - обратился он, как бы даже извиняясь, к Раскольникову, - нам ведь так бы важно узнать, не видал ли кто их, в восьмом-то часу, в квартире-то, что мне и вообразись сейчас, что вы тоже могли бы сказать... совсем перемешал!
"Then you should be more careful," Razumihin observed grimly.	- Так надо быть внимательнее - угрюмо заметил Разумихин.
The last words were uttered in the passage.	Последние слова были сказаны уже в передней.
Porfiry Petrovitch saw them to the door with excessive politeness.	Порфирий Петрович проводил их до самой двери чрезвычайно любезно.
They went out into the street gloomy and sullen, and for some steps they did not say a	Оба вышли мрачные и хмурые на улицу и

word.	несколько шагов не говорили ни слова.
Raskolnikov drew a deep breath.	Раскольников глубоко перевел дыхание...
CHAPTER VI	VI
"I don't believe it, I can't believe it!" repeated Razumihin, trying in perplexity to refute Raskolnikov's arguments.	- ... Не верю! Не могу верить! - повторял озадаченный Разумихин, стараясь всеми силами опровергнуть доводы Раскольникова.
They were by now approaching Bakaleyev's lodgings, where Pulcheria Alexandrovna and Dounia had been expecting them a long while.	Они подходили уже к номерам Бакалеева, где Пульхерия Александровна и Дуня давно поджидали их.

Razumihin kept stopping on the way in the heat of discussion, confused and excited by the very fact that they were for the first time speaking openly about _it_.	Разумихин поминутно останавливался дорогою в жару разговора, смущенный и взволнованный уже тем одним, что они в первый раз заговорили об этом ясно.
"Don't believe it, then!" answered Raskolnikov, with a cold, careless smile. "You were noticing nothing as usual, but I was weighing every word."	- Не верь! - отвечал Раскольников с холодной и небрежною усмешкой, - ты, по своему обычаю, не замечал ничего, а я взвешивал каждое слово.
"You are suspicious. That is why you weighed their words... h'm... certainly, I agree, Porfiry's tone was rather strange, and still more that wretch Zametov!...	- Ты мнителен, потому и взвешивал... Гм... действительно, я согласен, тон Порфирия был довольно странный, и особенно этот подлец Заметов!..
You are right, there was something about him--but why?	Ты прав, в нем что-то было, - но почему?
Why?"	Почему?
"He has changed his mind since last night."	- За ночь передумал.
"Quite the contrary!	- Но напротив же, напротив!
If they had that brainless idea, they would do their utmost to hide it, and conceal their cards, so as to catch you afterwards....	Если б у них была эта безмозглая мысль, так они бы всеми силами постарались ее припрятать и скрыть свои карты, чтобы потом поймать...
But it was all impudent and careless."	А теперь - это нагло и неосторожно!
"If they had had facts--I mean, real facts--or at least grounds for suspicion,	- Если б у них были факты, то есть настоящие факты, или хоть сколько-нибудь

then they would certainly have tried to hide their game, in the hope of getting more (they would have made a search long ago besides).	основательные подозрения, тогда бы они действительно постарались скрыть игру: в надежде еще более выиграть (а впрочем, давно бы уж обыск сделали!).
But they have no facts, not one. It is all mirage--all ambiguous. Simply a floating idea. So they try to throw me out by impudence.	Но у них нет факта, ни одного, - все мираж, все о двух концах, одна идея летучая - вот они и стараются наглостью сбить.
And perhaps, he was irritated at having no facts, and blurted it out in his vexation--or perhaps he has some plan... he seems an intelligent man.	А может, и сам озлился, что фактов нет, с досады прорвался. А может, и намерение какое имеет... Он человек, кажется, умный...
Perhaps he wanted to frighten me by pretending to know.	Может, напугать меня хотел тем, что знает...
They have a psychology of their own, brother.	Тут, брат, своя психология...
But it is loathsome explaining it all.	А впрочем, гадко это все объяснять.
Stop!"	Оставь!
"And it's insulting, insulting!	- И оскорбительно, оскорбительно!
I understand you.	Я понимаю тебя!
But... since we have spoken openly now (and it is an excellent thing that we have at last—I am glad) I will own now frankly that I noticed it in them long ago, this idea. Of course the merest hint only--an insinuation--but why an insinuation even?	Но... Как как мы уже теперь заговорили ясно (а это отлично, что заговорили наконец ясно, я рад!) - то уж я тебе прямо теперь признаюсь, что давно это в них замечал, эту мысль, во все это время, разумеется, в чуть-чуть-чуть только виде, в ползучем, но зачем же хоть и в ползучем!

How dare they?	Как они смеют?
What foundation have they?	Где, где у них эти корни таятся?
If only you knew how furious I have been.	Если б ты знал, как я бесился!
Think only! Simply because a poor student, unhinged by poverty and hypochondria, on the eve of a severe delirious illness (note that), suspicious, vain, proud, who has not seen a soul to speak to for six months, in rags and in boots without soles, has to face some wretched policemen and put up with their insolence; and the unexpected debt thrust	Как: из-за того, что бедный студент, изуродованный нищетой и ипохондрией, накануне жестокой болезни с бредом, уже, может быть, начинавшейся в нем (заметь себе!), мнительный, самолюбивый, знающий себе цену, и шесть месяцев у себя в углу никого не выдавший, в рубище и в сапогах без подметок, - стоит перед какими-то кварташками и терпит их надругательство; а

under his nose, the I.O.U. presented by Tchebarov, the new paint, thirty degrees Reaumur and a stifling atmosphere, a crowd of people, the talk about the murder of a person where he had been just before, and all that on an empty stomach--he might well have a fainting fit!	тут неожиданный долг перед носом, просроченный вексель с надворным советником Чебаровым, тухлая краска, тридцать градусов Реомюра, спертый воздух, куча людей, рассказ об убийстве лица, у которого был накануне, и все это - на голодное брюхо! Да как тут не случиться обмороку!
And that, that is what they found it all on!	И на этом-то, на этом все основать!
Damn them!	Черт возьми!
I understand how annoying it is, but in your place, Rodya, I would laugh at them, or better still, spit in their ugly faces, and spit a dozen times in all directions. I'd hit out in all directions, neatly too, and so I'd put an end to it.	Я понимаю, что это досадно, но на твоём месте, Родька, я бы захохотал всем в глаза, или лучше: на-пле-вал бы всем в рожу, да погуще, да раскидал бы на все стороны десятка два плюх, умненько, как и всегда их надо давать, да тем бы и покончил.
Damn them!	Плюнь!
Don't be downhearted.	Ободрись!
It's a shame!"	Стыдно!
"He really has put it well, though," Raskolnikov thought.	"Он, однако ж, это хорошо изложил", - подумал Раскольников .
"Damn them?"	- Плюнь?
But the cross-examination again, to-morrow?" he said with bitterness. "Must I really enter into explanations with them?"	А завтра опять допрос! - проговорил он с горечью, - неужели ж мне с ними в объяснение войти?
I feel vexed as it is, that I condescended to speak to Zametov yesterday in the restaurant...."	Мне и то досадно, что вчера я унизился в трактире до Заметова...
"Damn it!	- Черт возьми!
I will go myself to Porfiry.	Пойду сам к Порфирию!
I will squeeze it out of him, as one of the family: he must let me know the ins and outs of it all!	И уж прижму ж я его, по-родственному; пусть выложит мне все до корней!
And as for Zametov..."	А уж Заметова...
"At last he sees through him!" thought Raskolnikov.	"Наконец-то догадался!" - подумал Раскольников.
"Stay!" cried Razumihin, seizing him by the shoulder again. "Stay! you were	- Стой! - закричал Разумихин, хватая вдруг

wrong.	его за плечо, - стой! Ты наврал!
I have thought it out. You are wrong!	Я надумался: ты наврал!
How was that a trap?	Ну какой это подвох?
You say that the question about the workmen was a trap.	Ты говоришь, что вопрос о рабочих был подвох?
But if you had done _that_, could you have said you had seen them painting the flat... and the workmen?	Раскуси: ну если б это ты сделал, мог ли б ты проговориться, что видел, как мазали квартиру... и работников?
On the contrary, you would have seen nothing, even if you had seen it.	Напротив: ничего не видал, если бы даже и видел!
Who would own it against himself?"	Кто ж сознается против себя?
"If I had done _that thing_, I should certainly have said that I had seen the workmen and the flat," Raskolnikov answered, with reluctance and obvious disgust.	- Если б я то дело сделал, то уж непременно бы сказал, что видел и работников и квартиру, - с неохотой и с видимым отвращением продолжал отвечать Раскольников.
"But why speak against yourself?"	- Да зачем же против себя говорить?
"Because only peasants, or the most inexperienced novices deny everything flatly at examinations.	- А потому, что только одни мужики, иль уж самые неопытные новички, на допросах прямо и сряду во всем запираются.
If a man is ever so little developed and experienced, he will certainly try to admit all the external facts that can't be avoided, but will seek other explanations of them, will introduce some special, unexpected turn, that will give them another significance and put them in another light.	Чуть-чуть же человек развитой и бывалый, непременно и по возможности старается сознаться во всех внешних и неустрашимых фактах; только причины им другие подыскивает, черту такую свою, особенную и неожиданную ввернет, которая совершенно им другое значение придаст и в другом свете их выставит.
Porfiry might well reckon that I should be sure to answer so, and say I had seen them to give an air of truth, and then make some explanation."	Порфирий мог именно рассчитывать, что я непременно буду так отвечать и непременно скажу, что видел, для правдоподобия, и при этом вверну что-нибудь в объяснение...
"But he would have told you at once that the workmen could not have been there two days before, and that therefore you must have been there on the day of the murder at eight o'clock.	- Да ведь он бы тебе тотчас и сказал, что за два дня рабочих там и быть не могло и что, стало быть, ты именно был в день убийства, в восьмом часу.
And so he would have caught you over a	

detail."	На пустом бы и сбил!
"Yes, that is what he was reckoning on, that I should not have time to reflect, and should be in a hurry to make the most likely answer, and so would forget that the workmen could not have been there two days before."	- Да на это-то он и рассчитывал, что я не успею сообразить, и именно поспешу отвечать правдоподобнее да и забуду, что за два дня работников быть не могло.
"But how could you forget it?"	- Да как же это забыть?
"Nothing easier.	- Всего легче!
It is in just such stupid things clever people are most easily caught.	На таких-то пустейших вещах всего легче и сбиваются хитрые-то люди.
The more cunning a man is, the less he suspects that he will be caught in a simple thing.	Чем хитрей человек, тем он меньше подозревает, что его на простом собьют.

The more cunning a man is, the simpler the trap he must be caught in.	Хитрейшего человека именно на простейшем надо сбивать.
Porfiry is not such a fool as you think...."	Порфирий совсем не так глуп, как ты думаешь...
"He is a knave then, if that is so!"	- Подлец же он после этого!
Raskolnikov could not help laughing.	Раскольников не мог не засмеяться.
But at the very moment, he was struck by the strangeness of his own frankness, and the eagerness with which he had made this explanation, though he had kept up all the preceding conversation with gloomy repulsion, obviously with a motive, from necessity.	Но в ту же минуту странными показались ему его собственное одушевление и охота, с которыми он проговорил последнее объяснение, тогда как весь предыдущий разговор он поддерживал с угрюмым отвращением, видимо из целей, по необходимости.
"I am getting a relish for certain aspects!" he thought to himself.	"Во вкус вхожу в иных пунктах!" - подумал он про себя.
But almost at the same instant he became suddenly uneasy, as though an unexpected and alarming idea had occurred to him.	Но почти в ту же минуту он как-то вдруг стал беспокоен, как будто неожиданная и тревожная мысль поразила его.
His uneasiness kept on increasing.	Беспокойство его увеличивалось.
They had just reached the entrance to Bakaleyev's.	Они дошли уже до входа в номера Бакалеева.
"Go in alone!" said Raskolnikov suddenly. "I will be back directly."	- Ступай один, - сказал вдруг Раскольников, - я сейчас ворочусь.

"Where are you going?"	- Куда ты?
Why, we are just here."	Да мы уж пришли!
"I can't help it.... I will come in half an hour.	- Мне надо, надо; дело... приду через полчаса...
Tell them."	Скажи там.
"Say what you like, I will come with you."	- Воля твоя, я пойду за тобой!
"You, too, want to torture me!" he screamed, with such bitter irritation, such despair in his eyes that Razumihin's hands dropped.	- Что ж, и ты меня хочешь замучить! - вскричал он с таким горьким раздражением, с таким отчаянием во взгляде, что у Разумихина руки опустились.
He stood for some time on the steps, looking gloomily at Raskolnikov striding rapidly away in the direction of his lodging.	Несколько времени он стоял на крыльце и угрюмо смотрел, как тот быстро шагал по направлению к своему переулку.
At last, gritting his teeth and clenching his fist, he swore he would squeeze Porfiry like a lemon that very day, and went up the stairs to reassure Pulcheria Alexandrovna, who was by now alarmed at their long absence.	Наконец, стиснув зубы и сжав кулаки, тут же поклявшись, что сегодня же выжмет всего Порфирия, как лимон, поднялся наверх успокоивать уже встревоженную долгим их отсутствием Пульхерию Александровну.
When Raskolnikov got home, his hair was soaked with sweat and he was breathing heavily.	Когда Раскольников пришел к своему дому, виски его были смочены потом и дышал он тяжело.
He went rapidly up the stairs, walked into his unlocked room and at once fastened the latch.	Поспешно поднялся он по лестнице, вошел в незапертую квартиру свою и тотчас же заперся на крюк.

Then in senseless terror he rushed to the corner, to that hole under the paper where he had put the things; put his hand in, and for some minutes felt carefully in the hole, in every crack and fold of the paper.	Затем, испуганно и безумно, бросился к углу, к той самой дыре в обоях, в которой тогда лежали вещи, засунул в нее руку и несколько минут тщательно обшаривал дыру, перебирая все закоулки и все складки обой.
Finding nothing, he got up and drew a deep breath.	Не найдя ничего, он встал и глубоко перевел дыхание.
As he was reaching the steps of Bakaleyev's, he suddenly fancied that something, a chain, a stud or even a bit of paper in which they had been wrapped with the old woman's handwriting on it, might somehow have slipped out and	Подходя давеча уже к крыльцу Бакалеева, ему вдруг вообразилось, что какая-нибудь вещь, какая-нибудь цепочка, запонка или даже бумажка, в которую они были завернуты, с отметкою старухиною рукой, могла как-нибудь тогда проскользнуть и

been lost in some crack, and then might suddenly turn up as unexpected, conclusive evidence against him.	затеряться в какой-нибудь щелочке, а потом вдруг выступить перед ним неожиданною и неотразимою уликой.
He stood as though lost in thought, and a strange, humiliated, half senseless smile strayed on his lips.	Он стоял как бы в задумчивости, и странная, приниженная, полубессмысленная улыбка бродила на губах его.
He took his cap at last and went quietly out of the room.	Он взял наконец фуражку и тихо вышел из комнаты.
His ideas were all tangled.	Мысли его путались.
He went dreamily through the gateway.	Задумчиво сошел он под ворота.
"Here he is himself," shouted a loud voice.	- Да вот они сами! - крикнул громкий голос; он поднял голову.
He raised his head. The porter was standing at the door of his little room and was pointing him out to a short man who looked like an artisan, wearing a long coat and a waistcoat, and looking at a distance remarkably like a woman.	Дворник стоял у дверей своей каморки и указывая прямо на него какому-то невысокому человеку, с виду похожему на мещанина, одетому в чем-то вроде халата, в жилетке и очень походившему издали на бабу.
He stooped, and his head in a greasy cap hung forward.	Голова его, в засаленной фуражке, свешивалась вниз, да и весь он был точно сгорбленный.
From his wrinkled flabby face he looked over fifty; his little eyes were lost in fat and they looked out grimly, sternly and discontentedly.	Дряблое, морщинистое лицо его показывало за пятьдесят; маленькие, заплывшие глазки глядели угрюмо, строго и с неудовольствием.
"What is it?" Raskolnikov asked, going up to the porter.	- Что такое? - спросил Раскольников, подходя к дворнику.
The man stole a look at him from under his brows and he looked at him attentively, deliberately; then he turned slowly and went out of the gate into the street without saying a word.	Мещанин скосил на него глаза исподлобья и оглядел его пристально и внимательно, не спеша; потом медленно повернулся и, ни слова не сказав, вышел из ворот дома на улицу.
"What is it?" cried Raskolnikov.	- Да что такое! - вскричал Раскольников.
"Why, he there was asking whether a student lived here, mentioned your name and whom you lodged with.	- Да вот какой-то спрашивал, здесь ли студент живет, вас называл, у кого проживаете.
I saw you coming and pointed you out and he went away.	Вы тут сошли, я показал, а он и пошел.
It's funny."	Вишь ведь.

The porter too seemed rather puzzled, but not much so, and after wondering for a moment he turned and went back to his room.	Дворник тоже был в некотором недоумении, а впрочем не очень, и капельку подумав еще, повернулся и полез обратно в свою каморку.
Raskolnikov ran after the stranger, and at once caught sight of him walking along the other side of the street with the same even, deliberate step with his eyes fixed on the ground, as though in meditation.	Раскольников бросился вслед за мещанином и тотчас же увидел его, идущего по другой стороне улицы, прежним ровным и неспешным шагом, уткнув глаза в землю и как бы что-то обдумывая.
He soon overtook him, but for some time walked behind him.	Он скоро догнал его, но некоторое время шел сзади; наконец поровнялся с ним и заглянул ему сбоку в лицо.
At last, moving on to a level with him, he looked at his face. The man noticed him at once, looked at him quickly, but dropped his eyes again; and so they walked for a minute side by side without uttering a word.	Тот тотчас же заметил его, быстро оглядел, но опять опустил глаза, и так шли они с минуту, один подле другого и не говоря ни слова.
"You were inquiring for me... of the porter?" Raskolnikov said at last, but in a curiously quiet voice.	- Вы меня спрашивали... у дворника? - проговорил наконец Раскольников, но как-то очень негромко.
The man made no answer; he didn't even look at him.	Мещанин не дал никакого ответа и даже не поглядел.
Again they were both silent.	Опять помолчали.
"Why do you... come and ask for me... and say nothing.... What's the meaning of it?"	- Да что вы... приходите спрашивать... и молчите... да что же это такое?
Raskolnikov's voice broke and he seemed unable to articulate the words clearly.	- Голос Раскольникова прерывался, и слова как-то не хотели ясно выговариваться.
The man raised his eyes this time and turned a gloomy sinister look at Raskolnikov.	Мещанин на этот раз поднял глаза и зловещим, мрачным взглядом посмотрел на Раскольникова.
"Murderer!" he said suddenly in a quiet but clear and distinct voice.	- Убивец! - проговорил он вдруг тихим, но ясным и отчетливым голосом...
Raskolnikov went on walking beside him.	Раскольников шел подле него.
His legs felt suddenly weak, a cold shiver ran down his spine, and his heart seemed to stand still for a moment, then suddenly began throbbing as though it were set free.	Ноги его ужасно вдруг ослабели, на спине похолодело, и сердце на мгновение как будто замерло; потом вдруг застучало, точно с крючка сорвалось.

So they walked for about a hundred paces, side by side in silence.	Так прошли они шагов сотню, рядом и опять совсем молча.
The man did not look at him.	Мещанин не глядел на него.
"What do you mean... what is.... Who is a murderer?" muttered Raskolnikov hardly audibly.	- Да что вы... что... кто убийца? - пробормотал Раскольников едва слышно.
"_You_ are a murderer," the man answered still more articulately and emphatically, with a smile of triumphant hatred, and again he looked straight into Raskolnikov's pale face and stricken eyes.	- Ты убивец, - произнес тот, еще раздельнее и внушительнее и как бы с улыбкой какого-то ненавистного торжества, и опять прямо глянул в бледное лицо Раскольникова и в его помертвевшие глаза.
They had just reached the cross-roads.	Оба подошли тогда к перекрестку.

The man turned to the left without looking behind him.	Мещанин поворотил в улицу налево и пошел не оглядываясь.
Raskolnikov remained standing, gazing after him.	Раскольников остался на месте и долго глядел ему вслед.
He saw him turn round fifty paces away and look back at him still standing there.	Он видел, как тот, пройдя уже шагов с пятьдесят, обернулся и посмотрел на него, все еще стоявшего неподвижно на том же месте.
Raskolnikov could not see clearly, but he fancied that he was again smiling the same smile of cold hatred and triumph.	Разглядеть нельзя было, но Раскольникову показалось, что тот и в этот раз улыбнулся своею холодно-ненавистною и торжествующею улыбкой.
With slow faltering steps, with shaking knees, Raskolnikov made his way back to his little garret, feeling chilled all over.	Тихим, ослабевшим шагом, с дрожащими коленами и как бы ужасно озябший воротился Раскольников назад и поднялся в свою каморку.
He took off his cap and put it on the table, and for ten minutes he stood without moving.	Он снял и положил фуражку на стол и минут десять стоял подле, неподвижно.
Then he sank exhausted on the sofa and with a weak moan of pain he stretched himself on it.	Затем в бессилии лег на диван и болезненно, с слабым стоном, протянулся на нем; глаза его были закрыты.
So he lay for half an hour.	Так пролежал он с полчаса.
He thought of nothing.	Он ни о чем не думал.
Some thoughts or fragments of thoughts,	Так, были какие-то мысли или обрывки

some images without order or coherence floated before his mind--faces of people he had seen in his childhood or met somewhere once, whom he would never have recalled, the belfry of the church at V., the billiard table in a restaurant and some officers playing billiards, the smell of cigars in some underground tobacco shop, a tavern room, a back staircase quite dark, all sloppy with dirty water and strewn with egg-shells, and the Sunday bells floating in from somewhere....	мыслей, какие-то представления, без порядка и связи, - лица людей, виденных им еще в детстве или встреченных где-нибудь один только раз и об которых он никогда бы и не вспомнил; колокольня В-й церкви; бильярд в одном трактире и какой-то офицер у бильярда, запах сигар в какой-то подвальной табачной лавочке, распивочная, черная лестница, совсем темная, вся залитая помоями и засыпанная яичными скорлупами, а откуда-то доносится воскресный звон колоколов...
The images followed one another, whirling like a hurricane.	Предметы сменялись и крутились, как вихрь.
Some of them he liked and tried to clutch at, but they faded and all the while there was an oppression within him, but it was not overwhelming, sometimes it was even pleasant....	Иные ему даже нравились, и он цеплялся за них, но они погасали, и вообще что-то давило его внутри, но не очень.
The slight shivering still persisted, but that too was an almost pleasant sensation.	Иногда даже было хорошо... Легкий озноб не проходил, и это тоже было почти хорошо ощущать.
He heard the hurried footsteps of Razumihin; he closed his eyes and pretended to be asleep.	Он услышал поспешные шаги Разумихина и голос его, закрыл глаза и притворился спящим.
Razumihin opened the door and stood for some time in the doorway as though hesitating, then he stepped softly into the room and went cautiously to the sofa.	Разумихин отворил дверь и некоторое время стоял на пороге, как бы раздумывая. Потом тихо шагнул в комнату и осторожно подошел к дивану.
Raskolnikov heard Nastasya's whisper:	Послышался шепот Настасьи:
"Don't disturb him! Let him sleep. He can have his dinner later."	- Не замай; пуцай выспится; опосля поест.
"Quite so," answered Razumihin.	- И впрямь, - отвечал Разумихин.
Both withdrew carefully and closed the door.	Оба осторожно вышли и притворили дверь.
Another half-hour passed.	Прошло еще с полчаса.
Raskolnikov opened his eyes, turned on his back again, clasping his hands behind his head.	Раскольников открыл глаза и вскинулся опять навзничь, заломив руки за голову...
"Who is he?	"Кто он?

Who is that man who sprang out of the earth?	Кто этот вышедший из-под земли человек?
Where was he, what did he see?	Где был он и что видел?
He has seen it all, that's clear.	Он видел все, это несомненно.
Where was he then? And from where did he see?	Где ж он тогда стоял и откуда смотрел?
Why has he only now sprung out of the earth?	Почему он только теперь выходит из-под полу?
And how could he see? Is it possible?	И как мог он видеть - разве это возможно?..
Hm..." continued Raskolnikov, turning cold and shivering, "and the jewel case Nikolay found behind the door--was that possible?	Гм... - продолжал Раскольников, холодея и вздрагивая, - а футляр, который нашел Николай за дверью: разве это тоже возможно?
A clue?	Улики?
You miss an infinitesimal line and you can build it into a pyramid of evidence!	Стотысячную черточку просмотришь - вот и улика в пирамиду египетскую!
A fly flew by and saw it!	Муха летала, она видела!
Is it possible?"	Разве этак возможно?"
He felt with sudden loathing how weak, how physically weak he had become.	И он с омерзением почувствовал вдруг, как он ослабел, физически ослабел.
"I ought to have known it," he thought with a bitter smile. "And how dared I, knowing myself, knowing how I should be, take up an axe and shed blood!	"Я это должен был знать, - думал он с горькою усмешкой, - и как смел я, зная себя, предчувствуя себя, брать топор и кровавиться!
I ought to have known beforehand....	Я обязан был заранее знать...
Ah, but I did know!" he whispered in despair.	Э! да ведь я же заранее и знал!.." - прошептал он в отчаянии.
At times he came to a standstill at some thought.	Порою он останавливался неподвижно перед какою-нибудь мыслью:
"No, those men are not made so. The real _Master_ to whom all is permitted storms Toulon, makes a massacre in Paris, _forgets_ an army in Egypt, _wastes_ half a million men in the Moscow expedition and gets off with a jest at Vilna. And altars are set up to him after his death, and so _all_	"Нет, - те люди не так сделаны; настоящий властелин, кому все разрешается, - громит Тулон, делает резню в Париже, забывает армию в Египте, тратит полмиллиона людей в московском походе и отделяется каламбуром в Вильне; и ему же, по смерти, ставят кумиры; - а стало быть, и все

is permitted.	разрешается.
No, such people, it seems, are not of flesh but of bronze!"	Нет, на таких людях, видно, не тело, а бронза!"
One sudden irrelevant idea almost made him laugh.	Одна внезапная посторонняя мысль вдруг почти рассмешила его:
Napoleon, the pyramids, Waterloo, and a wretched skinny old woman, a pawnbroker with a red trunk under her bed--it's a nice hash for Porfiry Petrovitch to digest!	"Наполеон, пирамиды, Ватерлоо - и тощая гаденькая регистраторша, старушонка, процентщица, с красною укладкою под кроватью, - ну каково это переварить хоть бы Порфирию Петровичу!..
How can they digest it!	Где ж им переварить!..
It's too inartistic. "A Napoleon creep under an old woman's bed!	Эстетика помешает: "полезет ли, дескать, Наполеон под кровать к старушонке"!
Ugh, how loathsome!"	Эх, дрянь!.."
At moments he felt he was raving. He sank into a state of feverish excitement.	Минутами он чувствовал, что как бы бредит: он впадал в лихорадочно-восторженное настроение.
"The old woman is of no consequence," he thought, hotly and incoherently.	"Старушонка вздор! - думал он горячо и порывисто, - старуха, пожалуй что, и ошибка, не в ней и дело!
"The old woman was a mistake perhaps, but she is not what matters! The old woman was only an illness....	Старуха была только болезнь... я переступить поскорее хотел... я не человека убил, я принцип убил!
I was in a hurry to overstep.... I didn't kill a human being, but a principle! I killed the principle, but I didn't overstep, I stopped on this side....	Принцип-то я и убил, а переступить-то не переступил, на этой стороне остался...
I was only capable of killing.	Только и сумел, что убить.
And it seems I wasn't even capable of that...	Да и того не сумел, оказывается...
Principle?	Принцип?
Why was that fool Razumihin abusing the socialists?	За что давеча дурачок Разумихин социалистов бранил?
They are industrious, commercial people; 'the happiness of all' is their case.	Трудолюбивый народ и торговый; "общим счастьем" занимаются...
No, life is only given to me once and I	Нет, мне жизнь однажды дается, и никогда ее

shall never have it again; I don't want to wait for 'the happiness of all.'	больше не будет: я не хочу дожидаться "всеобщего счастья".
I want to live myself, or else better not live at all.	Я и сам хочу жить, а то лучше уж и не жить.
I simply couldn't pass by my mother starving, keeping my rouble in my pocket while I waited for the 'happiness of all.'	Что ж? Я только не захотел проходить мимо голодной матери, зажимая в кармане свой рубль, в ожидании "всеобщего счастья".
I am putting my little brick into the happiness of all and so my heart is at peace.	"Несу, дескать, кирпичик на всеобщее счастье и оттого ощущаю спокойствие сердца".
Ha-ha!	Ха-ха!
Why have you let me slip?	Зачем же вы меня-то пропустили?
I only live once, I too want....	Я ведь всего однажды живу, я ведь тоже хочу...

Ech, I am an aesthetic louse and nothing more," he added suddenly, laughing like a madman.	Эх, эстетическая я вошь, и больше ничего, - прибавил он вдруг рассмеявшись, как помешанный.
"Yes, I am certainly a louse," he went on, clutching at the idea, gloating over it and playing with it with vindictive pleasure. "In the first place, because I can reason that I am one, and secondly, because for a month past I have been troubling benevolent Providence, calling it to witness that not for my own fleshly lusts did I undertake it, but with a grand and noble object--ha-ha!	- Да, я действительно вошь, - продолжал он, с злорадством прилепившись к мысли, роясь в ней, играя и потешаясь ею, - и уж по тому одному, что, во-первых, теперь рассуждаю про то, что я вошь; потому, во-вторых, что целый месяц всеблагое провидение беспокоил, призывая в свидетели, что не для своей, дескать, плоти и похоти предпринимаю, а имею в виду великолепную и приятную цель, - ха-ха!
Thirdly, because I aimed at carrying it out as justly as possible, weighing, measuring and calculating. Of all the lice I picked out the most useless one and proposed to take from her only as much as I needed for the first step, no more nor less (so the rest would have gone to a monastery, according to her will, ha-ha!).	Потому, в-третьих, что возможную справедливость положил наблюдать в исполнении, вес и меру, и арифметику: из всех вшей выбрал самую наименее полезную и, убив ее, положил взять у ней ровно столько, сколько мне надо для первого шага, и ни больше ни меньше (а остальное, стало быть, так и пошло бы на монастырь, по духовному завещанию -ха-ха!)...
And what shows that I am utterly a louse," he added, grinding his teeth, "is that I am perhaps viler and more	Потому, потому я окончательно вошь, - прибавил он, скрежеща зубами, - потому что

loathsome than the louse I killed, and _I felt beforehand_ that I should tell myself so _after_ killing her.	сам-то я, может быть, еще сквернее и гаже, чем убитая вошь, и заранее предчувствовал, что скажу себе это уже после того, как убью!
Can anything be compared with the horror of that?	Да разве с таким ужасом что-нибудь может сравниться!
The vulgarity!	О, пошлость!
The abjectness!	О, подлость!..
I understand the 'prophet' with his sabre, on his steed: Allah commands and 'trembling' creation must obey!	О, как я понимаю "пророка" , с саблей, на коне. Велит Аллах, и повинуйся "дрожащая тварь"!
The 'prophet' is right, he is right when he sets a battery across the street and blows up the innocent and the guilty without deigning to explain!	Прав, прав "пророк", когда ставит где-нибудь поперек улицы хор-р-рошую батарею и дует в правого и виноватого, не удостоивая даже и объясниться!
It's for you to obey, trembling creation, and not _to have desires_, for that's not for you!...	Повинуйся, дрожащая тварь, и - не желай, потому - не твое это дело!..
I shall never, never forgive the old woman!"	О, ни за что, ни за что не прощу старушонке!"
His hair was soaked with sweat, his quivering lips were parched, his eyes were fixed on the ceiling.	Волосы его были смочены потом, вздрагивавшие губы запеклись, неподвижный взгляд был устремлен в потолок.
"Mother, sister--how I loved them!	"Мать, сестра, как любил я их!
Why do I hate them now?	Отчего теперь я их ненавижу?
Yes, I hate them, I feel a physical hatred for them, I can't bear them near me....	Да, я их ненавижу, физически ненавижу, подле себя не могу выносить...
I went up to my mother and kissed her, I remember....	Давеча я подошел и поцеловал мать, я помню...

To embrace her and think if she only knew... shall I tell her then?	Обнимать и думать, что если б она узнала, то... разве сказать ей тогда?
That's just what I might do.... _She_ must be the same as I am," he added, straining himself to think, as it were struggling with delirium.	От меня это станется... Гм! она должна быть такая же, как и я, - прибавил он, думая с усилием, как будто борясь с охватывавшим его бредом.
"Ah, how I hate the old woman now!	- О, как я ненавижу теперь старушонку!
I feel I should kill her again if she came to life!	Кажется, бы другой раз убил, если б очнулась!
Poor Lizaveta!	Бедная Лизавета!
Why did she come in?...	Зачем она тут подвернулась!..
It's strange though, why is it I scarcely ever think of her, as though I hadn't killed her?	Странно, однако ж, почему я об ней почти и не думаю, точно и не убивал?..
Lizaveta!	Лизавета!
Sonia!	Соня!
Poor gentle things, with gentle eyes....	Бедные, кроткие, с глазами кроткими...
Dear women!	Милые!..
Why don't they weep?	Зачем они не плачут?
Why don't they moan?	Зачем они не стонут?..
They give up everything... their eyes are soft and gentle....	Они все отдают... глядят кротко и тихо...
Sonia, Sonia!	Соня, Соня!
Gentle Sonia!"	Тихая Соня!.."
He lost consciousness; it seemed strange to him that he didn't remember how he got into the street.	Он забылся; странным показалось ему, что он не помнит, как мог он очутиться на улице.
It was late evening.	Был уже поздний вечер.
The twilight had fallen and the full moon was shining more and more brightly; but there was a peculiar breathlessness in the air.	Сумерки сгущались, полная луна светлела все ярче и ярче; но как-то особенно душно было в воздухе.
There were crowds of people in the street; workmen and business people were making their way home; other people had come out for a walk; there was a smell of mortar, dust and stagnant water.	Люди толпой шли по улицам; ремесленники и занятые люди расходились по домам, другие гуляли; пахло известью, пылью, стоячею водой.

Raskolnikov walked along, mournful and anxious; he was distinctly aware of having come out with a purpose, of having to do something in a hurry, but what it was he had forgotten.	Раскольников шел грустный и озабоченный: он очень хорошо помнил, что вышел из дому с каким-то намерением, что надо было что-то сделать и поспешить, но что именно - он позабыл.
Suddenly he stood still and saw a man standing on the other side of the street, beckoning to him.	Вдруг он остановился и увидел, что на другой стороне улицы, на тротуаре, стоит человек и машет ему рукой.
He crossed over to him, but at once the man turned and walked away with his head hanging, as though he had made no sign to him.	Он пошел к нему через улицу, но вдруг этот человек повернулся и пошел как ни в чем не бывало, опустив голову, не оборачиваясь и не подавая вида, что звал его.
"Stay, did he really beckon?" Raskolnikov wondered, but he tried to overtake him.	"Да полно, звал ли он?" - подумал Раскольников, однако ж стал догонять.
When he was within ten paces he recognised him and was frightened; it was the same man with stooping shoulders in the long coat.	Не доходя шагов десяти, он вдруг узнал его и -испугался; это был давешний мещанин, в таком же халате и так же сгорбленный.
Raskolnikov followed him at a distance; his heart was beating; they went down a turning; the man still did not look round.	Раскольников шел издали; сердце его стучало; повернули в переулок - тот все не оборачивался.
"Does he know I am following him?" thought Raskolnikov.	"Знает ли он, что я за ним иду?" - думал Раскольников.
The man went into the gateway of a big house.	Мещанин вошел в ворота одного большого дома.
Raskolnikov hastened to the gate and looked in to see whether he would look round and sign to him.	Раскольников поскорей подошел к воротам и стал глядеть, не оглянется ли он и не позовет ли его?
In the court-yard the man did turn round and again seemed to beckon him.	В самом деле, пройдя всю подворотню и уже выходя во двор, тот вдруг обернулся и опять точно как будто махнул ему.
Raskolnikov at once followed him into the yard, but the man was gone.	Раскольников тотчас же прошел подворотню, но во дворе мещанина уж не было.
He must have gone up the first staircase.	Стало быть, он вошел тут сейчас на первую лестницу.
Raskolnikov rushed after him.	Раскольников бросился за ним.
He heard slow measured steps two flights above. The staircase seemed	В самом деле, двумя лестницами выше слышались еще чьи-то мерные, неспешные

strangely familiar.	шаги.
He reached the window on the first floor; the moon shone through the panes with a melancholy and mysterious light; then he reached the second floor.	Странно, лестница была как будто знакомая! Вон окно в первом этаже; грустно и таинственно проходил сквозь стекла лунный свет; вот и второй этаж.
Bah! this is the flat where the painters were at work... but how was it he did not recognise it at once?	Ба! Это та самая квартира, в которой работники мазали... Как же он не узнал тотчас?
The steps of the man above had died away. "So he must have stopped or hidden somewhere."	Шаги впереди идущего человека затихли: "стало быть, он остановился или где-нибудь спрятался".
He reached the third storey, should he go on?	Вот и третий этаж; идти ли дальше?
There was a stillness that was dreadful....	И какая там тишина, даже страшно...
But he went on.	Но он пошел.
The sound of his own footsteps scared and frightened him.	Шум его собственных шагов его пугал и тревожил.
How dark it was!	Боже, как темно!

The man must be hiding in some corner here.	Мещанин, верно, тут где-нибудь притаился в углу.
Ah! the flat was standing wide open, he hesitated and went in.	А! квартира отворена настежь на лестницу, он подумал и вошел.
It was very dark and empty in the passage, as though everything had been removed; he crept on tiptoe into the parlour which was flooded with moonlight. Everything there was as before, the chairs, the looking-glass, the yellow sofa and the pictures in the frames.	В передней было очень темно и пусто, ни души, как будто все вынесли; тихонько, на цыпочках прошел он в гостиную: вся комната была ярко облита лунным светом; все тут по-прежнему: стулья, зеркало, желтый диван и картинки в рамках.
A huge, round, copper-red moon looked in at the windows.	Огромный, круглый, медно-красный месяц глядел прямо в окна.
"It's the moon that makes it so still, weaving some mystery," thought Raskolnikov.	"Это от месяца такая тишина, - подумал Раскольников, - он, верно, теперь загадку загадывает".
He stood and waited, waited a long while, and the more silent the moonlight, the more violently his heart beat, till it was painful.	Он стоял и ждал, долго ждал, и чем тише был месяц, тем сильнее стучало его сердце, даже больно становилось.

And still the same hush.	И все тишина.
Suddenly he heard a momentary sharp crack like the snapping of a splinter and all was still again.	Вдруг послышался мгновенный сухой треск, как будто сломали лучинку, и все опять замерло.
A fly flew up suddenly and struck the window pane with a plaintive buzz.	Проснувшаяся муха вдруг с налета ударилась об стекло и жалобно жужжала.
At that moment he noticed in the corner between the window and the little cupboard something like a cloak hanging on the wall.	В самую эту минуту, в углу, между маленьким шкапом и окном, он разглядел как будто висящий на стене салоп.
"Why is that cloak here?" he thought, "it wasn't there before...."	"Зачем тут салоп? - подумал он, - ведь его прежде не было..."
He went up to it quietly and felt that there was someone hiding behind it.	Он подошел потихоньку и догадался, что за салопом как будто кто-то прячется.
He cautiously moved the cloak and saw, sitting on a chair in the corner, the old woman bent double so that he couldn't see her face; but it was she.	Осторожно отвел он рукою салоп и увидел, что тут стоит стул, а на стуле в уголку сидит старушонка, вся скрючившись и наклонив голову, так что он никак не мог разглядеть лица, но это была она.
He stood over her. "She is afraid," he thought. He stealthily took the axe from the noose and struck her one blow, then another on the skull.	Он постоял над ней: "боится!" - подумал он, тихонько высвободил из петли топор и ударил старуху по темени, раз и другой.
But strange to say she did not stir, as though she were made of wood.	Но странно: она даже и не шевельнулась от ударов, точно деревянная.
He was frightened, bent down nearer and tried to look at her; but she, too, bent her head lower.	Он испугался, нагнулся ближе и стал ее разглядывать; но и она еще ниже нагнула голову.
He bent right down to the ground and peeped up into her face from below, he peeped and turned cold with horror: the old woman was sitting and laughing, shaking with noiseless laughter, doing her utmost that he should not hear it.	Он пригнулся тогда совсем к полу и заглянул ей снизу в лицо, заглянул и помертвел: старушонка сидела и смеялась, - так и заливалась тихим, неслышным смехом, из всех сил крепясь, чтоб он ее не услышал.

Suddenly he fancied that the door from the bedroom was opened a little and that there was laughter and whispering within.	Вдруг ему показалось, что дверь из спальни чуть-чуть приотворилась и что там тоже как будто засмеялись и шепчутся.
He was overcome with frenzy and he began hitting the old woman on the head with all	Бешенство одолело его: изо всей силы начал он бить старуху по голове, но с

his force, but at every blow of the axe the laughter and whispering from the bedroom grew louder and the old woman was simply shaking with mirth.	каждым ударом топора смех и шепот из спальни раздавались все сильнее и слышнее, а старушонка так вся и колыхалась от хохота.
He was rushing away, but the passage was full of people, the doors of the flats stood open and on the landing, on the stairs and everywhere below there were people, rows of heads, all looking, but huddled together in silence and expectation.	Он бросился бежать, но вся прихожая уже полна людей, двери на лестнице отворены настежь, и на площадке, на лестнице и туда вниз - все люди, голова с головой, все смотрят, - но все притаились и ждут, молчат...
Something gripped his heart, his legs were rooted to the spot, they would not move....	Сердце его стеснилось, ноги не движутся, приросли...
He tried to scream and woke up.	Он хотел вскрикнуть и - проснулся.
He drew a deep breath--but his dream seemed strangely to persist: his door was flung open and a man whom he had never seen stood in the doorway watching him intently.	Он тяжело перевел дыхание, - но странно, сон как будто все еще продолжался: дверь его была отворена настежь, и на пороге стоял совсем незнакомый ему человек и пристально его разглядывал.
Raskolnikov had hardly opened his eyes and he instantly closed them again.	Раскольников не успел еще совсем раскрыть глаза и мигом закрыл их опять.
He lay on his back without stirring.	Он лежал навзничь и не шевельнулся.
"Is it still a dream?" he wondered and again raised his eyelids hardly perceptibly; the stranger was standing in the same place, still watching him.	"Сон это продолжается или нет", - думал он и чуть-чуть, неприметно опять приподнял ресницы поглядеть: незнакомый стоял на том же месте и продолжал в него вглядываться.
He stepped cautiously into the room, carefully closing the door after him, went up to the table, paused a moment, still keeping his eyes on Raskolnikov, and noiselessly seated himself on the chair by the sofa; he put his hat on the floor beside him and leaned his hands on his cane and his chin on his hands.	Вдруг он переступил осторожно через порог, бережно притворил за собой дверь, подошел к столу, подождал с минуту, - все это время не спуская с него глаз, - и тихо, без шума, сел на стул подле дивана; шляпу поставил сбоку, на полу, а обеими руками оперся на трость, опустив на руки подбородок.
It was evident that he was prepared to wait indefinitely.	Видно было, что он приготовился долго ждать.
As far as Raskolnikov could make out from his stolen glances, he was a man no longer young, stout, with a full, fair, almost whitish beard.	Сколько можно было разглядеть сквозь мигавшие ресницы, человек этот был уже немолодой, плотный и с густою, светлою, почти белую бородой...

Ten minutes passed.	Прошло минут с десять.
It was still light, but beginning to get dusk.	Было еще светло, но уже вечерело.
There was complete stillness in the room.	В комнате была совершенная тишина.
Not a sound came from the stairs.	Даже с лестницы не приносилось ни одного звука.

Only a big fly buzzed and fluttered against the window pane.	Только жужжала и билась какая-то большая муха, ударяясь с налета об стекло.
It was unbearable at last. Raskolnikov suddenly got up and sat on the sofa.	Наконец это стало невыносимо: Раскольников вдруг приподнялся и сел на диване.
"Come, tell me what you want."	- Ну, говорите, чего вам надо?
"I knew you were not asleep, but only pretending," the stranger answered oddly, laughing calmly.	- А ведь я так и знал, что вы не спите, а только вид показываете, - странно ответил незнакомый, спокойно рассмеявшись.
"Arkady Ivanovitch Svidrigailov, allow me to introduce myself...."	- Аркадий Иванович Свидригайлов, позвольте отрекомендоваться...

Федор Михайлович Достоевский. Преступление и наказание, Часть четвертая

PART IV	* ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ *
CHAPTER I	I
"Can this be still a dream?" Raskolnikov thought once more.	"Неужели это продолжение сна?" - подумалось еще раз Раскольникову.
He looked carefully and suspiciously at the unexpected visitor.	Осторожно и недоверчиво всматривался он в неожиданного гостя.
"Svidrigailov!"	- Свидригайлов?
What nonsense!	Какой вздор!
It can't be!" he said at last aloud in bewilderment.	Быть не может! - проговорил он наконец вслух, в недоумении.
His visitor did not seem at all surprised at this exclamation.	Казалось, гость совсем не удивился этому восклицанию.
"I've come to you for two reasons. In the first place, I wanted to make your personal acquaintance, as I have already heard a great deal about you that is interesting and flattering; secondly, I cherish the hope that you may not refuse to assist me in a matter directly concerning the welfare of your sister,	- Вследствие двух причин к вам зашел: во-первых, лично познакомиться пожелал, так как давно уж наслышан с весьма любопытной и выгодной для вас точки; во-вторых, мечтаю, что не уклонитесь, может быть, мне помочь в одном предприятии, прямо касающемся интереса сестрицы

Avdotyа Romanovna.	вашей, Авдотьи Романовны.
For without your support she might not let me come near her now, for she is prejudiced against me, but with your assistance I reckon on..."	Одного-то меня, без рекомендации, она, может, и на двор к себе теперь не пустит, вследствие предубеждения, ну, а с вашей помощью я, напротив, рассчитываю...
"You reckon wrongly," interrupted Raskolnikov.	- Плохо рассчитываете, - перебил Раскольников.
"They only arrived yesterday, may I ask you?"	- Они ведь только вчера прибыли, позвольте спросить?
Raskolnikov made no reply.	Раскольников не ответил.
"It was yesterday, I know.	- Вчера, я знаю.
I only arrived myself the day before.	Я ведь сам прибыл всего только третьего дня.
Well, let me tell you this, Rodion Romanovitch, I don't consider it necessary to justify myself, but kindly tell me what was there particularly criminal on my part in all this business, speaking without prejudice, with common sense?"	Ну-с, вот что я скажу вам на этот счет, Родион Романович; оправдывать себя считаю излишним, но позвольте же и мне заявить: что ж тут, во всем этом, в самом деле, такого особенно преступного с моей стороны, то есть без предрассудков-то, а здраво судя?
Raskolnikov continued to look at him in silence.	Раскольников продолжал молча его рассматривать.
"That in my own house I persecuted a defenceless girl and 'insulted her with my infamous proposals'--is that it? (I am anticipating you.) But you've only to assume that I, too, am a man _et nihil humanum_... in a word, that I am capable of being attracted and falling in love (which does not depend on our will), then everything can be explained in the most natural manner.	- То, что в своем доме преследовал беззащитную девицу и "оскорблял ее своими гнусными предложениями", - так ли-с? (Сам вперед забегаю!) Да ведь предположите только, что и я человек есмь, et nihil humanum... одним словом, что и я способен прельститься и полюбить (что уж, конечно, не по нашему велению творится), тогда все самым естественным образом объясняется.

The question is, am I a monster, or am I myself a victim?	Тут весь вопрос: изверг ли я или сам жертва?
And what if I am a victim?	Ну а как жертва?
In proposing to the object of my passion to elope with me to America or Switzerland, I may have cherished the deepest respect for	Ведь предлагая моему предмету бежать со мною в Америку или в Швейцарию, я, может, самые почтительнейшие чувства при сем питал, да еще

her and may have thought that I was promoting our mutual happiness!	думал обоюдное счастье устроить!..
Reason is the slave of passion, you know; why, probably, I was doing more harm to myself than anyone!"	Разум-то ведь страсти служит; я, пожалуй, себя еще больше губил, помилуйте!..
"But that's not the point," Raskolnikov interrupted with disgust. "It's simply that whether you are right or wrong, we dislike you. We don't want to have anything to do with you. We show you the door. Go out!"	- Да совсем не в том дело, - с отвращением перебил Раскольников, - просто-запросто вы противны, правы ль вы или не правы, ну вот с вами и не хотят знаться, и гонят вас, и ступайте!..
Svidrigailov broke into a sudden laugh.	Свидригайлов вдруг расхохотался.
"But you're... but there's no getting round you," he said, laughing in the frankest way. "I hoped to get round you, but you took up the right line at once!"	- Однако ж вы... однако ж вас не собьешь! - проговорил он, смеясь откровеннейшим образом, - я было думал схитрить, да нет, вы как раз на самую настоящую точку стали!
"But you are trying to get round me still!"	- Да вы и в эту минуту хитрить продолжаете.
"What of it?"	- Так что ж?
What of it?" cried Svidrigailov, laughing openly. "But this is what the French call _bonne guerre_, and the most innocent form of deception!...	Так что ж? - повторял Свидригайлов, смеясь нараспашку, - ведь это bonne guerre, что называется, и самая позволительная хитрость!..
But still you have interrupted me; one way or another, I repeat again: there would never have been any unpleasantness except for what happened in the garden.	Но все-таки вы меня перебили; так или этак, подтверждаю опять: никаких неприятностей не было бы, если бы не случай в саду.
Marfa Petrovna..."	Марфа Петровна...
"You have got rid of Marfa Petrovna, too, so they say?" Raskolnikov interrupted rudely.	- Марфу-то Петровну вы тоже, говорят, уходили? - грубо перебил Раскольников.
"Oh, you've heard that, too, then?"	- А вы и об этом слышали?
You'd be sure to, though....	Как, впрочем, не слыхать...

But as for your question, I really don't know what to say, though my own conscience is quite at rest on that score.	Ну, насчет этого вашего вопроса, право, не знаю, как вам сказать, хотя моя собственная совесть в высшей степени спокойна на этот счет.
Don't suppose that I am in any apprehension about it. All was regular and in order; the medical inquiry diagnosed apoplexy due to bathing immediately after a heavy dinner and a bottle of wine, and indeed it could have proved nothing else.	То есть не подумайте, чтоб я опасался чего-нибудь там такого: все это произведено было в совершенном порядке и с полной точности: медицинское следствие обнаружило апоплексию, происшедшую от купания сейчас после плотного обеда, с выпитой чуть не бутылкой вина, да и ничего другого и обнаружить оно не могло...

But I'll tell you what I have been thinking to myself of late, on my way here in the train, especially: didn't I contribute to all that... calamity, morally, in a way, by irritation or something of the sort.	Нет-с, я вот что про себя думал некоторое время, вот особенно в дороге, в вагоне сидя: не способствовал ли я всему этому... несчастьем, как-нибудь там раздражением нравственно или чем-нибудь в этом роде?
But I came to the conclusion that that, too, was quite out of the question."	Но заключил, что и этого положительно быть не могло.
Raskolnikov laughed.	Раскольников засмеялся.
"I wonder you trouble yourself about it!"	- Охота же так беспокоиться!
"But what are you laughing at?"	- Да вы чему смеетесь?
Only consider, I struck her just twice with a switch--there were no marks even... don't regard me as a cynic, please; I am perfectly aware how atrocious it was of me and all that; but I know for certain, too, that Marfa Petrovna was very likely pleased at my, so to say, warmth.	Вы сообразите: я ударил всего только два раза хлыстиком, даже знаков не оказалось... Не считайте меня, пожалуйста, циником; я ведь в точности знаю, как это гнусно с моей стороны, ну и так далее; но ведь я тоже наверно знаю, что Марфа Петровна, пожалуй что, и рада была этому моему, так сказать, увлечению.
The story of your sister had been wrung out to the last drop; for the last three days Marfa Petrovna had been forced to sit at home; she had nothing to show herself with in the town. Besides, she had bored them so with that letter (you heard about her reading the letter).	История по поводу вашей сестрицы истощилась до ижицы. Марфа Петровна уже третий день принуждена была дома сидеть; не с чем в городишко показаться, да и надоела она там всем с своим этим письмом (про чтение письма-то слышали?).
And all of a sudden those two switches fell from heaven!	И вдруг эти два хлыста как с неба падают!
Her first act was to order the carriage to be got out....	Первым делом карету велела закладывать!..

Not to speak of the fact that there are cases when women are very, very glad to be insulted in spite of all their show of indignation.	Я уж о том и не говорю, что у женщин случаи такие есть, когда очень и очень приятно быть оскорбленною, несмотря на все видимое негодование.
There are instances of it with everyone; human beings in general, indeed, greatly love to be insulted, have you noticed that?	Они у всех есть, эти случаи-то; человек вообще очень и очень даже любит быть оскорбленным, замечали вы это?
But it's particularly so with women.	Но у женщин это в особенности.
One might even say it's their only amusement."	Даже можно сказать, что тем только и пробавляются.
At one time Raskolnikov thought of getting up and walking out and so finishing the interview. But some curiosity and even a sort of prudence made him linger for a moment.	Одно время Раскольников думал было встать и уйти и тем покончить свидание. Но некоторое любопытство и даже как бы расчет удержали его на мгновение.
"You are fond of fighting?" he asked carelessly.	- Вы любите драться? - спросил он рассеянно.
"No, not very," Svidrigailov answered, calmly.	- Нет, не весьма, - спокойно отвечал Свидригайлов.
"And Marfa Petrovna and I scarcely ever fought.	- А с Марфой Петровной почти никогда не дрались.

We lived very harmoniously, and she was always pleased with me.	Мы весьма согласно жили, и она мной всегда довольна оставалась.
I only used the whip twice in all our seven years (not counting a third occasion of a very ambiguous character). The first time, two months after our marriage, immediately after we arrived in the country, and the last time was that of which we are speaking.	Хлыст я употребил, во все наши семь лет, всего только два раза (если не считать еще одного третьего случая, весьма, впрочем, двусмысленного): в первый раз - два месяца спустя после нашего брака, тотчас же по приезде в деревню, и вот теперешний последний случай.
Did you suppose I was such a monster, such a reactionary, such a slave driver? Ha, ha!	А вы уж думали, я такой изверг, ретроград, крепостник? хе-хе...
By the way, do you remember, Rodion Romanovitch, how a few years ago, in those days of beneficent publicity, a nobleman, I've forgotten his name, was put to shame everywhere, in all the papers, for	А кстати: не припомните ли вы, Родион Романович, как несколько лет тому назад, еще во времена благодетельной гласности, осрамили у нас всенародно и вселитературно одного дворянина - забыл фамилию! - вот еще немку-то отхлестал в

having thrashed a German woman in the railway train. You remember?	вагоне, помните?
It was in those days, that very year I believe, the 'disgraceful action of the _Age_' took place (you know,	Тогда еще, в тот же самый год, кажется, и "Безобразный поступок "Века" случился (ну,
'The Egyptian Nights,' that public reading, you remember?	"Египетскието ночи", чтение-то публичное, помните?
The dark eyes, you know!	Черные-то глаза!
Ah, the golden days of our youth, where are they?).	О, где ты золотое время нашей юности!).
Well, as for the gentleman who thrashed the German, I feel no sympathy with him, because after all what need is there for sympathy?	Ну-с, так вот мое мнение: господину, отхлеставшему немку, глубоко не сочувствую, потому что и в самом деле оно... что же сочувствовать!
But I must say that there are sometimes such provoking 'Germans' that I don't believe there is a progressive who could quite answer for himself.	Но при сем не могу не заявить, что случаются иногда такие подстрекательные "немки", что, мне кажется, нет ни единого прогрессиста, который бы совершенно мог за себя поручиться.
No one looked at the subject from that point of view then, but that's the truly humane point of view, I assure you."	С этой точки никто не посмотрел тогда на предмет, а между тем эта точка-то и есть настоящая гуманная, право-с так!
After saying this, Svidrigailov broke into a sudden laugh again.	Проговорив это, Свидригайлов вдруг опять рассмеялся.
Raskolnikov saw clearly that this was a man with a firm purpose in his mind and able to keep it to himself.	Раскольникову явно было, что это на что-то твердо решившийся человек и себе на уме.
"I expect you've not talked to anyone for some days?" he asked.	- Вы, должно быть, несколько дней сряду ни с кем не говорили? - спросил он.
"Scarcely anyone.	- Почти так.
I suppose you are wondering at my being such an adaptable man?"	А что: верно, дивитесь, что я такой складной человек?
"No, I am only wondering at your being too adaptable a man."	- Нет, я тому дивлюсь, что уж слишком вы складной человек.

"Because I am not offended at the rudeness of your questions?	- Оттого что грубостию ваших вопросов не обижался?
Is that it?	Так, что ли?

But why take offence?	Да... чего ж обижаться?
As you asked, so I answered," he replied, with a surprising expression of simplicity.	Как спрашивали, так и отвечал, - прибавил он с удивительным выражением простодушия.
"You know, there's hardly anything I take interest in," he went on, as it were dreamily, "especially now, I've nothing to do....	- Ведь я особенно-то ничем почти не интересуюсь, ей-богу, - продолжал он как-то вдумчиво.
You are quite at liberty to imagine though that I am making up to you with a motive, particularly as I told you I want to see your sister about something.	- Особенно теперь, ничем-таки не занят... Впрочем, вам позволительно думать, что я из видов заискиваю, тем более что имею дело до вашей сестрицы, сам объявил.
But I'll confess frankly, I am very much bored.	Но я вам откровенно скажу: очень скучно!
The last three days especially, so I am delighted to see you....	Особенно эти три дня, так что я вам даже обрадовался...
Don't be angry, Rodion Romanovitch, but you seem to be somehow awfully strange yourself.	Не рассердитесь, Родион Романович, но вы мне сами почему-то кажетесь ужасно как странным.
Say what you like, there's something wrong with you, and now, too... not this very minute, I mean, but now, generally....	Как хотите, а чтото в вас есть; и именно теперь, то есть не собственно в эту минуту, а вообще теперь...
Well, well, I won't, I won't, don't scowl!	Ну, ну, не буду, не буду, не хмурьтесь!
I am not such a bear, you know, as you think."	Я ведь не такой медведь, как вы думаете.
Raskolnikov looked gloomily at him.	Раскольников мрачно посмотрел на него.
"You are not a bear, perhaps, at all," he said.	- Вы даже, может быть и совсем не медведь, -сказал он.
"I fancy indeed that you are a man of very good breeding, or at least know how on occasion to behave like one."	- Мне даже кажется, что вы очень хорошего общества или, по крайней мере, умеете при случае быть и порядочным человеком.
"I am not particularly interested in anyone's opinion," Svidrigailov answered, dryly and even with a shade of haughtiness, "and therefore why not be vulgar at times when vulgarity is such a convenient cloak for our climate... and especially if one has a natural propensity that way," he added, laughing again.	- Да ведь я ничьим мнением особенно не интересуюсь, - сухо и как бы даже с оттенком высокомерия ответил Свидригайлов, - а потому отчего же и не побывать пошляком, когда это платье в нашем климате так удобно носить и... и особенно если к тому и натуральную склонность имеешь, - прибавил он, опять

	засмеявшись.
"But I've heard you have many friends here.	- Я слышал, однако, что у вас здесь много знакомых.
You are, as they say, 'not without connections.'	Вы ведь то, что называется "не без связей".
What can you want with me, then, unless you've some special object?"	Зачем же вам я-то в таком случае, как не для целей?

"That's true that I have friends here," Svidrigailov admitted, not replying to the chief point. "I've met some already. I've been lounging about for the last three days, and I've seen them, or they've seen me.	- Это вы правду сказали, что у меня есть знакомые, - подхватил Свидригайлов, не отвечая на главный пункт, - я уж встречал; третий ведь день слоняюсь; и сам узнаю, и меня, кажется, узнают.
That's a matter of course. I am well dressed and reckoned not a poor man; the emancipation of the serfs hasn't affected me; my property consists chiefly of forests and water meadows. The revenue has not fallen off; but... I am not going to see them, I was sick of them long ago. I've been here three days and have called on no one....	Оно конечно, одет прилично и числюсь человеком не бедным; нас ведь и крестьянская реформа обошла: леса да луга заливные, доход-то и не теряется; но... не пойду я туда; и прежде надоело: хожу третий день и не признаюсь никому...
What a town it is!	А тут еще город!
How has it come into existence among us, tell me that?	То есть как это он сочинил ся у нас, скажите пожалуйста!
A town of officials and students of all sorts.	Г ород канцеляристов и всевозможных семинаристов!
Yes, there's a great deal I didn't notice when I was here eight years ago, kicking up my heels....	Право, я многого здесь прежде не примечал, лет восемь-то назад, когда тут валадался...
My only hope now is in anatomy, by Jove, it is!"	На одну только анатомию теперь и надеюсь, ей-богу!
"Anatomy?"	- На какую анатомию?
"But as for these clubs, Dussauts, parades, or progress, indeed, maybe--well, all that can go on without me," he went on, again without noticing the question.	- А насчет этих клубов, Дюссотов, пуантов этих ваших или, пожалуй, вот еще прогрессу - ну, это пусть будет без нас, - продолжал он, не заметив опять вопроса.
"Besides, who wants to be a card-sharper?"	- Да и охота шулером-то быть?
"Why, have you been a card-sharper then?"	- А вы были и шулером?

"How could I help being?"	- Как же без этого?
There was a regular set of us, men of the best society, eight years ago; we had a fine time. And all men of breeding, you know, poets, men of property.	Целая компания нас была, наиприличнейшая, лет восемь назад; проводили время; и все, знаете, люди с манерами, поэты были, капиталисты были.
And indeed as a rule in our Russian society the best manners are found among those who've been thrashed, have you noticed that?	Да и вообще у нас, в русском обществе, самые лучшие манеры у тех, которые биты бывали, -заметили вы это?
I've deteriorated in the country.	Это ведь я в деревне теперь опустился.
But I did get into prison for debt, through a low Greek who came from Nezhin.	А все-таки посадили было меня тогда в тюрьму за долги, гречонка один нежинский.
Then Marfa Petrovna turned up; she bargained with him and bought me off for thirty thousand silver pieces (I owed seventy thousand). We were united in lawful wedlock and she bore me off into the country like a treasure.	Тут и подвернулась Марфа Петровна, поторговалась и выкупила меня за тридцать тысяч сребреников. (Всего-то я семьдесят тысяч был должен.) Сочетались мы с ней законным браком, и увезла она меня тотчас же к себе в деревню, как какое сокровище.
You know she was five years older than I.	Она ведь старше меня пятью годами.

She was very fond of me.	Очень любила.
For seven years I never left the country.	Семь лет из деревни не выезжал.
And, take note, that all my life she held a document over me, the IOU for thirty thousand roubles, so if I were to elect to be restive about anything I should be trapped at once!	И заметьте, всю-то жизнь документ против меня, на чужое имя, в этих тридцати тысячах держала, так что задумай я в чемнибудь взбунтоваться, - тотчас же в капкан!
And she would have done it!	И сделала бы!
Women find nothing incompatible in that."	У женщин ведь это все вместе уживается.
"If it hadn't been for that, would you have given her the slip?"	- А если бы не документ, дали бы тягу?
"I don't know what to say.	- Не знаю, как вам сказать.
It was scarcely the document restrained me.	Меня этот документ почти не стеснял.

I didn't want to go anywhere else. Marfa Petrovna herself invited me to go abroad, seeing I was bored, but I've been abroad before, and always felt sick there.	Никуда мне не хотелось, а за границу Марфа Петровна и сама меня раза два приглашала, видя, что я скучал. Да что! За границу я прежде ездил, и всегда мне тошно бывало.
For no reason, but the sunrise, the bay of Naples, the sea--you look at them and it makes you sad.	Не то чтоб, а вот заря занимается, залив Неаполитанский, море, смотришь, и как-то грустно.
What's most revolting is that one is really sad!	Всего противнее, что ведь действительно о чем-то грустишь!
No, it's better at home. Here at least one blames others for everything and excuses oneself.	Нет, на родине лучше: тут, по крайней мере, во всем других винишь, а себя оправдываешь.
I should have gone perhaps on an expedition to the North Pole, because _j'ai le vin mauvais_ and hate drinking, and there's nothing left but wine.	Я бы, может, теперь в экспедицию на Северный полюс поехал, потому j'ai le vin mauvais, и пить мне противно, а кроме вина ничего больше не остается.
I have tried it.	Пробовал.
But, I say, I've been told Berg is going up in a great balloon next Sunday from the Yusupov Garden and will take up passengers at a fee.	А что, говорят, Берг в воскресенье в Юсуповом саду на огромном шаре полетит, попутчиков за известную плату приглашает, правда?
Is it true?" "Why, would you go up?"	- Что ж, вы полетели бы?
"I...	- Я?
No, oh, no," muttered Svidrigailov really seeming to be deep in thought.	Нет... так... - пробормотал Свидригайлов, действительно как бы задумавшись.
"What does he mean? Is he in earnest?" Raskolnikov wondered.	"Да что он, в самом деле, что ли?" - подумал Раскольников.
"No, the document didn't restrain me," Svidrigailov went on, meditatively.	- Нет, документ меня не стеснял, - продолжал Свидригайлов раздумчиво, - это я сам из деревни не выезжал.
"It was my own doing, not leaving the country, and nearly a year ago Marfa Petrovna gave me back the document on my name-day and made me a present of a considerable sum of money, too.	Да и уж с год будет, как Марфа Петровна в именины мои мне и документ этот возвратила, да еще вдобавок примечательную сумму подарила.
She had a fortune, you know.	У ней ведь был капитал.
'You see how I trust you, Arkady Ivanovitch'--	"Видите, как я вам доверяю, Аркадий

that was actually her expression.	Иванович", - право, так и выразилась.
You don't believe she used it?	Вы не верите, что так выразилась?
But do you know I managed the estate quite decently, they know me in the neighbourhood.	А знаете: ведь я хозяином порядочным в деревне стал; меня в околотке знают.
I ordered books, too.	Книги тоже выписывал.
Marfa Petrovna at first approved, but afterwards she was afraid of my over-studying."	Марфа Петровна сперва одобряла, а потом все боялась, что я заучусь.
"You seem to be missing Marfa Petrovna very much?"	- Вы по Марфе Петровне, кажется, очень скучаете?
"Missing her?"	- Я?
Perhaps.	Может быть.
Really, perhaps I am.	Право, может быть.
And, by the way, do you believe in ghosts?"	А кстати, верите вы в привидения?
"What ghosts?"	- В какие привидения?
"Why, ordinary ghosts."	- В обыкновенные привидения, в какие!
"Do you believe in them?"	- А вы верите?
"Perhaps not, _pour vous plaire_...."	- Да, пожалуй, и нет, pour vous plaire_____
I wouldn't say no exactly."	То есть не то что нет...
"Do you see them, then?"	- Являются, что ли?
Svidrigailov looked at him rather oddly.	Свидригайлов как-то странно посмотрел на него.
"Marfa Petrovna is pleased to visit me," he said, twisting his mouth into a strange smile.	- Марфа Петровна посещать изволит, - проговорил он, скривя рот в какую-то странную улыбку.
"How do you mean 'she is pleased to visit you'?"	- Как это посещать изволит?
"She has been three times.	- Да уж три раза приходила.
I saw her first on the very day of the funeral, an hour after she was buried.	Впервой я ее увидел в самый день похорон, час спустя после кладбища.
It was the day before I left to come here.	Это было накануне моего отъезда сюда.
The second time was the day before	Второй раз третьего дня, в дороге, на

yesterday, at daybreak, on the journey at the station of Malaya Vishera, and the third time was two hours ago in the room where I am staying. I was alone."	рассвете, на станции Малой Вишере; а в третий раз, два часа тому назад, на квартире, где я стою, в комнате; я был один.
"Were you awake?"	- Наяву?
"Quite awake.	- Совершенно.
I was wide awake every time.	Все три раза наяву.
She comes, speaks to me for a minute and goes out at the door--always at the door.	Придет, поговорит с минутой и уйдет в дверь; всегда в дверь.

I can almost hear her."	Даже как будто слышно.
"What made me think that something of the sort must be happening to you?" Raskolnikov said suddenly. At the same moment he was surprised at having said it.	- Отчего я так и думал, что с вами непременно что-нибудь в этом роде случается! - проговорил вдруг Раскольников и в ту же минуту удивился, что это сказал.
He was much excited.	Он был в сильном волнении.
"What!	- Во-от?
Did you think so?" Svidrigailov asked in astonishment. "Did you really?	Вы это подумали? - с удивлением спросил Свидригайлов, - да неужели?
Didn't I say that there was something in common between us, eh?"	Ну, не сказал ли я, что между нами есть какая-то точка общая, а?
"You never said so!" Raskolnikov cried sharply and with heat.	- Никогда вы этого не говорили! - резко и с азартом ответил Раскольников.
"Didn't I?"	- Не говорил?
"No!"	- Нет!
"I thought I did.	- Мне показалось, что говорил.
When I came in and saw you lying with your eyes shut, pretending, I said to myself at once,	Давеча, как я вошел и увидел, что вы с закрытыми глазами лежите, а сами делаете вид, - тут же и сказал себе:
'Here's the man.'	"Это тот самый и есть!"
"What do you mean by 'the man?'"	- Что это такое: тот самый?
What are you talking about?" cried Raskolnikov.	Про что вы это? - вскричал Раскольников.
"What do I mean?	- Про что?
	А право, не знаю про что... -

I really don't know...." Svidrigailov muttered ingenuously, as though he, too, were puzzled.	чистосердечно, и как-то сам запутавшись, пробормотал Свидригайлов.
For a minute they were silent.	С минуту помолчали.
They stared in each other's faces.	Оба глядели друг на друга во все глаза.
"That's all nonsense!" Raskolnikov shouted with vexation.	- Все это вздор! - с досадой вскрикнул Раскольников.
"What does she say when she comes to you?"	- Что ж она вам говорит, когда приходит?
"She!	- Она-то?
Would you believe it, she talks of the silliest trifles and--man is a strange creature--it makes me angry.	Вообразите себе, о самых ничтожных пустяках, и подивитесь человеку: меня ведь это-то и сердит.
The first time she came in (I was tired you know: the funeral service, the funeral ceremony, the lunch afterwards. At last I was left alone in my study. I lighted a cigar and began to think), she came in at the door.	В первый раз вошла (я, знаете, устал: похоронная служба, со святыми упокой, потом лития, закуска, - наконец-то в кабинете один остался, закурил сигару, задумался), вошла в дверь:

'You've been so busy to-day, Arkady Ivanovitch, you have forgotten to wind the dining-room clock,' she said.	"А вы, говорит, Аркадий Иванович, сегодня за хлопотами и забыли в столовой часы завести".
All those seven years I've wound that clock every week, and if I forgot it she would always remind me.	А часы эти я, действительно, все семь лет, каждую неделю сам заводил, а забуду - так всегда, бывало, напомнит.
The next day I set off on my way here.	На другой день я уж еду сюда.
I got out at the station at daybreak; I'd been asleep, tired out, with my eyes half open, I was drinking some coffee. I looked up and there was suddenly Marfa Petrovna sitting beside me with a pack of cards in her hands.	Вошел, на рассвете, на станцию, - за ночь вздремнул, изломан, глаза заспаны, - взял кофею; смотрю - Марфа Петровна вдруг садится подле меня, в руках колода карт:
'Shall I tell your fortune for the journey, Arkady Ivanovitch?'	"Не загадать ли вам, Аркадий Иванович, на дорогу-то?"
She was a great hand at telling fortunes.	А она мастерица гадать была.
I shall never forgive myself for not asking her to.	Ну, и не прощу же себе, что не загадал!
I ran away in a fright, and, besides, the bell rang.	Убежал, испугавшись, а тут, правда, и колокольчик.

I was sitting to-day, feeling very heavy after a miserable dinner from a cookshop; I was sitting smoking, all of a sudden Marfa Petrovna again. She came in very smart in a new green silk dress with a long train.	Сижу сегодня после дряннейшего обеда из кухмистерской, с тяжелым желудком, - сижу, курю - вдруг опять Марфа Петровна, входит вся разодетая в новом шелковом зеленом платье, с длиннейшим хвостом:
' Good day, Arkady Ivanovitch!	"Здравствуйте, Аркадий Иванович!
How do you like my dress?	Как на ваш вкус мое платье?
Aniska can't make like this.' (Aniska was a dressmaker in the country, one of our former serf girls who had been trained in Moscow, a pretty wench.) She stood turning round before me. I looked at the dress, and then I looked carefully, very carefully, at her face.	Аниська так не сошьет". (Аниська - это мастерица у нас в деревне, из прежних крепостных, в ученье в Москве была - хорошенькая девчонка.) Стоит, вертится передо мной.
'I wonder you trouble to come to me about such trifles, Marfa Petrovna.'	"Охота вам, говорю, Марфа Петровна, из таких пустяков ко мне ходить, беспокоиться". -
'Good gracious, you won't let one disturb you about anything!'	"Ах бог мой, батюшка, уж и потревожить тебя нельзя!"
To tease her I said,	Я ей говорю, чтобы подразнить ее:
' I want to get married, Marfa Petrovna.'	"Я, Марфа Петровна, жениться хочу". -
'That's just like you, Arkady Ivanovitch; it does you very little credit to come looking for a bride when you've hardly buried your wife.	"От вас это станется, Аркадий Иванович; не много чести вам, что вы, не успев жену схоронить, тотчас и жениться поехали.
And if you could make a good choice, at least, but I know it won't be for your happiness or hers, you will only be a laughing-stock to all good people.'	И хоть бы выбрали-то хорошо, а то ведь, я знаю, - ни ей, ни себе, только добрых людей насмешите".
Then she went out and her train seemed to rustle.	Взяла да и вышла, и хвостом точно как будто шумит.

Isn't it nonsense, eh?"	Экой ведь вздор, а?
"But perhaps you are telling lies?" Raskolnikov put in.	- Да вы, впрочем, может быть, все лжете? -отозвался Раскольников.
"I rarely lie," answered Svidrigailov thoughtfully, apparently not noticing the rudeness of the question.	- Я редко лгу, - отвечал Свидригайлов, задумчиво и как бы совсем не заметив грубости вопроса.
"And in the past, have you ever seen ghosts before?"	- А прежде, до этого, вы никогда привидений не видывали?
"Y-yes, I have seen them, but only once in my life, six years ago.	- Н.. нет, видел, один только раз в жизни, шесть лет тому.
I had a serf, Filka; just after his burial I called out forgetting	Филька, человек дворовый, у меня был; только что его похоронили, я крикнул, забывшись:
'Filka, my pipe!' He came in and went to the cupboard where my pipes were.	"Филька, трубку!" - вошел, и прямо к горке, где стоят у меня трубки.
I sat still and thought 'he is doing it out of revenge,' because we had a violent quarrel just before his death.	Я сижу, думаю: "Это он мне отомстить", потому что перед самою смертью мы крепко поссорились.
'How dare you come in with a hole in your elbow?' I said.	"Как ты смеешь, говорю, с продранным локтем ко мне входить, - вон, негодяй!"
'Go away, you scamp!' He turned and went out, and never came again.	Повернулся, вышел и больше не приходил.
I didn't tell Marfa Petrovna at the time.	Я Марфе Петровне тогда не сказал.
I wanted to have a service sung for him, but I was ashamed."	Хотел было панихиду по нем отслужить, да посовестился.
"You should go to a doctor."	- Сходите к доктору.
"I know I am not well, without your telling me, though I don't know what's wrong; I believe I am five times as strong as you are.	- Это-то я и без вас понимаю, что нездоров, хотя, право, не знаю чем; по-моему, я, наверно, здоровее вас впятеро.
I didn't ask you whether you believe that ghosts are seen, but whether you believe that they exist."	Я вас не про то спросил, - верите вы или нет, что привидения являются?
"No, I won't believe it!"	Я вас спросил: верите ли вы, что есть привидения?
Raskolnikov cried, with positive anger.	- Нет, ни за что не поверю! - с какою-то даже злобой вскричал Раскольников.

"What do people generally say?" muttered Svidrigailov, as though speaking to himself, looking aside and bowing his head.	- Ведь обыкновенно как говорят? - бормотал Свидригайлов, как бы про себя, смотря в сторону и наклонив несколько голову.
"They say,	- Они говорят:
'You are ill, so what appears to you is only unreal fantasy.'	"Ты болен, стало быть, то, что тебе представляется, есть один только несуществующий бред".
But that's not strictly logical.	А ведь тут нет строгой логики.

I agree that ghosts only appear to the sick, but that only proves that they are unable to appear except to the sick, not that they don't exist."	Я согласен, что привидения являются только больным; но ведь это только доказывает, что привидения могут являться не иначе как больным, а не то, что их нет, самих по себе.
"Nothing of the sort," Raskolnikov insisted irritably.	- Конечно, нет! - раздражительно настаивал Раскольников.
"No?	- Нет?
You don't think so?" Svidrigailov went on, looking at him deliberately.	Вы так думаете? - продолжал Свидригайлов, медленно посмотрев на него.
"But what do you say to this argument (help me with it): ghosts are, as it were, shreds and fragments of other worlds, the beginning of them.	- Ну а что, если так рассудить (вот помогите-ка): "Привидения - это, так сказать, клочки и отрывки других миров, их начало.
A man in health has, of course, no reason to see them, because he is above all a man of this earth and is bound for the sake of completeness and order to live only in this life.	Здоровому человеку, разумеется, их незачем видеть, потому что здоровый человек есть наиболее земной человек, а стало быть, должен жить одною здешнею жизнью, для полноты и для порядка.
But as soon as one is ill, as soon as the normal earthly order of the organism is broken, one begins to realise the possibility of another world; and the more seriously ill one is, the closer becomes one's contact with that other world, so that as soon as the man dies he steps straight into that world.	Ну а чуть заболел, чуть нарушился нормальный земной порядок в организме, тотчас и начинает сказываться возможность другого мира, и чем больше болен, тем и соприкосновений с другим миром больше, так что когда умрет совсем человек, то прямо и перейдет в другой мир".
I thought of that long ago.	Я об этом давно рассуждал.
If you believe in a future life, you could believe in that, too."	Если в будущую жизнь верите, то и этому рассуждению можно поверить.

"I don't believe in a future life," said Raskolnikov.	- Я не верю в будущую жизнь, - сказал Раскольников
Svidrigailov sat lost in thought.	Свидригайлов сидел в задумчивости.
"And what if there are only spiders there, or something of that sort," he said suddenly.	- А что, если там одни пауки или что-нибудь в этом роде, - сказал он вдруг.
"He is a madman," thought Raskolnikov.	"Это помешанный", - подумал Раскольников.
"We always imagine eternity as something beyond our conception, something vast, vast!	- Нам вот все представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное!
But why must it be vast?	Да почему же непременно огромное?
Instead of all that, what if it's one little room, like a bath house in the country, black and grimy and spiders in every corner, and that's all eternity is?	И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность.
I sometimes fancy it like that."	Мне, знаете, в этом роде иногда мерещится.
"Can it be you can imagine nothing juster and more comforting than that?" Raskolnikov cried, with a feeling of anguish.	- И неужели, неужели вам ничего не представляется утешительнее и справедливее этого! - с болезненным чувством вскрикнул Раскольников.

"Juster?"	- Справедливее?
And how can we tell, perhaps that is just, and do you know it's what I would certainly have made it," answered Svidrigailov, with a vague smile.	А почем знать, может быть, это и есть справедливое, и знаете, я бы так непременно нарочно сделал! - ответил Свидригайлов, неопределенно улыбаясь.
This horrible answer sent a cold chill through Raskolnikov.	Каким-то холодом охватило вдруг Раскольникова при этом безобразном ответе.
Svidrigailov raised his head, looked at him, and suddenly began laughing.	Свидригайлов поднял голову, пристально посмотрел на него и вдруг расхохотался.
"Only think," he cried, "half an hour ago we had never seen each other, we regarded each other as enemies; there is a matter unsettled between us; we've thrown it aside, and away we've gone into the abstract!	- Нет, вы вот что сообразите, - закричал он, - назад тому полчаса мы друг друга еще и не видывали, считаемся врагами, между нами нерешенное дело есть; мы дело-то бросили и эвона в какую литературу заехали!
Wasn't I right in saying that we were birds of a feather?"	Ну, не правду я сказал, что мы одного поля ягоды?

"Kindly allow me," Raskolnikov went on irritably, "to ask you to explain why you have honoured me with your visit... and... and I am in a hurry, I have no time to waste. I want to go out."	- Сделайте же одолжение, - раздражительно продолжал Раскольников, - позвольте вас просить поскорее объясниться и сообщить мне, почему вы удостоили меня чести вашего посещения... и... и... я тороплюсь, мне некогда, я хочу со двора идти...
"By all means, by all means."	- Извольте, извольте.
Your sister, Avdotya Romanovna, is going to be married to Mr. Luzhin, Pyotr Petrovitch?"	Ваша сестрица, Авдотья Романовна, за господина Лужина выходит, Петра Петровича?
"Can you refrain from any question about my sister and from mentioning her name?"	- Нельзя ли как-нибудь обойти всякий вопрос о моей сестре и не упоминать ее имени?
I can't understand how you dare utter her name in my presence, if you really are Svidrigailov."	Я даже не понимаю, как вы смеее при мне выговаривать ее имя, если только вы действительно Свидригайлов?
"Why, but I've come here to speak about her; how can I avoid mentioning her?"	- Да ведь я же об ней и пришел говорить, как же не упоминать-то?
"Very good, speak, but make haste."	- Хорошо; говорите, но скорее!
"I am sure that you must have formed your own opinion of this Mr. Luzhin, who is a connection of mine through my wife, if you have only seen him for half an hour, or heard any facts about him."	- Я уверен, что вы об этом господине Лужине, моем по жене родственнике, уже составили ваше мнение, если его хоть полчаса видели или хоть что-нибудь об нем верно и точно слышали.
He is no match for Avdotya Romanovna.	Авдотье Романовне он не пара.
I believe Avdotya Romanovna is sacrificing herself generously and imprudently for the sake of... for the sake of her family.	По-моему, Авдотья Романовна в этом деле жертвует собою весьма великодушно и нерасчетливо для... для своего семейства.
I fancied from all I had heard of you that you would be very glad if the match could be broken off without the sacrifice of worldly advantages.	Мне показалось, вследствие всего, что я об вас слышал, что вы, с своей стороны, очень бы довольны были, если б этот брак мог расстроиться без нарушения интересов.
Now I know you personally, I am convinced of it."	Теперь же, узнав вас лично, я даже в этом уверен.
"All this is very naive... excuse me, I should have said impudent on your	- С вашей стороны все это очень наивно; извините меня, я хотел сказать: нахально, -

part," said Raskolnikov.	сказал Раскольников.
"You mean to say that I am seeking my own ends.	- То есть вы этим выражаете, что я хлопочу в свой карман.
Don't be uneasy, Rodion Romanovitch, if I were working for my own advantage, I would not have spoken out so directly. I am not quite a fool.	Не беспокойтесь, Родион Романович, если б я хлопотал в свою выгоду, то не стал бы так прямо высказываться, не дурак же ведь я совсем.
I will confess something psychologically curious about that: just now, defending my love for Avdotya Romanovna, I said I was myself the victim.	На этот счет открою вам одну психологическую странность. Давеча я, оправдывая свою любовь к Авдотье Романовне, говорил, что был сам жертвой.
Well, let me tell you that I've no feeling of love now, not the slightest, so that I wonder myself indeed, for I really did feel something..."	Ну, так знайте же, что никакой я теперь любви не ощущаю, н-никакой, так что мне самому даже странно это, потому что я ведь действительно нечто ощущал...
"Through idleness and depravity," Raskolnikov put in.	- От праздности и разврата, - перебил Раскольников.
"I certainly am idle and depraved, but your sister has such qualities that even I could not help being impressed by them.	- Действительно, я человек развратный и праздный. А впрочем, ваша сестрица имеет столько преимуществ, что не мог же и я не поддаться некоторому впечатлению.
But that's all nonsense, as I see myself now."	Но все это вздор, как теперь и сам вижу.
"Have you seen that long?"	- Давно ли увидели?
"I began to be aware of it before, but was only perfectly sure of it the day before yesterday, almost at the moment I arrived in Petersburg.	- Замечать стал еще прежде, окончательно же убедился третьего дня, почти в самую минуту приезда в Петербург.
I still fancied in Moscow, though, that I was coming to try to get Avdotya Romanovna's hand and to cut out Mr. Luzhin."	Впрочем, еще в Москве воображал, что еду добиваться руки Авдотьи Романовны и соперничать с господином Лужиным.
"Excuse me for interrupting you; kindly be brief, and come to the object of your visit.	- Извините, что вас перерву, сделайте одолжение: нельзя ли сократить и перейти прямо к цели вашего посещения.
I am in a hurry, I want to go out..."	Я тороплюсь, мне надо идти со двора...
"With the greatest pleasure.	- С величайшим удовольствием.
On arriving here and determining on a certain... journey, I should like to make	Прибыв сюда и решившись теперь предпринять некоторый... вояж, я пожелал

some necessary preliminary arrangements.	сделать необходимые предварительные распоряжения.
I left my children with an aunt; they are well provided for; and they have no need of me personally.	Дети мои остались у тетки; они богаты, а я им лично не надобен.
And a nice father I should make, too!	Да и какой я отец!

I have taken nothing but what Marfa Petrovna gave me a year ago.	Себе я взял только то, что подарила мне год назад Марфа Петровна.
That's enough for me.	С меня достаточно.
Excuse me, I am just coming to the point.	Извините, сейчас перехожу к самому делу.
Before the journey which may come off, I want to settle Mr. Luzhin, too.	Перед вояжем, который, может быть, и сбудется, я хочу и с господином Лужиным покончить.
It's not that I detest him so much, but it was through him I quarrelled with Marfa Petrovna when I learned that she had dished up this marriage.	Не то чтоб уж я его очень терпеть не мог, но через него, однако, и вышла эта ссора моя с Марфой Петровной, когда я узнал, что она эту свадьбу состряпала.
I want now to see Avdotya Romanovna through your mediation, and if you like in your presence, to explain to her that in the first place she will never gain anything but harm from Mr. Luzhin.	Я желаю теперь повидаться с Авдотьей Романовной, через ваше посредство, и, пожалуй, в вашем же присутствии объяснить ей, во-первых, что от господина Лужина не только не будет ей ни малейшей выгоды, но даже наверно будет явный ущерб.
Then, begging her pardon for all past unpleasantness, to make her a present of ten thousand roubles and so assist the rupture with Mr. Luzhin, a rupture to which I believe she is herself not disinclined, if she could see the way to it."	Затем, испросив у ней извинения в недавних этих всех неприятностях, я попросил бы позволения предложить ей десять тысяч рублей и таким образом облегчить разрыв с господином Лужиным, разрыв, от которого, я уверен, она и сама была бы не прочь, явилась бы только возможность.
"You are certainly mad," cried Raskolnikov not so much angered as astonished.	- Но вы действительно, действительно сумасшедший! - вскричал Раскольников, не столько даже рассерженный, сколько удивленный.
"How dare you talk like that!"	- Как смеее вы так говорить!
"I knew you would scream at me; but in the first place, though I am not rich, this ten thousand roubles is perfectly free; I have absolutely no need for it.	- Я так и знал, что вы закричите; но, во-первых, я хоть и небогат, но эти десять тысяч рублей у меня свободны, то есть совершенно, совершенно мне не надобны.

If Avdotya Romanovna does not accept it, I shall waste it in some more foolish way.	Не примет Авдотья Романовна, так я, пожалуй, еще глупее их употреблю.
That's the first thing.	Это раз.
Secondly, my conscience is perfectly easy; I make the offer with no ulterior motive.	Второе: совесть моя совершенно покойна; я без всяких расчетов предлагаю.
You may not believe it, but in the end Avdotya Romanovna and you will know.	Верьте не верьте, а впоследствии узнаете и вы, и Авдотья Романовна.
The point is, that I did actually cause your sister, whom I greatly respect, some trouble and unpleasantness, and so, sincerely regretting it, I want--not to compensate, not to repay her for the unpleasantness, but simply to do something to her advantage, to show that I am not, after all, privileged to do nothing but harm.	Все в том, что я действительно принес несколько хлопот и неприятностей многоуважаемой вашей сестрице; стало быть, чувствуя искреннее раскаяние, сердечно желаю, - не откупиться, не заплатить за неприятности, а просто-запросто сделать для нее что-нибудь выгодное, на том основании, что не привилегию же в самом деле взял я делать одно только злое.

If there were a millionth fraction of self-interest in my offer, I should not have made it so openly; and I should not have offered her ten thousand only, when five weeks ago I offered her more, Besides, I may, perhaps, very soon marry a young lady, and that alone ought to prevent suspicion of any design on Avdotya Romanovna.	Если бы в моем предложении была хотя миллионная доля расчета, то не стал бы я предлагать так прямо; да и не стал бы я предлагать всего только десять тысяч, тогда как всего пять недель назад предлагал ей больше. Кроме того я, может быть, весьма и весьма скоро женюсь на одной девице, а следственно, все подозрения в каких-нибудь покушениях против Авдотьи Романовны тем самым должны уничтожиться.
In conclusion, let me say that in marrying Mr. Luzhin, she is taking money just the same, only from another man.	В заключение скажу, что, выходя за господина Лужина, Авдотья Романовна те же самые деньги берет, только с другой стороны...
Don't be angry, Rodion Romanovitch, think it over coolly and quietly."	Да вы не сердитесь, Родион Романович, рассудите спокойно и хладнокровно.
Svidrigailov himself was exceedingly cool and quiet as he was saying this.	Говоря это, Свидригайлов был сам чрезвычайно хладнокровен и спокоен.
"I beg you to say no more," said Raskolnikov.	- Прошу вас кончить, - сказал Раскольников.
"In any case this is unpardonable impertinence."	- Во всяком случае, это непростительно дерзко.

"Not in the least.	- Нимало.
Then a man may do nothing but harm to his neighbour in this world, and is prevented from doing the tiniest bit of good by trivial conventional formalities.	После этого человек человеку на сем свете может делать одно только зло и, напротив, не имеет права сделать ни крошки добра, из-за пустых принятых формальностей.
That's absurd.	Это нелепо.
If I died, for instance, and left that sum to your sister in my will, surely she wouldn't refuse it?"	Ведь если б я, например, помер и оставил бы эту сумму сестрице вашей по духовному завещанию, неужели б она и тогда принять отказалась?
"Very likely she would."	- Весьма может быть.
"Oh, no, indeed.	- Ну уж это нет-с.
However, if you refuse it, so be it, though ten thousand roubles is a capital thing to have on occasion.	А впрочем, нет, так и нет, так пусть и будет. А только десять тысяч - прекрасная штука, при случае.
In any case I beg you to repeat what I have said to Avdotya Romanovna."	Во всяком случае, попрошу передать сказанное Авдотье Романовне.
"No, I won't."	- Нет, не передам.
"In that case, Rodion Romanovitch, I shall be obliged to try and see her myself and worry her by doing so."	- В таком случае, Родион Романович, я сам принужден буду добиваться свидания личного, а стало быть, беспокоить.
"And if I do tell her, will you not try to see her?"	- А если я передам, вы не будете добиваться свидания личного?
"I don't know really what to say.	- Не знаю, право, как вам сказать.
I should like very much to see her once more."	Видеться один раз я бы очень желал.
"Don't hope for it."	- Не надейтесь.

"I'm sorry.	- Жаль.
But you don't know me.	Впрочем, вы меня не знаете.
Perhaps we may become better friends."	Вот, может, сойдемся поближе.
"You think we may become friends?"	- Вы думаете, что мы сойдемся поближе?
"And why not?" Svidrigailov said, smiling. He stood up and took his hat. "I didn't quite intend to disturb you and I came here without	- А почему ж бы и нет? - улыбнувшись сказал Свидригайлов, встал и взял шляпу, - я ведь не то чтобы так уж очень желал вас беспокоить и, идя

reckoning on it... though I was very much struck by your face this morning."	сюда, даже не очень рассчитывал, хотя, впрочем, физиономия ваша еще давеча утром меня поразила...
"Where did you see me this morning?" Raskolnikov asked uneasily.	- Где вы меня давеча утром видели? - с беспокойством спросил Раскольников.
"I saw you by chance....	- Случайно-с...
I kept fancying there is something about you like me....	Мне все кажется, что в вас есть что-то к моему подходящее...
But don't be uneasy. I am not intrusive; I used to get on all right with card-sharpers, and I never bored Prince Svirbey, a great personage who is a distant relation of mine, and I could write about Raphael's _Madonna_ in Madam Prilukov's album, and I never left Marfa Petrovna's side for seven years, and I used to stay the night at Viazemsky's house in the Hay Market in the old days, and I may go up in a balloon with Berg, perhaps."	Да не беспокойтесь, я не надоедлив; и с шулерами уживался, и князю Свирбею, моему дальнему родственнику и вельможе, не надоел, и об Рафаэлевой Мадонне госпоже Прилуковой в альбом сумел написать, и с Марфой Петровной семь лет безвыездно проживал, и в доме Вяземского на Сенной в старину ночевывал, и на шаре с Бергом, может быть, полечу.
"Oh, all right.	- Ну, хорошо-с.
Are you starting soon on your travels, may I ask?"	Позвольте спросить, вы скоро в путешествие отправитесь?
"What travels?"	- В какое путешествие?
"Why, on that 'journey'; you spoke of it yourself."	- Ну да в "вояж"-то этот...
"A journey?"	Вы ведь сами сказали.
Oh, yes.	- В вояж?
I did speak of a journey.	Ах, да!.. в самом деле, я вам говорил про вояж...
Well, that's a wide subject.... if only you knew what you are asking," he added, and gave a sudden, loud, short laugh.	Ну, это вопрос обширный...
"Perhaps I'll get married instead of the journey.	А если б знали вы, однако ж, об чем спрашиваете! - прибавил он и вдруг громко и коротко рассмеялся.
They're making a match for me."	- Я, может быть, вместо вояжа-то женюсь; мне невесту сватают.

"Here?"	- Здесь?
"Yes."	- Да.
"How have you had time for that?"	- Когда это вы успели?
"But I am very anxious to see Avdotya Romanovna once.	- Но с Авдотьей Романовной однажды повидаться весьма желаю.
I earnestly beg it.	Серьезно прошу.
Well, good-bye for the present. Oh, yes.	Ну, до свидания... ах, да!
I have forgotten something.	Ведь вот что забыл!
Tell your sister, Rodion Romanovitch, that Marfa Petrovna remembered her in her will and left her three thousand roubles.	Передайте, Родион Романович, вашей сестрице, что в завещании Марфы Петровны она упомянута в трех тысячах.
That's absolutely certain.	Это положительно верно.
Marfa Petrovna arranged it a week before her death, and it was done in my presence.	Марфа Петровна распорядилась за неделю до смерти, и при мне дело было.
Avdotya Romanovna will be able to receive the money in two or three weeks."	Недели через две-три Авдотья Романовна может и деньги получить.
"Are you telling the truth?"	- Вы правду говорите?
"Yes, tell her.	- Правду.
Well, your servant.	Передайте. Ну-с, ваш слуга.
I am staying very near you."	Я ведь от вас очень недалеко стою.
As he went out, Svidrigailov ran up against Razumihin in the doorway.	Выходя, Свидригайлов столкнулся в дверях с Разумихиным.
CHAPTER II	II
It was nearly eight o'clock. The two young men hurried to Bakaleyev's, to arrive before Luzhin.	Было уж почти восемь часов; оба спешили к Бакалееву, чтобы прийти раньше Лужина.
"Why, who was that?" asked Razumihin, as soon as they were in the street.	- Ну, кто ж это был? - спросил Разумихин, только что вышли на улицу.
"It was Svidrigailov, that landowner in whose house my sister was insulted when she was their governess.	- Это был Свидригайлов, тот самый помещик, в доме которого была обижена сестра, когда служила у них гувернанткой.
Through his persecuting her with his attentions, she was turned out by his wife, Marfa Petrovna.	Через его любовные преследования она от них вышла, выгнанная его женой, Марфой Петровной.

This Marfa Petrovna begged Dounia's forgiveness afterwards, and she's just died suddenly.	Эта Марфа Петровна просила потом у Дуни прощения, а теперь вдруг умерла.
It was of her we were talking this morning.	Это про нее давеча говорили.
I don't know why I'm afraid of that man.	Не знаю почему, я этого человека очень боюсь.
He came here at once after his wife's funeral.	Он приехал тотчас после похорон жены.
He is very strange, and is determined on doing something....	Он очень странный и на что-то решился...
We must guard Dounia from him... that's what I wanted to tell you, do you hear?"	Он как будто что-то знает... От него надо Дуню оберегать... вот это я и хотел сказать тебе, слышишь?
"Guard her!	- Оберегать!
What can he do to harm Avdotya Romanovna?	Что ж он может против Авдотьи Романовны?

Thank you, Rodya, for speaking to me like that....	Ну, спасибо тебе, Родя, что мне так говоришь...
We will, we will guard her.	Будем, будем оберегать!..
Where does he live?"	Где живет?
"I don't know."	- Не знаю.
"Why didn't you ask?"	- Зачем не спросил?
What a pity!	Эх, жаль!
I'll find out, though."	Впрочем, узнаю!
"Did you see him?" asked Raskolnikov after a pause.	- Ты его видел? - спросил Раскольников после некоторого молчания.
"Yes, I noticed him, I noticed him well."	- Ну да, заметил; твердо заметил.
"You did really see him?"	- Ты его точно видел?
You saw him clearly?" Raskolnikov insisted.	Ясно видел? - настаивал Раскольников.
"Yes, I remember him perfectly, I should know him in a thousand; I have a good memory for faces."	- Ну да, ясно помню; из тысячи узнаю, я внимателен к лицам.
They were silent again.	Опять помолчали.

"Hm!... that's all right," muttered Raskolnikov.	- Гм... то-то... - пробормотал Раскольников.
"Do you know, I fancied... I keep thinking that it may have been an hallucination."	- А то знаешь... мне подумалось... мне все кажется... что это может быть и фантазия.
"What do you mean?"	- Да про что ты?
I don't understand you."	Я тебя не совсем хорошо понимаю.
"Well, you all say," Raskolnikov went on, twisting his mouth into a smile, "that I am mad. I thought just now that perhaps I really am mad, and have only seen a phantom."	- Вот вы все говорите, - продолжал Раскольников, скривив рот в улыбку, - что я помешанный; мне и показалось теперь, что, может быть, я в самом деле помешанный и только призрак видел!
"What do you mean?"	- Да что ты это?
"Why, who can tell?"	- А ведь кто знает!
Perhaps I am really mad, and perhaps everything that happened all these days may be only imagination."	Может, я и впрямь помешанный, и все, что во все эти дни было, все, может быть, так только, в воображении...
"Ach, Rodya, you have been upset again!..."	- Эх, Родя! Расстроили тебя опять!..
But what did he say, what did he come for?"	Да что он говорил, с чем приходил?
Raskolnikov did not answer. Razumihin thought a minute.	Раскольников не отвечал, Разумихин подумал с минуту.
"Now let me tell you my story," he began,	- Ну, слушай же мой отчет, - начал он.
"I came to you, you were asleep.	- Я к тебе заходил, ты спал.
Then we had dinner and then I went to Porfiry's, Zametov was still with him.	Потом обедали, а потом я пошел к Порфирию. Заметов все у него.
I tried to begin, but it was no use.	Я было хотел начать, и ничего не вышло.
I couldn't speak in the right way.	Все не мог заговорить настоящим образом.

They don't seem to understand and can't understand, but are not a bit ashamed.	Они точно не понимают и понять не могут, но вовсе не конфузятся.
I drew Porfiry to the window, and began talking to him, but it was still no use. He looked away and I looked away.	Отвел я Порфирия к окну и стал говорить, но опять отчего-то не так вышло: он смотрит в сторону, и я смотрю в сторону.

At last I shook my fist in his ugly face, and told him as a cousin I'd brain him.	Я, наконец, поднес к его роже кулак и сказал, что размозжу его, по-родственному.
He merely looked at me, I cursed and came away.	Он только посмотрел на меня.
That was all.	Я плюнул и ушел, вот и все.
It was very stupid.	Очень глупо.
To Zametov I didn't say a word.	С Заметовым я ни слова.
But, you see, I thought I'd made a mess of it, but as I went downstairs a brilliant idea struck me: why should we trouble?	Только видишь: я думал, что подгадил, а мне, сходя с лестницы, мысль одна пришла, так и осенила меня: из чего мы с тобой хлопочем?
Of course if you were in any danger or anything, but why need you care?	Ведь если б тебе опасность была, или там что-нибудь, ну конечно.
You needn't care a hang for them.	А ведь тебе что!
We shall have a laugh at them afterwards, and if I were in your place I'd mystify them more than ever.	Ты тут ни при чем, так наплевать на них; мы же над ними насмеемся потом, а я бы на твоём месте их еще мистифицировать стал.
How ashamed they'll be afterwards!	Ведь как им стыдно-то потом будет!
Hang them! We can thrash them afterwards, but let's laugh at them now!"	Плюнь; потом и поколотить можно будет, а теперь посмеемся!
"To be sure," answered Raskolnikov.	- Разумеется, так! - ответил Раскольников.
"But what will you say to-morrow?" he thought to himself.	"А что-то ты завтра скажешь?" - подумал он про себя.
Strange to say, till that moment it had never occurred to him to wonder what Razumihin would think when he knew.	Странное дело, до сих пор еще ни разу не приходило ему в голову: "что подумает Разумихин, когда узнает?"
As he thought it, Raskolnikov looked at him.	Подумав это, Раскольников пристально поглядел на него.
Razumihin's account of his visit to Porfiry had very little interest for him, so much had come and gone since then.	Теперешним же отчетом Разумихина о посещении Порфирия он очень немного был заинтересован: так много убыло с тех пор и прибавилось!..
In the corridor they came upon Luzhin; he had arrived punctually at eight, and was looking for the number, so that all three went in	В коридоре они столкнулись с Лужиным: он явился ровно в восемь часов и отыскивал номер, так что все трое вошли

together without greeting or looking at one another.	вместе, но не глядя друг на друга и не кланяясь.
The young men walked in first, while Pyotr Petrovitch, for good manners, lingered a little in the passage, taking off his coat.	Молодые люди прошли вперед, а Петр Петрович, для приличия, замешкался несколько в прихожей, снимая пальто.
Pulcheria Alexandrovna came forward at once to greet him in the doorway, Dounia was welcoming her brother.	Пульхерия Александровна тотчас же вышла встретить его на пороге. Дуня здоровалась с братом.
Pyotr Petrovitch walked in and quite amiably, though with redoubled dignity, bowed to the ladies.	Петр Петрович вошел и довольно любезно, хотя и с удвоенною солидностью, раскланялся с дамами.
He looked, however, as though he were a little put out and could not yet recover himself.	Впрочем, смотрел так, как будто немного сбился и еще не нашелся.
Pulcheria Alexandrovna, who seemed also a little embarrassed, hastened to make them all sit down at the round table where a samovar was boiling.	Пульхерия Александровна, тоже как будто сконфузившаяся, тотчас же поспешила рассадить всех за круглым столом, на котором кипел самовар.
Dounia and Luzhin were facing one another on opposite sides of the table.	Дуня и Лужин поместились напротив друг друга по обоим концам стола.
Razumihin and Raskolnikov were facing Pulcheria Alexandrovna, Razumihin was next to Luzhin and Raskolnikov was beside his sister.	Разумихин и Раскольников прились напротив Пульхерии Александровны - Разумихин ближе к Лужину, а Раскольников подле сестры.
A moment's silence followed.	Наступило мгновенное молчание.
Pyotr Petrovitch deliberately drew out a cambric handkerchief reeking of scent and blew his nose with an air of a benevolent man who felt himself slighted, and was firmly resolved to insist on an explanation.	Петр Петрович не спеша вынул батистовый платок, от которого понесло духами, и высморкался с видом хотя и добродетельного, но все же несколько оскорбленного в своем достоинстве человека, и притом твердо решившегося потребовать объяснений.
In the passage the idea had occurred to him to keep on his overcoat and walk away, and so give the two ladies a sharp and emphatic lesson and make them feel the gravity of the position.	Ему еще в передней пришла было мысль: не снимать пальто и уехать и тем скоро и внушительно наказать обеих дам, так чтобы разом дать все почувствовать.
But he could not bring himself to do this.	Но он не решился.
Besides, he could not endure uncertainty, and	Притом этот человек не любил

he wanted an explanation: if his request had been so openly disobeyed, there was something behind it, and in that case it was better to find it out beforehand; it rested with him to punish them and there would always be time for that.	неизвестности, а тут надо было разъяснить: если так явно нарушено его приказание, значит, что-нибудь да есть, а стало быть, лучше наперед узнать; наказать же всегда будет время, да и в его руках.
"I trust you had a favourable journey," he inquired officially of Pulcheria Alexandrovna.	- Надеюсь, путешествие прошло благополучно? -официально обратился он к Пульхерии Александровне.
"Oh, very, Pyotr Petrovitch."	- Слава богу, Петр Петрович.
"I am gratified to hear it.	- Весьма приятно-с.
And Avdotya Romanovna is not over-fatigued either?"	И Авдотья Романовна тоже не устали?
"I am young and strong, I don't get tired, but it was a great strain for mother," answered Dounia.	- Я-то молода и сильна, не устану, а мамаше так очень тяжело было, - отвечала Дунечка.
"That's unavoidable! our national railways are of terrible length.	- Что делать-с; наши национальные дороги весьма длинны.
' Mother Russia,' as they say, is a vast country....	Велика так называемая "матушка Россия"...

In spite of all my desire to do so, I was unable to meet you yesterday.	Я же, при всем желании, никак не мог вчера поспешить к встрече.
But I trust all passed off without inconvenience?"	Надеюсь, однако, что все произошло без особых хлопот?
"Oh, no, Pyotr Petrovitch, it was all terribly disheartening," Pulcheria Alexandrovna hastened to declare with peculiar intonation, "and if Dmitri Prokofitch had not been sent us, I really believe by God Himself, we should have been utterly lost.	- Ах, нет, Петр Петрович, мы были очень обескуражены, - с особой интонацией поспешила заявить Пульхерия Александровна, - и если б сам бог, кажется, не послал нам вчера Дмитрия Прокофьяча, то мы просто бы так и пропали.
Here, he is! Dmitri Prokofitch Razumihin," she added, introducing him to Luzhin.	Вот они, Дмитрий Прокофьяч Разумихин, - прибавила она, рекомендуя его Лужину.
"I had the pleasure... yesterday," muttered Pyotr Petrovitch with a hostile glance sidelong at Razumihin; then he scowled and was silent.	- Как же, имел удовольствие... вчера, - пробормотал Лужин, неприязненно покосившись на Разумихина, затем нахмурился и примолк.
Pyotr Petrovitch belonged to that class	Да и вообще Петр Петрович принадлежал к

of persons, on the surface very polite in society, who make a great point of punctiliousness, but who, directly they are crossed in anything, are completely disconcerted, and become more like sacks of flour than elegant and lively men of society.	разряду людей, по-видимому чрезвычайно любезных в обществе и особенно претендующих на любезность, но которые, чуть что не по них, тотчас же и теряют все свои средства и становятся похожими скорее на мешки с мукой, чем на развязных и оживляющих общество кавалеров.
Again all was silent; Raskolnikov was obstinately mute, Avdotya Romanovna was unwilling to open the conversation too soon. Razumihin had nothing to say, so Pulcheria Alexandrovna was anxious again.	Все опять примолкли: Раскольников упорно молчал, Авдотья Романовна до времени не хотела прерывать молчания, Разумихину нечего было говорить, так что Пульхерия Александровна опять затревожилась
"Marfa Petrovna is dead, have you heard?" she began having recourse to her leading item of conversation.	- Марфа Петровна умерла, вы слышали? - начала она, прибегая к своему капитальному средству.
"To be sure, I heard so.	- Как же, слышал-с.
I was immediately informed, and I have come to make you acquainted with the fact that Arkady Ivanovitch Svidrigailov set off in haste for Petersburg immediately after his wife's funeral.	По первому слуху был уведомлен и даже приехал вам теперь сообщить, что Аркадий Иванович Свидригайлов, немедленно после похорон супруги, отправился поспешно в Петербург.
So at least I have excellent authority for believing."	Так, по крайней мере, по точнейшим известиям, которые я получил.
"To Petersburg? here?"	- В Петербург?
Dounia asked in alarm and looked at her mother.	Сюда? - тревожно спросила Дунечка и переглянулась с матерью.
"Yes, indeed, and doubtless not without some design, having in view the rapidity of his departure, and all the circumstances preceding it."	- Точно так-с, и уж, разумеется, не без целей, приняв во внимание поспешность выезда и, вообще, предшествовавшие обстоятельства.
"Good heavens! won't he leave Dounia in peace even here?" cried Pulcheria Alexandrovna.	- Господи! Да неужели он и тут не оставит Дунечку в покое? - вскрикнула Пульхерия Александровна.

"I imagine that neither you nor Avdotya Romanovna have any grounds for uneasiness, unless, of course, you are yourselves desirous of getting into communication with him.	- Мне кажется, особенно тревожиться нечего, ни вам, ни Авдотье Романовне, конечно если сами не пожелаете входить в какие бы то ни было с ним отношения.
For my part I am on my guard, and am	Что до меня касается, я слежу, и теперь

now discovering where he is lodging."	разыскиваю, где он остановился...
"Oh, Pyotr Petrovitch, you would not believe what a fright you have given me," Pulcheria Alexandrovna went on:	- Ах, Петр Петрович, вы не поверите, до какой степени вы меня теперь испугали! - продолжала Пульхерия Александровна.
"I've only seen him twice, but I thought him terrible, terrible!	- Я его всего только два раза видела, и он мне показался ужасен, ужасен!
I am convinced that he was the cause of Marfa Petrovna's death."	Я уверена, что он был причиною смерти покойницы Марфы Петровны.
"It's impossible to be certain about that.	- Насчет этого нельзя заключить.
I have precise information.	Я имею известия точные.
I do not dispute that he may have contributed to accelerate the course of events by the moral influence, so to say, of the affront; but as to the general conduct and moral characteristics of that personage, I am in agreement with you.	Не спорю, может быть, он способствовал ускоренному ходу вещей, так сказать, нравственным влиянием обиды; но что касается поведения и, вообще, нравственной характеристики лица, то я с вами согласен.
I do not know whether he is well off now, and precisely what Marfa Petrovna left him; this will be known to me within a very short period; but no doubt here in Petersburg, if he has any pecuniary resources, he will relapse at once into his old ways.	Не знаю, богат ли он теперь и что именно оставила ему Марфа Петровна; об этом мне будет известно в самый непродолжительный срок; но уж, конечно, здесь, в Петербурге, имея хотя бы некоторые денежные средства, он примется тотчас за старое.
He is the most depraved, and abjectly vicious specimen of that class of men.	Это самый развращенный и погибший в пороках человек, из всех подобного рода людей!
I have considerable reason to believe that Marfa Petrovna, who was so unfortunate as to fall in love with him and to pay his debts eight years ago, was of service to him also in another way. Solely by her exertions and sacrifices, a criminal charge, involving an element of fantastic and homicidal brutality for which he might well have been sentenced to Siberia, was hushed up.	Я имею значительное основание предполагать, что Марфа Петровна, имевшая несчастье столь полюбить его и выкупить из долгов, восемь лет назад, послужила ему еще и в другом отношении: единственно ее старанием и жертвами затушено было, в самом начале, уголовное дело, с примесью зверского и, так сказать, фантастического душегубства, за которое он весьма мог бы прогуляться в Сибирь.
That's the sort of man he is, if you care to know."	Вот каков этот человек, если хотите знать.
"Good heavens!" cried Pulcheria Alexandrovna.	- Ах, господи! - вскричала Пульхерия Александровна.

Raskolnikov listened attentively.	Раскольников внимательно слушал.
"Are you speaking the truth when you say that you have good evidence of this?" Dounia asked sternly and emphatically.	- Вы правду говорите, что имеете об этом точные сведения? - спросила Дуня, строго и внушительно.
"I only repeat what I was told in secret by Marfa Petrovna.	- Я говорю только то, что слышал сам, по секрету, от покойницы Марфы Петровны.

I must observe that from the legal point of view the case was far from clear.	Надо заметить, что с юридической точки зрения дело это весьма темное.
There was, and I believe still is, living here a woman called Resslerich, a foreigner, who lent small sums of money at interest, and did other commissions, and with this woman Svidrigailov had for a long while close and mysterious relations.	Здесь жила, да и теперь, кажется, проживает некоторая Ресслих, иностранка и сверх того мелкая процентщица, занимающаяся и другими делами. С этою-то Ресслих господин Свидригайлов находился издавна в некоторых весьма близких и таинственных отношениях.
She had a relation, a niece I believe, living with her, a deaf and dumb girl of fifteen, or perhaps not more than fourteen. Resslerich hated this girl, and grudged her every crust; she used to beat her mercilessly.	У ней жила дальняя родственница, племянница кажется, глухонемая, девочка лет пятнадцати и даже четырнадцати, которую эта Ресслих беспрдельно ненавидела и каждым куском попрекала; даже бесчеловечно била.
One day the girl was found hanging in the garret.	Раз она найдена была на чердаке удавившеюся.
At the inquest the verdict was suicide.	Присуждено, что от самоубийства.
After the usual proceedings the matter ended, but, later on, information was given that the child had been... cruelly outraged by Svidrigailov.	После обыкновенных процедур тем дело и кончилось, но впоследствии явился, однако, донос, что ребенок был... жестоко оскорблен Свидригайловым.
It is true, this was not clearly established, the information was given by another German woman of loose character whose word could not be trusted; no statement was actually made to the police, thanks to Marfa Petrovna's money and exertions; it did not get beyond gossip.	Правда, все это было темно, донос был от другой же немки, отъявленной женщины и не имевшей доверия; наконец, в сущности, и доноса не было, благодаря стараниям и деньгам Марфы Петровны; все ограничилось слухом.
And yet the story is a very significant one.	Но, однако, этот слух был многозначителен.
You heard, no doubt, Avdotya Romanovna, when you were with them the story of the servant Philip who died of ill treatment he	Вы, конечно, Авдотья Романовна, слышали тоже у них об истории с человеком Филиппом, умершим от

received six years ago, before the abolition of serfdom."	истязаний, лет шесть назад, еще во время крепостного права.
"I heard, on the contrary, that this Philip hanged himself."	- Я слышала, напротив, что этот Филипп сам удавился.
"Quite so, but what drove him, or rather perhaps disposed him, to suicide was the systematic persecution and severity of Mr. Svidrigailov."	- Точно так-с, но принудила или, лучше сказать, склонила его к насильственной смерти непрерывная система гонений и взысканий господина Свидригайлова.
"I don't know that," answered Dounia, dryly. "I only heard a queer story that Philip was a sort of hypochondriac, a sort of domestic philosopher, the servants used to say, 'he read himself silly,' and that he hanged himself partly on account of Mr. Svidrigailov's mockery of him and not his blows.	- Я не знаю этого, - сухо ответила Дуня, - я слышала только какую-то очень странную историю, что этот Филипп был какой-то ипохондрик, какой-то домашний философ, люди говорили "зачитался", и что удавился он более от насмешек, а не от побой господина Свидригайлова.
When I was there he behaved well to the servants, and they were actually fond of him, though they certainly did blame him for Philip's death."	А он при мне хорошо обходился с людьми, и люди его даже любили, хотя и действительно тоже винили его в смерти Филиппа.

"I perceive, Avdotya Romanovna, that you seem disposed to undertake his defence all of a sudden," Luzhin observed, twisting his lips into an ambiguous smile, "there's no doubt that he is an astute man, and insinuating where ladies are concerned, of which Marfa Petrovna, who has died so strangely, is a terrible instance.	- Я вижу, что вы, Авдотья Романовна, как-то стали вдруг наклонны к его оправданию, - заметил Лужин, скривя рот в двусмысленную улыбку. - Действительно, он человек хитрый и обольстительный насчет дам, чему плачевным примером служит Марфа Петровна, так странно умершая.
My only desire has been to be of service to you and your mother with my advice, in view of the renewed efforts which may certainly be anticipated from him.	Я только хотел послужить вам и вашей мамаше своим советом, ввиду его новых и несомненно предстоящих попыток.
For my part it's my firm conviction, that he will end in a debtor's prison again.	Что же до меня касается, то я твердо уверен, что этот человек несомненно исчезнет опять в долговом отделении.
Marfa Petrovna had not the slightest intention of settling anything substantial on him, having regard for his children's interests, and, if she left him anything, it would only be the merest sufficiency, something insignificant and ephemeral, which would not last a year for a man of his habits."	Марфа Петровна отнюдь никогда не имела намерения что-нибудь за ним закрепить, имея в виду детей, и если и оставила ему нечто, то разве нечто самое необходимое, малостоящее, эфемерное, чего и на год не хватит человеку с его привычками.
"Pyotr Petrovitch, I beg you," said Dounia, "say no more of Mr. Svidrigailov.	- Петр Петрович, прошу вас, - сказала Дуня, - перестанемте о господине Свидригайлове.
It makes me miserable."	На меня это наводит тоску.
"He has just been to see me," said Raskolnikov, breaking his silence for the first time.	- Он сейчас приходил ко мне, - сказал вдруг Раскольников, в первый раз прерывая молчание.
There were exclamations from all, and they all turned to him.	Со всех сторон раздались восклицания, все обратились к нему.
Even Pyotr Petrovitch was roused.	Даже Петр Петрович взволновался.
"An hour and a half ago, he came in when I was asleep, waked me, and introduced himself," Raskolnikov continued.	- Часа полтора назад, когда я спал, он вошел, разбудил меня и отрекомендовался, - продолжал Раскольников.
"He was fairly cheerful and at ease, and quite hopes that we shall become friends.	- Он был довольно развязен и весел и совершенно надеется, что я с ним сойдуся.
He is particularly anxious, by the way, Dounia,	Между прочим, он очень просит и ищет

for an interview with you, at which he asked me to assist.	свидания с тобою, Дуня, а меня просил быть посредником при этом свидании.
He has a proposition to make to you, and he told me about it.	У него есть к тебе одно предложение; в чем оно, он мне сообщил.
He told me, too, that a week before her death Marfa Petrovna left you three thousand roubles in her will, Dounia, and that you can receive the money very shortly."	Кроме того, он положительно уведомил меня, что Марфа Петровна, за неделю до смерти, успела оставить тебе, Дуня, по завещанию три тысячи рублей, и деньги эти ты можешь теперь получить в самом скором времени.
"Thank God!" cried Pulcheria Alexandrovna, crossing herself.	- Слава богу! - вскричала Пульхерия Александровна и перекрестилась.
"Pray for her soul, Dounia!"	- Молись за нее, Дуня, молись!
"It's a fact!" broke from Luzhin.	- Это действительная правда, - сорвалось у Лужина.

"Tell us, what more?" Dounia urged Raskolnikov.	- Ну-ну, что же дальше? - торопила Дунечка.
"Then he said that he wasn't rich and all the estate was left to his children who are now with an aunt, then that he was staying somewhere not far from me, but where, I don't know, I didn't ask...."	- Потом он сказал, что он сам не богат и все имение достается его детям, которые теперь у тетки. Потом, что остановился где-то недалеко от меня, а где? - не знаю, не спросил...
"But what, what does he want to propose to Dounia?" cried Pulcheria Alexandrovna in a fright.	- Но что же, что же он хочет предложить Дунечке? - спросила перепуганная Пульхерия Александровна.
"Did he tell you?"	- Сказал он тебе?
"Yes."	- Да, сказал.
"What was it?"	- Что же?
"I'll tell you afterwards."	- Потом скажу.
Raskolnikov ceased speaking and turned his attention to his tea.	- Раскольников замолчал и обратился к своему чаю.
Pyotr Petrovitch looked at his watch.	Петр Петрович вынул часы и посмотрел.
"I am compelled to keep a business engagement, and so I shall not be in your way," he added with an air of some pique and he began getting up.	- Необходимо отправиться по делу, и таким образом не помешаю, - прибавил он с несколько пикированным видом и стал вставать со стула.
"Don't go, Pyotr Petrovitch," said Dounia,	- Оставайтесь, Петр Петрович, - сказала

"you intended to spend the evening.	Дуня, -ведь вы намерены были просидеть вечер.
Besides, you wrote yourself that you wanted to have an explanation with mother."	К тому же вы сами писали, что желаете об чем-то объясниться с маменькой.
"Precisely so, Avdotya Romanovna," Pyotr Petrovitch answered impressively, sitting down again, but still holding his hat. "I certainly desired an explanation with you and your honoured mother upon a very important point indeed. But as your brother cannot speak openly in my presence of some proposals of Mr. Svidrigailov, I, too, do not desire and am not able to speak openly... in the presence of others... of certain matters of the greatest gravity.	- Точно так-с, Авдотья Романовна, - внушительно проговорил Петр Петрович, присев опять на стул, но все еще сохраняя шляпу в руках, - я действительно желал объясниться и с вами, и с многоуважаемою вашею мамашей, и даже о весьма важных пунктах, Но, как и брат ваш не может при мне объясниться насчет некоторых предложений господина Свидригайлова, так и я не желаю и не могу объясниться... при других... насчет некоторых, весьма и весьма важных пунктов.
Moreover, my most weighty and urgent request has been disregarded...."	К тому же капитальная и убедительнейшая просьба моя не была исполнена...
Assuming an aggrieved air, Luzhin relapsed into dignified silence.	Лужин сделал горький вид и осанисто примолк.
"Your request that my brother should not be present at our meeting was disregarded solely at my instance," said Dounia.	- Просьба ваша, чтобы брата не было при нашем свидании, не исполнена единственно по моему настоянию, - сказала Дуня.
"You wrote that you had been insulted by my brother; I think that this must be explained at once, and you must be reconciled.	- Вы писали, что были братом оскорблены; я думаю, что это надо немедленно разъяснить, и вы должны помириться.
And if Rodya really has insulted you, then he _should_ and _will_ apologise."	И если Родя вас действительно оскорбил, то он должен и будет просить у вас извинения.

Pyotr Petrovitch took a stronger line.	Петр Петрович тотчас же закуражился.
"There are insults, Avdotya Romanovna, which no goodwill can make us forget.	- Есть некоторые оскорбления, Авдотья Романовна, которые, при всей доброй воле, забыть нельзя-с.
There is a line in everything which it is dangerous to overstep; and when it has been overstepped, there is no return."	Во всем есть черта, за которую перейти опасно; ибо, раз переступив, воротиться назад невозможно.
"That wasn't what I was speaking of exactly, Pyotr Petrovitch," Dounia	- Я вам не про то, собственно, говорила, Петр Петрович, - немного с нетерпение

interrupted with some impatience. "Please understand that our whole future depends now on whether all this is explained and set right as soon as possible.	перебила Дуня, - поймите хорошенько, что все наше будущее зависит теперь от того, разъяснится ли и уладится ли все это как можно скорей или нет?
I tell you frankly at the start that I cannot look at it in any other light, and if you have the least regard for me, all this business must be ended to-day, however hard that may be.	Я прямо, с первого слова говорю, что иначе не могу смотреть, и если вы хоть сколько-нибудь мною дорожите, то, хоть и трудно, а вся эта история должна сегодня же кончиться.
I repeat that if my brother is to blame he will ask your forgiveness."	Повторяю вам, если брат виноват, он будет просить прощения.
"I am surprised at your putting the question like that," said Luzhin, getting more and more irritated.	- Удивляюсь, что вы ставите так вопрос, Авдотья Романовна, - раздражался все более и более Лужин.
"Esteeming, and so to say, adoring you, I may at the same time, very well indeed, be able to dislike some member of your family.	- Цenia и, так сказать, обожая вас, я в то же время весьма и весьма могу не любить кого-нибудь из ваших домашних.
Though I lay claim to the happiness of your hand, I cannot accept duties incompatible with..."	Претендуя на счастье вашей руки, не могу в то же время принять на себя обязательств несогласимых...
"Ah, don't be so ready to take offence, Pyotr Petrovitch," Dounia interrupted with feeling, "and be the sensible and generous man I have always considered, and wish to consider, you to be.	- Ах, оставьте всю эту обидчивость, Петр Петрович, - с чувством перебила Дуня, - и будьте тем умным и благородным человеком, каким я вас всегда считала и считать хочу.
I've given you a great promise, I am your betrothed. Trust me in this matter and, believe me, I shall be capable of judging impartially.	Я вам дала великое обещание, я ваша невеста; доверьтесь же мне в этом деле, и поверьте, я в силах буду рассудить беспристрастно.
My assuming the part of judge is as much a surprise for my brother as for you.	То, что я беру на себя роль судьи, это такой же сюрприз моему брату, как и вам.
When I insisted on his coming to our interview to-day after your letter, I told him nothing of what I meant to do.	Когда я пригласила его сегодня, после письма вашего, непременно прийти на наше свидание, я ничего ему не сообщила из моих намерений.
Understand that, if you are not reconciled, I must choose between you--it must be either you or he.	Поймите, что если вы не помиритесь, то я должна же выбирать между вами: или вы, или он.
That is how the question rests on your side and on his.	Так стал вопрос и с его, и с вашей стороны.

I don't want to be mistaken in my choice, and I must not be.	Я не хочу и не должна ошибиться в выборе.
For your sake I must break off with my brother, for my brother's sake I must break off with you.	Для вас я должна разорвать с братом; для брата я должна разорвать с вами.
I can find out for certain now whether he is a brother to me, and I want to know it; and of you, whether I am dear to you, whether you esteem me, whether you are the husband for me."	Я хочу и могу узнать теперь наверно: брат ли он мне? А про вас: дорога ли я вам, цените ли вы меня: муж ли вы мне?
"Avdotya Romanovna," Luzhin declared huffily, "your words are of too much consequence to me; I will say more, they are offensive in view of the position I have the honour to occupy in relation to you.	- Авдотья Романовна, - закоробившись, произнес Лужин, - ваши слова слишком многозначительны для меня, скажу более, даже обидны, ввиду того положения, которое я имею честь занимать в отношении к вам.
To say nothing of your strange and offensive setting me on a level with an impertinent boy, you admit the possibility of breaking your promise to me.	Не говоря уже ни слова об обидном и странном сопоставлении, на одну доску, между мной и... заносчивым юношей, словами вашими вы допускаете возможность нарушения данного мне обещания.
You say 'you or he,' showing thereby of how little consequence I am in your eyes... I cannot let this pass considering the relationship and... the obligations existing between us."	Вы говорите: "или вы, или он?", стало быть, тем самым показываете мне, как немного я для вас значу... я не могу допустить этого при отношениях и... обязательствах, существующих между нами.
"What!" cried Dounia, flushing. "I set your interest beside all that has hitherto been most precious in my life, what has made up the _whole_ of my life, and here you are offended at my making too _little_ account of you."	- Как! - вспыхнула Дуня, - я ставлю ваш интерес рядом со всем, что до сих пор было мне драгоценно в жизни, что до сих пор составляло всю мою жизнь, и вдруг вы обижаетесь за то, что я даю вам мало цены!
Raskolnikov smiled sarcastically, Razumihin fidgeted, but Pyotr Petrovitch did not accept the reproof; on the contrary, at every word he became more persistent and irritable, as though he relished it.	Раскольников молча и язвительно улыбнулся, Разумихина всего передернуло; но Петр Петрович не принял возражения; напротив, с каждым словом становился он все привязчивее и раздражительнее, точно во вкус входил.
"Love for the future partner of your life, for	

your husband, ought to outweigh your love for your brother," he pronounced sententiously, "and in any case I cannot be put on the same level....	- Любовь к будущему спутнику жизни, к мужу, должна превышать любовь к брату, - произнес он сентенциозно, - а во всяком случае, я не могу стоять на одной доске...
Although I said so emphatically that I would not speak openly in your brother's presence, nevertheless, I intend now to ask your honoured mother for a necessary explanation on a point of great importance closely affecting my dignity.	Хоть я и настаивал давеча, что в присутствии вашего брата не желаю и не могу изъяснить всего, с чем пришел, тем не менее я теперь же намерен обратиться к многоуважаемой вашей мамаше для необходимого объяснения по одному весьма капитальному и для меня обидному пункту.
Your son," he turned to Pulcheria Alexandrovna, "yesterday in the presence of Mr. Razsudkin (or... I think that's it? excuse me I have forgotten your surname," he bowed politely to Razumihin) "insulted me by misrepresenting the idea I expressed to you in a private conversation, drinking coffee, that is, that marriage with a poor girl who has had experience of trouble is more advantageous from the conjugal point of view than with one who has lived in luxury, since it is more profitable for the moral character.	Сын ваш, - обратился он к Пульхерии Александровне, - вчера, в присутствии господина Рассудкина (или... кажется так? извините, запечатовал вашу фамилию, - любезно поклонился он Разумихину), обидел меня искажением мысли моей, которую я сообщил вам тогда в разговоре частном, за кофеем, именно, что женитьба на бедной девице, уже испытывавшей жизненное горе, по-моему, выгоднее в супружеском отношении, чем на испытывавшей довольство, ибо полезнее для нравственности.

Your son intentionally exaggerated the significance of my words and made them ridiculous, accusing me of malicious intentions, and, as far as I could see, relied upon your correspondence with him.	Ваш сын умышленно преувеличил значение слов до нелепого, обвинив меня в злостных намерениях и, по моему взгляду, основываясь на вашей собственной корреспонденции.
I shall consider myself happy, Pulcheria Alexandrovna, if it is possible for you to convince me of an opposite conclusion, and thereby considerably reassure me.	Почту себя счастливым, если вам, Пульхерия Александровна, возможно будет разубедить меня в противном отношении и тем значительно успокоить.
Kindly let me know in what terms precisely you repeated my words in your letter to Rodion Romanovitch."	Сообщите же мне, в каких именно терминах передали вы слова мои в вашем письме к Родиону Романовичу?
"I don't remember," faltered Pulcheria Alexandrovna. "I repeated them as I understood them.	- Я не помню, - сбилась Пульхерия Александровна, - а передала, как сама поняла.

I don't know how Rodya repeated them to you, perhaps he exaggerated."	Не знаю, как передал вам Родя... Может, он что-нибудь и преувеличил.
"He could not have exaggerated them, except at your instigation."	- Без вашего внушения он преувеличить не мог.
"Pyotr Petrovitch," Pulcheria Alexandrovna declared with dignity, "the proof that Dounia and I did not take your words in a very bad sense is the fact that we are here."	- Петр Петрович, - с достоинством произнесла Пульхерия Александровна, - доказательство тому, что мы с Дуней не приняли ваших слов в очень дурную сторону, это то, что мы здесь.
"Good, mother," said Dounia approvingly.	- Хорошо, маменька! - одобительно сказала Дуня.
"Then this is my fault again," said Luzhin, aggrieved.	- Стало быть, я и тут виноват! - обиделся Лужин.
"Well, Pyotr Petrovitch, you keep blaming Rodion, but you yourself have just written what was false about him," Pulcheria Alexandrovna added, gaining courage.	- Вот, Петр Петрович, вы все Родиона вините, а вы и сами об нем давеча неправду написали в письме, - прибавила, ободрившись, Пульхерия Александровна.
"I don't remember writing anything false."	- Я не помню, чтобы написал какую-нибудь неправду-с.
"You wrote," Raskolnikov said sharply, not turning to Luzhin, "that I gave money yesterday not to the widow of the man who was killed, as was the fact, but to his daughter (whom I had never seen till yesterday)."	- Вы написали, - резко проговорил Раскольников, не оборачиваясь к Лужину, - что я вчера отдал деньги не вдове раздавленного, как это действительно было, а его дочери (которой до вчерашнего дня никогда не видал).
You wrote this to make dissension between me and my family, and for that object added coarse expressions about the conduct of a girl whom you don't know.	Вы написали это, чтобы поссорить меня с родными, и для того прибавили, в гнусных выражениях, о поведении девушки, которой вы не знаете.
All that is mean slander."	Все это сплетня и низость.
"Excuse me, sir," said Luzhin, quivering with fury. "I enlarged upon your qualities and conduct in my letter solely in response to your sister's and mother's inquiries, how I found you, and what impression you made on me.	- Извините, сударь, - дрожа со злости, ответил Лужин, - в письме моем я распространился о ваших качествах и поступках единственно в исполнение тем самым просьб вашей сестрицы и мамыши описать им: как я вас нашел и какое вы на меня произвели впечатление?

As for what you've alluded to in my letter, be so

Что же касается до означенного в

good as to point out one word of falsehood, show, that is, that you didn't throw away your money, and that there are not worthless persons in that family, however unfortunate."	письме моем, то найдите хоть строчку несправедливую, то есть что вы не истратили денег и что в семействе том, хотя бы и несчастном, не находилось недостойных лиц?
"To my thinking, you, with all your virtues, are not worth the little finger of that unfortunate girl at whom you throw stones."	- А по-моему, так вы, со всеми вашими достоинствами, не стоите мизинца этой несчастной девушки, в которую вы камень бросаете.
"Would you go so far then as to let her associate with your mother and sister?"	- Стало быть, вы решились бы и ввести ее в общество вашей матери и сестры?
"I have done so already, if you care to know.	- Я это уж и сделал, если вам хочется знать.
I made her sit down to-day with mother and Dounia."	Я посадил ее сегодня рядом с маменькой и с Дуней.
"Rodya!" cried Pulcheria Alexandrovna.	- Родя! - вскричала Пульхерия Александровна.
Dounia crimsoned, Razumihin knitted his brows.	Дунечка покраснела; Разумихин сдвинул брови.
Luzhin smiled with lofty sarcasm.	Лужин язвительно и высокомерно улыбнулся.
"You may see for yourself, Avdotya Romanovna," he said, "whether it is possible for us to agree.	- Сами изволите видеть, Авдотья Романовна, - сказал он, - возможно ли тут соглашение?
I hope now that this question is at an end, once and for all.	Надеюсь теперь, что дело это кончено и разъяснено, раз навсегда.
I will withdraw, that I may not hinder the pleasures of family intimacy, and the discussion of secrets."	Я же удалюсь, чтобы не мешать дальнейшей приятности родственного свидания и сообщению секретов (он встал со стула и взял шляпу).
He got up from his chair and took his hat.	Но, уходя, осмелюсь заметить, что впредь надеюсь быть избавлен от подобных встреч и, так сказать, компромиссов.
"But in withdrawing, I venture to request that for the future I may be spared similar meetings, and, so to say, compromises. I appeal particularly to you, honoured Pulcheria Alexandrovna, on this subject, the more as my letter was addressed to	Вас же особенно буду просить, многоуважаемая Пульхерия Александровна, на эту же тему, тем паче что и письмо мое было адресовано вам, а не кому иначе.

you and to no one else."	
Pulcheria Alexandrovna was a little offended.	Пульхерия Александровна немного обиделась.
"You seem to think we are completely under your authority, Pyotr Petrovitch.	- Чтой-то вы уж совсем нас во власть свою берете, Петр Петрович.
Dounia has told you the reason your desire was disregarded, she had the best intentions.	Дуня вам рассказала причину, почему не исполнено ваше желание: она хорошие намерения имела.
And indeed you write as though you were laying commands upon me.	Да и пишете вы мне, точно приказываете.
Are we to consider every desire of yours as a command?	Неужели ж нам каждое желание ваше за приказание считать?

Let me tell you on the contrary that you ought to show particular delicacy and consideration for us now, because we have thrown up everything, and have come here relying on you, and so we are in any case in a sense in your hands."	А я так вам напротив скажу, что вам следует теперь к нам быть особенно деликатными и снисходительным, потому что мы все бросили и, вам доверясь, сюда приехали, а стало быть, и без того уж почти в вашей власти состоим.
"That is not quite true, Pulcheria Alexandrovna, especially at the present moment, when the news has come of Marfa Petrovna's legacy, which seems indeed very apropos, judging from the new tone you take to me," he added sarcastically.	- Это не совсем справедливо, Пульхерия Александровна, и особенно в настоящий момент, когда возведено о завещанных Марфой Петровной трех тысячах, что, кажется, очень кстати, судя по новому тону, которым заговорили со мной, - прибавил он язвительно.
"Judging from that remark, we may certainly presume that you were reckoning on our helplessness," Dounia observed irritably.	- Судя по этому замечанию, можно действительно предположить, что вы рассчитывали на нашу беспомощность, - раздражительно заметила Дуня.
"But now in any case I cannot reckon on it, and I particularly desire not to hinder your discussion of the secret proposals of Arkady Ivanovitch Svidrigailov, which he has entrusted to your brother and which have, I perceive, a great and possibly a very agreeable interest for you."	- Но теперь, по крайней мере, не могу так рассчитывать и особенно не желаю помешать сообщению секретных предложений Аркадия Ивановича Свидригайлова, которыми он уполномочил вашего брата и которые, как я вижу, имеют для вас капитальное, а может быть, и весьма приятное значение.
"Good heavens!" cried Pulcheria Alexandrovna.	- Ах боже мой! - вскрикнула Пульхерия Александровна.
Razumihin could not sit still on his chair.	Разумихину не сиделось на стуле.

"Aren't you ashamed now, sister?" asked Raskolnikov.	- И тебе не стыдно теперь, сестра? - спросил Раскольников.
"I am ashamed, Rodya," said Dounia.	- Стыдно, Родя, - сказал Дуня.
"Pyotr Petrovitch, go away," she turned to him, white with anger.	- Петр Петрович, подите вон! - обратилась она к нему, побледнев от гнева.
Pyotr Petrovitch had apparently not at all expected such a conclusion.	Петр Петрович, кажется, совсем не ожидал такого конца.
He had too much confidence in himself, in his power and in the helplessness of his victims.	Он слишком надеялся на себя, на власть свою и на беспомощность своих жертв.
He could not believe it even now.	Не поверил и теперь.
He turned pale, and his lips quivered.	Он побледнел, и губы его затряслись.
"Avdotya Romanovna, if I go out of this door now, after such a dismissal, then, you may reckon on it, I will never come back.	- Авдотья Романовна, если я выйду теперь в эту дверь, при таком напутствии, то - рассчитайте это - я уж не ворочусь никогда.
Consider what you are doing.	Обдумайте хорошенько!
My word is not to be shaken."	Мое слово твердо.
"What insolence!" cried Dounia, springing up from her seat. "I don't want you to come back again."	- Что за наглость! - вскричала Дуня, быстро подымаясь с места, - да я и не хочу, чтобы вы возвращались назад!
"What!	- Как?

So that's how it stands!" cried Luzhin, utterly unable to the last moment to believe in the rupture and so completely thrown out of his reckoning now. "So that's how it stands!	Так вот ка-а-к-с! - вскричал Лужин, совершенно не веровавший, до последнего мгновения, такой развязке, а потому совсем потерявший теперь нитку, - так так-то-с!
But do you know, Avdotya Romanovna, that I might protest?"	Но знаете ли, Авдотья Романовна, что я мог бы и протестовать-с.
"What right have you to speak to her like that?" Pulcheria Alexandrovna intervened hotly. "And what can you protest about?	- Какое право вы имеете так говорить с ней! -горячо вступилась Пульхерия Александровна, -чем вы можете протестовать?
What rights have you?	И какие это ваши права?
Am I to give my Dounia to a man like you?	Ну, отдам я вам, такому, мою Дуню?
Go away, leave us altogether!	Подите, оставьте нас совсем!

We are to blame for having agreed to a wrong action, and I above all...."	Мы сами виноваты, что на несправедливое дело пошли, а всех больше я...
"But you have bound me, Pulcheria Alexandrovna," Luzhin stormed in a frenzy, "by your promise, and now you deny it and... besides... I have been led on account of that into expenses...."	- Однако ж, Пульхерия Александровна, - горячился в бешенстве Лужин, - вы связали меня данным словом, от которого теперь отрекаетесь... и наконец... наконец, я вовлечен был, так сказать, через то в издержки...
This last complaint was so characteristic of Pyotr Petrovitch, that Raskolnikov, pale with anger and with the effort of restraining it, could not help breaking into laughter.	Эта последняя претензия до того была в характере Петра Петровича, что Раскольников, бледневший от гнева и от усилий сдержать его, вдруг не выдержал и - расхохотался.
But Pulcheria Alexandrovna was furious.	Пульхерия Александровна вышла из себя:
"Expenses?"	- В издержки?
What expenses?	В какие же это издержки?
Are you speaking of our trunk?	Уж не про сундук ли наш вы говорите?
But the conductor brought it for nothing for you.	Да ведь вам его кондуктор задаром перевез.
Mercy on us, we have bound you!	Господи, мы же вас и связали!
What are you thinking about, Pyotr Petrovitch, it was you bound us, hand and foot, not we!"	Да вы опомнитесь, Петр Петрович, это вы нас по рукам и по ногам связали, а не мы вас!
"Enough, mother, no more please," Avdotya Romanovna implored.	- Довольно, маменька, пожалуйста, довольно! -упрашивала Авдотья Романовна.
"Pyotr Petrovitch, do be kind and go!"	- Петр Петрович, сделайте милость, уйдите!
"I am going, but one last word," he said, quite unable to control himself. "Your mamma seems to have entirely forgotten that I made up my mind to take you, so to speak, after the gossip of the town had spread all over the district in regard to your reputation.	- Уйду-с, но одно только последнее слово! - проговорил он, уже почти совсем не владея собою, - ваша мамаша, кажется, совершенно забыла, что я решился вас взять, так сказать, после городской молвы, разнесшейся по всему околотку насчет репутации вашей.
Disregarding public opinion for your sake and reinstating your reputation, I certainly might very well reckon on a fitting return, and might indeed look for gratitude on your part.	Пренебрегая для вас общественным мнением и восстанавливая репутацию вашу, уж, конечно, мог бы я, весьма и весьма, понадеяться на возмездие и даже потребовать благодарности вашей...

And my eyes have only now been opened!	И только теперь открылись глаза мои!
I see myself that I may have acted very, very recklessly in disregarding the universal verdict...."	Вижу сам, что, может быть, весьма и весьма поступил опрометчиво, пренебрегая общественным голосом...
"Does the fellow want his head smashed?" cried Razumihin, jumping up.	- Да он о двух головах, что ли! - крикнул Разумихин, вскакивая со стула и уже готовясь расправиться.
"You are a mean and spiteful man!" cried Dounia.	- Низкий вы и злой человек! - сказала Дуня.
"Not a word!	- Ни слова!
Not a movement!" cried Raskolnikov, holding Razumihin back; then going close up to Luzhin,	Ни жеста! - вскрикнул Раскольников, удерживая Разумихина; затем, подойдя чуть не в упор к Лужину:
"Kindly leave the room!" he said quietly and distinctly, "and not a word more or..."	- Извольте выйти вон! - сказал он тихо и отдельно, - и ни слова более, иначе...
Pyotr Petrovitch gazed at him for some seconds with a pale face that worked with anger, then he turned, went out, and rarely has any man carried away in his heart such vindictive hatred as he felt against Raskolnikov.	Петр Петрович несколько секунд смотрел на него с бледным и искривленным от злости лицом, затем повернулся, вышел, и уж, конечно, редко кто-нибудь уносил на кого в своем сердце столько злобной ненависти, как этот человек на Раскольникова.
Him, and him alone, he blamed for everything.	Его, и его одного, он обвинял во всем.
It is noteworthy that as he went downstairs he still imagined that his case was perhaps not utterly lost, and that, so far as the ladies were concerned, all might "very well indeed" be set right again.	Замечательно, что, уже спускаясь с лестницы, он все еще воображал, что дело еще, может быть, совсем не потеряно и, что касается одних дам, даже "весьма и весьма" поправимое.
CHAPTER III	III
The fact was that up to the last moment he had never expected such an ending; he had been overbearing to the last degree, never dreaming that two destitute and defenceless women could escape from his control.	Главное дело было в том, что он, до самой последней минуты, никак не ожидал подобной развязки. Он куражился до последней черты, не предполагая даже возможности, что две нищие и беззащитные женщины могут выйти из-под его власти.
This conviction was strengthened by his vanity and conceit, a conceit to the point	Убеждению этому много помогли тщеславие и та степень самоуверенности, которую лучше

of fatuity.	всего назвать самовлюбленностью.
Pyotr Petrovitch, who had made his way up from insignificance, was morbidly given to self-admiration, had the highest opinion of his intelligence and capacities, and sometimes even gloated in solitude over his image in the glass.	Петр Петрович, пробившись из ничтожества, болезненно привык любоваться собою, высоко ценил свой ум и способности и даже иногда, наедине, любовался своим лицом в зеркале.
But what he loved and valued above all was the money he had amassed by his labour, and by all sorts of devices: that money made him the equal of all who had been his superiors.	Но более всего на свете любил и ценил он, добытые трудом и всякими средствами, свои деньги: они равняли его со всем, что было выше его.

When he had bitterly reminded Dounia that he had decided to take her in spite of evil report, Pyotr Petrovitch had spoken with perfect sincerity and had, indeed, felt genuinely indignant at such "black ingratitude."	Напоминая теперь с горечью Дуне о том, что он решился взять ее, несмотря на худую о ней молву, Петр Петрович говорил вполне искренно и даже чувствовал глубокое негодование против такой "черной неблагодарности".
And yet, when he made Dounia his offer, he was fully aware of the groundlessness of all the gossip. The story had been everywhere contradicted by Marfa Petrovna, and was by then disbelieved by all the townspeople, who were warm in Dounia's defence.	А между тем, сватаясь тогда за Дуню, он совершенно уже был убежден в нелепости всех этих сплетен, опровергнутых всенародно самой Марфой Петровной и давно уже оставленных всем городишком, горячо оправдывавшим Дуню.
And he would not have denied that he knew all that at the time.	Да он и сам не отрекся бы теперь от того, что все это уже знал и тогда.
Yet he still thought highly of his own resolution in lifting Dounia to his level and regarded it as something heroic.	И тем не менее он все-таки высоко ценил свою решимость возвысить Дуню до себя и считал это подвигом.
In speaking of it to Dounia, he had let out the secret feeling he cherished and admired, and he could not understand that others should fail to admire it too.	Выговаривая об этом сейчас Дуне, он выговаривал свою тайную, возлелеянную им мысль, на которую он уже не раз любовался, и понять не мог, как другие могли не любоваться на его подвиг.
He had called on Raskolnikov with the feelings of a benefactor who is about to reap the fruits of his good deeds and to hear agreeable flattery.	Явившись тогда с визитом к Раскольникову, он вошел с чувством благодетеля, готовящегося пожать плоды и выслушать весьма сладкие комплименты.
And as he went downstairs now, he	И уж, конечно, теперь, сходя с лестницы, он

considered himself most undeservedly injured and unrecognised.	считал себя в высочайшей степени обиженным и непризнанным.
Dounia was simply essential to him; to do without her was unthinkable.	Дуня же была ему просто необходима; отказаться от нее для него было немыслимо.
For many years he had had voluptuous dreams of marriage, but he had gone on waiting and amassing money.	Давно уже, уже несколько лет, со сластиею мечтал он о женитьбе, но все прикапывал денег и ждал.
He brooded with relish, in profound secret, over the image of a girl-- virtuous, poor (she must be poor), very young, very pretty, of good birth and education, very timid, one who had suffered much, and was completely humbled before him, one who would all her life look on him as her saviour, worship him, admire him and only him.	Он с упоением помышлял, в глубочайшем секрете, о девице благонравной и бедной (непременно бедной), очень молоденькой, очень хорошенькой, благородной и образованной, очень запуганной, чрезвычайно много испытавшей несчастий и вполне перед ним приникшей, такой, которая бы всю жизнь считала его спасением своим, благоговела перед ним, подчинялась, удивлялась ему, и только ему одному.
How many scenes, how many amorous episodes he had imagined on this seductive and playful theme, when his work was over!	Сколько сцен, сколько сладостных эпизодов создал он в воображении на эту соблазнительную и игривую тему, отдыхая в тиши от дел!
And, behold, the dream of so many years was all but realised; the beauty and education of Avdotya Romanovna had impressed him; her helpless position had been a great allurements; in her he had found even more than he dreamed of.	И вот мечта стольких лет почти уже осуществлялась: красота и образование Авдотьи Романовны поразили его; беспомощное положение ее раззадорило его до крайности.

Here was a girl of pride, character, virtue, of education and breeding superior to his own (he felt that), and this creature would be slavishly grateful all her life for his heroic condescension, and would humble herself in the dust before him, and he would have absolute, unbounded power over her!...	Тут являлось даже несколько более того, о чем он мечтал: явилась девушка гордая, характерная, добродетельная, воспитанием и развитием выше его (он чувствовал это), и такое-то существо будет рабски благодарно ему всю жизнь за его подвиг и благоговейно уничтожится перед ним, а он-то будет безгранично и всецело властвовать!..
Not long before, he had, too, after long reflection and hesitation, made an important change in his career and was now entering on a wider circle of business. With this change his cherished dreams of rising into a higher	Как нарочно, незадолго перед тем, после долгих соображений и ожиданий, он решил наконец окончательно переменить карьеру и вступить в более обширный круг деятельности, а с тем вместе, мало-помалу, перейти и в более высшее общество, о котором он давно

class of society seemed likely to be realised....	уже с сладострастием подумывал...
He was, in fact, determined to try his fortune in Petersburg.	Одним словом, он решился попробовать Петербурга.
He knew that women could do a very great deal.	Он знал, что женщинами можно "весьма и весьма" много выиграть.
The fascination of a charming, virtuous, highly educated woman might make his way easier, might do wonders in attracting people to him, throwing an aureole round him, and now everything was in ruins!	Обаяние прелестной, добродетельной и образованной женщины могло удивительно скрасить его дорогу, привлечь к нему, создать ореол... и вот все рушилось!
This sudden horrible rupture affected him like a clap of thunder; it was like a hideous joke, an absurdity.	Этот теперешний внезапный, безобразный разрыв подействовал на него как удар грома. Это была какая-то безобразная шутка, нелепость!
He had only been a tiny bit masterful, had not even time to speak out, had simply made a joke, been carried away--and it had ended so seriously.	Он только капельку покуражился; он даже не успел и высказаться, он просто пошутил, увлекся, а кончилось так серьезно!
And, of course, too, he did love Dounia in his own way; he already possessed her in his dreams--and all at once!	Наконец, ведь он уже даже любил по-своему Дуню, он уже властвовал над нею в мечтах своих - и вдруг!..
No!	Нет!
The next day, the very next day, it must all be set right, smoothed over, settled. Above all he must crush that conceited milksop who was the cause of it all.	Завтра же, завтра же все это надо восстановить, залечить исправить, а главное - уничтожить этого заносчивого молокососа, мальчишку, который был всему причиной.
With a sick feeling he could not help recalling Razumihin too, but, he soon reassured himself on that score; as though a fellow like that could be put on a level with him!	С болезненным ощущением припоминался ему, тоже как-то невольно, Разумихин... но, впрочем, он скоро с этой стороны успокоился: "Еще бы и этого-то поставить с ним рядом!"
The man he really dreaded in earnest was Svidrigailov....	Но кого он в самом деле серьезно боялся, - так это Свидригайлова...
He had, in short, a great deal to attend to.... *****	Одним словом, предстояло много хлопот.....

"No, I, I am more to blame than anyone!" said Dounia, kissing and embracing her

- Нет, я, я более всех виновата! - говорила Дунечка, обнимая и целуя мать, - я

mother. "I was tempted by his money, but on my honour, brother, I had no idea he was such a base man.	польстилась на его деньги, но, клянусь, брат, - я и не воображала, чтоб это был такой недостойный человек.
If I had seen through him before, nothing would have tempted me!	Если б я разглядела его раньше, я бы ни на что не польстилась!
Don't blame me, brother!"	Не вини меня, брат!
"God has delivered us! God has delivered us!" Pulcheria Alexandrovna muttered, but half consciously, as though scarcely able to realise what had happened.	- Бог избавил! бог избавил! - бормотала Пульхерия Александровна, но как-то бессознательно, как будто еще не совсем взяв в толк все, что случилось.
They were all relieved, and in five minutes they were laughing.	Все радовались, через пять минут даже смеялись.
Only now and then Dounia turned white and frowned, remembering what had passed.	Иногда только Дунечка бледнела и сдвигала брови, припоминая случившееся.
Pulcheria Alexandrovna was surprised to find that she, too, was glad: she had only that morning thought rupture with Luzhin a terrible misfortune.	Пульхерия Александровна и воображать не могла, что она тоже будет рада; разрыв с Лужиным представлялся ей еще утром страшною бедой.
Razumihin was delighted.	Но Разумихин был в восторге.
He did not yet dare to express his joy fully, but he was in a fever of excitement as though a ton-weight had fallen off his heart.	Он не смел вполне его выразить, но весь дрожал как в лихорадке, как будто пятипудовая гиря свалилась с его сердца.
Now he had the right to devote his life to them, to serve them....	Теперь он имеет право отдать им всю свою жизнь, служить им...
Anything might happen now!	Да мало ли что теперь!
But he felt afraid to think of further possibilities and dared not let his imagination range.	А впрочем, он еще пугливее гнал дальнейшие мысли и боялся своего воображения.
But Raskolnikov sat still in the same place, almost sullen and indifferent.	Один только Раскольников сидел все на том же месте, почти угрюмый и даже рассеянный.
Though he had been the most insistent on getting rid of Luzhin, he seemed now the least concerned at what had happened.	Он, всего больше настаивавший на удалении Лужина, как будто всех меньше интересовался теперь случившимся.
Dounia could not help thinking that he was still angry with her, and Pulcheria Alexandrovna watched him timidly.	Дуня невольно подумала, что он все еще очень на нее сердится, а Пульхерия Александровна приглядывалась к нему боязливо.

"What did Svidrigailov say to you?" said Dounia, approaching him.	- Что же сказал тебе Свидригайлов? - подошла к нему Дуня.
"Yes, yes!" cried Pulcheria Alexandrovna.	- Ах да, да! - вскричала Пульхерия Александровна.
Raskolnikov raised his head.	Раскольников поднял голову:
"He wants to make you a present of ten thousand roubles and he desires to see you once in my presence."	- Он хочет непременно подарить тебе десять тысяч рублей и при этом заявляет желание тебя однажды видеть в моем присутствии.

"See her!	- Видеть!
On no account!" cried Pulcheria Alexandrovna. "And how dare he offer her money!"	Ни за что на свете! - вскричала Пульхерия Александровна, - и как он смеет ей деньги предлагать!
Then Raskolnikov repeated (rather dryly) his conversation with Svidrigailov, omitting his account of the ghostly visitations of Marfa Petrovna, wishing to avoid all unnecessary talk.	Затем Раскольников передал (довольно сухо) разговор свой с Свидригайловым, пропустив о призраках Марфы Петровны, чтобы не вдаваться в излишнюю материю и чувствуя отвращение заводить какой бы то ни было разговор, кроме самого необходимого.
"What answer did you give him?" asked Dounia.	- Что же ты ему отвечал? - спросила Дуня.
"At first I said I would not take any message to you.	- Сперва сказал, что не передам тебе ничего.
Then he said that he would do his utmost to obtain an interview with you without my help.	Тогда он объявил, что будет сам, всеми средствами, доискиваться свидания.
He assured me that his passion for you was a passing infatuation, now he has no feeling for you.	Он уверял, что страсть его к тебе была блажью и что он теперь ничего к тебе не чувствует...
He doesn't want you to marry Luzhin....	Он не хочет, чтобы ты вышла за Лужина...
His talk was altogether rather muddled."	Вообще же говорил сбивчиво.
"How do you explain him to yourself, Rodya?	- Как ты сам его объясняешь себе, Родя?
How did he strike you?"	Как он тебе показался?
"I must confess I don't quite understand him.	- Признаюсь, ничего хорошо не понимаю.

He offers you ten thousand, and yet says he is not well off.	Предлагает десять тысяч, а сам говорил, что не богат.
He says he is going away, and in ten minutes he forgets he has said it.	Объявляет, что хочет куда-то уехать, и через десять минут забывает, что об этом говорил.
Then he says is he going to be married and has already fixed on the girl....	Вдруг тоже говорит, что хочет жениться и что ему уж невесту сватают...
No doubt he has a motive, and probably a bad one.	Конечно, у него есть цели, и всего вероятнее - дурные.
But it's odd that he should be so clumsy about it if he had any designs against you....	Но опять как-то странно предположить, чтоб он так глупо приступил к делу, если б имел на тебя дурные намерения...
Of course, I refused this money on your account, once for all.	Я, разумеется, отказал ему, за тебя, в этих деньгах, раз навсегда.
Altogether, I thought him very strange.... One might almost think he was mad.	Вообще он мне очень странным показался, и... даже... с признаками как будто помешательства.
But I may be mistaken; that may only be the part he assumes.	Но я мог и ошибиться; тут просто, может быть, надувание своего рода.
The death of Marfa Petrovna seems to have made a great impression on him."	Смерть Марфы Петровны, кажется, производит на него впечатление...
"God rest her soul," exclaimed Pulcheria Alexandrovna. "I shall always, always pray for her!	- Упокой, господи, ее душу! - воскликнула Пульхерия Александровна, - вечно, вечно за нее бога буду молить!

Where should we be now, Dounia, without this three thousand!	Ну что бы с нами было теперь, Дуня, без этих трех тысяч!
It's as though it had fallen from heaven!	Господи, точно с неба упали!
Why, Rodya, this morning we had only three roubles in our pocket and Dounia and I were just planning to pawn her watch, so as to avoid borrowing from that man until he offered help."	Ах, Родя, ведь у нас утром всего три целковых за душой оставалось, и мы с Дунечкой, только и рассчитывали, как бы часы гденибудь поскорей заложить, чтобы не брать только у этого, пока сам не догадается.
Dounia seemed strangely impressed by Svidrigailov's offer.	Дуню как-то уж слишком поразило предложение Свидригайлова.
She still stood meditating.	Она все стояла задумавшись.
"He has got some terrible plan," she said in a half whisper to herself, almost shuddering. Raskolnikov noticed this disproportionate terror.	Раскольников приметил этот чрезмерный страх.
"I fancy I shall have to see him more than once again," he said to Dounia.	- Кажется, придется мне не раз еще его увидеть, -сказал он Дуне.
"We will watch him!	- Будем следить!
I will track him out!" cried Razumihin, vigorously.	Я его выслежу! - энергически крикнул Разумихин.
"I won't lose sight of him.	- Глаз не спущу!
Rodya has given me leave.	Мне Родя позволил.
He said to me himself just now.	Он мне сам сказал давеча:
' Take care of my sister.'	"Береги сестру".
Will you give me leave, too, Avdotya Romanovna?"	А вы позволите, Авдотья Романовна?
Dounia smiled and held out her hand, but the look of anxiety did not leave her face.	Дуня улыбнулась и протянула ему руку, но забота не сходила с ее лица.
Pulcheria Alexandrovna gazed at her timidly, but the three thousand roubles had obviously a soothing effect on her.	Пульхерия Александровна робко на нее поглядывала; впрочем, три тысячи ее видимо успокоивали.
A quarter of an hour later, they were all engaged in a lively conversation.	Через четверть часа все были в самом оживленном разговоре.
Even Raskolnikov listened attentively for some time, though he did not talk.	Даже Раскольников, хоть и не разговаривал, но некоторое время внимательно слушал.

Razumihin was the speaker.	Ораторствовал Разумихин.
"And why, why should you go away?" he flowed on ecstatically. "And what are you to do in a little town?"	- И зачем, зачем вам уезжать! - с упоением разливался он восторженною речью, - и что вы будете делать в городишке?
The great thing is, you are all here together and you need one another--you do need one another, believe me.	А главное, вы здесь все вместе и один другому нужны, уж как нужны, - поймите меня!
For a time, anyway....	Ну, хоть некоторое время...
Take me into partnership, and I assure you we'll plan a capital enterprise.	Меня же возьмите в друзья, в компаньоны, и уж уверяю, что затеем отличное предприятие.

Listen! I'll explain it all in detail to you, the whole project!	Слушайте, я вам в подробности это все растолкую - весь проект!
It all flashed into my head this morning, before anything had happened...	У меня еще утром, когда ничего еще не случилось, в голове уж мелькало...
I tell you what; I have an uncle, I must introduce him to you (a most accommodating and respectable old man). This uncle has got a capital of a thousand roubles, and he lives on his pension and has no need of that money.	Вот в чем дело: есть у меня дядя (я вас познакомлю; прескладной и препочтенный старичонка!), а у этого дяди есть тысяча рублей капитала, а сам живет пенсионом и не нуждается.
For the last two years he has been bothering me to borrow it from him and pay him six per cent. interest.	Второй год как он пристает ко мне, чтоб я взял у него эту тысячу, а ему бы по шести процентов платил.
I know what that means; he simply wants to help me. Last year I had no need of it, but this year I resolved to borrow it as soon as he arrived.	Я штуку вижу: ему просто хочется мне помочь; но прошлого года мне было не надо, а нынешний год я только приезда его поджидал и решился взять.
Then you lend me another thousand of your three and we have enough for a start, so we'll go into partnership, and what are we going to do?"	Затем вы дадите другую тысячу, из ваших трех, и вот и довольно на первый случай, вот мы и соединимся. Что ж мы будем делать?
Then Razumihin began to unfold his project, and he explained at length that almost all our publishers and booksellers know nothing at all of what they are selling, and for that reason they are usually bad publishers, and that any decent publications pay as a rule and give a profit, sometimes a considerable one.	Тут Разумихин принялся развивать свой проект и много толковал о том, как почти все наши книгопродавцы и издатели мало знают толку в своем товаре, а потому обыкновенно и плохие издатели, между тем как порядочные издания вообще окупаются и дают процент, иногда значительный.

Razumihin had, indeed, been dreaming of setting up as a publisher. For the last two years he had been working in publishers' offices, and knew three European languages well, though he had told Raskolnikov six days before that he was "schwach" in German with an object of persuading him to take half his translation and half the payment for it. He had told a lie then, and Raskolnikov knew he was lying.	Об издательской-то деятельности и мечтал Разумихин, уже два года работавший на других и недурно знавший три европейские языка, несмотря на то, что дней шесть назад сказал было Раскольникову, что в немецком "швах", с целью уговорить его взять на себя половину переводной работы и три рубля задатку: и он тогда соврал, и Раскольников знал, что он врет.
"Why, why should we let our chance slip when we have one of the chief means of success--money of our own!" cried Razumihin warmly.	- Зачем, зачем же нам свое упускать, когда у нас одно из главнейших средств очутилось -собственные деньги? -горячился Разумихин.
"Of course there will be a lot of work, but we will work, you, Avdotya Romanovna, I, Rodion.... You get a splendid profit on some books nowadays!	- Конечно, нужно много труда, но мы будем трудиться, вы, Авдотья Романовна, я, Родион... иные издания дают теперь славный процент!
And the great point of the business is that we shall know just what wants translating, and we shall be translating, publishing, learning all at once.	А главная основа предприятия в том, что будем знать, что' именно надо переводить. Будем и переводить, и издавать, и учиться, все вместе.
I can be of use because I have experience.	Теперь я могу быть полезен, потому что опыт имею.
For nearly two years I've been scuttling about among the publishers, and now I know every detail of their business.	Вот уже два года скоро по издателям шныряю и всю их подноготную знаю: не святые горшки лепят, поверьте!

You need not be a saint to make pots, believe me!	И зачем, зачем мимо рта кусок проносить!
And why, why should we let our chance slip! Why, I know--and I kept the secret--two or three books which one might get a hundred roubles simply for thinking of translating and publishing. Indeed, and I would not take five hundred for the very idea of one of them.	Да я сам знаю, и в тайне храню, сочинения два-три таких, что за одну только мысль перевести и издать их можно рублей по сту взять за каждую книгу, а за одну из них я и пятисот рублей за мысль не возьму.
And what do you think? If I were to tell a publisher, I dare say he'd hesitate--they are such blockheads!	И что вы думаете, сообщу я кому, пожалуй, еще усумнится, такое дубье!
And as for the business side, printing, paper, selling, you trust to me, I know my way about.	А уж насчет собственно хлопот по делам, типографий, бумаги, продажи, это вы мне поручите! все закоулки

We'll begin in a small way and go on to a large.	знаю!
In any case it will get us our living and we shall get back our capital."	Помаленьку начнем, до большого дойдем, по крайней мере прокормиться чем будет, и уж во всяком случае свое вернем.
Dounia's eyes shone.	У Дуни глаза блестели.
"I like what you are saying, Dmitri Prokofitch!" she said.	- То, что вы говорите, мне очень нравится, Дмитрий Прокофьич, - сказала она.
"I know nothing about it, of course," put in Pulcheria Alexandrovna, "it may be a good idea, but again God knows.	- Я тут, конечно, ничего не знаю, - отозвалась Пульхерия Александровна, - может, оно и хорошо, да опять ведь и бог знает.
It's new and untried.	Ново как-то, неизвестно.
Of course, we must remain here at least for a time."	Конечно, нам остаться здесь необходимо, хоть на некоторое время...
She looked at Rodya.	Она посмотрела на Родю.
"What do you think, brother?" said Dounia.	- Как ты думаешь, брат? - сказала Дуня.
"I think he's got a very good idea," he answered.	- Я думаю, что у него очень хорошая мысль, -ответил он.
"Of course, it's too soon to dream of a publishing firm, but we certainly might bring out five or six books and be sure of success.	- О форме, разумеется, мечтать заранее не надо, но пять-шесть книг действительно можно издать с несомненным успехом.
I know of one book myself which would be sure to go well.	Я и сам знаю одно сочинение, которое непременно пойдет.
And as for his being able to manage it, there's no doubt about that either.	А что касается до того, что он умеет повести дело, так в этом нет и сомнения: дело смыслит...
He knows the business.... But we can talk it over later...."	Впрочем, будет еще время вам сговориться...
"Hurrah!" cried Razumihin. "Now, stay, there's a flat here in this house, belonging to the same owner.	- Ура! - закричал Разумихин, - теперь стойте, здесь есть одна квартира, в этом же доме, от тех же хозяев.
It's a special flat apart, not communicating with	Она особая, отдельная, с этими номерами не сообщается, и

these lodgings. It's furnished, rent moderate, three rooms.	меблированная, цена умеренная, три горенки.
Suppose you take them to begin with.	Вот на первый раз и займите.
I'll pawn your watch to-morrow and bring you the money, and everything can be arranged then.	Часы я вам завтра заложу и принесу деньги, а там все уладится.
You can all three live together, and Rodya will be with you.	А главное, можете все трое вместе жить, и Родя с вами...
But where are you off to, Rodya?"	Да куда ж ты, Родя?
"What, Rodya, you are going already?" Pulcheria Alexandrovna asked in dismay.	- Как, Родя, ты уж уходишь? - даже с испугом спросила Александровна.
"At such a minute?" cried Razumihin.	- В такую-то минуту! - крикнул Разумихин.
Dounia looked at her brother with incredulous wonder.	Дуня смотрела на брата с недоверчивым удивлением.
He held his cap in his hand, he was preparing to leave them.	В руках его была фуражка; он готовился выйти.
"One would think you were burying me or saying good-bye for ever," he said somewhat oddly.	- Чтой-то вы точно погребаете меня али навеки прощаетесь, - как-то странно проговорил он.
He attempted to smile, but it did not turn out a smile.	Он как будто улыбнулся, но как будто это была и не улыбка.
"But who knows, perhaps it is the last time we shall see each other..." he let slip accidentally.	- А ведь кто знает, может, и последний раз видимся, - прибавил он нечаянно.
It was what he was thinking, and it somehow was uttered aloud.	Он было подумал это про себя, но как-то само проговорилось вслух.
"What is the matter with you?" cried his mother.	- Да что с тобой! - вскрикнула мать.
"Where are you going, Rodya?" asked Dounia rather strangely.	- Куда идешь ты, Родя? - как-то странно спросила Дуня.
"Oh, I'm quite obliged to..." he answered vaguely, as though hesitating what he would say.	- Так, мне очень надо, - ответил он смутно, как бы колеблясь в том, что хотел сказать.
But there was a look of sharp determination in his white face.	Но в бледном лице его была какая-то резкая решимость.
"I meant to say... as I was coming here... I	- Я хотел сказать... идя сюда... я хотел

meant to tell you, mother, and you, Dounia, that it would be better for us to part for a time.	сказать вам, маменька... и тебе, Дуня, что нам лучше бы на некоторое время разойтись.
I feel ill, I am not at peace.... I will come afterwards, I will come of myself... when it's possible.	Я себя нехорошо чувствую, я не спокоен... я после приду, сам приду, когда... можно будет.
I remember you and love you....	Я вас помню и люблю...
Leave me, leave me alone.	Оставьте меня!
I decided this even before...	Оставьте меня одного!
I'm absolutely resolved on it.	Я так решил, еще прежде... Я это наверно решил...
Whatever may come to me, whether I come to ruin or not, I want to be alone.	Что бы со мною ни было, погибну я или нет, я хочу быть один.
Forget me altogether, it's better.	Забудьте меня совсем.
Don't inquire about me.	Это лучше...
When I can, I'll come of myself or...	Не справляйтесь обо мне.

I'll send for you.	Когда надо, я сам приду или... вас позову.
Perhaps it will all come back, but now if you love me, give me up... else I shall begin to hate you, I feel it....	Может быть, все воскреснет!.. А теперь, когда любите меня, откажитесь... Иначе, я вас возненавижу, я чувствую...
Good-bye!"	Прощайте!
"Good God!" cried Pulcheria Alexandrovna.	- Господи! - вскрикнула Пульхерия Александровна.
Both his mother and his sister were terribly alarmed.	И мать, и сестра были в страшном испуге; Разумихин тоже.
Razumihin was also.	- Родя, Родя!
"Rodya, Rodya, be reconciled with us! Let us be as before!" cried his poor mother.	Помирись с нами, будем по-прежнему! - воскликнула бедная мать.
He turned slowly to the door and slowly went out of the room.	Он медленно повернулся к дверям и медленно пошел из комнаты.
Dounia overtook him.	Дуня догнала его.
"Brother, what are you doing to mother?" she whispered, her eyes flashing with indignation.	- Брат! Что ты с матерью делаешь! - прошептала она со взглядом, горевшим от негодования.

He looked dully at her.	Он тяжело посмотрел на нее.
"No matter, I shall come.... I'm coming," he muttered in an undertone, as though not fully conscious of what he was saying, and he went out of the room.	- Ничего, я приду, я буду ходить! - пробормотал он вполголоса, точно не вполне сознавая, о чем хочет сказать, и вышел из комнаты.
"Wicked, heartless egoist!" cried Dounia.	- Бесчувственный, злобный эгоист! - вскрикнула Ду ^{ня} .
"He is insane, but not heartless.	- Он су-ма-сшедший, а не бесчувственный!
He is mad!	Он помешанный!
Don't you see it?	Неужели вы этого не видите?
You're heartless after that!" Razumihin whispered in her ear, squeezing her hand tightly.	Вы бесчувственная после этого!.. - горячо прошептал Разумихин над самым ее ухом, крепко стиснув ей руку.
"I shall be back directly," he shouted to the horror-stricken mother, and he ran out of the room.	- Я сейчас приду! - крикнул он, обращаясь к помертвевшей Пульхерии Александровне, и выбежал из комнаты.
Raskolnikov was waiting for him at the end of the passage.	Раскольников поджидал его в конце коридора.
"I knew you would run after me," he said.	- Я так и знал, что ты выбежишь, - сказал он.
"Go back to them--be with them... be with them to-morrow and always....	- Возвратись к ним и будь с ними... Будь и завтра у них... и всегда.
I... perhaps I shall come... if I can.	Я... может, приду... если можно.
Good-bye."	Прощай!
And without holding out his hand he walked away.	И, не протягивая руки, он пошел от него.
"But where are you going?	- Да куда ты?

What are you doing?	Что ты?
What's the matter with you?	Да что с тобой?
How can you go on like this?" Razumihin muttered, at his wits' end.	Да разве можно так!.. бормотал совсем потерявшийся Разумихин.
Raskolnikov stopped once more.	Раскольников остановился еще раз.
"Once for all, never ask me about anything.	- Раз навсегда: никогда ни о чем меня не спрашивай.

I have nothing to tell you.	Нечего мне тебе отвечать...
Don't come to see me.	Не приходи ко мне.
Maybe I'll come here....	Может, я и приду сюда...
Leave me, but _don't leave_ them.	Оставь меня, а их... не оставь.
Do you understand me?"	Понимаешь меня?
It was dark in the corridor, they were standing near the lamp.	В коридоре было темно; они стояли возле лампы.
For a minute they were looking at one another in silence.	С минуту они смотрели друг на друга молча.
Razumihin remembered that minute all his life.	Разумихин всю жизнь помнил эту минуту.
Raskolnikov's burning and intent eyes grew more penetrating every moment, piercing into his soul, into his consciousness.	Горевший и пристальный взгляд Раскольникова как будто усиливался с каждым мгновением, проникал в его душу, в сознание.
Suddenly Razumihin started.	Вдруг Разумихин вздрогнул.
Something strange, as it were, passed between them....	Что-то странное как будто прошло между ними...
Some idea, some hint, as it were, slipped, something awful, hideous, and suddenly understood on both sides....	Какая-то идея проскользнула, как будто намек; что-то ужасное, безобразное и вдруг понятое с обеих сторон...
Razumihin turned pale.	Разумихин побледнел как мертвец.
"Do you understand now?" said Raskolnikov, his face twitching nervously.	- Понимаешь теперь?.. - сказал вдруг Раскольников с болезненно искривившимся лицом.
"Go back, go to them," he said suddenly, and turning quickly, he went out of the house.	- Возвратись, ступай к ним, - прибавил он вдруг и, быстро повернувшись, пошел из дому...
I will not attempt to describe how Razumihin went back to the ladies, how he soothed them, how he protested that Rodya needed rest in his illness, protested that Rodya was sure to come, that he would come every day, that he was very, very much upset, that he must not be irritated, that he, Razumihin, would watch over him, would get him a doctor, the best doctor, a consultation....	Не стану теперь описывать, что было в тот вечер у Пульхерии Александровны, как воротился к ним Разумихин, как их успокаивал, как клялся, что надо дать отдохнуть Роде в болезни, клялся, что Родя придет непременно, будет ходить каждый день, что он очень, очень расстроен, что не надо раздражать его; как он, Разумихин, будет следить за ним, достанет ему доктора хорошего, лучшего, целый консилиум...

In fact from that evening Razumihin took his place with them as a son and a brother.	Одним словом, с этого вечера Разумихин стал у них сыном и братом.
--	---

CHAPTER IV	IV
Raskolnikov went straight to the house on the canal bank where Sonia lived.	А Раскольников пошел прямо к дому на канаве, где жила Соня.
It was an old green house of three storeys.	Дом был трехэтажный, старый и зеленого цвета.
He found the porter and obtained from him vague directions as to the whereabouts of Kapernaumov, the tailor.	Он доискался дворника и получил от него неопределенные указания, где живет Капернаумов портной.
Having found in the corner of the courtyard the entrance to the dark and narrow staircase, he mounted to the second floor and came out into a gallery that ran round the whole second storey over the yard.	Отыскав в углу на дворе вход на узкую и темную лестницу, он поднялся наконец во второй этаж и вышел на галерею, обходящую его со стороны двора.
While he was wandering in the darkness, uncertain where to turn for Kapernaumov's door, a door opened three paces from him; he mechanically took hold of it.	Покамест он бродил в темноте и в недоумении, где бы мог быть вход к Капернаумову, вдруг, в трех шагах от него, отворилась какая-то дверь; он схватился за нее машинально.
"Who is there?" a woman's voice asked uneasily.	- Кто тут? - тревожно спросил женский голос.
"It's I... come to see you," answered Raskolnikov and he walked into the tiny entry.	- Это я... к вам, - ответил Раскольников и вошел в крошечную переднюю.
On a broken chair stood a candle in a battered copper candlestick.	Тут, на продавленном стуле, в искривленном медном подсвечнике, стояла свеча.
"It's you!"	- Это вы!
Good heavens!" cried Sonia weakly, and she stood rooted to the spot.	Господи! - слабо вскрикнула Соня и стала как вкопанная.
"Which is your room?"	- Куда к вам?
This way?" and Raskolnikov, trying not to look at her, hastened in.	Сюда? И Раскольников, стараясь не глядеть на нее, поскорей прошел в комнату.
A minute later Sonia, too, came in with the candle, set down the candlestick and,	Через минуту вошла со свечой и Соня, поставила свечку и стала сама перед ним,

completely disconcerted, stood before him inexpressibly agitated and apparently frightened by his unexpected visit.	совсем растерявшаяся, вся в невыразимом волнении и, видимо, испуганная его неожиданным посещением.
The colour rushed suddenly to her pale face and tears came into her eyes...	Вдруг краска бросилась в ее бледное лицо, и даже слезы выступили на глазах...
She felt sick and ashamed and happy, too....	Ей было и тошно, и стыдно, и сладко...
Raskolnikov turned away quickly and sat on a chair by the table.	Раскольников быстро отвернулся и сел на стул к столу.
He scanned the room in a rapid glance.	Мельком успел он охватить взглядом комнату.
It was a large but exceedingly low-pitched room, the only one let by the Kapernaumovs, to whose rooms a closed door led in the wall on the left.	Это была большая комната, но чрезвычайно низкая, единственная отдававшаяся от Капернаумовых, запертая дверь к которым находилась в стене слева.
In the opposite side on the right hand wall was another door, always kept locked.	На противоположной стороне, в стене справа, была еще другая дверь, всегда запертая наглухо.

That led to the next flat, which formed a separate lodging.	Там уже была другая, соседняя квартира, под другим номером.
Sonia's room looked like a barn; it was a very irregular quadrangle and this gave it a grotesque appearance.	Сонина комната походила как будто на сарай, имела вид весьма неправильного четырехугольника, и это придавало ей что-то уродливое.
A wall with three windows looking out on to the canal ran aslant so that one corner formed a very acute angle, and it was difficult to see in it without very strong light. The other corner was disproportionately obtuse.	Стена с тремя окнами, выходившая на канаву, перерезывала комнату как-то вкось, отчего один угол, ужасно острый, убежал куда-то вглубь, так что его, при слабом освещении, даже и разглядеть нельзя было хорошенько; другой же угол был уже слишком безобразно тупой.
There was scarcely any furniture in the big room: in the corner on the right was a bedstead, beside it, nearest the door, a chair.	Во всей этой большой комнате почти совсем не было мебели. В углу, направо, находилась кровать; подле нее, ближе к двери, стул.
A plain, deal table covered by a blue cloth stood against the same wall, close to the door into the other flat. Two rush-bottom chairs stood by the table.	По той же стене, где была кровать, у самых дверей в чужую квартиру, стоял простой тесовый стол, покрытый синенькою скатертью; около стола два плетеных стула.

On the opposite wall near the acute angle stood a small plain wooden chest of drawers looking, as it were, lost in a desert.	Затем, у противоположной стены, поблизости от острого угла, стоял небольшой, простого дерева комод, как бы затерявшийся в пустоте.
That was all there was in the room.	Вот все, что было в комнате.
The yellow, scratched and shabby wall-paper was black in the corners. It must have been damp and full of fumes in the winter.	Желтоватые, обшмыганные и истасканные обои почернели по всем углам; должно быть, здесь бывало сыро и угарно зимой.
There was every sign of poverty; even the bedstead had no curtain.	Бедность была видимая; даже у кровати не было занавесок.
Sonia looked in silence at her visitor, who was so attentively and unceremoniously scrutinising her room, and even began at last to tremble with terror, as though she was standing before her judge and the arbiter of her destinies.	Соня молча смотрела на своего гостя, так внимательно и бесцеремонно осматривавшего ее комнату, и даже начала, наконец, дрожать в страхе, точно стояла перед судьей и решителем своей участи.
"I am late...."	- Я поздно...
It's eleven, isn't it?" he asked, still not lifting his eyes.	Одиннадцать часов есть? - спросил он, все еще не подымая на нее глаз.
"Yes," muttered Sonia, "oh yes, it is," she added, hastily, as though in that lay her means of escape. "My landlady's clock has just struck..."	- Есть, - пробормотала Соня. - Ах да, есть! - заторопилась она вдруг, как будто в этом был для нее весь исход, - сейчас у хозяев часы пробили... и я сама слышала...
I heard it myself...."	Есть.
"I've come to you for the last time," Raskolnikov went on gloomily, although this was the first time. "I may perhaps not see you again..."	- Я к вам в последний раз пришел, - угрюмо продолжал Раскольников, хотя и теперь был только в первый, - я, может быть, вас не увижу больше...
"Are you... going away?"	- Вы... едете?
"I don't know... to-morrow...."	- Не знаю... все завтра...

"Then you are not coming to Katerina Ivanovna to-morrow?" Sonia's voice shook.	- Так вы не будете завтра у Катерины Ивановны? - дрогнул голос у Сони.
"I don't know.	- Не знаю.
I shall know to-morrow morning....	Все завтра утром...
Never mind that: I've come to say one	Не в том дело: я пришел одно слово

word...."	сказать...
He raised his brooding eyes to her and suddenly noticed that he was sitting down while she was all the while standing before him.	Он поднял на нее свой задумчивый взгляд и вдруг заметил, что он сидит, а она все еще стоит перед ним.
"Why are you standing?"	- Что ж вы стоите?
Sit down," he said in a changed voice, gentle and friendly.	Сядьте, - проговорил он вдруг переменившимся, тихим и ласковым голосом.
She sat down.	Она села.
He looked kindly and almost compassionately at her.	Он приветливо и почти с состраданием посмотрел на нее с минуту.
"How thin you are!"	- Какая вы худенькая!
What a hand!	Вон какая у вас рука!
Quite transparent, like a dead hand."	Совсем прозрачная. Пальцы как у мертвой.
He took her hand.	Он взял ее руку.
Sonia smiled faintly.	Соня слабо улыбнулась.
"I have always been like that," she said.	- Я и всегда такая была, - сказала она.
"Even when you lived at home?"	- Когда и дома жили?
"Yes."	- Да.
"Of course, you were," he added abruptly and the expression of his face and the sound of his voice changed again suddenly.	- Ну, да уж конечно! - произнес он отрывисто, и выражение лица его, и звук голоса опять вдруг переменялись.
He looked round him once more.	Он еще раз огляделся кругом.
"You rent this room from the Kapernaumovs?"	- Это вы от Капернаумова нанимаете?
"Yes...."	- Да-с.
"They live there, through that door?"	- Они там, за дверью?
"Yes...."	- Да.
They have another room like this."	У них тоже такая же комната.
"All in one room?"	- Все в одной?
"Yes."	- В одной-с.
"I should be afraid in your room at night,"	- Я бы в вашей комнате по ночам боялся, -

he observed gloomily.	угрюмо заметил он.
"They are very good people, very kind," answered Sonia, who still seemed bewildered, "and all the furniture, everything... everything is theirs.	- Хозяева очень хорошие, очень ласковые, - отвечала Соня, все еще как бы не опомнившись и не сообразившись, - и вся мебель, и все... все хозяйское.
And they are very kind and the children, too, often come to see me."	И они очень добрые, и дети тоже ко мне часто ходят...
"They all stammer, don't they?"	- Это косноязычные-то?
"Yes....	- Да-с_
He stammers and he's lame.	Он заикается и хром тоже.
And his wife, too....	И жена тоже...
It's not exactly that she stammers, but she can't speak plainly.	Не то что заикается, а как будто не все выговаривает.
She is a very kind woman.	Она добрая, очень.
And he used to be a house serf.	А он бывший дворовый человек.
And there are seven children... and it's only the eldest one that stammers and the others are simply ill... but they don't stammer....	А детей семь человек... и только старший один заикается, а другие просто больные... а не заикаются...
But where did you hear about them?" she added with some surprise.	А вы откуда про них знаете? - прибавила она с некоторым удивлением.
"Your father told me, then.	- Мне ваш отец все тогда рассказал.
He told me all about you....	Он мне все про вас рассказал...
And how you went out at six o'clock and came back at nine and how Katerina Ivanovna knelt down by your bed."	И про то, как вы в шесть часов пошли, а в девятом назад пришли, и про то, как Катерина Ивановна у вашей постели на коленях стояла
Sonia was confused.	Соня смутилась.
"I fancied I saw him to-day," she whispered hesitatingly.	- Я его точно сегодня видела, - прошептала она нерешительно.
"Whom?"	- Кого?
"Father.	- Отца.
I was walking in the street, out there at the corner, about ten o'clock and he seemed to be walking in front.	Я по улице шла, там подле, на углу, в десятом часу, а он будто впереди идет.

It looked just like him.	И точно как будто он.
I wanted to go to Katerina Ivanovna...."	Я хотела уж зайти к Катерине Ивановне...
"You were walking in the streets?"	- Вы гуляли?
"Yes," Sonia whispered abruptly, again overcome with confusion and looking down.	- Да, - отрывисто прошептала Соня, опять смутившись и потупившись.
"Katerina Ivanovna used to beat you, I dare say?"	- Катерина Ивановна ведь вас чуть не била, у отца-то?
"Oh no, what are you saying? No!" Sonia looked at him almost with dismay.	- Ах нет, что вы, что вы это, нет! - с каким-то даже испугом посмотрела на него Соня.
"You love her, then?"	- Так вы ее любите?
"Love her?"	- Ее?

Of course!" said Sonia with plaintive emphasis, and she clasped her hands in distress.	Да ка-а-ак же! - протянула Соня жалобно и с страданием сложив вдруг руки.
"Ah, you don't....	- Ах! вы ее...
If you only knew!	Если б вы только знали.
You see, she is quite like a child....	Ведь она совсем как ребенок...
Her mind is quite unhinged, you see... from sorrow.	Ведь у ней ум совсем как помешан... от горя.
And how clever she used to be... how generous... how kind!	А какая она умная была... какая великодушная... какая добрая!
Ah, you don't understand, you don't understand!"	Вы ничего, ничего не знаете... ах!
Sonia said this as though in despair, wringing her hands in excitement and distress.	Соня проговорила это точно в отчаянии, волнуясь и страдая, и ломая руки.
Her pale cheeks flushed, there was a look of anguish in her eyes.	Бледные щеки ее опять вспыхнули, в глазах выразилась мука.
It was clear that she was stirred to the very depths, that she was longing to speak, to champion, to express something.	Видно было, что в ней ужасно много затронули, что ей ужасно хотелось что-то выразить, сказать, заступиться.
A sort of _insatiable_ compassion, if one may so express it, was reflected in every feature of her face.	Какое-то ненасытимое сострадание, если можно так выразиться, изобразилось вдруг во всех чертах лица ее.
"Beat me! how can you?"	- Била! Да что вы это!

Good heavens, beat me!	Господи, била!
And if she did beat me, what then?	А хоть бы и била, так что ж!
What of it?	Ну так что ж?
You know nothing, nothing about it....	Вы ничего, ничего не знаете...
She is so unhappy... ah, how unhappy!	Это такая несчастная, ах, какая несчастная!
And ill....	И больная...
She is seeking righteousness, she is pure.	Она справедливости ищет... Она чистая.
She has such faith that there must be righteousness everywhere and she expects it....	Она так верит, что во всем справедливость должна быть, и требует...
And if you were to torture her, she wouldn't do wrong.	И хоть мучайте ее, а она несправедливого не сделает.
She doesn't see that it's impossible for people to be righteous and she is angry at it.	Она сама не замечает, как это все нельзя, чтобы справедливо было в людях, и раздражается...
Like a child, like a child.	Как ребенок, как ребенок!
She is good!"	Она справедливая, справедливая!
"And what will happen to you?"	- А с вами что будет?
Sonia looked at him inquiringly.	Соня посмотрела вопросительно.
"They are left on your hands, you see.	- Они ведь на вас остались.

They were all on your hands before, though.... And your father came to you to beg for drink.	Оно, правда, и прежде все было на вас, и покойник на похмелье к вам же ходил просить.
Well, how will it be now?"	Ну, а теперь вот что будет?
"I don't know," Sonia articulated mournfully.	- Не знаю, - грустно произнесла Соня.
"Will they stay there?"	- Они там останутся?
"I don't know.... They are in debt for the lodging, but the landlady, I hear, said to-day that she wanted to get rid of them, and Katerina Ivanovna says that she won't stay another minute."	- Не знаю, они на той квартире должны; только хозяйка, слышно, говорила сегодня, что отказать хочет, а Катерина Ивановна говорит, что и сама ни минуты не останется.
"How is it she is so bold?"	- С чего ж это она так храбрится?

She relies upon you?"	На вас надеется?
"Oh, no, don't talk like that....	- Ах нет, не говорите так!..
We are one, we live like one." Sonia was agitated again and even angry, as though a canary or some other little bird were to be angry.	Мы одно, заодно живем, - вдруг опять взволновалась и даже раздражилась Соня, точь-в-точь как если бы рассердилась канарейка или какая другая маленькая птичка.
"And what could she do?	- Да и как же ей быть?
What, what could she do?" she persisted, getting hot and excited.	Ну как же, как же быть? - спрашивала она, горячась и волнуясь.
"And how she cried to-day!	- А сколько, сколько она сегодня плакала!
Her mind is unhinged, haven't you noticed it?	У ней ум мешается, вы этого не заметили?
At one minute she is worrying like a child that everything should be right to-morrow, the lunch and all that.... Then she is wringing her hands, spitting blood, weeping, and all at once she will begin knocking her head against the wall, in despair.	Мешается; то тревожится, как маленькая, о том, чтобы завтра все прилично было, закуски были и все... то руки ломает, кровью харкает, плачет, вдруг стучать начнет головой об стену, как в отчаянии.
Then she will be comforted again. She builds all her hopes on you; she says that you will help her now and that she will borrow a little money somewhere and go to her native town with me and set up a boarding school for the daughters of gentlemen and take me to superintend it, and we will begin a new splendid life.	А потом опять утешится, на вас она все надеется: говорит, что вы теперь ей помощник и что она где-нибудь немного денег займет и поедет в свой город, со мною, и пансион для благородных девиц заведет, а меня возьмет надзирательницей, и начнется у нас совсем новая, прекрасная жизнь, и целует меня, обнимает, утешает, и ведь так верит! так верит фантазиям-то!
And she kisses and hugs me, comforts me, and you know she has such faith, such faith in her fancies! One can't contradict her.	Ну разве можно ей противоречить?

And all the day long she has been washing, cleaning, mending. She dragged the wash tub into the room with her feeble hands and sank on the bed, gasping for breath. We went this morning to the shops to buy shoes for Polenka and Lida for theirs are quite worn out. Only the money we'd reckoned wasn't enough, not nearly	А сама-то весь-то день сегодня моет, чистит, чинит корыто сама, с своею слабенькою-то силой, в комнату втащила, запыхалась, так и упала на постель; а то мы в ряды еще с ней утром ходили, башмачки Полечке и Лене купить, потому у них все развалились, только у нас денег-то и не достало по расчету, очень много не достало, а она такие миленькие
---	---

enough. And she picked out such dear little boots, for she has taste, you don't know.	ботиночки выбрала, потому у ней вкус есть, вы не знаете...
And there in the shop she burst out crying before the shopmen because she hadn't enough....	Тут же в лавке так и заплакала, при купцах-то, что не достало...
Ah, it was sad to see her...."	Ах, как было жалко смотреть.
"Well, after that I can understand your living like this," Raskolnikov said with a bitter smile.	- Ну и понятно после того, что вы... так живете, -сказал с горькою усмешкой Раскольников.
"And aren't you sorry for them?"	- А вам разве не жалко?
Aren't you sorry?" Sonia flew at him again. "Why, I know, you gave your last penny yourself, though you'd seen nothing of it, and if you'd seen everything, oh dear!	Не жалко? - вскинулась опять Соня, - ведь вы, я знаю, вы последнее сами отдали еще ничего не видя. А если бы вы все-то видели, о господи!
And how often, how often I've brought her to tears!	А сколько, сколько раз я ее в слезы вводила!
Only last week!	Да на прошлой еще неделе!
Yes, I!	Ох, я!
Only a week before his death.	Всего за неделю до его смерти.
I was cruel!	Я жестоко поступила!
And how often I've done it!	И сколько, сколько раз я это делала.
Ah, I've been wretched at the thought of it all day!"	Ах как теперь целый день вспоминать было больно!
Sonia wrung her hands as she spoke at the pain of remembering it.	Соня даже руки ломала говоря, от боли воспоминания.
"You were cruel?"	- Это вы-то жестокая?
"Yes, I--I.	- Да я, я!
I went to see them," she went on, weeping, "and father said, 'read me something, Sonia, my head aches, read to me, here's a book.' He had a book he had got from Andrey Semyonovitch Lebeziatnikov, he lives there, he always used to get hold of such funny books.	Я пришла тогда, - продолжала она плача, - а покойник и говорит: "прочти мне, говорит, Соня, у меня голова что-то болит, прочти мне... вот книжка", у Лебезятникова, тут живет, он такие смешные книжки все доставал.
And I said, 'I can't stay,' as I didn't want to read, and I'd gone in chiefly to show	А я говорю: "мне идти пора", так и не хотела прочесть, а зашла я к ним, главное чтоб воротнички показать Катерине

Katerina Ivanovna some collars. Lizaveta, the pedlar, sold me some collars and cuffs cheap, pretty, new, embroidered ones.	Ивановне; мне Лизавета, торговка, воротнички и нарукавнички дешево принесла, хорошенькие, новенькие и с узором.
Katerina Ivanovna liked them very much; she put them on and looked at herself in the glass and was delighted with them. 'Make me a present of them, Sonia,' she said, 'please do.' '_Please do_', she said, she wanted them so much.	А Катерине Ивановне очень понравились, она надела и в зеркало посмотрела на себя, и очень, очень ей понравились: "подари мне, говорит, их, Соня, пожалуйста". Пожалуйста попросила, и уж так ей хотелось.
And when could she wear them?	А куда ей надевать?
They just reminded her of her old happy days.	Так: прежнее, счастливое время только вспомнилось!
She looked at herself in the glass, admired herself, and she has no clothes at all, no things of her own, hasn't had all these years!	Смотрится на себя в зеркало, любит, и никаких-то, никаких-то у ней платьев нет, никаких-то вещей, вот уж сколько лет!
And she never asks anyone for anything; she is proud, she'd sooner give away everything. And these she asked for, she liked them so much.	И ничего-то она никогда ни у кого не попросит; гордая, сама скорей отдаст последнее, а тут вот попросила, - так уж ей понравились!
And I was sorry to give them. 'What use are they to you, Katerina Ivanovna?'	А я и отдать пожалела, "на что вам, говорю, Катерина Ивановна?"
I said.	Так и сказала, "на что".
I spoke like that to her, I ought not to have said that!	Уж этого-то не надо было бы ей говорить!
She gave me such a look. And she was so grieved, so grieved at my refusing her. And it was so sad to see....	Она так на меня посмотрела, и так ей тяжело стало, что я отказала, и так это было жалко смотреть...
And she was not grieved for the collars, but for my refusing, I saw that.	И не за воротнички тяжело, а за то, что я отказала, я видела.
Ah, if only I could bring it all back, change it, take back those words!	Ах, так бы, кажется, теперь все воротила, все переделала, все эти прежние слова...
Ah, if I... but it's nothing to you!"	Ох, я... да что!.. вам ведь все равно!
"Did you know Lizaveta, the pedlar?"	- Эту Лизавету торговку вы знали?
"Yes....	- Да..

Did you know her?" Sonia asked with some surprise.	А вы разве знали? - с некоторым удивлением переспросила Соня.
"Katerina Ivanovna is in consumption, rapid consumption; she will soon die," said Raskolnikov after a pause, without answering her question.	- Катерина Ивановна в чахотке, в злой; она скоро умрет, - сказал Раскольников, помолчав и не ответив на вопрос.
"Oh, no, no, no!"	- Ох, нет, нет, нет!
And Sonia unconsciously clutched both his hands, as though imploring that she should not.	- И Соня бессознательным жестом схватила его за обе руки, как бы упрасывая, чтобы нет.
"But it will be better if she does die."	- Да ведь это ж лучше, коль умрет.
"No, not better, not at all better!" Sonia unconsciously repeated in dismay.	- Нет, не лучше, не лучше, совсем не лучше! - испуганно и безотчетно повторяла она.
"And the children?"	- А дети-то?
What can you do except take them to live with you?"	Куда ж вы тогда возьмете их, коль не к вам?
"Oh, I don't know," cried Sonia, almost in despair, and she put her hands to her head.	- Ох, уж не знаю! - вскрикнула Соня почти в отчаянии и схватилась за голову.
It was evident that that idea had very often occurred to her before and he had only roused it again.	Видно было, что эта мысль уж много-много раз в ней самой мелькала, и он только вспугнул опять эту мысль.
"And, what, if even now, while Katerina Ivanovna is alive, you get ill and are taken to the hospital, what will happen then?" he persisted pitilessly.	- Ну а коль вы, еще при Катерине Ивановне, теперь, заболите и вас в больницу свезут, ну что тогда будет? - безжалостно настаивал он.
"How can you?"	- Ах, что вы, что вы!
That cannot be!" And Sonia's face worked with awful terror.	Этого-то уж не может быть! - и лицо Сони искривилось страшным испугом.
"Cannot be?" Raskolnikov went on with a harsh smile. "You are not insured against it, are you?"	- Как не может быть? - продолжал Раскольников с жесткой усмешкой, - не застрахованы же вы?
What will happen to them then?	Тогда что с ними станется?
They will be in the street, all of them, she will cough and beg and knock her head against some wall, as she did to-day, and the children will cry....	На улицу всю гурьбой пойдут, она будет кашлять и просить, и об стену где-нибудь головой стучать, как сегодня, а дети плакать...

Then she will fall down, be taken to the police station and to the hospital, she will die, and the children..."	А там упадет, в часть свезут, в больницу, умрет, а дети...
"Oh, no....	- Ох, нет!..
God will not let it be!" broke at last from Sonia's overburdened bosom.	Бог этого не попустит! - вырвалось наконец из стесненно груди у Сони.
She listened, looking imploringly at him, clasping her hands in dumb entreaty, as though it all depended upon him.	Она слушала, с мольбой смотря на него и складывая в немой просьбе руки, точно от него все и зависело.
Raskolnikov got up and began to walk about the room.	Раскольников встал и начал ходить по комнате.
A minute passed.	Прошло с минуту.
Sonia was standing with her hands and her head hanging in terrible dejection.	Соня стояла, опустив руки и голову, в страшной тоске.
"And can't you save?	- А копить нельзя?
Put by for a rainy day?" he asked, stopping suddenly before her.	На черный день откладывать? - спросил он, вдруг останавливаясь перед ней.
"No," whispered Sonia.	- Нет, - прошептала Соня.
"Of course not.	- Разумеется, нет!
Have you tried?" he added almost ironically.	А пробовали? - прибавил он чуть не с насмешкой.
"Yes."	- Пробовала.
"And it didn't come off!	- И сорвалось!
Of course not!	Ну, да разумеется!
No need to ask."	Что и спрашивать!
And again he paced the room.	И опять он пошел по комнате.
Another minute passed.	Еще прошло с минуту.
"You don't get money every day?"	- Не каждый день получаете-то?

Sonia was more confused than ever and colour rushed into her face again.	Соня больше прежнего смутилась, и краска ударила ей опять в лицо.
"No," she whispered with a painful effort.	- Нет, - прошептала она с мучительным усилием.
"It will be the same with Polenka, no doubt," he said suddenly.	- С Полечкой, наверно, то же самое будет, - сказал он вдруг.
"No, no!	- Нет! нет!
It can't be, no!" Sonia cried aloud in desperation, as though she had been stabbed.	Не может быть, нет! - как отчаянная, громко вскрикнула Соня, как будто ее вдруг ножом ранили.
"God would not allow anything so awful!"	- Бог, бог такого ужаса не допустит!..
"He lets others come to it."	- Других допускает же.
"No, no!	- Нет, нет!
God will protect her, God!" she repeated beside herself.	Ее бог защитит, бог!.. - повторяла она, не помня себя.
"But, perhaps, there is no God at all," Raskolnikov answered with a sort of malignance, laughed and looked at her.	- Да, может, и бога-то совсем нет, - с каким-то даже злорадством ответил Раскольников, засмеялся и посмотрел на нее.
Sonia's face suddenly changed; a tremor passed over it.	Лицо Сони вдруг страшно изменилось: по нем пробежали судороги.
She looked at him with unutterable reproach, tried to say something, but could not speak and broke into bitter, bitter sobs, hiding her face in her hands.	С невыразимым укором взглянула она на него, хотела было что-то сказать, но ничего не могла выговорить и только вдруг горько-горько зарыдала, закрыв руками лицо.
"You say Katerina Ivanovna's mind is unhinged; your own mind is unhinged," he said after a brief silence.	- Вы говорите, у Катерины Ивановны ум мешается; у вас самой ум мешается, - проговорил он после некоторого молчания.
Five minutes passed.	Прошло минут пять.
He still paced up and down the room in silence, not looking at her.	Он все ходил взад и вперед, молча и не взглядывая на нее.
At last he went up to her; his eyes glittered.	Наконец подошел к ней; глаза его сверкали.
He put his two hands on her shoulders and looked straight into her tearful face.	Он взял ее обеими руками за плечи и прямо посмотрел в ее плачущее лицо.
His eyes were hard, feverish and piercing, his lips were twitching.	Взгляд его был сухой, воспаленный, острый, губы его сильно вздрагивали...

All at once he bent down quickly and dropping to the ground, kissed her foot.	Вдруг он весь быстро наклонился и, припав к полу, поцеловал ее ногу.
Sonia drew back from him as from a madman.	Соня в ужасе от него отшатнулась, как от сумасшедшего.
And certainly he looked like a madman.	И действительно, он смотрел как совсем сумасшедший.
"What are you doing to me?" she muttered, turning pale, and a sudden anguish clutched at her heart.	- Что вы, что вы это? Передо мной! - пробормотала она, побледнев, и больно-больно сжало вдруг ей сердце.

He stood up at once.	Он тотчас же встал.
"I did not bow down to you, I bowed down to all the suffering of humanity," he said wildly and walked away to the window.	- Я не тебе поклонился, я всему страданию человеческому поклонился, - как-то дико произнес он и отошел к окну.
"Listen," he added, turning to her a minute later. "I said just now to an insolent man that he was not worth your little finger... and that I did my sister honour making her sit beside you."	- Слушай, - прибавил он, воротившись к ней через минуту, - я давеча сказал одному обидчику, что он не стоит одного твоего мизинца... и что я моей сестре сделал сегодня честь, посадив ее рядом с тобою.
"Ach, you said that to them!	- Ах, что вы это им сказали!
And in her presence?" cried Sonia, frightened. "Sit down with me!	И при ней? - испуганно вскрикнула Соня, - сидеть со мной!
An honour!	Честь!
Why, I'm... dishonourable.... Ah, why did you say that?"	Да ведь я... бесчестная... я великая, великая грешница!
"It was not because of your dishonour and your sin I said that of you, but because of your great suffering.	Ах, что вы это сказали! - Не за бесчестие и грех я сказал это про тебя, а за великое страдание твое.
But you are a great sinner, that's true," he added almost solemnly, "and your worst sin is that you have destroyed and betrayed yourself _for nothing_.	А что ты великая грешница, то это так, - прибавил он почти восторженно, - а пуще всего, тем ты грешница, что понапрасну умертвила и предала себя.
Isn't that fearful?	Еще бы это не ужас!
Isn't it fearful that you are living in this filth which you loathe so, and at the same time you know yourself (you've only to open your eyes) that you are not helping anyone by it, not saving anyone from anything?	Еще бы не ужас, что ты живешь в этой грязи, которую так ненавидишь, и в то же время знаешь сама (только стоит глаза раскрыть), что никому ты этим не помогаешь и никого ни от чего не

	спасаешь!
Tell me," he went on almost in a frenzy, "how this shame and degradation can exist in you side by side with other, opposite, holy feelings?	Да скажи же мне наконец, - проговорил он, почти в исступлении, - как этаким позор и такая низость в тебе рядом с другими противоположными и святыми чувствами совмещаются?
It would be better, a thousand times better and wiser to leap into the water and end it all!"	Ведь справедливее, тысячу раз справедливее и разумнее было бы прямо головой в воду и разом покончить!
"But what would become of them?" Sonia asked faintly, gazing at him with eyes of anguish, but not seeming surprised at his suggestion.	- А с ними-то что будет? - слабо спросила Соня, страдальчески взглянув на него, но вместе с тем как бы вовсе и не удивившись его предложению.
Raskolnikov looked strangely at her.	Раскольников странно посмотрел на нее.
He read it all in her face; so she must have had that thought already, perhaps many times, and earnestly she had thought out in her despair how to end it and so earnestly, that now she scarcely wondered at his suggestion.	Он все прочел в одном ее взгляде. Стало быть, действительно у ней самой была уже эта мысль. Может быть, много раз и серьезно, что теперь почти и не удивилась предложению его.
She had not even noticed the cruelty of his words. (The significance of his reproaches and his peculiar attitude to her shame she had, of course, not noticed either, and that, too, was clear to him.) But he saw how monstrously the thought of her disgraceful, shameful position was torturing her and had long tortured her.	Даже жестокости слов его не заметила (смысла укоров его и особенного взгляда его на ее позор, она, конечно, тоже не заметила, и это было видимо для него). Но он понял вполне, до какой чудовищной боли истерзала ее, и уже давно, мысль о бесчестном и позорном ее положении.
"What, what," he thought, "could hitherto have hindered her from putting an end to it?"	Что же, что же бы могло, думал он, по сих пор останавливать решимость ее покончить разом?
Only then he realised what those poor little orphan children and that pitiful half-crazy Katerina Ivanovna, knocking her head against the wall in her consumption, meant for Sonia.	И тут только понял он вполне, что значили для нее эти бедные, маленькие дети-сироты и та жалкая, полусумасшедшая Катерина Ивановна, с своею чахоткой и со стуканием об стену головою.
But, nevertheless, it was clear to him again that with her character and the amount of education she had after all received, she could not in any case remain so.	Но тем не менее ему опять-таки было ясно, что Соня с своим характером и с тем все-таки развитием, которое она получила, ни в каком случае не могла так оставаться.
He was still confronted by the question, how	Все-таки для него составляло вопрос:

could she have remained so long in that position without going out of her mind, since she could not bring herself to jump into the water?	почему она так слишком уже долго могла оставаться в таком положении и не сошла с ума, если уж не в силах была броситься в воду?
Of course he knew that Sonia's position was an exceptional case, though unhappily not unique and not infrequent, indeed; but that very exceptionalness, her tinge of education, her previous life might, one would have thought, have killed her at the first step on that revolting path.	Конечно, он понимал, что положение Сони есть явление случайное в обществе, хотя, к несчастью, далеко не одиночное и не исключительное. Но эта-то самая случайность, эта некоторая развитость и вся предыдущая жизнь ее могли бы, кажется, сразу убить ее при первом шаге на отвратительной дороге этой.
What held her up--surely not depravity?	Что же поддерживало ее? Не разврат же?
All that infamy had obviously only touched her mechanically, not one drop of real depravity had penetrated to her heart; he saw that.	Весь этот позор, очевидно, коснулся ее только механически; настоящий разврат еще не проник ни одною каплей в ее сердце: он это видел; она стояла перед ним наяву...
He saw through her as she stood before him.... "There are three ways before her," he thought, "the canal, the madhouse, or... at last to sink into depravity which obscures the mind and turns the heart to stone."	"Ей три дороги, - думал он: - броситься в канаву, попасть в сумасшедший дом, или... или, наконец, броситься в разврат, одурманивающий ум и окаменяющий сердце".
The last idea was the most revolting, but he was a sceptic, he was young, abstract, and therefore cruel, and so he could not help believing that the last end was the most likely.	Последняя мысль была ему всего отвратительнее; но он был уже скептик, он был молод, отвлечен и, стало быть, жесток, а потому и не мог не верить, что последний выход, то есть разврат, был всего вероятнее.
"But can that be true?" he cried to himself. "Can that creature who has still preserved the purity of her spirit be consciously drawn at last into that sink of filth and iniquity?"	"Но неужели ж это правда, - воскликнул он про себя, - неужели ж и это создание, еще сохранившее чистоту духа, сознательно втянется наконец в эту мерзкую, смрадную яму?"

Can the process already have begun? Can it be that she has only been able to bear it till now, because vice has begun to be less loathsome to her?	Неужели это втягивание уже началось, и неужели потому только она и могла вытерпеть до сих пор, что порок уже не кажется ей так отвратительным?
No, no, that cannot be!" he cried, as Sonia had just before. "No, what has kept her from the canal	Нет, нет, быть того не может! - восклицал он, как давеча Соня, - нет, от канавы удерживала ее до сих

till now is the idea of sin and they, the children....	пор мысль о грехе, и они, те...
And if she has not gone out of her mind... but who says she has not gone out of her mind?	Если же она до сих пор еще не сошла с ума... Но кто же сказал, что она не сошла уже с ума?
Is she in her senses?	Разве она в здравом рассудке?
Can one talk, can one reason as she does?	Разве так можно говорить, как она?
How can she sit on the edge of the abyss of loathsomeness into which she is slipping and refuse to listen when she is told of danger?	Разве в здравом рассудке так можно рассуждать, как она? Разве так можно сидеть над погибелью, прямо над смрадною ямой, в которую уже ее втягивает, и махать руками, и уши затыкать, когда ей говорят об опасности?
Does she expect a miracle?	Что она, уж не чуда ли ждет?
No doubt she does.	И наверно так.
Doesn't that all mean madness?"	Разве все это не признаки помешательства?"
He stayed obstinately at that thought.	Он с упорством остановился на этой мысли.
He liked that explanation indeed better than any other.	Этот исход ему даже более нравился, чем всякий другой.
He began looking more intently at her.	Он начал пристальнее всматриваться в нее.
"So you pray to God a great deal, Sonia?" he asked her.	- Так ты очень молишься богу-то, Соня?- спросил он ее.
Sonia did not speak; he stood beside her waiting for an answer.	Соня молчала, он стоял подле нее и ждал ответа.
"What should I be without God?" she whispered rapidly, forcibly, glancing at him with suddenly flashing eyes, and squeezing his hand.	- Что ж бы я без бога-то была? - быстро, энергически прошептала она, мельком вскинув на него вдруг засверкавшими глазами, и крепко стиснула рукой его руку.
"Ah, so that is it!" he thought.	"Ну, так и есть!" - подумал он.
"And what does God do for you?" he asked, probing her further.	- А тебе бог что за это делает? - спросил он, испытывая дальше.
Sonia was silent a long while, as though she could not answer.	Соня долго молчала, как бы не могла отвечать.
Her weak chest kept heaving with	Слабенькая грудь ее вся колыхалась от волнения.

emotion.	
"Be silent!	- Молчите!
Don't ask!	Не спрашивайте!
You don't deserve!" she cried suddenly, looking sternly and wrathfully at him.	Вы не стоите!.. - вскрикнула она вдруг, строго и гневно смотря на него.

"That's it, that's it," he repeated to himself.	"Так и есть! так и есть!" - повторял он настойчиво про себя.
"He does everything," she whispered quickly, looking down again.	- Все делает! - быстро прошептала она, опять потупившись.
"That's the way out!	"Вот и исход!
That's the explanation," he decided, scrutinising her with eager curiosity, with a new, strange, almost morbid feeling.	Вот и объяснение исхода!" - решил он про себя, с жадным любопытством рассматривая ее.
He gazed at that pale, thin, irregular, angular little face, those soft blue eyes, which could flash with such fire, such stern energy, that little body still shaking with indignation and anger--and it all seemed to him more and more strange, almost impossible.	С новым, странным, почти болезненным, чувством всматривался он в это бледное, худое и неправильное угловатое личико, в эти кроткие голубые глаза, могущие сверкать таким огнем, таким суровым энергическим чувством, в это маленькое тело, еще дрожавшее от негодования и гнева, и все это казалось ему более и более странным, почти невозможным.
"She is a religious maniac!" he repeated to himself.	"Юродивая! юродивая!" - твердил он про себя.
There was a book lying on the chest of drawers.	На комодѣ лежала какая-то книга.
He had noticed it every time he paced up and down the room. Now he took it up and looked at it.	Он каждый раз, проходя взад и вперед, замечал ее; теперь же взял и посмотрел.
It was the New Testament in the Russian translation.	Это был Новый завет в русском переводе.
It was bound in leather, old and worn.	Книга была старая, подержанная, в кожаном переплете.
"Where did you get that?" he called to her across the room.	- Это откуда? - крикнул он ей через комнату.
She was still standing in the same	Она стояла все на том же месте, в трех шагах от

place, three steps from the table.	стола.
"It was brought me," she answered, as it were unwillingly, not looking at him.	- Мне принесли, - ответила она, будто нехотя и не взглядывая на него.
"Who brought it?"	- Кто принес?
"Lizaveta, I asked her for it."	- Лизавета принесла, я просила.
"Lizaveta! strange!" he thought.	"Лизавета! Странно!" - подумал он.
Everything about Sonia seemed to him stranger and more wonderful every moment.	Все у Сони становилось для него как-то страннее и чудеснее, с каждой минутой.
He carried the book to the candle and began to turn over the pages.	Он перенес книгу к свече и стал перелистывать.
"Where is the story of Lazarus?" he asked suddenly.	- Где тут про Лазаря? - спросил он вдруг.
Sonia looked obstinately at the ground and would not answer.	Соня упорно глядела в землю и не отвечала.
She was standing sideways to the table.	Она стояла немного боком к столу.
"Where is the raising of Lazarus?"	- Про воскресение Лазаря где?
Find it for me, Sonia."	Отыщи мне, Соня.

She stole a glance at him.	Она искоса глянула на него.
"You are not looking in the right place.... It's in the fourth gospel," she whispered sternly, without looking at him.	- Не там смотрите... в четвертом евангелии... -сурово прошептала она, не подвигаясь к нему.
"Find it and read it to me," he said. He sat down with his elbow on the table, leaned his head on his hand and looked away sullenly, prepared to listen.	- Найди и прочти мне, - сказал он, сел, облокотился на стол, подпер рукой голову и угрюмо уставился в сторону, приготовившись слушать.
"In three weeks' time they'll welcome me in the madhouse!"	"Недели через три на седьмую версту, милости просим!"
I shall be there if I am not in a worse place," he muttered to himself.	Я, кажется, сам там буду, если еще хуже не будет", - бормотал он про себя.
Sonia heard Raskolnikov's request distrustfully and moved hesitatingly to the table.	Соня нерешительно ступила к столу, недоверчиво выслушав странное желание Раскольникова.
She took the book however.	Впрочем, взяла книгу.

"Haven't you read it?" she asked, looking up at him across the table.	- Разве вы не читали? - спросила она, глянув на него через стол, исподлобья.
Her voice became sterner and sterner.	Голос ее становился все суровее и суровее.
"Long ago....	- Давно...
When I was at school.	Когда учился.
Read!"	Читай!
"And haven't you heard it in church?"	- А в церкви не слыхали?
"I... haven't been.	- Я... не ходил.
Do you often go?"	А ты часто ходишь?
"N-no," whispered Sonia.	- Н-нет, - прошептала Соня.
Raskolnikov smiled.	Раскольников усмехнулся.
"I understand....	- Понимаю...
And you won't go to your father's funeral tomorrow?"	И отца, стало быть, завтра не пойдешь хоронить?
"Yes, I shall.	- Пойду.
I was at church last week, too... I had a requiem service."	Я и на прошлой неделе была... панихиду служила.
"For whom?"	- По ком?
"For Lizaveta.	- По Лизавете.
She was killed with an axe."	Ее топором убили.
His nerves were more and more strained.	Нервы его раздражались все более и более.
His head began to go round.	Голова начала кружиться.
"Were you friends with Lizaveta?"	- Ты с Лизаветой дружна была?
"Yes....	- Да_

She was good... she used to come... not often... she couldn't....	Она была справедливая... она приходила... редко... нельзя было.
We used to read together and... talk.	Мы с ней читали и... говорили.
She will see God."	Она бога узрит.
The last phrase sounded strange in his ears. And here was something new again: the mysterious meetings with Lizaveta and	Странно звучали для него эти книжные слова, и опять новость: какие-то таинственные сходки с Лизаветой, и обе -

both of them--religious maniacs.	юродивые.
"I shall be a religious maniac myself soon! It's infectious!"	"Тут и сам станешь юродивым! заразительно!" -подумал он.
"Read!" he cried irritably and insistently.	- Читай! - воскликнул он вдруг настойчиво и раздражительно.
Sonia still hesitated.	Соня все колебалась.
Her heart was throbbing.	Сердце ее стучало.
She hardly dared to read to him.	Не смела как-то она ему читать.
He looked almost with exasperation at the "unhappy lunatic."	Почти с мучением смотрел он на "несчастную помешанную".
"What for?"	- Зачем вам?
You don't believe?..." she whispered softly and as it were breathlessly.	Ведь вы не веруете?.. - прошептала она тихо и как-то задыхаясь.
"Read!"	- Читай!
I want you to," he persisted. "You used to read to Lizaveta."	Я так хочу! - настаивал он, - читала же Лизавете!
Sonia opened the book and found the place.	Соня развернула книгу и отыскиала место.
Her hands were shaking, her voice failed her.	Руки ее дрожали, голосу не хватало.
Twice she tried to begin and could not bring out the first syllable.	Два раза начинала она, и все не выговаривалось первого слога.
"Now a certain man was sick named Lazarus of Bethany..." she forced herself at last to read, but at the third word her voice broke like an overstrained string.	"Был же болен некто Лазарь, из Вифании..." -произнесла она наконец, с усилием, но вдруг, с третьего слова, голос зазвенел и порвался, как слишком натянутая струна.
There was a catch in her breath.	Дух пересекло, и в груди стеснилось.
Raskolnikov saw in part why Sonia could not bring herself to read to him and the more he saw this, the more roughly and irritably he insisted on her doing so.	Раскольников понимал отчасти, почему Соня не решалась ему читать, и чем более понимал это, тем как бы грубее и раздражительнее настаивал на чтении.
He understood only too well how painful it was for her to betray and unveil all that was her _own_.	Он слишком хорошо понимал, как тяжело было ей теперь выдавать и обличать все свое.
He understood that these feelings really were her _secret treasure_, which she had	Он понял, что чувства эти действительно как бы составляли настоящую и уже давнишнюю, может быть, тайну ее, может

kept perhaps for years, perhaps from childhood, while she lived with an unhappy father and a distracted stepmother crazed by grief, in the midst of starving children and unseemly abuse and reproaches.	быть еще с самого отрочества, еще в семье, подле несчастного отца и сумасшедшей от горя мачехи, среди голодных детей, безобразных криков и попреков.
--	--

But at the same time he knew now and knew for certain that, although it filled her with dread and suffering, yet she had a tormenting desire to read and to read to _him_ that he might hear it, and to read _now_ whatever might come of it!...	Но в то же время он узнал теперь, и узнал наверно, что хоть и тосковала она и боялась чего-то ужасно, принимаясь теперь читать, но что вместе с тем ей мучительно самой хотелось прочесть, несмотря на всю тоску и на все опасения, и именно ему, чтоб он слышал, и непременно теперь - "что бы там ни вышло потом!"...
He read this in her eyes, he could see it in her intense emotion.	Он прочел это в ее глазах, понял из ее восторженного волнения...
She mastered herself, controlled the spasm in her throat and went on reading the eleventh chapter of St. John.	Она пересилила себя, подавила горловую спазму, пресекшую в начале стиха ее голос, и продолжала чтение одиннадцатой главы Евангелия Иоаннова.
She went on to the nineteenth verse:	Так дочла она до 19-го стиха:
"And many of the Jews came to Martha and Mary to comfort them concerning their brother.	"И многие из иудеев пришли к Марфе и Марии утешать их в печали о брате их.
"Then Martha as soon as she heard that Jesus was coming went and met Him: but Mary sat still in the house.	Марфа, услыша, что идет Иисус, пошла навстречу ему; Мария же сидела дома.
"Then said Martha unto Jesus, Lord, if Thou hadst been here, my brother had not died.	Тогда Марфа сказала Иисусу: господи! если бы ты был здесь, не умер бы брат мой.
"But I know that even now whatsoever Thou wilt ask of God, God will give it Thee...."	Но и теперь знаю, что чего ты попросишь у бога, даст тебе бог".
Then she stopped again with a shamefaced feeling that her voice would quiver and break again.	Тут она остановилась опять, стыдливо предчувствуя, что дрогнет и порвется опять ее голос...
"Jesus said unto her, thy brother shall rise again.	"Иисус говорит ей: воскреснет брат твой.
"Martha saith unto Him, I know that he shall rise again in the	Марфа сказала ему: знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день.

resurrection, at the last day.	
"Jesus said unto her, I am the resurrection and the life: he that believeth in Me though he were dead, yet shall he live.	Иисус сказал ей: Я есмь воскресение и жизнь; верующий в меня, если и умрет, оживет.
"And whosoever liveth and believeth in Me shall never die.	И всякий живущий верующий в меня не умрет вовек.
Believest thou this?	Веришь ли сему?
"She saith unto Him,"	Она говорит ему:
(And drawing a painful breath, Sonia read distinctly and forcibly as though she were making a public confession of faith.)	(и как бы с болью переводя дух, Соня отдельно и с силою прочла, точно сама во всеуслышание исповедовала:)
"Yea, Lord: I believe that Thou art the Christ, the Son of God Which should come into the world."	Так, господи! Я верую, что ты Христос, сын божий, грядущий в мир".
She stopped and looked up quickly at him, but controlling herself went on reading.	Она было остановилась, быстро подняла было на него глаза, но поскорей пересилила себя и стала читать далее.

Raskolnikov sat without moving, his elbows on the table and his eyes turned away.	Раскольников сидел и слушал неподвижно, не оборачиваясь, облокотясь на стол и смотря в сторону.
She read to the thirty-second verse.	Дочли до 32-го стиха.
"Then when Mary was come where Jesus was and saw Him, she fell down at His feet, saying unto Him, Lord if Thou hadst been here, my brother had not died.	"Мария же, пришедши туда, где был Иисус, и увидев его, пала к ногам его; и сказала ему: господи! если бы ты был здесь, не умер бы брат мой.
"When Jesus therefore saw her weeping, and the Jews also weeping which came with her, He groaned in the spirit and was troubled,	Иисус, когда увидел ее плачущую и пришедших с нею иудеев плачущих, сам восскорбел духом и возмутился.
"And said, Where have ye laid him?	И сказал: где вы положили его?
They said unto Him, Lord, come and see.	Говорят ему: господи! поди и посмотри.
"Jesus wept.	Иисус прослезился.
"Then said the Jews, behold how He loved him!	Тогда иудеи говорили: смотри, как он любил его.
"And some of them said, could not this Man which opened the eyes of the blind, have	А некоторые из них сказали: не мог ли сей, отверзший очи слепому, сделать,

caused that even this man should not have died?"	чтоб и этот не умер?"
Raskolnikov turned and looked at her with emotion.	Раскольников обернулся к ней и с волнением смотрел на нее: да, так и есть!
Yes, he had known it!	Она уже вся дрожала в действительной, настоящей лихорадке.
She was trembling in a real physical fever.	Он ожидал этого.
He had expected it. She was getting near the story of the greatest miracle and a feeling of immense triumph came over her.	Она приближалась к слову о величайшем и неслыханном чуде, и чувство великого торжества охватило ее.
Her voice rang out like a bell; triumph and joy gave it power.	Голос ее стал звонок, как металл; торжество и радость звучали в нем и крепили его.
The lines danced before her eyes, but she knew what she was reading by heart.	Строчки мешались перед ней, потому что в глазах темнело, но она знала наизусть, что читала.
At the last verse "Could not this Man which opened the eyes of the blind..." dropping her voice she passionately reproduced the doubt, the reproach and censure of the blind disbelieving Jews, who in another moment would fall at His feet as though struck by thunder, sobbing and believing....	При последнем стихе: "не мог ли сей, отверзший очи слепому..." - она, понизив голос, горячо и страстно передала сомнение, укор и хулу неверующих, слепых иудеев, которые сейчас, через минуту, как громом пораженные, падут, зарыдают и уверуют...
"And _he, he_--too, is blinded and unbelieving, he, too, will hear, he, too, will believe, yes, yes! At once, now," was what she was dreaming, and she was quivering with happy anticipation.	"И он, он - тоже ослепленный и неверующий, -он тоже сейчас услышит, он тоже уверует, да, да! сейчас же, теперь же", - мечталось ей, и она дрожала от радостного ожидания.
"Jesus therefore again groaning in Himself cometh to the grave.	"Иисус же, опять скорбя внутренно, проходит ко гробу.
It was a cave, and a stone lay upon it.	То была пещера, и камень лежал на ней.

"Jesus said, Take ye away the stone.	Иисус говорит: отнимите камень.
Martha, the sister of him that was dead, saith unto Him, Lord by this time he stinketh: for he hath been dead four days."	Сестра умершего Марфа говорит ему: господи! уже смердит; ибо четыре дни, как он во гробе".
She laid emphasis on the word _four_.	Она энергично ударила на слово: четыре.

"Jesus saith unto her, Said I not unto thee that if thou wouldest believe, thou shouldest see the glory of God?"	"Иисус говорит ей: не сказал ли я тебе, что если будешь веровать, увидишь славу Божию?"
"Then they took away the stone from the place where the dead was laid.	Итак, отняли камень от пещеры, где лежал умерший.
And Jesus lifted up His eyes and said, Father, I thank Thee that Thou hast heard Me.	Иисус же возвел очи к небу и сказал: отче, благодарю тебя, что ты услышал меня.
"And I knew that Thou hearest Me always; but because of the people which stand by I said it, that they may believe that Thou hast sent Me.	Я и знал, что ты всегда услышишь меня; но сказал сие для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что ты послал меня.
"And when He thus had spoken, He cried with a loud voice, Lazarus, come forth.	Сказав сие, воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон.
"And he that was dead came forth."	И вышел умерший,
(She read loudly, cold and trembling with ecstasy, as though she were seeing it before her eyes.)	(громко и восторженно прочла она, дрожа и холодея, как бы в очию сама видела:)
"Bound hand and foot with graveclothes; and his face was bound about with a napkin.	обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами; и лицо его обвязано было платком.
Jesus saith unto them, Loose him and let him go.	Иисус говорит им: развяжите его; пусть идет.
"Then many of the Jews which came to Mary and had seen the things which Jesus did believed on Him."	Тогда многие из иудеев, пришедших к Марии и видевших, что сотворил Иисус, уверовали в него".
She could read no more, closed the book and got up from her chair quickly.	Далее она не читала и не могла читать, закрыла книжку и быстро встала со стула.
"That is all about the raising of Lazarus," she whispered severely and abruptly, and turning away she stood motionless, not daring to raise her eyes to him.	- Все об воскресении Лазаря, - отрывисто и сурово прошептала она и стала неподвижно, отвернувшись в сторону, не смея и как бы стыдясь поднять на него глаза.
She still trembled feverishly.	Лихорадочная дрожь ее еще продолжалась.
The candle-end was flickering out in the battered candlestick, dimly lighting up in the poverty-stricken room the murderer and the	Огарок уже давно погасал в кривом подсвечнике, тускло освещая в этой нищенской комнате убийцу и блудницу,

harlot who had so strangely been reading together the eternal book.	странно сошедшихся за чтением вечной книги.
Five minutes or more passed.	Прошло минут пять или более.
"I came to speak of something," Raskolnikov said aloud, frowning. He got up and went to Sonia.	- Я о деле пришел говорить, - громко и нахмурившись проговорил вдруг Раскольников, встал и подошел к Соне.
She lifted her eyes to him in silence.	Та молча подняла на него глаза.
His face was particularly stern and there was a sort of savage determination in it.	Взгляд его был особенно суров, и какая-то дикая решимость выражалась в нем.

"I have abandoned my family to-day," he said, "my mother and sister.	- Я сегодня родных бросил, - сказал он, - мать и сестру.
I am not going to see them.	Я не пойду к ним теперь.
I've broken with them completely."	Я там все разорвал.
"What for?" asked Sonia amazed.	- Зачем? - как ошеломленная спросила Соня.
Her recent meeting with his mother and sister had left a great impression which she could not analyse.	Давешняя встреча с его матерью и сестрой оставила в ней необыкновенное впечатление, хотя и самой ей неясное.
She heard his news almost with horror.	Известие о разрыве выслушала она почти с ужасом.
"I have only you now," he added.	- У меня теперь одна ты, - прибавил он.
"Let us go together....	- Пойдем вместе...
I've come to you, we are both accursed, let us go our way together!"	Я пришел к тебе. Мы вместе прокляты, вместе и пойдем!
His eyes glittered "as though he were mad," Sonia thought, in her turn.	Глаза его сверкали. "Как полоумный!" - подумала в свою очередь Соня.
"Go where?" she asked in alarm and she involuntarily stepped back.	- Куда идти? - в страхе спросила она и невольно отступила назад.
"How do I know?"	- Почему ж я знаю?
I only know it's the same road, I know that and nothing more.	Знаю только, что по одной дороге, наверно знаю, -и только.
It's the same goal!"	Одна цель!
She looked at him and understood nothing.	Она смотрела на него, и ничего не понимала.
She knew only that he was terribly,	Она понимала только, что он ужасно,

infinitely unhappy.	бесконечно несчастен.
"No one of them will understand, if you tell them, but I have understood.	- Никто ничего не поймет из них, если ты будешь говорить им, - продолжал он, - а я понял.
I need you, that is why I have come to you."	Ты мне нужна, потому я к тебе и пришел.
"I don't understand," whispered Sonia.	- Не понимаю... - прошептала Соня.
"You'll understand later.	- Потом поймешь.
Haven't you done the same?	Разве ты не то же сделала?
You, too, have transgressed... have had the strength to transgress.	Ты тоже переступила... смогла переступить.
You have laid hands on yourself, you have destroyed a life... _your own_ (it's all the same!).	Ты на себя руки наложила, ты загубила жизнь... свою (это все равно!).
You might have lived in spirit and understanding, but you'll end in the Hay Market....	Ты могла бы жить духом и разумом, а кончишь на Сенной...
But you won't be able to stand it, and if you remain alone you'll go out of your mind like me.	Но ты выдержать не можешь, и если останешься одна, сойдешь с ума, как и я.

You are like a mad creature already. So we must go together on the same road! Let us go!"	Ты уж и теперь как помешанная; стало быть, нам вместе идти, по одной дороге!
"What for?	Пойдем!
What's all this for?" said Sonia, strangely and violently agitated by his words.	- Зачем? Зачем вы это! - проговорила Соня, странно и мятежно взволнованная его словами.
"What for?	- Зачем?
Because you can't remain like this, that's why!	Потому что так нельзя оставаться - вот зачем!
You must look things straight in the face at last, and not weep like a child and cry that God won't allow it.	Надо же, наконец, рассудить серьезно и прямо, а не подетски плакать и кричать, что бог не допустит!
What will happen, if you should really be taken to the hospital to-morrow? She is mad and in	Та не в уме и чахоточная, умрет

consumption, she'll soon die and the children?	скоро, а дети?
Do you mean to tell me Polenka won't come to grief?	Разве Полечка не погибнет?
Haven't you seen children here at the street corners sent out by their mothers to beg?	Неужели не видала ты здесь детей, по углам, которых матери милостыню высылают просить?
I've found out where those mothers live and in what surroundings.	Я узнавал, где живут эти матери и в какой обстановке.
Children can't remain children there!	Там детям нельзя оставаться детьми.
At seven the child is vicious and a thief.	Там семилетний развратен и вор.
Yet children, you know, are the image of Christ: 'theirs is the kingdom of Heaven.'	А ведь дети - образ Христов:
He bade us honour and love them, they are the humanity of the future...."	"Сих есть царствие божие". Он велел их чтить и любить, они будущее человечество...
"What's to be done, what's to be done?" repeated Sonia, weeping hysterically and wringing her hands.	- Что же, что же делать? - истерически плача и ломая руки, повторяла Соня.
"What's to be done?"	- Что делать?
Break what must be broken, once for all, that's all, and take the suffering on oneself.	Сломать, что надо, раз навсегда, да и только: и страдание взять на себя!
What, you don't understand?	Что? Не понимаешь?
You'll understand later....	После поймешь...
Freedom and power, and above all, power!	Свободу и власть, а главное власть!
Over all trembling creation and all the ant-heap!....	Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!..
That's the goal, remember that!	Вот цель! Помни это!
That's my farewell message.	Это мое тебе напутствие!
Perhaps it's the last time I shall speak to you.	Может, я с тобой в последний раз говорю.
If I don't come to-morrow, you'll hear of it all, and then remember these words.	Если не приду завтра, услышишь про все сама, и тогда припомни эти теперешние слова.
And some day later on, in years to come, you'll	И когда-нибудь, потом, через годы, с

understand perhaps what they meant.	жизнию, может, и поймешь, что они значили.
If I come to-morrow, I'll tell you who killed Lizaveta....	Если же приду завтра, то скажу тебе, кто убил Лизавету.
Good-bye."	Прощай!
Sonia started with terror.	Соня вся вздрогнула от испуга.
"Why, do you know who killed her?" she asked, chilled with horror, looking wildly at him.	- Да разве вы знаете, кто убил? - спросила она, леденея от ужаса и дико смотря на него.
"I know and will tell... you, only you.	- Знаю и скажу...
I have chosen you out.	Тебе, одной тебе!
I'm not coming to you to ask forgiveness, but simply to tell you.	Я тебя выбрал. Я не прощения приду просить к тебе, я просто скажу.
I chose you out long ago to hear this, when your father talked of you and when Lizaveta was alive, I thought of it.	Я тебя давно выбрал, чтоб это сказать тебе, еще тогда, когда отец про тебя говорил и когда Лизавета была жива, я это подумал.
Good-bye, don't shake hands.	Прощай. Руки не давай.
To-morrow!"	Завтра!
He went out.	Он вышел.
Sonia gazed at him as at a madman. But she herself was like one insane and felt it.	Соня смотрела на него как на помешанного; но она и сама была как безумная и чувствовала это.
Her head was going round.	Голова у ней кружилась.
"Good heavens, how does he know who killed Lizaveta?	"Господи! как он знает, кто убил Лизавету?
What did those words mean?	Что значили эти слова?
It's awful!"	Страшно это!"
But at the same time _the idea_ did not enter her head, not for a moment!	Но в то же время мысль не приходила ей в голову. Никак! Никак!..
"Oh, he must be terribly unhappy!...	"О, он должен быть ужасно несчастен!..
He has abandoned his mother and sister....	Он бросил мать и сестру.
What for?	Зачем?
What has happened?	Что было?

And what had he in his mind?	И что у него в намерениях?
What did he say to her?	Что это он ей говорил?
He had kissed her foot and said... said (yes, he had said it clearly) that he could not live without her....	Он ей поцеловал ногу и говорил... говорил (да, он ясно это сказал), что без нее уже жить не может...
Oh, merciful heavens!"	О господи!"
Sonia spent the whole night feverish and delirious.	В лихорадке и в бреду провела всю ночь Соня.

She jumped up from time to time, wept and wrung her hands, then sank again into feverish sleep and dreamt of Polenka, Katerina Ivanovna and Lizaveta, of reading the gospel and him... him with pale face, with burning eyes... kissing her feet, weeping.	Она вскакивала иногда, плакала, руки ломала, то забывалась опять лихорадочным сном, и ей снились Полечка, Катерина Ивановна, Лизавета, чтение Евангелия и он... он, с его бледным лицом, с горящими глазами... Он целует ей ноги, плачет... О господи!
On the other side of the door on the right, which divided Sonia's room from Madame Ressler's flat, was a room which had long stood empty. A card was fixed on the gate and a notice stuck in the windows over the canal advertising it to let.	За дверью справа, за тою самою дверью, которая отделяла квартиру Сони от квартиры Гертруды Карловны Ресслих, была комната промежуточная, давно уже пустая, принадлежавшая к квартире госпожи Ресслих и отдававшаяся от нее внаем, о чем и выставлены были ярлычки на воротах и наклеены бумажечки на стеклах окон, выходивших на канаву.
Sonia had long been accustomed to the room's being uninhabited.	Соня издавна привыкла считать эту комнату необитаемую.
But all that time Mr. Svidrigailov had been standing, listening at the door of the empty room.	А между тем, все это время, у двери в пустой комнате простоял господин Свидригайлов и, притаившись, подслушивал.
When Raskolnikov went out he stood still, thought a moment, went on tiptoe to his own room which adjoined the empty one, brought a chair and noiselessly carried it to the door that led to Sonia's room.	Когда Раскольников вышел, он постоял, подумал, сходил на цыпочках в свою комнату, смежную дверям, ведущим в комнату Сони.
The conversation had struck him as interesting and remarkable, and he had greatly enjoyed it--so much so that he brought a chair that he might not in the future, to-morrow, for instance, have to endure the inconvenience of standing a whole	Разговор показался ему занимательным и знаменательным, и очень, очень понравился, - до того понравился, что он и стул перенес, чтобы на будущее время, хоть завтра например, не подвергаться опять неприятности простоять целый час на ногах, а устроиться покомфортнее, чтоб уж во всех отношениях получить полное

hour, but might listen in comfort.	удовольствие.
CHAPTER V	V
When next morning at eleven o'clock punctually Raskolnikov went into the department of the investigation of criminal causes and sent his name in to Porfiry Petrovitch, he was surprised at being kept waiting so long: it was at least ten minutes before he was summoned.	Когда на другое утро, ровно в одиннадцать часов, Раскольников вошел в дом -й части, в отделение пристава следственных дел, и попросил доложить о себе Порфирию Петровичу, то он даже удивился тому, как долго не принимали его: прошло, по крайней мере, десять минут, пока его позвали.
He had expected that they would pounce upon him.	А по его расчету, должны бы были, кажется, так сразу на него и наброситься.
But he stood in the waiting-room, and people, who apparently had nothing to do with him, were continually passing to and fro before him.	Между тем он стоял в приемной, а мимо него ходили и проходили люди, которым, по-видимому, никакого до него не было дела.
In the next room which looked like an office, several clerks were sitting writing and obviously they had no notion who or what Raskolnikov might be.	В следующей комнате, похожей на канцелярию, сидело и писало несколько писцов, и очевидно было, что никто из них даже понятия не имел: кто и что такое Раскольников?
He looked uneasily and suspiciously about him to see whether there was not some guard, some mysterious watch being kept on him to prevent his escape.	Беспокойным и подозрительным взглядом следил он кругом себя, высматривая: нет ли около него хоть какого-нибудь конвойного, какого-нибудь таинственного взгляда, назначенного его стеречь, чтоб он куда не ушел?
But there was nothing of the sort: he saw only the faces of clerks absorbed in petty details, then other people, no one seemed to have any concern with him. He might go where he liked for them.	Но ничего подобного не было: он видел только одни канцелярские, мелкозабоченные лица, потом еще каких-то людей, и никому-то не было до него никакой надобности: хоть иди он сейчас же на все четыре стороны.
The conviction grew stronger in him that if that enigmatic man of yesterday, that phantom sprung out of the earth, had seen everything, they would not have let him stand and wait like that.	Все тверже и тверже укреплялась в нем мысль, что если бы действительно этот загадочный вчерашний человек, этот призрак, явившийся из-под земли, все знал и все видел, - так разве дали бы ему, Раскольникову, так стоять теперь и спокойно ждать?
And would they have waited till he	И разве ждали бы его здесь до одиннадцати часов, пока ему самому заблагорассудилось

elected to appear at eleven?	пожаловать?
Either the man had not yet given information, or... or simply he knew nothing, had seen nothing (and how could he have seen anything?) and so all that had happened to him the day before was again a phantom exaggerated by his sick and overstrained imagination.	Выходило, что или тот человек еще ничего не донес, или... или просто он ничего тоже не знает и сам, своими глазами ничего не видал (да и как он мог видеть?), а стало быть, все это, вчерашнее, случившееся с ним, Раскольниковым, опять-таки было призрак, преувеличенный раздраженным и больным воображением его.
This conjecture had begun to grow strong the day before, in the midst of all his alarm and despair.	Эта догадка, еще даже вчера, во время самых сильных тревог и отчаяния, начала укрепляться в нем.
Thinking it all over now and preparing for a fresh conflict, he was suddenly aware that he was trembling--and he felt a rush of indignation at the thought that he was trembling with fear at facing that hateful Porfiry Petrovitch.	Передумав все это теперь и готовясь к новому бою, он почувствовал вдруг, что дрожит, - и даже негодование закипело в нем при мысли, что он дрожит от страха перед ненавистным Порфирием Петровичем.
What he dreaded above all was meeting that man again; he hated him with an intense, unmitigated hatred and was afraid his hatred might betray him.	Всего ужаснее было для него встретиться с этим человеком опять: он ненавидел его без меры, бесконечно, и даже боялся своею ненавистью как-нибудь обнаружить себя.
His indignation was such that he ceased trembling at once; he made ready to go in with a cold and arrogant bearing and vowed to himself to keep as silent as possible, to watch and listen and for once at least to control his overstrained nerves.	И так сильно было его негодование, что тотчас же прекратило дрожь; он приготовился войти с холодным и дерзким видом и дал себе слово как можно больше молчать, вглядываться и вслушиваться и, хоть на этот раз по крайней мере, во что бы то ни стало, победить болезненно раздраженную натуру свою.
At that moment he was summoned to Porfiry Petrovitch.	В это самое время его позвали к Порфирию Петровичу.
He found Porfiry Petrovitch alone in his study.	Оказалось, что в эту минуту Порфирий Петрович был у себя в кабинете один.

His study was a room neither large nor small, furnished with a large writing-table, that stood before a sofa, upholstered in checked material, a bureau, a bookcase in the corner and several chairs--all government furniture, of polished yellow wood.	Кабинет его была комната ни большая, ни маленькая; стояли в ней: большой письменный стол перед диваном, обитым клеенкой, бюро, шкаф в углу и несколько стульев - все казенной мебели, из желтого отполированного дерева.
In the further wall there was a closed door, beyond it there were no doubt other rooms.	В углу, в задней стене или, лучше сказать, в перегородке была запертая дверь: там далее, за перегородкой, должны были, стало быть, находиться еще какие-то комнаты.
On Raskolnikov's entrance Porfiry Petrovitch had at once closed the door by which he had come in and they remained alone.	При входе Раскольникова Порфирий Петрович тотчас же притворил дверь, в которую тот вошел, и они остались наедине.
He met his visitor with an apparently genial and good-tempered air, and it was only after a few minutes that Raskolnikov saw signs of a certain awkwardness in him, as though he had been thrown out of his reckoning or caught in something very secret.	Он встретил своего гостя, по-видимому, с самым веселым и приветливым видом, и только уже несколько минут спустя Раскольников, по некоторым признакам, заметил в нем как бы замешательство, - точно его вдруг сбили с толку или застали на чем-нибудь очень уединенном и скрытном.
"Ah, my dear fellow!	- А, почтеннейший!
Here you are... in our domain"... began Porfiry, holding out both hands to him.	Вот и вы... в наших краях... - начал Порфирий, протянув ему обе руки.
"Come, sit down, old man... or perhaps you don't like to be called 'my dear fellow' and 'old man!'--_tout court_?	- Ну, садитесь-ка, батюшка! Али вы, может, не любите, чтобы вас называли почтеннейшим и... батюшкой, - этак tout court? .
Please don't think it too familiar....	За фамильярность, пожалуйста, не считите...
Here, on the sofa."	Вот сюда-с, на диванчик.
Raskolnikov sat down, keeping his eyes fixed on him.	Раскольников сел, не сводя с него глаз.
"In our domain," the apologies for familiarity, the French phrase _tout court_, were all characteristic signs.	"В наших краях", извинения в фамильярности, французское словцо "tout court" и проч., и проч., - все это были признаки характерные.
"He held out both hands to me, but he did not give me one--he drew it back in time," struck him suspiciously.	"Он, однако ж, мне обе руки-то протянул, а ни одной ведь не дал, отнял вовремя", - мелькнуло в нем подозрительно.
Both were watching each other, but	Оба следили друг за другом, но только что

when their eyes met, quick as lightning they looked away.	взгляды их встречались, оба, с быстротою молнии, отводили их один от другого.
"I brought you this paper... about the watch. Here it is.	- Я вам принес эту бумажку... об часах-то... вот-с.
Is it all right or shall I copy it again?"	Так ли написано или опять переписывать?
"What?"	- Что?
A paper?	Бумажка?
Yes, yes, don't be uneasy, it's all right," Porfiry Petrovitch said as though in haste, and after he had said it he took the paper and looked at it.	Так, так... не беспокойтесь, так точно-с, - проговорил, как бы спеша куда-то, Порфирий Петрович и, уже проговорив это, взял бумагу и просмотрел ее.

"Yes, it's all right.	- Да, точно так-с.
Nothing more is needed," he declared with the same rapidity and he laid the paper on the table.	Больше ничего и не надо, - проговорил он тою же скороговоркой и положил бумагу на стол.
A minute later when he was talking of something else he took it from the table and put it on his bureau.	Потом, через минуту, уже говоря о другом, взял ее опять со стола и переложил к себе на бюро.
"I believe you said yesterday you would like to question me... formally... about my acquaintance with the murdered woman?" Raskolnikov was beginning again. "Why did I put in 'I believe'" passed through his mind in a flash.	- Вы, кажется, говорили вчера, что желали бы спросить меня... форменно... о моем знакомстве с этой... убитой? - начал было опять Раскольников, - "ну зачем я вставил кажется? - промелькнуло в нем как молния.
"Why am I so uneasy at having put in that '_I believe_'?" came in a second flash.	- Ну зачем я так беспокоюсь о том, что вставил это кажется?" - мелькнула в нем тотчас же другая мысль, как молния.
And he suddenly felt that his uneasiness at the mere contact with Porfiry, at the first words, at the first looks, had grown in an instant to monstrous proportions, and that this was fearfully dangerous. His nerves were quivering, his emotion was increasing.	И он вдруг ощутил, что мнительность его, от одного соприкосновения с Порфирием, от двух только слов, от двух только взглядов, уже разрослась в одно мгновение в чудовищные размеры... и что это страшно опасно: нервы раздражаются, волнение увеличивается.
"It's bad, it's bad!"	"Беда! Беда!..
I shall say too much again."	Опять проговорюсь".
"Yes, yes, yes!"	- Да-да-да!
There's no hurry, there's no hurry,"	Не беспокойтесь! Время терпит, время

muttered Porfiry Petrovitch, moving to and fro about the table without any apparent aim, as it were making dashes towards the window, the bureau and the table, at one moment avoiding Raskolnikov's suspicious glance, then again standing still and looking him straight in the face.	терпит-с, - бормотал Порфирий Петрович, похаживая взад и вперед около стола, но как-то без всякой цели, как бы кидаясь то к окну, то к бюро, то опять к столу, то избегая подозрительного взгляда Раскольникова, то вдруг сам останавливаясь на месте и глядя на него прямо в упор.
His fat round little figure looked very strange, like a ball rolling from one side to the other and rebounding back.	Чрезвычайно странною казалась при этом его маленькая, толстенькая и круглая фигурка, как будто мячик, катавшийся в разные стороны и тотчас отскакивавший от всех стен и углов.
"We've plenty of time.	- Успеем-с, успеем-с!..
Do you smoke? have you your own?	А вы курите? Есть у вас?
Here, a cigarette!" he went on, offering his visitor a cigarette.	Вот-с, папиросочка-с... - продолжал он, подавая гостю папироску.
"You know I am receiving you here, but my own quarters are through there, you know, my government quarters. But I am living outside for the time, I had to have some repairs done here.	- Знаете, я принимаю вас здесь, а ведь квартира-то моя вот тут же, за перегородкой... казенная-с, а я теперь на вольной, на время.
It's almost finished now....	Поправочки надо было здесь кой-какие устроить.
Government quarters, you know, are a capital thing.	Теперь почти готово... казенная квартира, знаете, это славная вещь, - а?
Eh, what do you think?"	Как вы думаете?

"Yes, a capital thing," answered Raskolnikov, looking at him almost ironically.	- Да, славная вещь, - ответил Раскольников, почти с насмешкой смотря на него.
"A capital thing, a capital thing," repeated Porfiry Petrovitch, as though he had just thought of something quite different. "Yes, a capital thing," he almost shouted at last, suddenly staring at Raskolnikov and stopping short two steps from him.	- Славная вещь, славная вещь... - повторял Порфирий Петрович, как будто задумавшись вдруг о чем-то совсем другом, - да! славная вещь! - чуть не вскрикнул он под конец, вдруг вскинув глаза на Раскольникова и останавливаясь в двух шагах от него.
This stupid repetition was too incongruous in its ineptitude with the serious, brooding and enigmatic glance	Это многократное глупенькое повторение, что казенная квартира славная вещь, слишком, по пошлости своей, противоречило с серьезным, мыслящим и загадочным взглядом, который он

he turned upon his visitor.	устремил теперь на своего гостя.
But this stirred Raskolnikov's spleen more than ever and he could not resist an ironical and rather incautious challenge.	Но это еще более подкипятило злобу Раскольникова, и он уже никак не мог удержаться от насмешливого и довольно неосторожного вызова.
"Tell me, please," he asked suddenly, looking almost insolently at him and taking a kind of pleasure in his own insolence. "I believe it's a sort of legal rule, a sort of legal tradition--for all investigating lawyers--to begin their attack from afar, with a trivial, or at least an irrelevant subject, so as to encourage, or rather, to divert the man they are cross-examining, to disarm his caution and then all at once to give him an unexpected knock-down blow with some fatal question. Isn't that so?"	- А знаете что, - спросил он вдруг, почти дерзко смотря на него и как бы ощущая от своей дерзости наслаждение, - ведь это существует, кажется, такое юридическое правило, такой прием юридический - для всех возможных следователей - сперва начать издалека, с пустячков, или даже с серьезного, но только совсем постороннего, чтобы, так сказать, ободрить или, лучше сказать, развлечь допрашиваемого, усыпить его осторожность и потом вдруг, неожиданнейшим образом огорошить его в самое темя каким-нибудь самым роковым и опасным вопросом; так ли?
It's a sacred tradition, mentioned, I fancy, in all the manuals of the art?"	Об этом, кажется, во всех правилах и наставлениях до сих пор свято упоминается?
"Yes, yes.... Why, do you imagine that was why I spoke about government quarters... eh?"	- Так, так... что ж, вы думаете, это я вас казенной-то квартирой того... а?
And as he said this Porfiry Petrovitch screwed up his eyes and winked; a good-humoured, crafty look passed over his face. The wrinkles on his forehead were smoothed out, his eyes contracted, his features broadened and he suddenly went off into a nervous prolonged laugh, shaking all over and looking Raskolnikov straight in the face.	- И, сказав это, Порфирий Петрович прищурился, подмигнул; что-то веселое и хитрое пробежало по лицу его, морщинки на его лбу разгладились, глазки сузились, черты лица растянулись, и он вдруг залился нервным, продолжительным смехом, волнуясь и колыхаясь всем телом и прямо смотря в глаза Раскольникову.
The latter forced himself to laugh, too, but when Porfiry, seeing that he was laughing, broke into such a guffaw that he turned almost crimson, Raskolnikov's repulsion overcame all precaution; he left off laughing, scowled and stared with hatred at Porfiry, keeping his eyes fixed on him while his intentionally prolonged laughter lasted.	Тот засмеялся было сам, несколько принудив себя; но когда Порфирий, увидя, что и он тоже смеется, закатился уже таким смехом, что почти побагровел, то отвращение Раскольникова вдруг перешло всю осторожность: он перестал смеяться, нахмурился и долго и ненавистно смотрел на Порфирия, не спуская с него глаз, во все время его длинного и как бы с намерением непрекращающегося смеха.

There was lack of precaution on both sides, however, for Porfiry Petrovitch seemed to be laughing in his visitor's face and to be very little disturbed at the annoyance with which the visitor received it.	Неосторожность была, впрочем, явная с обеих сторон: выходило, что Порфирий Петрович как будто смеется в глаза над своим гостем, принимающим этот смех с ненавистью, и очень мало конфузится от этого обстоятельства.
The latter fact was very significant in Raskolnikov's eyes: he saw that Porfiry Petrovitch had not been embarrassed just before either, but that he, Raskolnikov, had perhaps fallen into a trap; that there must be something, some motive here unknown to him; that, perhaps, everything was in readiness and in another moment would break upon him...	Последнее было очень знаменательно для Раскольникова: он понял, что, верно, Порфирий Петрович и давеча совсем не конфузился, а, напротив, сам он, Раскольников, попался, пожалуй, в капкан; что тут явно существует что-то, чего он не знает, какая-то цель; что, может, все уже подготовлено и сейчас, сию минуту обнаружится и обрушится...
He went straight to the point at once, rose from his seat and took his cap.	Он тотчас же пошел прямо к делу, встал с места и взял фуражку.
"Porfiry Petrovitch," he began resolutely, though with considerable irritation, "yesterday you expressed a desire that I should come to you for some inquiries" (he laid special stress on the word "inquiries").	- Порфирий Петрович, - начал он решительно, но с довольно сильною раздражительностью, - вы вчера изъявили желание, чтоб я пришел для каких-то допросов. (Он особенно упер на слово: допросов.
"I have come and if you have anything to ask me, ask it, and if not, allow me to withdraw.	Я пришел, и если вам надо что, так спрашивайте, не то, позвольте уж мне удалиться.
I have no time to spare....	Мне некогда, у меня дело...
I have to be at the funeral of that man who was run over, of whom you... know also," he added, feeling angry at once at having made this addition and more irritated at his anger. "I am sick of it all, do you hear? and have long been. It's partly what made me ill. In short," he shouted, feeling that the phrase about his illness was still more out of place, "in short, kindly examine me or let me go, at once. And if you must examine me, do so in the proper form!	Мне надо быть на похоронах того самого раздавленного лошадыми чиновника, про которого вы... тоже знаете... - прибавил он, тотчас же рассердившись за это прибавление, а потому тотчас же еще более раздражившись, - мне это все надоело-с, слышите ли, и давно уже... я отчасти от этого и болен был... одним словом, - почти вскрикнул он, почувствовав, что фраза о болезни еще более некстати, - одним словом: извольте или спрашивать меня, или отпустить, сейчас же... а если спрашивать, то не иначе как по форме-с!
I will not allow you to do so otherwise, and so meanwhile, good-bye, as we	Иначе не дозволю; а потому, покамест прощайте, так как нам вдвоем теперь нечего

have evidently nothing to keep us now."	делать.
"Good heavens!	- Господи!
What do you mean?	Да что вы это!
What shall I question you about?" cackled Porfiry Petrovitch with a change of tone, instantly leaving off laughing. "Please don't disturb yourself," he began fidgeting from place to place and fussily making Raskolnikov sit down. "There's no hurry, there's no hurry, it's all nonsense.	Да об чем вас спрашивать, - закудаhtал вдруг Порфирий Петрович, тотчас же изменяя и тон, и вид и мигом перестав смеяться, - да не беспокойтесь, пожалуйста, - хлопотал он, то опять бросаясь во все стороны, то вдруг принимаясь усаживать Раскольникова, - время терпит, время терпит-с, и все это одни пустяки-с!
Oh, no, I'm very glad you've come to see me at last...	Я, напротив, так рад, что вы наконец-то к нам прибыли...

I look upon you simply as a visitor.	Я как гостя вас принимаю.
And as for my confounded laughter, please excuse it, Rodion Romanovitch.	А за этот смех проклятый вы, батюшка Родион Романович, меня извините.
Rodion Romanovitch?	Родион Романович?
That is your name?...	Ведь так, кажется, вас по батюшке-то?..
It's my nerves, you tickled me so with your witty observation; I assure you, sometimes I shake with laughter like an india-rubber ball for half an hour at a time....	Нервный человек-с, рассмешили вы меня очень острою вашего замечания; иной раз, право, затрясусь, как гуммиластик, да этак на полчаса...
I'm often afraid of an attack of paralysis.	Смешлив-с. По комплекции моей даже паралича боюсь.
Do sit down.	Да садитесь же, что вы?..
Please do, or I shall think you are angry..."	Пожалуйста, батюшка, а то подумаю, что вы рассердились...
Raskolnikov did not speak; he listened, watching him, still frowning angrily.	Раскольников молчал, слушал и наблюдал, все еще гневно нахмурившись.
He did sit down, but still held his cap.	Он, впрочем, сел, но не выпуская из рук фуражки.
"I must tell you one thing about myself, my dear Rodion Romanovitch," Porfiry Petrovitch continued, moving about the room and again avoiding his visitor's eyes.	- Я вам одну вещь, батюшка Родион Романович, скажу про себя, так сказать в объяснение характеристики, - продолжал, суетясь по комнате, Порфирий Петрович и по-прежнему как бы избегая встретиться глазами с своим гостем.

"You see, I'm a bachelor, a man of no consequence and not used to society; besides, I have nothing before me, I'm set, I'm running to seed and... and have you noticed, Rodion Romanovitch, that in our Petersburg circles, if two clever men meet who are not intimate, but respect each other, like you and me, it takes them half an hour before they can find a subject for conversation--they are dumb, they sit opposite each other and feel awkward.	- Я, знаете, человек холостой, этак несветский и неизвестный, и к тому же законченный человек, зачоченелый человек-с, в семья пошел и... и... и заметили ль вы, Родион Романович, что у нас, то есть у нас в России-с, и всего более в наших петербургских кружках, если два умные человека, не слишком еще между собою знакомые, но, так сказать, взаимно друг друга уважающие, вот как мы теперь с вами-с, сойдутся вместе, то целых полчаса никак не могут найти темы для разговора, - коченеют друг перед другом, сидят и взаимно конфузятся.
Everyone has subjects of conversation, ladies for instance... people in high society always have their subjects of conversation, _c'est de rigueur_, but people of the middle sort like us, thinking people that is, are always tongue-tied and awkward.	У всех есть тема для разговора, у дам, например... у светских, например, людей высшего тона, всегда есть тема, c'est de rigueur, а среднего рода люди, как мы, - все конфузливый и неразговорчивый... мыслящие то есть.
What is the reason of it?	Отчего это, батюшка, происходит-с?
Whether it is the lack of public interest, or whether it is we are so honest we don't want to deceive one another, I don't know.	Интересов общественных, что ли, нет-с, али честны уж мы очень и друг друга обманывать не желаем, не знаю-с.
What do you think?	А? Как вы думаете?
Do put down your cap, it looks as if you were just going, it makes me uncomfortable...	Да фуражечку-то отложите-с, точно уйти сейчас собираетесь, право, неловко смотреть...
I am so delighted..."	Я, напротив, так рад-с...
Raskolnikov put down his cap and continued listening in silence with a serious frowning face to the vague and empty chatter of Porfiry Petrovitch.	Раскольников положил фуражку, продолжая молчать и серьезно, нахмуренно вслушиваться в пустую и сбивчивую болтовню Порфирия.
"Does he really want to distract my attention with his silly babble?"	"Да что он в самом деле, что ли, хочет внимание мое развлечь глупою своею болтовней?"
"I can't offer you coffee here; but why not spend five minutes with a friend?" Porfiry pattered on, "and you know all these official duties..."	- Кофеем вас не прошу-с, не место; но минуток пять времени почему не посидеть с приятелем, для развлечения, - не умолкая сыпал Порфирий,-

please don't mind my running up and down, excuse it, my dear fellow, I am very much afraid of offending you, but exercise is absolutely indispensable for me.	и знаете-с, все эти служебные обязанности... да вы, батюшка, не обижайтесь, что я вот все хожу-с, взад да вперед; извините, батюшка, обидеть вас уж очень боюсь, а моцион так мне просто необходим-с.
I'm always sitting and so glad to be moving about for five minutes... I suffer from my sedentary life... I always intend to join a gymnasium; they say that officials of all ranks, even Privy Councillors, may be seen skipping gaily there; there you have it, modern science... yes, yes....	Все сижу и уж так рад походить минут пять... геморрой-с... все гимнастикой собираюсь лечиться; там, говорят, статские, действительные статские и даже тайные советники охотно через веревочку прыгают-с; вон оно как, наука-то, в нашем веке-с... так-с...
But as for my duties here, inquiries and all such formalities... you mentioned inquiries yourself just now... I assure you these interrogations are sometimes more embarrassing for the interrogator than for the interrogated....	А насчет этих здешних обязанностей, допросов и всей этой формалистики... вот вы, батюшка, сейчас упомянуть изволили сами о допросах-с... так, знаете, действительно, батюшка Родион Романович, эти допросы иной раз самого допросчика больше, чем допрашиваемого, с толку сбивают...
You made the observation yourself just now very aptly and wittily." (Raskolnikov had made no observation of the kind.) "One gets into a muddle!	Об этом вы, батюшка, с совершенною справедливостью и остроумием сейчас заметить изволили. (Раскольников не замечал ничего подобного.) Запутаетесь-с!
A regular muddle!	Право, запутаетесь!
One keeps harping on the same note, like a drum!	И все-то одно и то же, все-то одно и то же, как барабан!
There is to be a reform and we shall be called by a different name, at least, he-he-he!	Вон реформа идет, и мы хоть в названии-то будем переименованы, хе-хе-хе!
And as for our legal tradition, as you so wittily called it, I thoroughly agree with you.	А уж про приемы-то наши юридические - как остроумно изволили выразиться - так уж совершенно вполне с вами согласен-с.
Every prisoner on trial, even the rudest peasant, knows that they begin by disarming him with irrelevant questions (as you so happily put it) and then deal him a knock-down blow, he-he-he!--your felicitous comparison, he-he! So you really imagined that I meant by	Ну кто же, скажите, из всех подсудимых, даже из самого посконного мужичья, не знает, что его, например, сначала начнут посторонними вопросами усыплять (по счастливому выражению вашему), а потом вдруг и огорошат в самое темя, обухом-то-с, хе! хе! хе! в самое темя, по счастливому уподоблению вашему, хе! хе! так вы это в самом деле подумали, что я квартирой-то

'government quarters'... he-he!	вас хотел... хе! хе!
You are an ironical person.	Иронический же вы человек.
Come. I won't go on!	Ну, не буду!
Ah, by the way, yes! One word leads to another. You spoke of formality just now, apropos of the inquiry, you know.	Ах да, кстати, одно словцо другое зовет, одна мысль другую вызывает, - вот вы о форме тоже давеча изволили упомянуть, насчет, знаете, допросика-то-с...
But what's the use of formality?	Да что ж по форме!
In many cases it's nonsense.	Форма, знаете во многих случаях, вздор-с.
Sometimes one has a friendly chat and gets a good deal more out of it.	Иной раз только по-дружески поговоришь, ан и выгоднее.
One can always fall back on formality, allow me to assure you. And after all, what does it amount to?	Форма никогда не уйдет, в этом позвольте мне вас успокоить-с; да и что такое в сущности форма, я вас спрошу?
An examining lawyer cannot be bounded by formality at every step.	Формой нельзя на всяком шагу стеснять следователя.
The work of investigation is, so to speak, a free art in its own way, he-he-he!"	Дело следователя ведь это, так сказать, свободное художество, в своем роде-с или вроде того... хехе-хе!..
Porfiry Petrovitch took breath a moment.	Порфирий Петрович перевел на минутку дух.
He had simply babbled on uttering empty phrases, letting slip a few enigmatic words and again reverting to incoherence.	Он так и сыпал, не уставая, то бессмысленно пустые фразы, то вдруг пропускал какие-то загадочные словечки и тотчас же опять сбивался на бессмыслицу.
He was almost running about the room, moving his fat little legs quicker and quicker, looking at the ground, with his right hand behind his back, while with his left making gesticulations that were extraordinarily incongruous with his words.	По комнате он уже почти бегал, все быстрее и быстрее передвигая свои жирные ножки, все смотря в землю, засунув правую руку за спину, а левою беспрерывно помахивая и выделявая разные жесты, каждый раз удивительно не подходившие к его словам.
Raskolnikov suddenly noticed that as he ran about the room he seemed twice to stop for a moment near the door, as though he were listening.	Раскольников вдруг заметил, что, бегая по комнате, он раза два точно как будто останавливался подле дверей, на одно мгновение, и как будто прислушивался...

"Is he expecting anything?"	"Ждет он, что ли, чего-нибудь?"
"You are certainly quite right about it," Porfiry began gaily, looking with extraordinary simplicity at Raskolnikov (which startled him and instantly put him on his guard); "certainly quite right in laughing so wittily at our legal forms, he-he!"	- А это вы, действительно, совершенно правы-с, - опять подхватил Порфирий, весело, с необыкновенным простодушием смотря на Раскольникова (отчего тот так и вздрогнул и мигом приготовился), - действительно, правы-с, что над формами-то юридическими с таким остроумием изволили посмеяться, хе-хе!
Some of these elaborate psychological methods are exceedingly ridiculous and perhaps useless, if one adheres too closely to the forms.	Уж эти (некоторые, конечно) глубокомысленно-психологические приемы-то наши крайне смешны-с, да, пожалуй, и бесполезны-с, в случае если формой-то очень стеснены-с.

Yes... I am talking of forms again. Well, if I recognise, or more strictly speaking, if I suspect someone or other to be a criminal in any case entrusted to me... you're reading for the law, of course, Rodion Romanovitch?"	Да-с... опять-таки я про форму: ну, признавай или, лучше сказать, подозревай я кого-нибудь того, другого, третьего, так сказать, за преступника-с, по какомунибудь дельцу, мне порученному... Вы ведь в юристы готовитесь, Родион Романович?
"Yes, I was..."	- Да, готовился...
"Well, then it is a precedent for you for the future--though don't suppose I should venture to instruct you after the articles you publish about crime!"	- Ну, так вот вам, так сказать, и примерчик на будущее, - то есть не подумайте, чтоб я вас учить осмелился: эвона ведь вы какие статьи о преступлениях печатаете!
No, I simply make bold to state it by way of fact, if I took this man or that for a criminal, why, I ask, should I worry him prematurely, even though I had evidence against him?	Нет-с, а так, в виде факта, примерчик осмелюсь представить, - так вот считай я, например, того, другого, третьего за преступника, ну зачем, спрошу, буду я его раньше срока беспокоить, хотя бы я и улики против него имел-с?
In one case I may be bound, for instance, to arrest a man at once, but another may be in quite a different position, you know, so why shouldn't I let him walk about the town a bit? he-he-he!	Иного я и обязан, например, заарестовать поскорее, а другой ведь не такого характера, право-с; так отчего ж бы и не дать ему погулять по городу, хе-хе-с!
But I see you don't quite understand, so I'll give you a clearer example. If I put him in prison too soon, I may very likely give him, so to speak, moral support, he-he!	Нет, вы, я вижу, не совсем понимаете, так я вам пояснее изображу-с: посади я его, например, слишком рано, так ведь этим я ему, пожалуй, нравственную, так сказать, опору придам, хе-хе!

You're laughing?" Raskolnikov had no idea of laughing. He was sitting with compressed lips, his feverish eyes fixed on Porfiry Petrovitch's. "Yet that is the case, with some types especially, for men are so different.	Вы смеетесь? (Раскольников и не думал смеяться: он сидел стиснув губы, не спуская своего воспаленного взгляда с глаз Порфирия Петровича.) А между тем ведь это так-с, с иным субъектом особенно, потому люди многообразны-с, и над всем одна практика-с.
You say 'evidence'. Well, there may be evidence. But evidence, you know, can generally be taken two ways. I am an examining lawyer and a weak man, I confess it. I should like to make a proof, so to say, mathematically clear. I should like to make a chain of evidence such as twice two are four, it ought to be a direct, irrefutable proof!	Вы вот изволите теперича говорить: улики; да ведь оно, положим, улики-с, да ведь улики-то, батюшка, о двух концах, большею-то частью-с, а ведь я следователь, стало быть, слабый человек, каюсь: хотелось бы следствие, так сказать, математически ясно представить, хотелось бы такую уличку достать, чтоб на дважды два -четыре походило! На прямое и бесспорное доказательство походило бы!
And if I shut him up too soon--even though I might be convinced _he_ was the man, I should very likely be depriving myself of the means of getting further evidence against him. And how?	А ведь засади его не вовремя - хотя бы я был и уверен, что это он, - так ведь я, пожалуй, сам у себя средства отниму к дальнейшему его обличению, а почему?
By giving him, so to speak, a definite position, I shall put him out of suspense and set his mind at rest, so that he will retreat into his shell.	А потому что я ему, так сказать, определенное положение дам, так сказать, психологически его определяю и успокою, вот он и уйдет от меня в свою скорлупу: поймет наконец, что он арестант.

They say that at Sevastopol, soon after Alma, the clever people were in a terrible fright that the enemy would attack openly and take Sevastopol at once. But when they saw that the enemy preferred a regular siege, they were delighted, I am told and reassured, for the thing would drag on for two months at least.	Говорят вон, в Севастополе, сейчас после Альмы, умные-то люди ух как боялись, что вот-вот атакует неприятель открытою силой и сразу возьмет Севастополь; а как увидели, что неприятель правильную осаду предпочел и первую параллель открывает, так куды, говорят, обрадовались и успокоились умные-то люди-с: по крайности на два месяца, значит, дело затянулось, потому когда-то правильной-то осадой возьмут!
You're laughing, you don't believe me again?	Опять смеетесь, опять не верите?
Of course, you're right, too.	Оно, конечно, правы и вы.
You're right, you're right.	Правы-с, правы-с!
These are special cases, I admit.	Это все частные случаи, согласен с вами; представленный случай, действительно, частный-

	с!
But you must observe this, my dear Rodion Romanovitch, the general case, the case for which all legal forms and rules are intended, for which they are calculated and laid down in books, does not exist at all, for the reason that every case, every crime, for instance, so soon as it actually occurs, at once becomes a thoroughly special case and sometimes a case unlike any that's gone before.	Но ведь вот что при этом, добрейший Родион Романович, наблюдать следует: ведь общего-то случая-с, того самого, на который все юридические формы и правила применены и с которого они рассчитаны и в книжки записаны, вовсе не существует-с по тому самому, что всякое дело, всякое, хоть, например, преступление, как только оно случится в действительности, тотчас же и обращается в совершенно частный случай-с; да иногда ведь в какой: так-таки ни на что прежнее не похожий-с.
Very comic cases of that sort sometimes occur.	Прекомические иногда случаи случаются в этом роде-с.
If I leave one man quite alone, if I don't touch him and don't worry him, but let him know or at least suspect every moment that I know all about it and am watching him day and night, and if he is in continual suspicion and terror, he'll be bound to lose his head. He'll come of himself, or maybe do something which will make it as plain as twice two are four--it's delightful.	Да оставь я иного-то господина совсем одного: не бери я его и не беспокой, но чтоб знал он каждый час и каждую минуту, или по крайней мере подозревал, что я все знаю, всю подноготную, и денно и ночью слежу за ним, неусыпно его сторожу, и будь он у меня сознательно под вечным подозрением и страхом, так ведь, ей-богу, закружится, право-с, сам придет да, пожалуй, еще и наделает чего-нибудь, что уже на дважды два походить будет, так сказать, математический вид будет иметь, - оно и приятно-с.
It may be so with a simple peasant, but with one of our sort, an intelligent man cultivated on a certain side, it's a dead certainty.	Это и с мужиком сиволапым может произойти, а уж с нашим братом, современно умным человеком, да еще в известную сторону развитым, и подавно!
For, my dear fellow, it's a very important matter to know on what side a man is cultivated.	Потому, голубчик, что весьма важная штука понять, в какую сторону развит человек.
And then there are nerves, there are nerves, you have overlooked them!	А нервы-то-с, нервы-то-с, вы их-то так и забыли-с!

Why, they are all sick, nervous and irritable!...	Ведь все это ныне больное, да худое, да раздраженное!..
And then how they all suffer from spleen!	А желчи-то, желчи в них во всех сколько!
That I assure you is a regular gold-	Да ведь это, я вам скажу, при случае своего

mine for us.	рода рудник-с!
And it's no anxiety to me, his running about the town free!	И какое мне в том беспокойство, что он несвязанный ходит по городу!
Let him, let him walk about for a bit! I know well enough that I've caught him and that he won't escape me.	Да пусть, пусть его погуляет пока, пусть; я ведь и без того знаю, что он моя жертвочка и никуда не убежит от меня!
Where could he escape to, he-he?	Да и куда ему бежать, хе-хе!
Abroad, perhaps?	За границу, что ли?
A Pole will escape abroad, but not here, especially as I am watching and have taken measures.	За границу поляк убежит, а не он, тем паче, что я слежу, да и меры принял.
Will he escape into the depths of the country perhaps?	В глубину отечества убежит, что ли?
But you know, peasants live there, real rude Russian peasants. A modern cultivated man would prefer prison to living with such strangers as our peasants. He-he!	Да ведь там мужики живут, настоящие, посконные, русские; этак ведь современно-то развитый человек скорее острог предпочтет, чем с такими иностранцами, как мужики наши, жить, хе-хе!
But that's all nonsense, and on the surface.	Но это все вздор и наружное.
It's not merely that he has nowhere to run to, he is _psychologically_ unable to escape me, he-he!	Что такое: убежит! Это форменное; а главное-то не то; не по этому одному он не убежит от меня, что некуда убежать: он у меня психологически не убежит, хе-хе!
What an expression!	Каково выраженьице-то!
Through a law of nature he can't escape me if he had anywhere to go.	Он по закону природы у меня не убежит, хотя бы даже и было куда убежать.
Have you seen a butterfly round a candle?	Видали бабочку перед свечкой?
That's how he will keep circling and circling round me. Freedom will lose its attractions. He'll begin to brood, he'll weave a tangle round himself, he'll worry himself to death!	Ну, так вот он все будет, все будет около меня, как около свечки, кружиться; свобода не мила станет, станет задумываться, запутываться, сам себя кругом запутает, как в сетях, затревожит себя насмерть!..
What's more he will provide me with a mathematical proof--if I only give him long enough interval....	Мало того: сам мне какую-нибудь математическую штучку, вроде дважды двух приготовит, - лишь дай я ему только антракт подлиннее...

And he'll keep circling round me, getting nearer and nearer and then-- flop!	И все будет, все будет около меня же круги давать, все суживая да суживая радиус, и - хлоп!
He'll fly straight into my mouth and I'll swallow him, and that will be very amusing, he-he-he!	Прямо мне в рот и влетит, я его и проглочу-с, а это уж очень приятно-с, хе-хе-хе!
You don't believe me?"	Вы не верите?

Raskolnikov made no reply; he sat pale and motionless, still gazing with the same intensity into Porfiry's face.	Раскольников не отвечал, он сидел бледный и неподвижный, все с тем же напряжением всматриваясь в лицо Порфирия.
"It's a lesson," he thought, turning cold.	"Урок хорош! - думал он, холодея.
"This is beyond the cat playing with a mouse, like yesterday.	- Это даже уж и не кошка с мышью, как вчера было.
He can't be showing off his power with no motive... prompting me; he is far too clever for that... he must have another object. What is it?	И не силу же он свою мне бесполезно выказывает и... подсказывает: он гораздо умнее для этого! Тут цель другая, какая же?
It's all nonsense, my friend, you are pretending, to scare me!	Эй, вздор, брат, пугаешь ты меня и хитришь!
You've no proofs and the man I saw had no real existence.	Нет у тебя доказательств, и не существует вчерашний человек!
You simply want to make me lose my head, to work me up beforehand and so to crush me. But you are wrong, you won't do it!	А ты просто с толку сбить хочешь, раздражить меня хочешь преждевременно, да в этом состоянии и прихлопнуть, только врешь, оборвешься, оборвешься!
But why give me such a hint?	Но зачем же, зачем же до такой степени мне подсказывать?..
Is he reckoning on my shattered nerves?	На больные, что ли, нервы мои рассчитываем?..
No, my friend, you are wrong, you won't do it even though you have some trap for me... let us see what you have in store for me."	Нет, брат, врешь, оборвешься, хотя ты что-то и приготовил... Ну, вот и посмотрим, что такое ты там приготовил".
And he braced himself to face a terrible and unknown ordeal.	И он скрепился изо всех сил, готовясь к страшной и неведомой катастрофе.
At times he longed to fall on Porfiry and strangle him.	По временам ему хотелось кинуться и тут же на месте задушить Порфирия.
This anger was what he dreaded from the	Он, еще входя сюда, этой злобы боялся.

beginning.	
He felt that his parched lips were flecked with foam, his heart was throbbing.	Он чувствовал, что пересохли его губы, сердце колотится, пена запеклась на губах.
But he was still determined not to speak till the right moment.	Но он все-таки решился молчать и не промолвить слова до времени.
He realised that this was the best policy in his position, because instead of saying too much he would be irritating his enemy by his silence and provoking him into speaking too freely.	Он понял, что это самая лучшая тактика в его положении, потому что не только он не проговорится, но, напротив, раздражит молчанием самого врага, и, пожалуй, еще тот ему же проговорится.
Anyhow, this was what he hoped for.	По крайней мере, он на это надеялся.

"No, I see you don't believe me, you think I am playing a harmless joke on you," Porfiry began again, getting more and more lively, chuckling at every instant and again pacing round the room. "And to be sure you're right: God has given me a figure that can awaken none but comic ideas in other people; a buffoon; but let me tell you, and I repeat it, excuse an old man, my dear Rodion Romanovitch, you are a man still young, so to say, in your first youth and so you put intellect above everything, like all young people.	- Нет, вы, я вижу, не верите-с, думаете все, что я вам шуточки невинные подвожу, - подхватил Порфирий, все более и более веселея и беспрерывно хихикая от удовольствия и опять начиная кружить по комнате, - оно, конечно, вы правы-с; у меня и фигура уж так самим богом устроена, что только комические мысли в других возбуждает; буффон-с; но я вам вот что скажу, и опять повторю-с, что вы, батюшка, Родион Романович, уж извините меня старика, человек еще молодой-с, так сказать, первой молодости, а потому выше всего ум человеческий цените, по примеру всей молодежи.
Playful wit and abstract arguments fascinate you and that's for all the world like the old Austrian _Hof-kriegsrath_, as far as I can judge of military matters, that is: on paper they'd beaten Napoleon and taken him prisoner, and there in their study they worked it all out in the cleverest fashion, but look you, General Mack surrendered with all his army, he-he-he!	Игривая острота ума и отвлеченные доводы рассудка вас соблазняют-с. И это точь-в-точь, как прежний австрийский гофкригсрат, например, насколько то есть я могу судить о военных событиях: на бумаге-то они и Наполеона разбили и в полон взяли, и уж как там, у себя в кабинете, все остроумнейшим образом рассчитали и подвели, а смотришь, генерал-то Мак и сдается со всей своей армией, хе-хе-хе!
I see, I see, Rodion Romanovitch, you are laughing at a civilian like me, taking examples out of military history!	Вижу, вижу, батюшка, Родион Романович, смеетесь вы надо мною, что я, такой статский человек, все из военной истории примерчики подбираю.
But I can't help it, it's my weakness. I am fond of military science. And I'm	Да что делать, слабость, люблю военное дело, и уж как люблю я читать все эти

ever so fond of reading all military histories. I've certainly missed my proper career.	военные реляции... решительно я моей карьерой манкировал.
I ought to have been in the army, upon my word I ought.	Мне бы в военной служить-с, право-с.
I shouldn't have been a Napoleon, but I might have been a major, he-he!	Наполеоном-то, может быть, и не сделался бы, ну а майором бы был-с, хе-хе-хе!
Well, I'll tell you the whole truth, my dear fellow, about this _special case_, I mean: actual fact and a man's temperament, my dear sir, are weighty matters and it's astonishing how they sometimes deceive the sharpest calculation!	Ну-с, так я вам теперь, родимый мой, всю подробную правду скажу насчет того то есть частного случая-то: действительность и натура, сударь вы мой, есть важная вещь, и ух как иногда самый прозорливейший расчет подсекают!
I--listen to an old man--am speaking seriously, Rodion Romanovitch" (as he said this Porfiry Petrovitch, who was scarcely five-and-thirty, actually seemed to have grown old; even his voice changed and he seemed to shrink together)	Эй, послушайте старика, серьезно говорю, Родион Романович (говоря это, едва ли тридцатипятилетний Порфирий Петрович действительно как будто вдруг весь состарился: даже голос его изменился, и как-то весь он скрючился), - к тому же я человек откровенный-с...
"Moreover, I'm a candid man... am I a candid man or not?	Откровенный я человек или нет?
What do you say?	Как по вашему?

I fancy I really am: I tell you these things for nothing and don't even expect a reward for it, he-he!	Уж кажется, что вполне: этакие-то вещи вам задаром сообщаю, да еще награждения за это не требую, хе-хе!
Well, to proceed, wit in my opinion is a splendid thing, it is, so to say, an adornment of nature and a consolation of life, and what tricks it can play! So that it sometimes is hard for a poor examining lawyer to know where he is, especially when he's liable to be carried away by his own fancy, too, for you know he is a man after all!	Ну, так вот-с, продолжаю-с: остроумие, по-моему, великолепная вещь-с; это, так сказать, краса природы и утешение жизни, и уж какие, кажется, фокусы может оно задавать, так что где уж, кажется, иной раз угадать какому-нибудь бедненькому следователю, который притом и сам своей фантазией увлечен, как и всегда бывает, потому тоже ведь человек-с!
But the poor fellow is saved by the criminal's temperament, worse luck for him!	Да натура-то бедненького следователя выручает-с, вот беда!
But young people carried away by their own wit don't think of that 'when they	А об этом и не подумает увлекающаяся остроумием молодежь, "шагающая через все

overstep all obstacles,' as you wittily and cleverly expressed it yesterday.	препятствия" (как вы остроумнейшим и хитрейшим образом изволили выразиться).
He will lie--that is, the man who is a _special case_, the incognito, and he will lie well, in the cleverest fashion; you might think he would triumph and enjoy the fruits of his wit, but at the most interesting, the most flagrant moment he will faint.	Он-то, положим, и солжет, то есть человек-то-с, частный-то случайс, incognito-то-с, и солжет отлично, наихитрейшим манером; тут бы, кажется, и триумф, и наслаждайся плодами своего остроумия, а он хлоп! да в самом-то интересном, в самом скандалезнейшем месте и упадет в обморок.
Of course there may be illness and a stuffy room as well, but anyway!	Оно, положим, болезнь, духота тоже иной раз в комнатах бывает, да все-таки-с!
Anyway he's given us the idea!	Все-таки мысль подал!
He lied incomparably, but he didn't reckon on his temperament.	Солгалто он бесподобно, а на натуру-то и не сумел рассчитать.
That's what betrays him!	Вон оно, коварство-то где-с!
Another time he will be carried away by his playful wit into making fun of the man who suspects him, he will turn pale as it were on purpose to mislead, but his paleness will be _too natural_, too much like the real thing, again he has given us an idea!	Другой раз, увлекаясь игривостию своего остроумия, начнет дурачить подозревающего его человека, побледнеет как бы нарочно, как бы в игре, да слишком уж натурально побледнеет-то, слишком уж на правду похоже, ан и опять подал мысль!
Though his questioner may be deceived at first, he will think differently next day if he is not a fool, and, of course, it is like that at every step!	Хоть и надует с первого раза, да за ночь-то тот и надумается, коли сам малый не промах. Да ведь на каждом шагу этак-то-с!
He puts himself forward where he is not wanted, speaks continually when he ought to keep silent, brings in all sorts of allegorical allusions, he-he!	Да чего: сам вперед начнет забегать, соваться начнет, куда и не спрашивают, заговаривать начнет беспрерывно о том, о чем бы надо, напротив, молчать, различные аллегории начнет подпускать, хе-хе!
Comes and asks why didn't you take me long ago? he-he-he!	Сам придет и спрашивать начнет: зачем-де меня долго не берут? хе-хе-хе!
And that can happen, you know, with the cleverest man, the psychologist, the literary man.	И это ведь с самым остроумнейшим человеком может случиться, с психологом и литератором-с!

The temperament reflects everything like a mirror!	Зеркало натура, зеркало-с, самое прозрачное-с!
Gaze into it and admire what you see!	Смотри в него и любуйся, вот что-с!
But why are you so pale, Rodion Romanovitch? Is the room stuffy? Shall I open the window?"	Да что это вы так побледнели, Родион Романович, не душно ли вам, не растворить ли окошечко?
"Oh, don't trouble, please," cried Raskolnikov and he suddenly broke into a laugh. "Please don't trouble."	- О, не беспокойтесь, пожалуйста, - вскричал Раскольников и вдруг захохотал, - пожалуйста, не беспокойтесь!
Porfiry stood facing him, paused a moment and suddenly he too laughed.	Порфирий остановился против него, подождал и вдруг сам захохотал, вслед за ним.
Raskolnikov got up from the sofa, abruptly checking his hysterical laughter.	Раскольников встал с дивана, вдруг резко прекратив свой, совершенно припадочный, смех.
"Porfiry Petrovitch," he began, speaking loudly and distinctly, though his legs trembled and he could scarcely stand. "I see clearly at last that you actually suspect me of murdering that old woman and her sister Lizaveta.	- Порфирий Петрович! - проговорил он громко и отчетливо, хотя едва стоял на дрожавших ногах, - я, наконец, вижу ясно, что вы положительно подозреваете меня в убийстве этой старухи и ее сестры Лизаветы.
Let me tell you for my part that I am sick of this.	С своей стороны объявляю вам, что все это мне давно уже надоело.
If you find that you have a right to prosecute me legally, to arrest me, then prosecute me, arrest me.	Если находите, что имеете право меня законно преследовать, то преследуйте; арестовать, то арестуйте.
But I will not let myself be jeered at to my face and worried..."	Но смеяться себе в глаза и мучить себя я не позволю.
His lips trembled, his eyes glowed with fury and he could not restrain his voice.	Вдруг губы его задрожали, глаза загорелись бешенством, и сдержанный до сих пор голос зазвучал.
"I won't allow it!" he shouted, bringing his fist down on the table. "Do you hear that, Porfiry Petrovitch?	- Не позволю-с! - крикнул он вдруг, изо всей силы стукнув кулаком по столу, - слышите вы это, Порфирий Петрович?
I won't allow it."	Не позволю!
"Good heavens! What does it mean?" cried Porfiry Petrovitch, apparently quite frightened.	- Ах, господи, да что это опять! - вскрикнул, по-видимому в совершенном испуге, Порфирий Петрович, - батюшка!

"Rodion Romanovitch, my dear fellow, what is the matter with you?"	Родион Романович! Родименький! Отец! Да что с вами?
"I won't allow it," Raskolnikov shouted again.	- Не позволю! - крикнул было другой раз Раскольников.
"Hush, my dear man!	- Батюшка, потише!
They'll hear and come in.	Ведь услышат, придут!
Just think, what could we say to them?" Porfiry Petrovitch whispered in horror, bringing his face close to Raskolnikov's.	Ну что тогда мы им скажем, подумайте! - прошептал в ужасе Порфирий Петрович, приближая свое лицо к самому лицу Раскольникова.

"I won't allow it, I won't allow it," Raskolnikov repeated mechanically, but he too spoke in a sudden whisper.	- Не позволю, не позволю! - машинально повторил Раскольников, но тоже вдруг совершенным шепотом.
Porfiry turned quickly and ran to open the window.	Порфирий быстро отвернулся и побежал отворить окно.
"Some fresh air!	- Воздуху пропустить свежего!
And you must have some water, my dear fellow.	Да водицы бы вам, голубчик, испить, ведь это припадок-с!
You're ill!" and he was running to the door to call for some when he found a decanter of water in the corner.	- И он бросился было к дверям приказать воды, но тут же в углу, кстати, нашелся графин с водой.
"Come, drink a little," he whispered, rushing up to him with the decanter.	- Батюшка, испейте, - шептал он, бросаясь к нему с графином, - авось поможет...
"It will be sure to do you good." Porfiry Petrovitch's alarm and sympathy were so natural that Raskolnikov was silent and began looking at him with wild curiosity.	- Испуг и самое участие Порфирия Петровича были до того натуральны, что Раскольников умолк и с диким любопытством стал его рассматривать.
He did not take the water, however.	Воды, впрочем, он не принял.
"Rodion Romanovitch, my dear fellow, you'll drive yourself out of your mind, I assure you, ach, ach!	- Родион Романович! миленький! да вы этак себя с ума сведете, уверяю вас, э-эх! А-ах!
Have some water, do drink a little."	Выпейте-ка! Да выпейте хоть немножечко!
He forced him to take the glass.	Он-таки заставил его взять стакан с водой в руки.
Raskolnikov raised it mechanically to his lips, but set it on the table again with disgust.	Тот машинально поднес было его к губам, но, опомнившись, с отвращением поставил на стол.

"Yes, you've had a little attack!	- Да-с, припадочек у нас был-с!
You'll bring back your illness again, my dear fellow," Porfiry Petrovitch cackled with friendly sympathy, though he still looked rather disconcerted.	Этак вы опять, голубчик, прежнюю болезнь себе возвратите, - закудахтал с дружественным участием Порфирий Петрович, впрочем, все еще с каким-то растерявшимся видом.
"Good heavens, you must take more care of yourself!	- Господи! Да как же этак себя не беречь?
Dmitri Prokofitch was here, came to see me yesterday--I know, I know, I've a nasty, ironical temper, but what they made of it!...	Вот и Дмитрий Прокофьич ко мне вчера приходил, - согласен, согласен-с, у меня характер язвительный, скверный, а они вот что из этого вывели!..
Good heavens, he came yesterday after you'd been. We dined and he talked and talked away, and I could only throw up my hands in despair!	Господи! Пришел вчера, после вас, мы обедали, говорил-говорил, я только руки расставил; ну, думаю... ах ты, господи!
Did he come from you?	От вас, что ли, он приходил?
But do sit down, for mercy's sake, sit down!"	Да садитесь же, батюшка, присядьте ради Христа!
"No, not from me, but I knew he went to you and why he went," Raskolnikov answered sharply.	- Нет, не от меня! Но я знал, что он к вам пошел и зачем пошел, - резко ответил Раскольников.
"You knew?"	- Знали?
"I knew.	- Знал.

What of it?"	Ну что же из этого?
"Why this, Rodion Romanovitch, that I know more than that about you; I know about everything.	- Да то же, батюшка, Родион Романович, что я не такие еще ваши подвиги знаю; обо всем известен-с!
I know how you went _to take a flat_ at night when it was dark and how you rang the bell and asked about the blood, so that the workmen and the porter did not know what to make of it.	Ведь я знаю, как вы квартиру-то нанимать ходили, под самую ночь, когда смерклось, да в колокольчик стали звонить, да про кровь спрашивали, да работников и дворников с толку сбили.
Yes, I understand your state of mind at that time... but you'll drive yourself mad like that, upon my word! You'll lose your head!	Ведь я понимаю настроение-то ваше душевное, тогдашнее-то... да ведь все-таки этак вы себя просто с ума сведете, ей-богу-с! Закружитесь!
You're full of generous indignation at the	

wrongs you've received, first from destiny, and then from the police officers, and so you rush from one thing to another to force them to speak out and make an end of it all, because you are sick of all this suspicion and foolishness.	Негодование-то в вас уж очень сильно кипит-с, благородное-с, от полученных обид, сперва от судьбы, а потом от квартальных, вот вы и мечетесь туда и сюда, чтобы, так сказать, поскорее заговорить всех заставить и тем все разом покончить, потому что надоели вам эти глупости, и все подозрения эти.
That's so, isn't it?	Ведь так?
I have guessed how you feel, haven't I?	Угадал-с настроението?..
Only in that way you'll lose your head and Razumihin's, too; he's too <u>good</u> a man for such a position, you must know that.	Только вы этак не только себя, да и Разумихина у меня закружите; ведь слишком уж он добрый человек для этого, сами знаете.
You are ill and he is good and your illness is infectious for him...	У вас-то болезнь, а у него добродетель, болезнь-то и выходит к нему прилипчивая...
I'll tell you about it when you are more yourself.... But do sit down, for goodness' sake.	Я вам, батюшка, вот когда успокоитесь, расскажу... да садитесь же, батюшка, ради Христа!
Please rest, you look shocking, do sit down."	Пожалуйста, отдохните, лица на вас нет; да присядьте же.
Raskolnikov sat down; he no longer shivered, he was hot all over.	Раскольников сел; дрожь его проходила, и жар выступал во всем теле.
In amazement he listened with strained attention to Porfiry Petrovitch who still seemed frightened as he looked after him with friendly solicitude.	В глубоком изумлении, напряженно слушал он испуганного и дружески ухаживавшего за ним Порфирия Петровича.
But he did not believe a word he said, though he felt a strange inclination to believe.	Но он не верил ни единому его слову, хотя ощущал какую-то странную склонность поверить.
Porfiry's unexpected words about the flat had utterly overwhelmed him.	Неожиданные слова Порфирия о квартире совершенно его поразили.
"How can it be, he knows about the flat then," he thought suddenly, "and he tells it me himself!"	"Как же это, он, стало быть, знает про квартиру-то? - подумалось ему вдруг, - и сам же мне и рассказывает!"

"Yes, in our legal practice there was a case almost exactly similar, a case of morbid psychology," Porfiry went on quickly.	- Да-с, был такой почти точно случай, психологический, в судебной практике нашей-с, болезненный такой случай-с, - продолжал скороговоркой Порфирий.

"A man confessed to murder and how he kept it up! It was a regular hallucination; he brought forward facts, he imposed upon everyone and why?	- Тоже наклепал один на себя убийство-с, да еще как наклепалто: целую галлюсинацию подвел, факты представил, обстоятельства рассказал, спутал, сбил всех и каждого, а чего?
He had been partly, but only partly, unintentionally the cause of a murder and when he knew that he had given the murderers the opportunity, he sank into dejection, it got on his mind and turned his brain, he began imagining things and he persuaded himself that he was the murderer.	Сам он, совершенно неумышленно, отчасти, причиной убийства был, но только отчасти, и как узнал про то, что он убийцам дал повод, затосковал, задурманился, стало ему представляться, повихнулся совсем, да и уверил сам себя, что он-то и есть убийца!
But at last the High Court of Appeal went into it and the poor fellow was acquitted and put under proper care.	Да правительствующий сенат, наконец, дело-то разобрал, и несчастный был оправдан и под призрение отдан.
Thanks to the Court of Appeal!	Спасибо правительствующему сенату!
Tut-tut-tut!	Эх-ма, ай-ай-ай!
Why, my dear fellow, you may drive yourself into delirium if you have the impulse to work upon your nerves, to go ringing bells at night and asking about blood!	Да этак что же, батюшка? Этак можно и горячку нажить, когда уж этакие поползновения нервы свои раздражать являются, по ночам в колокольчик ходить звонить да про кровь расспрашивать!
I've studied all this morbid psychology in my practice.	Эту ведь я психологию-то изучил всю на практике-с.
A man is sometimes tempted to jump out of a window or from a belfry.	Этак ведь иногда человека из окна али с колокольни соскочить тянет, и ощущение-то такое соблазнительное.
Just the same with bell-ringing....	Тоже и колокольчики-с...
It's all illness, Rodion Romanovitch!	Болезнь, Родион Романович, болезнь!
You have begun to neglect your illness.	Болезнью своей пренебрегать слишком начали-с.
You should consult an experienced doctor, what's the good of that fat fellow?	Посоветовались бы вы с опытным медиком, а то что у вас этот толстый-то!..
You are lightheaded!	Бред у вас!
You were delirious when you did all this!"	Это все у вас просто в бреду одном делается!..
For a moment Raskolnikov felt everything going round.	На мгновение все так и завертелось кругом Раскольникова.

"Is it possible, is it possible," flashed through his mind, "that he is still lying?"	"Неужели, неужели, - мелькало в нем, - он лжет и теперь?"
He can't be, he can't be." He rejected that idea, feeling to what a degree of fury it might drive him, feeling that that fury might drive him mad.	Невозможно, невозможно!" - отталкивал он от себя эту мысль, чувствуя заранее, до какой степени бешенства и ярости может она довести его, чувствуя, что от бешенства с ума сойти может.

"I was not delirious. I knew what I was doing," he cried, straining every faculty to penetrate Porfiry's game,	- Это было не в бреду, это было наяву! - вскричал он, напрягая все силы своего рассудка проникнуть в игру Порфирия.
"I was quite myself, do you hear?"	- Наяву, наяву! Слышите ли?
"Yes, I hear and understand.	- Да, понимаю и слышу-с!
You said yesterday you were not delirious, you were particularly emphatic about it!	Вы и вчера говорили, что не в бреду, особенно даже напирали, что не в бреду!
I understand all you can tell me!	Все, что вы можете сказать, понимаю-с!
A-ach!...	Э-эх!..
Listen, Rodion Romanovitch, my dear fellow.	Да послушайте же, Родион Романович, благодетель вы мой, ну вот хоть бы это-то обстоятельство.
If you were actually a criminal, or were somehow mixed up in this damnable business, would you insist that you were not delirious but in full possession of your faculties?	Ведь вот будь вы действительно, на самом деле преступны али там как-нибудь замешаны в это проклятое дело, ну стали бы вы, помилуйте, сами напирать, что не в бреду вы все это делали, а, напротив, в полной памяти?
And so emphatically and persistently?	Да еще особенно напирать, с упорством таким, особенным, напирать, - ну могло ли быть, ну могло ли быть это, помилуйте?
Would it be possible?	Да ведь совершенно же напротив, по-моему.
Quite impossible, to my thinking. If you had anything on your conscience, you certainly ought to insist that you were delirious.	Ведь если б вы за собой что-либо чувствовали, так вам именно следовало бы напирать: что непременно, дескать, в бреду!
That's so, isn't it?"	Так ли? Ведь так?
There was a note of slyness in this inquiry.	Что-то лукавое послышалось в этом вопросе.
Raskolnikov drew back on the sofa as Porfiry bent over him and stared	Раскольников отшатнулся к самой спинке дивана от наклонившегося к нему Порфирия и молча, в

in silent perplexity at him.	упор, в недоумении его рассматривал.
"Another thing about Razumihin--you certainly ought to have said that he came of his own accord, to have concealed your part in it!	- Али вот насчет господина Разумихина, насчет того то есть, от себя ли он вчера приходил говорить или с вашего наущения?
But you don't conceal it!	Да вам именно должно бы говорить, что от себя приходил, и скрыть, что с вашего наущения! А ведь вот вы не скрываете же!
You lay stress on his coming at your instigation."	Вы именно упираете на то, что с вашего наущения!
Raskolnikov had not done so.	Раскольников никогда не упирал на это.
A chill went down his back.	Холод прошел по спине его.

"You keep telling lies," he said slowly and weakly, twisting his lips into a sickly smile, "you are trying again to show that you know all my game, that you know all I shall say beforehand," he said, conscious himself that he was not weighing his words as he ought. "You want to frighten me... or you are simply laughing at me..."	- Вы все лжете, - проговорил он медленно и слабо, с искривившимися в болезненную улыбку губами, - вы мне опять хотите показать, что всю игру мою знаете, все ответы мои заранее знаете,- говорил он, сам почти чувствуя, что уже не взвешивает как должно слов, - запугать меня хотите... или просто смеетесь надо мной...
He still stared at him as he said this and again there was a light of intense hatred in his eyes.	Он продолжал в упор смотреть на него, говоря это, и вдруг опять беспредельная злоба блеснула в глазах его.
"You keep lying," he said.	- Лжете вы все! - вскричал он.
"You know perfectly well that the best policy for the criminal is to tell the truth as nearly as possible... to conceal as little as possible.	- Вы сами отлично знаете, что самая лучшая увертка преступнику по возможности не скрывать, чего можно не скрыть.
I don't believe you!"	Не верю я вам!
"What a wily person you are!" Porfiry tittered, "there's no catching you; you've a perfect monomania.	- Экой же вы вертун! - захихикал Порфирий, - да с вами, батюшка, и не сладишь; мономания какая-то в вас засела.
So you don't believe me?	Так не верите мне?
But still you do believe me, you believe a quarter; I'll soon make you believe the whole, because I have a sincere liking for you and genuinely wish you good."	А я вам скажу, что уж верите, уж на четверть аршина поверили, а я сделаю, что поверите и на весь аршин, потому истинно вас люблю и искренно добра желаю.
Raskolnikov's lips trembled.	Губы Раскольникова задрожали.

"Yes, I do," went on Porfiry, touching Raskolnikov's arm genially, "you must take care of your illness.	- Да-с, желаю-с, окончательно вам скажу-с, -продолжал он, слегка, дружески, взявши за руку Раскольникова, немного повыше локтя, -окончательно скажу-с: наблюдайте вашу болезнь.
Besides, your mother and sister are here now; you must think of them.	К тому же вот к вам и фамилия теперь приехала; об ней-то попомните.
You must soothe and comfort them and you do nothing but frighten them..."	Покоить вам и нежить их следует, а вы их только пугаете...
"What has that to do with you?	- Какое вам дело?
How do you know it?	Почем вы знаете?
What concern is it of yours?	К чему так интересуетесь?
You are keeping watch on me and want to let me know it?"	Вы следите, стало быть, за мной и хотите мне это показать?
"Good heavens!	- Батюшка!
Why, I learnt it all from you yourself!	Да ведь от вас же, от вас же самих все узнал!
You don't notice that in your excitement you tell me and others everything.	Вы и не замечаете, что, в волнении своем, все вперед сами высказываете и мне, и другим.
From Razumihin, too, I learnt a number of interesting details yesterday.	От господина Разумихина, Дмитрия Прокофьяча, тоже вчера много интересных подробностей узнал.

No, you interrupted me, but I must tell you that, for all your wit, your suspiciousness makes you lose the common-sense view of things.	Нет-с, вот вы меня прервали, а я скажу, что через мнительность вашу, при всем остроумии вашем, вы даже здравый взгляд на вещи извоили потерять.
To return to bell-ringing, for instance. I, an examining lawyer, have betrayed a precious thing like that, a real fact (for it is a fact worth having), and you see nothing in it! Why, if I had the slightest suspicion of you, should I have acted like that?	Ну вот, например, хоть на ту же опять тему, насчет колокольчиков-то: да этакую-то драгоценность, этакой факт (целый ведь факт-с!) я вам так, с руками и с ногами, и выдал, я-то, следовательно! И вы ничего в этом не видите?
No, I should first have disarmed your suspicions and not let you see I knew of that fact, should have diverted your attention and suddenly have dealt you a knock-down blow (your expression)	Да подозревай я вас хоть немножко, так ли следовало мне поступить? Мне, напротив, следовало бы сначала усыпить подозрения ваши, и виду не подать, что я об этом факте уже известен; отвлечь, этак, вас в противоположную

saying:	сторону, да вдруг, как обухом по темени (по вашему же выражению), и огорошить:
'And what were you doing, sir, pray, at ten or nearly eleven at the murdered woman's flat and why did you ring the bell and why did you ask about blood?	"А что, дескать, сударь, изволили вы в квартире убитой делать в десять часов вечера, да чуть ли еще и не в одиннадцать? А зачем в колокольчик звонили? А зачем про кровь расспрашивали?
And why did you invite the porters to go with you to the police station, to the lieutenant?"	А зачем дворников сбивали и в часть, к квартальному поручику, подзывали?"
That's how I ought to have acted if I had a grain of suspicion of you.	Вот как бы следовало мне поступить, если б я хоть капельку на вас подозрения имел.
I ought to have taken your evidence in due form, searched your lodging and perhaps have arrested you, too... so I have no suspicion of you, since I have not done that!	Следовало бы по всей форме от вас показание-то отобрать, обыск сделать, да, пожалуй, еще вас и заарестовать... Стало быть, я на вас не питаю подозрений, коли иначе поступил!
But you can't look at it normally and you see nothing, I say again."	А вы здравый взгляд потеряли, да и не видите ничего, повторяю-с!
Raskolnikov started so that Porfiry Petrovitch could not fail to perceive it.	Раскольников вздрогнул всем телом, так что Порфирий Петрович слишком ясно заметил это.
"You are lying all the while," he cried, "I don't know your object, but you are lying.	- Лжете вы все! - вскричал он, - я не знаю ваших целей, но вы все лжете...
You did not speak like that just now and I cannot be mistaken!"	Давеча вы не в этом смысле говорили, и ошибиться нельзя мне...
"I am lying?"	Вы лжете!
Porfiry repeated, apparently incensed, but preserving a good-humoured and ironical face, as though he were not in the least concerned at Raskolnikov's opinion of him.	- Я лгу? - подхватил Порфирий, по-видимому горячась, но сохраняя самый веселый и насмешливый вид и, кажется, нимало не тревожась тем, какое мнение имеет о нем господин Раскольников.

"I am lying... but how did I treat you just now, I, the examining lawyer? Prompting you and giving you every means for your defence; illness, I said, delirium, injury, melancholy and the police officers and all the rest of it?	- Я лгу?... Ну а как я с вами давеча поступил (я-то, следовательно), сам вам подсказывая и выдавая все средства к защите, сам же вам всю эту психологию подводя: "Болезнь, дескать, бред, разобижен был; меланхолия да квартальные", и все это прочее?
Ah! He-he-he!	А? хе-хе-хе!

Though, indeed, all those psychological means of defence are not very reliable and cut both ways: illness, delirium, I don't remember--that's all right, but why, my good sir, in your illness and in your delirium were you haunted by just those delusions and not by any others?	Хотя оно, впрочем, - кстати скажу, - все эти психологические средства к защите, отговорки да увертки, крайне несостоятельны, да и о двух концах: "Болезнь, дескать, бред, грезы, мерещилось, не помню", все это так-с, да зачем же, батюшка, в болезни-то да в бреду все такие именно грезы мерещутся, а не прочие?
There may have been others, eh?	Могли ведь быть и прочие-с? Так ли?
He-he-he!"	Хе-хе-хе-хе!
Raskolnikov looked haughtily and contemptuously at him.	Раскольников гордо и с презрением посмотрел на него.
"Briefly," he said loudly and imperiously, rising to his feet and in so doing pushing Porfiry back a little, "briefly, I want to know, do you acknowledge me perfectly free from suspicion or not?	- Одним словом, - настойчиво и громко сказал он, вставая и немного оттолкнув при этом Порфирия, - одним словом, я хочу знать: признаете ли вы меня окончательно свободным от подозрений или нет?
Tell me, Porfiry Petrovitch, tell me once for all and make haste!"	Говорите, Порфирий Петрович, говорите положительно и окончательно, и скорее, сейчас!
"What a business I'm having with you!" cried Porfiry with a perfectly good-humoured, sly and composed face.	- Эх ведь комиссия! Ну, уж комиссия же с вами, - вскричал Порфирий с совершенно веселым, лукавым и нисколько не встревоженным видом.
"And why do you want to know, why do you want to know so much, since they haven't begun to worry you?	- Да и к чему вам знать, к чему вам так много знать, коли вас еще и не начали беспокоить нисколько!
Why, you are like a child asking for matches!	Ведь вы как ребенок: дай да подай огонь в руки!
And why are you so uneasy?	И зачем вы так беспокоитесь?
Why do you force yourself upon us, eh?	Зачем сами-то вы так к нам напрашиваетесь, из каких причин?
He-he-he!"	А? хе-хе-хе!
"I repeat," Raskolnikov cried furiously, "that I can't put up with it!"	- Повторяю вам, - вскричал в ярости Раскольников, - что не могу дольше переносить...
"With what?	- Чего-с?
Uncertainty?" interrupted Porfiry.	Неизвестности-то? - перебил Порфирий.

"Don't jeer at me!	- Не язвите меня!
I won't have it!	Я не хочу!..
I tell you I won't have it.	Говорю вам, что не хочу!..

I can't and I won't, do you hear, do you hear?" he shouted, bringing his fist down on the table again.	Не могу и не хочу!.. Слышите! Слышите! - крикнул он, стукнув опять кулаком по столу.
"Hush! Hush!	- Да тише, тише!
They'll overhear!	Ведь услышат!
I warn you seriously, take care of yourself.	Серьезно предупреждаю: поберегите себя.
I am not joking," Porfiry whispered, but this time there was not the look of old womanish good nature and alarm in his face. Now he was peremptory, stern, frowning and for once laying aside all mystification.	Я не шучу-с! - проговорил шепотом Порфирий, но на этот раз в лице его уже не было давешнего бабьи-добродушного и испуганного выражения; напротив, теперь он прямо приказывал, строго, нахмутив брови и как будто разом нарушая все тайны и двусмысленности.
But this was only for an instant.	Но это было только на мгновение.
Raskolnikov, bewildered, suddenly fell into actual frenzy, but, strange to say, he again obeyed the command to speak quietly, though he was in a perfect paroxysm of fury.	Озадаченный было Раскольников вдруг впал в настоящее исступление; но странно: он опять послушался приказания говорить тише, хотя и был в самом сильном пароксизме бешенства.
"I will not allow myself to be tortured," he whispered, instantly recognising with hatred that he could not help obeying the command and driven to even greater fury by the thought. "Arrest me, search me, but kindly act in due form and don't play with me!	- Я не дам себя мучить! - зашептал он вдруг подавешнему, с болью и с ненавистию мгновенно сознавая в себе, что не может не подчиниться приказанию, и приходя от этой мысли еще в большее бешенство, - арестуйте меня, обыскивайте меня, но извольте действовать по форме, а не играть со мной-с!
Don't dare!"	Не смейте...
"Don't worry about the form," Porfiry interrupted with the same sly smile, as it were, gloating with enjoyment over Raskolnikov. "I invited you to see me quite in a friendly way."	- Да не беспокойтесь же вы о форме, - перебил Порфирий, с прежнюю лукавою усмешкой и как бы даже с наслаждением любясь Раскольниковым, - я вас, батюшка, пригласил теперь по-домашнему, совершенно этак по-дружески!
"I don't want your friendship and I spit on it!	- Не хочу я вашей дружбы и плюю на нее!

Do you hear?	Слышите ли?
And, here, I take my cap and go.	И вот же: беру фуражку и иду.
What will you say now if you mean to arrest me?"	Ну-тка, что теперь скажешь, коли намерен арестовать?
He took up his cap and went to the door.	Он схватил фуражку и пошел к дверям.
"And won't you see my little surprise?" chuckled Porfiry, again taking him by the arm and stopping him at the door.	- А сюрпризик-то не хотите разве посмотреть? - захихикал Порфирий, опять схватывая его немного повыше локтя и останавливая у дверей.
He seemed to become more playful and good-humoured which maddened Raskolnikov.	Он, видимо, становился все веселее и игривее, что окончательно выводило из себя Раскольникова.
"What surprise?" he asked, standing still and looking at Porfiry in alarm.	- Какой сюрпризик? что такое? - спросил он, вдруг останавливаясь и с испугом смотря на Порфирия.

"My little surprise, it's sitting there behind the door, he-he-he!" (He pointed to the locked door.) "I locked him in that he should not escape."	- Сюрпризик-с, вот тут, за дверью у меня сидит, хе-хе-хе! (Он указал пальцем на запертую дверь в перегородке, которая вела в казенную квартиру его.) - Я и на замок припер, чтобы не убежал.
"What is it? Where? What?..."	- Что такое? где? что?..
Raskolnikov walked to the door and would have opened it, but it was locked.	- Раскольников подошел было к двери и хотел отворить, но она была заперта.
"It's locked, here is the key!"	- Заперта-с, вот и ключ!
And he brought a key out of his pocket.	И в самом деле, он показал ему ключ, вынув из кармана.
"You are lying," roared Raskolnikov without restraint, "you lie, you damned punchinello!" and he rushed at Porfiry who retreated to the other door, not at all alarmed.	- Лжешь ты все! - завопил Раскольников, уже не удерживаясь, - лжешь, полишинель проклятый!- и бросился на ретировавшегося к дверям, но нисколько не струсившего Порфирия.
"I understand it all!	- Я все, все понимаю! - подскочил он к нему.
You are lying and mocking so that I may betray myself to you..."	- Ты лжешь и дразнишь меня, чтоб я себя выдал...
"Why, you could not betray yourself any	- Да уж больше и нельзя себя выдать,

further, my dear Rodion Romanovitch.	батюшка, Родион Романыч.
You are in a passion.	Ведь вы в исступление пришли.
Don't shout, I shall call the clerks."	Не кричите, ведь я людей позову-с!
"You are lying!	- Лжешь, ничего не будет!
Call the clerks!	Зови людей!
You knew I was ill and tried to work me into a frenzy to make me betray myself, that was your object!	Ты знал, что я болен, и раздражить меня хотел, до бешенства, чтоб я себя выдал, вот твоя цель!
Produce your facts!	Нет, ты фактов подавай!
I understand it all.	Я все понял!
You've no evidence, you have only wretched rubbishly suspicions like Zametov's!	У тебя фактов нет, у тебя одни только дрянные, ничтожные догадки, заметовские!..
You knew my character, you wanted to drive me to fury and then to knock me down with priests and deputies....	Ты знал мой характер, до исступления меня довести хотел, а потом и огорошить вдруг попами да депутатами...
Are you waiting for them? eh!	Ты их ждешь? а?
What are you waiting for?	Чего ждешь?
Where are they?	Где?
Produce them?"	Подавай!
"Why deputies, my good man?	- Ну какие тут депутаты-с, батюшка!
What things people will imagine!	Вообразится же человеку!
And to do so would not be acting in form as you say, you don't know the business, my dear fellow....	Да этак по форме и действовать-то нельзя, как вы говорите, дела вы, родимый, не знаете...

And there's no escaping form, as you see," Porfiry muttered, listening at the door through which a noise could be heard.	А форма не уйдет-с, сами увидите!.. - бормотал Порфирий, прислушиваясь к дверям. Действительно, в это время у самых дверей в другой комнате послышался как бы шум.
"Ah, they're coming," cried Raskolnikov.	- А, идут! - вскричал Раскольников, - ты за ними послал!..
"You've sent for them!	Ты их ждал!
You expected them!	Ты рассчитал...
Well, produce them all: your deputies,	Ну, подавай сюда всех: депутатов,

your witnesses, what you like!...	свидетелей, чего хочешь... давай!
I am ready!"	Я готов! готов!..
But at this moment a strange incident occurred, something so unexpected that neither Raskolnikov nor Porfiry Petrovitch could have looked for such a conclusion to their interview.	Но тут случилось странное происшествие, нечто до того неожиданное, при обыкновенном ходе вещей, что уже, конечно, ни Раскольников, ни Порфирий Петрович на такую развязку и не могли рассчитывать.
CHAPTER VI	VI
When he remembered the scene afterwards, this is how Raskolnikov saw it.	Потом, при воспоминании об этой минуте, Раскольникову представлялось все в таком виде.
The noise behind the door increased, and suddenly the door was opened a little.	Послышавшийся за дверью шум вдруг быстро увеличился, и дверь немного приотворилась.
"What is it?" cried Porfiry Petrovitch, annoyed.	- Что такое? - крикнул с досадой Порфирий Петрович.
"Why, I gave orders..."	- Ведь я предупредил...
For an instant there was no answer, but it was evident that there were several persons at the door, and that they were apparently pushing somebody back.	На мгновение ответа не было, но видно было, что за дверью находилось несколько человек и как будто кого-то отталкивали.
"What is it?" Porfiry Petrovitch repeated, uneasily.	- Да что там такое? - встревоженно повторил Порфирий Петрович.
"The prisoner Nikolay has been brought," someone answered.	- Арестанта привели, Николая, - слышался чей-то голос.
"He is not wanted!"	- Не надо!
Take him away!	Прочь!
Let him wait!	Подождать!..
What's he doing here?	Зачем он сюда залез!
How irregular!" cried Porfiry, rushing to the door.	Что за беспорядок! - закричал Порфирий, бросаясь к дверям.
"But he..." began the same voice, and suddenly ceased.	- Да он... - начал было опять тот же голос и вдруг осекся.

Two seconds, not more, were spent in actual struggle, then someone gave a violent shove, and then a man, very pale, strode into the room. This man's	Секунды две не более происходила настоящая борьба; потом вдруг как бы кто-то кого-то с силою оттолкнул, и вслед за тем
--	--

appearance was at first sight very strange.	какой-то очень бледный человек шагнул прямо в кабинет Порфирия Петровича.
He stared straight before him, as though seeing nothing.	Вид этого человека с первого взгляда был очень странный.
There was a determined gleam in his eyes; at the same time there was a deathly pallor in his face, as though he were being led to the scaffold.	Он глядел прямо перед собою, но как бы никого не видя. В глазах его сверкала решимость, но в то же время смертная бледность покрывала лицо его, точно его привели на казнь.
His white lips were faintly twitching.	Совсем побелевшие губы его слегка вздрагивали.
He was dressed like a workman and was of medium height, very young, slim, his hair cut in round crop, with thin spare features.	Он был еще очень молод, одет как простолюдин, роста среднего, худощавый, с волосами, обстриженными в кружок, с тонкими, как бы сухими чертами лица.
The man whom he had thrust back followed him into the room and succeeded in seizing him by the shoulder; he was a warder; but Nikolay pulled his arm away.	Неожиданно оттолкнутый им человек первый бросился было за ним в комнату и успел схватить его за плечо: это был конвойный; но Николай дернул руку и вырвался от него еще раз.
Several persons crowded inquisitively into the doorway.	В дверях затолпилось несколько любопытных.
Some of them tried to get in.	Иные из них порывались войти.
All this took place almost instantaneously.	Все описанное произошло почти в одно мгновение.
"Go away, it's too soon!	- Прочь, рано еще!
Wait till you are sent for!...	Подожди, пока позовут!..
Why have you brought him so soon?" Porfiry Petrovitch muttered, extremely annoyed, and as it were thrown out of his reckoning.	Зачем его раньше привели? - бормотал в крайней досаде, как бы сбитый с толку Порфирий Петрович.
But Nikolay suddenly knelt down.	Но Николай вдруг стал на колени.
"What's the matter?" cried Porfiry, surprised.	- Чего ты? - крикнул Порфирий в изумлении.
"I am guilty!	- Виноват!
Mine is the sin!	Мой грех!
I am the murderer," Nikolay articulated	Я убивец!- вдруг произнес Николай, как

suddenly, rather breathless, but speaking fairly loudly.	будто несколько задыхаясь, но довольно громким голосом.
For ten seconds there was silence as though all had been struck dumb; even the warder stepped back, mechanically retreated to the door, and stood immovable.	Секунд десять продолжалось молчание, точно столбняк нашел на всех; даже конвойный отшатнулся и уже не подходил к Николаю, а отретировался машинально к дверям и стал неподвижно.
"What is it?" cried Porfiry Petrovitch, recovering from his momentary stupefaction.	- Что такое? - вскричал Порфирий Петрович, выходя из мгновенного оцепенения.

"I... am the murderer," repeated Nikolay, after a brief pause.	- Я... убивец... - повторил Николай, помолчав капельку.
"What... you... what... whom did you kill?"	- Как... ты... Как... Кого ты убил?
Porfiry Petrovitch was obviously bewildered.	Порфирий Петрович, видимо, потерялся.
Nikolay again was silent for a moment.	Николай опять помолчал капельку.
"Alyona Ivanovna and her sister Lizaveta Ivanovna, I... killed... with an axe.	- Алену Ивановну и сестрицу ихнюю, Лизавету Ивановну, я... убил... топором.
Darkness came over me," he added suddenly, and was again silent.	Омрачение нашло... - прибавил он вдруг и опять замолчал.
He still remained on his knees.	Он все стоял на коленях.
Porfiry Petrovitch stood for some moments as though meditating, but suddenly roused himself and waved back the uninvited spectators.	Порфирий Петрович несколько мгновений стоял, как бы вдумываясь, но вдруг опять вспорхнулся и замахал руками на непрошенных свидетелей.
They instantly vanished and closed the door.	Те мигом скрылись, и дверь притворилась.
Then he looked towards Raskolnikov, who was standing in the corner, staring wildly at Nikolay and moved towards him, but stopped short, looked from Nikolay to Raskolnikov and then again at Nikolay, and seeming unable to restrain himself darted at the latter.	Затем он поглядел на стоявшего в углу Раскольникова, дико смотревшего на Николая, и направился было к нему, но вдруг остановился, посмотрел на него, перевел тотчас же свой взгляд на Николая, потом опять на Раскольникова, потом опять на Николая и вдруг, как бы увлеченный, опять набросился на Николая.
"You're in too great a hurry," he	- Ты мне что с своим омрачением-то вперед забегаешь? - крикнул он на него почти со

shouted at him, almost angrily.	злой.
"I didn't ask you what came over you.... Speak, did you kill them?"	- Я тебя еще не спрашивал: находило или нет на тебя омрачение... говори: ты убил?
"I am the murderer.... I want to give evidence," Nikolay pronounced.	- Я убийца... показание сдам... - произнес Николай.
"Ach!	- Э-эх!
What did you kill them with?"	Чем ты убил?
"An axe.	- Топором.
I had it ready."	Припас.
"Ach, he is in a hurry!	- Эх, спешит!
Alone?"	Один?
Nikolay did not understand the question.	Николай не понял вопроса.
"Did you do it alone?"	- Один убил?
"Yes, alone.	- Один.
And Mitka is not guilty and had no share in it."	А Митька неповинен и всему тому непричастен.
"Don't be in a hurry about Mitka!	- Да не спеши с Митькой-то!
A-ach!	Э-эх!

How was it you ran downstairs like that at the time?	- Как же ты, ну, как же ты с лестницы-то тогда сбежал?
The porters met you both!"	Ведь дворники вас обоих встретили?
"It was to put them off the scent... I ran after Mitka," Nikolay replied hurriedly, as though he had prepared the answer.	- Это я для отводу... тогда... бежал с Митькой, -как бы заторопясь и заранее приготовившись, ответил Николай.
"I knew it!" cried Porfiry, with vexation. "It's not his own tale he is telling," he muttered as though to himself, and suddenly his eyes rested on Raskolnikov again.	- Ну, так и есть! - злобно вскрикнул Порфирий, -не свои слова говорит! - пробормотал он как бы про себя и вдруг опять увидел Раскольникова.
He was apparently so taken up with Nikolay that for a moment he had forgotten Raskolnikov.	Он, видимо, до того увлекся с Николаем, что на одно мгновение даже забыл о Раскольникове.
He was a little taken aback.	Теперь он вдруг опомнился, даже смутился...

"My dear Rodion Romanovitch, excuse me!" he flew up to him, "this won't do; I'm afraid you must go... it's no good your staying... I will... you see, what a surprise!... Good-bye!"	- Родион Романович, батюшка! Извините-с, -кинулся он к нему, - этак нельзя-с; пожалуйста-с... вам тут нечего... я и сам... видите, какие сюрпризы!.. пожалуйста-с!..
And taking him by the arm, he showed him to the door.	И, взяв его за руку, он показал ему на дверь.
"I suppose you didn't expect it?" said Raskolnikov who, though he had not yet fully grasped the situation, had regained his courage.	- Вы, кажется, этого не ожидали? - проговорил Раскольников, конечно, ничего еще не понимавший ясно, но уже успевший сильно ободриться.
"You did not expect it either, my friend.	- Да и вы, батюшка, не ожидали.
See how your hand is trembling! He-he!"	Ишь ручка-то как дрожит! хе-хе!
"You're trembling, too, Porfiry Petrovitch!"	- Да и вы дрожите, Порфирий Петрович.
"Yes, I am; I didn't expect it."	- И я дрожу-с; не ожидал-с!..
They were already at the door; Porfiry was impatient for Raskolnikov to be gone.	Они уже стояли в дверях. Порфирий нетерпеливо ждал, чтобы прошел Раскольников.
"And your little surprise, aren't you going to show it to me?" Raskolnikov said, sarcastically.	- А сюрпризик-то так и не покажете? - проговорил вдруг Раскольников.
"Why, his teeth are chattering as he asks, he-he!"	- Говорит, а у самого еще зубки во рту один о другой колотятся, хе-хе!
You are an ironical person!	Иронический вы человек!
Come, till we meet!"	Ну-с, до свидания-с.
"I believe we can say _good-bye_!"	- По-моему, так прощайте!
"That's in God's hands," muttered Porfiry, with an unnatural smile.	- Как бог приведет-с, как бог приведет-с! -пробормотал Порфирий с искривившеюся как-то улыбкой.
As he walked through the office, Raskolnikov noticed that many people were looking at him.	Проходя канцелярию, Раскольников заметил, что многие на него пристально посмотрели.

Among them he saw the two porters from _the_ house, whom he had invited that night to the police station.	В прихожей, в толпе, он успел разглядеть обоих дворников из того дома, которых он подзывал тогда ночью к квартальному.
They stood there waiting.	Они стояли и чего-то ждали.
But he was no sooner on the stairs than he heard the voice of Porfiry	Но только что он вышел на лестницу, вдруг услышал за собой опять голос Порфирия

Petrovitch behind him.	Петровича.
Turning round, he saw the latter running after him, out of breath.	Обернувшись, он увидел, что тот догонял его, весь запыхавшись.
"One word, Rodion Romanovitch; as to all the rest, it's in God's hands, but as a matter of form there are some questions I shall have to ask you... so we shall meet again, shan't we?"	- Одно словцо-с, Родион Романович; там насчет всего этого прочего, как бог приведет, а все-таки по форме кой о чем придется спросить-с... так мы еще увидимся, так-с.
And Porfiry stood still, facing him with a smile.	И Порфирий остановился перед ним с улыбкой.
"Shan't we?" he added again.	- Так-с, - прибавил он еще раз.
He seemed to want to say something more, but could not speak out.	Можно было предположить, что ему еще что-то хотелось сказать, но как-то не выговаривалось.
"You must forgive me, Porfiry Petrovitch, for what has just passed... I lost my temper," began Raskolnikov, who had so far regained his courage that he felt irresistibly inclined to display his coolness.	- А вы меня, Порфирий Петрович, извините насчет давешнего... я погорячился, - начал было совершенно уже ободрившийся, до неотразимого желания пофорсить, Раскольников.
"Don't mention it, don't mention it," Porfiry replied, almost gleefully.	- Ничего-с, ничего-с... - почти радостно подхватил Порфирий.
"I myself, too..."	- Я и сам-то-с...
I have a wicked temper, I admit it!	Ядовитый характер у меня, каюсь, каюсь!
But we shall meet again.	Да вот мы увидимся-с.
If it's God's will, we may see a great deal of one another."	Если бог приведет, так и очень, и очень увидимся-с!..
"And will get to know each other through and through?" added Raskolnikov.	- И окончательно познаем друг друга? - подхватил Раскольников.
"Yes; know each other through and through," assented Porfiry Petrovitch, and he screwed up his eyes, looking earnestly at Raskolnikov.	- И окончательно познаем друг друга, - поддакнул Порфирий Петрович и, прищурившись, весьма серьезно посмотрел на него.
"Now you're going to a birthday party?"	- Теперь на именины-с?
"To a funeral."	- На похороны-с.
"Of course, the funeral!	- Да, бишь, на похороны!

Take care of yourself, and get well."	Здоровье-то свое берегите, здоровье-то-с...
"I don't know what to wish you," said Raskolnikov, who had begun to descend the stairs, but looked back again. "I should like to wish you success, but your office is such a comical one."	- А уж я и не знаю, чего вам пожелать с своей стороны! - подхватил Раскольников, уже начинавший спускаться с лестницы, но вдруг опять оборачиваясь к Порфирию, - пожелал бы бо'льших успехов, да ведь видите, какая ваша должность комическая!

"Why comical?" Porfiry Petrovitch had turned to go, but he seemed to prick up his ears at this.	- Почему же комическая-с? - тотчас наострил уши Порфирий Петрович, тоже повернувшись было уйти.
"Why, how you must have been torturing and harassing that poor Nikolay psychologically, after your fashion, till he confessed! You must have been at him day and night, proving to him that he was the murderer, and now that he has confessed, you'll begin vivisectioning him again.	- Да как же, вот этого бедного Миколку вы ведь как, должно быть, терзали и мучили, психологически-то, на свой манер, покамест он не сознался; день и ночь, должно быть, доказывали ему: "Ты убийца, ты убийца..." - ну а теперь, как он уж сознался, вы его опять по косточкам разминать начнете:
' You are lying,' you'll say.	"Врешь, дескать, не ты убийца!
' You are not the murderer!	Не мог ты им быть!
You can't be!	Не свои ты слова говоришь!"
It's not your own tale you are telling!' You must admit it's a comical business!"	Ну, так как же после этого должность не комическая?
"He-he-he!	- Хе-хе-хе!
You noticed then that I said to Nikolay just now that it was not his own tale he was telling?"	А таки заметили, что я сказал сейчас Николаю, что он "не свои слова говорит"?
"How could I help noticing it!"	- Как не заметить?
"He-he!	- Хе-хе!
You are quick-witted.	Остроумны, остроумны-с.
You notice everything!	Все-то замечаете!
You've really a playful mind!	Настоящий игривый ум-с!
And you always fasten on the comic side... he-he!	И самую-то комическую струну и зацепите... хе-хе!
They say that was the marked characteristic of Gogol, among the writers."	Это ведь у Гоголя, из писателей, говорят, эта черта была в высшей-то степени?
"Yes, of Gogol."	- Да, у Гоголя.
"Yes, of Gogol.... I shall look forward to meeting you."	- Да-с, у Гоголя-с... до приятнейшего свидания-с.
"So shall I."	- До приятнейшего свидания...
Raskolnikov walked straight home.	Раскольников прошел прямо домой.

He was so muddled and bewildered that on getting home he sat for a quarter of an hour on the sofa, trying to collect his thoughts.	Он до того был сбит и спутан, что, уже придя домой и бросившись на диван, с четверть часа сидел, только отдыхая и стараясь хоть сколько-нибудь собраться с мыслями.
He did not attempt to think about Nikolay; he was stupefied; he felt that his confession was something inexplicable, amazing--something beyond his understanding.	Про Николая он и рассуждать не брался: он чувствовал, что поражен; что в признании Николая есть что-то необъяснимое, удивительное, чего теперь ему не понять ни за что.
But Nikolay's confession was an actual fact.	Но признание Николая был факт действительный.

The consequences of this fact were clear to him at once, its falsehood could not fail to be discovered, and then they would be after him again.	Последствия этого факта ему тотчас же стали ясны: ложь не могла не обнаружиться, и тогда примутся опять за него.
Till then, at least, he was free and must do something for himself, for the danger was imminent.	Но, по крайней мере, до того времени он свободен и должен непременно что-нибудь для себя сделать, потому что опасность неминуемая.
But how imminent?	Но, однако ж, в какой степени?
His position gradually became clear to him.	Положение начало выясняться.
Remembering, sketchily, the main outlines of his recent scene with Porfiry, he could not help shuddering again with horror.	Припоминая, вчерне, в общей связи, всю свою давешнюю сцену с Порфирием, он не мог еще раз не содрогнуться от ужаса.
Of course, he did not yet know all Porfiry's aims, he could not see into all his calculations.	Конечно, он не знал еще всех целей Порфирия, не мог постигнуть всех давешних расчетов его.
But he had already partly shown his hand, and no one knew better than Raskolnikov how terrible Porfiry's "lead" had been for him.	Но часть игры была обнаружена, и уж, конечно, никто лучше его не мог понять, как страшен был для него этот "ход" в игре Порфирия.
A little more and he might have given himself away completely, circumstantially.	Еще немного, и он мог выдать себя совершенно, уже фактически.
Knowing his nervous temperament and from the first glance seeing through him, Porfiry, though playing a bold game, was bound to win.	Зная болезненность его характера и с первого взгляда верно схватив и проникнув его, Порфирий действовал хотя слишком решительно, но почти наверное.
There's no denying that Raskolnikov had compromised himself seriously, but no	Спору нет, Раскольников успел уже себя и давеча слишком скомпрометировать, но

facts had come to light as yet; there was nothing positive.	до фактов все-таки еще не дошло; все еще это только относительно.
But was he taking a true view of the position?	Но так ли, однако же, так ли он это все теперь понимает?
Wasn't he mistaken?	Не ошибается ли он?
What had Porfiry been trying to get at?	К какому именно результату клонил сегодня Порфирий?
Had he really some surprise prepared for him?	Действительно ли было у него что-нибудь приготовлено сегодня?
And what was it?	Да и что именно?
Had he really been expecting something or not?	Действительно ли он ждал чего или нет?
How would they have parted if it had not been for the unexpected appearance of Nikolay?	Как именно расстались бы они сегодня, если бы не подошла неожиданная катастрофа через Николая?
Porfiry had shown almost all his cards--of course, he had risked something in showing them--and if he had really had anything up his sleeve (Raskolnikov reflected), he would have shown that, too.	Порфирий почти всю игру свою показал; конечно, рискнул, но показал, и (все казалось Раскольникову) если бы действительно у Порфирия было что-нибудь более, то он показал бы и то.
What was that "surprise"?	Что такое этот "сюрприз"?
Was it a joke?	Насмешка, что ли?

Had it meant anything?	Значило это что-нибудь или нет?
Could it have concealed anything like a fact, a piece of positive evidence?	Могло ли под этим скрываться хоть что-нибудь похожее на факт, на положительное обвинение?
His yesterday's visitor?	Вчерашний человек?
What had become of him?	Куда же он провалился?
Where was he to-day?	Где он был сегодня?
If Porfiry really had any evidence, it must be connected with him....	Ведь если только есть что-нибудь у Порфирия положительного, то уж, конечно, оно в связи со вчерашним человеком...
He sat on the sofa with his elbows on his knees and his face hidden in his hands.	Он сидел на диване, свесив вниз голову, облокотясь на колени и закрыв руками лицо.
He was still shivering nervously.	Нервная дрожь продолжалась еще во всем его теле.

At last he got up, took his cap, thought a minute, and went to the door.	Наконец он встал, взял фуражку, подумал и направился к дверям.
He had a sort of presentiment that for to-day, at least, he might consider himself out of danger.	Ему как-то предчувствовалось, что, по крайней мере на сегодняшний день, он почти наверное может считать себя безопасным.
He had a sudden sense almost of joy; he wanted to make haste to Katerina Ivanovna's.	Вдруг в сердце своем он ощутил почти радость: ему захотелось поскорее к Катерине Ивановне.
He would be too late for the funeral, of course, but he would be in time for the memorial dinner, and there at once he would see Sonia.	На похороны он, разумеется, опоздал, но на поминки успеет, и там, сейчас, он увидит Соню.
He stood still, thought a moment, and a suffering smile came for a moment on to his lips.	Он остановился, подумал, и болезненная улыбка выдавилась на губах его.
"To-day!	- Сегодня!
To-day," he repeated to himself. "Yes, to-day!	Сегодня! - повторял он про себя, - да, сегодня же!
So it must be...."	Так должно...
But as he was about to open the door, it began opening of itself.	Только что он хотел отворить дверь, как вдруг она стала отворяться сама.
He started and moved back.	Он задрожал и отскочил назад.
The door opened gently and slowly, and there suddenly appeared a figure--yesterday's visitor _from underground^	Дверь отворялась медленно и тихо, и вдруг показалась фигура - вчерашнего человека из-под земли.
The man stood in the doorway, looked at Raskolnikov without speaking, and took a step forward into the room.	Человек остановился на пороге, посмотрел молча на Раскольникова и ступил шаг в комнату.
He was exactly the same as yesterday; the same figure, the same dress, but there was a great change in his face; he looked dejected and sighed deeply.	Он был точь-в-точь как и вчера, такая же фигура, так же одет, но в лице и во взгляде его произошло сильное изменение: он смотрел теперь как-то пригорюнившись и, постояв немного, глубоко вздохнул.
If he had only put his hand up to his cheek and leaned his head on one side he would have	Недоставало только, чтоб он приложил при этом ладонь к щеке, а голову скривил на сторону, чтоб уж совершенно

looked exactly like a peasant woman.	походить на бабу.
"What do you want?" asked Raskolnikov, numb with terror.	- Что вам? - спросил помертвевший Раскольников.
The man was still silent, but suddenly he bowed down almost to the ground, touching it with his finger.	Человек помолчал и вдруг глубоко, чуть не до земли, поклонился ему. По крайней мере тронул землю перстом правой руки.
"What is it?" cried Raskolnikov.	- Что вы? - вскричал Раскольников.
"I have sinned," the man articulated softly.	- Виноват, - тихо произнес человек.
"How?"	- В чем?
"By evil thoughts."	- В злобных мыслях.
They looked at one another.	Оба смотрели друг на друга.
"I was vexed.	- Обидно стало.
When you came, perhaps in drink, and bade the porters go to the police station and asked about the blood, I was vexed that they let you go and took you for drunken.	Как вы изволили тогда приходить, может во хмелю, и дворников в квартал звали и про кровь спрашивали, обидно мне стало, что втуне оставили и за пьяного вас почли.
I was so vexed that I lost my sleep.	И так обидно, что сна решился.
And remembering the address we came here yesterday and asked for you...."	А запомнивши адрес, мы вчера сюда приходили и спрашивали...
"Who came?" Raskolnikov interrupted, instantly beginning to recollect.	- Кто приходил? - перебил Раскольников, мгновенно начиная припоминать.
"I did, I've wronged you."	- Я, то есть, вас обидел.
"Then you come from that house?"	- Так вы из того дома?
"I was standing at the gate with them... don't you remember?"	- Да я там же, тогда же в воротах с ними стоял, али запомятовали?
We have carried on our trade in that house for years past.	Мы и ремесло свое там имеем, искони.
We cure and prepare hides, we take work home... most of all I was vexed...."	Скорняки мы, мещане, на дом работу берем... а паче всего обидно стало...
And the whole scene of the day before yesterday in the gateway came clearly before Raskolnikov's mind; he recollected that there had been several people there besides the porters, women among them.	И вдруг Раскольникову ясно припомнилась вся сцена третьего дня под воротами; он сообразил, что кроме дворников там стояло тогда еще несколько человек, стояли и женщины.

He remembered one voice had suggested taking him straight to the police-station.	Он припомнил один голос, предлагавший вести его прямо в квартал.
He could not recall the face of the speaker, and even now he did not recognise it, but he remembered that he had turned round and made him some answer....	Лицо говорившего не мог вспомнить и даже теперь не признавал, но ему памятно было, что он даже что-то ответил ему тогда, обернулся к нему...
So this was the solution of yesterday's horror.	Так вот, стало быть, чем разрешился весь этот вчерашний ужас.
The most awful thought was that he had been actually almost lost, had almost done for himself on account of such a _trivial_ circumstance.	Всего ужаснее было думать, что он действительно чуть не погиб, чуть не погубил себя из-за такого ничтожного обстоятельства.
So this man could tell nothing except his asking about the flat and the blood stains.	Стало быть, кроме найма квартиры и разговоров о крови, этот человек ничего не может рассказать.
So Porfiry, too, had nothing but that _delirium_, no facts but this _psychology_ which _cuts both ways_, nothing positive.	Стало быть, и у Порфирия тоже нет ничего, кроме этого бреда, никаких фактов, кроме психологии, которая о двух концах, ничего положительного.
So if no more facts come to light (and they must not, they must not!) then... then what can they do to him?	Стало быть, если не явится никаких больше фактов (а они не должны уже более явиться, не должны!), то... то что же могут с ним сделать?
How can they convict him, even if they arrest him?	Чем же могут его обличить окончательно, хоть и арестуют?
And Porfiry then had only just heard about the flat and had not known about it before.	И, стало быть, Порфирий только теперь, только сейчас узнал о квартире, а до сих пор и не знал.
"Was it you who told Porfiry... that I'd been there?" he cried, struck by a sudden idea.	- Это вы сказали сегодня Порфирию... о том, что я приходил? - вскричал он, пораженный внезапною идеей.
"What Porfiry?"	- Какому Порфирию?
"The head of the detective department?"	- Приставу следственных дел.
"Yes.	- Я сказал.
The porters did not go there, but I went."	Дворники не пошли тогда, я и пошел.
"To-day?"	- Сегодня?
"I got there two minutes before you.	- Перед вами за минуточку был.

And I heard, I heard it all, how he worried you."	И все слышал, все, как он вас истязал.
"Where?	- Где?
What?	Что?
When?"	Когда?
"Why, in the next room. I was sitting there all the time."	- Да тут же, у него за перегородкой, все время просидел.
"What?	- Как?
Why, then you were the surprise?	Так это вы-то были сюрприз?
But how could it happen?	Да как же это могло случиться?
Upon my word!"	Помилуйте!
"I saw that the porters did not want to do what I said," began the man; "for it's too late, said they, and maybe he'll be angry that we did not come at the time. I was vexed and I lost my sleep, and I began making inquiries.	- Видемши я, - начал мещанин, - что дворники с моих слов идти не хотят, потому, говорят, уже поздно, а пожалуй, еще осерчает, что тем часом не пришли, стало мне обидно, и сна решился, и стал узнавать.
And finding out yesterday where to go, I went to-day.	А разузнавши вчера, сегодня пошел.

The first time I went he wasn't there, when I came an hour later he couldn't see me.	Впервой пришел - его не было.
I went the third time, and they showed me in.	Часом помедля пришел - не приняли, в третий пришел - допустили.
I informed him of everything, just as it happened, and he began skipping about the room and punching himself on the chest.	Стал я ему докладывать все, как было, и стал он по комнате сигать и себя в грудь кулаком бил:
' What do you scoundrels mean by it?	"Что вы, говорит, со мной, разбойники, делаете?
If I'd known about it I should have arrested him!"	Знал бы я этакое дело, я б его с конвоем потребовал!"
Then he ran out, called somebody and began talking to him in the corner, then he turned to me, scolding and questioning me.	Потом выбежал, какого-то позвал и стал с ним в углу говорить, а потом опять ко мне - и стал спрашивать и ругать.
He scolded me a great deal; and I told him everything, and I told him that you didn't dare to say a word in answer to me yesterday and that	И много попрекал; а донес я ему обо всем и говорил, что с моих вчерашних слов ничего вы не посмели мне

you didn't recognise me.	отвечать и что вы меня не признали.
And he fell to running about again and kept hitting himself on the chest, and getting angry and running about, and when you were announced he told me to go into the next room. 'Sit there a bit,' he said. 'Don't move, whatever you may hear.' And he set a chair there for me and locked me in. 'Perhaps,' he said, 'I may call you.'	И стал он тут опять бегать, и все бил себя в грудь, и серчал, и бегал, а как об вас доложили, -ну, говорит, полезай за перегородку, сиди пока, не шевелись, что бы ты ни услышал, и стул мне туда сам принес и меня запер; может, говорит, я тебя и спрошу.
And when Nikolay'd been brought he let me out as soon as you were gone. 'I shall send for you again and question you,' he said."	А как привели Николая, тут он меня, после вас, и вывел: я тебя еще, говорит, потребую и еще спрашивать буду...
"And did he question Nikolay while you were there?"	- А Николая при тебе спрашивал?
"He got rid of me as he did of you, before he spoke to Nikolay."	- Как вас вывел, и меня тотчас вывел, а Николая допрашивать начал.
The man stood still, and again suddenly bowed down, touching the ground with his finger.	Мещанин остановился и вдруг опять положил поклон, коснувшись перстом пола.
"Forgive me for my evil thoughts, and my slander."	- За оговор и за злобу мою простите.
"May God forgive you," answered Raskolnikov. And as he said this, the man bowed down again, but not to the ground, turned slowly and went out of the room.	- Бог простит, - ответил Раскольников, и как только произнес это, мещанин поклонился ему, но уже не земно, а в пояс, медленно повернулся и вышел из комнаты.
"It all cuts both ways, now it all cuts both ways," repeated Raskolnikov, and he went out more confident than ever.	"Все о двух концах, теперь все о двух концах", -твердил Раскольников и более чем когда-нибудь бодро вышел из комнаты.
"Now we'll make a fight for it," he said, with a malicious smile, as he went down the stairs.	"Теперь мы еще поборемся", - с злобною усмешкой проговорил он, сходя в лестницы.
His malice was aimed at himself; with shame and contempt he recollected his "cowardice."	Злоба же относилась к нему самому: он с презрением и стыдом вспоминал о своем "малодушии".

Федор Михайлович Достоевский. Преступление и наказание, Часть пятая

PART V	* ЧАСТЬ ПЯТАЯ *

CHAPTER I	I
The morning that followed the fateful interview with Dounia and her mother brought sobering influences to bear on Pyotr Petrovitch.	Утро, последовавшее за роковым для Петра Петровича объяснением с Дунечкой и с Пульхерией Александровной, принесло свое отрезвляющее действие и на Петра Петровича.
Intensely unpleasant as it was, he was forced little by little to accept as a fact beyond recall what had seemed to him only the day before fantastic and incredible.	Он, к величайшей своей неприятности, принужден был мало-помалу принять за факт, совершившийся и невозвратимый, то, что вчера еще казалось ему происшествием почти фантастическим и хотя и сбывшимся, но все-таки как будто еще невозможным.
The black snake of wounded vanity had been gnawing at his heart all night.	Черный змей ужаленного самолюбия всю ночь сосал его сердце.
When he got out of bed, Pyotr Petrovitch immediately looked in the looking-glass. He was afraid that he had jaundice.	Встав с постели, Петр Петрович тотчас же посмотрелся в зеркало. Он опасался, не разлилась ли в нем за ночь желчь?
However his health seemed unimpaired so far, and looking at his noble, clear-skinned countenance which had grown fattish of late, Pyotr Petrovitch for an instant was positively comforted in the conviction that he would find another bride and, perhaps, even a better one. But coming back to the sense of his present position, he turned aside and spat vigorously, which excited a sarcastic smile in Andrey Semyonovitch Lebeziatnikov, the young friend with whom he was staying.	Однако с этой стороны все было покамест благополучно, и, посмотрев на свой благородный, белый и немного ожиревший в последнее время облик, Петр Петрович даже на мгновение утешился, в полнейшем убеждении сыскать себе невесту где-нибудь в другом месте, да, пожалуй, еще и почище; но тотчас же опомнился и энергически плюнул в сторону, чем вызвал молчаливую, но саркастическую улыбку в молодом своем друге и сожителе Андрее Семеновиче Лебезятникове.
That smile Pyotr Petrovitch noticed, and at once set it down against his young friend's account.	Улыбку эту Петр Петрович заметил и про себя тотчас же поставил ее молодому своему другу на счет.
He had set down a good many points against him of late.	Он уже много успел поставить ему в последнее время на счет.
His anger was redoubled when he reflected that he ought not to have told Andrey Semyonovitch about the result of yesterday's interview.	Злоба его удвоилась, когда он вдруг сообразил, что не следовало бы сообщать вчера о вчерашних результатах Андрею Семеновичу.
That was the second mistake he had made in temper, through impulsiveness and irritability....	Это была вторая вчерашняя ошибка, сделанная им сгоряча, от излишней экспансивности, в раздражении...

Moreover, all that morning one unpleasantness followed another.	Затем, во все это утро, как нарочно, следовала неприятность за неприятностью.
He even found a hitch awaiting him in his legal case in the senate.	Даже в сенате ждала его какая-то неудача по делу, о котором он там хлопотал.

He was particularly irritated by the owner of the flat which had been taken in view of his approaching marriage and was being redecorated at his own expense; the owner, a rich German tradesman, would not entertain the idea of breaking the contract which had just been signed and insisted on the full forfeit money, though Pyotr Petrovitch would be giving him back the flat practically redecorated.	Особенно же раздражил его хозяин квартиры, нанятой им в видах скорой женитьбы и отделяваемой на собственный счет: этот хозяин, какой-то разбогатевший немецкий ремесленник, ни за что не соглашался нарушить только что совершенный контракт и требовал полной прописанной в контракте неустойки, несмотря на то что Петр Петрович возвращал ему квартиру почти заново отделанную.
In the same way the upholsterers refused to return a single rouble of the instalment paid for the furniture purchased but not yet removed to the flat.	Точно также и в мебельном магазине ни за что не хотели возвратить ни одного рубля из задатка за купленную, но еще не перевезенную в квартиру мебель.
"Am I to get married simply for the sake of the furniture?" Pyotr Petrovitch ground his teeth and at the same time once more he had a gleam of desperate hope.	"Не нарочно же мне жениться для мебели!" -скрежетал про себя Петр Петрович, и в то же время еще раз мелькнула в нем отчаянная надежда:
"Can all that be really so irrevocably over?"	"Да неужели же в самом деле все это так безвозвратно пропало и кончилось?"
Is it no use to make another effort?"	Неужели нельзя еще раз попытаться?"
The thought of Dounia sent a voluptuous pang through his heart.	Мысль о Дунечке еще раз соблазнительно занозила его сердце.
He endured anguish at that moment, and if it had been possible to slay Raskolnikov instantly by wishing it, Pyotr Petrovitch would promptly have uttered the wish.	С мучением перенес он эту минуту, и уж, конечно, если бы можно было сейчас, одним только желанием, умертвить Раскольников, то Петр Петрович немедленно произнес бы это желание.
"It was my mistake, too, not to have given them money," he thought, as he returned dejectedly to Lebeziatnikov's room, "and why on earth was I such a Jew?"	"Ошибка была еще, кроме того, и в том, что я им денег совсем не давал, - думал он, грустно возвращаясь в каморку Лебезятникова, - и с чего, черт возьми, я так ожидал?"
It was false economy!	Тут даже и расчета никакого не было!
I meant to keep them without a penny so	Я думал их в черном теле попридержать и

that they should turn to me as their providence, and look at them! foo!	довести их, чтоб они на меня как на провидение смотрели, а они вон!.. Тьфу!..
If I'd spent some fifteen hundred roubles on them for the trousseau and presents, on knick-knacks, dressing-cases, jewellery, materials, and all that sort of trash from Knopp's and the English shop, my position would have been better and... stronger!	Нет, если б я выдал им за все это время, например, тысячи полторы на приданое, да на подарки, на коробочки там разные, несессеры, сердолики, материи и на всю эту дрянь от Кнопа да из английского магазина, так было бы дело почище и... покрепче!
They could not have refused me so easily!	Не так бы легко мне теперь отказали!
They are the sort of people that would feel bound to return money and presents if they broke it off; and they would find it hard to do it!	Это народ такого склада, что непременно почли бы за обязанность возратить в случае отказа и подарки, и деньги; а возвращать-то было бы тяжеленько и жалко!

And their conscience would prick them: how can we dismiss a man who has hitherto been so generous and delicate?	Да и совесть бы щекотала: как, дескать, так вдруг прогнать человека, который до сих пор был так щедр и довольно деликатен?..
H'm!	Гм!
I've made a blunder."	Дал маху!"
And grinding his teeth again, Pyotr Petrovitch called himself a fool--but not aloud, of course.	И, заскрежетав еще раз, Петр Петрович тут же назвал себя дураком - про себя, разумеется.
He returned home, twice as irritated and angry as before.	Придя к этому заключению, он вернулся домой вдвое злее и раздражительнее, чем вышел.
The preparations for the funeral dinner at Katerina Ivanovna's excited his curiosity as he passed.	Приготовления к поминкам в комнате Катерины Ивановны завлекли отчасти его любопытство.
He had heard about it the day before; he fancied, indeed, that he had been invited, but absorbed in his own cares he had paid no attention.	Он кой-что и вчера еще слышал об этих поминках; даже помнилось, как будто и его приглашали; но за собственными хлопотами он все это остальное пропустил без внимания.
Inquiring of Madame Lippevechsel who was busy laying the table while Katerina Ivanovna was away at the cemetery, he heard that the entertainment was to be a great affair, that all the lodgers had been invited, among them some who had not	Поспешив осведомиться у госпожи Липпевехсель, хлопотавшей в отсутствие Катерины Ивановны (находившейся на кладбище) около накрывавшегося стола, он узнал, что поминки будут торжественные, что приглашены почти все жильцы, из них даже и

known the dead man, that even Andrey Semyonovitch Lebeziatnikov was invited in spite of his previous quarrel with Katerina Ivanovna, that he, Pyotr Petrovitch, was not only invited, but was eagerly expected as he was the most important of the lodgers.	незнакомые покойному, что приглашен даже Андрей Семенович Лебезятников, несмотря на бывшую его ссору с Катериной Ивановной, и, наконец, он сам, Петр Петрович, не только приглашен, но даже с большим нетерпением ожидается, так как он почти самый важный гость из всех жильцов.
Amalia Ivanovna herself had been invited with great ceremony in spite of the recent unpleasantness, and so she was very busy with preparations and was taking a positive pleasure in them; she was moreover dressed up to the nines, all in new black silk, and she was proud of it.	Сама Амалия Ивановна приглашена была тоже с большим почетом, несмотря на все бывшие неприятности, а потому хозяйничала и хлопотала теперь, почти чувствуя от этого наслаждение, а сверх того была вся разодета хоть и в траур, но во все новое, в шелковое, в пух и прах, и гордилась этим.
All this suggested an idea to Pyotr Petrovitch and he went into his room, or rather Lebeziatnikov's, somewhat thoughtful.	Все эти факты и сведения подали Петру Петровичу некоторую мысль и он прошел в свою комнату, то есть в комнату Андрея Семеновича Лебезятникова, в некоторой задумчивости.
He had learnt that Raskolnikov was to be one of the guests.	Дело в том, что он узнал тоже, что в числе приглашенных находится и Раскольников.
Andrey Semyonovitch had been at home all the morning.	Андрей Семенович сидел почему-то все это утро дома.

The attitude of Pyotr Petrovitch to this gentleman was strange, though perhaps natural. Pyotr Petrovitch had despised and hated him from the day he came to stay with him and at the same time he seemed somewhat afraid of him.	С этим господином у Петра Петровича установились какие-то странные, впрочем, отчасти и естественные отношения: Петр Петрович презирал и ненавидел его даже сверх меры, почти с того самого дня, как у него поселился, но в то же время как будто несколько опасался его.
He had not come to stay with him on his arrival in Petersburg simply from parsimony, though that had been perhaps his chief object.	Он остановился у него по приезде в Петербург не из одной только скаредной экономии, хотя это и было почти главною причиной, но была тут и другая причина.
He had heard of Andrey Semyonovitch, who had once been his ward, as a leading young progressive who was taking an important part in certain interesting circles, the doings of which were a legend in the provinces.	Еще в провинции слышал он об Андрее Семеновиче, своем бывшем питомце, как об одном из самых передовых молодых прогрессистов и даже как об играющем значительную роль в иных любопытных и баснословных кружках.
It had impressed Pyotr Petrovitch.	Это поразило Петра Петровича.

These powerful omniscient circles who despised everyone and showed everyone up had long inspired in him a peculiar but quite vague alarm.	Вот эти-то мощные, всезнающие, всех презирающие и всех обличающие кружки уже давно пугали Петра Петровича какимто особенным страхом, совершенно, впрочем, неопределенным.
He had not, of course, been able to form even an approximate notion of what they meant.	Уж конечно, сам он, да еще в провинции, не мог ни о чем в этом роде составить себе, хотя приблизительно, точное понятие.
He, like everyone, had heard that there were, especially in Petersburg, progressives of some sort, nihilists and so on, and, like many people, he exaggerated and distorted the significance of those words to an absurd degree.	Слышал он, как и все, что существуют, особенно в Петербурге, какие-то прогрессисты, нигилисты, обличители и проч., и проч., но, подобно многим, преувеличивал и искажал смысл и значение этих названий до нелепого.
What for many years past he had feared more than anything was _being shown up_ and this was the chief ground for his continual uneasiness at the thought of transferring his business to Petersburg.	Пуще всего боялся он, вот уже несколько лет, обличения, и это было главнейшим основанием его постоянного, преувеличенного беспокойства, особенно при мечтах о перенесении деятельности своей в Петербург.
He was afraid of this as little children are sometimes panic-stricken.	В этом отношении он был, как говорится, испуган, как бывают иногда испуганы маленькие дети.
Some years before, when he was just entering on his own career, he had come upon two cases in which rather important personages in the province, patrons of his, had been cruelly shown up.	Несколько лет тому назад в провинции, еще начиная только устраивать свою карьеру, он встретил два случая, жестоко обличенных губернских довольно значительных лиц, за которых он дотоле цеплялся и которые ему покровительствовали.
One instance had ended in great scandal for the person attacked and the other had very nearly ended in serious trouble.	Один случай кончился для обличенного лица как-то особенно скандально, а другой чуть-чуть было не кончился даже и весьма хлопотливо.

For this reason Pyotr Petrovitch intended to go into the subject as soon as he reached Petersburg and, if necessary, to anticipate contingencies by seeking the favour of "our younger generation."	Вот почему Петр Петрович положил, по приезде в Петербург, немедленно разузнать, в чем дело, и если надо, то на всякий случай забежать вперед и заискать у "молодых поколений наших".
He relied on Andrey Semyonovitch for this and before his visit to Raskolnikov he had	В этом случае надеялся он на Андрея Семеновича и при посещении, например,

succeeded in picking up some current phrases.	Раскольников уже научился кое-как округлять известные фразы с чужого голоса...
He soon discovered that Andrey Semyonovitch was a commonplace simpleton, but that by no means reassured Pyotr Petrovitch.	Конечно, он быстро успел разглядеть в Андрее Семеновиче чрезвычайно пошленького и простоватого человечка. Но это нисколько не разуверило и не ободрило Петра Петровича.
Even if he had been certain that all the progressives were fools like him, it would not have allayed his uneasiness.	Если бы даже он уверился, что и все прогрессисты такие же дурачки, то и тогда бы не утихло его беспокойство.
All the doctrines, the ideas, the systems, with which Andrey Semyonovitch pestered him had no interest for him.	Собственно до всех этих учений, мыслей, систем (с которыми Андрей Семенович так на него и накинулся) ему никакого не было дела.
He had his own object--he simply wanted to find out at once what was happening _here_.	У него была своя собственная цель. Ему надо было только поскорей и немедленно разузнать: что и как тут случилось?
Had these people any power or not?	В силе эти люди или не в силе?
Had he anything to fear from them?	Есть ли чего бояться собственно ему, или нет?
Would they expose any enterprise of his?	Обличат его, если он вот то-то предпримет, или не обличат?
And what precisely was now the object of their attacks?	А если обличат, то за что именно, и за что собственно теперь обличают?
Could he somehow make up to them and get round them if they really were powerful?	Мало того: нельзя ли как-нибудь к ним подделаться и тут же их поднадуть, если они и в самом деле сильны?
Was this the thing to do or not?	Надо или не надо это?
Couldn't he gain something through them?	Нельзя ли, например, что-нибудь подустроить в своей карьере именно через их же посредство?
In fact hundreds of questions presented themselves.	Одним словом, предстояли сотни вопросов.
Andrey Semyonovitch was an anaemic, scrofulous little man, with strangely flaxen mutton-chop whiskers of which he was very proud.	Этот Андрей Семенович был худосочный и золотушный человечек малого роста, где-то служивший и до странности белокурый, с бакенбардами, в виде котлет, которыми он очень гордился.

He was a clerk and had almost always something wrong with his eyes.	Сверх того, у него почти постоянно болели глаза.
He was rather soft-hearted, but self-confident and sometimes extremely conceited in speech, which had an absurd effect, incongruous with his little figure.	Сердце у него было довольно мягкое, но речь весьма самоуверенная, а иной раз чрезвычайно даже заносчивая, - что, в сравнении с фигуркой его, почти всегда выходило смешно.

He was one of the lodgers most respected by Amalia Ivanovna, for he did not get drunk and paid regularly for his lodgings.	У Амалии Ивановны он считался, впрочем, в числе довольно почетных жильцов, то есть не пьянствовал и за квартиру платил исправно.
Andrey Semyonovitch really was rather stupid; he attached himself to the cause of progress and "our younger generation" from enthusiasm.	Несмотря на все эти качества, Андрей Семенович действительно был глуповат. Прикомандировался же он к прогрессу и к "молодым поколения нашим" - по страсти.
He was one of the numerous and varied legion of dullards, of half-animate abortions, conceited, half-educated coxcombs, who attach themselves to the idea most in fashion only to vulgarise it and who caricature every cause they serve, however sincerely.	Это был один из того бесчисленного и различного легиона пошляков, дохленьких недоносков и всему недоучившихся самодуров, которые мигом пристают непременно к самой модной ходячей идее, чтобы тотчас же опошлить ее, чтобы мигом окарикатурить все, чему они же иногда самым искренним образом служат.
Though Lebeziatnikov was so good-natured, he, too, was beginning to dislike Pyotr Petrovitch.	Впрочем, Лебезятников, несмотря даже на то, что был очень добренький, тоже начинал отчасти не терпеть своего сожителя и бывшего опекуна Петра Петровича.
This happened on both sides unconsciously.	Сделалось это с обеих сторон как-то невзначай и взаимно.
However simple Andrey Semyonovitch might be, he began to see that Pyotr Petrovitch was duping him and secretly despising him, and that "he was not the right sort of man."	Как ни был простоват Андрей Семенович, но все-таки начал понемногу разглядывать, что Петр Петрович его надует и втайне презирает и что "не такой совсем этот человек".
He had tried expounding to him the system of Fourier and the Darwinian theory, but of late Pyotr Petrovitch began to listen too sarcastically and even to be rude.	Он было попробовал ему излагать систему Фурье и теорию Дарвина, но Петр Петрович, особенно в последнее время, начал слушать както уж слишком саркастически, а в самое последнее время - так даже стал браниться.
The fact was he had begun	

<p>instinctively to guess that Lebeziatnikov was not merely a commonplace simpleton, but, perhaps, a liar, too, and that he had no connections of any consequence even in his own circle, but had simply picked things up third-hand; and that very likely he did not even know much about his own work of propaganda, for he was in too great a muddle. A fine person he would be to show anyone up!</p>	<p>Дело в том, что он, по инстинкту, начинал проникать, что Лебезятников не только пошленький и глуповатый человечек, но, может быть, и лгунишка, и что никаких вовсе не имеет он связей позначительнее даже в своем кружке, а только слышал что-нибудь с третьего голоса; мало того: и дела-то своего, пропагандного, может, не знает порядочно, потому что-то уж слишком сбивается, и что уж куда ему быть обличителем!</p>
<p>It must be noted, by the way, that Pyotr Petrovitch had during those ten days eagerly accepted the strangest praise from Andrey Semyonovitch; he had not protested, for instance, when Andrey Semyonovitch belauded him for being ready to contribute to the establishment of the new "commune," or to abstain from christening his future children, or to acquiesce if Dounia were to take a lover a month after marriage, and so on.</p>	<p>Кстати заметим мимоходом, что Петр Петрович, в эти полторы недели, охотно принимал (особенно вначале) от Андрея Семеновича даже весьма странные похвалы, то есть не возражал, например, и промалчивал, если Андрей Семенович приписывал ему готовность способствовать будущему и скорому устройству новой "коммуны" где-нибудь в Мещанской улице; или, например, не мешать Дунечке, если той, с первым же месяцем брака, вздумается завести любовника; или не крестить своих будущих детей и проч., и проч. - все в этом роде.</p>
<p>Pyotr Petrovitch so enjoyed hearing his own praises that he did not disdain even such virtues when they were attributed to him.</p>	<p>Петр Петрович, по обыкновению своему, не возражал на такие приписываемые ему качества и допускал хвалить себя даже этак - до того приятна была ему всякая похвала.</p>
<p>Pyotr Petrovitch had had occasion that morning to realise some five-per-cent bonds and now he sat down to the table and counted over bundles of notes.</p>	<p>Петр Петрович, разменявший для каких-то причин в это утро несколько пятипроцентных билетов, сидел за столом и пересчитывал пачки кредиток и серий.</p>
<p>Andrey Semyonovitch who hardly ever had any money walked about the room pretending to himself to look at all those bank notes with indifference and even contempt.</p>	<p>Андрей Семенович, у которого никогда почти не бывало денег, ходил по комнате и делал сам себе вид, что смотрит на все эти пачки равнодушно и даже с пренебрежением.</p>
<p>Nothing would have convinced Pyotr Petrovitch that Andrey Semyonovitch could really look on the money unmoved, and the latter, on his side, kept thinking bitterly that Pyotr</p>	<p>Петр Петрович ни за что бы, например, не поверил, что и действительно Андрей Семенович может смотреть на такие деньги равнодушно; Андрей же Семенович, в свою очередь, с горечью подумывал, что ведь и в самом деле Петр Петрович может быть</p>

Petrovitch was capable of entertaining such an idea about him and was, perhaps, glad of the opportunity of teasing his young friend by reminding him of his inferiority and the great difference between them.	способен про него так думать, да еще и рад, пожалуй, случаю пощекотать и подразнить своего молодого друга разложенными пачками кредиток, напомнив ему его ничтожество и всю существующую, будто бы, между ними обоими разницу.
He found him incredibly inattentive and irritable, though he, Andrey Semyonovitch, began enlarging on his favourite subject, the foundation of a new special "commune."	Он находил его в этот раз до небывалого раздражительным и невнимательным, несмотря на то, что он, Андрей Семенович, пустился было развивать перед ним свою любимую тему о заведении новой, особой "коммуны".
The brief remarks that dropped from Pyotr Petrovitch between the clicking of the beads on the reckoning frame betrayed unmistakable and discourteous irony.	Краткие возражения и замечания, вырывавшиеся у Петра Петровича в промежутках между чиканием костяшек на счетах, дышали самою явною и с намерением невежливою насмешкой.
But the "humane" Andrey Semyonovitch ascribed Pyotr Petrovitch's ill-humour to his recent breach with Dounia and he was burning with impatience to discourse on that theme. He had something progressive to say on the subject which might console his worthy friend and "could not fail" to promote his development. "There is some sort of festivity being prepared at that... at the widow's, isn't there?"	Но "гуманный" Андрей Семенович приписывал расположение духа Петра Петровича впечатлению вчерашнего разрыва с Дунечкой и горел желанием поскорее заговорить на эту тему: у него было кой-что сказать на этот счет прогрессивного и пропагандного, что могло бы утешить его почтенного друга и "несомненно" принести пользу его дальнейшему развитию.
Pyotr Petrovitch asked suddenly, interrupting Andrey Semyonovitch at the most interesting passage.	- Какие это там поминки устраиваются у этой... у вдовы-то? - спросил вдруг Петр Петрович, перерывая Андрея Семеновича на самом интереснейшем месте.
"Why, don't you know? Why, I was telling you last night what I think about all such ceremonies.	- Будто не знаете; я ведь вчера же говорил с вами на эту же тему и развивал мысль обо всех этих обрядах...
And she invited you too, I heard.	Да она ведь и вас тоже пригласила, я слышал.
You were talking to her yesterday..."	Вы сами с ней вчера говорили...

"I should never have expected that beggarly fool would have spent on this feast all the money she got from that other fool, Raskolnikov.	- Я никак не ждал, что эта нищая дура усадит на поминки все деньги, которые получила от этого другого дурака... Раскольникова.
--	--

I was surprised just now as I came through at the preparations there, the wines!	Даже подивился сейчас, проходя: такие там приготовления, вина!..
Several people are invited. It's beyond everything!" continued Pyotr Petrovitch, who seemed to have some object in pursuing the conversation.	Позвано несколько человек - черт знает что такое! - продолжал Петр Петрович, расспрашивая и наводя на этот разговор как бы с какою-то целью.
"What?	- Что?
You say I am asked too?	Вы говорите, что и меня приглашали? - вдруг прибавил он, поднимая голову.
When was that?	- Когда же это?
I don't remember.	Не помню-с.
But I shan't go.	Впрочем, я не пойду.
Why should I?	Что я там?
I only said a word to her in passing yesterday of the possibility of her obtaining a year's salary as a destitute widow of a government clerk.	Я вчера говорил только с нею, мимоходом, о возможности ей получить как нищей вдове чиновника, годовой оклад, в виде единовременного пособия.
I suppose she has invited me on that account, hasn't she?	Так уж не за это ли она меня приглашает?
He-he-he!"	Хе-хе!
"I don't intend to go either," said Lebeziatnikov.	- Я тоже не намерен идти, - сказал Лебезятников.
"I should think not, after giving her a thrashing!	- Еще бы! Собственноручно отколотили.
You might well hesitate, he-he!"	Понятно, что совестно, хе-хе-хе!
"Who thrashed?	- Кто отколотил?
Whom?" cried Lebeziatnikov, flustered and blushing.	Кого? - вдруг всполошился и даже покраснел Лебезятников.
"Why, you thrashed Katerina Ivanovna a month ago.	- Да вы-то, Катерину-то Ивановну, с месяц назад, что ли!
I heard so yesterday... so that's what your convictions amount to... and the woman question, too, wasn't quite sound, he-he-he!" and Pyotr Petrovitch, as though comforted, went back to clicking his beads.	Я ведь слышал-с, вчера-с... То-то вот они убеждения!.. Да и женский вопрос подгулял. Хе-хе-хе! И Петр Петрович, как бы утешенный, принялся опять щелкать на счетах.
"It's all slander and nonsense!" cried	- Это все вздор и клевета! - вспыхнул Лебезятников, который постоянно

Lebeziatnikov, who was always afraid of allusions to the subject. "It was not like that at all, it was quite different.	трусил напоминания об этой истории, - и совсем это не так было! Это было другое...
You've heard it wrong; it's a libel.	Вы не так слышали; сплетня!
I was simply defending myself.	Я просто тогда защищался.
She rushed at me first with her nails, she pulled out all my whiskers....	Она сама первая бросилась на меня с когтями... Она мне весь бакенбард выщипала...

It's permissable for anyone, I should hope, to defend himself and I never allow anyone to use violence to me on principle, for it's an act of despotism.	Всякому человеку позволительно, надеюсь, защищать свою личность. К тому же я никому не позволю с собой насилия... По принципу. Потому это уж почти деспотизм.
What was I to do?	Что ж мне было: так и стоять перед ней?
I simply pushed her back."	Я ее только отпихнул.
"He-he-he!" Luzhin went on laughing maliciously.	- Хе-хе-хе! - продолжал злобно посмеиваться Лужин.
"You keep on like that because you are out of humour yourself....	- Это вы потому задираете, что сами рассержены и злитесь...
But that's nonsense and it has nothing, nothing whatever to do with the woman question!	А это вздор и совсем, совсем не касается женского вопроса!
You don't understand; I used to think, indeed, that if women are equal to men in all respects, even in strength (as is maintained now) there ought to be equality in that, too.	Вы не так понимаете; я даже думал, что если уж принято, что женщина равна мужчине во всем, даже в силе (что уже утверждают), то, стало быть, и тут должно быть равенство.
Of course, I reflected afterwards that such a question ought not really to arise, for there ought not to be fighting and in the future society fighting is unthinkable... and that it would be a queer thing to seek for equality in fighting.	Конечно, я рассудил потом, что такого вопроса, в сущности, быть не должно, потому что драки и быть не должно, и что случаи драки в будущем обществе немыслимы... и что странно, конечно, искать равенства в драке.
I am not so stupid... though, of course, there is fighting... there won't be later, but at present there is... confound it!	Я не так глуп... хотя драка, впрочем, и есть... то есть после не будет, а теперь-то вот еще есть... тьфу! черт!
How muddled one gets with you!	С вами собьешься!
It's not on that account that I am not going.	Я не потому не пойду на поминки, что была эта неприятность.
I am not going on principle, not to take part in the revolting convention of memorial dinners, that's why!	Я просто по принципу не пойду, чтобы не участвовать в гнусном предрассудке поминок, вот что!
Though, of course, one might go to laugh at it....	Впрочем, оно и можно бы было пойти, так только, чтобы посмеяться...
I am sorry there won't be any priests at it.	Но жаль, что попов не будет.
I should certainly go if there were."	А то бы непременно пошел.

"Then you would sit down at another man's table and insult it and those who invited you.	- То есть сесть за чужую хлеб-соль и тут же наплевать на нее, равномерно и на тех, которые вас пригласили.
Eh?"	Так, что ли?
"Certainly not insult, but protest.	- Совсем не наплевать, а протестовать.
I should do it with a good object.	Я с полезною целью.
I might indirectly assist the cause of enlightenment and propaganda.	Я могу косвенно способствовать развитию и пропаганде.

It's a duty of every man to work for enlightenment and propaganda and the more harshly, perhaps, the better.	Всякий человек обязан развивать и пропагандировать и, может быть, чем резче, тем лучше.
I might drop a seed, an idea....	Я могу закинуть идею, зерно...
And something might grow up from that seed.	Из этого зерна вырастет факт.
How should I be insulting them?	Чем я их обижаю?
They might be offended at first, but afterwards they'd see I'd done them a service.	Сперва обидятся, а потом сами увидят, что я им пользу принес.
You know, Terebyeva (who is in the community now) was blamed because when she left her family and... devoted... herself, she wrote to her father and mother that she wouldn't go on living conventionally and was entering on a free marriage and it was said that that was too harsh, that she might have spared them and have written more kindly.	Вон у нас обвиняли было Теребьеву (вот что теперь в коммуне), что когда она вышла из семьи и... отдалась, то написала матери и отцу, что не хочет жить среди предрассудков и вступает в гражданский брак, и что будто бы это было слишком грубо, с отцами-то, что можно было бы их пощадить, написать мягче.
I think that's all nonsense and there's no need of softness; on the contrary, what's wanted is protest.	По-моему, все это вздор, и совсем не нужно мягче, напротив, напротив, тут-то и протестовать.
Varents had been married seven years, she abandoned her two children, she told her husband straight out in a letter:	Вон Варенц семь лет с мужем прожила, двух детей бросила, разом отрезала мужу в письме:
' I have realised that I cannot be happy with you.	"Я сознала, что с вами не могу быть счастлива.
I can never forgive you that you have deceived me by concealing from me that there is another organisation of society by means of the communities.	Никогда не прощу вам, что вы меня обманывали, скрыв от меня, что существует другое устройство общества, посредством коммун.

I have only lately learned it from a great-hearted man to whom I have given myself and with whom I am establishing a community.	Я недавно все это узнала от одного великодушного человека, которому и отдалась, и вместе с ним завожу коммуны.
I speak plainly because I consider it dishonest to deceive you.	Говорю прямо, потому что считаю бесчестным вас обманывать.
Do as you think best.	Оставайтесь как вам угодно.
Do not hope to get me back, you are too late.	Не надейтесь вернуть меня, вы слишком опоздали.
I hope you will be happy.'	Желаю быть счастливым".
That's how letters like that ought to be written!"	Вот как пишутся подобного рода письма!
"Is that Terebyeva the one you said had made a third free marriage?"	- А эта Теребьева, ведь это та самая, про которую вы тогда говорили, что в третьем гражданском браке состоит?
"No, it's only the second, really!	- Всего только во втором, если судить по-настоящему!
But what if it were the fourth, what if it were the fifteenth, that's all nonsense!	Да хоть бы и в четвертом, хоть бы в пятнадцатом, все это вздор!

And if ever I regretted the death of my father and mother, it is now, and I sometimes think if my parents were living what a protest I would have aimed at them!	И если я когда сожалел, что у меня отец и мать умерли, то уж, конечно, теперь. Я несколько раз мечтал даже о том, что если б они еще были живы, как бы я их огрел протестом! Нарочно подвел бы так...
I would have done something on purpose...	Это что, какой-нибудь там "отрезанный ломоть", тьфу!
I would have shown them!	Я бы им показал!
I would have astonished them!	Я бы их удивил!
I am really sorry there is no one!"	Право, жаль, что нет никого!
"To surprise!	- Чтоб удивить-то?
He-he!	Хе-хе!
Well, be that as you will," Pyotr Petrovitch interrupted, "but tell me this; do you know the dead man's daughter, the delicate-looking little thing?	Ну, это пускай будет как вам угодно, -перебил Петр Петрович, - а вот что скажите-ка: ведь вы знаете эту дочь покойника-то, щупленькая такая!

It's true what they say about her, isn't it?"	Ведь это правда совершенная, что про нее говорят, а?
"What of it?	- Что ж такое?
I think, that is, it is my own personal conviction that this is the normal condition of women.	По-моему, то есть по моему личному убеждению, это самое нормальное состояние женщины и есть.
Why not?	Почему же нет?
I mean, _distinguons_.	То есть distinguons.
In our present society it is not altogether normal, because it is compulsory, but in the future society it will be perfectly normal, because it will be voluntary.	В нынешнем обществе оно, конечно, не совсем нормально, потому что вынужденное, а в будущем совершенно нормально, потому что свободное.
Even as it is, she was quite right: she was suffering and that was her asset, so to speak, her capital which she had a perfect right to dispose of.	Да и теперь она имела право: она страдала, а это был ее фонд, так сказать капитал, которым она имела полное право располагать.
Of course, in the future society there will be no need of assets, but her part will have another significance, rational and in harmony with her environment.	Разумеется, в будущем обществе фондов не надо будет; но ее роль будет обозначена в другом значении, обусловлена стройно и рационально.
As to Sofya Semyonovna personally, I regard her action as a vigorous protest against the organisation of society, and I respect her deeply for it; I rejoice indeed when I look at her!"	Что же касается до Софьи Семеновны лично, то в настоящее время я смотрю на ее действия как на энергический и олицетворенный протест против устройства общества и глубоко уважаю ее за это; даже радуюсь на нее глядя!
"I was told that you got her turned out of these lodgings."	- А мне же рассказывали, что вы-то и выжили ее отсюда из номеров!
Lebeziatnikov was enraged.	Лебезятников даже рассвирепел.
"That's another slander," he yelled.	- Это другая сплетня! - завопил он.

"It was not so at all!	- Совсем, совсем не так дело было! Вот уж это-то не так!
That was all Katerina Ivanovna's invention, for she did not understand!	Это все Катерина Ивановна тогда наврала, потому что ничего не поняла!
And I never made love to Sofya Semyonovna!	И совсем я не подбивался к Софье Семеновне!
I was simply developing her, entirely	

disinterestedly, trying to rouse her to protest....	Я просто-просто развивал ее, совершенно бескорыстно, стараясь возбудить в ней протест...
All I wanted was her protest and Sofya Semyonovna could not have remained here anyway!"	Мне только протест и был нужен, да и сама по себе Софья Семеновна уже не могла оставаться здесь в нумерах!
"Have you asked her to join your community?"	- В коммуну, что ль, звали?
"You keep on laughing and very inappropriately, allow me to tell you.	- Вы все смеетесь и очень неудачно, позвольте вам это заменить.
You don't understand!	Вы ничего не понимаете!
There is no such role in a community.	В коммуне таких ролей нет.
The community is established that there should be no such roles.	Коммуна и устраивается для того, чтобы таких ролей не было.
In a community, such a role is essentially transformed and what is stupid here is sensible there, what, under present conditions, is unnatural becomes perfectly natural in the community.	В коммуне эта роль изменит всю теперешнюю свою сущность, и что здесь глупо, то там станет умно, что здесь, при теперешних обстоятельствах неестественно, то там станет совершенно естественно.
It all depends on the environment.	Все зависит, в какой обстановке и в какой среде человек.
It's all the environment and man himself is nothing.	Все от среды, а сам человек есть ничто.
And I am on good terms with Sofya Semyonovna to this day, which is a proof that she never regarded me as having wronged her.	А с Софьей Семеновной я в ладах и теперь, что может вам послужить доказательством, что никогда она не считала меня своим врагом и обидчиком.
I am trying now to attract her to the community, but on quite, quite a different footing.	Да! Я соблазняю ее теперь в коммуну, но только совсем, совсем, совсем на других основаниях!
What are you laughing at?	Чего вам смешно?
We are trying to establish a community of our own, a special one, on a broader basis. We have gone further in our convictions. We reject more!	Мы хотим завести свою коммуну, особенную, но только на более широких основаниях, чем прежние. Мы пошли дальше в своих убеждениях. Мы больше отрицаем! Если бы встал из гроба Добролюбов, я бы с ним поспорил. А уж Белинского закатал бы!

And meanwhile I'm still developing Sofya Semyonovna.	А покамест я продолжаю развивать Софью Семеновну.
She has a beautiful, beautiful character!"	Это прекрасная, прекрасная натура!
"And you take advantage of her fine character, eh?	- Ну, а прекрасною-то натурой и пользуетесь, а?

He-he!"	Хе-хе!
"No, no!	- Нет, нет!
Oh, no!	О нет!
On the contrary."	Напротив!
"Oh, on the contrary!	- Ну, уж и напротив!
He-he-he!	Хе-хе-хе!
A queer thing to say!"	Эк сказал!
"Believe me!	- Да поверьте же!
Why should I disguise it?	Да из-за каких причин я бы стал скрывать перед вами, скажите пожалуйста?
In fact, I feel it strange myself how timid, chaste and modern she is with me!"	Напротив, мне даже самому это странно: со мной она как-то усиленно, как-то боязливо целомудренна и стыдлива!
"And you, of course, are developing her... he-he! trying to prove to her that all that modesty is nonsense?"	- И вы, разумеется, развиваете... хе-хе! доказываете ей, что все эти стыдливости вздор?..
"Not at all, not at all!	- Совсем нет! Совсем нет!
How coarsely, how stupidly--excuse me saying so--you misunderstand the word development!	О, как вы грубо, как даже глупо - простите меня - понимаете слово: развитие!
Good heavens, how... crude you still are!	Ничего-то вы не понимаете!
We are striving for the freedom of women and you have only one idea in your head....	О боже, как вы еще... не готовы! Мы ищем свободы женщины, а у вас одно на уме...
Setting aside the general question of chastity and feminine modesty as useless in themselves and indeed prejudices, I fully accept her chastity with me, because that's for her to	Обходя совершенно вопрос о целомудрии и о женской стыдливости, как о вещах самих по себе бесполезных и даже предрассудочных, я вполне, вполне допускаю ее целомудренность со мною,

decide.	потому что в этом - вся ее воля, все ее право.
Of course if she were to tell me herself that she wanted me, I should think myself very lucky, because I like the girl very much; but as it is, no one has ever treated her more courteously than I, with more respect for her dignity... I wait in hopes, that's all!"	Разумеется, если б она мне сама сказала: "Я хочу тебя иметь", то я бы почел себя в большей удаче, потому что девушка мне очень нравится; но теперь, теперь по крайней мере, уж конечно, никто и никогда не обращался с ней более вежливо и учтиво, чем я, более с уважением к ее достоинству... я жду и надеюсь - и только!
"You had much better make her a present of something.	- А вы подарите-ка ей лучше что-нибудь.
I bet you never thought of that." "You don't understand, as I've told you already!	Бьюсь об заклад, что об этом-то вот вы и не подумали.
Of course, she is in such a position, but it's another question.	- Н-ничего-то вы не понимаете, я вам сказал!
Quite another question! You simply despise her.	Оно конечно, таково ее положение, но тут другой вопрос! совсем другой!

Seeing a fact which you mistakenly consider deserving of contempt, you refuse to take a humane view of a fellow creature.	Вы просто ее презираете. Видя факт, который по ошибке считаете достойным презрения, вы уже отказываете человеческому существу в гуманном на него взгляде.
You don't know what a character she is!	Вы еще не знаете, какая это натура!
I am only sorry that of late she has quite given up reading and borrowing books.	Мне только очень досадно, что она в последнее время как-то совсем перестала читать и уже не берет у меня больше книг.
I used to lend them to her.	А прежде брала.
I am sorry, too, that with all the energy and resolution in protesting--which she has already shown once--she has little self-reliance, little, so to say, independence, so as to break free from certain prejudices and certain foolish ideas.	Жаль тоже, что при всей своей энергии и решимости протестовать, - которую она уже раз доказала, - у ней все еще как будто мало самостоятельности, так сказать, независимости, мало отрицания, чтобы совершенно оторваться от иных предрассудков и... глупостей.
Yet she thoroughly understands some questions, for instance about kissing of hands, that is, that it's an insult to a woman for a man to kiss her hand, because it's a sign of inequality.	Несмотря на то, она отлично понимает иные вопросы. Она великолепно, например, поняла вопрос о целовании рук, то есть что мужчина оскорбляет женщину неравенством, если целует у ней руку.

We had a debate about it and I described it to her.	Этот вопрос был у нас дебатирован, и я тотчас же ей передал.
She listened attentively to an account of the workmen's associations in France, too.	Об ассоциациях рабочих во Франции она тоже слушала внимательно.
Now I am explaining the question of coming into the room in the future society."	Теперь я толкую ей вопрос свободного входа в комнаты в будущем обществе.
"And what's that, pray?"	- Это еще что такое?
"We had a debate lately on the question: Has a member of the community the right to enter another member's room, whether man or woman, at any time... and we decided that he has!"	- Дебатирован был в последнее время вопрос: имеет ли право член коммуны входить к другому члену в комнату, к мужчине или женщине, во всякое время... ну и решено, что имеет...
"It might be at an inconvenient moment, he-he!"	- Ну а как тот или та заняты в ту минуту необходимыми потребностями, хе-хе!
Lebeziatnikov was really angry.	Андрей Семенович даже рассердился.
"You are always thinking of something unpleasant," he cried with aversion. "Tfoo! How vexed I am that when I was expounding our system, I referred prematurely to the question of personal privacy!"	- А вы все об этом, об этих проклятых "потребностях"! - вскричал он с ненавистью, - тьфу, как я злюсь и досажую, что, излагая систему, упомянул вам тогда преждевременно об этих проклятых потребностях!
It's always a stumbling-block to people like you, they turn it into ridicule before they understand it.	Черт возьми! Это камень преткновения для всех вам подобных, а пуще всего - поднимают на зубок, прежде чем узнают, в чем дело! И точно ведь правы!
And how proud they are of it, too!	Точно ведь гордятся чем-то!
Tfoo!	Тьфу!

I've often maintained that that question should not be approached by a novice till he has a firm faith in the system.	Я несколько раз утверждал, что весь этот вопрос возможно излагать новичкам не иначе как в самом конце, когда уж он убежден в системе, когда уже развит и направлен человек.
And tell me, please, what do you find so shameful even in cesspools?	Да и что, скажите пожалуйста, что вы находите такого постыдного и презренного хоть бы в помойных ямах?

I should be the first to be ready to clean out any cesspool you like.	Я первый, я, готов вычистить какие хотите помойные ямы!
And it's not a question of self-sacrifice, it's simply work, honourable, useful work which is as good as any other and much better than the work of a Raphael and a Pushkin, because it is more useful."	Тут даже нет никакого самопожертвования! Тут просто работа, благородная, полезная обществу деятельность, которая стоит всякой другой, и уже гораздо выше, например, деятельности какого-нибудь Рафаэля или Пушкина, потому что полезнее!
"And more honourable, more honourable, he-he-he!"	- И благороднее, благороднее, - хе-хе-хе!
"What do you mean by 'more honourable'?"	- Что такое "благороднее"?
I don't understand such expressions to describe human activity.	Я не понимаю таких выражений в смысле определения человеческой деятельности.
'More honourable,' 'nobler'--all those are old-fashioned prejudices which I reject.	"Благороднее", "великодушнее" - все это вздор, нелепости, старые предрассудочные слова, которые я отрицаю!
Everything which is _of use_ to mankind is honourable.	Все, что полезно человечеству, то и благородно!
I only understand one word: _useful_!	Я понимаю только одно слово: полезное!
You can snigger as much as you like, but that's so!"	Хихикайте как вам угодно, а это так!
Pyotr Petrovitch laughed heartily.	Петр Петрович очень смеялся.
He had finished counting the money and was putting it away.	Он уже кончил считать и припрятал деньги.
But some of the notes he left on the table.	Впрочем, часть их зачем-то все еще оставалась на столе.
The "cesspool question" had already been a subject of dispute between them. What was absurd was that it made Lebeziatnikov really angry, while it amused Luzhin and at that moment he particularly wanted to anger his young friend.	Этот "вопрос о помойных ямах" служил уже несколько раз, несмотря на всю свою пошлость, поводом к разрыву и несогласию между Петром Петровичем и молодым его другом.

"It's your ill-luck yesterday that makes you so ill-humoured and annoying," blurted out Lebeziatnikov, who in spite of his	Вся глупость состояла в том, что Андрей Семенович действительно сердился. Лужин же отводил на этом душу, а в настоящую минуту ему особенно хотелось позлить Лебезятникова. -Это вы от вчерашней вашей
--	---

"independence" and his "protests" did not venture to oppose Pyotr Petrovitch and still behaved to him with some of the respect habitual in earlier years.	неудачи так злы и привязывается, - прорвался наконец Лебезятников, который, вообще говоря, несмотря на всю свою "независимость" и на все "протесты", как-то не смел оппонировать Петру Петровичу и вообще все еще наблюдал перед ним какую-то привычную, с прежних лет, почтительность.
"You'd better tell me this," Pyotr Petrovitch interrupted with haughty displeasure, "can you... or rather are you really friendly enough with that young person to ask her to step in here for a minute?"	- А вы лучше вот что скажите-ка, - высокомерно и с досадой прервал Петр Петрович, - вы можете ли-с... или лучше сказать: действительно ли и на столько ли вы коротки с вышеупомянутой молодой особой, чтобы попросить ее теперь же, на минуту, сюда, в эту комнату?
I think they've all come back from the cemetery...	Кажется, они все уж там воротились, с кладбища-то...
I heard the sound of steps...	Я слышу, поднялась ходьба...
I want to see her, that young person."	Мне бы надо ее повидать-с, особу-то-с.
"What for?" Lebeziatnikov asked with surprise.	- Да вам зачем? - с удивлением спросил Лебезятников.
"Oh, I want to.	- А так-с, надо-с.
I am leaving here to-day or to-morrow and therefore I wanted to speak to her about...	Сегодня-завтра я отсюда съеду, а потому желал бы ей сообщить...
However, you may be present during the interview.	Впрочем, будьте, пожалуй, и здесь, во время объяснения.
It's better you should be, indeed.	Тем даже лучше.
For there's no knowing what you might imagine."	А то вы, пожалуй, и бог знает что подумаете.
"I shan't imagine anything.	- Я ровно ничего не подумаю...
I only asked and, if you've anything to say to her, nothing is easier than to call her in.	Я только так спросил, и если у вас есть дело, то нет ничего легче, как ее вызвать.
I'll go directly and you may be sure I won't be in your way."	Сейчас схожу. А сам, будьте уверены, вам мешать не стану.

Five minutes later Lebeziatnikov came in with Sonia.	Действительно, минут через пять Лебезятников возвратился с Сонечкой.
She came in very much surprised and overcome with shyness as usual.	Та вошла в чрезвычайном удивлении и, по обыкновению своему, робея.
She was always shy in such circumstances and was always afraid of new people, she had been as a child and was even more so now....	Она всегда робела в подобных случаях и очень боялась новых лиц и новых знакомств, боялась и прежде, еще с детства, а теперь тем более...

Pyotr Petrovitch met her "politely and affably," but with a certain shade of bantering familiarity which in his opinion was suitable for a man of his respectability and weight in dealing with a creature so young and so _interesting_ as she.	Петр Петрович встретил ее "ласково и вежливо", впрочем, с некоторым оттенком какой-то веселой фамильярности, приличной, впрочем, по мнению Петра Петровича, такому почтенному и солидному человеку, как он, в отношении такого юного и в некотором смысле интересного существа.
He hastened to "reassure" her and made her sit down facing him at the table.	Он поспешил ее "ободрить" и посадил за стол напротив себя.
Sonia sat down, looked about her--at Lebeziatnikov, at the notes lying on the table and then again at Pyotr Petrovitch and her eyes remained riveted on him.	Соня села, посмотрела кругом - на Лебезятникова, на деньги, лежавшие на столе, и потом вдруг опять на Петра Петровича, и уже не отрывала более от него глаз, точно приковалась к нему.
Lebeziatnikov was moving to the door.	Лебезятников направился было к двери.
Pyotr Petrovitch signed to Sonia to remain seated and stopped Lebeziatnikov.	Петр Петрович встал, знаком пригласил Соню сидеть и остановил Лебезятникова в дверях.
"Is Raskolnikov in there?"	- Этот Раскольников там?
Has he come?" he asked him in a whisper.	Пришел он? - спросил он его шепотом.
"Raskolnikov?"	- Раскольников?
Yes.	Там.
Why?	А что?
Yes, he is there.	Да, там...

I saw him just come in....	Сейчас только вошел, я видел...
Why?"	А что?
"Well, I particularly beg you to remain here with us and not to leave me alone with this... young woman.	- Ну, так я вас особенно попрошу остаться здесь, с нами, и не оставлять меня наедине с этой... девицей.
I only want a few words with her, but God knows what they may make of it.	Дело пустяшное, а выведут бог знает что.
I shouldn't like Raskolnikov to repeat anything....	Я не хочу, чтобы Раскольников там передал...
You understand what I mean?"	Понимаете, про что я говорю?
"I understand!" Lebeziatnikov saw the point.	- А, понимаю, понимаю! - вдруг догадался Лебезятников.
"Yes, you are right....	- Да, вы имеете право...
Of course, I am convinced personally that you have no reason to be uneasy, but... still, you are right.	Оно, конечно, по моему личному убеждению, вы далеко хватаете в ваших опасениях, но... вы все-таки имеете право.
Certainly I'll stay.	Извольте, я остаюсь.
I'll stand here at the window and not be in your way...	Я стану здесь у окна и не буду вам мешать...
I think you are right..."	По-моему, вы имеете право...

Pyotr Petrovitch returned to the sofa, sat down opposite Sonia, looked attentively at her and assumed an extremely dignified, even severe expression, as much as to say, "don't you make any mistake, madam."	Петр Петрович воротился на диван, уселся напротив Сони, внимательно посмотрел на нее и вдруг принял чрезвычайно солидный, даже несколько строгий вид: "Дескать, ты-то сама чего не подумай, сударыня".
Sonia was overwhelmed with embarrassment.	Соня смутилась окончательно.
"In the first place, Sofya Semyonovna, will you make my excuses to your respected mamma....	- Во-первых, вы, пожалуйста, извините меня, Софья Семеновна, перед многоуважаемой вашей мамашей...
That's right, isn't it?	Так ведь, кажется?
Katerina Ivanovna stands in the place of a mother to you?" Pyotr Petrovitch began with great dignity, though affably.	Заместо матери приходится вам Катерина-то Ивановна? - начал Петр Петрович весьма солидно, но, впрочем, довольно ласково.
It was evident that his intentions were friendly.	Видно было, что он имеет самые дружественные намерения.

"Quite so, yes; the place of a mother," Sonia answered, timidly and hurriedly.	- Так точно-с, так-с; вместо матери-с, - торопливо и пугливо ответила Соня.
"Then will you make my apologies to her? Through inevitable circumstances I am forced to be absent and shall not be at the dinner in spite of your mamma's kind invitation."	- Ну-с, так вот и извините меня перед нею, что я, по обстоятельствам независящим, принужден манкировать и не буду у вас на блинах... то есть на поминках, несмотря на милый зов вашей мамыши.
"Yes... I'll tell her... at once." And Sonia hastily jumped up from her seat.	- Так-с; скажу-с; сейчас-с - и Сонечка торопливо вскочила со стула.
"Wait, that's not all," Pyotr Petrovitch detained her, smiling at her simplicity and ignorance of good manners, "and you know me little, my dear Sofya Semyonovna, if you suppose I would have ventured to trouble a person like you for a matter of so little consequence affecting myself only.	- Еще не все-с, - остановил ее Петр Петрович, улыбнувшись на ее простоватость и незнание приличий, - и мало вы меня знаете, любезнейшая Софья Семеновна, если подумали, что из-за этой маловажной, касающейся одного меня причины я бы стал беспокоить лично и призывать к себе такую особу, как вы.
I have another object."	Цель у меня другая-с.
Sonia sat down hurriedly.	Соня торопливо села.
Her eyes rested again for an instant on the grey-and-rainbow-coloured notes that remained on the table, but she quickly looked away and fixed her eyes on Pyotr Petrovitch. She felt it horribly indecorous, especially for _her_, to look at another person's money. She stared at the gold eye-glass which Pyotr Petrovitch held in his left hand and at the massive and extremely handsome ring with a yellow stone on his middle finger. But suddenly she looked away and, not knowing where to turn, ended by staring Pyotr Petrovitch again straight in the face.	Серые и радужные кредитки, не убранные со стола, опять замелькали в ее глазах, но она быстро отвела от них лицо и подняла его на Петра Петровича: ей вдруг показалось ужасно неприличным, особенно ей, глядеть на чужие деньги, Она уставилась было взглядом на золотой лорнет Петра Петровича, который он придерживал в левой руке, а вместе с тем и на большой, массивный, чрезвычайно красивый перстень с желтым камнем, который был на среднем пальце этой руки, - но вдруг и от него отвела глаза и, не зная уж куда деваться, кончила тем, что уставилась опять прямо в глаза Петру Петровичу.
After a pause of still greater dignity he continued.	Помолчав еще солиднее, чем прежде, тот продолжал:
"I chanced yesterday in passing to exchange a couple of words with Katerina Ivanovna, poor woman.	- Случилось мне вчера, мимоходом, перекинуть слова два с несчастною Катериной Ивановной.
That was sufficient to enable me to ascertain that she is in a position--preternatural, if one	Двух слов достаточно было узнать, что она находится в состоянии -

may so express it."	противоестественном, если только можно так выразиться...
"Yes... preternatural..." Sonia hurriedly assented.	- Да-с... в противоестественном-с, - торопясь поддакивала Соня.
"Or it would be simpler and more comprehensible to say, ill."	- Или проще и понятнее сказать - в больном.
"Yes, simpler and more comprehen... yes, ill."	- Да-с, проще и понят... да-с, больна-с.
"Quite so.	- Так-с.
So then from a feeling of humanity and so to speak compassion, I should be glad to be of service to her in any way, foreseeing her unfortunate position.	Так вот, по чувству гуманности и-и-и, так сказать, сострадания, я бы желал быть, с своей стороны, чемнибудь полезным, предвидя неизбежно несчастную участь ее.
I believe the whole of this poverty-stricken family depends now entirely on you?"	Кажется, и все беднейшее семейство это от вас одной теперь только и зависит.
"Allow me to ask," Sonia rose to her feet, "did you say something to her yesterday of the possibility of a pension?"	- Позвольте спросить, - вдруг встала Соня, - вы ей что изволили говорить вчера о возможности пенсии?
Because she told me you had undertaken to get her one.	Потому, она еще вчера говорила мне, что вы взялись ей пенсию выхлопотать.
Was that true?"	Правда это-с?
"Not in the slightest, and indeed it's an absurdity!"	- Отнюдь нет-с, и даже в некотором смысле нелепость.
I merely hinted at her obtaining temporary assistance as the widow of an official who had died in the service--if only she has patronage... but apparently your late parent had not served his full term and had not indeed been in the service at all of late.	Я только намекнул о временном вспоможении вдове умершего на службе чиновника, - если только будет протекция, - но, кажется, ваш покойный родитель не только не выслужил срока, но даже и не служил совсем в последнее время.
In fact, if there could be any hope, it would be very ephemeral, because there would be no claim for assistance in that case, far from it....	Одним словом, надежда хоть и могла бы быть, но весьма эфемерная, потому никаких, в сущности, прав на вспоможение, в сем случае, не существует, а даже напротив...
And she is dreaming of a pension already, he-he-he!...	А она уже и о пенсии задумала, хе-хе-хе!
A go-ahead lady!"	Бойкая барыня!

"Yes, she is.	- Да-с, о пенсионе...
For she is credulous and good-hearted, and she believes everything from the goodness of her heart and... and... and she is like that... yes...	Потому она легковверная и добрая, и от доброты всему верит, и... и... и... у ней такой ум...
You must excuse her," said Sonia, and again she got up to go.	Да-с... извините-с, - сказала Соня и опять встала уходить.
"But you haven't heard what I have to say."	- Позвольте, вы еще не дослушали-с.
"No, I haven't heard," muttered Sonia.	- Да-с, не дослушала-с, - пробормотала Соня.
"Then sit down."	- Так сядьте же-с.
She was terribly confused; she sat down again a third time.	Соня законфузилась ужасно и села опять, в третий раз.
"Seeing her position with her unfortunate little ones, I should be glad, as I have said before, so far as lies in my power, to be of service, that is, so far as is in my power, not more.	- Видя таковое ее положение, с несчастными малолетними, желал бы, - как я и сказал уже, -чем-нибудь, по мере сил, быть полезным, то есть что называется по мере сил-с, не более.
One might for instance get up a subscription for her, or a lottery, something of the sort, such as is always arranged in such cases by friends or even outsiders desirous of assisting people.	Можно бы, например, устроить в ее пользу подписку, или, так сказать, лотерею... или что-нибудь в этом роде - как это и всегда в подобных случаях устраивается близкими людьми.
It was of that I intended to speak to you; it might be done."	Вот об этом-то я имел намерение вам сообщить.
"Yes, yes...	Оно бы можно-с. - Да-с, хорошо-с...
God will repay you for it," faltered Sonia, gazing intently at Pyotr Petrovitch.	Бог вас за это-с... - лепетала Соня, пристально смотря на Петра Петровича.
"It might be, but we will talk of it later.	- Можно-с, но... это мы потом-с... то есть можно бы начать и сегодня.
We might begin it to-day, we will talk it over this evening and lay the foundation so to speak.	Вечером увидимся, сговоримся и положим, так сказать, основание.
Come to me at seven o'clock.	Зайдите ко мне сюда часов этак в семь.
Mr. Lebeziatnikov, I hope, will assist us.	Андрей Семенович, надеюсь, тоже будет участвовать с нами...
But there is one circumstance of which I	Но... тут есть одно обстоятельство, о

ought to warn you beforehand and for which I venture to trouble you, Sofya Semyonovna, to come here.	котором следует предварительно и тщательно упомянуть. Для сего-то я и беспокоил вас, Софья Семеновна, моим зовом сюда.
In my opinion money cannot be, indeed it's unsafe to put it into Katerina Ivanovna's own hands. The dinner to-day is a proof of that.	Именно-с, мое мнение, - что деньги нельзя, да и опасно давать в руки самой Катерине Ивановне; доказательство же сему - эти самые сегодняшние поминки.
Though she has not, so to speak, a crust of bread for to-morrow and... well, boots or shoes, or anything; she has bought to-day Jamaica rum, and even, I believe, Madeira and... and coffee.	Не имея, так сказать, одной корки насущной пищи на завтрашний день и... ну, и обуви, и всего, покупается сегодня ямайский ром и даже, кажется, мадера и-и кофе.
I saw it as I passed through.	Я видел проходя.
To-morrow it will all fall upon you again, they won't have a crust of bread.	Завтра же опять все на вас обрушится, до последнего куска хлеба; это уже нелепо-с.

It's absurd, really, and so, to my thinking, a subscription ought to be raised so that the unhappy widow should not know of the money, but only you, for instance.	А потому и подписка, по моему личному взгляду, должна произойти так, чтобы несчастная вдова, так сказать, и не знала о деньгах, а знали бы, например, только вы.
Am I right?"	Так ли я говорю?
"I don't know... this is only to-day, once in her life.... She was so anxious to do honour, to celebrate the memory....	- Я не знаю-с. Это только она сегодня-с так... это раз в жизни... ей уж очень хотелось помянуть, честь оказать, память... а она очень умная-с.
And she is very sensible... but just as you think and I shall be very, very... they will all be... and God will reward... and the orphans..."	А впрочем, как вам угодно-с, и я очень, очень, очень буду... они все будут вам... и вас бог-с... и сироты-с...
Sonia burst into tears.	Соня не договорила и заплакала.
"Very well, then, keep it in mind; and now will you accept for the benefit of your relation the small sum that I am able to spare, from me personally.	- Так-с. Ну-с, так имейте в виду-с; а теперь благоволите принять, для интересов вашей родственницы, на первый случай, посильную сумму от меня лично.
I am very anxious that my name should not be mentioned in connection with it. Here... having so to speak anxieties of my own, I	Вот-с... имея, так сказать, сам заботы, более не в состоянии...

cannot do more..."	
And Pyotr Petrovitch held out to Sonia a ten-rouble note carefully unfolded.	И Петр Петрович протянул Соне десятирублевый кредитный билет, тщательно развернув.
Sonia took it, flushed crimson, jumped up, muttered something and began taking leave.	Соня взяла, вспыхнула, вскочила, что-то пробормотала и поскорей стала откланиваться.
Pyotr Petrovitch accompanied her ceremoniously to the door.	Петр Петрович торжественно проводил ее до дверей.
She got out of the room at last, agitated and distressed, and returned to Katerina Ivanovna, overwhelmed with confusion.	Она выскочила наконец из комнаты, вся взволнованная и измученная, и воротилась к Катерине Ивановне в чрезвычайном смущении.
All this time Lebeziatnikov had stood at the window or walked about the room, anxious not to interrupt the conversation; when Sonia had gone he walked up to Pyotr Petrovitch and solemnly held out his hand.	Во все время этой сцены Андрей Семенович то стоял у окна, то ходил по комнате, не желая прерывать разговора; когда же Соня ушла, он вдруг подошел к Петру Петровичу и торжественно протянул ему руку:
"I heard and <u>saw</u> everything," he said, laying stress on the last verb.	- Я все слышал и все видел, - сказал он, особенно упирая на последнее слово.
"That is honourable, I mean to say, it's humane!	- Это благородно, то есть я хотел сказать, гуманно!
You wanted to avoid gratitude, I saw!	Вы желали избежать благодарности, я видел!
And although I cannot, I confess, in principle sympathise with private charity, for it not only fails to eradicate the evil but even promotes it, yet I must admit that I saw your action with pleasure--yes, yes, I like it."	И хотя, признаюсь вам, я не могу сочувствовать, по принципу, частной благотворительности, потому что она не только не искореняет зла радикально, но даже питает его еще более, тем не менее не могу не признаться, что смотрел на ваш поступок с удовольствием, -да, да, мне это нравится.

"That's all nonsense," muttered Pyotr Petrovitch, somewhat disconcerted, looking carefully at Lebeziatnikov.	- Э, все это вздор! - бормотал Петр Петрович, несколько в волнении и как-то приглядываясь к Лебезятникову.
"No, it's not nonsense!	- Нет, не вздор!
A man who has suffered distress and annoyance as you did yesterday and who yet can sympathise with the	Человек, оскорбленный и раздосадованный, как вы, вчерашним случаем и в то же время способный думать о несчастьи других, - такой

misery of others, such a man... even though he is making a social mistake-- is still deserving of respect!	человек-с... хотя поступками своими он делает социальную ошибку, - тем не менее... достоин уважения!
I did not expect it indeed of you, Pyotr Petrovitch, especially as according to your ideas... oh, what a drawback your ideas are to you!	Я даже не ожидал от вас, Петр Петрович, тем более что по вашим понятиям, о! как еще мешают вам ваши понятия!
How distressed you are for instance by your ill-luck yesterday," cried the simple-hearted Lebeziatnikov, who felt a return of affection for Pyotr Petrovitch.	Как волнует, например, вас эта вчерашняя неудача, - восклицал добренький Андрей Семенович, опять почувствовав усиленное расположение к Петру Петровичу, - и к чему, к чему вам непременно этот брак, этот законный брак, благороднейший, любезнейший Петр Петрович?
"And, what do you want with marriage, with _legal_ marriage, my dear, noble Pyotr Petrovitch?	К чему вам непременно эта законность в браке?
Why do you cling to this _legality_ of marriage? Well, you may beat me if you like, but I am glad, positively glad it hasn't come off, that you are free, that you are not quite lost for humanity.... you see, I've spoken my mind!"	Ну, если хотите, так бейте меня, а я рад, рад, что он не удался, что вы свободны, что вы не совсем еще погибли для человечества, рад...
"Because I don't want in your free marriage to be made a fool of and to bring up another man's children, that's why I want legal marriage," Luzhin replied in order to make some answer.	Видите ли: я высказался! - К тому-с, что в вашем гражданском браке я не хочу рогов носить и чужих детей разводить, вот к чему-с мне законный брак надобен, - чтобы что-нибудь ответить, сказал Лужин.
He seemed preoccupied by something.	Он был чем-то особенно занят и задумчив.
"Children?	- Детей?
You referred to children," Lebeziatnikov started off like a warhorse at the trumpet call. "Children are a social question and a question of first importance, I agree; but the question of children has another solution.	Вы коснулись детей? - вздрогнул Андрей Семенович, как боевой конь, слышавший военную трубу, - дети - вопрос социальный и вопрос первой важности, я согласен; но вопрос о детях разрешится иначе.
Some refuse to have children altogether, because they suggest the	Некоторые даже совершенно отрицают детей, как всякий намек на семью.

institution of the family.	
We'll speak of children later, but now as to the question of honour, I confess that's my weak point.	Мы поговорим о детях после, а теперь займемся рогами! Признаюсь вам, это мой слабый пункт.
That horrid, military, Pushkin expression is unthinkable in the dictionary of the future.	Это скверное, гусарское, пушкинское выражение даже немыслимо в будущем лексиконе.
What does it mean indeed?	Да и что такое рога?

It's nonsense, there will be no deception in a free marriage!	О, какое заблуждение! Какие рога?
That is only the natural consequence of a legal marriage, so to say, its corrective, a protest.	Зачем рога? Какой вздор! Напротив, в гражданском-то браке их и не будет!
So that indeed it's not humiliating... and if I ever, to suppose an absurdity, were to be legally married, I should be positively glad of it. I should say to my wife:	Рога - это только естественное следствие всякого законного брака, так сказать, поправка его, протест, так что в этом смысле они даже нисколько не унижительны... И если я когда-нибудь, - предположив нелепость, - буду в законном браке, то я даже рад буду вашим растреклятым рогам; я тогда скажу жене моей:
'My dear, hitherto I have loved you, now I respect you, for you've shown you can protest!'	"Друг мой, до сих пор я только любил тебя, теперь же я тебя уважаю, потому что ты сумела протестовать!"
You laugh!	Вы смеетесь?
That's because you are of incapable of getting away from prejudices.	Это потому, что вы не в силах оторваться от предрассудков!
Confound it all! I understand now where the unpleasantness is of being deceived in a legal marriage, but it's simply a despicable consequence of a despicable position in which both are humiliated.	Черт возьми, я ведь понимаю, в чем именно неприятность, когда надуют в законном; но ведь это только подлое следствие подлого факта, где унижены и тот и другой.
When the deception is open, as in a free marriage, then it does not exist, it's unthinkable.	Когда же рога ставятся открыто, как в гражданском браке, тогда уже их не существует, они немыслимы и теряют даже название рогов.
Your wife will only prove how she respects you by considering	Напротив, жена ваша докажет вам только, как она же

you incapable of opposing her happiness and avenging yourself on her for her new husband.	уважает вас, считая вас неспособным воспротивиться ее счастью и настолько развитым, чтобы не мстить ей за нового мужа.
Damn it all! I sometimes dream if I were to be married, pfoo! I mean if I were to marry, legally or not, it's just the same, I should present my wife with a lover if she had not found one for herself.	Черт возьми, я иногда мечтаю, что если бы меня выдали замуж, тьфу! если б я женился (по гражданскому ли, по законному ли, все равно), я бы, кажется, сам привел к жене любовника, если б она долго его не заводила.
'My dear,' I should say, 'I love you, but even more than that I desire you to respect me.	"Друг мой, - сказал бы я ей, - я тебя люблю, но еще сверх того желаю, чтобы ты меня уважала, -вот!"
See!' Am I not right?"	Так ли, так ли я говорю?..
Pyotr Petrovitch sniggered as he listened, but without much merriment.	Петр Петрович хихикал слушая, но без особого увлечения.
He hardly heard it indeed.	Он даже мало и слушал.
He was preoccupied with something else and even Lebeziatnikov at last noticed it.	Он действительно что-то обдумывал другое, и даже Лебезятников наконец это заметил.
Pyotr Petrovitch seemed excited and rubbed his hands.	Петр Петрович был даже в волнении, потирал руки, задумывался.
Lebeziatnikov remembered all this and reflected upon it afterwards.	Все это Андрей Семенович после сообразил и припомнил...

CHAPTER II	II
It would be difficult to explain exactly what could have originated the idea of that senseless dinner in Katerina Ivanovna's disordered brain.	Трудно было бы в точности обозначить причины, вследствие которых в расстроенной голове Катерины Ивановны зародилась идея этих бестолковых поминок.
Nearly ten of the twenty roubles, given by Raskolnikov for Marmeladov's funeral, were wasted upon it.	Действительно, на них ухлопаны были чуть ли не десять рублей из двадцати с лишком, полученных от Раскольникова собственно на похороны Мармеладова.
Possibly Katerina Ivanovna felt obliged to honour the memory of the deceased "suitably," that all the lodgers, and still more Amalia Ivanovna, might know "that he was in no way their inferior, and perhaps very much their superior," and that no one had the right "to turn up his nose at him."	Может быть, Катерина Ивановна считала себя обязанною перед покойником почтить его память "как следует", чтобы знали все жильцы и Амалия Ивановна в особенности, что он был "не только их совсем не хуже, а, может быть, еще и гораздо лучше-с" и что никто из них не имеет права перед ним "свой нос задирать".
Perhaps the chief element was that peculiar "poor man's pride," which compels many poor people to spend their last savings on some traditional social ceremony, simply in order to do "like other people," and not to "be looked down upon."	Может быть, тут всего более имела влияния та особенная гордость бедных, вследствие которой, при некоторых общественных обрядах, обязательных в нашем быту для всех и каждого, многие бедняки таращатся из последних сил и тратят последние сбереженные копейки, чтобы только быть "не хуже других" и чтобы "не осудили" их как-нибудь те другие.
It is very probable, too, that Katerina Ivanovna longed on this occasion, at the moment when she seemed to be abandoned by everyone, to show those "wretched contemptible lodgers" that she knew "how to do things, how to entertain" and that she had been brought up "in a genteel, she might almost say aristocratic colonel's family" and had not been meant for sweeping floors and washing the children's rags at night.	Весьма вероятно и то, что Катерине Ивановне захотелось, именно при этом случае, именно в ту минуту, когда она, казалось бы, всеми на свете оставлена, показать всем этим "ничтожным и скверным жильцам", что она не только "умеет жить и умеет принять", но что совсем даже не для такой доли и была воспитана, а воспитана была в "благородном, можно даже сказать, в аристократическом полковничьем доме", и уж вовсе не для того готовилась, чтобы самой мести пол и мыть по ночам детские тряпки.
Even the poorest and most broken-spirited people are sometimes liable to these paroxysms of pride and vanity which take the form of an irresistible nervous craving.	Эти пароксизмы гордости и тщеславия посещают иногда самых бедных и забытых людей и, по временам, обращаются у них в раздражительную, неудержимую потребность.

And Katerina Ivanovna was not broken-spirited; she might have been killed by circumstance, but her spirit could not have been broken, that is, she could not have been intimidated, her will could not be crushed.	А Катерина Ивановна была сверх того и не из забытых: ее можно было совсем убить обстоятельствами, но забить ее нравственно, то есть запугать и подчинить себе ее волю, нельзя было.
Moreover Sonia had said with good reason that her mind was unhinged.	Сверх того, Сонечка весьма основательно про нее говорила, что у ней ум мешается.
She could not be said to be insane, but for a year past she had been so harassed that her mind might well be overstrained.	Положительно и окончательно этого еще, правда, нельзя было сказать, но действительно в последнее время, во весь последний год, ее бедная голова слишком измучилась, чтобы хоть отчасти не повредиться.

The later stages of consumption are apt, doctors tell us, to affect the intellect.	Сильное развитие чахотки, как говорят медики, тоже способствует помешательству умственных способностей.
There was no great variety of wines, nor was there Madeira; but wine there was.	Вин во множественном числе и многоразличных сортов не было, мадеры тоже: это было преувеличено, но вино было.
There was vodka, rum and Lisbon wine, all of the poorest quality but in sufficient quantity.	Были водка, ром и лиссабонское, все сквернейшего качества, но всего в достаточном количестве.
Besides the traditional rice and honey, there were three or four dishes, one of which consisted of pancakes, all prepared in Amalia Ivanovna's kitchen. Two samovars were boiling, that tea and punch might be offered after dinner.	Из яств, кроме кутьи, было три-четыре блюда (между прочим, и блины), все с кухни Амалии Ивановны, да сверх того ставились разом два самовара для предполагавшихся после обеда чаю и пуншу.
Katerina Ivanovna had herself seen to purchasing the provisions, with the help of one of the lodgers, an unfortunate little Pole who had somehow been stranded at Madame Lippevechsel's. He promptly put himself at Katerina Ivanovna's disposal and had been all that morning and all the day before running about as fast as his legs could carry him, and very anxious that everyone should be aware of it.	Закупками распорядилась сама Катерина Ивановна, с помощью одного жильца, какого-то жалкого полячка, бог знает для чего проживавшего у госпожи Липпевехзель, который тотчас же прикомандировался на посылки к Катерине Ивановне и бегал весь вчерашний день и все это утро сломя голову и высунув язык, кажется особенно стараясь, чтобы заметно было это последнее обстоятельство.
For every trifle he ran to Katerina	За каждым пустяками он поминутно прибежал к

<p>Ivanovna, even hunting her out at the bazaar, at every instant called her "Pani ." She was heartily sick of him before the end, though she had declared at first that she could not have got on without this "serviceable and magnanimous man."</p>	<p>самой Катерине Ивановне, бегал даже отыскивать ее в Гостиный двор, называл ее беспрестанно: "пани хорунжина", и надоел ей, наконец, как редька, хотя сначала она и говорила, что без этого "услужливого и великодушного" человека она бы совсем пропала.</p>
<p>It was one of Katerina Ivanovna's characteristics to paint everyone she met in the most glowing colours. Her praises were so exaggerated as sometimes to be embarrassing; she would invent various circumstances to the credit of her new acquaintance and quite genuinely believe in their reality.</p>	<p>В свойстве характера Катерины Ивановны было поскорее нарядить первого встречного и поперечного в самые лучшие и яркие краски, захвалить его так, что иному становилось даже совестно, придумать в его хвалу разные обстоятельства, которые совсем и не существовали, совершенно искренно и чистосердечно поверить самой в их действительность и потом вдруг, разом, разочароваться, оборвать, оплевать и выгнать в толчки человека, которому она, только еще несколько часовназад, буквально поклонялась.</p>

<p>Then all of a sudden she would be disillusioned and would rudely and contemptuously repulse the person she had only a few hours before been literally adoring. She was naturally of a gay, lively and peace-loving disposition, but from continual failures and misfortunes she had come to desire so _keenly_ that all should live in peace and joy and should not _dare_ to break the peace, that the slightest jar, the smallest disaster reduced her almost to frenzy, and she would pass in an instant from the brightest hopes and fancies to cursing her fate and raving, and knocking her head against the wall.</p>	<p>От природы была она характера смешливого, веселого и миролюбивого, но от беспрерывных несчастий и неудач она до того яростно стала желать и требовать, чтобы все жили в мире и радости и не смели жить иначе, что самый легкий диссонанс в жизни, самая малейшая неудача стали приводить ее тотчас же чуть не в иступление, и она в один миг, после самых ярких надежд и фантазий, начинала клясть судьбу, рвать и метать все, что ни попадало под руку, и колотиться головой об стену.</p>
<p>Amalia Ivanovna, too, suddenly acquired extraordinary importance in Katerina Ivanovna's eyes and was treated by her with extraordinary respect, probably only because Amalia Ivanovna had thrown herself heart and soul into the preparations. She had undertaken to lay the table, to provide the linen, crockery, etc., and to cook the dishes in her kitchen, and Katerina Ivanovna had left it all in her hands and gone herself to the cemetery.</p>	<p>Амалия Ивановна тоже вдруг приобрела почему-то необыкновенное значение и необыкновенное уважение от Катерины Ивановны, единственно потому, может быть, что затеялись эти поминки и что Амалия Ивановна всем сердцем решила участвовать во всех хлопотах: она взялась накрыть стол, доставить белье, посуду и проч. и приготовить на своей кухне кушанье. Ее уполномочила во всем и оставила по себе Катерина Ивановна, сама</p>

	отправляясь на кладбище.
Everything had been well done. Even the table-cloth was nearly clean; the crockery, knives, forks and glasses were, of course, of all shapes and patterns, lent by different lodgers, but the table was properly laid at the time fixed, and Amalia Ivanovna, feeling she had done her work well, had put on a black silk dress and a cap with new mourning ribbons and met the returning party with some pride.	Действительно, все было приготовлено на славу: стол был накрыт даже довольно чисто, посуда, вилки, ножи, рюмки, стаканы, чашки - все это, конечно, было сборное, разнофасонное и разнокалиберное, от разных жильцов, но все было к известному часу на своем месте, и Амалия Ивановна, чувствуя, что отлично исполнила дело, встретила возвратившихся даже с некоторою гордостью, вся разодетая, в чепце с новыми траурными лентами и в черном платье.
This pride, though justifiable, displeased Katerina Ivanovna for some reason: "as though the table could not have been laid except by Amalia Ivanovna!"	Эта гордость, хотя и заслуженная, не понравилась почему-то Катерине Ивановне: "в самом деле, точно без Амалии Ивановны и стола бы не сумели накрыть!"
She disliked the cap with new ribbons, too. "Could she be stuck up, the stupid German, because she was mistress of the house, and had consented as a favour to help her poor lodgers!"	Не понравился ей тоже и чепец с новыми лентами: "уж не гордится ли, чего доброго, эта глупая немка тем, что она хозяйка и из милости согласилась помочь бедным жильцам?"
As a favour!	Из милости!
Fancy that!	Прошу покорно!
Katerina Ivanovna's father who had been a colonel and almost a governor had sometimes had the table set for forty persons, and then anyone like Amalia Ivanovna, or rather Ludwigovna, would not have been allowed into the kitchen."	У папеньки Катерины Ивановны, который был полковник и чуть-чуть не губернатор, стол накрывался иной раз на сорок персон, так что какую-нибудь Амалию Ивановну, или лучше сказать Людвиговну, туда и на кухню бы не пустили..."
Katerina Ivanovna, however, put off expressing her feelings for the time and contented herself with treating her coldly, though she decided inwardly that she would certainly have to put Amalia Ivanovna down and set her in her proper place, for goodness only knew what she was fancying herself.	Впрочем, Катерина Ивановна положила до времени не высказывать своих чувств, хотя и решила в своем сердце, что Амалию Ивановну непременно надо будет сегодня же осадить и напомнить ей ее настоящее место, а то она бог знает что об себе замечтает, покамест же обошлась с ней только холодно.
	Другая неприятность тоже отчасти

Katerina Ivanovna was irritated too by the fact that hardly any of the lodgers invited had come to the funeral, except the Pole who had just managed to run into the cemetery, while to the memorial dinner the poorest and most insignificant of them had turned up, the wretched creatures, many of them not quite sober.	способствовала раздражению Катерины Ивановны: на похоронах из жильцов, званых на похороны, кроме полячка', который успел-таки забежать и на кладбище, никто почти не был; к поминкам же, то есть к закуске, явились из них все самые незначительные и бедные, многие из них не в своем даже виде, так, дрянь какая-то.
The older and more respectable of them all, as if by common consent, stayed away.	Которые же из постарше и посолиднее, те все, как нарочно, будто сговорившись, манкировали.
Pyotr Petrovitch Luzhin, for instance, who might be said to be the most respectable of all the lodgers, did not appear, though Katerina Ivanovna had the evening before told all the world, that is Amalia Ivanovna, Polenka, Sonia and the Pole, that he was the most generous, noble-hearted man with a large property and vast connections, who had been a friend of her first husband's, and a guest in her father's house, and that he had promised to use all his influence to secure her a considerable pension.	Петр Петрович Лужин, например, самый, можно сказать, солиднейший из всех жильцов, не явился, а между тем еще вчера же вечером Катерина Ивановна уже успела наговорить всем на свете, то есть Амалии Ивановне, Полечке, Соне и полячку', что это благороднейший, великодушнейший человек, с огромнейшими связями и с состоянием, бывший друг ее первого мужа, принятый в доме ее отца и который обещал употребить все средства, чтобы выхлопотать ей значительный пенсион.
It must be noted that when Katerina Ivanovna exalted anyone's connections and fortune, it was without any ulterior motive, quite disinterestedly, for the mere pleasure of adding to the consequence of the person praised.	Заметим здесь, что если Катерина Ивановна и хвалилась чьими-нибудь связями и состоянием, то это без всякого интереса, безо всякого личного расчета, совершенно бескорыстно, так сказать, от полноты сердца, из одного только удовольствия восхвалить и придать еще более цены хвалимому.
Probably "taking his cue" from Luzhin, "that contemptible wretch Lebeziatnikov had not turned up either.	За Лужиным, и, вероятно, "беря с него пример", не явился и "этот скверный мерзавец Лебезятников".
What did he fancy himself?	"Уж этот-то что об себе думает?
He was only asked out of kindness and because he was sharing the same room with Pyotr Petrovitch and was a friend of his, so that it would have been awkward not to invite him."	Его только из милости пригласили, и то потому, что он с Петром Петровичем в одной комнате стоит и знакомый его, так неловко было не пригласить".

<p>Among those who failed to appear were "the genteel lady and her old-maidish daughter," who had only been lodgers in the house for the last fortnight, but had several times complained of the noise and uproar in Katerina Ivanovna's room, especially when Marmeladov had come back drunk. Katerina Ivanovna heard this from Amalia Ivanovna who, quarrelling with Katerina Ivanovna, and threatening to turn the whole family out of doors, had shouted at her that they "were not worth the foot" of the honourable lodgers whom they were disturbing.</p>	<p>Не явилась тоже и одна тонная дама с своею "перезрелую девой", дочерью, которые хотя и проживали всего только недели с две в нумерах у Амалии Ивановны, но несколько уж раз жаловались на шум и крик, подымавшийся из комнаты Мармеладовых, особенно когда покойник возвращался пьяный домой, о чем, конечно, стало уже известно Катерине Ивановне через Амалию же Ивановну, когда та, бранясь с Катериной Ивановной и грозясь прогнать всю семью, кричала во все горло, что они беспокоят "благородных жильцов, которых ноги не сто'ят".</p>
<p>Katerina Ivanovna determined now to invite this lady and her daughter, "whose foot she was not worth," and who had turned away haughtily when she casually met them, so that they might know that "she was more noble in her thoughts and feelings and did not harbour malice," and might see that she was not accustomed to her way of living.</p>	<p>Катерина Ивановна нарочно положила теперь пригласить эту даму и ее дочь, которых "ноги она будто бы не стоила", тем более что до сих пор, при случайных встречах, то высокомерно отвертывалась, - так вот чтобы знала же она, что здесь "благороднее мыслят и чувствуют, и приглашают, не помня зла", и чтобы видели они, что Катерина Ивановна и не в такой доле привыкла жить.</p>
<p>She had proposed to make this clear to them at dinner with allusions to her late father's governorship, and also at the same time to hint that it was exceedingly stupid of them to turn away on meeting her.</p>	<p>Об этом непременно предполагалось им объяснить за столом, равно как и о губернаторстве покойного папеньки, а вместе с тем косвенно заметить, что нечего было при встречах отворачиваться и что это было чрезвычайно глупо.</p>
<p>The fat colonel-major (he was really a discharged officer of low rank) was also absent, but it appeared that he had been "not himself" for the last two days.</p>	<p>Не пришел тоже и толстый подполковник (в сущности, отставной штабс-капитан), но оказалось, что он "без задних ног" еще со вчерашнего утра.</p>
<p>The party consisted of the Pole, a wretched looking clerk with a spotty face and a greasy coat, who had not a word to say for himself, and smelt abominably, a deaf and almost blind old man who had once been in the post office and who had been from immemorial ages maintained by someone at Amalia Ivanovna's.</p>	<p>Одним словом, явились только: полячок, потом один плюгавенький канцелярист без речей, в засаленном фраке, в угрях и с противным запахом; потом еще один глухой и почти совсем слепой старичок, когда-то служивший в каком-то почтамте и которого кто-то, с незапамятных времен и неизвестно для чего, содержал у Амалии Ивановны.</p>
<p>A retired clerk of the commissariat department came, too; he was drunk, had</p>	<p>Явился тоже один пьяный отставной поручик, в сущности провиантский чиновник,</p>

a loud and most unseemly laugh and only fancy--was without a waistcoat!	с самым неприличным и громким хохотом и, "представьте себе", без жилета!
One of the visitors sat straight down to the table without even greeting Katerina Ivanovna. Finally one person having no suit appeared in his dressing-gown, but this was too much, and the efforts of Amalia Ivanovna and the Pole succeeded in removing him.	Один какой-то сел прямо за стол, даже не поклонившись Катерине Ивановне, и, наконец, одна личность, за неимением платья, явилась было в халате, но уж это было до такой степени неприлично, что стараниями Амалии Ивановны и полячка' успели-таки его вывести.
The Pole brought with him, however, two other Poles who did not live at Amalia Ivanovna's and whom no one had seen here before.	Полячок, впрочем, привел с собою еще каких-то двух других полячков, которые вовсе никогда и не жили у Амалии Ивановны и которых никто до сих пор в номерах не видал.
All this irritated Katerina Ivanovna intensely.	Все это чрезвычайно неприятно раздражило Катерину Ивановну.
"For whom had they made all these preparations then?"	"Для кого же после этого делались все приготовления?"
To make room for the visitors the children had not even been laid for at the table; but the two little ones were sitting on a bench in the furthest corner with their dinner laid on a box, while Polenka as a big girl had to look after them, feed them, and keep their noses wiped like well-bred children's.	Даже детей, чтобы выгадать место, посадили не за стол, и без того занявший всю комнату, а накрыли им в заднем углу на сундуке, причем обеих маленьких усадили на скамейку, а Полечка, как большая, должна была за ними присматривать, кормить их и утирать им, "как благородным детям", носики.
Katerina Ivanovna, in fact, could hardly help meeting her guests with increased dignity, and even haughtiness.	Одним словом, Катерина Ивановна поневоле должна была встретить всех с удвоенною важностью и даже с высокомерием.
She stared at some of them with special severity, and loftily invited them to take their seats.	Особенно строго оглядела она некоторых и свысока пригласила сесть за стол.
Rushing to the conclusion that Amalia Ivanovna must be responsible for those who were absent, she began treating her with extreme nonchalance, which the latter promptly observed and resented.	Считая почему-то, что за всех неявившихся должна быть в ответе Амалия Ивановна, она вдруг стала обращаться с ней до крайности небрежно, что та немедленно заметила и до крайности была этим пикирована.
Such a beginning was no good omen for the end.	Такое начало не предвещало хорошего конца.
All were seated at last.	Наконец уселись.

Raskolnikov came in almost at the moment of their return from the cemetery.	Раскольников вошел почти в ту самую минуту, как воротились с кладбища.
Katerina Ivanovna was greatly delighted to see him, in the first place, because he was the one "educated visitor, and, as everyone knew, was in two years to take a professorship in the university," and secondly because he immediately and respectfully apologised for having been unable to be at the funeral.	Катерина Ивановна ужасно обрадовалась ему, во-первых, потому, что он был единственный "образованный гость" из всех гостей и, "как известно, через два года готовился занять в здешнем университете профессорскую кафедру", а во-вторых, потому, что он немедленно и почтительно извинился перед нею, что, несмотря на все желание, не мог быть на похоронах.
She positively pounced upon him, and made him sit on her left hand (Amalia Ivanovna was on her right). In spite of her continual anxiety that the dishes should be passed round correctly and that everyone should taste them, in spite of the agonising cough which interrupted her every minute and seemed to have grown worse during the last few days, she hastened to pour out in a half whisper to Raskolnikov all her suppressed feelings and her just indignation at the failure of the dinner, interspersing her remarks with lively and uncontrollable laughter at the expense of her visitors and especially of her landlady.	Она так на него и накинулась, посадила его за столом подле себя по левую руку (по правую села Амалия Ивановна) и, несмотря на непрерывную суету и хлопоты о том, чтобы правильно разносилось кушанье и всем доставалось, несмотря на мучительный кашель, который поминутно прерывал и душил ее и, кажется, особенно укоренился в эти последние два дня, непрерывно обращалась к Раскольникову и полупшепотом спешила излить перед ним все накопившиеся в ней чувства и все справедливое негодование свое на неудавшиеся поминки; причем негодование сменялось часто самым веселым, самым неудержимым смехом над собравшимися гостями, но преимущественно над самою хозяйкой.
"It's all that cuckoo's fault!	- Во всем эта кукушка виновата.
You know whom I mean? Her, her!" Katerina Ivanovna nodded towards the landlady.	Вы понимаете, о ком я говорю: об ней, об ней! -и Катерина Ивановна закивала ему на хозяйку.
"Look at her, she's making round eyes, she feels that we are talking about her and can't understand.	- Смотрите на нее: вытаращила глаза, чувствует, что мы о ней говорим, да не может понять и глаза вылупила.
Pfoo, the owl!	Фу, сова! ха-ха-ха!..
Ha-ha! (Cough-cough-cough.) And what does she put on that cap for? (Cough-cough-cough.) Have you noticed that she wants everyone to consider that she is patronising me and doing me an	Кхи-кхи-кхи! И что это она хочет показать своим чепчиком! кхи-кхи-кхи! Заметили вы, ей все хочется, чтобы все считали, что она покровительствует и мне честь делает, что

honour by being here?	присутствует.
I asked her like a sensible woman to invite people, especially those who knew my late husband, and look at the set of fools she has brought! The sweeps!	Я просила ее, как порядочную, пригласить народ получше и именно знакомых покойного, а смотрите, кого она привела: шуты какие-то! чумички!
Look at that one with the spotty face.	Посмотрите на этого с нечистым лицом: это какая-то сопля на двух ногах!
And those wretched Poles, ha-ha-ha! (Cough-cough-cough.) Not one of them has ever poked his nose in here, I've never set eyes on them. What have they come here for, I ask you?	А эти полячишки... ха-ха-ха! Кхи-кхи-кхи! Никто, никто их никогда здесь не видывал, и я никогда не видала; ну зачем они пришли, я вас спрошу?
There they sit in a row.	Сидят чинно рядышком.
Hey, _pan_" she cried suddenly to one of them, "have you tasted the pancakes?	Пане, гей! - закричала она вдруг одному из них, -взяли бы блинов?
Take some more!	Возьмите еще!
Have some beer!	Пива выпейте, пива!
Won't you have some vodka?	Водки не хотите ли?
Look, he's jumped up and is making his bows, they must be quite starved, poor things.	Смотрите: вскочил, раскланивается, смотрите, смотрите: должно быть, совсем голодные, бедные!
Never mind, let them eat!	Ничего, пусть поедят.
They don't make a noise, anyway, though I'm really afraid for our landlady's silver spoons...	Не шумят, по крайней мере, только... только, право, я боюсь за хозяйские серебряные ложки!..
Amalia Ivanovna!" she addressed her suddenly, almost aloud, "if your spoons should happen to be stolen, I won't be responsible, I warn you!	Амалия Ивановна! - обратилась она вдруг к ней, почти вслух, - если на случай покрадут ваши ложки, то я вам за них не отвечаю, предупреждаю заранее!
Ha-ha-ha!" She laughed turning to Raskolnikov, and again nodding towards the landlady, in high glee at her sally.	Ха-ха-ха! - залилась она, обращаясь опять к Раскольникову, опять кивая ему на хозяйку и радуясь своей выходке.
"She didn't understand, she didn't understand again!	- Не поняла, опять не поняла!

Look how she sits with her mouth open! An owl, a real owl! An owl in new ribbons, ha-ha-ha!"	Сидит разиня рот, смотрите: сова, сова настоящая, сычиха в новых лентах, ха-ха-ха!
Here her laugh turned again to an insufferable fit of coughing that lasted five minutes.	Тут смех опять превратился в нестерпимый кашель, продолжавшийся пять минут.
Drops of perspiration stood out on her forehead and her handkerchief was stained with blood.	На платке осталось несколько крови, на лбу выступили капли пота.
She showed Raskolnikov the blood in silence, and as soon as she could get her breath began whispering to him again with extreme animation and a hectic flush on her cheeks.	Она молча показала кровь Раскольникову и, едва отдыгнувшись, тотчас же зашептала ему опять с чрезвычайным одушевлением и с красными пятнами на щеках:
"Do you know, I gave her the most delicate instructions, so to speak, for inviting that lady and her daughter, you understand of whom I am speaking?"	- Посмотрите, я дала ей самое тонкое, можно сказать, поручение пригласить эту даму и ее дочь, понимаете, о ком я говорю?
It needed the utmost delicacy, the greatest nicety, but she has managed things so that that fool, that conceited baggage, that provincial nonentity, simply because she is the widow of a major, and has come to try and get a pension and to fray out her skirts in the government offices, because at fifty she paints her face (everybody knows it)... a creature like that did not think fit to come, and has not even answered the invitation, which the most ordinary good manners required!	Тут надобно вести себя самым деликатнейшим манером, действовать самым искусным образом, а она сделала так, что эта приезжая дура, эта заносчивая тварь, эта ничтожная провинциалка, потому только, что она какая-то там вдова майора и приехала хлопотать о пенсии и обивать подол по присутственным местам, что она в пятьдесят пять лет сурмится, белится и румянится (это известно)... и такая-то тварь не только не заблагорассудила явиться, но даже не прислала извиниться, коли не могла прийти, как в таких случаях самая обыкновенная вежливость требует!
I can't understand why Pyotr Petrovitch has not come?	Понять не могу, почему не пришел тоже Петр Петрович?
But where's Sonia?	Но где же Соня?
Where has she gone?	Куда ушла?
Ah, there she is at last! what is it, Sonia, where have you been?	А, вот и она наконец! Что, Соня, где была?
It's odd that even at your father's funeral you should be so unpunctual.	Странно, что ты даже на похоронах отца так неаккуратна.

Rodion Romanovitch, make room for	
-----------------------------------	--

her beside you.	Родион Романыч, пустите ее подле себя.
That's your place, Sonia... take what you like.	Вот твое место, Сонечка... чего хочешь бери.
Have some of the cold entree with jelly, that's the best.	Заливного возьми, это лучше.
They'll bring the pancakes directly.	Сейчас блины принесут.
Have they given the children some?	А детям дали?
Polenka, have you got everything? (Cough-cough-cough.) That's all right.	Полечка, все ли у вас там есть? Кхи-кхи-кхи! Ну, хорошо.
Be a good girl, Lida, and, Kolya, don't fidget with your feet; sit like a little gentleman.	Будь умница, Леня, а ты, Коля, не болтай ножками; сиди, как благородный ребенок должен сидеть.
What are you saying, Sonia?"	Что ты говоришь, Сонечка?
Sonia hastened to give her Pyotr Petrovitch's apologies, trying to speak loud enough for everyone to hear and carefully choosing the most respectful phrases which she attributed to Pyotr Petrovitch.	Соня поспешила тотчас же передать ей извинение Петра Петровича, стараясь говорить вслух, чтобы все могли слышать, и употребляя самые отборно почтительные выражения, нарочно даже подсочиненные от лица Петра Петровича и разукрашенные ею.
She added that Pyotr Petrovitch had particularly told her to say that, as soon as he possibly could, he would come immediately to discuss _business_ alone with her and to consider what could be done for her, etc., etc.	Она прибавила, что Петр Петрович велел особенно передать, что он, как только ему будет возможно, немедленно прибудет, чтобы поговорить о делах наедине и условиться о том, что можно сделать и предпринять в дальнейшем, и проч., и проч.
Sonia knew that this would comfort Katerina Ivanovna, would flatter her and gratify her pride.	Соня знала, что это умирит и успокоит Катерину Ивановну, польстит ей, а главное - гордость ее будет удовлетворена.
She sat down beside Raskolnikov; she made him a hurried bow, glancing curiously at him.	Она села подле Раскольникова, которому наскоро поклонилась, и мельком, любопытно на него поглядела.
But for the rest of the time she seemed to avoid looking at him or speaking to him.	Впрочем, во все остальное время как-то избегала и смотреть на него, и говорить с ним.
She seemed absent-minded, though she kept looking at Katerina Ivanovna, trying to please her.	Она была как будто даже рассеянна, хотя так и смотрела в лицо Катерине Ивановне, чтоб угодить ей.
Neither she nor Katerina Ivanovna had	Ни она, ни Катерина Ивановна не были в

been able to get mourning; Sonia was wearing dark brown, and Katerina Ivanovna had on her only dress, a dark striped cotton one.	трауре, за неимением платьев; на Соне было какое-то коричневое, потемнее, а на Катерине Ивановне единственное ее платье, ситцевое, темненькое с полосками.
The message from Pyotr Petrovitch was very successful.	Известие о Петре Петровиче прошло как по маслу.

Listening to Sonia with dignity, Katerina Ivanovna inquired with equal dignity how Pyotr Petrovitch was, then at once whispered almost aloud to Raskolnikov that it certainly would have been strange for a man of Pyotr Petrovitch's position and standing to find himself in such "extraordinary company," in spite of his devotion to her family and his old friendship with her father.	Выслушав важно Соню, Катерина Ивановна с той же важностию осведомилась: как здоровье Петра Петровича? Затем, немедленно и чуть не вслух, прошептала Раскольникову, что действительно странно было бы уважаемому и солидному человеку, как Петр Петрович, попасть в такую "необыкновенную компанию", несмотря даже на всю его преданность ее семейству и на старую дружбу его с ее папенькой.
"That's why I am so grateful to you, Rodion Romanovitch, that you have not disdained my hospitality, even in such surroundings," she added almost aloud. "But I am sure that it was only your special affection for my poor husband that has made you keep your promise."	- Вот почему я особенно вам благодарна, Родион Романыч, что вы не погнушались моим хлебом-солью, даже и при такой обстановке, -прибавила она почти вслух, - впрочем, уверена, что только особенная дружба ваша к моему бедному покойнику побудила вас сдержать ваше слово.
Then once more with pride and dignity she scanned her visitors, and suddenly inquired aloud across the table of the deaf man:	Затем она еще раз гордо и с достоинством осмотрела своих гостей и вдруг с особенною заботливостию осведомилась громко и через стол у глухого старичка:
"Wouldn't he have some more meat, and had he been given some wine?"	"Не хочет ли он еще жаркого и давали ли ему лиссабонского?"
The old man made no answer and for a long while could not understand what he was asked, though his neighbours amused themselves by poking and shaking him.	Старичок не ответил и долго не мог понять, о чем его спрашивают, хотя соседи для смеху даже стали его расталкивать.
He simply gazed about him with his mouth open, which only increased the general mirth.	Он только озирался кругом разиня рот, чем еще больше поджег общую веселость.
"What an imbecile!	- Вот какой олух!
Look, look!	Смотрите, смотрите!
Why was he brought?	И на что его привели?

But as to Pyotr Petrovitch, I always had confidence in him," Katerina Ivanovna continued, "and, of course, he is not like..." with an extremely stern face she addressed Amalia Ivanovna so sharply and loudly that the latter was quite disconcerted, "not like your dressed up draggletails whom my father would not have taken as cooks into his kitchen, and my late husband would have done them honour if he had invited them in the goodness of his heart."	Что же касается до Петра Петровича, то я всегда была в нем уверена, - продолжала Катерина Ивановна Раскольникову, - и уж, конечно, он не похож... - резко и громко и с чрезвычайно строгим видом обратилась она к Амалии Ивановне, отчего та даже оробела, - не похож на тех ваших расфуфыренных шлепыхвостниц, которых у папеньки в кухарки на кухню не взяли бы, а покойник муж, уж конечно, им бы честь сделал, принимая их, и то разве только по неистощимой своей доброте.
"Yes, he was fond of drink, he was fond of it, he did drink!" cried the commissariat clerk, gulping down his twelfth glass of vodka.	- Да-с, любил-с выпить; это любили-с, пивали-с! - крикнул вдруг отставной провиантский, осушая двенадцатую рюмку водки.

"My late husband certainly had that weakness, and everyone knows it," Katerina Ivanovna attacked him at once, "but he was a kind and honourable man, who loved and respected his family. The worst of it was his good nature made him trust all sorts of disreputable people, and he drank with fellows who were not worth the sole of his shoe.	- Покойник муж, действительно, имел эту слабость, и это всем известно, - так и вцепилась вдруг в него Катерина Ивановна, - но это был человек добрый и благородный, любивший и уважавший семью свою; одно худо, что по доброте своей слишком доверялся всяким развратным людям и уж бог знает с кем он не пил, с теми, которые даже подошвы его не стоили!
Would you believe it, Rodion Romanovitch, they found a gingerbread cock in his pocket; he was dead drunk, but he did not forget the children!"	Вообразите, Родион Романович, в кармане у него пряничного петушка нашли: мертво-пьяный идет, а про детей помнит.
"A cock?"	- Пе-туш-ка?
Did you say a cock?" shouted the commissariat clerk.	Вы изволили сказать: пе-туш-ка? - крикнул провиантский господин.
Katerina Ivanovna did not vouchsafe a reply.	Катерина Ивановна не удостоила его ответом.
She sighed, lost in thought.	Она о чем-то задумалась и вздохнула.
"No doubt you think, like everyone, that I was too severe with him," she went on, addressing Raskolnikov.	- Вот вы, наверно, думаете, как и все, что я с ним слишком строга была, - продолжала она, обращаясь к Раскольникову.
"But that's not so!	- А ведь это не так!
He respected me, he respected me very much!	Он меня уважал, он меня очень, очень уважал!

He was a kind-hearted man!	Доброй души был человек!
And how sorry I was for him sometimes!	И так его жалко становилось иной раз!
He would sit in a corner and look at me, I used to feel so sorry for him, I used to want to be kind to him and then would think to myself: 'Be kind to him and he will drink again,' it was only by severity that you could keep him within bounds."	Сидит, бывало, смотрит на меня из угла, так жалко станет его, хотелось бы приласкать, а потом и думаешь про себя: "приласкаешь, а он опять напьется", только строгостью скольконибудь и удержать можно было.
"Yes, he used to get his hair pulled pretty often," roared the commissariat clerk again, swallowing another glass of vodka.	- Да-с, бывало-с дранье вихров-с, бывало-с неоднократно-с, - проревел опять провиантский и влил в себя еще рюмку водки.
"Some fools would be the better for a good drubbing, as well as having their hair pulled.	- Не только драньем вихров, но даже и помелом было бы полезно обойтись с иными дураками.
I am not talking of my late husband now!" Katerina Ivanovna snapped at him.	Я не о покойнике теперь говорю! - отрезала Катерина Ивановна провиантскому.
The flush on her cheeks grew more and more marked, her chest heaved.	Красные пятна на щеках ее рдели все сильнее и сильнее, грудь ее колыхалась.
In another minute she would have been ready to make a scene.	Еще минута, и она уже готова была начать историю.
Many of the visitors were sniggering, evidently delighted.	Многие хихикали, многим, видимо, было это приятно.
They began poking the commissariat clerk and whispering something to him.	Провиантского стали подталкивать и что-то шептать ему.
They were evidently trying to egg him on.	Их, очевидно, хотели стравить.

"Allow me to ask what are you alluding to," began the clerk, "that is to say, whose... about whom... did you say just now..."	- А па-а-азвольте спросить, это вы насчет чего-с, - начал провиантский, - то есть на чей... благородный счет... вы изволили сейчас...
But I don't care!	А впрочем, не надо!
That's nonsense!	Вздор!
Widow!	Вдова! Вдовица!
I forgive you....	Прощаю...
Pass!" And he took another drink of vodka.	Пас! - и он стукнул опять водки.

Raskolnikov sat in silence, listening with disgust.	Раскольников сидел и слушал молча и с отвращением.
He only ate from politeness, just tasting the food that Katerina Ivanovna was continually putting on his plate, to avoid hurting her feelings.	Ел же он, только разве из учтивости прикасаясь к кускам, которые поминутно накладывала на его тарелку Катерина Ивановна, и то только, чтоб ее не обидеть.
He watched Sonia intently.	Он пристально приглядывался к Соне.
But Sonia became more and more anxious and distressed; she, too, foresaw that the dinner would not end peaceably, and saw with terror Katerina Ivanovna's growing irritation.	Но Соня становилась все тревожнее и озабоченнее; она тоже предчувствовала, что поминки мирно не кончатся, и со страхом следила за возрастающим раздражением Катерины Ивановны.
She knew that she, Sonia, was the chief reason for the 'genteel' ladies' contemptuous treatment of Katerina Ivanovna's invitation.	Ей, между прочим, было известно, что главною причиной, по которой обе приезжие дамы так презрительно обошлись с приглашением Катерины Ивановны, была она, Соня.
She had heard from Amalia Ivanovna that the mother was positively offended at the invitation and had asked the question:	Она слышала от самой Амалии Ивановны, что мать даже обиделась приглашением и предложила вопрос:
"How could she let her daughter sit down beside _that young person_?"	"Каким образом она могла бы посадить рядом с этой девицей свою дочь?"
Sonia had a feeling that Katerina Ivanovna had already heard this and an insult to Sonia meant more to Katerina Ivanovna than an insult to herself, her children, or her father, Sonia knew that Katerina Ivanovna would not be satisfied now, "till she had shown those draggletails that they were both..."	Соня предчувствовала, что Катерине Ивановне как-нибудь уже это известно, а обида ей, Соне, значила для Катерины Ивановны более, чем обида ей лично, ее детям, ее папеньке, одним словом, была обидой смертельною, и Соня знала, что уж Катерина Ивановна теперь не успокоится, "пока не докажет этим шлепohвосткам, что они обе", и т. д., и т. д.
To make matters worse someone passed Sonia, from the other end of the table, a plate with two hearts pierced with an arrow, cut out of black bread.	Как нарочно, кто-то переслал с другого конца стола Соне тарелку, с вылепленными на ей, из черного хлеба, двумя сердцами, пронзенными стрелой.
Katerina Ivanovna flushed crimson and at once said aloud across the table that the man who sent it was "a drunken ass!"	Катерина Ивановна вспыхнула и тотчас же громко заметила, через стол, что переславший, конечно, "пьяный осел".
Amalia Ivanovna was foreseeing	Амалия Ивановна, тоже предчувствовавшая что-то недоброе, а вместе с тем

something amiss, and at the same time deeply wounded by Katerina Ivanovna's haughtiness, and to restore the good-humour of the company and raise herself in their esteem she began, apropos of nothing, telling a story about an acquaintance of hers	оскорбленная до глубины души высокомерием Катерины Ивановны, чтобы отвлечь неприятное настроение общества в другую сторону и, кстати, уж чтоб поднять себя в общем мнении, начала вдруг, ни с того ни с сего, рассказывать, что какой-то знакомый ее,
"Karl from the chemist's," who was driving one night in a cab, and that "the cabman wanted him to kill, and Karl very much begged him not to kill, and wept and clasped hands, and frightened and from fear pierced his heart."	"Карль из аптеки", ездил ночью на извозчике и что "извозчик хотелъ его убиваль и что Карль его ошень, ошень просиль, чтоб он его не убиваль, и плакаль, и руки сложиль, и испугаль, и от страх ему сердце пронзиль".
Though Katerina Ivanovna smiled, she observed at once that Amalia Ivanovna ought not to tell anecdotes in Russian; the latter was still more offended, and she retorted that her "_Vater aus Berlin_" was a very important man, and always went with his hands in pockets."	Катерина Ивановна хоть и улыбнулась, но тотчас же заметила, что Амалии Ивановне не следует порусски анекдоты рассказывать. Та еще больше обиделась и возразила, что ее "фатер аус Берлин буль ошень, ошень важны шеловек и все руки по карман ходиль".
Katerina Ivanovna could not restrain herself and laughed so much that Amalia Ivanovna lost patience and could scarcely control herself.	Смешливая Катерина Ивановна не вытерпела и ужасно расхохоталась, так что Амалия Ивановна стала уже терять последнее терпение и едва крепилась.
"Listen to the owl!" Katerina Ivanovna whispered at once, her good-humour almost restored, "she meant to say he kept his hands in his pockets, but she said he put his hands in people's pockets. (Cough-cough.) And have you noticed, Rodion Romanovitch, that all these Petersburg foreigners, the Germans especially, are all stupider than we!	- Вот сычиха-то! - зашептала тотчас же опять Катерина Ивановна Раскольникову, почти развеселившись, - хотела сказать: носил руки в карманах, а вышло, что он по карманам лазил, кхи-кхи! И заметили ль вы, Родион Романович, раз навсегда, что все эти петербургские иностранцы, то есть, главное, немцы, которые к нам откудова-то приезжают, все глупее нас!
Can you fancy anyone of us telling how	Ну согласитесь ну можно ли рассказывать о том, что
'Karl from the chemist's' 'pierced his heart from fear' and that the idiot, instead of punishing the cabman, 'clasped his hands and wept, and much begged.'	"Карль из аптеки страхом сердце пронзиль" и что он (сопляк!), вместо того чтобы связать извозчика, "руки сложиль и плакаль, и ошень просиль".
Ah, the fool!	Ах, дурында!
And you know she fancies it's very touching and does not suspect how stupid	И ведь думает, что это очень трогательно, и

she is!	не подозревает, как она глупа!
To my thinking that drunken commissariat clerk is a great deal cleverer, anyway one can see that he has addled his brains with drink, but you know, these foreigners are always so well behaved and serious....	Помоему, этот пьяный провиантский гораздо ее умнее; по крайней мере уж видно, что забулдыга, последний ум пропил, а ведь эти все такие чинные, серьезные...
Look how she sits glaring!	Ишь сидит, глаза вылупила.
She is angry, ha-ha! (Cough-cough-cough.)"	Сердится! Сердится! Ха-ха-ха! Кхи-кхи-кхи!

Regaining her good-humour, Katerina Ivanovna began at once telling Raskolnikov that when she had obtained her pension, she intended to open a school for the daughters of gentlemen in her native town T—.	Развеселившись, Катерина Ивановна тотчас же увлеклась в разные подробности и вдруг заговорила о том, как при помощи выхлопотанной пенсии она непременно заведет в своем родном городе Т... пансион для благородных девиц.
This was the first time she had spoken to him of the project, and she launched out into the most alluring details.	Об этом еще не было сообщено Раскольникову самою Катериной Ивановной, и она тотчас же увлеклась в самые соблазнительные подробности.
It suddenly appeared that Katerina Ivanovna had in her hands the very certificate of honour of which Marmeladov had spoken to Raskolnikov in the tavern, when he told him that Katerina Ivanovna, his wife, had danced the shawl dance before the governor and other great personages on leaving school.	Неизвестно каким образом вдруг очутился в ее руках тот самый "похвальный лист", о котором уведомлял Раскольникова еще покойник Мармеладов, объясняя ему в распивочной, что Катерина Ивановна, супруга его, при выпуске из института, танцевала с шалью "при губернаторе и при прочих лицах".
This certificate of honour was obviously intended now to prove Katerina Ivanovna's right to open a boarding-school; but she had armed herself with it chiefly with the object of overwhelming "those two stuck-up draggletails" if they came to the dinner, and proving incontestably that Katerina Ivanovna was of the most noble, "she might even say aristocratic family, a colonel's daughter and was far superior to certain adventuresses who have been so much to the fore of late."	Похвальный лист этот, очевидно, должен был теперь послужить свидетельством о праве Катерины Ивановны самой завести пансион; но главное, был припасен с тою целью, чтоб окончательно срезать "обеих расфуфыренных шлепохвостниц!", на случай если б они пришли на поминки, и ясно доказать им, что Катерина Ивановна из самого благородного, "можно даже сказать, аристократического дома, полковничья дочь и уж наверно получше иных искательниц приключений, которых так много расплодилось в последнее время".
The certificate of honour immediately passed into the hands of the drunken guests, and Katerina Ivanovna did not try to retain it, for it actually contained the statement <i>_en toutes lettres_</i> , that her father was of the rank of a major, and also a companion of an order, so that she really was almost the daughter of a colonel.	Похвальный лист тотчас же пошел по рукам пьяных гостей, чему Катерина Ивановна не препятствовала, потому что в нем действительно было обозначено, <i>en toutes lettres</i> , что она дочь надворного советника и кавалера, а следовательно, и в самом деле почти полковничья дочь.
Warming up, Katerina Ivanovna proceeded to enlarge on the peaceful	Воспламенившись, Катерина Ивановна немедленно распространилась о всех

and happy life they would lead in T—, on the gymnasium teachers whom she would engage to give lessons in her boarding-school, one a most respectable old Frenchman, one Mangot, who had taught Katerina Ivanovna herself in old days and was still living in T—, and would no doubt teach in her school on moderate terms.	подробностях будущего прекрасного и спокойного житья-бытья в Т...; об учителях гимназии, которых она пригласит для уроков в свой пансион; об одном почтенном старичке, француза Манго, который учил по-французски еще самое Катерину Ивановну в институте и который еще и теперь доживает свой век в Т... и, наверно, пойдет к ней за самую сходную плату.
Next she spoke of Sonia who would go with her to T— and help her in all her plans.	Дошло, наконец, дело и до Сони, "которая отправится в Т... вместе с Катериной Ивановной и будет ей там во всем помогать".
At this someone at the further end of the table gave a sudden guffaw.	Но тут вдруг кто-то фыркнул в конце стола.

Though Katerina Ivanovna tried to appear to be disdainfully unaware of it, she raised her voice and began at once speaking with conviction of Sonia's undoubted ability to assist her, of "her gentleness, patience, devotion, generosity and good education," tapping Sonia on the cheek and kissing her warmly twice.	Катерина Ивановна хоть и постаралась тотчас же сделать вид, что с пренебрежением не замечает возникшего в конце стола смех, но тотчас же, нарочно возвысив голос, стала с одушевлением говорить о несомненных способностях Софьи Семеновны служить ей помощницей, "о ее кротости, терпении, самоотвержении, благородстве и образовании", причем потрепала Соню по щечке и, встав, горячо два раза ее поцеловала.
Sonia flushed crimson, and Katerina Ivanovna suddenly burst into tears, immediately observing that she was "nervous and silly, that she was too much upset, that it was time to finish, and as the dinner was over, it was time to hand round the tea."	Соня вспыхнула, а Катерина Ивановна вдруг расплакалась, тут же заметив про самое себя, что "она слабонервная дура и что уж слишком расстроена, что пора кончать, и так как закуска уж кончена, то разносить бы чай".
At that moment, Amalia Ivanovna, deeply aggrieved at taking no part in the conversation, and not being listened to, made one last effort, and with secret misgivings ventured on an exceedingly deep and weighty observation, that "in the future boarding-school she would have to pay particular attention to _die Waesche_, and that there certainly must be a good _dame_ to look after the linen, and secondly that the young ladies must not novels at night	В эту самую минуту Амалия Ивановна, уже окончательно обиженная тем, что во всем разговоре она не принимала ни малейшего участия и что ее даже совсем не слушают, вдруг рискнула на последнюю попытку и, с потаенною тоской, осмелилась сообщить Катерине Ивановне одно чрезвычайно дельное и глубокомысленное замечание о том, что в будущем пансионе надо обращать особенное внимание на чистое белье девиц (ди ве'ше) и что "непремен должен буль одна такая хороши дам (ди даме), чтоб карашо про белье смотрель", и второе, "чтоб все молоды девиц тихонько по ночам никакой роман не

read."	читаль".
Katerina Ivanovna, who certainly was upset and very tired, as well as heartily sick of the dinner, at once cut short Amalia Ivanovna, saying "she knew nothing about it and was talking nonsense, that it was the business of the laundry maid, and not of the directress of a high-class boarding-school to look after _die Waesche_, and as for novel-reading, that was simply rudeness, and she begged her to be silent."	Катерина Ивановна, которая действительно была расстроена и очень устала и которой уже совсем надоели поминки, тотчас же "отрезала" Амалии Ивановне, что та "мелет вздор" и ничего не понимает; что заботы об ди веше дело кастелянши, а не директрисы благородного пансиона; а что касается до чтения романов, так уж это просто даже неприличности, и что она просит ее замолчать.
Amalia Ivanovna fired up and getting angry observed that she only "meant her good," and that "she had meant her very good," and that "it was long since she had paid her _gold_ for the lodgings."	Амалия Ивановна вспыхнула и, озлобившись, заметила, что она только "добра желаль" и что она "много ошень добра желаль", а что ей "за квартир давно уж гельд не платить".
Katerina Ivanovna at once "set her down," saying that it was a lie to say she wished her good, because only yesterday when her dead husband was lying on the table, she had worried her about the lodgings.	Катерина Ивановна тотчас же "осадила" ее, сказав, что она лжет, говоря, что "добра желаль", потому что еще вчера, когда покойник еще на столе лежал, она ее за квартиру мучила.
To this Amalia Ivanovna very appropriately observed that she had invited those ladies, but "those ladies had not come, because those ladies _are_ ladies and cannot come to a lady who is not a lady."	На это Амалия Ивановна весьма последовательно заметила, что она "тех дам приглашаль, но что те дам не пришоль, потому что те дам благородный дам и не могут пришоль к неблагородный дам".

Katerina Ivanovna at once pointed out to her, that as she was a slut she could not judge what made one really a lady.	Катерина Ивановна тотчас же "подчеркнула" ей, что так как она чумичка, то и не может судить о том, что такое истинное благородство.
Amalia Ivanovna at once declared that her "_Vater aus Berlin_" was a very, very important man, and both hands in pockets went, and always used to say: 'Poof! poof!'" and she leapt up from the table to represent her father, sticking her hands in her pockets, puffing her cheeks, and uttering vague sounds resembling "poof! poof!" amid loud	Амалия Ивановна не снесла и тотчас же заявила, что ее "фатер аус Берлин буль ошень, ошень важны шеловек и обе рук по карман ходиль и все делаль этак: пуф! пуф!", и, чтобы действительно представить своего фатера, Амалия Ивановна привскочила со стула, засунула свои обе руки в карманы, надула щеки и стала издавать какие-то неопределенные звуки ртом, похожие на пуф-

laughter from all the lodgers, who purposely encouraged Amalia Ivanovna, hoping for a fight.	пуф, при громком хохоте всех жильцов, которые нарочно поощряли Амалию Ивановну своим одобрением, предчувствуя схватку.
But this was too much for Katerina Ivanovna, and she at once declared, so that all could hear, that Amalia Ivanovna probably never had a father, but was simply a drunken Petersburg Finn, and had certainly once been a cook and probably something worse.	Но этого уже не могла вытерпеть Катерина Ивановна и немедленно, во всеуслышание, "отчеканила", что у Амалии Ивановны, может, никогда и фатера-то не было, а что просто Амалия Ивановна - петербургская пьяная чухонка и, наверно, гденибудь прежде в кухарках жила, а пожалуй, и того хуже.
Amalia Ivanovna turned as red as a lobster and squealed that perhaps Katerina Ivanovna never had a father, "but she had a _Vater aus Berlin_ and that he wore a long coat and always said poof-poof-poof!"	Амалия Ивановна покраснела как рак и завизжала, что это, может быть, у Катерины Ивановны "совсем фатер не буль; а что у ней буль фатер аус Берлин, и таки длинны сюртук носиль, и все делаль: пуф, пуф, пуф!"
Katerina Ivanovna observed contemptuously that all knew what her family was and that on that very certificate of honour it was stated in print that her father was a colonel, while Amalia Ivanovna's father--if she really had one--was probably some Finnish milkman, but that probably she never had a father at all, since it was still uncertain whether her name was Amalia Ivanovna or Amalia Ludwigovna.	Катерина Ивановна с презрением заметила, что ее происхождение всем известно и что в этом самом похвальном листе обозначено печатными буквами, что отец ее полковник; а что отец Амалии Ивановны (если только у ней был какой-нибудь отец), наверно, какой-нибудь петербургский чухонец, молоко продавал; а вернее всего, что и совсем отца не было, потому что еще до сих пор неизвестно, как зовут Амалию Ивановну по батюшке: Ивановна или Людвиговна?
At this Amalia Ivanovna, lashed to fury, struck the table with her fist, and shrieked that she was Amalia Ivanovna, and not Ludwigovna, "that her _Vater_ was named Johann and that he was a burgomeister, and that Katerina Ivanovna's _Vater_ was quite never a burgomeister."	Тут Амалия Ивановна, рассвирепев окончательно и ударяя кулаком по столу, принялась визжать, что она Амаль-Иван, а не Людвиговна, что ее фатер "зваль Иоган и что он буль бурмейстер" а что фатер Катерины Ивановны "совсем никогда буль бурмейстер".
Katerina Ivanovna rose from her chair, and with a stern and apparently calm voice (though she was pale and her chest was heaving) observed that "if she dared for one moment to set her contemptible wretch of a father on a level with her papa, she, Katerina Ivanovna, would tear her cap off her head and trample it under foot."	Катерина Ивановна встала со стула и строго, по-видимому спокойным голосом (хотя вся бледная и с глубоко подымавшеюся грудью), заметила ей, что если она хоть только один еще раз осмелится "сопоставить на одну доску своего дрянного фатеришку с ее папенькой, то она, Катерина Ивановна, сорвет с нее чепчик и растопчет его ногами".

Amalia Ivanovna ran about the room, shouting at the top of her voice, that she was mistress of the house and that Katerina Ivanovna should leave the lodgings that minute; then she rushed for some reason to collect the silver spoons from the table.	Услышав это, Амалия Ивановна забежала по комнате, крича изо всех сил, что она хозяйка и чтоб Катерина Ивановна "в сию минуту съезжалась с квартир"; затем бросилась для чего-то обирать со стола серебряные ложки.
There was a great outcry and uproar, the children began crying.	Поднялся гам и грохот; дети заплакали.
Sonia ran to restrain Katerina Ivanovna, but when Amalia Ivanovna shouted something about "the yellow ticket," Katerina Ivanovna pushed Sonia away, and rushed at the landlady to carry out her threat.	Соня бросилась было удерживать Катерину Ивановну; но когда Амалия Ивановна вдруг закричала что-то про желтый билет, Катерина Ивановна отпихнула Соню и пустилась к Амалии Ивановне, чтобы немедленно привести свою угрозу, насчет чепчика, в исполнение.
At that minute the door opened, and Pyotr Petrovitch Luzhin appeared on the threshold.	В эту минуту отворилась дверь, и на пороге комнаты вдруг показался Петр Петрович Лужин.
He stood scanning the party with severe and vigilant eyes.	Он стоял и строгим, внимательным взглядом оглядывал всю компанию.
Katerina Ivanovna rushed to him.	Катерина Ивановна бросилась к нему.
CHAPTER III	III
"Pyotr Petrovitch," she cried, "protect me... you at least!	- Петр Петрович! - закричала она, - защитите хоть вы!
Make this foolish woman understand that she can't behave like this to a lady in misfortune... that there is a law for such things.... I'll go to the governor-general himself....	Внушите этой глупой твари, что не смеет она так обращаться с благородной дамой в несчастьи, что на это есть суд... я к самому генерал-губернатору...
She shall answer for it....	Она ответит...
Remembering my father's hospitality protect these orphans."	Помня хлеб-соль моего отца, защитите сирот.
"Allow me, madam....	- Позвольте, сударыня...
Allow me." Pyotr Petrovitch waved her off. "Your papa as you are well aware I had not the honour of knowing" (someone laughed aloud) "and I do not intend to	Позвольте, позвольте, сударыня, - отмахивался Петр Петрович, - папеньки вашего, как и известно вам, я совсем не имел чести знать... позвольте, сударыня! (кто-то громко захохотал), а в ваших непрерывных

take part in your everlasting squabbles with Amalia Ivanovna....	распрях с Амалией Ивановной я участвовать не намерен-с...
I have come here to speak of my own affairs... and I want to have a word with your stepdaughter, Sofya...	Я по своей надобности... и желаю объясниться, немедленно, с падчерицей вашей, Софьей...
Ivanovna, I think it is?	Ивановной... Кажется, так-с?
Allow me to pass."	Позвольте пройти-с...
Pyotr Petrovitch, edging by her, went to the opposite corner where Sonia was.	И Петр Петрович, обойдя бочком Катерину Ивановну, направился в противоположный угол, где находилась Соня.
Katerina Ivanovna remained standing where she was, as though thunderstruck.	Катерина Ивановна как стояла на месте, так и осталась, точно громом пораженная.

She could not understand how Pyotr Petrovitch could deny having enjoyed her father's hospitality.	Она понять не могла, как мог Петр Петрович отречься от хлеба-соли ее папеньки.
Though she had invented it herself, she believed in it firmly by this time.	Выдумав раз эту хлеб-соль, она уже ей свято верила.
She was struck too by the businesslike, dry and even contemptuous menacing tone of Pyotr Petrovitch.	Поразил ее и деловой, сухой, полный даже какой-то презрительной угрозы тон Петра Петровича.
All the clamour gradually died away at his entrance.	Да и все как-то притихли мало-помалу при его появлении.
Not only was this "serious business man" strikingly incongruous with the rest of the party, but it was evident, too, that he had come upon some matter of consequence, that some exceptional cause must have brought him and that therefore something was going to happen.	Кроме того, что этот "деловой и серьезный" человек слишком уж резко не гармонировал со всею компаниею, кроме того видно было, что он за чем-то важным пришел, что, вероятно, какая-нибудь необыкновенная причина могла привлечь его в такую компанию и что, стало быть, сейчас что-то случится, что-то будет.
Raskolnikov, standing beside Sonia, moved aside to let him pass; Pyotr Petrovitch did not seem to notice him.	Раскольников, стоявший подле Сони, посторонился пропустить его; Петр Петрович, казалось, совсем его не заметил.
A minute later Lebeziatnikov, too, appeared in the doorway; he did not come in, but stood still, listening with marked interest, almost wonder, and seemed for a time perplexed.	Через минуту на пороге показался и Лебезятников; в комнату он не вошел, но остановился тоже с каким-то особенным любопытством, почти с удивлением; прислушивался, но, казалось, долго чего-то понять не мог.

"Excuse me for possibly interrupting you, but it's a matter of some importance," Pyotr Petrovitch observed, addressing the company generally. "I am glad indeed to find other persons present.	- Извините, что я, может быть, прерываю, но дело довольно важное-с, - заметил Петр Петрович как-то вообще не обращаясь ни к кому в особенности, - я даже и рад при публике.
Amalia Ivanovna, I humbly beg you as mistress of the house to pay careful attention to what I have to say to Sofya Ivanovna.	Амалия Ивановна, прошу вас покорнейше, в качестве хозяйки квартиры, обратить внимание на мой последующий разговор с Софьей Ивановной.
Sofya Ivanovna," he went on, addressing Sonia, who was very much surprised and already alarmed, "immediately after your visit I found that a hundred-rouble note was missing from my table, in the room of my friend Mr. Lebeziatnikov.	Софья Ивановна, - продолжал он, обращаясь прямо к чрезвычайно удивленной и уже заранее испуганной Соне, - со стола моего, в комнате друга моего, Андрея Семеновича Лебезятникова, тотчас же вслед за посещением вашим, исчез принадлежавший мне государственный кредитный билет сторублевого достоинства.
If in any way whatever you know and will tell us where it is now, I assure you on my word of honour and call all present to witness that the matter shall end there.	Если каким бы то ни было образом вы знаете и укажете нам, где он теперь находится, то, уверяю вас честным словом, и беру всех в свидетели, что дело тем только и кончится.
In the opposite case I shall be compelled to have recourse to very serious measures and then... you must blame yourself."	В противном же случае принужден буду обратиться к мерам весьма серьезным, тогда... пеняйте уже на себя-с!
Complete silence reigned in the room.	Совершенное молчание воцарилось в комнате.

Even the crying children were still.	Даже плакавшие дети затихли.
Sonia stood deadly pale, staring at Luzhin and unable to say a word.	Соня стояла мертво-бледная, смотрела на Лужина и ничего не могла отвечать.
She seemed not to understand.	Она как будто еще и не понимала.
Some seconds passed.	Прошло несколько секунд.
"Well, how is it to be then?" asked Luzhin, looking intently at her.	- Ну-с, так как же-с? - спросил Лужин, пристально смотря на нее.
"I don't know....	- Я не знаю...
I know nothing about it," Sonia articulated faintly at last.	Я ничего не знаю... - слабым голосом проговорила наконец Соня.

"No, you know nothing?" Luzhin repeated and again he paused for some seconds.	- Нет? Не знаете? - переспросил Лужин и еще несколько секунд помолчал.
"Think a moment, mademoiselle," he began severely, but still, as it were, admonishing her. "Reflect, I am prepared to give you time for consideration.	- Подумайте, мадемуазель, - начал он строго, но все еще как будто увещевая, - обсудите, я согласен вам дать еще время на размышление.
Kindly observe this: if I were not so entirely convinced I should not, you may be sure, with my experience venture to accuse you so directly. Seeing that for such direct accusation before witnesses, if false or even mistaken, I should myself in a certain sense be made responsible, I am aware of that.	Извольте видеть-с: если б я не был так уверен, то уж, разумеется, при моей опытности, не рискнул бы так прямо вас обвинить; ибо за подобное, прямое и гласное, но ложное или даже только ошибочное обвинение я, в некотором смысле, сам отвечаю. Я это знаю-с.
This morning I changed for my own purposes several five-per-cent securities for the sum of approximately three thousand roubles.	Утром сегодня я разменял, для своих надобностей, несколько пятипроцентных билетов на сумму, номинально, в три тысячи рублей.
The account is noted down in my pocket-book.	Расчет у меня записан в бумажнике.
On my return home I proceeded to count the money--as Mr. Lebeziatnikov will bear witness--and after counting two thousand three hundred roubles I put the rest in my pocket-book in my coat pocket.	Придя домой, я - свидетель тому Андрей Семенович - стал считать деньги и, сосчитав две тысячи триста рублей, спрятал их в бумажник, а бумажник в боковой карман сюртука.
About five hundred roubles remained on the table and among them three notes of a hundred roubles each.	На столе оставалось около пятисот рублей, кредитными билетами, и между ними три билета, во сто рублей каждый.
At that moment you entered (at my invitation)-and all the time you were present you were exceedingly embarrassed; so that three times you jumped up in the middle of the conversation and tried to make off.	В эту минуту прибыли вы (по моему зову) - и все время у меня пребывали потом в чрезвычайном смущении, так что даже три раза, среди разговора, вставали и спешили почему-то уйти, хотя разговор наш еще не был окончен.
Mr. Lebeziatnikov can bear witness to this.	Андрей Семенович может все это засвидетельствовать.

You yourself, mademoiselle, probably will not refuse to confirm my statement that I invited you through Mr. Lebeziatnikov, solely in order to discuss with you the hopeless and destitute position of your relative, Katerina Ivanovna (whose dinner	Вероятно, вы сами, мадемуазель, не откажитесь подтвердить и заявить, что призывал я вас, через Андрея Семеновича, единственно для того только, чтобы переговорить с вами о сиротском и беспомощном положении вашей
--	--

I was unable to attend), and the advisability of getting up something of the nature of a subscription, lottery or the like, for her benefit.	родственницы, Катерины Ивановны (к которой я не мог прийти на поминки), и о том, как бы полезно было устроить в ее пользу что-нибудь вроде подписки, лотереи или подобного.
You thanked me and even shed tears. I describe all this as it took place, primarily to recall it to your mind and secondly to show you that not the slightest detail has escaped my recollection.	Вы меня благодарили и даже прослезились (я рассказываю все так, как было, чтобы, во-первых, напомнить вам, а во-вторых, показать вам, что из памяти моей не изгладилась ни малейшая черта).
Then I took a ten-rouble note from the table and handed it to you by way of first instalment on my part for the benefit of your relative.	Затем я взял со стола десятирублевый кредитный билет и подал вам, от своего имени, для интересов вашей родственницы и в видах первого вспоможения.
Mr. Lebeziatnikov saw all this.	Все это видел Андрей Семенович.
Then I accompanied you to the door--you being still in the same state of embarrassment--after which, being left alone with Mr. Lebeziatnikov I talked to him for ten minutes--then Mr. Lebeziatnikov went out and I returned to the table with the money lying on it, intending to count it and to put it aside, as I proposed doing before.	Затем я вас проводил до дверей, - все в том же, с вашей стороны, смущении, - после чего, оставшись наедине с Андреем Семеновичем и переговорив с ним минут около десяти, Андрей Семенович вышел, я же снова обратился к столу, с лежавшими на нем деньгами, с целью, сосчитав их, отложить, как и предполагал я прежде, особо.
To my surprise one hundred-rouble note had disappeared.	К удивлению моему, одного сторублевого билета, в числе прочих, не оказалось.
Kindly consider the position. Mr. Lebeziatnikov I cannot suspect. I am ashamed to allude to such a supposition.	Извольте же рассудить: заподозрить Андрея Семеновича я уж никак не могу-с; даже предположения стыжусь.
I cannot have made a mistake in my reckoning, for the minute before your entrance I had finished my accounts and found the total correct.	Ошибиться в счете я тоже не мог, потому что, за минуту перед вашим приходом, окончив все счета, я нашел итог верным.
You will admit that recollecting your embarrassment, your eagerness to get away and the fact that you kept your hands for some time on the table, and taking into consideration your social position and the habits associated with it, I was, so to say, with horror and positively against my will, _compelled_ to entertain a suspicion--a cruel, but	Согласитесь сами, что припоминая ваше смущение, торопливость уйти и то, что вы держали руки, некоторое время, на столе; взяв, наконец, в соображение общественное положение ваше и сопряженные с ним привычки, я, так сказать, с ужасом, и даже против воли моей, принужден был остановиться на подозрении, - конечно, жестоком, но -справедливом-с!

justifiable suspicion!	
I will add further and repeat that in spite of my positive conviction, I realise that I run a certain risk in making this accusation, but as you see, I could not let it pass.	Прибавлю еще и повторю, что, несмотря на всю мою очевидную уверенность, понимаю, что все-таки, в теперешнем обвинении моем, присутствует некоторый для меня риск.

I have taken action and I will tell you why: solely, madam, solely, owing to your black ingratitude!	Но, как видите, я не оставил втуне; я восстал и скажу вам отчего: единственно, сударыня, единственно по причине чернейшей неблагодарности вашей!
Why!	Как?
I invite you for the benefit of your destitute relative, I present you with my donation of ten roubles and you, on the spot, repay me for all that with such an action.	Я же вас приглашаю в интересах беднейшей родственницы вашей, я же предоставляю вам посильное подаяние мое в десять рублей, и вы же, тут же, сейчас же, платите мне за все это подобным поступком!
It is too bad!	Нет-с, это уж нехорошо-с!
You need a lesson.	Необходим урок-с.
Reflect! Moreover, like a true friend I beg you--and you could have no better friend at this moment--think what you are doing, otherwise I shall be immovable!	Рассудите же; мало того, как истинный друг ваш, прошу вас (ибо лучшего друга не может быть у вас в эту минуту), опомнитесь!
Well, what do you say?"	Иначе, буду неумолим! Ну-с, итак?
"I have taken nothing," Sonia whispered in terror, "you gave me ten roubles, here it is, take it."	- Я ничего не брала у вас, - прошептала в ужасе Соня, - вы дали мне десять рублей, вот возьмите их.
Sonia pulled her handkerchief out of her pocket, untied a corner of it, took out the ten-rouble note and gave it to Luzhin.	- Соня вынула из кармана платок, отыскала узелок, развязала его, вынула десятирублевую бумажку и протянула руку Лужину.
"And the hundred roubles you do not confess to taking?" he insisted reproachfully, not taking the note.	- А в остальных ста рублях вы так и не признаетесь? - укоризненно и настойчиво произнес он, не принимая билета.
Sonia looked about her.	Соня осмотрелась кругом.
All were looking at her with such awful, stern, ironical, hostile eyes.	Все глядели на нее с такими ужасными, строгими, насмешливыми, ненавистными лицами.

She looked at Raskolnikov... he stood against the wall, with his arms crossed, looking at her with glowing eyes.	Она взглянула на Раскольникова... тот стоял у стены, сложив накрест руки, и огненным взглядом смотрел на нее.
"Good God!" broke from Sonia.	- О господи! - вырвалось у Сони.
"Amalia Ivanovna, we shall have to send word to the police and therefore I humbly beg you meanwhile to send for the house porter," Luzhin said softly and even kindly.	- Амалия Ивановна, надо будет дать знать в полицию, а потому покорнейше прошу вас, пошлите покамест за дворником, - тихо и даже ласково проговорил Лужин.
" Gott der Barmherzige !	- Гот дер бармгерциге!
I knew she was the thief," cried Amalia Ivanovna, throwing up her hands.	Я так и зналь, что она вороваль! - всплеснула руками Амалия Ивановна.
"You knew it?" Luzhin caught her up, "then I suppose you had some reason before this for thinking so.	- Вы так и знали? - подхватил Лужин, - стало быть, уже и прежде имели хотя бы некоторые основания так заключать.

I beg you, worthy Amalia Ivanovna, to remember your words which have been uttered before witnesses."	Прошу вас, почтеннейшая Амалия Ивановна, запомнить слова ваши, произнесенные, впрочем, при свидетелях.
There was a buzz of loud conversation on all sides.	Со всех сторон поднялся вдруг громкий говор.
All were in movement.	Все зашевелились.
"What!" cried Katerina Ivanovna, suddenly realising the position, and she rushed at Luzhin. "What!	- Ка-а-к! - вскрикнула вдруг, опомнившись, Катерина Ивановна и - точно сорвалась - бросилась к Лужину, - как!
You accuse her of stealing?	Вы ее в покраже обвиняете?
Sonia?	Это Соню-то?
Ah, the wretches, the wretches!"	Ах, подлецы, подлецы!
And running to Sonia she flung her wasted arms round her and held her as in a vise.	- И бросившись к Соне, она, как в тисках, обняла ее иссохшими руками.
"Sonia! how dared you take ten roubles from him?	- Соня! Как ты смела брать от него десять рублей!
Foolish girl!	О, глупая!
Give it to me!	Подай сюда!
	Подай сейчас эти десять рублей - вот!

Give me the ten roubles at once--here!"	
And snatching the note from Sonia, Katerina Ivanovna crumpled it up and flung it straight into Luzhin's face.	И, выхватив у Сони бумажку, Катерина Ивановна скомкала ее в руках и бросила наотмашь прямо в лицо Лужина.
It hit him in the eye and fell on the ground.	Катышек попал в глаз и отскочил на пол.
Amalia Ivanovna hastened to pick it up.	Амалия Ивановна бросилась поднимать деньги.
Pyotr Petrovitch lost his temper.	Петр Петрович рассердился.
"Hold that mad woman!" he shouted.	- Удержите эту сумасшедшую! - закричал он.
At that moment several other persons, besides Lebeziatnikov, appeared in the doorway, among them the two ladies.	В дверях, в эту минуту, рядом с Лебезятниковым показалось и еще несколько лиц, между которыми выглядывали и обе приезжие дамы.
"What!	- Как!
Mad?	Сумасшедшую?
Am I mad?	Это я-то сумасшедшая?
Idiot!" shrieked Katerina Ivanovna.	Дуррак! - взвизгнула Катерина Ивановна.
"You are an idiot yourself, pettifogging lawyer, base man!	- Сам ты дурак, крючок судейский, низкий человек!
Sonia, Sonia take his money!	Соня, Соня возьмет у него деньги!
Sonia a thief!	Это Соня-то воровка!
Why, she'd give away her last penny!" and Katerina Ivanovna broke into hysterical laughter.	Да она еще тебе даст, дурак! - И Катерина Ивановна истерически захохотала.

"Did you ever see such an idiot?" she turned from side to side.	- Видали ль вы дурака? - бросалась она во все стороны, показывая всем на Лужина.
"And you too?" she suddenly saw the landlady, "and you too, sausage eater, you declare that she is a thief, you trashy Prussian hen's leg in a crinoline!	- Как! И ты тоже? - увидала она хозяйку, - и ты туда же, колбасница, подтверждаешь, что она "вороваль", подлая ты прусская куриная нога в кринолине!
She hasn't been out of this room: she came straight from you, you wretch, and sat down beside me, everyone saw her. She sat here,	Ах вы! Ах вы! Да она и из комнаты-то не выходила и, как пришла от тебя, подлеца, тут же рядом подле Родиона Романовича и

by Rodion Romanovitch.	села!..
Search her!	Обыщите ее!
Since she's not left the room, the money would have to be on her!	Коль она никуда не выходила, стало быть, деньги должны быть при ней!
Search her, search her!	Ищи же, ищи, ищи!
But if you don't find it, then excuse me, my dear fellow, you'll answer for it!	Только если ты не найдешь, то уж извини, голубчик, ответишь!
I'll go to our Sovereign, to our Sovereign, to our gracious Tsar himself, and throw myself at his feet, to-day, this minute! I am alone in the world!	К государю, к государю, к самому царю побегу, милосердному, в ноги брошусь, сейчас же, сегодня же! я - сирота!
They would let me in!	Меня пустят!
Do you think they wouldn't?	Ты думаешь, не пустят?
You're wrong, I will get in!	Врешь, дойду!
I will get in!	Дойду-у!
You reckoned on her meekness!	Это ты на то, что она кроткая, рассчитывал?
You relied upon that!	Ты на это понадеялся?
But I am not so submissive, let me tell you!	Да я, брат, зато бойкая!
You've gone too far yourself.	Оборвешься!
Search her, search her!"	Ищи же! Ищи, ищи, ну, ищи!!
And Katerina Ivanovna in a frenzy shook Luzhin and dragged him towards Sonia.	И Катерина Ивановна, в исступлении, теребила Лужина, таща его к Соне.
"I am ready, I'll be responsible... but calm yourself, madam, calm yourself.	- Я готов-с и отвечаю... но уймитесь, сударыня, уймитесь!
I see that you are not so submissive!...	Я слишком вижу, что вы бойкая!..
Well, well, but as to that..." Luzhin muttered, "that ought to be before the police... though indeed there are witnesses enough as it is....	Это... это... это как же-с? - бормотал Лужин, - это следует при полиции-с... хотя, впрочем, и теперь свидетелей слишком достаточно...
I am ready....	Я готов-с...
But in any case it's difficult for a man... on account of her sex....	Но во всяком случае затруднительно мужчине... по причине пола...
But with the help of Amalia Ivanovna... though, of course, it's not the way to do	Если бы с помощью Амалии Ивановны...

things....	хотя, впрочем, так дело не делается...
How is it to be done?"	Это как же-с?
"As you will!	- Кого хотите!
Let anyone who likes search her!" cried Katerina Ivanovna. "Sonia, turn out your pockets!	Пусть, кто хочет, тот и обыскивает! - кричала Катерина Ивановна, - Соня, вывороти им карманы!
See!	Вот, вот!
Look, monster, the pocket is empty, here was her handkerchief!	Смотри, изверг, вот пустой, здесь платок лежал, карман пустой, видишь!
Here is the other pocket, look!	Вот другой карман, вот, вот!
D'you see, d'you see?"	Видишь, видишь!
And Katerina Ivanovna turned--or rather snatched--both pockets inside out.	И Катерина Ивановна не то что вывернула, а так и выхватила оба кармана, один за другим наружу.
But from the right pocket a piece of paper flew out and describing a parabola in the air fell at Luzhin's feet.	Но из второго, правого, кармана вдруг выскочила бумажка и, описав в воздухе параболу, упала к ногам Лужина.
Everyone saw it, several cried out.	Это все видели; многие вскрикнули.
Pyotr Petrovitch stooped down, picked up the paper in two fingers, lifted it where all could see it and opened it.	Петр Петрович нагнулся, взял бумажку двумя пальцами с пола, поднял всем на вид и развернул.
It was a hundred-rouble note folded in eight.	Это был сторублевый кредитный билет, сложенный в восьмую долю.
Pyotr Petrovitch held up the note showing it to everyone.	Петр Петрович обвел кругом свою руку, показывая всем билет.
"Thief!	- Воровка!
Out of my lodging.	Вон с квартир!
Police, police!" yelled Amalia Ivanovna. "They must to Siberia be sent!	Полис, полис! - завопила Амалия Ивановна, - их надо Сибирь прогнать!
Away!"	Вон!
Exclamations arose on all sides.	Со всех сторон полетели восклицания.
Raskolnikov was silent, keeping his eyes fixed on Sonia, except for an occasional rapid glance at Luzhin.	Раскольников молчал, не спуская глаз с Сони, изредка, но быстро переводя их на Лужина.
	Соня стояла на том же месте, как без

Sonia stood still, as though unconscious. She was hardly able to feel surprise.	памяти: она почти даже не была и удивлена.
Suddenly the colour rushed to her cheeks; she uttered a cry and hid her face in her hands.	Вдруг краска залила ей все лицо; она вскрикнула и закрылась руками.
"No, it wasn't I!	- Нет, это не я!
I didn't take it!	Я не брала!
I know nothing about it," she cried with a heartrending wail, and she ran to Katerina Ivanovna, who clasped her tightly in her arms, as though she would shelter her from all the world.	Я не знаю! - закричала она, разрывающим сердце воплем, и бросилась к Катерине Ивановне. Та схватила ее и крепко прижала к себе, как будто грудью желая защитить ее ото всех.
"Sonia!	- Соня!

Sonia!	Соня!
I don't believe it!	Я не верю!
You see, I don't believe it!" she cried in the face of the obvious fact, swaying her to and fro in her arms like a baby, kissing her face continually, then snatching at her hands and kissing them, too, "you took it!	Видишь, я не верю! - кричала (несмотря на всю очевидность) Катерина Ивановна, сотрясая ее в руках своих, как ребенка, целуя ее бессчетно, ловя ее руки и, так и впиваясь, целуя их. - Чтоб ты взяла!
How stupid these people are!	Да что это за глупые люди!
Oh dear!	О господи!
You are fools, fools," she cried, addressing the whole room, "you don't know, you don't know what a heart she has, what a girl she is!	Глупые вы, глупые, - кричала она, обращаясь ко всем, - да вы еще не знаете, не знаете, какое это сердце, какая это девушка!
She take it, she?	Она возьмет, она!
She'd sell her last rag, she'd go barefoot to help you if you needed it, that's what she is!	Да она свое последнее платье скинет, продаст, босая пойдет, а вам отдаст, коль вам надо будет, вот она какая!
She has the yellow passport because my children were starving, she sold herself for us!	Она и желтый-то билет получила, потому что мои же дети с голоду пропадали, себя за нас продала!..
Ah, husband, husband!	Ах, покойник, покойник! Ах, покойник, покойник!
Do you see?	Видишь?

Do you see?	Видишь?
What a memorial dinner for you!	Вот тебе поминки!
Merciful heavens!	Господи!
Defend her, why are you all standing still?	Да защитите же ее, что ж вы стоите все!
Rodion Romanovitch, why don't you stand up for her?	Родион Романович! Вы-то чего ж не заступитесь?
Do you believe it, too?	Вы тоже, что ль верите?
You are not worth her little finger, all of you together!	Мизинца вы ее не стоите, все, все, все, все!
Good God!	Господи!
Defend her now, at least!"	Да защити ж, наконец!
The wail of the poor, consumptive, helpless woman seemed to produce a great effect on her audience.	Плач бедной, чахоточной, сиротливой Катерины Ивановны произвел, казалось, сильный эффект на публику.

The agonised, wasted, consumptive face, the parched blood-stained lips, the hoarse voice, the tears unrestrained as a child's, the trustful, childish and yet despairing prayer for help were so piteous that everyone seemed to feel for her.	Тут было столько жалкого, столько страдающего в этом искривленном болью, высохшем чахоточном лице, в этих иссохших, запекшихся кровью губах, в этом хрипло кричащем голосе, в этом плаче навзрыд, подобном детскому плачу, в этой доверчивой, детской и вместе с тем отчаянной мольбе защитить, что, казалось, все пожалели несчастную.
Pyotr Petrovitch at any rate was at once moved to _compassion_.	По крайней мере, Петр Петрович тотчас же пожалел.
"Madam, madam, this incident does not reflect upon you!" he cried impressively, "no one would take upon himself to accuse you of being an instigator or even an accomplice in it, especially as you have proved her guilt by turning out her pockets, showing that you had no previous idea of it.	- Сударыня! Сударыня! - восклицал он внушительным голосом, - до вас этот факт не касается! Никто не решится вас обвинить в умысле или в соглашении, тем паче что вы же и обнаружили, выворотив карман: стало быть, ничего не предполагали.
I am most ready, most ready to show compassion, if poverty, so to speak, drove Sofya Semyonovna to it, but why did you refuse to confess, mademoiselle?	Весьма и весьма готов сожалеть, если, так сказать, нищета подвигла и Софью Семеновну, но для чего же, мадемуазель, вы не хотели сознаться?

Were you afraid of the disgrace?	Позора убоялись?
The first step?	Первый шаг?
You lost your head, perhaps?	Потерялись, может быть?
One can quite understand it....	Дело понятное-с; очень понятное-с...
But how could you have lowered yourself to such an action?	Но, однако, для чего же было пускаться в такие качества!
Gentlemen," he addressed the whole company, "gentlemen!	Господа! - обратился он ко всем присутствующим, - господа!
Compassionate and, so to say, commiserating these people, I am ready to overlook it even now in spite of the personal insult lavished upon me!	Сожалеея и, так сказать, соболезнуя, я, пожалуй, готов простить, даже теперь, несмотря на полученные личные оскорбления.
And may this disgrace be a lesson to you for the future," he said, addressing Sonia, "and I will carry the matter no further.	Да послужит же, мадемуазель, теперешний стыд вам уроком на будущее, - обратился он к Соне, - а я дальнейшее оставляю втуне и, так и быть, прекращаю.
Enough!"	Довольно!
Pyotr Petrovitch stole a glance at Raskolnikov.	Петр Петрович искоса посмотрел на Раскольникова.
Their eyes met, and the fire in Raskolnikov's seemed ready to reduce him to ashes.	Взгляды их встретились. Горящий взгляд Раскольникова готов был испепелить его.
Meanwhile Katerina Ivanovna apparently heard nothing. She was kissing and hugging Sonia like a madwoman.	Между тем Катерина Ивановна, казалось, ничего больше и не слыхала: она обнимала и целовала Соню, как безумная.

The children, too, were embracing Sonia on all sides, and Polenka--though she did not fully understand what was wrong--was drowned in tears and shaking with sobs, as she hid her pretty little face, swollen with weeping, on Sonia's shoulder.	Дети тоже обхватили со всех сторон Соню своими ручонками, а Полечка, - не совсем понимавшая, впрочем, в чем дело, - казалось, вся так и утопала в слезах, надрываясь от рыданий и спрятав свое распухшее от плача хорошенькое личико на плече Сони.
"How vile!" a loud voice cried suddenly in the doorway.	- Как это низко! - раздался вдруг громкий голос в дверях.
Pyotr Petrovitch looked round quickly.	Петр Петрович быстро оглянулся.
"What vileness!" Lebeziatnikov repeated, staring him straight in the face.	- Какая низость! - повторил Лебезятников, пристально смотря ему в глаза.

Pyotr Petrovitch gave a positive start--all noticed it and recalled it afterwards. Lebeziatnikov strode into the room.	Петр Петрович даже как будто вздрогнул. Это заметили все. (Потом об этом вспоминали.) Лебезятников шагнул в комнату.
"And you dared to call me as witness?" he said, going up to Pyotr Petrovitch.	- И вы осмелились меня в свидетели поставить? -сказал он, подходя к Петру Петровичу.
"What do you mean?"	- Что это значит, Андрей Семенович?
What are you talking about?" muttered Luzhin.	Про что такое вы говорите? - пробормотал Лужин.
"I mean that you... are a slanderer, that's what my words mean!" Lebeziatnikov said hotly, looking sternly at him with his short-sighted eyes.	- То значит, что вы... клеветник, вот что значат мои слова! - горячо проговорил Лебезятников, строго смотря на него своими подслеповатыми глазками.
He was extremely angry.	Он был ужасно рассержен.
Raskolnikov gazed intently at him, as though seizing and weighing each word.	Раскольников так и впился в него глазами, как бы подхватывая и взвешивая каждое слово.
Again there was a silence.	Опять снова воцарилось молчание.
Pyotr Petrovitch indeed seemed almost dumbfounded for the first moment.	Петр Петрович почти даже потерялся, особенно в первое мгновение.
"If you mean that for me,..." he began, stammering. "But what's the matter with you?"	- Если это вы мне... - начал он, заикаясь, - да что с вами?
Are you out of your mind?"	В уме ли вы?
"I'm in my mind, but you are a scoundrel!"	- Я-то в уме-с, а вот вы так... мошенник!
Ah, how vile!	Ах, как это низко!
I have heard everything. I kept waiting on purpose to understand it, for I must own even now it is not quite logical....	Я все слушал, я нарочно все ждал, чтобы все понять, потому что, признаюсь, даже до сих пор оно не совсем логично...
What you have done it all for I can't understand."	Но для чего вы все это сделали - не понимаю.
"Why, what have I done then?"	- Да что я сделал такое!
Give over talking in your nonsensical riddles!	Перестанете ли вы говорить вашими вздорными загадками!
Or maybe you are drunk!"	Или вы, может, выпивши?

"You may be a drunkard, perhaps, vile man, but I am not!	- Это вы, низкий человек, может быть, пьете, а не я!
I never touch vodka, for it's against my convictions.	Я и водки никогда не пью, потому что это не в моих убеждениях!
Would you believe it, he, he himself, with his own hands gave Sofya Semyonovna that hundred-rouble note--I saw it, I was a witness, I'll take my oath!	Вообразите, он, он сам, своими собственными руками отдал этот сторублевый билет Софье Семеновне, - я видел, я свидетель, я присягу приму!
He did it, he!" repeated Lebeziatnikov, addressing all.	Он, он! - повторял Лебезятников, обращаясь ко всем и каждому.
"Are you crazy, milksop?" squealed Luzhin. "She is herself before you--she herself here declared just now before everyone that I gave her only ten roubles.	- Да вы рехнулись иль нет, молокосос? - взвизгнул Лужин, - она здесь сама перед вами, налицо, -она сама здесь, сейчас, при всех подтвердила, что, кроме десяти рублей, ничего от меня не получала.
How could I have given it to her?"	Каким же образом мог я ей передать, после этого?
"I saw it, I saw it," Lebeziatnikov repeated, "and though it is against my principles, I am ready this very minute to take any oath you like before the court, for I saw how you slipped it in her pocket.	- Я видел, видел! - кричал и подтверждал Лебезятников, - и хоть это против моих убеждений, но я готов сей же час принять в суде какую угодно присягу, потому что я видел, как вы ей тихонько подсунули!
Only like a fool I thought you did it out of kindness!	Только я-то, дурак, подумал, что вы из благодеяния подсунули!
When you were saying good-bye to her at the door, while you held her hand in one hand, with the other, the left, you slipped the note into her pocket.	В дверях, прощаясь с нею, когда она повернулась и когда вы ей жали одной рукой руку, другою, левой, вы и положили ей тихонько в карман бумажку.
I saw it, I saw it!"	Я видел! Видел!
Luzhin turned pale.	Лужин побледнел.
"What lies!" he cried impudently, "why, how could you, standing by the window, see the note?	- Что вы врете! - дерзко вскричал он, - да и как вы могли, стоя у окна, разглядеть бумажку?
You fancied it with your short-sighted eyes.	Вам померещилось... на подслепые глаза.
You are raving!"	Вы бредите!
"No, I didn't fancy it.	- Нет, не померещилось!

And though I was standing some way off, I saw it all. And though it certainly would be hard to distinguish a note from the window--that's true--I knew for certain that it was a hundred-rouble note, because, when you were going to give Sofya Semyonovna ten roubles, you took up from the table a hundred-rouble note (I saw it because I was standing near then, and an idea struck me at once, so that I did not forget you had it in your hand).	И хоть я и далеко стоял, но я все, все видел, и хоть от окна действительно трудно разглядеть бумажку, - это вы правду говорите, - но я, по особому случаю, знал наверно, что это именно сторублевый билет, потому что, когда вы стали давать Софье Семеновне десятирублевую бумажку, - я видел сам, - вы тогда же взяли со стола сторублевый билет (это я видел, потому что я тогда близко стоял, и так как у меня тотчас явилась одна мысль, то потому я и не забыл, что у вас в руках билет).
---	---

You folded it and kept it in your hand all the time.	Вы его сложили и держали, зажав в руке, все время.
I didn't think of it again until, when you were getting up, you changed it from your right hand to your left and nearly dropped it! I noticed it because the same idea struck me again, that you meant to do her a kindness without my seeing.	Потом я было опять забыл, но когда вы стали вставать, то из правой переложили в левую и чуть не уронили; я тут опять вспомнил, потому что мне тут опять пришла та же мысль, именно, что вы хотите, тихонько от меня, благодеяние ей сделать.
You can fancy how I watched you and I saw how you succeeded in slipping it into her pocket.	Можете представить, как я стал следить, - ну и увидел, как удалось вам всунуть ей в карман.
I saw it, I saw it, I'll take my oath."	Я видел, видел, я присягу приму!
Lebeziatnikov was almost breathless.	Лебезятников чуть не задыхался.
Exclamations arose on all hands chiefly expressive of wonder, but some were menacing in tone.	Со всех сторон стали раздаваться разнообразные восклицания, всего больше означавшие удивление; но слышались восклицания, принимавшие и грозный тон.
They all crowded round Pyotr Petrovitch.	Все затеснились к Петру Петровичу.
Katerina Ivanovna flew to Lebeziatnikov.	Катерина Ивановна кинулась к Лебезятникову.
"I was mistaken in you!	- Андрей Семенович! Я в вас ошиблась!
Protect her!	Защитите ее!
You are the only one to take her part!	Один вы за нее!
She is an orphan.	Она сирота, вас бог послал!
God has sent you!"	Андрей Семенович, голубчик, батюшка!
Katerina Ivanovna, hardly knowing what	И Катерина Ивановна, почти не помня, что

she was doing, sank on her knees before him.	делает, бросилась перед ним на колени.
"A pack of nonsense!" yelled Luzhin, roused to fury, "it's all nonsense you've been talking!"	- Дичь! - завопил взбешенный до ярости Лужин, -дичь вы все мелете, сударь.
'An idea struck you, you didn't think, you noticed'--what does it amount to?	"Забыл, вспомнил, забыл" - что такое! Стало быть, я нарочно ей подложил?
So I gave it to her on the sly on purpose? What for? With what object? What have I to do with this...?"	Для чего? С какою целью? Что общего у меня с этой...
"What for?"	- Для чего?
That's what I can't understand, but that what I am telling you is the fact, that's certain!	Вот этого-то я и сам не понимаю, а что я рассказываю истинный факт, то это верно!
So far from my being mistaken, you infamous criminal man, I remember how, on account of it, a question occurred to me at once, just when I was thanking you and pressing your hand.	Я до того не ошибаюсь, мерзкий, преступный вы человек, что именно помню, как по этому поводу мне тотчас же тогда в голову вопрос пришел, именно в то время, как я вас благодарил и руку вам жал.
What made you put it secretly in her pocket?	Для чего же именно вы положили ей украдкой в карман?
Why you did it secretly, I mean?	То есть почему именно украдкой?

Could it be simply to conceal it from me, knowing that my convictions are opposed to yours and that I do not approve of private benevolence, which effects no radical cure?	Неужели потому только, что хотели от меня скрыть, зная, что я противных убеждений и отрицаю частную благотворительность, ничего не исцеляющую радикально?
Well, I decided that you really were ashamed of giving such a large sum before me. Perhaps, too, I thought, he wants to give her a surprise, when she finds a whole hundred-rouble note in her pocket. (For I know, some benevolent people are very fond of decking out their charitable actions in that way.) Then the idea struck me, too, that you wanted to test her, to see whether, when she found it, she would come to thank you.	Ну и решил, что вам действительно передо мной совестно такие куши давать, и, кроме того, может быть, подумал я, он хочет ей сюрприз сделать, удивить ее, когда она найдет у себя в кармане целых сто рублей. (Потому что иные благотворители очень любят этак размазывать свои благодеяния; я знаю.) Потом мне тоже подумалось, что вы хотите ее испытать, то есть придет ли она, найдя, благодарить?
Then, too, that you wanted to avoid thanks and that, as the saying is, your right hand	Потом, что хотите избежать благодарности и чтоб, ну, как это там говорится: чтоб

should not know... something of that sort, in fact.	правая рука, что ль, не знала... одним словом этак...
I thought of so many possibilities that I put off considering it, but still thought it indelicate to show you that I knew your secret.	Ну, да мало ль мне мыслей тогда пришло в голову, так что я положил все это обдумать потом, но все-таки почел неделикатным обнаружить перед вами, что знаю секрет.
But another idea struck me again that Sofya Semyonovna might easily lose the money before she noticed it, that was why I decided to come in here to call her out of the room and to tell her that you put a hundred roubles in her pocket.	Но, однако, мне тотчас же пришел в голову опять еще вопрос: что Софья Семеновна, прежде чем заметит, пожалуй, чего доброго, потеряет деньги; вот почему я решился пойти сюда, вызвать ее и уведомить, что ей положили в карман сто рублей.
But on my way I went first to Madame Kobilatnikov's to take them the	Да мимоходом зашел прежде в номер к господам Кобылятниковым, чтоб занести им
'General Treatise on the Positive Method' and especially to recommend Piderit's article (and also Wagner's); then I come on here and what a state of things I find!	"Общий вывод положительного метода" и особенно рекомендовать статью Пидерита (а впрочем, тоже и Вагнера); потом прихожу сюда, а тут вон какая история!
Now could I, could I, have all these ideas and reflections if I had not seen you put the hundred-rouble note in her pocket?"	Ну мог ли, мог ли я иметь все эти мысли и рассуждения, если б я действительно не видал, что вы вложили ей в карман сто рублей?
When Lebeziatnikov finished his long-winded harangue with the logical deduction at the end, he was quite tired, and the perspiration streamed from his face.	Когда Андрей Семенович кончил свои многословные рассуждения, с таким логическим выводом в заключении речи, то ужасно устал, и даже пот катился с его лица.
He could not, alas, even express himself correctly in Russian, though he knew no other language, so that he was quite exhausted, almost emaciated after this heroic exploit.	Увы, он и по-русски-то не умел объясняться порядочно (не зная, впрочем, никакого другого языка), так что он весь, как-то разом, истощился, даже как будто похудел после своего адвокатского подвига.
But his speech produced a powerful effect.	Тем не менее речь его произвела чрезвычайный эффект.
He had spoken with such vehemence, with such conviction that everyone obviously believed him.	Он говорил с таким азартом, с таким убеждением, что ему, видимо, все поверили.

Pyotr Petrovitch felt that things were going badly with him.	Петр Петрович почувствовал, что дело плохо.
"What is it to do with me if silly ideas did occur to you?" he shouted, "that's no evidence.	- Какое мне дело, что вам в голову пришли там какие-то глупые вопросы, - вскричал он. - Это не доказательство-с!
You may have dreamt it, that's all!	Вы могли все это сбредить во сне, вот и все-с!
And I tell you, you are lying, sir.	А я вам говорю, что вы лжете, сударь!
You are lying and slandering from some spite against me, simply from pique, because I did not agree with your free-thinking, godless, social propositions!"	Лжете и клеветеете из какого-либо зла на меня, и именно по насердке за то, что я не соглашался на ваши вольнодумные и безбожные социальные предложения, вот что-с!
But this retort did not benefit Pyotr Petrovitch.	Но этот выверт не принес пользы Петру Петровичу.
Murmurs of disapproval were heard on all sides.	Напротив, послышался со всех сторон ропот.
"Ah, that's your line now, is it!" cried Lebeziatnikov, "that's nonsense!	- А, ты вот куда заехал! - крикнул Лебезятников. -Врешь!
Call the police and I'll take my oath!	Зови полицию, а я присягу приму!
There's only one thing I can't understand: what made him risk such a contemptible action.	Одного только понять не могу: для чего он рискнул на такой низкий поступок!
Oh, pitiful, despicable man!"	О жалкий, подлый человек!
"I can explain why he risked such an action, and if necessary, I, too, will swear to it," Raskolnikov said at last in a firm voice, and he stepped forward.	- Я могу объяснить, для чего он рискнул на такой поступок, и, если надо, сам присягу приму! -твердым голосом произнес, наконец, Раскольников и выступил вперед.
He appeared to be firm and composed.	Он был по-видимому тверд и спокоен.
Everyone felt clearly, from the very look of him that he really knew about it and that the mystery would be solved.	Всем как-то ясно стало, при одном только взгляде на него, что он действительно знает, в чем дело, и что дошло до развязки.
"Now I can explain it all to myself," said Raskolnikov, addressing Lebeziatnikov.	- Теперь я совершенно все себе уяснил, - продолжал Раскольников, обращаясь прямо к Лебезятникову.
"From the very beginning of the business, I	- С самого начала истории я уже стал

suspected that there was some scoundrelly intrigue at the bottom of it. I began to suspect it from some special circumstances known to me only, which I will explain at once to everyone: they account for everything.	подозревать, что тут какой-то мерзкий подвох; я стал подозревать вследствие некоторых особых обстоятельств, только мне одному известных, которые я сейчас и объясню всем: в них все дело!
Your valuable evidence has finally made everything clear to me.	Вы же, Андрей Семенович, вашим драгоценным показанием окончательно уяснили мне все.
I beg all, all to listen. This gentleman (he pointed to Luzhin) was recently engaged to be married to a young lady--my sister, Avdotya Romanovna Raskolnikov.	Прошу всех, всех прислушать: этот господин (он указал на Лужина) сватался недавно к одной девице, и именно к моей сестре, Авдотье Романовне Раскольниковой.

But coming to Petersburg he quarrelled with me, the day before yesterday, at our first meeting and I drove him out of my room--I have two witnesses to prove it.	Но, приехав в Петербург, он, третьего дня, при первом нашем свидании, со мной поссорился, и я выгнал его от себя, чему есть два свидетеля.
He is a very spiteful man....	Этот человек очень зол...
The day before yesterday I did not know that he was staying here, in your room, and that consequently on the very day we quarrelled--the day before yesterday--he saw me give Katerina Ivanovna some money for the funeral, as a friend of the late Mr. Marmeladov.	Третьего дня я еще и не знал, что он здесь стоит в номерах, у вас, Андрей Семенович, и что, стало быть, в тот же самый день, как мы поссорились, то есть третьего же дня, он был свидетелем того, как я передал, в качестве приятеля покойного господина Мармеладова, супруге его Катерине Ивановне несколько денег на похороны.
He at once wrote a note to my mother and informed her that I had given away all my money, not to Katerina Ivanovna but to Sofya Semyonovna, and referred in a most contemptible way to the... character of Sofya Semyonovna, that is, hinted at the character of my attitude to Sofya Semyonovna.	Он тотчас же написал моей матери записку и уведомил ее, что я отдал все деньги не Катерине Ивановне, а Софье Семеновне, и при этом в самых подлых выражениях упомянул о... о характере Софьи Семеновны, то есть намекнул на характер отношений моих к Софье Семеновне.
All this you understand was with the object of dividing me from my mother and sister, by insinuating that I was squandering on unworthy objects the money which they had sent me and which was all they had.	Все это, как вы понимаете, с целью поссорить меня с матерью и сестрой, внушив им, что я расточаю, с неблагородными целями, их последние деньги, которыми они мне помогают.
	Вчера вечером, при матери и сестре, и в его

Yesterday evening, before my mother and sister and in his presence, I declared that I had given the money to Katerina Ivanovna for the funeral and not to Sofya Semyonovna and that I had no acquaintance with Sofya Semyonovna and had never seen her before, indeed.	присутствии, я восстановил истину, доказав, что передал деньги Катерине Ивановне на похороны, а не Софье Семеновне, и что с Софьей Семеновной третьего дня я еще и знаком даже не был и даже в лицо еще ее не видал.
At the same time I added that he, Pyotr Petrovitch Luzhin, with all his virtues, was not worth Sofya Semyonovna's little finger, though he spoke so ill of her.	При этом я прибавил, что он, Петр Петрович Лужин, со всеми своими достоинствами, не стоит одного мизинца Софьи Семеновны, о которой он так дурно отзывался.
To his question--would I let Sofya Semyonovna sit down beside my sister, I answered that I had already done so that day.	На его вопрос: посадил ли бы я Софью Семеновну рядом с моей сестрой? - я ответил, что я уже это и сделал, того же дня.
Irritated that my mother and sister were unwilling to quarrel with me at his insinuations, he gradually began being unpardonably rude to them.	Разозлившись на то, что мать и сестра не хотят, по его наветам, со мною рассориться, он, слово за слово, начал говорить им непростительные дерзости.
A final rupture took place and he was turned out of the house.	Произошел окончательный разрыв, и его выгнали из дому.
All this happened yesterday evening.	Все это происходило вчера вечером.

Now I beg your special attention: consider: if he had now succeeded in proving that Sofya Semyonovna was a thief, he would have shown to my mother and sister that he was almost right in his suspicions, that he had reason to be angry at my putting my sister on a level with Sofya Semyonovna, that, in attacking me, he was protecting and preserving the honour of my sister, his betrothed.	Теперь прошу особенного внимания: представьте себе, что если б ему удалось теперь доказать, что Софья Семеновна - воровка, то, во-первых, он доказал бы моей сестре и матери, что был почти прав в своих подозрениях; что он справедливо рассердился за то, что я поставил на одну доску мою сестру и Софью Семеновну; что, нападая на меня, он защищал, стало быть, и предохранял честь моей сестры, а своей невесты.
In fact he might even, through all this, have been able to estrange me from my family, and no doubt he hoped to be restored to favour with them; to say nothing of revenging himself on me personally, for he has grounds for supposing that the honour and happiness of Sofya Semyonovna are very precious to me.	Одним словом, через все это он даже мог вновь поссорить меня с родными и, уж конечно, надеялся опять войти у них в милость. Не говорю уже о том, что он мстил лично мне, потому что имеет основание предполагать, что честь и счастье Софьи Семеновны очень для меня дороги.

That was what he was working for!	Вот весь его расчет!
That's how I understand it.	Вот как я понимаю это дело!
That's the whole reason for it and there can be no other!"	Вот вся причина, и другой быть не может!
It was like this, or somewhat like this, that Raskolnikov wound up his speech which was followed very attentively, though often interrupted by exclamations from his audience.	Так или почти так окончил Раскольников свою речь, часто прерывающуюся восклицаниями публики, слушавшей, впрочем, очень внимательно.
But in spite of interruptions he spoke clearly, calmly, exactly, firmly.	Но, несмотря на все перерывы, он проговорил резко, спокойно, точно, ясно, твердо.
His decisive voice, his tone of conviction and his stern face made a great impression on everyone.	Его резкий голос, его убежденный тон и строгое лицо произвели на всех чрезвычайный эффект.
"Yes, yes, that's it," Lebeziatnikov assented gleefully, "that must be it, for he asked me, as soon as Sofya Semyonovna came into our room, whether you were here, whether I had seen you among Katerina Ivanovna's guests.	- Так, так, это так! - в восторге подтверждал Лебезятников. - Это должно быть так, потому что он именно спрашивал меня, как только вошла к нам в комнату Софья Семеновна, "тут ли вы? Не видал ли я вас в числе гостей Катерины Ивановны?"
He called me aside to the window and asked me in secret.	Он отозвал меня для этого к окну и там потихоньку спросил.
It was essential for him that you should be here!	Стало быть, ему непременно надо было, чтобы тут были вы!
That's it, that's it!"	Это так, это все так!
Luzhin smiled contemptuously and did not speak.	Лужин молчал и презрительно улыбался.
But he was very pale.	Впрочем, он был очень бледен.
He seemed to be deliberating on some means of escape.	Казалось, что он обдумывал, как бы ему вывернуться.

Perhaps he would have been glad to give up everything and get away, but at the moment this was scarcely possible. It would have implied admitting the truth of the accusations brought against him.	Может быть, он бы с удовольствием бросил все и ушел, но в настоящую минуту это было почти невозможно; это значило прямо сознаться в справедливости взводимых на него обвинений и в том, что он действительно оклеветал Софью Семеновну.
---	---

Moreover, the company, which had already been excited by drink, was now too much stirred to allow it.	К тому же и публика, и без того уже подпившая, слишком волновалась.
The commissariat clerk, though indeed he had not grasped the whole position, was shouting louder than anyone and was making some suggestions very unpleasant to Luzhin.	Провиантский, хотя, впрочем, и не все понимавший, кричал больше всех и предлагал некоторые весьма неприятные для Лужина меры.
But not all those present were drunk; lodgers came in from all the rooms.	Но были и не пьяные; сошлись и собрались из всех комнат.
The three Poles were tremendously excited and were continually shouting at him: "The _pan_ is a _lajdak_!" and muttering threats in Polish.	Все три полячка' ужасно горячились и кричали ему беспрестанно: "пане лайдак!", причем бормотали еще какие-то угрозы по-польски.
Sonia had been listening with strained attention, though she too seemed unable to grasp it all; she seemed as though she had just returned to consciousness.	Соня слушала с напряжением, но как будто тоже не все понимала, точно просыпалась от обморока.
She did not take her eyes off Raskolnikov, feeling that all her safety lay in him.	Она только не спускала своих глаз с Раскольникова, чувствуя, что в нем вся ее защита.
Katerina Ivanovna breathed hard and painfully and seemed fearfully exhausted.	Катерина Ивановна трудно и хрипло дышала и была, казалось, в страшном изнеможении.
Amalia Ivanovna stood looking more stupid than anyone, with her mouth wide open, unable to make out what had happened.	Всех глупее стояла Амалия Ивановна, разинув рот и ровно ничего не смысля.
She only saw that Pyotr Petrovitch had somehow come to grief.	Она только видела, что Петр Петрович как-то попался.
Raskolnikov was attempting to speak again, but they did not let him. Everyone was crowding round Luzhin with threats and shouts of abuse.	Раскольников попросил было опять говорить, но ему уже не дали докончить: все кричали и теснились около Лужина с ругательствами и угрозами.
But Pyotr Petrovitch was not intimidated.	Но Петр Петрович не струсил.
Seeing that his accusation of Sonia had completely failed, he had recourse to insolence:	Видя, что уже дело по обвинению Сони вполне проиграно, он прямо прибегнул к наглости.
"Allow me, gentlemen, allow me! Don't squeeze, let me pass!" he said, making his	- Позвольте, господа, позвольте; не теснитесь, дайте пройти! - говорил он, пробираясь сквозь толпу, - и сделайте

way through the crowd. "And no threats, if you please! I assure you it will be useless, you will gain nothing by it. On the contrary, you'll have to answer, gentlemen, for violently obstructing the course of justice.	одоление, не угрожайте; уверяю вас, что ничего не будет, ничего не сделаете, не робкого десятка-с, а напротив, вы же, господа, ответите, что насилием прикрыли уголовное дело.
The thief has been more than unmasked, and I shall prosecute.	Воровка более нежели изобличена, и я буду преследовать-с.

Our judges are not so blind and... not so drunk, and will not believe the testimony of two notorious infidels, agitators, and atheists, who accuse me from motives of personal revenge which they are foolish enough to admit....	В суде не так слепы и... не пьяны-с, и не поверят двум отъявленным безбожникам, возмутителям и вольнодумцам, обвиняющим меня, из личной мести, в чем сами они, по глупости своей, сознаются...
Yes, allow me to pass!"	Да-с, позвольте-с!
"Don't let me find a trace of you in my room! Kindly leave at once, and everything is at an end between us!	- Чтобы тотчас же духу вашего не было в моей комнате; извольте съезжать, и все между нами кончено!
When I think of the trouble I've been taking, the way I've been expounding... all this fortnight!"	И как подумаю, что я же из кожи выбивался, ему излагал... целые две недели!..
"I told you myself to-day that I was going, when you tried to keep me; now I will simply add that you are a fool.	- Да ведь я вам и сам, Андрей Семенович, давеча сказал, что съезжаю, когда вы еще меня удерживали; теперь же прибавлю только, что вы дурак-с.
I advise you to see a doctor for your brains and your short sight.	Желаю вам вылечить ваш ум и ваши подслепые глаза.
Let me pass, gentlemen!"	Позвольте же, господа-с!
He forced his way through. But the commissariat clerk was unwilling to let him off so easily: he picked up a glass from the table, brandished it in the air and flung it at Pyotr Petrovitch; but the glass flew straight at Amalia Ivanovna.	Он протеснился; но провиантскому не хотелось так легко его выпустить, с одними только ругательствами: он схватил со стола стакан, размахнулся и пустил его в Петра Петровича; но стакан полетел прямо в Амалию Ивановну.
She screamed, and the clerk, overbalancing, fell heavily under the table.	Она взвизгнула, а провиантский, потеряв от размаху равновесие, тяжело повалился под стол.
Pyotr Petrovitch made his way to his room and half an hour later had left the house.	Петр Петрович прошел в свою комнату, и через полчаса его уже не было в доме.

Sonia, timid by nature, had felt before that day that she could be ill-treated more easily than anyone, and that she could be wronged with impunity.	Соня, робкая от природы, и прежде знала, что ее легче погубить, чем кого бы то ни было, а уж обидеть ее всякий мог почти безнаказанно.
Yet till that moment she had fancied that she might escape misfortune by care, gentleness and submissiveness before everyone.	Но всетаки, до самой этой минуты, ей казалось, что можно как-нибудь избежать беды -осторожностью, кротостью, покорностью перед всем и каждым.
Her disappointment was too great.	Разочарование ее было слишком тяжело.
She could, of course, bear with patience and almost without murmur anything, even this.	Она, конечно, с терпением и почти безропотно могла все перенести - даже это.
But for the first minute she felt it too bitter.	Но в первую, минуту уж слишком тяжело стало.
In spite of her triumph and her justification--when her first terror and stupefaction had passed and she could understand it all clearly--the feeling of her helplessness and of the wrong done to her made her heart throb with anguish and she was overcome with hysterical weeping.	Несмотря на свое торжество и на свое оправдание, - когда прошел первый испуг и первый столбняк, когда она поняла и сообразила все ясно, - чувство беспомощности и обиды мучительно стеснило ей сердце. С ней началась истерика.
At last, unable to bear any more, she rushed out of the room and ran home, almost immediately after Luzhin's departure.	Наконец, не выдержав, она бросилась вон из комнаты и побежала домой. Это было почти сейчас по уходе Лужина.

When amidst loud laughter the glass flew at Amalia Ivanovna, it was more than the landlady could endure.	Амалия Ивановна, когда в нее, при громком смехе присутствовавших, попал стакан, тоже не выдержала в чужом пиру похмелья.
With a shriek she rushed like a fury at Katerina Ivanovna, considering her to blame for everything.	С визгом, как бешеная, кинулась она к Катерине Ивановне, считая ее во всем виноватою:
"Out of my lodgings!"	- Долой с квартир!
At once!	Сейчас!
Quick march!"	Марш!
And with these words she began snatching up everything she could lay her hands on that belonged to Katerina Ivanovna, and throwing it on the floor.	- И с этими словами начала хватать все, что ни попало ей под руку из вещей Катерины Ивановны, и скидывать на пол.

Katerina Ivanovna, pale, almost fainting, and gasping for breath, jumped up from the bed where she had sunk in exhaustion and darted at Amalia Ivanovna.	Почти и без того убитая, чуть не в обмороке, задышавшаяся, бледная, Катерина Ивановна вскочила с постели (на которую упала было в изнеможении) и бросилась на Амалию Ивановну.
But the battle was too unequal: the landlady waved her away like a feather.	Но борьба была слишком неравна; та отпихнула ее, как перышко.
"What!	- Как!
As though that godless calumny was not enough--this vile creature attacks me!	Мало того, что безбожно оклеветали, - эта тварь на меня же!
What!	Как!
On the day of my husband's funeral I am turned out of my lodging! After eating my bread and salt she turns me into the street, with my orphans!	В день похорон мужа гонят с квартиры, после моего хлеба-соли, на улицу, с сиротами!
Where am I to go?" wailed the poor woman, sobbing and gasping.	Да куда я пойду! - вопила, рыдая и задыхаясь, бедная женщина.
"Good God!" she cried with flashing eyes, "is there no justice upon earth?	- Господи! - закричала вдруг она, засверкав глазами, - неужели ж нет справедливости!
Whom should you protect if not us orphans?	Кого ж тебе защищать, коль не нас, сирот?
We shall see!	А вот, увидим!
There is law and justice on earth, there is, I will find it!	Есть на свете суд и правда, есть, я сыщу!
Wait a bit, godless creature!	Сейчас, подожди, безбожная тварь!
Polenka, stay with the children, I'll come back.	Полечка, оставайся с детьми, я ворочусь.
Wait for me, if you have to wait in the street.	Ждите меня, хоть на улице!
We will see whether there is justice on earth!"	Увидим, есть ли на свете правда?

And throwing over her head that green shawl which Marmeladov had mentioned to Raskolnikov, Katerina Ivanovna squeezed her way through the disorderly and drunken crowd of	И, накинув на голову тот самый зеленый драдедамовый платок, о котором упоминал в своем рассказе покойный Мармеладов, Катерина Ивановна протеснилась сквозь беспорядочную и пьяную толпу жильцов, все
---	--

lodgers who still filled the room, and, wailing and tearful, she ran into the street--with a vague intention of going at once somewhere to find justice.	еще толпившихся в комнате, и с воплем и со слезами выбежала на улицу - с неопределенною целью где-то сейчас, немедленно и во что бы то ни стало найти справедливость.
Polenka with the two little ones in her arms crouched, terrified, on the trunk in the corner of the room, where she waited trembling for her mother to come back.	Полечка в страхе забилась с детьми в угол на сундук, где, обняв обоих маленьких, вся дрожа, стала ожидать прихода матери.
Amalia Ivanovna raged about the room, shrieking, lamenting and throwing everything she came across on the floor.	Амалия Ивановна металась по комнате, визжала, причитала, швыряла все, что ни попадалось ей, на пол и буянила.
The lodgers talked incoherently, some commented to the best of their ability on what had happened, others quarrelled and swore at one another, while others struck up a song....	Жильцы горланили кто в лес, кто по дрова - иные договаривали, что умели, о случившемся событии; другие ссорились и ругались; иные затянули песни...
"Now it's time for me to go," thought Raskolnikov.	"А теперь пора и мне! - подумал Раскольников.
"Well, Sofya Semyonovna, we shall see what you'll say now!"	- Ну-тка, Софья Семеновна, посмотрим, что вы станете теперь говорить!"
And he set off in the direction of Sonia's lodgings.	И он отправился на квартиру Сони.
CHAPTER IV	IV
Raskolnikov had been a vigorous and active champion of Sonia against Luzhin, although he had such a load of horror and anguish in his own heart.	Раскольников был деятельным и бодрым адвокатом Сони против Лужина, несмотря на то что сам носил столько собственного ужаса и страдания в душе.
But having gone through so much in the morning, he found a sort of relief in a change of sensations, apart from the strong personal feeling which impelled him to defend Sonia.	Но, выстрадав столько утром, он точно рад был случаю переменить свои впечатления, становившиеся невыносимыми, не говоря уже о том, насколько личного и сердечного заключалось в стремлении его заступиться за Соню.
He was agitated too, especially at some moments, by the thought of his approaching interview with Sonia: he _had_ to tell her who had killed Lizaveta. He knew the terrible suffering	Кроме того, у него было в виду и страшно тревожило его, особенно минутами, предстоящее свидание с Соней: он должен был объявить ей, кто убил Лизавету, и

it would be to him and, as it were, brushed away the thought of it.	предчувствовал себе страшное мучение, и точно отмахивался от него руками.
So when he cried as he left Katerina Ivanovna's,	И потому, когда он воскликнул, выходя от Катерины Ивановны:
"Well, Sofya Semyonovna, we shall see what you'll say now!" he was still superficially excited, still vigorous and defiant from his triumph over Luzhin.	"Ну, что вы скажете теперь, Софья Семеновна?", то, очевидно, находился еще в каком-то внешне возбужденном состоянии бодрости, вызова и недавней победы над Лужиным.

But, strange to say, by the time he reached Sonia's lodging, he felt a sudden impotence and fear.	Но странно случилось с ним. Когда он дошел до квартиры Капернаумова, то почувствовал в себе внезапное обессиление и страх.
He stood still in hesitation at the door, asking himself the strange question:	В раздумье остановился он перед дверью с странным вопросом:
"Must he tell her who killed Lizaveta?"	"Надо ли сказывать, кто убил Лизавету?"
It was a strange question because he felt at the very time not only that he could not help telling her, but also that he could not put off the telling.	Вопрос был странный, потому что он вдруг, в то же время, почувствовал, что не только нельзя не сказать, но даже и отдалить эту минуту, хотя на время, невозможно.
He did not yet know why it must be so, he only <u>felt</u> it, and the agonising sense of his impotence before the inevitable almost crushed him.	Он еще не знал, почему невозможно; он только почувствовал это, и это мучительное сознание своего бессилия перед необходимостью почти придавило его.
To cut short his hesitation and suffering, he quickly opened the door and looked at Sonia from the doorway.	Чтоб уже не рассуждать и не мучиться, он быстро отворил дверь и с порога посмотрел на Соню.
She was sitting with her elbows on the table and her face in her hands, but seeing Raskolnikov she got up at once and came to meet him as though she were expecting him.	Она сидела, облокотясь на столик и закрыв лицо руками, но, увидев Раскольникова, поскорей встала и пошла к нему навстречу, точно ждала его.
"What would have become of me but for you?" she said quickly, meeting him in the middle of the room.	- Что бы со мной без вас-то было! - быстро проговорила она, сойдясь с ним среди комнаты.
Evidently she was in haste to say this to him.	Очевидно, ей только это и хотелось поскорей сказать ему.

It was what she had been waiting for.	Затем и ждала.
Raskolnikov went to the table and sat down on the chair from which she had only just risen.	Раскольников прошел к столу и сел на стул, с которого она только что встала.
She stood facing him, two steps away, just as she had done the day before.	Она стала перед ним в двух шагах, точь-в-точь как вчера.
"Well, Sonia?" he said, and felt that his voice was trembling, "it was all due to 'your social position and the habits associated with it.'	- Что, Соня? - сказал он и вдруг почувствовал, что голос его дрожит, - ведь все дело-то упиралось на "общественное положение и сопричастные тому привычки".
Did you understand that just now?"	Поняли вы давеча это?
Her face showed her distress.	Страдание выразилось в лице ее.
"Only don't talk to me as you did yesterday," she interrupted him.	- Только не говорите со мной как вчера! - прервала она его.
"Please don't begin it.	- Пожалуйста, уж не начинайте.
There is misery enough without that."	И так мучений довольно...
She made haste to smile, afraid that he might not like the reproach.	Она поскорей улыбнулась, испугавшись, что, может быть, ему не понравится упрек.
"I was silly to come away from there.	- Я сглупа-то оттудова ушла.
What is happening there now?	Что там теперь?

I wanted to go back directly, but I kept thinking that... you would come."	Сейчас было хотела идти, да все думала, что вот... вы зайдете.
He told her that Amalia Ivanovna was turning them out of their lodging and that Katerina Ivanovna had run off somewhere "to seek justice."	Он рассказал ей, что Амалия Ивановна гонит их с квартиры и что Катерина Ивановна побежала куда-то "правды искать".
"My God!" cried Sonia, "let's go at once...."	- Ах, боже мой! - вскинулась Соня, - пойдёте поскорее...
And she snatched up her cape.	И она схватила свою мантильку.
"It's everlastingly the same thing!" said Raskolnikov, irritably.	- Вечно одно и то же! - вскричал раздражительно Раскольников.
"You've no thought except for them!	- У вас только и в мыслях, что они!
Stay a little with me."	Побудьте со мной.
"But...	- А...
Katerina Ivanovna?"	Катерина Ивановна?

"You won't lose Katerina Ivanovna, you may be sure, she'll come to you herself since she has run out," he added peevishly.	- А Катерина Ивановна, уж, конечно, вас не минует, зайдет к вам сама, коли уж выбежала из дому, - брюзгливо прибавил он.
"If she doesn't find you here, you'll be blamed for it...."	- Коли вас не застанет, ведь вы же останетесь виноваты...
Sonia sat down in painful suspense.	Соня в мучительной нерешимости присела на стул.
Raskolnikov was silent, gazing at the floor and deliberating.	Раскольников молчал, глядя в землю и что-то обдумывая.
"This time Luzhin did not want to prosecute you," he began, not looking at Sonia, "but if he had wanted to, if it had suited his plans, he would have sent you to prison if it had not been for Lebeziatnikov and me.	- Положим, Лужин теперь не захотел, - начал он, не взглядывая на Соню. - Ну а если б он захотел или какнибудь в расчеты входило, ведь он бы упрятал вас в острог-то, не случись тут меня да Лебезятникова!
Ah?"	А?
"Yes," she assented in a faint voice. "Yes," she repeated, preoccupied and distressed.	- Да, - сказала она слабым голосом, - да! - повторила она, рассеянно и в тревоге.
"But I might easily not have been there.	- А ведь я и действительно мог не случиться!
And it was quite an accident Lebeziatnikov's turning up."	А Лебезятников, тот уже совсем случайно подвернулся.
Sonia was silent.	Соня молчала.
"And if you'd gone to prison, what then?	- Ну а если б в острог, что тогда?
Do you remember what I said yesterday?"	Помните, что я вчера говорил?
Again she did not answer.	Она опять не ответила.
He waited.	Тот переждал.
"I thought you would cry out again 'don't speak of it, leave off.'" Raskolnikov gave a laugh, but rather a forced one.	- А я думал, вы опять закричите: "Ах, не говорите, перестаньте!" - засмеялся Раскольников, но как-то с натугой.
"What, silence again?" he asked a minute later.	- Что ж, опять молчание? - переспросил он через минуту.
"We must talk about something, you know.	- Ведь надо же о чем-нибудь разговаривать?
It would be interesting for me to know how you would decide a certain 'problem' as Lebeziatnikov would say." (He was	Вот мне именно интересно было бы узнать, как бы вы разрешили теперь один "вопрос", - как говорит Лебезятников. (Он как будто

beginning to lose the thread.) "No, really, I am serious.	начинал путаться.) Нет, в самом деле, я серьезно.
Imagine, Sonia, that you had known all Luzhin's intentions beforehand. Known, that is, for a fact, that they would be the ruin of Katerina Ivanovna and the children and yourself thrown in--since you don't count yourself for anything--Polenka too... for she'll go the same way.	Представьте себе, Соня, что вы знали бы все намерения Лужина заранее, знала бы (то есть наверно), что через них погибла бы совсем Катерина Ивановна, да и дети; вы тоже, впридачу (так как вы себя ни за что считаете, так впридачу). Полечка также... потому ей та же дорога.
Well, if suddenly it all depended on your decision whether he or they should go on living, that is whether Luzhin should go on living and doing wicked things, or Katerina Ivanovna should die?	Ну-с; так вот: если бы вдруг все это теперь на ваше решение отдали: тому или тем жить на свете, то есть Лужину ли жить и делать мерзости, или умирать Катерине Ивановне?
How would you decide which of them was to die?	То как бы вы решили: кому из них умереть?
I ask you?"	Я вас спрашиваю.
Sonia looked uneasily at him. There was something peculiar in this hesitating question, which seemed approaching something in a roundabout way.	Соня с беспокойством на него посмотрела: ей что-то особенное послышалось в этой нетвердой и к чему-то издалека подходящей речи.
"I felt that you were going to ask some question like that," she said, looking inquisitively at him.	- Я уже предчувствовала, что вы что-нибудь такое спросите, - сказала она, пытливо смотря на него.
"I dare say you did. But how is it to be answered?"	- Хорошо, пусть; но, однако, как же бы решить-то?
"Why do you ask about what could not happen?" said Sonia reluctantly.	- Зачем вы спрашиваете, чему быть невозможно? -с отвращением сказала Соня.
"Then it would be better for Luzhin to go on living and doing wicked things?	- Стало быть, лучше Лужину жить и делать мерзости!
You haven't dared to decide even that!"	Вы и этого решить не осмелились?
"But I can't know the Divine Providence....	- Да ведь я божьего промысла знать не могу...
And why do you ask what can't be answered?	И к чему вы спрашиваете, чего нельзя спрашивать?
What's the use of such foolish questions?	К чему такие пустые вопросы?
How could it happen that it should depend on my decision--who has made me a judge to decide who is to live and who is not to	Как может случиться, чтоб это от моего решения зависело? И кто меня тут судьей

live?"	поставил: кому жить, кому не жить?
"Oh, if the Divine Providence is to be mixed up in it, there is no doing anything," Raskolnikov grumbled morosely.	- Уж как божий промысл замешается, так уж тут ничего не поделаешь, - угрюмо проворчал Раскольников.
"You'd better say straight out what you want!" Sonia cried in distress. "You are leading up to something again...."	- Говорите лучше прямо, чего вам надобно! - вскричала с страданием Соня, - вы опять на что-то наводите...
Can you have come simply to torture me?"	Неужели вы только затем, чтобы мучить, пришли!
She could not control herself and began crying bitterly.	Она не выдержала и вдруг горько заплакала.
He looked at her in gloomy misery.	В мрачной тоске смотрел он на нее.
Five minutes passed.	Прошло минут пять.
"Of course you're right, Sonia," he said softly at last.	- А ведь ты права, Соня, - тихо проговорил он наконец.
He was suddenly changed. His tone of assumed arrogance and helpless defiance was gone.	Он вдруг переменялся; выделанно-нахальный и бессильно-вызывающий тон его исчез.
Even his voice was suddenly weak.	Даже голос вдруг ослабел.
"I told you yesterday that I was not coming to ask forgiveness and almost the first thing I've said is to ask forgiveness...."	- Сам же я тебе сказал вчера, что не прощения приду просить, а почти тем вот и начал, что прощения прошу...
I said that about Luzhin and Providence for my own sake.	Это я про Лужина и промысл для себя говорил...
I was asking forgiveness, Sonia...."	Я это прощения просил, Соня...
He tried to smile, but there was something helpless and incomplete in his pale smile.	Он хотел было улыбнуться, но что-то бессильное и недоконченное сказалось в его бледной улыбке.
He bowed his head and hid his face in his hands.	Он склонил голову и закрыл руками лицо.
And suddenly a strange, surprising sensation of a sort of bitter hatred for Sonia passed through his heart.	И вдруг странное, неожиданное ощущение какой-то едкой ненависти к Соне прошло по его сердцу.
As it were wondering and frightened of this sensation, he raised his head and looked intently at her; but he met her uneasy and painfully anxious eyes fixed on	Как бы удивясь и испугавшись сам этого ощущения, он вдруг поднял голову и пристально поглядел на нее; но он встретил на себе беспокойный и до муки заботливый

him; there was love in them; his hatred vanished like a phantom.	взгляд ее; тут была любовь; ненависть его исчезла, как призрак.
It was not the real feeling; he had taken the one feeling for the other.	Это было не то; он принял одно чувство за другое.
It only meant that _that_ minute had come.	Это только значило, что та минута прошла.
He hid his face in his hands again and bowed his head.	Опять он закрыл руками лицо и склонил вниз голову.
Suddenly he turned pale, got up from his chair, looked at Sonia, and without uttering a word sat down mechanically on her bed.	Вдруг он побледнел, встал со стула, посмотрел на Соню и, ничего не выговорив, пересел на ее постель.

His sensations that moment were terribly like the moment when he had stood over the old woman with the axe in his hand and felt that "he must not lose another minute."	Эта минута была ужасно похожа, в его ощущении, на ту, когда он стоял за старухой, уже высвободив из петли топор, и почувствовал, что уже "ни мгновения нельзя было терять более".
"What's the matter?" asked Sonia, dreadfully frightened.	- Что с вами? - спросила Соня, ужасно оробевшая.
He could not utter a word.	Он ничего не мог выговорить.
This was not at all, not at all the way he had intended to "tell" and he did not understand what was happening to him now.	Он совсем, совсем не так предполагал объявить и сам не понимал того, что теперь с ним делалось.
She went up to him, softly, sat down on the bed beside him and waited, not taking her eyes off him.	Она тихо подошла к нему, села на постель подле и ждала, не сводя с него глаз.
Her heart throbbed and sank.	Сердце ее стучало и замирало.
It was unendurable; he turned his deadly pale face to her. His lips worked, helplessly struggling to utter something.	Стало невыносимо: он обернул к ней мертво-бледное лицо свое; губы его бессильно кривились, усиливаясь что-то выговорить.
A pang of terror passed through Sonia's heart.	Ужас прошел по сердцу Сони.
"What's the matter?" she repeated, drawing a little away from him.	- Что с вами? - повторила она, слегка от него отстраняясь.
"Nothing, Sonia, don't be frightened....	- Ничего, Соня. Не пугайся...
It's nonsense.	Вздор!
It really is nonsense, if you think of it," he muttered, like a man in delirium.	Право, если рассудить, - вздор, - бормотал он с видом себя не помнящего человека в бреду.
"Why have I come to torture you?" he added suddenly, looking at her.	- Зачем только тебя-то я пришел мучить? - прибавил он вдруг, смотря на нее.
"Why, really?	- Право. Зачем?
I keep asking myself that question, Sonia...."	Я все задаю себе этот вопрос, Соня...
He had perhaps been asking himself that question a quarter of an hour before, but now he spoke helplessly, hardly knowing what he said and feeling a continual	Он, может быть, и задавал себе этот вопрос четверть часа назад, но теперь проговорил в полном бессилии, едва себя сознавая и ощущая непрерывную дрожь во всем

tremor all over.	своем теле.
"Oh, how you are suffering!" she muttered in distress, looking intently at him.	- Ох, как вы мучаетесь! - с страданием произнесла она, вглядываясь в него.
"It's all nonsense....	- Все вздор!..
Listen, Sonia." He suddenly smiled, a pale helpless smile for two seconds. "You remember what I meant to tell you yesterday?"	Вот что, Соня (он вдруг отчего-то улыбнулся, как-то бледно и бессильно, секунды на две), -помнишь ты, что я вчера хотел тебе сказать?
Sonia waited uneasily.	Соня беспокойно ждала.
"I said as I went away that perhaps I was saying good-bye for ever, but that if I came to-day I would tell you who... who killed Lizaveta."	- Я сказал, уходя, что, может быть, прощаюсь с тобой навсегда, но что если приду сегодня, то скажу тебе... кто убил Лизавету.
She began trembling all over.	Она вдруг задрожала всем телом.

"Well, here I've come to tell you."	- Ну так вот, я и пришел сказать.
"Then you really meant it yesterday?" she whispered with difficulty. "How do you know?" she asked quickly, as though suddenly regaining her reason.	- Так вы это в самом деле вчера... - с трудом прошептала она, - почему ж вы знаете? - быстро спросила она, как будто вдруг опомнившись.
Sonia's face grew paler and paler, and she breathed painfully.	Соня начала дышать с трудом. Лицо становилось все бледнее и бледнее.
"I know."	- Знаю.
She paused a minute.	Она помолчала с минуту.
"Have they found him?" she asked timidly.	- Нашли, что ли, его? - робко спросила она.
"No."	- Нет, не нашли.
"Then how do you know about _it_?" she asked again, hardly audibly and again after a minute's pause.	- Так как же вы про это знаете? - опять чуть слышно спросила она, и опять почти после минутного молчания.
He turned to her and looked very intently at her.	Он обернулся к ней и пристально-пристально посмотрел на нее.
"Guess," he said, with the same distorted helpless smile.	- Угадай, - проговорил он с прежнею искривленною и бессильною улыбкой.
A shudder passed over her.	Точно конвульсии пробежали по всему ее телу.
"But you... why do you frighten me like	- Да вы... меня... что же вы меня так... пугаете? -проговорила она, улыбаясь как

this?" she said, smiling like a child.	ребенок.
"I must be a great friend of _his_... since I know," Raskolnikov went on, still gazing into her face, as though he could not turn his eyes away. "He... did not mean to kill that Lizaveta... he... killed her accidentally....	- Стало быть, я с ним приятель большой... коли знаю, - продолжал Раскольников, неотступно продолжая смотреть в ее лицо, точно уже был не в силах отвести глаз, - он Лизавету эту... убить не хотел... Он ее... убил нечаянно...
He meant to kill the old woman when she was alone and he went there... and then Lizaveta came in... he killed her too."	Он старуху убить хотел... когда она была одна... и пришел... А тут вошла Лизавета... Он тут... и ее убил.
Another awful moment passed.	Прошла еще ужасная минута.
Both still gazed at one another.	Оба все глядели друг на друга.
"You can't guess, then?" he asked suddenly, feeling as though he were flinging himself down from a steep.	- Так не можешь угадать-то? - спросил он вдруг, с тем ощущением, как бы бросался вниз с колокольни.
"N-no..." whispered Sonia.	- Н-нет, - чуть слышно прошептала Соня.
"Take a good look."	- Погляди-ка хорошенько.
As soon as he had said this again, the same familiar sensation froze his heart. He looked at her and all at once seemed to see in her face the face of Lizaveta.	И как только он сказал это, опять одно прежнее, знакомое ощущение оледенило вдруг его душу: он смотрел на нее и вдруг, в ее лице, как бы увидел лицо Лизаветы.
He remembered clearly the expression in Lizaveta's face, when he approached her with the axe and she stepped back to the wall, putting out her hand, with childish terror in her face, looking as little children do when they begin to be frightened of something, looking intently and uneasily at what frightens them, shrinking back and holding out their little hands on the point of crying.	Он ярко запомнил выражение лица Лизаветы, когда он приближался к ней тогда с топором, а она отходила от него к стене, выставив вперед руку, с совершенно детским испугом в лице, точь-в-точь как маленькие дети, когда они вдруг начинают чего-нибудь пугаться, смотрят неподвижно и беспокойно на пугающий их предмет, отстраняются назад и, протягивая вперед ручонку, готовятся заплакать.
Almost the same thing happened now to Sonia. With the same helplessness and the same terror, she looked at him for a while and, suddenly putting out her left hand, pressed her fingers faintly against his breast and slowly began to get up from the bed, moving further from him and keeping her eyes fixed even more immovably on him.	Почти то же самое случилось теперь и с Соней: так же бессильно, с тем же испугом, смотрела она на него несколько времени и вдруг, выставив вперед левую руку, слегка, чуть-чуть, уперлась ему пальцами в грудь и медленно стала подниматься с кровати, все более и более от него отстраняясь, и все неподвижнее становился ее взгляд на него.

Her terror infected him. The same fear showed itself on his face. In the same way he stared at her and almost with the same _childish_ smile.	Ужас ее вдруг сообщился и ему: точно такой же испуг показался и в его лице, точно так же и он стал смотреть на нее, и почти даже с тою же детскою улыбкой.
"Have you guessed?" he whispered at last.	- Угадала? - прошептал он наконец.
"Good God!" broke in an awful wail from her bosom.	- Господи! - вырвался ужасный вопль из груди ее.
She sank helplessly on the bed with her face in the pillows, but a moment later she got up, moved quickly to him, seized both his hands and, gripping them tight in her thin fingers, began looking into his face again with the same intent stare.	Бессильно упала она на постель, лицом в подушки. Но через мгновение быстро приподнялась, быстро придвинулась к нему, схватила его за обе руки и, крепко сжимая их, как в тисках, тонкими своими пальцами, стала опять неподвижно, точно приклеившись, смотреть в его лицо.
In this last desperate look she tried to look into him and catch some last hope.	Этим последним, отчаянным взглядом она хотела высмотреть и уловить хоть какую-нибудь последнюю себе надежду.
But there was no hope; there was no doubt remaining; it was all true!	Но надежды не было; сомнения не оставалось никакого; все было так!
Later on, indeed, when she recalled that moment, she thought it strange and wondered why she had seen at once that there was no doubt.	Даже потом, впоследствии, когда она припоминала эту минуту, ей становилось и странно, и чудно: почему именно она так сразу увидела тогда, что нет уже никаких сомнений?
She could not have said, for instance, that she had foreseen something of the sort-- and yet now, as soon as he told her, she suddenly fancied that she had really foreseen this very thing.	Ведь не могла же она сказать, например, что она что-нибудь в этом роде предчувствовала? А между тем, теперь, только что он сказал ей это, ей вдруг показалось, что действительно она как будто это самое и предчувствовала.
"Stop, Sonia, enough! don't torture me," he begged her miserably.	- Полно, Соня, довольно! Не мучь меня! - страдальчески попросил он.
It was not at all, not at all like this he had thought of telling her, but this is how it happened.	Он совсем, совсем не так думал открыть ей, но вышло так.

She jumped up, seeming not to know what she was doing, and, wringing her hands, walked into the middle of the room; but quickly went back and sat down again beside him, her shoulder almost touching his.	Как бы себя не помня, она вскочила и, ломая руки, дошла до середины комнаты; но быстро воротилась и села опять подле него, почти прикасаясь к нему плечом к плечу.
--	--

All of a sudden she started as though she had been stabbed, uttered a cry and fell on her knees before him, she did not know why.	Вдруг, точно пронзенная, она вздрогнула, вскрикнула и бросилась, сама не зная для чего перед ним на колени.
"What have you done--what have you done to yourself?" she said in despair, and, jumping up, she flung herself on his neck, threw her arms round him, and held him tightly.	- Что вы, что вы это над собой сделали! - отчаянно проговорила она и, вскочив с колен, бросилась ему на шею, обняла его и крепко-крепко сжала его руками.
Raskolnikov drew back and looked at her with a mournful smile.	Раскольников отшатнулся и с грустной улыбкой посмотрел на нее:
"You are a strange girl, Sonia--you kiss me and hug me when I tell you about that....	- Странная какая ты, Соня, - обнимаешь и целуешь, когда я тебе сказал про это.
You don't think what you are doing."	Себя ты не помнишь.
"There is no one--no one in the whole world now so unhappy as you!" she cried in a frenzy, not hearing what he said, and she suddenly broke into violent hysterical weeping.	- Нет, нет тебя несчастнее никого теперь в целом свете! - воскликнула она, как в исступлении, не слыхав его замечания, и вдруг заплакала навзрыд, как в истерике.
A feeling long unfamiliar to him flooded his heart and softened it at once.	Давно уже незнакомое ему чувство волной хлынуло в его душу и разом размягчило ее.
He did not struggle against it. Two tears started into his eyes and hung on his eyelashes.	Он не сопротивлялся ему: две слезы выкатились из его глаз и повисли на ресницах.
"Then you won't leave me, Sonia?" he said, looking at her almost with hope.	- Так не оставишь меня, Соня? - говорил он, чуть не с надеждой смотря на нее.
"No, no, never, nowhere!" cried Sonia. "I will follow you, I will follow you everywhere.	- Нет, нет; никогда и нигде! - вскрикнула Соня, -за тобой пойду, всюду пойду!
Oh, my God!	О господи!..
Oh, how miserable I am!...	Ох, я несчастная!..
Why, why didn't I know you before!	И зачем, зачем я тебя прежде не знала!
Why didn't you come before?	Зачем ты прежде не приходил?
Oh, dear!"	О господи!

"Here I have come."	- Вот и пришел.
"Yes, now!	- Теперь-то!
What's to be done now?...	О, что теперь делать!...
Together, together!" she repeated as it were unconsciously, and she hugged him again. "I'll follow you to Siberia!"	Вместе, вместе! - повторяла она как бы в забытьи и вновь обнимала его, - в каторгу с тобой вместе пойду!
He recoiled at this, and the same hostile, almost haughty smile came to his lips.	- Его как бы вдруг передернуло, прежняя, ненавистная и почти надменная улыбка выдавилась на губах его.

"Perhaps I don't want to go to Siberia yet, Sonia," he said.	- Я, Соня, еще в каторгу-то, может, и не хочу идти, - сказал он.
Sonia looked at him quickly.	Соня быстро на него посмотрела.
Again after her first passionate, agonising sympathy for the unhappy man the terrible idea of the murder overwhelmed her.	После первого, страстного и мучительного сочувствия к несчастному опять страшная идея убийства поразила ее.
In his changed tone she seemed to hear the murderer speaking.	В переменившемся тоне его слов ей вдруг послышался убийца.
She looked at him bewildered.	Она с изумлением глядела на него.
She knew nothing as yet, why, how, with what object it had been.	Ей ничего еще не было известно, ни зачем, ни как, ни для чего это было.
Now all these questions rushed at once into her mind.	Теперь все эти вопросы разом вспыхнули в ее сознании.
And again she could not believe it:	И опять она не поверила:
"He, he is a murderer!	"Он, он убийца!
Could it be true?"	Да разве это возможно?"
"What's the meaning of it?	- Да что это!
Where am I?" she said in complete bewilderment, as though still unable to recover herself. "How could you, you, a man like you.... How could you bring yourself to it?...	Да где это я стою! - проговорила она в глубоком недоумении, как будто еще не придя в себя, - да как вы, вы, такой... могли на это решиться?..
What does it mean?"	Да что это!
"Oh, well--to plunder.	- Ну да, чтобы ограбить.
Leave off, Sonia," he answered wearily, almost with vexation.	Перестань, Соня! - как-то устало и даже как бы с досадой ответил он.

Sonia stood as though struck dumb, but suddenly she cried:	Соня стояла как бы ошеломленная, но вдруг вскричала:
"You were hungry! It was... to help your mother?	- Ты был голоден! ты... чтобы матери помочь?
Yes?"	Да?
"No, Sonia, no," he muttered, turning away and hanging his head. "I was not so hungry.... I certainly did want to help my mother, but... that's not the real thing either.... Don't torture me, Sonia."	- Нет, Соня, нет, - бормотал он, отвернувшись и свесив голову, - не был я так голоден... я действительно хотел помочь матери, но... и это не совсем верно... не мучь меня, Соня!
Sonia clasped her hands.	Соня всплеснула руками.
"Could it, could it all be true?	- Да неужель, неужель это все взаправду!
Good God, what a truth!	Господи, да какая ж это правда!
Who could believe it?	Кто же этому может поверить?..
And how could you give away your last farthing and yet rob and murder!	И как же, как же вы сами последнее отдаете, а убили, чтоб ограбить!
Ah," she cried suddenly, "that money you gave Katerina Ivanovna... that money....	А!.. - вскрикнула она вдруг, - те деньги, что Катерине Ивановне отдали... те деньги...

Can that money..."	Господи, да неужели ж и те деньги...
"No, Sonia," he broke in hurriedly, "that money was not it. Don't worry yourself!	- Нет, Соня, - торопливо прервал он, - эти деньги были не те, успокойся!
That money my mother sent me and it came when I was ill, the day I gave it to you....	Эти деньги мне мать прислала, через одного купца, и получил я их больной, в тот же день, как и отдал...
Razumihin saw it... he received it for me.... That money was mine--my own."	Разумихин видел... он же и получал за меня... эти деньги мои, мои собственные, настоящие мои.
Sonia listened to him in bewilderment and did her utmost to comprehend.	Соня слушала его в недоумении и из всех сил старалась что-то сообразить.
"And that money.... I don't even know really whether there was any money," he added softly, as though reflecting. "I took a purse off her neck, made of chamois leather... a purse stuffed full of something... but I didn't look in it; I suppose I hadn't time....	- А те деньги... я, впрочем, даже и не знаю, были ли там и деньги-то, - прибавил он тихо и как бы в раздумье, - я снял у ней тогда кошелек с шеи, замшевый... полный, тугой такой кошелек... да я не посмотрел в него; не успел, должно быть...
	Ну а вещи, какие-то все запонки да

And the things--chains and trinkets--I buried under a stone with the purse next morning in a yard off the V— Prospect.	цепочки, - я все эти вещи и кошелек на чужом одном дворе, на В-м проспекте под камень схоронил, на другое же утро...
They are all there now...."	Все там и теперь лежит...
Sonia strained every nerve to listen.	Соня из всех сил слушала.
"Then why... why, you said you did it to rob, but you took nothing?" she asked quickly, catching at a straw.	- Ну, так зачем же... как же вы сказали: чтоб ограбить, а сами ничего не взяли? - быстро спросила она, хватаясь за соломинку.
"I don't know.... I haven't yet decided whether to take that money or not," he said, musing again; and, seeming to wake up with a start, he gave a brief ironical smile.	- Не знаю... я еще не решил - возьму или не возьму эти деньги, - промолвил он, опять как бы в раздумье, и вдруг, опомнившись, быстро и коротко усмехнулся.
"Ach, what silly stuff I am talking, eh?"	- Эх, какую я глупость сейчас сморозил, а?
The thought flashed through Sonia's mind, wasn't he mad?	У Сони промелькнула было мысль: "Не сумасшедший ли?"
But she dismissed it at once. "No, it was something else."	Но тотчас же она ее оставила: нет, тут другое.
She could make nothing of it, nothing.	Ничего, ничего она тут не понимала!
"Do you know, Sonia," he said suddenly with conviction, "let me tell you: if I'd simply killed because I was hungry," laying stress on every word and looking enigmatically but sincerely at her, "I should be _happy_ now.	- Знаешь, Соня, - сказал он вдруг с каким-то вдохновением, - знаешь, что я тебе скажу: если б только я зарезал из того, что голоден был, - продолжал он, упирая в каждое слово и загадочно, но искренно смотря на нее, - то я бы теперь... счастлив был!
You must believe that!	Знай ты это!
What would it matter to you," he cried a moment later with a sort of despair, "what would it matter to you if I were to confess that I did wrong?	- И что тебе, что тебе в том, - вскричал он через мгновение с каким-то даже отчаянием, - ну что тебе в том, если б я и сознался сейчас, что дурно сделал?
What do you gain by such a stupid triumph over me?	Ну что тебе в этом глупом торжестве надо мною?
Ah, Sonia, was it for that I've come to you to-day?"	Ах, Соня, для того ли я пришел к тебе теперь!
Again Sonia tried to say something, but did not speak.	Соня опять хотела было что-то сказать, но промолчала.

"I asked you to go with me yesterday because you are all I have left."	- Потому я и звал с собою тебя вчера, что одна ты у меня и осталась.
"Go where?" asked Sonia timidly.	- Куда звал? - робко спросила Соня.
"Not to steal and not to murder, don't be anxious," he smiled bitterly. "We are so different...."	- Не воровать и не убивать, не беспокойся, не за этим, - усмехнулся он едко, - мы люди разные...
And you know, Sonia, it's only now, only this moment that I understand _where_ I asked you to go with me yesterday!	И знаешь, Соня, я ведь только теперь, только сейчас понял: куда тебя звал вчера?
Yesterday when I said it I did not know where.	А вчера, когда звал, я и сам не понимал куда.
I asked you for one thing, I came to you for one thing--not to leave me.	За одним и звал, за одним приходил: не оставить меня.
You won't leave me, Sonia?"	Не оставишь, Соня?
She squeezed his hand.	Она стиснула ему руку.
"And why, why did I tell her? Why did I let her know?" he cried a minute later in despair, looking with infinite anguish at her. "Here you expect an explanation from me, Sonia; you are sitting and waiting for it, I see that.	- И зачем, зачем я ей сказал, зачем я ей открыл! - в отчаянии воскликнул он через минуту, с бесконечным мучением смотря на нее, - вот ты ждешь от меня объяснений, Соня, сидишь и ждешь, я это вижу; а что я скажу тебе?
But what can I tell you? You won't understand and will only suffer misery... on my account!	Ничего ведь ты не поймешь в этом, а только исстрадаешься вся... из-за меня!
Well, you are crying and embracing me again. Why do you do it?	Ну вот, ты плачешь и опять меня обнимаешь, - ну за что ты меня обнимаешь?
Because I couldn't bear my burden and have come to throw it on another: you suffer too, and I shall feel better!	За то, что я сам не вынес и на другого пришел свалить: "страдай и ты, мне легче будет!"
And can you love such a mean wretch?"	И можешь ты любить такого подлеца?
"But aren't you suffering, too?" cried Sonia.	- Да разве ты тоже не мучаешься? - вскричала Соня.
Again a wave of the same feeling surged into his heart, and again for an instant softened it.	Опять то же чувство волной хлынуло в его душу и опять на миг размягчило ее.
"Sonia, I have a bad heart, take note of that.	- Соня, у меня сердце злое, ты это заметь: этим можно многое объяснить.
It may explain a great deal.	Я потому и пришел, что зол.

I have come because I am bad. There are men who wouldn't have come.	Есть такие, которые не пришли бы.
But I am a coward and... a mean wretch.	А я трус и... подлец!
But... never mind! That's not the point.	Но... пусть! все это не то...
I must speak now, but I don't know how to begin."	Говорить теперь надо, а я начать не умею...

He paused and sank into thought.	Он остановился и задумался.
"Ach, we are so different," he cried again, "we are not alike.	- Э-эх, люди мы разные! - вскричал он опять, - не пара.
And why, why did I come?	И зачем, зачем я пришел!
I shall never forgive myself that."	Никогда не прощу себе этого!
"No, no, it was a good thing you came," cried Sonia.	- Нет, нет, это хорошо, что пришел! - восклицала Соня, - это лучше, чтоб я знала!
"It's better I should know, far better!"	Гораздо лучше!
He looked at her with anguish.	Он с болью посмотрел на нее.
"What if it were really that?" he said, as though reaching a conclusion. "Yes, that's what it was!	- А что и в самом деле! - сказал он, как бы надумавшись, - ведь это ж так и было!
I wanted to become a Napoleon, that is why I killed her....	Вот что: я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил...
Do you understand now?"	Ну, понятно теперь?
"N-no," Sonia whispered naively and timidly. "Only speak, speak, I shall understand, I shall understand _in myself_!" she kept begging him.	- Н-нет, - наивно и робко прошептала Соня, -только... говори, говори! Я пойму, я про себя все пойму! - упрашивала она его.
"You'll understand?"	- Поймешь?
Very well, we shall see!"	Ну, хорошо, посмотрим!
He paused and was for some time lost in meditation.	Он замолчал и долго обдумывал.
"It was like this: I asked myself one day this question--what if Napoleon, for instance, had happened to be in my place, and if he had not had Toulon nor Egypt nor the passage of Mont Blanc to begin his career with, but instead of all those	- Штука в том: я задал себе один раз такой вопрос: что если бы, например, на моем месте случился Наполеон и не было бы у него, чтобы карьере начать, ни Тулона, ни Египта, ни перехода через Монблан, а была бы вместо этих красивых и монументальных

picturesque and monumental things, there had simply been some ridiculous old hag, a pawnbroker, who had to be murdered too to get money from her trunk (for his career, you understand). Well, would he have brought himself to that if there had been no other means?	вещей просто-запросто одна какая-нибудь смешная старушонка, легистраторша, которую вдобавок надо убить, чтоб из сундука у ней деньги стащить (для карьеры-то, понимаешь?), ну, так решился ли бы он на это, если бы другого выхода не было?
Wouldn't he have felt a pang at its being so far from monumental and... and sinful, too?	Не покоробился ли бы оттого, что это уж слишком не монументально и... и грешно?
Well, I must tell you that I worried myself fearfully over that 'question' so that I was awfully ashamed when I guessed at last (all of a sudden, somehow) that it would not have given him the least pang, that it would not even have struck him that it was not monumental... that he would not have seen that there was anything in it to pause over, and that, if he had had no other way, he would have strangled her in a minute without thinking about it!	Ну, так я тебе говорю, что на этом "вопросе" я промучился ужасно долго, так что ужасно стыдно мне стало, когда я наконец догадался (вдруг как-то), что не только его не покоробило бы, но даже и в голову бы ему не пришло, что это не монументально... и даже не понял бы он совсем: чего тут коробиться? И уж если бы только не было ему другой дороги, то задушил бы так, что и пикнуть бы не дал, без всякой задумчивости!..
Well, I too... left off thinking about it... murdered her, following his example.	Ну и я... вышел из задумчивости... задушил... по примеру авторитета...

And that's exactly how it was!	И это точь-в-точь так и было!
Do you think it funny?	Тебе смешно?
Yes, Sonia, the funniest thing of all is that perhaps that's just how it was."	Да, Соня, тут всего смешнее то, что, может, именно оно так и было...
Sonia did not think it at all funny.	Соне вовсе не было смешно.
"You had better tell me straight out... without examples," she begged, still more timidly and scarcely audibly.	- Вы лучше говорите мне прямо... без примеров, -еще робче и чуть слышно попросила она.
He turned to her, looked sadly at her and took her hands.	Он повернулся к ней, грустно посмотрел на нее и взял ее за руки.
"You are right again, Sonia.	- Ты опять права, Соня.
Of course that's all nonsense, it's almost all talk!	Это все ведь вздор, почти одна болтовня!
You see, you know of course that my mother has scarcely anything, my sister happened to have a good education and was condemned to drudge as a governess.	Видишь: ты ведь знаешь, что у матери моей почти ничего нет. Сестра получила воспитание, случайно, и осуждена таскаться в гувернантках.

All their hopes were centered on me.	Все их надежды были на одного меня.
I was a student, but I couldn't keep myself at the university and was forced for a time to leave it.	Я учился, но содержать себя в университете не мог и на время принужден был выйти.
Even if I had lingered on like that, in ten or twelve years I might (with luck) hope to be some sort of teacher or clerk with a salary of a thousand roubles" (he repeated it as though it were a lesson) "and by that time my mother would be worn out with grief and anxiety and I could not succeed in keeping her in comfort while my sister... well, my sister might well have fared worse!	Если бы даже и так тянулось, то лет через десять, через двенадцать (если б обернулись хорошо обстоятельства) я все-таки мог надеяться стать каким-нибудь учителем или чиновником, с тысячью рублями жалованья... (Он говорил как будто заученное.) А к тому времени мать высохла бы от забот и от горя, и мне все-таки не удалось бы успокоить ее, а сестра... ну, с сестрой могло бы еще и хуже случиться!..
And it's a hard thing to pass everything by all one's life, to turn one's back upon everything, to forget one's mother and decorously accept the insults inflicted on one's sister.	Да и что за охота всю жизнь мимо всего проходить и от всего отвертываться, про мать забыть, а сестрину обиду, например, почтительно перенести?
Why should one?	Для чего?
When one has buried them to burden oneself with others--wife and children--and to leave them again without a farthing?	Для того ль, чтоб, их схоронив, новых нажить -жену да детей, и тоже потом без гроша и без куска оставить?
So I resolved to gain possession of the old woman's money and to use it for my first years without worrying my mother, to keep myself at the university and for a little while after leaving it--and to do this all on a broad, thorough scale, so as to build up a completely new career and enter upon a new life of independence....	Ну... ну, вот я и решил, завладев старухиными деньгами, употребить их на мои первые годы, не мучая мать, на обеспечение себя в университете, на первые шаги после университета, - и сделать все это широко, радикально, так чтоб уж совершенно всю новую карьеру устроить и на новую, независимую дорогу стать...
Well... that's all....	Ну... ну, вот и все...

Well, of course in killing the old woman I did wrong.... Well, that's enough."	Ну, разумеется, что я убил старуху, - это я худо сделал... ну, и довольно!
He struggled to the end of his speech in exhaustion and let his head sink.	В каком-то бессилии дотащился он до конца рассказа и поник головой.
"Oh, that's not it, that's not it," Sonia cried in distress. "How could one... no, that's not right, not right."	- Ох, это не то, не то, - в тоске восклицала Соня, -и разве можно так... нет, это не так, не так!

"You see yourself that it's not right.	- Сама видишь, что не так!..
But I've spoken truly, it's the truth."	А я ведь искренно рассказал, правду!
"As though that could be the truth!	- Да какая ж это правда!
Good God!"	О господи!
"I've only killed a louse, Sonia, a useless, loathsome, harmful creature."	- Я ведь только вошь убил, Соня, бесполезную, гадкую, зловредную.
"A human being--a louse!"	- Это человек-то вошь!
"I too know it wasn't a louse," he answered, looking strangely at her.	- Да ведь и я знаю, что не вошь, - ответил он, странно смотря на нее.
"But I am talking nonsense, Sonia," he added. "I've been talking nonsense a long time....	- А впрочем, я вру, Соня, - прибавил он, - давно уже вру...
That's not it, you are right there.	Это все не то; ты справедливо говоришь.
There were quite, quite other causes for it!	Совсем, совсем, совсем тут другие причины!..
I haven't talked to anyone for so long, Sonia....	Я давно ни с кем не говорил, Соня...
My head aches dreadfully now."	Голова у меня теперь очень болит.
His eyes shone with feverish brilliance.	Глаза его горели лихорадочным огнем.
He was almost delirious; an uneasy smile strayed on his lips.	Он почти начинал бредить; беспокойная улыбка бродила на его губах.
His terrible exhaustion could be seen through his excitement.	Сквозь возбужденное состояние духа уже проглядывало страшное бессилие.
Sonia saw how he was suffering.	Соня поняла, как он мучается.
She too was growing dizzy.	У ней тоже голова начинала кружиться.
And he talked so strangely; it seemed somehow comprehensible, but yet...	И странно он так говорил: как будто и понятно что-то, но... "но как же!
"But how, how!	Как же!
Good God!"	О господи!"
And she wrung her hands in despair.	И она ломала руки в отчаянии.
"No, Sonia, that's not it," he began again suddenly, raising his head, as though a new and sudden train of thought had struck and as it were roused him--"that's not it!	- Нет, Соня, это не то! - начал он опять, вдруг поднимая голову, как будто внезапный поворот мыслей поразил и вновь возбудил его, - это не то!

Better... imagine--yes, it's certainly

А лучше... предположи (да! этак

better--imagine that I am vain, envious, malicious, base, vindictive and... well, perhaps with a tendency to insanity. (Let's have it all out at once!	действительно лучше!), предположи, что я самолюбив, завистлив, зол, мерзок, мстителен, ну... и, пожалуй, еще склонен к сумасшествию. (Уж пусть все зараз!
They've talked of madness already, I noticed.) I told you just now I could not keep myself at the university.	Про сумасшествие-то говорили и прежде, я заметил!) Я вот тебе сказал давеча, что в университете себя содержать не мог.
But do you know that perhaps I might have done?	А знаешь ли ты, что я, может, и мог?
My mother would have sent me what I needed for the fees and I could have earned enough for clothes, boots and food, no doubt.	Мать прислала бы, чтобы внести, что надо, а на сапоги, платье и хлеб я бы и сам заработал; наверно!
Lessons had turned up at half a rouble.	Уроки выходили; по полтиннику предлагали.
Razumihin works!	Работает же Разумихин!
But I turned sulky and wouldn't. (Yes, sulkiness, that's the right word for it!) I sat in my room like a spider.	Да я озлился и не захотел. Именно озлился (это слово хорошее!). Я тогда, как паук, к себе в угол забился.
You've been in my den, you've seen it....	Ты ведь была в моей конуре, видела...
And do you know, Sonia, that low ceilings and tiny rooms cramp the soul and the mind?	А знаешь ли, Соня, что низкие потолки и тесные комнаты душу и ум теснят!
Ah, how I hated that garret!	О, как ненавидел я эту конуру!
And yet I wouldn't go out of it!	А все-таки выходить из нее не хотел.
I wouldn't on purpose!	Нарочно не хотел!
I didn't go out for days together, and I wouldn't work, I wouldn't even eat, I just lay there doing nothing.	По суткам не выходил, и работать не хотел, и даже есть не хотел, все лежал.
If Nastasya brought me anything, I ate it, if she didn't, I went all day without; I wouldn't ask, on purpose, from sulkiness!	Принесет Настасья - поем, не принесет - так и день пройдет; нарочно со зла не спрашивал!
At night I had no light, I lay in the dark and I wouldn't earn money for candles.	Ночью огня нет, лежу в темноте, а на свечи не хочу заработать.
I ought to have studied, but I sold my books; and the dust lies an inch thick on the notebooks on my table.	Надо было учиться, я книги распродал; а на столе у меня, на записках да на тетрадях, на палец и теперь пыли лежит.
I preferred lying still and thinking.	Я лучше любил лежать и думать.

And I kept thinking....	И все думал...
And I had dreams all the time, strange dreams of all sorts, no need to describe!	И все такие у меня были сны, странные, разные сны, нечего говорить какие!
Only then I began to fancy that...	Но только тогда начало мне мерещиться, что...
No, that's not it!	Нет, это не так!
Again I am telling you wrong!	Я опять не так рассказываю!

You see I kept asking myself then: why am I so stupid that if others are stupid--and I know they are--yet I won't be wiser?	Видишь, я тогда все себя спрашивал: зачем я так глуп, что если другие глупы и коли я знаю уж наверно, что они глупы, то сам не хочу быть умнее?
Then I saw, Sonia, that if one waits for everyone to get wiser it will take too long....	Потом я узнал, Соня, что если ждать, пока все станут умными, то слишком уж долго будет...
Afterwards I understood that that would never come to pass, that men won't change and that nobody can alter it and that it's not worth wasting effort over it.	Потом я еще узнал, что никогда этого и не будет, что не переменятся люди, и не переделать их никому, и труда не стоит тратить!
Yes, that's so.	Да, это так!
That's the law of their nature, Sonia,... that's so!...	Это их закон... Закон, Соня! Это так!..
And I know now, Sonia, that whoever is strong in mind and spirit will have power over them.	И я теперь знаю, Соня, что кто крепок и силен умом и духом, тот над ними и властелин!
Anyone who is greatly daring is right in their eyes.	Кто много посмеет, тот у них и прав.
He who despises most things will be a lawgiver among them and he who dares most of all will be most in the right!	Кто на большее может плюнуть, тот у них и законодатель, а кто больше всех может посметь, тот и всех правее!
So it has been till now and so it will always be.	Так доселе велось и так всегда будет!
A man must be blind not to see it!"	Только слепой не разглядит!
Though Raskolnikov looked at Sonia as he said this, he no longer cared whether she understood or not.	Раскольников, говоря это, хоть и смотрел на Соню, но уж не заботился более: поймет она или нет.
The fever had complete hold of him; he was in a sort of gloomy ecstasy (he	Лихорадка вполне охватила его. Он был в каком-то мрачном восторге.

certainly had been too long without talking to anyone). Sonia felt that his gloomy creed had become his faith and code.	(Действительно, он слишком долго ни с кем не говорил!) Соня поняла, что этот мрачный катехизис стал его верой и законом.
"I divined then, Sonia," he went on eagerly, "that power is only vouchsafed to the man who dares to stoop and pick it up.	- Я догадался тогда, Соня, - продолжал он восторженно, - что власть дается только тому, кто посмеет наклониться и взять ее.
There is only one thing, one thing needful: one has only to dare!	Тут одно только, одно: стоит только посметь!
Then for the first time in my life an idea took shape in my mind which no one had ever thought of before me, no one!	У меня тогда одна мысль выдумалась, в первый раз в жизни, которую никто и никогда еще до меня не выдумывал! Никто!
I saw clear as daylight how strange it is that not a single person living in this mad world has had the daring to go straight for it all and send it flying to the devil!	Мне вдруг ясно, как солнце, представилось, что как же это ни единый до сих пор не посмел и не смеет, проходя мимо всей этой нелепости, взять просто-запросто все за хвост и стряхнуть к черту!
I... I wanted _to have the daring_... and I killed her. I only wanted to have the daring, Sonia! That was the whole cause of it!"	Я... я захотел осмелиться и убил... я только осмелиться захотел, Соня, вот вся причина!
"Oh hush, hush," cried Sonia, clasping her hands.	- О, молчите, молчите! - вскрикнула Соня, всплеснув руками.

"You turned away from God and God has smitten you, has given you over to the devil!"	- От бога вы отошли, и бог вас поразил, дьяволу предал!..
"Then Sonia, when I used to lie there in the dark and all this became clear to me, was it a temptation of the devil, eh?"	- Кстати, Соня, это когда я в темноте-то лежал и мне все представлялось, это ведь дьявол смущал меня? а?
"Hush, don't laugh, blasphemer! You don't understand, you don't understand!"	- Молчите! Не смейтесь, богохульник, ничего, ничего-то вы не понимаете!
Oh God!	О господи!
He won't understand!"	Ничего-то, ничего-то он не поймет!
"Hush, Sonia! I am not laughing. I know myself that it was the devil leading me.	- Молчи, Соня, я совсем не смеюсь, я ведь и сам знаю, что меня черт тащил.
Hush, Sonia, hush!" he repeated with gloomy insistence.	Молчи, Соня, молчи! - повторил он мрачно и настойчиво.
"I know it all, I have thought it all over and over and whispered it all over to myself, lying there in the dark....	- Я все знаю. Все это я уже передумал и перешептал себе, когда лежал тогда в темноте...

I've argued it all over with myself, every point of it, and I know it all, all!	Все это я сам с собой переспорил, до последней малейшей черты, и все знаю, все!
And how sick, how sick I was then of going over it all!	И так надоела, так надоела мне тогда вся эта болтовня!
I have kept wanting to forget it and make a new beginning, Sonia, and leave off thinking.	Я все хотел забыть и вновь начать, Соня, и перестать болтать!
And you don't suppose that I went into it headlong like a fool?	И неужели ты думаешь, что я как дурак пошел, очертя голову?
I went into it like a wise man, and that was just my destruction.	Я пошел как умник, и это-то меня и сгубило!
And you mustn't suppose that I didn't know, for instance, that if I began to question myself whether I had the right to gain power--I certainly hadn't the right--or that if I asked myself whether a human being is a louse it proved that it wasn't so for me, though it might be for a man who would go straight to his goal without asking questions....	И неужель ты думаешь, что я не знал, например, хоть того, что если уж начал я себя спрашивать и допрашивать: имею ль я право власть иметь? -то, стало быть, не имею права власть иметь. Или что если задаю вопрос: вошь ли человек? - то, стало быть, уж не вошь человек для меня, а вошь для того, кому этого и в голову не заходит и кто прямо без вопросов идет...
If I worried myself all those days, wondering whether Napoleon would have done it or not, I felt clearly of course that I wasn't Napoleon.	Уж если я столько дней промучился: пошел ли бы Наполеон или нет? - так ведь уж ясно чувствовал, что я не Наполеон...
I had to endure all the agony of that battle of ideas, Sonia, and I longed to throw it off: I wanted to murder without casuistry, to murder for my own sake, for myself alone!	Всю, всю муку всей этой болтовни я выдержал, Соня, и всю ее с плеч стряхнуть пожелал: я захотел, Соня, убить без казуистики, убить для себя, для себя одного!
I didn't want to lie about it even to myself.	Я лгать не хотел в этом даже себе!
It wasn't to help my mother I did the murder--that's nonsense--I didn't do the murder to gain wealth and power and to become a benefactor of mankind.	Не для того, чтобы матери помочь, я убил - вздор! Не для того я убил, чтобы, получив средства и власть, сделаться благодетелем человечества.

Nonsense!	Вздор!
I simply did it; I did the murder for myself, for myself alone, and whether I became a benefactor to others, or spent my life like a spider catching men in my web and sucking	Я просто убил; для себя убил, для себя одного: а там стал ли бы я чьим-нибудь благодетелем или всю жизнь, как паук, ловил бы всех в паутину и их всех живые

the life out of men, I couldn't have cared at that moment....	соки высасывал, мне, в ту минуту, все равно должно было быть!..
And it was not the money I wanted, Sonia, when I did it. It was not so much the money I wanted, but something else....	И не деньги, главное, нужны мне были, Соня, когда я убил; не столько деньги нужны были, как другое...
I know it all now....	Я это все теперь знаю...
Understand me! Perhaps I should never have committed a murder again.	Пойми меня: может быть, тою же дорогой идя, я уже никогда более не повторил бы убийства.
I wanted to find out something else; it was something else led me on. I wanted to find out then and quickly whether I was a louse like everybody else or a man.	Мне другое надо было узнать, другое толкало меня под руки: мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек?
Whether I can step over barriers or not, whether I dare stoop to pick up or not, whether I am a trembling creature or whether I have the _right_..."	Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею...
"To kill?"	- Убивать?
Have the right to kill?" Sonia clasped her hands.	Убивать-то право имеете? - всплеснула руками Соня.
"Ach, Sonia!" he cried irritably and seemed about to make some retort, but was contemptuously silent.	- Э-эх, Соня! - вскрикнул он раздражительно, хотел было что-то ей возразить, но презрительно замолчал.
"Don't interrupt me, Sonia.	- Не прерывай меня, Соня!
I want to prove one thing only, that the devil led me on then and he has shown me since that I had not the right to take that path, because I am just such a louse as all the rest.	Я хотел тебе только одно доказать: что черт-то меня тогда потащил, а уж после того мне объяснил, что не имел я права туда ходить, потому что я такая же точно вошь, как и все!
He was mocking me and here I've come to you now!	Насмеялся он надо мной, вот я к тебе и пришел теперь!
Welcome your guest!	Принимай гостя!
If I were not a louse, should I have come to you?	Если б я не вошь был, то пришел ли бы я к тебе?
Listen: when I went then to the old woman's I only went to _try_....	Слушай, когда я тогда к старухе ходил, я только попробовать сходил...
You may be sure of that!"	Так и знай!
"And you murdered her!"	- И убили! Убили!

"But how did I murder her?	- Да ведь как убил-то?
Is that how men do murders?	Разве так убивают?
Do men go to commit a murder as I went then?	Разве так идут убивать, как я тогда шел!
I will tell you some day how I went!	Я тебе когда-нибудь расскажу, как я шел...
Did I murder the old woman?	Разве я старушонку убил?

I murdered myself, not her!	Я себя убил, а не старушонку!
I crushed myself once for all, for ever....	Тут так-таки разом и ухлопал себя, навеки!..
But it was the devil that killed that old woman, not I.	А старушонку эту черт убил, а не я...
Enough, enough, Sonia, enough!	Довольно, довольно, Соня, довольно!
Let me be!" he cried in a sudden spasm of agony, "let me be!"	Оставь меня, - вскричал он вдруг в судорожной тоске, - оставь меня!
He leaned his elbows on his knees and squeezed his head in his hands as in a vise.	Он облокотился на колена и, как в клещах, стиснул себе ладонями голову.
"What suffering!" A wail of anguish broke from Sonia.	- Экое страдание! - вырвался мучительный вопль у Сони.
"Well, what am I to do now?" he asked, suddenly raising his head and looking at her with a face hideously distorted by despair.	- Ну, что теперь делать, говори! - спросил он, вдруг подняв голову и с безобразно искаженным от отчаяния лицом смотря на нее.
"What are you to do?" she cried, jumping up, and her eyes that had been full of tears suddenly began to shine.	- Что делать! - воскликнула она, вдруг вскочив с места, и глаза ее, доселе полные слез, вдруг засверкали.
"Stand up!" (She seized him by the shoulder, he got up, looking at her almost bewildered.) "Go at once, this very minute, stand at the cross-roads, bow down, first kiss the earth which you have defiled and then bow down to all the world and say to all men aloud,	- Встань! (Она схватила его за плечо; он приподнялся, смотря на нее почти в изумлении.) Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух:
' I am a murderer!'	"Я убил!"
Then God will send you life again.	Тогда бог опять тебе жизни пошлет.
Will you go, will you go?" she asked him, trembling all over, snatching his two hands, squeezing them tight in hers and gazing at him with eyes full of fire.	Пойдешь? Пойдешь? - спрашивала она его, вся дрожа, точно в припадке, схватив его за обе руки, крепко стиснув их в своих руках и смотря на него огненным взглядом.
He was amazed at her sudden ecstasy.	Он изумился и был даже поражен ее внезапным восторгом.
"You mean Siberia, Sonia?	- Это ты про каторгу, что ли, Соня?
I must give myself up?" he asked gloomily.	Донести, что ль, на себя надо? - спросил он мрачно.

"Suffer and expiate your sin by it, that's what you must do."	- Страдание принять и искупить себя им, вот что надо.
"No!	- Нет!
I am not going to them, Sonia!"	Не пойду я к ним, Соня.
"But how will you go on living?"	- А жить-то, жить-то как будешь?
What will you live for?" cried Sonia, "how is it possible now?"	Жить-то с чем будешь? - восклицала Соня. - Разве это теперь возможно?
Why, how can you talk to your mother? (Oh, what will become of them now?) But what am I saying?	Ну как ты с матерью будешь говорить? (О, с ними-то, с ними-то что теперь будет!) Да что я!

You have abandoned your mother and your sister already.	Ведь ты уж бросил мать и сестру.
He has abandoned them already!	Вот ведь уж бросил же, бросил.
Oh, God!" she cried, "why, he knows it all himself.	О господи! - вскрикнула она, - ведь он уже это все знает сам!
How, how can he live by himself!	Ну как же, как же без человека-то прожить!
What will become of you now?"	Что с тобой теперь будет!
"Don't be a child, Sonia," he said softly.	- Не будь ребенком, Соня, - тихо проговорил он.
"What wrong have I done them?"	- В чем я виноват перед ними?
Why should I go to them?	Зачем пойду?
What should I say to them?	Что им скажу?
That's only a phantom....	Все это один только призрак...
They destroy men by millions themselves and look on it as a virtue.	Они сами миллионами людей изводят, да еще за добродетель почитают.
They are knaves and scoundrels, Sonia!	Плуты и подлецы они, Соня!..
I am not going to them.	Не пойду.
And what should I say to them--that I murdered her, but did not dare to take the money and hid it under a stone?" he added with a bitter smile.	И что я скажу: что убил, а денег взять не посмел, под камень спрятал? - прибавил он с едкою усмешкой.
"Why, they would laugh at me, and would call me a fool for not getting it.	- Так ведь они же надо мной сами смеяться будут, скажут: дурак, что не взял.

A coward and a fool!	Трус и дурак!
They wouldn't understand and they don't deserve to understand.	Ничего, ничего не поймут они, Соня, и недостойны понять.
Why should I go to them?	Зачем я пойду?
I won't.	Не пойду.
Don't be a child, Sonia...."	Не будь ребенком, Соня...
"It will be too much for you to bear, too much!" she repeated, holding out her hands in despairing supplication.	- Замучаешься, замучаешься, - повторяла она, в отчаянной мольбе простирая к нему руки.
"Perhaps I've been unfair to myself," he observed gloomily, pondering, "perhaps after all I am a man and not a louse and I've been in too great a hurry to condemn myself.	- Я, может, на себя еще наклепал, - мрачно заметил он, как бы в задумчивости, - может, я еще человек, а не вошь и поторопился себя осудить...
I'll make another fight for it."	Я еще поборюсь.
A haughty smile appeared on his lips.	Надменная усмешка выдавливалась на губах его.
"What a burden to bear!	- Этакую-то муку нести!
And your whole life, your whole life!"	Да ведь целую жизнь, целую жизнь!..
"I shall get used to it," he said grimly and thoughtfully.	- Привыкну... - проговорил он угрюмо и вдумчиво.

"Listen," he began a minute later, "stop crying, it's time to talk of the facts: I've come to tell you that the police are after me, on my track...."	- Слушай, - начал он через минуту, - полно плакать, пора о деле: я пришел тебе сказать, что меня теперь ищут, ловят...
"Ach!" Sonia cried in terror.	- Ах, - вскрикнула Соня испуганно.
"Well, why do you cry out?	- Ну что же ты вскрикнула!
You want me to go to Siberia and now you are frightened?	Сама желаешь, чтоб я в каторгу пошел, а теперь испугалась?
But let me tell you: I shall not give myself up.	Только вот что: я им не дамся.
I shall make a struggle for it and they won't do anything to me.	Я еще с ними поборюсь, и ничего не сделают.
They've no real evidence.	Нет у них настоящих улик.
Yesterday I was in great danger and believed I was lost; but to-day things are going better.	Вчера я был в большой опасности и думал, что уж погиб; сегодня же дело поправилось.

All the facts they know can be explained two ways, that's to say I can turn their accusations to my credit, do you understand? And I shall, for I've learnt my lesson.	Все улики их о двух концах, то есть их обвинения я в свою же пользу могу обратить, понимаешь? и обращаю; потому я теперь научился...
But they will certainly arrest me.	Но в острог меня посадят наверно.
If it had not been for something that happened, they would have done so to-day for certain; perhaps even now they will arrest me to-day....	Если бы не один случай, то, может, и сегодня бы посадили, наверно даже, может, еще и посадят сегодня...
But that's no matter, Sonia; they'll let me out again... for there isn't any real proof against me, and there won't be, I give you my word for it.	Только это ничего, Соня: посижу, да и выпустят... потому нет у них ни одного настоящего доказательства и не будет, слово даю.
And they can't convict a man on what they have against me.	А с тем, что у них есть, нельзя упечь человека.
Enough....	Ну, довольно...
I only tell you that you may know....	Я только, чтобы ты знала...
I will try to manage somehow to put it to my mother and sister so that they won't be frightened....	С сестрой и матерью я постараюсь как-нибудь так сделать, чтоб их разуверить и не испугать...
My sister's future is secure, however, now, I believe... and my mother's must be too....	Сестра теперь, впрочем, кажется, обеспечена... стало быть, и мать...
Well, that's all.	Ну, вот и все.
Be careful, though.	Будь, впрочем, осторожна.
Will you come and see me in prison when I am there?"	Будешь ко мне в острог ходить, когда я буду сидеть?
"Oh, I will, I will."	- О, буду! Буду!
They sat side by side, both mournful and dejected, as though they had been cast up by the tempest alone on some deserted shore.	Оба сидели рядом, грустные и убитые, как бы после бури выброшенные на пустой берег одни.

He looked at Sonia and felt how great was her love for him, and strange to say he felt it suddenly burdensome and painful to be so loved.	Он смотрел на Соню и чувствовал, как много на нем было ее любви, и странно, ему стало вдруг тяжело и больно, что его так любят.
Yes, it was a strange and awful sensation!	Да, это было странное и ужасное ощущение!
On his way to see Sonia he had felt that all his hopes rested on her; he expected	Идя к Соне, он чувствовал, что в ней вся его надежда и весь исход; он думал сложить

to be rid of at least part of his suffering, and now, when all her heart turned towards him, he suddenly felt that he was immeasurably unhappier than before.	хоть часть своих мук, и вдруг, теперь, когда все сердце ее обратилось к нему, он вдруг почувствовал и сознал, что он стал беспримерно несчастнее, чем был прежде.
"Sonia," he said, "you'd better not come and see me when I am in prison."	- Соня, - сказал он, - уж лучше не ходи ко мне, когда я буду в остроге сидеть.
Sonia did not answer, she was crying.	Соня не ответила, она плакала.
Several minutes passed.	Прошло несколько минут.
"Have you a cross on you?" she asked, as though suddenly thinking of it.	- Есть на тебе крест? - вдруг неожиданно спросила она, точно вдруг вспомнила.
He did not at first understand the question.	Он сначала не понял вопроса.
"No, of course not.	- Нет, ведь нет?
Here, take this one, of cypress wood.	На, возьми вот этот, кипарисный.
I have another, a copper one that belonged to Lizaveta.	У меня другой остался, медный, Лизаветин.
I changed with Lizaveta: she gave me her cross and I gave her my little ikon.	Мы с Лизаветой крестами поменялись, она мне свой крест, а я ей свой образок дала.
I will wear Lizaveta's now and give you this.	Я теперь Лизаветин стану носить, а этот тебе.
Take it... it's mine!	Возьми... ведь мой!
It's mine, you know," she begged him.	Ведь мой! - упрашивала она.
"We will go to suffer together, and together we will bear our cross!"	- Вместе ведь страдать пойдем, вместе и крест понесем!..
"Give it me," said Raskolnikov.	- Дай! - сказал Раскольников.
He did not want to hurt her feelings.	Ему не хотелось ее огорчить.
But immediately he drew back the hand he held out for the cross.	Но он тотчас же отдернул протянутую за крестомруку.
"Not now, Sonia.	- Не теперь, Соня.
Better later," he added to comfort her.	Лучше потом, - прибавил он, чтоб ее успокоить.
"Yes, yes, better," she repeated with conviction, "when you go to meet your suffering, then put it on.	- Да, да, лучше, лучше, - подхватила она с увлечением, - как пойдешь на страдание, тогда и наденешь.
You will come to me, I'll put it on you, we	Придешь ко мне, я надену на тебя,

will pray and go together."	помолимся и пойдем.
At that moment someone knocked three times at the door.	В это мгновение кто-то три раза стукнул в дверь.
"Sofya Semyonovna, may I come in?" they heard in a very familiar and polite voice.	- Софья Семеновна, можно к вам? - послышался чей-то очень знакомый вежливый голос.
Sonia rushed to the door in a fright.	Соня бросилась к дверям в испуге.
The flaxen head of Mr. Lebeziatnikov appeared at the door.	Белокурая физиономия господина Лебезятникова заглянула в комнату.
CHAPTER V	V
Lebeziatnikov looked perturbed.	Лебезятников имел вид встревоженный.
"I've come to you, Sofya Semyonovna," he began.	- Я к вам, Софья Семеновна.
"Excuse me..."	Извините...
I thought I should find you," he said, addressing Raskolnikov suddenly, "that is, I didn't mean anything... of that sort..."	Я так и думал, что вас застану, - обратился он вдруг к Раскольникову, - то есть я ничего не думал... в этом роде... но я именно думал...
But I just thought... Katerina Ivanovna has gone out of her mind," he blurted out suddenly, turning from Raskolnikov to Sonia.	Там у нас Катерина Ивановна с ума сошла, -отрезал он вдруг Соне, бросив Раскольникова.
Sonia screamed.	Соня вскрикнула.
"At least it seems so.	- То есть оно, по крайней мере, так кажется.
But... we don't know what to do, you see!	Впрочем... Мы там не знаем, что и делать, вот что-с!
She came back--she seems to have been turned out somewhere, perhaps beaten.... So it seems at least,...	Воротилась она - ее откуда-то, кажется, выгнали, может, и прибили... по крайней мере, так кажется...
She had run to your father's former chief, she didn't find him at home: he was dining at some other general's....	Она бегала к начальнику Семена Захарыча, дома не застала; он обедал у какого-то тоже генерала...
Only fancy, she rushed off there, to the other general's, and, imagine, she was so persistent that she managed to get the chief to see her, had him fetched out from dinner, it seems.	Вообразите, она махнула туда, где обедали... к этому другому генералу, и, вообразите, - таки настояла, вызвала начальника Семена Захарыча, да, кажется, еще из-за стола.

You can imagine what happened.	Можете представить, что там вышло.
She was turned out, of course; but, according to her own story, she abused him and threw something at him.	Ее, разумеется, выгнали; а она рассказывает, что она сама его обругала и чем-то в него пустила.
One may well believe it.... How it is she wasn't taken up, I can't understand!	Это можно даже предположить... как ее не взяли -не понимаю!
Now she is telling everyone, including Amalia Ivanovna; but it's difficult to understand her, she is screaming and flinging herself about....	Теперь она всем рассказывает, и Амалии Ивановне, только трудно понять, кричит и бьется...
Oh yes, she shouts that since everyone has abandoned her, she will take the children and go into the street with a barrel-organ, and the children will sing and dance, and she too, and collect money, and will go every day under the general's window... 'to let everyone see well-born children, whose father was an official, begging in the street.'	Ах да: она говорит и кричит, что так как ее все теперь бросили, то она возьмет детей и пойдет на улицу, шарманку носить, а дети будут петь и плясать, и она тоже, и деньги собирать, и каждый день под окно к генералу ходить... "Пусть, говорит, видят, как благородные дети чиновного отца по улицам нищими ходят!"

She keeps beating the children and they are all crying.	Детей всех бьет, те плачут.
She is teaching Lida to sing	Леню учит петь
'My Village,' the boy to dance, Polenka the same. She is tearing up all the clothes, and making them little caps like actors; she means to carry a tin basin and make it tinkle, instead of music....	"Хуторок", мальчика плясать, Полину Михайловну тоже, рвет все платья; делает им какие-то шапочки, как актерам; сама хочет таз нести, чтобы колотить, вместо музыки...
She won't listen to anything....	Ничего не слушает...
Imagine the state of things!	Вообразите, как же это?
It's beyond anything!"	Это уж просто нельзя!
Lebeziatnikov would have gone on, but Sonia, who had heard him almost breathless, snatched up her cloak and hat, and ran out of the room, putting on her things as she went.	Лебезятников продолжал бы и еще, но Соня, слушавшая его едва переводя дыхание, вдруг схватила мантильку, шляпку и выбежала из комнаты, одеваясь на бегу.
Raskolnikov followed her and Lebeziatnikov came after him.	Раскольников вышел вслед за нею, Лебезятников за ним.
"She has certainly gone mad!" he said to Raskolnikov, as they went out into the street. "I didn't want to frighten Sofya Semyonovna, so I said 'it seemed like it,'	- Непременно помешалась! - говорил он Раскольникову, выходя с ним на улицу, - я только не хотел пугать Софью Семеновну и

but there isn't a doubt of it.	сказал: "кажется", но и сомнения нет.
They say that in consumption the tubercles sometimes occur in the brain; it's a pity I know nothing of medicine.	Это, говорят, такие бугорки, в чахотке, на мозгу вскакивают; жаль, что я медицины не знаю.
I did try to persuade her, but she wouldn't listen."	Я, впрочем, пробовал ее убедить, но она ничего не слушает.
"Did you talk to her about the tubercles?"	- Вы ей о бугорках говорили?
"Not precisely of the tubercles.	- То есть не совсем о бугорках.
Besides, she wouldn't have understood!	Притом она ничего бы и не поняла.
But what I say is, that if you convince a person logically that he has nothing to cry about, he'll stop crying.	Но я про то говорю: если убедить человека логически, что, в сущности, ему не о чем плакать, то он перестанет плакать.
That's clear.	Это ясно.
Is it your conviction that he won't?"	А ваше убеждение, что не перестанет?
"Life would be too easy if it were so," answered Raskolnikov.	- Слишком легко тогда было бы жить, - ответил Раскольников.
"Excuse me, excuse me; of course it would be rather difficult for Katerina Ivanovna to understand, but do you know that in Paris they have been conducting serious experiments as to the possibility of curing the insane, simply by logical argument?"	- Позвольте, позвольте; конечно, Катерине Ивановне довольно трудно понять; но известно ли вам, что в Париже уже происходили серьезные опыты относительно возможности излечивать сумасшедших, действуя одним только логическим убеждением?
One professor there, a scientific man of standing, lately dead, believed in the possibility of such treatment.	Один там профессор, недавно умерший, ученый серьезный, вообразил, что так можно лечить.
His idea was that there's nothing really wrong with the physical organism of the insane, and that insanity is, so to say, a logical mistake, an error of judgment, an incorrect view of things.	Основная идея его, что особенного расстройства в организме у сумасшедших нет, а что сумасшествие есть, так сказать, логическая ошибка, ошибка в суждении, неправильный взгляд на вещи.
He gradually showed the madman his error and, would you believe it, they say he was successful?	Он постепенно опровергал больного и, представьте себе, достигал, говорят, результатов!
But as he made use of douches too, how far success was due to that treatment remains uncertain....	Но так как при этом он употреблял и ду'ши, то результаты этого лечения подвергаются, конечно, сомнению...

So it seems at least."	По крайней мере, так кажется...
Raskolnikov had long ceased to listen.	Раскольников давно уже не слушал.
Reaching the house where he lived, he nodded to Lebeziatnikov and went in at the gate.	Поравнявшись с своим домом, он кивнул головой Лебезятникову и повернул в подворотню.
Lebeziatnikov woke up with a start, looked about him and hurried on.	Лебезятников очнулся, огляделся и побежал далее.
Raskolnikov went into his little room and stood still in the middle of it.	Раскольников вошел в свою каморку и стал посреди ее.
Why had he come back here?	"Для чего он воротился сюда?"
He looked at the yellow and tattered paper, at the dust, at his sofa....	Он оглядел эти желтоватые, обшарканные обои, эту пыль, свою кушетку...
From the yard came a loud continuous knocking; someone seemed to be hammering...	Со двора доносился какой-то резкий, непрерывный стук; что-то где-то как будто вколачивали, гвоздь какой-нибудь...
He went to the window, rose on tiptoe and looked out into the yard for a long time with an air of absorbed attention.	Он подошел к окну, поднялся на цыпочки и долго, с видом чрезвычайного внимания, высматривал во дворе.
But the yard was empty and he could not see who was hammering.	Но двор был пуст, и не было видно стучавших.
In the house on the left he saw some open windows; on the window-sills were pots of sickly-looking geraniums.	Налево, во флигеле, виднелись кой-где отворенные окна; на подоконниках стояли горшочки с жиденькой геранью.
Linen was hung out of the windows...	За окнами было вывешено белье...
He knew it all by heart.	Все это он знал наизусть.
He turned away and sat down on the sofa.	Он отвернулся и сел на диван.
Never, never had he felt himself so fearfully alone!	Никогда, никогда еще не чувствовал он себя так ужасно одиноким!
Yes, he felt once more that he would perhaps come to hate Sonia, now that he had made her more miserable.	Да, он почувствовал еще раз, что, может быть, действительно возненавидит Соню, и именно теперь, когда сделал ее несчастнее.
"Why had he gone to her to beg for her tears?	"Зачем ходил он к ней просить ее слез?
What need had he to poison her life?	Зачем ему так необходимо заедать ее жизнь?

Oh, the meanness of it!"	О, подлость!"
--------------------------	---------------

"I will remain alone," he said resolutely, "and she shall not come to the prison!"	- Я останусь один! - проговорил он вдруг решительно, - и не будет она ходить в острог!
Five minutes later he raised his head with a strange smile.	Минут через пять он поднял голову и странно улыбнулся.
That was a strange thought.	Это была странная мысль:
"Perhaps it really would be better in Siberia," he thought suddenly.	"Может, в каторге-то действительно лучше", - подумалось ему вдруг.
He could not have said how long he sat there with vague thoughts surging through his mind.	Он не помнил, сколько он просидел у себя, с толпившимися в голове неопределенными мыслями.
All at once the door opened and Dounia came in.	Вдруг дверь отворилась, и вошла Авдотья Романовна.
At first she stood still and looked at him from the doorway, just as he had done at Sonia; then she came in and sat down in the same place as yesterday, on the chair facing him.	Она сперва остановилась и посмотрела на него с порога, как давеча он на Соню; потом уже прошла и села против него на стул, на вчерашнем своем месте.
He looked silently and almost vacantly at her.	Он молча и как-то без мысли посмотрел на нее.
"Don't be angry, brother; I've only come for one minute," said Dounia.	- Не сердись, брат, я только на одну минуту, - сказала Дуня.
Her face looked thoughtful but not stern.	Выражение лица ее было задумчивое, но не суровое.
Her eyes were bright and soft.	Взгляд был ясный и тихий.
He saw that she too had come to him with love.	Он видел, что и эта с любовью пришла к нему.
"Brother, now I know all, _all_.	- Брат, я теперь знаю все, все.
Dmitri Prokofitch has explained and told me everything.	Мне Дмитрий Прокофьич все объяснил и рассказал.
They are worrying and persecuting you through a stupid and contemptible suspicion....	Тебя преследуют и мучают по глупому и гнусному подозрению...
Dmitri Prokofitch told me that there is no danger, and that you are wrong in looking upon it with such horror.	Дмитрий Прокофьич сказал мне, что никакой нет опасности и что напрасно ты с таким ужасом это принимаешь.
I don't think so, and I fully understand how indignant you must be, and that that indignation may have a permanent effect on you.	Я не так думаю и вполне понимаю, как возмущено в тебе все и что это негодование может оставить следы навеки.

That's what I am afraid of.	Этого я боюсь.
As for your cutting yourself off from us, I don't judge you, I don't venture to judge you, and forgive me for having blamed you for it.	За то, что ты нас бросил, я тебя не сужу и не смею судить, и прости меня, что я попрекнула тебя прежде.
I feel that I too, if I had so great a trouble, should keep away from everyone.	Я сама на себе чувствую, что если б у меня было такое великое горе, то я бы тоже ушла от всех.

I shall tell mother nothing _of thi s_, but I shall talk about you continually and shall tell her from you that you will come very soon.	Матери я про это ничего не расскажу, но буду говорить о тебе непрерывно и скажу от твоего имени, что ты придешь очень скоро.
Don't worry about her; _I_ will set her mind at rest; but don't you try her too much--come once at least; remember that she is your mother.	Не мучайся о ней; я ее успокою; но и ты ее не замучай, - приди хоть раз; вспомни, что она мать!
And now I have come simply to say" (Dounia began to get up) "that if you should need me or should need... all my life or anything... call me, and I'll come.	А теперь я пришла только сказать (Дуня стала подыматься с места), что если, на случай, я тебе в чем понадобится или понадобится тебе... вся моя жизнь, или что... то кликни меня, я приду.
Good-bye!"	Прощай!
She turned abruptly and went towards the door.	Она круто повернула и пошла к двери.
"Dounia!" Raskolnikov stopped her and went towards her. "That Razumihin, Dmitri Prokofitch, is a very good fellow."	- Дуня! - остановил ее Раскольников, встал и подошел к ней, - этот Разумихин, Дмитрий Прокофьич, очень хороший человек.
Dounia flushed slightly.	Дуня чуть-чуть покраснела.
"Well?" she asked, waiting a moment.	- Ну, - спросила она, подождав с минуту.
"He is competent, hardworking, honest and capable of real love....	- Он человек деловой, трудолюбивый, честный и способный сильно любить...
Good-bye, Dounia."	Прощай, Дуня.
Dounia flushed crimson, then suddenly she took alarm.	Дуня вся вспыхнула, потом вдруг встревожилась:
"But what does it mean, brother? Are we really parting for ever that you... give me such a parting message?"	- Да что это, брат, разве мы в самом деле навеки расстаемся, что ты мне... такие завещания делаешь?
"Never mind.... Good-bye."	- Все равно... прощай...

He turned away, and walked to the window.	Он отворотился и пошел от нее к окну.
She stood a moment, looked at him uneasily, and went out troubled.	Она постояла посмотрела на него беспокойно и вышла в тревоге.
No, he was not cold to her.	Нет, он не был холоден к ней.
There was an instant (the very last one) when he had longed to take her in his arms and _say good-bye_ to her, and even _to tell_ her, but he had not dared even to touch her hand.	Было одно мгновение (самое последнее), когда ему ужасно захотелось крепко обнять ее и проститься с ней, и даже сказать, но он даже руки ей не решился подать:
"Afterwards she may shudder when she remembers that I embraced her, and will feel that I stole her kiss."	"Потом еще, пожалуй, содрогнется, когда вспомнит, что я теперь ее обнимал, скажет, что я украл ее поцелуй!"
"And would _she_ stand that test?" he went on a few minutes later to himself.	"А выдержит эта или не выдержит? - прибавил он через несколько минут про себя.
"No, she wouldn't; girls like that can't stand things!	- Нет, не выдержит; таким не выдержать!
They never do."	Этакие никогда не выдерживают..."
And he thought of Sonia.	И он подумал о Соне.
There was a breath of fresh air from the window.	Из окна повеяло свежестью.

The daylight was fading.	На дворе уже не так ярко светил свет.
He took up his cap and went out.	Он вдруг взял фуражку и вышел.
He could not, of course, and would not consider how ill he was.	Он, конечно, не мог, да и не хотел заботиться о своем болезненном состоянии.
But all this continual anxiety and agony of mind could not but affect him.	Но вся эта непрерывная тревога и весь этот ужас душевный не могли пройти без последствий.
And if he were not lying in high fever it was perhaps just because this continual inner strain helped to keep him on his legs and in possession of his faculties. But this artificial excitement could not last long.	И если он не лежал еще в настоящей горячке, то, может быть, именно потому, что эта внутренняя, непрерывная тревога еще поддерживала его на ногах и в сознании, но как-то искусственно, до времени.
He wandered aimlessly.	Он бродил без цели.
The sun was setting.	Солнце заходило.

A special form of misery had begun to oppress him of late.	Какая-то особенная тоска начала сказываться ему в последнее время.
There was nothing poignant, nothing acute about it; but there was a feeling of permanence, of eternity about it; it brought a foretaste of hopeless years of this cold leaden misery, a foretaste of an eternity "on a square yard of space."	В ней не было чего-нибудь особенно едкого, жгучего; но от нее веяло чем-то постоянным, вечным, предчувствовались безысходные годы этой холодной, мертвящей тоски, предчувствовалась какая-то вечность на "аршине пространства".
Towards evening this sensation usually began to weigh on him more heavily.	В вечерний час это ощущение обыкновенно еще сильнее начинало его мучить.
"With this idiotic, purely physical weakness, depending on the sunset or something, one can't help doing something stupid!	- Вот с такими-то глупейшими, чисто физическими немощами, зависящими от какого-нибудь заката солнца, и удержишься сделать глупость!
You'll go to Dounia, as well as to Sonia," he muttered bitterly.	Не то что к Соне, а к Дуне пойдешь! - пробормотал он ненавистно.
He heard his name called.	Его окликнули.
He looked round. Lebeziatnikov rushed up to him.	Он оглянулся; к нему бросился Лебезятников.
"Only fancy, I've been to your room looking for you.	- Вообразите, я был у вас, ищу вас.
Only fancy, she's carried out her plan, and taken away the children.	Вообразите, она исполнила свое намерение и детей увела!
Sofya Semyonovna and I have had a job to find them.	Мы с Софьей Семеновной насилу их отыскали.
She is rapping on a frying-pan and making the children dance.	Сама бьет в сковороду, детей заставляет петь и плясать.
The children are crying.	Дети плачут.
They keep stopping at the cross-roads and in front of shops; there's a crowd of fools running after them.	Останавливаются на перекрестках и у лавочек. За ними глупый народ бежит.
Come along!"	Пойдемте.

"And Sonia?" Raskolnikov asked anxiously, hurrying after Lebeziatnikov.	- А Соня?.. - тревожно спросил Раскольников, поспешая за Лебезятниковым.
"Simply frantic.	- Просто в исступлении.
That is, it's not Sofya Semyonovna's	То есть не Софья Семеновна в исступлении, а

frantic, but Katerina Ivanovna, though Sofya Semyonova's frantic too.	Катерина Ивановна; а впрочем, и Софья Семеновна в исступлении.
But Katerina Ivanovna is absolutely frantic.	А Катерина Ивановна совсем в исступлении.
I tell you she is quite mad.	Говорю вам, окончательно помешалась.
They'll be taken to the police.	Их в полицию возьмут.
You can fancy what an effect that will have....	Можете представить, как это подействует...
They are on the canal bank, near the bridge now, not far from Sofya Semyonovna's, quite close."	Они теперь на канаве у -ского моста, очень недалеко от Софьи Семеновны. Близко.
On the canal bank near the bridge and not two houses away from the one where Sonia lodged, there was a crowd of people, consisting principally of gutter children.	На канаве, не очень далеко от моста и не доходя двух домов от дома, где жила Соня, столпилась куча народу. Особенно сбегались мальчишки и девчонки.
The hoarse broken voice of Katerina Ivanovna could be heard from the bridge, and it certainly was a strange spectacle likely to attract a street crowd.	Хриплый, надорванный голос Катерины Ивановны слышался еще от моста. И действительно, это было странное зрелище, способное заинтересовать уличную публику.
Katerina Ivanovna in her old dress with the green shawl, wearing a torn straw hat, crushed in a hideous way on one side, was really frantic.	Катерина Ивановна в своем стареньком платье, в драдедамовой шали и в изломанной соломенной шляпке, сбившейся безобразным комком на сторону, была действительно в настоящем исступлении.
She was exhausted and breathless.	Она устала и задыхалась.
Her wasted consumptive face looked more suffering than ever, and indeed out of doors in the sunshine a consumptive always looks worse than at home. But her excitement did not flag, and every moment her irritation grew more intense.	Измучившееся чахоточное лицо ее смотрело страдальнее, чем когда-нибудь (к тому же на улице, на солнце, чахоточный всегда кажется больнее и обезображеннее, чем дома); но возбужденное состояние ее не прекращалось, и она с каждой минутой становилась еще раздраженнее.
She rushed at the children, shouted at them, coaxed them, told them before the crowd how to dance and what to sing, began explaining to them why it was necessary, and driven to desperation by their not understanding, beat them....	Она бросалась к детям, кричала на них, уговаривала, учила их тут же при народе, как плясать и петь, начинала им растолковывать, для чего это нужно, приходила в отчаяние от их непонятливости, била их...

Then she would make a rush at the crowd; if she noticed any decently dressed person stopping to look, she immediately appealed to him to see what these children "from a genteel, one may say aristocratic, house" had been brought to.	Потом, не dokonчив, бросалась к публике; если замечала чуть-чуть хорошо одетого человека, остановившегося поглядеть, то тотчас пускалась объяснять ему, что вот, дескать, до чего доведены дети "из благородного, можно даже сказать, аристократического дома".
If she heard laughter or jeering in the crowd, she would rush at once at the scoffers and begin squabbling with them.	Если слышала в толпе смех или какое-нибудь задирательное словцо, то тотчас же набрасывалась на дерзких и начинала с ними браниться.
Some people laughed, others shook their heads, but everyone felt curious at the sight of the madwoman with the frightened children.	Иные, действительно, смеялись, другие качали головами; всем вообще было любопытно поглядеть на помешанную с перепуганными детьми.
The frying-pan of which Lebeziatnikov had spoken was not there, at least Raskolnikov did not see it. But instead of rapping on the pan, Katerina Ivanovna began clapping her wasted hands, when she made Lida and Kolya dance and Polenka sing. She too joined in the singing, but broke down at the second note with a fearful cough, which made her curse in despair and even shed tears.	Сковороды, про которую говорил Лебезятников, не было; по крайней мере, Раскольников не видал; но вместо стука в сковороду Катерина Ивановна начинала хлопать в такт своими сухими ладонями, когда заставляла Полечку петь, а Леню и Колю плясать; причем даже и сама пускалась подпевать, но каждый раз обрывалась на второй ноте от мучительного кашля, отчего снова приходила в отчаяние, проклинала свой кашель и даже плакала.
What made her most furious was the weeping and terror of Kolya and Lida.	Пуще всего выводили ее из себя плач и страх Коли и Лени.
Some effort had been made to dress the children up as street singers are dressed.	Действительно, была попытка нарядить детей в костюм, как наряжаются уличные певцы и певицы.
The boy had on a turban made of something red and white to look like a Turk.	На мальчике была надета из чего-то красного с белым чалма, чтобы он изображал собою турку.
There had been no costume for Lida; she simply had a red knitted cap, or rather a night cap that had belonged to Marmeladov, decorated with a broken piece of white ostrich feather, which had been Katerina Ivanovna's grandmother's and had been preserved as a family possession.	На Леню костюмов не достало; была только надета на голову красная, вязанная из гаруса шапочка (или, лучше сказать, колпак) покойного Семена Захарыча, а в шапку воткнут обломок белого страусового пера, принадлежавшего еще бабушке Катерины Ивановны и сохранявшегося доселе в сундуке, в виде фамильной редкости.

Polenka was in her everyday dress; she looked in timid perplexity at her mother, and kept at her side, hiding her tears. She dimly realised her mother's condition, and looked uneasily about her.	Полечка была в своем обыкновенном платье. Она смотрела на мать робко и потерявшись, не отходила от нее, скрадывала свои слезы, догадывалась о помешательстве матери и беспокойно осматривалась кругом.
She was terribly frightened of the street and the crowd.	Улица и толпа ужасно напугали ее.
Sonia followed Katerina Ivanovna, weeping and beseeching her to return home, but Katerina Ivanovna was not to be persuaded.	Соня неотступно ходила за Катериной Ивановной, плача и умоляя ее поминутно воротиться домой. Но Катерина Ивановна была неумолима.
"Leave off, Sonia, leave off," she shouted, speaking fast, panting and coughing.	- Перестань, Соня, перестань! - кричала она скороговоркой, спеша, задыхаясь и кашляя.
"You don't know what you ask; you are like a child!	- Сама не знаешь, чего просишь, точно дитя!
I've told you before that I am not coming back to that drunken German.	Я уже сказала тебе, что не ворочусь назад к этой пьяной немке.

Let everyone, let all Petersburg see the children begging in the streets, though their father was an honourable man who served all his life in truth and fidelity, and one may say died in the service." (Katerina Ivanovna had by now invented this fantastic story and thoroughly believed it.) "Let that wretch of a general see it!	Пусть видят все, весь Петербург, как милостыни просят дети благородного отца, который всю жизнь служил верою и правдой и, можно сказать, умер на службе. (Катерина Ивановна уже успела создать себе эту фантазию и поверить ей слепо.) Пускай, пускай этот негодный генералишка видит.
And you are silly, Sonia: what have we to eat? Tell me that.	Да и глупа ты, Соня: что теперь есть-то, скажи?
We have worried you enough, I won't go on so!	Довольно мы тебя истерзали, не хочу больше!
Ah, Rodion Romanovitch, is that you?" she cried, seeing Raskolnikov and rushing up to him. "Explain to this silly girl, please, that nothing better could be done!	Ах, Родион Романович, это вы! - вскрикнула она, увидав Раскольникова и бросаясь к нему, - растолкуйте вы, пожалуйста, этой дурочке, что ничего умней нельзя сделать!
Even organ-grinders earn their living, and everyone will see at once that we are different, that we are an honourable and bereaved family reduced to beggary. And	Даже шарманщики добывают, а нас тотчас все отличат, узнают, что мы бедное благородное семейство сирот, доведенных до нищеты, а уж этот

that general will lose his post, you'll see!	генералишка место потеряет, увидите!
We shall perform under his windows every day, and if the Tsar drives by, I'll fall on my knees, put the children before me, show them to him, and say	Мы каждый день под окна к нему будем ходить, а проедет государь, я стану на колени, этих всех выставлю вперед и покажу на них:
' Defend us father.'	"Защити, отец!"
He is the father of the fatherless, he is merciful, he'll protect us, you'll see, and that wretch of a general....	Он отец всех сирот, он милосерд, защитит, увидите, а генералишку этого...
Lida, _tenez vous droite_!	Леня! tenez-vous droite!
Kolya, you'll dance again.	Ты, Коля, сейчас будешь опять танцевать.
Why are you whimpering?	Чего ты хнычешь?
Whimpering again!	Опять хнычет!
What are you afraid of, stupid?	Ну чего, чего ты боишься, дурачок!
Goodness, what am I to do with them, Rodion Romanovitch?	Господи! что мне с ним делать, Родион Романыч!
If you only knew how stupid they are!	Если б вы знали, какие они бестолковые!
What's one to do with such children?"	Ну что с такими сделаешь!..
And she, almost crying herself--which did not stop her uninterrupted, rapid flow of talk--pointed to the crying children.	И она, сама чуть не плача (что не мешало ее непрерывной и неумолчной скороговорке), показывала ему на хнычущих детей.
Raskolnikov tried to persuade her to go home, and even said, hoping to work on her vanity, that it was unseemly for her to be wandering about the streets like an organ-grinder, as she was intending to become the principal of a boarding-school.	Раскольников попробовал было убедить ее воротиться и даже сказал, думая подействовать на самолюбие, что ей неприлично ходить по улицам, как шарманщики ходят, потому что она готовит себя в директрисы благородного пансиона девиц...
"A boarding-school, ha-ha-ha!	- Пансиона, ха-ха-ха!

A castle in the air," cried Katerina Ivanovna, her laugh ending in a cough. "No, Rodion Romanovitch, that dream is over!	Славны бубны за горами! - вскричала Катерина Ивановна, тотчас после смеху закатившись кашлем, - нет, Родион Романыч, прошла мечта!
All have forsaken us!...	Все нас бросили!..
And that general....	А этот генералишка...

You know, Rodion Romanovitch, I threw an inkpot at him--it happened to be standing in the waiting-room by the paper where you sign your name. I wrote my name, threw it at him and ran away.	Знаете, Родион Романыч, я в него чернильницей пустила, - тут, в лакейской, кстати на столе стояла, подле листа, на котором расписывались, и я расписалась, пустила, да и убежала.
Oh, the scoundrels, the scoundrels!	О, подлые, подлые.
But enough of them, now I'll provide for the children myself, I won't bow down to anybody!	Да наплевать; теперь я этих сама кормить буду, никому не поклонюсь!
She has had to bear enough for us!" she pointed to Sonia. "Polenka, how much have you got?	Довольно мы ее мучили! (Она указала на Соню.) Полечка, сколько собрали, покажи?
Show me!	Как?
What, only two farthings!	Всего только две копейки?
Oh, the mean wretches!	О, гнусные!
They give us nothing, only run after us, putting their tongues out.	Ничего не дают, только бегают за нами, высунув язык!
There, what is that blockhead laughing at?" (She pointed to a man in the crowd.)	Ну чего этот болван смеется? (указала она на одного из толпы).
"It's all because Kolya here is so stupid; I have such a bother with him.	Это все потому, что этот Колька такой непонятливый, с ним возня!
What do you want, Polenka?	Чего тебе, Полечка?
Tell me in French, _parlez-moi francais .	Говори со мной по-французски, parlez-moi francais.
Why, I've taught you, you know some phrases.	Ведь я же тебя учила, ведь ты знаешь несколько фраз!..
Else how are you to show that you are of good family, well brought-up children, and not at all like other organ-grinders?	Иначе как же отличить, что вы благородного семейства, воспитанные дети и вовсе не так, как все шарманщики; не
We aren't going to have a Punch and Judy show in the street, but to sing a genteel song....	"Петрушку" же мы какого-нибудь представляем на улицах, а споем благородный романс...
Ah, yes,... What are we to sing?	Ах да! что же нам петь-то?
You keep putting me out, but we... you see, we are standing here, Rodion Romanovitch, to find something to sing and get money, something Kolya can dance	Перебиваете вы все меня, а мы... видите ли, мы здесь остановились, Родион Романыч, чтобы выбрать, что петь, - такое, чтоб и Коле можно было протанцевать...

to.... For, as you can fancy, our performance is all impromptu.... We must talk it over and rehearse it all thoroughly, and then we shall go to Nevsky, where there are far more people of good society, and we shall be noticed at once. Lida knows	потому все это у нас, можете представить, без приготовления; надо сговориться, так чтобы все совершенно прорепетировать, а потом мы отправимся на Невский, где гораздо больше людей высшего общества и нас тотчас заметят: Леня знает
--	---

'My Village' only, nothing but	"Хуторок"... Только все
'My Village,' and everyone sings that.	"Хуторок" да "Хуторок", и все-то его поют!
We must sing something far more genteel....	Мы должны спеть что-нибудь гораздо более благородное...
Well, have you thought of anything, Polenka? If only you'd help your mother!	Ну, что ты придумала, Поля, хоть бы ты матери помогла!
My memory's quite gone, or I should have thought of something.	Памяти, памяти у меня нет, я бы вспомнила!
We really can't sing	Не
'An Hussar.'	"Гусара же на саблю опираясь" петь, в самом деле!
Ah, let us sing in French,	Ах, споемте по-французски
' Cinq sous,' I have taught it you, I have taught it you.	"Cinq sous! Я ведь вас учила же, учила же.
And as it is in French, people will see at once that you are children of good family, and that will be much more touching....	И главное, так как это по-французски, то увидят тотчас, что вы дворянские дети, и это будет гораздо трогательнее...
You might sing	Можно бы даже:
'Marlborough s'en va-t-en guerre,' for that's quite a child's song and is sung as a lullaby in all the aristocratic houses.	"Malborough s'en vat-en guerre", так как это совершенно детская песенка и употребляется во всех аристократических домах, когда убаюкивают детей.
"_Marlborough s'en va-t-en guerre Ne sait quand reviendra_" she began singing.	Malborough s'en va-t-en guerre, Ne sait quand reviendra... - начала было она петь...
"But no, better sing	- Но нет, лучше уж
'Cinq sous.'	"Cinq sous"!
Now, Kolya, your hands on your hips, make haste, and you, Lida, keep turning the other way, and Polenka and I will sing and clap our hands!	Ну, Коля, ручки в боки, поскорей, а ты, Леня, тоже вертись в противоположную сторону, а мы с Полечкой будем подпевать и подхлопывать!

"_Cinq sous, cinq sous Pour monter notre menage_."	Cinq sous, cinq sous, Pour monter notre menage...
(Cough-cough-cough!) "Set your dress straight, Polenka, it's slipped down on your shoulders," she observed, panting from coughing.	Кхи-кхи-кхи! (И она закатилась от кашля.) Поправь платице, Полечка, плечики спустились, - заметила она сквозь кашель, отдыхаясь.
"Now it's particularly necessary to behave nicely and genteelly, that all may see that you are well-born children.	- Теперь вам особенно нужно держать себя прилично и на тонкой ноге, чтобы все видели, что вы дворянские дети.
I said at the time that the bodice should be cut longer, and made of two widths.	Я говорила тогда, что лифчик надо длиннее кроить и притом в два полотнища.
It was your fault, Sonia, with your advice to make it shorter, and now you see the child is quite deformed by it....	Это ты тогда, Соня, с своими советами: "Короче да короче", вот и вышло, что совсем ребенка обезобразили...
Why, you're all crying again!	Ну, опять все вы плачете!
What's the matter, stupids?	Да чего вы, глупые!

Come, Kolya, begin. Make haste, make haste! Oh, what an unbearable child!	Ну, Коля, начинай поскорей, поскорей, поскорей, - ох, какой это несносный ребенок!..
"Cinq sous, cinq sous.	Cinq sous, cinq sous...
"A policeman again!	Опять солдат!
What do you want?"	Ну чего тебе надобно?
A policeman was indeed forcing his way through the crowd.	Действительно, сквозь толпу протеснятся городской.
But at that moment a gentleman in civilian uniform and an overcoat--a solid-looking official of about fifty with a decoration on his neck (which delighted Katerina Ivanovna and had its effect on the policeman)--approached and without a word handed her a green three-rouble note.	Но в то же время один господин в вицмундире и в шинели, солидный чиновник лет пятидесяти, с орденом на шее (последнее было очень приятно Катерине Ивановне и повлияло на городского), приблизился и молча подал Катерине Ивановне трехрублевую зелененькую кредитку.
His face wore a look of genuine sympathy.	В лице его выражалось искреннее сострадание.
Katerina Ivanovna took it and gave him a polite, even ceremonious, bow.	Катерина Ивановна приняла и вежливо, даже церемонно, ему поклонилась.
"I thank you, honoured sir," she began loftily. "The causes that have induced us (take the money, Polenka: you see there are generous and honourable people who are ready to help a poor gentlewoman in distress).	- Благодарю вас, милостивый государь, - начала она свысока, - причины, побудившие нас... возьми деньги, Полечка. Видишь, есть же благородные и великодушные люди, тотчас готовые помочь бедной дворянке в несчастье.
You see, honoured sir, these orphans of good family--I might even say of aristocratic connections--and that wretch of a general sat eating grouse... and stamped at my disturbing him.	Вы видите, милостивый государь, благородных сирот, можно даже сказать, с самыми аристократическими связями... А этот генералишка сидел и рябчиков ел... ногами затопал, что я его обеспокоила...
'Your excellency,' I said, 'protect the orphans, for you knew my late husband, Semyon Zaharovitch, and on the very day of his death the basest of scoundrels slandered his only daughter.'...	"Ваше превосходительство, говорю, защитите сирот, очень зная, говорю, покойного Семена Захарыча, и так как его родную дочь подлейший из подлецов в день его смерти оклеветал..."
That policeman again!	Опять этот солдат!
Protect me," she cried to the official. "Why is that policeman edging up to me?	Защитите! - закричала она чиновнику, - чего этот солдат ко мне лезет?

We have only just run away from one of them. What do you want, fool?"	Мы уж убежали от одного сюда из Мещанской... ну тебе-то какое дело, дурак!
"It's forbidden in the streets.	- Потому по улицам запрещено-с.
You mustn't make a disturbance."	Не извольте безобразничать.
"It's you're making a disturbance.	- Сам ты безобразник!
It's just the same as if I were grinding an organ. What business is it of yours?"	Я все равно как с шарманкой хожу, тебе какое дело?
"You have to get a licence for an organ, and you haven't got one, and in that way you collect a crowd.	- Насчет шарманки надо дозволение иметь, а вы сами собой-с и таким манером народ сбиваете.
Where do you lodge?"	Где изволите квартировать?

"What, a license?" wailed Katerina Ivanovna.	- Как дозволение! - завопила Катерина Ивановна.
"I buried my husband to-day. What need of a license?"	- Я сегодня мужа схоронила, какое тут дозволение!
"Calm yourself, madam, calm yourself," began the official. "Come along; I will escort you....	- Сударыня, сударыня, успокойтесь, - начал было чиновник, - пойдемте, я вас доведу...
This is no place for you in the crowd. You are ill."	Здесь в толпе неприлично... вы нездоровы...
"Honoured sir, honoured sir, you don't know," screamed Katerina Ivanovna. "We are going to the Nevsky.... Sonia, Sonia!	- Милостивый государь, милостивый государь, вы ничего не знаете! - кричала Катерина Ивановна, - мы на Невский пойдем, - Соня, Соня!
Where is she?	Да где ж она?
She is crying too!	Тоже плачет!
What's the matter with you all?	Да что с вами со всеми!..
Kolya, Lida, where are you going?" she cried suddenly in alarm. "Oh, silly children!	Коля, Леня, куда вы? - вскрикнула она вдруг в испуге, - о глупые дети!
Kolya, Lida, where are they off to?..."	Коля, Леня, да куда ж они!..
Kolya and Lida, scared out of their wits by the crowd, and their mother's mad pranks, suddenly seized each other by the hand, and ran off at the sight of the policeman who wanted to take them away somewhere.	Случилось так, что Коля и Леня, напуганные до последней степени уличною толпой и выходками помешанной матери, увидев, наконец, солдата, который хотел их взять и куда-то вести, вдруг, как бы сговорившись, схватили друг друга за

	ручки и бросились бежать.
Weeping and wailing, poor Katerina Ivanovna ran after them.	С воплем и плачем кинулась бедная Катерина Ивановна догонять их.
She was a piteous and unseemly spectacle, as she ran, weeping and panting for breath.	Безобразно и жалко было смотреть на нее, бегущую, плачущую, задыхающуюся.
Sonia and Polenka rushed after them.	Соня и Полечка бросились вслед за нею.
"Bring them back, bring them back, Sonia!	- Вороти, вороти их, Соня!
Oh stupid, ungrateful children!...	О глупые, неблагодарные дети!..
Polenka! catch them....	Поля! лови их...
It's for your sakes I..."	Для вас же я...
She stumbled as she ran and fell down.	Она споткнулась на всем бегу и упала.
"She's cut herself, she's bleeding!	- Разбилась в кровь!
Oh, dear!" cried Sonia, bending over her.	О господи! - вскрикнула Соня, наклоняясь над ней.
All ran up and crowded around.	Все сбежались, все затеснились кругом.
Raskolnikov and Lebeziatnikov were the first at her side, the official too hastened up, and behind him the policeman who muttered,	Раскольников и Лебезятников подбежали из первых; чиновник тоже поспешил, а за ним и городской, проворчав:
"Bother!" with a gesture of impatience, feeling that the job was going to be a troublesome one.	"Эх-ма!" и махнув рукой, предчувствуя, что дело обернется хлопотливо.

"Pass on! Pass on!" he said to the crowd that pressed forward.	- Пошел! пошел! - разгонял он теснившихся кругом людей.
"She's dying," someone shouted.	- Помирает! - закричал кто-то.
"She's gone out of her mind," said another.	- С ума сошла! - проговорил другой.
"Lord have mercy upon us," said a woman, crossing herself.	- Господи, сохрани! - проговорила одна женщина, крестясь.
"Have they caught the little girl and the boy?	- Девчонку-то с парнишкой зловили ли?
They're being brought back, the elder one's got them....	Вона-ка, ведут, старшенькая перехватила...
Ah, the naughty imps!"	Вишь, сбалмошные!

When they examined Katerina Ivanovna carefully, they saw that she had not cut herself against a stone, as Sonia thought, but that the blood that stained the pavement red was from her chest.	Но когда разглядели хорошенько Катерину Ивановну, то увидали, что она вовсе не разбилась о камень, как подумала Соня, а что кровь, обagrившая мостовую, хлынула из ее груди горлом.
"I've seen that before," muttered the official to Raskolnikov and Lebeziatnikov; "that's consumption; the blood flows and chokes the patient.	- Это я знаю, видал, - бормотал чиновник Раскольникову и Лебезятникову, - это чахотка-с; хлынет этак кровь и задавит.
I saw the same thing with a relative of my own not long ago... nearly a pint of blood, all in a minute....	С одною моею родственницей, еще недавно свидетелем был, и этак стакана полтора... вдруг-с...
What's to be done though? She is dying."	Что же, однако ж, делать, сейчас помрет?
"This way, this way, to my room!" Sonia implored. "I live here!...	- Сюда, сюда, ко мне! - умоляла Соня, - вот здесь я живу!..
See, that house, the second from here....	Вот этот дом, второй отсюда...
Come to me, make haste," she turned from one to the other.	Ко мне, поскорее, поскорее!.. - металась она ко всем.
"Send for the doctor!	- За доктором пошлите...
Oh, dear!"	О господи!
Thanks to the official's efforts, this plan was adopted, the policeman even helping to carry Katerina Ivanovna.	Стараниями чиновника дело это уладилось, даже городской помогал переносить Катерину Ивановну.
She was carried to Sonia's room, almost unconscious, and laid on the bed.	Внесли ее к Соне почти замертво и положили на постель.
The blood was still flowing, but she seemed to be coming to herself.	Кровотечение еще продолжалось, но она как бы начинала приходить в себя.
Raskolnikov, Lebeziatnikov, and the official accompanied Sonia into the room and were followed by the policeman, who first drove back the crowd which followed to the very door.	В комнату вошли разом, кроме Сони, Раскольников и Лебезятников, чиновник и городской, разогнавший предварительно толпу, из которой некоторые провожали до самых дверей.
Polenka came in holding Kolya and Lida, who were trembling and weeping.	Полечка ввела, держа за руки, Колю и Леню, дрожавших и плакавших.
Several persons came in too from the Kapernaumovs' room; the landlord, a lame one-eyed man of strange appearance with whiskers and hair that stood up like a	Сошлись и от Капернаумовых: сам он, хромой и кривой, странного вида человек с щетинистыми, торчком стоящими волосами и бакенбардами; жена его, имевшая какой-

brush, his wife, a woman with an everlastingly scared expression, and several open-mouthed children with wonder-struck faces.	то раз навсегда испуганный вид, и несколько их детей, с одеревенелыми от постоянного удивления лицами и с раскрытыми ртами.
Among these, Svidrigailov suddenly made his appearance.	Между всею этою публикой появился вдруг и Свидригайлов.
Raskolnikov looked at him with surprise, not understanding where he had come from and not having noticed him in the crowd.	Раскольников с удивлением посмотрел на него, не понимая, откуда он явился, и не помня его в толпе.
A doctor and priest were spoken of.	Говорили про доктора и про священника.
The official whispered to Raskolnikov that he thought it was too late now for the doctor, but he ordered him to be sent for.	Чиновник хотя и шепнул Раскольникову, что, кажется, доктор теперь уже лишнее, но распорядился послать.
Kapernaumov ran himself.	Побежал сам Капернаумов.
Meanwhile Katerina Ivanovna had regained her breath. The bleeding ceased for a time.	Между тем Катерина Ивановна отдышалась, на время кровь отошла.
She looked with sick but intent and penetrating eyes at Sonia, who stood pale and trembling, wiping the sweat from her brow with a handkerchief. At last she asked to be raised.	Она смотрела болезненным, но пристальным и проникающим взглядом на бледную и трепещущую Соню, отиравшую ей платком капли пота со лба; наконец, попросила приподнять себя.
They sat her up on the bed, supporting her on both sides.	Ее посадили на постели, придерживая с обеих сторон.
"Where are the children?" she said in a faint voice.	- Дети где? - спросила она слабым голосом.
"You've brought them, Polenka?"	- Ты привела их, Поля?
Oh the sillies!	О глупые!..
Why did you run away....	Ну чего вы побежали...
Och!"	Ох!
Once more her parched lips were covered with blood.	Кровь еще покрывала ее иссохшие губы.
She moved her eyes, looking about her.	Она повела кругом глазами, осматриваясь:
"So that's how you live, Sonia!	- Так вот ты как живешь, Соня!
Never once have I been in your room."	Ни разу-то я у тебя не была... привелось...
She looked at her with a face of suffering.	Она с страданием посмотрела на нее:

"We have been your ruin, Sonia.	- Иссосали мы тебя, Соня...
Polenka, Lida, Kolya, come here!	Поля, Леня, Коля, подите сюда...
Well, here they are, Sonia, take them all! I hand them over to you, I've had enough!	Ну, вот они, Соня, все, бери их... с рук на руки... а с меня довольно!..
The ball is over." (Cough!)	Кончен бал! Г'а!..
"Lay me down, let me die in peace."	Опустите меня, дайте хоть помереть спокойно...
They laid her back on the pillow.	Ее опустили опять на подушку.
"What, the priest?	- Что? Священника?..
I don't want him.	Не надо...
You haven't got a rouble to spare.	Где у вас лишний целковый?..
I have no sins.	На мне нет грехов!..
God must forgive me without that.	Бог и без того должен простить...
He knows how I have suffered....	Сам знает, как я страдала!..
And if He won't forgive me, I don't care!"	А не простит, так и не надо!..
She sank more and more into uneasy delirium.	Беспокойный бред охватывал ее более и более.
At times she shuddered, turned her eyes from side to side, recognised everyone for a minute, but at once sank into delirium again.	Порой она вздрагивала, обводила кругом глазами, узнавала всех на минуту; но тотчас же сознание снова сменялось бредом.
Her breathing was hoarse and difficult, there was a sort of rattle in her throat.	Она хрипло и трудно дышала, что-то как будто клекотало в горле.
"I said to him, your excellency," she ejaculated, gasping after each word. "That Amalia Ludwigovna, ah!	- Я говорю ему: "Ваше превосходительство!.." - выкрикивала она, отдыхаясь после каждого слова, - эта Амалия Людвиговна... ах!
Lida, Kolya, hands on your hips, make haste! _Glissez, glissez! pas de basque!_ Tap with your heels, be a graceful child!	Леня, Коля! ручки в боки, скорей, скорей, глisse-глisse, па-де-баск! Стучи ножками... Будь грациозный ребенок.
"_Du hast Diamanten und Perlen_"	Du hast Diamanten und Perlen...
"What next?	Как дальше-то?
That's the thing to sing.	Вот бы спеть...
"_Du hast die schonsten Augen Madchen,	Du hast die schonsten Augen, Madchen, was

was willst du mehr?_	willst du mehr?
"What an idea! _Was willst du mehr?_ What things the fool invents!	Ну да, как не так! was willst du mehr, - выдумает же, болван!..
Ah, yes!	Ах да, вот еще:
"In the heat of midday in the vale of Dagestan.	В полдневный жар, в долине Дагестана...
"Ah, how I loved it!	Ах, как я любила...
I loved that song to distraction, Polenka! Your father, you know, used to sing it when we were engaged....	Я до обожания любила этот романс, Полечка!.. знаешь, твой отец... еще женихом певал...
Oh those days!	О, дни!..
Oh that's the thing for us to sing!	Вот бы, вот бы нам спеть!
How does it go? I've forgotten. Remind me! How was it?"	Ну как же, как же... вот я и забыла... да напомните же, как же?
She was violently excited and tried to sit up.	- Она была в чрезвычайном волнении и усиливалась приподняться.

At last, in a horribly hoarse, broken voice, she began, shrieking and gasping at every word, with a look of growing terror.	Наконец, страшным, хриплым, надрывающимся голосом она начала, вскрикивая и задыхаясь на каждом слове, с видом какого-то возраставшего испуга:
"In the heat of midday!... in the vale!... of Dagestan!...	В полдневный жар!.. в долине!.. Дагестана!..
With lead in my breast!..."	С свинцом в груди!..
"Your excellency!" she wailed suddenly with a heart-rending scream and a flood of tears, "protect the orphans!	Ваше превосходительство! - вдруг завопила она раздирающим воплем и залившись слезами, -защитите сирот!
You have been their father's guest... one may say aristocratic...."	Зная хлеб-соль покойного Семена Захарыча!.. Можно даже сказать аристократического!..
She started, regaining consciousness, and gazed at all with a sort of terror, but at once recognised Sonia.	Г'а! - вздрогнула она вдруг, опаматовавшись и с каким-то ужасом всех осматривая, но тотчас узнала Соню.
"Sonia, Sonia!" she articulated softly and caressingly, as though surprised to find her	- Соня, Соня! - проговорила она кротко и ласково, как бы удивившись, что видит ее перед собой, -Соня, милая, и ты

there. "Sonia darling, are you here, too?"	здесь?
They lifted her up again.	Ее опять приподняли.
"Enough!	- Довольно!..
It's over!	Пора!..
Farewell, poor thing!	Прощай, горемыка!..
I am done for!	Уездили клячу!..
I am broken!" she cried with vindictive despair, and her head fell heavily back on the pillow.	Надорвала-а-ась! - крикнула она отчаянно и ненавистно и грохнулась головой о подушку.
She sank into unconsciousness again, but this time it did not last long.	Она вновь забылась, но это последнее забытие продолжалось недолго.
Her pale, yellow, wasted face dropped back, her mouth fell open, her leg moved convulsively, she gave a deep, deep sigh and died.	Бледно-желтое, иссохшее лицо ее закинулось навзничь назад, рот раскрылся, ноги судорожно протянулись. Она глубоко-глубоко вздохнула и умерла.
Sonia fell upon her, flung her arms about her, and remained motionless with her head pressed to the dead woman's wasted bosom.	Соня упала на ее труп, обхватила ее руками и так и замерла, прильнув головой к иссохшей груди покойницы.
Polenka threw herself at her mother's feet, kissing them and weeping violently.	Полечка припала к ногам матери и целовала их, плача навзрыд.
Though Kolya and Lida did not understand what had happened, they had a feeling that it was something terrible; they put their hands on each other's little shoulders, stared straight at one another and both at once opened their mouths and began screaming.	Коля и Леня, еще не поняв, что случилось, но предчувствуя что-то очень страшное, схватили один другого обеими руками за плечики и, уставившись один в другого глазами, вдруг вместе, разом, раскрыли рты и начали кричать.
They were both still in their fancy dress; one in a turban, the other in the cap with the ostrich feather.	Оба еще были в костюмах: один в чалме, другая в ермолке с страусовым пером.
And how did "the certificate of merit" come to be on the bed beside Katerina Ivanovna?	И каким образом этот "похвальный лист" очутился вдруг на постели, подле Катерины Ивановны?

It lay there by the pillow; Raskolnikov saw it.	Он лежал тут же, у подушки; Раскольников видел его.
He walked away to the window.	Он отошел к окну.

Lebeziatnikov skipped up to him.	К нему подскочил Лебезятников.
"She is dead," he said.	- Умерла! - сказал Лебезятников.
"Rodion Romanovitch, I must have two words with you," said Svidrigailov, coming up to them.	- Родион Романович, имею вам два нужных словечка передать, - подошел Свидригайлов.
Lebeziatnikov at once made room for him and delicately withdrew.	Лебезятников тотчас же уступил место и деликатно стушевался.
Svidrigailov drew Raskolnikov further away.	Свидригайлов увел удивленного Раскольникова еще подальше в угол.
"I will undertake all the arrangements, the funeral and that.	- Всю эту возню, то есть похороны и прочее, я беру на себя.
You know it's a question of money and, as I told you, I have plenty to spare.	Знаете, были бы деньги, а ведь я вам сказал, что у меня лишние.
I will put those two little ones and Polenka into some good orphan asylum, and I will settle fifteen hundred roubles to be paid to each on coming of age, so that Sofya Semyonovna need have no anxiety about them.	Этих двух птенцов и эту Полечку я помещу в какие-нибудь сиротские заведения получше и положу на каждого, до совершеннолетия, по тысяче пятисот рублей капитала, чтоб уж совсем Софья Семеновна была покойна.
And I will pull her out of the mud too, for she is a good girl, isn't she?	Да и ее из омуты вытащу, потому хорошая девушка, так ли?
So tell Avdotya Romanovna that that is how I am spending her ten thousand."	Ну-с, так вы и передайте Авдотье Романовне, что ее десять тысяч я вот так и употребил.
"What is your motive for such benevolence?" asked Raskolnikov.	- С какими же целями вы так разблаготворились? -спросил Раскольников.
"Ah! you sceptical person!" laughed Svidrigailov.	- Э-эх! Человек недоверчивый! - засмеялся Свидригайлов.
"I told you I had no need of that money.	- Ведь я сказал, что эти деньги у меня лишние.
Won't you admit that it's simply done from humanity?	Ну, а просто, по человечеству, не допускаете, что ль?
She wasn't 'a louse,' you know" (he pointed to the corner where the dead woman lay), "was she, like some old pawnbroker woman?	Ведь не "вошь" же была она (он ткнул пальцем в тот угол, где была усопшая), как какая-нибудь старушонка процентщица.
Come, you'll agree, is Luzhin to go on living, and doing wicked things or is she to	Ну, согласитесь, ну "Лужину ли, в самом деле, жить и делать мерзости, или ей

die?	умирать?"
And if I didn't help them, Polenka would go the same way."	И не помоги я, так ведь "Полечка, например, туда же, по той же дороге пойдет..."
He said this with an air of a sort of gay winking slyness, keeping his eyes fixed on Raskolnikov, who turned white and cold, hearing his own phrases, spoken to Sonia.	Он проговорил это в видом какого-то подмигивающего, веселого плутовства, не спуская глаз с Раскольникова. Раскольников побледнел и похолодел, слыша свои собственные выражения, сказанные Соне.
He quickly stepped back and looked wildly at Svidrigailov.	Он быстро отшатнулся и дико посмотрел на Свидригайлова.
"How do you know?" he whispered, hardly able to breathe.	- По-почему... вы знаете? - прошептал он, едва переводя дыхание.
"Why, I lodge here at Madame Resslich's, the other side of the wall.	- Да ведь я здесь, через стенку, у мадам Ресслих стою.
Here is Kapernaumov, and there lives Madame Resslich, an old and devoted friend of mine.	Здесь Капернаумов, а там мадам Ресслих, старинная и преданнейшая приятельница.
I am a neighbour."	Сосед-с.
"You?"	-Вы?
"Yes," continued Svidrigailov, shaking with laughter. "I assure you on my honour, dear Rodion Romanovitch, that you have interested me enormously.	- Я, - продолжал Свидригайлов, колыхаясь от смеха, - и могу вас честью уверить, милейший Родион Романович, что удивительно вы меня заинтересовали.
I told you we should become friends, I foretold it. Well, here we have.	Ведь я сказал, что мы сойдемся, предсказал вам это, - ну вот и сошлись.
And you will see what an accommodating person I am.	И увидите, какой я складной человек.
You'll see that you can get on with me!"	Увидите, что со мной еще можно жить...

Федор Михайлович Достоевский. Преступление и наказание, Часть шестая, Эпилог

PART VI	* ЧАСТЬ ШЕСТАЯ *
CHAPTER I	I
A strange period began for Raskolnikov: it was as though a fog had fallen upon him and wrapped him in a dreary solitude from which there was no escape.	Для Раскольникова наступило странное время: точно туман упал вдруг перед ним и заключил его в безвыходное и тяжелое уединение.

Recalling that period long after, he believed that his mind had been clouded at times, and that it had continued so, with intervals, till the final catastrophe.	Припоминая это время потом, уже долго спустя, он догадывался, что сознание его иногда как бы тускнело и что так продолжалось, с некоторыми промежутками, вплоть до окончательной катастрофы.
He was convinced that he had been mistaken about many things at that time, for instance as to the date of certain events.	Он был убежден положительно, что во многом тогда ошибался, например в сроках и времени некоторых происшествий.
Anyway, when he tried later on to piece his recollections together, he learnt a great deal about himself from what other people told him.	По крайней мере, припоминая впоследствии и сиюсь уяснить себе припоминаемое, он многое узнал о себе самом, уже руководствуясь сведениями, полученными от посторонних.
He had mixed up incidents and had explained events as due to circumstances which existed only in his imagination.	Одно событие он смешивал, например, с другим; другое считал последствием происшествия, существовавшего только в его воображении.
At times he was a prey to agonies of morbid uneasiness, amounting sometimes to panic.	Порой овладевала им болезненно-мучительная тревога, перерождавшаяся даже в панический страх.
But he remembered, too, moments, hours, perhaps whole days, of complete apathy, which came upon him as a reaction from his previous terror and might be compared with the abnormal insensibility, sometimes seen in the dying.	Но он помнил тоже, что бывали минуты, часы даже, может быть, дни, полные апатии, овладевшей им, как бы в противоположность прежнему страху, - апатии, похожей на болезненно-равнодушное состояние иных умирающих.
He seemed to be trying in that latter stage to escape from a full and clear understanding of his position. Certain essential facts which required immediate consideration were particularly irksome to him. How glad he would have been to be free from some cares, the neglect of which would have threatened him with complete, inevitable ruin.	Вообще же в эти последние дни он и сам как бы старался убежать от ясного и полного понимания своего положения; иные насущные факты, требовавшие немедленного разъяснения, особенно тяготили его; но как рад бы он был освободиться и убежать от иных забот, забвение которых грозило, впрочем, полною и неминуемою гибелью в его положении.
He was particularly worried about Svidrigailov, he might be said to be permanently thinking of Svidrigailov.	Особенно тревожил его Свидригайлов: можно даже было сказать, что он как будто остановился на Свидригайлове.
From the time of Svidrigailov's too menacing and unmistakable words in Sonia's room at the moment of Katerina	Со времени слишком грозных для него и слишком ясно высказанных слов Свидригайлова, в квартире у Сони, в минуту

Ivanovna's death, the normal working of his mind seemed to break down.	смерти Катерины Ивановны, как бы нарушилось обыкновенное течение его мыслей.
But although this new fact caused him extreme uneasiness, Raskolnikov was in no hurry for an explanation of it.	Но, несмотря на то, что этот новый факт чрезвычайно его беспокоил, Раскольников как-то не спешил разъяснением дела.
At times, finding himself in a solitary and remote part of the town, in some wretched eating-house, sitting alone lost in thought, hardly knowing how he had come there, he suddenly thought of Svidrigailov. He recognised suddenly, clearly, and with dismay that he ought at once to come to an understanding with that man and to make what terms he could.	Порой, вдруг находя себя где-нибудь в отдаленной и уединенной части города, в какомнибудь жалком трактире одного, за столом, в размышлении, и едва помня, как он попал сюда, он вспоминал вдруг о Свидригайлове: ему вдруг слишком ясно и тревожно сознавалось, что надо бы, как можно скорее, сговориться с этим человеком и, что возможно, порешить окончательно.
Walking outside the city gates one day, he positively fancied that they had fixed a meeting there, that he was waiting for Svidrigailov.	Один раз, зайдя куда-то за заставу, он даже вообразил себе, что здесь ждет Свидригайлова и что здесь назначено у них свидание.
Another time he woke up before daybreak lying on the ground under some bushes and could not at first understand how he had come there.	В другой раз он проснулся пред рассветом где-то на земле, в кустах, и почти не понимал, как забрел сюда.
But during the two or three days after Katerina Ivanovna's death, he had two or three times met Svidrigailov at Sonia's lodging, where he had gone aimlessly for a moment.	Впрочем, в эти дватри дня после смерти Катерины Ивановны он уже два раза встречался с Свидригайловым, всегда почти в квартире у Сони, куда он заходил как-то без цели, но всегда почти на минуту.
They exchanged a few words and made no reference to the vital subject, as though they were tacitly agreed not to speak of it for a time.	Они перекидывались всегда короткими словами и ни разу не заговорили о капитальном пункте, как будто между ними так само собою и условились, чтобы молчать об этом до времени.
Katerina Ivanovna's body was still lying in the coffin, Svidrigailov was busy making arrangements for the funeral.	Тело Катерины Ивановны еще лежало в гробу. Свидригайлов распоряжался похоронами и хлопотал.
Sonia too was very busy.	Соня тоже была очень занята.
At their last meeting Svidrigailov informed Raskolnikov that he had made an	В последнюю встречу Свидригайлов объяснил Раскольникову, что с детьми

arrangement, and a very satisfactory one, for Katerina Ivanovna's children; that he had, through certain connections, succeeded in getting hold of certain personages by whose help the three orphans could be at once placed in very suitable institutions; that the money he had settled on them had been of great assistance, as it is much easier to place orphans with some property than destitute ones.	Катерины Ивановны он как-то покончил, и покончил удачно; что у него, благодаря кой-каким связям, отыскиались такие лица, с помощью которых можно было поместить всех троих сирот, немедленно, в весьма приличные для них заведения; что отложенные для них деньги тоже многому помогли, так как сирот с капиталом поместить гораздо легче, чем сирот нищих.
He said something too about Sonia and promised to come himself in a day or two to see Raskolnikov, mentioning that "he would like to consult with him, that there were things they must talk over...."	Сказал он что-то и про Соню, обещал как-нибудь зайти на днях сам к Раскольникову и упомянул, что "желал бы посоветоваться; что очень надо бы поговорить, что есть такие дела..."
This conversation took place in the passage on the stairs.	Разговор этот происходил в сенях, у лестницы.
Svidrigailov looked intently at Raskolnikov and suddenly, after a brief pause, dropping his voice, asked:	Свидригайлов пристально смотрел в глаза Раскольникову и вдруг, помолчав и понизив голос, спросил:
"But how is it, Rodion Romanovitch; you don't seem yourself?"	- Да что вы, Родион Романыч, такой сам не свой?

You look and you listen, but you don't seem to understand.	Право! Слушаете и глядите, а как будто не понимаете.
Cheer up!	Вы ободритесь.
We'll talk things over; I am only sorry, I've so much to do of my own business and other people's.	Вот дайте поговорим: жаль только, что дела много и чужого, и своего...
Ah, Rodion Romanovitch," he added suddenly, "what all men need is fresh air, fresh air... more than anything!"	Эх, Родион Романыч, - прибавил он вдруг, - всем человекам надобно воздуху, воздуху-с... Прежде всего!
He moved to one side to make way for the priest and server, who were coming up the stairs.	Он вдруг посторонился, чтобы пропустить входившего на лестницу священника и дьячка.
They had come for the requiem service.	Они шли служить панихиду.
By Svidrigailov's orders it was sung twice a day punctually.	По распоряжению Свидригайлова, панихиды служились два раза в день, аккуратно.
Svidrigailov went his way.	Свидригайлов пошел своею дорогой.

Raskolnikov stood still a moment, thought, and followed the priest into Sonia's room.	Раскольников постоял, подумал и вошел вслед за священником в квартиру Сони.
He stood at the door.	Он стал в дверях.
They began quietly, slowly and mournfully singing the service.	Начиналась служба, тихо, чинно, грустно.
From his childhood the thought of death and the presence of death had something oppressive and mysteriously awful; and it was long since he had heard the requiem service.	В сознании о смерти и в ощущении присутствия смерти всегда для него было что-то тяжелое и мистически ужасное, с самого детства; да и давно уже он не слышал панихиды.
And there was something else here as well, too awful and disturbing.	Да и было еще тут что-то другое, слишком ужасное и беспокойное.
He looked at the children: they were all kneeling by the coffin; Polenka was weeping.	Он смотрел на детей: все они стояли у гроба, на коленях, Полечка плакала.
Behind them Sonia prayed, softly and, as it were, timidly weeping.	Сзади них, тихо и как бы робко плача, молилась Соня.
"These last two days she hasn't said a word to me, she hasn't glanced at me," Raskolnikov thought suddenly.	"А ведь она в эти дни ни разу на меня не взглянула и слова мне не сказала", - подумалось вдруг Раскольникову.
The sunlight was bright in the room; the incense rose in clouds; the priest read,	Солнце ярко освещало комнату; кадильный дым восходил клубами; священник читал
"Give rest, oh Lord...."	"Упокой, господи".
Raskolnikov stayed all through the service.	Раскольников отстоял всю службу.
As he blessed them and took his leave, the priest looked round strangely.	Благословляя и прощаясь, священник как-то странно осматривался.
After the service, Raskolnikov went up to Sonia.	После службы Раскольников подошел к Соне.
She took both his hands and let her head sink on his shoulder.	Та вдруг взяла его за обе руки и преклонила к его плечу голову.

This slight friendly gesture bewildered Raskolnikov. It seemed strange to him that there was no trace of repugnance, no trace of disgust, no tremor in her hand.	Этот короткий жест даже поразил Раскольникова недоумением; даже странно было: как? ни малейшего отвращения, ни малейшего омерзения к нему, ни малейшего содрогания в ее руке!
It was the furthest limit of self-abnegation, at least so he interpreted it.	Это уж была какая-то бесконечность собственного унижения. Так, по крайней мере, он это понял.

Sonia said nothing.	Соня ничего не говорила.
Raskolnikov pressed her hand and went out.	Раскольников пожал ей руку и вышел.
He felt very miserable.	Ему стало ужасно тяжело.
If it had been possible to escape to some solitude, he would have thought himself lucky, even if he had to spend his whole life there.	Если б возможно было уйти куда-нибудь в эту минуту и остаться совсем одному, хотя бы на всю жизнь, то он почел бы себя счастливым.
But although he had almost always been by himself of late, he had never been able to feel alone.	Но дело в том, что он в последнее время, хоть и всегда почти был один, никак не мог почувствовать, что он один.
Sometimes he walked out of the town on to the high road, once he had even reached a little wood, but the lonelier the place was, the more he seemed to be aware of an uneasy presence near him. It did not frighten him, but greatly annoyed him, so that he made haste to return to the town, to mingle with the crowd, to enter restaurants and taverns, to walk in busy thoroughfares.	Случалось ему уходить за город, выходить на большую дорогу, даже раз он вышел в какую-то рощу; но чем уединеннее было место, тем сильнее он сознавал как будто чье-то близкое и тревожное присутствие, не то чтобы страшное, а как-то уж очень досаждающее, так что поскорее возвращался в город, смешивался с толпой, входил в трактиры, в распивочные, шел на Толкучий, на Сенную.
There he felt easier and even more solitary.	Здесь было уж как будто бы легче и даже уединеннее.
One day at dusk he sat for an hour listening to songs in a tavern and he remembered that he positively enjoyed it.	В одной харчевне, перед вечером, пели песни: он просидел целый час, слушая, и помнил, что ему даже было очень приятно.
But at last he had suddenly felt the same uneasiness again, as though his conscience smote him.	Но под конец он вдруг стал опять беспокоен; точно угрызение совести вдруг начало его мучить:
"Here I sit listening to singing, is that what I ought to be doing?" he thought.	"Вот, сижу, песни слушаю, а разве то мне надобно делать!" - как будто подумал он.
Yet he felt at once that that was not the only cause of his uneasiness; there was something requiring immediate decision, but it was something he could not clearly understand or put into words.	Впрочем, он тут же догадался, что и не это одно его тревожит; было что-то, требующее немедленного разрешения, но чего ни осмыслить, ни словами нельзя было передать.
It was a hopeless tangle.	Все в какой-то клубок сматывалось.
"No, better the struggle again!	"Нет, уж лучше бы какая борьба!
	Лучше бы опять Порфирий... или

Better Porfiry again... or Svidrigailov....	Свидригайлов...
Better some challenge again... some attack.	Поскорей бы опять какой-нибудь вызов, чье-нибудь нападение...
Yes, yes!" he thought.	Да! да!" - думал он.

He went out of the tavern and rushed away almost at a run.	Он вышел из харчевни и бросился чуть не бежать.
The thought of Dounia and his mother suddenly reduced him almost to a panic.	Мысль о Дуне и матери навела на него вдруг почему-то как бы панический страх.
That night he woke up before morning among some bushes in Krestovsky Island, trembling all over with fever; he walked home, and it was early morning when he arrived.	В эту-то ночь, перед утром, он и проснулся в кустах, на Крестовском острове, весь издрогнувший, в лихорадке; он пошел домой и пришел уже ранним утром.
After some hours' sleep the fever left him, but he woke up late, two o'clock in the afternoon.	После нескольких часов сна лихорадка прошла, но проснулся он уже поздно: было два часа пополудни.
He remembered that Katerina Ivanovna's funeral had been fixed for that day, and was glad that he was not present at it.	Он вспомнил, что в этот день назначены похороны Катерины Ивановны, и обрадовался, что не присутствовал на них.
Nastasya brought him some food; he ate and drank with appetite, almost with greediness.	Настасья принесла ему есть; он ел и пил с большим аппетитом, чуть не с жадностью.
His head was fresher and he was calmer than he had been for the last three days.	Г олова его была свежее, и он сам спокойнее, чем в эти последние три дня.
He even felt a passing wonder at his previous attacks of panic.	Он даже подивился, мельком, прежним приливам своего панического страха.
The door opened and Razumihin came in.	Дверь отворилась, и вошел Разумихин.
"Ah, he's eating, then he's not ill," said Razumihin. He took a chair and sat down at the table opposite Raskolnikov.	- А! ест, стало быть не болен! - сказал Разумихин, взял стул и сел за стол против Раскольникова.
He was troubled and did not attempt to conceal it.	Он был встревожен и не старался этого скрыть.
He spoke with evident annoyance, but without hurry or raising his voice.	Г оворил он с видимою досадой, но не торопясь и не возвышая особенно голоса.
He looked as though he had some special fixed determination.	Можно бы подумать, что в нем засело какое-то особое и даже исключительное намерение.

"Listen," he began resolutely. "As far as I am concerned, you may all go to hell, but from what I see, it's clear to me that I can't make head or tail of it; please don't think I've come to ask you questions.	- Слушай, - начал он решительно, - мне там черт с вами со всеми, но по тому, что я вижу теперь, вижу ясно, что ничего не могу понять; пожалуйста, не считай, что я пришел допрашивать.
I don't want to know, hang it!	Наплевать! Сам не хочу!
If you begin telling me your secrets, I dare say I shouldn't stay to listen, I should go away cursing.	Сам теперь все открывай, все ваши секреты, так я еще и слушать-то, может быть, не стану, плюну и уйду.
I have only come to find out once for all whether it's a fact that you are mad?	Я пришел только узнать лично и окончательно: правда ли, во-первых, что ты сумасшедший?
There is a conviction in the air that you are mad or very nearly so.	Про тебя, видишь ли, существует убеждение (ну, там, где-нибудь), что ты, может быть, сумасшедший или очень к тому склонен.

I admit I've been disposed to that opinion myself, judging from your stupid, repulsive and quite inexplicable actions, and from your recent behavior to your mother and sister.	Признаюсь тебе, я и сам сильно был склонен поддерживать это мнение, во-первых, судя по твоим глупым и отчасти гнусным поступкам (ничем не объяснимым), а во-вторых, по твоему недавнему поведению с матерью и сестрой.
Only a monster or a madman could treat them as you have; so you must be mad."	Только изверг и подлец, если не сумасшедший, мог бы так поступить с ними, как ты поступил; а следовательно, ты сумасшедший...
"When did you see them last?"	- Ты давно их видел?
"Just now.	- Сейчас.
Haven't you seen them since then?	А ты с тех пор не видал?
What have you been doing with yourself? Tell me, please. I've been to you three times already.	Где ты шляешься, скажи мне, пожалуйста, я к тебе три раза заходил.
Your mother has been seriously ill since yesterday.	Мать больна со вчерашнего дня серьезно.
She had made up her mind to come to you; Avdotya Romanovna tried to prevent her; she wouldn't hear a word.	Собралась к тебе; Авдотья Романовна стала удерживать; слушать ничего не хочет:
'If he is ill, if his mind is giving way, who can look after him like his mother?' she said.	"Если он, говорит, болен, если у него ум мешается, кто же ему поможет, как не мать?"

We all came here together, we couldn't let her come alone all the way.	Пришли мы сюда все, потому не бросать же нам ее одну.
We kept begging her to be calm. We came in, you weren't here; she sat down, and stayed ten minutes, while we stood waiting in silence.	До самых твоих дверей упрашивали успокоиться. Вошли, тебя нет, вот здесь она и сидела. Просидела десять минут, мы над нею стояли, молча.
She got up and said:	Встала и говорит:
'If he's gone out, that is, if he is well, and has forgotten his mother, it's humiliating and unseemly for his mother to stand at his door begging for kindness.'	"Если он со двора выходит, а стало быть, здоров и мать забыл, значит, неприлично и стыдно матери у порога стоять и ласки, как подачки выпрашивать".
She returned home and took to her bed; now she is in a fever.	Домой воротилась и слегла; теперь в жару:
' I see,' she said, 'that he has time for _his girl_.'	"Вижу, говорит, для своей у него есть время".
She means by _your girl_ Sofya Semyonovna, your betrothed or your mistress, I don't know.	Она полагает, что своя-то - это Софья Семеновна, твоя невеста, или любовница, уж не знаю.
I went at once to Sofya Semyonovna's, for I wanted to know what was going on. I looked round, I saw the coffin, the children crying, and Sofya Semyonovna trying them on mourning dresses.	Я пошел было тотчас к Софье Семеновне, потому, брат, я хотел все разузнать, - прихожу, смотрю: гроб стоит, дети плачут. Софья Семеновна траурные платица им примеряет.
No sign of you.	Тебя нет.
I apologised, came away, and reported to Avdotya Romanovna.	Посмотрел, извинился и вышел, так и Авдотье Романовне донес.
So that's all nonsense and you haven't got a girl; the most likely thing is that you are mad.	Все, стало быть, это вздор, и нет тут никакой своей, вернее всего, стало быть, сумасшествие.

But here you sit, guzzling boiled beef as though you'd not had a bite for three days.	Но вот ты сидишь и вареную говядину жрешь, точно три дня не ел.
Though as far as that goes, madmen eat too, but though you have not said a word to me yet... you are not mad!	Оно, положим, и сумасшедшие тоже едят, но хоть ты и слова со мной не сказал, но ты... не сумасшедший!
That I'd swear!	В этом я поклянусь.
Above all, you are not mad!	Прежде всего, не сумасшедший.

So you may go to hell, all of you, for there's some mystery, some secret about it, and I don't intend to worry my brains over your secrets.	Итак, черт с вами со всеми, потому что тут какая-то тайна, какой-то секрет; а я над вашими секретами ломать головы не намерен.
So I've simply come to swear at you," he finished, getting up, "to relieve my mind. And I know what to do now."	Так только зашел обругаться, - заключил он, вставая, - душу отвести, а я знаю, что' мне теперь делать!
"What do you mean to do now?"	- Что же ты теперь хочешь делать?
"What business is it of yours what I mean to do?"	- А тебе какое дело, что' я теперь хочу делать?
"You are going in for a drinking bout."	- Смотри, ты запьешь!
"How... how did you know?"	- Почему... почему ты это узнал?
"Why, it's pretty plain."	- Ну вот еще!
Razumihin paused for a minute.	Разумихин помолчал с минуту.
"You always have been a very rational person and you've never been mad, never," he observed suddenly with warmth.	- Ты всегда был очень рассудительный человек и никогда, никогда ты не был сумасшедшим, - заметил он вдруг с жаром.
"You're right: I shall drink.	- Это так: я запью!
Good-bye!"	Прощай!
And he moved to go out.	- И он двинулся идти.
"I was talking with my sister--the day before yesterday, I think it was--about you, Razumihin."	- Я о тебе, третьего дня кажется, с сестрой говорил, Разумихин.
"About me!"	- Обо мне!
But... where can you have seen her the day before yesterday?" Razumihin stopped short and even turned a little pale.	Да... ты где же ее мог видеть третьего дня? - вдруг остановился Разумихин, даже побледнел немного.
One could see that his heart was throbbing slowly and violently.	Можно было угадать, что сердце его медленно и с напряжением застучало в груди.
"She came here by herself, sat there and talked to me."	- Она сюда приходила, одна, здесь сидела, говорила со мной.
"She did!"	- Она!
"Yes."	- Да, она.
"What did you say to her... I mean, about me?"	- Что же ты говорил... я хочу сказать, обо мне-то?

"I told her you were a very good, honest,
and industrious man.

- Я сказал ей, что ты очень хороший,
честный и трудолюбивый человек.

I didn't tell her you love her, because she knows that herself."	Что ты ее любишь, я ей не говорил, потому что она сама знает.
"She knows that herself?"	- Сама знает?
"Well, it's pretty plain.	- Ну, вот еще!
Wherever I might go, whatever happened to me, you would remain to look after them.	Куда бы я ни отправился, что бы со мной ни случилось, - ты бы остался у них провидением.
I, so to speak, give them into your keeping, Razumihin.	Я, так сказать, передаю их тебе, Разумихин.
I say this because I know quite well how you love her, and am convinced of the purity of your heart.	Говорю это, потому что совершенно знаю, как ты ее любишь, и убежден в чистоте твоего сердца.
I know that she too may love you and perhaps does love you already.	Знаю тоже, что и она тебя может любить, и даже, может быть, уж и любит.
Now decide for yourself, as you know best, whether you need go in for a drinking bout or not."	Теперь сам решай, как знаешь лучше, - надо иль не надо тебе запивать.
"Rodya!	- Родька...
You see... well....	Видишь... Ну...
Ach, damn it!	Ах, черт!
But where do you mean to go?	А ты-то куда хочешь отправиться?
Of course, if it's all a secret, never mind....	Видишь: если все это секрет, то пусть!
But I... I shall find out the secret... and I am sure that it must be some ridiculous nonsense and that you've made it all up.	Но я... я узнаю секрет... И уверен, что непременно какой-нибудь вздор и страшные пустяки и что ты один все и затеял.
Anyway you are a capital fellow, a capital fellow!..."	А впрочем, ты отличный человек! Отличный человек!..
"That was just what I wanted to add, only you interrupted, that that was a very good decision of yours not to find out these secrets.	- А я именно хотел тебе прибавить, да ты перебил, что ты это очень хорошо давеча рассудил, чтобы тайны и секреты эти не узнавать.
Leave it to time, don't worry about it.	Оставь до времени, не беспокойся.
You'll know it all in time when it must be.	Все в свое время узнаешь, именно тогда, когда надо будет.
Yesterday a man said to me that what a man needs is fresh air, fresh air, fresh air.	Вчера мне один человек сказал, что надо воздуху человеку, воздуху, воздуху!

I mean to go to him directly to find out what he meant by that."	Я хочу к нему сходить сейчас и узнать, что он под этим разумеет.
Razumihin stood lost in thought and excitement, making a silent conclusion.	Разумихин стоял в задумчивости и в волнении и что-то соображал.
"He's a political conspirator!	"Это политический заговорщик!
He must be.	Наверно!
And he's on the eve of some desperate step, that's certain.	И он накануне какого-нибудь решительного шага - это наверно!

It can only be that! And... and Dounia knows," he thought suddenly.	Иначе быть не может и... и Дуня знает..." - подумал он вдруг про себя.
"So Avdotya Romanovna comes to see you," he said, weighing each syllable, "and you're going to see a man who says we need more air, and so of course that letter... that too must have something to do with it," he concluded to himself.	- Так к тебе ходит Авдотья Романовна, - проговорил он, скандируя слова, - а ты сам хочешь видеться с человеком, который говорит, что воздуху надо больше, воздуху и... и, стало быть, и это письмо... это тоже чтонибудь из того же, - заключил он как бы про себя.
"What letter?"	- Какое письмо?
"She got a letter to-day. It upset her very much--very much indeed.	- Она письмо одно получила, сегодня, ее очень встревожило. Очень.
Too much so.	Слишком уж даже.
I began speaking of you, she begged me not to.	Я заговорил о тебе - просила замолчать.
Then... then she said that perhaps we should very soon have to part... then she began warmly thanking me for something; then she went to her room and locked herself in."	Потом... потом сказала, что, может, мы очень скоро расстанемся, потом стала меня за что-то горячо благодарить; потом ушла к себе и заперлась.
"She got a letter?" Raskolnikov asked thoughtfully.	- Она письмо получила? - задумчиво переспросил Раскольников.
"Yes, and you didn't know? hm..."	- Да, письмо; а ты не знал? Гм.
They were both silent.	Они оба помолчали.
"Good-bye, Rodion.	- Прощай, Родион.
There was a time, brother, when I.... Never mind, good-bye. You see, there was a time....	Я, брат... было одно время... а впрочем, прощай, видишь, было одно время...

Well, good-bye!	Ну, прощай!
I must be off too.	Мне тоже пора.
I am not going to drink.	Пить не буду.
There's no need now.... That's all stuff!"	Теперь не надо... врешь!
He hurried out; but when he had almost closed the door behind him, he suddenly opened it again, and said, looking away:	Он торопился; но, уже выходя и уж почти затворив за собою дверь, вдруг отворил ее снова и сказал, глядя кудато в сторону:
"Oh, by the way, do you remember that murder, you know Porfiry's, that old woman?"	- Кстати! Помнишь это убийство, ну, вот Порфирий-то: старуху-то?
Do you know the murderer has been found, he has confessed and given the proofs.	Ну, так знай, что убийца этот отыскался, сознался сам и доказательства все представил.
It's one of those very workmen, the painter, only fancy! Do you remember I defended them here?	Это один из тех самых работников, красильщики-то, представь себе, помнишь, я их тут еще защищал?
Would you believe it, all that scene of fighting and laughing with his companions on the stairs while the porter and the two witnesses were going up, he got up on purpose to disarm suspicion.	Веришь ли, что всю эту сцену драки и смеху на лестнице, с своим товарищем, когда те-то взбирались, дворник и два свидетеля, он нарочно устроил, именно для отводу.

The cunning, the presence of mind of the young dog!	Какова хитрость, каково присутствие духа в этаким щенке!
One can hardly credit it; but it's his own explanation, he has confessed it all.	Поверить трудно; да сам разъяснил, сам во всем признался!
And what a fool I was about it!	И как я-то влопался!
Well, he's simply a genius of hypocrisy and resourcefulness in disarming the suspicions of the lawyers--so there's nothing much to wonder at, I suppose!	Что ж, по-моему, это только гений притворства и находчивости, гений юридического отвода, - а стало быть, нечему особенно удивляться!
Of course people like that are always possible.	Разве такие не могут быть?
And the fact that he couldn't keep up the character, but confessed, makes him easier to believe in.	А что он не выдержал характера и сознался, так я ему за это еще больше верю. Правдоподобнее...
But what a fool I was!	Но как я-то, я-то тогда влопался!
I was frantic on their side!"	За них на стену лез!

"Tell me, please, from whom did you hear that, and why does it interest you so?" Raskolnikov asked with unmistakable agitation.	- Скажи, пожалуйста, откуда ты это узнал и почему тебя это так интересует? - с видимым волнением спросил Раскольников.
"What next?	- Ну вот еще!
You ask me why it interests me!...	Почему меня интересует!
Well, I heard it from Porfiry, among others...	Спросил!.. А узнал я от Порфирия, в числе других.
It was from him I heard almost all about it."	Впрочем, от него почти все и узнал.
"From Porfiry?"	- От Порфирия?
"From Porfiry."	- От Порфирия.
"What... what did he say?" Raskolnikov asked in dismay.	- Что же... что же он? - испуганно спросил Раскольников.
"He gave me a capital explanation of it.	- Он это отлично мне разъяснил.
Psychologically, after his fashion."	Психологически разъяснил, по-своему.
"He explained it?	- Он разъяснил?
Explained it himself?"	Сам же тебе и разъяснял?
"Yes, yes; good-bye.	- Сам, сам; прощай!
I'll tell you all about it another time, but now I'm busy.	Потом еще кой-что расскажу, а теперь дело есть.
There was a time when I fancied...	Там... было одно время, что я подумал...
But no matter, another time!...	Ну да что; потом!..
What need is there for me to drink now?	Зачем мне теперь напиваться.
You have made me drunk without wine.	Ты меня и без вина напоил.
I am drunk, Rodya!	Пьян ведь я, Родька!
Good-bye, I'm going. I'll come again very soon."	Без вина пьян теперь, ну да прощай; зайду; очень скоро.

He went out.	Он вышел.
"He's a political conspirator, there's not a doubt about it," Razumihin decided, as he slowly descended the stairs.	"Это, это политический заговорщик, это наверно, наверно! - окончательно решил про себя Разумихин, медленно спускаясь с лестницы.
"And he's drawn his sister in; that's quite, quite in	- И сестру втянул; это очень, очень может быть с характером Авдотьи

keeping with Avdotya Romanovna's character.	Романовны.
There are interviews between them!...	Свидания у них пошли...
She hinted at it too...	А ведь она тоже мне намекала.
So many of her words.... and hints... bear that meaning!	По многим ее словам... и словечкам... и намекам, все это выходит именно так!
And how else can all this tangle be explained?	Да и как иначе объяснить всю эту путаницу?
Hm!	Гм!
And I was almost thinking...	А я было думал...
Good heavens, what I thought!	О господи, что это я было вздумал.
Yes, I took leave of my senses and I wronged him!	Да-с, это было затмение, и я пред ним виноват!
It was his doing, under the lamp in the corridor that day.	Это он тогда у лампы, в коридоре, затмение на меня навел.
Pfoo!	Тьфу!
What a crude, nasty, vile idea on my part!	Какая скверная, грубая, подлая мысль с моей стороны!
Nikolay is a brick, for confessing....	Молодец Миколка, что признался...
And how clear it all is now!	Да и прежнее теперь как все объясняется!
His illness then, all his strange actions... before this, in the university, how morose he used to be, how gloomy....	Эта болезнь его тогда, его странные все такие поступки, даже и прежде, прежде, еще в университете, какой он был всегда мрачный, угрюмый...
But what's the meaning now of that letter?	Но что же значит теперь это письмо?
There's something in that, too, perhaps.	Тут, пожалуй, что-нибудь тоже есть.
Whom was it from?	От кого это письмо?
I suspect...!	Я подозреваю... Гм.
No, I must find out!"	Нет, это я все разузнаю".
He thought of Dounia, realising all he had heard and his heart throbbed, and he suddenly broke into a run.	Он вспомнил и сообразил все о Дунечке, и сердце его замерло. Он сорвался с места и побежал.
As soon as Razumihin went out, Raskolnikov got	Раскольников, как только вышел

up, turned to the window, walked into one corner and then into another, as though forgetting the smallness of his room, and sat down again on the sofa.	Разумихин, встал, повернулся к окну, толкнулся в угол, в другой, как бы забыв о тесноте своей конуры, и... сел опять на диван.
He felt, so to speak, renewed; again the struggle, so a means of escape had come.	Он весь как бы обновился; опять борьба -значит, нашелся исход!
"Yes, a means of escape had come!	"Да, значит, нашелся исход!

It had been too stifling, too cramping, the burden had been too agonising. A lethargy had come upon him at times.	А то уж слишком все сперлось и закупорилось, мучительно стало давить, дурман напал какой-то.
From the moment of the scene with Nikolay at Porfiry's he had been suffocating, penned in without hope of escape.	С самой сцены с Миколкой у Порфирия начал он задыхаться без выхода, в тесноте.
After Nikolay's confession, on that very day had come the scene with Sonia; his behaviour and his last words had been utterly unlike anything he could have imagined beforehand; he had grown feebler, instantly and fundamentally!	После Миколки, в тот же день, была сцена у Сони; вел и кончил он ее совсем, совсем не так, как бы мог воображать себе прежде... ослабел, значит, мгновенно и радикально! Разом!
And he had agreed at the time with Sonia, he had agreed in his heart he could not go on living alone with such a thing on his mind!	И ведь согласился же он тогда с Соней, сам согласился, сердцем согласился, что так ему одному с таким делом на душе не прожить!
"And Svidrigailov was a riddle...	А Свидригайлов? Свидригайлов загадка...
He worried him, that was true, but somehow not on the same point.	Свидригайлов беспокоит его, это правда, но как-то не с той стороны.
He might still have a struggle to come with Svidrigailov.	С Свидригайловым, может быть, еще тоже предстоит борьба.
Svidrigailov, too, might be a means of escape; but Porfiry was a different matter.	Свидригайлов, может быть, тоже целый исход; но Порфирий дело другое.
"And so Porfiry himself had explained it to Razumihin, had explained it _psychologically_.	Итак, Порфирий сам еще и разъяснял Разумихину, психологически ему разъяснял!
He had begun bringing in his damned psychology again!	Опять свою проклятую психологию подводить начал!
Porfiry?	Порфирий-то?

But to think that Porfiry should for one moment believe that Nikolay was guilty, after what had passed between them before Nikolay's appearance, after that tete-a-tete interview, which could have only <u>one</u> explanation? (During those days Raskolnikov had often recalled passages in that scene with Porfiry; he could not bear to let his mind rest on it.) Such words, such gestures had passed between them, they had exchanged such glances, things had been said in such a tone and had reached such a pass, that Nikolay, whom Porfiry had seen through at the first word, at the first gesture, could not have shaken his conviction.	Да чтобы Порфирий поверил хоть на одну минуту, что Миколка виновен, после того, что между ними было тогда, после той сцены, глаз на глаз, до Миколки, на которую нельзя найти правильного толкования, кроме одного? (Раскольникову несколько раз в эти дни мелькалась и вспоминалась клочками вся эта сцена с Порфирием; в целом он бы не мог вынести воспоминания.) Были в то время произнесены между ними такие слова, произошли такие движения и жесты, обменялись они такими взглядами, сказано было кой-что таким голосом, доходило до таких пределов, что уж после этого не Миколке (которого Порфирий наизусть с первого слова и жеста угадал), не Миколке было поколебать самую основу его убеждений.
"And to think that even Razumihin had begun to suspect!	А каково! Даже Разумихин начал было подозревать!
The scene in the corridor under the lamp had produced its effect then.	Сцена в коридоре, у лампы, прошла тогда не даром.
He had rushed to Porfiry....	Вот он бросился к Порфирию...

But what had induced the latter to receive him like that?	Но с какой же стати этот-то стал его так надувать?
What had been his object in putting Razumihin off with Nikolay?	Что у него за цель отводить глаза у Разумихина на Миколку?
He must have some plan; there was some design, but what was it?	Ведь он непременно что-то задумал; тут есть намерения, но какие?
It was true that a long time had passed since that morning--too long a time--and no sight nor sound of Porfiry.	Правда, с того утра прошло много времени, - слишком, слишком много, а о Порфирии не было ни слуху, ни духу.
Well, that was a bad sign...."	Что ж, это, конечно, хуже..."
Raskolnikov took his cap and went out of the room, still pondering.	Раскольников взял фуражку и, задумавшись, пошел из комнаты.
It was the first time for a long while that he had felt clear in his mind, at least.	Первый день, во все это время, он чувствовал себя, по крайней мере, в здравом сознании.
"I must settle Svidrigailov," he thought, "and as soon as possible; he, too,	"Надо кончить с Свидригайловым, - думал он, - и во что бы то ни стало, как можно скорей: этот

seems to be waiting for me to come to him of my own accord."	тоже, кажется, ждет, чтоб я сам к нему пришел".
And at that moment there was such a rush of hate in his weary heart that he might have killed either of those two-- Porfiry or Svidrigailov.	И в это мгновение такая ненависть поднялась вдруг из его усталого сердца, что, может быть, он бы мог убить когонибудь из этих двух: Свидригайлова или Порфирия.
At least he felt that he would be capable of doing it later, if not now.	По крайней мере, он почувствовал, что если не теперь, то впоследствии он в состоянии это сделать.
"We shall see, we shall see," he repeated to himself.	"Посмотрим, посмотрим", - повторял он про себя.
But no sooner had he opened the door than he stumbled upon Porfiry himself in the passage.	Но только что он отворил дверь в сени, как вдруг столкнулся с самим Порфирием.
He was coming in to see him.	Тот входил к нему.
Raskolnikov was dumbfounded for a minute, but only for one minute.	Раскольников остолбенел на одну минуту.
Strange to say, he was not very much astonished at seeing Porfiry and scarcely afraid of him.	Странно, он не очень удивился Порфирию и почти его не испугался.
He was simply startled, but was quickly, instantly, on his guard.	Он только вздрогнул, но быстро, мгновенно приготовился.
"Perhaps this will mean the end?"	"Может быть, развязка!"
But how could Porfiry have approached so quietly, like a cat, so that he had heard nothing?	Но как же это он подошел тихонько, как кошка, и я ничего не слышал?
Could he have been listening at the door?"	Неужели подслушивал?"
"You didn't expect a visitor, Rodion Romanovitch," Porfiry explained, laughing.	- Не ждали гостя, Родион Романович, -вскричал, смеясь, Порфирий Петрович.

"I've been meaning to look in a long time; I was passing by and thought why not go in for five minutes.	- Давно завернуть собирался, прохожу, думаю -почему не зайти минут на пять поведать.
Are you going out?	Куда-то собрались?
I won't keep you long.	Не задержу.
	Только вот одну папиросочку, если

Just let me have one cigarette."	позволите.
"Sit down, Porfiry Petrovitch, sit down." Raskolnikov gave his visitor a seat with so pleased and friendly an expression that he would have marvelled at himself, if he could have seen it.	- Да садитесь, Порфирий Петрович, садитесь,- усаживал гостя Раскольников, с таким, по-видимому, довольным и дружеским видом, что, право, сам на себя подивился, если бы мог на себя поглядеть.
The last moment had come, the last drops had to be drained!	Последки, подонки выскребывались!
So a man will sometimes go through half an hour of mortal terror with a brigand, yet when the knife is at his throat at last, he feels no fear.	Иногда этак человек вытерпит полчаса смертного страха с разбойником, а как приложат ему нож к горлу окончательно, так тут даже и страх пройдет.
Raskolnikov seated himself directly facing Porfiry, and looked at him without flinching.	Он прямо уселся пред Порфирием и, не смигнув, смотрел на него.
Porfiry screwed up his eyes and began lighting a cigarette.	Порфирий прищурился и начал закуривать папироску.
"Speak, speak," seemed as though it would burst from Raskolnikov's heart.	"Ну, говори же, говори же, - как будто так и хотело выпрыгнуть из сердца Раскольникова.
"Come, why don't you speak?"	- Ну что же, что же, что же ты не говоришь?"
CHAPTER II	II
"Ah these cigarettes!" Porfiry Petrovitch ejaculated at last, having lighted one.	- Ведь вот эти папироски! - заговорил наконец Порфирий Петрович, кончив закуривать и отдохнувшись, - вред, чистый вред, а отстать не могу!
"They are pernicious, positively pernicious, and yet I can't give them up!	Кашляю-с, першить начало, и одышка.
I cough, I begin to have tickling in my throat and a difficulty in breathing. You know I am a coward, I went lately to Dr. B—n; he always gives at least half an hour to each patient. He positively laughed looking at me; he sounded me: 'Tobacco's bad for you,' he said, 'your lungs are affected.'	Я, знаете, труслив-с, поехал наведни к Бну, -каждого больного minimum по полчаса осматривает; так даже рассмеялся, на меня глядя: и стукал, и слушал, - вам, говорит, между прочим, табак не годится; легкие расширены.
But how am I to give it up?	Ну, а как я его брошу?
What is there to take its place?	Чем заменяю?

I don't drink, that's the mischief, he-he-he, that I don't.	Не пью-с, вот вся и беда, хе-хе-хе, что не пью-то, беда!
Everything is relative, Rodion Romanovitch, everything is relative!"	Все ведь относительно, Родион Романыч, все относительно!

"Why, he's playing his professional tricks again," Raskolnikov thought with disgust.	"Что же это он, за свою прежнюю казенщину принимается, что ли!" - с отвращением подумалось Раскольникову.
All the circumstances of their last interview suddenly came back to him, and he felt a rush of the feeling that had come upon him then.	Вся недавняя сцена последнего их свидания внезапно ему припомнилась, и тогдашнее чувство волною прихлынуло к его сердцу.
"I came to see you the day before yesterday, in the evening; you didn't know?" Porfiry Petrovitch went on, looking round the room.	- А ведь я к вам уже заходил третьего дня вечером; вы и не знаете? - продолжал Порфирий Петрович, осматривая комнату, - в комнату, в эту самую, входил.
"I came into this very room. I was passing by, just as I did to-day, and I thought I'd return your call.	Тоже, как и сегодня, прохожу мимо - дай, думаю, визитик-то ему отдам.
I walked in as your door was wide open, I looked round, waited and went out without leaving my name with your servant.	Зашел, а комната настежь; осмотрелся, подождал, да и служанке вашей не доложился - вышел.
Don't you lock your door?"	Не запираете?
Raskolnikov's face grew more and more gloomy.	Лицо Раскольникова омрачалось более и более.
Porfiry seemed to guess his state of mind.	Порфирий точно угадал его мысли.
"I've come to have it out with you, Rodion Romanovitch, my dear fellow!	- Объясниться пришел, голубчик Родион Романыч, объясниться-с!
I owe you an explanation and must give it to you," he continued with a slight smile, just patting Raskolnikov's knee. But almost at the same instant a serious and careworn look came into his face; to his surprise Raskolnikov saw a touch of sadness in it.	Должен и обязан пред вами объяснением-с, - продолжал он с улыбкой и даже слегка стукнул ладонью по коленке Раскольникова, но почти в то же мгновение лицо его вдруг приняло серьезную и озабоченную мину; даже как будто грустью подернулось, к удивлению Раскольникова.
He had never seen and never suspected such an expression in his face.	Он никогда еще не видал и не подозревал у него такого лица.

"A strange scene passed between us last time we met, Rodion Romanovitch.	- Странная сцена произошла в последний раз между нами, Родион Романович.
Our first interview, too, was a strange one; but then... and one thing after another!	Оно пожалуй, и в первое наше свидание между нами происходила тоже странная сцена; но тогда... Ну теперь уж все одно к одному!
This is the point: I have perhaps acted unfairly to you; I feel it.	Вот что-с: я, может быть, и очень виноват перед вами выхожу; я это чувствую-с.
Do you remember how we parted? Your nerves were unhinged and your knees were shaking and so were mine.	Ведь мы как расстались-то, помните ли: у вас нервы поют и подколенки дрожат, и у меня нервы поют и подколенки дрожат.
And, you know, our behaviour was unseemly, even ungentlemanly.	И знаете, как-то оно даже и непорядочно между нами тогда вышло, не по-джентльменски.
And yet we are gentlemen, above all, in any case, gentlemen; that must be understood.	А ведь мы все-таки джентльмены; то есть, во всяком случае, прежде всего джентльмены; это надо понимать-с.
Do you remember what we came to?... and it was quite indecorous."	Ведь помните, до чего доходило... совсем уж даже и неприлично-с.

"What is he up to, what does he take me for?" Raskolnikov asked himself in amazement, raising his head and looking with open eyes on Porfiry.	"Что ж это он, за кого меня принимает?" - с изумлением спрашивал себя Раскольников, приподняв голову и во все глаза смотря на Порфирия.
"I've decided openness is better between us," Porfiry Petrovitch went on, turning his head away and dropping his eyes, as though unwilling to disconcert his former victim and as though disdaining his former wiles. "Yes, such suspicions and such scenes cannot continue for long.	- Я рассудил, что нам по откровенности теперь действовать лучше, - продолжал Порфирий Петрович, немного откинув голову и опустив глаза, как бы не желая более смущать своим взглядом свою прежнюю жертву и как бы пренебрегая своими прежними приемами и уловками, - да-с, такие подозрения и такие сцены продолжаться долго не могут.
Nikolay put a stop to it, or I don't know what we might not have come to.	Разрешил нас тогда Миколка, а то я и не знаю, до чего бы между нами дошло.
That damned workman was sitting at the time in the next room--can you realise that?	Этот проклятый мещаниншка просидел у меня тогда за перегородкой, - можете себе это представить?
You know that, of course; and I am aware that he came to you afterwards. But what you supposed	Вы, конечно, уж это знаете; да и самому мне известно, что он к вам потом заходил; но то, что

then was not true: I had not sent for anyone, I had made no kind of arrangements.	вы тогда предположили, того не было: ни за кем я не посылал и ни в чем еще я тогда не распорядился.
You ask why I hadn't?	Спро'сите, почему не распорядился?
What shall I say to you? it had all come upon me so suddenly.	А как вам сказать: самого меня это тогда как бы пристукнуло.
I had scarcely sent for the porters (you noticed them as you went out, I dare say). An idea flashed upon me; I was firmly convinced at the time, you see, Rodion Romanovitch.	Я и за дворником-то едва распорядился послать. (Дворников-то, небось, заметили, проходя.) Мысль тогда у меня пронеслась, так одна, быстро, как молния; крепко уж, видите ли, убежден я был тогда, Родион Романыч.
Come, I thought--even if I let one thing slip for a time, I shall get hold of something else--I shan't lose what I want, anyway.	Дай же, я думаю, хоть и упущу на время одно, зато другое схвачу за хвост, - своего-то, своего-то, по крайности, не упущу.
You are nervously irritable, Rodion Romanovitch, by temperament; it's out of proportion with other qualities of your heart and character, which I flatter myself I have to some extent divined.	Раздражительны вы уж очень, Родион Романыч, от природы-с; даже уж слишком-с, при всех-то других основных свойствах вашего характера и сердца, я льщу себя надеждой, что отчасти постиг-с.
Of course I did reflect even then that it does not always happen that a man gets up and blurts out his whole story.	Ну уж, конечно, и я мог, даже и тогда, рассудить, что не всегда этак случается, чтобы вот встал человек да и брякнул вам всю подноготную.
It does happen sometimes, if you make a man lose all patience, though even then it's rare.	Это хоть и случается, в особенности когда человека из последнего терпения выведешь, но, во всяком случае, редко.
I was capable of realising that.	Это и я мог рассудить.

If I only had a fact, I thought, the least little fact to go upon, something I could lay hold of, something tangible, not merely psychological.	Нет, думаю, мне бы хоть черточку! Хоть бы самую махочкую черточку, только одну, но только такую, чтоб уж этак руками можно взять было, чтоб уж вещь была, а не то что одну эту психологию.
For if a man is guilty, you must be able to get something substantial out of him; one may reckon upon most surprising results indeed.	Потому, думал я, если человек виновен, то уж, конечно, можно, во всяком случае, чего-нибудь существенного от него дожидаться; позволительно даже и на самый неожиданный результат рассчитывать.

I was reckoning on your temperament, Rodion Romanovitch, on your temperament above all things!	На характер ваш я тогда рассчитывал, Родион Романыч, больше всего на характер-с!
I had great hopes of you at that time."	Надеялся уж очень тогда на вас.
"But what are you driving at now?" Raskolnikov muttered at last, asking the question without thinking.	- Да вы... да что же вы теперь-то все так говорите, - пробормотал, наконец, Раскольников, даже не осмыслив хорошенько вопроса.
"What is he talking about?" he wondered distractedly, "does he really take me to be innocent?"	"Об чем он говорит, - терялся он про себя, - неужели же в самом деле за невинного меня принимает?"
"What am I driving at?"	- Что так говорю?
I've come to explain myself, I consider it my duty, so to speak.	А объясниться пришел-с, так сказать, долгом святым почитаю.
I want to make clear to you how the whole business, the whole misunderstanding arose.	Хочу вам все дотла изложить, как все было, всю эту историю всего этого тогдашнего, так сказать, омрачения.
I've caused you a great deal of suffering, Rodion Romanovitch.	Много я заставил вас перестрадать, Родион Романыч.
I am not a monster.	Я не изверг-с.
I understand what it must mean for a man who has been unfortunate, but who is proud, imperious and above all, impatient, to have to bear such treatment!	Ведь понимаю же и я, каково это все перетащить на себе человеку, удрученному, но гордому, властному и нетерпеливому, в особенности нетерпеливому!
I regard you in any case as a man of noble character and not without elements of magnanimity, though I don't agree with all your convictions. I wanted to tell you this first, frankly and quite sincerely, for above all I don't want to deceive you.	Я вас, во всяком случае, за человека наиблагороднейшего почитаю-с, и даже с зачатками великодушия-с, хоть и не согласен с вами во всех убеждениях ваших, о чем долгом считаю заявить наперед, прямо и с совершенною искренностью, ибо прежде всего не желаю обманывать.
When I made your acquaintance, I felt attracted by you.	Познав вас, почувствовал к вам привязанность.
Perhaps you will laugh at my saying so.	Вы, может быть, на такие мои слова рассмеетесь?
You have a right to.	Право имеете-с.
I know you disliked me from the first	Знаю, что вы меня и с первого взгляда не

and indeed you've no reason to like me. You may think what you like, but I desire now to do all I can to efface that impression and to show that I am a man of heart and conscience.	полюбили, потому, в сущности, и не за что полюбить-с. Но считайте как хотите, а теперь желаю, с моей стороны, всеми средствами загладить произведенное впечатление и доказать, что и я человек с сердцем и совестью.
I speak sincerely."	Искренно говорю-с.
Porfiry Petrovitch made a dignified pause.	Порфирий Петрович приостановился с достоинством.
Raskolnikov felt a rush of renewed alarm.	Раскольников почувствовал прилив какого-то нового испуга.
The thought that Porfiry believed him to be innocent began to make him uneasy.	Мысль о том, что Порфирий считает его за невинного, начала вдруг пугать его.
"It's scarcely necessary to go over everything in detail," Porfiry Petrovitch went on.	- Рассказывать все по порядку, как это вдруг тогда началось, вряд ли нужно, - продолжал Порфирий Петрович; - я думаю, даже и лишнее.
"Indeed, I could scarcely attempt it.	Да и вряд ли я смогу-с. Потому, как это объяснить обстоятельно?
To begin with there were rumours.	Первоначально слухи пошли.
Through whom, how, and when those rumours came to me... and how they affected you, I need not go into.	О том, какие это были слухи и от кого и когда... и по какому поводу, собственно, до вас дело дошло, - тоже, я думаю, лишнее.
My suspicions were aroused by a complete accident, which might just as easily not have happened. What was it?	Лично же у меня началось со случайности, с одной совершенно случайной случайности, которая в высшей степени могла быть и могла не быть, - какой?
Hm! I believe there is no need to go into that either.	Гм, я думаю, тоже нечего говорить.
Those rumours and that accident led to one idea in my mind.	Все это, и слухи и случайности, совпало у меня тогда в одну мысль.
I admit it openly--for one may as well make a clean breast of it—I was the first to pitch on you.	Признаюсь откровенно, потому если уж признаваться, так во всем, - это я первый на вас тогда и напал.
The old woman's notes on the pledges and the rest of it—that all came to nothing.	Эти там, положим, старухины отметки на вещах и прочее, и прочее - все это вздор-с.
Yours was one of a hundred.	Таких штук сотню можно начесть.

I happened, too, to hear of the scene at the office, from a man who described it capitally, unconsciously reproducing the scene with great vividness.	Имел я тоже случай тогда до подробности разузнать о сцене в конторе квартала, тоже случайно-с, и не то чтобы так мимоходом, а от рассказчика особенного, капитального, который, и сам того не ведая, удивительно эту сцену осилил.
It was just one thing after another, Rodion Romanovitch, my dear fellow!	Все ведь это одно к одному-с, одно к одному-с, Родион Романыч, голубчик!
How could I avoid being brought to certain ideas?	Ну как тут было не повернуться в известную сторону?

From a hundred rabbits you can't make a horse, a hundred suspicions don't make a proof, as the English proverb says, but that's only from the rational point of view--you can't help being partial, for after all a lawyer is only human.	Изо ста кроликов никогда не составитя лошадь, изо ста подозрений никогда не составитя доказательства, ведь вот как одна английская пословица говорит, да ведь это только благоразумие-с, а со страстями-то, со страстями попробуйте справиться, потому и следователь человек-с.
I thought, too, of your article in that journal, do you remember, on your first visit we talked of it?	Вспомнил тут я и вашу статейку, в журнальце-то, помните, еще в первое-то ваше посещение в подробности о ней говорили.
I jeered at you at the time, but that was only to lead you on.	Я тогда поглумился, но это для того, чтобы вас на дальнейшее вызвать.
I repeat, Rodion Romanovitch, you are ill and impatient.	Повторяю, нетерпеливы и больны вы очень, Родион Романыч.
That you were bold, headstrong, in earnest and... had felt a great deal I recognised long before.	Что вы смелы, заносчивы, серьезны и ... чувствовали, много уж чувствовали, все это я давно уж знал-с.
I, too, have felt the same, so that your article seemed familiar to me.	Мне все эти ощущения знакомы, и статейку вашу я прочел как знакомую.
It was conceived on sleepless nights, with a throbbing heart, in ecstasy and suppressed enthusiasm.	В бессонные ночи и в исступлении она замышлялась, с подыманием и стуканьем сердца, с энтузиазмом подавленным.
And that proud suppressed enthusiasm in young people is dangerous!	А опасен этот подавленный, гордый энтузиазм в молодежи!
I jeered at you then, but let me tell you that, as a literary amateur, I am awfully fond of such first essays, full of the heat of youth.	Я тогда поглумился, а теперь вам скажу, что ужасно люблю вообще, то есть как любитель, эту первую, юную, горячую пробу пера.
There is a mistiness and a chord	

vibrating in the mist.	Дым, туман, струна звенит в тумане.
Your article is absurd and fantastic, but there's a transparent sincerity, a youthful incorruptible pride and the daring of despair in it. It's a gloomy article, but that's what's fine in it.	Статья ваша нелепа и фантастична, но в ней мелькает такая искренность, в ней гордость юная и неподкупная, в ней смелость отчаяния; она мрачная статья-с, да это хорошо-с.
I read your article and put it aside, thinking as I did so 'that man won't go the common way.'	Статейку вашу я прочел, да и отложил, и... как отложил ее тогда, да и подумал:
Well, I ask you, after that as a preliminary, how could I help being carried away by what followed?	"Ну, с этим человеком так не пройдет!" Ну, так как же, скажите теперь, после такого предыдущего не увлечься было последующим!
Oh, dear, I am not saying anything, I am not making any statement now.	Ах, господи! да разве я говорю что-нибудь? Разве я чтонибудь теперь утверждаю?
I simply noted it at the time.	Я тогда только заметил.
What is there in it?	Чего тут, думаю?
I reflected. There's nothing in it, that is really nothing and perhaps absolutely nothing.	Тут ничего, то есть ровно ничего, и, может быть, в высшей степени ничего.

And it's not at all the thing for the prosecutor to let himself be carried away by notions: here I have Nikolay on my hands with actual evidence against him--you may think what you like of it, but it's evidence.	Да и увлекаться этак мне, следовательно, совсем даже неприлично: у меня вон Миколка на руках, и уже с фактами, - там как хотите: а факты!
He brings in his psychology, too; one has to consider him, too, for it's a matter of life and death.	И тоже свою психологию подводит; им надо позаняться; потому тут дело жизни и смерти.
Why am I explaining this to you?	Для чего я вам теперь все это объясняю?
That you may understand, and not blame my malicious behaviour on that occasion.	А чтобы вы знали и с вашим умом и сердцем не обвиняли меня за мое злобное тогдашнее поведение.
It was not malicious, I assure you, he-he!	Не злобное-с, искренно говорюс, хе-хе!
Do you suppose I didn't come to search your room at the time?	Вы что думаете: я у вас тогда не был с обыском?
I did, I did, he-he! I was here when you were lying ill in bed, not officially, not in my own person, but I was here.	Был-с, был-с, хе-хе, был-с, когда вы вот здесь больной в постельке лежали. Не официально и не своим лицом, а был-с.

Your room was searched to the last thread at the first suspicion; but _umsonst_!	Да последнего волоска у вас, в квартире, было осмотрено, по первым даже следам; но - umsonst!
I thought to myself, now that man will come, will come of himself and quickly, too; if he's guilty, he's sure to come.	Думаю: теперь этот человек придет, сам придет, и очень скоро; коль виноват, так уж непременно придет.
Another man wouldn't, but he will.	Другой не придет, а этот придет.
And you remember how Mr. Razumihin began discussing the subject with you?	А помните, как господин Разумихин начал вам проговариваться?
We arranged that to excite you, so we purposely spread rumours, that he might discuss the case with you, and Razumihin is not a man to restrain his indignation.	Это мы устроили с тем, чтобы вас взволновать, потому мы нарочно и пустили слух, чтоб он вам проговорился, а господин Разумихин такой человек, что негодования не выдержит.
Mr. Zametov was tremendously struck by your anger and your open daring. Think of blurting out in a restaurant	Господину Заметову прежде всего ваш гнев и ваша открытая смелость в глаза бросилась: ну как это в трактире вдруг брякнуть:
' I killed her.'	"Я убил!"
It was too daring, too reckless. I thought so myself, if he is guilty he will be a formidable opponent.	Слишком смело-с, слишком дерзко-с, и если, думаю, он виноват, то это страшный боец!
That was what I thought at the time.	Так тогда и подумал-с.
I was expecting you.	Жду-с!
But you simply bowled Zametov over and... well, you see, it all lies in this--that this damnable psychology can be taken two ways!	Жду вас изо всех сил, а Заметова вы тогда просто придавили и... ведь в том-то и штука, что вся эта проклятая психология о двух концах!
Well, I kept expecting you, and so it was, you came!	Ну, так жду я вас, смотрю, а вас бог и дает -идете!
My heart was fairly throbbing.	Так у меня и стукнуло сердце.

Ach!	Эх!
"Now, why need you have come?	Ну зачем вам было тогда приходить?
Your laughter, too, as you came in, do you remember? I saw it all plain as daylight, but if I hadn't expected you so specially, I should not have noticed anything in your laughter.	Смех-то, смех-то ваш, как вошли тогда, помните, ведь вот точно сквозь стекло я все тогда угадал, а не жди я вас таким особенным образом, и в смехе вашем ничего бы не заметил.

You see what influence a mood has!	Вот оно что значит в настроении-то быть.
Mr. Razumihin then--ah, that stone, that stone under which the things were hidden! I seem to see it somewhere in a kitchen garden.	И господин Разумихин тогда, - ах! камень-то, камень-то, помните, камень-то, вот еще под которым вещи-то спрятаны?
It was in a kitchen garden, you told Zametov and afterwards you repeated that in my office?	Ну вот точно вижу его гденибудь там, в огороде, - в огороде ведь говорили вы, Заметову-то, а потом у меня-то, во второй раз?
And when we began picking your article to pieces, how you explained it! One could take every word of yours in two senses, as though there were another meaning hidden.	А как начали мы тогда эту вашу статью перебирать, как стали вы излагать - так вот каждое-то слово ваше вдвойне принимаешь, точно другое под ним сидит!
"So in this way, Rodion Romanovitch, I reached the furthest limit, and knocking my head against a post, I pulled myself up, asking myself what I was about.	Ну вот, Родион Романыч, таким-то вот образом я и дошел до последних столбов, да как стукнулся лбом, и опомнился. Нет, говорю, что это я!
After all, I said, you can take it all in another sense if you like, and it's more natural so, indeed. I couldn't help admitting it was more natural.	Ведь если захотеть, то все это, говорю, до последней черты можно в другую сторону объяснить, даже еще натуральнее выйдет.
I was bothered!	Мука-с!
'No, I'd better get hold of some little fact' I said.	"Нет, думаю, мне бы уж лучше черточку!.."
So when I heard of the bell-ringing, I held my breath and was all in a tremor.	Да как услышал тогда про эти колокольчики, так весь даже так и замер, даже дрожь прохватила.
'Here is my little fact,' thought I, and I didn't think it over, I simply wouldn't.	"Ну, думаю, вот она черточка и есть! Оно!"
I would have given a thousand roubles at that minute to have seen you with my own eyes, when you walked a hundred paces beside that workman, after he had called you murderer to your face, and you did not dare to ask him a question all the way.	Да уж и не рассуждал я тогда, просто не хотел. Тысячу бы рублей в ту минуту я дал, своих собственных, чтобы только на вас в свои глаза посмотреть: как вы тогда сто шагов с мешанинишкой рядом шли, после того как он вам "убийцу" в глаза сказал, и ничего у него, целых сто шагов, спросить не посмели!..
And then what about your trembling, what about your bell-ringing in your illness, in semi-delirium?	Ну, а холод-то этот в спинном мозгу? Колокольчики-то эти, в болезни-то, в полубреде-то?

"And so, Rodion Romanovitch, can you wonder that I played such pranks on you?"	Итак, Родион Романыч, что ж вам после того и удивляться, что я с вами тогда такие штуки шутил?
And what made you come at that very minute?	И зачем вы сами в ту самую минуту пришли?
Someone seemed to have sent you, by Jove! And if Nikolay had not parted us... and do you remember Nikolay at the time?	Ведь и вас кто-то как будто подталкивал, ей-богу, а если бы не развел нас Миколка, то ... а Миколку-то тогда помните?

Do you remember him clearly?	Хорошо запомнили?
It was a thunderbolt, a regular thunderbolt!	Ведь это был гром-с! Ведь это гром грянул из тучи, громовая стрела!
And how I met him!	Ну, а как я его встретил?
I didn't believe in the thunderbolt, not for a minute. You could see it for yourself; and how could I?	Стреле-то вот ни на столечко не поверил, сами изволили видеть! Да куда!
Even afterwards, when you had gone and he began making very, very plausible answers on certain points, so that I was surprised at him myself, even then I didn't believe his story!	Уж потом, после вас, когда он стал весьма и весьма складно на иные пункты отвечать, так что я сам удивился, и потом ему ни на грош не поверил!
You see what it is to be as firm as a rock!	Вот что значит укрепился, как адамант.
No, thought I, _Morgenfrueh_.	Нет, думаю, морген фри!
What has Nikolay got to do with it!"	Какой уж тут Миколка!
"Razumihin told me just now that you think Nikolay guilty and had yourself assured him of it...."	- Мне Разумихин сейчас говорил, что вы и теперь обвиняете Николая и сами Разумихина в том уверяли...
His voice failed him, and he broke off.	Дух у него захватило, и он не закончил.
He had been listening in indescribable agitation, as this man who had seen through and through him, went back upon himself.	Он слушал в невыразимом волнении, как человек, насквозь его раскусивший, от самого себя отрекался.
He was afraid of believing it and did not believe it.	Он боялся поверить и не верил.
In those still ambiguous words he kept eagerly looking for something more definite and conclusive.	В двусмысленных еще словах он жадно искал и ловил чего-нибудь более точного и окончательного.

"Mr. Razumihin!" cried Porfiry Petrovitch, seeming glad of a question from Raskolnikov, who had till then been silent. "He-he-he!"	- Господин-то Разумихин! - вскричал Порфирий Петрович, точно обрадовавшись вопросу все молчавшего Раскольникова, -хе-хе-хе!
But I had to put Mr. Razumihin off; two is company, three is none.	Да господина Разумихина так и надо было прочь отвести: двоим любо, третий не суйся.
Mr. Razumihin is not the right man, besides he is an outsider. He came running to me with a pale face....	Господин Разумихин не то-с, да и человек посторонний, прибежал ко мне весь такой бледный...
But never mind him, why bring him in?	Ну да бог с ним, что его сюда мешать!
To return to Nikolay, would you like to know what sort of a type he is, how I understand him, that is?	А насчет Миколки угодно ли вам знать, что это за сюжет, в том виде, как то есть я его понимаю?
To begin with, he is still a child and not exactly a coward, but something by way of an artist.	Перво-наперво это еще дитя несовершеннолетнее, и не то чтобы трус, а так, вроде как бы художника какого-нибудь.
Really, don't laugh at my describing him so.	Право-с, вы не смейтесь, что я так его изъясняю.
He is innocent and responsive to influence.	Невинен и ко всему восприимчив.
He has a heart, and is a fantastic fellow.	Сердце имеет; фантаст.

He sings and dances, he tells stories, they say, so that people come from other villages to hear him.	Он и петь, он и плясать, он и сказки, говорят, так рассказывает, что из других мест сходятся слушать.
He attends school too, and laughs till he cries if you hold up a finger to him; he will drink himself senseless--not as a regular vice, but at times, when people treat him, like a child.	И в школу ходить, и хохотать до упаду оттого, что пальчик покажут, и пьянствовать до бесчувствия, не то чтоб от разврата, а так, полосами, когда напоят, по-детски еще.
And he stole, too, then, without knowing it himself, for 'How can it be stealing, if one picks it up?'	Он тогда вот и украл, а и сам этого не знает; потому "коли на земле поднял, что за украл?"
And do you know he is an Old Believer, or rather a dissenter? There have been Wanderers[*] in his family, and he was for two years in his village under the spiritual guidance of a certain elder.	А известно ли вам, что он из раскольников, да и не то чтоб из раскольников, а просто сектант; у него в роде бегуны бывали, и сам он еще недавно, целых два года, в деревне, у некоего старца под духовным началом был.
I learnt all this from Nikolay and from his fellow villagers.	Все это я от Миколки и от зарайских его узнал.
And what's more, he wanted to run into the wilderness!	Да куды! просто в пустыню бежать хотел!
He was full of fervour, prayed at night, read the old books, 'the true' ones, and read himself crazy. [*] A religious sect.--TRANSLATOR'S NOTE.	Рвение имел, по ночам богу молился, книги старые "истинные" читал и зачитывался.
"Petersburg had a great effect upon him, especially the women and the wine.	Петербург на него сильно подействовал, особенно женский пол, ну и вино.
He responds to everything and he forgot the elder and all that.	Восприимчив-с, и старца, и все забыл.
I learnt that an artist here took a fancy to him, and used to go and see him, and now this business came upon him.	Известно мне, его художник один здесь полюбил, к нему ходить стал, да вот этот случай и подошел!
"Well, he was frightened, he tried to hang himself!	Ну, обробел - вешаться!
He ran away!	Бежать!
How can one get over the idea the people have of Russian legal proceedings?	Что ж делать с понятием, которое прошло в народе о нашей юридиктике?
The very word 'trial' frightens some of them.	Иному ведь страшно слово "Засудят".

Whose fault is it?	Кто виноват!
We shall see what the new juries will do.	Вот что-то новые суды скажут.
God grant they do good!	Ох, дал бы бог!
Well, in prison, it seems, he remembered the venerable elder; the Bible, too, made its appearance again.	Ну-с, в остроге-то и вспомнился, видно, теперь честной старец; Библия тоже явилась опять.
Do you know, Rodion Romanovitch, the force of the word 'suffering' among some of these people!	Знаете ли, Родион Романович, что значит у иных из них "пострадать?"
It's not a question of suffering for someone's benefit, but simply, 'one must suffer.' If they suffer at the hands of the authorities, so much the better.	Это не то чтобы за кого-нибудь, а так просто "пострадать надо"; страдание, значит, принять, а от властей - так тем паче.

In my time there was a very meek and mild prisoner who spent a whole year in prison always reading his Bible on the stove at night and he read himself crazy, and so crazy, do you know, that one day, apropos of nothing, he seized a brick and flung it at the governor; though he had done him no harm.	Сидел в мое время один смиреннейший арестант целый год в остроге, на печи по ночам все. Библию читал, ну и зачитался, да зачитался, знаете, совсем, да так, что ни с того ни с сего сгреб кирпич и кивнул в начальника, безо всякой обиды с его стороны.
And the way he threw it too: aimed it a yard on one side on purpose, for fear of hurting him.	Да и как кинулто: нарочно на аршин мимо взял, чтобы какого вреда не произвести!
Well, we know what happens to a prisoner who assaults an officer with a weapon. So 'he took his suffering.'	Ну, известно, какой конец арестанту, который с оружием кидается на начальство: и "принял, значит, страдание".
"So I suspect now that Nikolay wants to take his suffering or something of the sort.	Так вот, я и подозреваю теперь, что Миколка хочет "страдание принять" или вроде того.
I know it for certain from facts, indeed.	Это я наверное, даже по фактам, знаю-с.
Only he doesn't know that I know.	Он только сам не знает, что я знаю.
What, you don't admit that there are such fantastic people among the peasants?	Что, не допускаете, что ли, чтоб из такого народа выходили люди фантастические?
Lots of them.	Да сплошь!

The elder now has begun influencing him, especially since he tried to hang himself.	Старец теперь опять начал действовать, особенно после петли-то припомнился.
But he'll come and tell me all himself.	А впрочем, сам мне все расскажет, придет.
You think he'll hold out?	Вы думаете, выдержит?
Wait a bit, he'll take his words back.	Подождите, еще отопрется!
I am waiting from hour to hour for him to come and abjure his evidence.	С часу на час жду, что придет от показания отказываться.
I have come to like that Nikolay and am studying him in detail.	Я этого Миколку полюбил и его досконально исследую.
And what do you think?	И как бы вы думали!
He-he!	Хе-хе!
He answered me very plausibly on some points, he obviously had collected some evidence and prepared himself cleverly. But on other points he is simply at sea, knows nothing and doesn't even suspect that he doesn't know!	На иные-то пункты весьма складно мне отвечал, очевидно, нужные сведения получил, ловко приготовился; ну а по другим пунктам просто, как в лужу, ничегошечко не знает, не ведает, да и сам не подозревает, что не ведает.
"No, Rodion Romanovitch, Nikolay doesn't come in!	Нет, батюшка Родион Романыч, тут не Миколка!
This is a fantastic, gloomy business, a modern case, an incident of to-day when the heart of man is troubled, when the phrase is quoted that blood 'renews,' when comfort is preached as the aim of life.	Тут дело фантастическое, мрачное, дело современное, нашего времени случай-с, когда помутилось сердце человеческое; когда цитруется фраза, что кровь "освежает"; когда вся жизнь проповедуется в комфорте.

Here we have bookish dreams, a heart unhinged by theories. Here we see resolution in the first stage, but resolution of a special kind: he resolved to do it like jumping over a precipice or from a bell tower and his legs shook as he went to the crime.	Тут книжные мечты-с, тут теоретически раздраженное сердце; тут видна решимость на первый шаг, но решимость особого рода, -решился, да как с горы упал или с колокольчика слетел, да и на преступление-то словно не своими ногами пришел.
He forgot to shut the door after him, and murdered two people for a theory.	Дверь за собой забыл притворить, а убил, двух убил, по теории.
He committed the murder and couldn't take the money, and what he did manage to snatch up he hid under a stone.	Убил, да и денег взять не сумел, а что успел захватить, то под камень снес.

It wasn't enough for him to suffer agony behind the door while they battered at the door and rung the bell, no, he had to go to the empty lodging, half delirious, to recall the bell-ringing, he wanted to feel the cold shiver over again....	Мало было ему, что муку вынес, когда за дверью сидел, а в дверь ломились и колокольчик звонил, - нет, он потом уж на пустую квартиру, в полубреде, припомнить этот колокольчик идет, холоду спинного опять испытать потребовалось...
Well, that we grant, was through illness, but consider this: he is a murderer, but looks upon himself as an honest man, despises others, poses as injured innocence. No, that's not the work of a Nikolay, my dear Rodion Romanovitch!"	Ну да это, положим, в болезни, а то вот еще: убил, да за честного человека себя почитает, людей презирает, бледным ангелом ходит, - нет, уж какой тут Миколка, голубчик Родион Романыч, тут не Миколка!
All that had been said before had sounded so like a recantation that these words were too great a shock.	Эти последние слова, после всего прежде сказанного и так похожего на отречение, были слишком уж неожиданны.
Raskolnikov shuddered as though he had been stabbed.	Раскольников весь задрожал, как будто пронзенный.
"Then... who then... is the murderer?" he asked in a breathless voice, unable to restrain himself.	- Так... кто же... убил?.. - спросил он, не выдержав, задыхающимся голосом.
Porfiry Petrovitch sank back in his chair, as though he were amazed at the question.	Порфирий Петрович даже отшатнулся на спинку стула, точно уж так неожиданно и он был изумлен вопросом.
"Who is the murderer?" he repeated, as though unable to believe his ears. "Why, _you_, Rodion Romanovitch!"	- Как кто убил?.. - переговорил он, точно не веря ушам своим, - да вы убили, Родион Романыч!
You are the murderer," he added, almost in a whisper, in a voice of genuine conviction.	Вы и убили-с... - прибавил он почти шепотом, совершенно убежденным голосом.
Raskolnikov leapt from the sofa, stood up for a few seconds and sat down again without uttering a word.	Раскольников вскочил с дивана, постоял было несколько секунд и сел опять, не говоря ни слова.
His face twitched convulsively.	Мелкие конвульсии вдруг прошли по всему его лицу.
"Your lip is twitching just as it did before," Porfiry Petrovitch observed almost sympathetically.	- Губка-то опять, как и тогда, вздрагивает, - пробормотал как бы даже с участием Порфирий Петрович.
"You've been misunderstanding me, I think, Rodion Romanovitch," he added after a brief pause, "that's why you are so surprised.	- Вы меня, Родион Романыч, кажется, не так поняли-с, - прибавил он, несколько помолчав, -оттого так и изумились.

I came on purpose to tell you everything and deal openly with you."	Я именно пришел с тем, чтоб уже все сказать и дело повести на открытую.
"It was not I murdered her," Raskolnikov whispered like a frightened child caught in the act.	- Это не я убил, - прошептал было Раскольников, точно испуганные маленькие дети, когда их захватывают на месте преступления.
"No, it was you, you Rodion Romanovitch, and no one else," Porfiry whispered sternly, with conviction.	- Нет, это вы-с, Родион Романович, вы-с, и некому больше-с, - строго и убежденно прошептал Порфирий.
They were both silent and the silence lasted strangely long, about ten minutes.	Они оба замолчали, и молчание длилось даже до странности долго, минут десять.
Raskolnikov put his elbow on the table and passed his fingers through his hair.	Раскольников облокотился на стул и молча ерошил пальцами свои волосы.
Porfiry Petrovitch sat quietly waiting.	Порфирий Петрович сидел смирно и ждал.
Suddenly Raskolnikov looked scornfully at Porfiry.	Вдруг Раскольников презрительно посмотрел на Порфирия.
"You are at your old tricks again, Porfiry Petrovitch!	- Опять вы за старое, Порфирий Петрович!
Your old method again. I wonder you don't get sick of it!"	Все за те же ваши приемы: как это вам не надоест, в самом деле?
"Oh, stop that, what does that matter now?	- Э, полноте, что' мне теперь приемы!
It would be a different matter if there were witnesses present, but we are whispering alone.	Другое бы дело, если бы тут находились свидетели; а то ведь мы один на один шепчем.
You see yourself that I have not come to chase and capture you like a hare.	Сами видите, я не с тем к вам пришел, чтобы гнать и ловить вас, как зайца.
Whether you confess it or not is nothing to me now; for myself, I am convinced without it."	Признаетесь, аль нет - в эту минуту мне все равно. Про себя-то я и без вас убежден.
"If so, what did you come for?" Raskolnikov asked irritably.	- А коли так, зачем вы пришли? - раздражительно спросил Раскольников.
"I ask you the same question again: if you consider me guilty, why don't you take me to prison?"	- Я вам прежний вопрос задаю: если вы меня виновным считаете, зачем не берете вы меня в острог?

"Oh, that's your question!	- Ну, вот это вопрос!
I will answer you, point for point. In the first place, to arrest you so directly is not to my interest."	По пунктам вам и отвечу: во-первых, взять вас так прямо под арест мне невыгодно.
"How so?	- Как невыгодно!
If you are convinced you ought...."	Коли вы убеждены, так вы должны...
"Ach, what if I am convinced?	- Эх, что ж, что я убежден?
That's only my dream for the time.	Ведь все это покамест мои мечты-с.
Why should I put you in safety?	Да и что я вас на покой-то туда посажу?
You know that's it, since you ask me to do it.	Сами знаете, коли сами проситесь.
If I confront you with that workman for instance and you say to him 'were you drunk or not?	Приведу я, например, уличать вас мещанинишку, а вы ему скажете: "Ты пьян аль нет?

Who saw me with you?	Кто меня с тобой видел?
I simply took you to be drunk, and you were drunk, too.' Well, what could I answer, especially as your story is a more likely one than his? for there's nothing but psychology to support his evidence--that's almost unseemly with his ugly mug, while you hit the mark exactly, for the rascal is an inveterate drunkard and notoriously so.	Я тебя просто за пьяного и принимал, да ты и был пьян", - ну что я вам тогда на это скажу, тем паче, что ваше-то еще правдоподобнее, чем его, потому что в его показании одна психология, - что его рылу даже и неприлично, - а вы-то в самую точку попадаете, потому что пьет, мерзавец, горькую и слишком даже известен.
And I have myself admitted candidly several times already that that psychology can be taken in two ways and that the second way is stronger and looks far more probable, and that apart from that I have as yet nothing against you.	Да и сам я вам откровенно признавался, уже несколько раз, что психология эта о двух концах и что второй конец больше будет, да и гораздо правдоподобнее, а что, кроме этого, против вас у меня пока и нет ничего.
And though I shall put you in prison and indeed have come--quite contrary to etiquette--to inform you of it beforehand, yet I tell you frankly, also contrary to etiquette, that it won't be to my advantage.	И хоть я вас все-таки посажу и даже сам вот я пришел (совсем не по-людски) вам обо всем вперед объявить, а все-таки прямо вам говорю (тоже не по-людски), что мне это будет невыгодно.
Well, secondly, I've come to you because..."	Ну-с, во-вторых, я потому к вам пришел...
"Yes, yes, secondly?" Raskolnikov was listening breathless.	- Ну да, во-вторых? (Раскольников все еще задыхался).

"Because, as I told you just now, I consider I owe you an explanation.	- Потому что, как я уж и объявил давеча, считаю себя обязанным вам объяснением.
I don't want you to look upon me as a monster, as I have a genuine liking for you, you may believe me or not.	Не хочу, чтобы вы меня за изверга почитали, тем паче, что искренно к вам расположен, верьте не верьте.
And in the third place I've come to you with a direct and open proposition--that you should surrender and confess.	Вследствие чего, в-третьих, и пришел к вам с открытым и прямым предложением - учинить явку с повинною.
It will be infinitely more to your advantage and to my advantage too, for my task will be done.	Это вам будет бесчисленно выгоднее, да и мне тоже выгоднее, - потому с плеч долой.
Well, is this open on my part or not?"	Ну что, откровенно или нет с моей стороны?
Raskolnikov thought a minute.	Раскольников подумал с минуту.
"Listen, Porfiry Petrovitch. You said just now you have nothing but psychology to go on, yet now you've gone on mathematics.	- Послушайте, Порфирий Петрович, вы ведь сами говорите: одна психология, а между тем въехали в математику.
Well, what if you are mistaken yourself, now?"	Ну что, если и сами вы теперь ошибаетесь?
"No, Rodion Romanovitch, I am not mistaken.	- Нет Родион Романыч, не ошибаюсь.
I have a little fact even then, Providence sent it me."	Черточку такую имею. Черточку-то эту я и тогда ведь нашел-с; послал господь!
"What little fact?"	- Какую черточку?
"I won't tell you what, Rodion Romanovitch.	- Не скажу какую, Родион Романыч.
And in any case, I haven't the right to put it off any longer, I must arrest you.	Да и, во всяком случае, теперь и права не имею больше отсрочивать; посажу-с.

So think it over: it makes no difference to me now and so I speak only for your sake.	Так вы рассудите: мне теперь уж все равно, а следственно, я единственно только для вас.
Believe me, it will be better, Rodion Romanovitch."	Ей-богу, лучше будет, Родион Романыч!
Raskolnikov smiled malignantly.	Раскольников злобно усмехнулся.
"That's not simply ridiculous, it's positively shameless.	- Ведь это не только смешно, это даже уж бесстыдно.
Why, even if I were guilty, which I don't	Ну будь я даже виновен (чего я вовсе не

admit, what reason should I have to confess, when you tell me yourself that I shall be in greater safety in prison?"	говору), ну с какой стати мне к вам являться с повинною, когда сами вы уж говорите, что я сяду к вам туда на покой?
"Ah, Rodion Romanovitch, don't put too much faith in words, perhaps prison will not be altogether a restful place.	- Эх, Родион Романыч, не совсем словам верьте; может, и не совсем будет на покой!
That's only theory and my theory, and what authority am I for you?	Ведь это только теория, да еще моя-с, а я вам что за авторитет?
Perhaps, too, even now I am hiding something from you?	Я, может быть, и сам от вас кой-что даже и теперь скрываю-с.
I can't lay bare everything, he-he!	Не все же мне вам так взять да и выложить, хе-хе!
And how can you ask what advantage?	Второе дело: как какая выгода?
Don't you know how it would lessen your sentence?	Да известно ли вам, какая вам за это воспоследует сбавка?
You would be confessing at a moment when another man has taken the crime on himself and so has muddled the whole case. Consider that!	Ведь вы когда явитесь-то, в какую минуту? Вы это только рассудите! Когда другой уже на себя преступление принял и все дело спутал?
I swear before God that I will so arrange that your confession shall come as a complete surprise.	А я вам, вот самым богом клянусь, так "там" подделаю и устрою, что ваша явка выйдет как будто совсем неожиданная.
We will make a clean sweep of all these psychological points, of a suspicion against you, so that your crime will appear to have been something like an aberration, for in truth it was an aberration.	Всю эту психологию мы совсем уничтожим, все подозрения на вас в ничто обращаю, так что ваше преступление вроде помрачения какого-то представится, потому, по совести, оно помрачение и есть.
I am an honest man, Rodion Romanovitch, and will keep my word."	Я честный человек, Родион Романыч, и свое слово сдержу.
Raskolnikov maintained a mournful silence and let his head sink dejectedly. He pondered a long while and at last smiled again, but his smile was sad and gentle.	Раскольников грустно замолчал и поник головой; он долго думал и наконец опять усмехнулся, но улыбка его была уже кроткая и грустная:
"No!" he said, apparently abandoning all attempt to keep up appearances with Porfiry, "it's not worth it, I don't care about lessening the sentence!"	- Эх, не надо! - проговорил он, как бы уже совсем не скрываясь с Порфирием. - Не стоит! Не надо мне совсем вашей сбавки!
"That's just what I was afraid of!" Porfiry cried warmly and, as it seemed,	- Ну вот этого-то я и боялся! - горячо и как бы невольно воскликнул Порфирий, - вот

involuntarily. "That's just what I feared, that you wouldn't care about the mitigation of sentence."	этого-то я и боялся, что не надо вам нашей сбавки.
Raskolnikov looked sadly and expressively at him.	Раскольников грустно и внушительно поглядел на него.
"Ah, don't disdain life!" Porfiry went on.	- Эй, жизнью не брезгайте! - продолжал Порфирий, - много ее
"You have a great deal of it still before you.	впереди еще будет.
How can you say you don't want a mitigation of sentence?	Как не надо сбавки, как не надо!
You are an impatient fellow!"	Нетерпеливый вы человек!
"A great deal of what lies before me?"	- Чего впереди много будет?
"Of life.	- Жизни!
What sort of prophet are you, do you know much about it?	Вы что за пророк, много ль вы знаете?
Seek and ye shall find.	Ищите и обряцете.
This may be God's means for bringing you to Him.	Вас, может, бог на этом и ждал.
And it's not for ever, the bondage...."	Да и не навек она, цепь-то.
"The time will be shortened," laughed Raskolnikov.	- Сбавка будет... - засмеялся Раскольников.
"Why, is it the bourgeois disgrace you are afraid of?	- А что, стыда буржуазного, что ли, испугались?
It may be that you are afraid of it without knowing it, because you are young!	Это может быть, что и испугались, да сами того не знаете, - потому молодо!
But anyway _you_ shouldn't be afraid of giving yourself up and confessing."	А все-таки не вам бы бояться али там стыдиться явки с повинною.
"Ach, hang it!" Raskolnikov whispered with loathing and contempt, as though he did not want to speak aloud.	- Э-эх, наплевать! - презрительно и с отвращением прошептал Раскольников, как бы и говорить не желая.
He got up again as though he meant to go away, but sat down again in evident despair.	Он было опять привстал, точно хотел куда-нибудь выйти, но опять сел в видимом отчаянии.
"Hang it, if you like!	- То-то наплевать!
You've lost faith and you think that I am grossly flattering you; but how long has your	Изверились да и думаете, что я вам грубо

life been?	льшу; да много ль вы еще и жили-то?
How much do you understand?	Много ль понимаете-то?
You made up a theory and then were ashamed that it broke down and turned out to be not at all original!	Теорию выдумал, да и стыдно стало, что сорвалось, что уж очень не оригинально вышло!
It turned out something base, that's true, but you are not hopelessly base.	Вышло-то подло, это правда, да вы-то все-таки не безнадежный подлец.
By no means so base!	Совсем не такой подлец!
At least you didn't deceive yourself for long, you went straight to the furthest point at one bound.	По крайней мере, долго себя не морочил, разом до последних столбов дошел.
How do I regard you?	Я ведь вас за кого почитаю?

I regard you as one of those men who would stand and smile at their torturer while he cuts their entrails out, if only they have found faith or God.	Я вас почитаю за одного из таких, которым хоть кишки вырезай, а он будет стоять да с улыбкой смотреть на мучителей, - если только веру иль бога найдет.
Find it and you will live.	Ну, и найдите, и будете жить.
You have long needed a change of air.	Вам, во-первых, давно уже воздух переменить надо.
Suffering, too, is a good thing.	Что ж, страданье тоже дело хорошее.
Suffer!	Пострадайте.
Maybe Nikolay is right in wanting to suffer.	Миколка-то, может, и прав, что страданья хочет.
I know you don't believe in it--but don't be over-wise; fling yourself straight into life, without deliberation; don't be afraid--the flood will bear you to the bank and set you safe on your feet again.	Знаю, что не веруется, - а вы лукаво не мудрствуйте; отдайтесь жизни прямо, не рассуждая; не беспокойтесь, - прямо на берег вынесет и на ноги поставит.
What bank?	На какой берег?
How can I tell?	А я почему знаю?
I only believe that you have long life before you.	Я только верую, что вам еще много жить.
I know that you take all my words now for a set speech prepared beforehand, but maybe you will remember them after. They may be of use	Знаю, что вы слова мои как рацею теперь принимаете заученную; да, может, после вспомните, пригодится

some time. That's why I speak.	когда-нибудь; для того и говорю.
It's as well that you only killed the old woman.	Еще хорошо, что вы старушонку только убили.
If you'd invented another theory you might perhaps have done something a thousand times more hideous.	А выдумай вы другую теорию, так, пожалуй, еще и в сто миллионов раз безобразнее дело бы сделали!
You ought to thank God, perhaps. How do you know? Perhaps God is saving you for something.	Еще бога, может, надо благодарить; почем вы знаете: может, вас бог для чего и бережет.
But keep a good heart and have less fear!	А вы великое сердце имейте да поменьше бойтесь.
Are you afraid of the great expiation before you?	Великого предстоящего исполнения-то трусили?
No, it would be shameful to be afraid of it.	Нет, тут уж стыдно трусить.
Since you have taken such a step, you must harden your heart.	Коли сделали такой шаг, так уж крепитесь.
There is justice in it.	Тут уж справедливость.
You must fulfil the demands of justice.	Вот исполните-ка, что требует справедливость.
I know that you don't believe it, but indeed, life will bring you through.	Знаю, что не веруете, а ейбогу, жизнь вынесет.
You will live it down in time.	Самому после слюбится.
What you need now is fresh air, fresh air, fresh air!"	Вам теперь только воздуху надо, воздуху!
Raskolnikov positively started.	Раскольников даже вздрогнул.

"But who are you? what prophet are you?"	- Да вы кто такой, - вскричал он, - вы-то что за пророк?
From the height of what majestic calm do you proclaim these words of wisdom?"	С высоты какого это спокойствия величавого вы мне премудрствующие пророчества изрекаете?
"Who am I?"	- Кто я?
I am a man with nothing to hope for, that's all.	Я поконченный человек, больше ничего.
A man perhaps of feeling and sympathy, maybe of some knowledge too, but my day is over. But you are a different	Человек, пожалуй, чувствующий и сочувствующий, пожалуй, кой-что и знающий,

matter, there is life waiting for you. Though, who knows? maybe your life, too, will pass off in smoke and come to nothing.	но уж совершенно поконченный, А вы - другая статья; вам бог жизнь приготовил (а кто знает, может, и у вас так только дымом пройдет, ничего не будет).
Come, what does it matter, that you will pass into another class of men?	Ну что ж, что вы в другой разряд людей перейдете?
It's not comfort you regret, with your heart!	Не комфорта же жалеть, вам-то, с вашим-то сердцем?
What of it that perhaps no one will see you for so long?	Что ж, что вас, может быть, слишком долго никто не увидит?
It's not time, but yourself that will decide that.	Не во времени дело, а в вас самом.
Be the sun and all will see you.	Станьте солнцем, вас все и увидят.
The sun has before all to be the sun.	Солнцу прежде всего надо быть солнцем.
Why are you smiling again? At my being such a Schiller?	Вы чего опять улыбаетесь: что я такой Шиллер?
I bet you're imagining that I am trying to get round you by flattery.	И бьюсь об заклад, предполагаете, что я к вам теперь подольщаюсь!
Well, perhaps I am, he-he-he!	А что ж, может быть, и в самом деле подольщаюсь, хе-хе-хе!
Perhaps you'd better not believe my word, perhaps you'd better never believe it altogether--I'm made that way, I confess it. But let me add, you can judge for yourself, I think, how far I am a base sort of man and how far I am honest."	Вы мне, Родион Романович, на слово-то, пожалуй, и не верьте, пожалуй, даже и никогда не верьте вполне, - это уж такой мой норов, согласен; только вот что прибавлю: насколько я низкий человек и насколько я честный, сами, кажется, можете рассудить!
"When do you mean to arrest me?"	- Вы когда меня думаете арестовать?
"Well, I can let you walk about another day or two.	- Да денька полтора али два могу еще дать вам погулять.
Think it over, my dear fellow, and pray to God.	Подумайте-ка, голубчик, помолитесь-ка богу.
It's more in your interest, believe me."	Да и выгоднее, ей-богу, выгоднее.
"And what if I run away?" asked Raskolnikov with a strange smile.	- А ну как я убежу? - как-то странно усмехаясь, спросил Раскольников.
"No, you won't run away.	- Нет, не убежите.

A peasant would run away, a fashionable

Мужик убежит, модный сектант

dissenter would run away, the flunkey of another man's thought, for you've only to show him the end of your little finger and he'll be ready to believe in anything for the rest of his life.	убежит - лакей чужой мысли, - потому ему только кончик пальчика показать, как мичману Дырке, так он на всю жизнь во что хотите поверит.
But you've ceased to believe in your theory already, what will you run away with?	А вы ведь вашей теории уж больше не верите, -с чем же вы убежите?
And what would you do in hiding?	Да и чего вам в бегах?
It would be hateful and difficult for you, and what you need more than anything in life is a definite position, an atmosphere to suit you. And what sort of atmosphere would you have?	В бегах гадко и трудно, а вам прежде всего надо жизни и положения определенного, воздуха соответственного; ну, а ваш ли там воздух?
If you ran away, you'd come back to yourself. _You can't get on without us._ And if I put you in prison--say you've been there a month, or two, or three--remember my word, you'll confess of yourself and perhaps to your own surprise. You won't know an hour beforehand that you are coming with a confession.	Убежите и сами воротитесь. Без нас вам нельзя обойтись. А засади я вас в тюремный-то замок -ну месяц, ну два, ну три посидите, а там вдруг и, помяните мое слово, сами и явитесь, да еще как, пожалуй, себе самому неожиданно.
I am convinced that you will decide, 'to take your suffering.'	Сами еще за час знать не будете, что придете с повинною.
You don't believe my words now, but you'll come to it of yourself.	Я даже вот уверен, что вы не верите, а сами на том остановитесь.
For suffering, Rodion Romanovitch, is a great thing. Never mind my having grown fat, I know all the same. Don't laugh at it, there's an idea in suffering, Nokolay is right.	Потому страданье, Родион Романыч, великая вещь; вы не смотрите на то, что я отолстел, нужды нет, зато знаю; не смейтесь над этим, в страдании есть идея. Миколка-то прав.
No, you won't run away, Rodion Romanovitch."	Нет, не убежите, Родион Романыч.
Raskolnikov got up and took his cap.	Раскольников встал с места и взял фуражку.
Porfiry Petrovitch also rose.	Порфирий Петрович тоже встал.
"Are you going for a walk?	- Прогуляться собираетесь?
The evening will be fine, if only we don't have a storm.	Вечерок-то будет хорош, только грозы бы вот не было.
Though it would be a good thing to freshen the air."	А впрочем, и лучше, кабы освежило...
He, too, took his cap.	Он тоже взялся за фуражку.

"Porfiry Petrovitch, please don't take up the notion that I have confessed to you to-day," Raskolnikov pronounced with sullen insistence.	- Вы, Порфирий Петрович, пожалуйста, не заберите себе в голову, - с суровою настойчивостью произнес Раскольников, - что я вам сегодня сознался.
"You're a strange man and I have listened to you from simple curiosity.	Вы человек странный, и слушал я вас из одного любопытства.
But I have admitted nothing, remember that!"	А я вам ни в чем не сознался... Запомните это.
"Oh, I know that, I'll remember. Look at him, he's trembling!"	- Ну да уж знаю, запомню, - ишь ведь, даже дрожит.

Don't be uneasy, my dear fellow, have it your own way.	Не беспокойтесь, голубчик; ваша воля да будет.
Walk about a bit, you won't be able to walk too far.	Погуляйте немножко; только слишком-то уж много нельзя гулять.
If anything happens, I have one request to make of you," he added, dropping his voice. "It's an awkward one, but important. If anything were to happen (though indeed I don't believe in it and think you quite incapable of it), yet in case you were taken during these forty or fifty hours with the notion of putting an end to the business in some other way, in some fantastic fashion--laying hands on yourself--(it's an absurd proposition, but you must forgive me for it) do leave a brief but precise note, only two lines, and mention the stone. It will be more generous.	На всякий случай есть у меня и еще к вам просьбица, - прибавил он, понизив голос, - щекотливенькая она, а важная; если, то есть на всякий случай (чему я, впрочем, не верую и считаю вас вполне неспособным), если бы на случай, - ну так, на всякий случай, - пришла бы вам охота в эти сорок-пятьдесят часов как-нибудь дело покончить иначе, фантастическим каким образом - ручки этак на себя поднять (предположение нелепое, ну да уж вы мне его простите), то оставьте краткую, но обстоятельную записочку. Так, две строчки, две только строчки, и об камне упомяните: благороднее будет-с.
Come, till we meet!	Ну-с, до свидания...
Good thoughts and sound decisions to you!"	Добрых мыслей, благих начинаний!
Porfiry went out, stooping and avoiding looking at Raskolnikov.	Порфирий вышел, как-то согнувшись и как бы избегая глядеть на Раскольникова.
The latter went to the window and waited with irritable impatience till he calculated that Porfiry had reached the street and moved away.	Раскольников подошел к окну и с раздражительным нетерпением выжидал время, когда, по расчету, тот выйдет на улицу и отойдет подальше.
Then he too went hurriedly out of the	

room.	Затем поспешно вышел и сам из комнаты.
CHAPTER III	III
He hurried to Svidrigailov's.	Он спешил к Свидригайлову.
What he had to hope from that man he did not know.	Чего он мог надеяться от этого человека - он и сам не знал.
But that man had some hidden power over him.	Но в этом человеке таилась какая-то власть над ним.
Having once recognised this, he could not rest, and now the time had come.	Сознав это раз он уже не мог успокоиться, а теперь к тому же и пришло время.
On the way, one question particularly worried him: had Svidrigailov been to Porfiry's?	Дорогой один вопрос особенно мучил его: был ли Свидригайлов у Порфирия?
As far as he could judge, he would swear to it, that he had not.	Сколько он мог судить и в чем бы он присягнул -нет, не был!
He pondered again and again, went over Porfiry's visit; no, he hadn't been, of course he hadn't.	Он подумал еще и еще, припомнил все посещение Порфирия, сообразил: нет, не был, конечно, не был!
But if he had not been yet, would he go?	Но если не был еще, то пойдет или не пойдет он к Порфирию?
Meanwhile, for the present he fancied he couldn't.	Теперь покамест ему казалось, что не пойдет.

Why?	Почему?
He could not have explained, but if he could, he would not have wasted much thought over it at the moment.	Он не мог бы объяснить и этого, но если б и мог объяснить, то теперь он бы не стал над этим особенно ломать голову.
It all worried him and at the same time he could not attend to it.	Все это его мучило, и в то же время ему было как-то не до того.
Strange to say, none would have believed it perhaps, but he only felt a faint vague anxiety about his immediate future.	Странное дело, никто бы, может быть, не поверил этому, но о своей теперешней, немедленной судьбе он как-то слабо, рассеянно заботился.
Another, much more important anxiety tormented him--it concerned himself, but in a different, more vital way.	Его мучило что-то другое, гораздо более важное, чрезвычайное, - о нем же самом и не о ком другом, но что-то другое, что-то главное.
	К тому же он чувствовал

Moreover, he was conscious of immense moral fatigue, though his mind was working better that morning than it had done of late.	беспредельную нравственную усталость, хотя рассудок его в это утро работал лучше, чем во все эти последние дни.
And was it worth while, after all that had happened, to contend with these new trivial difficulties?	Да и стоило ль теперь, после всего, что было, стараться побеждать все эти новые мизерные затруднения?
Was it worth while, for instance, to manoeuvre that Svidrigailov should not go to Porfiry's? Was it worth while to investigate, to ascertain the facts, to waste time over anyone like Svidrigailov?	Стоило ль, например, стараться интриговать, чтобы Свидригайлов не ходил к Порфирию; изучать, разузнавать, терять время на какого-нибудь Свидригайлова?
Oh, how sick he was of it all!	О, как ему все это надоело!
And yet he was hastening to Svidrigailov; could he be expecting something new from him, information, or means of escape?	А между тем он все-таки спешил к Свидригайлову; уж не ожидал ли он чего-нибудь от него нового, указаний, выхода?
Men will catch at straws!	И за соломинку ведь хватаются!
Was it destiny or some instinct bringing them together?	Не судьба ль, не инстинкт ли какой сводит их вместе?
Perhaps it was only fatigue, despair; perhaps it was not Svidrigailov but some other whom he needed, and Svidrigailov had simply presented himself by chance.	Может быть, эта была только усталость, отчаяние; может быть, надо было не Свидригайлова, а кого-то другого, а Свидригайлов только как тут подвернулся.
Sonia?	Соня?
But what should he go to Sonia for now?	Да и зачем бы он пошел теперь к Соне?
To beg her tears again?	Опять просить у ней ее слез?
He was afraid of Sonia, too.	Да и страшна была ему Соня.
Sonia stood before him as an irrevocable sentence.	Соня представляла собою неумолимый приговор, решение без перемены.
He must go his own way or hers.	Тут - или ее дорога, или его.
At that moment especially he did not feel equal to seeing her.	Особенно в эту минуту он не в состоянии был ее видеть.
No, would it not be better to try Svidrigailov?	Нет, не лучшее ли испытать Свидригайлова: что это такое?
And he could not help inwardly owning that he	И он не мог не сознаться внутри, что и

had long felt that he must see him for some reason.	действительно тот на что-то ему давно уже как бы нужен.
But what could they have in common?	Ну, однако ж, что' может быть между ними общего?
Their very evil-doing could not be of the same kind.	Даже и злодейство не могло бы быть у них одинаково.
The man, moreover, was very unpleasant, evidently depraved, undoubtedly cunning and deceitful, possibly malignant.	Этот человек очень к тому же был неприятен, очевидно чрезвычайно развратен, непременно хитер и обманчив, может быть, очень зол.
Such stories were told about him.	Про него ходят такие рассказы.
It is true he was befriending Katerina Ivanovna's children, but who could tell with what motive and what it meant?	Правда, он хлопотал за детей Катерины Ивановны; но кто знает, для чего и что это означает?
The man always had some design, some project.	У этого человека вечно какие-то намерения и проекты.
There was another thought which had been continually hovering of late about Raskolnikov's mind, and causing him great uneasiness. It was so painful that he made distinct efforts to get rid of it.	Мелькала постоянно во все эти дни у Раскольникова еще одна мысль и страшно его беспокоила, хотя он даже старался прогонять ее от себя, так она была тяжела для него!
He sometimes thought that Svidrigailov was dogging his footsteps. Svidrigailov had found out his secret and had had designs on Dounia.	Он думал иногда: Свидригайлов все вертелся около него, да и теперь вертится; Свидригайлов узнал его тайну; Свидригайлов имел замыслы против Дуни.
What if he had them still?	А если и теперь имеет?
Wasn't it practically certain that he had?	Почти наверное можно сказать, что да.
And what if, having learnt his secret and so having gained power over him, he were to use it as a weapon against Dounia?	А если теперь, узнав его тайну и таким образом получив над ним власть, он захочет употребить ее как оружие против Дуни?
This idea sometimes even tormented his dreams, but it had never presented itself so vividly to him as on his way to Svidrigailov.	Мысль эта иногда, даже во сне, мучила его, но в первый еще раз она явилась ему так сознательно ярко, как теперь, когда он шел к Свидригайлову.
The very thought moved him to gloomy rage.	Одна уже мысль эта приводила его в мрачную ярость.
To begin with, this would transform	Во-первых, тогда уже все изменится,

everything, even his own position; he would have at once to confess his secret to Dounia.	даже в его собственном положении: следует тотчас же открыть тайну Дунечке.
Would he have to give himself up perhaps to prevent Dounia from taking some rash step?	Следует, может быть, предать самого себя, чтоб отвлечь Дунечку от какого-нибудь неосторожного шага.
The letter?	Письмо?
This morning Dounia had received a letter.	Нынче утром Дуня получила какое-то письмо!

From whom could she get letters in Petersburg? Luzhin, perhaps? It's true Razumihin was there to protect her, but Razumihin knew nothing of the position.	От кого в Петербурге могла бы она получать письма? (Лужин разве?) Правда, там стережет Разумихин; но Разумихин ничего не знает.
Perhaps it was his duty to tell Razumihin?	Может быть, следует открыться и Разумихину?
He thought of it with repugnance.	Раскольников с омерзением подумал об этом.
In any case he must see Svidrigailov as soon as possible, he decided finally.	"Во всяком случае Свидригайлова надо увидеть как можно скорее, - решил он про себя окончательно.
Thank God, the details of the interview were of little consequence, if only he could get at the root of the matter; but if Svidrigailov were capable... if he were intriguing against Dounia--then...	- Слава богу, тут не так нужны подробности, сколько сущность дела; но если, если только способен он, если Свидригайлов что-нибудь интригует против Дуни, - то..."
Raskolnikov was so exhausted by what he had passed through that month that he could only decide such questions in one way; "then I shall kill him," he thought in cold despair.	Раскольников до того устал за все это время, за весь этот месяц, что уже не мог разрешать теперь подобных вопросов иначе, как только одним решением: "Тогда я убью его", - подумал он в холодном отчаянии.
A sudden anguish oppressed his heart, he stood still in the middle of the street and began looking about to see where he was and which way he was going.	Тяжелое чувство сдавило его сердце; он остановился посредине улицы и стал осматриваться: по какой дороге он идет и куда он зашел?
He found himself in X. Prospect, thirty or forty paces from the Hay Market, through which he had come.	Он находился на -ском проспекте, шагах в тридцати или в сорока от Сенной, которую прошел.
The whole second storey of the house on the left was used as a tavern.	Весь второй этаж дома налево был занят трактиром.

All the windows were wide open; judging from the figures moving at the windows, the rooms were full to overflowing.	Все окна были отворены настежь; трактир, судя по двигавшимся фигурам в окнах, был набит битком.
There were sounds of singing, of clarionet and violin, and the boom of a Turkish drum.	В зале разливались песенки, звенели кларнет, скрипка и гремел турецкий барабан.
He could hear women shrieking.	Слышны были женские взвизги.
He was about to turn back wondering why he had come to the X. Prospect, when suddenly at one of the end windows he saw Svidrigailov, sitting at a tea-table right in the open window with a pipe in his mouth.	Он было хотел пойти назад, недоумевая, зачем он повернул на -ский проспект, как вдруг, в одном из крайних отворенных окон трактира, увидел сидевшего у самого окна, за чайным столиком, с трубкою в зубах, Свидригайлова.
Raskolnikov was dreadfully taken aback, almost terrified.	Это страшно, до ужаса поразило его.
Svidrigailov was silently watching and scrutinising him and, what struck Raskolnikov at once, seemed to be meaning to get up and slip away unobserved.	Свидригайлов наблюдал и рассматривал его молча и, что тоже тотчас поразило Раскольникова, кажется, хотел было вставать, чтобы потихоньку успеть уйти, пока его не заметили.

Raskolnikov at once pretended not to have seen him, but to be looking absent-mindedly away, while he watched him out of the corner of his eye.	Раскольников тотчас сделал вид, что как будто и сам не заметил его и смотрит, задумавшись, в сторону, а сам продолжал его наблюдать краем глаза.
His heart was beating violently.	Сердце его тревожно билось.
Yet, it was evident that Svidrigailov did not want to be seen.	Так и есть: Свидригайлов, очевидно, не хочет, чтоб его видели.
He took the pipe out of his mouth and was on the point of concealing himself, but as he got up and moved back his chair, he seemed to have become suddenly aware that Raskolnikov had seen him, and was watching him.	Он отвел от губ трубку и уже хотел спрятаться; но, поднявшись и отодвинув стул, вероятно, вдруг заметил, что Раскольников его видит и наблюдает.
What had passed between them was much the same as what happened at their first meeting in Raskolnikov's room.	Между ними произошло нечто похожее на сцену их первого свидания у Раскольникова, во время сна.
A sly smile came into Svidrigailov's face and grew broader and broader.	Плутовская улыбка показалась на лице Свидригайлова и все более расширялась.
Each knew that he was seen and watched by the other.	И тот и другой знали, что оба видят и наблюдают друг друга.
At last Svidrigailov broke into a loud laugh.	Наконец, Свидригайлов громко расхохотался.
"Well, well, come in if you want me; I am here!" he shouted from the window.	- Ну, ну! входите же, коли хотите; я здесь! - крикнул он из окна.
Raskolnikov went up into the tavern.	Раскольников поднялся в трактир.
He found Svidrigailov in a tiny back room, adjoining the saloon in which merchants, clerks and numbers of people of all sorts were drinking tea at twenty little tables to the desperate bawling of a chorus of singers.	Он нашел его в очень маленькой задней комнате, в одно окно, примыкавшей к большой зале, где на двадцати маленьких столиках, при криках отчаянного хора песенников, пили чай купцы, чиновники и множество всякого люда.
The click of billiard balls could be heard in the distance.	Откуда-то долетал стук шаров на бильярде.
On the table before Svidrigailov stood an open bottle and a glass half full of champagne.	На столике пред Свидригайловым стояла початая бутылка шампанского и стакан, до половины полный вина.
In the room he found also a boy with a	В комнатке находились еще мальчик-

little hand organ, a healthy-looking red-cheeked girl of eighteen, wearing a tucked-up striped skirt, and a Tyrolese hat with ribbons. In spite of the chorus in the other room, she was singing some servants' hall song in a rather husky contralto, to the accompaniment of the organ.	шарманщик, с маленьким ручным органчиком, и здоровая, краснощекая девушка в подтыканной полосатой юбке и в тирольской шляпке с лентами, певица, лет восемнадцати, которая, несмотря на хоровую песню в другой комнате, пела под аккомпанемент органщика, довольно сиплым контральтом, какую-то лакейскую песню...
"Come, that's enough," Svidrigailov stopped her at Raskolnikov's entrance.	- Ну и довольно! - прервал ее Свидригайлов при входе Раскольникова.
The girl at once broke off and stood waiting respectfully.	Девушка тотчас же оборвала и остановилась в почтительном ожидании.

She had sung her guttural rhymes, too, with a serious and respectful expression in her face.	Пела она свою рифмованную лакейщину с каким-то серьезным и почтительным оттенком в лице.
"Hey, Philip, a glass!" shouted Svidrigailov.	- Эй, Филипп, стакан! - крикнул Свидригайлов.
"I won't drink anything," said Raskolnikov.	- Я не стану пить вина, - сказал Раскольников.
"As you like, I didn't mean it for you.	- Как хотите, я не для вас.
Drink, Katia!	Пей, Катя!
I don't want anything more to-day, you can go."	Сегодня ничего больше не понадобится, ступай!
He poured her out a full glass, and laid down a yellow note.	- Он налил ей целый стакан вина и выложил желтенький билетик.
Katia drank off her glass of wine, as women do, without putting it down, in twenty gulps, took the note and kissed Svidrigailov's hand, which he allowed quite seriously. She went out of the room and the boy trailed after her with the organ.	Катя выпила стакан разом, как пьют вино женщины, то есть не отрываясь, в двадцати глотков, взяла билетик, поцеловала у Свидригайлова руку, которую тот весьма серьезно допустил поцеловать, и вышла из комнаты, а за нею потащился и мальчишка с органом.
Both had been brought in from the street.	Оба они были приведены с улицы.
Svidrigailov had not been a week in Petersburg, but everything about him was already, so to speak, on a patriarchal footing; the waiter, Philip, was by now an old friend and very obsequious.	Свидригайлов и недели не жил в Петербурге, а уж все около него было на какой-то патриархальной ноге. Трактирный лакей, Филипп, тоже был уже "знакомый" и подбострастничал.

The door leading to the saloon had a lock on it. Svidrigailov was at home in this room and perhaps spent whole days in it.	Дверь в залу запиралась; Свидригайлов в этой комнате был как у себя и проводил в ней, может быть, целые дни.
The tavern was dirty and wretched, not even second-rate.	Трактир был грязный, дрянной и даже не средней руки.
"I was going to see you and looking for you," Raskolnikov began, "but I don't know what made me turn from the Hay Market into the X.	- Я к вам шел и вас отыскивал, - начал Раскольников, - но почему теперь я вдруг поворотил на -ский проспект с Сенной!
Prospect just now. I never take this turning.	Я никогда сюда не поворачиваю и не захожу.
I turn to the right from the Hay Market.	Я поворачиваю с Сенной направо.
And this isn't the way to you.	Да и дорога к вам не сюда.
I simply turned and here you are.	Только поворотил, вот и вы!
It is strange!"	Это странно!
"Why don't you say at once 'it's a miracle'?"	- Зачем же вы прямо не скажете: это чудо!
"Because it may be only chance."	- Потому что это, может быть, только случай.
"Oh, that's the way with all you folk," laughed Svidrigailov. "You won't admit it, even if you do inwardly believe it a miracle!	- Ведь какая складка у всего этого народа! - захохотал Свидригайлов, - не сознается, хоть бы даже внутри и верил чуду!

Here you say that it may be only chance.	Ведь уж сами говорите, что "может быть" только случай.
And what cowards they all are here, about having an opinion of their own, you can't fancy, Rodion Romanovitch.	И какие здесь все трусишки насчет своего собственного мнения, вы представить себе не можете, Родион Романович!
I don't mean you, you have an opinion of your own and are not afraid to have it.	Я не про вас. Вы имеете собственное мнение и не стеснялись иметь его.
That's how it was you attracted my curiosity."	Тем-то вы и завлекли мое любопытство.
"Nothing else?"	- Больше ничем?
"Well, that's enough, you know," Svidrigailov was obviously exhilarated, but only slightly so, he had not had more than half a glass of wine.	- Да и этого ведь довольно. Свидригайлов был, очевидно, в возбужденном состоянии, но всего только на капельку; вина выпил он всего только полстакана.

"I fancy you came to see me before you knew that I was capable of having what you call an opinion of my own," observed Raskolnikov.	- Мне кажется, вы пришли ко мне раньше, чем узнали о том, что я способен иметь то, что вы называете собственным мнением, - заметил Раскольников.
"Oh, well, it was a different matter.	- Ну, тогда было дело другое.
Everyone has his own plans.	У всякого свои шаги.
And apropos of the miracle let me tell you that I think you have been asleep for the last two or three days.	А насчет чуда скажу вам, что вы, кажется, эти последние два-три дня проспали.
I told you of this tavern myself, there is no miracle in your coming straight here. I explained the way myself, told you where it was, and the hours you could find me here.	Я вам сам назначил этот трактир и никакого тут чуда не было, что вы прямо пришли; сам растолковал всю дорогу, рассказал место, где он стоит, и часы, в которые можно меня здесь застать.
Do you remember?"	Помните?
"I don't remember," answered Raskolnikov with surprise.	- Забыл, - отвечал с удивлением Раскольников.
"I believe you.	- Верю.
I told you twice.	Два раза я вам говорил.
The address has been stamped mechanically on your memory.	Адрес отчеканился у вас в памяти механически.
You turned this way mechanically and yet precisely according to the direction, though you are not aware of it.	Вы и повернули сюда механически, а между тем строго по адресу, сами того не зная.
When I told you then, I hardly hoped you understood me.	Я, и говоря-то вам тогда, не надеялся, что вы меня поняли.
You give yourself away too much, Rodion Romanovitch.	Очень уж вы себя выдаете, Родион Романович.
And another thing, I'm convinced there are lots of people in Petersburg who talk to themselves as they walk.	Да вот еще: я убежден, что в Петербурге много народу, ходя, говорят сами с собой.

This is a town of crazy people.	Это город полусумасшедших.
If only we had scientific men, doctors, lawyers and philosophers might make most valuable investigations in Petersburg each in his own line.	Если б у нас были науки, то медики, юристы и философы могли бы сделать над Петербургом драгоценнейшие исследования, каждый по своей специальности.

There are few places where there are so many gloomy, strong and queer influences on the soul of man as in Petersburg.	Редко где найдется столько мрачных, резких и странных влияний на душу человека, как в Петербурге.
The mere influences of climate mean so much.	Чего стоят одни климатические влияния!
And it's the administrative centre of all Russia and its character must be reflected on the whole country.	Между тем это административный центр всей России, и характер его должен отражаться на всем.
But that is neither here nor there now. The point is that I have several times watched you.	Но не в том теперь дело, а в том, что я уже несколько раз смотрел на вас сбоку.
You walk out of your house-holding your head high--twenty paces from home you let it sink, and fold your hands behind your back.	Вы выходите из дому - еще держите голову прямо. С двадцати шагов вы уже ее опускаете, руки складываете назад.
You look and evidently see nothing before nor beside you.	Вы смотрите и, очевидно, ни пред собою, ни по бокам уже ничего не видите.
At last you begin moving your lips and talking to yourself, and sometimes you wave one hand and declaim, and at last stand still in the middle of the road.	Наконец, начинаете шевелить губами и разговаривать сами с собой, причем иногда вы высвобождаете руку и декламируете, наконец, останавливаетесь среди дороги надолго.
That's not at all the thing.	Это очень нехорошо-с.
Someone may be watching you besides me, and it won't do you any good.	Может быть, вас коекто и замечает, кроме меня, а уж это невыгодно.
It's nothing really to do with me and I can't cure you, but, of course, you understand me."	Мне, в сущности, все равно, и я вас не вылечу, но вы, конечно, меня понимаете.
"Do you know that I am being followed?" asked Raskolnikov, looking inquisitively at him.	- А вы знаете, что за мною следят? - спросил Раскольников, пытливо на него взглядывая.
"No, I know nothing about it," said Svidrigailov, seeming surprised.	- Нет, ничего не знаю, - как бы с удивлением ответил Свидригайлов.
"Well, then, let us leave me alone," Raskolnikov muttered, frowning.	- Ну так и оставим меня в покое, - нахмурившись, пробормотал Раскольников.
"Very good, let us leave you alone."	- Хорошо, оставим вас в покое.
"You had better tell me, if you come here to drink, and directed me twice to come here to you, why did you hide, and try to	- Скажите лучше, если вы сюда приходите пить и сами мне назначали два раза, чтоб я к вам сюда же пришел, то почему вы

get away just now when I looked at the window from the street?	теперь, когда я смотрел в окно с улицы, прятались и хотели уйти?
I saw it."	Я это очень хорошо заметил.
"He-he!	- Хе-хе!
And why was it you lay on your sofa with closed eyes and pretended to be asleep, though you were wide awake while I stood in your doorway?	А почему вы, когда я тогда стоял у вас на пороге, лежали на своей софе с закрытыми глазами и притворялись, что спите, тогда как вы вовсе не спали?
I saw it."	Я это очень хорошо заметил.
"I may have had... reasons.	- Я мог иметь ... причины... вы сами это знаете.
You know that yourself." "And I may have had my reasons, though you don't know them."	- И я мог иметь свои причины, хотя вы их и не узнаете.
Raskolnikov dropped his right elbow on the table, leaned his chin in the fingers of his right hand, and stared intently at Svidrigailov.	Раскольников опустил правый локоть на стол, подпер пальцами правой руки снизу свой подбородок и пристально уставился на Свидригайлова.
For a full minute he scrutinised his face, which had impressed him before.	Он рассматривал с минуту его лицо, которое всегда его поражало и прежде.
It was a strange face, like a mask; white and red, with bright red lips, with a flaxen beard, and still thick flaxen hair.	Это было какое-то странное лицо, похожее как бы на маску: белое, румяное, с румяными, алыми губами, с светло-белокурою бородой и с довольно еще густыми белокурыми волосами.
His eyes were somehow too blue and their expression somehow too heavy and fixed.	Глаза были как-то слишком голубые, а взгляд их как-то слишком тяжел и неподвижен.
There was something awfully unpleasant in that handsome face, which looked so wonderfully young for his age.	Что-то было, ужасно неприятное в этом красивом и чрезвычайно моложавом, судя по летам, лице.
Svidrigailov was smartly dressed in light summer clothes and was particularly dainty in his linen.	Одежда Свидригайлова была щегольская, летняя, легкая, в особенности щеголял он бельем.
He wore a huge ring with a precious stone in it.	На пальце был огромный перстень с дорогим камнем.
"Have I got to bother myself about you, too, now?" said Raskolnikov suddenly,	- Да неужели же мне и с вами еще тоже надо возиться, - сказал вдруг Раскольников,

coming with nervous impatience straight to the point. "Even though perhaps you are the most dangerous man if you care to injure me, I don't want to put myself out any more.	выходя с судорожным нетерпением прямо на открытую, -хотя вы, может быть, и самый опасный человек, если захотите вредить, да ято не хочу ломать себя больше.
I will show you at once that I don't prize myself as you probably think I do.	Я вам покажу сейчас, что не так дорожу собою, как вы, вероятно, думаете.
I've come to tell you at once that if you keep to your former intentions with regard to my sister and if you think to derive any benefit in that direction from what has been discovered of late, I will kill you before you get me locked up.	Знайте же, я пришел к вам прямо сказать, что если вы держите свое прежнее намерение насчет моей сестры и если для этого думаете чем-нибудь воспользоваться из того, что открыто в последнее время, то я вас убью, прежде чем вы меня в острог посадите.
You can reckon on my word. You know that I can keep it.	Мое слово верно: вы знаете, что я сумею сдержать его.
And in the second place if you want to tell me anything--for I keep fancying all this time that you have something to tell me--make haste and tell it, for time is precious and very likely it will soon be too late."	Второе, если хотите мне что-нибудь объявить, -потому что мне все это время казалось, что вы как будто хотите мне что-то сказать, - то объявляйте скорее, потому что время дорого и, может быть, очень скоро будет уже поздно.
"Why in such haste?" asked Svidrigailov, looking at him curiously.	- Да куда вы это так торопитесь? - спросил Свидригайлов, любопытно его разглядывая.

"Everyone has his plans," Raskolnikov answered gloomily and impatiently.	- У всякого свои шаги, - мрачно и нетерпеливо проговорил Раскольников.
"You urged me yourself to frankness just now, and at the first question you refuse to answer," Svidrigailov observed with a smile.	- Вы сами же вызывали сейчас на откровенность, а на первый же вопрос и отказываетесь отвечать,- заметил Свидригайлов с улыбкой.
"You keep fancying that I have aims of my own and so you look at me with suspicion.	- Вам все кажется, что у меня какие-то цели, а потому и глядите на меня подозрительно.
Of course it's perfectly natural in your position.	Что ж, это совершенно понятно в вашем положении.
But though I should like to be friends with you, I shan't trouble myself to convince you of the contrary.	Но как я ни желаю сойтись с вами, я всетаки не возьму на себя труда разуверять вас в противном.
The game isn't worth the candle and I wasn't intending to talk to you about	Ей-богу, игра не стоит свеч, да и говорить-то с вами я ни о чем таком особенном не

anything special."	намеревался.
"What did you want me, for, then?"	- Зачем же я тогда вам так понадобился?
It was you who came hanging about me."	Ведь вы же около меня ухаживали?
"Why, simply as an interesting subject for observation.	- Да просто как любопытный субъект для наблюдения.
I liked the fantastic nature of your position--that's what it was!	Мне понравились вы фантастичностью вашего положения - вот чем!
Besides you are the brother of a person who greatly interested me, and from that person I had in the past heard a very great deal about you, from which I gathered that you had a great influence over her; isn't that enough?	Кроме того, вы брат особы, которая меня очень интересовала, и, наконец, от самой этой особы в свое время я ужасно много и часто слышал о вас, из чего и заключил, что вы имеете над нею большое влияние; разве этого мало?
Ha-ha-ha!	Хе-хе-хе!
Still I must admit that your question is rather complex, and is difficult for me to answer.	Впрочем, сознаюсь, ваш вопрос для меня весьма сложен, и мне трудно на него вам ответить.
Here, you, for instance, have come to me not only for a definite object, but for the sake of hearing something new.	Ну вот, например, ведь вы пошли ко мне теперь мало того что по делу, а за чем-нибудь новеньким?
Isn't that so?	Ведь так?
Isn't that so?" persisted Svidrigailov with a sly smile. "Well, can't you fancy then that I, too, on my way here in the train was reckoning on you, on your telling me something new, and on my making some profit out of you!	Ведь так? - настаивал Свидригайлов с плутовскою улыбкой, - ну, представьте же себе после этого, что я сам-то, еще ехав сюда, в вагоне, на вас же рассчитывал, что вы мне тоже скажете что-нибудь новенького и что от вас же удастся мне чем-нибудь позаимствоваться!
You see what rich men we are!"	Вот какие мы богачи!
"What profit could you make?"	- Чем это позаимствоваться?
"How can I tell you?	- Да что вам сказать?
How do I know?	Разве я знаю чем?

You see in what a tavern I spend all my time and it's my enjoyment, that's to say it's no great enjoyment, but one must sit somewhere; that poor Katia now--you saw	Видите, в каком трактиришке все время просиживаю, и это мне всласть, то есть не то чтобы всласть, а так, надо же где-нибудь сесть. Ну, вот хоть эта бедная Катя -
---	---

her?...	видели?..
If only I had been a glutton now, a club gourmand, but you see I can eat this." He pointed to a little table in the corner where the remnants of a terrible-looking beef-steak and potatoes lay on a tin dish. "Have you dined, by the way?	Ну был бы я, например, хоть обжора, клубный gastronome, а то ведь вот что я могу есть! (Он ткнул пальцем в угол, где на маленьком столике, на жестяном блюде, стояли остатки ужасного бифштекса с картофелем.) Кстати, обедали вы?
I've had something and want nothing more.	Я перекусил и больше не хочу.
I don't drink, for instance, at all.	Вина, например, совсем не пью.
Except for champagne I never touch anything, and not more than a glass of that all the evening, and even that is enough to make my head ache.	Кроме шампанского, никакого, да и шампанского-то в целый вечер один стакан, да и то голова болит.
I ordered it just now to wind myself up, for I am just going off somewhere and you see me in a peculiar state of mind.	Это я теперь, чтобы подмонтировать, велел подать, потому что я куда-то собираюсь, и вы видите меня в особом расположении духа.
That was why I hid myself just now like a schoolboy, for I was afraid you would hinder me. But I believe," he pulled out his watch, "I can spend an hour with you. It's half-past four now.	Я потому давеча и спрятался, как школьник, что думал, что вы мне мешаете; но, кажется (он вынул часы), могу пробыть с вами час; теперь половина пятого.
If only I'd been something, a landowner, a father, a cavalry officer, a photographer, a journalist... I am nothing, no specialty, and sometimes I am positively bored.	Верите ли, хотя бы что-нибудь было; ну, помещиком быть, ну, отцом, ну, уланом, фотографом, журналистом... и-ничего, никакой специальности! Иногда даже скучно.
I really thought you would tell me something new."	Право, думал, что вы мне скажете что-нибудь новенького.
"But what are you, and why have you come here?"	- Да кто вы такой и зачем вы сюда приехали?
"What am I?	- Я кто такой?
You know, a gentleman, I served for two years in the cavalry, then I knocked about here in Petersburg, then I married Marfa Petrovna and lived in the country.	Вы знаете: дворянин, служил два года в кавалерии, потом так здесь в Петербурге шлялся, потом женился на Марфе Петровне и жил в деревне.
There you have my biography!"	Вот моя биография!
"You are a gambler, I believe?"	- Вы, кажется, игрок?
"No, a poor sort of gambler.	- Нет, какой я игрок.

A card-sharper--not a gambler."	Шулер - не игрок.
"You have been a card-sharper then?"	- А вы были шулером?
"Yes, I've been a card-sharper too."	- Да, был шулером.
"Didn't you get thrashed sometimes?"	- Что же, вас бивали?
"It did happen.	- Случалось.
Why?"	А что?

"Why, you might have challenged them... altogether it must have been lively."	- Ну, стало быть, вызвать на дуэль могли... да и вообще, оживляет.
"I won't contradict you, and besides I am no hand at philosophy.	- Не противоречу вам и притом не мастер я философствовать.
I confess that I hastened here for the sake of the women."	Признаюсь вам, я сюда больше насчет женщин поскорее приехал.
"As soon as you buried Marfa Petrovna?"	- Только что похоронили Марфу Петровну?
"Quite so," Svidrigailov smiled with engaging candour.	- Ну да, - улыбнулся с побеждающе откровенностью Свидригайлов.
"What of it?"	Так что ж?
You seem to find something wrong in my speaking like that about women?"	Вы, кажется, находите что-то дурное, что я о женщинах так говорю?
"You ask whether I find anything wrong in vice?"	- То есть нахожу я или нет дурное в разврате?
"Vice!"	- В разврате!
Oh, that's what you are after!	Ну вот вы куда!
But I'll answer you in order, first about women in general; you know I am fond of talking.	А впрочем, по порядку прежде отвечу вам насчет женщины вообще; знаете, я расположен болтать.
Tell me, what should I restrain myself for?	Скажите, для чего я буду себя сдерживать?
Why should I give up women, since I have a passion for them?	Зачем же бросать женщин, коли я хоть до них охотник?
It's an occupation, anyway."	По крайней мере, занятие.
"So you hope for nothing here but vice?"	- Так вы здесь только на разврат один и надеетесь?
"Oh, very well, for vice then.	- Ну так что ж, ну и на разврат!
You insist on its being vice.	Дался им разврат.

But anyway I like a direct question.	Да люблю, по крайней мере, прямой вопрос.
In this vice at least there is something permanent, founded indeed upon nature and not dependent on fantasy, something present in the blood like an ever-burning ember, for ever setting one on fire and, maybe, not to be quickly extinguished, even with years.	В этом разврате, по крайней мере, есть нечто постоянное, основанное даже на природе и не подтвержденное фантазии, нечто всегдашним разожженным угольком в крови прерывающее, вечно поджигающее, которое и долго еще, и с летами, может быть, не так скоро зальешь.
You'll agree it's an occupation of a sort."	Согласитесь сами, разве не занятие в своем роде?
"That's nothing to rejoice at, it's a disease and a dangerous one."	- Чему же тут радоваться? Это болезнь, и опасная.
"Oh, that's what you think, is it!	- А, вот вы куда!

I agree, that it is a disease like everything that exceeds moderation. And, of course, in this one must exceed moderation. But in the first place, everybody does so in one way or another, and in the second place, of course, one ought to be moderate and prudent, however mean it may be, but what am I to do?	Я согласен, что это болезнь, как и все переходящее через меру, - а тут непременно придется перейти через меру, - но ведь это, во-первых, у одного так, у другого иначе, а во-вторых, разумеется, во всем держи меру, расчет, хоть и подлый, но что же делать?
If I hadn't this, I might have to shoot myself.	Не будь этого, ведь этак застрелиться, пожалуй, пришлось бы.
I am ready to admit that a decent man ought to put up with being bored, but yet..."	Я согласен, что порядочный человек обязан скучать, но ведь, однако ж...
"And could you shoot yourself?"	- А вы могли бы застрелиться?
"Oh, come!" Svidrigailov parried with disgust. "Please don't speak of it," he added hurriedly and with none of the bragging tone he had shown in all the previous conversation.	- Ну вот! - с отвращением отпаривал Свидригайлов, - сделайте одолжение, не говорите мне, - прибавил он поспешно и даже без всякого фанфаронства, которое выказывалось во всех прежних его словах.
His face quite changed.	Даже лицо его как будто изменилось.
"I admit it's an unpardonable weakness, but I can't help it. I am afraid of death and I dislike its being talked of.	- Сознаюсь в непростительной слабости, но что делать: боюсь смерти и не люблю, когда говорят о ней.
Do you know that I am to a certain extent a mystic?"	Знаете ли, что я мистик отчасти?

"Ah, the apparitions of Marfa Petrovna!	- А! призраки Марфы Петровны!
Do they still go on visiting you?"	Что ж, приходить продолжают?
"Oh, don't talk of them; there have been no more in Petersburg, confound them!" he cried with an air of irritation.	- Ну их, не поминайте; в Петербурге еще не было; да и черт с ними! - вскричал он с каким-то раздражительным видом.
"Let's rather talk of that... though..."	- Нет, будемте лучше об этом... да впрочем...
H'm!	Гм!
I have not much time, and can't stay long with you, it's a pity!	Эх, мало времени, не могу я с вами долго оставаться, а жаль!
I should have found plenty to tell you."	Было бы что сообщить.
"What's your engagement, a woman?"	- А что у вас, женщина?
"Yes, a woman, a casual incident.... No, that's not what I want to talk of."	- Да, женщина, так, нечаянный один случай... нет, я не про то.
"And the hideousness, the filthiness of all your surroundings, doesn't that affect you?"	- Ну, а мерзость всей этой обстановки на вас уже не действует?
Have you lost the strength to stop yourself?"	Уже потеряли силу остановиться?
"And do you pretend to strength, too?"	- А вы и на силу претендуете?
He-he-he!	Хе-хе-хе!
You surprised me just now, Rodion Romanovitch, though I knew beforehand it would be so.	Удивили же вы меня сейчас, Родион Романович, хоть я заранее знал, что это так будет.
You preach to me about vice and aesthetics!	Вы же толкуете мне о разврате и об эстетике!

You--a Schiller, you--an idealist!	Вы - Шиллер, вы - идеалист!
Of course that's all as it should be and it would be surprising if it were not so, yet it is strange in reality....	Все это, конечно, так и должно быть и надо бы удивляться, если б оно было иначе, но, однако ж, как-то все-таки странно в действительности...
Ah, what a pity I have no time, for you're a most interesting type!	Ах, жаль, что времени мало, потому вы сами прелюбопытный субъект!
And, by-the-way, are you fond of Schiller?	А кстати, вы любите Шиллера?
I am awfully fond of him."	Я ужасно люблю.
"But what a braggart you are," Raskolnikov	- Но какой вы, однако же, фанфарон! - с некоторым отвращением произнес

said with some disgust.	Раскольников.
"Upon my word, I am not," answered Svidrigailov laughing. "However, I won't dispute it, let me be a braggart, why not brag, if it hurts no one?"	- Ну, ей-богу же, нет! - хохоча отвечал Свидригайлов, - а впрочем, не спорю, пусть и фанфарон; но ведь почему же и не пофанфаронить, когда оно безобидно.
I spent seven years in the country with Marfa Petrovna, so now when I come across an intelligent person like you-- intelligent and highly interesting--I am simply glad to talk and, besides, I've drunk that half-glass of champagne and it's gone to my head a little.	Я семь лет прожил в деревне у Марфы Петровны, а потому, набросившись теперь на умного человека, как вы, - на умного и в высшей степени любопытного, просто рад поболтать, да кроме того, выпил эти полстакана вина и уже капельку в голову ударило.
And besides, there's a certain fact that has wound me up tremendously, but about that I... will keep quiet.	А главное, существует одно обстоятельство, которое меня очень монтировало, но о котором я... умолчу.
Where are you off to?" he asked in alarm.	Куда же вы? - с испугом спросил вдруг Свидригайлов.
Raskolnikov had begun getting up.	Раскольников стал было вставать.
He felt oppressed and stifled and, as it were, ill at ease at having come here.	Ему сделалось и тяжело, и душно, и как-то неловко, что он пришел сюда.
He felt convinced that Svidrigailov was the most worthless scoundrel on the face of the earth.	В Свидригайлове он убедился как в самом пустейшем и ничтожнейшем злодее в мире.
"A-ach!	- Э-эх!
Sit down, stay a little!" Svidrigailov begged. "Let them bring you some tea, anyway.	Посидите, остановитесь, - упрашивал Свидригайлов, - да велите себе принести хоть чаю.
Stay a little, I won't talk nonsense, about myself, I mean.	Ну посидите, не я не буду болтать вздору, о себе то есть.
I'll tell you something.	Я вам что-нибудь расскажу.
If you like I'll tell you how a woman tried 'to save' me, as you would call it?	Ну, хотите, я вам расскажу, как меня женщина, говоря вашим слогом, "спасала"?
It will be an answer to your first question indeed, for the woman was your sister.	Это будет даже ответом на ваш первый вопрос, потому что особа эта - ваша сестра.
May I tell you?	Можно рассказывать?
It will help to spend the time."	Да и время убьем.

"Tell me, but I trust that you..."	- Рассказывайте, но я надеюсь, вы...
"Oh, don't be uneasy.	- О, не беспокойтесь!
Besides, even in a worthless low fellow like me, Avdotya Romanovna can only excite the deepest respect."	Притом же Авдотья Романовна даже и в таком скверном и пустом человеке, как я, может вселить только одно глубочайшее уважение.
CHAPTER IV	IV
"You know perhaps--yes, I told you myself," began Svidrigailov, "that I was in the debtors' prison here, for an immense sum, and had not any expectation of being able to pay it.	- Вы знаете, может быть (да я, впрочем, и сам вам рассказывал), - начал Свидригайлов, - что я сидел здесь в долговой тюрьме, по огромному счету, и не имея ни малейших средств в виду для уплаты.
There's no need to go into particulars how Marfa Petrovna bought me out; do you know to what a point of insanity a woman can sometimes love?	Нечего подробничать о том, как выкупала меня тогда Марфа Петровна; знаете ли, до какой степени одурманивания может иногда полюбить женщина?
She was an honest woman, and very sensible, although completely uneducated.	Это была женщина честная, весьма неглупая (хотя и совершенно необразованная).
Would you believe that this honest and jealous woman, after many scenes of hysterics and reproaches, condescended to enter into a kind of contract with me which she kept throughout our married life?	Представьте же себе, что эта-то самая, ревнивая и честная женщина решилась снизойти, после многих ужасных исступлений и попреков, на некоторого рода со мною контракт, который и исполняла во все время нашего брака.
She was considerably older than I, and besides, she always kept a clove or something in her mouth.	Дело в том, что она была значительно старше меня, кроме того, постоянно носила во рту какую-то гвоздичку.
There was so much swinishness in my soul and honesty too, of a sort, as to tell her straight out that I couldn't be absolutely faithful to her.	Я имел настолько свинства в душе и своего рода честности, чтоб объявить ей прямо, что совершенно верен ей быть не могу.
This confession drove her to frenzy, but yet she seems in a way to have liked my brutal frankness.	Это признание привело ее в исступление, но, кажется, моя грубая откровенность ей в некотором роде понравилась:
She thought it showed I was unwilling to deceive her if I warned her like this beforehand and for a jealous woman, you know, that's the first consideration.	"Значит, дескать, сам не хочет обманывать, коли заранее так объявляет", - ну, а для ревливой женщины это первое.

<p>After many tears an unwritten contract was drawn up between us: first, that I would never leave Marfa Petrovna and would always be her husband; secondly, that I would never absent myself without her permission; thirdly, that I would never set up a permanent mistress; fourthly, in return for this, Marfa Petrovna gave me a free hand with the maidservants, but only with her secret knowledge; fifthly, God forbid my falling in love with a woman of our class; sixthly, in case I--which God forbid--should be visited by a great serious passion I was bound to reveal it to Marfa Petrovna.</p>	<p>После долгих слез состоялся между нами такого рода изустный контракт: первое, я никогда не оставлю Марфу Петровну и всегда пребуду ее мужем; второе, без ее позволения не отлучусь никуда; третье, постоянной любовницы не заведу никогда; четвертое, за это Марфа Петровна позволяет мне приглянуть иногда на сенных девушек, но не иначе как с ее секретного ведома; пятое, боже сохрани меня полюбить женщину из нашего сословия; шестое, если на случай, чего боже сохрани, меня посетит какая-нибудь страсть, большая и серьезная, то я должен открыться Марфе Петровне.</p>
---	--

<p>On this last score, however, Marfa Petrovna was fairly at ease. She was a sensible woman and so she could not help looking upon me as a dissolute profligate incapable of real love.</p>	<p>Насчет последнего пункта Марфа Петровна была, впрочем, во все время довольно спокойна; это была умная женщина, а следовательно, не могла же на меня смотреть иначе как на развратника и потаскуна, который серьезно полюбить не в состоянии.</p>
<p>But a sensible woman and a jealous woman are two very different things, and that's where the trouble came in.</p>	<p>Но умная женщина и ревнивая женщина - два предмета разные, и вот в этом-то и беда.</p>
<p>But to judge some people impartially we must renounce certain preconceived opinions and our habitual attitude to the ordinary people about us.</p>	<p>Впрочем, чтобы беспристрастно судить о некоторых людях, нужно заранее отказаться от иных предвзятых взглядов и от обыденной привычки к обыкновенно окружающим нас людям и предметам.</p>
<p>I have reason to have faith in your judgment rather than in anyone's.</p>	<p>На ваше суждение, более чем на чье-нибудь, я имею право надеяться.</p>
<p>Perhaps you have already heard a great deal that was ridiculous and absurd about Marfa Petrovna.</p>	<p>Может быть, вы уже очень много слышали о Марфе Петровне смешного и нелепого.</p>
<p>She certainly had some very ridiculous ways, but I tell you frankly that I feel really sorry for the innumerable woes of which I was the cause.</p>	<p>Действительно, у ней были иные весьма смешные привычки; но скажу вам прямо, что я искренне сожалею о бесчисленных горестях, которых я был причиной.</p>
<p>Well, and that's enough, I think, by way of a decorous _oraison funebre_ for the most tender wife of a most tender</p>	<p>Ну и довольно, кажется, для весьма приличного oraison funebre нежнейшей жене</p>

husband.	нежнейшего мужа.
When we quarrelled, I usually held my tongue and did not irritate her and that gentlemanly conduct rarely failed to attain its object, it influenced her, it pleased her, indeed. These were times when she was positively proud of me.	В случаях наших ссор я, большею частью, молчал и не раздражался, и это джентльменничанье всегда почти достигало цели; оно на нее влияло, и ей даже нравилось; бывали случаи, что она мною даже гордилась.
But your sister she couldn't put up with, anyway.	Но сестрицы вашей все-таки не вынесла.
And however she came to risk taking such a beautiful creature into her house as a governess.	И каким образом это случилось, что она рискнула взять такую красавицу в свой дом, в гувернантки!
My explanation is that Marfa Petrovna was an ardent and impressionable woman and simply fell in love herself--literally fell in love--with your sister.	Я объясняю тем, что Марфа Петровна была женщина пламенная и восприимчивая и что, просто-запросто, она сама влюбилась, - буквально влюбилась, - в вашу сестрицу.
Well, little wonder--look at Avdotya Romanovna!	Ну да и Авдотья-то Романовна!
I saw the danger at the first glance and what do you think, I resolved not to look at her even.	Я очень хорошо понял, с первого взгляда, что тут дело плохо и, - что вы думаете? - решился было и глаз не подымать на нее.
But Avdotya Romanovna herself made the first step, would you believe it?	Но Авдотья Романовна сама сделала первый шаг - верите или нет?

Would you believe it too that Marfa Petrovna was positively angry with me at first for my persistent silence about your sister, for my careless reception of her continual adoring praises of Avdotya Romanovna.	Верите ли вы тоже, что Марфа Петровна до того доходила, что даже на меня сердилась сначала за мое всегдашнее молчание о вашей сестре, за то, что я так равнодушен на ее непрерывные и влюбленные отзывы об Авдотье Романовне?
I don't know what it was she wanted!	Сам не понимаю, чего ей хотелось!
Well, of course, Marfa Petrovna told Avdotya Romanovna every detail about me.	Ну, уж конечно, Марфа Петровна рассказала Авдотье Романовне обо мне всю подноготную.
She had the unfortunate habit of telling literally everyone all our family secrets and continually complaining of me; how could she fail to confide in such a delightful new friend?	У нее была несчастная черта, решительно всем рассказывать все наши семейные тайны и всем непрерывно на меня жаловаться; как же было пропустить такого нового и прекрасного друга?
	Полагаю, что у них и разговору иного не было,

I expect they talked of nothing else but me and no doubt Avdotya Romanovna heard all those dark mysterious rumours that were current about me....	как обо мне, и, уж без сомнения, Авдотье Романовне стали известны все эти мрачные, таинственные сказки, которые мне приписывают...
I don't mind betting that you too have heard something of the sort already?"	Бьюсь об заклад, что вы уж что-нибудь в этом роде тоже слышали?
"I have.	- Слышал.
Luzhin charged you with having caused the death of a child.	Лужин обвинил вас, что вы даже были причиной смерти ребенка.
Is that true?"	Правда это?
"Don't refer to those vulgar tales, I beg," said Svidrigailov with disgust and annoyance. "If you insist on wanting to know about all that idiocy, I will tell you one day, but now..."	- Сделайте одолжение, оставьте все эти пошлости в покое, - с отвращением и брюзгливо отговорился Свидригайлов, - если вы так непременно захотите узнать обо всей этой бессмыслице, то я когда-нибудь расскажу вам особо, а теперь...
"I was told too about some footman of yours in the country whom you treated badly."	- Говорили тоже о каком-то вашем лакее в деревне и что будто бы вы были тоже чему-то причиной.
"I beg you to drop the subject," Svidrigailov interrupted again with obvious impatience.	- Сделайте одолжение, довольно! - перебил опять с явным нетерпением Свидригайлов.
"Was that the footman who came to you after death to fill your pipe?... you told me about it yourself." Raskolnikov felt more and more irritated.	- Это не тот ли лакей, который вам после смерти трубку приходил набивать... еще сами мне рассказывали? - раздражался все более и более Раскольников.
Svidrigailov looked at him attentively and Raskolnikov fancied he caught a flash of spiteful mockery in that look. But Svidrigailov restrained himself and answered very civilly:	Свидригайлов внимательно поглядывал на Раскольникова, и тому показалось, что во взгляде этом блеснула мгновенно, как молния, злобная усмешка, но Свидригайлов удержался и весьма вежливо отвечал:
"Yes, it was.	- Это тот самый.
I see that you, too, are extremely interested and shall feel it my duty to satisfy your curiosity at the first opportunity.	Я вижу, что вас тоже все это чрезвычайно интересует, и почту за долг, при первом удобном случае, по всем пунктам удовлетворить ваше любопытство.
Upon my soul!	Черт возьми!
I see that I really might pass for a romantic figure with some people.	Я вижу, что действительно могу показаться кому-нибудь лицом романическим!

Judge how grateful I must be to Marfa Petrovna for having repeated to Avdotya Romanovna such mysterious and interesting gossip about me.	Судите же, до какой степени я обязан после того благодарить покойницу Марфу Петровну за то, что она наговорила вашей сестрице обо мне столько таинственного и любопытного.
I dare not guess what impression it made on her, but in any case it worked in my interests.	Не смею судить о впечатлении: но, во всяком случае, это было для меня выгодно.
With all Avdotya Romanovna's natural aversion and in spite of my invariably gloomy and repellent aspect--she did at least feel pity for me, pity for a lost soul.	При всем естественном отвращении ко мне Авдотьи Романовны и несмотря на мой всегдашний мрачный и отталкивающий вид, - ей стало наконец жаль меня, жаль пропащего человека.
And if once a girl's heart is moved to _pity_, it's more dangerous than anything.	А когда сердцу девушки станет жаль, то, уж разумеется, это для нее всего опаснее.
She is bound to want to 'save him,' to bring him to his senses, and lift him up and draw him to nobler aims, and restore him to new life and usefulness--well, we all know how far such dreams can go.	Тут же непременно захочется и "спасти", и образумить, и воскресить, и призвать к более благородным целям, и возродить к новой жизни и деятельности, - ну, известно, что можно намечтать в этом роде.
I saw at once that the bird was flying into the cage of herself. And I too made ready.	Я тотчас же смекнул, что птичка сама летит в сетку, и, в свою очередь, приготовился.
I think you are frowning, Rodion Romanovitch?	Вы, кажется, хмуритесь, Родион Романыч?
There's no need. As you know, it all ended in smoke. (Hang it all, what a lot I am drinking!) Do you know, I always, from the very beginning, regretted that it wasn't your sister's fate to be born in the second or third century A.D., as the daughter of a reigning prince or some governor or pro-consul in Asia Minor.	Ничего-с, дело, как вы знаете, обошлось пустяками. (Черт возьми, сколько я пью вина!) Знаете, мне всегда было жаль, с самого начала, что судьба не дала родиться вашей сестре во втором или третьем столетии нашей эры, где-нибудь дочерью владетельного князька или там какого-нибудь правителя, или проконсула в Малой Азии.
She would undoubtedly have been one of those who would endure martyrdom and would have smiled when they branded her bosom with hot pincers.	Она, без сомнения, была бы одна из тех, которые претерпели мученичество, и уж, конечно бы, улыбалась, когда бы ей жгли грудь раскаленными щипцами.
And she would have gone to it of herself. And in the fourth or fifth century she would have walked away into the Egyptian desert and would have stayed	Она бы пошла на это нарочно сама, а в четвертом и в пятом веках ушла бы в Египетскую пустыню и жила бы там тридцать лет, питаясь кореньями, восторгами и

there thirty years living on roots and ecstasies and visions.	видениями.
She is simply thirsting to face some torture for someone, and if she can't get her torture, she'll throw herself out of a window.	Сама она только того и жаждет, и требует, чтобы за кого-нибудь какую-нибудь муку поскорее принять, а не дай ей этой муки, так она, пожалуй, и в окно выскочит.

I've heard something of a Mr. Razumihin--he's said to be a sensible fellow; his surname suggests it, indeed. He's probably a divinity student. Well, he'd better look after your sister!	Я слышал что-то о каком-то господине Разумихине. Он малый, говорят, рассудительный (что и фамилия его показывает, семинарист, должно быть), ну так пусть и бережет вашу сестру.
I believe I understand her, and I am proud of it.	Одним словом, я кажется, ее понял, что и считаю себе за честь.
But at the beginning of an acquaintance, as you know, one is apt to be more heedless and stupid. One doesn't see clearly.	Но тогда, то есть в начале знакомства, сами знаете, бываешь всегда как-то легкомысленнее и глупее, смотришь ошибочно, видишь не то.
Hang it all, why is she so handsome?	Черт возьми, зачем же она так хороша?
It's not my fault.	Я не виноват!
In fact, it began on my side with a most irresistible physical desire.	Одним словом, у меня началось с самого неудержимого сладострастного порыва.
Avdotya Romanovna is awfully chaste, incredibly and phenomenally so. Take note, I tell you this about your sister as a fact.	Авдотья Романовна целомудренна ужасно, неслыханно и невиданно. (Заметьте себе, я вам сообщаю это о вашей сестре как факт.
She is almost morbidly chaste, in spite of her broad intelligence, and it will stand in her way. There happened to be a girl in the house then, Parasha, a black-eyed wench, whom I had never seen before--she had just come from another village--very pretty, but incredibly stupid: she burst into tears, wailed so that she could be heard all over the place and caused scandal.	Она целомудренна, может быть, до болезни, несмотря на весь свой широкий ум, и это ей повредит.) Тут у нас случилась одна девушка, Параша, черноокая Параша, которую только что привезли из другой деревни, сенная девушка, и которую я еще никогда не видывал, -хорошенькая очень, но глупа до невероятности: в слезы, подняла вой на весь двор, и вышел скандал.
One day after dinner Avdotya Romanovna followed me into an avenue in the garden and with flashing eyes _insisted_ on my leaving poor Parasha alone.	Раз, после обеда, Авдотья Романовна нарочно отыскала меня одного в аллее в саду и с сверкающими глазами потребовала от меня, чтоб я оставил бедную Парашу в покое.
It was almost our first conversation by ourselves.	Это был чуть ли не первый разговор наш вдвоем.
I, of course, was only too pleased to obey her wishes, tried to appear disconcerted, embarrassed, in fact played my part not badly.	Я, разумеется, почел за честь удовлетворить ее желанию, постарался прикинуться пораженным, смущенным, ну, одним словом, сыграл роль недурно.
Then came interviews, mysterious	Начались сношения, таинственные

conversations, exhortations, entreaties, supplications, even tears--would you believe it, even tears?	разговоры, нравоучения, поучения, упрашивания, умаливания, даже слезы, - верите ли, даже слезы!
Think what the passion for propaganda will bring some girls to!	Вот до какой силы доходит у иных девушек страсть к пропаганде!
I, of course, threw it all on my destiny, posed as hungry and thirsting for light, and finally resorted to the most powerful weapon in the subjection of the female heart, a weapon which never fails one.	Я, конечно, все свалил на свою судьбу, прикинулся алчущим и жаждущим света, и, наконец, пустил в ход величайшее и незыблемое средство к покорению женского сердца, средство, которое никогда и никого не обманывает и которое действует решительно на всех до единой, без всякого исключения.

It's the well-known resource--flattery.	Это средство известное - лесть.
Nothing in the world is harder than speaking the truth and nothing easier than flattery.	Нет ничего в мире труднее прямодушия, и нет ничего легче лести.
If there's the hundredth part of a false note in speaking the truth, it leads to a discord, and that leads to trouble.	Если в прямодушии только одна сотая доля нотки фальшивая, то происходит тотчас диссонанс, а за ним - скандал.
But if all, to the last note, is false in flattery, it is just as agreeable, and is heard not without satisfaction. It may be a coarse satisfaction, but still a satisfaction.	Если же в лести даже все до последней нотки фальшивое, и тогда она приятна и слушается не без удовольствия; хотя бы и с грубым удовольствием, но все-таки с удовольствием.
And however coarse the flattery, at least half will be sure to seem true.	И как бы ни груба была лесть, в ней непременно, по крайней мере, половина кажется правдою.
That's so for all stages of development and classes of society.	И это для всех развитий и слоев общества.
A vestal virgin might be seduced by flattery.	Даже весталку можно соблазнить лестью.
I can never remember without laughter how I once seduced a lady who was devoted to her husband, her children, and her principles.	А уж про обыкновенных людей и говорить нечего. Без смеху не могу себе припомнить, как один раз соблазнял я одну, преданную своему мужу, своим детям и своим добродетелям, барыню.
What fun it was and how little trouble!	Как это было весело и как мало было работы!
And the lady really had principles--of her own, anyway.	А барыня действительно была добродетельна, по крайней мере, по-своему.

All my tactics lay in simply being utterly annihilated and prostrate before her purity.	Вся моя тактика состояла в том, что я просто был каждую минуту раздавлен и падал ниц пред целомудрием.
I flattered her shamelessly, and as soon as I succeeded in getting a pressure of the hand, even a glance from her, I would reproach myself for having snatched it by force, and would declare that she had resisted, so that I could never have gained anything but for my being so unprincipled. I maintained that she was so innocent that she could not foresee my treachery, and yielded to me unconsciously, unawares, and so on.	Я льстил безбожно, и только что, бывало, добьюсь пожатия руки, даже взгляда, то укоряю себя, что это я вырвал его у нее силой, что она сопротивлялась, что она так сопротивлялась, что я наверное бы никогда ничего не получил, если б я сам не был так порочен; что она, в невинности своей, не предусмотрела коварства и поддалась неумышленно, сама того не зная, не ведая, и прочее, и прочее.
In fact, I triumphed, while my lady remained firmly convinced that she was innocent, chaste, and faithful to all her duties and obligations and had succumbed quite by accident.	Одним словом, я достиг всего, а моя барыня оставалась в высшей степени уверена, что она невинна и целомудренна и исполняет все долги и обязанности, а погибла совершенно нечаянно.
And how angry she was with me when I explained to her at last that it was my sincere conviction that she was just as eager as I.	И как же она рассердилась на меня, когда я объявил ей в конце, что по моему искреннему убеждению, она точно так же искала наслаждений, как и я.

Poor Marfa Petrovna was awfully weak on the side of flattery, and if I had only cared to, I might have had all her property settled on me during her lifetime. (I am drinking an awful lot of wine now and talking too much.) I hope you won't be angry if I mention now that I was beginning to produce the same effect on Avdotya Romanovna.	Бедная Марфа Петровна тоже ужасно поддавалась на лесть, и если бы только я захотел, то, конечно, отписал бы все имение на себя еще при жизни. (Однако я ужасно много пью вина и болтаю.) Надеюсь, что вы не рассердитесь, если я упомяну теперь, что тот же самый эффект начал сбываться и с Авдотьей Романовной.
But I was stupid and impatient and spoiled it all.	Да я сам был глуп и нетерпелив и все дело испортил.
Avdotya Romanovna had several times--and one time in particular--been greatly displeased by the expression of my eyes, would you believe it?	Авдотье Романовне еще несколько раз и прежде (а один раз как-то особенно) ужасно не понравилось выражение глаз моих, верите вы этому?
There was sometimes a light in them which frightened her and grew stronger and stronger and more unguarded till it was hateful to her.	Одним словом, в них все сильнее и неосторожнее вспыхивал некоторый огонь, который пугал ее и стал ей наконец ненавистен.

No need to go into detail, but we parted.	Нечего рассказывать подробности, но мы разошлись.
There I acted stupidly again.	Тут я опять сглупил.
I fell to jeering in the coarsest way at all such propaganda and efforts to convert me; Parasha came on to the scene again, and not she alone; in fact there was a tremendous to-do.	Пустился грубейшим образом издеваться насчет всех этих пропаганд и обращений; Параша опять выступила на сцену, да и не она одна, - одним словом, начался содом.
Ah, Rodion Romanovitch, if you could only see how your sister's eyes can flash sometimes!	Ох, если бы вы видели, Родион Романыч, хоть раз в жизни глазки вашей сестрицы так, как они иногда умеют сверкать!
Never mind my being drunk at this moment and having had a whole glass of wine. I am speaking the truth. I assure you that this glance has haunted my dreams; the very rustle of her dress was more than I could stand at last.	Это ничего, что я теперь пьян и вот уже целый стакан вина выпил, я правду говорю; уверяю вас, что этот взгляд мне снился; шелест платья ее я уже наконец не мог выносить.
I really began to think that I might become epileptic. I could never have believed that I could be moved to such a frenzy.	Право, я думал, что со мною сделается падучая; никогда не воображал, что могу прийти до такого исступления.
It was essential, indeed, to be reconciled, but by then it was impossible.	Одним словом, необходимо было примириться; но это было уже невозможно.
And imagine what I did then!	И представьте себе, что я тогда сделал?
To what a pitch of stupidity a man can be brought by frenzy!	До какой степени отупения бешенство может довести человека!
Never undertake anything in a frenzy, Rodion Romanovitch.	Никогда не предпринимайте ничего в бешенстве, Родион Романыч.

I reflected that Avdotya Romanovna was after all a beggar (ach, excuse me, that's not the word... but does it matter if it expresses the meaning?), that she lived by her work, that she had her mother and you to keep (ach, hang it, you are frowning again), and I resolved to offer her all my money--thirty thousand roubles I could have realised then--if she would run away with me here, to Petersburg.	Рассчитывая, что Авдотья Романовна, в сущности, ведь нищая (ах, извините, я не то хотел... но ведь не все ли равно, если выражается то же понятие?), одним словом, живет трудами рук своих, что у ней на содержании и мать, и вы (ах, черт, опять морщитесь...), я и решил предложить ей все мои деньги (тысяч до тридцати я мог и тогда осуществить) с тем, чтоб она бежала со мной хоть сюда, в Петербург.
Of course I should have vowed eternal love, rapture, and so on.	Разумеется, я бы тут поклялся в вечной любви, блаженстве и прочее, и прочее.
Do you know, I was so wild about her at	

that time that if she had told me to poison Marfa Petrovna or to cut her throat and to marry herself, it would have been done at once!	Верите ли, я до того тогда врезался, что скажи она мне: нарежь или отрави Марфу Петровну и женись на мне, - это тотчас же было бы сделано!
But it ended in the catastrophe of which you know already. You can fancy how frantic I was when I heard that Marfa Petrovna had got hold of that scoundrelly attorney, Luzhin, and had almost made a match between them--which would really have been just the same thing as I was proposing.	Но кончилось все катастрофой, вам уже известною, и сами можете судить, до какого бешенства мог я дойти, узнав, что Марфа Петровна достала тогда этого подлейшего приказного, Лужина, и чуть не смастерила свадьбу, - что, в сущности, было б то же самое, что и я предлагал.
Wouldn't it?	Так ли?
Wouldn't it?	Ведь так?
I notice that you've begun to be very attentive... you interesting young man...."	Я замечаю, что вы что-то очень внимательно стали слушать... интересный молодой человек...
Svidrigailov struck the table with his fist impatiently.	Свидригайлов в нетерпении ударил кулаком по столу.
He was flushed.	Он покраснелся.
Raskolnikov saw clearly that the glass or glass and a half of champagne that he had sipped almost unconsciously was affecting him--and he resolved to take advantage of the opportunity.	Раскольников видел ясно, что стакан или полтора шампанского, которые он выпил, отхлебывая неприметно, глотками, подействовали на него болезненно, - и решился воспользоваться случаем.
He felt very suspicious of Svidrigailov.	Свидригайлов был ему очень подозрителен.
"Well, after what you have said, I am fully convinced that you have come to Petersburg with designs on my sister," he said directly to Svidrigailov, in order to irritate him further.	- Ну уж после этого я вполне убежден, что вы и сюда приехали, имея в виду мою сестру, - сказал он Свидригайлову прямо и не скрываясь, чтоб еще более раздражить его.
"Oh, nonsense," said Svidrigailov, seeming to rouse himself. "Why, I told you... besides your sister can't endure me."	- Эх, полноте, - как бы спохватился вдруг Свидригайлов, - я ведь вам говорил... и, кроме того, ваша сестра терпеть меня не может.
"Yes, I am certain that she can't, but that's not the point."	- Да в этом-то и я убежден, что не может, да не в том теперь дело.
"Are you so sure that she can't?" Svidrigailov screwed up his eyes and smiled	- А вы убеждены, что не может? (Свидригайлов прищурился и насмешливо

mockingly. "You are right, she doesn't love me, but you can never be sure of what has passed between husband and wife or lover and mistress.	улыбнулся.) Вы правы, она меня не любит; но никогда не ручайтесь в делах, бывших между мужем и женой или любовником и любовницей.
There's always a little corner which remains a secret to the world and is only known to those two.	Тут есть всегда один уголок, который всегда всему свету остается неизвестен и который известен только им двум.
Will you answer for it that Avdotya Romanovna regarded me with aversion?"	Вы ручаетесь, что Авдотья Романовна на меня с отвращением смотрела?
"From some words you've dropped, I notice that you still have designs--and of course evil ones--on Dounia and mean to carry them out promptly."	- По некоторым словам и словечкам вашим во время вашего рассказа я замечая, что у вас и теперь свои виды и самые неотлагательные на Дуню, разумеется подлые.
"What, have I dropped words like that?" Svidrigailov asked in naive dismay, taking not the slightest notice of the epithet bestowed on his designs.	- Как! У меня вырывались такие слова и словечки? - пренаивно испугался вдруг Свидригайлов, не обратив ни малейшего внимания на эпитет, приданный его намерениям.
"Why, you are dropping them even now.	- Да они и теперь вырываются.
Why are you so frightened?	Ну чего вы, например, так боитесь?
What are you so afraid of now?"	Чего вы вдруг теперь испугались?
"Me--afraid?"	- Я боюсь и пугаюсь?
Afraid of you?	Пугаюсь вас?
You have rather to be afraid of me, _cher ami_.	Скорее вам бояться меня, cher ami.
But what nonsense....	И какая, однако ж, дичь...
I've drunk too much though, I see that. I was almost saying too much again.	А впрочем, я охмелел, я это вижу; чуть было опять не проговорился.
Damn the wine!	К черту вино!
Hi! there, water!"	Эй, воды!
He snatched up the champagne bottle and flung it without ceremony out of the window.	Он схватил бутылку и без церемонии вышвырнул ее за окошко.
Philip brought the water.	Филипп принес воды.
"That's all nonsense!" said Svidrigailov, wetting a towel and putting it to his head.	- Это все вздор, - сказал Свидригайлов, намачивая полотенце и прикладывая его к голове, - а я вас одним словом могу

"But I can answer you in one word and annihilate all your suspicions.	осадить и все ваши подозрения в прах уничтожить.
Do you know that I am going to get married?"	Знаете ль вы, например, что я женюсь?
"You told me so before."	- Вы уже это мне и прежде говорили.
"Did I?"	- Говорил?
I've forgotten.	Забыл.

But I couldn't have told you so for certain for I had not even seen my betrothed; I only meant to.	Но тогда я не мог говорить утвердительно, потому даже невесты еще не видал; я только намеревался.
But now I really have a betrothed and it's a settled thing, and if it weren't that I have business that can't be put off, I would have taken you to see them at once, for I should like to ask your advice.	Ну а теперь у меня есть невеста, и дело сделано, и если бы только не дела, неотлагательные, то я бы непременно вас взял и сейчас к ним повез, -потому я вашего совета хочу спросить.
Ach, hang it, only ten minutes left!	Эх, черт! Всего десять минут остается.
See, look at the watch. But I must tell you, for it's an interesting story, my marriage, in its own way. Where are you off to?	Видите, смотрите на часы; а впрочем, я вам расскажу, потому это интересная вещица, моя женитьба-то, в своем то есть роде, - куда вы?
Going again?"	Опять уходите?
"No, I'm not going away now."	- Нет, я уж теперь не уйду.
"Not at all?"	- Совсем не уйдете?
We shall see.	Посмотрим!
I'll take you there, I'll show you my betrothed, only not now. For you'll soon have to be off.	Я вас туда свезу, эта правда, покажу невесту, но только не теперь, а теперь вам скоро будет пора.
You have to go to the right and I to the left.	Вы направо, я налево.
Do you know that Madame Resslerich, the woman I am lodging with now, eh?	Вы эту Ресслих знаете? Вот эту самую Ресслих, у которой я теперь живу, - а?
I know what you're thinking, that she's the woman whose girl they say drowned herself in the winter.	Слышите? Нет, вы что думаете, вот та самая, про которую говорят, что девчонка-то, в воде-то, зимойто, - ну, слышите ли?
Come, are you listening?	Слышите ли?

She arranged it all for me. You're bored, she said, you want something to fill up your time.	Ну, так она мне все это состряпала; тебе, говорит, как-то скучно, развлекись время.
For, you know, I am a gloomy, depressed person.	А я ведь человек мрачный, скучный.
Do you think I'm light-hearted?	Вы думаете, веселый?
No, I'm gloomy. I do no harm, but sit in a corner without speaking a word for three days at a time.	Нет, мрачный: вреда не делаю, и сижу в углу; иной раз три дня не разговорят.
And that Ressler is a sly hussy, I tell you. I know what she has got in her mind; she thinks I shall get sick of it, abandon my wife and depart, and she'll get hold of her and make a profit out of her--in our class, of course, or higher.	А Ресслих эта шельма, я вам скажу, она ведь что в уме держит: я наскучу, женуто брошу и уеду, а жена ей достанется, она ее и пустит в оборот; в нашем слою то есть, да повыше.
She told me the father was a broken-down retired official, who has been sitting in a chair for the last three years with his legs paralysed.	Есть, говорит, один такой расслабленный отец, отставной чиновник, в кресле сидит и третий год ногами не двигается.
The mamma, she said, was a sensible woman.	Есть, говорит, и мать, дама рассудительная, мамаша-то.

There is a son serving in the provinces, but he doesn't help; there is a daughter, who is married, but she doesn't visit them. And they've two little nephews on their hands, as though their own children were not enough, and they've taken from school their youngest daughter, a girl who'll be sixteen in another month, so that then she can be married.	Сын где-то в губернии служит, не помогает. Дочь вышла замуж и не навещает, а на руках два маленьких племянника (своих-то мало), да взяли, не кончив курса, из гимназии девочку, дочь свою последнюю, через месяц только что шестнадцать лет минет, значит, через месяц ее и выдавать можно.
She was for me.	Это за меня-то.
We went there. How funny it was! I present myself--a landowner, a widower, of a well-known name, with connections, with a fortune. What if I am fifty and she is not sixteen?	Мы поехали; как это у них смешно; представляюсь: помещик, вдовец, известной фамилии, с такими-то связями, с капиталом, -ну что ж, что мне пятьдесят, а той и шестнадцати нет?
Who thinks of that?	Кто ж на это смотрит?
But it's fascinating, isn't it?	Ну а ведь заманчиво, а?
It is fascinating, ha-ha!	Ведь заманчиво, ха! ха!

You should have seen how I talked to the papa and mamma.	Посмотрели бы вы, как я разговаривал с папашей и мамашей!
It was worth paying to have seen me at that moment.	Заплатить надо, чтобы только посмотреть на меня в это время.
She comes in, curtseys, you can fancy, still in a short frock--an unopened bud! Flushing like a sunset--she had been told, no doubt.	Выходит она, приседает, ну можете себе представить, еще в коротеньком платьице, неразвернувшийся бутончик, краснеет, вспыхивает, как заря (сказали ей, конечно).
I don't know how you feel about female faces, but to my mind these sixteen years, these childish eyes, shyness and tears of bashfulness are better than beauty; and she is a perfect little picture, too.	Не знаю, как вы насчет женских личек, но, помоему, эти шестнадцать лет, эти детские еще глазки, эта робость и слезинки стыдливости, -по-моему, это лучше красоты, а она еще к тому ж и собой картинка.
Fair hair in little curls, like a lamb's, full little rosy lips, tiny feet, a charmer!...	Светленькие волосики, в маленькие локончики барашком взбитые, губки пухленькие, аленькие, ножки - прелесть!..
Well, we made friends. I told them I was in a hurry owing to domestic circumstances, and the next day, that is the day before yesterday, we were betrothed.	Ну, познакомились, я объявил, что спешу по домашним обстоятельствам, и на другой же день, третьего дня то есть, нас и благословили.
When I go now I take her on my knee at once and keep her there....	С тех пор, как приеду, так сейчас ее к себе на колени, да так и не спускаю...
Well, she flushes like a sunset and I kiss her every minute. Her mamma of course impresses on her that this is her husband and that this must be so. It's simply delicious!	Ну, вспыхнет, как заря, а я целую поминутно; мамаша-то, разумеется, внушает, что это, дескать, твой муж и что это так требуется, одним словом, малина!
The present betrothed condition is perhaps better than marriage.	И это состояние теперешнее, жениховское, право, может быть, лучше и мужнего.
Here you have what is called _la nature et la verite_, ha-ha!	Тут что называется la nature et la verite! Ха-ха!

I've talked to her twice, she is far from a fool. Sometimes she steals a look at me that positively scorches me.	Я с нею раза два переговаривал - куда не глупа девчонка; иной раз так украдкой на меня взглянет - ажно прожжет.
Her face is like Raphael's Madonna.	А знаете, у ней личико вроде Рафаэлевой Мадонны.

You know, the Sistine Madonna's face has something fantastic in it, the face of mournful religious ecstasy.	Ведь у Сикстинской Мадонны лицо фантастическое, лицо скорбной юродивой, вам это не бросилось в глаза?
Haven't you noticed it?	Ну, так в этом роде.
Well, she's something in that line. The day after we'd been betrothed, I bought her presents to the value of fifteen hundred roubles--a set of diamonds and another of pearls and a silver dressing-case as large as this, with all sorts of things in it, so that even my Madonna's face glowed.	Только что нас благословили, я на другой день на полторы тысячи и привез: бриллиантовый убор один, жемчужный другой да серебряную дамскую туалетную шкатулку - вот какой величины, со всякими разностями, так даже у ней, у мадонны-то, личико зарделось.
I sat her on my knee, yesterday, and I suppose rather too unceremoniously--she flushed crimson and the tears started, but she didn't want to show it.	Посадил я ее вчера на колени, да, должно быть, уж очень бесцеремонно, - вся вспыхнула и слезинки брызнули, да выдать-то не хочет, сама вся горит.
We were left alone, she suddenly flung herself on my neck (for the first time of her own accord), put her little arms round me, kissed me, and vowed that she would be an obedient, faithful, and good wife, would make me happy, would devote all her life, every minute of her life, would sacrifice everything, everything, and that all she asks in return is my _respect_, and that she wants 'nothing, nothing more from me, no presents.'	Ушли все на минуту, мы с нею как есть одни остались, вдруг бросается мне на шею (сама в первый раз), обнимает меня обеими ручонками, целует и клянется, что она будет мне послушною, верною и доброю женой, что она сделает меня счастливым, что она употребит всю жизнь, всякую минуту своей жизни, всем пожертвует, а за все это желает иметь от меня только одно мое уважение и более мне, говорит, "ничего, ничего не надо, никаких подарков!"
You'll admit that to hear such a confession, alone, from an angel of sixteen in a muslin frock, with little curls, with a flush of maiden shyness in her cheeks and tears of enthusiasm in her eyes is rather fascinating!	Согласитесь, сами, что выслушать подобное признание наедине от такого шестнадцатилетнего ангелочка, в тюлевом платьице, со взбитыми локончиками, с краскою девичьего стыда и со слезинками энтузиазма в глазах, - согласитесь сами, оно довольно заманчиво.
Isn't it fascinating?	Ведь заманчиво?
It's worth paying for, isn't it?	Ведь стоит чего-нибудь, а? Ну, ведь стоит?
Well... listen, we'll go to see my betrothed, only not just now!"	Ну... ну слушайте... ну, поедemте к моей невесте... только не сейчас!
"The fact is this monstrous difference in age and development excites your sensuality!	- Одним словом, в вас эта чудовищная разница лет и развитий и возбуждает сладострастие!
Will you really make such a marriage?"	И неужели вы и в самом деле так женитесь?

"Why, of course.	- А что ж? Непременно.
Everyone thinks of himself, and he lives most gaily who knows best how to deceive himself.	Всяк об себе сам промышляет и всех веселей тот и живет, кто всех лучше себя сумеет надуть.
Ha-ha!	Ха-ха!

But why are you so keen about virtue?	Да что вы в добродетель-то так всем дышлом въехали?
Have mercy on me, my good friend. I am a sinful man.	Пощадите, батюшка, я человек грешный.
Ha-ha-ha!"	Хе-хе-хе!
"But you have provided for the children of Katerina Ivanovna.	- Вы, однако ж, пристроили детей Катерины Ивановны.
Though... though you had your own reasons.... I understand it all now."	Впрочем... впрочем, вы имели на это свои причины... я теперь все понимаю.
"I am always fond of children, very fond of them," laughed Svidrigailov.	- Детей я вообще люблю, я очень люблю детей, -захохотал Свидригайлов.
"I can tell you one curious instance of it.	- На этот счет я вам могу даже рассказать прелюбопытный один эпизод, который и до сих пор продолжается.
The first day I came here I visited various haunts, after seven years I simply rushed at them.	В первый же день по приезде пошел я по разным этим клоакам, ну, после семи-то лет так и набросился.
You probably notice that I am not in a hurry to renew acquaintance with my old friends.	Вы, вероятно, замечаете, что я со своею компаниею не спешу сходиться, с прежними-то друзьями и приятелями.
I shall do without them as long as I can.	Ну да и как можно дольше без них протяну.
Do you know, when I was with Marfa Petrovna in the country, I was haunted by the thought of these places where anyone who knows his way about can find a great deal.	Знаете: у Марфы Петровны в деревне меня до смерти измучили воспоминаниями о всех таинственных местах и местечках, в которых, кто знает, тот много может найти.
Yes, upon my soul!	Черт возьми!
The peasants have vodka, the educated young	Народ пьянствует, молодежь

people, shut out from activity, waste themselves in impossible dreams and visions and are crippled by theories; Jews have sprung up and are amassing money, and all the rest give themselves up to debauchery.	образованная от бездействия перегорает в несбыточных снах и грезах, уродуется в теориях; откуда-то жида наехали, прячут деньги, а все остальное развратничает.
From the first hour the town reeked of its familiar odours.	Так пахнул на меня этот город с первых часов знакомым запахом.
I chanced to be in a frightful den--I like my dens dirty—it was a dance, so called, and there was a _cancan_ such as I never saw in my day.	Попал я на один танцевальный так называемый вечер - клоак страшный (а я люблю клоаки именно с грязнотцой), ну, разумеется, канкан, каких нету и каких в мое время и не было.
Yes, there you have progress.	Да-с, в этом прогресс.
All of a sudden I saw a little girl of thirteen, nicely dressed, dancing with a specialist in that line, with another one _vis-a-vis_.	Вдруг, смотрю, девочка, лет тринадцати, премило одетая, танцует с одним виртуозом; другой пред ней визави.
Her mother was sitting on a chair by the wall.	У стенке же на стуле сидит мать.
You can't fancy what a _cancan_ that was!	Ну можете себе представить, каков канкан!
The girl was ashamed, blushed, at last felt insulted, and began to cry.	Девочка конфузится, краснеет, наконец, принимает себе в обиду и начинает плакать.

Her partner seized her and began whirling her round and performing before her; everyone laughed and--I like your public, even the _cancan_ public--they laughed and shouted,	Виртуоз подхватывает ее и начинает ее вертеть и пред нею представлять, все кругом хохочут и -люблю в такие мгновения нашу публику, хотя бы даже и канканную, - хохочут и кричат:
' Serves her right--serves her right!	"И дело, так и надо!
Shouldn't bring children!"	А не возить детей!"
Well, it's not my business whether that consoling reflection was logical or not.	Ну, мне-то наплевать, да и дела нет; логично аль не логично сами себя они утешают!
I at once fixed on my plan, sat down by the mother, and began by saying that I too was a stranger and that people here were ill-bred and that they couldn't distinguish decent folks and treat them with respect, gave her to	Я тотчас мое место наметил, подсел к матери и начинаю о том, что я тоже приезжий, что какие все тут невежи, что они не умеют отличать истинных достоинств и питать достойного уважения; дал знать, что у меня денег

understand that I had plenty of money, offered to take them home in my carriage. I took them home and got to know them. They were lodging in a miserable little hole and had only just arrived from the country.	много; пригласил довести в своей карете; довез домой, познакомился (в какой-то каморке от жильцов стоят, только что приехали).
She told me that she and her daughter could only regard my acquaintance as an honour. I found out that they had nothing of their own and had come to town upon some legal business. I proffered my services and money. I learnt that they had gone to the dancing saloon by mistake, believing that it was a genuine dancing class. I offered to assist in the young girl's education in French and dancing.	Мне объявили, что мое знакомство и она, и дочь ее могут принимать не иначе как за честь; узнаю, что у них ни кола, ни двора, а приехали хлопотать о чем-то в каком-то присутствии; предлагаю услуги, деньги; узнаю, что они ошибкой поехали на вечер, думая, что действительно танцевать там учат; предлагаю способствовать с своей стороны воспитанию молодой девицы, французскому языку и танцам.
My offer was accepted with enthusiasm as an honour--and we are still friendly....	Принимают с восторгом, считают за честь, и до сих пор знаком...
If you like, we'll go and see them, only not just now."	Хотите, поедem, - только не сейчас.
"Stop! Enough of your vile, nasty anecdotes, depraved vile, sensual man!"	- Оставьте, оставьте ваши подлые, низкие анекдоты, развратный, низкий, сладострастный человек!
"Schiller, you are a regular Schiller! _O la vertu va-t-elle se nicher?_ But you know I shall tell you these things on purpose, for the pleasure of hearing your outcries!"	- Шиллер-то, Шиллер-то наш, Шиллер-то! Ou va-t-elle la vertu se nicher? А знаете, я нарочно буду вам такие вещи рассказывать, чтобы слышать ваши вскрикивания.
"I dare say.	Наслаждение!
I can see I am ridiculous myself," muttered Raskolnikov angrily.	- Еще бы, разве я сам себе в эту минуту не смешон? - со злобою пробормотал Раскольников.
Svidrigailov laughed heartily; finally he called Philip, paid his bill, and began getting up.	Свидригайлов хохотал во все горло; наконец кликнул Филиппа, расплатился и стал вставать.
"I say, but I am drunk, _assez cause_, " he said.	- Ну да и пьян же я, asser cause! - сказал он, -наслаждение!

"It's been a pleasure." "I should rather think it must be a pleasure!" cried Raskolnikov, getting up. "No doubt it is a pleasure for a worn-out profligate to	- Еще бы вам-то не ощущать наслаждения, - вскрикнул Раскольников, тоже вставая, - разве для исшаркавшегося развратника рассказывать о таких похождениях, - имея в
---	---

describe such adventures with a monstrous project of the same sort in his mind--especially under such circumstances and to such a man as me....	вижу какое-нибудь чудовищное намерение в этом же роде, - не наслаждение да еще при таких обстоятельствах и такому человеку, как я ...
It's stimulating!"	Разжигает.
"Well, if you come to that," Svidrigailov answered, scrutinising Raskolnikov with some surprise, "if you come to that, you are a thorough cynic yourself.	- Ну, если так, - даже с некоторым удивлением ответил Свидригайлов, рассматривая Раскольникова, - если так, то вы и сами порядочный циник.
You've plenty to make you so, anyway.	Материал, по крайней мере, заключаете в себе огромный.
You can understand a great deal... and you can do a great deal too.	Сознавать много можете, много... ну да вы и делать-то много можете.
But enough.	Ну, однако ж, довольно.
I sincerely regret not having had more talk with you, but I shan't lose sight of you....	Искренне жалею, что с вами мало переговорил, да вы от меня не уйдете...
Only wait a bit."	Вот подождите только...
Svidrigailov walked out of the restaurant.	Свидригайлов пошел вон из трактира.
Raskolnikov walked out after him.	Раскольников за ним.
Svidrigailov was not however very drunk, the wine had affected him for a moment, but it was passing off every minute.	Свидригайлов был, однако, не очень много хмелен; в голову только на мгновение ударило, хмель же отходил с каждою минутой.
He was preoccupied with something of importance and was frowning.	Он был чем-то очень озабочен, чем-то чрезвычайно важным, и хмурился.
He was apparently excited and uneasy in anticipation of something.	Какое-то ожидание видимо волновало его и беспокоило.
His manner to Raskolnikov had changed during the last few minutes, and he was ruder and more sneering every moment.	С Раскольниковым в последние минуты он как-то вдруг изменился и с каждою минутой становился грубее и насмешливее.
Raskolnikov noticed all this, and he too was uneasy.	Раскольников все это приметил и был тоже в тревоге.
He became very suspicious of Svidrigailov and resolved to follow him.	Свидригайлов стал ему очень подозрителен; он решился пойти за ним.
They came out on to the pavement.	Сошли на тротуар.
"You go to the right, and I to the left, or if	- Вам направо, а мне налево или, пожалуй,

you like, the other way. Only _adieu, mon plaisir_, may we meet again."	наоборот, только - adieu, mon plaisir, до радостного свидания!
And he walked to the right towards the Hay Market.	И он пошел направо к Сенной.
CHAPTER V	V
Raskolnikov walked after him.	Раскольников пошел вслед за ним.

"What's this?" cried Svidrigailov turning round, "I thought I said..."	- Это что! - вскричал Свидригайлов, оборачиваясь, - я ведь, кажется, сказал...
"It means that I am not going to lose sight of you now."	- Это значит то, что я от вас теперь не отстану.
"What?"	- Что-о-о?
Both stood still and gazed at one another, as though measuring their strength.	Оба остановились, и оба с минуту глядели друг на друга, как бы меряясь.
"From all your half tipsy stories," Raskolnikov observed harshly, "I am _positive_ that you have not given up your designs on my sister, but are pursuing them more actively than ever.	- Из всех ваших полупьяных рассказов, - резко отрезал Раскольников, - я заключил положительно, что вы не только не оставили ваших подлейших замыслов на мою сестру, но даже более чем когда-нибудь ими заняты.
I have learnt that my sister received a letter this morning.	Мне известно, что сегодня утром сестра моя получила какое-то письмо.
You have hardly been able to sit still all this time....	Вам все время не сиделось на месте...
You may have unearthed a wife on the way, but that means nothing.	Вы, положим, могли откопать по дороге какую-нибудь жену; но это ничего не значит.
I should like to make certain myself."	Я желаю удостовериться лично...
Raskolnikov could hardly have said himself what he wanted and of what he wished to make certain.	Раскольников вряд ли и сам мог определить, чего ему именно теперь хотелось и в чем именно желал он удостовериться лично.
"Upon my word!	- Вот как!
I'll call the police!"	А хотите, я сейчас полицию кликну?
"Call away!"	- Кличь!
Again they stood for a minute facing each other.	Они опять постояли с минуту друг пред другом.
At last Svidrigailov's face changed.	Наконец, лицо Свидригайлова изменилось.
Having satisfied himself that	

Raskolnikov was not frightened at his threat, he assumed a mirthful and friendly air.	Удостоверившись, что Раскольников не испугался угрозы, он принял вдруг самый веселый и дружеский вид.
"What a fellow!	- Ведь этакой!
I purposely refrained from referring to your affair, though I am devoured by curiosity.	Я нарочно о вашем деле с вами не заговаривал, хоть меня, разумеется, мучит любопытство.
It's a fantastic affair.	Дело фантастическое.
I've put it off till another time, but you're enough to rouse the dead....	Отложил было до другого раза, да, право, вы способны и мертвого раздражить...
Well, let us go, only I warn you beforehand I am only going home for a moment, to get some money; then I shall lock up the flat, take a cab and go to spend the evening at the Islands.	Ну пойдете, только заранее скажу: я теперь только на минутку домой, чтобы денег захватить; потом запираю квартиру, беру извозчика и на целый вечер на Острова.
Now, now are you going to follow me?"	Ну куда же вам за мной?

"I'm coming to your lodgings, not to see you but Sofya Semyonovna, to say I'm sorry not to have been at the funeral."	- Я покамест на квартиру, да и то не к вам, а к Софье Семеновне, извиниться, что на похоронах не был.
"That's as you like, but Sofya Semyonovna is not at home.	- Это как вам угодно, но Софьи Семеновны дома нет.
She has taken the three children to an old lady of high rank, the patroness of some orphan asylums, whom I used to know years ago.	Она всех детей отвела к одной даме, к одной знатной даме-старушке, к моей прежней давнишней знакомой и распорядительнице в каких-то сиротских заведениях.
I charmed the old lady by depositing a sum of money with her to provide for the three children of Katerina Ivanovna and subscribing to the institution as well. I told her too the story of Sofya Semyonovna in full detail, suppressing nothing.	Я очаровал эту даму, внеся ей деньги за всех трех птенцов Катерины Ивановны, кроме того, и на заведения пожертвовал еще денег; наконец, рассказал ей историю Софьи Семеновны, даже со всеми онерами, ничего не скрывая.
It produced an indescribable effect on her.	Эффект произвело неописанный.
That's why Sofya Semyonovna has been invited to call to-day at the X. Hotel where the lady is staying for the time."	Вот почему Софье Семеновне и назначено было явиться сегодня же, прямо в -ую отель, где временно, с дачи, присутствует моя барыня.
"No matter, I'll come all the same."	- Нужды нет, я все-таки зайду.

"As you like, it's nothing to me, but I won't come with you; here we are at home.	- Как хотите, только я-то вам не товарищ; а мне что! Вот мы сейчас и дома.
By the way, I am convinced that you regard me with suspicion just because I have shown such delicacy and have not so far troubled you with questions... you understand?	Скажите, я убежден, вы оттого на меня смотрите подозрительно, что я сам был настолько деликатен и до сих пор не беспокоил вас расспросами... вы понимаете?
It struck you as extraordinary; I don't mind betting it's that.	Вам показалось это делом необыкновенным; бьюсь об заклад, что так!
Well, it teaches one to show delicacy!"	Ну вот и будьте после того деликатным.
"And to listen at doors!"	- И подслушивайте у дверей!
"Ah, that's it, is it?" laughed Svidrigailov. "Yes, I should have been surprised if you had let that pass after all that has happened.	- А, вы про это! - засмеялся Свидригайлов, - да, я бы удивился, если бы, после всего, вы пропустили это без замечания.
Ha-ha!	Ха! ха!
Though I did understand something of the pranks you had been up to and were telling Sofya Semyonovna about, what was the meaning of it?	Я хоть нечто и понял из того, что вы тогда... там... накуролесили и Софье Семеновне сами рассказывали, но, однако, что ж это такое?
Perhaps I am quite behind the times and can't understand.	Я, может, совсем отсталый человек и ничего уж понимать не могу.
For goodness' sake, explain it, my dear boy.	Объясните, ради бога, голубчик!
Expound the latest theories!"	Просветите новейшими началами.
"You couldn't have heard anything. You're making it all up!"	- Ничего вы не могли слышать, врете вы все!
"But I'm not talking about that (though I did hear something). No, I'm talking of the way you keep sighing and groaning now.	- Да я не про то, не про то (хоть я, впрочем, кое-что и слышал), нет, я про то, что вы вот все охаете да охаете!
The Schiller in you is in revolt every moment, and now you tell me not to listen at doors.	Шиллер-то в вас смущается поминутно. А теперь вот и у дверей не подслушивай.
If that's how you feel, go and inform the police that you had this mischance: you made a little mistake in your theory.	Если так, ступайте да и объявите по начальству, что вот, дескать, так и так, случился со мной такой казус: в теории ошибка небольшая вышла.

But if you are convinced that one mustn't listen at doors, but one may murder old women at one's pleasure, you'd better be off to America and make haste.	Если же убеждены, что у дверей нельзя подслушивать, а старушенок можно лущить чем попало, в свое удовольствие, так уезжайте куда-нибудь поскорее в Америку!
Run, young man!	Бегите, молодой человек!
There may still be time.	Может, есть еще время.
I'm speaking sincerely.	Я искренно говорю.
Haven't you the money?	Денег, что ли, нет?
I'll give you the fare."	Я дам на дорогу.
"I'm not thinking of that at all," Raskolnikov interrupted with disgust.	- Я совсем об этом не думаю, - перервал было Раскольников с отвращением.
"I understand (but don't put yourself out, don't discuss it if you don't want to). I understand the questions you are worrying over--moral ones, aren't they? Duties of citizen and man?	- Понимаю (вы, впрочем, не утруждайте себя: если хотите, то много и не говорите); понимаю, какие у вас вопросы в ходу: нравственные, что ли? вопросы гражданина и человека?
Lay them all aside. They are nothing to you now, ha-ha!	А вы их побоку; зачем они вам теперьто? Хе, хе!
You'll say you are still a man and a citizen.	Затем, что все еще и гражданин и человек?
If so you ought not to have got into this coil. It's no use taking up a job you are not fit for.	А коли так, так и соваться не надо было; нечего не за свое дело браться.
Well, you'd better shoot yourself, or don't you want to?"	Ну застрелитесь; что, аль не хочется?
"You seem trying to enrage me, to make me leave you."	- Вы, кажется, нарочно хотите меня раздражить, чтоб я только от вас теперь отстал...
"What a queer fellow! But here we are. Welcome to the staircase.	- Вот чудак-то, да мы уж пришли, милости просим на лестницу.
You see, that's the way to Sofya Semyonovna. Look, there is no one at home.	Видите, вот тут вход к Софье Семеновне, смотрите, нет никого!
Don't you believe me?	Не верите?
Ask Kapernaumov. She leaves the key with him.	Спросите у Капернаумова; она им ключ отдает.
Here is Madame de Kapernaumov herself.	Вот она и сама madame de Капернаумов, а?

Hey, what? She is rather deaf.	Что? (она глуха немного) ушла?
Has she gone out?	Куда?
Where? Did you hear?	Ну вот, слышали теперь?
She is not in and won't be till late in the evening probably.	Нет ее и не будет до глубокого, может быть, вечера.

Well, come to my room; you wanted to come and see me, didn't you?	Ну, теперь пойдёте ко мне. Ведь вы хотели и ко мне?
Here we are.	Ну вот, мы и у меня.
Madame Resslich's not at home.	Madame Ресслих нет дома.
She is a woman who is always busy, an excellent woman I assure you.... She might have been of use to you if you had been a little more sensible. Now, see!	Эта женщина вечно в хлопотах, но хорошая женщина, уверяю вас... может быть, она бы вам пригодилась, если бы вы были несколько рассудительнее.
I take this five-per-cent bond out of the bureau--see what a lot I've got of them still—this one will be turned into cash to-day.	Ну вот, извольте видеть: я беру из бюро этот пятипроцентный билет (вот у меня их еще сколько!), а этот сегодня побоку у менялы пойдет. Ну, видели?
I mustn't waste any more time.	Более мне терять времени нечего.
The bureau is locked, the flat is locked, and here we are again on the stairs.	Бюро запирается, квартира запирается, и мы опять на лестнице.
Shall we take a cab?	Ну угодно ли прокатиться?
I'm going to the Islands. Would you like a lift? I'll take this carriage.	Вот я беру эту коляску на Елагин, что?
Ah, you refuse?	Отказываетесь?
You are tired of it!	Не выдержали?
Come for a drive!	Прокатимтесь, ничего.
I believe it will come on to rain. Never mind, we'll put down the hood...."	Кажется, дождь надвигается, ничего, спустим верх...
Svidrigailov was already in the carriage.	Свидригайлов сидел уже в коляске.
Raskolnikov decided that his suspicions were at least for that moment unjust.	Раскольников рассудил, что подозрения его, по крайней мере в эту минуту, несправедливы.
Without answering a word he turned and walked back towards the Hay Market.	Не отвечая ни слова, он повернулся и пошел обратно по направлению к Сенной.
If he had only turned round on his way he might have seen Svidrigailov get out not a hundred paces off, dismiss the cab and walk along the pavement.	Если б он обернулся хоть раз дорогой, то успел бы увидеть, как Свидригайлов, отъехав не более ста шагов, расплатился с коляской и сам очутился на тротуаре.
But he had turned the corner and could see nothing.	Но он ничего уже не мог видеть и зашел уже за угол.
Intense disgust drew him away from	Глубокое отвращение влекло его прочь от

Svidrigailov.	Свидригайлова.
"To think that I could for one instant have looked for help from that coarse brute, that depraved sensualist and blackguard!" he cried.	"И я мог хоть мгновение ожидать чего-нибудь от этого грубого злодея, от этого сладострастного развратника и подлеца!" - вскричал он невольно.

Raskolnikov's judgment was uttered too lightly and hastily: there was something about Svidrigailov which gave him a certain original, even a mysterious character.	Правда, что суждение свое Раскольников произнес слишком поспешно и легкомысленно. Было нечто во всей обстановке Свидригайлова, что, по крайней мере, придавало ему хоть некоторую оригинальность, если не таинственность.
As concerned his sister, Raskolnikov was convinced that Svidrigailov would not leave her in peace.	Что же касалось во всем этом сестры, то Раскольников оставался все-таки убежден наверно, что Свидригайлов не оставит ее в покое.
But it was too tiresome and unbearable to go on thinking and thinking about this.	Но слишком уж тяжело и невыносимо становилось обо всем этом думать и передумывать!
When he was alone, he had not gone twenty paces before he sank, as usual, into deep thought.	По обыкновению своему, он, оставшись один, с двадцати шагов впал в глубокую задумчивость.
On the bridge he stood by the railing and began gazing at the water.	Взойдя на мост, он остановился у перил и стал смотреть на воду.
And his sister was standing close by him.	А между тем над ним стояла Авдотья Романовна.
He met her at the entrance to the bridge, but passed by without seeing her.	Он повстречался с нею при входе на мост, но прошел мимо, не рассмотрев ее.
Dounia had never met him like this in the street before and was struck with dismay.	Дунечка еще никогда не встречала его таким на улице и была поражена до испуга.
She stood still and did not know whether to call to him or not.	Она остановилась и не знала: окликнуть его или нет?
Suddenly she saw Svidrigailov coming quickly from the direction of the Hay Market.	Вдруг она заметила поспешно подходящего со стороны Сенной Свидригайлова.
He seemed to be approaching cautiously.	Но тот, казалось, приближался таинственно и осторожно.
He did not go on to the bridge, but	

stood aside on the pavement, doing all he could to avoid Raskolnikov's seeing him.	Он не взошел на мост, а остановился в стороне, на тротуаре, стараясь всеми силами, чтоб Раскольников не увидал его.
He had observed Dounia for some time and had been making signs to her.	Дуню он уже давно заметил и стал делать ей знаки.
She fancied he was signalling to beg her not to speak to her brother, but to come to him.	Ей показалось, что знаками своими он упрашивал ее не окликать брата и оставить его в покое, а звал ее к себе.
That was what Dounia did.	Так Дуня и сделала.
She stole by her brother and went up to Svidrigailov.	Она потихоньку обошла брата и приблизилась к Свидригайлову.
"Let us make haste away," Svidrigailov whispered to her,	- Пойдемте поскорее, - прошептал ей Свидригайлов.
"I don't want Rodion Romanovitch to know of our meeting.	- Я не желаю, чтобы Родион Романыч знал о нашем свидании.

I must tell you I've been sitting with him in the restaurant close by, where he looked me up and I had great difficulty in getting rid of him.	Предупреждаю вас, что я с ним сидел тут недалеко, в трактире, где он отыскал меня сам, и насилу от него отвязался.
He has somehow heard of my letter to you and suspects something.	Он знает почему-то о моем к вам письме и что-то подозревает.
It wasn't you who told him, of course, but if not you, who then?"	Уж, конечно, не вы ему открыли? А если не вы, так кто же?
"Well, we've turned the corner now," Dounia interrupted, "and my brother won't see us.	- Вот мы уже поворотили за угол, - перебила Дуня, - теперь нас брат не увидит.
I have to tell you that I am going no further with you.	Объявляю вам, что я не пойду с вами дальше.
Speak to me here. You can tell it all in the street."	Скажите мне все здесь; все это можно сказать и на улице.
"In the first place, I can't say it in the street; secondly, you must hear Sofya Semyonovna too; and, thirdly, I will show you some papers....	- Во-первых, этого никак нельзя сказать на улице; во-вторых, вы должны выслушать и Софью Семеновну; в-третьих, я покажу вам кое-какие документы...
Oh well, if you won't agree to come with me, I shall refuse to give any explanation and go away at once.	Ну да, наконец, если вы не согласитесь войти ко мне, то я отказываюсь от всяких разъяснений и тотчас же уйду.

But I beg you not to forget that a very curious secret of your beloved brother's is entirely in my keeping."	При этом попрошу вас не забывать, что весьма любопытная тайна вашего возлюбленного брата находится совершенно в моих руках.
Dounia stood still, hesitating, and looked at Svidrigailov with searching eyes.	Дуня остановилась в нерешительности и пронзающим взглядом смотрела на Свидригайлова.
"What are you afraid of?" he observed quietly. "The town is not the country.	- Чего вы боитесь! - заметил тот спокойно, - город не деревня.
And even in the country you did me more harm than I did you."	И в деревне вреда сделали больше вы мне, чем я вам, а тут...
"Have you prepared Sofya Semyonovna?"	- Софья Семеновна предупреждена?
"No, I have not said a word to her and am not quite certain whether she is at home now.	- Нет, я не говорил ей ни слова и даже не совсем уверен, дома ли она теперь?
But most likely she is.	Впрочем, вероятно, дома.
She has buried her stepmother to-day: she is not likely to go visiting on such a day.	Она сегодня похоронила свою родственницу: не такой день, чтобы по гостям ходить.
For the time I don't want to speak to anyone about it and I half regret having spoken to you.	До времени я никому не хочу говорить об этом и даже раскаиваюсь отчасти, что вам сообщил.
The slightest indiscretion is as bad as betrayal in a thing like this.	Тут малейшая неосторожность равняется уже доносу.
I live there in that house, we are coming to it.	Я живу вот тут, вот в этом доме, вот мы и подходим.
That's the porter of our house--he knows me very well; you see, he's bowing; he sees I'm coming with a lady and no doubt he has noticed your face already and you will be glad of that if you are afraid of me and suspicious.	Вот это дворник нашего дома; дворник очень хорошо меня знает; вот он кланяется; он видит, что я иду с дамой, и уж, конечно, успел заметить ваше лицо, а это вам пригодится, если вы очень боитесь и меня подозреваете.
Excuse my putting things so coarsely.	Извините, что я так грубо говорю.
I haven't a flat to myself; Sofya Semyonovna's room is next to mine--she lodges in the next flat.	Сам я живу от жильцов. Софья Семеновна живет со мною стена об стену, тоже от жильцов.
The whole floor is let out in lodgings.	Весь этаж в жильцах.

Why are you frightened like a child?	Чего же вам бояться, как ребенку?
Am I really so terrible?"	Или я уж так очень страшен?
Svidrigailov's lips were twisted in a condescending smile; but he was in no smiling mood.	Лицо Свидригайлова искривилось в снисходительную улыбку; но ему было уже не до улыбки.
His heart was throbbing and he could scarcely breathe.	Сердце его стучало, и дыхание спиралось в груди.
He spoke rather loud to cover his growing excitement. But Dounia did not notice this peculiar excitement, she was so irritated by his remark that she was frightened of him like a child and that he was so terrible to her.	Он нарочно говорил громче, чтобы скрыть свое возрастающее волнение; но Дуня не успела заметить этого особенного волнения; уж слишком раздражило ее замечание о том, что она боится его, как ребенок, и что он так для нее страшен.
"Though I know that you are not a man... of honour, I am not in the least afraid of you.	- Хотя я и знаю, что вы человек... без чести, но я вас несколько не боюсь.
Lead the way," she said with apparent composure, but her face was very pale.	Идите вперед, - сказала она, повидимому спокойно, но лицо ее было очень бледно.
Svidrigailov stopped at Sonia's room.	Свидригайлов остановился у квартиры Сони.
"Allow me to inquire whether she is at home....	- Позвольте справиться, дома ли.
She is not.	Нету.
How unfortunate!	Неудача!
But I know she may come quite soon.	Но я знаю, что она может прийти очень скоро.
If she's gone out, it can only be to see a lady about the orphans.	Если она вышла, то не иначе как к одной даме, по поводу своих сирот.
Their mother is dead....	У них мать умерла.
I've been meddling and making arrangements for them.	Я тут также ввязался и распоряжался.
If Sofya Semyonovna does not come back in ten minutes, I will send her to you, to-day if you like. This is my flat.	Если Софья Семеновна не воротится через десять минут, то я пришлю ее к вам самое, если хотите, сегодня же; ну вот и мой номер.
These are my two rooms.	Вот мои две комнаты.
Madame Resslerich, my landlady, has the next room.	За дверью помещается моя хозяйка, госпожа Ресслих.

Now, look this way. I will show you my chief piece of evidence: this door from my bedroom leads into two perfectly empty rooms, which are to let.	Теперь взгляните сюда, я вам покажу мои главные документы: из моей спальни эта вот дверь ведет в совершенно пустые две комнаты, которые отдаются внаем.
Here they are... You must look into them with some attention."	Вот они... на это вам нужно взглянуть несколько внимательнее...
Svidrigailov occupied two fairly large furnished rooms.	Свидригайлов занимал две меблированные, довольно просторные комнаты.
Dounia was looking about her mistrustfully, but saw nothing special in the furniture or position of the rooms. Yet there was something to observe, for instance, that Svidrigailov's flat was exactly between two sets of almost uninhabited apartments.	Дунечка недоверчиво осматривалась, но ничего особенного не заметила ни в убранстве, ни в расположении комнат, хотя бы и можно было кой-что заметить, например, что квартира Свидригайлова приходилась как-то между двумя почти необитаемыми квартирами.
His rooms were not entered directly from the passage, but through the landlady's two almost empty rooms.	Вход к нему был не прямо из коридора, а через две хозяйкины комнаты, почти пустые.
Unlocking a door leading out of his bedroom, Svidrigailov showed Dounia the two empty rooms that were to let.	Из спальни же Свидригайлов, отомкнув дверь, запертую на ключ, показал Дунечке тоже пустую, отдающуюся внаем квартиру.
Dounia stopped in the doorway, not knowing what she was called to look upon, but Svidrigailov hastened to explain.	Дунечка остановилась было на пороге, не понимая, для чего ее приглашают смотреть, но Свидригайлов поспешил с разъяснением:
"Look here, at this second large room.	- Вот, посмотрите сюда, в эту вторую большую комнату.
Notice that door, it's locked.	Заметьте эту дверь, она заперта на ключ.
By the door stands a chair, the only one in the two rooms.	Возле дверей стоит стул, всего один стул в обеих комнатах.
I brought it from my rooms so as to listen more conveniently.	Это я принес из своей квартиры, чтоб удобнее слушать.
Just the other side of the door is Sofya Semyonovna's table; she sat there talking to Rodion Romanovitch.	Вот там сейчас за дверью стоит стол Софьи Семеновны; там она сидела и разговаривала с Родионом Романовичем.
And I sat here listening on two successive evenings, for two hours each time--and of course I was able to learn something, what do you think?"	А я здесь подслушивал, сидя на стуле, два вечера сряду, оба раза часа по два, - и, уж конечно, мог узнать что-нибудь, как вы думаете?
"You listened?"	- Вы подслушивали?

"Yes, I did. Now come back to my room; we can't sit down here."	- Да, я подслушивал; теперь пойдемте ко мне; здесь и сесть негде.
He brought Avdotya Romanovna back into his sitting-room and offered her a chair.	Он привел Авдотью Романовну обратно в свою первую комнату, служившую ему залой, и пригласил ее сесть на стул.
He sat down at the opposite side of the table, at least seven feet from her, but probably there was the same glow in his eyes which had once frightened Dounia so much.	Сам сел на другом конце стола, по крайней мере от нее на сажень, но, вероятно, в глазах его уже блистал тот же самый пламень, который так испугал когда-то Дунечку.

She shuddered and once more looked about her distrustfully.	Она вздрогнула и еще раз недоверчиво осмотрелась.
It was an involuntary gesture; she evidently did not wish to betray her uneasiness.	Жест ее был невольный; ей, видимо, не хотелось выказывать недоверчивости.
But the secluded position of Svidrigailov's lodging had suddenly struck her.	Но уединенное положение квартиры Свидригайлова наконец ее поразило.
She wanted to ask whether his landlady at least were at home, but pride kept her from asking.	Ей хотелось спросить, дома ли по крайней мере его хозяйка, но она не спросила... из гордости.
Moreover, she had another trouble in her heart incomparably greater than fear for herself.	К тому же и другое, несоразмерно большее страдание, чем страх за себя, было в ее сердце.
She was in great distress.	Она нестерпимо мучилась.
"Here is your letter," she said, laying it on the table.	- Вот ваше письмо, - начала она, положив его на стол.
"Can it be true what you write?"	- Разве возможно то, что вы пишете?
You hint at a crime committed, you say, by my brother.	Вы намекаете на преступление, совершенное будто бы братом.
You hint at it too clearly; you daren't deny it now.	Вы слишком ясно намекаете, вы не смеете теперь отговариваться.
I must tell you that I'd heard of this stupid story before you wrote and don't believe a word of it.	Знайте же, что я еще до вас слышала об этой глупой сказке и не верю ей ни в одном слове.
It's a disgusting and ridiculous suspicion.	Это гнусное и смешное подозрение.
I know the story and why and how it was invented.	Я знаю историю и как и отчего она выдумалась.
You can have no proofs.	У вас не может быть никаких

	доказательств.
You promised to prove it. Speak!	Вы обещали доказать: говорите же!
But let me warn you that I don't believe you!	Но заранее знайте, что я вам не верю!
I don't believe you!"	Не верю!..
Dounia said this, speaking hurriedly, and for an instant the colour rushed to her face.	Дунечка проговорила это скороговоркой, торопясь, и на мгновение краска бросилась ей в лицо.
"If you didn't believe it, how could you risk coming alone to my rooms?	- Если бы вы не верили, то могло ли сбыться, чтобы вы рискнули прийти одна ко мне?
Why have you come?	Зачем же вы пришли?
Simply from curiosity?"	Из одного любопытства?
"Don't torment me. Speak, speak!"	- Не мучьте меня, говорите, говорите!
"There's no denying that you are a brave girl.	- Нечего и говорить, что вы храбрая девушка.
Upon my word, I thought you would have asked Mr. Razumihin to escort you here.	Ей-богу, я думал, что вы попросите господина Разумихина сопровождать вас сюда.
But he was not with you nor anywhere near. I was on the look-out. It's spirited of you, it proves you wanted to spare Rodion Romanovitch.	Но его ни с вами, ни кругом вас не было, я-таки смотрел: это отважно, хотели, значит, пощадить Родиона Романыча.
But everything is divine in you....	Впрочем, в вас все божественно...

About your brother, what am I to say to you?	Что же касается до вашего брата, то что я вам скажу?
You've just seen him yourself.	Вы сейчас его видели сами.
What did you think of him?"	Каков?
"Surely that's not the only thing you are building on?"	- Не на этом же одном вы основываете?
"No, not on that, but on his own words.	- Нет, не на этом, а на его собственных словах.
He came here on two successive evenings to see Sofya Semyonovna.	Вот сюда два вечера сряду он приходил к Софье Семеновне.
I've shown you where they sat.	Я вам показывал, где они сидели.
He made a full confession to her.	Он сообщил ей полную свою исповедь.

He is a murderer.	Он убийца.
He killed an old woman, a pawnbroker, with whom he had pawned things himself. He killed her sister too, a pedlar woman called Lizaveta, who happened to come in while he was murdering her sister.	Он убил старуху чиновницу, процентщицу, у которой и сам закладывал вещи; убил тоже сестру ее, торговку, по имени Лизавету, нечаянно вошедшую во время убийства сестры.
He killed them with an axe he brought with him.	Убил он их обеих топором, который принес с собою.
He murdered them to rob them and he did rob them. He took money and various things....	Он их убил, чтоб ограбить, и ограбил; взял деньги и кой-какие вещи...
He told all this, word for word, to Sofya Semyonovna, the only person who knows his secret. But she has had no share by word or deed in the murder; she was as horrified at it as you are now.	Он сам это все передавал слово в слово Софье Семеновне, которая одна и знает секрет, но в убийстве не участвовала ни словом, ни делом, а, напротив, ужаснулась так же, как и вы теперь.
Don't be anxious, she won't betray him."	Будьте покойны, она его не выдаст.
"It cannot be," muttered Dounia, with white lips. She gasped for breath. "It cannot be. There was not the slightest cause, no sort of ground....	- Этого быть не может! - бормотала Дунечка бледными, помертвевшими губами; она задыхалась, - быть не может, нет никакой, ни малейшей причины, никакого повода...
It's a lie, a lie!"	Это ложь! Ложь!
"He robbed her, that was the cause, he took money and things.	- Он ограбил, вот и вся причина. Он взял деньги и вещи.
It's true that by his own admission he made no use of the money or things, but hid them under a stone, where they are now.	Правда, он, по собственному своему сознанию, не воспользовался ни деньгами, ни вещами, а снес их куда-то под камень, где они и теперь лежат.
But that was because he dared not make use of them."	Но это потому, что он не посмел воспользоваться.
"But how could he steal, rob?	- Да разве вероятно, чтоб он мог украсть, ограбить?
How could he dream of it?" cried Dounia, and she jumped up from the chair.	Чтоб он мог об этом только помыслить? - вскричала Дуня и вскочила со стула.
"Why, you know him, and you've seen him, can he be a thief?"	- Ведь вы его знаете, видели? Разве он может быть вором?

She seemed to be imploring	Она точно умоливали Свидригайлова; она весь
----------------------------	---

Svidrigailov; she had entirely forgotten her fear.	свой страх забыла.
"There are thousands and millions of combinations and possibilities, Avdotya Romanovna.	- Тут, Авдотья Романовна, тысячи и миллионы комбинаций и сортировок.
A thief steals and knows he is a scoundrel, but I've heard of a gentleman who broke open the mail. Who knows, very likely he thought he was doing a gentlemanly thing!	Вор ворует, зато уж он про себя и знает, что он подлец; а вот я слышал про одного благородного человека, что почту разбил; так кто его знает, может, он и в самом деле думал, что порядочное дело сделал!
Of course I should not have believed it myself if I'd been told of it as you have, but I believe my own ears.	Разумеется, я бы и сам не поверил, так же как и вы, если бы мне передали со стороны. Но своим собственным ушам я поверил.
He explained all the causes of it to Sofya Semyonovna too, but she did not believe her ears at first, yet she believed her own eyes at last."	Он Софье Семеновне и причины все объяснял; но та и ушам своим сначала не поверила, да глазам, наконец, поверила, своим собственным глазам. Он ведь сам ей лично передавал.
"What... were the causes?"	- Какие же... причины!
"It's a long story, Avdotya Romanovna.	- Дело длинное, Авдотья Романовна.
Here's... how shall I tell you?--A theory of a sort, the same one by which I for instance consider that a single misdeed is permissible if the principal aim is right, a solitary wrongdoing and hundreds of good deeds!	Тут, как бы вам это выразить, своего рода теория, то же самое дело, по которому я нахожу, например, что единичное злодеяние позволительно, если главная цель хороша.
It's galling too, of course, for a young man of gifts and overweening pride to know that if he had, for instance, a paltry three thousand, his whole career, his whole future would be differently shaped and yet not to have that three thousand.	Единственное зло и сто добрых дел! Оно тоже, конечно, обидно для молодого человека с достоинствами и с самолюбием непомерным знать, что были бы, например, всего только тысячи три, и вся карьера, все будущее в его жизненной цели формируется иначе, а между тем нет этих трех тысяч.
Add to that, nervous irritability from hunger, from lodging in a hole, from rags, from a vivid sense of the charm of his social position and his sister's and mother's position too.	Прибавьте к этому раздражение от голода, от тесной квартиры, от рубища, от яркого сознания красоты своего социального положения, а вместе с тем положения сестры и матери.
Above all, vanity, pride and vanity, though goodness knows he may have	Пуще же всего тщеславие, гордость и тщеславие, а впрочем, бог его знает, может, и

good qualities too....	при хороших наклонностях...
I am not blaming him, please don't think it; besides, it's not my business.	Я ведь его не виню, не думайте, пожалуйста; да и не мое дело.
A special little theory came in too--a theory of a sort-dividing mankind, you see, into material and superior persons, that is persons to whom the law does not apply owing to their superiority, who make laws for the rest of mankind, the material, that is.	Тут была тоже одна собственная теорийка, - так себе теория, - по которой люди разделяются, видите ли, на материал и на особенных людей, то есть на таких людей, для которых, по их высокому положению, закон не писан а, напротив, которые сами сочиняют законы остальным людям, материалу-то, сору-то.
It's all right as a theory, _une theorie comme une autre_.	Ничего, так себе теорийка; une theorie comme une autre.

Napoleon attracted him tremendously, that is, what affected him was that a great many men of genius have not hesitated at wrongdoing, but have overstepped the law without thinking about it.	Наполеон его ужасно увлек, то есть, собственно, увлекло его то, что очень многие гениальные люди на единичное зло не смотрели, а шагали через, не задумываясь.
He seems to have fancied that he was a genius too--that is, he was convinced of it for a time.	Он, кажется, вообразил себе, что и он гениальный человек, - то есть был в том некоторое время уверен.
He has suffered a great deal and is still suffering from the idea that he could make a theory, but was incapable of boldly overstepping the law, and so he is not a man of genius.	Он очень страдал и теперь страдает от мысли, что теорию-то сочинить он умел, а перешагнуть-то, не задумываясь, и не в состоянии, стало быть человек не гениальный.
And that's humiliating for a young man of any pride, in our day especially...."	Ну, а уж это для молодого человека с самолюбием и унизительно, в наш век-то особенно...
"But remorse?"	- А угрызение совести?
You deny him any moral feeling then?	Вы отрицаете в нем, стало быть, всякое нравственное чувство?
Is he like that?"	Да разве он таков?
"Ah, Avdotya Romanovna, everything is in a muddle now; not that it was ever in very good order.	- Ах, Авдотья Романовна, теперь все помутилось, то есть, впрочем, оно и никогда в порядке-то особенном не было.
Russians in general are broad in their ideas, Avdotya Romanovna, broad like their land and exceedingly disposed to the fantastic, the chaotic. But it's a misfortune to be	Русские люди вообще широкие люди, Авдотья Романовна, широкие, как их земля, и чрезвычайно склонны к фантастическому, к беспорядочному; но беда быть широким без особенной

broad without a special genius.	гениальности.
Do you remember what a lot of talk we had together on this subject, sitting in the evenings on the terrace after supper?	А помните, как много мы в этом же роде и на эту же тему переговаривали с вами вдвоем, сидя по вечерам на террасе в саду, каждый раз после ужина.
Why, you used to reproach me with breadth!	Еще вы меня именно этой шириною укоряли.
Who knows, perhaps we were talking at the very time when he was lying here thinking over his plan.	Кто знает, может, в то же самое время и говорили, когда он здесь лежал да свое обдумывал.
There are no sacred traditions amongst us, especially in the educated class, Avdotya Romanovna. At the best someone will make them up somehow for himself out of books or from some old chronicle.	У нас в образованном обществе особенно священных преданий ведь нет, Авдотья Романовна: разве кто как-нибудь себе по книгам составит... али из летописей что-нибудь выведет.
But those are for the most part the learned and all old fogeys, so that it would be almost ill-bred in a man of society.	Но ведь это больше ученые и, знаете, в своем роде все колпаки, так что даже и неприлично светскому человеку.
You know my opinions in general, though. I never blame anyone.	Впрочем, мои мнения вообще вы знаете; я никого решительно не обвиняю.
I do nothing at all, I persevere in that.	Сам я белоручка, этого и придерживаюсь.
But we've talked of this more than once before.	Да мы об этом уже не раз говорили.

I was so happy indeed as to interest you in my opinions....	Я даже имел счастье интересоваться вас моими суждениями...
You are very pale, Avdotya Romanovna."	Вы очень бледны, Авдотья Романовна!
"I know his theory.	- Я эту теорию его знаю.
I read that article of his about men to whom all is permitted.	Я читала его статью в журнале о людях, которым все разрешается...
Razumihin brought it to me."	Мне приносил Разумихин...
"Mr. Razumihin?	- Господин Разумихин?
Your brother's article?	Статью вашего брата?
In a magazine?	В журнале?
Is there such an article?	Есть такая статья?
I didn't know.	Не знал я.

It must be interesting.	Вот, должно быть, любопытно-то!
But where are you going, Avdotya Romanovna?"	Но куда же вы, Авдотья Романовна?
"I want to see Sofya Semyonovna," Dounia articulated faintly.	- Я хочу видеть Софью Семеновну, - проговорила слабым голосом Дунечка.
"How do I go to her?"	- Куда к ней пройти?
She has come in, perhaps. I must see her at once.	Она, может, и пришла; я непременно, сейчас хочу ее видеть.
Perhaps she..."	Пусть она...
Avdotya Romanovna could not finish. Her breath literally failed her.	Авдотья Романовна не могла договорить; дыхание ее буквально пресеклось.
"Sofya Semyonovna will not be back till night, at least I believe not.	- Софья Семеновна не воротится до ночи. Я так полагаю.
She was to have been back at once, but if not, then she will not be in till quite late."	Она должна была прийти очень скоро, если же нет, то уж очень поздно...
"Ah, then you are lying!	- А, так ты лжешь!
I see... you were lying... lying all the time....	Я вижу... ты лгал... ты все лгал!..
I don't believe you!	Я тебе не верю!
I don't believe you!" cried Dounia, completely losing her head.	Не верю! - кричала Дунечка в настоящем исступлении, совершенно теряя голову.
Almost fainting, she sank on to a chair which Svidrigailov made haste to give her.	Почти в обмороке упала она на стул, который поспешил ей подставить Свидригайлов.
"Avdotya Romanovna, what is it? Control yourself!	- Авдотья Романовна, что с вами, очнитесь!
Here is some water.	Вот вода.
Drink a little...."	Отпейте один глоток...
He sprinkled some water over her.	Он брызнул на нее воды.
Dounia shuddered and came to herself.	Дунечка вздрогнула и очнулась.

"It has acted violently," Svidrigailov muttered to himself, frowning.	- Сильно подействовало! - бормотал про себя Свидригайлов, нахмурясь.
"Avdotya Romanovna, calm yourself!	- Авдотья Романовна, успокойтесь!
Believe me, he has friends.	Знайте, что у него есть друзья.

We will save him.	Мы его спасем, выручим.
Would you like me to take him abroad?	Хотите, я увезу его за границу?
I have money, I can get a ticket in three days.	У меня есть деньги; я в три дня достану билет.
And as for the murder, he will do all sorts of good deeds yet, to atone for it. Calm yourself.	А насчет того, что он убил, то он еще наделает много добрых дел, так что все это загладится; успокойтесь.
He may become a great man yet.	Великим человеком еще может быть.
Well, how are you? How do you feel?"	Ну что с вами? как вы себя чувствуете?
"Cruel man!	- Злой человек!
To be able to jeer at it!	Он еще насмехается.
Let me go..."	Пустите меня...
"Where are you going?"	- Куда вы? Да куда вы?
"To him.	- К нему.
Where is he?	Где он?
Do you know?	Вы знаете?
Why is this door locked?	Отчего эта дверь заперта?
We came in at that door and now it is locked.	Мы сюда вошли в эту дверь, а теперь она заперта на ключ.
When did you manage to lock it?"	Когда вы успели запереть ее на ключ?
"We couldn't be shouting all over the flat on such a subject.	- Нельзя же было кричать на все комнаты о том, что мы здесь говорили.
I am far from jeering; it's simply that I'm sick of talking like this.	Я вовсе не насмехаюсь; мне только говорить этим языком надоело.
But how can you go in such a state?	Ну куда вы такая пойдете?
Do you want to betray him?	Или вы хотите предать его?
You will drive him to fury, and he will give himself up.	Вы его доведете до бешенства, и он предаст себя сам.
Let me tell you, he is already being watched; they are already on his track.	Знайте, что уж за ним следят, уже попали на след.
You will simply be giving him away.	Вы только его выдадите.
Wait a little: I saw him and was talking to him just now. He can still be saved.	Подождите; я видел его и говорил с ним сейчас; его еще можно спасти.

Wait a bit, sit down; let us think it over together.	Подождите, сядьте, обдумаем вместе.
I asked you to come in order to discuss it alone with you and to consider it thoroughly.	Я для того и звал вас, чтобы поговорить об этом наедине и хорошенько обдумать.

But do sit down!"	Да сядьте же!
"How can you save him?"	- Каким образом вы можете его спасти?
Can he really be saved?"	Разве его можно спасти?
Dounia sat down.	Дуня села.
Svidrigailov sat down beside her.	Свидригайлов сел подле нее.
"It all depends on you, on you, on you alone," he began with glowing eyes, almost in a whisper and hardly able to utter the words for emotion.	- Все это от вас зависит, от вас, от вас одной,- начал он с сверкающими глазами, почти шепотом, сбиваясь и даже не выговаривая иных слов от волнения.
Dounia drew back from him in alarm.	Дуня в испуге отшатнулась от него дальше.
He too was trembling all over.	Он тоже весь дрожал.
"You... one word from you, and he is saved.	- Вы... одно ваше слово, и он спасен!
I... I'll save him.	Я ... я его спасу.
I have money and friends.	У меня есть деньги и друзья.
I'll send him away at once. I'll get a passport, two passports, one for him and one for me.	Я тотчас отправлю его, а сам возьму паспорт, два паспорта. Один его, другой мой.
I have friends... capable people....	У меня друзья; у меня есть деловые люди...
If you like, I'll take a passport for you... for your mother.... What do you want with Razumihin?	Хотите? Я возьму еще вам паспорт... вашей матери... зачем вам Разумихин?
I love you too....	Я вас также люблю...
I love you beyond everything....	Я вас бесконечно люблю.
Let me kiss the hem of your dress, let me, let me....	Дайте мне край вашего платья поцеловать, дайте! дайте!
The very rustle of it is too much for me.	Я не могу слышать, как оно шумит.
Tell me, 'do that,' and I'll do it.	Скажите мне: сделай то, и я сделаю!
I'll do everything.	Я все сделаю.

I will do the impossible.	Я невозможное сделаю.
What you believe, I will believe.	Чему вы веруете, тому и я буду веровать.
I'll do anything--anything!	Я все, все сделаю!
Don't, don't look at me like that.	Не смотрите, не смотрите на меня так!
Do you know that you are killing me?..."	Знаете ли, что вы меня убиваете...
He was almost beginning to rave....	Он начинал даже бредить.
Something seemed suddenly to go to his head.	С ним что-то вдруг сделалось, точно ему в голову вдруг ударило.
Dounia jumped up and rushed to the door.	Дуня вскочила и бросилась к дверям.
"Open it! Open it!" she called, shaking the door.	- Отворите! отворите! - кричала она чрез дверь, призывая кого-нибудь и потрясая дверь руками.
"Open it!	- Отворите же!

Is there no one there?"	Неужели нет никого?
Svidrigailov got up and came to himself.	Свидригайлов встал и опомнился.
His still trembling lips slowly broke into an angry mocking smile.	Злобная и насмешливая улыбка медленно выдавливалась на дрожавших еще губах его.
"There is no one at home," he said quietly and emphatically. "The landlady has gone out, and it's waste of time to shout like that. You are only exciting yourself uselessly."	- Там никого нет дома, - проговорил он тихо и с расстановками, - хозяйка ушла, и напрасный труд так кричать: только себя волнуете понапрасну.
"Where is the key?"	- Где ключ?
Open the door at once, at once, base man!"	Отвори сейчас дверь, сейчас, низкий человек!
"I have lost the key and cannot find it."	- Я ключ потерял и не могу его отыскать. - А!
"This is an outrage," cried Dounia, turning pale as death. She rushed to the furthest corner, where she made haste to barricade herself with a little table.	Так это насилие! - вскричала Дуня, побледнела как смерть и бросилась в угол, где поскорей заслонилась столиком, случившимся под рукой.
She did not scream, but she fixed her eyes on her tormentor and watched every movement he made.	Она не кричала; но она впиалась взглядом в своего мучителя и зорко следила за каждым его движением.
Svidrigailov remained standing at the other	Свидригайлов тоже не двигался с места и

end of the room facing her.	стоял против нее на другом конце комнаты.
He was positively composed, at least in appearance, but his face was pale as before.	Он даже овладел собою, по крайней мере снаружи. Но лицо его было бледно по-прежнему.
The mocking smile did not leave his face.	Насмешливая улыбка не покидала его.
"You spoke of outrage just now, Avdotya Romanovna.	- Вы сказали сейчас "насилие", Авдотья Романовна.
In that case you may be sure I've taken measures.	Если насилие, то сами можете рассудить, что я принял меры.
Sofya Semyonovna is not at home. The Kapernaumovs are far away--there are five locked rooms between.	Софьи Семеновны дома нет; до Капернаумовых очень далеко, пять запертых комнат.
I am at least twice as strong as you are and I have nothing to fear, besides. For you could not complain afterwards. You surely would not be willing actually to betray your brother?	Наконец, я по крайней мере вдвое сильнее вас, и, кроме того, мне бояться нечего, потому что вам и потом нельзя жаловаться: ведь не захотите же вы предать в самом деле вашего брата?
Besides, no one would believe you. How should a girl have come alone to visit a solitary man in his lodgings?	Да и не поверит вам никто: ну с какой стати девушка пошла одна к одинокому человеку на квартиру?
So that even if you do sacrifice your brother, you could prove nothing. It is very difficult to prove an assault, Avdotya Romanovna."	Так что, если даже и братом пожертвуете, то и тут ничего не докажете: насилие очень трудно доказать, Авдотья Романовна.
"Scoundrel!" whispered Dounia indignantly.	- Подлец! - прошептала Дуня в негодовании.
"As you like, but observe I was only speaking by way of a general proposition.	- Как хотите, но заметьте, я говорил еще только в виде предположения.
It's my personal conviction that you are perfectly right--violence is hateful.	По моему же личному убеждению, вы совершенно правы: насилие - мерзость.

I only spoke to show you that you need have no remorse even if... you were willing to save your brother of your own accord, as I suggest to you.	Я говорил только к тому, что на совести вашей ровно ничего не останется, если бы даже... если бы даже вы и захотели спасти вашего брата добровольно, так, как я вам предлагаю.
You would be simply submitting to circumstances, to violence, in fact, if we must use that word.	Вы просто, значит, подчинились обстоятельствам, ну силе, наконец, если уж без этого слова нельзя.
Think about it. Your brother's and your	Подумайте об этом; судьба вашего брата и

mother's fate are in your hands.	вашей матери в ваших руках.
I will be your slave... all my life... I will wait here."	Я же буду ваш раб... всю жизнь... я вот здесь буду ждать...
Svidrigailov sat down on the sofa about eight steps from Dounia.	Свидригайлов сел на диван, шагах в восьми от Дуни.
She had not the slightest doubt now of his unbending determination.	Для нее уже не было ни малейшего сомнения в его непоколебимой решимости.
Besides, she knew him.	К тому же она его знала...
Suddenly she pulled out of her pocket a revolver, cocked it and laid it in her hand on the table.	Вдруг она вынула из кармана револьвер, взвела курок и опустила руку с револьвером на столик.
Svidrigailov jumped up.	Свидригайлов вскочил с места.
"Aha!	- Ага!
So that's it, is it?" he cried, surprised but smiling maliciously. "Well, that completely alters the aspect of affairs.	Так вот как! - вскричал он в удивлении, но злобно усмехаясь, - ну, это совершенно изменяет ход дела!
You've made things wonderfully easier for me, Avdotya Romanovna.	Вы мне чрезвычайно облегчаете дело сами, Авдотья Романовна!
But where did you get the revolver?	Да где это вы револьвер достали?
Was it Mr. Razumihin?	Уж не господин ли Разумихин?
Why, it's my revolver, an old friend!	Ба! Да револьвер-то мой! Старый знакомый!
And how I've hunted for it!	А я-то его тогда как искал!..
The shooting lessons I've given you in the country have not been thrown away."	Наши деревенские уроки стрельбы, которые я имел честь вам давать, не пропали-таки даром.
"It's not your revolver, it belonged to Marfa Petrovna, whom you killed, wretch!	- Не твой револьвер, а Марфы Петровны, которую ты убил, злодей!
There was nothing of yours in her house.	У тебя ничего не было своего в ее доме.
I took it when I began to suspect what you were capable of.	Я взяла его, как стала подозревать, на что ты способен.
If you dare to advance one step, I swear I'll kill you."	Смей шагнуть хоть один шаг, и клянусь, я убью тебя!
She was frantic.	Дуня была в исступлении. Револьвер она держала наготове.

"But your brother?"	- Ну, а брат?
I ask from curiosity," said Svidrigailov, still standing where he was.	Из любопытства спрашиваю, - спросил Свидригайлов, все еще стоя на месте.
"Inform, if you want to!	- Донеси, если хочешь!
Don't stir!	Ни с места!
Don't come nearer!	Не сходи!
I'll shoot!	Я выстрелю!
You poisoned your wife, I know; you are a murderer yourself!" She held the revolver ready.	Ты жену отравил, я знаю, ты сам убийца!..
"Are you so positive I poisoned Marfa Petrovna?"	- А вы твердо уверены, что я Марфу Петровну отравил?
"You did!	- Ты!
You hinted it yourself; you talked to me of poison.... I know you went to get it... you had it in readiness....	Ты мне сам намекал; ты мне говорил об яде... я знаю, ты за ним ездил... у тебя было готово...
It was your doing.... It must have been your doing.... Scoundrel!"	Это непременно ты... подлец!
"Even if that were true, it would have been for your sake... you would have been the cause."	- Если бы даже это была и правда, так из-за тебя же... все-таки ты же была бы причиной.
"You are lying! I hated you always, always...." "Oho, Avdotya Romanovna! You seem to have forgotten how you softened to me in the heat of propaganda. I saw it in your eyes. Do you remember that moonlight night, when the nightingale was singing?" "That's a lie," there was a flash of fury in Dounia's eyes, "that's a lie and a libel!"	- Лжешь! (бешенство засверкало в глазах Дуни) лжешь, клеветник!
"A lie?	- Лгу?
Well, if you like, it's a lie.	Ну, пожалуй, и лгу.
I made it up.	Солгал.
Women ought not to be reminded of such things," he smiled. "I know you will shoot, you pretty wild creature.	Женщинам про эти вещицы поминать не следует. (Он усмехнулся.) Знаю, что выстрелишь, зверок хорошенький.
Well, shoot away!"	Ну и стреляй!

Dounia raised the revolver, and deadly pale, gazed at him, measuring the distance and awaiting the first movement on his part. Her lower lip was white and quivering and her big black eyes flashed like fire.	Дуня подняла револьвер и, мертвобледная, с побелевшею, дрожавшею нижнею губкой, с сверкающими, как огонь, большими черными глазами, смотрела на него, решившись, измеряя и выжидая первого движения с его стороны.
He had never seen her so handsome.	Никогда еще он не видал ее столь прекрасною.
The fire glowing in her eyes at the moment she raised the revolver seemed to kindle him and there was a pang of anguish in his heart.	Огонь, сверкнувший из глаз ее в ту минуту, когда она поднимала револьвер, точно обжег его, и сердце его с болью сжалось.
He took a step forward and a shot rang out.	Он ступил шаг, и выстрел раздался.
The bullet grazed his hair and flew into the wall behind.	Пуля скользнула по его волосам и ударилась сзади в стену.

He stood still and laughed softly.	Он остановился и тихо засмеялся:
"The wasp has stung me.	- Укусила оса!
She aimed straight at my head.	Прямо в голову метит...
What's this?	Что это?
Blood?" he pulled out his handkerchief to wipe the blood, which flowed in a thin stream down his right temple. The bullet seemed to have just grazed the skin.	Кровь! - Он вынул платок, чтоб обтереть кровь, тоненькою струйкой стекавшую по его прямому виску; вероятно, пуля чуть-чуть задела по коже черепа.
Dounia lowered the revolver and looked at Svidrigailov not so much in terror as in a sort of wild amazement.	Дуня опустила револьвер и смотрела на Свидригайлова не то что в страхе, а в каком-то диком недоумении.
She seemed not to understand what she was doing and what was going on.	Она как бы сама уж не понимала, что такое она сделала и что это делается!
"Well, you missed!	- Ну что ж, промах!
Fire again, I'll wait," said Svidrigailov softly, still smiling, but gloomily. "If you go on like that, I shall have time to seize you before you cock again."	Стреляйте еще, я жду, - тихо проговорил Свидригайлов, все еще усмехаясь, но как-то мрачно, - этак я вас схватить успею, прежде чем вы взведете курок!
Dounia started, quickly cocked the pistol and again raised it.	Дунечка вздрогнула, быстро взвела курок и опять подняла револьвер.

"Let me be," she cried in despair. "I swear I'll shoot again.	- Оставьте меня! - проговорила она в отчаянии, -клянусь, я опять выстрелю...
I... I'll kill you."	Я... убью!..
"Well... at three paces you can hardly help it.	- Ну что ж... в трех шагах и нельзя не убить.
But if you don't... then."	Ну а не убьете... тогда...
His eyes flashed and he took two steps forward.	- Глаза его засверкали, и он ступил еще два шага.
Dounia shot again: it missed fire.	Дунечка выстрелила, осечка!
"You haven't loaded it properly.	- Зарядили неаккуратно.
Never mind, you have another charge there.	Ничего! У вас там еще есть капсюль.
Get it ready, I'll wait."	Поправьте, я подожду.
He stood facing her, two paces away, waiting and gazing at her with wild determination, with feverishly passionate, stubborn, set eyes.	Он стоял пред нею в двух шагах, ждал и смотрел на нее с дикою решимостью, воспаленно-страстным, тяжелым взглядом.
Dounia saw that he would sooner die than let her go. "And... now, of course she would kill him, at two paces!"	Дуня поняла, что он скорее умрет, чем отпустит ее. " И... и уж, конечно, она убьет его теперь, в двух шагах!.."
Suddenly she flung away the revolver.	Вдруг она отбросила револьвер.
"She's dropped it!" said Svidrigailov with surprise, and he drew a deep breath.	- Бросила! - с удивлением проговорил Свидригайлов и глубоко перевел дух.
A weight seemed to have rolled from his heart--perhaps not only the fear of death; indeed he may scarcely have felt it at that moment.	Что-то как бы разом отошло у него от сердца, и, может быть, не одна тягость смертного страха; да вряд ли он и ощущал его в эту минуту.

It was the deliverance from another feeling, darker and more bitter, which he could not himself have defined.	Это было избавление от другого, более скорбного и мрачного чувства, которого бы он и сам не мог во всей силе определить.
He went to Dounia and gently put his arm round her waist.	Он подошел к Дуне и тихо обнял ее рукой за талию.
She did not resist, but, trembling like a leaf, looked at him with suppliant eyes.	Она не сопротивлялась, но, вся трепеща как лист, смотрела на него умоляющими глазами.
He tried to say something, but his lips moved without being able to utter a sound.	Он было хотел что-то сказать, но только губы его кривились, а выговорить он не мог.
"Let me go," Dounia implored.	- Отпусти меня! - умоляя сказала Дуня.
Svidrigailov shuddered. Her voice now was quite different.	Свидригайлов вздрогнул: это ты было уже как-то не так проговорено, как давешнее.
"Then you don't love me?" he asked softly.	- Так не любишь? - тихо спросил он.
Dounia shook her head.	Дуня отрицательно повела головой.
"And... and you can't?"	- И... не можешь?..
Never?" he whispered in despair.	Никогда? - с отчаянием прошептал он.
"Never!"	- Никогда! - прошептала Дуня.
There followed a moment of terrible, dumb struggle in the heart of Svidrigailov.	Прошло мгновение ужасной, немой борьбы в душе Свидригайлова.
He looked at her with an indescribable gaze.	Невыразимым взглядом глядел он на нее.
Suddenly he withdrew his arm, turned quickly to the window and stood facing it.	Вдруг он отнял руку, отвернулся, быстро отошел к окну и стал пред ним.
Another moment passed.	Прошло еще мгновение.
"Here's the key." He took it out of the left pocket of his coat and laid it on the table behind him, without turning or looking at Dounia. "Take it! Make haste!"	- Вот ключ! (Он вынул его из левого кармана пальто и положил сзади себя на стол, не глядя и не оборачиваясь к Дуне.) Берите; уходите скорей!..
He looked stubbornly out of the window.	Он упорно смотрел в окно.
Dounia went up to the table to take the key.	Дуня подошла к столу взять ключ.
"Make haste!"	- Скорей!
Make haste!" repeated Svidrigailov, still without turning or moving.	Скорей! - повторил Свидригайлов, все еще не двигаясь и не оборачиваясь.

But there seemed a terrible significance in the tone of that "make haste."	Но в этом "скорей", видно, прозвучала какая-то страшная нотка.
Dounia understood it, snatched up the key, flew to the door, unlocked it quickly and rushed out of the room.	Дуня поняла ее, схватила ключ, бросилась к дверям, быстро отомкнула их и вырвалась из комнаты.
A minute later, beside herself, she ran out on to the canal bank in the direction of X. Bridge.	Через минуту, как безумная, не помня себя, выбежала она на канаву и побежала по направлению к -му мосту.
Svidrigailov remained three minutes standing at the window. At last he slowly turned, looked about him and passed his hand over his forehead.	Свидригайлов простоял еще у окна минуты три; наконец медленно обернулся, осмотрелся кругом и тихо провел ладонью по лбу.
A strange smile contorted his face, a pitiful, sad, weak smile, a smile of despair.	Странная улыбка искривила его лицо, жалкая, печальная, слабая улыбка, улыбка отчаяния.
The blood, which was already getting dry, smeared his hand. He looked angrily at it, then wetted a towel and washed his temple.	Кровь, уже засыхавшая, запачкала ему ладонь; он посмотрел на кровь со злобою; затем намочил полотенце и вымыл себе висок.
The revolver which Dounia had flung away lay near the door and suddenly caught his eye.	Револьвер, отброшенный Дуней и отлетевший к дверям, вдруг попался ему на глаза.
He picked it up and examined it.	Он поднял и осмотрел его.
It was a little pocket three-barrel revolver of old-fashioned construction. There were still two charges and one capsule left in it.	Это был маленький, карманный трехударный револьвер, старого устройства; в нем осталось еще два заряда и один капсюль.
It could be fired again.	Один раз можно было выстрелить.
He thought a little, put the revolver in his pocket, took his hat and went out.	Он подумал, сунул револьвер в карман, взял шляпу и вышел.
CHAPTER VI	VI
He spent that evening till ten o'clock going from one low haunt to another.	Весь этот вечер до десяти часов он провел по разным трактирам и клоакам, переходя из одного в другой.
Katia too turned up and sang another gutter song, how a certain "villain and tyrant,"	Отыскалась где-то и Катя, которая опять пела другую лакейскую песню о том, как кто-то, "подлец и тиран",
"began kissing Katia."	Начал Катю целовать.

Svidrigailov treated Katia and the organ-grinder and some singers and the waiters and two little clerks.	Свидригайлов поил и Катю, и шарманщика, и песенников, и лакеев, и двух каких-то писаришек.
He was particularly drawn to these clerks by the fact that they both had crooked noses, one bent to the left and the other to the right.	С этими писаришками он связался, собственно, потому, что оба они были с кривыми носами: у одного нос шел криво вправо, а у другого влево.
They took him finally to a pleasure garden, where he paid for their entrance.	Это поразило Свидригайлова. Они увлекли его, наконец, в какой-то увеселительный сад, где он заплатил за них и за вход.
There was one lanky three-year-old pine-tree and three bushes in the garden, besides a "Vauxhall," which was in reality a drinking-bar where tea too was served, and there were a few green tables and chairs standing round it.	В этом саду была одна тоненькая, трехлетняя елка и три кустика. Кроме того, выстроен был "вокзал", в сущности распивочная, но там можно было получить и чай, да сверх того стояли несколько зеленых столиков и стульев.
A chorus of wretched singers and a drunken but exceedingly depressed German clown from Munich with a red nose entertained the public.	Хор скверных песенников и какой-то пьяный мюнхенский немец вроде паяца, с красным носом, но отчего-то чрезвычайно унылый, увеселяли публику.
The clerks quarrelled with some other clerks and a fight seemed imminent.	Писаришки поссорились с какими-то другими писаришками и затеяли было драку.

Svidrigailov was chosen to decide the dispute.	Свидригайлов выбран был ими судьей.
He listened to them for a quarter of an hour, but they shouted so loud that there was no possibility of understanding them.	Он судил их уже с четверть часа, но они так кричали что не было ни малейшей возможности что-нибудь разобрать.
The only fact that seemed certain was that one of them had stolen something and had even succeeded in selling it on the spot to a Jew, but would not share the spoil with his companion.	Вернее всего было то, что один из них что-то украл и даже успел тут же продать какому-то подвернувшемуся жиду; но, продав, не захотел поделиться с своим товарищем.
Finally it appeared that the stolen object was a teaspoon belonging to the Vauxhall.	Оказалось, наконец, что проданный предмет была чайная ложка, принадлежавшая вокзалу.
It was missed and the affair began to seem troublesome.	В вокзале хватились ее, и дело стало принимать размеры хлопотливые.
Svidrigailov paid for the spoon, got up, and walked out of the garden.	Свидригайлов заплатил за ложку, встал и вышел из сада.

It was about six o'clock.	Было часов около десяти.
He had not drunk a drop of wine all this time and had ordered tea more for the sake of appearances than anything.	Сам он не выпил во все это время ни одной капли вина и всего только спросил себе в вокзале чаю, да и то больше для порядка.
It was a dark and stifling evening.	Между тем вечер был душный и мрачный.
Threatening storm-clouds came over the sky about ten o'clock. There was a clap of thunder, and the rain came down like a waterfall.	К десяти часам надвинулись со всех сторон страшные тучи; ударил гром, и дождь хлынул, как водопад.
The water fell not in drops, but beat on the earth in streams.	Вода падала не каплями, а целыми струями хлестала на землю.
There were flashes of lightning every minute and each flash lasted while one could count five.	Молния сверкала поминутно, и можно было сосчитать до пяти раз в продолжение каждого зарева.
Drenched to the skin, he went home, locked himself in, opened the bureau, took out all his money and tore up two or three papers.	Весь промокший до нитки, дошел он домой, заперся, отворил свое бюро, вынул все свои деньги и разорвал две-три бумаги.
Then, putting the money in his pocket, he was about to change his clothes, but, looking out of the window and listening to the thunder and the rain, he gave up the idea, took up his hat and went out of the room without locking the door.	Затем, сунув деньги в карман, он хотел было переменить на себе платье, но, посмотрев в окно и прислушавшись к грозе и дождю, махнул рукой, взял шляпу и вышел, не заперев квартиры.
He went straight to Sonia.	Он прошел прямо к Соне.
She was at home.	Та была дома.
She was not alone: the four Kapernaumov children were with her.	Она была не одна; кругом нее было четверо маленьких детей Капернаумова.
She was giving them tea.	Софья Семеновна поила их чаем.
She received Svidrigailov in respectful silence, looking wonderingly at his soaking clothes.	Она молча и почтительно встретила Свидригайлова, с удивлением оглядела его измокшее платье, но не сказала ни слова.
The children all ran away at once in indescribable terror.	Дети же все тотчас убежали в неопisanном ужасе.
Svidrigailov sat down at the table and asked Sonia to sit beside him.	Свидригайлов сел к столу, а Соню попросил сесть подле.

She timidly prepared to listen.	Та робко приготовилась слушать.
"I may be going to America, Sofya Semyonovna," said Svidrigailov, "and as I am probably seeing you for the last time, I have come to make some arrangements.	- Я, Софья Семеновна, может, в Америку уеду, -сказал Свидригайлов, - и так как мы видимся с вами, вероятно, в последний раз, то я пришел кой-какие распоряжения сделать.
Well, did you see the lady to-day?	Ну, вы эту даму сегодня видели?
I know what she said to you, you need not tell me." (Sonia made a movement and blushed.) "Those people have their own way of doing things.	Я знаю, что она вам говорила, нечего пересказывать. (Соня сделала было движение и покраснела.) У этого народа известная складка.
As to your sisters and your brother, they are really provided for and the money assigned to them I've put into safe keeping and have received acknowledgments.	Что же касается до сестриц и до братца вашего, то они действительно пристроены, и деньги, причитающиеся им, выданы мною на каждого, под расписки, куда следует, в верные руки.
You had better take charge of the receipts, in case anything happens.	Вы, впрочем, эти расписки возьмите себе, так, на всякий случай.
Here, take them!	Вот, возьмите!
Well now, that's settled.	Ну-с, теперь это кончено.
Here are three 5-per-cent bonds to the value of three thousand roubles.	Вот три пятипроцентные билета, всего на три тысячи.
Take those for yourself, entirely for yourself, and let that be strictly between ourselves, so that no one knows of it, whatever you hear.	Это вы возьмите себе, собственно себе, и пусть это так между нами и будет, чтобы никто и не знал, что бы там вы ни слышали.
You will need the money, for to go on living in the old way, Sofya Semyonovna, is bad, and besides there is no need for it now."	Они же вам понадобятся, потому, Софья Семеновна, так жить, по-прежнему, - скверно, да и нужды вам более нет никакой.
"I am so much indebted to you, and so are the children and my stepmother," said Sonia hurriedly, "and if I've said so little... please don't consider..."	- Я-с вами так благодетельствована, и сироты-с, и покойница, - заторопилась Соня, - что если до сих пор я вас мало так благодарю, то... не считайте...
"That's enough! that's enough!"	- Э, полноте, полноте.
"But as for the money, Arkady Ivanovitch, I am very grateful to you, but I don't need it now.	- А эти деньги, Аркадий Иванович, я вам очень благодарна, но я ведь теперь в них не нуждаюсь.
I can always earn my own living. Don't	Я себя одну завсегда прокормлю, не считайте

think me ungrateful. If you are so charitable, that money...."	неблагодарностью: если вы такие благодетельные, то эти деньги-с...
"It's for you, for you, Sofya Semyonovna, and please don't waste words over it. I haven't time for it.	- Вам, вам, Софья Семеновна, и, пожалуйста, без особенных разговоров, потому даже мне и некогда.
You will want it.	А вам понадобятся.

Rodion Romanovitch has two alternatives: a bullet in the brain or Siberia." (Sonia looked wildly at him, and started.) "Don't be uneasy, I know all about it from himself and I am not a gossip; I won't tell anyone.	У Родиона Романовича две дороги: или пуля в лоб, или по Владимирке. (Соня дико посмотрела на него и задрожала.) Не беспокойтесь, я все знаю, от него же самого, и я не болтун; никому не скажу.
It was good advice when you told him to give himself up and confess.	Это вы его хорошо учили тогда, чтоб он сам на себя пошел и сказал.
It would be much better for him.	Это ему будет гораздо выгоднее.
Well, if it turns out to be Siberia, he will go and you will follow him.	Ну, как выйдет Владимирка - он по ней, а вы ведь за ним?
That's so, isn't it?	Ведь так? Ведь так?
And if so, you'll need money.	Ну, а коли так, то, значит, деньги вот и понадобятся.
You'll need it for him, do you understand?	Для него же понадобятся, понимаете?
Giving it to you is the same as my giving it to him.	Давая вам, я все равно, что ему даю.
Besides, you promised Amalia Ivanovna to pay what's owing. I heard you.	К тому же вы вот обещались и Амалии Ивановне долг заплатить; я ведь слышал.
How can you undertake such obligations so heedlessly, Sofya Semyonovna?	Что это вы, Софья Семеновна, так необдуманно все такие контракты и обязательства на себя берете?
It was Katerina Ivanovna's debt and not yours, so you ought not to have taken any notice of the German woman.	Ведь Катерина Ивановна осталась должна этой немке, а не вы, так и наплевать бы вам на немку.
You can't get through the world like that.	Так на свете не проживешь.
If you are ever questioned about me--to-morrow or the day after you will be	Ну-с, если вас когда кто будет спрашивать, - ну завтра или послезавтра, - обо мне или насчет

asked--don't say anything about my coming to see you now and don't show the money to anyone or say a word about it.	меня (а вас-то будут спрашивать), то вы о том, что я теперь к вам заходил, не упоминайте и деньги отнюдь не показывайте и не сказывайте, что я вам дал, никому.
Well, now good-bye." (He got up.) "My greetings to Rodion Romanovitch.	Ну, теперь до свиданья. (Он встал со стула.) Родиону Романычу поклон.
By the way, you'd better put the money for the present in Mr. Razumihin's keeping.	Кстати: держите-ка деньги-то до времени хоть у господина Разумихина.
You know Mr. Razumihin?	Знаете господина Разумихина?
Of course you do.	Уж конечно, знаете.
He's not a bad fellow.	Это малый так себе.
Take it to him to-morrow or... when the time comes.	Снесите-ка к нему завтра или... когда придет время.
And till then, hide it carefully."	А до тех пор подальше спрячьте.
Sonia too jumped up from her chair and looked in dismay at Svidrigailov.	Соня также вскочила со стула и испуганно смотрела на него.

She longed to speak, to ask a question, but for the first moments she did not dare and did not know how to begin.	Ей очень хотелось что-то сказать, что-то спросить, но она в первые минуты не смела, да и не знала, как ей начать.
"How can you... how can you be going now, in such rain?"	- Как же вы... как же вы-с, теперь же в такой дождь и пойдете?
"Why, be starting for America, and be stopped by rain! Ha, ha!	- Ну, в Америку собираться да дождя бояться, хе-хе!
Good-bye, Sofya Semyonovna, my dear!	Прощайте, голубчик, Софья Семеновна!
Live and live long, you will be of use to others.	Живите и много живите, вы другим пригодитесь.
By the way... tell Mr. Razumihin I send my greetings to him.	Кстати... скажите-ка господину Разумихину, что я велел ему кланяться.
Tell him Arkady Ivanovitch Svidrigailov sends his greetings.	Тактаки и передайте: Аркадий, дескать, Иванович Свидригайлов кланяется.
Be sure to."	Да непременно же.
He went out, leaving Sonia in a state of wondering anxiety and vague apprehension.	Он вышел, оставив Соню в изумлении, в испуге и в каком-то неясном и тяжелом подозрении.

It appeared afterwards that on the same evening, at twenty past eleven, he made another very eccentric and unexpected visit.	Оказалось потом, что в этот же вечер, часу в двенадцатом, он сделал и еще один весьма эксцентрический и неожиданный визит.
The rain still persisted.	Дождь все еще не переставал.
Drenched to the skin, he walked into the little flat where the parents of his betrothed lived, in Third Street in Vassilyevsky Island.	Весь мокрый, вошел он в двадцать минут двенадцатого в тесную квартирку родителей своей невесты, на Васильевском острове, в Третьей линии, на Малом проспекте.
He knocked some time before he was admitted, and his visit at first caused great perturbation; but Svidrigailov could be very fascinating when he liked, so that the first, and indeed very intelligent surmise of the sensible parents that Svidrigailov had probably had so much to drink that he did not know what he was doing vanished immediately.	Насилу достучался и вначале произвел было большое смятение; но Аркадий Иванович, когда хотел, был человек с весьма обворожительными манерами, так что первоначальная (хотя, впрочем, весьма остроумная) догадка благоразумных родителей невесты, что Аркадий Иванович, вероятно, до того уже где-нибудь нахлестался пьян, что уж и себя не помнит, - тотчас же пала сама собою.

The decrepit father was wheeled in to see Svidrigailov by the tender and sensible mother, who as usual began the conversation with various irrelevant questions. She never asked a direct question, but began by smiling and rubbing her hands and then, if she were obliged to ascertain something--for instance, when Svidrigailov would like to have the wedding--she would begin by interested and almost eager questions about Paris and the court life there, and only by degrees brought the conversation round to Third Street. On other occasions this had of course been very impressive, but this time Arkady Ivanovitch seemed particularly impatient, and insisted on seeing his betrothed at once, though he had been informed, to begin with, that she had already gone to bed.	Расслабленного родителя выкатили в кресле к Аркадию Ивановичу сердобольная и благоразумная мать невесты и, по своему обыкновению, тотчас же приступила к койкаким отдаленным вопросам. (Эта женщина никогда не делала вопросов прямых, а всегда пускала в ход сперва улыбки и потирания рук, а потом, если надо было что-нибудь узнать непременно и верно, например: когда угодно будет Аркадию Ивановичу назначить свадьбу, то начинала любопытнейшими и почти жадными вопросами о Париже и о тамошней придворной жизни и разве потом уже доходила по порядку и до Третьей линии Васильевского острова.) В другое время все это, конечно, внушало много уважения, но на этот раз Аркадий Иванович оказался как-то особенно нетерпеливым и наотрез пожелал видеть невесту, хотя ему уже и доложили в самом начале, что невеста легла уже спать.
The girl of course appeared.	Разумеется, невеста явилась.
Svidrigailov informed her at once that he was obliged by very important affairs to	Аркадий Иванович прямо сообщил ей, что на время должен по одному весьма важному

leave Petersburg for a time, and therefore brought her fifteen thousand roubles and begged her accept them as a present from him, as he had long been intending to make her this trifling present before their wedding.	обстоятельству уехать из Петербурга, а потому и принес ей пятнадцать тысяч рублей серебром, в разных билетах, прося принять их от него в виде подарка, так как он и давно собирался подарить ей эту безделку пред свадьбой.
The logical connection of the present with his immediate departure and the absolute necessity of visiting them for that purpose in pouring rain at midnight was not made clear.	Особенной логической связи подарка с немедленным отъездом и неременною необходимостью прийти для того в дождь и в полночь, конечно, этими объяснениями ничуть не выказывалось, но дело, однако же, обошлось весьма складно.
But it all went off very well; even the inevitable ejaculations of wonder and regret, the inevitable questions were extraordinarily few and restrained. On the other hand, the gratitude expressed was most glowing and was reinforced by tears from the most sensible of mothers.	Даже необходимые оханья и аханья, расспросы и удивления сделались как-то вдруг необыкновенно умеренны и сдержанны; зато благодарность была выказана самая пламенная и подкреплена даже слезами благоразумнейшей матери.
Svidrigailov got up, laughed, kissed his betrothed, patted her cheek, declared he would soon come back, and noticing in her eyes, together with childish curiosity, a sort of earnest dumb inquiry, reflected and kissed her again, though he felt sincere anger inwardly at the thought that his present would be immediately locked up in the keeping of the most sensible of mothers.	Аркадий Иванович встал, засмеялся, поцеловал невесту, потрепал ее по щечке, подтвердил, что скоро приедет, и, заметив в ее глазах хотя и детское любопытство, но вместе с тем и какой-то очень серьезный, немой вопрос, подумал, поцеловал ее в другой раз и тут же искренно подосадовал в душе, что подарок пойдет немедленно на сохранение под замок благоразумнейшей из матерей.
He went away, leaving them all in a state of extraordinary excitement, but the tender mamma, speaking quietly in a half whisper, settled some of the most important of their doubts, concluding that Svidrigailov was a great man, a man of great affairs and connections and of great wealth--there was no knowing what he had in his mind. He would start off on a journey and give away money just as the fancy took him, so that there was nothing surprising about it.	Он вышел, оставив всех в необыкновенно возбужденном состоянии. Но сердобольная мамаша тотчас же, полупшепотом и скороговоркой, разрешила некоторые важнейшие недоумения, а именно, что Аркадий Иванович человек большой, человек с делами и со связями, богач, - бог знает что там у него в голове, вздумал и поехал, вздумал и деньги отдал, а стало быть, и дивиться нечего.
Of course it was strange that he was wet through, but Englishmen, for instance, are even	Конечно, странно, что он весь мокрый, но англичане, например, и того

more eccentric, and all these people of high society didn't think of what was said of them and didn't stand on ceremony.	эксцентричнее, да и все эти высшего тона не смотрят на то, что о них скажут, и не церемонятся.
Possibly, indeed, he came like that on purpose to show that he was not afraid of anyone.	Может быть, он даже и нарочно так ходит, чтобы показать, что он никого не боится.
Above all, not a word should be said about it, for God knows what might come of it, and the money must be locked up, and it was most fortunate that Fedosya, the cook, had not left the kitchen. And above all not a word must be said to that old cat, Madame Ressler, and so on and so on.	А главное, об этом ни слова никому не говорить, потому что бог знает еще что из этого выйдет, а деньги поскорее под замок, и, уж конечно, самое лучшее во всем этом, что Федосья просидела в кухне, а главное, отнюдь, отнюдь, отнюдь не надо сообщать ничего этой пройдохе Ресслих, и прочее, и прочее.
They sat up whispering till two o'clock, but the girl went to bed much earlier, amazed and rather sorrowful.	Просидели и прошептались часов до двух. Невеста, впрочем, ушла спать гораздо раньше, удивленная и немного грустная.
Svidrigailov meanwhile, exactly at midnight, crossed the bridge on the way back to the mainland.	А Свидригайлов между тем ровнехонько в полночь переходил через -ков мост по направлению на Петербургскую сторону.
The rain had ceased and there was a roaring wind.	Дождь перестал, но шумел ветер.
He began shivering, and for one moment he gazed at the black waters of the Little Neva with a look of special interest, even inquiry.	Он начинал дрожать и одну минуту с каким-то особенным любопытством и даже с вопросом посмотрел на черную воду Малой Невы.
But he soon felt it very cold, standing by the water; he turned and went towards Y. Prospect.	Но скоро ему показалось очень холодно стоять над водой; он повернулся и пошел на -ой проспект.
He walked along that endless street for a long time, almost half an hour, more than once stumbling in the dark on the wooden pavement, but continually looking for something on the right side of the street.	Он шагал по бесконечному -ому проспекту уже очень долго, почти с полчаса, не раз обрываясь в темноте на деревянной мостовой, но не переставал чего-то с любопытством разыскивать по правой стороне проспекта.
He had noticed passing through this street lately that there was a hotel somewhere towards the end, built of wood, but fairly large,	Тут где-то, уже в конце проспекта он заметил, как-то проезжая недавно мимо, одну гостиницу деревянную, но обширную, и имя ее, сколько ему

and its name he remembered was something like Adrianople.	помнилось, было что-то вроде Адрианополя.
He was not mistaken: the hotel was so conspicuous in that God-forsaken place that he could not fail to see it even in the dark.	Он не ошибся в своих расчетах: эта гостиница в такой глуши была такою видною точкой, что возможности не было не отыскать ее, даже среди темноты.
It was a long, blackened wooden building, and in spite of the late hour there were lights in the windows and signs of life within.	Это было длинное деревянное почерневшее здание, в котором, несмотря на поздний час, еще светились огни и замечалось некоторое оживление.
He went in and asked a ragged fellow who met him in the corridor for a room.	Он вошел и у встретившегося ему в коридоре оборванца спросил номер.
The latter, scanning Svidrigailov, pulled himself together and led him at once to a close and tiny room in the distance, at the end of the corridor, under the stairs.	Оборванец, окинув взглядом Свидригайлова, встряхнулся и тотчас же повел его в отдаленный номер, душный и тесный, где-то в самом конце коридора, в углу, под лестницей.
There was no other, all were occupied.	Но другого не было; все были заняты.
The ragged fellow looked inquiringly.	Оборванец смотрел вопросительно.
"Is there tea?" asked Svidrigailov.	- Чай есть? - спросил Свидригайлов.
"Yes, sir."	- Это можно-с.
"What else is there?"	- Еще что есть?
"Veal, vodka, savouries."	- Телятина-с, водка-с, закуска-с.
"Bring me tea and veal."	- Принеси телятины и чаю.
"And you want nothing else?" he asked with apparent surprise.	- А больше ничего не потребуется? - спросил даже в некотором недоумении оборванец.
"Nothing, nothing."	- Ничего ничего!
The ragged man went away, completely disillusioned.	Оборванец удалился, совершенно разочарованный.
"It must be a nice place," thought Svidrigailov. "How was it I didn't know it?"	"Хорошее, должно быть, место, - подумал Свидригайлов, - как это я не знал.
I expect I look as if I came from a cafe chantant and have had some adventure on the way.	Я тоже, вероятно, имею вид возвращающегося откуда-нибудь и кафешантана, но уже имевшего дорогой историю.

It would be interesting to know who stay here?"	А любопытно, однако ж, кто здесь останавливается и ночует?"
He lighted the candle and looked at the room more carefully.	Он зажег свечу и осмотрел номер подробнее.
It was a room so low-pitched that Svidrigailov could only just stand up in it; it had one window; the bed, which was very dirty, and the plain-stained chair and table almost filled it up.	Это была клетушка до того маленькая, что даже почти не под рост Свидригайлову, в одно окно; постель очень грязная, простой крашенный стол и стул занимали почти все пространство.
The walls looked as though they were made of planks, covered with shabby paper, so torn and dusty that the pattern was indistinguishable, though the general colour--yellow--could still be made out.	Стены имели вид как бы сколоченных из досок с обшарканными обоями, до того уже пыльными и изодранными, что цвет их (желтый) угадать еще можно было, но рисунка уже нельзя было распознать никакого.
One of the walls was cut short by the sloping ceiling, though the room was not an attic but just under the stairs.	Одна часть стены и потолка была срезана накось, как обыкновенно в мансардах, но тут над этим косяком шла лестница.

Svidrigailov set down the candle, sat down on the bed and sank into thought.	Свидригайлов поставил свечу, сел на кровать и задумался.
But a strange persistent murmur which sometimes rose to a shout in the next room attracted his attention.	Но странный и непрерывный шепот, иногда подымавшийся чуть не до крику, в соседней клетушке, обратил наконец его внимание.
The murmur had not ceased from the moment he entered the room.	Этот шепот не переставал с того времени, как он вошел.
He listened: someone was upbraiding and almost tearfully scolding, but he heard only one voice.	Он прислушался: кто-то ругал и чуть ли не со слезами укорял другого, но слышался один только голос.
Svidrigailov got up, shaded the light with his hand and at once he saw light through a crack in the wall; he went up and peeped through.	Свидригайлов встал, заслонил рукою свечку, и на стене тотчас же блеснула щелочка; он подошел и стал смотреть.
The room, which was somewhat larger than his, had two occupants.	В номере, несколько большем, чем его собственный, было двое посетителей.
One of them, a very curly-headed man with a red inflamed face, was standing in the pose of an orator, without his coat, with his legs wide apart to preserve his balance, and smiting himself on the breast. He reproached	Один из них без сюртука, с чрезвычайно курчавою головою и с красным, воспаленным лицом, стоял в ораторской позе, раздвинув ноги, чтоб удержать равновесие, и, ударяя себя рукой в грудь,

the other with being a beggar, with having no standing whatever. He declared that he had taken the other out of the gutter and he could turn him out when he liked, and that only the finger of Providence sees it all.	патетически укорял другого в том, что тот нищий и что даже чина на себе не имеет, что он вытащил его из грязи и что когда хочет, тогда и может выгнать его, и что все это видит один только перст всевышнего.
The object of his reproaches was sitting in a chair, and had the air of a man who wants dreadfully to sneeze, but can't.	Укоряемый друг сидел на стуле и имел вид человека, чрезвычайно желающего чихнуть, но которому это никак не удается.
He sometimes turned sheepish and befogged eyes on the speaker, but obviously had not the slightest idea what he was talking about and scarcely heard it.	Он изредка, бараньим и мутным взглядом, глядел на оратора, но, очевидно, не имел никакого понятия, о чем идет речь, и вряд ли что-нибудь даже и слышал.
A candle was burning down on the table; there were wine-glasses, a nearly empty bottle of vodka, bread and cucumber, and glasses with the dregs of stale tea.	На столе догорала свеча, стоял почти пустой графин водки, рюмки, хлеб, стаканы, огурцы и посуда с давно уже выпитым чаем.
After gazing attentively at this, Svidrigailov turned away indifferently and sat down on the bed.	Осмотрев внимательно эту картину, Свидригайлов безучастно отошел от щелочки и сел опять на кровать.
The ragged attendant, returning with the tea, could not resist asking him again whether he didn't want anything more, and again receiving a negative reply, finally withdrew.	Оборванец, воротившийся с чаем и с телятиной, не мог удержаться, чтобы не спросить еще раз: "не надо ли еще чего-нибудь?", и, выслушав опять ответ отрицательный, удалился окончательно.
Svidrigailov made haste to drink a glass of tea to warm himself, but could not eat anything. He began to feel feverish. He took off his coat and, wrapping himself in the blanket, lay down on the bed.	Свидригайлов набросился на чай, чтобы согреться, и выпил стакан, но съесть не мог ни куска, за совершенною потерей аппетита.
He was annoyed.	В нем, видимо, начиналась лихорадка. Он снял с себя пальто, жакетку, закутался в одеяло и лег на постель.

"It would have been better to be well for the occasion," he thought with a smile.	Ему было досадно: "все бы лучше на этот раз быть здоровым", - подумал он и усмехнулся.
The room was close, the candle burnt dimly, the wind was roaring outside, he heard a mouse scratching in the corner and the room smelt of mice and of	В комнате было душно, свечка горела тускло, на дворе шумел ветер, где-то в углу скребла мышь, да и во всей комнате будто пахло

leather.	мышами и чем-то кожаным.
He lay in a sort of reverie: one thought followed another.	Он лежал и словно грезил: мысль сменялась мыслью.
He felt a longing to fix his imagination on something.	Казалось, ему очень бы хотелось хоть к чему-нибудь особенно прицепиться воображением.
"It must be a garden under the window," he thought. "There's a sound of trees. How I dislike the sound of trees on a stormy night, in the dark! They give one a horrid feeling."	"Это под окном, должно быть, какой-нибудь сад, - подумал он, - шумят деревья; как я не люблю шум деревьев ночью, в бурю и в темноту, скверное ощущение!"
He remembered how he had disliked it when he passed Petrovsky Park just now.	И он вспомнил, как, проходя давеча мимо Петровского парка, с отвращением даже подумал о нем.
This reminded him of the bridge over the Little Neva and he felt cold again as he had when standing there.	Тут вспомнил кстати и о -кове мосте, и о Малой Неве, и ему опять как бы стало холодно, как давеча, когда он стоял над водой.
"I never have liked water," he thought, "even in a landscape," and he suddenly smiled again at a strange idea: "Surely now all these questions of taste and comfort ought not to matter, but I've become more particular, like an animal that picks out a special place... for such an occasion."	"Никогда в жизнь мою не любил я воды, даже в пейзажах, - подумал он вновь и вдруг опять усмехнулся на одну странную мысль: - ведь вот, кажется, теперь бы должно быть все равно насчет всей этой эстетики и комфорта, а тут-то именно и разборчив стал, точно зверь, который непременно место себе выбирает... в подобном же случае."
I ought to have gone into the Petrovsky Park!	Именно повернуть бы давеча на Петровский!
I suppose it seemed dark, cold, ha-ha!	Небось темно показалось, холодно, хе! хе!
As though I were seeking pleasant sensations!...	Чуть ли не ощущений приятных понадобилось!..
By the way, why haven't I put out the candle?" he blew it out. "They've gone to bed next door," he thought, not seeing the light at the crack.	Кстати, зачем я свечку не затушу? (Он задул ее.) У соседей улеглись, - подумал он, не видя света в давешней щелочке.
"Well, now, Marfa Petrovna, now is the time for you to turn up; it's dark, and the very time and place for you."	- Ведь вот, Марфа Петровна, вот бы теперь вам и пожаловать, и темно, и место пригодное, и минута оригинальная.
But now you won't come!"	А ведь вот именно теперь-то и не придете..."
He suddenly recalled how, an hour before carrying out his design on	Ему вдруг почему-то вспомнилось, как давеча,

Dounia, he had recommended Raskolnikov to trust her to Razumihin's keeping.	за час до исполнения замысла над Дунечкой, он рекомендовал Раскольникову поручить ее охранению Разумихина.
"I suppose I really did say it, as Raskolnikov guessed, to tease myself.	"В самом деле, я, пожалуй, пуще для своего собственного задора тогда это говорил, как и угадал Раскольников.
But what a rogue that Raskolnikov is!	А шельма, однако ж, этот Раскольников!

He's gone through a good deal.	Много на себе перетащил.
He may be a successful rogue in time when he's got over his nonsense. But now he's _too_ eager for life.	Большую шельмой может быть со временем, когда вздор повыскочит, а теперь слишком уж жить ему хочется!
These young men are contemptible on that point.	Насчет этого пункта этот народ - подлецы.
But, hang the fellow! Let him please himself, it's nothing to do with me."	Ну да черт с ним, как хочет, мне что".
He could not get to sleep.	Ему все не спалось.
By degrees Dounia's image rose before him, and a shudder ran over him.	Мало-помалу давешний образ Дунечки стал возникать пред ним, и вдруг дрожь прошла по его телу.
"No, I must give up all that now," he thought, rousing himself. "I must think of something else.	"Нет, это уж надо теперь бросить, - подумал он, очнувшись, - надо о чем-нибудь другом думать.
It's queer and funny. I never had a great hatred for anyone, I never particularly desired to avenge myself even, and that's a bad sign, a bad sign, a bad sign.	Странно и смешно: ни к кому я никогда не имел большой ненависти, даже мстить никогда особенно не желал, а ведь это дурной признак, дурной признак!
I never liked quarrelling either, and never lost my temper--that's a bad sign too.	Спорить тоже не любил и не горячился - тоже дурной признак!
And the promises I made her just now, too--Damnation!	А сколько я ей давеча наобещал - фу, черт!
But--who knows?--perhaps she would have made a new man of me somehow...."	А ведь, пожалуй, и перемолола бы меня как-нибудь..."
He ground his teeth and sank into silence again. Again Dounia's image rose before him, just as she was when, after shooting the first time, she had lowered the revolver in terror and gazed blankly at him, so that he might have seized her twice over and she	Он опять замолчал и стиснул зубы: опять образ Дунечки появился пред ним точь-в-точь, как была она, когда, выстрелив в первый раз, ужасно испугалась, опустила револьвер и, помертвев, смотрела на него, так что он два раза успел бы

would not have lifted a hand to defend herself if he had not reminded her.	схватить ее, а она и руки бы не подняла в защиту, если б он сам ей не напомнил.
He recalled how at that instant he felt almost sorry for her, how he had felt a pang at his heart...	Он вспомнил, как ему в то мгновение точно жалко стало ее, как бы сердце сдавило ему...
"Aie!	"Э!
Damnation, these thoughts again!	К черту!
I must put it away!"	Опять эти мысли, все это надо бросить, бросить!.."
He was dozing off; the feverish shiver had ceased, when suddenly something seemed to run over his arm and leg under the bedclothes.	Он уже забывался; лихорадочная дрожь утихала; вдруг как бы что-то пробежало под одеялом по руке его и по ноге.
He started.	Он вздрогнул:
"Ugh! hang it! I believe it's a mouse," he thought, "that's the veal I left on the table."	"Фу, черт, да это чуть ли не мышь! - подумал он, - это я телятину оставил на столе..."

He felt fearfully disinclined to pull off the blanket, get up, get cold, but all at once something unpleasant ran over his leg again.	Ему ужасно не хотелось раскрываться, вставать, мерзнуть, но вдруг опять что-то неприятно шоркнуло ему по ноге; он сорвал с себя одеяло и зажег свечу.
He pulled off the blanket and lighted the candle. Shaking with feverish chill he bent down to examine the bed: there was nothing. He shook the blanket and suddenly a mouse jumped out on the sheet.	Дрожа от лихорадочного холода, нагнулся он осмотреть постель - ничего не было; он встряхнул одеяло, и вдруг на простыню выскочила мышь.
He tried to catch it, but the mouse ran to and fro in zigzags without leaving the bed, slipped between his fingers, ran over his hand and suddenly darted under the pillow. He threw down the pillow, but in one instant felt something leap on his chest and dart over his body and down his back under his shirt.	Он бросился ловить ее; но мышь не сбегала с постели, а мелькала зигзагами во все стороны, скользила из-под его пальцев, перебегала по руке и вдруг юркнула под подушку; он сбросил подушку, но в одно мгновение почувствовал, как что-то вскочило ему за пазуху, шоркает по телу, и уже за спиной, под рубашкой.
He trembled nervously and woke up.	Он нервно задрожал и проснулся.
The room was dark. He was lying on the bed and wrapped up in the blanket as before. The wind was howling under the window.	В комнате было темно, он лежал на кровати, закутавшись, как давеча, в одеяло, под окном выл ветер.

"How disgusting," he thought with annoyance.	"Экая скверность!" - подумал он с досадой.
He got up and sat on the edge of the bedstead with his back to the window.	Он встал и уселся на краю постели, спиной к окну.
"It's better not to sleep at all," he decided.	"Лучше уж совсем не спать", - решил он.
There was a cold damp draught from the window, however; without getting up he drew the blanket over him and wrapped himself in it.	От окна было, впрочем, холодно и сыро; не вставая с места, он натащил на себя одеяло и закутался в него. Свечи он не зажигал.
He was not thinking of anything and did not want to think. But one image rose after another, incoherent scraps of thought without beginning or end passed through his mind.	Он ни о чем не думал, да и не хотел думать; но грезы вставали одна за другою, мелькали отрывки мыслей, без начала и конца и без связи.
He sank into drowsiness.	Как будто он впадал в полудремоту.
Perhaps the cold, or the dampness, or the dark, or the wind that howled under the window and tossed the trees roused a sort of persistent craving for the fantastic.	Холод ли, мрак ли, сырость ли, ветер ли, завывавший под окном и качавший деревья, вызвали в нем какую-то упорную фантастическую наклонность и желание, - но ему все стали представляться цветы.
He kept dwelling on images of flowers, he fancied a charming flower garden, a bright, warm, almost hot day, a holiday--Trinity day.	Ему вообразился прелестный пейзаж; светлый, теплый, почти жаркий день, праздничный день, Троицын день.
A fine, sumptuous country cottage in the English taste overgrown with fragrant flowers, with flower beds going round the house; the porch, wreathed in climbers, was surrounded with beds of roses. A light, cool staircase, carpeted with rich rugs, was decorated with rare plants in china pots.	Богатый, роскошный деревенский коттедж, в английском вкусе, весь обросший душистыми клумбами цветов, обсаженный грядами, идущими кругом всего дома; крыльцо, увитое вьющимися растениями, заставленное грядами роз; светлая, прохладная лестница, устланная роскошным ковром, обставленная редкими цветами в китайских банках.

He noticed particularly in the windows nosegays of tender, white, heavily fragrant narcissus bending over their bright, green, thick long stalks.	Он особенно заметил в банках с водой, на окнах, букеты белых и нежных нарциссов, склоняющийся на своих ярко-зеленых, тучных и длинных стеблях с сильным ароматным запахом.
He was reluctant to move away from them, but he went up the stairs and came into a large, high drawing-room and again everywhere--at the windows, the doors on to the balcony, and on the balcony itself--were flowers.	Ему даже отойти от них не хотелось, но он поднялся по лестнице и вошел в большую, высокую залу, и опять и тут везде, у окон, около растворенных дверей на террасу, на самой террасе, везде были цветы.
The floors were strewn with freshly-cut fragrant hay, the windows were open, a fresh, cool, light air came into the room.	Полы были усыпаны свежеею накошенной душистою травой, окна были открыты, свежий, легкий, прохладный воздух проникал в комнату, птички чирикали под окнами, а посреди залы, на покрытых белыми атласными пеленами столах, стоял гроб.
The birds were chirruping under the window, and in the middle of the room, on a table covered with a white satin shroud, stood a coffin.	Этот гроб был обит белым граденаплем и обшит белым густым рюшем.
The coffin was covered with white silk and edged with a thick white frill; wreaths of flowers surrounded it on all sides.	Гирлянды цветов обвивали его со всех сторон.
Among the flowers lay a girl in a white muslin dress, with her arms crossed and pressed on her bosom, as though carved out of marble.	Вся в цветах лежала в нем девочка, в белом тюлевом платье, со сложенными и прижатыми на груди, точно выточенными из мрамора, руками.
But her loose fair hair was wet; there was a wreath of roses on her head.	Но распущенные волосы ее, волосы светлой блондинки, были мокры; венок из роз обвивал ее голову.
The stern and already rigid profile of her face looked as though chiselled of marble too, and the smile on her pale lips was full of an immense unchildish misery and sorrowful appeal.	Строгий и уже окостенелый профиль ее лица был тоже как бы выточен из мрамора, но улыбка на бледных губах ее была полна какой-то недетской, беспредельной скорби и великой жалобы.
Svidrigailov knew that girl; there was no holy image, no burning candle beside the coffin; no sound of prayers: the girl had drowned herself.	Свидригайлов знал эту девочку; ни образа, ни зажженных свечей не было у этого гроба и не слышно было молитв.

She was only fourteen, but her heart was broken.	Эта девочка была самоубийца - утопленница.
And she had destroyed herself, crushed by an insult that had appalled and amazed that childish soul, had smirched that angel purity with unmerited disgrace and torn from her a last scream of despair, unheeded and brutally disregarded, on a dark night in the cold and wet while the wind howled....	Ей было только четырнадцать лет, но это было уже разбитое сердце, и оно погубило себя, оскорбленное обидой, ужаснувшей и удивившей это молодое, детское сознание, залившее незаслуженным стыдом ее ангельски чистую душу и вырвавшей последний крик отчаяния, не услышанный, а нагло поруганный в темную ночь, во мраке, в холоде, в сырую оттепель, когда выл ветер...
Svidrigailov came to himself, got up from the bed and went to the window.	Свидригайлов очнулся, встал с постели и шагнул к окну.
He felt for the latch and opened it.	Он ощупью нашел задвижку и отворил окно.

The wind lashed furiously into the little room and stung his face and his chest, only covered with his shirt, as though with frost.	Ветер хлынул неистово в его тесную каморку и как бы морозным инеем облепил ему лицо и прикрытую одною рубашкой грудь.
Under the window there must have been something like a garden, and apparently a pleasure garden. There, too, probably there were tea-tables and singing in the daytime.	Под окном, должно быть, действительно было что-то вроде сада и, кажется, тоже увеселительного; вероятно, днем здесь тоже певали песенники и выносился на столики чай.
Now drops of rain flew in at the window from the trees and bushes; it was dark as in a cellar, so that he could only just make out some dark blurs of objects.	Теперь же с деревьев и кустов летели в окно брызги, было темно, как в погребе, так что едва-едва можно было различить только какие-то темные пятна, обозначавшие предметы.
Svidrigailov, bending down with elbows on the window-sill, gazed for five minutes into the darkness; the boom of a cannon, followed by a second one, resounded in the darkness of the night.	Свидригайлов, нагнувшись и опираясь локтями на подоконник, смотрел уже минут пять, не отрываясь в эту мглу. Среди мрака и ночи раздался пушечный выстрел, за ним другой.
"Ah, the signal!	"А, сигнал!
The river is overflowing," he thought. "By morning it will be swirling down the street in the lower parts, flooding the basements and cellars. The cellar rats will swim out, and men will curse in the rain and wind as they drag	Вода прибывает, - подумал он, - к утру хлынет, там, где пониже место, на улицы, зальет подвалы и погреба, всплывут подвальные крысы, и среди дождя и ветра люди начнут, ругаясь, мокрые, перетаскивать свой сор в

their rubbish to their upper storeys.	верхние этажи...
What time is it now?"	А который-то теперь час?"
And he had hardly thought it when, somewhere near, a clock on the wall, ticking away hurriedly, struck three.	И только что подумал он это, где-то близко, тикая и как бы торопясь из всей мочи, стенные часы пробили три.
"Aha! It will be light in an hour! Why wait?"	"Эге, да через час уже будет светать" Чего дожидаться?
I'll go out at once straight to the park. I'll choose a great bush there drenched with rain, so that as soon as one's shoulder touches it, millions of drops drip on one's head."	Выйду сейчас, пойду прямо на Петровский: там где-нибудь выберу большой куст, весь облитый дождем, так что чуть-чуть плечом задеть и миллионы брызг обдадут всю голову..."
He moved away from the window, shut it, lighted the candle, put on his waistcoat, his overcoat and his hat and went out, carrying the candle, into the passage to look for the ragged attendant who would be asleep somewhere in the midst of candle-ends and all sorts of rubbish, to pay him for the room and leave the hotel.	Он отошел от окна, запер его, зажег свечу, натянул на себя жилетку, пальто, надел шляпу и вышел со свечой в коридор, чтоб отыскать где-нибудь спавшего в каморке между всяким хламом и свечными огарками оборванца, расплатиться с ним за номер и выйти из гостиницы.
"It's the best minute; I couldn't choose a better."	"Самая лучшая минута, нельзя лучше и выбрать!"
He walked for some time through a long narrow corridor without finding anyone and was just going to call out, when suddenly in a dark corner between an old cupboard and the door he caught sight of a strange object which seemed to be alive.	Он долго ходил по всему длинному и узкому коридору, не находя никого, и хотел уже громко кликнуть, как вдруг в темном углу, между старым шкафом и дверью, разглядел какой-то странный предмет, что-то будто бы живое.
He bent down with the candle and saw a little girl, not more than five years old, shivering and crying, with her clothes as wet as a soaking house-flannel.	Он нагнулся со свечой и увидел ребенка - девочку лет пяти, не более, в измокшем, как поломойная тряпка, платьишке, дрожавшую и плакавшую.
She did not seem afraid of Svidrigailov, but looked at him with blank amazement out of her big black eyes. Now and then she sobbed as children do when they have been crying a long time, but are beginning to be comforted.	Она как будто и не испугалась Свидригайлова, но смотрела на него с тупым удивлением своими большими черными глазенками и изредка всхлипывала, как дети, которые долго плакали, но уже перестали и даже утешились, а между тем, нет-нет, и вдруг опять всхлипнут.

The child's face was pale and tired, she was numb with cold. "How can she have come here?"	Лицо девочки было бледное и изнуренное; она окостенела от холода, но "как же она попала сюда?"
She must have hidden here and not slept all night."	Значит, она здесь спряталась и не спала всю ночь".
He began questioning her.	Он стал ее расспрашивать.
The child suddenly becoming animated, chattered away in her baby language, something about "mammy" and that "mammy would beat her," and about some cup that she had "bwoke."	Девочка вдруг оживилась и быстро-быстро зашепелявила ему что-то на своем детском языке. Тут было что-то про "мамасю" и что "мамася" пльбьет", про какую-то чашку, которую "лязбила" (разбила).
The child chattered on without stopping. He could only guess from what she said that she was a neglected child, whose mother, probably a drunken cook, in the service of the hotel, whipped and frightened her; that the child had broken a cup of her mother's and was so frightened that she had run away the evening before, had hidden for a long while somewhere outside in the rain, at last had made her way in here, hidden behind the cupboard and spent the night there, crying and trembling from the damp, the darkness and the fear that she would be badly beaten for it.	Девочка говорила не умолкая; кое-как можно было угадать из всех этих рассказов, что это нелюбимый ребенок, которого мать, какая-нибудь вечно пьяная кухарка, вероятно из здешней же гостиницы, заколотила и запугала; что девочка разбила мамашину чашку и что до того испугалась, что сбежала еще с вечера; долго, вероятно, скрывалась где-нибудь на дворе, под дождем, наконец пробралась сюда, спряталась за шкафом и просидела здесь в углу всю ночь, плача, дрожа от сырости, от темноты и от страха, что ее теперь больно за все это прибьют.
He took her in his arms, went back to his room, sat her on the bed, and began undressing her.	Он взял ее на руки, пошел к себе в номер, посадил на кровать и стал раздевать.
The torn shoes which she had on her stockingless feet were as wet as if they had been standing in a puddle all night.	Дырявые башмачонки ее, на босу ногу, были так мокры, как будто всю ночь пролежали в луже.
When he had undressed her, he put her on the bed, covered her up and wrapped her in the blanket from her head downwards.	Раздев, он положил ее на постель, накрыл и закутал совсем с головой в одеяло.
She fell asleep at once.	Она тотчас заснула.
Then he sank into dreary musing again.	Кончив все, он опять угрюмо задумался.
"What folly to trouble myself," he decided suddenly with an oppressive feeling of annoyance.	"Вот еще вздумал связаться! - решил он вдруг с тяжелым и злобным ощущением.
"What idiocy!"	- Какой вздор!"

In vexation he took up the candle to go and look for the ragged attendant again and make haste to go away.	В досаде взял он свечу, чтоб идти и отыскать во что бы то ни стало оборванца и поскорее уйти отсюда.
"Damn the child!" he thought as he opened the door, but he turned again to see whether the child was asleep.	"Эх, девчонка!" - подумал он с проклятием, уже растворяя дверь, но вернулся еще раз посмотреть на девочку, спит ли она и как она спит?
He raised the blanket carefully.	Он осторожно приподнял одеяло.
The child was sleeping soundly, she had got warm under the blanket, and her pale cheeks were flushed.	Девочка спала крепким и блаженным сном. Она согрелась под одеялом, и краска уже разлилась по ее бледным щечкам.
But strange to say that flush seemed brighter and coarser than the rosy cheeks of childhood.	Но странно: эта краска обозначалась как бы ярче и сильнее, чем мог быть обыкновенный детский румянец.
"It's a flush of fever," thought Svidrigailov. It was like the flush from drinking, as though she had been given a full glass to drink.	"Это лихорадочный румянец", - подумал Свидригайлов, это - точно румянец от вина, точно как будто ей дали выпить целый стакан.
Her crimson lips were hot and glowing; but what was this?	Алые губки точно горят, пышут; но что это?
He suddenly fancied that her long black eyelashes were quivering, as though the lids were opening and a sly crafty eye peeped out with an unchildlike wink, as though the little girl were not asleep, but pretending.	Ему вдруг показалось, что длинные черные ресницы ее как будто вздрагивают и мигают, как бы приподнимаются, и из-под них выглядывает лукавый, острый, какой-то недетски-подмигивающий глазок, точно девочка не спит и притворяется.
Yes, it was so. Her lips parted in a smile. The corners of her mouth quivered, as though she were trying to control them.	Да, так и есть: ее губки раздвигаются в улыбку; кончики губок вздрагивают, как бы еще сдерживаясь.
But now she quite gave up all effort, now it was a grin, a broad grin; there was something shameless, provocative in that quite unchildish face; it was depravity, it was the face of a harlot, the shameless face of a French harlot.	Но вот уже она совсем перестала сдерживаться; это уже смех, явный смех; что-то нахальное, вызывающее светится в этом совсем не детском лице; это разврат, это лицо камелии, нахальное лицо продажной камелии из француженок.
Now both eyes opened wide; they turned a glowing, shameless glance upon him; they laughed, invited him....	Вот, уже совсем не таясь, открываются оба глаза: они обводят его огненным и бесстыдным взглядом, они зовут его, смеются...
There was something infinitely hideous	Что-то бесконечно безобразное и оскорбительное было в этом смехе, в этих

and shocking in that laugh, in those eyes, in such nastiness in the face of a child.	глазах, во всей этой мерзости в лице ребенка.
"What, at five years old?" Svidrigailov muttered in genuine horror. "What does it mean?"	"Как! пятилетняя!.. - прошептал в настоящем ужасе Свидригайлов, - это... что ж это такое?"
And now she turned to him, her little face all aglow, holding out her arms....	Но вот она уже совсем поворачивается к нему всем пылающим личиком, простирает руки...
"Accursed child!" Svidrigailov cried, raising his hand to strike her, but at that moment he woke up.	"А, проклятая"! - вскричал в ужасе Свидригайлов, заносся над ней руку...
He was in the same bed, still wrapped in the blanket.	Но в ту же минуту проснулся.

The candle had not been lighted, and daylight was streaming in at the windows.	Он на той же постели, также закутанный в одеяло; свеча не зажжена, а уж в окнах белеет полный день.
"I've had nightmare all night!"	"Кошмар во всю ночь!"
He got up angrily, feeling utterly shattered; his bones ached.	Он злобно приподнялся, чувствуя, что весь разбит; кости его болели.
There was a thick mist outside and he could see nothing.	На дворе совершенно густой туман и ничего разглядеть нельзя.
It was nearly five.	Час пятый в исходе; проспал!
He had overslept himself! He got up, put on his still damp jacket and overcoat.	Он встал и надел свою жакетку и пальто, еще сырые.
Feeling the revolver in his pocket, he took it out and then he sat down, took a notebook out of his pocket and in the most conspicuous place on the title page wrote a few lines in large letters.	Нащупав в кармане револьвер, он вынул его и поправил капсюль; потом сел, вынул из кармана записную книжку и на заглавном, самом заметном листке, написал крупно несколько строк.
Reading them over, he sank into thought with his elbows on the table.	Перечитав их, он задумался, облокотясь на стол.
The revolver and the notebook lay beside him.	Револьвер и записная книжка лежали тут же, у локтя.
Some flies woke up and settled on the untouched veal, which was still on the table.	Проснувшиеся мухи лепились на нетронутую порцию телятины, стоявшую тут же на столе.
He stared at them and at last with his free	Он долго смотрел на них и, наконец, свободно правою рукой начал ловить

right hand began trying to catch one.	одну муху.
He tried till he was tired, but could not catch it.	Долго истощался он в усилиях, но никак не мог поймать.
At last, realising that he was engaged in this interesting pursuit, he started, got up and walked resolutely out of the room.	Наконец, поймав себя на этом интересном занятии, очнулся, вздрогнул, встал и решительно пошел из комнаты.
A minute later he was in the street.	Через минуту он был на улице.
A thick milky mist hung over the town.	Молочный, густой туман лежал над городом.
Svidrigailov walked along the slippery dirty wooden pavement towards the Little Neva.	Свидригайлов пошел по скользкой, грязной деревянной мостовой, по направлению к Малой Неве.
He was picturing the waters of the Little Neva swollen in the night, Petrovsky Island, the wet paths, the wet grass, the wet trees and bushes and at last the bush....	Ему мерещились высоко поднявшаяся за ночь вода Малой Невы, Петровский остров, мокрые дорожки, мокрая трава, мокрые деревья и кусты и, наконец, тот самый куст...
He began ill-humouredly staring at the houses, trying to think of something else.	С досадой стал он рассматривать дома, чтобы думать о чем-нибудь другом.
There was not a cabman or a passer-by in the street.	Ни прохожего, ни извозчика не встречалось по проспекту.
The bright yellow, wooden, little houses looked dirty and dejected with their closed shutters.	Уныло и грязно смотрели ярко-желтые деревянные домики с закрытыми ставнями.

The cold and damp penetrated his whole body and he began to shiver.	Холод и сырость прохватывали все его тело, и его стало знобить.
From time to time he came across shop signs and read each carefully.	Изредка он натыкался на лавочные и овощные вывески и каждую тщательно прочитывал.
At last he reached the end of the wooden pavement and came to a big stone house.	Вот уже кончилась деревянная мостовая. Он уже поравнялся с большим каменным домом.
A dirty, shivering dog crossed his path with its tail between its legs.	Грязная, издрогшая собачонка, с поджатым хвостом, перебежала ему дорогу.
A man in a greatcoat lay face downwards; dead drunk, across the pavement.	Какой-то мертво-пьяный, в шинели, лицом вниз, лежал поперек тротуара.
He looked at him and went on.	Он поглядел на него и пошел далее.

A high tower stood up on the left.	Высокая каланча мелькнула ему влево.
"Bah!" he shouted, "here is a place. Why should it be Petrovsky?"	"Ба! - подумал он, - да вот и место, зачем на Петровский?"
It will be in the presence of an official witness anyway...."	По крайней мере при официальном свидетеле..."
He almost smiled at this new thought and turned into the street where there was the big house with the tower.	Он чуть не усмехнулся этой новой мысли и поворотил в -скую улицу. Тут-то стоял большой дом с каланчей.
At the great closed gates of the house, a little man stood with his shoulder leaning against them, wrapped in a grey soldier's coat, with a copper Achilles helmet on his head.	У запертых больших ворот дома стоял, прислонясь к ним плечом, небольшой человечек, закутанный в серое солдатское пальто и в медной ахиллесовской каске.
He cast a drowsy and indifferent glance at Svidrigailov.	Дремлющим взглядом, холодно покосился он на подошедшего Свидригайлова.
His face wore that perpetual look of peevish dejection, which is so sourly printed on all faces of Jewish race without exception.	На лице его виднелась та вековая брюзгливая скорбь, которая так кисло отпечаталась на всех без исключения лицах еврейского племени.
They both, Svidrigailov and Achilles, stared at each other for a few minutes without speaking.	Оба они, Свидригайлов и Ахиллес, несколько времени, молча, рассматривали один другого.
At last it struck Achilles as irregular for a man not drunk to be standing three steps from him, staring and not saying a word.	Ахиллесу наконец показалось непорядком, что человек не пьян, а стоит перед ним в трех шагах, глядит в упор и ничего не говорит.
"What do you want here?" he said, without moving or changing his position.	- А-зе, сто-зе вам и здесь на-а-до? - проговорил он, все еще не шевелясь и не изменяя своего положения.
"Nothing, brother, good morning," answered Svidrigailov.	- Да ничего, брат, здравствуй! - ответил Свидригайлов.
"This isn't the place."	- Здесь не места.
"I am going to foreign parts, brother."	- Я, брат, еду в чужие края.
"To foreign parts?"	- В чужие края?
"To America."	- В Америку.
"America."	- В Америку?
Svidrigailov took out the revolver and cocked	Свидригайлов вынул револьвер и взвел

it.	курок.
Achilles raised his eyebrows.	Ахиллес приподнял брови.
"I say, this is not the place for such jokes!"	- А-зе, сто-зе, эти сутки (шутки) здесь не места!
"Why shouldn't it be the place?"	- Да почему же бы и не место?
"Because it isn't."	- А потому-зе, сто не места.
"Well, brother, I don't mind that.	- Ну, брат, это все равно.
It's a good place. When you are asked, you just say he was going, he said, to America."	Место хорошее; коли тебя станут спрашивать, так и отвечай, что поехал, дескать, в Америку.
He put the revolver to his right temple.	Он приставил револьвер к своему правому виску.
"You can't do it here, it's not the place," cried Achilles, rousing himself, his eyes growing bigger and bigger.	- А-зе здесь нельзя, здесь не места! - встрепетнулся Ахиллес, расширяя все больше и больше зрачки.
Svidrigailov pulled the trigger.	Свидригайлов спустил курок.
CHAPTER VII	VII
The same day, about seven o'clock in the evening, Raskolnikov was on his way to his mother's and sister's lodging--the lodging in Bakaleyev's house which Razumihin had found for them.	В тот же день, но уже вечером, часу в седьмом, Раскольников подходил к квартире матери и сестры своей - к той самой квартире в доме Бакалеева, где устроил их Разумихин.
The stairs went up from the street.	Вход на лестницу был с улицы.
Raskolnikov walked with lagging steps, as though still hesitating whether to go or not.	Раскольников подходил, все еще сдерживая шаг и как бы колеблясь: войти или нет?
But nothing would have turned him back: his decision was taken.	Но он бы не воротился ни за что; решение его было принято.
"Besides, it doesn't matter, they still know nothing," he thought, "and they are used to thinking of me as eccentric."	"К тому же все равно, они еще ничего не знают, - думал он, - а меня уже привыкли считать за чудака..."
He was appallingly dressed: his clothes torn and dirty, soaked with a night's rain.	Костюм его был ужасен: все грязное, пробывшее всю ночь под дождем, изорванное, истрепанное.
His face was almost distorted from fatigue, exposure, the inward conflict that had lasted for twenty-four hours.	Лицо его было почти обезображено от усталости, непогоды, физического утомления и чуть не суточной борьбы с

	самим собою.
He had spent all the previous night alone, God knows where.	Всю эту ночь провел он один, бог знает где.
But anyway he had reached a decision.	Но, по крайней мере, он решился.
He knocked at the door which was opened by his mother.	Он постучал в дверь; ему отперла мать.
Dounia was not at home.	Дунечки дома не было.
Even the servant happened to be out.	Даже и служанки на ту пору не случилось.
At first Pulcheria Alexandrovna was speechless with joy and surprise; then she took him by the hand and drew him into the room.	Пульхерия Александровна сначала онемела от радостного изумления; потом схватила его за руку и потащила в комнату.

"Here you are!" she began, faltering with joy.	- Ну вот и ты! - начала она, запинаясь от радости.
"Don't be angry with me, Rodya, for welcoming you so foolishly with tears: I am laughing not crying.	- Не сердись на меня, Родя, что я тебя так глупо встречаю, со слезами: это я смеюсь, а не плачу.
Did you think I was crying?	Ты думаешь я плачу?
No, I am delighted, but I've got into such a stupid habit of shedding tears.	Нет, это я радуюсь, а уж у меня глупая привычка такая: слезы текут.
I've been like that ever since your father's death. I cry for anything.	Это у меня со смерти твоего отца, от всего плачу.
Sit down, dear boy, you must be tired; I see you are.	Садись, голубчик, устал, должно быть, вижу.
Ah, how muddy you are."	Ах, как ты испачкался.
"I was in the rain yesterday, mother...." Raskolnikov began.	- Я под дождем вчера был, мамаша... - начал было Раскольников.
"No, no," Pulcheria Alexandrovna hurriedly interrupted, "you thought I was going to cross-question you in the womanish way I used to; don't be anxious, I understand, I understand it all: now I've learned the ways here and truly I see for myself that they are better.	- Да нет же, нет! - вскинулась Пульхерия Александровна, перебивая его, - ты думал, я тебя так сейчас и допрашивать начну, по бабьей прежней привычке, не тревожься. Я ведь понимаю, все понимаю, теперь я уж выучилась по-здешнему и, право, сама вижу, что здесь умнее.
I've made up my mind once for all: how could I understand your plans and expect you to give an account of them?	Я раз навсегда рассудила: где мне понимать твои соображения и требовать у тебя отчетов?

God knows what concerns and plans you may have, or what ideas you are hatching; so it's not for me to keep nudging your elbow, asking you what you are thinking about?	У тебя, может быть, и бог знает какие дела и планы в голове, или мысли там какие-нибудь зарождаются; так мне тебя и толкать под руку: об чем, дескать, думаешь?
But, my goodness! why am I running to and fro as though I were crazy...?	Я вот... Ах господи! Да что же это я толкусь туда и сюда, как угорелая...
I am reading your article in the magazine for the third time, Rodya. Dmitri Prokofitch brought it to me.	Я вот, Родя, твою статью в журнале читаю уже в третий раз, мне Дмитрий Прокофьевич принес.
Directly I saw it I cried out to myself: 'There, foolish one,' I thought, 'that's what he is busy about; that's the solution of the mystery!'	Так я и ахнула, как увидела: вот дура-то, думаю про себя, вот он чем занимается, вот и разгадка вещей!
Learned people are always like that. He may have some new ideas in his head just now; he is thinking them over and I worry him and upset him.'	У него, может, новые мысли в голове, на ту пору; он их обдумывает, я его мучаю и смущаю.
I read it, my dear, and of course there was a great deal I did not understand; but that's only natural--how should I?"	Читаю, друг мой, и, конечно, много не понимаю; да оно, впрочем, так и должно быть: где мне?
"Show me, mother."	- Покажите-ка, мамаша.
Raskolnikov took the magazine and glanced at his article.	Раскольников взял газетку и мельком взглянул на свою статью.

Incongruous as it was with his mood and his circumstances, he felt that strange and bitter sweet sensation that every author experiences the first time he sees himself in print; besides, he was only twenty-three.	Как ни противоречило это его положению и состоянию, но он ощутил то странное и язвительно-сладкое чувство, какое испытывает автор, в первый раз видящий себя напечатанным, к тому же и двадцать три года сказались.
It lasted only a moment.	Это продолжалось одно мгновение.
After reading a few lines he frowned and his heart throbbed with anguish.	Прочитав несколько строк, он нахмурился, и страшная тоска сжала его сердце.
He recalled all the inward conflict of the preceding months.	Вся его душевная борьба последних месяцев напомнилась ему разом.
He flung the article on the table with disgust and anger.	С отвращением и досадой отбросил он статью на стол.
"But, however foolish I may be, Rodya, I can see for myself that you will very	- Но только, Родя, как я ни глупа, но все-таки

soon be one of the leading--if not the leading man--in the world of Russian thought.	я могу судить, что ты весьма скоро будешь одним из первых людей, если не самым первым в нашем ученом мире.
And they dared to think you were mad!	И смели они про тебя думать, что ты помешался.
You don't know, but they really thought that.	Ха-ха-ха! ты не знаешь - ведь они это думали!
Ah, the despicable creatures, how could they understand genius!	Ах, низкие червяки, да где им понимать, что такое ум!
And Dounia, Dounia was all but believing it--what do you say to that?	И ведь Дунечка тоже чуть не поверила - каково?
Your father sent twice to magazines--the first time poems (I've got the manuscript and will show you) and the second time a whole novel (I begged him to let me copy it out) and how we prayed that they should be taken--they weren't!	Покойник отец твой два раза отсылал в журналы - сначала стихи (у меня и тетрадка хранится, я тебе когда-нибудь покажу), а потом уж и целую повесть (я сама выпросила, чтоб он дал мне переписать), и уж как мы молились оба, чтобы приняли, - не приняли!
I was breaking my heart, Rodya, six or seven days ago over your food and your clothes and the way you are living.	Я, Родя, дней шесть-семь назад убивалась, смотря на твое платье, как ты живешь, что ешь и в чем ходишь.
But now I see again how foolish I was, for you can attain any position you like by your intellect and talent.	А теперь вижу, что опять-таки глупа была, потому захочешь, все теперь себе сразу достанешь, умом и талантом.
No doubt you don't care about that for the present and you are occupied with much more important matters...."	Это ты покамест, значит, не хочешь теперь и гораздо важными делами занимаешься...
"Dounia's not at home, mother?"	- Дуни дома нет, мамаша?
"No, Rodya.	- Нету, Родя.
I often don't see her; she leaves me alone.	Очень часто ее дома не вижу, оставляет меня одну.
Dmitri Prokofitch comes to see me, it's so good of him, and he always talks about you.	Дмитрий Прокофьевич, спасибо ему, заходит со мной посидеть и все об тебе говорит.
He loves you and respects you, my dear.	Любит он тебя и уважает, мой друг.
I don't say that Dounia is very wanting in consideration.	Про сестру же не говорю, чтоб она уж так очень была ко мне непочтительна.
I am not complaining.	Я ведь не жалуюсь.

She has her ways and I have mine; she seems to have got some secrets of late and I never have any secrets from you two.	У ней свой характер, у меня свой; у ней свои тайны какие-то завелись; ну у меня тайн от вас нет никаких.
Of course, I am sure that Dounia has far too much sense, and besides she loves you and me... but I don't know what it will all lead to.	Конечно, я твердо уверена, что Дуня слишком умна и, кроме того, и меня и тебя любит... но уж не знаю, к чему все это приведет.
You've made me so happy by coming now, Rodya, but she has missed you by going out; when she comes in I'll tell her: 'Your brother came in while you were out. Where have you been all this time?'	Вот ты меня осчастливил теперь, Родя, что зашел, а она-то вот и прогуляла; придет, я и скажу: а без тебя брат был, а ты где изволила время проводить?
You mustn't spoil me, Rodya, you know; come when you can, but if you can't, it doesn't matter, I can wait.	Ты меня, Родя, очень-то и не балуй: можно тебе -зайди, нельзя - нечего делать, и так подожду.
I shall know, anyway, that you are fond of me, that will be enough for me.	Ведь я все-таки буду знать, что ты меня любишь, с меня и того довольно.
I shall read what you write, I shall hear about you from everyone, and sometimes you'll come yourself to see me. What could be better?	Буду вот твои сочинения читать, буду про тебя слышать ото всех, а нет-нет - и сам зайдешь проведать, чего ж лучше?
Here you've come now to comfort your mother, I see that."	Ведь вот зашел же теперь, чтоб утешить мать, я ведь вижу...
Here Pulcheria Alexandrovna began to cry.	Тут Пульхерия Александровна вдруг заплакала.
"Here I am again!	- Опять я!
Don't mind my foolishness.	Не гляди на меня, дуру!
My goodness, why am I sitting here?" she cried, jumping up. "There is coffee and I don't offer you any.	Ах господи, да что ж я сижу, - вскричала она, срываясь с места, - ведь кофей есть, а я тебя и не потчую!
Ah, that's the selfishness of old age.	Вот ведь эгоизм-то старушечий что значит.
I'll get it at once!"	Сейчас, сейчас!
"Mother, don't trouble, I am going at once.	- Маменька, оставьте это, я сейчас пойду.
I haven't come for that.	Я не для того пришел.
Please listen to me."	Пожалуйста, выслушайте меня.
Pulcheria Alexandrovna went up to him timidly.	Пульхерия Александровна робко подошла к нему.

"Mother, whatever happens, whatever you hear about me, whatever you are told about me, will you always love me as you do now?" he asked suddenly from the fullness of his heart, as though not thinking of his words and not weighing them.	- Маменька, что бы ни случилось, что бы вы обо мне ни услышали, что бы вам обо мне ни сказали, будете ли вы любить меня так, как теперь? - спросил он вдруг от полноты сердца, как бы не думая о своих словах и не взвешивая их.
"Rodya, Rodya, what is the matter?"	- Родя, Родя, что с тобою?
How can you ask me such a question?	Да как же ты об этом спрашивать можешь!
Why, who will tell me anything about you?	Да кто про тебя мне что-нибудь скажет?
Besides, I shouldn't believe anyone, I should refuse to listen."	Да я и не поверю никому, кто бы ко мне ни пришел, просто прогоню.
"I've come to assure you that I've always loved you and I am glad that we are alone, even glad Dounia is out," he went on with the same impulse. "I have come to tell you that though you will be unhappy, you must believe that your son loves you now more than himself, and that all you thought about me, that I was cruel and didn't care about you, was all a mistake.	- Я пришел вас уверить, что я вас всегда любил, и теперь рад, что мы одни, рад даже, что Дунечки нет, - продолжал он с тем же порывом, - я пришел вам сказать прямо, что хоть вы и несчастны будете, но все-таки знайте, что сын ваш любит вас теперь больше себя и что все, что вы думали про меня, что я жесток и не люблю вас, все это была неправда.
I shall never cease to love you....	Вас я никогда не перестану любить...
Well, that's enough: I thought I must do this and begin with this...."	Ну и довольно; мне казалось, что так надо сделать и этим начать...
Pulcheria Alexandrovna embraced him in silence, pressing him to her bosom and weeping gently.	Пульхерия Александровна молча обнимала его, прижимала к своей груди и тихо плакала.
"I don't know what is wrong with you, Rodya," she said at last. "I've been thinking all this time that we were simply boring you and now I see that there is a great sorrow in store for you, and that's why you are miserable.	- Что с тобой, Родя, не знаю, - сказала она наконец, - думала я все это время, что мы просто надоедаем тебе, а теперь вижу по всему, что тебе великое горе готовится, оттого ты и тоскуешь.
I've foreseen it a long time, Rodya.	Давно я уже предвижу это, Родя.
Forgive me for speaking about it. I keep thinking about it and lie awake at nights.	Прости меня, что об этом заговорила; все об этом думаю и по ночам не сплю.
Your sister lay talking in her sleep all last night, talking of nothing but you.	Эту ночь и сестра твоя всю напролет в бреду пролежала и все о тебе вспоминала.
I caught something, but I couldn't make it out.	Расслушала я что-то, а ничего не поняла.

I felt all the morning as though I were going to be hanged, waiting for something, expecting something, and now it has come!	Все утро как перед казнью ходила, чего-то ждала, предчувствовала и вот дождалась!
Rodya, Rodya, where are you going?	Родя, Родя, куда же ты?
You are going away somewhere?"	Едешь, что ли, куда-нибудь?
"Yes."	- Еду.
"That's what I thought!	- Так я и думала!
I can come with you, you know, if you need me.	Да ведь и я с тобой поехать могу, если тебе надо будет.
And Dounia, too; she loves you, she loves you dearly--and Sofya Semyonovna may come with us if you like. You see, I am glad to look upon her as a daughter even...	И Дуня; она тебя любит, она очень любит тебя, и Софья Семеновна, пожалуй, пусть с нами едет, если надо; видишь, я охотно ее вместо дочери даже возьму.
Dmitri Prokofitch will help us to go together. But... where... are you going?"	Нам Дмитрий Прокофьич поможет вместе собраться... но... куда же ты... едешь?
"Good-bye, mother."	- Прощай, маменька.
"What, to-day?" she cried, as though losing him for ever.	- Как! Сегодня же! - вскрикнула она, как бы теряя его навеки.
"I can't stay, I must go now...."	- Мне нельзя, мне пора, мне очень нужно...
"And can't I come with you?"	- И мне нельзя с тобой?
"No, but kneel down and pray to God for me.	- Нет, а вы станьте на колени и помолитесь за меня богу.
Your prayer perhaps will reach Him."	Ваша молитва, может, и дойдет.
"Let me bless you and sign you with the cross.	- Дай же я перекрещу тебя, благословлю тебя!
That's right, that's right.	Вот так, вот так.
Oh, God, what are we doing?"	О боже, что это мы делаем!
Yes, he was glad, he was very glad that there was no one there, that he was alone with his mother.	Да, он был рад, он был очень рад, что никого не было, что они были наедине с матерью.
For the first time after all those awful months his heart was softened.	Как бы за все это ужасное время разом размягчилось его сердце.
He fell down before her, he kissed her feet and both wept, embracing.	Он упал пред нею, он ей ноги целовал, и оба, обнявшись, плакали.

And she was not surprised and did not question him this time.	И она не удивлялась и не расспрашивала на этот раз.
For some days she had realised that something awful was happening to her son and that now some terrible minute had come for him.	Она уже давно понимала, что с сыном что-то ужасное происходит, а теперь приспела какая-то страшная для него минута.
"Rodya, my darling, my first born," she said sobbing, "now you are just as when you were little. You would run like this to me and hug me and kiss me. When your father was living and we were poor, you comforted us simply by being with us and when I buried your father, how often we wept together at his grave and embraced, as now.	- Родя, милый мой, первенец ты мой, - говорила она, рыдая, - вот ты теперь такой же, как был маленький, так же приходил ко мне, так же обнимал и целовал меня; еще когда мы с отцом жили и бедовали, ты утешал нас одним уже тем, что был с нами, а как я похоронила отца, - то сколько раз мы, обнявшись с тобой вот так, как теперь, на могилке его плакали.
And if I've been crying lately, it's that my mother's heart had a foreboding of trouble.	А что я давно плачу, то это сердце материнское беду предузнало.
The first time I saw you, that evening, you remember, as soon as we arrived here, I guessed simply from your eyes. My heart sank at once, and to-day when I opened the door and looked at you, I thought the fatal hour had come.	Я как только в первый раз увидела тебя тогда, вечером, помнишь, как мы только что приехали сюда, то все по твоему взгляду одному угадала, так сердце у меня тогда и дрогнуло, а сегодня как отворила тебе, взглянула, ну, думаю, видно пришел час роковой.
Rodya, Rodya, you are not going away to-day?"	Родя, Родя, ты ведь не сейчас едешь?
"No!"	- Нет.
"You'll come again?"	- Ты еще придешь?
"Yes... I'll come."	- Да... приду.
"Rodya, don't be angry, I don't dare to question you.	- Родя, не сердись, я и расспрашивать не смею.
I know I mustn't. Only say two words to me--is it far where you are going?"	Знаю, что не смею, но так, два только словечка скажи мне, далеко куда ты едешь?
"Very far."	- Очень далеко.

"What is awaiting you there? Some post or career for you?"	- Что же там, служба какая, карьера, что ли, тебе?
"What God sends... only pray for me."	- Что бог пошлет... помолитесь только за меня...

Raskolnikov went to the door, but she clutched him and gazed despairingly into his eyes.	Раскольников пошел к дверям, но она ухватилась за него и отчаянным взглядом смотрела ему в глаза.
Her face worked with terror.	Лицо ее исказилось от ужаса.
"Enough, mother," said Raskolnikov, deeply regretting that he had come.	- Довольно, маменька, - сказал Раскольников, глубоко раскаиваясь, что вздумал прийти.
"Not for ever, it's not yet for ever?"	- Не навек? Ведь еще не навек?
You'll come, you'll come to-morrow?"	Ведь ты придешь, завтра придешь?
"I will, I will, good-bye."	- Приду, приду, прощайте.
He tore himself away at last.	Он вырвался наконец.
It was a warm, fresh, bright evening; it had cleared up in the morning.	Вечер был свежий, теплый и ясный; погода разгулялась еще с утра.
Raskolnikov went to his lodgings; he made haste.	Раскольников шел в свою квартиру; он спешил.
He wanted to finish all before sunset.	Ему хотелось кончить все до заката солнца.
He did not want to meet anyone till then.	До тех же пор не хотелось бы с кем-нибудь повстречаться.
Going up the stairs he noticed that Nastasya rushed from the samovar to watch him intently.	Поднимаясь в свою квартиру, он заметил, что Настасья, оторвавшись от самовара, пристально следит за ним и провожает его глазами.
"Can anyone have come to see me?" he wondered.	"Уж нет ли кого у меня?" - подумал он.
He had a disgusted vision of Porfiry.	Ему с отвращением померещился Порфирий.
But opening his door he saw Dounia.	Но, дойдя до своей комнаты и отворив ее, он увидел Дунечку.
She was sitting alone, plunged in deep thought, and looked as though she had been waiting a long time.	Она сидела одна-одинешенька, в глубоком раздумье и, кажется, давно уже ждала его.
He stopped short in the doorway.	Он остановился на пороге.
She rose from the sofa in dismay and stood up facing him.	Она привстала с дивана в испуге и выпрямилась пред ним.
Her eyes, fixed upon him, betrayed horror and infinite grief.	Ее взгляд, неподвижно устремленный на него, изображал ужас и неутолимую скорбь.
And from those eyes alone he saw at once that she knew.	И по одному этому взгляду он уже понял сразу, что ей все известно.

"Am I to come in or go away?" he asked uncertainly.	- Что же, мне входить к тебе или уйти? - спросил он недоверчиво.
"I've been all day with Sofya Semyonovna. We were both waiting for you.	- Я целый день сидела у Софьи Семеновны; мы ждали тебя обе.
We thought that you would be sure to come there."	Мы думали, что ты непременно туда зайдешь.

Raskolnikov went into the room and sank exhausted on a chair.	Раскольников вошел в комнату и в изнеможении сел на стул.
"I feel weak, Dounia, I am very tired; and I should have liked at this moment to be able to control myself."	- Я как-то слаб, Дуня; уж очень устал; а мне бы хотелось хоть в эту-то минуту владеть собою вполне.
He glanced at her mistrustfully.	Он недоверчиво вскинул на нее глазами.
"Where were you all night?"	- Где же ты был всю ночь?
"I don't remember clearly. You see, sister, I wanted to make up my mind once for all, and several times I walked by the Neva, I remember that I wanted to end it all there, but...	- Не помню хорошо; видишь, сестра, я окончательно хотел решиться и много раз ходил близ Невы; это я помню.
I couldn't make up my mind," he whispered, looking at her mistrustfully again.	Я хотел там и покончить, но... я не решился... -прошептал он, опять недоверчиво взглядывая на Ду ^{ню} .
"Thank God!	- Слава богу!
That was just what we were afraid of, Sofya Semyonovna and I.	А как мы боялись именно этого, я и Софья Семеновна!
Then you still have faith in life? Thank God, thank God!"	Стало быть, ты в жизнь еще веруешь: слава богу, слава богу!
Raskolnikov smiled bitterly.	Раскольников горько усмехнулся.
"I haven't faith, but I have just been weeping in mother's arms; I haven't faith, but I have just asked her to pray for me.	- Я не веровал, а сейчас вместе с матерью, обнявшись, плакали; я не верую, а ее просил за себя молиться.
I don't know how it is, Dounia, I don't understand it."	Это бог знает как делается, Дунечка, и я ничего в этом не понимаю.
"Have you been at mother's?	- Ты у матери был?

Have you told her?" cried Dounia, horror-stricken.	Ты же ей и сказал? - в ужасе воскликнула Дуня.
"Surely you haven't done that?"	- Неужели ты решился сказать?
"No, I didn't tell her... in words; but she understood a great deal.	- Нет, не сказал... словами; но она многое поняла.
She heard you talking in your sleep.	Она слышала ночью, как ты бредила.
I am sure she half understands it already.	Я уверен, что она уже половину понимает.
Perhaps I did wrong in going to see her.	Я, может быть, дурно сделал, что заходил.
I don't know why I did go.	Уж и не знаю, для чего я даже и заходил-то.
I am a contemptible person, Dounia."	Я низкий человек, Дуня.
"A contemptible person, but ready to face suffering!	- Низкий человек, а на страданье готов идти!
You are, aren't you?"	Ведь ты идешь же?
"Yes, I am going.	- Иду.
At once.	Сейчас.

Yes, to escape the disgrace I thought of drowning myself, Dounia, but as I looked into the water, I thought that if I had considered myself strong till now I'd better not be afraid of disgrace," he said, hurrying on.	Да, чтоб избежать этого стыда, я и хотел утопиться, Дуня, но подумал, уже стоя над водой, что если я считал себя до сей поры сильным, то пусть же я и стыда теперь не убоюсь, - сказал он, забегаая наперед.
"It's pride, Dounia."	- Это гордость, Дуня?
"Pride, Rodya."	- Гордость, Родя.
There was a gleam of fire in his lustreless eyes; he seemed to be glad to think that he was still proud.	Как будто огонь блеснул в его потухших глазах; ему точно приятно стало, что он еще горд.
"You don't think, sister, that I was simply afraid of the water?" he asked, looking into her face with a sinister smile.	- А ты не думаешь, сестра, что я просто струсил воды? - спросил он с безобразною усмешкой, заглядывая в ее лицо.
"Oh, Rodya, hush!" cried Dounia bitterly.	- О, Родя, полно! - горько воскликнула Дуня.
Silence lasted for two minutes.	Минуты две продолжалось молчание.
He sat with his eyes fixed on the floor; Dounia stood at the other end of the table and looked at him with anguish.	Он сидел потупившись и смотрел в землю; Дунечка стояла на другом конце стола и с мучением смотрела на него.
Suddenly he got up.	Вдруг он встал:
"It's late, it's time to go!	- Поздно, пора.
I am going at once to give myself up.	Я сейчас иду предавать себя.
But I don't know why I am going to give myself up."	Но я не знаю, для чего я иду предавать себя.
Big tears fell down her cheeks.	Крупные слезы текли по щекам ее.
"You are crying, sister, but can you hold out your hand to me?"	- Ты плачешь, сестра, а можешь ты протянуть мне руку?
"You doubted it?"	- И ты сомневался в этом?
She threw her arms round him.	Она крепко обняла его.
"Aren't you half expiating your crime by facing the suffering?" she cried, holding him close and kissing him.	- Разве ты, идучи на страдание, не смываешь уже вполовину свое преступление? - вскричала она, сжимая его в объятиях и целуя его.
"Crime?"	- Преступление?
What crime?" he cried in sudden fury.	Какое преступление? - вскричал он вдруг, в

"That I killed a vile noxious insect, an old pawnbroker woman, of use to no one!... Killing her was atonement for forty sins. She was sucking the life out of poor people. Was that a crime?"	каком-то внезапном бешенстве, - то, что я убил гадкую, зловредную вошь, старушонку процентщицу, никому не нужную, которую убить сорок грехов простят, которая из бедных сок высасывала, и это-то преступление?
I am not thinking of it and I am not thinking of expiating it, and why are you all rubbing it in on all sides? 'A crime! a crime!'	Не думаю я о нем и смывать его не думаю. И что мне все тычут со всех сторон: "преступление, преступление!"
Only now I see clearly the imbecility of my cowardice, now that I have decided to face this superfluous disgrace.	Только теперь вижу ясно всю нелепость моего малодушия, теперь, как уж решился идти на этот ненужный стыд!

It's simply because I am contemptible and have nothing in me that I have decided to, perhaps too for my advantage, as that...	Просто от низости и бездарности моей решаюсь, да разве еще из выгоды, как предлагал этот...
Porfiry... suggested!"	Порфирий!..
"Brother, brother, what are you saying?"	- Брат, брат, что ты это говоришь!
Why, you have shed blood?" cried Dounia in despair.	Но ведь ты кровь пролил! - в отчаянии вскричала Дуня.
"Which all men shed," he put in almost frantically, "which flows and has always flowed in streams, which is spilt like champagne, and for which men are crowned in the Capitol and are called afterwards benefactors of mankind.	- Которую все проливают, - подхватил он чуть не в исступлении, - которая льется и всегда лилась на свете, как водопад, которую льют, как шампанское, и за которую венчают в Капитолии и называют потом благодетелем человечества.
Look into it more carefully and understand it!	Да ты взгляни только пристальнее и разгляди!
I too wanted to do good to men and would have done hundreds, thousands of good deeds to make up for that one piece of stupidity, not stupidity even, simply clumsiness, for the idea was by no means so stupid as it seems now that it has failed.... (Everything seems stupid when it fails.) By that stupidity I only wanted to put myself into an independent position, to take the first step, to obtain means, and then everything would have been smoothed over by benefits immeasurable in comparison....	Я сам хотел добра людям и сделал бы сотни, тысячи добрых дел вместо одной этой глупости, даже не глупости, а просто неловкости, так как вся эта мысль была вовсе не так глупа, как теперь она кажется, при неудаче... (При неудаче все кажется глупо!) Этою глупостью я хотел только поставить себя в независимое положение, первый шаг сделать, достичь средств, и там все бы загладилось неизмеримою, сравнительно, пользой...

But I... I couldn't carry out even the first step, because I am contemptible, that's what's the matter!	Но я, я и первого шага не выдержал, потому что я - подлец! Вот в чем все и дело!
And yet I won't look at it as you do. If I had succeeded I should have been crowned with glory, but now I'm trapped."	И все-таки вашим взглядом не стану смотреть: если бы мне удалось, то меня бы увенчали, а теперь в капкан!
"But that's not so, not so!	- Но ведь это не то, совсем не то!
Brother, what are you saying?"	Брат, что ты это говоришь!
"Ah, it's not picturesque, not aesthetically attractive!	- А! не та форма, не так эстетически хорошая форма!
I fail to understand why bombarding people by regular siege is more honourable.	Ну я решительно не понимаю: почему лупить в людей бомбами, правильной осадой, более почтенная форма?
The fear of appearances is the first symptom of impotence.	Боязнь эстетики есть первый признак бессилия!..
I've never, never recognised this more clearly than now, and I am further than ever from seeing that what I did was a crime.	Никогда, никогда яснее не сознавал я этого, как теперь, и более чем когда-нибудь не понимаю моего преступления!
I've never, never been stronger and more convinced than now."	Никогда, никогда не был я сильнее и убежденнее, чем теперь!..

The colour had rushed into his pale exhausted face, but as he uttered his last explanation, he happened to meet Dounia's eyes and he saw such anguish in them that he could not help being checked.	Краска даже ударила в его бледное, изнуренное лицо. Но, проговаривая последнее восклицание, он нечаянно встретился взглядом с глазами Дуни, и столько, столько муки за себя встретил он в этом взгляде, что невольно опомнился.
He felt that he had, anyway, made these two poor women miserable, that he was, anyway, the cause...	Он почувствовал, что все-таки сделал несчастными этих двух бедных женщин. Все-таки он же причиной...
"Dounia darling, if I am guilty forgive me (though I cannot be forgiven if I am guilty).	- Дуня, милая! Если я виновен, прости меня (хоть меня и нельзя простить, если я виновен).
Good-bye!	Прощай!
We won't dispute.	Не будем спорить!
It's time, high time to go.	Пора, очень пора.
Don't follow me, I beseech you, I have somewhere else to go....	Не ходи за мной, умоляю тебя, мне еще надо зайти...

But you go at once and sit with mother.	А поди теперь и тотчас же сядь подле матери.
I entreat you to!	Умоляю тебя об этом!
It's my last request of you.	Это последняя, самая большая моя просьба к тебе.
Don't leave her at all; I left her in a state of anxiety, that she is not fit to bear; she will die or go out of her mind.	Не отходи от нее все время; я оставил ее в тревоге, которую она вряд ли перенесет: она или умрет, или сойдет с ума.
Be with her!	Будь же с нею!
Razumihin will be with you.	Разумихин будет при вас; я ему говорил...
I've been talking to him.... Don't cry about me: I'll try to be honest and manly all my life, even if I am a murderer.	Не плачь обо мне: я постараюсь быть и мужественным, и честным, всю жизнь, хоть я и убийца.
Perhaps I shall some day make a name.	Может быть, ты услышишь когда-нибудь мое имя.
I won't disgrace you, you will see; I'll still show.... Now good-bye for the present," he concluded hurriedly, noticing again a strange expression in Dounia's eyes at his last words and promises.	Я не осрамлю вас, увидишь; я еще докажу... теперь покамест до свиданья, - поспешил он заключить, опять заметив какое-то странное выражение в глазах Дуни при последних словах и обещаниях его.
"Why are you crying?	- Что же ты так плачешь?
Don't cry, don't cry: we are not parting for ever!	Не плачь, не плачь; ведь не совсем же расстаемся!..
Ah, yes!	Ах, да!
Wait a minute, I'd forgotten!"	Постой, забыл!..
He went to the table, took up a thick dusty book, opened it and took from between the pages a little water-colour portrait on ivory.	Он подошел к столу, взял одну толстую, запыленную книгу, развернул ее и вынул заложенный между листами маленький портретик, акварелью, на слоновой кости.

It was the portrait of his landlady's daughter, who had died of fever, that strange girl who had wanted to be a nun.	Это был портрет хозяйкиной дочери, его бывшей невесты, умершей в горячке, той самой странной девушки, которая хотела идти в монастырь.
For a minute he gazed at the delicate expressive face of his betrothed, kissed the portrait and gave it to Dounia.	С минуту он всматривался в это выразительное и болезненное личико, поцеловал портрет и передал Дунечке.

"I used to talk a great deal about it to her, only to her," he said thoughtfully. "To her heart I confided much of what has since been so hideously realised.	- Вот с нею я много переговорил и об этом, с нею одной, - произнес он вдумчиво, - ее сердцу я много сообщил из того, что потом так безобразно сбылось.
Don't be uneasy," he returned to Dounia, "she was as much opposed to it as you, and I am glad that she is gone.	Не беспокойся, - обратился он к Дуне, - она не согласна была, как и ты, и я рад, что ее уж нет.
The great point is that everything now is going to be different, is going to be broken in two," he cried, suddenly returning to his dejection. "Everything, everything, and am I prepared for it?	Главное, главное в том, что все теперь пойдет по-новому, переломится надвое, - вскричал он вдруг, опять возвращаясь к тоске своей, - все, все, а приготовлен ли я к тому?
Do I want it myself?	Хочу ли я этого сам?
They say it is necessary for me to suffer!	Это, говорят, для моего испытания нужно!
What's the object of these senseless sufferings? shall I know any better what they are for, when I am crushed by hardships and idiocy, and weak as an old man after twenty years' penal servitude? And what shall I have to live for then?	К чему, к чему все эти бессмысленные испытания? К чему они, лучше ли я буду сознавать тогда, раздавленный муками, идиотством, в старческом бессилии после двадцатилетней каторги, чем теперь сознаю, и к чему мне тогда жить?
Why am I consenting to that life now?	Зачем я теперь-то соглашаюсь так жить?
Oh, I knew I was contemptible when I stood looking at the Neva at daybreak to-day!"	О, я знал, что я подлец, когда я сегодня, на рассвете, стоял над Невой!
At last they both went out.	Оба наконец вышли.
It was hard for Dounia, but she loved him.	Трудно было Дуне, но она любила его!
She walked away, but after going fifty paces she turned round to look at him again.	Она пошла, но, отойдя шагов пятьдесят, обернулась еще раз взглянуть на него.
He was still in sight.	Его еще было видно.
At the corner he too turned and for the last time their eyes met; but noticing that she was looking at him, he motioned her away with impatience and even vexation, and turned the corner abruptly.	Но, дойдя до угла, обернулся и он; в последний раз они встретились взглядами; но, заметив, что она на него смотрит, он нетерпеливо и даже с досадой махнул рукой, чтоб она шла, а сам круто повернул за угол.
"I am wicked, I see that," he thought to himself, feeling ashamed a moment later of his angry gesture to Dounia.	"Я зол, я это и вижу - думал он про себя, устыдясь чрез минуту своего досадливого жеста рукой Ду ^{не} .

"But why are they so fond of me if I don't deserve it?"	- Но зачем же они сами меня так любят, если я не стою того!
Oh, if only I were alone and no one loved me and I too had never loved anyone! _Nothing of all this would have happened._ But I wonder shall I in those fifteen or twenty years grow so meek that I shall humble myself before people and whimper at every word that I am a criminal?	О, если б я был один и никто не любил меня, и сам бы я никого никогда не любил! Не было бы всего этого! А любопытно, неужели в эти будущие пятнадцать - двадцать лет так уже смирится душа моя, что я с благоговением буду хныкать пред людьми, называя себя ко всякому слову разбойником?
Yes, that's it, that's it, that's what they are sending me there for, that's what they want.	Да, именно, именно! Для этого-то они и ссылают меня теперь, этого-то им и надобно...
Look at them running to and fro about the streets, every one of them a scoundrel and a criminal at heart and, worse still, an idiot.	Вот они снуют все по улице взад и вперед, и ведь всякий-то из них подлец и разбойник уже по натуре своей; хуже того - идиот!
But try to get me off and they'd be wild with righteous indignation.	А попробуй обойди меня ссылкой, и все они взбесятся от благородного негодования!
Oh, how I hate them all!"	О, как я их всех ненавижу!"
He fell to musing by what process it could come to pass, that he could be humbled before all of them, indiscriminately-- humbled by conviction.	Он глубоко задумался о том: "каким же это процессом может так произойти, что он наконец пред всеми ими уже без рассуждений смирится, убеждением смирится!
And yet why not?	А что ж, почему ж и нет?
It must be so.	Конечно, так и должно быть.
Would not twenty years of continual bondage crush him utterly?	Разве двадцать лет непрерывного гнета не добьют окончательно?
Water wears out a stone.	Вода камень точит.
And why, why should he live after that? Why should he go now when he knew that it would be so?	И зачем, зачем же жить после этого, зачем я иду теперь, когда сам знаю, что все это будет именно так, как по книге, а не иначе!"
It was the hundredth time perhaps that he had asked himself that question since the previous evening, but still he went.	Он уже в сотый раз, может быть, задавал себе этот вопрос со вчерашнего вечера, но все-таки шел.
CHAPTER VIII	VIII
When he went into Sonia's room, it was	Когда он вошел к Соне, уже начинались

already getting dark.	сумерки.
All day Sonia had been waiting for him in terrible anxiety.	Весь день Соня прождала его в ужасном волнении.
Dounia had been waiting with her.	Они ждали вместе с Дуней.
She had come to her that morning, remembering Svidrigailov's words that Sonia knew.	Та пришла к ней еще с утра, вспомнив вчерашние слова Свидригайлова, что Соня "об этом знает".
We will not describe the conversation and tears of the two girls, and how friendly they became.	Не станем передавать подробностей разговора и слез обеих женщин, и насколько сошлись они между собой.

Dounia gained one comfort at least from that interview, that her brother would not be alone. He had gone to her, Sonia, first with his confession; he had gone to her for human fellowship when he needed it; she would go with him wherever fate might send him.	Дуня из этого свидания, по крайней мере, вынесла одно утешение, что брат будет не один: к ней, Соне, к первой пришел он со своею исповедью; в ней искал он человека, когда ему понадобился человек; она же и пойдет за ним, куда пошлет судьба.
Dounia did not ask, but she knew it was so.	Она и не спрашивала, но знала, что это будет так.
She looked at Sonia almost with reverence and at first almost embarrassed her by it.	Она смотрела на Соню даже с каким-то благоговением и сначала почти смущала ее этим благоговейным чувством, с которым к ней относилась.
Sonia was almost on the point of tears. She felt herself, on the contrary, hardly worthy to look at Dounia.	Соня готова была даже чуть не заплакать: она, напротив, считала себя недостойною даже взглянуть на Дуню.
Dounia's gracious image when she had bowed to her so attentively and respectfully at their first meeting in Raskolnikov's room had remained in her mind as one of the fairest visions of her life.	Прекрасный образ Дуни, когда та отклонялась ей с таким вниманием и уважением во время их первого свидания у Раскольникова, с тех пор навеки остался в душе ее, как одно из самых прекрасных и недостижимых видений в ее жизни.
Dounia at last became impatient and, leaving Sonia, went to her brother's room to await him there; she kept thinking that he would come there first.	Дунечка наконец не вытерпела и оставила Соню, чтобы ждать брата в его квартире; ей все казалось, что он туда прежде придет.
When she had gone, Sonia began to be tortured by the dread of his committing suicide, and Dounia too feared it.	Оставшись одна, Соня тотчас же стала мучиться от страха при мысли, что, может быть, действительно он покончит самоубийством. Того же боялась и Дуня.

But they had spent the day trying to persuade each other that that could not be, and both were less anxious while they were together.	Но обе они весь день наперерыв разубеждали друг друга всеми доводами в том, что этого быть не может, и были спокойнее, пока были вместе.
As soon as they parted, each thought of nothing else.	Теперь же, только что разошлись, и та и другая стали об одном этом только и думать.
Sonia remembered how Svidrigailov had said to her the day before that Raskolnikov had two alternatives--Siberia or...	Соня припоминала, как вчера Свидригайлов сказал ей, что у Раскольникова две дороги -Владимирка или...
Besides she knew his vanity, his pride and his lack of faith.	Она знала к тому же его тщеславие, заносчивость, самолюбие и неверие.
"Is it possible that he has nothing but cowardice and fear of death to make him live?" she thought at last in despair.	"Неужели же одно только малодушие и боязнь смерти могут заставить его жить?" - подумала она, наконец, в отчаянии.
Meanwhile the sun was setting.	Солнце между тем уже закатывалось.
Sonia was standing in dejection, looking intently out of the window, but from it she could see nothing but the unwhitewashed blank wall of the next house.	Она грустно стояла пред окном и пристально смотрела в него, - но в окно это была видна только одна капитальная небеленая стена соседнего дома.

At last when she began to feel sure of his death--he walked into the room.	Наконец, когда уж она дошла до совершенного убеждения в смерти несчастного, - он вошел в ее комнату.
She gave a cry of joy, but looking carefully into his face she turned pale.	Радостный крик вырвался из ее груди. Но, взглянув пристально в его лицо, она вдруг побледнела.
"Yes," said Raskolnikov, smiling. "I have come for your cross, Sonia.	- Ну да! - сказал, усмехаясь, Раскольников, - я за твоими крестами, Соня.
It was you told me to go to the cross-roads; why is it you are frightened now it's come to that?"	Сама же ты меня на перекресток посылала; что ж теперь, как дошло до дела, и струсил?
Sonia gazed at him astonished.	Соня в изумлении смотрела на него.
His tone seemed strange to her; a cold shiver ran over her, but in a moment she guessed that the tone and the words were a mask.	Странен показался ей этот тон; холодная дрожь прошла было по ее телу, но чрез минуту она догадалась, что и тон, и слова эти - все было напускное.
He spoke to her looking away, as	Он и говорил-то с нею, глядя как-то в угол и

though to avoid meeting her eyes.	точно избегая заглянуть ей прямо в лицо.
"You see, Sonia, I've decided that it will be better so.	- Я, видишь, Соня, рассудил, что этак, пожалуй, будет и выгоднее.
There is one fact....	Тут есть обстоятельство...
But it's a long story and there's no need to discuss it.	Ну, да долго рассказывать, да и нечего.
But do you know what angers me?	Меня только, знаешь, что злит?
It annoys me that all those stupid brutish faces will be gaping at me directly, pestering me with their stupid questions, which I shall have to answer- they'll point their fingers at me....	Мне досадно, что все эти глупые, зверские хари обступят меня сейчас, будут пялить прямо на меня свои буркалы, задавать мне свои глупые вопросы, на которые надобно отвечать, - будут указывать пальцами...
Tfoo!	Тьфу!
You know I am not going to Porfiry, I am sick of him.	Знаешь, я не к Порфирию иду; надоел он мне.
I'd rather go to my friend, the Explosive Lieutenant; how I shall surprise him, what a sensation I shall make!	Я лучше к моему приятелю Пороху пойду, то-то удивлю, то-то эффекта в своем роде достигну.
But I must be cooler; I've become too irritable of late.	А надо бы быть хладнокровнее; слишком уж я желчен стал в последнее время.
You know I was nearly shaking my fist at my sister just now, because she turned to take a last look at me.	Веришь ли: я сейчас погрозил сестре чуть ли не кулаком за то только, что она обернулась в последний раз взглянуть на меня.
It's a brutal state to be in!	Свинство - этакое состояние!
Ah! what am I coming to!	Эх, до чего я дошел!
Well, where are the crosses?"	Ну, что же, где кресты?
He seemed hardly to know what he was doing.	Он был как бы сам не свой.

He could not stay still or concentrate his attention on anything; his ideas seemed to gallop after one another, he talked incoherently, his hands trembled slightly.	Он даже и на месте не мог устоять одной минуты, ни на одном предмете не мог сосредоточить внимания; мысли его перескакивали одна через другую, он заговаривался; руки его слегка дрожали.
Without a word Sonia took out of the drawer two crosses, one of cypress wood and one of copper. She made the sign of the cross over herself and over him, and	Соня молча вынула из ящика два креста, кипарисный и медный, перекрестилась сама, перекрестила его и надела ему на

put the wooden cross on his neck.	грудь кипарисный крестик.
"It's the symbol of my taking up the cross," he laughed.	- Это, значит, символ того, что крест беру на себя, хе-хе!
"As though I had not suffered much till now!	И точно, я до сих пор мало страдал!
The wooden cross, that is the peasant one; the copper one, that is Lizaveta's--you will wear yourself, show me!	Кипарисный, то есть простонародный; медный -это Лизаветин, себе берешь, - покажи-ка?
So she had it on... at that moment?	Так на ней он был... в ту минуту?
I remember two things like these too, a silver one and a little ikon.	Я знаю тоже подобных два креста, серебряный и образок.
I threw them back on the old woman's neck.	Я их сбросил тогда старушонке на грудь.
Those would be appropriate now, really, those are what I ought to put on now....	Вот бы те кстати теперь, право, те бы мне и надеть...
But I am talking nonsense and forgetting what matters; I'm somehow forgetful....	А впрочем, вру я все, о деле забуду; рассеян я как-то!..
You see I have come to warn you, Sonia, so that you might know... that's all--that's all I came for.	Видишь, Соня, - я, собственно, затем пришел, чтобы тебя предупредить, чтобы ты знала... Ну вот и все...
But I thought I had more to say. You wanted me to go yourself. Well, now I am going to prison and you'll have your wish. Well, what are you crying for?	Я только затем ведь и пришел. (Гм, я, впрочем, думал, что больше скажу.) Да ведь ты и сама хотела, чтоб я пошел, ну вот и буду сидеть в тюрьме, и сбудется твое желание; ну чего ж ты плачешь?
You too?	И ты тоже?
Don't. Leave off! Oh, how I hate it all!"	Перестань, полно; ох, как мне это все тяжело!
But his feeling was stirred; his heart ached, as he looked at her.	Чувство, однако же, родилось в нем; сердце его сжалось, на нее глядя.
"Why is she grieving too?" he thought to himself. "What am I to her?"	"Эта-то, эта-то чего? - думал он про себя, - я-то что ей?
Why does she weep? Why is she looking after me, like my mother or Dounia?	Чего она плачет, чего собирает меня, как мать или Дуня?
She'll be my nurse."	Нянька будет моя!"
"Cross yourself, say at least one prayer," Sonia begged in a timid broken voice.	- Перекрестись, помолись хоть раз, - дрожащим, робким голосом попросила

	Соня.
"Oh certainly, as much as you like!	- О, изволь, это сколько тебе угодно!
And sincerely, Sonia, sincerely...."	И от чистого сердца, Соня, от чистого сердца...

But he wanted to say something quite different.	Ему хотелось, впрочем, сказать что-то другое.
He crossed himself several times.	Он перекрестился несколько раз.
Sonia took up her shawl and put it over her head.	Соня схватила свой платок и накинула его на голову.
It was the green _drap de dames_ shawl of which Marmeladov had spoken, "the family shawl."	Это был зеленый драдедамовый платок, вероятно тот самый, про который упоминал тогда Мармеладов, "фамильный".
Raskolnikov thought of that looking at it, but he did not ask.	У Раскольникова мелькнула об этом мысль, но он не спросил.
He began to feel himself that he was certainly forgetting things and was disgustingly agitated.	Действительно, он уже сам стал чувствовать, что ужасно рассеян и как-то безобразно встревожен.
He was frightened at this.	Он испугался этого.
He was suddenly struck too by the thought that Sonia meant to go with him.	Его вдруг поразило и то, что Соня хочет уйти вместе с ним.
"What are you doing?	- Что ты!
Where are you going?	Ты куда?
Stay here, stay!	Оставайся, оставайся!
I'll go alone," he cried in cowardly vexation, and almost resentful, he moved towards the door.	Я один, - вскричал он в малодушной досаде и, почти озлобившись, пошел к дверям.
"What's the use of going in procession?" he muttered going out.	- И к чему тут целая свита! - бормотал он, выходя.
Sonia remained standing in the middle of the room.	Соня осталась среди комнаты.
He had not even said good-bye to her; he had forgotten her. A poignant and rebellious doubt surged in his heart.	Он даже и не простился с ней, он уже забыл о ней; одно язвительное и бунтующее сомнение вскипело в душе его.
	"Да так ли, так ли все это? - опять-

"Was it right, was it right, all this?" he thought again as he went down the stairs. "Couldn't he stop and retract it all... and not go?"	таким подумал он, сходя с лестницы, - неужели нельзя еще остановиться и опять все переправить... и не ходить?"
But still he went.	Но он все-таки шел.
He felt suddenly once for all that he mustn't ask himself questions.	Он вдруг почувствовал окончательно, что нечего себе задавать вопросы.
As he turned into the street he remembered that he had not said good-bye to Sonia, that he had left her in the middle of the room in her green shawl, not daring to stir after he had shouted at her, and he stopped short for a moment.	Выйдя на улицу, он вспомнил, что не простился с Соней, что она осталась среди комнаты, в своем зеленом платке, не смея шевельнуться от его окрика, и приостановился на миг.
At the same instant, another thought dawned upon him, as though it had been lying in wait to strike him then.	В то же мгновение вдруг одна мысль ярко озарила его, - точно ждала, чтобы поразить его окончательно.
"Why, with what object did I go to her just now?"	"Ну для чего, ну зачем я приходил к ней теперь?"
I told her--on business; on what business?	Я ей сказал: за делом; за каким же делом?

I had no sort of business!	Никакого совсем и не было дела!
To tell her I was _going_; but where was the need?	Объявить, что иду; так что же? Экая надобность!
Do I love her?	Люблю, что ли, я ее?
No, no, I drove her away just now like a dog.	Ведь нет, нет? Ведь вот отогнал ее теперь, как собаку.
Did I want her crosses?	Крестов, что ли, мне в самом деле от нее понадобилось?
Oh, how low I've sunk!	О, как низко упал я!
No, I wanted her tears, I wanted to see her terror, to see how her heart ached!	Нет, - мне слез ее надобно было, мне испуг ее видеть надобно было, смотреть, как сердце ее болит и терзается!
I had to have something to cling to, something to delay me, some friendly face to see!	Надо было хоть обо что-нибудь зацепиться, помедлить, на человека посмотреть!
And I dared to believe in myself, to dream of what I would do! I am a beggarly contemptible wretch, contemptible!"	И я смел так на себя надеяться, так мечтать о себе, нищий я, ничтожный я, подлец, подлец!"

He walked along the canal bank, and he had not much further to go.	Он шел по набережной канавы, и недалеко уж оставалось ему.
But on reaching the bridge he stopped and turning out of his way along it went to the Hay Market.	Но дойдя до моста, он приостановился и вдруг повернул на мост, в сторону, и пошел на Сенную.
He looked eagerly to right and left, gazed intently at every object and could not fix his attention on anything; everything slipped away.	Он жадно осматривался направо и налево, всматривался с напряжением в каждый предмет и ни на чем не мог сосредоточить внимания; все выскользало.
"In another week, another month I shall be driven in a prison van over this bridge, how shall I look at the canal then? I should like to remember this!" slipped into his mind.	"Вот чрез неделю, чрез месяц меня провезут куда-нибудь в этих арестантских каретах по этому мосту, как-то я тогда взгляну на эту канаву, - запомнить бы это? - мелькнуло у него в голове.
"Look at this sign! How shall I read those letters then?	- Вот эта вывеска, как-то я тогда прочту эти самые буквы?
It's written here	Вот тут написано:
'Company,' that's a thing to remember, that letter _a_, and to look at it again in a month--how shall I look at it then?	"Товарищество", ну вот и запомнить это а, букву а, и посмотреть на нее чрез месяц, на это самое а: как-то я тогда посмотрю?
What shall I be feeling and thinking then?...	Что-то я тогда буду ощущать и думать?..
How trivial it all must be, what I am fretting about now!	Боже, как это все должно быть низко, все эти мои теперешние... заботы!
Of course it must all be interesting... in its way... (Ha-ha-ha! What am I thinking about?) I am becoming a baby, I am showing off to myself; why am I ashamed?	Конечно, все это, должно быть, любопытно... в своем роде... (ха-ха-ха! об чем я думаю!) я ребенком делаюсь, я сам перед собою фанфароню; ну чего я стыжусь себя?

Foo! how people shove! that fat man--a German he must be--who pushed against me, does he know whom he pushed?	Фу, как толкаются! Вот этот толстый - немец, должно быть, - что толкнул меня: ну, знает ли он, кого толкнул?
There's a peasant woman with a baby, begging. It's curious that she thinks me happier than she is.	Баба с ребенком просит милостыню, любопытно, что она считает меня счастливее себя.
I might give her something, for the incongruity of it.	А что, вот бы и подать для курьезу.
Here's a five copeck piece left in my pocket, where did I get it?	Ба, пятак уцелел в кармане, откуда?

Here, here... take it, my good woman!"	На, на... возьми, матушка!"
"God bless you," the beggar chanted in a lachrymose voice.	- Сохрани тебя бог! - послышался плачевный голос нищей.
He went into the Hay Market.	Он вошел на Сенную.
It was distasteful, very distasteful to be in a crowd, but he walked just where he saw most people.	Ему неприятно, очень неприятно было сталкиваться с народом, но он шел именно туда, где виднелось больше народу.
He would have given anything in the world to be alone; but he knew himself that he would not have remained alone for a moment.	Он бы дал все на свете, чтоб остаться одному; но он сам чувствовал, что ни одной минуты не пробудет один.
There was a man drunk and disorderly in the crowd; he kept trying to dance and falling down.	В толпе безобразничал один пьяный: ему все хотелось плясать, но он все валился на сторону.
There was a ring round him.	Его обступили.
Raskolnikov squeezed his way through the crowd, stared for some minutes at the drunken man and suddenly gave a short jerky laugh.	Раскольников протиснулся сквозь толпу, несколько минут смотрел на пьяного и вдруг коротко и отрывисто захохотал.
A minute later he had forgotten him and did not see him, though he still stared.	Через минуту он уже забыл о нем, даже не видал его, хоть и смотрел на него.
He moved away at last, not remembering where he was; but when he got into the middle of the square an emotion suddenly came over him, overwhelming him body and mind.	Он отошел наконец, даже не помня, где он находится; но когда дошел до середины площади, с ним вдруг произошло одно движение, одно ощущение овладело им сразу, захватило его всего - с телом и мыслию.
He suddenly recalled Sonia's words,	Он вдруг вспомнил слова Сони:
"Go to the cross-roads, bow down to the people, kiss the earth, for you have sinned against it too, and say aloud to the whole world,	"Поди на перекресток, поклонись народу, поцелуй землю, потому что ты и пред ней согрешил, и скажи всему миру вслух:
' I am a murderer.'" He trembled, remembering that.	"Я убийца!"". Он весь задрожал, припомнив это.
And the hopeless misery and anxiety of all that time, especially of the last hours, had weighed so heavily upon him that he positively clutched at the chance of this new unmixed, complete sensation.	И до того уже задавила его безвыходная тоска и тревога всего этого времени, но особенно последних часов, что он так и ринулся в возможность этого цельного, нового, полного ощущения.

It came over him like a fit; it was like a single spark kindled in his soul and spreading fire through him.	Каким-то припадком оно к нему вдруг подступило: загорелось в душе одною искрой и вдруг, как огонь, охватило всего.
Everything in him softened at once and the tears started into his eyes.	Все разом в нем размягчилось, и хлынули слезы.
He fell to the earth on the spot....	Как стоял, так и упал он на землю...
He knelt down in the middle of the square, bowed down to the earth, and kissed that filthy earth with bliss and rapture.	Он стал на колени среди площади, поклонился до земли и поцеловал эту грязную землю, с наслаждением и счастьем.
He got up and bowed down a second time.	Он встал и поклонился в другой раз.
"He's boozed," a youth near him observed.	- Ишь нахлестался! - заметил подле него один парень.
There was a roar of laughter.	Раздался смех.
"He's going to Jerusalem, brothers, and saying good-bye to his children and his country. He's bowing down to all the world and kissing the great city of St. Petersburg and its pavement," added a workman who was a little drunk.	- Это он в Иерусалим идет, братцы, с детьми, с родиной прощается, всему миру поклоняется, столичный город Санкт-Петербург и его грунт лобызает, - прибавил какой-то пьяненький из мещан.
"Quite a young man, too!" observed a third.	- Парнишка еще молодой! - ввернул третий.
"And a gentleman," someone observed soberly.	- Из благородных! - заметил кто-то солидным голосом.
"There's no knowing who's a gentleman and who isn't nowadays."	- Ноне не разберешь, кто благородный, кто нет.
These exclamations and remarks checked Raskolnikov, and the words, "I am a murderer," which were perhaps on the point of dropping from his lips, died away.	Все эти отклики и разговоры сдержали Раскольникова, и слова "я убил", может быть, готовившиеся слететь у него с языка, замерли в нем.
He bore these remarks quietly, however, and, without looking round, he turned down a street leading to the police office.	Он спокойно, однако ж, вынес все эти крики и, не озираясь, пошел прямо чрез переулок по направлению к конторе.
He had a glimpse of something on the way which did not surprise him; he had felt that it must be so.	Одно видение мелькнуло пред ним дорогой, но он не удивился ему; он уже предчувствовал, что так и должно быть.
The second time he bowed down in the Hay Market he saw, standing fifty paces from him	В то время, когда он, на Сенной, поклонился до земли в другой раз,

on the left, Sonia.	оборотившись влево, шагах в пятидесяти от себя, он увидел Соню.
She was hiding from him behind one of the wooden shanties in the market-place. She had followed him then on his painful way!	Она пряталась от него за одним из деревянных бараков, стоявших на площади, стало быть, она сопровождала все его скорбное шествие!
Raskolnikov at that moment felt and knew once for all that Sonia was with him for ever and would follow him to the ends of the earth, wherever fate might take him.	Раскольников почувствовал и понял в эту минуту, раз навсегда, что Соня теперь с ним навеки и пойдет за ним хоть на край света, куда бы ему ни вышла судьба.
It wrung his heart... but he was just reaching the fatal place.	Все сердце его перевернулось... но - вот уж он и дошел до рокового места...
He went into the yard fairly resolutely.	Он довольно бодро вошел во двор.
He had to mount to the third storey.	Надо было подняться в третий этаж.
"I shall be some time going up," he thought.	"Покамест еще подымусь", - подумал он.

He felt as though the fateful moment was still far off, as though he had plenty of time left for consideration.	Вообще ему казалось, что до роковой минуты еще далеко, еще много времени остается, о многом еще можно передумать.
Again the same rubbish, the same eggshells lying about on the spiral stairs, again the open doors of the flats, again the same kitchens and the same fumes and stench coming from them.	Опять тот же сор, те же скорлупы на винтообразной лестнице, опять двери квартир отворены настежь, опять те же кухни, из которых несет чад и вонь.
Raskolnikov had not been here since that day.	Раскольников с тех пор здесь не был.
His legs were numb and gave way under him, but still they moved forward.	Ноги его немели и подгибались, но шли.
He stopped for a moment to take breath, to collect himself, so as to enter _like a man_.	Он остановился на мгновение, чтобы перевести дух, чтоб оправиться, чтобы войти человеком.
"But why? what for?" he wondered, reflecting.	"А для чего? зачем? - подумал он вдруг, осмыслив свое движение.
"If I must drink the cup what difference does it make?	- Если уж надо выпить эту чашу, то не все ли уж равно?
The more revolting the better."	Чем гаже, тем лучше.
He imagined for an instant the figure of the	- В воображении его мелькнула в это

"explosive lieutenant," Ilya Petrovitch.	мгновение фигура Ильи Петровича Пороха.
Was he actually going to him?	- Неужели в самом деле к нему?
Couldn't he go to someone else?	А нельзя ли к другому?
To Nikodim Fomitch?	Нельзя ли к Никодиму Фомичу?
Couldn't he turn back and go straight to Nikodim Fomitch's lodgings?	Поворотить сейчас и пойти к самому надзирателю на квартиру?
At least then it would be done privately....	По крайней мере, обойдется домашним образом...
No, no!	Нет, нет!
To the "explosive lieutenant"!	К Пороху, к Пороху!
If he must drink it, drink it off at once.	Пить, так пить все разом..."
Turning cold and hardly conscious, he opened the door of the office.	Похолодев и чуть-чуть себя помня, отворил он дверь в контору.
There were very few people in it this time--only a house porter and a peasant.	На этот раз в ней было очень мало народу, стоял какой-то дворник и еще какой-то простолюдин.
The doorkeeper did not even peep out from behind his screen.	Сторож и не выглядывал из своей перегородки.
Raskolnikov walked into the next room.	Раскольников прошел в следующую комнату.
"Perhaps I still need not speak," passed through his mind.	"Может, еще можно будет и не говорить", -мелькнуло в нем.
Some sort of clerk not wearing a uniform was settling himself at a bureau to write.	Тут одна какая-то личность из писцов, в приватном сюртуке, прилаживалась что-то писать у бюро.
In a corner another clerk was seating himself.	В углу усаживался еще один писарь.

Zametov was not there, nor, of course, Nikodim Fomitch.	Заметова не было. Никодима Фомича, конечно, тоже не было.
"No one in?" Raskolnikov asked, addressing the person at the bureau.	- Никого нет? - спросил было Раскольников, обращаясь к личности у бюро.
"Whom do you want?"	- А вам кого?
"A-ah!"	- А-а-а!
Not a sound was heard, not a sight was seen,	Слыхом не слышать, видом не видеть, а

but I scent the Russian... how does it go on in the fairy tale... I've forgotten!	русский дух... как это в там сказке... забыл!
'At your service!'" a familiar voice cried suddenly.	М-мае п-пачтенье! - вскричал вдруг знакомый голос.
Raskolnikov shuddered.	Раскольников задрожал.
The Explosive Lieutenant stood before him. He had just come in from the third room.	Пред ним стоял Порох, он вдруг вышел из третьей комнаты.
"It is the hand of fate," thought Raskolnikov. "Why is he here?"	"Это сама судьба, - подумал Раскольников, -почему он тут?
"You've come to see us?	- К нам?
What about?" cried Ilya Petrovitch. He was obviously in an exceedingly good humour and perhaps a trifle exhilarated.	По какому? - восклицал Илья Петрович. (Он был, по-видимому, в превосходнейшем и даже капельку в возбужденном состоянии духа.) -Если по делу, то еще рано пожаловали.
"If it's on business you are rather early.[*] It's only a chance that I am here... however I'll do what I can.	Я сам по случаю... А впрочем, чем могу.
I must admit, I... what is it, what is it?	Я признаюсь вам... как? как?
Excuse me...."	Извините...
[*] Dostoevsky appears to have forgotten that it is after sunset, and that the last time Raskolnikov visited the police office at two in the afternoon he was reproached for coming too late.--TRANSLATOR.	- Раскольников.
"Raskolnikov." "Of course, Raskolnikov.	- Ну что: Раскольников!
You didn't imagine I'd forgotten?	И неужели вы могли предположить, что я забыл!
Don't think I am like that...	Вы уж, пожалуйста, меня не считайте за такого...
Rodion Ro--Ro--Rodionovitch, that's it, isn't it?"	Родион Ро... Ро... Родионыч, так, кажется?
"Rodion Romanovitch."	- Родион Романыч.
"Yes, yes, of course, Rodion Romanovitch!	- Да, да-да! Родион Романыч, Родион Романыч!
I was just getting at it.	Этого-то я и добивался.
I made many inquiries about you.	Даже многократно справлялся.

I assure you I've been genuinely grieved since that... since I behaved like that... it was explained to me afterwards that you were a literary man... and a learned one too... and so to say the first steps...	Я, признаюсь вам, с тех пор искренно горевал, что мы так тогда с вами... мне потом объяснили, я узнал, что молодой литератор и даже ученый... и, так сказать, первые шаги...
Mercy on us!	О господи!
What literary or scientific man does not begin by some originality of conduct!	Да кто же из литераторов и ученых первоначально не делал оригинальных шагов!
My wife and I have the greatest respect for literature, in my wife it's a genuine passion!	Я и жена моя - мы оба уважаем литературу, а жена - так до страсти!..
Literature and art!	Литературу и художественность!
If only a man is a gentleman, all the rest can be gained by talents, learning, good sense, genius.	Был бы благороден, а прочее все можно приобрести талантами, знанием, рассудком, гением!
As for a hat--well, what does a hat matter?	Шляпа - ну что, например, значит шляпа?
I can buy a hat as easily as I can a bun; but what's under the hat, what the hat covers, I can't buy that!	Шляпа есть блин, я ее у Циммермана куплю; но что под шляпой сохраняется и шляпой прикрывается, того уж я не куплю-с!..
I was even meaning to come and apologise to you, but thought maybe you'd...	Я, признаюсь, хотел даже к вам идти объясниться, да думал, может, вы...
But I am forgetting to ask you, is there anything you want really?	Однако ж и не спрошу: вам и в самом деле что-нибудь надо?
I hear your family have come?"	К вам, говорят, родные приехали?
"Yes, my mother and sister."	- Да, мать и сестра.
"I've even had the honour and happiness of meeting your sister--a highly cultivated and charming person.	- Имел даже честь и счастье встретить вашу сестру, - образованная и прелестная особа.
I confess I was sorry I got so hot with you.	Признаюсь, я пожалел, что мы тогда с вами до того разгорячились.
There it is!	Казус!
But as for my looking suspiciously at your fainting fit--that affair has been cleared up splendidly!	А что я вас тогда, по поводу вашего обморока, некоторым взглядом окинул, - то потом оно самым блистательным образом объяснилось!

Bigotry and fanaticism!	Изуверство и фанатизм!
I understand your indignation.	Понимаю ваше негодование.
Perhaps you are changing your lodging on account of your family's arriving?"	Может быть, по поводу прибывшего семейства квартиру переменяете?
"No, I only looked in...	- Н-нет, я только так...
I came to ask... I thought that I should find Zametov here."	Я зашел спросить... я думал, что найду здесь Заметова.
"Oh, yes!	- Ах, да!
Of course, you've made friends, I heard.	Ведь вы подружились; слышал-с.
Well, no, Zametov is not here.	Ну, Заметова у нас нет, - не застали.

Yes, we've lost Zametov.	Да-с, лишились мы Александра Григорьевича!
He's not been here since yesterday... he quarrelled with everyone on leaving... in the rudest way.	Со вчерашнего дня в наличии не имеется; перешел... и, переходя, со всеми даже перебрался... так даже невежливо...
He is a feather-headed youngster, that's all; one might have expected something from him, but there, you know what they are, our brilliant young men.	Ветреный мальчишка, больше ничего; даже надежды мог подавать; да вот, подите с ними, с блистательным-то юношеством нашим!
He wanted to go in for some examination, but it's only to talk and boast about it, it will go no further than that.	Экзамен, что ли, какой-то хочет держать, да ведь у нас только бы поговорить да пофанфаронить, тем экзамен и кончится.
Of course it's a very different matter with you or Mr. Razumihin there, your friend.	Ведь это не то, что, например, вы али там господин Разумихин, ваш друг!
Your career is an intellectual one and you won't be deterred by failure.	Ваша карьера - ученая часть, и вас уже не собьют неудачи!
For you, one may say, all the attractions of life _nihil est_--you are an ascetic, a monk, a hermit!...	Вам все эти красоты жизни, можно сказать, -nihil est, аскет, монах, отшельник!...
A book, a pen behind your ear, a learned research--that's where your spirit soars!	Для вас книга, перо за ухом, ученые исследования - вот где парит ваш дух!
I am the same way myself.... Have you read Livingstone's Travels?"	Я сам отчасти... записки Ливингстона изволили читать?
"No."	- Нет.
"Oh, I have.	- А я читал.
There are a great many Nihilists about nowadays, you know, and indeed it is not to be wondered at. What sort of days are they?	Нынче, впрочем, очень много нигилистов распространилось; ну да ведь оно и понятно; времена-то какие, я вас спрошу?
I ask you. But we thought... you are not a Nihilist of course?	А впрочем, я с вами... ведь вы, уж конечно, не нигилист!
Answer me openly, openly!"	Отвечайте откровенно, откровенно!
"N-no..."	- Н-нет...
"Believe me, you can speak openly to me as you would to yourself!	- Нет, знаете, вы со мной откровенно, вы не стесняйтесь, как бы наедине сам себе!

Official duty is one thing but... you are thinking I meant to say _friendship_ is quite another? No, you're wrong!	Иное дело служба, иное дело... вы думали, я хотел сказать: дружба, нет-с, не угадали!
It's not friendship, but the feeling of a man and a citizen, the feeling of humanity and of love for the Almighty.	Не дружба, а чувство гражданина и человека, чувство гуманности и любви ко всевышнему.
I may be an official, but I am always bound to feel myself a man and a citizen....	Я могу быть и официальным лицом, и при должности, но гражданина и человека я всегда ощущать в себе обязан и дать отчет...
You were asking about Zametov.	Вы вот изволили заговорить про Заметова.

Zametov will make a scandal in the French style in a house of bad reputation, over a glass of champagne... that's all your Zametov is good for!	Заметов, он соскандалит что-нибудь на французский манер в неприличном заведении, за стаканом шампанского или донского, - вот что такое ваш Заметов!
While I'm perhaps, so to speak, burning with devotion and lofty feelings, and besides I have rank, consequence, a post!	А я, может быть, так сказать, сгорел от преданности и высоких чувств и сверх того имею значение, чин, занимаю место!
I am married and have children, I fulfil the duties of a man and a citizen, but who is he, may I ask?	Женат и имею детей. Исполняю долг гражданина и человека, а он кто, позвольте спросить?
I appeal to you as a man ennobled by education...	Отношусь к вам, как к человеку, облагороженному образованием.
Then these midwives, too, have become extraordinarily numerous."	Вот еще этих повивальных бабок чрезмерно много распространяется.
Raskolnikov raised his eyebrows inquiringly.	Раскольников поднял вопросительно брови.
The words of Ilya Petrovitch, who had obviously been dining, were for the most part a stream of empty sounds for him.	Слова Ильи Петровича, очевидно недавно вышедшего из-за стола, стучали и сыпались перед ним большею частью как пустые звуки.
But some of them he understood. He looked at him inquiringly, not knowing how it would end.	Но часть их он все-таки кое-как понимал; он глядел вопросительно и не знал, чем все это кончится.
"I mean those crop-headed wenches," the talkative Ilya Petrovitch continued. "Midwives is	- Я говорю про этих стриженных девок, - продолжал словоохотливый Илья Петрович, - я прозвал их сам от себя повивальными бабками и нахожу, что

my name for them. I think it a very satisfactory one, ha-ha!	прозвание совершенно удовлетворительно. Хе! хе!
They go to the Academy, study anatomy. If I fall ill, am I to send for a young lady to treat me? What do you say?	Лезут в академию, учатся анатомии; ну, скажите, я вот заболею, ну позову ли я девицу лечить себя?
Ha-ha!"	Хе! хе!
Ilya Petrovitch laughed, quite pleased with his own wit.	Илья Петрович хохотал, вполне довольный своими остротами.
"It's an immoderate zeal for education, but once you're educated, that's enough.	- Оно, положим, жажда к просвещению неумеренная; но ведь просветился, и довольно.
Why abuse it?	Зачем же злоупотреблять?
Why insult honourable people, as that scoundrel Zametov does?	Зачем же оскорблять благородные личности, как делает негодяй Заметов?
Why did he insult me, I ask you?	Зачем он меня оскорбил, я вас спрошу?
Look at these suicides, too, how common they are, you can't fancy!	Вот еще сколько этих самоубийств распространилось, - так это вы представить не можете.
People spend their last halfpenny and kill themselves, boys and girls and old people.	Все это проживает последние деньги и убивает самого себя. Девчонки, мальчишки, старцы...
Only this morning we heard about a gentleman who had just come to town.	Вот еще сегодня утром сообщено о каком-то недавно приехавшем господине.

Nil Pavlitch, I say, what was the name of that gentleman who shot himself?"	Нил Павлыч, а Нил Павлыч! как его, джентльмена-то, о котором сообщили давеча, застрелился-то на Петербургской?
"Svidrigailov," someone answered from the other room with drowsy listlessness.	- Свидригайлов, - сипло и безучастно ответил кто-то из другой комнаты.
Raskolnikov started.	Раскольников вздрогнул.
"Svidrigailov!	- Свидригайлов!
Svidrigailov has shot himself!" he cried.	Свидригайлов застрелился! - вскричал он.
"What, do you know Svidrigailov?"	- Как! Вы знаете Свидригайлова?
"Yes...	- Да... знаю...

I knew him....	Он недавно приехал...
He hadn't been here long." "Yes, that's so. He had lost his wife, was a man of reckless habits and all of a sudden shot himself, and in such a shocking way.... He left in his notebook a few words: that he dies in full possession of his faculties and that no one is to blame for his death.	- Ну да, недавно приехал, жены лишился, человек поведения забубенного, и вдруг застрелился, и так скандально, что представить нельзя... оставил в своей записной книжке несколько слов, что он умирает в здравом рассудке и просит никого не винить в его смерти.
He had money, they say.	Этот деньги, говорят, имел.
How did you come to know him?"	Вы как же изволите знать?
"I... was acquainted... my sister was governess in his family."	- Я... знаком... моя сестра жила у них в доме гувернанткой...
"Bah-bah-bah!	- Ба, ба, ба...
Then no doubt you can tell us something about him.	Да вы нам, стало быть, можете о нем сообщить.
You had no suspicion?"	А вы и не подозревали?
"I saw him yesterday... he... was drinking wine; I knew nothing."	- Я вчера его видел... он... пил вино... я ничего не знал.
Raskolnikov felt as though something had fallen on him and was stifling him.	Раскольников чувствовал, что на него как бы что-то упало и его придавило.
"You've turned pale again.	- Вы опять как будто побледнели.
It's so stuffy here..."	У нас здесь такой спертый дух...
"Yes, I must go," muttered Raskolnikov. "Excuse my troubling you...."	- Да, мне пора-с, - пробормотал Раскольников, -извините, беспокоил...
"Oh, not at all, as often as you like.	- О, помилуйте, сколько угодно!
It's a pleasure to see you and I am glad to say so."	Удовольствие доставили, и я рад заявить...
Ilya Petrovitch held out his hand.	Илья Петрович даже руку протянул.
"I only wanted... I came to see Zametov."	- Я хотел только... я к Заметову...
"I understand, I understand, and it's a pleasure to see you."	- Понимаю, понимаю, и доставили удовольствие.
"I... am very glad... good-bye," Raskolnikov smiled.	- Я... очень рад... до свидания-с... - улыбался Раскольников.

He went out; he reeled, he was overtaken with giddiness and did not know what he was doing.	Он вышел; он качался. Голова его кружилась. Он не чувствовал, стоит ли он на ногах.
---	---

He began going down the stairs, supporting himself with his right hand against the wall.	Он стал сходить с лестницы, упираясь правой рукой об стену.
He fancied that a porter pushed past him on his way upstairs to the police office, that a dog in the lower storey kept up a shrill barking and that a woman flung a rolling-pin at it and shouted.	Ему показалось, что какой-то дворник, с книжкой в руке, толкнул его, взбираясь навстречу ему в контору; что какая-то собачонка заливалась-лаяла где-то в нижнем этаже и что какая-то женщина бросила в нее скалкой и закричала.
He went down and out into the yard.	Он сошел вниз и вышел во двор.
There, not far from the entrance, stood Sonia, pale and horror-stricken. She looked wildly at him.	Тут на дворе, недалеко от выхода, стояла бледная, вся помертвевшая, Соня и дико, дико на него посмотрела.
He stood still before her.	Он остановился перед нею.
There was a look of poignant agony, of despair, in her face.	Что-то больное и измученное выразилось в лице ее, что-то отчаянное.
She clasped her hands.	Она всплеснула руками.
His lips worked in an ugly, meaningless smile.	Безобразная, потерянная улыбка выдавилась на его устах.
He stood still a minute, grinned and went back to the police office.	Он постоял, усмехнулся и поворотил наверх, опять в контору.
Ilya Petrovitch had sat down and was rummaging among some papers.	Илья Петрович уселся и рылся в каких-то бумагах.
Before him stood the same peasant who had pushed by on the stairs.	Перед ним стоял тот самый мужик, который только что толкнул Раскольникова, взбираясь по лестнице.
"Hulloa!	- А-а-а?
Back again! have you left something behind?	Вы опять! Оставили что-нибудь?..
What's the matter?"	Но что с вами?
Raskolnikov, with white lips and staring eyes, came slowly nearer. He walked right to the table, leaned his hand on it, tried to say something, but could not; only incoherent sounds were audible.	Раскольников с побледневшими губами, с неподвижным взглядом тихо приблизился к нему, подошел к самому столу, уперся в него рукой, хотел что-то сказать, но не мог; слышались лишь какие-то бессвязные звуки.
"You are feeling ill, a chair!	- С вами дурно, стул!
Here, sit down!	Вот, сядьте на стул, садитесь!

Some water!"	Воды!
Raskolnikov dropped on to a chair, but he kept his eyes fixed on the face of Ilya Petrovitch, which expressed unpleasant surprise.	Раскольников опустился на стул, но не спускал глаз с лица весьма неприятно удивленного Ильи Петровича.
Both looked at one another for a minute and waited.	Оба с минуту смотрели друг на друга и ждали.
Water was brought.	Принесли воды.
"It was I..." began Raskolnikov.	- Это я ... - начал было Раскольников.

"Drink some water."	- Выпейте воды.
Raskolnikov refused the water with his hand, and softly and brokenly, but distinctly said:	Раскольников отвел рукой воду и тихо, с расстановкой, но внятно проговорил:
"_It was I killed the old pawnbroker woman and her sister Lizaveta with an axe and robbed them._"	- Это я убил тогда старуху-чиновницу и сестру ее Лизавету топором и ограбил.
Ilya Petrovitch opened his mouth.	Илья Петрович раскрыл рот.
People ran up on all sides.	Со всех сторон сбежались.
Raskolnikov repeated his statement.	Раскольников повторил свое показание.....
EPILOGUE	ЭПИЛОГ
I	I
Siberia.	Сибирь.
On the banks of a broad solitary river stands a town, one of the administrative centres of Russia; in the town there is a fortress, in the fortress there is a prison.	На берегу широкой, пустынной реки стоит город, один из административных центров России; в городе крепость, в крепости острог.
In the prison the second-class convict Rodion Raskolnikov has been confined for nine months.	В остроге уже девять месяцев заключен ссыльно-каторжный второго разряда, Родион Раскольников.
Almost a year and a half has passed since his crime.	Со дня преступления его прошло почти полтора года.
There had been little difficulty about his trial.	Судопроизводство по делу его прошло без больших затруднений.
The criminal adhered exactly, firmly, and	Преступник твердо, точно и ясно поддерживал

clearly to his statement. He did not confuse nor misrepresent the facts, nor soften them in his own interest, nor omit the smallest detail.	свое показание, не запутывая обстоятельств, не смягчая их в свою пользу, не искажая фактов, не забывая мельчайшей подробности.
He explained every incident of the murder, the secret of _the pledge_ (the piece of wood with a strip of metal) which was found in the murdered woman's hand. He described minutely how he had taken her keys, what they were like, as well as the chest and its contents; he explained the mystery of Lizaveta's murder; described how Koch and, after him, the student knocked, and repeated all they had said to one another; how he afterwards had run downstairs and heard Nikolay and Dmitri shouting; how he had hidden in the empty flat and afterwards gone home. He ended by indicating the stone in the yard off the Voznesensky Prospect under which the purse and the trinkets were found.	Он рассказал до последней черты весь процесс убийства: разъяснил тайну заклада (деревянной дощечки с металлической полоской), который оказался у убитой старухи в руках; рассказал подробно о том, как взял у убитой ключи, описал эти ключи, описал укладку и чем она была наполнена; даже исчислил некоторые из отдельных предметов, лежавших в ней; разъяснил загадку об убийстве Лизаветы; рассказал о том, как приходил и стучался Кох, а за ним студент, передав все, что они между собой говорили; как он, преступник, сбежал потом с лестницы и слышал визг Миколки и Митьки; как он спрятался в пустой квартире, пришел домой, и в заключение указал камень на дворе, на Вознесенском проспекте, под воротами, под которыми найдены были вещи и кошелек.
The whole thing, in fact, was perfectly clear.	Одним словом, дело вышло ясное.
The lawyers and the judges were very much struck, among other things, by the fact that he had hidden the trinkets and the purse under a stone, without making use of them, and that, what was more, he did not now remember what the trinkets were like, or even how many there were.	Следователи и судьи очень удивлялись, между прочим, тому, что он спрятал кошелек и вещи под камень, не воспользовавшись ими, а пуще всего тому, что он не только не помнил в подробности всех вещей, собственно им похищенных, но даже в числе их ошибся.
The fact that he had never opened the purse and did not even know how much was in it seemed incredible. There turned out to be in the purse three hundred and seventeen roubles and sixty copecks. From being so long under the stone, some of the most valuable notes lying uppermost had suffered from the damp.	То, собственно, обстоятельство, что он ни разу не открыл кошелька и не знал даже, сколько именно в нем лежит денег, показалось невероятным (в кошельке оказалось триста семнадцать рублей серебром и три двугривенных; от долгого лежания под камнем некоторые верхние, самые крупные, бумажки чрезвычайно испортились).
They were a long while trying to discover why the accused man should tell a lie	Долго добивались разузнать: почему именно

about this, when about everything else he had made a truthful and straightforward confession.	подсудимый в одном этом обстоятельстве лжет, тогда как во всем другом сознается добровольно и правдиво?
Finally some of the lawyers more versed in psychology admitted that it was possible he had really not looked into the purse, and so didn't know what was in it when he hid it under the stone. But they immediately drew the deduction that the crime could only have been committed through temporary mental derangement, through homicidal mania, without object or the pursuit of gain.	Наконец, некоторые (особенно из психологов) допустили даже возможность того, что и действительно он не заглядывал в кошелек, а потому и не знал, что в нем было, и, не зная, так и снес под камень, но тут же из этого и заключили, что самое преступление не могло иначе и случиться как при некотором временном умопомешательстве, так сказать, при болезненной мономании убийства и грабежа, без дальнейших целей и расчетов на выгоду.
This fell in with the most recent fashionable theory of temporary insanity, so often applied in our days in criminal cases.	Тут, кстати, подросла новейшая модная теория временного умопомешательства, которую так часто стараются применять в наше время к иным преступникам.
Moreover Raskolnikov's hypochondriacal condition was proved by many witnesses, by Dr. Zossimov, his former fellow students, his landlady and her servant.	К тому же давнишнее ипохондрическое состояние Раскольникова было заявлено до точности многими свидетелями, доктором Зосимовым, прежними его товарищами, хозяйкой, прислугой.
All this pointed strongly to the conclusion that Raskolnikov was not quite like an ordinary murderer and robber, but that there was another element in the case.	Все это сильно способствовало заключению, что Раскольников не совсем похож на обыкновенного убийцу, разбойника и грабителя, но что тут что-то другое.
To the intense annoyance of those who maintained this opinion, the criminal scarcely attempted to defend himself. To the decisive question as to what motive impelled him to the murder and the robbery, he answered very clearly with the coarsest frankness that the cause was his miserable position, his poverty and helplessness, and his desire to provide for his first steps in life by the help of the three thousand roubles he had reckoned on finding.	К величайшей досаде защищавших это мнение, сам преступник почти не пробовал защищать себя; на окончательные вопросы: что именно могло склонить его к смертоубийству и что побудило его совершить грабеж, он отвечал весьма ясно, с самою грубою точностью, что причиной всему было его скверное положение, его нищета и беспомощность, желание упрочить первые шаги своей жизненной карьеры с помощью, по крайней мере, трех тысяч рублей, которые он рассчитывал найти у убитой.
He had been led to the murder through his shallow and cowardly nature, exasperated moreover by privation and failure.	Решился же он на убийство вследствие своего легкомысленного и малодушного характера, раздраженного, сверх того, лишениями и неудачами.

To the question what led him to confess, he answered that it was his heartfelt repentance.	На вопросы же, что именно побудило его явиться с повинною, прямо отвечал, что чистосердечное раскаяние.
All this was almost coarse....	Все это было почти уже грубо...
The sentence however was more merciful than could have been expected, perhaps partly because the criminal had not tried to justify himself, but had rather shown a desire to exaggerate his guilt.	Приговор, однако ж, оказался милостивее, чем можно было ожидать, судя по совершенному преступлению, и, может быть, именно потому, что преступник не только не хотел оправдываться, но даже как бы изъявлял желание сам еще более обвинить себя.
All the strange and peculiar circumstances of the crime were taken into consideration.	Все странные и особенные обстоятельства дела были приняты во внимание.
There could be no doubt of the abnormal and poverty-stricken condition of the criminal at the time.	Болезненное и бедственное состояние преступника до совершения преступления не подвергалось ни малейшему сомнению.
The fact that he had made no use of what he had stolen was put down partly to the effect of remorse, partly to his abnormal mental condition at the time of the crime.	То, что он не воспользовался ограбленным, зачтено частью за действие пробудившегося раскаяния, частью за несовершенно здоровое состояние умственных способностей во время совершения преступления.
Incidentally the murder of Lizaveta served indeed to confirm the last hypothesis: a man commits two murders and forgets that the door is open!	Обстоятельство нечаянного убийства Лизаветы даже послужило примером, подкрепляющим последнее предположение: человек совершает два убийства и в то же время забывает, что дверь стоит отпертая!
Finally, the confession, at the very moment when the case was hopelessly muddled by the false evidence given by Nikolay through melancholy and fanaticism, and when, moreover, there were no proofs against the real criminal, no suspicions even (Porfiry Petrovitch fully kept his word)--all this did much to soften the sentence.	Наконец, явка с повинною, в то самое время, когда дело необыкновенно запуталось вследствие ложного показания на себя упавшего духом изувера (Николая) и, кроме того, когда на настоящего преступника не только ясных улик, но даже и подозрений почти не имелось (Порфирий Петрович вполне сдержал слово), все это окончательно способствовало смягчению участи обвиненного.
Other circumstances, too, in the prisoner's favour came out quite unexpectedly.	Объявились, кроме того, совершенно неожиданно и другие обстоятельства, сильно благоприятствовавшие подсудимому.
Razumihin somehow discovered and proved that while Raskolnikov was at the	Бывший студент Разумихин откопал откуда-то сведения и представил доказательства, что преступник Раскольников, в бытность свою в

<p>university he had helped a poor consumptive fellow student and had spent his last penny on supporting him for six months, and when this student died, leaving a decrepit old father whom he had maintained almost from his thirteenth year, Raskolnikov had got the old man into a hospital and paid for his funeral when he died.</p>	<p>университете, из последних средств помогал одному своему бедному и чахоточному университетскому товарищу и почти содержал его в продолжение полугода. Когда же тот умер, ходил за оставшимся в живых старым и расслабленным отцом умершего товарища (который содержал и кормил своего отца своими трудами чуть не с тринадцатилетнего возраста), поместил наконец этого старика в больницу, и когда тот тоже умер, похоронил его. Все эти сведения имели некоторое благоприятное влияние на решение судьбы Раскольникова.</p>
<p>Raskolnikov's landlady bore witness, too, that when they had lived in another house at Five Corners, Raskolnikov had rescued two little children from a house on fire and was burnt in doing so. This was investigated and fairly well confirmed by many witnesses.</p>	<p>Сама бывшая хозяйка его, мать умершей невесты Раскольникова, вдова Зарницына, засвидетельствовала тоже, что, когда они еще жили в другом доме, у Пяти углов, Раскольников во время пожара, ночью, вытащил из одной квартиры, уже загоревшейся, двух маленьких детей, и был при этом обожжен.</p>
<p>These facts made an impression in his favour.</p>	<p>Этот факт был тщательно расследован и довольно хорошо засвидетельствован многими свидетелями.</p>
<p>And in the end the criminal was, in consideration of extenuating circumstances, condemned to penal servitude in the second class for a term of eight years only.</p>	<p>Одним словом, кончилось тем, что преступник присужден был к каторжной работе второго разряда, на срок всего только восьми лет, во уважение явки с повинною и некоторых облегчающих вину обстоятельств.</p>
<p>At the very beginning of the trial Raskolnikov's mother fell ill.</p>	<p>Еще в начале процесса мать Раскольникова сделалась больна.</p>
<p>Dounia and Razumihin found it possible to get her out of Petersburg during the trial.</p>	<p>Дуня и Разумихин нашли возможным увезти ее из Петербурга на все время суда.</p>
<p>Razumihin chose a town on the railway not far from Petersburg, so as to be able to follow every step of the trial and at the same time to see Avdotya Romanovna as often as possible.</p>	<p>Разумихин выбрал город на железной дороге и в близком расстоянии от Петербурга, чтоб иметь возможность регулярно следить за всеми обстоятельствами процесса и в то же время как можно чаще видаться с Авдотьей Романовной.</p>
<p>Pulcheria Alexandrovna's illness was a strange nervous one and was accompanied by a partial</p>	<p>Болезнь Пульхерии Александровны была какая-то странная, нервная и сопровождалась чем-то вроде помешательства, если не совершенно, то, по крайней</p>

derangement of her intellect.	мере, отчасти.
When Dounia returned from her last interview with her brother, she had found her mother already ill, in feverish delirium.	Дуня, воротившись с последнего свидания с братом, застала мать уже совсем больною, в жару и в бреду.

That evening Razumihin and she agreed what answers they must make to her mother's questions about Raskolnikov and made up a complete story for her mother's benefit of his having to go away to a distant part of Russia on a business commission, which would bring him in the end money and reputation.	В тот же вечер сговорилась она с Разумихиным, что именно отвечать матери на ее расспросы о брате, и даже выдумала вместе с ним, для матери, целую историю об отъезде Раскольникова куда-то далеко, на границу России, по одному частному поручению, которое доставит ему наконец и деньги, и известность.
But they were struck by the fact that Pulcheria Alexandrovna never asked them anything on the subject, neither then nor thereafter.	Но их поразило, что ни об чем об этом сама Пульхерия Александровна ни тогда, ни потом не расспрашивала.
On the contrary, she had her own version of her son's sudden departure; she told them with tears how he had come to say good-bye to her, hinting that she alone knew many mysterious and important facts, and that Rodya had many very powerful enemies, so that it was necessary for him to be in hiding.	Напротив, у ней у самой оказалась целая история о внезапном отъезде сына; она со слезами рассказывала, как он приходил к ней прощаться; давала при этом знать намекам, что только ей одной известны многие весьма важные и таинственные обстоятельства и что у Роди много весьма сильных врагов, так что ему надо даже скрываться.
As for his future career, she had no doubt that it would be brilliant when certain sinister influences could be removed. She assured Razumihin that her son would be one day a great statesman, that his article and brilliant literary talent proved it.	Что же касается до будущей карьеры его, то она тоже казалась ей несомненною и блестящею, когда пройдут некоторые враждебные обстоятельства; уверяла Разумихина, что сын ее будет со временем даже человеком государственным, что доказывает его статья и его блестящий литературный талант.
This article she was continually reading, she even read it aloud, almost took it to bed with her, but scarcely asked where Rodya was, though the subject was obviously avoided by the others, which might have been enough to awaken her suspicions.	Статью эту она читала беспрерывно, читала иногда даже вслух, чуть не спала вместе с нею, а все-таки, где именно находится теперь Родя, почти не расспрашивала, несмотря даже на то, что с нею видимо избегали об этом разговаривать, - что уже одно могло возбудить ее мнительность.
They began to be frightened at last at Pulcheria Alexandrovna's strange silence	Стали, наконец, бояться этого странного молчания Пульхерии Александровны насчет

on certain subjects.	некоторых пунктов.
She did not, for instance, complain of getting no letters from him, though in previous years she had only lived on the hope of letters from her beloved Rodya.	Она, например, даже не жаловалась на то, что от него нет писем, тогда как прежде, живя в своем городке, только и жила одною надеждой и одним ожиданием получить поскорее письмо от возлюбленного Роди.
This was the cause of great uneasiness to Dounia; the idea occurred to her that her mother suspected that there was something terrible in her son's fate and was afraid to ask, for fear of hearing something still more awful.	Последнее обстоятельство было уж слишком необъяснимо и сильно беспокоило Дуню; ей приходила мысль, что мать, пожалуй, предчувствует что-нибудь ужасное в судьбе сына и боится расспрашивать, чтобы не узнать чего-нибудь еще ужаснее.
In any case, Dounia saw clearly that her mother was not in full possession of her faculties.	Во всяком случае, Дуня ясно видела, что Пульхерия Александровна не в здравом состоянии рассудка.

It happened once or twice, however, that Pulcheria Alexandrovna gave such a turn to the conversation that it was impossible to answer her without mentioning where Rodya was, and on receiving unsatisfactory and suspicious answers she became at once gloomy and silent, and this mood lasted for a long time.	Раза два, впрочем, случилось, что она сама так навела разговор, что невозможно было, отвечая ей, не упомянуть о том, где именно находится теперь Родя; когда же ответы поневоле должны были выйти неудовлетворительными и подозрительными, она стала вдруг чрезвычайно печальна, угрюма и молчалива, что продолжалось весьма долгое время.
Dounia saw at last that it was hard to deceive her and came to the conclusion that it was better to be absolutely silent on certain points; but it became more and more evident that the poor mother suspected something terrible.	Дуня увидела наконец, что трудно лгать и выдумывать, и пришла к окончательному заключению, что лучше уж совершенно молчать об известных пунктах; но все более и более становилось ясно до очевидности, что бедная мать подозревает что-то ужасное.
Dounia remembered her brother's telling her that her mother had overheard her talking in her sleep on the night after her interview with Svidrigailov and before the fatal day of the confession: had not she made out something from that?	Дуня припомнила, между прочим, слова брата, что мать вслушивалась в ее бред, в ночь накануне того последнего рокового дня, после сцены ее с Свидригайловым: не расслышала ли она чего-нибудь тогда?
Sometimes days and even weeks of gloomy silence and tears would be succeeded by a period of hysterical animation, and the invalid would begin to	Часто, иногда после нескольких дней и даже недель угрюмого, мрачного молчания и безмолвных слез, больная как-то истерически оживлялась и начинала вдруг

talk almost incessantly of her son, of her hopes of his future....	говорить вслух, почти не умолкая, о своем сыне, о своих надеждах, о будущем...
Her fancies were sometimes very strange.	Фантазии ее были иногда очень странны.
They humoured her, pretended to agree with her (she saw perhaps that they were pretending), but she still went on talking.	Ее тешили, ей поддакивали (она сама, может быть, видела ясно, что ей поддакивают и только тешат ее), но она все-таки говорила...
Five months after Raskolnikov's confession, he was sentenced.	Пять месяцев спустя после явки преступника с повинною последовал его приговор.
Razumihin and Sonia saw him in prison as often as it was possible.	Разумихин виделся с ним в тюрьме, когда только это было возможно. Соня тоже.
At last the moment of separation came. Dounia swore to her brother that the separation should not be for ever, Razumihin did the same.	Наконец последовала и разлука; Дуня поклялась брату, что эта разлука не навеки; Разумихин тоже.
Razumihin, in his youthful ardour, had firmly resolved to lay the foundations at least of a secure livelihood during the next three or four years, and saving up a certain sum, to emigrate to Siberia, a country rich in every natural resource and in need of workers, active men and capital. There they would settle in the town where Rodya was and all together would begin a new life.	В молодой и горячей голове Разумихина твердо укрепился проект положить в будущие три-четыре года, по возможности, хоть начало будущего состояния, скопить хоть немного денег и переехать в Сибирь, где почва богата во всех отношениях, а работников, людей и капиталов мало; там поселиться в том самом городе, где будет Родя, и... всем вместе начать новую жизнь.
They all wept at parting.	Прощаясь, все плакали.
Raskolnikov had been very dreamy for a few days before. He asked a great deal about his mother and was constantly anxious about her.	Раскольников самые последние дни был очень задумчив, много расспрашивал о матери, постоянно о ней беспокоился.

He worried so much about her that it alarmed Dounia.	Даже уж очень о ней мучился, что тревожило Ду ^{ню} .
When he heard about his mother's illness he became very gloomy.	Узнав в подробности о болезненном настроении матери, он стал очень мрачен.
With Sonia he was particularly reserved all the time.	С Соней он был почему-то особенно неговорлив во все время.
With the help of the money left to her by Svidrigailov, Sonia had long ago made her preparations to follow the party of convicts	Соня, с помощью денег, оставленных ей Свидригайловым, давно уже собралась и изготовилась последовать за партией

in which he was despatched to Siberia.	арестантов, в которой будет отправлен и он.
Not a word passed between Raskolnikov and her on the subject, but both knew it would be so.	Об этом никогда ни слова не было упомянуто между ею и Раскольниковым; но оба знали, что это так будет.
At the final leave-taking he smiled strangely at his sister's and Razumihin's fervent anticipations of their happy future together when he should come out of prison. He predicted that their mother's illness would soon have a fatal ending.	В самое последнее прощанье он странно улыбался на пламенные удостоверения сестры и Разумихина о счастливой их будущности, когда он выйдет из каторги, и предрек, что болезненное состояние матери кончится вскоре бедой.
Sonia and he at last set off.	Он и Соня наконец отправились.
Two months later Dounia was married to Razumihin.	Два месяца спустя Дунечка вышла замуж за Разумихина.
It was a quiet and sorrowful wedding; Porfiry Petrovitch and Zossimov were invited however.	Свадьба была грустная и тихая. Из приглашенных был, впрочем, Порфирий Петрович и Зосимов.
During all this period Razumihin wore an air of resolute determination.	Во все последнее время Разумихин имел вид твердо решившегося человека.
Dounia put implicit faith in his carrying out his plans and indeed she could not but believe in him. He displayed a rare strength of will.	Дуня верила слепо, что он выполнит все свои намерения, да и не могла не верить: в этом человеке виднелась железная воля.
Among other things he began attending university lectures again in order to take his degree.	Между прочим, он стал опять слушать университетские лекции, чтобы кончить курс.
They were continually making plans for the future; both counted on settling in Siberia within five years at least.	У них обоих составлялись поминутные планы будущего; оба твердо рассчитывали чрез пять лет наверное переселиться в Сибирь.
Till then they rested their hopes on Sonia.	До той же поры надеялись там на Соню...
Pulcheria Alexandrovna was delighted to give her blessing to Dounia's marriage with Razumihin; but after the marriage she became even more melancholy and anxious.	Пульхерия Александровна с радостью благословила дочь на брак с Разумихиным; но после этого брака стала как будто еще грустнее и озабоченнее.
To give her pleasure Razumihin told her how Raskolnikov had looked after the poor student and his decrepit father and how a year ago he had been burnt and injured in	Чтобы доставить ей приятную минуту, Разумихин сообщил ей, между прочим, факт о студенте и дряхлом его отце и о том, что Родя был обожжен и даже хворал,

rescuing two little children from a fire.	спасши от смерти, прошлого года, двух малюток.
These two pieces of news excited Pulcheria Alexandrovna's disordered imagination almost to ecstasy.	Оба известия довели и без того расстроенную рассудком Пульхерию Александровну почти до восторженного состояния.
She was continually talking about them, even entering into conversation with strangers in the street, though Dounia always accompanied her.	Она беспрерывно говорила об этом, вступала в разговор и на улице (хотя Дуня постоянно сопровождала ее).
In public conveyances and shops, wherever she could capture a listener, she would begin the discourse about her son, his article, how he had helped the student, how he had been burnt at the fire, and so on!	В публичных каретах, в лавках, поймав хоть какого-нибудь слушателя, наводила разговор на своего сына, на его статью, как он помогал студенту, был обожжен на пожаре и прочее.
Dounia did not know how to restrain her.	Дунечка даже не знала, как удержать ее.
Apart from the danger of her morbid excitement, there was the risk of someone's recalling Raskolnikov's name and speaking of the recent trial.	Уж кроме опасности такого восторженного, болезненного настроения, одно уже то грозило бедой, что кто-нибудь мог припомнить фамилию Раскольникова по бывшему судебному делу и заговорить об этом.
Pulcheria Alexandrovna found out the address of the mother of the two children her son had saved and insisted on going to see her.	Пульхерия Александровна узнала даже адрес матери двух спасенных от пожара малюток и хотела непременно отправиться к ней.
At last her restlessness reached an extreme point.	Наконец беспокойство ее возросло до крайних пределов.
She would sometimes begin to cry suddenly and was often ill and feverishly delirious.	Она иногда вдруг начинала плакать, часто заболела и в жару бредила.
One morning she declared that by her reckoning Rodya ought soon to be home, that she remembered when he said good-bye to her he said that they must expect him back in nine months.	Однажды, поутру, она объявила прямо, что по ее расчетам скоро должен прибыть Родя, что она помнит, как он, прощаясь с нею, сам упоминал, что именно через девять месяцев надо ожидать его.
She began to prepare for his coming, began to do up her room for him, to clean the furniture, to wash and put up new hangings and so on.	Стала все прибирать в квартире и готовиться к встрече, стала отделявать назначавшуюся ему комнату (свою собственную), очищать мебель, мыть и надевать новые занавески и прочее.

Dounia was anxious, but said nothing and helped her to arrange the room.	Дуня встревожилась, но молчала и даже помогала ей устраивать комнату в приеме брата.
After a fatiguing day spent in continual fancies, in joyful day-dreams and tears, Pulcheria Alexandrovna was taken ill in the night and by morning she was feverish and delirious.	После тревожного дня, проведенного в непрерывных фантазиях, в радостных грезах и слезах, в ночь она заболела и наутро была уже в жару и в бреду.
It was brain fever.	Открылась горячка.
She died within a fortnight.	Через две недели она умерла.
In her delirium she dropped words which showed that she knew a great deal more about her son's terrible fate than they had supposed.	В бреду вырывались у ней слова, по которым можно было заключить, что она гораздо более подозревала в ужасной судьбе сына, чем даже предполагали.

For a long time Raskolnikov did not know of his mother's death, though a regular correspondence had been maintained from the time he reached Siberia.	Раскольников долго не знал о смерти матери, хотя корреспонденция с Петербургом установилась еще с самого начала водворения его в Сибири.
It was carried on by means of Sonia, who wrote every month to the Razumihins and received an answer with unfailing regularity.	Устроилась она через Соню, которая аккуратно каждый месяц писала в Петербург на имя Разумихина и аккуратно каждый месяц получала из Петербурга ответ.
At first they found Sonia's letters dry and unsatisfactory, but later on they came to the conclusion that the letters could not be better, for from these letters they received a complete picture of their unfortunate brother's life.	Письма Сони казались сперва Дуне и Разумихину как-то сухими и неудовлетворительными; но под конец оба они нашли, что писать лучше невозможно, потому что и из этих писем в результате получалось все-таки самое полное и точное представление о судьбе их несчастного брата.
Sonia's letters were full of the most matter-of-fact detail, the simplest and clearest description of all Raskolnikov's surroundings as a convict.	Письма Сони были наполняемы самою обыденною действительностью, самым простым и ясным описанием всей обстановки каторжной жизни Раскольникова.
There was no word of her own hopes, no conjecture as to the future, no description of her feelings.	Тут не было ни изложения собственных надежд ее, ни загадок о будущем, ни описаний собственных чувств.
Instead of any attempt to interpret his state of mind and inner life, she gave the simple facts--that is, his own	Вместо попыток разъяснения его душевного настроения и вообще всей внутренней его жизни стояли одни факты, то есть собственные слова

words, an exact account of his health, what he asked for at their interviews, what commission he gave her and so on.	его, подробные известия о состоянии его здоровья, чего он пожелал тогда-то при свидании, о чем попросил ее, что поручил ей, и прочее.
All these facts she gave with extraordinary minuteness.	Все эти известия сообщались с чрезвычайною подробностью.
The picture of their unhappy brother stood out at last with great clearness and precision. There could be no mistake, because nothing was given but facts.	Образ несчастного брата под конец выступил сам собою, нарисовался точно и ясно; тут не могло быть и ошибок, потому что все были верные факты.
But Dounia and her husband could get little comfort out of the news, especially at first.	Но мало отрадного могли вывести Дуня и муж ее по этим известиям, особенно вначале.
Sonia wrote that he was constantly sullen and not ready to talk, that he scarcely seemed interested in the news she gave him from their letters, that he sometimes asked after his mother and that when, seeing that he had guessed the truth, she told him at last of her death, she was surprised to find that he did not seem greatly affected by it, not externally at any rate.	Соня беспрерывно сообщала, что он постоянно угрюм, несловоохотлив и даже почти нисколько не интересуется известиями, которые она ему сообщает каждый раз из получаемых ею писем; что он спрашивает иногда о матери; и когда она, видя, что он уже предугадывает истину, сообщила ему наконец об ее смерти, то, к удивлению ее, даже и известие о смерти матери на него как бы не очень сильно подействовало, по крайней мере так показалось ей с наружного вида.

<p>She told them that, although he seemed so wrapped up in himself and, as it were, shut himself off from everyone--he took a very direct and simple view of his new life; that he understood his position, expected nothing better for the time, had no ill-founded hopes (as is so common in his position) and scarcely seemed surprised at anything in his surroundings, so unlike anything he had known before.</p>	<p>Она сообщала, между прочим, что, несмотря на то, что он, по-видимому, так углублен в самого себя и ото всех как бы заперся, - к новой жизни своей он отнесся очень прямо и просто; что он ясно понимает свое положение, не ожидает вблизи ничего лучшего, не имеет никаких легкомысленных надежд (что так свойственно в его положении) и ничему почти не удивляется среди новой окружающей его обстановки, так мало похожей на что-нибудь прежнее.</p>
<p>She wrote that his health was satisfactory; he did his work without shirking or seeking to do more; he was almost indifferent about food, but except on Sundays and holidays the food was so bad that at last he had been glad to accept some money from her, Sonia, to have his own tea every day. He begged her not to trouble about anything else, declaring that all this fuss about him only annoyed him.</p>	<p>Сообщила она, что здоровье его удовлетворительно. Он ходит на работы, от которых не уклоняется и на которые не напрашивается. К пище почти равнодушен, но что эта пища, кроме воскресных и праздничных дней, так дурна, что наконец он с охотой принял от нее, Сони, несколько денег, чтобы завести у себя ежедневный чай; насчет всего же остального просил ее не беспокоиться, уверяя, что все эти заботы о нем только досаждают ему.</p>
<p>Sonia wrote further that in prison he shared the same room with the rest, that she had not seen the inside of their barracks, but concluded that they were crowded, miserable and unhealthy; that he slept on a plank bed with a rug under him and was unwilling to make any other arrangement.</p>	<p>Далее Соня сообщала, что помещение его в остроге общее со всеми; внутренности их казарм она не видала, но заключает, что там тесно, безобразно и нездорово; что он спит на нарах, подстилая под себя войлок, и другого ничего не хочет себе устроить.</p>
<p>But that he lived so poorly and roughly, not from any plan or design, but simply from inattention and indifference.</p>	<p>Но что живет он так грубо и бедно вовсе не по какому-нибудь предвзятому плану или намерению, а так просто от невнимания и наружного равнодушия к своей судьбе.</p>
<p>Sonia wrote simply that he had at first shown no interest in her visits, had almost been vexed with her indeed for coming, unwilling to talk and rude to her. But that in the end these visits had become a habit and almost a necessity for him, so that he was positively distressed when she was ill for some days and could not visit him.</p>	<p>Соня прямо писала, что он, особенно вначале, не только не интересовался ее посещениями, но даже почти досадовал на нее, был несловоохотлив и даже груб с нею, но что под конец эти свидания обратились у него в привычку и даже чуть не в потребность, так что он очень даже тосковал, когда она несколько дней была больна и не могла посещать его.</p>

She used to see him on holidays at the prison gates or in the guard-room, to which he was brought for a few minutes to see her. On working days she would go to see him at work either at the workshops or at the brick kilns, or at the sheds on the banks of the Irtysh.	Видится же она с ним по праздникам у острожных ворот или в кордегардии, куда его вызывают к ней на несколько минут; по будням же на работах, куда она заходит к нему, или в мастерских, или на кирпичных заводах, или в сараях на берегу Иртыша.
About herself, Sonia wrote that she had succeeded in making some acquaintances in the town, that she did sewing, and, as there was scarcely a dressmaker in the town, she was looked upon as an indispensable person in many houses. But she did not mention that the authorities were, through her, interested in Raskolnikov; that his task was lightened and so on.	Про себя Соня уведомляла, что ей удалось приобрести в городе даже некоторые знакомства и покровительства; что она занимается шитьем, и так как в городе почти нет модистки, то стала во многих домах даже необходимою; не упоминала только, что чрез нее и Раскольников получил покровительство начальства, что ему облегчаемы были работы, и прочее.
At last the news came (Dounia had indeed noticed signs of alarm and uneasiness in the preceding letters) that he held aloof from everyone, that his fellow prisoners did not like him, that he kept silent for days at a time and was becoming very pale.	Наконец пришло известие (Дуня даже заметила некоторое особенное волнение и тревогу в ее последних письмах), что он всех чуждается, что в остроге каторжные его не полюбили; что он молчит по целым дням и становится очень бледен.
In the last letter Sonia wrote that he had been taken very seriously ill and was in the convict ward of the hospital.	Вдруг, в последнем письме, Соня написала, что он заболел весьма серьезно и лежит в госпитале, в арестантской палате...
II	II
He was ill a long time. But it was not the horrors of prison life, not the hard labour, the bad food, the shaven head, or the patched clothes that crushed him.	Он был болен уже давно; но не ужасы каторжной жизни, не работы, не пища, не бритая голова, не лоскутное платье сломили его: о! что ему было до всех этих мук и истязаний!
What did he care for all those trials and hardships! he was even glad of the hard work. Physically exhausted, he could at least reckon on a few hours of quiet sleep.	Напротив, он даже рад был работе: измучившись на работе физически, он по крайней мере добывал себе несколько часов спокойного сна.
And what was the food to him--the thin cabbage soup with beetles floating in it?	И что значила для него пища - эти пустые щи с тараканами?
In the past as a student he had often not had even that.	Студентом, во время прежней жизни, он часто и того не имел.
His clothes were warm and suited to his	Платье его было тепло и приспособлено к

manner of life.	его образу жизни.
He did not even feel the fetters.	Кандалов он даже на себе не чувствовал.
Was he ashamed of his shaven head and parti-coloured coat?	Стыдиться ли ему было своей бритой головы и половинчатой куртки?
Before whom?	Но пред кем?
Before Sonia?	Пред Соней?
Sonia was afraid of him, how could he be ashamed before her?	Соня боялась его, и пред нею ли было ему стыдиться? А что же?
And yet he was ashamed even before Sonia, whom he tortured because of it with his contemptuous rough manner.	Он стыдился даже и пред Соней, которую мучил за это своим презрительным и грубым обращением.
But it was not his shaven head and his fetters he was ashamed of: his pride had been stung to the quick. It was wounded pride that made him ill.	Но не бритой головы и кандалов он стыдился: его гордость сильно была уязвлена; он и заболел от уязвленной гордости.

Oh, how happy he would have been if he could have blamed himself!	О, как бы счастлив он был, если бы мог сам обвинить себя!
He could have borne anything then, even shame and disgrace.	Он бы снес тогда все, даже стыд и позор.
But he judged himself severely, and his exasperated conscience found no particularly terrible fault in his past, except a simple _blunder_ which might happen to anyone.	Но он строго судил себя, и ожесточенная совесть его не нашла никакой особенно ужасной вины в его прошлом, кроме разве простого промаху, который со всяким мог случиться.
He was ashamed just because he, Raskolnikov, had so hopelessly, stupidly come to grief through some decree of blind fate, and must humble himself and submit to "the idiocy" of a sentence, if he were anyhow to be at peace.	Он стыдился именно того, что он, Раскольников, погиб так слепо, безнадежно, глухо и глупо, по какому-то приговору слепой судьбы, и должен смириться и покориться пред "бессмыслицей" какого-то приговора, если хочет сколько-нибудь успокоить себя.
Vague and objectless anxiety in the present, and in the future a continual sacrifice leading to nothing--that was all that lay before him.	Тревога беспредметная и бесцельная в настоящем, а в будущем одна непрерывная жертва, которою ничего не приобреталось, - вот что предстояло ему на свете.
And what comfort was it to him that at the end of eight years he would only be thirty-two and able to begin a new life!	И что в том, что чрез восемь лет ему будет только тридцать два года и можно снова начать еще жить!
What had he to live for?	Зачем ему жить?

What had he to look forward to?	Что иметь в виду?
Why should he strive?	К чему стремиться?
To live in order to exist?	Жить, чтобы существовать?
Why, he had been ready a thousand times before to give up existence for the sake of an idea, for a hope, even for a fancy.	Но он тысячу раз и прежде готов был отдать свое существование за идею, за надежду, даже за фантазию.
Mere existence had always been too little for him; he had always wanted more.	Одного существования всегда было мало ему; он всегда хотел большего.
Perhaps it was just because of the strength of his desires that he had thought himself a man to whom more was permissible than to others.	Может быть, по одной только силе своих желаний он и счел себя тогда человеком, которому более разрешено, чем другому.
And if only fate would have sent him repentance--burning repentance that would have torn his heart and robbed him of sleep, that repentance, the awful agony of which brings visions of hanging or drowning!	И хотя бы судьба послала ему раскаяние - жгучее раскаяние, разбивающее сердце, отгоняющее сон, такое раскаяние, от ужасных мук которого мерещится петля и омут! О, он бы обрадовался ему! Муки и слезы - ведь это тоже жизнь. Но он не раскаивался в своем преступлении.
Oh, he would have been glad of it! Tears and agonies would at least have been life. But he did not repent of his crime. At least he might have found relief in raging at his stupidity, as he had raged at the grotesque blunders that had brought him to prison.	По крайней мере, он мог бы злиться на свою глупость, как и злился он прежде на безобразные и глупейшие действия свои, которые довели его до острога.

But now in prison, _in freedom_, he thought over and criticised all his actions again and by no means found them so blundering and so grotesque as they had seemed at the fatal time.	Но теперь, уже в остроге, на свободе, он вновь обсудил и обдумал все прежние свои поступки и совсем не нашел их так глупыми и безобразными, как казались они ему в то роковое время, прежде.
"In what way," he asked himself, "was my theory stupider than others that have swarmed and clashed from the beginning of the world?"	"Чем, чем, - думал он, - моя мысль была глупее других мыслей и теорий, роящихся и сталкивающихся одна с другой на свете, с тех пор как этот свет стоит?"
One has only to look at the thing quite independently, broadly, and uninfluenced by commonplace ideas, and my idea will	Стоит только посмотреть на дело совершенно независимым, широким и избавленным от обыденных влияний взглядом, и тогда, конечно, моя мысль

by no means seem so... strange.	окажется вовсе не так... странною.
Oh, sceptics and halfpenny philosophers, why do you halt half-way!"	О отрицатели и мудрецы в пятак серебра, зачем вы останавливаетесь на полдороге!
"Why does my action strike them as so horrible?" he said to himself.	Ну чем мой поступок кажется им так безобразен? - говорил он себе.
"Is it because it was a crime?"	- Тем, что он - злодеяние?
What is meant by crime?	Что значит слово "злодеяние"?
My conscience is at rest.	Совесть моя спокойна.
Of course, it was a legal crime, of course, the letter of the law was broken and blood was shed. Well, punish me for the letter of the law... and that's enough.	Конечно, сделано уголовное преступление; конечно, нарушена буква закона и пролита кровь, ну и возьмите за букву закона мою голову... и довольно!
Of course, in that case many of the benefactors of mankind who snatched power for themselves instead of inheriting it ought to have been punished at their first steps.	Конечно, в таком случае даже многие благодетели человечества, не наследовавшие власти, а сами ее захватившие, должны бы были быть казнены при самых первых своих шагах.
But those men succeeded and so _they were right_, and I didn't, and so I had no right to have taken that step."	Но те люди вынесли свои шаги, и потому они правы, а я не вынес и, стало быть, я не имел права разрешить себе этот шаг".
It was only in that that he recognised his criminality, only in the fact that he had been unsuccessful and had confessed it.	Вот в чем одном признавал он свое преступление: только в том, что не вынес его и сделал явку с повинною.
He suffered too from the question: why had he not killed himself?	Он страдал тоже от мысли: зачем он тогда себя не убил?
Why had he stood looking at the river and preferred to confess?	Зачем он стоял тогда над рекой и предпочел явку с повинною?
Was the desire to live so strong and was it so hard to overcome it?	Неужели такая сила в этом желании жить и так трудно одолеть его?
Had not Svidrigailov overcome it, although he was afraid of death?	Одолел же Свидригайлов, боявшийся смерти?

In misery he asked himself this question, and could not understand that, at the very time he had been standing looking into the river, he had perhaps been dimly conscious of the fundamental falsity in himself and his convictions. He didn't understand that that consciousness might be the promise of a	Он с мучением задавал себе этот вопрос и не мог понять, что уж и тогда когда стоял над рекой, может быть, предчувствовал в себе и в убеждениях своих глубокую ложь. Он не понимал, что это предчувствие могло быть предвестником будущего перелома в
--	--

future crisis, of a new view of life and of his future resurrection.	жизни его, будущего воскресения его, будущего нового взгляда на жизнь.
He preferred to attribute it to the dead weight of instinct which he could not step over, again through weakness and meanness.	Он скорее допускал тут одну только тупую тягость инстинкта, которую не ему было порвать и через которую он опять-таки был не в силах перешагнуть (за слабостью и ничтожностью).
He looked at his fellow prisoners and was amazed to see how they all loved life and prized it.	Он смотрел на каторжных товарищей своих и удивлялся: как тоже все они любили жизнь, как они дорожили ею!
It seemed to him that they loved and valued life more in prison than in freedom.	Именно ему показалось, что в остроге ее еще более любят и ценят, и более дорожат ею, чем на свободе.
What terrible agonies and privations some of them, the tramps for instance, had endured!	Каких страшных мук и истязаний не перенесли иные из них, например бродяги!
Could they care so much for a ray of sunshine, for the primeval forest, the cold spring hidden away in some unseen spot, which the tramp had marked three years before, and longed to see again, as he might to see his sweetheart, dreaming of the green grass round it and the bird singing in the bush?	Неужели уж столько может для них значить один какой-нибудь луч солнца, дремучий лес, где-нибудь в неведомой глуши холодный ключ, отмеченный еще с третьего года и о свидании с которым бродяга мечтает, как о свидании с любовницей, видит его во сне, зеленую травку кругом его, поющую птичку в кусте?
As he went on he saw still more inexplicable examples.	Всматриваясь дальше, он видел примеры, еще более необъяснимые.
In prison, of course, there was a great deal he did not see and did not want to see; he lived as it were with downcast eyes.	В остроге, в окружающей его среде, он, конечно, многого не замечал, да и не хотел совсем замечать.
It was loathsome and unbearable for him to look.	Он жил, как-то опустив глаза: ему омерзительно и невыносимо было смотреть.
But in the end there was much that surprised him and he began, as it were involuntarily, to notice much that he had not suspected before.	Но под конец многое стало удивлять его, и он, как-то поневоле, стал замечать то, чего прежде и не подозревал.
What surprised him most of all was the terrible impossible gulf that lay between him and all the rest.	Вообще же и наиболее стала удивлять его та страшная, та непроходимая пропасть, которая лежала между ним и всем этим людом.
They seemed to be a different species, and	Казалось, он и они были разных наций. Он

he looked at them and they at him with distrust and hostility.	и они смотрели друг на друга недоверчиво и неприязненно.
He felt and knew the reasons of his isolation, but he would never have admitted till then that those reasons were so deep and strong.	Он знал и понимал общие причины такого разъединения; но никогда не допускал он прежде, чтоб эти причины были на самом деле так глубоки и сильны.

There were some Polish exiles, political prisoners, among them.	В остроге были тоже ссыльные поляки, политические преступники.
They simply looked down upon all the rest as ignorant churls; but Raskolnikov could not look upon them like that. He saw that these ignorant men were in many respects far wiser than the Poles.	Те просто считали весь этот люд за невежд и холопов и презирали их свысока; но Раскольников не мог так смотреть: он ясно видел, что эти невежды во многом гораздо умнее этих самых поляков.
There were some Russians who were just as contemptuous, a former officer and two seminarists. Raskolnikov saw their mistake as clearly.	Были тут и русские, тоже слишком презиравшие этот народ, - один бывший офицер и два семинариста; Раскольников ясно замечал и их ошибку.
He was disliked and avoided by everyone; they even began to hate him at last--why, he could not tell.	Его же самого не любили и избегали все. Его даже стали под конец ненавидеть - почему? Он не знал того.
Men who had been far more guilty despised and laughed at his crime.	Презирали его, смеялись над ним, смеялись над его преступлением те, которые были гораздо его преступнее.
"You're a gentleman," they used to say.	- Ты барин! - говорили ему.
"You shouldn't hack about with an axe; that's not a gentleman's work."	- Тебе ли было с топором ходить; не барское вовсе дело.
The second week in Lent, his turn came to take the sacrament with his gang.	На второй неделе великого поста пришла ему очередь говеть вместе с своей казармой.
He went to church and prayed with the others.	Он ходил в церковь молиться вместе с другими.
A quarrel broke out one day, he did not know how. All fell on him at once in a fury.	Из-за чего, он и сам не знал того, - произошла однажды ссора; все разом напали на него с остервенением.
"You're an infidel!	- Ты безбожник!
You don't believe in God," they shouted.	Ты в бога не веруешь! - кричали ему.
"You ought to be killed."	- Убить тебя надо.

He had never talked to them about God nor his belief, but they wanted to kill him as an infidel. He said nothing.	Он никогда не говорил с ними о боге и о вере, но они хотели убить его, как безбожника; он молчал и не возражал им.
One of the prisoners rushed at him in a perfect frenzy. Raskolnikov awaited him calmly and silently; his eyebrows did not quiver, his face did not flinch.	Один каторжный бросился было на него в решительном исступлении; Раскольников ожидал его спокойно и молча: бровь его не шевельнулась, ни одна черта его лица не дрогнула.
The guard succeeded in intervening between him and his assailant, or there would have been bloodshed.	Конвойный успел вовремя стать между ним и убийцей - не то пролилась бы кровь.
There was another question he could not decide: why were they all so fond of Sonia?	Неразрешим был для него еще один вопрос: почему все они так полюбили Соню?
She did not try to win their favour; she rarely met them, sometimes only she came to see him at work for a moment.	Она у них не заискивала; встречали они ее редко, иногда только на работах, когда она приходила на одну минутку, чтобы повидать его.

And yet everybody knew her, they knew that she had come out to follow _him_, knew how and where she lived.	А между тем все уже знали ее, знали и то, что она за ним последовала, знали, как она живет, где живет.
She never gave them money, did them no particular services.	Денег она им не давала, особенных услуг не оказывала.
Only once at Christmas she sent them all presents of pies and rolls.	Раз только, на рождестве, принесла она на весь острог подаяние: пирогов и калачей.
But by degrees closer relations sprang up between them and Sonia. She would write and post letters for them to their relations.	Но мало-помалу между ними и Соней завязались некоторые более близкие отношения: она писала им письма к их родным и отправляла их на почту.
Relations of the prisoners who visited the town, at their instructions, left with Sonia presents and money for them.	Их родственники и родственницы, приезжавшие в город, оставляли, по указанию их, в руках Сони вещи для них и даже деньги.
Their wives and sweethearts knew her and used to visit her.	Жены их и любовницы знали ее и ходили к ней.
And when she visited Raskolnikov at work, or met a party of the prisoners on the road, they all took off their hats to her.	И когда она являлась на работах, приходя к Раскольникову, или встречалась с партией арестантов, идущих на работы, - все снимали шапки, все кланялись:
"Little mother Sofya Semyonovna, you are our dear, good little mother," coarse	"Матушка, Софья Семеновна, мать ты наша, нежная, болезная!" - говорили эти грубые,

branded criminals said to that frail little creature.	клейменные каторжные этому маленькому и худенькому созданию.
She would smile and bow to them and everyone was delighted when she smiled.	Она улыбалась и откланивалась, и все они любили, когда она им улыбалась.
They even admired her gait and turned round to watch her walking; they admired her too for being so little, and, in fact, did not know what to admire her most for.	Они любили даже ее походку, оборачивались посмотреть ей вслед, как она идет, и хвалили ее; хвалили ее даже за то, что она такая маленькая, даже уж не знали, за что похвалить.
They even came to her for help in their illnesses.	К ней даже ходили лечиться.
He was in the hospital from the middle of Lent till after Easter.	Он пролежал в больнице весь конец поста и Святую.
When he was better, he remembered the dreams he had had while he was feverish and delirious.	Уже выздоравливая, он припомнил свои сны, когда еще лежал в жару и в бреду.
He dreamt that the whole world was condemned to a terrible new strange plague that had come to Europe from the depths of Asia.	Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу.
All were to be destroyed except a very few chosen.	Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных.
Some new sorts of microbes were attacking the bodies of men, but these microbes were endowed with intelligence and will.	Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей.
Men attacked by them became at once mad and furious.	Но эти существа были духи, одаренные умом и волей.

But never had men considered themselves so intellectual and so completely in possession of the truth as these sufferers, never had they considered their decisions, their scientific conclusions, their moral convictions so infallible.	Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований.
Whole villages, whole towns and peoples went mad from the infection.	Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали.
All were excited and did not understand	Все были в тревоге и не понимали друг

one another. Each thought that he alone had the truth and was wretched looking at the others, beat himself on the breast, wept, and wrung his hands.	друга, всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки.
They did not know how to judge and could not agree what to consider evil and what good; they did not know whom to blame, whom to justify.	Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать.
Men killed each other in a sort of senseless spite.	Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе.
They gathered together in armies against one another, but even on the march the armies would begin attacking each other, the ranks would be broken and the soldiers would fall on each other, stabbing and cutting, biting and devouring each other.	Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга.
The alarm bell was ringing all day long in the towns; men rushed together, but why they were summoned and who was summoning them no one knew.	В городах целый день били в набат: созывали всех, но кто и для чего зовет, никто не знал того, а все были в тревоге.
The most ordinary trades were abandoned, because everyone proposed his own ideas, his own improvements, and they could not agree. The land too was abandoned.	Оставили самые обыкновенные ремесла, потому что всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледелие.
Men met in groups, agreed on something, swore to keep together, but at once began on something quite different from what they had proposed. They accused one another, fought and killed each other.	Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, -но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались.
There were conflagrations and famine.	Начались пожары, начался голод.
All men and all things were involved in destruction.	Все и все погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше.
The plague spread and moved further and further. Only a few men could be saved in the whole world. They were a pure chosen people, destined to found a new race and a new life, to renew and purify the earth, but no one had seen these men, no one had heard their words	Спасть во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видал этих людей, никто не слышал их слова и голоса.

and their voices.	
Raskolnikov was worried that this senseless dream haunted his memory so miserably, the impression of this feverish delirium persisted so long.	Раскольников мучило то, что этот бессмысленный бред так грустно и так мучительно отзывается в его воспоминаниях, что так долго не проходит впечатление этих горячешных грез.
The second week after Easter had come. There were warm bright spring days; in the prison ward the grating windows under which the sentinel paced were opened.	Шла уже вторая неделя после Святой; стояли теплые, ясные, весенние дни; в арестантской палате отворили окна (решетчатые, под которыми ходил часовой).
Sonia had only been able to visit him twice during his illness; each time she had to obtain permission, and it was difficult.	Соня, во все время болезни его, могла только два раза его навестить в палате; каждый раз надо было испрашивать разрешения, а это было трудно.
But she often used to come to the hospital yard, especially in the evening, sometimes only to stand a minute and look up at the windows of the ward.	Но она часто приходила на госпитальный двор, под окна, особенно под вечер, а иногда так только, чтобы постоять на дворе минутку и хоть издали посмотреть на окна палаты.
One evening, when he was almost well again, Raskolnikov fell asleep. On waking up he chanced to go to the window, and at once saw Sonia in the distance at the hospital gate.	Однажды, под вечер, уже совсем почти выздоровевший Раскольников заснул; проснувшись, он нечаянно подошел к окну и вдруг увидел вдали, у госпитальных ворот, Соню.
She seemed to be waiting for someone.	Она стояла и как бы чего-то ждала.
Something stabbed him to the heart at that minute. He shuddered and moved away from the window.	Что-то как бы пронзило в ту минуту его сердце; он вздрогнул и поскорее отошел от окна.
Next day Sonia did not come, nor the day after; he noticed that he was expecting her uneasily.	В следующий день Соня не приходила, на третий день тоже; он заметил, что ждет ее с беспокойством.
At last he was discharged.	Наконец его выписали.
On reaching the prison he learnt from the convicts that Sofya Semyonovna was lying ill at home and was unable to go out.	Придя в острог, он узнал от арестантов, что Софья Семеновна заболела, лежит дома и никуда не выходит.
He was very uneasy and sent to inquire after her; he soon learnt that	Он был очень беспокоен, посылал о ней справляться. Скоро узнал он, что болезнь ее не

her illness was not dangerous.	опасна.
Hearing that he was anxious about her, Sonia sent him a pencilled note, telling him that she was much better, that she had a slight cold and that she would soon, very soon come and see him at his work.	Узнав в свою очередь, что он об ней так тоскует и заботится, Соня прислала ему записку, написанную карандашом, и уведомляла его, что ей гораздо легче, что у ней пустая, легкая простуда и что она скоро, очень скоро, придет повидаться с ним на работу.
His heart throbbed painfully as he read it.	Когда он читал эту записку, сердце его сильно и больно билось.
Again it was a warm bright day.	День опять был ясный и теплый.
Early in the morning, at six o'clock, he went off to work on the river bank, where they used to pound alabaster and where there was a kiln for baking it in a shed.	Ранним утром, часов в шесть, он отправился на работу, на берег реки, где в сарае устроена была обжигательная печь для алебаstra и где толкли его.

There were only three of them sent.	Отправилось туда всего три работника.
One of the convicts went with the guard to the fortress to fetch a tool; the other began getting the wood ready and laying it in the kiln.	Один из арестантов взял конвойного и пошел с ним в крепость за каким-то инструментом; другой стал изготовлять дрова и накладывать в печь.
Raskolnikov came out of the shed on to the river bank, sat down on a heap of logs by the shed and began gazing at the wide deserted river.	Раскольников вышел из сарая на самый берег, сел на складенные у сарая бревна и стал глядеть на широкую и пустынную реку.
From the high bank a broad landscape opened before him, the sound of singing floated faintly audible from the other bank.	С высокого берега открывалась широкая окрестность. С дальнего другого берега чуть слышно доносилась песня.
In the vast steppe, bathed in sunshine, he could just see, like black specks, the nomads' tents.	Там, в облитой солнцем необозримой степи, чуть приметными точками чернелись кочевые юрты.
There there was freedom, there other men were living, utterly unlike those here; there time itself seemed to stand still, as though the age of Abraham and his flocks had not passed.	Там была свобода и жили другие люди, совсем не похожие на здешних, там как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стад его.
Raskolnikov sat gazing, his thoughts passed into day-dreams, into contemplation; he thought of nothing, but a vague restlessness excited and troubled him.	Раскольников сидел, смотрел неподвижно, не отрываясь; мысль его переходила в грезы, в созерцание; он ни о чем не думал, но какая-то тоска волновала его и мучила.

Suddenly he found Sonia beside him; she had come up noiselessly and sat down at his side.	Вдруг подле него очутилась Соня. Она подошла едва слышно и села с ним рядом.
It was still quite early; the morning chill was still keen.	Было еще очень рано, утренний холодок еще не смягчился.
She wore her poor old burnous and the green shawl; her face still showed signs of illness, it was thinner and paler.	На ней был ее бедный, старый бурнус и зеленый платок. Лицо ее еще носило признаки болезни, похудело, побледнело, осунулось.
She gave him a joyful smile of welcome, but held out her hand with her usual timidity.	Она приветливо и радостно улыбнулась ему, но, по обыкновению, робко протянула ему свою руку.
She was always timid of holding out her hand to him and sometimes did not offer it at all, as though afraid he would repel it.	Она всегда протягивала ему свою руку робко, иногда даже не подавала совсем, как бы боялась, что он оттолкнет ее.
He always took her hand as though with repugnance, always seemed vexed to meet her and was sometimes obstinately silent throughout her visit.	Он всегда как бы с отвращением брал ее руку, всегда точно с досадой встречал ее, иногда упорно молчал во все время ее посещения.
Sometimes she trembled before him and went away deeply grieved.	Случалось, что она трепетала его и уходила в глубокой скорби.
But now their hands did not part. He stole a rapid glance at her and dropped his eyes on the ground without speaking.	Но теперь их руки не разнимались; он мельком и быстро взглянул на нее, ничего не выговорил и опустил свои глаза в землю.
They were alone, no one had seen them.	Они были одни, их никто не видел.
The guard had turned away for the time.	Конвойный на ту пору отворотился.
How it happened he did not know. But all at once something seemed to seize him and fling him at her feet.	Как это случилось, он и сам не знал, но вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к ее ногам.
He wept and threw his arms round her knees.	Он плакал и обнимал ее колени.
For the first instant she was terribly frightened and she turned pale.	В первое мгновение она ужасно испугалась, и все лицо ее помертвело.
She jumped up and looked at him trembling.	Она вскочила с места и, задрожав, смотрела на него.
But at the same moment she understood, and a light of infinite happiness came into her	Но тотчас же, в тот же миг она все поняла. В глазах ее засветилось

eyes. She knew and had no doubt that he loved her beyond everything and that at last the moment had come....	бесконечное счастье; она поняла, и для нее уже не было сомнения, что он любит, бесконечно любит ее и что настала же, наконец, эта минута...
They wanted to speak, but could not; tears stood in their eyes.	Они хотели было говорить, но не могли. Слезы стояли в их глазах.
They were both pale and thin; but those sick pale faces were bright with the dawn of a new future, of a full resurrection into a new life.	Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь.
They were renewed by love; the heart of each held infinite sources of life for the heart of the other.	Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого.
They resolved to wait and be patient.	Они положили ждать и терпеть.
They had another seven years to wait, and what terrible suffering and what infinite happiness before them!	Им оставалось еще семь лет; а до тех пор столько нестерпимой муки и столько бесконечного счастья!
But he had risen again and he knew it and felt it in all his being, while she--she only lived in his life.	Но он воскрес, и он знал это, чувствовал вполне всем обновившимся существом своим, а она -она ведь и жила только одною его жизнью!
On the evening of the same day, when the barracks were locked, Raskolnikov lay on his plank bed and thought of her.	Вечером того же дня, когда уже заперли казармы, Раскольников лежал на нарах и думал о ней.
He had even fancied that day that all the convicts who had been his enemies looked at him differently; he had even entered into talk with them and they answered him in a friendly way.	В этот день ему даже показалось, что как будто все каторжные, бывшие враги его, уже глядели на него иначе. Он даже сам заговаривал с ними, и ему отвечали ласково.
He remembered that now, and thought it was bound to be so. Wasn't everything now bound to be changed?	Он припомнил теперь это, но ведь так и должно было быть: разве не должно теперь все измениться?
He thought of her.	Он думал об ней.
He remembered how continually he had tormented her and wounded her heart. He remembered her pale and thin little face. But these recollections scarcely troubled him now; he knew with what infinite love he would now repay all her sufferings.	Он вспомнил, как он постоянно ее мучил и терзал ее сердце; вспомнил ее бедное, худенькое личико, но его почти и не мучили теперь эти воспоминания: он знал, какую бесконечную любовью искупит он теперь все ее страдания.
And what were all, _all_ the agonies of the	Да и что такое эти все, все муки

past!	прошлого!
Everything, even his crime, his sentence and imprisonment, seemed to him now in the first rush of feeling an external, strange fact with which he had no concern.	Все, даже преступление его, даже приговор и ссылка, казались ему теперь, в первом порыве, каким-то внешним, странным, как бы даже и не с ним случившимся фактом.

But he could not think for long together of anything that evening, and he could not have analysed anything consciously; he was simply feeling.	Он, впрочем, не мог в этот вечер долго и постоянно о чем-нибудь думать, сосредоточиться на чем-нибудь мыслью; да он ничего бы и не разрешил теперь сознательно; он только чувствовал.
Life had stepped into the place of theory and something quite different would work itself out in his mind.	Вместо диалектики наступила жизнь, и в сознании должно было выработаться что-то совершенно другое.
Under his pillow lay the New Testament.	Под подушкой его лежало Евангелие.
He took it up mechanically.	Он взял его машинально.
The book belonged to Sonia; it was the one from which she had read the raising of Lazarus to him.	Эта книга принадлежала ей, была та самая, из которой она читала ему о воскресении Лазаря.
At first he was afraid that she would worry him about religion, would talk about the gospel and pester him with books.	В начале каторги он думал, что она замучит его религией, будет заговаривать о Евангелии и навязывать ему книги.
But to his great surprise she had not once approached the subject and had not even offered him the Testament.	Но, к величайшему его удивлению, она ни разу не заговаривала об этом, ни разу даже не предложила ему Евангелия.
He had asked her for it himself not long before his illness and she brought him the book without a word.	Он сам попросил его у ней незадолго до своей болезни, и она молча принесла ему книгу.
Till now he had not opened it.	До сих пор он ее и не раскрывал.
He did not open it now, but one thought passed through his mind:	Он не раскрыл ее и теперь, но одна мысль промелькнула в нем:
"Can her convictions not be mine now?"	"Разве могут ее убеждения не быть теперь и моими убеждениями?"
Her feelings, her aspirations at least...."	Ее чувства, ее стремления, по крайней мере..."
She too had been greatly agitated that	Она тоже весь этот день была в волнении, а в

day, and at night she was taken ill again.	ночь даже опять захворала.
But she was so happy--and so unexpectedly happy--that she was almost frightened of her happiness.	Но она была до того счастлива, что почти испугалась своего счастья.
Seven years, _only_ seven years!	Семь лет, только семь лет!
At the beginning of their happiness at some moments they were both ready to look on those seven years as though they were seven days.	В начале своего счастья, в иные мгновения, они оба готовы были смотреть на эти семь лет, как на семь дней.
He did not know that the new life would not be given him for nothing, that he would have to pay dearly for it, that it would cost him great striving, great suffering.	Он даже и не знал того, что новая жизнь не даром же ему достается, что ее надо еще дорого купить, заплатить за нее великим, будущим подвигом...
But that is the beginning of a new story--the story of the gradual renewal of a man, the story of his gradual regeneration, of his passing from one world into another, of his initiation into a new unknown life.	Но тут уж начинается новая история, история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой, знакомства с новою, доселе совершенно неведомою действительностью.

That might be the subject of a new story, but our present story is ended.

Это могло бы составить тему нового рассказа, - но теперешний рассказ наш окончен.